

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

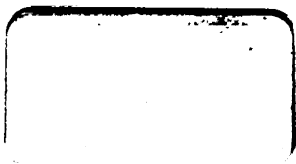
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

12913

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ

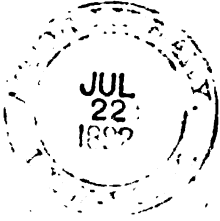
ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1882

10-

2750

ВНѢ КОЛЕИ *

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Утромъ небо ясно и прозрачно,
Ночью звѣзды свѣтятъ такъ свѣтло,
Отчего жь въ душѣ твоей такъ мрачно
И зачѣмъ на сердцѣ тяжело?

Гр. А. Толстой.

То сердце не научится любить
Которое устало ненавидѣть.

Некрасовъ.

I.

Съ прїѣздомъ Дмитрія въ Бѣлые Столбы ничто почти не измѣнилось въ ровномъ теченіи тамошней жизни. Анна Григорьевна сначала было заговорила о своемъ твердомъ намѣреніи передать сыну всю непосильную для нея обузу управленія; но очень скоро оказалось что на такое отреченіе отъ власти она не была способна. Долгая привычка къ хозяйничанью создала для нея потребность въ тѣхъ ежедневныхъ мелочныхъ тревогахъ съ которыми неразлучно веденіе

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 1 и 2.

дѣлъ по большому имѣнью. Старшій сынъ, конечно, былъ въ ея глазахъ авторитетомъ. Но, страннымъ образомъ, какъ разъ съ тѣхъ поръ какъ Дмитрій вкусилъ отъ плодовъ заграничной науки, этотъ авторитетъ сталъ встрѣчать у нея какое-то скрытое недоверіе. Она охотно слушала какъ онъ излагалъ предъ ней свои преобразовательныя затѣи, но именно какъ внимають мудренымъ затѣямъ, которыя осуществлять иногда опасно. Всего менѣе ей нравилось то что Дмитрій неоднократно заговаривалъ о необходимости сдѣлать крестьянамъ нѣкоторыя уступки.

— Послушай только мужиковъ, постоянно отвѣчала она, — они наговаряютъ тебѣ съ три короба; живутъ они себѣ какъ и прежде жили, а впрочемъ теперь не наше дѣло ихъ кормить. Пока они были мои, я имъ опускаться не давала. А теперь ихъ у меня отняли, они мнѣ только сосѣди, и живу я съ ними по-сосѣдски: не обижаю, да и себя въ обиду не даю.

На этой точкѣ Анна Григорьевна стояла твердо, и въ ея словахъ все еще слышались отголоски скрытаго раздраженія за то что дорогимъ ей патріархальнымъ отношеніямъ наступилъ ковецъ.

Дмитрій не возражалъ, хотъ и не могъ онъ не замѣтить что въ Бѣлыхъ Столбахъ кое-что измѣнилось къ худшему за тѣ два года въ которые онъ туда не заглядывалъ. Онъ ограничился скромною ролью помощника матери, стараясь сколько могъ лодыжить тѣ устарѣлые приемы которыми велось давнымъ-давно установленное хозяйство. Онъ слишкомъ беззаветно былъ преданъ матери, слишкомъ уважалъ въ ней долговѣтную, безупречную стойкость, чтобы противорѣчить прямо высказанной ею волѣ, хотя порой это невнимательство ему казалось тяжелымъ. Онъ привезъ съ собою изъ путешествія большой запасъ хорошихъ, свѣтлыхъ впечатлѣній и рѣшимость какъ можно глаже уживаться съ кѣмъ придется ему жить доаго.

Хорошее расположеніе духа вообще рѣдко покидало его и свой открытый легко воспріимчивый нравъ онъ вносилъ во все, въ свои отношенія къ людямъ, точно также какъ и въ самую серіозную работу. Изучая сельское хозяйство съ учеными Нѣмцами, онъ не привезъ съ собою, конечно, смѣлаго намѣренія превратить родную приволажскую степь въ какой-нибудь цвѣтущій уголокъ южной Германіи, до невозможности разработанный людскимъ муравейникомъ; но за то иную

слабость онъ съ собою привезъ: онъ до того пристрастился къ химіи что даже въ майскіе вечера, когда такъ хочется жить и такъ тянетъ на приволье, онъ забирался на цѣлые часы въ большую комнату наверху, преобразованную имъ въ лабораторію, и съ истинно-германскою настойчивостью цѣплялся за какой-нибудь неудавшійся опытъ. Особенно занимали его изсѣдованія Пастѳра. Не мало ему за это пришлось вынести насмѣшекъ отъ Нади.

— Вы изъ-за мертвой природы на живую разучитесь смотреть, говорила она ему разъ когда онъ сошелъ въ садъ почти уже за полночь.

— Не безлокоитесь, отвѣтилъ онъ весело, — жить я не разучусь ни для какой химіи и отшельникомъ не стану даже ради любого великаго открытія, котораго впрочемъ и не сдѣлаю никогда.

Она недружелюбно вскинула на него глазами.

— Я думаю, ради чего бы то ни было вы жертвы никакой не принесете, сказала она вполголоса будто вскользь.

Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ ужъ онъ не былъ похожъ на отшельника, а научныя занятія не придали ему той печати торжественности которую иные ученые люди не могутъ снимать съ себя даже въ самыя обыкновенныя минуты. Онъ не считалъ нужнымъ принимать на себя постылый видъ и священнодѣйствовать потому что возилась съ формулами и ретортами. Да и вся его фигура, рослая и крѣпкая, привыкла къ настоящей жизни, а не къ спертому воздуху рабочаго кабинета. Это отсутствіе въ немъ официального облика учености болѣе всего остальнаго вызывало иногда въ Надѣ что-то похожее на раздраженіе, точно она не могла простить ему что онъ не посылалъ свою голову лопломъ, какъ подобаешь истому подвижнику науки.

— Можеть-быть вы и правы, сказалъ онъ будто не замѣчая враждебнаго тона ея голоса: — я вовсе не считаю себя призваннымъ налагать на себя какую-нибудь элитимью и люблю химію совершенно такъ какъ мой братъ любитъ охоту, по вольности дворянства.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ что ваши ученныя занятія, — она подчеркнула слово „ученныя“, — для васъ служатъ только забавой. Счастливы тѣ люди для которыхъ все въ жизни забава, только я имъ не завидую.

Такія стычки происходили у нихъ ежедневно. Дмитрій

отвѣчалъ на ея выходки всегда совершенно спокойно, почти весело. Мать ему передала то что ей было извѣстно изъ прошлаго Нади, и эта скорбная повѣсть возбудила въ немъ къ молодой дѣвушкѣ не то участіе, не то состраданіе, очень похожее на то чувство которое возбуждаетъ въ насъ ребенокъ покинутый родителями или птичка выпавшая изъ гнѣзда. Онъ смотрѣлъ на нее именно какъ на ребенка, и смутное сознаніе того что онъ относится къ ней какъ къ существу безпомощному и было можетъ-быть причиною ея раздраженія. Въ сущности она и сама не сумѣла бы сказать почему въ ней поднималось какое-то враждебное чувство противъ Дмитрія, почему она искала случая уколоть его. Ей казалось что онъ живое воплощеніе того именно что ей слѣдовало ненавидѣть. Ее возмущала даже его открытій нравъ и голосъ его, почти всегда веселый, и глаза бодро смотрящіе на міръ. Она такъ привыкла слышать протестующія, язвительныя рѣчи что отсутствіе въ немъ тревоги и раздраженія казалось ей неестественнымъ, а натура Дмитрія была какъ разъ непринужденная и такъ-сказать прямолинейная въ высшей степени. Онъ не мучился ради поддѣльнаго чувства, не сочинялъ искусственныхъ восторговъ, а просто жилъ себѣ, что для Русскаго обыкновенно такъ трудно, отдаваясь своимъ впечатлѣніямъ безъ задней мысли и предвзятаго намѣренія. Загадочнаго въ немъ не было рѣшительно ничего, а для дѣвушки чуть ли не съ дѣтства привыкшей ломать голову надъ загадками это какъ разъ было совершенно необъяснимо.

Разъ утромъ, недѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда Дмитрія, Анна Григорьевна, Володя и Нада давно уже сидѣли за завтракомъ, а его все не было. Анна Григорьевна уже успѣла два раза позвонить и съ возрастающимъ нетерпѣніемъ спрашивала у Терентія: куда же ушелъ Дмитрій Алексѣевичъ? Очень ужъ большая она была охотница до аккуратности.

— Сказываютъ на село изволили пойти, объяснилъ Терентій, когда она въ третій разъ обратилась къ нему съ тѣмъ же вопросомъ,—старшина съ мужиками ихъ здѣсь поджидалъ на дворѣ и съ ними вмѣстѣ отправились на межу.

— Это опять насчетъ земли, воскликнула Анна Григорьевна,—просто отбоя нѣтъ.

— Кажись они сюда идуть-сь, взглянувъ въ окно замѣтилъ Терентій своимъ неизмѣннымъ деревянно-почтительнымъ голосомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ столовую Дмитрій. И въ походкѣ его и въ лицѣ замѣтна была несвойственная ему нервность, брови его были сдвинуты, губы слегка подергивало, онъ молча занялъ свое мѣсто и разсѣянно сталъ водить рукой по высокому лбу.

— Ты кажется очень усталъ, обратилась къ нему Анна Григорьевна,—какъ тебѣ не надоѣло слушать эту вѣчную канитель про надѣлъ.

Дмитрій не тотчасъ отвѣчалъ.

— Я хотѣлъ убѣдиться, медленно заговорилъ онъ, поднимая на мать свои большіе каріе глаза,—насколько справедливы вѣчныя жалобы крестьянъ, и обошелъ съ ними всю межу и отрѣзанную отъ нихъ землю; ну, и убѣдился что жадобы ихъ имѣютъ полное основаніе и что вовсе не было бы трудно съ ними стовориться, конечно съ нѣкоторымъ убыткомъ для насъ. Я не хотѣлъ бы поднимать этотъ вопросъ послѣ того что вы мнѣ говорили, но лично для себя я все-таки должень былъ его хорошенько разобрать.

Опять наступило молчаніе. Взглядъ Дмитрія еще на мигъ былъ обращенъ къ матери, потомъ не получивъ отвѣта онъ отвернулся, не смотря ни на кого изъ присутствующихъ. На Анну Григорьевну его слова ловидимому не произвели никакого впечатлѣнія. Только небольшія морщинки у ея носа вдругъ будто вытянулись и придали ея лицу небывалую строгость.

— Ты можешь разбирать что тебѣ угодно, холодно сказала она наконецъ,—объ одномъ только прошу, не давай никакихъ обѣщаній. Я пять разъ предлагала мужикамъ взять полный надѣлъ, спроси коли хочешь у Федора Васильича, и они упорно отказывались. Коли теперь имъ это невыгодно, пусть на себя пѣвнютъ.

Сказавъ это, Анна Григорьевна встала и вышла. Волода, предъ тѣмъ погруженный въ книгу, вдругъ поднялъ голову, и сумрачно произнесъ, не глядя ни на кого въ особенности:

— Я не понимаю матери: это какіе-то плантаторскіе взгляды.

— Отчего же ты не выразилъ своего мнѣнія въ ея присутствіи? насмѣшливо спросилъ Дмитрій.

— Отчего, отчего?.. попробуй!.. Я прочелъ ей разъ замѣчательное мѣсто изъ Чернокнижниковъ, вотъ отсюда,—и онъ ударилъ ладонью по книгѣ,—а она мнѣ сказала что это галиматья. Чернокнижниковъ—галиматья!

— А покажи что у тебя изъ твореній апостола всероссійскаго сумбура,—и Дмитрій протянулъ руку за книгой,—строго запрещенная конечно?

— Нравственно-соціальныя условія прогрессивно-эволюціоннаго развитія Русскаго народа, однимъ духомъ произнесъ Володя.

— Коротко и ясно, сказалъ Дмитрій,—и все-таки яسة содержанія. Охота тебѣ была этимъ подчивать матушку!

— Да ты развѣ читалъ?

Володя старался придать своему вопросу небрежно-презрительный оттѣнокъ.

— И представь себѣ, не почувствовалъ ровно никакого умиленія.

— Для ретроградовъ, конечно, язвительно замѣтилъ Володя,—самыя убѣдительныя доказательства какъ объ стѣну горохъ.

— Ну, а васъ они разумѣется вразумили на гражданскій подвигъ.

И глаза Нади, улобно глядѣвшіе внизъ съ самаго входа Дмитрія, чуть-чуть насмѣшливо блеснули въ отвѣтъ юному радикалу.

Володя смущался отъ одного взгляда этихъ ясныхъ глазъ, въ которыхъ онъ всегда тщетно искалъ себѣ одобренія. Онъ сердито откинулъ книгу и всталъ.

— Ты все еще не рѣшилъ когда поѣдешь въ Никольское? спросилъ онъ у брата вдругъ перемѣняя разговоръ.

— Ты знаешь что я вовсе не намѣренъ ѣхать въ Никольское.

И странное, почти тяжелое выраженіе мгновенно легло на лицо Дмитрія.

— Не понимаю почему съ самаго твоего пріѣзда Елена Михайловна здѣсь не показывается, продолжалъ Володя, не замѣчая впечатлѣнія произведеннаго его вопросомъ на брата.

— Поѣзжай туда самъ коли хочешь, отрѣзалъ Дмитрій, и всегда мягкій его голосъ вдругъ прозвучалъ отрывисто, почти грубо.

Володя не отвѣчая ни слова вышелъ изъ комнаты. Съ пріѣзда брата онъ уже два раза бывалъ въ Никольскомъ и какъ на зло не заставлялъ хозяйки дома. Тотчасъ ему почудилось что прервались дружескія отношенія возникшія между Бѣлыми Столбами и Никольскимъ, и что зародившіяся у него сладкія мечты разбиты навсегда. Влюбленные очень

легко падаютъ духомъ. И немногихъ дней за которые ему не удалось видѣть Женичку было достаточно чтобы воскресить въ немъ потухавшій уже пылъ радикальныхъ мечтаній. Вдали отъ Женички онъ вновь подчинялся ихъ власти, и непонятное охлажденіе со стороны Ордынцевыхъ шло на пользу Чернокужижикова съ братіей.

— Вы нисколько, какъ я вижу, не поддерживаете въ братѣ священный огонь, сказалъ Дмитрій, и веселая, слегка насмѣшливая нота опять прозвучала въ его голосѣ,—не знаю, благодарить ли васъ за это?

— Благодарить не за что, рѣзко отвѣчала она, и глава ея при этомъ добавили: съ вами уже конечно я заодно не буду. Недостатокъ твердости, продолжала она,—все-таки лучше сознательнаго преслѣдованія вредныхъ цѣлей.

— А этотъ закоренѣлый грѣшникъ, преслѣдующій вредныя цѣли, никто другой какъ я?

— Да, вы! Вы не увлекаетесь, вы знаете чего хотите, и тѣмъ хуже для васъ.—У нея глаза разгорѣлись и краска выступила на лицѣ.—Вы многое видѣли, продолжала она,—и конечно многому успѣли научиться; а къ чему служатъ всѣ ваши познанія и вся ваша опытность? Вы преспокойно цѣлые часы просиживаете надъ какими-то химическими фокусами, а для живаго дѣла вы пальцемъ не движете. Надъ фразами вашего брата вы смѣетесь, ну и положимъ онъ смѣшонъ, восторгалась какимъ-нибудь Чернокужижиковымъ!

Она забыла что сама еще очень недавно зачитывалась тѣми книжонками которыми увлекался Володя.

— А судьба вашихъ крестьянъ,—этотъ надобствующій вамъ вопросъ о надѣлѣ, что это, фраза? Дать имъ возможность жить по-человѣчески, это тоже по вашему радикальное увлеченіе?

На этотъ разъ онъ выслушалъ ее молча. Ему не пришло на умъ отвѣтить ей въ легкомъ, шутовскомъ тонѣ. Такъ съ нимъ она еще не говорила никогда, и онъ не могъ ловить, какимъ образомъ у этого ребенка могли вырваться такіа горячія, негодующія слова.

— Вы знаете, я добросовѣстно старался изучить этотъ вопросъ.

— Да, съ благоразумнымъ равнодушіемъ человѣка который не прочь сдѣлать доброе дѣло, лишь бы оно не стоило ему

саишкомъ много труда. Вы изучили вопросъ и на этомъ успокоились!..

— Вы забываете только одно, отвѣтилъ онъ понизивъ голосъ,—что Бѣлые Столбы не мои и что я не имѣю ровно никакого права навязывать свои взгляды матери, а впрочемъ, можетъ-быть, сыновняя почтительность не входитъ въ число обязанностей признаваемыхъ вами?

На этотъ разъ она не отвѣчала. Глаза ея на мигъ встрѣтились со взглядомъ Дмитрія, необыкновенно драматичнымъ и твердымъ взглядомъ, и она невольно ихъ опустила, но тотчасъ потомъ снова заговорила съ прежнею враждебностію:

— Есть однако у васъ здѣсь подъ руками шное дѣло, за которое вы могли бы взяться, не вызывая неудовольствія Анны Григорьевны. Вы знаете въ какомъ положеніи находится здѣшняя школа,„содержимая, положимъ, на деньги вашей матушки?

— Учитель никуда не годится, перебилъ онъ ее,—этотъ старикъ Сикофантовъ льяница и круглый невѣжда.

— И несмотря на то что вы это знаете, вы шагу не сдѣлали чтобы смѣнить учителя. Вамъ даже не стоило бы труда искать ему преемника; я вамъ говорила что есть охотникъ на это мѣсто, человекъ молодой, хорошій. Вамъ стоило два слова сказать Федору Васильевичу, и онъ мигомъ бы выхлопоталъ назначеніе въ училищномъ совѣтѣ..

— Очень радъ вамъ сдѣлать пріятное, Надежда Сергѣевна, отвѣчала онъ довольно сдержанно,—но позвольте мнѣ вамъ замѣтить что одного желанія тутъ недостаточно. При всѣхъ качествахъ вашего кандидата, не могъ же я,—согласитесь сами,—ради простой любезности выхлопотать ему назначеніе не получивъ о немъ кое-какихъ свѣдѣній.

Надя почти сердито откинула голову назадъ.

— Любезность тутъ ни при чемъ, сказала она,—мои слова, конечно, не имѣютъ для васъ никакого вѣса, но вѣдь самъ священникъ....

— Ну, рекомендаціи отца Зосимы я мало довѣряю. И какимъ бы равнодушнымъ вы меня ни считали, я какъ разъ и въ этой мелочи нахожу осмотрительность необходимою. Пеняйте на меня за то, коли хотите.

Сказавъ это, онъ вышелъ и велѣлъ заложить бѣговья дрожки чтобъ ѣхать къ Томилину.

II.

Schöne, wirthschaftliche Dame:
 Haus und Hof ist wohlbestellt,
 Wohlversorgt ist Stall und Keller,
 Wohlbeackert ist das Feld.

Jeder Winkel in dem Garten
 Ist gereutet und geputzt,
 Und das Stroh, das ausgedroschen,
 Wird für Betten noch benutzt.

Doch dein Herz und deine Lippen
 Schöne Dame, liegen brach.....

H. Heine.

Весеннее солнце ярко горело надъ стелью, а по краямъ неба лиловатая дымка, какъ оно всегда и бываетъ въ концѣ мая, застилала блѣдную синеву, и гдѣ-то въ туманной дали неотчетливо сливалась съ безграничнымъ моремъ полей. Слабый вѣтеръ едва волновалъ задевающую гладь. Только гдѣ-то вдали, какъ едва замѣтная складка на равнинѣ, темнѣлъ небольшой оврагъ и на немъ кое-гдѣ мелькали соломенные крыши. Тутъ разстѣлилась деревня, а рядомъ съ нею на самомъ краю высилась скромная усадьба.

Очень ужъ невзрачною казалась она издали; но вблизи всякого поражала рѣдкая у насъ, почти нѣмецкая, чистота и аккуратность. Маленькія деревянныя строенія содержались отлично, крыши были выкрашены на славу, мусоръ вездѣ тщательно подобранъ, и даже простой частоконь гладѣлъ бодро и чинно, будто рота солдатъ выведенная на учение.

Это и было сельцо Теплое, усадьба Федора Васильевича. Въ одномъ только заботливыхъ усиліяхъ хозяина очевидно не удавалось. Онъ видимо старался какъ могъ украсить уже все не живописную мѣстность своего роднаго угла. Но посаженные имъ липки и клены что-то ужъ очень плохо прижились, и даже самые кусты сирени, въ палисадникѣ разбитомъ за домомъ, почему-то оставались чахлыми и малорослыми до смѣшного.

Самъ хозяинъ стоялъ въ бѣломъ военномъ кителѣ на крыльцѣ небольшого флигелька, гдѣ помѣщалась мировая камера. Онъ только что локомчилъ съ дѣлами и говорилъ

съ управляющимъ Елены Михайловны, Гондзевскимъ, пока нѣсколько крестьянъ, чьи дѣла были рѣшены, держа шапки въ рукахъ, какъ-то нерѣшительно уходили къ воротамъ, будто не совсѣмъ они были увѣрены что мировой отъ нихъ ничего уже не потребуетъ, да и имъ самимъ не придется его кое о чемъ еще попросить.

— Вы понимаете, Станиславъ Викентъичъ, говорилъ Томицивъ, — что сами вы меня поставили въ невозможность обвинить крестьянъ за порубку, хоть они, спору нѣтъ, кругомъ виноваты. Я въ толкъ не возьму какъ это вы, чело-вѣкъ образованный, кончившій курсъ въ академіи, могли написать такое ни съ чѣмъ несообразное условіе. Вѣдь у васъ теперь мужики хозяева въ лѣсу!

На тещедушномъ лицѣ Поляка заиграла странная, полунасмѣшливая улыбка.

— Постараемся впредь быть разсудительнѣе.

Больше онъ сказать не успѣлъ; на дворѣ вѣзжали бѣговья дрожки, и Федоръ Васильевичъ, узнавъ Дмитрія, пошелъ на встрѣчу гостю и провелъ его въ домъ.

— Какъ у васъ здѣсь уютно, сказалъ Дмитрій, пораженный необыкновенно тщательнымъ убранствомъ скромнаго жилья стараго холостяка. Въ маленькой пріемной, чрезъ которую они прошли на балкончикъ, крашеный полъ блестѣлъ какъ зеркало, и лыжку лишь съ трудомъ можно было отыскать на кругломъ столѣ изъ краснаго дерева и на комодѣ служившемъ книжною полкой.

— Устроился, какъ видите, за тѣ два года что вы сюда не заглядывали. Ну, вотъ садомъ похвастаться не могу, и Федоръ Васильевичъ добродушно показалъ на крошечный палисадникъ, гдѣ, правда, дорожка была подчищена отлично, и цвѣточныя клумбы искусно разбиты, но за то, увы! тѣни не было и слѣда.

— За то цвѣты у васъ славные, озираясь перебилъ его Дмитрій. И въ самомъ дѣлѣ комнатная культура Федору Васильевичу удавалась лучше воздушной. Бѣлые рододендроны въ полномъ цвѣту украшали балкончикъ, а у оконъ пріемной блестѣли на солнечномъ свѣтѣ темнозеленыя листья крупныхъ фиговыхъ деревьевъ. Но лучшимъ дѣтищемъ старика, его гордостью, были двѣ чайныя розы, только что распустившіяся и наполнявшія комнату своимъ нѣжнымъ благоуханіемъ.

Дмитрій усѣлся и досталъ лобурѣвшую лѣтнюю трубку съ изображеніемъ необыкновенно сердитаго старика.

— Въ Германіи пріучился, сказалъ онъ закуривая.

Томилинъ сталъ разспрашивать его съ особеннымъ отгнкомъ восторженнаго любопытства про его путевыя впечатлѣнія. Самъ никогда не бывавшій за границей, старикъ еще отъ студенческихъ годовъ питалъ какую-то романтическую любовь къ Германіи, которую почему-то воображалъ населенною исключительно безкорыстными локлонниками чистаго искусства. Кто знаетъ, можетъ-быть нашему воображенію всего милѣе какъ разъ та страна и та женщина которыхъ намъ никогда не удалось увидать. Ни та, ни другая, но крайней мѣрѣ, не обманули ничьихъ ожиданій.

Старика немного удивило что вмѣсто поэтическихъ мечтаній и преслѣдованія неудовимыхъ задачъ отвлеченной философіи Дмитрій интересовался всего болѣе сельско-хозяйственными фермами и улучшенными породами скота. Но въ Томилинѣ дѣльный помѣщикъ существовалъ бокъ-о-бокъ съ питомцемъ Шиллера, и намѣреніе молодаго челоѣвка посвятить себя деревнѣ и ея будничнымъ занятіямъ возбуждало живѣйшее сочувствіе Федора Васильевича.

— И службу стало-быть бросили окончателно, сказалъ онъ,—несмотря на дядюшку?

— Скорѣе даже благодаря дядюшкѣ, весело отвѣчалъ Дмитрій;—я, вы знаете, когда-то очень усердно принялся за дѣло и воображалъ, какъ очень многіе воображаютъ, что именно мнѣ суждено сидя въ канцеляріи двигать Россіей. И въ самомъ дѣлѣ, на первыхъ же порахъ, чего, чего у меня не перебывало въ рукахъ, о чемъ не писалъ я проектовъ? И устройство городовъ, и устройство полиціи, то усиленіе ея власти, то обузданіе ея, и тюремная реформа, и орошеніе степей,—ну словомъ я прошелся по всѣмъ отраслямъ того что мы наивно принимаемъ за управленіе государствомъ. Только вотъ бѣда: поощряли меня усердно, благодарили тоже усердно, даже два крестика дали, только читалъ меня, а думаю, одинъ писарь! И хоть всегда очень обстоятельно и важно толковали со мной про всевозможные вопросы и дядюшка и самъ министръ, но какъ скоро возникало какое-нибудь дѣло, то-есть, понимаете, настоящее дѣло, требующее разрѣшенія, отписываются да и только. Гдѣ-нибудь въ провинціи хлѣба нужно или тамъ школу или дорогу новую, а туда отвѣчаютъ: „на

основаніи такого-то пункта такого-то циркуляра было разъяснено и т. д.“—ну а рѣшенія конечно никакого; шесть лѣтъ я трудился надъ истребленіемъ казенной бумаги, наконецъ тошно стало, укатилъ за границу; дядюшка былъ впрочемъ такъ милъ что снабдилъ даже казеннымъ порученіемъ, что-то въ родѣ изслѣдованія нѣмецкихъ минеральныхъ водъ для примѣненія къ Липецку и Старой Русѣ. Порученія я разумѣется не исполнилъ, да никто о немъ и не заботился, а когда дядюшка сталъ меня звать въ Петербургъ, грозя въ противномъ случаѣ перунами, я объявилъ ему что занимаюсь агрономіей, намѣренъ уѣхать въ имѣніе и баста!

— Что же, въ земство поступите?

— Конечно, хотя меня и забаллотировали въ прошлый разъ и даже очень дружно забаллотировали. А какъ у васъ, попрежнему уѣздъ раздираемъ партіями?

— Раздираемъ, но безъ кровопролитія. За предводительскимъ обѣдомъ вражда утихаетъ. Уховъ великій хлѣбосоль; онъ у насъ, вы знаете, считается главнымъ столпомъ нашихъ бѣдъ.

— Ну хорошъ бѣлый, размѣялся Дмитрій.

— Да вотъ въ томъ-то и бѣда, отвѣчалъ Томилинь,—что весь вопросъ у насъ кто за или противъ Ивана Ивановича, а не за или противъ такого-то предложенія. И вотъ почему такимъ людямъ, какъ вы, пройти очень трудно. Вы не захотите быть за лапшбрата съ какимъ-нибудь баринкомъ который такъ и просится на скамью подсудимыхъ, вы не станете проводить въ судьи или въ управу махроваго дурака потому что онъ предводительскій племянникъ. Ну, а такъ какъ независимость въ глазахъ нашихъ избирателей—первородный грѣхъ, такъ вамъ и накатаютъ воровыхъ и справа, и слѣва.

— Ну, а вы какъ же съ этимъ миритесь?

Федоръ Васильевичъ размѣялся.

— Я? Да вѣдь я посредникомъ былъ еще въ 61 году, и въ уѣздѣ всѣ почему-то воображаютъ что безъ меня ужъ никакъ нельзя; а впрочемъ, вѣдь я гласный отъ крестьянъ, вы знаете? Ну да ничего—уладимъ дѣло!...

Томилинь подробно разказалъ Дмитрію про все что дѣлалось у нихъ въ уѣздѣ, и про либеральныя затѣи Дровнина, и про ловкость съ которою Уховъ избѣгалъ сѣтей разставленныхъ ему противною партіей.

— Я хотѣлъ узнать ваше мнѣніе объ одномъ вопросѣ,

который меня очень тревожить, опять началъ Дмитрій,—вы идёте у насъ въ Вѣлыхъ Столбахъ вводили уставную грамоту?

И Дмитрій передалъ ему про настойчивыя домогательства крестьянъ.

— На этотъ счетъ вы не безлокобитесь, перебилъ его Томилицъ,—мужики упорно отказывались отъ земли, потому что надѣялись ее получить дешевле; а теперь, когда обманулись въ расчетъ, и требуютъ назадъ потому что платятъ за нее вдвое дороже. Это совершенно въ порядкѣ вещей, но васъ оно ни къ чему не обязываетъ. Грамота крестьянами подписана.

— Все это очень хорошо, но подите-ка увѣрьте крестьянъ въ законности того что теперь имъ приходится нанимать у помѣщика землю которую они даромъ пахали съ поконъ вѣка. Да еще докажите имъ что въ этомъ заключается улучшение ихъ быта. Мнѣ хотѣлось бы добиться того чтобы не судебное рѣшеніе стояло между нами, а взаимное довѣріе и согласіе опредѣляло бы ихъ отношенія къ намъ.

— Боюсь, вамъ этого долго придется ждать. Вѣковое недо-довѣріе вдругъ не исчезаетъ, мужику трудно увидать равноправнаго сосѣда въ томъ кто такъ недавно былъ надъ нимъ полновластнымъ хозяиномъ. Мы для него то же что казна для многихъ изъ насъ, и никакіе законы и циркуляры не убѣдятъ его что наша собственность священна. Вотъ хотя бы въ Никольскомъ, народъ богатый, на полномъ надѣлѣ и даже дѣль имъ дали отличный, а господскую дубовую рощу немилосердно рубать.

— То-то я замѣтилъ, проѣзжая къ вамъ, что Никольскій дѣль обратился въ какой-то паркъ, гдѣ, положимъ, гулять очень пріятно.

— Да, да, возня съ этимъ народомъ, сказалъ Томилицъ,—у Елены Михайловны завелся Полякъ управляющій, и не разберу я право, по неопытности или нарочно онъ разоряетъ имѣніе. Это нашъ дядюшка, въ качествѣ опекуна, наградишь Елену Михайловну этимъ баршномъ и полную довѣренность ему выдалъ. Очень его цѣнитъ Петръ Николаевичъ, потому что въ академіи былъ, ученый...

— И въ ховатствѣ разумѣется ничего не смыслить, это на дядюшку похоже!

— Подите вотъ, рекомендовалъ даже за человѣка высокб-образованнаго и передоваго. А вы бы посмотрѣли какіе намъ т. свѣтл.

циркуляры вашъ дядюшка разсылалъ когда исправлялъ должность: „имѣть неусыпный надзоръ за всеми проживающими въ уѣздѣ разночинцами, въ особенности за воспитанниками семинарій и высшихъ учебныхъ заведеній, а главное чтобы во время народныхъ праздниковъ и увеселеній не происходило никакихъ безчинствъ и не произошло возмутительныхъ рѣчей.“ Нашелъ чего бояться, да и кому прикажете надзирать? Всего-то у насъ трое ставовыхъ въ уѣздѣ и тѣ льяницы горькіе; губернаторъ насъ тогда вызывалъ—я еще посредникомъ былъ—чтобы внушить по поводу циркуляра; ну онъ, вы знаете, человекъ бывалый, и самому ему было совѣстно, когда онъ читалъ наставленія, видно было что про себя онъ самъ надъ циркуляромъ смѣялся... А вы бы съѣздили къ Еленѣ Михайловнѣ...

Дмитрій почему-то мигомъ перемѣнился въ лицѣ и схватился за шляпу.

— Я и забылъ васъ спросить, сказалъ онъ,—про того молодого человека...

— Ахъ да, кандидатъ въ учителя, за котораго такъ усердствуетъ Надежда Сергѣевна: разузналъ все. Отличныя рекомендаціи, былъ въ фельдшерской школѣ. Всѣ говорятъ человекъ смиренный и хорошій. Онъ кажется вашему священнику племянникъ?

— Да, да. Стало-быть годится?

— Какъ нельзя лучше. Живо все устроимъ въ училищномъ совѣтѣ.

Дмитрій простился со старикомъ и поѣхалъ назадъ, по дороге, у самой усадьбы, онъ свернулъ въ поле, гдѣ рабочие вметали лѣсъ новыми лугами выписанными изъ Москвы. Его глазъ издали поразила неряшливость работы. Онъ привазалъ лошадей къ ракитѣ и прошелъ къ рабочимъ.

— Что вы дѣлаете? Развѣ такъ можно пахать, крикнулъ онъ на двухъ рослыхъ парней валившихъ что называется черезъ лѣсъ колоду. Парни остановились, скинули шалки и съ удивительно тупымъ выраженіемъ уставились на барина.

— Да такъ намъ, вишь, староста указывалъ, Яковъ Степановичъ! проговорилъ одиъ изъ рабочихъ.

— Постой, а тебѣ покажу какъ пахать нужно.

И Дмитрій схватился за лагу и стегнулъ лошадей, но лагу сталъ по пластамъ черновема совершать какіе-то невѣроятные прыжки.

— Да что же это наконецъ, воскликнулъ Дмитрій,—лагу

работали отлучно. Э-э, да тутъ три винты новытасканы и лешекъ весь распятался; чего же вы смотрите?

— Не можемъ знать, равнодушно оказалъ пареня зѣвая.

— Это не могло случайно произойти, кто-нибудь лагуи испортилъ нарочно.

Рабочіе продолжали равнодушно смотрѣть на барина и явное заорадство стало примѣшиваться къ тулому выраженію ихъ глазъ.

— Гдѣ староста? позвать его!

Но Яковъ Степановъ стоялъ уже тутъ за спиной Дмитрія, глядя по обыкновенію внизъ своими холодными неподвижными зрачками. Онъ будто изъ земли выросъ. Дмитрій разбранилъ его за недосмотръ, но безбородое лицо старосты не выразило ровно никакого смущенія. Оно осталось такимъ же застывшимъ будто вылитымъ изъ мѣди.

— Они должно-быть полпортили, отвѣтилъ онъ, презрительно кивнувъ на рабочихъ.—Сами изволите знать какой народъ.

Дмитрію уже давно казался подозрительнымъ этотъ человѣкъ, всегда невозмутимый и вѣчно глядѣвшій изподлобья. Толку онъ разумѣется не добился и довольно разсерженный этимъ случаемъ пошелъ къ тому мѣсту гдѣ оставилъ лошадь. Тутъ онъ увидѣлъ стоявшую на дорогѣ Наду съ Боровскимъ. Николай Осиповичъ въ первый разъ былъ въ Бѣлыхъ Столбахъ со времени пріѣзда Дмитрія. Мушкетеры поздоровались, они были знакомы еще съ Петербурга.

— Я вами любовалась, прощически сказала Нада.—Даже пахоть не побрезгали? Вѣдь это, говорятъ, облязавъ дѣлать каждый годъ самъ китайскій императоръ.

— Ну это бѣда еще не великая, началъ Боровскій, которому Дмитрій передалъ что произошло.—Теперь и не такіе невинные акты неудовольствія совершаются нашими экс-вассалами. За одно только пока имъ слава: хотя на поджоги они довольно усердны, они все-таки пока лишь знаютъ первобытные мотивы какъ мечь или желаніе поживиться, а высшія теоріи, которыя имъ такъ стараются внушить чужие молодцы, что-то не прививаются.

— Да и молодцовъ этихъ они къ счастью прививаютъ не особенно любезно, замѣтилъ Дмитрій.

— Долго ли это будетъ, не берусь пророчить, усмѣхнулся Боровскій, и трудно было судить по его тону въ какую сторону

склонялись его желанію.—У народа дѣтское сердце: онъ всегда долго не знаетъ кто ему милѣе. Нашъ черныи людъ что швыя швейцарскія озера, такія мирныя и зеркальныя въ тихую погоду, а вы знаете что съ нами бываетъ когда вдругъ изъ за утеса нагрянетъ на нихъ вѣтеръ.

— Погоду еще пока никто предсказывать не умѣлъ, сухо отвѣтилъ Дмитрій.

Они втроемъ направились къ дому. Лошадь повелъ староста.

— А вотъ помните, обратился Николай Осиповичъ къ Надѣ,—златоустовское дѣло о крестьянскихъ безпорядкахъ?— Ну-съ, Коневецкій слѣдствіе окончилъ и даже очень недурно: пятнадцать человѣкъ въ острогъ посадили.

Надю хотя и возмущала вѣчно насмѣшливый тонъ Боровскаго, но его пронія, всегда холодная и увѣренная въ себя, имѣла для нея то непонятное обаяніе какое всегда оказываетъ на насъ даже враждебная намъ сила.

— За что это? спросилъ Дмитрій.

— Да, коли хотите, не за что: становаго побили потому что онъ лишній разъ взымкивалъ растроченныя старшиной подати, и побили безо всякихъ заднихъ мыслей, даже, представьте себѣ, одного, правда крошечнаго, агитатора въ наши руки доставили. Вотъ какъ мы своихъ союзниковъ цѣнить умѣемъ.

Дмитрія брала злость.

— Это просто значить ихъ наталкивать на пропаганду, сказалъ онъ.

— Можетъ-быть. Только вѣдь это не мое дѣло. Я только обвинитель по обязанности, и въ этомъ качествѣ моя совѣсть Судебные Уставы.

— Точно такъ же какъ совѣсть адвоката—Х томъ. А такъ какъ подобныхъ томовъ, слава Богу, пятнадцать, то у лицъ разныхъ вѣдомствъ отолько же различныхъ совѣстей ни чуть не похожихъ на общечеловѣческую...

Дмитрій отвернулся и сказалъ Надѣ, обрывая свой разговоръ съ Боровскимъ:

— Кстати, я забылъ вамъ сказать, ваше желаніе исполнено. Учитель Брусковъ будетъ назначенъ.

Она не успѣла поблагодарить его.

Почти у самаго дома, къ которому они тежерь подходили, ихъ обогнала коляска. Сидѣвшая въ ней Елена Михайловна быстрымъ и легкимъ движеніемъ вышла, не дождавшись шагаго къ ней Боровскаго.

— Я давно не была у вашей тетушки, обратилась она скорее къ Надѣ, какъ бы извиняясь.—У меня набралось за все это время столько разнаго, самаго скучнаго дѣла.

Теперь только глаза ея подвинулись на Дмитрія. Она протянула ему руку, какъ ее протягиваютъ хорошему товарищу. Она даже какъ будто не замѣтила сдержанности молодого человѣка, когда онъ отвѣчалъ на пожатіе этой маленькой, изящной ручки.

— Очень рада васъ видѣть, Дмитрій Алексѣевичъ, сказала она съ такою же веселою непринужденностью, словно она съ нимъ видѣлась часто и по-дружески.—Я должна бы журить васъ за то что вы не были у меня до сихъ поръ...

Она быть-можетъ намѣренно не дождалась отвѣта и попросила Надю привести ее къ Аннѣ Григорьевнѣ. Мушкетеры нослѣдовали за ними.

„Неужели я не могу видѣться съ нею просто и равнодушно какъ съ любую изъ моихъ знакомыхъ, говорилъ себѣ Дмитрій приходя въ гостиную.—Если ей угодно не помнить про то что было между нами, зачѣмъ же мнѣ ея дичиться?“

И онъ рѣшилъ самъ съ собою что раздраженіе противъ нея, которое на днѣ его сердца лежало до сихъ поръ какъ осадокъ, не достойно его, что ему слѣдуетъ держаться съ ней такъ же просто и равнодушно какъ она это умѣетъ дѣлать.

Елена Михайловна очень хорошо понимала что лучшее средство покончить съ натаивающею—не обращать на нее вниманія. Кто въ состояніи устоять противъ милой простоты обращенія, съ которою хорошенькая женщина такъ облегчаетъ для всѣхъ мелочность первой встрѣчи? А между тѣмъ пока она говорила съ Дмитріемъ казалось безо всякой задней мысли, она тщательно изучала и малѣйшую черту этого лица и сравнивала его съ тѣмъ которое осталось въ ея памяти. Она знала очень хорошо что въ его жизни знакомство съ нею отозвалось горечью, и ее сразу поразило какъ за тѣ нѣсколько лѣтъ, во время которыхъ они не встрѣчались, грустные слѣды прежнихъ разочарованій совершенно исчезли на этомъ теперь помолодѣвшемъ лицѣ. Въ самомъ дѣлѣ, оно дышало спокойствіемъ, тѣмъ которое дается сознаніемъ что впереди прямой и ясный путь, и что на немъ не задержатъ никакія препятствія созданныя непоправимымъ прошлымъ. И твердо очерченный подбородокъ, и губы не знавшія, казалось, горькой улыбки, и прямое выраженіе открытыхъ

карихъ глазъ, все это несомнѣнно говорило о силѣ, о той незапасливой мирной силѣ, которая не думаетъ подчинять себя чужую свободу, но за то умѣетъ постоять за свою личную независимость. На щекахъ былъ еще румянецъ молодости, и ея слезы не лезь, на которомъ повсѣмному стали рѣдѣть волосы, да глубокая морщина между бровями, свидѣтельствовавшая о томъ что имъ приходилось иногда грозно сдвигаться, можно было бы подумать что жизнь его, очень еще молодая жизнь, не принесла ему никакихъ разочарованій.

Елена Михайловна самымъ непринужденнымъ образомъ заговорила про неожиданныя затрудненія между ею и Дмитриемъ, созданныя для нея дѣлами по имѣнію ладчерицы. Изъ ея словъ можно было заключить что она стала теперь со-всѣмъ дѣловою женщиной, не имѣющею уже ровно никакихъ притязаній на молодость. Странно было это слышать отъ нея и трудно было сказать искренно ли такое полное отрѣ-ченіе отъ всего того что въ 28 лѣтъ гораздо выше дѣвства хорошенькою женщиной чѣмъ какія-нибудь хлопоты по хо-зяйству; но кто возьмется когда-либо рѣшить гдѣ именно кончается искренность женскихъ увѣреній.

— Я право не знаю какъ мнѣ справиться со всеми этими заботами. Вашъ дядюшка, обратилась она къ Дмитрію,— прислалъ мнѣ какого-то очень ученаго господина, но я силь-но подозреваю что онъ намѣренъ портить имѣніе. Онъ вдобавокъ изъ самыхъ красивыхъ и дѣлаетъ мнѣ всяческія непріятности, а я безъ Петра Николаевича его уволить не могу.

— Смыя вамъ поможетъ если хотите, обязательно предло-жила Анна Григорьевна.

Красивые глаза Елены блеснули и на мигъ ласково и въ то же время съ отгѣнкомъ нервнтельности остановились на Дмитрію.

— Я не имѣю никакого права располагать временемъ Дмитрія Алексѣевича, сказала она,

— Время мое совершенно къ вашимъ услугамъ, послѣ-шилъ онъ отвѣтить, но эти любезныя слова звучали такъ какъ будто онъ хотѣлъ сказать что время свое, кичуть для него не драгоценное, онъ готовъ посвятить безпомощной хозяйкѣ, но не желаетъ ставить свои отношенія къ Николь-скому на болѣе короткую ногу. Было рѣшено что онъ напи-шетъ Петру Николаевичу для полученія отъ него довѣренности.

Отъ Нади и Боровскаго не ускознула однако его странная

холодность къ Еленѣ Михайловнѣ, и у нихъ обоихъ зародилась мысль, котораго разрѣшить они конечно не могли: почему Дмитрій не поддавался тому очарованію, которому всѣ невольно поддавались въ присутствіи Елены Михайловны, и что же такое произошло между ними въ прежнее, можетъ-быть давно прошедшіе, годы?

III.

А счастье было такъ возможно,
Такъ баушко...

Пушкинъ.

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie ewig neu.

Heine.

The heart that is soonest awake to the
flowers
Is also the first to be touched by the
thorns.

English Song.

Отвѣтъ который Нада и Боровскій были не въ состояніи найти читатель узнаеть теперь же. Въ Москвѣ, въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ небольшомъ одноэтажномъ домѣ, на Сретенкѣ, проживало семейство Лучицкихъ. Оно тогда состояло изъ отставнаго гусарекаго полковника Михаила Григорьевича Лучицкаго, его второй жены и троихъ дѣтей: дочери отъ перваго брака, Елены, которой тогда шелъ восемнадцатый годъ, и двухъ сыновей отъ второй жены, замѣчательно душно воспитанныхъ и неотесанныхъ мальчиковъ: Васи и Андрюши. Въ свое время Михаилъ Григорьевичъ былъ лихимъ офицеромъ, ловисой хоть куда и, какъ очень многие ловисом, добрымъ малымъ въ нехорошемъ значеніи этого слова, то-есть человѣкомъ съ мягкимъ сердцемъ, въ сущности неспособнымъ на сильную привязанность и съ еще болѣе мягкой волей. Въ тридцать лѣтъ лѣтъ, когда ему дали армейскій полкъ, онъ сидѣлъ по уши въ долгахъ и почти совсемъ разтратилъ приданое своей первой жены, равно умершей отъ горя. Пріятели считали его отличвымъ товарищемъ, съ душой на раслашку; но это сомнительное качество привело его лишь къ тому что онъ мало-по-малу утратилъ всякія опредѣленныя нравственныя локатія и совершенно уже

смѣшивалъ подковую кассу съ собственною. Въ то время на этотъ счетъ у насъ не были особенно требовательны; но должно-быть Лучицкій зашелъ уже саишкомъ далеко, только вдругъ ему дали отставку, о которой онъ просилъ развѣ по словамъ приказа, и Михаилу Григорьевичу пришлось еще благодарить судьбу за то что отдѣался этимъ. Михаилъ Григорьевичъ поселился въ Москвѣ, гдѣ про его исторію знали лишь смутно, и привезъ съ собою вторую супругу, Клеопатру Андреевну, дочь бѣлгородскаго купца Сверчкова, особу наружности довольно привлекательной, но уже объемистой, съ рѣзкими чертами лица и нравомъ весьма рѣшительнымъ. Несмотря на кулеческое происхожденіе, Клеопатра Андреевна привнесла мужу не особенно много денегъ, но за то твердое намѣреніе держать его въ рукахъ и, съ помощію кое-какихъ его связей, попасть въ хорошее общество.

Первая жена Михаила Григорьевича была по рожденію графиня Сокольницкая, и хотя знатная родня не особенно охотно его навѣщала, братъ покойной, графъ Сергій Борисовичъ, очень привязался къ своей маленькой племянницѣ Леночкѣ. На ней и сосредоточивались всѣ честолюбивые замыслы Клеопатры Андреевны. Мужа она считала совершенно отлѣтымъ человѣкомъ, за которымъ нужно было только смотрѣть чтобы не дать ему растратить послѣднія деньги. Въ Леночкѣ напротивъ она видѣла будущую надежду семьи. Уже съ дѣтства Леночка обѣщала стать красавицей; и это была какая-то загадочная, совсѣмъ не будничная красота. Ей слѣдовало прискать хорошую партію, для того, вомернѣе, чтобы выдать ее безъ приданаго, а затѣмъ,—въ особенности,—чтобы сесть себѣ въ ней и въ ея роднѣ опорю для себя и для сироты. Изъ сожалѣнія, воспитывать ее дома не было никакой возможности: у Лучицкихъ не хватало средствъ на дорогихъ учителей. Леночку пришлось отдать въ институтъ бѣлгородскихъ дѣвицъ. Тамъ она прослыла умницей и гордячкой; заслужила порцію отпѣтки за успѣхи и явную нелюбовь подругъ. Когда Елену семнадцати лѣтъ взяли наездъ изъ института, она оставила его безъ сожалѣнія и вернулась къ роднымъ безъ радости. Не про ту узкую, мѣщанскую жизнь она мечтала какую вѣдала въ родительскомъ домѣ.

Странное было ея положеніе въ семьѣ. Отца не совсемъ любилъ ее и слегка побаивался, но не смѣлъ за нее поступаться. Мачиха въ душѣ ее ненавидѣла, какъ всѣ грубые люди ненавидятъ болѣе тонкія, изящныя натуры.

Лесочка спускалась къ ней съ холодномъ, пренебрежительно малодоступною Дѣвушкѣ: въ домъ прозвали царской-медведицей, и на семени дѣлѣ она держала себя въ средѣ родныхъ какъ существо иной, высшей породы. Она будто не замѣчала малочисленныя дружка окружающихъ ее, вѣчныхъ покровомъ мантии отцу и тѣхъ частыхъ булавочныхъ уколовъ которыми ей принадлежало вникнуть самой. Клеопатра Андреевна не скукалась на мелкія притѣвленія, хоть и не дѣлала этого никогда открыто. Въ ея поведеніи съ ладчицей была отражена всясь подострастна и деспотизма, какъ будто она въ частностяхъ хотѣла опомнѣть ей за то что молодой дѣвушкѣ въ домѣ было отведено первое мѣсто. Не мудрою что Елена тяготѣлась этимъ почетною, но безотрадною ваволой, что се тинуло вѣкъ изъ-подъ роднаго крова.

Въ началу 69 года, се въ первый разъ повезли на базаръ въ Дворянское Собраніе. Базаръ работы и сужденія вступила она въ ярко освѣщенный залъ; какъ будто впервые открывавшіяся предъ нею нестрой и шумный міръ не имѣлъ для нея, какъ для чужахъ дѣвушекъ, таинственнаго обаянія. Лицо ея, спокойное, немного строгое, какое рѣдко бываетъ въ юную молодость, не перемѣло съ перваго взгляда; надо было замѣряться въ ея задумчивыя черты чтобы постичь всю ихъ чистоту, всю ихъ художественную прелесть: за то она забывалась не скоро, и воображеніе невольно прилепляло ихъ сподобно не среди обыкновенныхъ живыхъ лицъ, а въ часѣ тѣхъ славнѣй художественнаго творчества которыя выносили изъ міра фантазіи образы тивой, почти невинной красоты. Елена не пренебрегла сразу того грезнаго впечатлѣнія о которомъ мечтаютъ всѣ дѣвушки. Не замѣтили конечно многіе; одинъ старичокъ даже оказалъ что у нея, какъ у сказочной царицы, будто вѣзда горитъ на лбу. Но молодые люди, поговаривая съ ней, ухаживали болѣе сужденіемъ чѣмъ очарованіемъ: дожились и въ ослабѣла она своимъ зѣвкомъ, или нугалась они слегка ироничнаго выраженія, ея большаго, немного олушечнаго смѣхъ. Въ каждой годкѣ однако клѣдется одинъ у кого скажется ослѣпить илие впечатлѣніе чѣмъ у остальныхъ. Такъ и теперь случалось. Одного изъ казакеровъ Лесочки, какъ разъ впрочесть самаго юнаго изъ нихъ, привлекли именно эти черты, все выраженіе счастливой, почти царственной гордости какъ будто вѣдалось на нѣкоторыхъ леткахъ дѣвушки. Правда, ему было всего двадцать два года, и въ женственныхъ онъ еще

искамъ впечатлѣнiя того ослѣпшаго романтическаго идеала, который создали въ немъ любимые мечты. Въ то время университетская молодежь еще считалась жостакми и не обфривалась на ту напускную суровость которой требуетъ отъ насъ теперь современное „чрезное“ направление. Молодой человекъ былъ Дмитрiй Коронкинъ, тогда еще студентъ четвертаго курса.

Одной кадрией съ Еленой, друга, трехъ стривковъ своего безсодержательнаго разговора было достаточно чтобы впечатлѣть его въ молодую девушку. Мазурка, которую она тоже протанцовала съ нимъ, очаровала его окончательно. Да и его стройная и выветри крапикая фигура, открытое лицо съ волнистыми темнорусыми волосами производило на нее выгодное впечатлѣнiе. Только ей все время казалось, хотъ онъ и былъ лятью годами ея старше, что предъ нимъ совершенный еще мальчикъ, гораздо болѣе молодой и несмышленый чѣмъ она сама. Это бессознательное ощущенiе она сохраняла и въ послѣдствiи.

Дмитрiй сталъ часто бывать у Лучицкихъ. Нелзя сказать чтобы его такъ принимали особенно радушно. Михаилъ Григорьевичъ, правда, иногда съ чувствомъ хваталъ его руку и, крутя сидой уозъ, вспоминалъ свою молодость. Это особенно случалось когда онъ прѣзжалъ изъ клуба послѣ сытнаго обѣда. Иной разъ калротить онъ какъ-то подоври-тально, съ недоумѣнiемъ, искомъ поглядывалъ на молодого человека. Клеопатра Андреевна явно не жаловала Дмитрiя. Она приглашала его всколько, когда у нихъ бывали гости; молодой человекъ не только аккуратно являлся, но и прискивалъ разные предлоги чтобы бывать у нихъ запросто не вечерамъ. Не трудно было догадаться въ чемъ дѣло, а Клеопатра Андреевна рѣшительно не допускала чтобы Дмитрiй былъ пригоднымъ женихомъ для Елены. Какой же толкъ, думалось ей, можетъ быть въ двадцатидвулѣтнемъ мальчикѣ, хотъ бы онъ и могъ современемъ имѣть перадочное состоянiе? Она никогда не оставала молодымъ людямъ вдвоемъ; но случай наградила Дмитрiя за это стѣсненiе. Одна изъ его московскихъ кузинъ оказалась въ то же время лучшей подругой Елены, и такъ какъ молодой девушкѣ повелала къ ней ѣздить одной, то и Дмитрiй вдругъ почувствовалъ необычайную вѣжливость къ своимъ родственникамъ и всегда умѣлъ къ нимъ подладить ишело. въ тотъ вечеръ когда свидѣла Елену. Обстоятельствомъ это стѣсненiе скрывалось отъ Клеопатры Андреевны.

Дмитрій съ перваго же мѣсяца своего знакомства съ Луцицкини сталъ мечтать о женитьбѣ, хоть и не смѣлъ еще заикнуться при ней о своемъ чувствѣ. Но, конечно, этого и не было нужно. Уже на балу въ Собраніи она знала чье этотъ красивый молодой человекъ всюю душой принадлежалъ ей. Сама она съ нимъ оставалась всегда сдержанною: она не могла или не хотѣла сойти съ той немного холодной высоты на которой она несколько держалась со всеми окружающими людьми. Она сама не отдавала себѣ отчета въ томъ что полюбила, а она продолжала благоговѣть, доважный тѣмъ что ему позволяли ей показывать, не требуя отъ этого вышшаго, неземнаго существа отвѣта на свою любовь.

Такъ бы еще долго и мирно тянулись мѣсяцы одинъ за другимъ еслибы не случилось одно неожиданное обстоятельство. Съ Михаиломъ Григорьевичемъ въ клубѣ встрѣтился пріѣзжій изъ Петербурга господинъ, когда-то бывший его младшимъ товарищемъ по лодкѣ. Звали его Александромъ Васильевичемъ Ордынцевымъ. Онъ рано оставилъ военную службу, выгодно женился и благодаря тестю быстро пошелъ по гражданскому поприщу. Изъ довольно жалкаго офицера вышелъ бюрократъ хоть куда—ловкій и смысловый. Теломъ въ 45 лѣтъ онъ уже былъ тайный совѣтникъ и занималъ вѣзельное мѣсто. Состояніе у него было очень большое. Оно-то и заставило его выйти изъ лодки. Гражданская служба все-таки оставляла больше досуга для управленія дѣлами, а на этотъ счетъ у Ордынцева оказывался способности необыкновенныя. Онъ совѣщалъ въ себѣ,—что такъ рѣдко бывало,—опытнаго канцелярскаго дѣльца съ дѣльцомъ не менѣе опытнымъ въ денежныя предпріятія. Михаилу Григорьевичу онъ признавалъ въ томъ что въ Москву онъ пріѣхалъ для пріисканія себѣ невесты. У Луцицкаго зародилась смѣлая мысль выдать за него свою Лешочку. Клеопатра Андреевна разумѣется приняла эту мысль съ восторгомъ и горячо взялась за ея осуществленіе. Ордынцевъ тотчасъ догадался въ чемъ дѣло, когда его пригласили обѣдать, и онъ увидалъ строгій профиль молодой дѣвушки, напоминавшій ему очень арбому и въ флорентинскую мадонну Андреа дель Ортто. Ему, конечно, какъ человеку бывшему, и въ голову не приходило бы жениться на 18-лѣтней дѣвочкѣ. Но какъ скоро родители почти наводили его на эту мысль, онъ сталъ

не легчать все съ бѣльшимъ удовольствіемъ. Само поведеніе Елены его вводило въ заблужденіе. Дѣвушка очень скоро замѣтила къ чему кланется визиты Ордынцева, и хотя ее возмущали замислы родителей, она не выказала того протестующаго негодованія съ какими молодыя дѣвушки обыкновенно встрѣчаютъ такіа поштыки. На то она была слишкомъ утѣрена въ себѣ. Самъ Ордынцевъ ей казался человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, и она была ему благодарна за то что онъ держался съ ней совершенно просто, безъ заносчиваго и совсѣмъ ужь за ней не ухаживалъ. Ей даже нравилась въ немъ оккупация дѣловаго человѣка, знающаго толкъ не въ дѣлахъ только, но и въ людяхъ. Разъ, когда онъ при ней разговорился о петербургскомъ обществѣ какъ человѣкъ хорошо его изучившій, въ ея спокойныхъ главахъ онъ даже замѣтилъ блеснувшую мимолетнюю искру.

— Вамъ тѣсно здѣсь, сказалъ онъ ей, когда они послѣ обѣда остались вдвоемъ, въ первый разъ заговаривая съ нею по дружески.— Васъ тѣнетъ вверху, потому что вы создаете что созданы для широкой жизни, для вавости и простора.

— Повѣрьте мнѣ, спокойно, но вовсе не враждебно отвѣтила она,—я сама найду для себя выходъ когда мнѣ захочется такого простора.

Ордынцеву этотъ отвѣтъ понравился, и на другой же день онъ заявилъ Клеопатрѣ Андреевнѣ о своихъ намѣреніяхъ.

— Только вы погодите ей говорить объ этомъ, добавилъ онъ, въ виду слишкомъ уже радостнаго согласія матушки,—ее нужно подготовить мало-по-малу.

Елена поняла что опасность близка и въ первый разъ она нужнымъ сказать Дмитрію про Ордынцева. Молодому человѣку это сообщеніе развязало языкъ. Онъ пламенно заговорилъ съ ней про все то о чемъ она уже давно догадывалась, и какова была его радость когда она тутъ же дала ему свое слово. Рѣшено было что онъ тотчасъ же поѣдетъ въ Бѣлые Столбы, чтобы добиться согласія матери. Анна Григорьевна, зная о любви сына изъ его писемъ, уговаривала его одуматься и не связывать въ двадцать два года всей своей будущности изъ-за мимолетней вспышки. Дмитрій привался своей невѣстѣ въ томъ что не легко будетъ убѣдить мать, а тѣмъ, вопреки ея воли, онъ не хотѣлъ жамкаться; онъ съ дѣтства привыкъ относиться къ ней съ самоею сердечною правдивостію.

Елена рѣшила что до возвращенія Дмитрія ей слѣдуетъ держаться прежняго обращенія съ Ордынцевымъ. Она была слишкомъ увѣрена въ счастливомъ исходѣ чтобы не отнеслась спокойно къ его предложенію. Но прошелъ цѣлый мѣсяць, а отъ Дмитрія извѣстій не приходило. Клеопатра Андреевна, зная о его отъѣздѣ, приняла мѣры чтобы перехватить его письма, которыя она безцеремонно прочла. Теперь только молодая дѣвушка поняла какъ дорогъ ей былъ Дмитрій. Долго она боролась съ мыслію объ его измѣнѣ, но на лицѣ ея стали показываться слѣды тайныхъ мученій. Мачиха ихъ уснула сколько могла своими коварными намеками на отсутствіе Дмитрія. Разъ, уже черезъ лять недѣль послѣ его отъѣзда, проѣзжая съ мачихой въ каретѣ по Кузнецкому Мосту, Елена увидала его среди улицы, и вся кровь у нея отлила къ сердцу, когда она замѣтила устремленный на нее гнѣвный, негодующій его взглядъ.

— Это кажется господишь Корецкій, явительно сказала Клеопатра Андреевна.—Какъ странно что онъ даже не поклонился.

Елена не отвѣчала, но прѣхавъ домой тотчасъ принялась къ нему писать. Она все еще не утратила своей вѣры въ него: вѣжно упрекая за долгое молчаніе, она просила его на слѣдующій вечеръ прѣхать къ ихъ общимъ знакомымъ, гдѣ и прежде они встрѣчались. Запечатавъ письмо, она сдѣлала большую ошибку. Въмѣсто того чтобы отнести его въ почтовый ящикъ, она передала его горничной, и письмо очутилось тамъ же гдѣ у Клеопатры Андреевны хранились письма Дмитрія. Когда на слѣдующій вечеръ Елена возвратилась домой отъ подруги, въ ней совершился такой переломъ, какой сразу и на долго измѣняетъ цѣлую жизнь. Сперва отчаяніе овладѣло ею, но она тотчасъ вступила въ борьбу съ этимъ чувствомъ, и окорбленная гордость помогла ей превозмогнуть его. Съ ней въ этотъ вечеръ случилось то же что бываетъ съ цвѣткомъ захваченнымъ утреннимъ заморозкомъ.

Въ ея сердцѣ что-то сомкнулось и поблекло. На слѣдующее утро она объявила мачихѣ что рѣшилась выйти за Ордынцева.

„Я не хочу быть несчастною изъ-за него“, думалось ей; и она считалась увѣрить себя что для нея существуютъ иная жизнь, иныя наслажденія и что съ Ордынцевымъ—по крайней мѣрѣ—честолюбивыя мечты, съ равнаго дѣтства заглаши-

ей на душу, найдутъ блестящее осуществленіе. Честолюбіе — это послѣдняя ставка для женщинъ, разочарованныхъ въ любви, когда натура у нихъ слишкомъ сильная чтобы надломиться отъ постигнутого ихъ горя. Выхода за Ордынцева, Елена конечно сама не знала что творила. Очень скоро впрочемъ она измѣрила послѣдствія рокового шага одѣланнаго въ минуту отчаянія. Несмотря на свою неопытность, уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ она знала своего мужа вдоль и поперекъ. Жизнь и дѣла до того иссушили этого не стараго еще человѣка что въ тѣсномъ кругу личныхъ вопросовъ и отношеній онъ не интересовался рѣшительно ничѣмъ. Его несомнѣваемый умъ будто зажавалъ, вращаясь въ этомъ кругу. Наружность этого сорокалѣтняго дѣльца была гораздо моложе и свѣжѣе его сердца, а между тѣмъ онъ — ко всему равнодушный — требовалъ себѣ отъ жизни того счастья на которое онъ былъ единственно способенъ, и ожидалъ что его молодая жена съ полною готовностію дастъ ему такое счастье. На это, думалъ онъ, ему давало право его крупное состояніе.

У Елены на первыхъ порахъ закружилась голова. Она поняла что стоить отдаться тому чувству отвращенія которое поднималось у нея противъ мужа, и она легко можетъ шагъ за шагомъ слуститься внизъ по торной, по загрязненной дорогѣ.

Къ счастью, она умѣла владѣть собой, и она выбрала иной, не легкой, но менѣе скользкій путь. Этому ненавистнаго ей мужа со всею его опытностію, со всѣмъ его цинизмомъ, она подчинить себѣ; и всѣ его способности, все его богатство, которыми онъ даже не умѣлъ пользоваться какъ слѣдуетъ, она сумѣетъ пустить въ ходъ. Этимъ скептикомъ съ драглющею душой она станетъ руководить какъ послушнымъ орудіемъ. Она заставитъ его работать, идти въ гору, и тогда можетъ-быть полюбить его какъ свое же созданіе.

Положеніе Ордынцева въ Петербургѣ на самомъ дѣлѣ вовсе не соответствовало его состоянію. На него смотрѣли какъ на человѣка вышедшаго въ люди. На службѣ онъ достигъ извѣстной довольно видной степени; но дальше не пошелъ; онъ не переступилъ черезъ ту грань которая отдѣляетъ чинащаго бюрократа отъ дѣятеля высшаго полета. И, страннымъ образомъ, Ордынцевъ довольствовался этою второстепенною ролью. Должно-быть онъ усталъ карабкаться вверхъ.

Въ кругу „потопающихъ“ его не считали своимъ. Друзья его, если у такихъ людей бывають друзья, тоже принадлежали къ дьяволову миру. Самый близкій изъ нихъ, Петръ Николаевичъ Кореевскій, еще болѣе самого Ордынцева жаль вездухомъ канцелярій. Все это Елена поняла очень скоро. Незаметные отгибки которыми отдѣляются слои петербургскаго общества быстро сказались ей чутью. Но она тотчасъ же рѣшила что ей предстоитъ задача, оставить свое общественное положеніе въ уровень со своими честолюбивыми мечтами, и что задачу эту она разрѣшитъ. Борьба правилась ей и помогала забытья. Въ главномъ орудіи, въ дельгахъ, недостатка у нея конечно не было.

Первые два года замужества прошли у нея на то чтобы овладѣть мужемъ и изучить все дѣйствіи на которомъ она должна будетъ потомъ двигать имъ какъ шахматною фигурой. Она заставила мужа много выѣзжать и въ то же время усадила его за усиленную работу. Какимъ-то чудомъ ей удалось пробудить въ немъ уснувшее было честолюбіе. И подчиненные его не могли надѣяться откуда взялась у ихъ начальника новая административная пруть.

Дада Еленѣ, графъ Соколыницкій, облегчилъ ей доступъ въ высшія сферы. Не маалаго труда и ловкости стоили ей однако тѣ осадныя работы которыя она упорно вела пока наконецъ открылись наконецъ предъ ней двери въ этотъ закодированный міръ. Когда успѣхъ наконецъ былъ достигнутъ, а на это потребовалось еще два года, Елена рѣшила что пора открыть приемны у себя. Ордынцевъ водей-неволей долженъ былъ купить и отдавать по вкусу жены домъ на Сергеевской, но за то съ него была снята элитамія сильно надѣдавшихъ ему выѣздовъ. Теперь Елена могла уже обходиться безъ своего невольнаго смутника. Въ 23 года она обезпечила себѣ положеніе не только красивой, любезной, но и серьезной женщиной. Ея успѣа были направлены именно въ эту сторону. Она хорошо понимала какъ опасно мамѣишее легкомысліе не въ поведеніи только, но и въ словахъ. Елена всегда была ескотница до чтенія. Теперь, развивая свой круговоръ, она въ то же время дѣлала карьеру. Въ чужеродномъ кружкѣ княгини Старобинской дѣлала ея мнѣніе и даже повторали ея сужденія. Елена такъ вошла въ свою роль что всѣ попытки сближенія съ ней на ней не отоль ответственности почти встрѣчали самый холодный, олокобный

отпоръ. Её нутра нежного сердца встрѣча съ Дмитріемъ: раздраженіе противъ него улеглось, и пріятное чувство,—она сознавала это,—могло захватить съ новымъ силой.

Но когда превратилась эта встрѣча,—тогда три уже послѣ замужства ея,—Дмитрій отнесся къ Еленѣ съ такою ледяною вѣжливостью что гордость помогла ей превозмочь и эту опасность.

Ордынцевъ между тѣмъ все болѣе углублялся подъ вліяніемъ жены въ служебную дѣятельность. Она позаботилась о томъ чтобы его отсутствіе въ тѣхъ домахъ гдѣ она бывала приписывалось усиленнымъ занятіямъ. Дома во время пріемовъ жены онъ показывался не надолго и всегда съ важною молчаливостью. Къ карьерѣ ведутъ многіе пути: таинственное молчаніе, за которымъ подозрѣваются глубокія мысли—однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ.

Во время своего усиливаемаго восхожденія по общественной лѣстницѣ Елена совершенно и вѣрнѣе забыла про меековскихъ родныхъ. Въ планы Клеопатры Андреевны разбился о ледяную сдержанность ледицериды. Поздравительныя письма къ праздникамъ и красивые подарки для Вани и Андриуши, вотъ чтѣмъ Елена удалось ограничить свои отношенія къ маичѣ. Она начинала мириться со своею жизнью, какъ вдругъ неожиданное открытіе пробудило въ ней давно забытыя тревоги. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ отъ ея всесторожно сбланивалъ про тѣ письма Дмитрія которыя до сихъ поръ лежали у Клеопатры Андреевны. Тутъ только она узнала что Дмитрій извѣщалъ ее про сомасіе матери, полученное послѣ долгихъ усилій. Очевиднѣе овладѣло ею, отчаяніе и мажда мести за отнятое у ней счастье. На дѣлую недѣлю заперлась она у себя, отдаваясь горю и пламенному желанію объясниться съ Дмитріемъ, и въ ея воздушную зааку потеряли для нея всякую дѣлу.

Но благоразуміе все-таки взяло верхъ. Къ счастью, Дмитрія тогда не было въ Петербургѣ. Елена одумалась и поняла что однимъ шагъ на встрѣчу Дмитрія, одно всеосторожное слово, и навсегда разбита та сѣтка которою она съ такими трудомъ окружила себя, утративъ общественное положеніе, достигнутое послѣ четырёхлѣтнихъ усилій. И когда они снова встрѣтились и опять обмѣнялись равнодушными словами, она уже настолько владѣла собою что удержала отъ готовившагося изъ ея трепещущаго губъ.

Эта побѣда надъ собою закалила ее; она твердо доигрывала свою роль. Теперь было уже не далеко до желанной развязки. Ея успѣхи все росли. Важныя лица заискивали въ ней. Одна очень высокостоящая особа была даже у нея на домашнемъ спектаклѣ. Ордынцева стали прочить на высокій государственный постъ. Одно только беспокоило Елену. Всегда прекрасное здоровье мужа дѣлалось шаткимъ.

Восемь лѣтъ непривычной для него жизни съ постоянною работою мозга, та вѣчная скрытая тревога въ которой держала его властвовавшая надъ нимъ воля молодой жены, незамѣтно подкосили Ордынцева. Разъ вовремя крупной партіи въ Англійскомъ клубѣ его сразилъ ударъ. На слѣдующій день сознание и языкъ возвратились, но Ордынцевъ чувствовалъ приближеніе конца и воспользовался этимъ послѣднимъ днемъ чтобы написать завѣщаніе. Тутъ, какъ проблескъ его проснувшейся воли, у него сказалось желаніе отомстить женѣ за ея долгое господство и за то презрѣніе къ нему которое онъ смутно чувствовалъ за ея ласковымъ обращеніемъ. Та вовсе уже не идеальная любовь, которую возбуждала въ немъ Елена, исчезла предъ могилой, и Ордынцевъ съ предсмертнымъ злорадствомъ оставилъ женѣ одну вдовью законную часть, завѣщавъ дочери отъ перваго брака все остальное имущество, въ томъ числѣ и недавно купленное имъ Никольское. Впрочемъ, такъ какъ почти все состояніе заключалось въ капиталахъ, эта вдовья часть была очень почтенныхъ размѣровъ. Опекуномъ надъ дочерью Ордынцевъ вмѣстѣ съ женой назначилъ своего друга Петра Николаевича.

Схоронивъ мужа, Елена окинула взглядомъ всю свою жизнь и страшная пустота сказала въ этой жизни. Въ двадцать восемь лѣтъ, съ ея умомъ, съ ея красотою она не знала любви. Да и на цѣломъ свѣтѣ не было человѣка къ которому она была бы привязана, кто бы ею дорожилъ. Болѣзненное сознаніе этого одиночества горько сказалось Еленѣ, и она съ испугомъ подумала о будущемъ, гдѣ можетъ-быть ожидаетъ ее то же безотрадное прозябаніе среди мнимыхъ, ничтожныхъ заботъ и въ концѣ этого неумолимая, холодная старость. Елена вспомнила про Дмитрія, съ которымъ она давно не видалась. Онъ путешествовалъ тогда за границей. Онъ не былъ женатъ.

Кто знаетъ, можетъ-быть воспоминаніе о ней еще жило въ его сердцѣ. Съ этою смутною надеждою она поѣхала въ Никольское.

IV.

Not enjoyment and not sorrow
Is our destined end or way,
But to act, that each to morrow
Finds us further than to day.

Longfellow.

England expects every man to do his duty.

Nelson.

Дмитрій очень добросовѣстно принялся за исполненіе своего обещанія Еленѣ. Онъ даже не дождался отвѣта дяди. Его негодующее чувство противъ Елены вдругъ какимъ-то чудомъ совершенно остыло. Оно стало ему казаться теперь чѣмъ-то почти ребяческимъ. Зачѣмъ было мстить за прошлое когда самъ онъ уже давно пересталъ сожалѣть о немъ? Развѣ онъ не можетъ относиться къ ней съ тѣмъ мирнымъ равнодушіемъ которое всегда приходитъ на смену угаснувшей страсти? Разсуждая такимъ образомъ, Дмитрій впрочемъ, какъ это часто бываетъ, невольно обманывалъ самого себя. Истинной причины случившейся съ нимъ перемены онъ не создавалъ. На самомъ дѣлѣ спокойная прелесть которою было проникнуто все ея существо сказалась и для Дмитрія.

И Елена не пробовала возвратиться къ прошлому, не оправдывалась предъ нимъ, хотя теперь ей это было такъ легко. Она тоже думала создать новую помпу для новыхъ отношеній, привлечь его не раскаяніемъ, а испробовать на немъ силу своего обаянія. Ей часто говорили что у нея совершенно мужской умъ, доступный тому что рѣдко на самомъ дѣлѣ интересуется женщина, тѣхъ по крайней мѣрѣ женщина которая умѣютъ быть откровенны съ собою. И она щедро подѣлилась съ Дмитріемъ тѣмъ сочувствіемъ его видамъ на будущую дѣятельность, которое такъ рѣдко можно встрѣтить у женщины. Товарищество съ женскимъ умомъ быть-можетъ самая дорогая и самая несбыточная мечта для тѣхъ кто въ жизни затѣвалъ сойти съ обычной колеи будничныхъ заботъ и развѣ навсегда намѣченной карьеры. Такое товарищество Дмитрій вполне нашелъ у Елены; конечно отъ него было неизмѣримо далеко до его прежняго молодого чувства къ ней. Умъ у нея постарѣлъ за эти десять лѣтъ постоянной борьбой за

общественное положеніе. Она сама не знала что на этой нозой лечь ей пропало не вернуть. Выть-можетъ, впрочемъ, она приберегала свое признаніе какъ вѣрное средство, точно такъ же какъ приберегаютъ козыря къ самому концу игры; но въ жизни, какъ и въ картахъ, этотъ расчетъ часто бываетъ ошибочнымъ.

Какъ бы то ни было, но Дмитрій очень скоро освоился въ Николаевскомъ. Выходя уже теперь не приходилось жаловаться на перерывъ отношеній къ сосѣдямъ. За то въ его сердце стало прокрадываться иная тревога. Женечка очень уже живо приволила къ Дмитрію. Она лгала къ нему особенное, полукомическое уваженіе, какъ будто онъ смилостивилъ въ ея глазахъ какую-то неопредѣленную власть. Онъ казался ей, хотя она и не знала почему, несомнѣннымъ авторитетомъ, и ей нравилось что она могла быть залпосто, вовсе не стѣсняясь, съ этимъ человекомъ, котораго всѣ цѣнили такъ высоко и серьезность котораго ея однако вовсе не лугала. Кто знаетъ? можетъ-быть она была не прочь и на немъ испробовать чарующую силу своихъ бархатныхъ глазокъ. Впрочемъ, обязанности добровольно принятыя на себя Дмитріемъ отъ вида его чуть ли не въ положеніе опекуна Женечки. Отвѣтъ Петра Николаевича не заставилъ себя долго ждать. Чиновный дядя прислалъ требуемую довѣренность, но въ то же время писалъ торжественно и сухо что уступаетъ лишь просьбѣ Еясы Михайловны и не можетъ допустить чтобы такой ученый и достойный человекъ, какъ господинъ Гондзевскій, не оправдалъ возложеннаго на него довѣрія. Онъ проситъ во всякомъ случаѣ не увольнять управляющаго до своего прѣзѣда, обѣщая быть въ Бѣлыхъ Столбахъ къ концу іюня; а между тѣмъ ученый господинъ Гондзевскій можетъ-быть отличнѣ зналъ многочисленные предметы академической программы, но владѣть самымъ обыкновеннымъ лугомъ не былъ въ состояніи, а людски и подавно. Хозяйство у него велось слугетя рукава, и трудно было рѣшить была ли тутъ виною одна самоувѣренная неумѣлость или, чего добраго, побужденія болѣе вреднаго свойства. Дмитрію, съ истинно польскимъ задоромъ, онъ отказался дать какой-либо отвѣтъ; а когда письмо Петра Николаевича заставило его смириться—этотъ задоръ смѣнился губкостью, не мѣшавшею ему, впрочемъ, огрызаться при случаѣ.

Разъ,—это было въ самыхъ первыхъ числахъ іюня,—Женечка,

услышавшая съ книгой подъ тѣнью стараго вяза, услышала доносившійся до нея громкій и раздраженный голосъ Дмитрія.

— Я не привыкъ, говорилъ этотъ голосъ,—шутить когда приказываю, и заставаю васъ это ловить. Я знать не хочу вашихъ возраженій и не буду стѣсняться вашею подписью. Вотъ что сдѣлаю я съ данными вами обязательствами!

Отвѣта Гондзевскаго Женечка не разобрала, но ей послышалось что чья-то рука нервно рвала на клочья какую-то бумагу. Черезъ нѣсколько секундъ калитка въ садѣ растворилась, и предъ нею стоялъ Дмитрій, не успѣвшій еще овладѣть своимъ гнѣвомъ.

— Я не зналъ что вы здѣсь, извинялся онъ, видимо сконфуженный тѣмъ что молодая дѣвушка слышала его рѣзкія слова.

— Мнѣ такъ совѣсто что вы изъ-за нашихъ дѣлъ...

Онъ не далъ ей договорить; его разгоряченное лицо снова приняло обычное спокойное выраженіе.

— Напротивъ, я очень радъ случаю побороться съ затрудненіями. Я пріѣхалъ въ деревню не сидѣть сложа руки, а въ Бѣлыхъ Столбахъ все черезчуръ уже гладко.

Они пошли по липовой аллеѣ, и Женечкѣ показалось очень интереснымъ то что онъ сталъ разказывать ей про хозяйство Никольскаго. Съ ней обращались какъ съ большою кою считали нужнымъ ей передавать такія серіозныя вещи.

— Вамъ не мѣшаетъ знать, пригодится, добавилъ онъ смѣясь.

За оградой вдоль которой они шли послышался конскій топотъ.

— Это вашъ братъ сюда ѣдетъ, я узнаю галопъ Солимана.

— Какъ, вы различаете даже звукъ копытъ его лошади, улыбулся онъ ей въ отвѣтъ.

Женечка покраснѣла. Они прошли къ оградѣ, къ которой теперь подѣвжалъ Володя.

— Вы разумѣется къ намъ? спросила она молодаго человѣка.

Володя сумрачно взглянулъ на брата и на Женечку.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ взволнованно, хоть и старался казаться равнодушнымъ,—я только думалъ прокатиться, и самъ не понимаю какъ сюда попалъ.

— Вотъ какъ! Прогулка верхомъ въ такой жаръ, лукаво замѣтила Женечка.

Въ самомъ дѣлѣ, потъ струился съ горячаго лба Володи.

Онъ выказалъ однако примѣрную стойкость и не выдалъ себя.

— Дома надо позаняться, отвѣчалъ онъ, хоть и очень затруднился бы сказать въ чемъ заключались эти занятія.

— Напрасно. Мы вотъ сегодня вечеромъ на свѣнокосъ собираемся на Курмиловскіе дуга, и Надя тоже общалась.

Женечка отвернулась отъ Володи, который неизвестно почему сталъ усиленно трепать взмыленную шею своей лошади.

— Дмитрій Алексѣевичъ, вернемтесь домой, воздухъ становится такой душный, какъ бы вечеромъ не собралась гроза.

И, въ самомъ дѣлѣ, небо приняло густой фіолетовый оттѣнокъ, будто къ нему поднимался какой-то паръ отъ высохшей земли, и тоскливая, гнетущая тишина какъ полдневный сонъ послѣ работы охватила усталую природу.

Елена Михайловна была не одна, когда они вошли въ уютную гостиную, гдѣ, какъ всѣ увѣрили, не было душно даже въ самый сильный зной. Они застали тамъ Томила и Боровскаго, да еще одного незнакомаго имъ господина, съ какою-то услаенною небрежностью усѣвшася въ креслѣ возлѣ хозяйки, которой что-то разказывалъ съ видомъ человѣка не сомнѣвающагося что его слушаютъ съ интересомъ.

При входѣ Женечки онъ однако мигомъ прекратилъ свою бесѣду, бросилъ папирску и подошелъ къ ней съ развязною любезностью.

— Очень радъ представиться вамъ, кузина, оказалъ онъ по-французски, протягивая ей руку.

Онъ былъ выше средняго роста, но его небольшая особа вся дышала силой и самоувѣренностью. Самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ отицалось его мускулистое тѣло и круглое, слегка румяное лицо и молодцоватый черныи усъ надъ слегка надменною губой. Еслибы не усталое выраженіе его большихъ глазъ, подернутыхъ влагой, нельзя было бы замѣтить что онъ уже сильно пожилъ и вся его молодость была показная. Что-то грубоватре было въ его несомнѣнно красивыхъ чертахъ и въ слегка хриломъ его голосѣ, хоть онъ и умѣлъ отицно владѣть этимъ голосомъ, какъ и своими словами и движеніями, и безукоризненно сохранялъ, когда того хотѣлъ, самыя утонченныя манеры. Это былъ сынъ графа Соколовскаго Борисъ, и трудно понять какъ такой сынъ могъ родиться отъ такого отца. Женечка не то чтобъ очень обрадовалась этому съ неба упавшему родственнику, но, чего грѣха

таить, ея тщеотавное сердце не прочь было лишній разъ получить дань поклоненія, тѣмъ болѣе лестную что графъ Борисъ Сергѣевичъ былъ столькоми годами ея старше.

— Прознаюсъ, не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить угадавшимъ предводителемъ, сказалъ ему Дмитрій, когда ихъ познакомили.

— Чѣмъ же, за умъ взялся, жора, круга мѣшай усъ отвѣтилъ графъ тономъ отличнаго мажора, чрезъ который муть-чуть оквозила слегка надменная нотка.

— Les temps sont durs, il faut retourner à la charge, по-чему-то перешелъ онъ на французскій языкъ.

Въ его судьбѣ незадолго предъ тѣмъ случилась совершенно негаданный поворотъ. Онъ занималъ приближенную должность при одномъ изъ маленькихъ дворовъ; положеніе его отца и собственное его умѣніе обеспечивали ему широкій и быстрый путь впередъ, и вдали мерещилась полная возможность со-временемъ сдѣлаться гдѣ-нибудь трехбучушнымъ пашой. Но эти мечты совершенно мечаяно разлетѣлись въ прахъ.

Произошло личное, чрезвычайное рѣзкое столкновение; мо-лодой-графъ въ припадкѣ гнѣва вшаель въ отставку, уѣхалъ въ одно изъ отцовскихъ имѣній и протѣявалъ свои много-общающіе аксельбанты на скромную деятельность уѣзднаго предводителя. Все это онъ сдѣлалъ съ чрезвычайнымъ тре-окомъ, дабы придать своему поступку значеніе демонстраціи. „Пока въ оппозиціи находятся какіе-нибудь Иваномы да Пе-тровоы, думаюсъ графу, въ душѣ глубоко пресрапшному свой уѣздъ,—она выѣденнаго яѣца не стѣнеть, но когда нѣ ея ра-дежъ увидать графа Соколыницкаго“.. а Борисъ Сергѣевичъ, хотя и былъ вовсе не глумый человекъ, чистосердечно во-ображалъ что вотриводитъ не на шутку Петербургъ. Но, увы! Петербургъ своею забывчивостью удивляетъ даже тѣхъ кто о немъ самаго плохаго мнѣнія. Правда, княгиня Вава серіозно говорила que c'est un symptôme des plus graves, а графиня Мими два раза пожалѣла о молодомъ графѣ, называвъ его une victime de la politique. Но этанъ дѣло и огра-ничилось; про жертву забыли, и ей приходилось лишь пробав-ляться невниманымъ глумленіемъ надъ тѣмъ что у насъ дѣ-лается, да утѣшать себя, проводя три мѣсца въ Парижѣ, чтобъ облегчить свое добровольное изгнаніе.

Елена Михайловна благосклонно вимала кисловагому сло-ворію своего двоюроднаго брата: она всегда дорожила ред-ствомъ съ Соколыницкими. Боровской графу поддакивалъ,

зеть и не трудно было уловить въ его одобрителныя слова отблескъ насмѣшливости. Видно однако самому графу надобно сыпать островами на любимую тему о томъ что у насъ все идетъ къ торгу; только онъ воспользовался появленіемъ Жювечки чтобы усердно златься ей. Онъ даже не добрегалъ расположеніемъ Джака, неизбежнаго спутника своей госпожи, и принялся макать его могучую голову. Но замечанія эти не понравились Джаку и въ отвѣтъ на нихъ онъ только скакалъ свои внушительныя зубы. Жювечка впрочемъ довольно охотно внимала льстивымъ рѣчамъ своего собесѣдника. Вдругъ предъ самымъ обѣдомъ неожиданно появился Володя, весело извѣщая что извѣщилъ своему намѣренію позавѣяться дома. Жювечка приняла его съ самымъ общими равнодушіемъ, и Володя въ свою очередь началъ кумилкамъ выказывать ей свое неудовольствіе, стараясь быть какъ можно болѣе колкимъ и холоднымъ. Графъ на претивъ былъ особенно въ ударъ, разговоривалъ болѣе всѣхъ и даже почему-то за обѣдомъ задумалъ дразнить бѣдную мяснѣ Фантъ, уверяя ее что Лондонъ ужасная трудоба и что Англичанки самыя безсердечныя женщины на свѣтѣ.

Когда все общество перешло на террасу пить кофе, густыя свинцовыя тучи заволакивали небо и быстро тянулись одна за другою, подгоняемыя рѣзкими ударами подымавшагося вѣтра. Воздухъ пестѣлъ, но тяжело было дышать отъ скользящаго электричества, будто какая-то тяжесть нависла надъ землей.

— Я думаю надо будетъ отказаться отъ нашей поѣздки, сказала Елена Михайловна обращаясь къ Томилину.

Вдали по временамъ слышались бѣдная молнія и слышались глухіе медленные раскаты.

— Гроза не будетъ, могу васъ увѣрить, отвѣтилъ Томилинъ, вглядываясь въ сѣрое небо.— Вѣтеръ идетъ съ востока.

Рѣшено было чрезъ часъ ѣхать на Куримовскіе дуга, не обращая вниманія на погоду.

— Вы, я слышалъ, подобно мнѣ, оставили Петербургъ и будете конечно служить по выборамъ, обратился графъ къ Дмитрію, и гаявъ его очень ужъ пыталово уставившись на Корсакаго.

— Не совсѣмъ подобно вамъ, былъ двусмысленный отвѣтъ Дмитрія.

Графъ задумчиво слѣдилъ взглядомъ за извивавшеюся голубоватою струйкой дыма отъ своей палироски.

— Всѣмъ порядочнымъ людямъ, продолжалъ онъ,—надо идти въ провинцію, къ землѣ, *roug infuser du sang nouveau*... надо поднимать, облагородить...

„Хороша-то будетъ свѣжая кровь“, подумалъ Дмитрій и встряхнулъ своими густыми, мягкими волосами, отвѣчая графу:

— Я не управлять сюда и не учить прѣѣхалъ, а учиться. Мнѣ тошно стало въ Петербургѣ вѣчно молотить солому вмѣсто зерна; и вотъ чтобъ окончательно не развратиться отъ этого занятого бездѣлья, а хочу здѣсь поискать настоящаго, хоть и скромнаго дѣла...

Они подошли къ Еленѣ.

— Въ деревнѣ бываютъ дѣла во множественномъ числѣ только, но ровно никакого дѣла, сострилъ графъ.

— Еще бы, вѣдѣлся Володя, одинаково возбѣшенный и противъ брата, и противъ новаго гостя. — Настоящее дѣло можетъ быть лишь тамъ гдѣ есть развитые люди.

Томилкинъ смѣясь потренировалъ молодого человѣка по плечу.

— Да, а вотъ еще одно изъ теперешнихъ любимыхъ словъ; оказалъ онъ,—прежде были просто люди глупые и умные и таковыми оставались по смерти, а теперь изобрѣли эту кличку развитыхъ. И чтѣ въ нихъ развивать-то приходится?

Володя вспыхнулъ:

— Вы стало-быть отрицаете...

— Ничего я, дружокъ мой, не отрицаю; а напротивъ положительнѣе утверждаю что на самомъ тучномъ черноземѣ пшеница сама собой не выростетъ пока зерна по пощѣшь; зерно, братецъ мой, первое дѣло, а культурой тамъ и средой, какъ вы ее называете, безъ зерна ничего не подѣлаешь.

Боровской всталъ и засмѣявшись обратился ко графу:

— Видите какіе у насъ здѣсь столпы благонамѣренности, а въ Петербургѣ увѣряютъ что провинція заражена.

Графъ пожалъ плечами.

— А вамъ, продолжалъ Николай Осиповичъ, обращаясь уже къ Дмитрію,—я отъ души желаю найти здѣсь достойное поле дѣятельности, конечно не официальной дѣятельности, такъ какъ вы отъ нея сторонитесь...

— Вамъ стоить только захотѣть чтобы стать предводителемъ на мѣсто Ухова, опять съ нѣкоторою пылкостью во взглядѣ добавилъ графъ.

Дмитрій посмотрѣлъ на нихъ обоихъ, и на мигъ его глаза насмѣшливо заискрились.

— Я никакихъ должностей не ищу, сказалъ онъ,—а коли вамъ представляется загадочнымъ то дѣло про которое я сейчасъ говорилъ, извольте, я скажу вамъ какъ я на него смотрю. Много у насъ говорилось про сближеніе съ меньшею братіей да про улучшение народнаго быта. Только говорилось оно всегда совершенно такъ какъ будто дѣло шло объ улучшеніи какой-нибудь породы скота. Масса, народъ, меньшая братія, да вѣдь это все отвлеченности какія-то, придуманныя для того чтобы смотрѣть издалека, не марая себѣ рукъ, а вѣдь народъ не сплошная масса, въ немъ живые люди, не похожіе другъ на друга; чему жь удивляться коли онъ на всѣхъ насъ смотритъ съ недовѣріемъ? Чтѣ онъ получилъ отъ насъ, развитыхъ людей, какъ сказалъ братъ? Сперва крѣпостное право, а потомъ презрительное газетное и канцелярское вѣжливцацѣе, которое мимо него, чрезъ его голову, бьетъ на либеральный эффектъ. Пора каждому изъ насъ просто, безъ ужимокъ, ближе подойти ко крестьянской избѣ, лично подѣлаться съ мужикомъ тѣмъ чтѣ мы можемъ ему дать, не деньгами только, а честнымъ вліаніемъ. Это тоже, коли хотите, значитъ идти въ народъ.

— Да надѣть поддевку и смазанные салоги, отвѣтилъ графъ и пожалъ плечами,—эту лѣсню вамъ давно изъ Москвы налѣзають.

— Маскарадовъ вовсе никакихъ не нужно. Потому что онъ тоже игра въ народность, а у мужика великая смѣтка на всякое раженье; надо въ самомъ дѣлѣ убѣдить ихъ что мы на нихъ какъ на людей смотримъ, а не какъ на игрушки, которыми въ досужее время не мѣшаетъ позабавиться. Кабы всякій изъ насъ поодиночкѣ зналъ хотя бы каждую семью изъ своихъ прежнихъ крѣпостныхъ и помогаль бы гдѣ и какъ нужно, а не просто огульно выдавалъ бы известную сумму для очистки совѣсти. Какъ вы думаете? мало бы тутъ было дѣла?

— Это вы цѣлаю громадную стѣну хотите по камешкамъ разбирать, сказала Елема, внимательно слѣдившая за каждымъ словомъ Дмитрія, хоть глаза ея не выдавали полученнаго впечатлѣнія.

— Она рухнетъ, повѣрьте мнѣ, отвѣтилъ онъ,—хотя конечно самая китайскія стѣны тѣ которыя создало воображеніе.

Онъ обернулся. За нимъ стояла Нада—молодая дѣвушка недавно пріѣхала—и въ первый разъ глаза ея остановились на немъ безъ недружелюбнаго взгляда.

Вѣтеръ гулялъ предъ обоей все новыми тучи; солнце еще высоко стояло, но полутьма надвигалась съ заволоченного неба и лишь украдкой сквозь тучи пробирался лучъ и на мигъ вслѣживалъ на потемнѣвшей листвѣ.

— Что же чхать? благословаете? слова перивитительно обратилась Елена къ Томилу.

Дамы пошла сдѣлаться.

— А знаете что, шутило обратилась Боровской къ Дмитрию, оставившей съ ними вдвоемъ на террасѣ,—было бы совершенно достаточно оказаннаго вамъ сейчасъ, вашего ходженія въ парадѣ, чтобы причислить васъ къ изгнечисленной фалангѣ неблагонадежныхъ. Очень немного пришлось бы извинить въ вашихъ словкахъ..

— Я не сомнѣваюсь въ вашей способности извращать чужія мысли, резко отвѣтила Дмитрій.

Лошади были поданы. Графъ помѣстился съ Женечкой въ летенскъ кабріолетъ похожеть на корсуну, и съ видомъ опытнаго спортсмена схватилъ вожжи и степенно по лошадинымъ бичемъ. Не малелькія шведки оказали ему великое уваженіе, и Женечкѣ пришлось, къ его великой досадѣ, взять вожжи изъ его рукъ. Остальнаго помѣстился на высокомъ парабанѣ, очень замысловатомъ по формѣ. Странными казались троичная упряжь и красная рубаха кучера съ этикетъ верусскимъ акантемъ, замыкающимъ кое-гдѣ стародавнюю помѣщичью лифточку, столь валомилавшую Невеѣ конюгъ.

V.

Die Frauen lesen besser im fremden Herzen
als im eigenen.

Jean Paul.

Die Rosen und der Flieder
Und Nelken und Jasmin
Die kommen alle wieder
Und werden wieder blühen.
Nur nicht die Lieb' und Treue,
Wenn sie verloren ist,
Und keimt kein Herz auf's Neue
Das schon gebrochen ist.

Gräpp.

До Курмиловскихъ луговъ было верстъ около девяти. Почти отъ самаго Никольскаго летянулась мелкая дубовая заросль, а потомъ вплоть до луговъ дорога съ небольшими перерывами

шла лѣсомъ. Мѣстность была колымская, изрѣзанная небольшими оврагами. Въ жаркіе лѣтніе дни это была лучшій уголокъ въ цѣломъ окресткѣ; вѣсь всегда тавало прохладой отъ недалекой Воаги. Туи все еще шли по небу, но вѣтеръ уже не такъ первично гналъ ихъ предъ собой, и гроза уходила все дальше въ заволожскую степь. Лишь изрѣдка, среди наступившей вечерней тишины, мѣрно и торжественно слышались отдаленные раскаты. Встрепенутая природа улеглась, и вѣяніе грозы только все дальше уносило съ собой тяжелое удущее ильинскаго дня. Предсказаніе Томилана сбылось.

Едва успѣла тройка вѣхать въ дубовую чащу какъ отъ одного изъ деревьевъ у самой дороги отдѣлилась оторопѣлая, почти испуганная фигура, въ которой сидѣвшіе въ экипажѣ тотчасъ узнали г. Гомдзевскаго. Онъ дремалъ мимо, низко кланяясь, и будто жала стуженаяголя. Въ то же время другой какой-то человекъ, очевидно тутъ же стоявшій, быстрыми шагами скрылся за деревьями.

— А, да это кажется нашъ землемѣръ, сынъ священника, Василій, сказалъ Дмитрій.—О чемъ они могли тутъ шушукаться?

— Очень мнѣ не нравится вашъ управляющій, замѣтилъ Томиланъ Елевъ Михайловичъ.

— Сдается мнѣ, улыбнулась Боровской,—что еслибы попытаться въ этой мѣстности, нашлось бы кое-кого притянуть къ отвѣту. Этотъ Василій мнѣ въ особенноти очень подозрителенъ.

— Съ Божією помощью справимся и безъ отеческой руки начальства, возразилъ Дмитрій.—А знаете мнѣ, обратилась еще къ Еленѣ,—что мнѣ сегодня пришлось почти насильно вырвать у Гомдзевскаго условіе заключенное имъ тайкомъ со здѣшними крестьянами на расчистку этого лѣса, благодаря которой чрезъ два года въ лѣсъ не окажется бы ни одного дуба. Къ счастью, условіе не было засвидѣтельствовано.

— Вы поступили не особенно легально, смѣясь замѣтилъ Боровской.

— Въ своемъ имѣніи я бы вѣроятно такъ и не поступилъ. Но вельва же ради легальности давать на расчищеніе лѣсъ. Впрочемъ, съ крестьянами не мудрово будетъ сговориться. Я съ ними уже толковалъ.

— Теперь стюкось, въ эту пору вѣкто до лѣса не косятся, сказалъ Томиланъ.

— А куда дѣвался вашъ братъ? спросила Дмитрія Елена.— Онъ съѣзъ на свою лошадь и исчезъ.

Какъ бы въ отвѣтъ ей, позади раздался местовый лай Джака. Володя на своемъ Солиманѣ, какъ разъ въ такомъ мѣстѣ гдѣ засѣлъ мелкій, густой подлѣсокъ, вдругъ изъ-за кустовъ выскочилъ на дорогу и хотѣлъ должно-быть похвастать предъ Женечкой своею лихою ѣздой. Ему только удалось налутать ея шведокъ; онѣ рванулись въ сторону, и графъ быть-можетъ съ излишнимъ усердіемъ ухватился за вожжи, довольный случаемъ явиться спасителемъ Женечки. Джакъ накинулся на Солимана, и Володѣ конечно не одобровать бы еслибы почтенныя лѣта его лошади не приучили ее хладнокровно встрѣчать самые неожиданныя случаи.

— Какъ вы неосторожны! Такъ ѣздить нельзя, гнѣвно воскликнулъ графъ, а Женечка только насмѣшливо прищурила глазки, дѣлая видъ что не смотритъ на Володю. Это раздражило его конечно гораздо болѣе словъ графа, и мелочливый Солиманъ полатился за обоихъ. Володя сердито ударилъ его хлыстомъ и неправильнымъ галоломъ повелся впередъ по дорогѣ.

Черезъ полчаса экипажи вѣзжали на довольно большую поляну. Ее обступали порѣдѣвшія группы деревьевъ, а за нею тянулся обширный лугъ отлого спускавшійся къ рѣчкѣ, той самой рѣчкѣ которая выше протекала черезъ Бѣлые Столбы. Здѣсь она лѣживо извивалась по луку, а дальше внизъ вдругъ рѣзко поворачивала и скрывалась за круто выступившимъ обрывомъ. Лысое лоскогорье будто стѣна тутъ замыкало видъ. Оно медленно поднималось какъ огромный зеленоватый шатеръ со стороны поляны и только у самаго берега круто спускался его будто отрѣзанный скатъ. Здѣсь, да на самой вершинѣ, обнаженная желтоватая глина выступала изъ-подъ тощаго покрова рѣдкой, полузасохшей травы. Теперь совсѣмъ уже остановились тучи и свинцовымъ покровомъ повисли надъ головой, а на западѣ лонемногу свѣтлѣло и олукавшееся солнце косыми лучами рѣзко освѣщало желтую вершину холмовъ. А съ лѣса уже вѣло тѣнью и легкая дымка тумана ложилась на луга. Вездѣ въ беспорядкѣ мелькали свѣжія колны и все слышнѣе несся отъ нихъ острый запахъ свѣжаго сѣна. На самомъ концѣ у холмовъ косцы кончали работу. Ихъ длинныя бѣлыя рубахи—ближайшая деревня была татарская—рѣзко выдѣлялись среди

пестрой кучки дѣвушекъ загребавшихъ вслѣдъ за ними траву. На полянѣ за косьбу еще не принимались, и густая жирная трава, настоящая стелная трава, какъ волна разстудалась предъ лошадьми, точно она готова была утопить ихъ въ своей сочной, зеленой глубинѣ.

Женечка объявила что непременно хочетъ поближе по-смотреть на грабелъщицъ, потому что эти Татарки, какъ она увѣрала, такія смуглыя и хорошенькія. что настоящая прелесть, да и одѣваются онѣ совсѣмъ не по-русски и носятъ на головѣ и на шеѣ золотыя монеты. Все это казалось ей очень привлекательнымъ. Графъ даже предложилъ вывѣсть дѣвушекъ послѣ работы на поляну чтобъ устроить какія-нибудь пляски или хороводы: онъ не прочь былъ можетъ-быть и поближе свести знакомство съ хорошенькими Татарками, на то вѣдь и свѣдѣнокъ установленъ, но этому къ сожалѣнію мѣшало присутствіе дамъ. Елена Михайловна однако объявила что она терпѣть не можетъ этихъ „*raisonneries de convention*“, что Татары очень дичатся и что сама она вдобавокъ слишкомъ недавно въ Никольскомъ и потому крестьянѣ ея почти не знаютъ. „Олять китайская стѣна“, замѣтилъ Боровской. Обѣ молодыя дѣвушки съ графомъ и съ Томилынымъ спустились къ луку, Володя сумрачно остался нѣсколько позади съ Боровскимъ, которому вѣроятно очень надоѣдалъ затѣянннмъ съ нимъ серьезнымъ разговоромъ. Дмитрій и Елена какъ-бы невольно остались вдвоемъ. Имъ даже, почему то стало неловко и они безо всякой опредѣленной цѣли медленно вернулись въ лѣсъ.

— Мнѣ показалось, Елена Михайловна, началъ Дмитрій,—что вы очень недовѣрчиво отнеслись къ тому что я высказалъ тамъ у васъ на террасѣ. Вы какъ будто думаете что я предаюсь несбыточнымъ мечтамъ, неправда ли?

— Признаюсь вамъ, да. И что за охота вамъ приносить свои способности въ жертву иллюзіямъ? Вы можете сдѣлать многое, но не на этомъ поприщѣ. Я хотѣла бы васъ видѣть на настоящей дорогѣ, на той которая ведетъ ко всему, и если бы вы только захотѣли, я могла бы можетъ-быть вамъ облегчить первые шаги...

Онъ разсмѣялся.

— Благодарю васъ, но у меня честолюбія нѣтъ, и на его лицѣ и тѣни не было того притворства съ которымъ произносятся у насъ эту фразу молодые люди чающіе карьеры,—то-есть нѣтъ петербургскаго честолюбія по крайней

мѣръ. Я слишкомъ скромна да и слишкомъ горда для призрачнаго дѣла.

— Я вѣсь не покинула, отвѣтила она.— Неужели вы удивитесь какими-то убедительными успѣхами изъ-за такихъ мелочей какъ всѣ эти земскія школы и проекты отъ которыхъ и пользы-то настоящей нѣтъ никому?

Говоря это она оставалась подъ одинокими старыми дубомъ, голые искривляемые сучья котораго все еще бодро поднимались къ открытому небу, готовые заберечься со вьюгой и бурей, но едва могли сообщить живую своей рѣдкой листвою. Лицо ея вдругъ оживилось, слегка даже зарумянилось и непривычнымъ блескомъ вслышавши ея глубокіе, всегда спокойные глаза.

— Да развѣ для того чтобы быть полезнымъ, живо возражая Дмитрій,—непрестанно надо вѣять официальную вывѣску? Или выкинуть какой-нибудь? Развѣ нельзя быть просто частнымъ человѣкомъ поступившимъ какъ самому хочется?

Ему захотѣлось непремѣнно убедить эту смѣтливую не по лѣтамъ женщину, которую отрадное ея замужество рано научило распознавать людей и смотреть на жизнь безъ иллюзий.

Она слегка покачала головою и улыбнулась.

— Это частная, исключительно семейная жизнь, сказала она,—не для васъ создана. Для брата каждаго она можетъ родиться, потому что изъ него, несмотря на всѣ его увлеченія, выйдетъ современный привѣрный хозяинъ и отецъ семейства. Ну, а вы... я знаю васъ немножко, Дмитрій Алексѣевичъ! Вы не имѣете права запереться въ такомъ тѣсномъ кругу. Не скрою отъ васъ, я того мнѣнія что жить для одного семейства значитъ не жить вовсе или по крайней мѣрѣ очень добродѣтельно не дѣлать ровно ничего.

Семейная жизнь! И она говорила про эту жизнь презрительно, она, благодаря которой онъ этой жизни до сихъ поръ не узналъ! Эти немногія слова вырвали въ немъ исчезнувшую горечь прошлыхъ воспоминаній, и голосъ его слегка задрожалъ когда онъ сталъ отвѣчать ей.

— Вы забываете, Елена Михайловна, что вы сами одѣлали для меня невозможную жизнь о которой я когда-то мечталъ.

Онъ стоялъ прямо предъ ней, прислонясь къ низко растущей вѣткѣ дуба. Его каріе глаза загорѣлись. Разговоръ ихъ принялъ такой неожиданный оборотъ, что Еленѣ даже жаль

было открывать ему веро истинны. О, еслибы онъ могъ знать какъ дорого бы она дала чтобы жить съ нимъ этою жизнью, и какъ бы она сумела вывести ее изъ ужасной калеи будничныхъ работъ!

— И вы до сихъ поръ не перестали упрекать меня, Дмитрій? сказала она тихо.—И вы до сихъ поръ не догадались?..

Она не договорила и посмотрѣла ему прямо въ глаза, чтобы прелесть въ нихъ ту тревогу ожиданія которую ей такъ хотѣлось въ нихъ увидѣть, но огонь въ нихъ уже успѣлъ потухнуть, и только недоброчивая улыбка показалась на его губахъ.

Она сказала ему какъ все случилось, какъ надоело было испорчена ее жизнь и въ истинѣ ее одолевъ великая была утомляемость, такъ неподдаваемо звучало въ ней горькое сожалѣнiе.

— И вотъ, Дмитрій, закончила она мягкимъ, почти умоляющимъ голосомъ,—отъ какой случайности все такъ рѣшительно произошло. Я до сихъ поръ не могу предсчитать, не могу вспомнить объ этихъ украденныхъ нисманъ, изъ-за которыхъ вы должны десять лѣтъ считать меня обманщицей..

Но та струна въ его сердцѣ которой она думала коснуться порвалась уже слишкомъ давно. Онъ старался успокоить Елену, сочувственно отозваться на вызванные ею воспоминанiя, но страннымъ образомъ онъ, такъ долго удерживавшій ее, не былъ пораженъ этимъ открытiемъ.

VI.

Страннымъ образомъ ее чуткое ухо не подмѣтило почти равнодушной ноты въ его словахъ. Ей слишкомъ хотѣлось воскресить прошлое. Она слишкомъ надѣялась на это объясненiе, которое такъ долго откладывала, чтобы не обмануть себя.

Они подошли къ самой опушкѣ, откуда у ихъ ногъ разстилался широкий дугъ. Небо стало проясняться, косы рабочихъ вдали сверкали отъ заходящаго солнца. Съ дуга близъ того мѣста гдѣ онъ стояли слышались веселые голоса.

Железка и Соколыцкiй взяли за грабли и съ помощью Томилина нагребли цѣлую высокую кучу свѣжаго сѣна, изъ которую теперь молодая дѣвушка взбралась, перекидываясь съ графомъ скомканными въ мячъ охапками пахучей

травы; Надѣ сообщилось ея оживленіе, и обѣ дѣвушки, стоя на высокой коллѣ, начали защищаться отъ прочихъ. Даже Боровской не отставала отъ другихъ. Однако Володя нахмурившись оставался въ сторонѣ, нетерпѣливо играя своими хлыстикомъ.

— Вотъ какъ молодежь забавляется, сказала Елена любовясь игрой.—Какъ мы однако постарѣли съ вами, Дмитрій! И неправда ли, какъ мало я гожусь для этой сельской обстановки? Вѣдь мы съ вами даже не знаемъ что дѣлать здѣсь на одиночку; и вы конечно въ правѣ спросить у себя, съ какой стати я затѣяла эту прогулку.

Она улыбалась говоря это, хотя смутно и чувствовала въ эту минуту что молодость еще сохранившаяся на ея свѣжихъ чертахъ давно уже утрачена ея сердцемъ. Они слустились на дугъ.

— Ну Татары эти совсѣмъ не то что я ожидала, объявила Женечка соскакивая съ коллы, — какъ двѣ капли воды на Русскихъ похожи, хоть положимъ у мужчинъ стриженные волосы, а женщины сарафановъ не носятъ. И ничего красиваго нѣтъ въ ихъ нарядѣ, и золотыхъ ожерельевъ не оказывается.

— На свѣтъ всѣ, мой другъ, гораздо болѣе другъ на друга похожи чѣмъ воображаютъ, сказала Елена.

— Николай Осиповичъ, продолжала дѣвушка, — предлагаетъ вотъ на эту гору войти, и она указала на лысый холмъ замыкавшій дугъ.—Тамъ, говорятъ, видъ очень красивый, да и все мѣсто здѣсь, вы знаете, историческое. Федоръ Васильичъ увѣряетъ что именно здѣсь былъ ставъ Пугачева, когда онъ..

— Бѣжалъ сюда отъ Михельсона изъ-подъ Казани, договорилъ за нее Томилинь.

— Не поздно ли будетъ? сказала Елена Михайловна.

Однако рѣшено было пойти, такъ какъ всѣ увѣрили что взобраться на вершину можно въ полчаса.

— За что вы дуетесь? спросила Женечка, проходя мимо Володи, который все держался поодаль.

— Владиміръ Алексѣевичъ ждетъ не дождется пока онъ насъ вновь удивитъ своею вѣдой, замѣтилъ графъ.

Молодаго человѣка взорвало:

— Кому нравится по сырой травѣ кататься, кому нѣтъ, возразилъ онъ рѣзко и посмотрѣлъ на Женечку съ самымъ сокрушающимъ недобревіемъ.

— Ваши лѣта, конечно, этого не позволяютъ, продолжалъ графъ.

У Женечки только правильная дуга ея темныхъ бровей гордо приподнялась и она молча отошла прочь.

— Что жь? идемъ смотрѣть мѣсто столыки Пугачева, сказалъ Володѣ Боровской.—Для васъ это конечно дорогое воспоминаніе?

— Смотрите что вамъ угодно, не долго вамъ ждать новаго Пугачева, услѣдете налюбоваться, произнесъ Волода такъ громко чтобы всѣ его могли слышать. Онъ тутъ же пошелъ отыскивать своего Солимана и ускакалъ домой. А Женечка хоть и пожала плечиками, услышавъ восклицаніе, но что-то ужъ очень разсѣянно стала теперь внимать веселымъ разговорамъ графа. Боровской и Нада остались немного позади другихъ.

— Вы должны входить съ уваженіемъ на этотъ пригорокъ, началъ онъ полусмѣя,—вѣдь здѣсь классическая мѣстность русскихъ бунтовъ. Тутъ и пугачевцы хозяйничали, и кто знаетъ на которомъ изъ этихъ холмиковъ зажигали сторожевые огни во времена Стеньки Разина... Доживемъ можетъ-быть когда снова закипитъ здѣшній народецъ подъ фальшивые звуки „внизъ по матушкѣ“ этой доморощенной *Марсельезы*.

Она почувствовала легкій морозъ по спинѣ, потому быть-можетъ что такъ странно было это слышать отъ Боровскаго.

— Боюсь только, отвѣтила она вполголоса, глядя на него въ упоръ,—какъ бы судьи тогда не превратились въ подсудимыхъ.

— И будетъ тогда, конечно, судъ скорый если и не правый. А знаете, маѣ иногда приходится въ голову, какъ мы это заботво, мы, ничтожная горсть, живемъ окруженные этою страшною слящею мужицкою силой... Точно у насъ въ головахъ вмѣсто подушки ящикъ съ динамитомъ.

Она остановилась и заговорила почти шепотомъ:

— Я не понимаю, какъ можете вы, съ вашимъ яснымъ умомъ, относиться ко всему этому съ вѣчною прокией. Ваше настоящее мѣсто—вы сами это давно знаете—въ рядахъ тѣхъ которые идутъ впередъ.

Насмѣшливое выраженіе тотчасъ слетѣло съ его лица.

— Ахъ, Надежда Сергѣевна, сказалъ онъ,—я съ бѣлымъ еще правомъ къ вамъ обращаюсь съ противоположнымъ вопросомъ: какъ вы, съ вашимъ яснымъ умомъ, не поняли что

это мнимое впередъ не что иное какъ верченіе бѣлки въ колесѣ; неужели намъ, выдающимъ болѣе другихъ, такъ какъ нашъ кругозоръ обширнѣе, идти на буксирѣ у мальчишекъ все разрѣшившихъ съ храбростію незнанія. Намъ слѣдуетъ беречь себя для того времени когда поймутъ наконецъ что гимназисты не кончившіе курса не годятся даже въ застрѣльщики. Вѣдь только у насъ произвели въ лютое сословіе, которому всѣ обязаны подчиняться, эту аристократію въ новомъ родѣ—молодое поколѣніе. А вѣдь что же новаго оно для насъ придумало за пятнадцать лѣтъ своего процвѣтанія? Страженныхъ женщинъ на улицѣ и въ литературѣ. Однако пойдемте, мы отстаемъ.

Надя стала возражать, но въ ея голосѣ слышалось недобріе къ собственнымъ словамъ. Опять оказалось въ ней, какъ всегда предъ этимъ человѣкомъ, внутреннее раздвоеніе. Ее и отталкивалъ и привлекалъ въ то же время его холодный умъ, дѣйствовавшій какъ разлагающая сила, какъ химическій реактивъ.

— И ради чего, продолжалъ онъ,—вызываютъ они на подвигъ, эти апостолы безсознательной вѣры, ради того чтобы какому-нибудь Кузьмѣ Миорову, котораго они знаютъ изъ книжекъ, лучше жилось на свѣтѣ? Да какое мнѣ дѣло до Кузьмы Миорова, столь же чужаго мнѣ какъ краснокожіи Индіицы? Вѣдь если онъ когда-нибудь проснется, онъ первымъ долгомъ сочтетъ передошнить своихъ непрошенныхъ печальниковъ, а потомъ выдвинетъ изъ своихъ же рядовъ такихъ героев кулачества которые почище обдерутъ собственную братію чѣмъ любые опричники.

— Ну, теперь я понимаю, сказала она, и негодующая нота прозвучала у нея,—почему вы такъ охотно произносите обвинительныя рѣчи.

— Теперь понимаете, засмѣялся онъ,—въ самомъ дѣлѣ? И конечно возмущаетесь тѣмъ что я такъ откровенно разбиваю ваши идолы? И все-таки этимъ идоламъ и я поклоняюсь, только не по вашему, конечно. Для меня они разукрашенные истуканы; годные для толпы, но за ними я вижу ту настоящую, могучую силу, которая всѣхъ насъ двигаетъ впередъ, хотя бы и ей служили слѣпыя орудія. Жизнь все-таки становится шире и выше, какъ бы ни вазла она въ тнѣ предразсудковъ. Путь развитія не гладкая садовая дорожка. Это тяжелый головоломный луть; и не бѣда что слабые на

вѣтъ себѣ ломаютъ шею. Наступитъ очередь и для настоящихъ, для зоркихъ руководителей, и на этотъ-то часъ и надо приберечь себя. Кто знаетъ, онъ можетъ-быть недалеко. И на этомъ пути, хоть мы вышли съ вами на него съ различныхъ сторонъ, мы все-таки можемъ подать другъ другу руку. Ни у васъ, ни у меня голова не закружится.

Теперь она снова его невольно заслушалась, и странное обаяніе имѣли для нея эти мудренныя рѣчи. Порою ей казалось что слышитъ она въ нихъ шюй, тоже давно ей знакомый голосъ, когда-то ее тоже увлекавшій, голосъ Неродовича.

Они дошли до вершины пригорка. Небо теперь совершенно очистилось; только къ востоку, гдѣ скатъ шелъ къ рѣкѣ, темная мгла окутала небосклонъ, и крутой берегъ, чуть за мѣство желтѣвшій вдали, и вся безпредѣльная лѣговая гладь степей за Волгой утопали въ сѣромъ полумракѣ. Тутъ темныя тучи рѣзко выдѣлявшіяся на вечернемъ небѣ стояли еще непроницаемою стѣной. По временамъ лишь дальняя зарница вслыхивала на мигъ и освѣщала заливъ рѣки, и огненные струйки зажигались на темной поверхности воды. Вдругъ на одно мгновеніе всю широкую даль обдало пламенемъ и будто завѣса закрылась и вся глубь необъятной картины замерцала посреди мрака. Даже бѣлыя колокольни города, невидимыя до того, выступили какъ привидѣнія. Всѣ замерли любуясь неожиданною прелестью вида. Они еще долго стояли тутъ, выжидая какъ бы еще разъ освѣтилась картина, только-что снова ушедшая во мглу. Но этотъ отблескъ грозы былъ уже послѣдній; ночь наступала торжественно и тихо, глубокая степная ночь. Они молча сошли къ полямъ. Для гостей было уже слишкомъ поздно чтобы возвращаться въ Никольское. Экипажи вслѣдъ за своими господами проѣхали къ Курмиловскимъ лугамъ, а оттуда было рукой подать до города и до Бѣлыхъ Столбовъ.

Одинъ только графъ вернулся съ Еленой Михайловной и Женечкой. Онъ лишь на другой день собирался въ свое имѣніе, гдѣ ждалъ его отецъ.

Дмитрій усадилъ Надю въ тарантасъ:

— Какъ вы неосторожны, сказалъ онъ ей, замѣтя что она даже не взяла съ собой накидки.—Ночные туманы здѣсь опасны, и онъ бережно укуталъ ее въ свое пальто, не взирая на ея протесты. Какая-то отеческая заботливость была въ его обращеніи съ ней, и конечно ужъ не вражда къ молодой

дѣвушка говорила въ его глазахъ, когда онъ такъ заботливо охранялъ ее отъ ночной прохлады.

Они скоро выѣхали въ открытое поле; послѣ грозы ночь была свѣжая, душистая. Въ воздухѣ пахло полынью и ржанымъ хлѣбомъ. Они молча сидѣли, не глядя другъ на друга; но у обоихъ въ головѣ колошился вопросъ, откуда въ нихъ, которымъ такъ легко было бы сойтись, зародилось такое странное отчужденіе.

— Что вамъ проповѣдывалъ Боровской, весело спросилъ онъ, когда они уже стали подъѣзжать,—по обыкновенію революцію въ видѣ-мундирѣ?

Она не отвѣчала. Ей почему-то непріятно показалось что онъ вдругъ коснулся вопроса который въ ней самой возбуждалъ почти болѣзненное недоумѣніе. Ея брови даже сдвинулись, и строгитивое выраженіе опять показалось на ея чертахъ.

— Ахъ Надя, Надя! вырвалось у него, и онъ съ укоромъ покачалъ головой:—зачѣмъ вы всегда такая странная? Какъ будто васъ кто-нибудь обязываетъ во мнѣ видѣть врага.

Въ первый разъ онъ называлъ ее уменьшительнымъ именемъ. Оно прозвучало въ ея ухахъ почти обидой, хотя Володя ее всегда называлъ просто Надей. Она и на этотъ разъ не отвѣчала; онъ даже не могъ разглядѣть ея лица. Она отвернулась, и голова ея спряталась въ самый уголъ тарантаса. На крутомъ поворотѣ дороги, молодой мѣсяцъ телерь глянувшій прямо на нихъ вдругъ обдалъ ее серебристымъ лучомъ, но что увидѣлъ мѣсяцъ на этомъ лицѣ, остался ли на немъ слѣдъ враждебнаго чувства къ ея слутвику, про это онъ одинъ могъ повѣдать, а мѣсяцъ ни съ кѣмъ не дѣлится многолѣтними своими наблюденіями.

VI.

Let us then be up and doing
With a heart for any fate,
Still achieving, still pursuing
Learn to labour und to wait.

Longfellow.

Весенній разливъ каждый годъ въ Бѣлыхъ Столбахъ и въ окрестныхъ селахъ оставлялъ послѣ себя неизбѣжнымъ слѣдомъ лихорадку. Народъ впрочемъ особеннаго вниманія

на нее не обращалъ, такъ какъ жертвъ она почти совсѣмъ не уносила. Въ Бѣлыхъ Столбахъ даже больницы не было. Въ виду близости города Анна Григорьевна находила что можно обходиться безъ нея. Но въ этомъ году болѣзнь держалась упертае обыкновеннаго и не унялась даже съ наступленіемъ лѣта. На слѣдующее утро, послѣ поѣздки на Курмиловскіе луга, новый учитель Брусковъ явился къ Дмитрію и сказалъ ему что дѣло принимаетъ серіозный оборотъ и что въ трехъ крестьянскихъ семьяхъ оказываются признаки тифа.

— Да какъ же, Александръ Ѳомичъ, удивился Дмитрій, — вчера здѣсь былъ земскій докторъ и ничего особеннаго не нашелъ.

— Да что онъ понимаетъ, вашъ Нѣмецъ? Я самъ вѣдь кое-что по этой части знаю. По моему признаки несомнѣнны.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Дмитрій, — надо тотчасъ же больныхъ удалить въ особое помѣщеніе.

— Ужь это разумѣется, коли на то будетъ ваше милостивое распоряженіе, съ отгвѣткомъ прокии отгвѣчалъ Брусковъ.

— Ну такъ пойдемте, увидимъ и распорядимся.

И Дмитрій съ учителемъ тотчасъ отправился на село.

Брусковъ былъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати двухъ, очень худощавый, но здоровый на видъ, съ продолговатымъ, почти безбородымъ лицомъ. Носъ у него былъ длинный, слегка заостренный, зубы необыкновенно крѣпкіе и глаза косые, похожіе на миндаль, но чрезвычайна быстрые и живые. Голова его слегка налонила очень молодого, чистокровнаго сетера. Говорилъ онъ отрывисто, немного рѣзко, и слова его почти всегда сопровождалъ короткій, беззвучный смѣхъ. Дмитрію нравились въ немъ особенная поворотливость и увѣренность въ себя.

У самаго входа въ село, предъ избой гдѣ помѣщалась школа, Дмитрій замѣтилъ тѣлгу нагруженную разнымъ домашнимъ скарбомъ, поломаннымъ и изношеннымъ до послѣдней степени; около нея возился старый и хилый человекъ въ изодранномъ холстинковомъ сюртукѣ съ испитымъ лицомъ и такимъ же измятымъ видомъ, будто бы его сейчасъ только поколотили. Четверо дѣтей, малъ мала меньше, стояли тутъ же съ тупымъ безучастіемъ.

— Что, батюшка, перебираться изволите? равнодушно и насмѣшливо обратился къ старику Брусковъ. — Наконецъ выжили, продолжалъ онъ, говоря Дмитрію, — а то весь домъ

запрудилъ своимъ потомствомъ и всякою дрянью. Добраго лутн.

Замѣтивъ Дмитрія, старикъ Сикофантовъ подошелъ къ нему:

— Честь имѣю откланяться, ваше высокородіе, заговорилъ онъ надтреснутымъ голосомъ.—Отправляюсь на всѣ четыре стороны искать мѣста гдѣ бы издохнуть; спасибо за всѣ ваши милости ко мнѣ старику и къ моимъ малолѣтнимъ дѣткамъ.

Дмитрія покорило отъ этой безвыходной и беспорядочной нищеты, которой виной онъ былъ самъ, хотъ и смѣнилъ учителя изъ наилучшихъ побужденій. Онъ велѣлъ Сикофантову повѣдаться къ нему и собирался идти далѣе какъ вдругъ подошелъ съ вѣчною притворно-слащавою улыбкой отецъ Зосима. Поарковая шляпа на головѣ священника была замѣнена соломенною неопредѣленнаго цвѣта, и желтовато-сѣдые волосы похожіе на мочалку жидкими клочками падали на засаженную расу.

— По хозяйству изволите? кланяясь обратилъ онъ къ Дмитрію.—Надо денькомъ полпользоваться. Самъ не знаю какъ управиться съ сѣномъ: ведро едва ли простоятъ.

Въ самомъ дѣлѣ тяжелый душный воздухъ предвѣщалъ близкое повтореніе грозы. Дмитрій не долюбивалъ священника и нехота отвѣчалъ ему.

— Больные у васъ есть на селѣ: я къ нимъ.

— Есть, есть, какъ не быть, съ неумѣнною веселостію отвѣчалъ священникъ.—Вы стало-быть къ нимъ, похвалыво! И лицо его при этомъ выражало рѣшительное нежеланіе себя подвергнуть мытарству.—Ужьжать изволите? умихнулъ онъ, обращаясь къ Сикофантову,—ну съ Богомъ, ложили мы съ вами много лѣтъ въ мирѣ, ну, а вамъ утѣшеніе что приемникъ вашъ такой достойный человекъ.

Онъ сталъ расточать похвалы Брускову. Дмитрію это тѣмъ болѣе не понравилось что отецъ Зосима былъ давнишній пріятель Сикофантова и измѣнилъ этой дружбѣ потому что Брусковъ состоялъ въ родствѣ съ лападей. Дмитрій послѣшилъ уйти. Больныхъ оказалось уже шесть человекъ, въ томъ числѣ одинъ восьмидесятилѣтній старикъ, бѣлый какъ лунь, но удивительно бодрый на видъ даже въ припадкѣ горячки.

— Я не понимаю чего смотрѣлъ докторъ, сказалъ Дмитрій Брускову.

Тотъ засмѣялся.

Докторъ Карлъ Карловичъ Фишдейзенъ былъ изъ числа тѣхъ земскихъ врачей которые всегда ужасно спѣшатъ когда имъ приходится лѣчить крестьянъ, обращаются къ больнымъ съ бранью и боятся до нихъ дотронуться. Состоящая въ его вѣдѣніи больница отличалась тѣмъ что всегда была переполнена, хотя аккуратно отпускала на кладбище почти всѣхъ кто въ нее ни лѣступалъ. Крестьяне съ тулымъ недоумѣніемъ глядѣли на барина когда онъ заходилъ въ избы гдѣ были больные, къ которымъ они отослились съ не менѣе тулымъ безучастіемъ.

— Гдѣ, батюшка, его лѣчить-то? говорила Дмитрію востроглазая бабенка, жена внука заболѣваго старика.—Помаялся онъ довольно на свѣтѣ, пора ему.

А старикъ, увидавъ Дмитрія, приподнялся на лѣчкѣ и хрилымъ, но все еще твердымъ голосомъ благодарилъ его. И въ голосѣ этомъ слышалось совершенное удивленіе тому какъ Дмитрію могло вздуматься къ нему зайти въ избы и въ то же время совершенно равнодушная покорность предъ смертію.

— Ничего не болитъ, говорилъ онъ,—а только такъ горю я весь и все кружится, будто и въ нутрѣ все засохло... знать такъ и надо...

Дмитрій тотчасъ распорядился чтобы больныхъ перевели въ особый флигель близъ усадьбы, гдѣ при крѣпостномъ правѣ помещалась ткацкая. Теперь онъ стоялъ лустымъ, и Дмитрій не могъ простить себѣ какъ онъ не настоялъ на томъ чтобы этотъ флигель обратили въ больницу.

Не благодарностію, а скорѣе удивленіемъ были встрѣчены эти заботы. Пришлось даже не разъ настоять на своемъ, такъ неохотно больные соглашались на перемѣненіе; а здоровые члены семьи, хотъ и не выказывали особеннаго участія къ заболѣвшимъ, въ то же время совершенно равнодушно относились къ опасности заразы для себя. Дмитрія поразило что его мягкое обращеніе встрѣчалъ гораздо менѣе довѣрія чѣмъ суровый, рѣзкій тонъ Брускова. Тотъ совѣтъ ужъ не сердобольничалъ съ больными, отпуская шуточки, а иногда даже прикрикивалъ. А страшнымъ образомъ, безсердечіе ловидимому принималось мужиками, будто оно-то и было какъ разъ въ порядкѣ вещей. Въ одномъ только домѣ барину обрадовались. Тамъ захворалъ молодой хозяинъ, единственный работникъ въ семьѣ, и жена его да сестра, на чьихъ рукахъ должно было остаться хозяйство, плакали навзрыдъ и съ

радостью приняла распоряженіе Дмитрія, когда онъ объявилъ что при хорошемъ уходѣ больной можетъ оправиться въ двѣ недѣли и стало-быть послѣть къ уборкѣ хлѣба.

У этого дома, послѣдняго куда зашелъ Дмитрій, онъ встрѣтился съ Надей. Онъ слегка поморщился увидавъ ее въ сопровожденіи Василя.

— Больныхъ посѣщаете, сказала она съ оттѣнкомъ прежняго недовѣрія, хотъ и не было въ ея голосѣ на этотъ разъ прежней насмѣшливости.

— Полагаю что вы не лишите это одному любопытству, холодно отвѣчалъ онъ и тотчасъ обратился къ Брускову.

— Потрудитесь немедленно съѣздить въ городъ и привезти врача и необходимые лѣкарства.

— Отъ Нѣмца большого прока не будетъ, а впрочемъ какъ хотите, отвѣчалъ тотъ отходя.

Дмитрій отправился съ Надей обратно къ дому.

— Не понимаю, сказалъ онъ,—что вамъ за охота водить знакомство съ этимъ землемѣромъ: самый пустой мальчишка и пьяница въ добавокъ.

— Это ужъ мое дѣло, я въ совѣтахъ не нуждаюсь, отвѣчала она, гордо вскинувъ головкой, и готовность къ отпору такъ и сказывалась въ ея заблестѣвшихъ глазахъ.

— Разумѣется, какъ хотите, я считаю только долгомъ предупредить васъ чтобы вы избѣгали лишней фамильярности съ его стороны, а кстати, знаете вы, какія могутъ быть послѣдствія цыныхъ добрыхъ дѣлъ, и онъ разказалъ ей про встрѣчу съ Сикофантовымъ.

— Въ вашихъ глазахъ, закончилъ онъ съ ироніей,—это ничего не значить. Пусть цѣлая семья умираетъ съ голоду, лишь бы нашелся учитель по возможности передовой. Слабые осуждены на гибель; это законъ природы.

Она не наша отвѣта, хотя ее раздражалъ его насмѣшливый тонъ, и она тоже часто задавалась вопросомъ: неужели ни въ чемъ не можетъ быть достигнуть успѣхъ безъ принесенія въ жертву ослабѣвшихъ и непригодныхъ для дѣла.

Двадцатипятирублевая бумажка впрочемъ значительно утѣшила горе бѣднаго Сикофантова.

Анна Григорьевна не противилась устройству больницы въ самой усадьбѣ, хотя докторъ Финдейзенъ и отговаривалъ отъ этого, лугая ее тифомъ.

Но Анна Григорьевна была не лугливаго свойства и вполнѣ одобрила намѣреніе сына, признавая что положеніе богатой помѣщицы влечетъ за собою кой-какія обязанности.

Во всѣ слѣдующіе дни и Дмитрій и Надя, не обращая вниманія на опасность, то и дѣло наблюдали за присмотромъ въ больницѣ. Новыхъ случаевъ заболѣванія не было, но пришлось для этого тщательно выкуривать зараженные избы, несмотря на сопротивленіе хозяевъ. Дмитрій сознавалъ что голодная зима, причиненная неурожаемъ въ предыдущемъ году, во многомъ обусловила появленіе тифа; больные были какъ разъ въ самыхъ бѣдныхъ семьяхъ. Онъ тутъ могъ провѣрить до какой степени онъ былъ правъ, говоря что на крестьянъ нельзя смотрѣть какъ на какое-то стадо, въ которомъ всѣ равны. Кто хочетъ помогать всѣмъ не помогаетъ большею частью никому. Но попытки его, чего грѣха таить, не увѣнчались успѣхомъ. Мужички продолжали недовѣрчиво посматривать на молодаго барина и пришли даже къ очень неслестному для него заключенію. „Баринъ-то нашъ, Митрій Алексѣичъ, говорилъ старостѣ Трофиму одинъ мужичекъ, извѣстный въ цѣлой деревнѣ за отчаяннаго пройдоху,—ишь добрый какой, его курица обидитъ.“—„Простой совѣтъ, что и говорить,“ былъ надъ Дмитріемъ приговоръ сельскаго старосты. Двадцать пять рублей отданные Сикофантову тоже оказали свое дѣйствіе. Мужички рѣшили что Дмитрій счета деньгамъ не знаетъ и что его надувать самъ Богъ велѣлъ.

Послѣдствія этого незамедлили сказаться. Не проходило дня чтобы не случилось въ Бѣлыхъ Столбахъ какой-нибудь лотравы или нарушенія заключеннаго обязательства. При начавшейся вывозкѣ удобренія на господскія поля, рабочіе преспокойно сваливали каждый пятый возъ на свою землю. Крестьянскіе гуси мирно паслись на хозяйскихъ овсахъ. Пашню обрабатывали кое-какъ. Дмитрій не любилъ ссориться изъ-за мелочей, но онъ зналъ въ то же время что смотрѣть сквозь пальцы на такія продѣлки значило потерять въ имѣніи всякую власть. Раза два онъ ограничился угрозой, но когда въ одинъ прекрасный день цѣлый табунъ крестьянскихъ лошадей оказался на сѣнокосѣ въ господскомъ лѣсу, Дмитрій приказалъ ихъ всѣхъ до единой загнать на дворъ. Цѣлые два дня мужики за ними не являлись, думая что баринъ струситъ и сдастся прокормивъ ихъ лошадей. Но приходилось бороться паръ, и на третій день хозяева явились съ ловинною.

Дмитрій требовалъ въ видѣ штрафа очень умѣренной отработки. Жалобный вопль поднялся ему въ отвѣтъ: „Гдѣ намъ, батюшка, отработать; мы, сироты твои, отоцали со-вѣтъ.“

Долго прилагались всякія усилія чтобы смягчить барина, не исключая и обычныхъ колѣнопреклоненій. Мужики не вѣрили что Дмитрій настоитъ на своемъ и уступали шагъ за шагомъ, торгуясь за каждый рабочий день. Дмитрій не выказалъ нетерпѣнія, но и не уступалъ. Онъ объявилъ что поѣдетъ къ судѣ и велѣлъ запрягать. Мужики подались тогда только когда онъ уже садился въ экипажъ, но и тутъ потребовали на выливку.

— Угощать васъ за потраву—вотъ еще выдумали, воскликнулъ онъ приказавъ трогать лошадей. Ролотъ пошелъ по толпѣ, негодование было тѣмъ сильнѣе что на стойкость Дмитрія не разчитывали. Но едва услѣла тройка выѣхать изъ усадьбы какъ раздались отчаянные крики „стой, стой!..“ Дмитрій увидалъ десятокъ молодыхъ бѣгущихъ за нимъ безъ шапокъ. Угроза подѣйствовала, и мнѣніе о немъ перемѣнилось; но именно за то что въ баринѣ припало ошибиться у мужиковъ появилось чувство озлобленія. Прежніе случаи не повторялись, но за то стали производиться теперь продѣлки много рода, гдѣ сказывалась уже мсть и гдѣ виновныхъ отыскать было нельзя.

За оврагомъ въ лѣсу стоялъ на полянкѣ очень старый дулистый дубъ, которому и возраста не знали. Онъ держался почти только корой, но Анна Григорьевна дорожила этимъ древнѣйшимъ изъ старожиловъ Бѣлыхъ Столбовъ. Разъ утромъ лѣсной сторожъ пришелъ довести что за ночь въ дуло положили соломы и старое дерево подошло. Дмитрія это взорвало, онъ пошелъ посмотреть на трупъ вѣковаго дуба. Дорогой по оврагу ему попались на встрѣчу староста Яковъ, шедшій подъ руку совершенно по товарищески съ Василиемъ. Они шли другимъ склономъ оврага, оживленно разговаривая, и не замѣтили Дмитрія.

— Это что за дружба у Якова съ лоловскимъ сыномъ? спросилъ Дмитрій у шедшаго за нимъ лѣсника.

— Что и говорить—шаромыжники, отвѣтилъ тотъ и презрительно повелъ плечомъ.

Дмитрій не услѣлъ дойти до того мѣста гдѣ наканунѣ еще стоялъ дубъ, а теперь будто скопѣнный валялся около дымящагося пня.

У самаго входа въ лѣсъ, растянувшись на мху лежалъ Володя закинувъ руки за голову. Его двустволка съ ягдташемъ была тутъ рядомъ, а черныи сетеръ Неромъ высунулъ языкъ и трясая всѣмъ тѣломъ смотрѣлъ на хозяина усталыми, прищуренными глазами.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? на охотѣ былъ? спросилъ у брата Дмитрій.

— А ты, конечно, опять въ Никольское ѣздилъ?—Володя лѣживо преподвигался на локтяхъ и бросилъ на старшаго брата сокрушающій взглядъ.—Теперь ты кажется тамъ каждый день бываешь, желчно добавилъ онъ.

— А ты за то пересталъ тамъ показываться.

— Нога моя тамъ не будетъ, гдѣвно произнесъ Володя вскакивая на ноги.—Волочись сколько твоей душѣ угодно за этою дѣвочкой.

Ревность Володи показала Дмитрію до того смѣшномъ что онъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— У тебя кажется семь пятницъ на недѣлѣ, отвѣчалъ онъ.—Прежде ты на Сокольницкаго заллса, теперь на меня...

— Я заллса на графа!.. Вотъ еще! Дрянной аристократшка!..

— А позволъ у тебя спросить, милѣйшій мой представитель передовой молодежи, въ силу какихъ это либеральныхъ побужденій изволилъ ты сегодня застрѣлить вотъ этихъ бѣдныхъ птичекъ,—и онъ указалъ на ягдташъ,—несмотря на то что въ юнѣ охота кажется запрещена?

— Двѣ утки, да пять дроздовъ, стоить объ этомъ говорить, сконфуженно отвѣтилъ Володя.

— Положимъ что дичь не важная, но до Петрова дня осталось всего двѣ недѣли. Обождать можно кажется, законъ этотъ, согласись, имѣеть полное основаніе, и просвѣщенному радикалу какъ ты можно бы не подавать меньшей братіи такой хорошей примѣръ.

Володя не отвѣчалъ и смущенно поглядывалъ то на собаку устало вилавшую предъ нимъ пушистымъ хвостомъ, то на ягдташъ съ застрѣленными птицами.

— И знаешь, продолжалъ Дмитрій,—въ силу чего ты, и не ты одинъ, такъ поступаешь? Въ силу того самаго ненавистнаго тебѣ барства, благодаря которому люди съ извѣстнымъ положеніемъ живутъ въ полной увѣренности что про нихъ законъ не писанъ. Это конечно не мѣшаетъ съ либеральнымъ азартомъ произносить жалкія слова.

— Ты придираешься къ лустакамъ, нетерпѣливо возразилъ юный радикаль.— Это всегдашняя замашка подобныхъ тебѣ реакціонеровъ.— Онъ съ увѣренностію сѣлъ теперь на любимого конька и продолжалъ съ возрастающимъ паѳосомъ.— Вы стоите на почвѣ узкой законности, потому что это удобное средство чтобы закрывать глаза предъ свѣтомъ твердыхъ убѣжденій.

— Убѣжденіе, братецъ мой, великое слово, и прибережь бы его не мѣшало для тѣхъ кто на опытѣ закапалъ ихъ какъ желѣзо въ огнѣ, а не вычиталъ изъ послѣдняго нумера журналовъ. Ну, скажи пожалуйста, защитникъ меньшей братіи, съ тѣхъ поръ какъ ты въ Бѣлыхъ Столбахъ, что ты сдѣлалъ чтобы помочь хотя бездѣлицей/какому-нибудь живому, а не отвлеченному бѣдняку? развѣ то что во время охоты удостоилъ своего вниманія какихъ-нибудь смазливыхъ дѣвчонокъ.

Володя вспыхнулъ.

— Что я сдѣлалъ? Ты хорошо знаешь что настоящая работа впереди. Это просто недобросовѣстно!

— Ну, а теперь я предложу тебѣ, отвѣчалъ Дмитрій,—пройтись со мной до стараго дуба, ты мимоходомъ не замѣтилъ что съ нимъ сдѣлала меньшая братія?

Они отправились на поляну, шагахъ въ трехстахъ отъ мѣста гдѣ Дмитрій засталъ брата. Впечатлительную натуру молодого человека глубоко возмутило грубое насиліе надъ бѣднымъ старымъ дубомъ.

— Экіе скоты! воскликнулъ съ негодованіемъ Володя.

— Вотъ теперь и скоты! покойно сказалъ Дмитрій,—не скоты, а дѣти. Какъ у ребенка послѣ хохота наступаютъ слезы, такъ у мужика въ его отношеніи къ намъ вѣтъ перехода отъ спокойнаго добродушія къ безтолковой мести.

На возвратномъ пути домой братья уже не заговаривали другъ съ другомъ.

VII.

Cela fait tant de bien quand un
ami regarde dans notre âme.

Châteaubriand.

На слѣдующій день, часу въ первомъ, Дмитрій поѣхалъ въ Никольское, на этотъ разъ верхомъ. Онъ сталъ теперь бывать тамъ очень часто. Не встрѣтивъ никого въ сѣнахъ и

въ прихожей, онъ прошелъ чрезъ весь домъ и постучался у дверей угловой гостиной.

— Можно войти, Елена Михайловна? Никольское сегодня точно закодировано, ни души видѣть.

— Войдите, я очень рада, слышался ея голосъ изъ-за дверей.

Онъ засталъ ее за письменнымъ столомъ.

— Извините меня, я сейчасъ кончу, сказала она, приглашая его сѣсть на маленькій диванъ возлѣ стола.—Эти часы я всегда посвящаю перепискѣ.

Онъ сталъ невольно слѣдить за увѣреннымъ и быстрымъ движеніемъ ея красивой руки и за тѣми отчетливыми строками которыя безъ остановки выливались изъ-подъ ея пера. Почеркъ у нея былъ твердый, немного угловатый.

— Я пишу къ одному изъ самыхъ умныхъ и вліятельныхъ людей въ Петербургъ, заговорила она опять, дописывая четвертую страницу листа, необыкновенно плотной матовой сѣрой бумаги,—къ Михаилу Владиміровичу Чистолольскому. Вы съ нимъ знакомы конечно?

Дмитрій зналъ государственнаго человѣка только по названію.

— Я, между прочимъ, говорю ему про васъ. Это человѣкъ способный васъ оцѣнить и двигнуть какъ слѣдуетъ. Я не хочу отказаться отъ мысли видѣть васъ у дѣла, то-есть лично, настоящимъ образомъ у дѣла, а не просто какъ всѣ въ ихъ туломъ чиновничьемъ муравейникѣ. Я всегда имъ говорила тамъ въ Петербургъ,—и она произнесла фразу слегка наломанную слогъ *Revue des deux Mondes*:—*Le gouvernement ne doit pas laisser les talents en jachère, inoccupés ils tournent à l'aigre.*

— Comme le lait pendant l'orage, размѣялся Дмитрій.

Разговоры между ними, какъ ни часто они повторялись, всегда принимали шуточный оборотъ. Дмитрій находилъ въ нихъ съ каждымъ днемъ все болѣе удовольствія. Между нимъ и Еленой возникали, ему такъ казалось, искренно дружескія отношенія, какія иногда вопреки предрасудку все-таки бываютъ между мужчиной и женщиной. Въ прочности такихъ отношеній позволительно однако усомниться, когда тѣхъ же людей въ прежніе годы соединяло иное чувство. У Елены это чувство, никогда вполне не угасшее, готово было теперь вслыхнуть съ новою, болшею силой. Какъ женщина хорошо

знающая жизнь, она конечно обманывала себя насчетъ своей любви къ Дмитрію, не боролась съ нею, но за то до времени тщательно скрывала ее на самой глубинѣ сердца, ничѣмъ себя не выдавая. Она хорошо знала на что идетъ, и въ минуты откровенности съ собой,—а такія минуты у нея случались довольно часто,—она давала воображенію увосить себя въ то прекрасное будущее когда она станетъ женой любимаго человѣка. Но увы! товарищество съ женщиной и любовь къ ней стоятъ почти на двухъ противоположныхъ полюсахъ. Въ обществѣ Елены Дмитрій находилъ пока чисто умственное наслажденіе, что не мѣшало ему конечно любоваться не только красотой ея, но еще болѣе тѣмъ изяществомъ которымъ дышала и она сама и вся ея обстановка.

Но кто могъ поручиться за то, надолго ли онъ остановится на этомъ безмятежномъ эстетическомъ чувствѣ.

— Я все-таки надѣюсь убѣдить васъ, сказала она пересаживаясь на мягкое низкое кресло.—*Je rêve pour vous les grandes ambitions, les vaines.* Мнѣ всегда казалось что всѣмъ должно хотѣться вверхъ, что тамъ только и стоить жить.

— Эти *ambitions*, какъ вы ихъ называете, возразилъ онъ,—на двѣл сотканы изъ самыхъ пустыхъ тщеславій; для безкорыстныхъ они въ томъ заключаются чтобы прочихъ обогнать, а для другихъ... Видите, Елена Михайловна, мнѣ все кажется что тамъ у васъ въ Петербургѣ какіе-то лѣса строить, выше и выше, и разукрашиваютъ ихъ такъ чтобы всѣ думали что это-то и есть самый домъ, а между тѣмъ фундаментъ и не выведенъ еще; ну согласитесь что полезнѣе хотя бы мусоръ возить для постройки чѣмъ корабкаться по этимъ лѣсамъ?

— Другими словами, *si je comprends votre apologue*, лучше въ провинціи завязнуть, потому что она и есть вашъ полезный мусоръ. Очень лестное сравненіе между прочимъ,—нечего сказать!.. А выводъ вашъ ужъ потому невѣренъ что мусоръ пачкаетъ руки.

Съ Еленой Михайловной спорить было не легко. Дмитрію, впрочемъ, и не хотѣлось спорить. Кто знаетъ, можетъ-быть у него и кружилась слегка голова отъ той лести которую она подносила ему такъ охотно.

— Мнѣ очень, очень жаль разбивать ваши иллюзіи, продолжала она.—Мѣсяца черезъ два, когда вы перезнакомитесь

со всѣми здѣсь, мы возобновимъ этотъ разговоръ. Вы сами увидите тогда что такое провинція! Вотъ я, напримѣръ, охотно бы стала принимать всѣхъ здѣшнихъ. Je'ai cherché une perle parmi ces huitres и что жь, кромѣ Боровскаго, съ которымъ можно поговорить... Но отчего это, какъ вы думаете,—и голосъ ея вдругъ зазвучалъ какъ-то особенно задушевно,—съ вами мы такъ легко сошлись и такъ понимаемъ другъ друга на полусловъ? оттого что мы оба изъаго міра, иной породы, коли хотите. Мы думаемъ и чувствуемъ не такъ какъ здѣшніе...

И взгляды которымъ сопровождалась эта слова говорилъ еще гораздо яснѣе какъ дорожила Елена этимъ духовнымъ сродствомъ.

Дверь отворилась и показалась Женечка, приглашая идти завтракать. На самомъ дѣлѣ подъ этимъ предлогомъ она хотѣла поскорѣе разузнать отъ Дмитрія, отчего пересталъ показываться его братъ, и Женечка исполнила это съ великою изворотливостію, которой дѣвочки научаются едва ли не ранѣе чѣмъ азбукъ.

— Вы все-таки дѣлаете исключеніе изъ общаго приговора въ пользу Боровскаго, сказалъ Дмитрій, проходя съ Еленой въ столовую.

— Симпатичнымъ я его конечно не нахожу, смѣясь отвѣчала Елена.—Слишкомъ у него двойственная натура. Онъ похожъ на тѣ шелковыя матеріи которыя отливаются различными цвѣтами, смотря по тому съ какой стороны на нихъ взглянешь... Du bleu gendarme sur fond rouge et même très rouge.

— И какіе у него странные глаза, замѣтила Женечка,—тускые, блѣдые и между тѣмъ, какъ они пристально глядятъ, точно жгутъ, право; у змѣй должно-быть такіе бываютъ.

— И все-таки, сказала Елена,—я ему это прощаю изъ-за одного: онъ способенъ на безкорыстное чувство. Да вотъ подите какія бываютъ противорѣчія. Боровской любилъ и любить горячо вашу кузину Надю.

— Боровской любить Надю? съ изумленіемъ воскликнулъ Дмитрій.

— Какъ, и вы не замѣтили? лукаво улыбнулась Женечка.

— Онъ женится на ней, и я этому очень рада, добавила Елена.

Дмитрій и не подозревалъ этого. Теперь только ему вдругъ показалось яснымъ, совершенно яснымъ почему Нада такъ необъяснимо странно держала себя съ этимъ черствымъ, холоднымъ какъ лезвее ножа человѣкомъ. И Дмитрій почему-то возмущался этою мыслью, а впрочемъ, какое ему было до этого дѣло? рѣшилъ онъ самъ съ собой и снова пустился съ Еленой въ одну изъ тѣхъ замысловатыхъ бесѣдъ въ которыхъ она такъ мастерски умѣла вызывать искры остроумія собесѣдника, не досказывая собственной мысли.

Вскорѣ послѣ завтрака Дмитрій уѣхалъ. Порывистый западный вѣтеръ волной набѣгалъ на высокіе колосья слѣбующей ржи. Облачная тѣнь то ложилась на землю широкимъ пятномъ, то снова исчезала въ яркомъ солнцѣ. Поля уже красовались теперь богатымъ разнообразіемъ тоновъ, отъ сочной зелени пшеницы до золотыхъ отливовъ ржи; голубоватая полоса выколосившагося овса смѣнялась широкимъ темнозеленымъ перомъ ячменя и серебристый листъ гречихи исчезалъ среди густаго блѣднорозоваго цвѣта. По всей дорогѣ въ Бѣлые Столбы Дмитрій не встрѣтилъ ни души. Людской жизни и слѣдовъ не было видно въ степи, будто природа одна въ тиши вела свою работу и готовилась къ близкой жатвѣ. Дмитрій оставилъ лошадь на мельницѣ, куда ему пришлось захватить, и разумѣется шедшія тамъ работы по перестройкѣ подвигались гораздо медленнѣе чѣмъ онъ ожидалъ. Оттуда онъ по оврагу лѣшкомъ отправился въ садъ. Тутъ никогда не косали, и надъ жирною густою травой вилась и жужжала цѣлый рой напѣвочныхъ; все вокругъ такъ обильно цвѣло, все такъ кипѣло и уливалось пахучими цвѣтами, воздухъ такъ лодомъ былъ запаха и звука что вся эта пестрая жизнь будто давила своимъ могучимъ разнообразіемъ. Томительною нѣгой вѣяло отъ этого роскошнаго разцвѣта природы.

Дмитрія между тѣмъ неотвязчиво преслѣдовала мысль о томъ что ему сообщили въ Никольскомъ; хоть онъ и твердилъ себѣ что нѣтъ ему рѣшительно никакого дѣла до будущей судьбы Нады, но предстоящая свадьба ея съ Боровскимъ казалась ему неестественною и возмутительною. Онъ дошелъ до небольшого мостика перекинутаго черезъ рѣчку, и отсюда по крутому берегу сталъ медленно подниматься къ саду. Дорожка наконецъ ползла по скату и предъ входомъ въ садъ огибала стоявшею на самомъ высокомъ мѣстѣ бесѣдку, ту

самую бесѣдку которою въ первый прїѣздъ Женечки Волода такъ хвалился предъ ней. Это были только обращенные корнями вверхъ березовые стволы, вокругъ которыхъ густою тканью висѣлъ дикій виноградъ. Бѣлые стволы, издали похожіе на остатки разрушеннаго храма, рѣзко выдѣлялись среди зелени липъ и дубовъ. Видъ отсюда былъ не широкій, но за то чѣмъ-то таинственнымъ казалась та кудрявая, тѣнистая чаща, въ которой утопалъ взглядъ за крутизмой оврага. Подходя къ бесѣдкѣ, Дмитрій услышалъ голосъ Боровскаго говорившаго съ несвойственнымъ ему жаромъ. Слова долетали урывками; но пока онъ поднимался, Дмитрій невольно разслышалъ что объяснялъ Боровской сидящей возлѣ него Надѣ. Они его видѣть не могли: Уступъ берега скрывалъ его отъ нихъ..

— Я скоро уѣду отсюда и боюсь какъ бы вы не сохранили обо мнѣ невѣрнаго представленія. Мнѣ не захѣмъ казаться лучшимъ, да и можно ли рѣшить кто лучше? Я не хочу казаться инымъ чѣмъ я на самомъ дѣлѣ. Добрую ли я память оставляю или заую, но въ одномъ вы можете быть увѣрены: вы не встрѣтите въ жизни человѣка который бы такъ васъ полюбилъ и оцѣнилъ какъ я.

Шелестъ листьевъ не далъ Дмитрію разслышать отвѣтъ Нади. Должно-быть она говорила почти шепотомъ; но судя по тому съ какимъ волненіемъ ей сталъ возражать Боровской, видно было что получилъ онъ не тотъ отвѣтъ котораго ждалъ.

— Нѣтъ, я не холоденъ и не разчетливъ, какъ вы думаете, я только изъ числа тѣхъ, да и вы тоже, которымъ даны орлиныя крылья чтобы летѣть выше, для которыхъ мало обычнаго близорукаго кругозора, и вотъ почему мы съ вами люди одной семьи, почему...

Онъ не договорилъ. Предъ входомъ въ бесѣдку стоялъ Дмитрій. Мушкетеры холодно поклонились. Боровской не успѣлъ скрыть пробѣжавшаго по его лицу недовольнаго, почти злого выраженія.

— Вы, я слышалъ, обратился онъ къ Дмитрію,—стали почти сестрой милосердія и услѣшно конкурируете съ докторомъ Финдейзеномъ? Боюсь только какъ бы вы не встрѣтили въ народѣ волюющаго неблагодарность.

Дмитрій пропустилъ эти слова мимо ушей и обратился къ

Надѣ съ вопросомъ самаго безразличнаго свойства. Голосъ ея однако слегка дрожалъ.

— Я сообщилъ Надеждѣ Сергѣевнѣ о своемъ назначеніи прокуроромъ въ О., продолжалъ не смущаясь Боровской.

— Вы скоро идете туда? спросилъ Дмитрій.

— Въ половинѣ августа вѣроятно. Кстати позволю себѣ вамъ дать добрый совѣтъ предъ сдачей мною здѣшнихъ дѣлъ: будьте на сторожѣ, Дмитрій Алексѣвичъ, въ вашемъ околоткѣ не спокойно.

— Въ самомъ дѣлѣ? холодно сказалъ Дмитрій.

— Говорю вамъ то что положительно знаю; мужики сильнѣе прежняго толкуютъ о новомъ надѣлѣ. У предводителя въ имѣніи въ Дѣвичьей Слободѣ на дняхъ были безпорядки, исправникъ туда ѣздилъ и старый этотъ любезникъ Берендѣевъ себя молодцомъ показалъ. Прокламаціи нашлись. Волостной старшина въ полицію доставилъ дѣлаую охалку брошюръ и воззваній. Ухову дали на всякій случай жандарма изъ здѣшней команды. Оно не мѣшаетъ коли придется актъ составить или сѣдствіе начать. Они гораздо рѣшительнѣе и расторопнѣе нашихъ сѣдователей, особенно такихъ какъ нашъ Ковеведкій; ну и вамъ не мѣшало бы сюда въ Бѣлые Столбы жандарма получить; полковникъ согласится.

— Покорно благодарю, пронически отвѣтилъ Дмитрій.— Не посоветуете ли вы дѣлава двѣ роты солдатъ выпросить?

— Какъ хотите, скажу вамъ только что какъ разъ здѣсь въ вашей мѣстности дѣлое гнѣздо этихъ голубчиковъ завелось.

Боровской сказалъ что ему пора назадъ въ городъ по дѣлу и простился.

— И вы за этого человѣка пойдете, Нада! горячо и стремительно воскликнулъ Дмитрій, когда Боровской ушелъ.

Она ушамъ не повѣрила, услыжавъ эти неожиданныя слова.

— Не все ли равно вамъ за кого я пойду? было ея изумленнымъ отвѣтомъ, хотя онъ вырвался у нея болѣе какъ формальный протестъ чѣмъ какъ голосъ оскорбленной гордости.

— Э, полюбите, страстно отвѣчалъ онъ,—не прибѣгайте со мной къ официальной уклончивости, вы, которая всегда требуете суровой правоты! Между нами и рѣчи не можетъ быть о нарушеніи условныхъ приличій. Вы понимаете меня какъ нельзя лучше. Вы скажете съ какой стати вздумалъ я,

ностороной челоуѣкъ, чуждый всѣмъ вашимъ симпатіямъ, возмущаться въ то что зависитъ лишь отъ вашего свободнаго выбора, мнѣ дастъ на это право конечно не дальнее родство, а то что я старше и опытнѣе васъ. Я вамъ не такой ужъ врагъ, Нада, чтобы равнодушно смотрѣть какъ вы отдадите свою жизнь челоуѣку не стоящему вашего мизанца.

Должно-быть за послѣднее время Нада перестала отворачиваться къ Дмитрію какъ прежде съ презрительною враждою; только его слова не вызвали ея негодованія. Можетъ-быть ихъ неподдающаяся искренность смягчила ея строптивый нравъ. — Успокойтесь, я не давала слова Боровскому, отвѣтила она, — и не сдѣлала этого по очень простой причинѣ: онъ и не заикался про то на что вы намекаете.

Они, сами того не примѣчая, стали медленно спускаться къ оврагу.

— То что не случилось еще, продолжалъ онъ, — можетъ случиться на дняхъ, и тогда будетъ поздно открывать вамъ глаза. Не оскорбляйтесь моими словами, — вы слишкомъ умны чтобы не понять что такое Боровской. Но потому именно что вы его помани и васъ можетъ-быть привлекаетъ въ немъ то странное почти непопавшее сходство какое — я знаю это — несомнѣнно есть между нимъ и вами, между вашимъ честнымъ увлеченіемъ и тѣми софизмами которыми онъ такъ охотно щеголяетъ.

Они прошли мостикъ и направились къ дѣсу. Съ тѣхъ поръ какъ Дмитрій проходилъ здѣсь съ полчаса, предъ тѣмъ все какимъ-то чудомъ перемѣнилось. Оврагъ будто опустѣлъ. Не слышно уже было жужжанія пчелъ и плавнаго взмаха крыльевъ надъ полевыми цвѣтами. Все стихло и замерло вокругъ. Только облака все гуще и ниже спускались, и дѣсъ будто хмурился и потемнѣлъ, но Дмитрій и Нада не замѣчали того какъ все ближе и тяжелѣе надвигалась гроза.

— Сродство между мной и Боровскимъ, — и говоря это, Нада покачала головой, — полноте!

— Тѣмъ хуже для васъ если вы не отдаете себѣ въ немъ отчета. Неужели вы не видите что Боровской не что иное какъ самое полное воплощеніе тѣхъ взглядовъ которые вамъ выдавали за истину и которые вы, извините меня, почти безсознательно усвоили себѣ. Та дорога на которую васъ поставили съ дѣтства ведетъ не къ безкорыстному служенію ближнимъ о которомъ мечтали вы, а къ холодному эгоизму

Боровскаго. Овъ преслѣдуетъ тѣхъ самыхъ людей которые хотятъ того же чего въ сущности хочеть и овъ, потому что они пока слабое меньшинство, а Боровскіе всегда на сторонѣ силы. Они служатъ правительству, пока этимъ они надѣются достигнуть власти, и подкапываются подъ него же когда имъ кажется что ово слабѣетъ. Да развѣ не то же самое точь въ точь проповѣдаютъ ваши друзья? Развѣ тѣ изъ нихъ которые не слѣло идуть по чужому указанію не потому зываютъ къ бунту что иной дороги вверхъ предъ ними нѣтъ? Отдѣльныя личности должны приноситься въ жертву идеѣ, говорятъ они; уваженіе къ чужой жизни и къ чужому праву они называютъ жалкою слабостію: да развѣ Боровской не поступаетъ какъ развѣ согласно съ этими правилами?

Она слушала его молча, не находя возраженія. Въ первый разъ ей случалось встрѣтить человѣка который бы такъ прямо, не обинуясь отказывалъ въ уваженіи ея идоламъ. Страннымъ образомъ ее даже не возмущало то что въ прежніе годы показалось бы ей просто святотатствомъ. Поклоненіе идоламъ часто и держится лишь потому что никто не смѣетъ на нихъ посягнуть, а лишь коснется чья-либо рука суевѣрно почитаемой святыни, къ общему удивленію, ни одинъ голосъ не возвышается въ ея защиту. Овъ долго и горячо увѣрялъ молодую дѣвушку что лишь изъ самообольщенія она считала себя въ одномъ лагерѣ съ тѣми кто изъ человѣческой жизни вздумалъ вычеркнуть все то что не сводится къ цифрамъ и къ чему животный инстинктъ не даетъ ключа.

— То чувство, закончилъ овъ,—которое съ ранняго дѣтства говорило въ васъ, а кое-что знаю изъ вашего прошлаго, было искреннее, теплое участіе къ страждущимъ. Что же оно имѣетъ общаго, скажите мнѣ, съ идеями тѣхъ кто высшимъ закономъ признаетъ борьбу за существованіе? Вамъ долго могло казаться что вы заодно съ ними, потому что вы видѣли въ нихъ тоже страждущихъ и гонимыхъ. Да, ваше дѣтство прошло такъ что чувство, жалость къ ближнимъ вы и не встрѣчали въ иной средѣ. А между вами и этими людьми давно наступилъ расколъ, хоть вы сами быть-можетъ этого не замѣтили.

— Я не замѣтила этого, горько прервала она его.—О, если бы вы знали какъ я мучилась тѣмъ что слѣдую за однимъ знаменемъ съ людьми въ которыхъ все меня отталкиваетъ!...

— Да скиньте же съ себя эти добровольно наложенныя луты,

съ возрастающею горячностью снова заговорилъ Дмитрій.— Порвите открыто и безповоротно съ вашими мнимыми друзьями. Многие бы отъ нихъ отказались еслибъ ихъ не связывалъ страхъ, а для васъ кажется не существуетъ страха.

Она покачала головой и отвѣчала вполголоса:

— Вы не понимаете чтò значить порвать съ людьми которыхъ преслѣдуютъ, которые страдаютъ за то что мыслятъ свободно...

— Они, эти люди, свободно мыслятъ? Пожалуйте, воскликнулъ Дмитрій.— Что кажется можетъ быть дороже независимости своего ума и своей вѣры? А они и то, и другое приносятъ въ жертву самодѣльнымъ божкамъ; они тщательно искореняютъ въ тѣхъ кто идетъ за ними всякую способность глядѣть собственными глазами и судить независимо. Вся жизнь у нихъ подведена подъ строгую дисциплину, не только мыслить, даже чувствовать у нихъ можно лишь по обязательной формулѣ. На веселость они наложили элитамію казенной серіозности, любовь они изуродовали направлениемъ. Имъ признается только наука, увѣряютъ они, а какая это наука? Подъ страхомъ отлученія они требуютъ безусловнаго принятія того чтò разъ навсегда признано символомъ вѣры, потому что такъ рѣшили Бокль, или Мошеттъ или иной кто, кого они не читали никогда. И это свобода? Да они русскую молодежь просто въ монастырь заперли и въ схиму постригли. Неужели васъ это никогда не возмущало?

Она не отвѣтила. Она молча прошла нѣсколько шаговъ.

— Вы не хотите признать этого предо мною, снова заговорилъ онъ,—потому что вы не перестаете во мнѣ видѣть какого-то врага если не для васъ лично, то для дорогихъ вамъ убѣжденій. Такъ, Надя, я не ошибаюсь?

Она только рѣшительно покачала головой, какъ будто она не въ силахъ была высказать тревожившую ея мысль. Дмитрія поразила блѣдность ея лица.

— Чтò съ вами, Надя, проговорилъ онъ, почти испугавшись,—вы устали отъ прогулки? Вы всегда такая неутомимая?..

Она вздрогнула и вдругъ невольно олерлась о его руку.

— Да у васъ ознобъ и рука ваша совсѣмъ горячая. Вернемтесь скорѣе домой—мы и такъ зашли страшно далеко...

Едва успѣлъ онъ договорить это какъ вихорь ударилъ по лѣсу, пылъ столбомъ поднялась съ дороги и закружилась, унося съ собой оторванные листья и сучья.

— Буря куда я васъ завелъ, проговорилъ онъ съ безпокойствомъ ускоряя шагъ.

Все закружилось и застопало вокругъ нихъ. Дикій ревъ прошелся по верхушкамъ деревьевъ, на мигъ все стемнѣло, вихорь зашляпалъ глаза.

Но это продолжалось едва минуту, лѣсъ опять утихъ. Только кое-гдѣ слышалось паденіе вѣтки оторванной вѣтромъ, но застравшей на пути.

— Гроза будетъ не на шутку, а намъ идти болѣе двухъ верстъ, проговорилъ Дмитрій, озираясь на потемнѣвшій лѣсъ.

Почти надъ самою головою, блѣдно-голубоватая струя пробѣжала по тучамъ, и въ то же мгновеніе раздался отвратительный трескъ, будто стекло гдѣ-то разбилось вблизи. На олушкѣ теперь опять застоялъ вѣтеръ. Еще нѣсколько минутъ онъ будто не подходилъ, какъ бы не смѣя разомъ награвнуть на могучіе дубы. Одинъ за другимъ слѣдовали сухіе, рѣзкіе удары, но голосъ бури поднимался все громче и выше и все шире охватывалъ трелещущій лѣсъ. Тяжелыя капли западали сперва рѣдко и верѣшительно, но вдругъ будто цѣлая туча разомъ опустилась на землю. Къ реву и свисту расходившагося вѣтра, къ раскатамъ повторявшимся все чаще, присоединился рѣзкій шумъ ливня барабанившаго по листьямъ.

Дикіе, бѣшеные звуки слились въ одинъ неясный, но оглушительный гулъ.

Надя сильнѣе оперлась на руку Дмитрія, бессознательно отдаваясь подъ его защиту. Онъ велъ ее быстро и молча, и ему казалось что никогда не кончится лѣсъ вездѣ окружавшій ихъ непроницаемою тьмою и ему не сласти ее отъ какой-то неминуемой опасности.

Дождь хлесталъ имъ въ лицо и вѣтеръ то и дѣло кружилъ сучья надъ ихъ головами.

— Вы еще простудитесь по моей винѣ, повторялъ онъ, крѣпче прижимая къ себѣ ея горящую руку, и странное чувство отвѣтственности за нее овладѣло имъ, какъ бы сознаніе того что она поручена ему кѣмъ-то, и онъ не сумѣетъ ее уберечь. А Нада между тѣмъ почти бессознательно слѣдовала за нимъ, лихорадка овладѣвала ею все сильнѣе, но страннымъ образомъ, она охотно довѣрляла себя этому, такъ нелюбимому ей человѣку, и въ первый разъ быть-можетъ въ ея жизни въ ней сказывалось локорное чувство подчиненія болѣе сильному.

VIII.

One sweetest songs are those
That tells of saddest thoughts

Shelley.

Къ вечеру Нада не на шутку расхворалась, и докторъ, вѣро- роплахъ вызванный изъ города, многозначительно покачавъ головой, объявилъ Аннѣ Григорьевнѣ что дѣло науки не предсказывать, а лишь опредѣлять выяснившееся состояніе паціента и что конечно молодость Надежды Сергѣевны позволяетъ ожидать счастливаго исхода. Этотъ загадочный приговоръ до того перелугалъ Анну Григорьевну что она днемъ и ночью почти не отходила отъ кровати лемяницы.

Больная къ счастью его услышать не могла: она лежала безъ памяти.

Цѣлые два дня молодая дѣвушка провела въ полубезсознательномъ состояніи. Докторъ сталъ осторожно намекать на тифъ, ссылаясь на вѣроятность зараженія при уходѣ за больными. Нада почти все это время лежала неподвижно; иногда только вырывались у нея безсвязныя слова, въ которыхъ можно было различить лишь то что она призывала кого-то на помощь противъ челоуѣка внушавшаго ей страхъ. И тогда имена Боровскаго и Неродовича произносились ею попеременно съ какою-то необъяснимою тревогой.

Анна Григорьевна хорошо умѣла ухаживать за больными. Теперь она только поняла какъ сильно привязалась къ Надѣ, но опасеній своихъ она не выдала никому и спокойно, безъ шума, она неотступно слѣдила за ходомъ болѣзни, какъ въ эти первые трудные дни, такъ и послѣ. Молодость Нады взяла свое. Слова доктора не оправдались. На третій день она очнулась будто отъ сна, и ея поблѣднѣвшее, немного исхудалое личико говорило не о страданіи, а о той покорной почти счастливой безпомощности, какую чувствуютъ совсѣмъ еще маленькія дѣти, когда ихъ ласкаетъ и убаюкиваетъ мать. Она даже улыбнулась въ отвѣтъ на первыя заботливыя слова Анны Григорьевны „Какъ мнѣ хорошо было, тетя, вы не лѣзьте“, сказала она стараясь приподняться.

Страшная перемѣна случилась съ Надѣй. Въ первый разъ со времени ея дѣтства гордое, строптивое чувство въ ней

смирилось, будто растаяло у нея что-то на сердцѣ. Она давала распоряжаться собою съ непривычною для нея покорностію.

Счастлирое, даже радостное чувство овладѣло ей пока шло выздоровленіе, какъ будто теперь только она достигла пристани и нечего ей тревожиться за будущее. Миромъ повѣяло на молодую дѣвушку изъ той области неясныхъ грезъ гдѣ носилось ея воображеніе пока болѣзнь сковывала ея мысль и волю. Она вынесла оттуда новое для нея ощущеніе того какъ хорошо въ жизни порой отдаться чужому твердому руководству, и когда Дмитрій въ первый разъ зашелъ къ ней въ комнату и она, слабымъ движеніемъ, протянула ему свою маленькую исхудалую ручку, у нея въ глазахъ и слѣда не оставалось прежней вражды. А сердце у нея сильнѣе забилось и она сама хорошенько не знала, счастлирое или тревожное чувство овладѣло ею въ эту минуту.

Хотя лѣто сіяло въ полномъ блескѣ своей красоты, Нада почти цѣлыя двѣ недѣли не могла выйти изъ комнаты, но она и не торопилась. Ей казалось что она теперь только помыла какъ хорошо подъ теплымъ домашнимъ кровомъ. Не было, впрочемъ, недостатка и въ заботливомъ участіи посто-роднихъ. Боровской неоднократно навѣдывался о ея здоровьи. Елена Михайловна почти чрезъ день заѣзжала въ Бѣлые Столбы и привозила съ собою какую-то особенную клубнику исполняскихъ размѣровъ, которою щеголялъ ея садовникъ. Нада какъ будто однако не особенно радовалась этимъ посѣщеніямъ любезной сосѣдки, и сама Елена Михайловна, хотъ и не скулилась на ласковыя слова, никогда подолгу не оставалась въ комнатѣ Нади. Чутье ей должно-быть под-казывало что ея присутствіе не особенно радовало молодую дѣвушку.

За то съ Дмитріемъ она вела долгія бесѣды, все тѣснѣе слетая вокругъ него невидимыя дружескія узы. И чего грѣха таить, на мѣсто прежней чистой, немного заоблачной любви, воспитанной идеализмомъ студенческихъ годовъ, въ сердце Дмитрія прокрадывалось иное, менѣе возвышенное, но за то болѣе обыкновенное чувство. Только благодаря невольному самообману къ которому мы всѣ такъ склонны, онъ не замѣчалъ подступа этой новой волны на этотъ разъ уже совершенно земной страсти.

Анна Григорьевна отдавала себѣ очень ясный отчетъ въ томъ къ чему клонятся частыя посѣщенія Елены.

И чѣмъ они чаще повторялись тѣмъ радунше она принимала хозяйку Никольскаго. Въ первый прїѣздъ Елены Анна Григорьевна сохранила еще въ отношеніи къ ней слабый осадокъ прежней неприязни за ея поведеніе съ Дмитриемъ. Но теперь обстоятельства перемѣнились. Въ былые годы Анна Григорьевна очень неохотно соглашалась на женитьбу сына. Совершенно въ иномъ свѣтѣ представлялась такая женитьба теперь. И не заикаясь объ этомъ въ присутствіи сына, она въ душѣ таила желаніе ускорить по возможности желаемую развязку.

Быль сѣрый, невеселый день въ самыхъ послѣднихъ часахъ юня, все утро накрывалъ дождь, и зелень въ саду, на которой повисли блестяція капли, отдавала вновь свѣжимъ, прянымъ запахомъ весны. Несмотря на сырую погоду Надя вдругъ неудержимо захотѣлось на воздухъ; она еще слабая, опираясь на руку Дмитрія, въ первый разъ прошлась по старинному саду. Все въ этомъ, давно ей знакомомъ саду, ей показалось новымъ, дышащимъ прелестью чарующей молодости. Довѣрчивая и локорная она молча слушала то что говорилъ ей Дмитрій, хотя внимала она собственно не его словамъ, а тому своеобразному отголоску который находили они, эти совершенно простые не притязательныя слова въ ея проснувшемся сердцѣ. Повернувъ къ дому они встрѣтили Елену, только что прїѣхавшую съ Женечкой: молодую дѣвушку Елена въ первый разъ взяла съ собою съ тѣхъ поръ какъ захворала Надя. Они вмѣстѣ пошли въ верхній этажъ, и у Нади въ этотъ разъ ласковый взглядъ глубокихъ красивыхъ глазъ Елены почему-то вызвалъ почти болѣзненное чувство. Ее раздражала даже непринужденная простота въ движеніяхъ и въ голосѣ молодой женщины, та очевидная близость которая обнаруживалась въ ея отношеніяхъ къ семейству Корецкихъ. Должно-быть Надя чѣмъ-нибудь выдала себя, только не прошло и десяти минутъ какъ Елена Михайловна сошла съ Дмитриемъ въ гостиную къ Аннѣ Григорьевнѣ, оставивъ молодыхъ дѣвушекъ вдвоемъ. Женечка нетерпѣливо ожидала этого: ей хотѣлось разузнать у Нади причину страннаго поведенія Володи, который глазъ не показывалъ въ Никольскомъ. Надя впрочемъ предупредила ея вопросъ.

— Какъ Володя будетъ жалѣть, сказала она, — узнавъ что ты была здѣсь съ Еленой Михайловной. Онъ уже третій день въ городѣ.

Женечка слегка надула губки. Она конечно смутно подозрѣвала что сама была причиною мрачнаго настроенія Володи, но въ то же время не могла простить ему того что онъ сталъ искать утѣшенія въ кутежѣ съ двумя школьными товарищами, случайно встрѣченными въ городѣ. Волода погрузился съ ними въ разныя студенческія воспоминанія и еще болѣе того въ размахистое веселье какое можно было доволь найти на шумномъ вокзалѣ Ахбарова, построенномъ на самомъ обрывѣ волжскаго берега. Товарищи эти были Блюмштейнъ и Эльборусси, сыновья богатыхъ коммерсантовъ изъ числа тѣхъ чьи предки взяли вѣкогда Іерихонъ при гласѣ трубы. Оба они, разумѣется, радикалы чистѣйшей воды и очень любили за бокаломъ шампанскаго разсуждать о всемирной революціи и содѣйствовать разрѣшенію соціального вопроса, давая Татарамъ въ ресторанахъ по три рубля на чай.

Все это Женечка узнала отъ Нади, которая не безъ смѣха подмѣчала какъ молодую подругу сердилъ этотъ разказъ.

— А знаешь, Нада, сказала Женечка,—я все-таки не вѣрю чтобы твой троюродный братъ былъ на самомъ дѣлѣ такой красивый.

— И я не вѣрю, улыбулась Нада.

— Ну ты другое дѣло, ты этому даже очень рада.

— Напротивъ я сама надъ его громкими фразами всегда смѣялась.

Женечка сдѣлала удивленные глаза.

— Да какъ же это?.. Я вѣдь думала, извини меня, что Владиміръ Алексѣевичъ былъ къ тебѣ что-то очень неравнодушенъ.

Сказавъ это Женечка покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ. Нада ее очень живо успокоила на этотъ счетъ, намекнувъ и слегка насмѣшливо на то что молодая особа ищетъ сучокъ въ чужомъ глазу.

— И ты увѣраешь меня, невѣрительно проговорила Женечка все болѣе смущенная,—что не старалась поддерживать въ немъ священный огонь. Да вѣдь ты сама кажешься...

Веселость мгновенно исчезла съ лица Нади, и какъ ни старалась Женечка снова оживить разговоръ, Нада уже не могла вернуться къ шутивой болтовнѣ. Намекъ Женечки кольнулъ ее въ самое больное мѣсто. Онъ напомнилъ ей недавно совершившійся разрывъ, за который Нада не переставала упрекать себя какъ за измѣну.

Къ вечеру изъ города вернулась Волода. Кутежъ въ веселой компаніи не разогналъ его мрачности. Напротивъ къ ней примѣшивалось теперь еще чувство стыда за три дня проведенные имъ по стогнамъ и перенутьямъ города. Онъ коротко и смутно отвѣчалъ на вопросы матери и послѣдшилъ въ комнату Нади.

— Нада, сказалъ онъ шелотомъ, какъ бы оласаясь чтобы другіе не услышали,—я съ важною новостію. Неродовичъ здѣсь, а его видѣлъ.

Лицо молодого человѣка все было проникнуто многозначительностію сообщеннаго имъ извѣстія.

На молодую дѣвушку оно однако не произвело ожидаемаго дѣйствія. На чертахъ Нади выразилось удивленіе, испугъ, что угодно, только не радость.

— Не можете быть!.. вамъ показалось... проговорила она.

— Да увѣряю же васъ, видѣлъ, говорилъ съ нимъ.

И Волода казался очень польщеннымъ бесѣдой съ тузомъ агитаціи, какимъ считался Неродовичъ.

Онъ усѣлся и началъ разказывать:

— Выхожу я сегодня часу въ третьемъ изъ вокзала Ахбарова и поднимаюсь въ гору по Царицынской улицѣ, прохожу мимо лабазы и вижу стоитъ въ дверяхъ человѣкъ средняго роста, довольно полный, одѣтый кулцомъ, только знаете изъ неважныхъ, сюртукъ у него довольно поношенный и суконная фуражка тоже. Ну хоть у него борода какъ слѣдуетъ: окладистая и даже серьга въ лѣвомъ ухѣ—меня тотчасъ поразило странное сходство. Промель я нѣсколько шаговъ, обернулся... и говорю себѣ: онъ, непременно онъ.—Левъ Алексѣевичъ, вырвалось у меня,—какими судьбами? Купецъ сперва поморщился, но должно-быть живо что-то сообразилъ, только онъ тутъ же подошелъ ко мнѣ:—Войдите, Корецкій, говорить, и заперъ за нами двери въ лавку. Я тутъ же замѣтилъ что дверь была съ колокольчикомъ и отпиралась звонила что есть мочи. Въ лавкѣ были сыры и молочный товаръ, крупа, мыло и всякая всячина, не было только покупателей.—Ну-съ, коли вы меня узнали, Корецкій, сказалъ онъ засмѣявшись,—значитъ загрифованъ я плохо: впередъ мнѣ наука. Я конечно сталъ горячо увѣрять его что бояться нечего, что мнѣ даже обидно такое сомнѣніе, потому что я, вѣдь вы знаете, готовъ за нихъ стоять грудью.—Ну, ну, сами знаете, продолжалъ Неродовичъ,—вы разумѣется свой человѣкъ: не

выдадите! Только пойдемъ вотъ туда, — и онъ показалъ на маленькую дверь въ углу лавки, — все-таки вѣрнѣе будетъ. Мы прошли въ низенькую комнату съ крошечнымъ окномъ на дворъ. Тутъ за столомъ сидѣлъ какой-то очень смуглый господинъ и что-то писалъ. — Рекомендую вамъ, Гольдштейнъ, тоже изъ нашихъ, указалъ на него Левъ Алексѣевичъ. Тотъ сердито на меня посмотрѣлъ и шепотомъ, но съ большимъ жаромъ что-то сказалъ Неродовичу. — Ну, успокойтесь, батенька, и строчите себѣ. Лучше васъ все это знаю, отвѣчалъ ему Левъ Алексѣевичъ. — Боязливъ ужъ очень, извѣстно, пуганая ворона, добавилъ онъ обращаясь ко мнѣ. И Неродовичъ сталъ разказывать, понимаете, съ полнымъ довѣриемъ ко мнѣ, что онъ перенесъ свою дѣятельность въ наши края, гдѣ, какъ онъ увѣряетъ, почва очень хорошая и дѣла много впереди. Я въ первый разъ чувствовалъ себя такъ близко у самаго источника могучаго движенія ведущаго насъ къ свѣту и простору.

Володя до сихъ поръ казалось ощущалъ священную тревогу отъ этой близости. Глаза его разгорѣлись отъ этого возбуждающаго сознанія. Нада однако вовсе не раздѣляла его восторга, но въ лылу разказа Володя не примѣчалъ этого.

— Представьте себѣ, Нада, продолжалъ онъ, — Неродовичъ уже цѣлѣмъ три недѣли провелъ здѣсь, то въ городѣ, то въ разныхъ селахъ, и даже въ Бѣлыхъ Столбахъ онъ былъ уже два раза и какъ онъ успѣлъ хорошо познакомиться съ нашею мѣстностью, у него должно-быть — подробности онъ мнѣ не сообщалъ — вездѣ друзья есть; говорю вамъ, этотъ человѣкъ настоящій геній.

Нада соображала, кто могли быть эти друзья. „Сынъ священника конечно, чрезъ него я получала письма, — а кто знаетъ, можетъ-быть и Брусковъ“; и при мысли о томъ что сама она помогла Брускову поселиться въ Бѣлыхъ Столбахъ, тревожное, гнетущее чувство овладѣло ею и краска показалась на ея лицѣ.

— Онъ много разчитываетъ на здѣшнихъ крестьянъ, восторженно заговорилъ опять Володя, какъ будто ему приходилось очень радоваться возможности крестьянскихъ волнений, — и раскрылъ предо мною цѣлый обширный планъ.

Володя слегка предавался самообольщенію: Неродовичъ въ сущности никакихъ плановъ ему и не думалъ повѣрять.

— Онъ въ городѣ проживаетъ подъ именемъ кулца Аладина и бумаги у него всѣ какъ слѣдуетъ. Молодецъ! Онъ

предупредилъ меня разумѣется чтобъ я не вздумалъ какъ-нибудь при встрѣчѣ назвать его настоящимъ именемъ. Маркель Маркеловичъ Аладьинъ. И вамъ это не мѣшаетъ помнитъ, такъ какъ вы очень скоро его здѣсь увидите. Онъ зналъ, представьте себѣ, что вы у насъ живете и много про васъ спрашивалъ. А кто бы могъ предвидѣть что намъ съ вами такъ скоро придется стать работниками великаго дѣла народнаго обновленія? Да что, Надя, вы какъ будто этому не радуетесь?

Отвѣта онъ получить не успѣлъ. Дмитрій показался въ дверяхъ.

— При немъ ни слова, пожалуйста, сказала она шепотомъ, схвативъ Володю за руку.

— А я и забылъ тебѣ передать, обратился къ брату Дмитрій,—кто былъ здѣсь сегодня.

И онъ сказалъ Володѣ какъ Женечка спрашивала про него. Молодой человѣкъ мгновенно преобразился. Этихъ немногихъ словъ было достаточно чтобы воскресить въ немъ цѣлыя грезы, и „геніальный“ Перодовичъ со своими освободительными планами тотчасъ ступевался предъ волшебнымъ образомъ милой дѣвушки. А Надя, оставшись одна, долго еще передумывала то что узнала она отъ Володи. Давно невидѣнные лица вслывали предъ ней и съ насмѣшливымъ укоромъ грозно и злобно обступали ее, требуя у ней отвѣта за отступничество. И въ первый разъ въ ея жизни Надя овладѣла страхъ предъ будущимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. ОРЛОВСКІЙ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ПОКЛОННИЦЫ СВЯТАГО ГРОБА ГОСПОДНЯ.

I

23 октября 1874.

Моей завѣтной мечтѣ посѣтить Святую Землю суждено было наконецъ сбыться. Всѣ препятствія устранились, и 9 октября 1874 года я выѣхала изъ Москвы на Таганрогъ, въ сопровожденіи одной доброй знакомой. Бѣгло обняла я своихъ плачущихъ друзей и вошла въ вагонъ полная радостныхъ улованій. Черезъ двое сутокъ мы пріѣхали въ Таганрогъ. Я вспомнила что часа черезъ два должна буду разстаться со своею спутницей и остаться одна на морскомъ пароходѣ: сердце ушло, но на одну минуту.хлопоты съ извозчиками, билетами, съ переноской вещей заняли мысль. Скоро все было улажено, и мы отправились къ пристани. Я въ первый разъ увидѣла море. Оно тихо шумѣло, его стальная поверхность едва колебалась. Народу было пропасть, суета ужасная. Надо было съѣсть сперва на маленькій пароходикъ который долженъ былъ насъ подвести къ морскому пароходу *Коцебу*. Пробрались мы въ кактусъ. Пароходъ этотъ еще цѣлѣй часъ стоялъ на якорѣ и качался такъ что я принуждена была лечь во избѣжаніе дурноты. Спутница моя здѣсь со мною простиалась, и я осталась одна между незнакомыми пассажирами.

Вечеръ былъ чудный. Полный мѣсяцъ освѣщалъ темную поверхность воды, пароходъ шелъ быстро, оставляя за собою серебряную полосу. Шумъ винта одинъ нарушалъ мертвую тишину; кое-гдѣ въ дали мелькали огоньки лывущихъ судовъ, въ небесной выси слабо мерцали звѣзды. Я вспомнила картину Айвазовскаго *Море въ тихую ночь* и поняла ея красоту.

На другой вечеръ мы приплыли въ Керчь, гдѣ перешли на другой пароходъ. Послѣ тихой ночи опять наступилъ прелестный день. Я не сходила съ палубы. Море было чудно хорошо, но берегъ вдоль котораго мы плыли ничего не имѣлъ привлекательнаго: каменистыя горы почти безъ растительности и больше ничего. Вечеромъ одинъ ѣдущій на Кавказъ артистъ доставилъ намъ удовольствіе послушать его игру на фортепьяно. Музыка на морѣ въ эту полную таинственной прелести ночь производила чарующее дѣйствіе.

15 октября я проснулась уже въ Сухумскомъ рейдѣ. Маленькій бѣлый городокъ, среди зеленѣющихъ окрестностей, изъ-за которыхъ высатся вершины снѣговыхъ горъ, весело смотритъ подъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ.

II.

23 октября 1874 г.

Въ Сухумѣ я свидѣлась съ братомъ. Онъ предложилъ воспользоваться ясною погодою чтобы посмотреть горы. Мы отправились въ два часа, въ наемномъ фаэтонѣ, запряженномъ парюю клячъ съ Мингрельцемъ - извоищикомъ, въ селеніе князя Ш., версты за пять отъ Сухума. Дорога большею частію идетъ болотистою мѣстностью и лѣсомъ, и такъ же дурна какъ въ Россіи проселокъ въ грязь, съ тою еще разницею что неизмовѣрно узка и окаймлена какими-то колючимъ растеніемъ въ родѣ ежевики, но въ гигантскихъ размѣрахъ. Колючки дѣлаются за шаялу, за лаатье, за чтѣ лопало, но Мингрелецъ мало обращаетъ на это вниманія и знай себѣ поддаетъ жару своимъ клячамъ. Наконецъ выбрались мы изъ этой непроходимой чащи въ довольно рѣдкій лѣсъ грецкаго орѣшника, деревья котораго очень красивы и стройны. Нѣкоторыя изъ нихъ всѣ обвиты лаюномъ. Вѣтви на берегу моря тутъ есть развалина старой крѣпости, къ которой братъ нарочно велѣлъ завѣхать чтобы дать мнѣ

ловатіе о здѣшней растительности. Съ юга стѣна вся покрыта густою массою виноградной зелени, а съ другихъ сторонъ фиговыми деревьями и плющомъ, который вросъ въ стѣну и одѣлъ ее непроницаемымъ слоемъ зелени. Я никакъ не воображала чтобъ это растеніе могло достигать такихъ размѣровъ. Отсюда мы отправились къ саду. Здѣсь насъ встрѣтилъ управляющій князя и зазвалъ ѣсть виноградъ; но мнѣ было не до винограда: съ террасы на которой мы сидѣли была видна горная цѣль покрытая совершенно розовымъ колоритомъ, придававшимъ ей чудную прелесть. Посидѣвъ немного и погулявъ по саду, мы отправились обратно по морскому берегу. Лѣсъ мѣшаль вполнѣ видѣть горы, но я не пропускала ни одного промежутка между деревьями чтобы не полюбоваться ими. Я была поражена ихъ красотой. Вся ближняя цѣль покрылась яркорозовымъ свѣтомъ, а изъ-за нее рѣзко выдѣлялись на блѣдномъ горизонтѣ величественные конусы снѣговыхъ горъ, блестящихъ въ огнѣ заходящаго солнца, ниже и ниже спускавшася къ морю. Вершина Эльбруса уже окуталась будто голубоватымъ флеромъ, напоминающимъ колоритъ нашихъ сѣверныхъ снѣговъ при лунномъ освѣщеніи. Отъ него вправо хребетъ снѣговыхъ горъ началъ уже ступенчатываться въ вечернемъ туманѣ—солнце сѣло за морскою поверхностью.

28 октября прибылъ пароходъ *Цесаревна*. Мы съ братомъ вышли на берегъ моря. Набережная была очень оживлена. На бульварѣ гуляла публика, у пристани стояли въ два ряда наемные фазтоны съ Мингрельцами въ полосатыхъ халатахъ на козлахъ; на пароходѣ и на берегу играла музыка; по набережной сновала самая разнообразная толпа: тутъ были Турки и Греки въ своихъ малиновыхъ фескахъ, Черкесы толпились у своихъ неосѣдланыхъ лошадей; между Грузинъ и Мингрельцевъ мелькали красивыя лица Абхазцевъ изъ-подъ ихъ бѣлыхъ и желтыхъ башлыковъ; абхазскіе всадники въ черныхъ буркахъ, съ надвинутыми на лобъ башлыками и кинжалами за поясомъ сновали тамъ и самъ; тутъ же расхаживали русскіе солдаты у открытыхъ лавокъ толпились красивыя дѣти Кавказа въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Солнце освѣщало эту пеструю картину самымъ яркимъ колоритомъ: и море, и зелень, и серебряная цѣль снѣговыхъ горъ вдали, все блестяло подъ его золотистыми лучами.

26 ноября вечеромъ мы отплыли отъ русскаго берега.

II.

10 декабря 1874 года. Смирна.

Послѣ длиннаго и скучнаго плаванья, равнымъ утромъ 7 декабря *Ростовъ* (пароходъ на которомъ мы ѣхали) вступилъ въ Босфоръ. Небо было мрачно, дулъ сильный холодный вѣтеръ, но въ проливѣ пароходъ шелъ совершенно спокойно. Мы всѣ вышли на палубу.

Въ Константинополѣ мы имѣли удовольствіе получить деньги и письма отъ своихъ, но ничего не услѣли посмотреть изъ примѣчательностей города. Въ тотъ же день отходилъ пароходъ *Александръ*, и мы рѣшились ѣхать на немъ до Смирны.

На другой день опять погода стала хуже; началась качка и продолжалась всю слѣдующую ночь. Когда мы бросили якорь въ Митиленахъ, я собрала всѣ силы чтобы выйти на палубу и взглянуть на этотъ островъ бывшій свидѣтелемъ дѣяній ало-стольскихъ. Вѣтеръ такъ и рвалъ; но между острововъ все же было ясно.

Еще черезъ день мы достигли Смирны и рѣшились тутъ высадиться на пять дней, до прибытія австрійскаго парохода, посмотреть городъ да и отдохнуть. Перебрались мы въ городскую гостиницу, въ которой завали двѣ комнаты довольно чистыя насколько это возможно въ Турціи. Берутъ здѣсь съ насъ по десяти франковъ съ человѣка со столомъ и постельнымъ бѣльемъ. На пароходахъ платять за обѣдъ одинъ рубль и столько же за завтракъ когда стоять на якорѣ, а когда пароходъ въ ходу, то билетъ даетъ право пользоваться и столомъ и кормить прекрасно.

Всѣ пять дней нашего здѣсь пребыванія погода не улучшалась; безпрестанный дождь лишилъ насъ возможности ѣхать въ Эфесъ. Комнаты наши оказались сырыми и мрачными, потому что окна здѣсь всегда стараются устраивать на сѣверъ, во избѣжаніе лѣтнаго зноя; ни печей, ни каминовъ нѣтъ. Притащили намъ довольно объемистый мангалъ (родъ жаровни наполненной горячими углями и замѣняющей на Востокѣ каминъ), но отъ него было больше угара чѣмъ тепла. Горничная, старая Гречанка, ничего не понимала что мы ей объясняли лантомимами и только твердила „*kyriuz*“.

Послѣ оказалось что она просила подарковъ своимъ дѣтямъ; но достигла только того результата что мы ее прозвали *курицей*. Несмѣтное множество огромныхъ комаровъ сдѣлало насъ похожими на больныхъ ословъ. Выдалось одно послѣобѣда пояснѣе, и мы велѣли комиссіонеру найти экипажъ чтобъ ѣхать въ Бурнаба, мѣсто въ окрестностяхъ Смирны заселенное иностранцами, которые воздвигли тутъ каменные дома съ желѣзными рѣшетками въ родѣ крѣпостей, что не говорить о безопасности въ странѣ, и развели роскошные сады. Къ моему удивленію, мѣсто какого-нибудь допотопнаго фургона, явилась очень хорошая карета запряженная парой путныхъ лошадей. Насилу выбрались мы изъ страшно узкихъ и душно мощеныхъ улицъ Смирны, окаймленныхъ сплошкою массою каменныхъ зданій, большею частію старинныхъ. Внутри ихъ заключаются роскошные дворы со множествомъ померанцевыхъ и апельсиновыхъ деревьевъ, съ мраморными фонтанами и бассейнами, но для иностранцевъ не имѣющихъ знакомства входъ туда недоступенъ. Часто удавалось мнѣ мелькомъ, въ растворенную дверь, взглянуть на эту роскошь среди которой жители предаются кайфу. Иногда у дверей стояла красивая Гречанка, дополнявшая прелесть открывавшейся за ней перспективы. Отъ города, по обѣимъ сторонамъ дороги, тянутся оливковые сады. Часа чрезъ полтора ѣзды мы остановились предъ воротами одного англійскаго сада. Роскошь что за садъ! Весь въ зелени какъ лѣтомъ, со множествомъ душистыхъ цвѣтовъ, апельсиновыхъ деревьевъ усыянныхъ спѣлыми плодами, съ миртовыми аллеями, великолѣпными кипарисами, изъ которыхъ одинъ особенно хорошъ, точно гигантская темнозеленая бархатная шалка съ коническимъ верхомъ.

На другой день погода стала лошадежьѣе, и мы отправились верхомъ на ослахъ на Пагусу, гору, у подножія которой расположенъ городъ. На вершинѣ горы находятся огромныя развалины древняго цирка, въ которомъ по преданію во время гоненія на христіанъ множество святыхъ мучениковъ было растерзано дикими звѣрами. Нѣсколько ниже могла изъ бѣлаго камня, освѣщенная тѣнью огромнаго кипариса; тутъ по преданію покоятся кости блаженнаго Поликарпа, епископа Смирнскаго, ученика Іоанна Богослова. Вѣроятно, на этомъ мѣстѣ онъ и былъ преданъ сожженію за вѣру Христову. Не знаю почему, но эта могила почитается и мусульманами, и мы застали тутъ молящагося Турка. Видъ на

Смирну и море восхитительный. Отсюда проѣхали черезъ Смирнскій базаръ. Это такая же гадость какъ всѣ восточныя базары. Устройство ихъ напоминаетъ московскій такъ-называемый „городъ“, но безъ прилавокъ. Кулцы сидятъ на цѣновкахъ окруженные своимъ товаромъ. Грязь, темнота, тѣснота и спертый воздухъ дѣлаютъ этотъ базаръ отвратительнымъ. Въ добавокъ тутъ же идутъ цѣлые караваны вьючныхъ животныхъ. Того и глади столкнешься съ какимъ-нибудь верблюдомъ или вьючною лошадыю.

Въ европейской улицѣ много очень хорошихъ европейскихъ магазиновъ гдѣ все можно купить много сходнѣе чѣмъ въ Россіи.

Изъ зданій Смирны мнѣ больше всего понравилась греческая церковь во имя Св. Фатиніи Самарянки. Снаружи прекрасное зданіе. Въ особенности эффектна высокая колокольня. Дома есть очень хорошіе, но улицы до того узки что архитектура теряетъ весь видъ. Городъ очень оживленъ. Жителей въ немъ считается до 150 тысячъ, большею частію Грековъ-коммерсантовъ, но много также Турокъ и Европейцевъ. Это одинъ изъ главныхъ торговыхъ пунктовъ имперіи. Сюда безпрестанно приходятъ огромныя караваны верблюдовъ съ товарами и залужаютъ улицы.

Пришелъ австрійскій пароходъ *Веста*, и мы распростились съ Нѣмой-хозяйкой и со старушкой „курицей“ и отправились на пыхтащаго во всю мочь великана въ 400 силъ. Погода была ясная, Смирна предстала предъ нами во всей прелести. Не даромъ зовутъ ее на Востокъ *красавицей Смирной*.

Пароходъ хорошъ, но идетъ ужасно медленно. Въ Хіосѣ мы останавливались ночью, и ночью же прошли мимо острова Патмоса. На другой день бросили якорь въ Родосъ, но капитанъ не позволилъ съѣзжать на берегъ.

За то въ Бейрутѣ мы имѣли отличную погоду и стояли долго, такъ что могли безпрелютвенно отправляться въ городъ и отдохнуть отъ морской качки, а вмѣстѣ съ тѣмъ прокатиться по Дамасской шоссеиной дорогѣ, окаймленной алейскими садами, финиковыми пальмами, рощами италіанскихъ ливій, самыхъ красивыхъ по моему деревъ; лили лимонадъ подъ тѣнью южной зелени, около банановъ растущихъ подъ открытымъ небомъ. Бейрутъ внутри лучше и чище другихъ восточныхъ городовъ, а съ моря онъ необыкновенно хорошъ, увѣнчанный горною цѣлью изъ-за которой смотрятъ величавыя свѣтлыя вершины Ливана.

III.

23 декабря 1874. Иерусалимъ.

Совѣ ли это или дѣйствительность, но я въ Иерусалимѣ. Пріѣхали сегодня; луть былъ благополучный. Братъ отправился въ Египеть, и теперь я здѣсь одна въ русскомъ странноприимномъ домѣ. Здѣсь чисто и хорошо.

Послѣднюю ночь насъ порядочно качало. Утромъ пришли въ Яффу. Погода пасмурная, сильный вѣтеръ, высадка скверная и Яффскій рейдъ съ его рифами вовсе не безопасенъ. Арабы однако выѣхали на своихъ лодкахъ, изъ которыхъ одну намъ и наняли. Я велѣла нести свои вещи и сама едва держась на ногахъ отъ качки ползла къ тралу. Волна подняла лодку къ тралу, и Арабъ живо и ловко усадилъ меня въ нее, за мной брата. Перекрестились, отчалили, благополучно миновали рифы, съ крестнымъ знаменіемъ, съ громкою молитвой Арабовъ ко всемогущему Аллаху, и какъ разъ очутились у берега. Насъ встрѣтилъ драгоманъ русскаго консульства и сейчасъ призналъ за Русскихъ. Онъ насъ проводилъ въ русскій пріютъ. Послали за вице-консуломъ. На просьбу брата чтобъ онъ похлопоталъ обо мнѣ, онъ отвѣчалъ что всѣмъ ручается за мой благополучный луть до Иерусалима и при немъ же нанялъ мнѣ пару лошадей въ тележку.

Брату надо было слѣзнуть на пароходъ: мы пошли его проводить на берегъ. Море стало потише. Мы разстались. На минуту жутко мнѣ стало когда я въ послѣдній разъ выпустила руку брата изъ своей. Я проводила его слезами до парохода и пошла назадъ съ вице-консуломъ. Въ пріютѣ служанка Арабка принесла мнѣ завтракъ, вареную курицу и нѣсколько аледьсиновъ, лоразившихъ меня своею величиной, и очень добродушно что-то твердила мнѣ на своемъ непонятномъ для меня азыкѣ. Мнѣ было не до ѣды. Я столько пережила въ эти дни и переживала теперь что забыла ѣла ли я сегодня или нѣтъ. Теперь у меня было одно желаніе—скорѣе въ Иерусалимъ. Осматривать примѣчательности Яффы было некогда: надо слѣзнуть, послѣзавтра наступало Рождество.

Часа через два мой экипажъ съ Нѣмцемъ кучеромъ стоялъ уже у воротъ. Я распростилась съ вице-консуломъ и въ сопровожденіи Араба-каваса отправилась въ путь. Дорога сперва шла аллеей между алеальсинныхъ садовъ, наполняющихъ воздухъ благоуханіемъ и окаймленныхъ живою изгородью изъ гигантскихъ кактусовъ, а потомъ по Саронской долинѣ: я вѣхала уже по библейской землѣ. Экипажъ мой оказался тряскимъ до невозможности, тѣмъ болѣе что дорога усыпана камнями иной разъ очень почтеной величины. Часа черезъ три мы пріѣхали въ Рамей—древнее отечество Иосифа Аримаѣйскаго. Здѣсь предстоялъ ночлегъ, также въ русскомъ пріютѣ. Я такъ была рада увидать русскій флагъ. Тутъ встрѣтила меня русская смотрительница очень привѣтливо и дала чистую, хотя очень холодную комнату для ночлега. Долго не могла я заснуть и не могла увѣриться даже что я не брежу.

На другой день въ восемь часовъ я уже продолжала свой путь къ Иерусалиму. Вѣхали плохо, по страшно гористой дорогѣ, мѣстами обрамленной оливковыми садами, мѣстами окруженной совершенно голою въ это время, каменистою мѣстностью. Это ли земля обѣтованная, которая нѣкогда текла медомъ и млекоу?

На половинѣ пути остановились кормить въ восточномъ хамѣ (родъ постоялаго двора); его содержитъ Еврей, который предоставляетъ проезжающимъ сарай, комнату въ какой-то полуразрушенной каменной постройкѣ, также имѣющую больше видъ сарая, чашку турецкаго кофе (то есть пополамъ съ гущей и сваренаго съ сахаромъ, безъ сливокъ) и алеальсины за необыкновенно дорогую цѣну. Мы были еще въ дорогѣ когда стало уже смеркаться. „Иерусалимъ виденъ“, сказалъ мнѣ кавасъ. Сердце замерло; я перекрестилась, но за наступавшею темнотою и множествомъ каменныхъ зданій новой постройки, скрывающихъ собою древній городъ, не могла его рассмотреть. Мы вѣхали какъ бы въ улицу образуемую двумя каменными стѣнами, окружающими эти постройки, большею частію принадлежація Европейцамъ, которые имѣютъ здѣсь консульства и миссіи. Моя тележка повернула въ ворота кааѣво. На меня глянулъ фасадъ русскаго собора, за нимъ развѣвался русскій флагъ. То были русскія постройки. Я перекрестилась, мой путь былъ конченъ. Начальница страннопріимнаго дома меня

встрѣтила очень радушно, отвела чистую комнату, снабженную желѣзною печью; явилась русскій самоваръ. Я послала свой паспортъ консулу и велѣла спросить когда онъ можетъ меня принять. Часа черезъ два онъ пришелъ ко мнѣ самъ и былъ очень внимателенъ. На его вопросъ желаю ли я завтра, то-есть 24, ѣхать въ Виелеемъ, я отвѣчала что желала бы очень, но что меня многие ужасно жалуются случающагося тамъ даждкой въ этотъ день. „Намъ мѣсто будетъ, отвѣчалъ онъ, а самъ поѣду, лишь бы дожда не было“. Я его поблагодарила съ живѣйшею радостью.

IV.

Иерусалимъ, 25 декабря 1877.

Несмотря на возбужденные нервы я крепко заснула въ ночь на 24 декабря. Меня разбудилъ звонъ русскаго колокола. Въ одиннадцатъ часовъ консулъ пришелъ сказать что нашъ вѣздъ назначенъ въ два и что онъ всѣмъ уже распорядился.

Ровно въ два часа осликъ подъ дамскимъ сѣдломъ и кавалъ были у подъѣзда. Около консульства стояло нѣсколько осѣдланыхъ лошадей и такой же какъ мой осликъ для тетюшки консула, съ которою я тутъ же познакомилась. Меня познакомили также съ драгоманомъ, очень веселымъ господиномъ. Поѣздъ тронулся въ сопровожденіи кавасовъ, въ ихъ живописныхъ костюмахъ и также верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ. Яркое солнце освѣщало представшій теперь предо мной городъ Давида, обнесенный зубчатою стѣной, высіяціея за нимъ Элеонъ и высоты Сионскія! Городъ остался у насъ влѣвѣ, мы обогнули стѣну русской постройки и спустились въ долину Гіонъ, гдѣ Соломонъ былъ помазанъ на царство.

Дорога въ Виелеемъ гористая, но широкая и хорошая. По бокамъ и въ перспективѣ уступы горъ въ видѣ террасъ покрыты масличными садами. Вотъ монастырь пророка Иліи, а вотъ и памятникъ Рахила. Отовсюду охватываютъ душу библейскія воспоминавія, кажется самый воздухъ наполненъ ими. Но вотъ вдали на горномъ уступѣ показался и городокъ Виелеемъ, будто одно огромное зданіе, а влѣво отъ него греческій монастырь въ которомъ находится Священный Верталь. Монастырь имѣетъ видъ крѣпости.

Улица ведущая къ монастырю была переполнена многочисленною и самую разнообразною толпою богомольцевъ всѣхъ странъ и племенъ.

Въ монастырь еще шла обѣда. И вотъ предо мной велемскій храмъ Рождества Христова, горящій сотнями огней изящно сгруппированныхъ гирляндами, переполненный самымъ разнообразнымъ людемъ. По окончаніи обѣды мы пошли въ Священный Вертежь, приложиться къ мѣсту рождества Сладостеля и къ мѣсту на которомъ стояли ясли. На мѣстѣ Рождества въ одѣвающемъ его мраморѣ оставленъ небольшой кругъ обрамленный серебряною звѣздой съ латинскою надписью: *здесь Иисусъ родился отъ Маріи*; къ этому мѣсту и прикладываются. Надъ нимъ сдѣланъ родъ маленькаго навѣса изъ бѣлаго мрамора, служащій престоломъ во время совершенія здѣсь литургіи, и надъ престоломъ икона Рождества Христова. Противъ этого священнаго мѣста шагахъ, въ двухъ отъ него и двумя ступенями ниже, находится мѣсто гдѣ были ясли, увезенныя крестоносцами въ Римъ. Прикладываются къ узкому, выщеченному въ скаль выступу, подъ которымъ стоитъ бюстъ младенца Иисуса очень неискусно сдѣланный. Это мѣсто принадлежитъ католикамъ. Мѣстомъ же Рождества владѣють Греки.

Насъ пригласили къ Иерусалимскому патріарху, прибывшему сюда на праздникъ. Шли мы въ его палаты черезъ цѣлый лабиринтъ корридоровъ, двѣстицъ, террасъ, вовсе не напоминающихъ наши постройки. Самыя же палаты вѣчто въ родѣ древнихъ теремовъ: комнаты довольно низкія со сводами. Вокругъ стѣнъ широкіе турецкіе диваны покрытые красною матеріей, на стѣнѣ большая икона съ горящею предъ ней лампадой. Тутъ было уже множество греческаго духовенства: мы получили благословеніе патріарха, приветливо встрѣчавшаго гостей. Разговоръ шелъ то на греческомъ, то на русскомъ, то на французскомъ языкѣ. Многіе изъ греческаго духовенства прекрасно знаютъ оба послѣдніе языка. Вскорѣ явилась еще одна Русская; гжа М. со своимъ мужемъ и племянницей. Консулъ познакомилъ меня съ соотечественницами. Не замедлило явиться и угощеніе: шербетъ, варенье въ стаканахъ, ликеръ въ маленькихъ рюмкахъ и турецкій кофе въ чашкахъ съ наперстокъ величиной.

Патріархъ держитъ себя необыкновенно просто. Скоро всѣ отправились въ столовую ужинать. За этимъ ужиномъ было множество блюдъ приправленныхъ оливковымъ масломъ и фрукты всѣхъ сортовъ и во всѣхъ видахъ. Безирестаю провозглашались по-гречески тосты, всѣ чокались и опорожняли стаканы бѣлаго и краснаго вина. Наконецъ ужинъ кончился, и послѣ греческой молитвы все общество снова перешло въ патріаршую, гдѣ опять подали кофе съ гущей, который необходимо надо пить. На этотъ разъ онъ имѣлъ то значеніе что немедленно послѣ него всѣ должны удалиться.

Насъ увела въ свою келію гжа М. и угодила чаемъ. Отсюда опять по лабиринту террасъ и лѣстницъ повели меня и тетюшку консула въ отведенный намъ покой, огромную и холодную комнату съ постедами устроенными въ видѣ шкафовъ въ стѣнныхъ углубленіяхъ и съ жесткими диванами вокругъ стѣвъ, на которыхъ впрочемъ мы предпочли лечь. Тутъ же помѣщались наши сѣдла и всѣ пожитки. Улеглись *tant bien que mal*, но заснуть не оказалось возможности: сердце будто готово было вырваться изъ груди при мысли что мы въ Виелеемскомъ монастырѣ въ ночь на Рождество. За нашею дверью на террасахъ, въ корридорахъ, на дворѣ все было полно толпами народа. Гулъ отъ этой массы людей, конскій топотъ, шаги сновавшихъ взадъ и впередъ монаховъ не стихали ни на минуту. Русскихъ поклонниковъ было двѣсти пятьдесятъ человекъ.

Въ десять часовъ вечера ударили къ заутренѣ. Мы приготовились идти въ церковь. Я прочла Евангеліе отъ Матѳея повѣствующее о наступившемъ праздникѣ. Въ двѣнадцатомъ часу пришли намъ сказать что пора идти. Предшествуемые кавасами опять отправились мы въ Рождественскій храмъ. Монахъ указалъ намъ отгороженные мѣста около патріарха. Служба была во всемъ великолѣпнѣ. Минуть черезъ пять патріархъ сталъ облачатся. Его митра и брилліанты на груди такъ и горѣли. Храмъ былъ залитъ огнемъ: громадная лестрая толла народа придавала ему еще болѣе праздничный видъ; но греческое лѣтніе такъ душно что уши заткнуть хочется. Черезъ нѣсколько времени все духовенство съ зажженными свѣчами, за нимъ нашъ консулъ и мы двинулись въ Вертепъ, и тамъ лѣтчіе начали кричать еще громче. Отсюда вся процессія отправилась чрезъ верхній храмъ и огромную прилегающую къ нему базилику.

По бокамъ двумя сплошными массами стоялъ народъ. Духовенство двигалось медленно при гвннн акависта Божіей Матери и по временамъ останавливалось чтобы кадить, а патріархъ благославлялъ на всѣ стороны народъ. Кого только тутъ не было! И Русскіе, и Греки, и Турки, и Армяне, и Болгары, и Абиссинцы, и Арабы, и всѣ въ своихъ костюмахъ. Процессія имѣла много торжественности, но гвннне отравляло все. Три раза такимъ образомъ обошли мы храмъ и возвратились на свои мѣста. Заутреня кончилась, и въ Вертелѣ начались часы. Гжа М. уговорила насъ идти туда и не бояться толпы. Очень было тамъ гвнсно и душно. Служило трое священниковъ, изъ нихъ одинъ Русскій, и два діакона, изъ которыхъ одинъ замѣнялъ Русскаго, ибо зналъ нашъ языкъ. Скоро изъ Вертела многіе стали уходить, и къ началу обѣдни сдѣлалось полпросторнѣе. Обѣдня началась по-гречески; я старалась молиться, но не молилась, какъ вдругъ русское *Рождество Твое Христе Боже нашъ* огласило Вертель. У меня захватило духъ отъ восторга: точно лучъ свѣта проникъ все мое существо! Только теперь я сердцемъ и душой поняла что я въ Виелеемскомъ Вертелѣ. Теперь для меня не существовало больше ни духоты, ни гвнноты, все внѣшнее ступшвалось. Чтобы разъ услышать эти торжественныя родныя слова на этомъ мѣстѣ стоить переѣхать моря!

Служба шла на половину по-гречески, на половину по-русски. По-русски гвннн не гвнннчннн, не дячки, а какъ въ первые вѣка христіанства, сами поклонники; не въ ладъ и нескладно гвнннли они, но влагали въ произносимыя ими слова свою душу, и при ихъ русскомъ радостномъ гвнннн Вертель становился небомъ. Видная славянскому „миромъ Господу помолимся“, или словамъ священника: „благословіе Господне на васъ“, мы жили всею полнотою духовной жизни. Евангеліе читалось на греческомъ, русскомъ и молдавскомъ языкахъ. По окончаніи патріаршей обѣдни насъ позвали къ патріарху обѣдать. Трудно представить себѣ обѣдъ въ шесть часовъ утра, но это было такъ.

Подали намъ сулъ куриный и жаркое, каждому по цѣлому дылаенку, и потомъ фрукты. Тостовъ было еще больше, и вино въ графинахъ исчезало еще скорѣе чѣмъ вчера. Такъ какъ южныя жители пьютъ виноградныя вина какъ мы льемъ квасъ, то они на нихъ и не производятъ почти никакого

дѣйствія. Надо сказать что здѣсь почти все черное духовенство употребляетъ въ пищу мясо, потому что рыбы почти нѣтъ.

Послѣ обѣда олять подали сласти и турецкій кофе, а затѣмъ мы распростались съ патриархомъ и пустились въ обратный путь подъ дождемъ и при сильномъ вѣтрѣ. Не очень-то это было удобно верхомъ, зонтикъ держать трудно, а я не запаслась ничѣмъ непромокаемымъ.

V.

Иерусалимъ, 26 декабря 1874 года.

Для меня нынѣшній праздникъ самый свѣтлый въ моей жизни. Все русское населеніе приняло меня въ высшей степени ласково. Всѣ со мною познакомились, всѣ зовутъ къ себѣ, угощаютъ со всѣмъ радушіемъ. Гжа М. еще въ Виенѣ предложила мнѣ солугствовать въ храмъ Св. Гроба. Сегодня все русское населеніе собралось въ русскій соборъ къ обѣдѣ. Церковь большая и очень красивая. Иконостасъ не великъ, но хорошъ—рѣзной дубовый, съ иконами византийской живописи, привезенными изъ Россіи. Пѣніе прекрасное. Консулъ познакомилъ меня съ архимандритомъ. Изъ церкви все общество отправилось къ нему съ поздравленіемъ. Миссія, состоящая кромѣ архимандрита изъ двухъ іеромонаховъ, дьякона и нѣсколькихъ послушниковъ, помѣщается въ томъ же корлузѣ гдѣ и дворянскій страннопріимный домъ. У отца архимандрита прекрасныя келіи, много хорошихъ картинъ и чудный видъ на Иерусалимъ. Отсюда впервые я увидѣла огромный свинцовый куполъ Святогробскаго храма, теперь увѣнчанный крестомъ.

Вскорѣ по нашемъ приходѣ въ залъ раздалось пѣніе тропаря празднику. Пѣвчіе пропѣли концертъ: „Днесь Христосъ раждается въ Виенѣ“. Этотъ кружокъ Русскихъ далеко отъ родины казался мнѣ роднымъ кружкомъ, я не чувствовала себя одинокою.

Отсюда все общество двинулось къ консулу, гдѣ я познакомилась съ Авдотьею Алексѣевной Г., начальницей госпитала на постройкахъ, прекрасною личностью. Она насъ зазвала къ себѣ въ свою привѣтливую, уютную келію.

Святогробскій храмъ отъ 6 часовъ утра и до 3 пополудни бываетъ запертъ. Въ 3 часа Турки его отпираютъ до заката солнца, а затѣмъ запираютъ снова до шестаго часа утра. Въ 3 часа

мнѣ дали каваса, и я въ первый разъ пошла собственно въ Иерусалимъ, такъ какъ постройки находятся внѣ города, а также и большая часть другихъ иностраннахъ консульствъ и заведеній, составляющихъ какъ бы предместье города. Съ благоговѣніемъ вступила я въ Яффскія ворота. Улицы, какъ и во всѣхъ восточныхъ городахъ, необыкновенно узки и грязны. Я зашла къ гжѣ М., которая и разказала мнѣ многое по поводу столкновеній между христіанами изъ-за обладанія Святыми Мѣстами. По ея разказамъ я осудить не могла никого, но одно увидѣла, что здѣсь, гдѣ Христоосъ проповѣдывалъ миръ и любовь, теперь господствуютъ распри и интриги больше чѣмъ гдѣ-либо. Я поняла что Св. Гробъ да и вся Палестина, по усмотрѣнію свыше, отданы во власть невѣрнымъ такъ же какъ нѣкогда Кивотъ Завета отдавался во власть авычниковъ по недостойнству Израильтянъ.

Ко Св. Гробу ведетъ такъ-называемая Христіанская улица, лучшая въ городѣ и заселенная христіанами.

Громадное зданіе храма со всѣхъ почти сторовъ примыкаетъ къ другимъ постройкамъ; только небольшой передній фасадъ его остается открытымъ и выходитъ на четырехъ-угольную каменную площадку, окруженную обломками огромныхъ колоннъ. Въ древности онъ былъ окруженъ базиликой, подобною базиликѣ Вилеемскаго храма. Въ него ведутъ желѣзныя готически-стрѣльчатыя двери съ нѣсколькими колоннами по бокамъ. Онъ вмѣщаетъ въ себя вертеградъ, Голгову, мѣсто обрѣтенія Животворящаго Креста и такъ-называемый храмъ Воскресенія. Одна изъ колоннъ украшающихъ входъ треснула. Мнѣ передали преданіе о томъ какъ разъ въ древности, по проискамъ Армянъ, имъ дано было право первымъ получать благодатный огонь. Армянскій патріархъ отправился во Св. Гробъ, а православныхъ выслали на площадку предъ храмомъ. Долго оставался во Св. Гробъ патріархъ, но огонь не сходилъ. Вдругъ сдѣлалась сильная гроза, молнія ударила въ колонну, которая дала трещину, и явился огонь. Православные такимъ образомъ первые зажгли свои свѣчи, и послѣ того право получать благодатный огонь снова перешло къ Грекамъ, отъ которыхъ уже получаютъ его Армяне и до настоящаго времени. По входѣ во храмъ первое на чемъ останавливается взоръ — камень муроломазанія, на которомъ тѣло Господа было умщено. Онъ весь покрытъ мраморомъ и окруженъ шестью

гигантскими свѣчами. Сверхъ того надъ нимъ горятъ три огромныя лампы. Противъ его на стѣнѣ изображеніе во весь ростъ тѣла Христова, умащаемого Иосифомъ и Никодимомъ. Налѣво показываютъ мѣсто гдѣ въ это время стояла Матерь Божія. Направо возвышается Голгоеская скала, вся покрытая мраморомъ; на нее ведутъ двѣ мраморныя лѣстницы. Отъ подножія Голгоеы начинается темная галлерей изъ которой идетъ спускъ къ мѣсту обрѣтенія Живоотворящаго Вреста. Нѣсколько дальше этого спуска придѣлъ гдѣ находится камень на которомъ по преданію Христосъ былъ увѣчанъ терновымъ вѣнцемъ въ преторіи Пилата; потомъ придѣлъ Лоягина Сотника, исповѣдавшаго умершаго Іисуса Сыномъ Божиимъ. Немного дальше престолъ подъ которымъ за проволочною рѣшеткой находятся узы Христовы, то-есть мраморная доска съ двумя круглыми отверстіями для ногъ. Еще дальше, и какъ бы въ углубленіи темница, гдѣ былъ Господь во время приготовления къ казни и придѣлъ посвященный страданіямъ Богоматери. Здѣсь Абиссинцы цѣлыя ночи простаиваютъ въ молитвѣ. Далѣе очень большой и прекрасно отдѣланный католическій придѣлъ на мѣстѣ гдѣ, по преданію, Христосъ явился по воскресенію своей Пречистой Матери. Здѣсь же хранится часть столба бичеванія. Она вся закрыта; оставлено только небольшое круглое отверстіе, чрезъ которое особаго рода тростью достаютъ ее и затѣмъ цѣлуютъ трость. Предъ этимъ предѣломъ по прямому направленію мѣсто явленія Христа Маріи Магдалинѣ, означенное двумя кругами на мраморѣ пола и освѣщенное двумя лампадами. (Предъ нимъ находится католическій престолъ.) Мѣсто это въ нѣсколькихъ шагахъ отъ часовни Св. Гроба, возвышающейся среди громадной ротонды времени царицы Елены. Сводъ ротонды поддерживается восемнадцатью четырехъугольными колоннами. На востокъ отъ часовни храмъ Воскресенія. Часовня сооружена изъ желтоватаго, довольно темнаго мрамора, выдѣланнаго изъ камня однороднаго съ лещерой. Часовня дѣлится на двое: первую входную половину составляетъ такъ-называемый придѣлъ Ангела; онъ весь мраморный, посреди его на небольшомъ пьедесталѣ часть камня отваленнаго Ангеломъ отъ двери Гроба. Противъ этого камня очень низкій входъ въ самую лещеру Св. Гроба. Гробъ, то-есть то высвѣщенное въ скалѣ мѣсто гдѣ было

положено пречистое тѣло Господа, занимаетъ половину ящеры и покрытъ мраморною доской, разбитою посрединѣ. Доска эта, говорятъ, очень нравилась одному царю, такъ что онъ велѣлъ ее взять къ себѣ; но она треснула и ее оставили на своемъ мѣстѣ. Надъ Гробомъ образъ Воскресенія и множество горящихъ лампадъ. Тутъ всегда стоитъ греческій монахъ и кропитъ входящихъ розовою водою.

Предъ часовней возвышенный помостъ изъ бѣлаго и чернаго мрамора и въ нѣсколькихъ шагахъ направо выходъ въ ту часть храма гдѣ камень муромомазанія. Вершина Голгофы дѣлится на двое между православными, то-есть Греками, и католиками. Первымъ принадлежитъ мѣсто гдѣ былъ водруженъ крестъ, вторымъ мѣсто гдѣ распинали Господа. У тѣхъ и другихъ надъ священными мѣстами сдѣланы престолы. У Грековъ за престоломъ возвышается Распятіе въ натуральную величину, около него изображеніе Богоматери и Іоанна Богослова. У католиковъ живописное изображеніе распиваемаго Христа.

Близъ греческаго престола находится продолговатое отверстіе въ мраморѣ, закрытое подвижною рѣшеткой: подъ ней видна самая скала Голгофы и трещина на ней образовавшаяся во время смерти Христа. Внизу же есть ходъ подъ Голгофою: тамъ также рѣшетка, сквозь которую видна скала Голгофская; предъ ней Распятіе и горящая лампада. Это такъ называемое Краніево мѣсто. Преданіе говоритъ что черезъ верхнюю трещину свода проникла кровь Христова, и что здѣсь была могила Адамова. Все это я видѣла сегодня въ сумерки; да и все зданіе мрачно и таинственно: въ немъ больше мѣста чувству чѣмъ внѣшнему наблюденію.

VI.

Іерусалимъ, 3 января 1875.

Не вижу какъ идетъ время: уже болѣе недѣли прожила я здѣсь. На третій день праздника послѣ обѣда принимала у себя гостей, а обѣдали мы всѣ на именинахъ у одного изъ іеромонаховъ. Послѣ обѣда съ консуломъ и его тетужкой отправились съ визитомъ къ патріарху. Онъ былъ со своимъ

секретаремъ и архидіакономъ въ приемной; это огромная комната вся устланная восточными коврами, съ широкими мягкими диванами вокругъ стѣвъ и двумя громадными ма-галлами. Патріархъ принималъ насъ очень любезно, сказалъ даже слова два, три по-русски, вѣроятно единственно ему извѣстныя. Посидѣвъ немного, отвѣдавъ превосходнаго варенья и выливъ неизмѣнную чашку турецкаго кофе, мы получили благословеніе и возвратились домой.

28 числа была буря съ градомъ, дождемъ и снѣгомъ, такъ что куда нельзя было идти кромя какъ ко всеобщей, которую служили въ домовоѣ церкви при миссіи.

Вечеръ Новаго Года мы провели у нашего архимандрита. Гостей было много, все населеніе русскихъ построекъ безъ исключенія, нѣсколько поклонниковъ и одно греческое бѣдное семейство. Сейчасъ по нашемъ приходѣ началось угощеніе: чай, варенье, разныя сласти и ликеръ. Такъ какъ общество состояло почти исключительно изъ Русскихъ, то было очень оживленно.

Отецъ архимандритъ устроилъ даровую лотерею въ сорокъ четыре билета, то-есть на всѣхъ гостей безъ исключенія. Сверхъ того, у него нашлось очень много интереснаго посмотреть: хорошія картины, панорамы, стереоскопы и пр. Приемъ былъ самый радушный, и гости были всѣ въѣстъ и всѣ равны, и русскіе поклонники, и старикъ Арабъ простолюдинъ, и бѣдные Греки призрѣваемые хозяиномъ, и монахи, и русскій консуль. Мнѣ это очень понравилось. Архимандрита здѣсь очень уважаютъ; онъ, говорятъ, необыкновенно много дѣлаетъ добра и человекъ очень умный и ученый и очень просто себя держитъ. Эта простота, здѣсь на мѣстѣ рожденія христіанства, имѣетъ особенную нравственную прелесть.

Часовъ въ одиннадцать опять начались закуски, и наконецъ въ заключеніе вечера лѣвчими былъ пропѣтъ гимнь „Боже Царя храни“ и провозглашенъ тостъ за здоровье Государя.

Нынче едва ли не первый хорошій день со времени моего приѣзда, и я имъ воспользовалась чтобъ идти въ Иерусалимъ въ сопровожденіи драгомана. Мы прошли такъ-называемымъ „скорбнымъ“ или крестнымъ путемъ до дворца Пилатова. Это улица по которой шелъ Господь на казнь. Тутъ показываютъ мѣсто Его паденія подъ тяжестью креста, мѣсто встрѣчи Его съ Пречистою Матерью, и мѣсто гдѣ, по

предаію, Св. Вероника *отерла* окровавленное лицо его. Начиная от дворца Пилатова крестный путь идетъ до остатковъ судныхъ вратъ, которыми тогда кончался Іерусалимъ. Последняя же часть его отъ судныхъ вратъ до Голговы теперь застроена, и улица, принимая другое направление, уже приходитъ ко храму Св. Гроба.

Отъ дворца Пилатова отдѣлана чрезъ улицу арка соединявшая его съ преторіей, и основаніе ея сохранилось отъ времени суда надъ Господомъ. Преданіе говоритъ что это то мѣсто съ котораго Пилатъ оказалъ Іудеямъ, указывая на Христа: „се человекъ“. Арка до сихъ поръ сохраняетъ названіе „Ессе homo“. Самый дворецъ Пилата, давнымъ давно превратившійся въ груду развалинъ, служитъ фундаментомъ турецкой казармы.

Кромѣ громадныхъ камней, свидѣтельствующихъ о своей древности и служащихъ основаніемъ казармъ, сохранились остатки входныхъ колоннъ, между которыхъ была лѣстница оставшаяся отъ достопамятной эпохи, но увезенная въ Римъ. Казарма, какъ и всѣ здѣшнія зданія, имѣетъ плоскую кровлю, съ которой открывается очаровательный видъ на Іерусалимъ и его окрестности. На аркѣ „Ессе homo“ дѣлится каморка съ разбитыми окнами; тутъ живутъ бѣдные дервиши (турецкіе монахи). На развалинахъ же преторіи Пилатовой возвышается заново отстроенное прекрасное зданіе, монастырь Notre Dame de Sion. Это скорѣе благотворительное заведеніе чѣмъ собственно монастырь, основанное Ратисбономъ, богатымъ Евреемъ принявшимъ католицизмъ. Тутъ воспитываются 80 безродныхъ дѣвочекъ изъ всѣхъ націй и вѣроисповѣданій на счетъ основателя.

Здѣсь намъ показывали также сохранившуюся древнюю арку, и стѣну, которыя очень чтимы какъ остатки преторіи.

Подъ аркой находится алтарь украшенный статуей изъ бѣлаго мрамора изображающею Христа облеченнаго въ хаинду червленую и увѣнчаннаго терновымъ вѣнкомъ.

Надъ престоломъ великолѣпное бронзовое Распятие. Вся церковь необыкновенно изящна, а древняя каменная арка оставленная въ своемъ первобытномъ видѣ составляетъ ея лучшее украшеніе.

Ратисбонъ, купивъ это мѣсто, старался сохранить всѣ удѣлшіеся остатки древняго развалившагося и погребеннаго подъ

кучей камня зданія и примѣляясь къ нимъ строилъ новое, въ составъ котораго они вошли.

Недалеко отъ главнаго алтара находится другой, маленькій, полъ котораго состоитъ изъ огромныхъ древнихъ камней найденныхъ, говорятъ, на крестномъ пути и вырытыхъ изъ большой глубины. Предполагаютъ что они составляли мостовую улицы по которой шелъ Христовъ. Около этого алтара сдѣлано возвышеніе изъ бѣлаго мрамора, на которомъ находится камень подобный тѣмъ которыми въ древности Евреи мостили улицы. Онъ тоже вырытъ изъ земли на этомъ мѣстѣ и служитъ пьедесталомъ картонной статуи Богоматери съ тѣломъ умершаго Господа на колѣняхъ. Такія изображенія не по вкусу православнымъ, тѣмъ болѣе что на Богоматерь надѣта богатая голубая одежда вышитая серебромъ, но до того хорошо сдѣлана эта статуя что я смотрѣла на нее съ благоговѣніемъ.

Монахиня водила насъ на террасы, которыя, высаясь одна надъ другою, кончаются пласкою кровлей окруженною изящною рѣшеткой и украшеною мозаическимъ поломъ. На одной изъ террасъ рѣзались дѣвочки-воспитанницы.

Отсюда опять по крестному пути отправились мы ко храму Св. Гроба.

Страннымъ кажется что по этой улицѣ, узкой и мрачной, гласящей еще намъ о страданіяхъ Богочеловѣка, гонять ословъ, верблюдовъ, вѣдуть и идуть люди, совершенно равнодушно разговаривая о постороннихъ предметахъ. Храмъ былъ залерть; драгоманъ отыскалъ монаха, который насъ провелъ наверхъ въ узкій ходъ окружающій внутреннюю часть купола. Ходъ этотъ весь украшенъ золотыми лампадами—даръ нашей Императрицы.

Въ тотъ же день были въ армянскомъ монастырѣ, но сначала посѣтили церковь Іоанна Предтечи, гдѣ хранится его глава. Церковь хороша, но невелика, въ византійскомъ вкусѣ.

Армянскій Яковлевскій монастырь поразилъ меня своимъ богатствомъ. Алтари убраны серебряными тканями, золотыми крестами, иконами съ украшеніемъ изъ драгоценныхъ камней. Мозаическій полъ, множество дорогихъ лампадъ гирляндами висящихъ по всѣмъ направленіямъ, прекрасные ковры. Все говорить о богатствѣ.

Особенно хороша большая хрустальная люстра. При

освященіи этотъ храмъ долженъ быть необыкновенно эффектенъ, но живопись очень дурна.

Противъ главнаго алтаря помѣщаются два патриаршіе трона, вызолоченные и обитые малиновымъ бархатомъ. Одинъ изъ нихъ огороженъ бронзовою рѣшеткой, сверхъ того надъ нимъ сдѣланъ балдахинъ, украшенный образами и букетами цвѣтовъ, а подъ нимъ спускается золотая неугасимо горящая лампада—это, говорятъ, тронъ перваго іерусалимскаго епископа апостола Іакова. Въ его время уже тутъ была церковь. Здѣсь же находится и мѣсто усѣкновенія его главы, гдѣ устроена маленькая часовня, вся устланная бѣлымъ мраморомъ. Самое мѣсто усѣкновенія окружено серебрянымъ кольцомъ, а надъ нимъ сдѣланъ престоль. Армянскіе престолы имѣютъ свою особенную красоту, потому что состоятъ изъ ступеней, изъ которыхъ на верхней возвышается крестъ, ниже его Евангеліе, а еще ниже—овальныя иконы. въ сіяніи. Сверхъ того, они убраны множествомъ свѣчъ и букетами цвѣтовъ въ дорогихъ вазахъ.

Въ армянской патриархіи приемная зала очень хороша: сводъ потолка украшенъ лѣвлюю работою, полъ мраморный, въ стѣны вѣдѣваны стѣклянные шкафы съ японскими и китайскими фарфорами, между которыми висятъ картины въ золоченыхъ рамахъ. Здѣсь насъ встрѣтилъ патриаршій драгоманъ, а вскорѣ явился и самъ глава армянской церкви, въ клобукѣ, черной расѣ и туфляхъ, и далъ поцѣловать большой перстень на правой рукѣ. Онъ повелъ насъ въ гостиную, небольшую комнату, устланную восточными коврами и окруженную диванами.

Разговоръ съ нимъ былъ довольно затруднителенъ. Мы должны были говорить драгоману по-французски, онъ передавалъ это на какомъ-то восточномъ языкѣ другому переводчику, а этотъ уже по-армянски переводилъ патриарху.

Посѣтили мы также католическую патриаршую церковь. Это прекрасное зданіе въ готическомъ вкусѣ; но наружная красота теряется отъ тѣсящихся другихъ строеній. Внутренность ея также очень изящна. Особенно хорошъ главныи престоль, весь золотой съ чеканными изображеніями евангельскихъ событій, самой лучшей работы. Это даръ Австрійскаго императора.

Въ пятницу послѣ обѣда смотрѣли плачь Іудеевъ.

Каждую пятницу они собираются къ той части стѣны окружающей Омарову мечеть основаніе которой составляло еще часть постройки еврейскаго храма, и оплакиваютъ бѣдствія своего народа при чтеніи ветхозавѣтныхъ книгъ.

Тутъ было множество мужчинъ и женщинъ, послѣднія стояли отдѣльно. Нѣкоторые сосредоточенно читали свои книги, другіе билась головой о гигантскіе камни стѣны, свидѣтельствующіе своими размѣрами о своей древности; иные плакали. Многія женщины положительно рыдали.

Конечно, далеко не у всѣхъ эта скорбь искренна, но уже сама обычай, сохранившійся въ продолженіе столькихъ вѣковъ, говоритъ о силѣ народнаго бѣдствія. „Кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ“, невольно припомнилось мнѣ, смотря на эту картину.

VII.

Иерусалимъ, 7 января 1875 года.

Когда наступило 4 января, поклонники собрались въ путь встрѣтить праздникъ Рожденія Господня на Иорданѣ. Погода была чудная. Съ караваномъ отправлялся русскій священникъ для богослуженія.

И я рѣшилась ѣхать, но не за день до праздника съ поклонниками, а наканунѣ рано утромъ, чтобъ одну только ночь провести въ палаткѣ. Консуль одобрилъ мое намѣреніе и обѣщавъ дать надежнаго каваса. Распорядились нанять лошадей и пріискать дамское сѣдло.

Иорданъ отстоитъ отъ Иерусалима верстъ на сорокъ; надо было выѣхать пораньше чтобы послѣтъ ко всеюнощюй. Я и проснулась ранехонько, но выѣхала только въ девятую часу. Сѣла на своего коня, перекрестилась и тронулась въ путь. Со мной отправился еще какой-то Полякъ поклонникъ. День былъ чудный, солнце блестяло на синемъ безоблачномъ небѣ и золотомъ обливало святой городъ и окружающія его высоты. Выѣхавъ изъ воротъ, мы обогнули Иерусалимъ и стали спускаться въ Иосафатову долину. Предъ нами величественный Элеонъ, а у его подножія садъ Геосиманскій и гробъ Богородицы. Дальше дорога идетъ рядомъ съ Виваніей. Въ настоящее время, это магометанская деревня, вся состоящая изъ бѣдныхъ каменныхъ строеній, съ развалинами христіанскихъ церквей на мѣстѣ

дома Лазаря и дома Симона прокаженнаго. Нѣсколько дальше находится спускъ подъ огромную гору, у подошвы которой находится источникъ воды. Здѣсь, по преданію, часто отдыхалъ Богоиселѣкъ со своими учениками, почему и источникъ называется Апостоальскимъ. Отъ него идетъ долина окаймленная съ обѣихъ сторонъ горною цѣлью. Развалины какого-то древняго обширнаго зданія указываютъ на то мѣсто гдѣ была гостиница упоминаемая въ притчѣ Христа о благодѣтельномъ Самарянинѣ. Дальше дорога идетъ чрезъ горы, то поднимаясь, то опять спускаясь въ ущелье между каменистыхъ утесовъ, въ настоящее время вовсе лишенныхъ растительности.

Вправо между горъ показался золотой треугольникъ. Чтѣ это такое? Мертвое Море, объяснилъ кавасъ. Оно то появлялось, то опять исчезало за горною цѣлью. Когда мы приближались къ Иерихону оно приняло голубой цвѣтъ и овальную форму и казалось совсѣмъ близко благодаря прозрачности воздуха. Горная цѣль кончилась, дорога спустилась въ долину. „Гора искушенія“, сказалъ кавасъ, указывая влѣво на громадную каменистую гору, на которой Самана пытался искушать Христа Спасителя.

Предъ нами на яркомъ фонѣ зелени, освѣщенной блестящимъ колоритомъ, обрисовалось нѣсколько каменныхъ арокъ принадлежащихъ древней постройкѣ, теперь разрушившейся. То былъ древній водопроводъ, вѣроятно снабжавшій водою Иерихонъ.

За нимъ льется притокъ Иордана, шума по камнямъ среди зеленыхъ береговъ. Растущія на нихъ оливки и терновый кустарникъ такъ и зовутъ отдохнуть подъ свою тѣнь. Какое предестіное мѣсто, особенно послѣ мрачной, каменистой дороги и утомительной верховой ѣзды!

Закусивъ хлѣба и налившись воды, мы слѣшили опять въ путь. Оставалось два часа ѣзды по ровной дорогѣ.

„Вотъ Иерихонъ“, указалъ впередъ кавасъ, но я ничего не видала. Гдѣ же Иерихонъ? Вонъ та маленькая арабская деревня съ низкими каменными лачугами съ плохими загородами гдѣ помѣщаются ослы и козы, да около нея четырехъ-угольная башня, бывшій турецкій ликетъ: это деревня Риха, лежащая между обширныхъ развалинъ Иерихона и еще носящая его имя. Здѣсь растительность еще плохая, грунтъ песчаный. „Близко уже“, говорилъ кавасъ. Я видѣла заиорданскія

горы, но рѣки вѣтъ какъ вѣтъ. „Вотъ Иорданъ“, сказалъ онъ наконецъ. Я торопила лошадь; нетерпѣвнѣе возрастало. Вдали показалось что-то въ родѣ лагера, то былъ берегъ священной рѣки, устроенный палатками, группами разноплеменныхъ поклонниковъ, множествомъ лошадей, муловъ, ословъ и пр. Уже въѣхавъ въ эту толпу наконецъ увидѣла я быструю рѣчку съ шумомъ несущую свои священныя струи къ Мертвому Морю между зеленыхъ береговъ. Ея шумъ сливался съ шумомъ толпы. Между поклонниками видимо преобладалъ русскій элементъ. Даже Арабы-продавцы кричали по-русски: „водка, русскій хлѣбъ“. Другіе расхаживали съ огромными вѣтвями финиковыхъ пальмъ, предлагая ихъ поклонникамъ. Около шатра замѣняющаго церковь собралась огромная масса народа, тамъ служили уже русскую всеночную; но обратиться къ шатру не было возможности; даже лѣвія почти не было слышно за народомъ. Вечерняго водоосвященія здѣсь не бываетъ.

Меня привала въ свою палатку одна русская дама которую я видала на постройкахъ. Я велѣла положить тутъ вещи, а сама послѣдила къ берегу рѣки. Припомнилась мнѣ картина Иванова: *Явленіе Христа народу*; встало и ожило предо мной евангельское сказаніе. Такъ же людно и шумно было тогда около Предтечи указующаго народу на Агнца Божія, вземающаго грѣхи міра; то же небо, та же природа тогда и теперь, но тѣ ли же чувства и думы людей?

Я напилась воды іорданской, помочила ею глаза и голову и долго смотрѣла на ея струи. Заходящее солнце еще золотило вершины горъ и деревья; тамъ и сямъ стали зажигаться костры; фелакхи повели лошадей къ Иордану поить. Вотъ свѣтъ измѣнился, заря погасла, взошла полная луна и осеребрила долину Иорданскую. Стало очень свѣжѣть; пришлось идти въ палатку. Ко мнѣ пришелъ русскій іеромонахъ и объявилъ что въ десять часовъ начнется греческая заутреня, а по окончаніи ея сейчасъ же обѣда, влоловину по-гречески и влоловину по-русски. Стало очень холодно, спать на землѣ было опасно. По начатіи утрени, я попробовала пойти туда; но греческое лѣвіе не можетъ расположить къ молитвѣ.

Товарищи мои всѣ спали въ палаткѣ. Я отправилась бродить вокругъ. Множество костровъ горѣло по всему берегу, дымъ облакомъ поднимался къ верху, пламя окрашивало бивуакъ въ краснѣйшій рѣскій цвѣтъ, повременамъ смѣняющійся

темною тѣнью или уступающій вѣжному свѣту луны, серебрившему берега священной рѣки. Этотъ свѣтъ меня особенно поразилъ когда я взглянула на дерево у котораго былъ раскинутъ служебный шатеръ. Оно буквально казалось серебрянымъ.

Среди говора людей, толота и ржанья лошадей, вдругъ послышалось вдали тихое русское пѣніе; я подошла ближе, слова стали ясны. „Во Иорданѣ крещающуся Тебѣ Господи“, пѣли двѣ русскія поклонницы, сидя у своей палатки: сердце забилось отъ радостнаго волненія, я встала на колѣни: это была моя вечерняя молитва, вмѣсто всеобщей. Эти женщины, не подозрѣвая того, озарили мою жизнь незамѣтными минутами счастья. Онѣ замолкли, и я ушла въ палатку читать Евангеліе. На полу, въ жестянкѣ, горѣла восковая свѣча, къ которой я и пристроилась съ книгой. Утренняя кончилась, позвонили къ обѣднѣ; въ шатрѣ раздался тропарь празднику, и всѣ русскія сердца радостно откликнулись ему. Обѣдняя почти вся шла по-русски; но было такъ холодно что я не въ силахъ была выстоять до конца. Однако, погрѣвшись, пришла когда духовенство уже готовилось идти на воду. Съ помощью каваса пробралась поближе къ священнику и слышала всю молитву.

Опять раздался тропарь надъ іорданскими струями, въ которыя погрузили крестъ. Душа молилась и благодарила Бога за Его великую милость: быть на Иорданѣ въ Крещеніе и слушать русскую службу.

Послѣ окончанія богослуженія еще долго оставалось до разсвѣта и надо было опять идти въ палатку. Несмотря на страшный шумъ, сонъ сталъ одолевать; но я не поддавалась ему, боясь простуды. Часа чрезъ два показалась на востокѣ бѣлая полоска, и поклонники стали готовиться въ путь; поднялись и мои сосѣди, началась суета. Сначала пошли пѣшеходы, за ними мало-по-малу стали увязать и верховые. Разсвѣтало и дѣлалось еще холоднѣе. Кавасъ ухитрился сварить мнѣ чашку кофе, которому я была необыкновенно рада. Еще разъ спустилась я къ Иордану, налила бутылку воды, сорвала листокъ акаціи на берегу, взяла нѣсколько камешковъ, полюбовалась въ послѣдній разъ священной рѣкой и пошла садиться на осѣдланную лошадь. Поклонниковъ не было уже никого.

Восходящее солнце будто розовымъ флеромъ покрыло горы Иудей; по мѣрѣ того какъ свѣтъ становился ярче, колоритъ мѣнялся; подошвы горъ дѣлались фиолетовыми, а вершины переходили изъ свѣтлаго въ яркорозовый цвѣтъ. Востокъ горѣлъ какъ въ огнѣ, только заиорданская цѣль оставалась въ тѣни. Такой красоты свѣта я не могла вообразить, тѣмъ меньше могу описать; и этотъ свѣтъ озарялъ долину *Иорданскую*. Но вотъ выкатилось изъ-за горъ солнце и въ одно мгновеніе измѣнило всѣ тѣни, озарило все розовымъ, золотистымъ блескомъ. Воздухъ сталъ теплѣе. Только царь Давидъ могъ выразить словами все величіе такого восхода. „Въ солдце положи селеніе свое и той, яко женихъ исходяй азъ чертога своего, возрадуется яко исполнивъ теща путь. Отъ края небесе исходъ его и срѣтеніе его до края небесе, и нѣсть иже укроется теплоты его“.

На возвратномъ пути сильно стала чувствоваться усталость; я безпрестанно должна была слѣзать съ лошади чтобы пройтись пѣшкомъ. Къ полудню солнце стало положительно жечь между этими каменными скалами. У источника Ало-столовъ мы остановились, и выпитая вода и съѣденный альпскаго никогда еще въ жизни не казались мнѣ такими вкусными. Не хотѣлось взлѣзать на притулѣвшую измыленную лошадь; дѣлать нечего. Взобрались на гору, сталъ виденъ Иерусалимъ во всемъ своемъ мрачномъ величій. Мы повернули въ Виванію, узкимъ переулочкомъ дошли до гроба Лазаря, сопровождаемые любопытною толпой арабскихъ мальчишекъ. Арабъ, исполняющій должность чичероне, далъ намъ по восковой свѣчкѣ и повелъ въ самый гробъ, то-есть пещеру, по узкой, крутой и неровной лѣстницѣ, до уступа скады образующаго также нѣчто въ родѣ небольшой пещеры, гдѣ нѣкогда говорятъ былъ престолъ. Отсюда, по еще болѣе крутой и узкой лѣсенкѣ, вошли въ гробовую пещеру Лазаря. Живо представилась мнѣ великая минута когда „Иисусъ воззвалъ громкимъ голосомъ: Лазаре, гряди вонъ,“ и вышелъ умершій, обвязанный по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами.

Отсюда пошли чрезъ всю Виванію, въ домъ Лазаря и его сестеръ, то-есть лучше сказать на мѣсто гдѣ былъ домъ. Здѣсь стояла нѣкогда православная церковь, давно разрушившаяся; среди ея развалинъ сохранилась только арка входной двери. Около развалинъ находится еще небольшое четырехугольное зданіе принадлежащее католикамъ. Говорятъ, они

здѣсь совершаютъ обѣдню въ Лазарево воскресеніе, но теперь дверь была заперта.

Въ 3 часу возвратились мы въ Иерусалимъ, усталые, покрытые пылью, но счастливые что привелъ Богъ встрѣтить праздникъ на берегахъ іорданскихъ.

VIII.

Иерусалимъ, 14 января.

Сейчасъ возвратились изъ Крестнаго монастыря. Онъ лежитъ въ ложбинѣ между горъ, въ получасѣ ходьбы отъ Иерусалима. Въ древности тутъ былъ сплошной лѣсъ и въ этомъ лѣсу, по преданію, на томъ мѣстѣ гдѣ было срублено дерево для креста Господня, выстроена обитель Грузинами. Она, говорятъ, древнѣе всѣхъ здѣшнихъ монастырей, была въ послѣдствіи разорена и уже потомъ восстановлена Греками, которые владѣютъ ею и до сихъ поръ. Главная церковь не велика и вся покрыта самою древнею живописью. Престолъ поставленъ на томъ мѣстѣ гдѣ срублено дерево; подъ престоломъ на полу серебряное кольцо означаетъ священное мѣсто, къ которому прикладываются вѣрующіе и предъ которымъ всегда горитъ лампада.

Подъ алтаремъ пещера, и тамъ въ скалѣ видно отверстіе, откуда бралъ начало тройной стволъ дерева, послужившаго нашему спасенію. Здѣсь стоитъ небольшое Распятіе съ горящею предъ нимъ лампадой.

Сверхъ того, въ этомъ монастырѣ есть часть животворящаго Креста.

Алтарь дѣлится наемною стѣной на три части, такъ что жертвенникъ и ризница помѣщаются совершенно отдѣльно отъ престола, какъ это часто дѣлалось въ древности. Полъ покрытъ древнѣйшею мозаикой; стѣнная живопись частію исчезла отъ времени, частію сохранилась довольно хорошо.

Тутъ между образами есть изображеніе Платона. Архимандритъ объяснилъ что это потому что его философія была какъ бы нѣкоторымъ приготовленіемъ къ ученію Христа. Около дверей написаны изображенія пострадавшихъ мучениковъ во время разрушенія монастыря, а надъ дверьми образъ Христа хранящаго души умершихъ; около него аллегорическое изображеніе вѣрующаго съ завязанными глазами,

съ крестомъ на плечахъ и съ зажженною свѣчей въ рукахъ. „Иже хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себѣ, возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ“, вотъ значеніе этой аллегоріи. Свѣча изображаетъ свѣтъ Христова ученія, завязанные глаза—покорность волѣ Божіей.

Въ келіи архимандрита есть также замѣчательный по древности образъ Иоанна Богослова.

Вечерню служили въ маленькой церкви Иоанна Предтечи. Послѣ службы архимандритъ повелѣ насъ смотрѣть находящуюся при монастырѣ семинарію и монастырскій дворъ украшенный высочайшими кипарисами, апельсиновыми и лимонными деревьями. Террасы соединяютъ весь монастырь какъ бы въ одно зданіе, центромъ которому служить главная церковь. Подобно другимъ здѣшнимъ монастырямъ, онъ обнесенъ огромною каменною стѣною, придающею ему видъ крепости.

IX.

Иерусалимъ, 17 января.

Третьяго дня совершенно неожиданно съ цѣлымъ обществомъ пошла я въ Омарову мечеть. Погода была роскошная, какъ у насъ въ лучшій майскій день.

Прежде входъ въ эту мечеть строго былъ воспрещенъ, но теперь деньги даютъ гаурамъ доступъ ко всѣмъ святынямъ мусульманъ. Даже не потребовали чтобы мы сняли обувь.

Эта мечеть построена калифомъ Омаромъ на мѣстѣ еврейскаго храма, но не заключаетъ въ себѣ и десятой его доли. Ее окружаетъ бѣлый помостъ, украшенный прелестными мраморными портиками. Снаружи мечеть вся покрыта мозаикой; карнизы испещрены изреченіями Корана. Одна состоитъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ расположенныхъ по рисункамъ какъ въ калейдоскопѣ. Узорныя рѣшетки высеребрены; внутри куполь и карнизы покрыты мелкою мозаикой. Средняя мечети окружена желѣзною рѣшеткой, за которою находится самое важное для мусульманъ мѣсто: скала съ которой, по ихъ вѣрованію, Магометъ вознесся на небо. Христіанское преданіе говоритъ что на этой скалѣ Авраамъ хотѣлъ принести въ жертву Исаака.

Подъ скалу есть ходъ; тамъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ углубленія въ камень, украшенные превосходною рѣзною работою еврейскихъ временъ.

Внизу подъ мечетью видно ея основаніе, принадлежавшее еще еврейскому храму. Камни и остатки колоннъ поражаютъ своею огромностью. Вся громадная площадь окружающая мечеть была подъ еврейскимъ храмомъ; теперь она покрыта свѣжею зеленью, кипарисами, маслинами и рожковыми деревьями. Это самое красивое мѣсто въ Иерусалимѣ.

Сегодня были на Сіонѣ. Дорога туда изъ Иерусалима идетъ черезъ Сіонскія ворота. Мы не зашли на этотъ разъ въ армянскій монастырь находящійся на мѣстѣ дома Кайавы, а прошли прямо къ Горницѣ Сіонской. Въ одномъ съ нею зданіи находится мечеть надъ могилами царей Давида и Соломона, очень чтимыхъ мусульманами, такъ что въ самую мечеть устроенную внизу надъ гробницами никто не пускаютъ, а показываютъ только въ верхнемъ ея отдѣленіи памятникъ, обозначающій мѣсто могилъ и покрытый какою-то цвѣтною матеріей, и то черезъ рѣшетку. Зданіе мечети и Сіонской Горницы составляетъ часть разрушеннаго монастыря построеннаго царицею Елеой. И въ какомъ жалкомъ видѣ находятся эти остатки великолѣпныхъ построекъ увѣковѣчившихъ святое мѣсто! Нижній этажъ подъ Сіонскою Горницею это просто грязный сарай; къ Горницѣ надо подлѣзаться по лѣстницѣ. Когда мы вошли, въ ней было нѣсколько Арабовъ-магометанъ и дѣтей шумѣвшихъ и разговаривавшихъ между собой очень громко. Комната довольно, большая, съ бѣлыми стѣнами поддерживающими лотолокъ. Она въ длину много больше чѣмъ въ ширину и освѣщена съ южной стороны большимъ окномъ. „Примите, адите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы дохное; лйте отъ нея вси, сіа бо есть кровь Моя за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ,“ припомнилось мнѣ; я перекрестилась. Быстро воскресло въ воображеніи евангельское ловѣствованіе о совершившемся здѣсь событіи, сердце забилось, какое-то сильное, хотя безотчетное чувство охватило душу.

Отсюда мы пришли къ развалинамъ церкви Св. Духа, основанной на мѣстѣ сошествія Его на апостоловъ въ домѣ Іоанна Богослова, гдѣ жила въ послѣдніе годы Пресвятая Дѣва. На одномъ изъ камней есть изображеніе креста. Я приложилась. Здѣсь въ Троицу всегда бываетъ православная служба.

Вокругъ этихъ развалинъ православное кладбище. На большей части надгробныхъ камней, вмѣстѣ съ именемъ покойнаго, начертана просьба помолиться о его душѣ. Изображеніе

крестовъ вырвано на надгробныхъ плитахъ, потому что ставить кресты здѣсь нельзя. Турки сейчасъ ихъ уничтожаютъ.

Отыскали мы могилу умершаго здѣсь Каминскаго, оставшаго описаніе своего перваго путешествія ко Гробу Господню.

Нѣсколько ниже кладбища находится заведеніе одного Англичанина устроившаго здѣсь школу и занимающагося раскопками и отысканіями древностей. Близъ этого мѣста находится евангелическое кладбище съ очень изящными памятниками.

Хозяинъ раскопокъ случился тутъ самъ и съ восторгомъ принялся намъ показывать результаты своихъ изысканій, съ самыми подробными объясненіями.

Съ большими трудомъ и большими издержками отрываетъ онъ древнюю Сіонскую крѣпость, и уже отрылъ древнія башни, нѣсколько цистернъ, изъ коихъ нѣкоторыя вновь наполняются водою. Но всего замѣчательнѣе колюшныя выдѣланныя въ скалѣ, очень большія, съ огромными въ скалѣ же высѣченными асалинъ, съ уступами въ стѣнѣ для дачи корма скоту. Ничто въ этомъ родѣ былъ и вертепъ Рождества Христова, но много меньше.

Англичанинъ утверждалъ что эта колюшная принадлежить еще ко временамъ Іевусеевъ.

Въ школѣ же столовою служить вновь отрытое древнее помѣщеніе которое исправили и увеличили въ немъ окно. Тутъ же исправленная древняя цистерна доставляетъ очень хорошую воду. Около выхода Англичанинъ показывалъ стѣну строящуюся изъ огромныхъ выкопанныхъ имъ камней; нѣкоторые изъ нихъ принадлежать ко временамъ Іевусеевъ, другіе къ еврейскимъ, иные къ римскимъ, и есть принадлежащія ко временамъ крестоносцевъ. Объяснялъ онъ и расположеніе крѣпости покрывавшей возвышенность Сіона, но быстрота рѣчи и страшный вѣтеръ мѣшали хорошенько вслушаться. Здѣсь же онъ отыскалъ идола Молоха. Отсюда спускъ ведетъ въ долину, гдѣ нѣкогда совершалось жертвоприношеніе Молоху, почему въ послѣдствіи эта долина, какъ оскверненная, обращена въ мѣсто сожженія труповъ преступниковъ.

Вчера, послѣ обѣда, консулъ предложилъ намъ воспользоваться хорошею погодой чтобъ обойти кругомъ Іерусалимъ. Предложеніе было, конечно, съ радостію принято. День былъ

хотя и сѣрый, но теплый и совершенно тихій, а каменистая илестинская почва уже просохла послѣ двухъ, трехъ дождливыхъ дней. Отъ Яфрекихъ воротъ мы повернули направо и спустились въ небольшую лощину, а затѣмъ стали всходить по отлогому подъему къ Сиону. Это самая большая возвышенность изъ тѣхъ на которыхъ лежить Иерусалимъ. Мы шли между городской стѣной и развалины древнихъ сионскихъ храмовъ; съ этой стороны стѣны не носить признаковъ древности.

У Сионскихъ воротъ, выходящихъ прямо на югъ, намъ встрѣтилось турецкое погребальное мѣстvie. Покойника несли на рукахъ. Онъ былъ покрытъ цвѣтнымъ покровомъ. За нимъ садовало нѣсколько мужчинъ, а впереди шло нѣсколько человекъ съ тамбуринами, звукъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, отгоняетъ нечистую силу отъ души умершаго. Съ этой же стороны находятся маленькія, такъ-называемыя Гнойныя ворота, черезъ которыя, по преданію, былъ веденъ Господь Иисусъ Христосъ изъ сада Геосиманскаго на несправедный судъ къ первосвященникамъ иудейскимъ.

Еще не доходя этихъ воротъ начинается спускъ съ Сиона и открывается видъ къ Элеонъ, на гору Соблазна, Силоамскую деревню и Иосафатову долину. Гора Соблазна примыкаетъ къ Элеону и называется такъ потому что тутъ Соломонъ, отступивъ отъ истиннаго Бога, приносилъ жертвы идоламъ. Ни мудрость, ни данное Богомъ могущество не предохраняли великаго царя отъ паденія. На уступѣ этой горы дѣлится Силоамская деревня, состоящая изъ жилищъ частию устроенныхъ въ лещерьяхъ скалы, частию пристроенныхъ къ камнѣ. Напротивъ ея находится источникъ Силоамскій, прославленный чудомъ Христа — исцвѣленіемъ слѣпорожденнаго. Этотъ источникъ до сихъ поръ доставляетъ воду здѣшнимъ жителямъ. Около деревни множество бѣлыхъ простыхъ камней свидѣтельствуютъ что здѣсь еврейское кладбище. По вѣрованію Евреевъ, основанному впрочемъ на словахъ пророка Юлия, страшный судъ будетъ происходить въ Иосафатовой долинѣ, и потому со всѣхъ концовъ вселенной потомки Израиля стараются прибыть сюда, на закатѣ дней своихъ, чтобы хотя умереть на родинѣ и быть погребенными въ этой долинѣ.

Затѣмъ мы поднялись на гору Морія, гдѣ было жертвоприношеніе Исаака, а потомъ знаменитый храмъ иудейскій,

теперь же Омарова мечеть. Отъ самаго угла стѣны идущей по восточной сторонѣ встрѣчаются части древней стѣны іерусалимской, входящія въ составъ теперешней и рѣзко отличающіяся громадными размѣрами камней. Эти древніе остатки попадаются во все протяженіе стѣны до Геосиманскихъ воротъ.

Около стѣны магометанское кладбище. Между бѣлыми лямбятниками мы увидѣли раскинутую палатку и около нея лежащаго Турка. Эта палатка поставлена у могилы недавно погребеннаго магометанина для его родныхъ, которые, по муоульманскому обычаю, трое сутокъ живутъ тутъ, безпрестанно молясь объ упокоеніи души умершаго.

Но вотъ и Золотыя Ворота, тѣ ворота чрезъ которыя совершается Спасителемъ Его торжественный входъ въ Іерусалимъ.

Влѣво отъ Элеона возвышается соединенная съ нимъ Малая Галилея, такъ называемая потому что во времена іудейскія часто Галилеяне, приходя на праздники, здѣсь ставили шатры свои, такъ какъ въ городѣ не доставало мѣста для прибывшаго народа. Здѣсь же, по преданію, Апостолы увидѣли ангеловъ по вознесеніи Господнемъ.

Геосиманскія ворота или ворота первоученика Стефана извѣстны тѣмъ что близъ нихъ этотъ святой претерпѣлъ мученическую кончину за имя Христова.

Опять начинается склонъ до сѣверо-западнаго угла стѣны, отъ котораго мѣстность начинается снова подниматься на возвышенность Акры и дорога идетъ мимо Дамасскихъ воротъ. По ту сторону ея находится лещера Іереміи, гдѣ онъ оплакивалъ судьбу дщери Сіоновои; а дальше гробницы царей.

Здѣсь же, говорятъ, стоялъ лагерь крестоносцевъ. Нѣкоторые предполагаютъ что и въ эту сторону въ древности распространился Іерусалимъ; но извѣстно лишь то что та часть его гдѣ теперь храмъ Св. Гроба была за городомъ и вошла въ его составъ уже при римскомъ императорѣ Адрианѣ, возобновившемъ Іерусалимъ послѣ его страшнаго разоренія и давшемъ ему теперешнюю почти четырехъугольную форму. Такимъ образомъ опять мы пришли къ Яффскимъ воротамъ, употребивъ на наше путешествіе только полтора часа времени. Не великъ городъ, но не въ пространствѣ его величіе.

Во внѣшнемъ отношеніи Іерусалимъ имѣетъ много общаго со всеми восточными городами. Узкія, неровныя, съ изрытою мостовой улицы частью покрыты сводами, во многихъ мѣстахъ окружены развалинами и почти всегда пусты.

Патріаршія улицы чище и лучше вымощены нежели другія.

Самое большое оживленіе встрѣчается на Базарной улицѣ и идущей отъ нея влѣво и доходящей до Крестнаго пути Христіанской улицѣ. На послѣдней находятся всѣ европейскіе магазины, имѣющіе здѣсь также восточный отпечатокъ.

Въ каменныхъ, толстыхъ стѣнахъ окружающихъ базаръ сдѣланы углубленія: это лавки, и тамъ, окруженные своимъ товаромъ, поджавъ ноги и покуривая наргиле, сидятъ Арабы или Турки-продавцы, и не ждутъ отъ нихъ вниманія къ публикѣ, они не вступятъ и отвѣтить соберутся. За то часто такъ заняты смотрѣніемъ въ пространство или разговоромъ съ сидящимъ на мостовой знакомымъ что половину товара можно бы потаскать и они бы не замѣтили; но здѣсь тонкое мошенничество не знакомо, европейскіхъ жуликовъ не водится. Тутъ же, несмотря на темноту, встрѣчаются и золотошвейныя мастерскія, изумляющія искусствомъ своихъ работъ; тутъ продаются и домашнія ткани, и турецкія шали, и персидскіе ковры. Если вы желаете ихъ поллучше рассмотретьъ, то ихъ разложить прямо на пыльную мостовую, хотя проходящіе верблюды и ослы легко могутъ наступить на нихъ.

Улицы никогда не метутся, и на нихъ, кромѣ пыли или грязи, гниютъ объѣдки фруктовъ и кушаньевъ, выброшенные на сѣдненіе собакамъ, вѣчно бѣгающимъ по улицамъ во множествѣ и неизвѣстно кому принадлежащимъ. Кто-то остроумно замѣтилъ что это единственные блюстители чистоты на восточныхъ улицахъ.

А уже о грязи еврейскаго квартала лучше не уломинать.

Дома лѣзятся одни къ другимъ и своды надъ улицами большею частью служатъ также фундаментами жилищамъ людей. Архитектуры и прочности не соблюдается, а лишь бы можно было укрыться отъ дождя и зноя; поэтому зимой вездѣ сырость, течь и холодъ. Кровли плоскія, огороженныя перилами и служатъ вмѣсто террасъ. Посреди ихъ часто возвышаются небольшіе куполы. Окна мало и почти всѣ снабжены желѣзными рѣшетками и расположены на сѣверъ. Двери узкія, лѣстницы узкія и крутыя. Такъ мало прилагаются старанія о прочности этихъ жилищъ что отъ частыхъ зимнихъ бурь дома иногда разрушаются, и припоминается притча Сланиителя: „Пошелъ дождь, разлились рѣки, подули вѣтры, и не устоялъ домъ тотъ“.

Строенія до того скучены что нельзя почти имѣть понятія

объ ихъ вѣншемъ видѣ. Есть европейскія зданія очень красивыя, но весь эффектъ пропадаетъ отъ тѣноты.

Одна Омарова мечеть составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе и рельефно выноулаветъ на окружающей ее предместной площади.

Населеніе, говорятъ, теперь состоитъ большею частью изъ Евреевъ. Всѣхъ жителей тысячъ 30. Они дѣлятся не по родостамъ, а по религіи. Мусульманъ всѣхъ меньше, а среднюю цифру составляютъ христіане. Главная поддержка Иерусалима—поклонники, стекающіеся буквально со всѣхъ концовъ міра, особенно весной: Евреи и христіане къ Пасхѣ, марометане также къ какому-то своему весеннему празднику. Въ христіанскихъ поклонникахъ преобладаетъ русскій элементъ. Ихъ приходитъ къ Пасхѣ до 2000 человекъ, такъ что наполняются не только постройки, но и всѣ греческіе монастыри, а этихъ монастырей (или скорее прямо странническихъ домовъ, потому монаховъ тутъ очень мало) насчитываютъ 15.

Много также приходитъ Армянь, Сербовъ, Болгаръ. Русскіе живутъ здѣсь подошгу и часто одни и тѣ же прѣбываютъ по два и по три раза.

Русскій языкъ здѣсь очень распространенъ; почти каждый Арабъ какъ-нибудь, съ грѣхомъ пополамъ, объясняется по-русски съ „Москови“ (такъ они зовутъ Русскихъ, а постройки зовутъ Московіей). Нищие всѣ почти просятъ милостыню по-русски, „ради Христа“. Ихъ всегда не мало около построекъ, хотя имъ и запрещается тутъ просить. Около католическаго пріюта я не видала ни одного.

Тяжелое впечатлѣніе производятъ прокаженные. Здѣсь до сихъ поръ сохранилась эта ужасная язва отъ которой столько разъ избавлялъ здѣшнихъ жителей Христосъ Спаситель.

Живутъ они въ бѣднѣйшихъ лачугахъ у Сионскихъ воротъ; кормятся подаваемъ пока имѣютъ силу его просить и отлученные, какъ ларіи, ото всѣхъ людей, заживо присутствуютъ при разложеніи собственного тѣла и зачастую, думая, умираютъ отъ голода. Лучъ милосердія не достигаетъ ихъ.

Но самое грустное явленіе въ Иерусалимѣ — неприязнь христіанскихъ вѣроисповѣданій. Здѣшніе христіане сами говорятъ что еще хорошо что Св. Гробъ находится подъ властію Турокъ. Для каждаго изъ христіанскихъ вѣроиспо-

вѣданій было бы еще неприятелие видѣть его во власти другаго, хотя и христіанскаго же вѣроисповѣданія; да обладатели его и отстранили бы совершенно всѣ остальные христіанскія исповѣданія, тогда какъ теперь всѣ имѣютъ къ нему доступъ.

Даже между нашими единовѣрцами Греками и нами Русскими, насколько можно замѣтить, мало искренней дружбы. Теперь по крайней мѣрѣ ее замѣняетъ хотя вѣнчая пріязнь.

Между Греками и католиками было время что раздоры прорывались въ минуты самаго богослуженія и вызывали внимательство турецкихъ властей.

Духовенство, какъ греческое такъ и католическое, говорятъ, очень образовано и между нимъ встрѣчаются нередко свѣтлыя личности; но нѣтъ единства, оттого нѣтъ и силы. Преподанію свою католики ведутъ успѣшно посредствомъ школы. Греки видно мало имѣютъ средствъ къ тому, хотя сами по себѣ умны и предприимчивы и не лишены вліянія; но турецкое иго сдѣлало ихъ склонными къ проискамъ и интригамъ. Жаль что Русскіе не имѣютъ здѣсь школы; мабъ кажется Арабы охотво бы отдавали дѣтей для обученія въ нихъ подъ руководствомъ нашего духовенства, которое здѣсь нравственно гораздо выше греческаго.

Национальный характеръ здѣшнихъ жителей очень рѣзко проявляется въ ихъ наружности. Турка одинаково рѣзкого съ Арабомъ всего можно отличить отъ послѣдняго такъ же какъ и отъ Грека.

Важная, серьезная и нѣсколько лѣнивая фигура Турка ничего не имѣетъ общаго съ энергичною, красивою физиономіей Араба, также совершенно отличною отъ хитраго, умнаго лица Грека, или правдивой, но лишенной выраженія физиономіи Армянина. Еврейскій типъ выдѣляется здѣсь еще рѣзче чѣмъ гдѣ-либо.

Женщины-христіанки пользуются сравнительно большею свободой, чему признакомъ служитъ уже то что онѣ не закрываютъ лица какъ магометанки.

Занятіе ихъ состоитъ почти единственно въ домашнемъ хозяйствѣ: всѣ работы исполняются мужчинами, да и какія работы? Земледѣлія мало, торговля очень плоха. Скотоводство тоже мало развито. Чѣмъ питаться стадамъ на этихъ горахъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ камня? Правда что къ концу

зимы и сквозь него пробивается растительность и покрываетъ страну зеленью до конца мая; но затѣмъ она начинаетъ выгорать и сохнуть, и все лѣто и осень овцамъ нечѣмъ питаться. Козы еще кое-какъ существуютъ. Коровъ вовсе нѣтъ и молока коровьяго не бывало: если у кого найдется корова, то она служитъ для обработки полей. Овецъ много пригоняютъ сюда изъ Галилеи.

Самый обильный продуктъ—маслины и деревянное масло.

Въ древности Иудей была страна лѣсистая, и горы покрывались роскошными лѣсами дуба и теревиннаго; но лѣса давнымъ-давно уничтожены. Для топлива жители вырываютъ корни бывшихъ деревьевъ.

Залущенная горная почва покрылась толстымъ слоемъ камня, такъ что земледѣіе очень затруднительно, особенно за неимѣніемъ воды. Всѣ древніе водопроводы и водоемы испорчены; вновь ничего не дѣлается и весь Иерусалимъ пользуется водой изъ одного Силоамскаго источника, да изъ цистернъ которыя наполняются зимними дождями.

Продукты почти всѣ привозные, и перевозка клади и путешественниковъ изъ Яффы въ Иерусалимъ составляетъ статью дохода для жителей держащихъ лошадей, ословъ и верблюдовъ.

Въ Иерихонской и Иорданской долинахъ, и климатъ, и почва, и изобиліе воды, все соединяется для обогащенія страны. И что же? Кромѣ узкихъ полосокъ зелени вдоль Иордана нѣтъ ничего! Эти нѣсколько смоковницъ, пальмъ и банановъ растущихъ на воздухѣ около Иерихона на кулачномъ нашемъ архимадритомъ участкѣ служатъ лишь доказательствомъ того что можно было бы сдѣлать изъ этой страны при другомъ порядкѣ. Видимое нестройство турецкаго правленія есть вишняя причина залущенія Палестины; истинная же причина есть опредѣленіе правосудія Божія.

Визелемскія женщины продаютъ иногда у храма перламутровые образки и четки.

Онѣ очень красивы, и ихъ высокой бѣлой головной нарядъ еще рѣзче обрисовываетъ правильныя выразительныя черты ихъ. Онѣ не закутываются въ бѣлыя чадры какъ іерусалимскія Арабки, лохотящія на привидѣнія.

Но арабскія дѣти—это такая прелесть, какой кажется еще видѣть нельзя встрѣтить. На каждаго залюбуешься несмотря на то что онъ грязенъ и оборванъ.

Точно выточены изъ прелестныя, смуглыя личики, обрамленныя густыми кольцами темныхъ волосъ; умно, выразительно смотрять чудные, черныя глазки изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Такимъ часто изображаютъ младенца Іоанна Предтечу.

Отличительная черта Востока есть гостепріимство, которое обычно впрочемъ и въ Россіи.

Другая общая черта— лѣнь и праздность. Цѣлые дни на іерусалимскихъ кровляхъ сидятъ восточные жители поджавъ ноги и покуривая наргиле. Только дождь прогонитъ ихъ въ домъ, да и тамъ такъ устроено что заняться ничѣмъ нельзя; и темно и грязно, и мебели никакой кромѣ широчайшихъ дивановъ. И тутъ опять появляется неизбѣжный наргиле и турецкій кофе, и кейфъ продолжается цѣлый день. Нищіе часто лежа просятъ милостыню.

X.

22 января вечеръ.

Сейчасъ возвратились съ Силоамскаго источника, посѣтили также и его окрестности. Выйдя отъ Яффскихъ воротъ мы обогнули Сіонъ по одному изъ окружающихъ его уступовъ и спустились по каменистой дорогѣ къ Берейбу, то-есть колодцу Іова, находящемуся на югъ отъ горы Соблазна, въ долину или лучше сказать въ ущельѣ, подъ каменнымъ навѣсомъ, пришедшимъ въ большую ветхость. Во время дождей, вода изъ него выступаетъ и иногда покрываетъ почти все ущелье. Это считается здѣшними жителями признакомъ плодородія, и они празднуютъ этотъ разливъ съ большою торжественностью. Несмотря на это, источникъ въ самомъ жалкомъ видѣ: воды въ немъ вовсе нѣтъ когда нѣтъ дождей. Отсюда мы яришли сперва къ такъ-называемому колодцу Дѣвы Маріи, такъ какъ по преданію Она вѣкогда брала здѣсь воду. Отъ этого истока, по склому горы Моріа, дошли до Силоама. Отъ него въ разныхъ направленіяхъ проведены родники, орошающіе долину и уступы горъ, покрытые огородами и оливками. Близъ Силоамской деревни, глубоко въ скалѣ, подъ каменнымъ навѣсомъ, шумитъ достопамятный Силоамскій источникъ. Мы сошли къ нему по каменной, сначала пологой и свѣтлой лѣстницѣ, а потомъ по крутому темному спуску, также снабженному ступенями.

Затѣмъ мы посѣтили мѣсто казни пророка Исаи. Тутъ растеть шелковичное дерево, начало существованія котораго преданіе приписываетъ еще времени пророка. Мы перешли на ту сторону долины Гиномъ, и по огромнымъ обрывистымъ скаламъ, лишеннымъ всякой растительности, поднялись къ развалинѣ церкви Св. Онуфрія, подвизавшагося здѣсь. Теперь эта церковь въ совершенномъ разрушеніи; говорятъ однако что 12 июня, въ день его памяти, здѣсь бываетъ служеніе. Это начало Аксидамы, или „села крови“, которое нѣкогда было куплено за тридцать сребренниковъ. Вся эта мѣстность покрыта слоями красноватаго камня и изрыта пещерами, гдѣ удобно было погребать.

Обѣда Аксидаму, мы спустились къ подножію Сіона съ его западной стороны и снова пришли къ Яффскимъ воротамъ.

XI.

Иерусалимъ, 27 января 1875.

Послѣ нашего путешествія къ Силоамскому источнику были три дождливые дня, и въ первый дождь лилъ какъ изъ ведра, такъ что вчера разнеслась вѣсть что Берейубъ разлился и что туда собираются толпами жители. Погода превосходная. Наше общество рѣшило послѣ раннего обѣда тоже ѣхать туда. Собралось насъ человекъ семь верхами на ослахъ. Вдоль всего Сіонскаго склона попадались намъ навстрѣчу лѣшеходы и верховые, возвращающіеся съ гулянья. Вся Иосафатова долина пестрѣла самыми разнообразными костюмами іерусалимскихъ и окрестныхъ жителей, веселившихся тутъ каждый по своему. Кто лѣлъ, кто ласкалъ подъ хлопанье въ ладоши своихъ товарищей, кто наслаждался ѣдой разныхъ тутъ же продававшихся фруктовъ. Турки, на своихъ великолѣпныхъ коняхъ, обгоняя одна другаго, сѣвшили на сборище или возвращались съ него. Эта разнообразная толпа разсылавшаяся подъ оливками долины и на склонахъ горъ придавала оригинальность и оживленіе пейзажу. Ущелье Кедронскаго потока около Берейуба было действительно покрыто водой. Полюбовавшись на эту пеструю, аркую картину, мы опять посѣтили Силоамъ, и оттуда все общество согласилось проѣхать въ Геосимаію.

Вотъ ѣдемъ около садовой стѣны; тамъ за нею святое мѣсто. Вотъ сошли съ ословъ, огибаемъ ограду; сердце то бьется, то замираетъ. Растворилась предъ нами низкая камитка, и вотъ мы въ Геосиманіи. Насъ встрѣтилъ босовойіи Італіанецъ, французскій монахъ, и послѣ небольшихъ переговоровъ съ драгоманомъ повелъ къ завѣтному мѣсту. Садъ, состоящій изъ древнѣйшихъ маслинъ, принадлежитъ католикамъ. Есть около него еще одна маслина, огороженная особою каменною оградой, въ настоящее время вся высохшая. Она по древности считается тоже принадлежащею къ Геосиманскому вертограду времени Спасителя и принадлежитъ Грекамъ, которые не тщательно оберегали ее отъ поклонниковъ, не только обрывавшихъ вѣтви, но обдиравшихъ кору, такъ что дерево высохло. Католики содержатъ садъ въ большомъ порядкѣ. Онъ деревянными рѣшетками разгороженъ на нѣсколько отдѣленій, въ каждомъ изъ нихъ по одному или по два дерева окруженныя клумбами гіацинтовъ и другихъ цвѣтовъ наполняющихъ воздухъ своимъ ароматомъ. Рѣшетка же, огораживающая весь садъ, обсажена розами и нѣсколькими кипарисами. Направо ото входа монахъ отворилъ намъ калитку въ одно изъ отдѣленій сада, гдѣ находится одно необъятной толщины масличное дерево. Я встала на колѣна около древней маслины. Монахъ подставилъ небольшую лѣстницу и срѣзалъ намъ нѣсколько вѣтокъ и еще далъ по кусочку осколковъ отъ дерева и по букету цвѣтовъ. Затѣмъ онъ повелъ насъ кругомъ деревянной ограды, по широкой дорожкѣ, отдѣляющей ее отъ вѣшней каменной стѣны. Въ этой стѣнѣ сдѣланы какъ бы кіоты. Въ каждомъ за проволочною рѣшеткой помѣщено изображеніе Христа во время Его страданій. На первомъ изображеніи Онъ представленъ въ то время какъ воины брали Его въ саду Геосиманскомъ, на слѣдующемъ когда Онъ предсталъ предъ Пилата; потомъ когда вѣнчали Его терніемъ, ладеніе подъ крестомъ и т. д. до Его смерти. Всѣхъ изображеній 12, и всѣ они очень дурно сдѣланы. Вовсе не мѣсто имъ около этихъ маслинъ, неотразимѣе и сильнѣе всякихъ изображеній дѣйствующихъ на душу. Затѣмъ патерь, предварительно показавъ мѣсто гдѣ Іуда лобзавіемъ предалъ Учителя, повелъ насъ мимо гроба Богоматери въ подземную пещеру, очень древнюю. Въ пещерѣ алтарь и надъ нимъ изображеніе моленія Христа о чашѣ, тускло освѣщенное тремя лампадами. Здѣсь

царство мрака и таинственности. Патеръ объяснилъ что въ этой пещерѣ спали апостолаы во время внутреннихъ страданій Христа; другіе утверждаютъ что въ саду Христосъ сказалъ: „душа моя скорбитъ смертельно“, а здѣсь уже Онъ преклонилъ колѣна и молился о чашѣ. И то и другое показаніе по-моему не имѣетъ основанія въ Евангеліи. И хотя пещера эта можетъ содѣйствовать молитвенному настроенію души, но Геосиманскій садъ гораздо сильнѣе по-дѣйствовалъ на мое сердце, больше приблизилъ его къ великой эпохѣ. Мы поблагодарили патера нѣсколькими франками и хотѣли уже возвращаться домой какъ кто-то сказалъ: „а вотъ и церковь отперли“. Дѣйствительно, церковь гроба Богородицы была отперта пришедшимъ на ночлегъ греческимъ монахомъ. По широкой, отлогой каменной лѣстницѣ спустились мы въ подземную церковь. Монахъ далъ каждому изъ насъ по зажженной свѣчѣ и указалъ на узкій и узкій входъ въ пещеру гроба. Самый гробъ находится прямо противъ этого входа. Онъ точно также какъ и гробъ Господень высѣченъ въ камень и покрытъ мраморомъ. Его освѣщаетъ множество лампадъ. Пещера гроба имѣетъ еще выходъ влѣво такой же узкій и узкій. Выходъ ведетъ къ армянскому алтарю, самый же гробъ принадлежитъ исключительно Грекамъ. Гробовая пещера находится, какъ и кувуклія, посреди церкви, то-есть отдѣлена отъ скалы и завѣшена со всѣхъ сторонъ матеріей. Если ее снять, то пещера предстанетъ въ первобытномъ видѣ. Она чтима не только христианами, но и мусульманами, особенно женщинами мусульманками, которыя часто дѣлаютъ приношенія масломъ и свѣчами. У нихъ даже есть тутъ пристроенная модельня, родъ мечети.

Около лѣстницы, тутъ же въ храмѣ, есть колодезь, а нѣсколько выше находятся могилы, съ одной стороны Богоотца Іоакима и Анны, съ другой праведнаго Іосифа.

Было уже поздно когда мы сѣли на ословъ. Такъ какъ городскія ворота, кромѣ Яффскихъ, при закатѣ солнца запираются, то намъ пришлось огибать Іерусалимъ. Стало темнѣть когда мы поднимались къ постройкамъ, и русскій соборъ величественно выступалъ на золотомъ фонѣ догоравшаго заката.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В.

ДѢДЪ ПРОСТИЛЪ

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНИЕ

(Посвящается А. А. Катенину)

I.

Не весель что-то старый князь,
Его тревожатъ злыя думы,
Глубоко въ кресло погрузаеь,
Молчить онъ мрачный и угрюмый.
Предъ нимъ молоденькая дочь
Сидитъ и книгу вслухъ читаетъ;
Огонь въ каминѣ догораеь,
А на дворѣ метель и ночь....

Залаалъ песь... Княжна вздрогнула,
Украдкой на отца взглянула,
Взглянула съ трепетомъ въ окно.
Какъ по ребенкѣ мать родная,
Тамъ вьюга плакала ночная,
Тамъ было страшно и темно.
Старикъ очнулся. — „Что съ тобою?“
Спросилъ онъ, пристально, въ упоръ
На дочь уставивъ тусклый взоръ.

Поникнувъ робко головою,
 Въ сматеньи на вопросъ его
 Княжна шелгула: „ничего“...
 Промчалось въ тишинѣ мгновенье,
 И снова раздастся чтенье,
 И снова въ думу погрузься
 Умолкнувъ мрачно старый князь.

Та дума ужь три дня, три ночи
 Ему покоя не даетъ,
 Какъ туча давить и гнететь,
 И отогнать ее нѣтъ мочи.
 Блаженно жизнь текла его:
 Онъ вѣдалъ сонъ, покой, безстрастье,
 Съ нимъ дочь... и больше ничего
 Онъ не желалъ — то было счастье!
 Онъ пережилъ тревожныхъ лѣтъ
 Утраты, смуты и страданья;
 Лишь изрѣдка воспоминанья
 Толкали мысль на старый слѣдъ;
 Но стихли страсти, кровь остыла;
 Кончался день — вставала ночь...
 Одна звѣзда ему свѣтила,
 Одна любовь его живила:
 Его дитя родное — дочь.

И влпомнилъ онъ былые годы,
 Когда гвардеецъ молодой
 Онъ въ царствѣ роскоши и моды
 Блисталъ богатствомъ и красой.
 Пирушки, кутежи, обѣды,
 Смотры, порханье по баламъ
 И неудачи, и побѣды
 Въ кругу блестящихъ свѣтскихъ дамъ,
 Воскресло все! Живыхъ видѣній
 Предъ нимъ вставалъ знакомый рядъ.
 Весь этотъ пестрый маскарадъ,
 Всю эту смѣну впечатлѣній
 Онъ въ памяти перебиралъ,
 Какъ главы стараго романа.
 Нарисовался сквозь тумана
 Предъ нимъ придворный лышый балъ,

Гдѣ онъ впервые повстрѣчалъ
Ту дѣвушку въ нарядѣ бѣломъ,
Съ улыбкой ясной на устахъ,
Съ лучомъ загадочнымъ и смѣлымъ
Въ полумладенческихъ глазахъ.
Онъ вспомнилъ какъ въ толлѣ случайно
Онъ ей представленъ былъ; потому
Какъ сталъ влюбленный ѣздить въ домъ,
Какъ угадалъ съ тревогой тайной
Что былъ любимъ; какъ наконецъ
Красоткѣ вымогалъ признанье.
Сбылось завѣтное желанье
И съ ней пошелъ онъ подъ вѣнецъ.
Онъ вспомнилъ брачной жизни годы,
Любви несбывшіеся сны,
Рожденье дочери, невзгоды,
Измѣну вѣтренной жены;
Стыда и ревности мученья,
Развода явного позоръ,
Друзей насмѣшки, сожалѣнья
И свѣта черствый приговоръ...
И отъ людской бѣжалъ онъ злобы,
Сокрывъ остатки чувствъ и силъ
Въ больной душѣ; онъ полюбилъ
Деревню, свѣжыя сугробы,
Угрюмый прадѣдовскій домъ,
Шумъ вѣтра, лѣнье зимней вьюги,
Удивенные досуги,
Безлюдье, глушь и мракъ кругомъ.
Онъ наслаждался тишиною
Какъ травлей утомленный звѣрь.
Малютку-дочь онъ взялъ съ собою
И ею счастливъ былъ теперь.
Красою тихой и прелестной
Свой озаряя уголокъ,
Она выросла въ глуши безвѣстной,
Какъ вѣшній полевой цвѣтокъ;
Взросла и съ жизнью примирилась
Цитомца жизненныхъ утратъ,
И кроткимъ свѣтомъ озарила
Печальныхъ дней его закатъ.

Что жь нынѣ духъ его тревожить?
 Какая тайная печаль
 Закралась въ грудь и сердце гложеть?
 Ужель ему былого жаль?
 Ужель покрытый сѣдинами,
 Усталый, сгорбленный старикъ,
 Душой помолодѣвъ на мигъ,
 За обольстительными снами,
 Какъ много лѣтъ тому назадъ,
 Опять умчаться былъ бы радъ?
 О, нѣтъ! Въ безмолвіи, въ лугахъ,
 Въ дремотѣ сладкой счастья ивъ онъ;
 За этотъ благодатный сонъ,
 За свой покой дрожить онъ нмѣ.
 Вѣрна ль охрана крѣпкихъ стѣнъ?
 Забыть ли онъ людской враждою
 И обезпеченъ ли судьбою
 Отъ бурь и новыхъ поремѣнъ?
 Съ неодолимою боязнью
 Онъ озирается вокругъ;
 Стучится ль въ дверь сосѣдъ — тотъ стукъ
 Онъ внемлетъ съ тайной неприязню:
 Ахъ, погодите, мыслите онъ,
 Стучать, шумѣть!... Я утомленъ
 Всею этою скучною тревогой,
 Мнѣ жить осталось ужъ не много;
 Молю не троньте старика,
 Чтобъ смерть была ему легка!

Но жизнь могучая не дремлетъ:
 Ея не удержишь у воротъ;
 Она моленіямъ не внемлетъ
 И безъ призыва въ домъ идетъ!
 И вотъ подъ кровъь удивившій
 Ворвался человекъ чужой...
 Веселый, дерзкій, молодой;
 Онъ возмущилъ покой священнаго
 Усталой старости. Кругомъ
 Все измѣнилось, зашумѣло;
 Живое что-то въ домъ влетѣло...
 Зачѣмъ? — И въ трепетъ вѣдомъ
 Старикъ тоскуеть; мрачно, грозно

Гладить на дочь... Ужь ледяно, поздно!
 Она не видитъ ничего,
 Она чужая для него!
 На тайный гнѣвъ, на взоръ ревнивый
 Улыбкой ясной и счастливой
 Ему отвѣтствуетъ она
 И, наконецъ, безъ соотраданья
 Ему жь несеть души признанья
 И говорить: „Я влюблена!
 „Дозволь мнѣ быть его женою,
 Ему предаться всей душою,
 Одною жизнію съ нимъ жить.
 Меня онъ любить, онъ признался,
 Онъ сердце мнѣ открылъ; онъ казалея
 Что будетъ вѣкъ меня любить!“
 И щеки рдѣють, льются слезы...
 О, бредъ бессмысленный! о, грезы
 Обмана полныя! И въ нихъ
 О старикѣ-отцѣ ни звука!
 „Дозволь“... но это вѣдъ разлука!
 Вѣдъ это смерть! И кто жь женихъ?
 Кто счастья мирнаго губитель?..
 Навѣрно праздный расточитель,
 Повѣса, вѣтренникъ, глупецъ!
 И для него она готова
 Покинуть домъ, отца роднаго...
 Сыскался мужъ—забытъ отецъ!
 И старику обидно стало,
 И сердце гнѣвомъ воспылало...
 „Нѣтъ, свадьбѣ этой не бывать
 Пока я живъ!.. Ужь гаснутъ силы;
 Добрѣсть хоть дайте до могилы
 И въ ней уснуть... Не долго ждать!“
 И дочь, умолкнувъ, удалилась—
 Она какъ будто покорилась,
 На сердцѣ горе затая.
 Съ тѣхъ поръ прошло уже три дня;
 Опять кругомъ все притаилось;
 Но князь взволнованъ и угрюмъ,
 Страхъ мелочатный душу гложеть
 И отогнать старикъ не можетъ
 Неясныхъ, но зловѣщихъ думъ.

Княжна читала, но мечтала
 Ея неслись отъ книги прочь:
 Тамъ на дворѣ, гдѣ мракъ и ночь,
 Гдѣ слышны вьюги завыванья,
 Она взволнованной душой
 Ждала чьего-то приближенья,
 Межь тѣмъ какъ тихой чередой
 Катились тихія мгновенья,
 И отъ докучныхъ, тѣсныхъ строкъ
 Глаза не смѣли отвернуться;
 Боялся дрогнуть голосокъ,
 Боялось сердце шевельнуться.
 Мечта одна лишь, не страшась,
 Шептала внятно рѣчь участья:
 Крѣпись, мужайся... близокъ часъ
 Освобожденія и счастья!
 И жутко становилась ей.
 Она мечтанье отговяла,
 Она прилежитъ читала;
 Но въ мысляхъ ярче и живѣй
 Любимый образъ рисовался
 И голосъ твердый раздавался:
 „Чего намъ ждать? Бѣжимъ съ тобой.
 Скажи, скажи одно лишь слово
 И къ ночи будетъ все готово:
 Должна между отцомъ и мной
 Ты выборъ сдѣлать неизбежно;
 Ты молвишь: да—и Божій храмъ
 Свои откроетъ двери намъ,
 Ты промолчишь—и безнадежно
 Я удаюсь навсегда!
 Рѣши жь отвѣтъ“... И въ ягучей мукѣ
 При страшной мысли о разлукѣ
 Она слышитъ отвѣтати: да!
 И то не сонъ, не оболъщенье
 Тревожить юную главу—
 Мечта твердитъ лишь лютворенье
 Того что было наяву.
 И близокъ часъ, и лесъ ужь лаетъ,
 Кого-то чуя; мракъ глубокъ;
 Но другъ надежный не далекъ,

Ему ничто не помѣшаетъ.
 Онъ юнъ и смѣлъ; онъ въ эту ночь
 Примчится властный, непокорный
 И подъ покровомъ ночи черной
 У старика похитить дочь!
 Каминъ погасъ. Часы отъѣхали
 Пробили полночь. Со двора
 Вновь лай догнесся.. „Снять пера“,
 Вставая, молвилъ князь, ебдые
 Взъерошилъ волосы рукой.
 Неодолима забота
 Его грела; казалось что-то
 Хотѣлъ спросить онъ... „Боже мой,
 Княжна подумала, когда бы
 Теперь меня онъ лѣлавакала,
 Иль улыбнулся, иль оказалъ
 Хоть что-нибудь—ему могла бы
 Тогда открыть всю душу я,
 И, вдругъ, онъ понялъ бы меня!
 Онъ...“ но въ устахъ застыло слово,
 На дочь старикъ взглянулъ сурово,
 Сказалъ: „прощай“, и погруженъ
 Въ свое раздумье вышелъ вонъ.

Прошло безмолвныхъ три часа.
 Метель утихла. Небеса
 Сквозь легкихъ тучъ кой-гдѣ свѣтили;
 Вторые лѣтухи прощали,
 И запоздалая луна
 Въ туманѣ подвигалась лѣниво.
 Недвижно, чутко, молчаливо
 Въ красѣ таинственнаго сна,
 По сторонамъ большой дороги
 Стоить рядъ избъ; въ нихъ все темно,
 Огни погашены давно;
 Въ одной изъ хатъ старикъ убогій
 Всю ночь тоскуетъ и не спитъ,
 Слѣзъ съ лечи и въ окно глядитъ.
 Глядитъ—и про себя дивится:
 Сквозь тонкій ледяной узоръ
 Онъ видитъ чья-то тройка мчится
 Вдоль по селу во весь опоръ.

Свистить амщикъ, несущая кони,
 Взметая рыхлой, свѣжій свѣгъ
 И, мнится, будто страхъ жюгома
 Ихъ ускоряетъ быстрый бѣгъ.
 Сидятъ въ саняхъ открытыхъ двое...
 Старикъ подумалъ: что такое?
 Во слѣдъ проѣзжимъ поглядѣлъ,
 Но лицъ узнать онъ не успѣлъ.
 И тройки вновь какъ же бывало:
 Явилась, пронеслась, пролазла—
 Мгновенный призракъ безъ слѣда,
 Невѣсть откуда и куда.
 И вновь все вѣмо и глубоко
 Въ селеньи придорожномъ слить,
 Лишь подъ окошкомъ одиноко
 Старикъ въ раздуми сидитъ.
 Сидитъ... пошелчетъ самъ съ собою,
 Вздохчетъ о чемъ-то тяжело
 И озаренное луною
 Склоняетъ хмурое чело.

Въ ту ночь подъ утро, предъ разсвѣтомъ
 Приспился князю странный сонъ:
 Черезъ Неву въ коляскѣ лѣтомъ
 На острова катится онъ.
 Красавица жена съ нимъ рядомъ
 Сидитъ, головку наклонивъ,
 Онъ—молодъ, счастливъ, горделивъ—
 Ее ласкаетъ нѣжнымъ взглядомъ.
 Онъ знаетъ: встрѣчный имъ во слѣдъ,
 Любуясь ею, обернется
 И вокругъ коляски соберется
 На „Стрѣлкѣ“ весь знакомый свѣтъ.
 И вотъ они остановились.
 Блеститъ какъ зеркало залувъ;
 Его всю ширь позолотивъ,
 Къ водамъ ужъ солнце олустилось.
 Тола знакомыхъ лицъ кругомъ
 Межъ экилажей правдо бродить.
 Князь видитъ кто-то къ нимъ подходитъ
 Съ усмѣшкой дерзкою... Кивкомъ

Его привѣтствуетъ небрежно,
 Княгиня руку жметъ, и вдругъ
 Она къ нему склонилась вѣжко
 И съ нимъ цѣлуется!.. Вокругъ
 Толпа нештовомъ хохочетъ.
 Князь драться, мстить и плакать хочетъ;
 Но вѣтъ движенья, вѣтъ азыкъ!
 Все измѣнилось: онъ—старикъ,
 Глядитъ усталымъ, мутнымъ взглядомъ,
 Ужь не жена сидитъ съ нимъ рядомъ,
 А дочь тролой въ лѣсу глухомъ
 Бѣжитъ, обнявшись съ женихомъ.
 За ними вслѣдъ онъ послѣдуетъ,
 Но дальше силы вѣтъ идти;
 Въ глазахъ темно, все исчезаетъ...
 Лишь слышно дальше: прости!

И князь проснулся; понемногу
 Пришелъ въ себя. Со всѣхъ сторонъ
 Все было тихо... „Слава Богу,
 Крестьясь, сказалъ онъ,—это сонъ!“
 И въ то же самое мгновенье
 Шаговъ раздалось приближенье;
 Дверь отворилась... Князь глядитъ:
 Предъ нимъ слуга его стоитъ,
 Въ смятеннѣ страшномъ шелчетъ что-то,
 Потуливъ въ землю робкій взоръ.
 „Княжны нѣтъ въ спальной... видѣлъ кто-то
 За садомъ тройку“... Что за вздоръ?
 Старикъ тревожно усмѣхнулся:
 „Я не совсѣмъ еще проснулся“,
 Подумалъ онъ; взглянувъ вокругъ,
 Потомъ, не говоря ни слова,
 Закрывъ глаза, открылъ ихъ снова
 И въ ужасъ поднялся вдругъ.
 „Гдѣ дочь?.. Кто говоритъ: не знаю?
 Сейчасъ найди, позвать ее!
 Иль нѣтъ... постой... не понимаю...“
 Но онъ ужъ понялъ—понялъ все!
 Онъ понялъ что не спалъ, что было
 Свѣтло кругомъ, что ночь прошла;

Онъ понавль что бѣда пришла,
 Передъ которой сердце ныло;
 Что ждать не захотѣла дочь
 Пока умреть отецъ, что въ ночь
 Она съ любовникомъ бѣжала,
 Что союзъ его былъ вѣщій союзъ:
 Но, мыслить князь—не все прожало:
 Ихъ на пути догнать онъ
 И дочь возметь... Безъ колебаній
 Она вернется въ домъ къ отцу.
 Скорѣй же въ путь!..

И вотъ ужъ сами

Послѣшно поданы къ крыльцу.
 И онъ помчался. Конь рысцетый,
 Взметая бѣгомъ охвътъ пушистый,
 Мотая гнѣвно головой,
 Несется, будто полоть злобы,
 Черезъ ухабы и сугробы
 По слѣду свѣжему стѣблою.
 Тотъ слѣдъ ведетъ большой дорогой.
 Князь жадно на него глядитъ,
 Кона вожжею горячить
 И озирается съ тревогой.
 Кругомъ не ладно: по полямъ
 Волшебникъ-вѣтеръ вновь гуляетъ
 И вихри свѣга тамъ и самъ
 Уже высоко поднимаетъ.
 Онъ гонитъ стаи облаковъ,
 Онъ будитъ сляція равнины
 И на защиту бѣглецовъ
 Подъемлетъ свѣжныя дружины.
 „Нѣтъ, шутыш! мрачно мыслить князь,—
 Меня метель не услугаетъ!“
 А вѣтеръ злой, шута, смѣясь
 Хвостомъ коня предъ нимъ играетъ;
 Заноситъ слѣдъ, вокругъ саней
 Какъ скоморохъ шумить и пляшетъ,
 Въ глаза локровомъ бѣлымъ машетъ
 И свещетъ на ухо: скорѣй!
 Впередъ... туда!.. правѣй, лѣвѣй,
 Лови! А свѣгъ все непрогляднѣй,

Все гуще валится кругомъ
И все смѣлѣй и безпомощнѣй
Смѣтается вихрь надъ старикомъ!
Несется конь, несется вьюга,
Въ погонѣ дикой другъ отъ друга
Не отстаютъ... Пола, дѣса,
Дорога, воздухъ, небеса,
Смѣшалось все!.. Вдругъ, конь споткнулся,
Увязъ и въ сторону метнулся,
И легъ... Старикъ сошелъ съ савей;
Взглянулъ—ни слѣда, ни дороги!
Съ трудомъ передвигая ноги,
Среди сугробовъ, комекъ, льной
Впередъ пошелъ онъ, самъ не зная
Зачѣмъ идетъ онъ и куда,
Упрямо по снѣгу шагалъ,
Какъ жадный волкъ, ища слѣда
Своей добычи... Жарко стало
Ему и шубу сбросилъ онъ.
Глубоко, тяжело грудь дышала
И каждый вздохъ ея былъ стономъ.
А взоръ все ищетъ—не находитъ!
По сторонамъ тревожно бродить,
Завидитъ ямку и скорѣй
Старикъ слѣшитъ пригнуться къ ней.
Не слѣдъ ли конскаго копыта,
Иль оттискъ санныхъ подрѣзовъ?
Но все бѣло и все покрыто
Глубокой тайною снѣговъ.
И превозмочь сердечной муки
Не въ силахъ, онъ подымаетъ руки
И дочь зоветъ... Но вокругъ него
Метель и больше ничего!
Метель побѣду торжествуетъ,
Метель пьяна и весела,
Метель поетъ, метель ликуетъ,
Метель звонитъ въ колокола.
Она зоветъ на праздникъ шумный
Своихъ невѣдомыхъ гостей,
И пиръ волшебный, пиръ безумный
Гудитъ все громче, все грознѣй!

Подъ вечеръ въ домъ свой опустѣлый
 Старикъ вернулся наконецъ
 Косматый, блѣдный, помертвѣлый,
 Безъ шубы, весь обледевлый,
 Одинокъ—покинутый отецъ!
 Какой судьбой онъ живъ остался,
 Гдѣ въ бурю цѣлый день скитался.
 И какъ нашелъ обратный путь?
 Богъ вѣсть! Безъ смысла и сознанья,
 Склонивши голову на грудь,
 Уже не чувствуя страданья,
 Живой мертвецъ вступилъ онъ въ домъ,
 Легъ на постель, и все кругомъ
 Густымъ туманомъ вдругъ покрывлось,
 Все миновалось, все забылось,
 И только изрѣдка сквозь сонъ
 Онъ смутно слышалъ вьюги стонъ.

II.

„Отецъ, я замужемъ. Я знаю
 Какъ предъ тобой виновна я,
 Но объ одномъ лишь умоляю:
 Не проклинай, прости меня!
 Дозволь къ тебѣ намъ воротиться;
 Мы припадемъ къ твоимъ ногамъ.
 И, вѣрю я, твой гнѣвъ смягчится
 И ты воротишь сердце намъ.
 Вновь дочь преступляю полюбивъ,
 Ее на жизнь благословишь;
 Ея ты счастье не погубишь,
 Ты примиришься и — простишь!“

Такъ послѣ свадьбы дочь писала.
 Желанный не пришелъ отвѣтъ.
 Она олять письмо послала;
 Проходятъ дни... отвѣта нѣтъ.
 Хоть мимолетная тревога
 И пробуждается въ груди,
 Но — въ жизни радостей такъ много,
 Такъ много счастья впереди,

Такъ лучезарно свидѣанье,
 Блаженствомъ сердце такъ полно,
 Что о страданіи, о мщеньи,
 О неминуемъ пробужденіи
 Не властно помышлять оно.
 Она любима. Всѣ съ участьемъ
 Любуются ихъ юнымъ счастьемъ.
 Отецъ?... Но сердце говоритъ
 Что и отецъ ее простить!

И вдругъ примчалась вѣсть иная
 И рухнулъ волшебный кругъ:
 Князь умираетъ! Злой недугъ
 Его сломилъ; не принимая
 Шестъ дней ни пищи, ни питья,
 Лежитъ онъ нѣмо, безъ сознанья.
 Врачей напрасны всѣ старанья —
 Его сласти уже нельзя!

Сласти нельзя... Но отчего же
 Онъ умираетъ? Боже, Боже!
 Ужель разлуки краткій мигъ
 Перенести не могъ старикъ?!
 Вѣдь дочь къ нему бы воротилась,
 Вѣдь все мгновенно бѣ объяснилось,
 Лишь только бѣ увидалъ онъ ихъ,
 Счастливыхъ, свѣтлыхъ, молодыхъ!
 Лишь понялъ бы что другъ безъ друга
 Имъ невозможно было жить,
 Какъ невозможно птицамъ юга
 Не мчаться вдаль и гнѣздъ не вить.
 Къ нему, къ нему! Еще есть время.
 Онъ живъ и можетъ-быть ихъ ждетъ.
 Съ души грѣха онъ сниметъ бремя,
 Онъ все проститъ, онъ все пойметъ!
 И темнымъ ужасомъ объята,
 Къ отцу вернуться дочь слѣшитъ.
 Отецъ пойметъ!... Но нѣтъ возврата:
 Трулъ не пойметъ и не проститъ!
 Въ немъ нѣтъ отца. Отецъ съ собою
 Взялъ счастье дочери своей.

т. слѣдн.

„О, сжаляся, сжаляся надо мною!“
 Она взываетъ, головою
 Привикавуть къ мертвецу; но ей
 Мертвецъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
 Ея мольбою и стenanьемъ
 Не тронуть онь; его локой
 Не возмутить ужь плачь живой.
 Онь презираетъ все живое,
 Ненужный шумъ не слышитъ онь,—
 Въ иную думу погруженъ,
 Онь что-то познаетъ иное.
 Все глубже, глубже, все мертвыи
 Молчитъ онь, мудрый и безстрастный,
 Земному вздору непричастный
 Одинъ — въ глухой ночи своей!

И ты, чья воля такъ недавно,
 Неудержимо, своеправно
 Стремилась къ счастью, на просторъ,
 Чей дѣтски чистый, свѣтлый взоръ
 Такой надеждой озарялся,
 Кому на встрѣчу улыбался
 Весь Божій миръ — о гдѣ жь она,
 Та беззаботная княжна?
 Прислушайтесь: то не рыданья
 Печали жгучей, — то стenanья
 На вѣкъ разбитой жизни; въ нихъ
 Ни слезъ, ни звуковъ нѣтъ живыхъ!
 Давно ли помоя былъ веселья
 Влюбленный взглядъ тѣхъ чудныхъ глазъ?
 Теперь, какъ въ мракѣ подземелья
 Заглохшій свѣточъ, онь логась.
 Погась — и красота увяла,
 И не цѣраетъ въ жилахъ кровь,
 И жизнь поблекла, и любовь
 Для сердца непонятной стала!
 На мужа юная жена
 Глядитъ съ враждебностью въ мою;
 Отнынѣ навсегда чужою
 Ему остается она.
 Для нихъ ужь нѣтъ уединенья!

Ихъ трое: мужъ, жена и онъ,
 Мертвецъ не давшій имъ прощенья
 Неумолимъ, непримиримъ
 Стоитъ; лицо мрачнѣе ночи,
 Застылъ упрекъъ въ устахъ нѣмыхъ,
 Стоитъ и смотритъ прямо въ очи
 И дышетъ холодомъ на нихъ.
 Они бѣгутъ того жилища,
 Гдѣ имъ покоя больше нѣтъ;
 Но мертвый съ своего кладбища
 Встаетъ, несется имъ во слѣдъ.
 Они въ шумящую столицу
 На суету, въ толпы людей,
 Все дальше, дальше, за границу,
 Къ брегамъ невѣдомыхъ морей
 Бѣгутъ; но призракъ грозный мчится
 За ними всюду по лѣтамъ.
 Ни отдохнуть, ни позабыться
 Мертвецъ имъ не даетъ и тамъ.
 И у несчастной нѣтъ ужъ силы
 Бороться съ выходцемъ могилы:
 Онъ овладѣлъ ея душой,
 Ея умомъ, ея мечтой.
 Онъ — мертвый — любилъ живаго,
 Того обидчика чужаго,
 Того лихаго пришлеца,
 Чтò дочь похитилъ у отца.
 И только въ краткій мигъ забвенья
 Жена на мужа взглянетъ вновь;
 Ей призракъ шепчетъ: вѣтъ прощенья,
 И меркнетъ взглядъ, и стынеть кровь.
 Олять, олять воспоминашь:
 Чу, — зимней вьюги слышешь стонъ,
 И лай ночной, и коней ржанье,
 И волаъ и похоронный звонъ!

Но мчались дни, и у несчастной
 Родился сынъ. На немъ она
 Раздумья грустнаго пона
 Оставила взоръ безстрастный.
 Зачѣмъ родился ты на свѣтъ? —

Подумала — и вновь взглянула,
 И мысль неожиданная мелькнула,
 Какъ неба дальняго привѣтъ.
 Свѣтъ вочника унылъ и ровень
 Мерцалъ во тьмѣ. Глубокимъ сномъ
 Ребенокъ спалъ.... „Окъ невиновень!
 Окъ примирить меня съ отцомъ!“
 Пролетела мать, и слезы
 Потокомъ хлынули изъ глазъ
 И утѣшительныя грезы
 Слетѣли къ ней въ тотъ тихій часъ.
 Предсталъ очамъ ея знакомый,
 Когда-то милый край родной;
 Сводъ неба свѣтлоголубой,
 Поля и мягкіе подъемы
 Лѣнливо дремлющихъ холмовъ;
 Необозримыхъ нивъ раскаты,
 Вдали туманъ и лѣсъ зубчатый,
 И очеркъ смутныхъ облаковъ.
 Съ блаженной, радостной улыбкой
 Она глядитъ: покой вокругъ,
 Лишь воздухъ видимый и зыбкій
 Струится по полю; то вдругъ
 Обдастъ лицо и грудь теплыню
 Залахветъ кашкой и полынью,
 И слѣдой рожию, то дохнетъ
 Лѣсовъ прохладою далекой,
 То съ сѣнокоса принесетъ
 Звукъ лѣсни вольной и широкой.
 Но съ дѣтства для нея милѣи
 Тѣхъ лѣсень крикъ коростелей,
 И лѣса ровный шумъ и лепетъ,
 Росистыхъ травъ и крыльевъ трепеть,
 Когда на полевой цвѣтокъ
 Садится слабый мотылекъ.
 Да, все въ томъ ласковомъ видѣньи
 Ей говорить о примиреньи,
 Все манить и зоветъ домой.
 Холоднымъ небесамъ чужбины
 Не испѣвать ея кручины:
 Душа стремится въ край родной.

Тамъ, въ старомъ, родовомъ селенъи,
 Вблизи родныхъ могилъ, она
 За грѣхъ свой казнь нести должна,
 Тамъ можетъ вымолить прощенье!
 И на дитя она гадить
 Съ надеждой робкой и тоскою,
 Его любитъ красною.
 Ей вѣрится что *дядь* простить!

Пустое, дживое мечтанье!
 Семья вернулась домой
 Подъ кровъ родимый; но душой
 Все то же властвуетъ страданье!
 Ни сна, ни отдыха ей нѣтъ,
 Ея оlostылилъ Божій свѣтъ.
 Проходить три тяжелыхъ года;
 Трикратно лышная природа
 Весну встрѣчаетъ и цвѣтеть,
 Потѣмъ зима олатъ приходитъ
 И игры дикія заводитъ;
 А мать несчастная все ждетъ,
 Ждетъ чтобы чудо совершилось,
 Чтобъ сердцу какъ-нибудь открылось
 Что ей мертвецъ вину простилъ,
 Что внука дядь благословилъ.

И создаетъ она примѣты:
 Хотѣлося бы ей во всемъ
 Чтò совершается кругомъ
 Читать рѣшенья и отвѣты.
 Недугъ ли тяжкій лоразить
 Кого-нибудь—и невозможно
 Сласти ту жизнь, она тревожно
 Молитву жаркую творить.
 Съ боязнью страстной и тоскою
 Повсюду кары ищетъ слѣдъ
 И мнитъ себя одну виною
 Всѣхъ золь; и недуговъ, и бѣдъ.
 И мыслить: чудо совершится,
 Недугъ смертельный исцѣлится;
 То будетъ знакъ что онъ простилъ!

Но разъ чудесное свершилось,
 Дитя большое исцѣлилось...
 И что жъ? На жигъ лишь озаришь
 Ее тотъ лучъ; потомъ сомѣнье
 Закралось вновь: то не прощенье,—
 И вновь угрюмѣи и грозѣи
 Явился призракъ передъ ней.

Тогда ей все едино стало.
 По цѣлымъ днямъ она бывало
 Сидитъ недвижно, затая
 Въ душѣ завѣтное желанье,
 Сидитъ и смотритъ внутрь себя
 И слушаетъ свое страданье.
 Летятъ часы, проходятъ дни.
 Не властны, мнитса ей, они
 Страданій тѣхъ исполнить мѣру:
 Она сама теряетъ вѣру,
 Ждетъ—и не ждетъ... Но наконецъ!
 Надъ нею сжалился отецъ!

Въ то лѣто за грѣхи народа
 Постигла мѣстность ту невзгода.
 Былъ гнѣвъъ Богъ: онъ запретилъ
 Дождю и грому. Три недѣли
 Безбрежно небеса сияли
 И землю солнца лучъ палилъ.
 И вянулъ листъ на вѣткѣ томной,
 И оскудѣлъ живой потокъ
 Гремящихъ водъ и лугъ поемный
 Томимый жаждою поблекъ.
 Подъ вечеръ, пыльною дорогою
 Бредя съ работъ, на мглу долины,
 На нивы тощія съ тревогой
 Гладѣлъ унылый селянинъ.
 Вернувшись къ хатѣ, озирался
 Съ порога вѣтхаго крыльца,
 И зной заката отражался
 На кожѣ потнаго лица.
 Въ избѣ жара; никто ни слова.
 Ложится краткой ночи тѣнь.

Пѣтухъ поетъ въ сѣняхъ—и слова
 Встаеъ сухой, палящій день.
 И старъ и младъ вздыхаетъ, тужитъ;
 Молебень въ воскресенье служить
 Приходскій попъ—и чуда ждетъ
 Бѣдой ислуганный народъ.

И въ изнемогшей отъ страданья
 Больной душѣ въ послѣдній разъ
 Среди толлы, въ молитвы часъ,
 Проснулась жажда улованья.
 Душа повѣрила опять
 Въ возможность близкаго прощенья
 И робко, полная сомнѣнья,
 Склоняясь къ сыну шеичетъ маты:
 „Молись чтобъ небо омрачилося,
 Чтобъ Богъ на землю дождь пролилъ;
 Молись чтобъ чудо совершилося,—
 Тò будетъ знакъ что дѣдъ простиаъ!“
 Хоть и не ясно понимаетъ
 Ребенокъ смыслъ ея рѣчей;
 Но молится онъ горячѣй,
 Къ землѣ головку преклоняетъ,
 И въ общемъ горѣ и бѣдѣ,
 Лишь сердцемъ чуя ихъ значенье,
 Онъ дѣда просить о прощеньи
 И молить Бога о дождѣ;
 Потомъ съ заботливымъ вкимаеньемъ
 Глядитъ на мать... Пора домой.
 И оба, полны ожиданьемъ;
 Идутъ изъ церкви за толпой.

Ужь близокъ полдень. Вдоль селенья
 Въ раздумьи бродитъ праздный людъ:
 Ни смѣха не слышать, ни лѣнья;
 Томить, страшить всѣхъ Божій судъ.
 Неурожая призракъ блѣдный
 Въ глаза хозяевамъ глядитъ
 И голодъ въ окна хаты бѣдой
 Ключкой зловѣщею стучитъ:
 — Теперь, молъ, некогда—зимой
 Зайду въ побывку ло пути;

Готовьтесь, дѣтушки мои,
 На печьъ полежать со мною.
 Уживчивъ я—какъ забреду,
 Пожалуй, долго не уйду.
 — Недобрый гость, стулай-ка мимо.
 Небось, въ усадьбы къ господамъ
 Стучать не вздумаешь!—Вѣстимо,
 Мнѣ, старику, не мѣсто тамъ.
 Издавна возлюбилъ я хаты
 Убогихъ сель и деревень.
 Меня не впускать въ тѣ палаты,
 Гдѣ люди сыты каждый день—
 Такъ шелчетъ призракъ и лукаво
 Киваетъ на господскій домъ,
 Что близъ селенья величаво
 Стоитъ, красуясь надъ холмомъ.
 Но и въ дому томъ горе заое
 Живетъ и влѣвствуетъ давно.
 Неотразимое, вѣное—
 Ужаснѣй голода оно!
 Не слышно тамъ ни игръ, ни шума.
 Хозяинъ, молча и угрюмо,
 Скучая, подъ окномъ сидитъ;
 Ребенокъ въ дѣтской не шумитъ.
 Изъ церкви онъ пришелъ съ заботой,
 И все молчитъ, и ждетъ чего-то;
 А мать въ безмолвный, темный садъ
 Ушла, чтобъ быть въ уединеньи
 Чтобъ сердца тайное волненье
 Ничей не могъ подмѣтить взглядъ.

И вотъ окружена толлою
 Недвижно дремающихъ дерѣвъ
 Она заглохшею тропюю
 Идетъ.... Какъ вытаетъ стукъ шаговъ!
 Какъ сердце бьется одиноко!
 Какъ все враждебно и жестоко
 Молчитъ. Хотѣлося бы ей
 Природы видѣть пробужденье,
 Внимать свистъ вѣтра, шумъ вѣтвей
 И грозной бури приближенье;

Но лодень нѣмъ: въ его огнѣ
 Ни листь, ни вѣтвь не шелохнется;
 Лишь мысль не спитъ, лишь сердце бьется
 Въ невозмутимой тишинѣ.

И вдругъ.... Но нѣтъ!—то призракъ ложный,
 То бредъ больной и невозможный!
 Почудилося ей что садъ,
 Внезапнымъ трепетомъ объять,
 Отъ сна очнулся; что тревожный
 Поднялся шумъ со всѣхъ сторонъ.
 Все ближе къ ней, все громче онъ
 Катится быстрою волною—
 Широко, могучь, неустойчивъ—
 И вотъ, весь садъ охвативъ имъ,
 Какъ смѣлой, радостной мечтою.
 И весело вдругъ стало ей
 Въ томъ шумѣ листьевъ и вѣтвей.
 Ей внятенъ онъ, какъ рѣчь живая;
 Съ нимъ вмѣстѣ мчится вѣсть благая,
 Прощенья вѣсть!... Но все кругомъ
 При этой мысли дерзновенной
 Поражено волшебнымъ сномъ
 Опять умокнуло мгновенно.
 И вновь удивля полна,
 Попыкнувъ робко головою
 Въ тиши заглушенной тролою
 Идетъ и слушаетъ она.
 Засуха, зной.... Во мглѣ туманной
 Лишь солнца красенъ, воздухъ спитъ;
 Но, чу!—какой-то грохотъ странный
 Издалека въ тиши звучитъ.
 Ужель гроза?—Не видно тучи,
 Но снова вѣтерокъ летучий
 Яснѣ въ молчаніи нѣмомъ
 По саду пробѣжалъ; потомъ
 Въ томительномъ недоумѣньи
 Опять все стихло на мгновенье,
 Природа вземлетъ и молчитъ—
 И снова громъ вдали гремитъ.
 Грemitъ!—Она остановилась,
 Въ груди дыханье притаилось.

„О, повторишь желанный звукъ!
 Разсѣй послѣднее сомнѣнье.
 Отецъ! прости!“—И въ отдаленнѣ
 Гремить олять, и все вокругъ
 На вѣщій гласъ тотъ отозвалось,
 Все вновь мятежно взволновалось;
 Весельемъ Божій міръ объять.
 Тревога, шумъ.... Лукуеть садъ,
 Цвѣты, деревья все лукуеть!
 „Простить“—вѣщаетъ съ неба громъ,
 „Простить“—разносится кругомъ,
 И сердце.... сердце все тоскуеть
 Какъ будто не ему въ отвѣтъ
 Смягченный Богъ гремитъ привѣтъ.

Прекрасна туча грозовая,
 Полнеба грудью обнимаая,
 Идетъ—и небо тѣсно ей!
 Она живетъ, растетъ и дышетъ
 И крылья мощныя колышетъ
 И хмуритъ черныя валъ бровей,
 То взглянетъ вдругъ и заморгаетъ,
 Заговорить.... То вновь смолкаетъ
 Въ раздумьи страстномъ, и грозна
 Ея живая тишина.
 Идетъ, надвинулась, сверкнула
 Могучимъ взглядомъ; грянулъ громъ—
 И все смѣшалось кругомъ,
 Все въ тьмѣ и бурѣ потонуло.
 Не потонуло лишь одно
 Несчастной дочери моленье,
 Къ отцу доносится оно
 Сквозь шумъ, и грохотъ, и смятенье!
 И жизнь страдальческую въ даръ
 Приемлетъ Богъ.... Все позабыто,
 Все прощено, все пережито!
 Искуплень грѣхъ—и лалъ ударъ!
 Передъ страдающей мгновенно
 Разверзлась огненная твердь—
 Улыбка.... взглядъ... и вопль блаженной
 Небесной радости—и смерть!

За мигъ предъ тѣмъ она стояла
Въ борьбѣ съ послѣднею мечтою,
Теперь, склонясь къ землѣ сырой,
Она спокойная лежала.
Промчалась буря. Солнца ликъ,
Изъ края тучи уходящей,
Блеснулъ, и радостно звенящій
Въ саду раздался дѣтскій крикъ.
Ребенокъ ищетъ мать, тролою,
Гдѣ шла она, онъ пробѣжалъ.
И вдругъ подъ липою густою
Ее въ травѣ онъ увидалъ.
И сердце дѣтское забилось.
Онъ знаетъ: чудо совершилось!
Онъ къ ней головку наклонилъ
И къ мертвой, какъ къ живой ласкаясь,
Шепнулъ ей; тихо улыбаясь:
„Вставай-же мама—дѣдъ простилъ!“

Графъ А. ГОЛЕНИЦЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

СПБ. 14 октября
1881.

ТРОГИРСКІЙ ВОЕВОДА

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

(ФАБУЛА ВЗЯТА ИЗЪ НАРОДНАГО ДАЛМАТИНСКАГО ПРЕДАНІЯ)

Дѣйствующіе:

БАРОНЪ РАДИСЛАВЪ.

ЗОРИЦА, его дочь.

ГРАФЪ АДАЛЬБЕРТЪ.

МИЛЕНКО, его сынъ.

ЛУКА, крестный отецъ Збрицы.

НАСТОЯТЕЛЬ ВЪ МОНАСТЫРѢ СВ. НИКОЛАЯ.

ПЕТКО.

МАРЬЯНА, служанка.

ЯНЪ, стремянной.

СТАРИКЪ.

СТАРУХА.

Слуги, поѣзжане, музыканты, и т. п. Дѣйствіе въ Трогирѣ и его окрестностяхъ, въ Далматіи, въ началѣ XVII вѣка.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ барона Радислава. Выходная дверь направо, ближе къ авансценѣ, подлѣ небольшое окно. Внутренняя дверь направо въ глубинѣ. Задняя стѣна—венеціанское окно съ видомъ на море. *

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ГРАФЪ, АДАЛЬБЕРТЪ, одинъ, вскорѣ ЛУКА. Графъ нетерпѣливо ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ человѣкъ который кого-то или чего-то ждетъ. Потомъ подходитъ къ лѣвому окну и гадитъ на улицу.

Графъ. Ни души... какъ же они долго, какъ долго!.. (Отворачивается отъ окна, хочетъ отойти, но съ нерешительности останавливается и снова смотритъ въ окно.) Вотъ наконецъ-то... Кто жь это?.. И какъ слышитъ!.. Должно-быть съ радостною вѣстью. (Входитъ Лука.) Здравствуй, Лука!

Лука. А! это ты, графъ. Зачѣмъ же ты здѣсь? Отчего не на выборахъ?

Графъ. А ты оттуда?

Лука. Нѣтъ, гдѣ мнѣ! У меня старуха расхворалась. Я и сюда-то на минутку чтобъ узнать... да видно не кончилось еще. А ты-то отчего не пошелъ?

Графъ. Неловко показалось.

Лука. Чѣмъ неловко?

Графъ. Сына выбираютъ, а я тутъ же стою, словно проситель. Слово и пришелъ-то затѣмъ только чтобы жалостнымъ видомъ своимъ всѣхъ разжалобить: „порадуйте-моль пожалуста старика, выберите сына“.

Лука. А ты думаешь, Миленка выберетъ?

Графъ. Да, думаю.

Лука. Отчего жь не Радислава?

Графъ. Радиславъ самъ отказался.

Лука. Отказался? давно ли? Мнѣ ничего не говоритъ.

Графъ. Видишь, Лука, ояъ не то чтобы прямо отказался, а только всѣмъ кто его про Миленка спрашивалъ, рѣшительно всѣмъ одно и то же повторялъ: „что жь, выбирайте! Поживите съ молодымъ воеводой“.

* Всѣ обозначенія отъ зрителей.

Лука. Гм., гм., это, графъ, вовсе не то что отказался.

Графъ. Въ чемъ же разница? Иль по твоему онъ будетъ не радъ, если выберутъ Миленка?

Лука. Радъ? чему жъ тутъ радоваться, графъ?

Графъ. Что зять у него будетъ воеводой въ Трогирѣ.

Лука. Зять не сынъ, а будь и сынъ, все же, графъ Адальбертъ, самому быть воеводой еще веселѣй.

Графъ. Ты что-то путаешь, Лука.

Лука. Ничуть. Я только думаю что молодъ еще твой Миленко чтобы быть ему воеводой. Который ему? Двадцать второй?

Графъ. Двадцать третій пошелъ со Святаго Мартына.

Лука. Не дедушки годы! И еще я думаю, графъ Адальбертъ, что воевода въ Трогирѣ все равно что въ Венеціи дожъ. Конечно, Венеція господа, а Трогиръ слуга, Венеція велика и богата, а Трогиръ малъ и бѣденъ,—да гордость-то всюду гордость, графъ Адальбертъ. И еще я думаю что людамъ на узкой тропинкѣ тѣснѣй чѣмъ на широкой, а гордости вездѣ просторъ.

Графъ. Охъ, Лука, мнѣ сдается что ты и самъ-то хорошенько не знаешь что говоришь. Былъ бы ты правъ, еслибы мы подкалывались подъ Радислава, веди дѣло тайкомъ. А мы на чистоту все дѣлали, безъ хитрости, открыто. Какъ только пришла мнѣ въ голову эта мысль что хорошо бы Миленку попытаться въ воеводы, я сейчасъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, никому не заикаясь даже, прямо къ Радиславу пошелъ. Такъ-молъ и такъ, вотъ что я, Радиславъ, задумалъ: скажи жъ свою мысль прямо, какъ я тебѣ свою высказалъ. И онъ отвѣчалъ: „хорошо, пусть будетъ по твоему“. И въ самомъ дѣлѣ, старъ ужъ онъ, Радиславъ-то, усталъ, лора и отдохнуть ему.

Лука. Что ты только говоришь, графъ Адальбертъ! Радиславъ-то старъ? Радиславъ-то усталъ? Опомнись! да ему и сорока еще нѣтъ. Эхъ, графъ Адальбертъ, графъ Адальбертъ! ты по себѣ судишь о баронѣ. Одно только ты забылъ: сколько у тебя дѣтей. И Миленко который у тебя, графъ, одиннадцатый?

Графъ. Нѣтъ, двѣнадцатый.

Лука. Какъ ты важно сказалъ это „двѣнадцатый“. Сейчасъ видно счастливаго отца. И точно, счастливъ ты. Вотъ и послѣдняго сына женишь, а не одинъ со старухой станешь

вѣкъ доживать въ пустомъ замкѣ; невѣстку въ домъ возьмешь, ввучать будешь дядьчичь. Такъ Миленко-то у тебя двѣнадцатый, графъ Адальбертъ? а у Радислава сколько ихъ,—сочти.

Графъ. Самъ знаешь что одна.

Лука. Одна, и прибавь: единородная. И того не забудь что и жена-то у него вскорѣ послѣ родовъ умерла. Только и радости у Радислава было что дочка; только и дѣла что воеводство. А тутъ сразу и безъ дочки оставайся, и безъ дѣла сиди. Легко ли! И какое дѣдо еще, любимое! Вспомни что его пять разъ кряду воеводой выбирали, что онъ соперниковъ себѣ не зналъ. И какая дочь-то, единственная! И кто же не дынче, завтра дочь у него изъ дому уведеть? Да тотъ же кто и воеводство отыметъ. Да ты самъ, графъ, хоть и правнуковъ ужъ дождался, самъ ты, говорю, не стерпѣлъ бы этого. А Радиславъ-то только вѣдь по твоему старъ!

Графъ. Слушай, Лука, ты или безъ цѣли дурачишься, или налугать меня хочешь. Ты знаешь какая слава про тебя идетъ?—что у тебя глазъ завистливый. Гдѣ весело, чуть ты вошелъ—и заскучаютъ всѣ; народъ на праздникъ сошелся, погода стоитъ чудная, а чуть Лука въ толпу вмѣшался—и тучи на небѣ, и дождь пошелъ. Только я этого глаза твоего завистливаго не боюсь. Не сглазишь же ты счастья своей крестницы; не захочешь, грѣха лобоушься!

Лука. Знаю я, графъ, что такъ именно болтаютъ про меня, и не разъ замѣчалъ даже что прохожіе, завидя меня, украдкою мнѣ такъ вотъ рукой рожки строятъ (*показываютъ какъ*), чтобъ я ихъ самихъ или ихъ дѣтей не сглазилъ. А только я не дурачусь и не шушу надъ тобой и глазъ у меня не завистливый вовсе, а зоркій. Не виновать же я что люди слѣпы и не видятъ бѣды когда она ужъ на порогѣ стоитъ. И ты самъ, графъ Адальбертъ.

Графъ. Въ томъ и слѣлота моя, Лука, что я зла въ добрѣ не вижу.

Лука. Нѣтъ, въ томъ что не замѣчаешь что съ Радиславомъ творится.

Графъ (*слѣпясь*). Ошибся, Лука, на это и я не слѣпъ. Вѣдь ты на то намекаешь что Радиславъ въ послѣднее время сталъ молчаливъ, легко раздражается, хмуро глядитъ?

Лука. Отгадалъ, графъ Адальбертъ.

Графъ. И не только замѣтилъ я это, Лука, а и Радислава спрашивалъ что съ нимъ. А онъ отвѣчалъ что старая его болѣзнь воротилась; опять печень разболѣлась у него.

Лука. Гм., печень. А отчего она разболѣлась, ты пожалуй и у самого себя не спросилъ? Такъ и не знаешь? не догадался?

Графъ. О чемъ тутъ догадываться? Болѣзнь человѣкъ, и болѣзнь.

Лука. Такъ я скажу тебѣ отчего, графъ Адальбертъ! Сначала-то Радиславъ на твою затѣю тщеславную легко посмотрѣлъ: пусть-моль выбираютъ Миленка, все равно не его, а меня выберутъ. А теперь, какъ разглядѣлъ что дѣло можетъ кончиться на двое—и призадумался, и печень тутъ у него расходилась. А ты помни, графъ Адальбертъ, что въ печени—желчь, а въ желчи гавъвъ.

Графъ. Ты наконецъ разсердишь меня, Лука!

Лука. На себя, графъ, сердись... Зачѣмъ было тебѣ, какъ задумалъ это дѣло, прямо къ Радиславу идти? Ты ко мнѣ бы пришелъ, со мной посоветовался.

Графъ. А что жъ бы ты, мудрецъ, сказалъ?

Лука. Сказалъ бы: ужъ если тебѣ такая нелѣпая мысль въ голову зашла, такъ раньше хоть свадьбу сыграй. Послѣ свадьбы и ссора не страшна. А теперь...

Графъ (*съ несовѣстлм покойнлм стлхлм*). А теперь-то что? Ну, каркай ужъ, каркай, старый воронъ! Пророчъ намъ бѣды.

Лука. Мнѣ напророчить вамъ бѣду не мудро. Не даромъ вы оба съ Радиславомъ далматинскіе бароны. Вамъ ничего не стоить изъ пустяковъ поссориться, а послѣ всю жизнь другъ другу мстить. И не трудно вамъ и дружбу многолѣтнюю въ клочья разорвать, да изъ окна что трялицу негодную выбросить, а потому мнѣ васъ обоихъ не жаль. И Миленка твоего не жаль. Молодъ онъ еще и потому глупъ: двухъ зайцевъ однимъ выстрѣломъ вздумалъ свалить. И того не сумѣлъ разглядѣть что они въ разныя стороны бѣгутъ. Одну крестницу мнѣ жаль и крѣпко жаль. Видишь, графъ Адальбертъ, полюбила она твоего сына, и такъ она его полюбила что сдается мнѣ будто и зачахнетъ, и истаеетъ безъ него. Вотъ мнѣ и жаль ее.

Графъ. А ты думаешь, Миленко меньше ее любитъ?

Лука. Что Миленко! Любитъ онъ ее какъ всякій парень свою невѣсту любитъ. Не эта, такъ та; обѣ молоды, обѣ богаты, обѣ

красивы... Гдѣ ему любить! Какую онъ молодость провелъ? Цѣлыхъ пять лѣтъ въ Италиі пробылъ, а что дѣлалъ? Учился, говорятъ, дожидаясь пока невѣста подростетъ, изъ университета въ университетъ переѣзжалъ. Знаемъ мы это ученье! Ну и обычай тамъ не нашъ: вольные нравы. Тамъ жены не съ мужьями живутъ и мужья не съ женами, да еще и хвалятся этимъ.

Графъ. Дурно же ты, Лука, про Миленка думаешь. А я тебѣ скажу что онъ чистъ отъ грѣха. Самъ мнѣ признавался что когда бралъ его соблазнъ—, только, говоритъ, припомню я эту дѣвочку, эту милую мою Зорицу, съ которой отцы насъ еще съ дѣтства обручили—и никакой соблазнъ мнѣ не страшень“.

Лука. А если такъ, и Миленка твоего мнѣ жаль, графъ. Однако прощай. Заболтался я съ тобой и забылъ что старуха моя больна лежитъ.

Графъ. Ты развѣ не отобѣдаешь съ нами? Вѣдь что бы ты своимъ дурнымъ глазомъ ни видѣлъ, а у насъ праздникъ сегодня, радость семейная.

Лука. Будетъ у васъ радость если Радислава выберутъ, да ты на то не обидишься. А ты вѣдь тщеславень, признайся, графъ Адаальбертъ. Ну, я домой, только вотъ на крестнику погляжу. *(Идетъ во внутренніе покои.)*

Графъ. Ты не вздумай пожалуста и ей пророчить.

Лука. Нѣтъ, графъ Адаальбертъ: старый Лука еще не все изъ ума выжилъ. Да по моему видишь ли, графъ, если и есть что на землѣ святое, такъ только чистая душа дѣвчица, и ее-то стану я смущать! Прощай же. *(Идетъ и опять останавливается.)* Да! помни еще что въ печени желчь, а въ желчи гнѣвъ. Хоть сегодня-то остерегитесь, не раздражайте его. Страшенъ Радиславъ; бойся его. Не даромъ онъ въ Венециі съ молоду учился и у Турокъ въ лагвну не даромъ же съ годъ пробылъ: онъ въ гнѣвѣ хитеръ какъ Венедецъ и золь какъ Турокъ. Помни же, графъ; прощай. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

ГРАФЪ АДАЛЬБЕРТЪ, одинъ.

Фу ты! разсердилъ-таки меня!.. И все вѣдь пустяки, чистѣйшій вздоръ... И чего на Радислава не наговорилъ... И золь-то онъ, и хитеръ... Со стороны послушать:—врагъ говорить, а онъ Радиславу другъ искренній... Ну, да я въ его т. слыш.

завистливый глазъ не вѣрю... Одинъ только его совѣтъ и хорошъ: большаго точно раздражать не слѣдуетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ГРАФЪ АДАЛЬБЕРТЪ, ЗОРИЦА, вскорѣ РАДИСЛАВЪ.

Зорица (*вбѣгая*). Батюшка у крыльца. (*Бѣжитъ ко входнымъ дверямъ.*)

Графъ. Какъ? одинъ?

(*Входитъ Радиславъ.*)

Зорица. Чтò съ тобой, батюшка? Какой ты хмурый сегодня! И со мной не поздороваяешься? Иль ты забылъ что не цѣловалъ меня еще сегодня?

Радиславъ (*улыкая дочь*). Прости, Зорица.

Зорица. А графа ты развѣ не замѣтилъ? Вѣдь и графъ здѣсь.

Радиславъ. Вѣ самомъ дѣлѣ не замѣтилъ. Здравствуй, графъ. (*Небрежно киваетъ ему головой.*)

Графъ (*съ поклономъ*). Здравствуй, Радиславъ. (*Про себя.*) А крѣпко онъ нынче не въ духѣ.

Зорица. Чтò жъ ты молчишь, батюшка? Иль нечѣмъ тебѣ насъ порадовать? Да нѣтъ! вѣдь выбрали же, выбрали Миленко, а сердцемъ чую что выбрали.

Радиславъ. Рада ты, Зорица?

Зорица. Какъ мнѣ не радоваться! Вѣдь онъ мой... (*дочуженне Радислава*) и твой, и твой, батюшка.

Радиславъ. Чтòжь, веселися; веселись, Зорица. Наскучило видно тебѣ быть воеводскою дочкою, воеводскою женою захотѣлось стать.

Зорица. Какъ ты странно это, отецъ, сказалъ... Но лпстой! Чу, словно толпа вдали гудить... Вѣрно Миленко, а его провожаютъ. (*Бѣжитъ къ лѣвому окну и смотритъ въ него.*) Да, да, такъ и есть. (*За сценой крики и выстрѣлы.*) Слышишь? выстрѣлы. Вѣдь это въ его честь, батюшка. И кричать... Только словъ, досадно, не разберу... А вотъ тронулись олять... теперь близко, ужъ близко... подходятъ... А вотъ еще ближе... Теперь и слова разберу.

Радиславъ (*про себя*). Неужто онъ ввалится сюда со всею ватагой?

Графъ (про себя). А Радиславъ еще принахмурился.

(За сценой крики: „Живи нашъ воевода! Слава молодому воеводу! Слава, слава!“)

Зорьца. Ну, теперь и слова разобрала. (Подбѣгая къ отцу.) Слышалъ батюшка? Какъ они кричали: „слава молодому воеводу! Живи нашъ воевода!“ (Опять бѣжитъ къ окну.) Вотъ они ужъ на углу. Стоять. Миленко теперь говорить. Кланяется. Вотъ опять кричать будутъ. (За сценой крики и выстрѣлы.) А вотъ Миленко и къ дому повернулъ. Какъ онъ бѣжитъ, какъ онъ слышитъ! Смѣшно даже!... А ему весело.... (Слышитъ жену на острычу.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЪ ЖЕ, МИЛЕНКО.

Зорьца.

Миленко! здравствуй. Добрый мой, желанный....
Какъ рада я!... И словъ-то не найду...

Миленко.

Такъ поздравляй горячимъ поцѣлуемъ. (Цѣлуются.)
А гдѣ-жъ отецъ?

Зорьца, съ весельемъ смѣхоль.

Да вотъ же онъ стоитъ,

А ты...

Миленко, подходя къ отцу.

Поздравь же, батюшка, меня.

Благослови на воеводской трудъ. (Опускается на колѣни.)

Графъ, благословляя.

Благослови Господь. Теперь вставай,
Цѣлуй меня, сынокъ. (Цѣлуются.)

Ну, поздравляю.

Вѣкъ воеводой будь. (Еще цѣлуетъ и тихо.)

Остерегиса.

Не въ духъ нынче Радиславъ: онъ боленъ.

Радиславъ, про себя.

О чемъ они тамъ шепчутся?

Миленко, *подходя къ Радиславу.*

Теперь

Тебѣ поклонъ и теплое спасибо:
Твоею милостью я добылъ счастья;
Народъ во мнѣ, — тебя, баронъ, почтилъ.
Всѣ поздравляя въ голосъ мнѣ сказали:
„Благодари не насъ, а Радислава;
„Когда бъ ему ты не былъ любъ, Миленко,
„И намъ бы не любъ былъ; когда бъ не онъ,
„Тебѣ во вѣкъ не бытъ бы воеводой“.

Радиславъ.

Да, стараго орла съ гнѣзда долой,
А молодого соколенка посадили....
А жаль....

Миленко.

О чемъ жалѣешь, нареченный тесть?

Радиславъ.

Конечно не о томъ, затекъ мой милый,
Что умные Трогирцы не меня
Сегодня излюбили воеводой.
А жаль того мнѣ, милые друзья,
Что намъ на вѣкъ приходится разстаться.

Графъ.

И не пойму что ты хотѣлъ сказать....

Радиславъ.

Нельзя мнѣ послѣ вынѣшняго срама
Въ Трогирѣ и минуты оставаться.

Графъ.

Да въ чемъ же срамъ? Иль кто тебя обидѣлъ?

Радиславъ.

Не стыдно мнѣ что выбравъ зять: я самъ
Того хотѣлъ. А видишь, Адаальбертъ,
Какъ выборы окончились, гурьбою
Всѣ бросились Миленка поздравлять,
А про меня не вспомнили. Одинъ,
Отверженный, я въ сторонѣ стоялъ....
Какъ будто бы какой-нибудь воршка,
Привязанный къ лозорному столбу:
Толпа ужъ на него понаглазѣлась

И бросилась на новое. Пять разъ,
И кряду, выбирали воеводой,
И что жь? въ единый мигъ меня забыли:
Могли бы, кажется, сказать спасибо
За всѣ мои тяжелые труды.

М и л е н к о.

Ты ошибаешься, мой милый теть....

Р а д и с л а в ъ.

Постой. Дай кончить мнѣ. За что-нибудь
Да выбирали же меня?... Иль былъ я
Плохимъ и нерадивымъ воеводой?
Иль дурно правилъ судъ? Иль обижалъ
Сиротъ и вдовъ? Иль былъ подкупецъ?
Иль расточалъ общественныя деньги?...

М и л е н к о.

Они забыли въ первую минуту....

Р а д и с л а в ъ.

Забыли? такъ и я забуду ихъ,
Безламятыхъ глупцовъ, неблагодарныхъ....

М и л е н к о.

Потомъ оломались....

Р а д и с л а в ъ.

Такъ отчего жь

Они за мной не бросились въ догонку?
Хотя бы выборныхъ ко мнѣ прислали....

М и л е н к о.

Чуть лишь замѣтили что ты ушелъ,
Смутились всѣ, и порѣшили тутъ же
Что завтра выборныхъ къ тебѣ пришлютъ
Благодарить....

Р а д и с л а в ъ.

Нѣтъ, завтра поздно будетъ.

Не такъ высокія заслуги цѣнять,
Не такъ прощается народъ съ любимцемъ....
Теперь ты видишь, графъ, и ты, Миленко,
Что мнѣ нельзя и дня здѣсь оставаться...

З о р и ц а.

Нѣтъ, батюшка, ты не покинешь насъ.

Радиславъ, лаская се.

Тебя-то, дочка, какъ же мнѣ покинуть?
И ты со мной въ Венецію поѣдешь.

Миленко.

Въ Венецію? А свадьба?

Радиславъ.

Что же дѣлать?

И радъ бы я да видишь самъ—нельзя.

Миленко.

Нѣтъ, нѣтъ! не можетъ быть! Нѣтъ, лучше
Я завтра откажусь отъ воеводства....
Я уступлю тебѣ... Пускай они
Тебя опять поставятъ воеводой....
Я настою... а прикажу....

Радиславъ.

Мальчишка!

Не знаешь ты барона Радислава...
Не отъ кого еще, съ тѣхъ поръ какъ живъ,
Подачекъ овъ не принималъ.... А еслибъ
Кто и посмѣлъ ему подачку сунуть,
Такъ овъ сумѣлъ бы дерзкому нахалу
Въ лицо ее швырнуть...

Миленко.

Прости, баронъ.

Я не въ обиду... я погорячился...
Вотъ видишь какъ меня схватило горе:
„Какъ? съ Зорицей растаться? навсегда“?
Я и сказалъ... неловко... неумѣло...

Радиславъ.

Остерегайся впредь. Иное слово
Ударить въ сердце острую стрѣлой
Да и засядетъ тамъ до самой смерти:
Попробуй вынуть—сердце разорвешь.

Миленко.

Но ты простишь меня... Я съ вами ѣду...
Я брошу все: отца и воеводство....
Я съ Зорицей растаться не могу....

Радиславъ.

Такъ и повѣрилъ я тебѣ!.. И, полно.
 Когда бъ ты Зорицу любилъ такъ крѣпко,
 О ней бы объ одной до свадьбы думалъ,—
 Не сталъ бы воеводства добиваться,
 Не сталъ бы тестя натравлять на гнѣвъ.
 Вѣрнѣе, ты и сватовство тянулъ
 Лишь для того чтобъ крѣпко заручиться
 Моимъ, на выборахъ всесильнымъ, словомъ....

Миленко.

Послушай, Радиславъ....

Графъ.

Молчи, Миленко.

Онъ нездоровъ... онъ самъ, повѣрь, не помнитъ.

Радиславъ.

Нѣтъ, очень помню, буду помнить вѣкъ
 Какъ твой сынокъ мнѣ посулилъ подачку. (*Милентъ:*)
 Ужъ ты не думалъ ли что я отдамъ
 И Зорицу въ промѣнъ за воеводство?

Миленко.

О, сколько хочешь смѣйся надо мною
 И унижай меня, баронъ, какъ хочешь,—
 Я не сочту того за оскорбленье,
 Лишь позабуди мою дурную вспышку,
 Обидное, нечаянное слово....
 Подумай самъ: какіе лустяки,
 Какой ничтожный вздоръ....

Радиславъ.

А! для тебя

То лустяки что тестя оскорбили.
 А! для тебя то вздоръ что мнѣ нельзя
 На улицу безъ сраму показаться.
 Хорошаго зятка я было добылъ!..
 Нѣтъ, слава Господу за этотъ случай:
 Онъ мнѣ глаза открылъ.—Прощай, Миленко.

Миленко.

И это все? Ты не простишь меня?
 Не извинишь нечаянной обиды?

Радиславъ.

Ужь я сказалъ тебѣ: прощай, Миленко,
А если хочешь, такъ еще скажу:
Прощай, трогирскій славный воевода.

Миленко.

Такъ счастье дочери своей разрушить,
Такъ надсмѣяться надъ святой любовью,—
Да этого не сдѣлаеть и Турокъ.

Радиславъ.

А! значитъ я не вѣрую въ Христа
И сталь ужь для тебя подлаѣ Турка.
Зачѣмъ же лѣзешь ты ко мнѣ въ затыкъ?
Не честь тебѣ, трогирскій воевода,
Родство со мной, съ поганымъ, съ лодлымъ Туркомъ.

*(Миленко хочетъ говорить, но графъ
схватываетъ его быстро за руку и увле-
каетъ за собой.)*

Графъ.

Пойдемъ, сынокъ. Опомнится онъ завтра
И самъ же прибѣжитъ къ тебѣ съ прощеньемъ.

Радиславъ.

Ужь я опомнился! Я васъ узналъ!
Такія гадины....

Графъ *(увлекая сына)*.

Молчи, Миленко.

Иди за мной. *(Уходятъ.)*

Радиславъ.

Безъ васъ дышать вольнѣе.

ЯВЛЕНИЕ V.

РАДИСЛАВЪ, ЗОРИЦА.

Зорица.

Я ворочу ихъ, батюшка....

Радиславъ.

Зачѣмъ?

Чтобъ бросить имъ въ лицо проклятье
За оскорбленье твоего отца?

Что жь, дочка, ворота—ты тѣмъ докажешь

Что для тебя отецъ всего дороже.

Зорица.

Отецъ, отецъ! зачѣмъ ты это сдѣлалъ?
 Пусть онъ не правъ и оскорбилъ тебя,—
 Хотя, повѣрь, безъ умысла и злѣбы,—
 Но онъ просилъ униженно прощенья,
 Все для меня готовъ былъ перенести...
 Хотя бъ меня ты пожалѣлъ немного,
 Я безъ него умру... Отецъ, отецъ!...

Радиславъ.

И! лодко, Зорица. Не стоить онъ
 Твоихъ жемчужныхъ слезъ и горькихъ вздоховъ.
 Я опытивъ тебя, я зорче вижу,
 Въ сердцахъ людей отчетаивъ читаю...
 Повѣрь мнѣ, Зорица, они давно
 Придумали лукаво эту ссору...

Зорица.

Да пощади же, батюшка, меня...
 Иль я и жалости твоей не стою?
 О, мой Миленко! дорогой, желанный!
 Во вѣки вѣчные тебя я не забуду,
 Двѣичимъ сердцемъ вдовствуя по миломъ.

Радиславъ.

И! Зорица, утѣшишься, не бойся.
 Тебѣ я лучше жениха найду,
 Стативъ и краше, и добрѣе сердцемъ.

Зорица.

Я никогда по миломъ не утѣшусь,
 Я въ монастырь уйду...

Радиславъ.

И это знаемъ!

Не ты одна по миломъ горевала,
 Не ты одна съ слезами причитала,—
 И ты утѣшишься какъ всѣ другія,
 И народишь отцу внучатокъ кучу.

Зорица.

Я въ монастырь...

Радиславъ.

О, вздоръ! Не застращаешь!

А въ монастырь отдать тебя на время

Пожалуй и не худо—тамъ теба
Хоть малость послушанію научать.

(Про себя.)

И дома кстати оставлять опасно:
Того-гляди трогирскій воевода
Замыслить силой увезти невѣсту.

Зорица.

О, я умру!...

Радиславъ.

Ну, будетъ же, довольно,
Не то я осержусь; пойдемъ обѣдать.

*(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, потомъ
возвращается и кѣсно взявъ дочь за
руку, ласкаетъ ее.)*

Ну, полно же, голубушка моя!
Утѣшься, ласточка моя морская!...
Вѣдь я люблю тебя.. Иль ты совсѣмъ
Изъ-за Миленка про отца забыла?...
Не плачь же, душечка...

Зорица *(припадая съ рыданіемъ къ
отцу на грудь).*

Отецъ, отецъ!...

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Женскій монастырь. Небольшая келья съ перегородкой. Бѣлыя ка-
менные стѣны. Деревянная мебель. Дверь въ задней декораціи и въ
перегородкѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена пуста. Вскорѣ МАРЬЯНА, изъ выходныхъ дверей; потомъ
ЗОРИЦА.

Марьяна *(объгая опрометью; громко).* Синьйорина! а
синьйорина!... Гдѣ же она? А? должно-быть прилегла за пере-
городкой... Какъ бы мнѣ сдѣлать чтобъ она не сердилась на
меня когда проснется? А! знаю... Я притворюсь будто мнѣ
послышалось что она звала меня. *(Осторожно и на цыпочкахъ*

подходитъ къ перегородкѣ и легонько стучитъ въ нее; потомъ опасно, какъ бы боясь сразу разбудить). Сивѣйорина! а сивѣйорина!

Зорица (*изъ-за перегородки*). Чего тебѣ, Марьяна?

Марьяна. Вы не спите?

Зорица (*также*). Нѣтъ, я просто прилегла со скуки.

Марьяна. И не звали меня?

Зорица (*также*). Нѣтъ, Марьяна.

Марьяна. А мнѣ вѣдь вашъ голосъ слышался. Сидѣла я въ корридорѣ и вдругъ—вашъ голосъ. И такъ явственно, явственно. Да, сивѣйорина, очень явственно и громко. Я испугалась даже и бросилась сюда со всѣхъ ногъ.

Зорица (*также*). И хорошо сдѣлала что пришла, Марьяна. Мнѣ скучно, посиди со мной; разкажи что-нибудь. Я сейчасъ выйду къ тебѣ.

Марьяна (*про себя*). О чемъ бы мнѣ разказать ей? А! знаю, знаю (*Входитъ Зорица*). А вотъ вы, сивѣйорина, просите меня разказать вамъ что-нибудь, а я право не знаю что мнѣ вамъ разказать. Развѣ вотъ что я вамъ, сивѣйорина, скажу. (*Подумавъ*.) Я знаю отчего вы скучаете, сивѣйорина.

Зорица. Отчего, Марьяна?

Марьяна. Оттого что вы думаете объ одномъ скучномъ, а вы думайте о чемъ-нибудь веселомъ. Я вотъ никогда не скучаю, а отчего? Оттого что я думаю всегда о самомъ, самомъ веселомъ, о поварѣ Карлѣ, или о стремянномъ Янѣ, и оттого я постоянно веселая.

Зорица. На моемъ мѣстѣ и ты бы заскучала, Марьяна.

Марьяна. На вашемъ мѣстѣ? Позвольте, сивѣйорина, какъ же на вашемъ мѣстѣ?

Зорица. Ну, еслибы твой женихъ какъ мой забылъ тебя, уѣхалъ въ Венецію и тамъ женился чрезъ мѣсяцъ.

Марьяна. А развѣ сивѣйоръ Мценко забылъ васъ?

Зорица. Да, Марьяна.

Марьяна. И уѣхалъ въ Венецію?

Зорица. Да, Марьяна.

Марьяна. И женился тамъ?

Зорица. Ахъ, Марьяна!

Марьяна. Что за проклятая эта Венеція! (*Про себя*.) А я это очень хитро сказала. (*Вслухъ*.) Но позвольте, позвольте, сивѣйорина. Вѣдь вы изволили спрашивать что бы я сдѣлала на вашемъ мѣстѣ? Такъ вѣдь, сивѣйорина?

З о р и ц а. Да.

М а р ь я н а. Я сейчасъ разсужу, синьйорина, и скажу вамъ. Чтò бы такое, въ самомъ дѣлѣ, я сдѣлала? А! понимаю. Видите ли, синьйорина, еслибъ такое со мной сдѣлалъ Янъ который служить у вашего батюшки стремяннымъ, я вышла бы за Карла который служить у вашего батюшки поваромъ. А еслибъ такое сдѣлалъ Карлъ который служить у вашего батюшки поваромъ, я бы вышла за Яна. Потому что, видите ли, синьйорина, оба они и стремянной Янъ, и поваръ Карлъ влюблены въ меня. И я, синьйорина, и я также влюблена въ обоихъ и въ повара Карла и въ стремяннаго Яна. Такъ что я быда бы рада еслибъ со мной такое случилось какъ съ вами. Вы разсудите сами, синьйорина: поваръ—хорошо, потому что всегда будешь ѣсть сладко, но онъ вѣчно сидитъ дома, а это скучно. А стремянной хорошо потому что онъ увъзжаетъ и олять не хорошо потому что слишкомъ ужъ часто увъзжаетъ. Вотъ я и живу въ нервъшительности, синьйорина. Но вы не слушаете меня, синьйорина? вы задумались? (*Особо.*) Бѣдняжка синьйорина! А вѣдь я могу ее кой-чѣмъ порадовать; только нельзя сразу, никакъ нельзя: она того-гляди испугается. Какъ бы мнѣ сдѣлать? А! знаю, знаю. (*Вслухъ, наклоняясь надъ Зорицей и слегка дотрогиваясь до ея плеча.*) Синьйорина! а синьйорина! Вы задумались? Вы не слушаете меня, синьйорина?

З о р и ц а. А!... Чтò, Марьяна?

М а р ь я н а. А вотъ вы просили вѣдь меня чтобъ я разказала вамъ что-нибудь. А я теперь и вспомнила. Очень хорошая исторія, синьйорина, и двѣ калли воды похожа на вашу. Только вы не думайте что это смѣшная исторія; она жалостная, самая прѣжалостная. Я даже никогда не смѣюсь когда ее разказываютъ. А я, синьйорина, всегда смѣюсь когда разказываютъ исторію. Потому что, знаете синьйорина, смѣяться гораздо веселѣй чѣмъ плакать. Только вы не задумывайтесь, синьйорина, а слушайте. Потому что непременно надо чтобъ вы слушали эту исторію. (*Про себя.*) А я вѣдь хитро это сказала.

З о р и ц а. Чтò жь, Марьяна? я слушаю.

М а р ь я н а. Вотъ видите ли, синьйорина, въ Венеціи или во Флоренціи, не помню ужъ гдѣ, право, только навѣрно знаю что не у насъ въ Трогирѣ, жилъ былъ одинъ синьйоръ, точъ въ точъ какъ господинъ баронъ. И у него была дочь, точъ

въ точь какъ вы, сивьѳорина, а у нея былъ женихъ, точь въ точь какъ у васъ сивьѳоръ Миленко. Ну слушайте же, сивьѳорина. Вотъ отецъ поссорился съ женихомъ, и женихъ уѣхалъ куда-то въ другой городъ; я не помню ужъ куда именно, но только въ другой, совсѣмъ въ другой городъ. А въ Венеціи былъ писарь и былъ онъ большой хитрецъ. Онъ, знаете, сидѣлъ на площади и писалъ всякія письма, какія кому надобно. А хитрость его въ томъ была что онъ могъ поддѣлываться подъ чью угодно руку. Взглянетъ на чужое письмо и напишетъ, и вы ни за что не узнаете писарь ли это писалъ или не писарь. И вотъ отецъ приходитъ къ писарю и говоритъ ему: „можешь ли ты, писарь, написать мнѣ письмо, только такое письмо чтобъ подъ женихову руку. И будто женихъ въ немъ пишетъ, въ этомъ письмѣ-то, что онъ влюбленъ въ другую, въ очень, очень знатную даму, а не вѣдѣтъ и думать забылъ и даже будто тутъ же въ письмѣ пишетъ о ней, какъ самый низкій мужчина. А писарь...

Зорид а. И они отдали это письмо бѣдной дѣвушкѣ?

Марьяна. Да, сивьѳорина. А вы почему же догадаались? Только видите, это было уже послѣ, гораздо позже, а сперва они написали письмо.

Зорид а. И она повѣрила?

Марьяна. Да, сивьѳорина. Только, право, откуда жъ вы все это узнали? Впрочемъ, сивьѳорина, дѣло вѣдь вовсе не въ этомъ.

Зорид а. А въ чемъ же?

Марьяна. А въ томъ, сивьѳорина, что вѣрить-то вовсе не слѣдовало. Потому что письмо вѣдь писалъ не настоящій женихъ, а писарь. Такъ и вы, сивьѳорина. Вы вотъ вѣрите, а можетъ-быть это и неправда. Вы думаете что сивьѳоръ Миленко въ Венеціи, а онъ можетъ-быть вовсе не въ Венеціи. Вы вотъ думаете что онъ женился, а можетъ-быть онъ и не думалъ жениться...

Зорид а. Что жъ ты хочешь этимъ сказать? что отецъ обманулъ... я хотѣла сказать что до отца дошли ложные слухи....

Марьяна (съ испугомъ). Нѣтъ, нѣтъ, сивьѳорина, я этого вовсе не хотѣла сказать. И ничего никогда я не хотѣла сказать про господина барона. И даже думать о немъ не хотѣла. И Янъ стремянной, и Карлъ поварь, и они никогда не думаютъ. Потому что мы всѣ трое очень боимся господина барона.

Зорица. Но ты что-нибудь да хотѣла же сказать? Ты же даромъ просила меня слушать... Говори же, Марьяна, говори!

Марьяна (*падая на колѣни*). Простите, синьйорина... Я... я... я просто хотѣла доложить вамъ что синьйоръ Миленко теперь въ саду и что вамъ можетъ-быть угодно его видѣть.

Зорица. Что ты сказала? Миленко здѣсь? и это правда?

Марьяна (*вскакивая съ колѣнъ*). Ахъ, синьйорина! Вотъ видите, я сразу боюсь испугать васъ, синьйорина, и потому не говорила. Но теперь вы стали такая веселая, такая веселая что я могу ужъ прямо вамъ доложить что и въ самомъ дѣлѣ вѣдь синьйоръ Миленко въ монастырскомъ саду. И онъ послалъ меня къ вамъ спросить: угодно ли вамъ принять его?..

Зорица. Ахъ, какая ты, Марьяна! Бѣги, бѣги, зови его скорѣе.

Марьяна. Я сейчасъ побѣгу, синьйорина. Только вы, синьйорина, ради Бога, синьйорина, если это какъ-нибудь дойдетъ до господина барона, вы ужъ не выдавайте меня, синьйорина, что вотъ будто я знала. Я очень боюсь господина барона. И Ямъ стрелянной...

Зорица. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Только бѣги же скорѣе.

Марьяна. Что же вы скажете ему, синьйорина?

Зорица. Ахъ, Марьяна, все равно... что-нибудь да скажу...

Марьяна. Нѣтъ, синьйорина, это ловсе не все равно. Ужъ я лучше научу васъ, синьйорина. Что бы такое ему сказать? А! знаю... Самое лучшее скажите ему то же самое что я сказала въ третьемъ годѣ, когда разбила зеркало и свалила на кошку. Скажите ему что я дала васъ въ поварнѣ сладкіе пирожки готовила. Не правда ли, синьйорина, я это очень хитро придумала?

Зорица. Ахъ, Марьяна, ты убьешь меня.

Марьяна. Бѣгу, синьйорина, сейчасъ бѣгу. (*Бѣжитъ и останавливается у дверей*.) Больше ничего не прикажете, синьйорина?

Зорица. Нѣтъ, нѣтъ! Бѣги же.

Марьяна. Слушаю, синьйорина. (*Присѣдаетъ и затѣмъ исчезаетъ*.)

ЯВЛЕНИЕ II.

ЗОРИЦА, вскорѣ МИЛЕНКО.

Зорица, одна.

Миленко здѣсь... И не женать... О, Боже!

Зачѣмъ же было моему отцу?..

Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть... Онъ не нарочно,

Онъ самъ обмануть былъ. *(Входитъ Миленко.)*

О, другъ мой милый!

(Она бросается къ нему и вдругъ останавливается.)

Постой, постой! Не подходи ко мнѣ...

Сперва скажи: ты не женать, Миленко?

Ты не женать?

Миленко.

Ахъ, Зорица! и ты!..

И ты могла повѣрить...

Зорица.

Нѣтъ, Миленко;

Нѣтъ, я не вѣрила...

Миленко.

Ты не спросила бы...

Зорица.

Я сомнѣвалась, плакала, боялась,

Но я не вѣрила... Чтò жъ ты стоишь,

Скорѣ подойди, цѣлуй невѣсту...

(Онъ подходитъ.)

Вотъ такъ, вотъ такъ! Еще разочекъ, милый...

А ты ужъ и обиделся сейчасъ...

Ужъ и спросить нельзя!..

Миленко.

Но какъ могла ты!..

Зорица.

А кто же виновать во всемъ? Не ты ли?

Конечно ты. Два мѣсяца ждала я,

Два долгихъ мѣсяца ждала,—а ты?

Хотя бы вѣсточку!.. И ло неволь

Тутъ мнѣ подумалось что ты забылъ,

Что разлюбилъ... И въ голову пришла

Что помни обо мнѣ еще Миленко,

Ужь онъ сумѣлъ бы въ монастырь пробраться
И чрезъ Марьяну, иль инымъ путемъ,
Прислать мнѣ вѣсточку...

М и л е н к о.

Ахъ, ты не знаешь
Всѣхъ бѣдъ моихъ: ты выслушай сперва.
Въ тотъ горькій злополучный день,—ты помнишь?
Баронъ сказалъ что увезетъ тебя
Въ Венецію. И на другое утро
Я видѣлъ самъ какъ сѣли вы въ корабль
И поплыли... И я за вами слѣдомъ,
На первомъ отходившемъ кораблѣ.
Вотъ я въ Венецію... Ищу повсюду,
Никто, видѣ не видѣлъ, не слыжалъ...
А въ ночь широко дулъ и буря выла...
Что я тутъ пережилъ! Какіе страхи
И день, и ночь ни мучали меня...
Въ отчаяньи я руку заносилъ
На самого себя, но спасъ отъ смерти
Святитель Николай, угодникъ Божій...

З о р и ца.

Но почему же графъ не написалъ?

М и л е н к о.

Онъ самъ не зналъ. Но слушай. Въ самый
Николинъ день, когда меня тоска
Совсѣмъ ужъ было задушила,—вдругъ
Принесли мнѣ неожиданное письмо.
Отецъ писалъ что Радиславъ въ Трогарѣ,
Что онъ въ Венецію не думалъ ѣздить,
А свезъ тебя въ прибрежный монастырь
И прожилъ тамъ съ тобою двѣ недѣли.

З о р и ца.

Вотъ радость-то тебѣ была, Миленко.

М и л е н к о.

Какъ принесли письмо, былъ поздній вечеръ.
И разказать я не могу что было
Со мной въ ту ночь: и радъ я былъ безмѣрно,
И страхъ напалъ что ты ужъ разлюбила,
Иль умерла съ тоски... Насилу утра

Дождлся я.... Чуть разсвѣло — на пристань.
 Спасибо, на Славянскомъ побережьѣ
 Мнѣ встрѣтился знакомый капитанъ;
 Овъ въ то же утро съ якоря снимался
 И согласился взять меня съ собой.
 Мы вышли въ море. Но должно-быть горю
 Жаль было отпустить меня домой:
 И буря встала, и противный вѣтеръ....
 Насъ отвесло къ далекимъ берегамъ....
 Корабль разбило, мы спаслися чудомъ....
 И наконецъ-то, послѣ долгихъ странствій,
 Мнѣ удалось добраться до Трогира.

Зорица *лаская его.*

Ахъ, бѣдный, бѣдный мой!... О! сколько горя
 Ты вытерпѣлъ,—и все изъ-за меня.
 А я-то, злая, встрѣтила упрекомъ!...
 Когда жъ ты воротился?

Миленко.

Лишь вчера.

Зорица.

А нынче ужъ со мной? Спасибо, милый. (*Цѣлуетъ его.*)
 Но, дастъ Господь, устало злое горе
 Тебя преслѣдовать.—Конечно, намъ
 Придется потерпѣть, дружокъ, немного,
 Пока угашится отцовскій гнѣвъ....

Миленко.

Какъ, Зорица? иль ты еще не знаешь?

Зорица.

Иль новая бѣда?

Миленко.

И горше первой.

Зорица.

Да говори же....

Миленко.

Отвѣчай сперва:

Откуда у тебя взялось сомнѣнье
 Что я женатъ?

Зорица.

Мнѣ написалъ отецъ.

М и л е н к о.

Я такъ и зналъ. Хитро баронъ задумалъ:
Сперва печалью сердца отравить,
А тамъ повеселитъ насильнымъ бракомъ.

З о р и ц а.

Не говори такъ про отца, Миленко.
Онъ самъ обмануть былъ. Да, да, навѣрно.
Должно-быть злые люди подслужились,
Ему въ угоду распустили слухъ,
А онъ—онъ въ гнѣвъ на тебя повѣрилъ.

М и л е н к о.

Онъ вздумалъ обвинять тебя насильно;
Ужъ у него женихъ готовъ. Конечно,
Никто у насъ въ Трогирѣ не посмѣлъ
Невѣсту отбивать у воеводы,—
Но онъ писалъ въ Венецію къ друзьямъ
И вотъ, пять дней тому, женихъ пріѣхалъ.
Не удивляйся. Твой отецъ богатъ
И имя знатное его гремитъ
Въ Венециі не меньше чѣмъ въ Трогирѣ,
И породниться съ нимъ сочтеть за честь
Любой вельможа.

З о р и ц а.

Нѣтъ, не можетъ быть.

Я не повѣрю....

М и л е н к о.

Ты повѣришь скоро:

Сегодня онъ пріѣдетъ съ женихомъ.

З о р и ц а.

Нѣтъ, милый другъ! Нѣтъ, злые люди
Нарочно распустили этотъ слухъ,
Чтобъ навсегда тебя съ отцомъ посорить,
Безъ примиренья....

М и л е н к о.

Что жъ, не вѣрь покуда....

Но отвѣчай мнѣ, Зорица, когда
Съ немилымъ, незнакомымъ челоуѣкомъ
Тебя насильно въ церковь поведутъ,
Ты позовешь или нѣтъ меня на помощь?

Зорица.

Напрасные, неабыные вопросы!
 Я говорю тебѣ что я не вѣрю....
 Повѣрь, я знаю хорошо отца,
 Меня онъ любить, онъ меня жалѣеть,
 Онъ и подумать не рѣшится даже
 Свершить насилье надъ дочернимъ сердцемъ....

Миленко.

Но если „да“, но если онъ рѣшится....

Зорица.

Тогда... тогда я громко объявлю
 Священнику что не желаю замужъ....

Миленко.

А твой отецъ отвѣтитъ за тебя
 Что ты желаешь. Знатному барону
 Перечить не посмѣетъ бѣднѣйшій поплъ....

Зорица.

О! ради Бога, замолчи Миленко....

Миленко.

Послушай, Зорица: когда бѣ съ друзьями
 Я въ этотъ страшный мигъ ворвался въ церковь,
 Пошла бы ты за мной?...

Зорица.

О! замолчи же,

Не отравляй мнѣ перваго свиданья
 Неабылой клеветою на отца....

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, МАРЬЯНА.

Марьяна (*вбѣгая*). Сивьѳорина, сивьѳорина!... Ахъ! да вы
 гдѣ и не знаете еще всѣхъ новостей. Господинъ баронъ
 прѣхалъ.

Зорица.

Не можетъ быть!... Ты видѣла его?...

Марьяна. Нѣтъ, сивьѳорина, я не видала: онъ сидитъ
 теперь у настоятельницы. Но все равно, сивьѳорина, какъ
 еслабъ я и видѣла его: я видѣла Яна стремлямаго. Вотъ ви-
 дите, только - что я выбѣжала на крыльцо, какъ вижу что

Янъ по двору идетъ. Совершенно какъ во снѣ. Я испугалась даже и кричу: „Янъ! это ты“? А онъ въ отвѣтъ: „Да, это я, Марьяна; я прѣвхалъ съ господиномъ барономъ, развѣ ты не знаешь что сегодня свадьба сивьѳорина?“

Миленко.

Ты слышишь, Зорица?

Зорица.

Ты лжешь, Марьяна?

Марьяна. Ахъ, вѣтъ сивьѳорина, я никогда не лгу, и Янъ стремянкой, онъ тоже никогда не лжетъ. И вотъ вамъ доказательство. Съ господиномъ барономъ пришло всего пять слугъ, а остальные съ женихомъ. И еще доказательство. Когда мы разговаривали, къ намъ подошла сестра Фредерика. Знаете, та самая что съ заячьей губой, и она еще всегда спитъ въ церкви. И она намъ сказала что видѣла-подвѣвечное платье. „Такое, говорить, чудное и богатое платье: я никогда такого не видала“. Я думаю! Гдѣ жъ ей было видѣть, съ заячьей-то губой!

Миленко.

Ты слышишь, Зорица?

Зорица.

О, Боже, Боже!...

Марьяна.

Ахъ! а самое главное и забыла, сивьѳорина. И пономарь ужъ любѣжалъ отворять церковь...

Миленко.

Еще есть время, Зорица,—бѣжимъ.

Марьяна.

Да, сивьѳоръ Миленко, вамъ не душно бы убѣжать. Только я, право, не знаю какъ вы это одѣваете. Потому что, видите, въ корридорахъ спуютъ сестры, и наши люди тутъ же стоять. А впрочемъ, позвольте, я погляжу сейчасъ. *(На мгновенье выбѣгаетъ за дверь, и выскочивъ назадъ, съ испугомъ.)* Ахъ, Господи Боже мой! самъ господинъ баронъ въ концѣ корридора. Скорѣй, сивьѳоръ Миленко, скорѣй за перегородку.

Зорица.

Миленко, милый мой! Скорѣе, спрячься.

Миленко *уходитъ се.*

Будь, Зорица, тверда и крѣпко помни

Что я съ тобой, что я готовъ на все.

(Уходитъ за перегородку.)

Марьяна.

Еще слава Богу что господину барому попался на встрѣчу патерь и они заговорились. Впрочемъ, позвольте, я еще погляжу. (*Отворяетъ дверь; въ дверьхъ Радиславъ.*) Ахъ! вотъ и господинъ баронъ.—Честъ имѣю поздравить васъ, господинъ баронъ. (*Чинно присѣдаетъ и затѣмъ мгновенно исчезаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЗОРИЦА, РАДИСЛАВЪ.

Радиславъ *подходитъ и цѣлуетъ дочь.*

Ну, слава Богу, Зорица! Сегодня
Ты веселѣй глядишь; въ лицѣ румянецъ,
Да и глаза свѣтлѣй. Вотъ то-то жь, дочка,
Не даромъ видно говорятъ въ народѣ:
„Дѣвичьи слезы—что роса, до солнца“...
Но ты какъ будто чѣмъ-то смущена?

Зорица.

Я не ждала тебя... И вдругъ Марьяна!...

Радиславъ.

Ужь эта глухая дѣвчонка! Вѣчно
Безъ спроса сунется... Но ты вѣдь рада
Что я пріѣхалъ? Да? Скажи же: рада?

Зорица.

Да, батюшка.

Радиславъ.

Зачѣмъ же такъ печально
Ты молвила: „да, батюшка?“ А я-то
Какъ только выѣхалъ, все время думалъ
Что вѣтъ порадую неожиданно дочку.

Зорица.

Спасибо, батюшка.

Радиславъ.

Ну, а ~~сказки-ка,~~
Какъ безъ меня ты, дочка, проживала?
Все плакала, лоду, да причитала...

Зорица.

Я, батюшка?...

Радиславъ.

Не бойся, признавайся.

Тебѣ не въ стыдъ. Не виновата ты
Что твой женихъ поторопился свадьбой...

Зорица.

Ахъ, батюшка!...

Радиславъ.

Такой обиды лютой

Не можетъ дѣвушка простить. Она
Чтобъ отомстить обидчику рѣшится
На все, на все. Иначе я скажу
Что дѣвушка не знаетъ ни стыда,
Ни гордости, ни чести...

Зорица.

Но, отецъ...

Но развѣ месть для дѣвушки возможна?

Радиславъ.

А ты не знаешь? Да поди на рынокъ
И первую кто встрѣтится спроси,
Она тебя научить и наставить.
Чѣмъ отомстить? Конечно не слезами,
Не жалобнымъ, смиреннымъ причитаньемъ,
Не вѣчнымъ отреченіемъ отъ міра,
А гордымъ, неуступчивымъ презрѣньемъ,
Веселымъ смѣхомъ на веселой свадьбѣ.

Зорица.

Но ты... ты не рѣшишься же насильно
Меня вѣнчать? вѣдь вѣтъ?

Радиславъ.

Въ отцовской власти

Насилья вѣтъ. Дитя съ любовнымъ страхомъ
Обязано отцу повиноваться.

Когда отецъ мнѣ приказалъ жениться,
Онъ развѣ спрашивалъ меня: любя ли,
Иль не любя невѣста мнѣ? Онъ зналъ
Что свято для меня его желанье,
Что я покорнымъ сердцемъ полюблю
Ту дѣвушку которую онъ выбралъ.
Да ты сама... съ чего ты о насильи

Заговорила вдругъ?... Когда Миленка
Я выбрала въ женихи тебѣ, была ты
Несмысленной дѣвчонкою. И что же?
И выросла потомъ, а не ролтама;
Пять лѣтъ ждала его, а не посмѣла.
И словомъ заикнуться о другомъ.

Зорица.

Ахъ, батюшка! но онъ иное дѣло...
Я съ дѣтства малаго привыкла думать
Что суждено мнѣ быть его женой.

Радиславъ.

Какъ былъ я властенъ въ выборѣ его,
Такъ властенъ и теперь другаго выбрать...
И какъ тебѣ жалѣть о немъ не стыдно!...

Зорица.

О! еслибъ я увѣрена была
Что онъ женатъ, а то я сомнѣваюсь...
Не знаю правда ли еще...

Радиславъ.

Какъ правда ль?

Да для тебя отцовскія слова
Должны быть правдою... Какъ ты посмѣла!...
Ты лучше прямо мнѣ въ лицо скажи
Что я солгала...

Зорица.

Нѣтъ, нѣтъ, отецъ! И въ мысли
Не вымолвлю я этихъ страшныхъ словъ...
Но, батюшка, ошибка такъ возможна,
Ты могъ повѣрить на слово другимъ,
Иль просто былъ обманутъ ложнымъ слухомъ...

Радиславъ.

Тутъ что-то да не такъ. Нѣтъ, ты хитришь.
Тебѣ навѣрно сестры наболтали...

Зорица.

Нѣтъ, батюшка, всегда я сомнѣвалась;
Заставь меня повѣрить, убѣди.
Найди мнѣ доказательство такое...

Радиславъ.

Какого доказательства еще,
 Когда я говорю что вѣрно знаю
 Что онъ женатъ? А кто же, дерзкій, смѣетъ
 Не вѣрить на слово барону Радиславу?
 Я раздавлю проклятаго ажеца
 Что съетъ смуту межъ тобой и мною...

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЪ ЖЕ; МИЛЕНКО.

Миленко.

Я здѣсь, баронъ. Коль смѣешь, повтори
 Что я солгалъ...

Радиславъ.

Мерзавецъ! мало было
 Что, оскорбивъ меня, какъ подлый трусъ
 Ты убѣжалъ отъ мести; ты задумалъ
 И дочь мою на вѣки обезчестить,
 Прокравшись тайно къ ней въ олочивальню.
 Но у меня съ такими подлецами
 Разчетъ коротокъ. *(Выхватываетъ пистолетъ изъ-за пояса.)*

Зорица.

Ахъ!... Остановись, отецъ!
*(Радиславъ взводитъ курокъ; она бросаетъ
 къ Миленко и выхватываетъ у него
 изъ-за пояса кинжалъ.)*

Зорица.

Миленко! дай кинжалъ... Давай, не бойся.
 Ты цѣлишься, отецъ? Такъ знай же
 Что только спустишь ты курокъ,—я въ сердце
 Себѣ вожу кинжалъ.

Радиславъ бросая пистолетъ.

Проклятъ!.. Дочь,

Дочь противъ своего отца роднаго
 Вступилася за лютаго врага.

(Миленкъ.)

Но ты отсюда не уйдешь безъ срама,
 Я прикажу слугамъ тебя связать.

Мы въ городъ привеземъ тебя какъ звѣря,
И бросимъ тамъ на площади, иль лучше
Къ позорному столбу тебя приважемъ,
И пусть любитъ народъ трогирскій
На своего честного воеводу.

М и л е н к о.

Я не одинъ. Здѣсь близко, подъ горой,
Стоять и братья и мои вассалы.
Дашь стѣбитъ выстрѣлать, и въ мигъ сюда
На помощь прилетитъ лихая сотня.

(Молчаніе.)

Р а д и с л а в ъ.

Ну, дочь, пойдемъ, пора къ вѣнцу одѣться.

З о р и ц а *падая на колѣни.*

О, батюшка! молю я, ради Бога!..
Во всемъ, во всемъ тебѣ я покажусь,
Но только не вѣнчай меня насильно.

Р а д и с л а в ъ.

Дѣвчонка дерзкая! Ты торговаться
Со мной задумала. Иди за мною,
Иль осрами нашъ родъ и убѣги
Съ любовникомъ, а я за то въ награду
Пошлю тебѣ отцовское проклятье...

М и л е н к о.

Не бойся, Зорица. Такого злаго,
Безчеловѣчнаго проклятья не услышитъ
Отецъ небесный...

З о р и ц а.

Батюшка! молю я...

Р а д и с л а в ъ.

Я твой отецъ, и требую немедля,
Иль покоришь во всемъ отцовской волѣ...

З о р и ц а.

Я объ одномъ молю, не принуждай,
Не выдавай меня насильно замужь...

Р а д и с л а в ъ.

Я разъ сказалъ, а слово Радислава
Неколебимо какъ земля сырая...

Зорца.

Я умоляю...

Радиславъ.

Прочь! прочь съ глазъ моихъ!..

Зорца, вставая съ колѣнъ.

О! если такъ... Прощай... Идемъ, Миленко!..

(Миленко охватываетъ ее по поясу и улекаетъ; она все время смотритъ на отца черезъ плечо, какъ бы ожидая что онъ вернетъ ее; Радиславъ стоитъ по-нуристъ головоу).

ЯВЛЕНИЕ VI.

РАДИСЛАВЪ одинъ, въ концѣ на мгновение ЯНЪ.

Радиславъ, *скинувъ глаза.*

Ушла!.. А я оставитъ безсиленъ...

Безсиленъ отомстить за свой позоръ...

Нѣтъ! заклинаюся великой клятвой

Что ты отъ мести не уйдешь, Миленко!..

Пусть мягкій хлѣбъ мнѣ станетъ твердымъ камнемъ

И горькимъ пойломъ сладкое вино;

Пусть день и ночь не знаю я покоя,

Пусть душу гложетъ черная тоска,

Пока я не пробью горячей пулей

Твое проклятое гнилое сердце!..

Что жь медлитъ мой женихъ? Что не слышитъ

Полюбоваться на свою невѣсту...

*(Подходя къ дверямъ.)*Эй, кто тамъ? Янь! *(Янь показывается изъ дверей.)*

Скорѣ на коня,

Скачи на встрѣчу и труби тревогу.

(Янь уходитъ; за сценой трубы.)

Что это? Трубы? А! слышитъ женихъ.

Мой милый зять слышитъ на помощь тестю!

Еще догонимъ! И ударитъ пуля

На вылетъ въ грудь проклятому мерзавцу.

*(Быстро идетъ къ дверямъ; за сценой трубы близше.)**(Занавѣс.)*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Монастырь Св. Николая. Приемная настоятеля. Входная дверь въ задней декорации. Еще дверь направо. Довольно богатая обстановка. Столъ съ письменными принадлежностями.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ РАДИСЛАВЪ и НАСТОЯТЕЛЬ.

Р а д и с л а в ъ.

Оставь, монахъ, пустыя причитанья
И прямо мнѣ, безъ хитрости, скажи:
Ты обвинчалъ ихъ или нѣтъ?

Н а с т о я т е л ь.

Б а р о н ъ,

Въ десятый разъ тебѣ я повторю
Что нѣтъ и нѣтъ. Когда они сюда,
Спасаясь отъ погони, прискакали,
Я приказалъ имъ крестъ поцѣловать
И разказать какъ на духу всю правду.
И выслушавъ ихъ горестную повѣсть,
Въ негодованьи на тебя, тотчасъ же
Хотѣлъ ихъ обвинчать. Но дочь твоя
Мою послѣднюю мудро посрамила.
Съ великой твердостью, хотя и кротко,
Она сказала мнѣ что убѣждала
Не отъ тебя, отъ твоего насилья;
Что всей душой она Миленка любитъ,
Но никогда не приметъ съ нимъ вѣнца
Безъ твоего благословенья.—Мало,
Ужасно низко цѣнишь ты, баронъ,
Сокровище которымъ столь щедро
Тебя Отецъ небесный награждалъ.

Р а д и с л а в ъ.

Не ты ль, монахъ, не ты ль, старикъ бездѣтный.
Не знавшій радости семейной жизни,—

Не ты ль меня научишь какъ любить
И чѣмъ утѣшить мнѣ мою дочурку?...
Но пово спорить намъ, отецъ Ома...
Ты возвратишь мнѣ дочь?...

Настоятель.

О, будь покоенъ.

Но,—подъ условіемъ.

Радиславъ.

Что тамъ еще?

Настоятель.

Ты долженъ согласиться, а иначе...
Вѣдь силой ты, надѣюсь, не посмѣешь
Похитить дочь: она здѣсь подъ покровомъ
Угодника святаго Николая....

Радиславъ.

Конечно, нѣтъ, я не поганый Турокъ...
Не знай: когда бъ не Николай угодникъ
Твоимъ патрономъ былъ, то ужъ давно бы
Разбилъ я лешками твою обитель,
Да и тебя бъ на воротахъ повѣсилъ.

Настоятель.

Хвала и честь угоднику Святому
Что даже и въ такихъ какъ ты, баронъ,
Вселяетъ онъ благоразумный трепеть....

Радиславъ.

Ну, сказывай: какія тамъ условия...

Настоятель.

Ты обещае долженъ подписать
Что никогда, ни за кого, подъ страхомъ
Подпасть подъ гнѣвъ святаго Николая
И быть изверженнымъ изъ ложа церкви,
Ты дочери къ замужеству не принудишь....

Радиславъ.

И слова моего довольно бъ было!...
Но все равно, какъ хочешь такъ и будетъ.

Настоятель.

Ты къ грамотѣ печать свою привѣсишь
И подлисю своею утвердишь....

Радиславъ *идя къ столу.*

Гдѣ у тебя бумага и чернила?

Настоятель.

Я грамоту заранѣ приготовилъ.

(Беретъ со стола пергаментный листъ и подаетъ его барону.)

Возьми, прочти.

Радиславъ *беретъ листъ.*

Зачѣмъ читать я стану?

Ты честный человекъ. Тебѣ я вѣрю.

(Подписываетъ грамоту.)

Ну, вотъ и подписалъ. *(Отходитъ отъ стола.)*

Возьми. Печать

Навѣсимъ послѣ....

Настоятель.

О! великій подвигъ

Ты этой подписью свершилъ, баронъ:

Ты гордость поборолъ....

Радиславъ.

Я не люблю

Похвалъ.

Настоятель.

Но сдѣлавъ шагъ къ добру, неужто

Ты остановишься на полпути, баронъ?

Радиславъ.

Что тамъ еще?

Настоятель.

Ты долженъ примириться.

Радиславъ.

Съ Миленкомъ?—никогда.

Настоятель.

Но если омы....

Радиславъ.

Омы мнѣ нанесъ такое оскорбленье....

Настоятель.

А ты сумѣи обиду перенести....

Радиславъ.

Я мстить умѣю.

Н а с т о я т е л ь .

Но Господь велѣвъ

Прощать врагамъ. И самъ, баронъ, размысли:
 Чтò благороднѣй: оскорбленнымъ быть
 Или оскорбителемъ? Когда я вижу
 Какъ люди съ яростью гнетутъ одинъ другаго
 И убиваютъ,—я душой болѣю
 За оскорбителей. У оскорбленныхъ
 Надежда есть на Божье правосудье,
 Въ самомъ терпѣннѣи есть своя отрада,
 Великое душевное стажанье,
 А претерпѣвшій до конца—спасется.
 А оскорбитель? Въ чемъ его надежда?
 Въ злодѣйскихъ умыслахъ, въ кровавыхъ думахъ?

Р а д и с л а в ъ .

Когда бѣ, какъ ты, отъ міра я отрёкса
 И я бы такъ же разсуждалъ, монахъ.
 Но въ мірѣ я еще живу, и долженъ
 Законы чести свято исполнять,
 А міръ моя прѣзрѣннымъ, низкимъ трусомъ
 И подлымъ негодаемъ назоветь,
 Когда узнаеть что стерпѣвъ обиду
 Я не убилъ смертельнаго врага.

Н а с т о я т е л ь .

Слѣпецъ! слѣпецъ! когда же ты прозрѣешь?
 Не знаешь ты ни красоты духовной,
 Ни сладости любовнаго прощенья!
 Живешь какъ звѣрь, и въ одержаннѣи страстью,
 Волнуемый желаньями плотскими....

Р а д и с л а в ъ .

Ты слишкомъ старъ; ты пережилъ всѣ страсти....
 Или у тебя отъ нихъ не билось сердце?
 Во мнѣ онѣ кипятъ, горять, клопочать,
 И рвутся въ бой, и кличъ побѣднмъ слышать!..
 Страсть голодна, ей надо пищу дать—
 Не то она, какъ звѣрь, мнѣ сердце сложесть
 И выплеть кровь. Не врагъ передо мной,
 А я предъ нимъ униженнымъ остался.
 Онъ вышелъ съ торжествомъ; онъ дочь мою
 Увелъ съ собой, а я вѣмой, безсильный,
 Растолтанный, раздавленный какъ гадъ...

Н а с т о я т е л ь .

Иль ты молчалъ и слушаалъ со смиреньемъ?

Р а д и с л а в ь .

Отецъ Оома! такъ разсуждаютъ бабы
Да развѣ ты еще!.. Мушницѣ мало
На слово дерзкое отвѣтить словомъ:
Тутъ мести нѣтъ, пойми. Мушницѣ нуженъ
Ударъ за слово, и ударъ смертельный...
Но полно намъ... Подписано условье,
Веди же къ дочери меня скорѣе...

Н а с т о я т е л ь .

Позволь, баронъ. Еще не кончилъ я...
Въ самолюбивомъ гнѣвѣ, вы съ Миленкомъ
О Зорицѣ должно-быть позабыли.
А ваши обоюдные удары
Ей сердце нѣжное язвятъ до крови.
Она страдаетъ... Видишь ли, баронъ,
Мнѣ далъ Господь, по милости великой,
Уразумѣть врачебную науку;
По малымъ признакамъ, едва замѣтнымъ,
Умью я при самомъ зарожденьи
Распознавать болѣзнь. Недугъ оласный,
Въ началѣ скрытый, послѣ быстротечный...

Р а д и с л а в ь .

Ты лжешь, монахъ!.. Онъ подкупилъ тебя...

Н а с т о я т е л ь .

Но если я подкупленъ, кто жь мѣшаетъ
Тебѣ, баронъ, перекупить меня?

Р а д и с л а в ь .

Прости меня. Я оскорбилъ неволью...
Такихъ людей, смиренныхъ и правдивыхъ,
Грѣхъ обижать.

Н а с т о я т е л ь .

Господь тебя проститъ...

Но выслушай. Какъ господарь Лука
Пріѣхалъ къ крестницѣ—я съ нимъ при встрѣчѣ
На словомъ про болѣзнь не заикнулся,
Я самъ тогда не твердо былъ увѣренъ.

И что жь? едва онъ вышелъ отъ нея,
Какъ мнѣ сказалъ: „ловѣрь, она зачахнетъ,
Когда мой кумъ не повѣщаетъ ихъ“.

Радиславъ.

Гдѣ онъ, Лука?

Настоятель.

Здѣсь въ комнатѣ направо
И ждетъ чѣмъ кончится беседа наша.
Я позову... (*Хочетъ идти.*)

Радиславъ.

Нѣтъ, нѣтъ! я самъ... (*Подходитъ къ
правой двери.*)

Эй, кумъ...

Что ты сидишь одинъ?

Лука *въ дверяхъ.*

Къ вамъ развѣ можно?

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ ЖЕ, ЛУКА.

Радиславъ.

Скажи, Лука... Нѣтъ, поклянись сперва.
Я знаю, кумъ, что своего патрона
Ты свято чтить—клянись же имъ
Что ты на мой вопросъ отвѣтишь правду.

Лука.

Клянусь святымъ Лукой евангелистомъ
Что безо лжи отвѣчу на вопросъ.

Радиславъ.

Ты видѣлъ Зорицу? Ну, что она?..
Полпрежнему ль... она... бодрѣ, здорова?

Лука.

Покуда бродить, Радиславъ. А только...

Радиславъ.

Что только-то?..

Лука.

А прямо я скажу

Что такъ она Миленка полюбила,
Такъ полюбила, кумъ, что вѣрь зачахнетъ,
Истаетъ безъ него какъ вѣтхій сѣвѣгъ.

Н а с т о я т е л ь .

Баронъ! ты слышишь ли?

Р а д и с л а в ь .

Молчите оба...

Л у к а .

А если ужъ пошло совсѣмъ на правду,
Такъ я скажу что и причины нѣтъ
Тебѣ упрямиться.

Р а д и с л а в ь .

О!... что ты знаешь.

Л у к а .

А что тутъ знать? Что оба вы съ Миленкомъ
Чуть слово и въ ножи идти готовы?
Такъ это знаю я. Какая важность!
Поссорились и помиритесь. Ты же
И ссору вѣдь затѣялъ, кумъ. А что
Онъ у тебя изъ рукъ да изъ-подъ носу
Невѣсту выхватилъ, такъ я скажу
Что молодецъ! ей Богу, молодецъ!
Спроси кого угодно, всякій скажетъ
Что молодецъ. Да вотъ отецъ Оома,
Спроси его... Да объ закладъ люблюся
Была бы только дочка у него,
Ужь онъ ее бы за Миленка выдалъ...
Не правда ли, отецъ Оома?... Что жь, кумъ?
Иль я не правъ?

Н а с т о я т е л ь *тихо Лука.*

Тс! онъ задумался. (*Громко.*)

Ну, я за Зорицей пойду, баронъ.
Что жь, господарь Лука, пойдемъ со мною.
А ты, баронъ, тутъ помолись сперва,
А тамъ и разсуди. Какъ Богъ укажетъ,
Какую мысль пошлетъ—ты такъ и сдѣлай.

(*Уходятъ въ заднюю дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Радиславъ (одинъ).

Не можетъ быть. Всего лишь десять дней
 Какъ онъ похитилъ дочь. Она здорова
 Была въ тотъ день. Съ чего же и когда
 Занемогла она и такъ опасно?
 Лука сказалъ: „задохнетъ отъ разлуки,
 Но съ нимъ она въ одномъ монастырѣ
 И каждый день видалася конечно.
 Что жъ за причина?... Иль тоска по мнѣ?
 Но нынче же она домой увидетъ.
 Нѣтъ, нѣтъ, они хитрятъ. Монахъ правдивъ,
 Но миротворецъ онъ,—и ради мира
 Считаетъ и солгать похвальнымъ дѣломъ.
 За то хитрить ужъ вовсе не умѣетъ.
 Придумалъ премудреную болѣзнь;
 Лишь онъ одинъ ее замѣтить можетъ.
 Они не лгутъ сознательно, а просто
 Желаютъ страстно, всей душой и сердцемъ
 Чтобъ помирились мы. И вотъ сперва
 Имъ показалось какъ будто бы больна:
 А тамъ больна, больна и въ самомъ дѣлѣ,
 И незаметно хитрая мечта
 Имъ создала смертельную опасность...
 О! ваши мысли вѣчные рабы
 Желаній и страстей; что захотимъ мы,
 То умъ услужливо докажетъ въ мигъ,
 И доводы найдетъ, и основанья,
 И силлогизмы хитрые построить.
 Но если я и самъ, подъ гнетомъ страсти,
 Теперь, сейчасъ насилую свой умъ
 И доказать хочу себѣ упорно
 Что дочь моя не можетъ быть больна?...
 И вдругъ она... Нѣтъ, стану наблюдать
 За дочерью съ терпѣньемъ и любовью:
 Легко иль тяжело ея дыханье,
 Болѣзненно ль горять, иль тусклы очи,
 Здоровый иль больной въ лицѣ румянецъ
 И не дрожать ли губы при улыбкѣ.

Отцовскій взглядъ и зорокъ, и замѣтливъ,
Онъ все увидить, угадаетъ все.

И если вдругъ....

ЯВЛЕНІЕ IV.

РАДИСЛАВЪ, ЗОРИЦА.

Зорица останавливаясь въ дверяхъ.

Тебя я оскорбила,

Прости, отецъ.

Радиславъ.

Ахъ, Зорица! Да что жъ ты,

Что не объжишь ко мнѣ?

Зорица.

Стыжусь, не смѣю...

Радиславъ съ движеніемъ къ ней.

Такъ самъ къ тебѣ я любѣгу на встрѣчу...

Зорица бросаясь къ нему.

Ахъ, батюшка! прости меня, прости!...

Радиславъ *(обнимая дочь)*.

Ну полно, полно ужъ, моя бѣгаянка!

Я не сержусь. Я виноватъ; я знаю

Что круто поступилъ, что надо бѣ лаской.

Зорица.

Ахъ, батюшка! какъ добръ ты, какъ ты любишь...

Радиславъ.

Да, доченька, вѣтъ худа безъ добра:

Я самъ не зналъ, не могъ себѣ представить

Что такъ люблю тебя, что такъ безмѣрно...

Зорица.

И я, голубчикъ батюшка, и я...

Радиславъ.

За то теперь меня ты не оставишь,

Не убъжишь? Не станешь отъ отца

Съ мушкетерами въ монастыряхъ спасаться?...

Зорица.

Ахъ, батюшка!...

Радиславъ.

Ну, я шучу, шучу....

И не спрошу,—ахъ, Господи!—здорово-ль....

Ты, Зорица, здорова?

Зорица.

Слава Богу.

А ты, отецъ?

Радиславъ.

Я ничего.

Зорица.

Постой-ка...

Что у тебя прибавилось морщинъ!...

И борода какъ сильно посѣдѣла!...

Я все то, я, все я...

Радиславъ.

О, вздоръ!... Скажи-ка лучше

Вотъ ты тогда... чего ты услугалась?

Что я сказалъ что нынче жь обвиняю?

Зорица.

Да, батюшка.

Радиславъ.

Охъ, глупая головка!...

Да развѣ бѣ я тебя не пожалѣлъ,

Твои-то слезы горькія увида....

Зорица.

Ты грозно такъ....

Радиславъ *рѣзче*.

Ну да, сказалось грозно.

А отчего? Онъ въ комнатѣ стоялъ. (*Мягче*.)

Да Богъ ужь съ нимъ.... А ты и услугалась....

Зорица.

Ты, батюшка, меня къ нему ревнуешь?

Радиславъ.

Ревную? да. Да, именно ревную:

Ты настоящее сказала слово.

Зорица.

Зачѣмъ же ревновать? Вѣдь я люблю

Тебя, а та любовь,—она иная....

Радиславъ.

Ну да, иная.... Отчего жь тогда

Моей любви ты не хотѣла вѣрить?

Зорица.

Сама не знаю.

Радиславъ.

Ну, такъ я отвѣчу.

Натолковалъ тебѣ что я злодѣй,
 Что гибели твоей хочу, что вздумалъ
 И за мужъ-то отдать, любя насилье,
 Чтобъ дочь родную горемъ одарить...
 Вѣдь говорилъ? Признайся. Что жь молчишь-то
 И ясны очи въ землю олустила?...
 Охъ, доченька!... Охъ, отгадалъ я, видно!

Зорица.

Не вслomorphic ужь, батюшка...

Радиславъ.

Не стану.

А ты теперь... ну, разсуди сама:
 Какая бь жизнь у насъ пошла, когда бы
 Не разошлася свадьба?... Онь тебя
 И погостить ко маѣ не отпускаръ бы...
 Да я бы умеръ съ этакого горя!...

Зорица *ласкаясь*.

Ахъ, милый мой! хорошій, драгоценный!...

Радиславъ.

И женихомъ-то не сумѣлъ стерпѣть!
 На рѣзкое, пусть даже злое слово
 Онь во сто кратъ... Ну, а потомъ тебя
 Сталъ отлучать... и чѣмъ же? Клеветою.
 Да Богъ ужь съ нимъ! Не стану вспоминать.

Зорица.

Нѣтъ, батюшка, не вслomorphic.

Радиславъ.

Не стану.

*(Отходитъ, и садится.)*Зорица, *подходя*.

Ты постарайся и не думать вовсе,—
 И сгладить время мощною рукой
 И рѣзкую обиду, и страданья...
 Ты станешь вспоминать о томъ безъ боли,
 И на него любовиѣ глядѣть.
 И можетъ быть,—но что мечтать заравъ?
 Я лучше ужь порадоюсь лѣтомъ...

Радиславъ, *взявъ ее за руку.*

Теперь съ тобою заживемъ мы миромъ;
У насъ ни ссоры, ни попрековъ глупыхъ...
А время власть возьметъ и надъ тобой.

Зорица.

О, знай: пока тебѣ онъ нелюбъ будетъ,
О свадьбѣ съ нимъ не стану я и думать...
Ахъ! за жестокою мою обиду,
Тебѣ во всемъ, во всемъ я покорюсь...

Радиславъ *сдакивая.*

О, Боже мой!... Чтò, Зорица, съ тобою?
Ты поблѣднѣла вдругъ... и заматалась...
О, Боже мой! Присядь, присядь скорѣй!...

(Усаживаетъ ее.)

Зорица.

Нѣтъ, ничего; я, батюшка, здорова...

Радиславъ.

Такъ и всегда больные говорятъ,
Твердятъ съ упрямствомъ все одно и то же:
„Здоровъ, здоровъ,“ а погладишь, на завтра...

Зорица.

Нѣтъ, батюшка, не бойся за меня.

Радиславъ.

Не мнѣ, кому же за тебя бояться?
Охъ, какъ припомню я съ какой тоскою
Ты мнѣ сказала что покорна будешь
И какъ тебѣ вздохнулося притомъ...
Такъ тяжело, такъ тяжело какъ будто
Оторвалося сердце...

Зорица.

Полно, полно...

Но чтò съ тобою, батюшка? Ты плачешь?...

Радиславъ, *утирая слезы.*

Нѣтъ, Зорица, не плачу я, не плачу...

Зорица, *бросаясь къ нему.*

А слезы по щекамъ бѣгутъ?

Радиславъ, съ испугомъ.

Охъ! успокойся,

Не то олять... Нѣтъ, ты скажи ужь прямо:
Его ты любишь? ты по немъ съ тоски,
Пожалуй, и зачахнешь, и исташь?...

Зорица.

Ахъ, батюшка...

Радиславъ.

Олять тяжелый вздохъ!

Олять такой же... Боже милосердый!..

Нѣтъ, лучше я себя переломлю...

Да развѣ дѣнь я проживу безъ дочки?

И думать вѣкъ что я убилъ ее!..

Зорица.

Да перестань же, батюшка.

Радиславъ.

Нѣтъ, дочка.

Ужь Богъ съ тобой! Ужь я прощу Миленка!

А только ты, голубка, не хвораѣ,

Не смѣѣ хворать... Вотъ и отецъ Ома,

И онъ сказалъ... Нѣтъ, выходи ужь замужъ.

Зорица.

Какъ, батюшка?.. И это правда, правда?

Радиславъ.

Да правда же... Я развѣ лгу когда?

Тогда солгалъ... ну кто же безъ грѣха?

Прости меня, а только будь здорова...

Зорица, обнимая его.

Ахъ, батюшка! какъ ты безмѣрно добръ!..

А я-то, злая, на тебя сердилась...

Радиславъ.

Охъ, доченька, охъ, дочушка моя!.. (Пауза.)

Ну, а теперь ты слушай хорошенько,

Что будетъ, знаетъ Богъ одинъ. Быть-можетъ

И не поладимъ мы съ твоимъ Миленкомъ,

Такъ лучше намъ условиться заранѣ.

Зорица.

О чемъ же, батюшка?

Радиславъ.

А видишь, дочка,
Коль зачашу я къ вамъ, ему конечно
Не по душѣ придется. (*Доуженье Зорицы.*)

Не спорь со мною.

Онъ будетъ вѣкъ коситься на меня,
Онъ не проститъ, обиды не забудетъ..
Такъ ужь я стану вѣдить къ вамъ тайкомъ:
Какъ на охоту онъ и я сейчасъ же..
Ужь я гонцовъ особыхъ заведу
Что мигомъ съ вѣсточкой ко мнѣ прискачутъ.
А чтобъ ему не слишкомъ досаждать,
Я и входить-то въ комнаты не стану
А мы съ тобою гдѣ-нибудь въ саду,
Найдемъ ужь уголокъ такой поглуше,
Куда никто не ходитъ... Чтобъ и слуги
Не видѣли что я къ тебѣ прѣѣхалъ
Да послѣ бы ему не доложили,
А онъ не сталъ бы попрекать тебя...

Зорица.

Нѣтъ, батюшка. Не знаешь ты Миленка,
Не такъ онъ золъ какъ кажется тебѣ.

Радиславъ.

Когда же у тебя пойдутъ дѣтиски,
Ты къ дѣду ихъ почаще отпуская,
Хоть и тайкомъ...

Зорица.

Да нѣтъ же, нѣтъ, голубчикъ!
Я говорю тебѣ: Миленко не такой.

Радиславъ.

Все жь лучше намъ условиться заранѣ
Чтобъ послѣ не тужить. Ну, да довольно.
Ты словъ моихъ, я знаю не забудешь...

Зорица.

О, не забуду, нѣтъ!..

Радиславъ.

Ну, не тревожься,
А то опять какъ давече... Ужь будетъ.

Зорица.

Такъ можно побѣжать? позвать Миленка?

Радиславъ.

Да, позови.

Зорица.

Ужь я его заставаю

Чтобъ на колѣняхъ вымолилъ прощенье...

Радиславъ.

Не надо, нѣтъ! Къ чему? Мы старый соръ
 Перетрахать не станемъ. Пусть войдетъ,
 Какъ будто ничего и не случилось,
 Какъ будто вѣкъ не ссорились мы съ нимъ.

Зорица.

Ахъ, батюшка, такой любви святой
 И доброты какъ у тебя, родимый,
 Ни у кого на свѣтѣ не бывало...

Радиславъ.

Не слгъзь, хвала.

Зорица.

Такъ побѣгу я?...

Радиславъ.

Бѣги.

Зорица, *уплыва.*

Прощай... на самую минутку.

ЯВЛЕНІЕ V.

Радиславъ, *одинъ.*

О, Зорица! какъ любишь ты его,
 Какъ любишь ты!... Проклятье!... И подумать
 Что раньше днемъ, однимъ бы только днемъ,
 И ничего бы не было, и дочка
 Телерь была бы счастлива съ другимъ.
 Но время приготовиться. Сейчасъ
 Онъ съ Зорицей войдетъ, веселый, свѣтлый...
 А я, я долженъ броситься къ нему навстрѣчу
 И шлопать, и милымъ зятемъ звать,
 И обнимать какъ искренняго друга!...
 Нѣтъ, чувствую, какъ только онъ войдетъ,
 Едва заслышу я проклятый голосъ,
 Едва увижу подлое лицо,
 И снова въ сердцѣ всколыхнется злоба,
 И мечь въ груди кроваво забушуетъ!...

Безумецъ я! Безумецъ малодушный!...
 Однимъ, однимъ неосторожнымъ словомъ
 И счастье дочери, и жизнь свою
 Я въ дребезги разбилъ безъ сожалѣнья...
 Мнѣ зятемъ звать, мнѣ обнимать его!...
 Но лишь войдетъ, и затоскуютъ руки,
 И стануть рваться чтобы душить его,
 И бросивъ о земь растолтать какъ гада!...
 О, я убью!... Оломнись, Радиславъ!...
 Умреть она, умреть твоя голубка,
 Единая святыня и отрада,
 И здѣшняя, и будущая жизнь!...
 О, какъ она вдругъ страшно поблѣднѣла...
 А этотъ вздохъ и тяжкій, и глубокій!...
 Казалось сердце нѣжное ея
 Схватила смерть костлявою рукою
 И начала давить, давить, давить!...
 Охъ, доченька... *(Глухо рыдаетъ.)*

Пусть эта мысль о смерти,
 Во всей своей ужасной наготѣ,
 Страшна, въ твоемъ умѣ стоитъ безсмѣнно,
 Какъ грозный ратникъ у воротъ Эдема,
 Какъ Божій ангелъ съ огненнымъ мечомъ,
 Готовый поразить тебя всечасно...

(Пауза.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

РАДИСЛАВЪ, ЗОРИЦА, МИЛЕНКО, ЛУКА, НАСТОЯТЕЛЬ.

Радиславъ.

Миленко!... милый зять мой... здравствуй...

(Силится броситься къ Миленку, но не можетъ и взявъ дочь за руку, подводитъ ее къ нему.)

Вотъ Зорица тебѣ. Владѣй женою.

Миленко.

Спасибо, тесть. За доброту твою
 Я твой должникъ и твой слуга до гроба!

Радиславъ.

Не хвастай, зять. И самъ потомъ увижу.

(Быстро отворачивается и подходит къ Лукѣ съ настоятелемъ.)

Лука.

Ну, кумъ!.. И подивилъ же ты мѣня!
Я зналъ что ты умѣешь быть и храбрымъ,
И гордымъ, а подь часъ пожалуй злымъ;
Ну, а вотъ добрымъ... Объ закладъ побьюся
Что самъ отецъ Ома того не ждалъ.

Настоятель.

О, нѣтъ! ошибся, господарь Лука;
Я въ добротѣ барона былъ увѣренъ.

Радиславъ.

Что жь, Зо... *(Оглядывается въ ея сторону и видитъ что
Миленко утлуется ея; про себя.)*
Цѣдуются!... О, адъ и смерть!...

Лука.

Что жь, кумъ, когда жь у насъ да свадьба будетъ?

Настоятель.

Баронъ! позволь... цль прикажи, сейчасъ же
Я обвѣнчаю ихъ.

Лука.

Слуга покорный!

Шалишь, отецъ Ома! чтобъ я на свадьбѣ
У крестницы своей не лоплясалъ,
Чтобъ я, Лука, да на сухую свадьбу
Согласье далъ?... Шалишь, отецъ Ома.
Такъ какже, кумъ?

Радиславъ.

А крестницу спроси;

По мнѣ хоть завтра, чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше.

Какъ Зорица... *(Опять оглядывается въ ея сторону и ви-
дитъ то же что и прежде, про себя.)*

Опять, опять! Нѣтъ силъ!...

(Вслухъ.)

Что жь, Зорица, пора намъ и домой...

Простася съ женихомъ... Прощай, Миленко...

Ты съ нами, кумъ?... Прощай, отецъ Ома.

Что жь, Зорица?... *(Хочетъ, но ужъ не смѣетъ поглядѣть
въ ея сторону, про себя съ зуботылкою
скрежетомъ.)*

Околдовалъ, проклятый!

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Горный проходъ. Задняя декорация изображаетъ двѣ огромныя, отвѣсныя скалы; межъ ними ущелье; въ ущельи каменный мостъ къ которому ведутъ двѣ, три такія же ступеньки. На сценѣ нѣсколько сосенъ и большихъ валуновъ. Мостъ освѣщенъ мѣсяцомъ; на сценѣ полутьма. Когда сцена пуста, слышно какъ горная рѣчка шумитъ. Слѣва одинъ выходитъ; справа два: въ первую кулису и вдоль задней декорации.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена пуста. Потомъ на мосту показывается ЯНЪ, съ фонаремъ въ рукахъ.

Янъ (*на мосту одинъ*). Ну, вотъ и мостъ. Насилу-то до-тащился. А господарь Лука и за мостомъ еще приказалъ поглядѣть. (*Спускается на сцену.*) Фу, фу, фу!.. и темъ же здѣсь. А еще Марьяна смѣялась: мѣсяцъ на небѣ, а онъ съ фонаремъ! Знаю, знаю я чьи это шутки. Все Карлъ поваръ; вовсе вѣдь испортилъ у меня дѣвчонку. (*Пауза.*) А тутъ господарь Лука кричитъ: „ступай, дорогу осмотри“. Вотъ и иди со свадьбы, и не выпей. А чтѣ ее, дорогу-то, смотрѣть? Дорога какъ дорога. И кто тутъ ходитъ? Только старикъ-дровосѣкъ со своею старухой, да и тѣ вѣрно телерь давно хралать. (*Звѣаетъ самъ.*) Охо, хо, хо!.. И опять кто я? Я стремянной. Почему жь мнѣ приказали дорогу осматривать? Почему не Карлу повару? Такое жь и его, какъ и мое дѣло... Нѣтъ, хочешь дорогу осматривать, такъ ты дорожнаго осмотрщика найми. Правда, и должноети такой нѣтъ, а все-таки найми... Ну, больше я смотрѣть не стану... Ой, словно шаг!.. (*Прислушивается.*) Такъ и есть... Э, э, э!.. чего добраго, еще гайдукъ выскочитъ. Конечно, я и стрѣлять умѣю и пистолетъ у меня заряженъ, а все жь отъ такого народа за мостомъ спокойнѣй. Поиду-ка. (*Всходитъ на мостъ.*) А вѣдь я надрасно трусу спраздновалъ. Никого вѣдь нѣтъ. (*Кричитъ.*) Эй, кто тамъ? Отзовись лучше, не то убью. (*Со страхомъ.*) А какъ и вправду отзовется? Нѣтъ, лучше пойду да господарю Лукѣ доложу что все благополучно.

(*Уходитъ черезъ мостъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Сцена пуста. Рѣчка шумитъ. Потомъ слѣва быстро входитъ РАДИ-
СЛАВЪ, съ ружьемъ на плечѣ.

Радиславъ, *одинъ, остаивающаяся.*

Такъ кажется цду... Даѣ олознаюсь...

Такъ, такъ; вотъ мостъ. Теперь сюда, направо,

Все вдоль горы. Ужь тутъ не далеко,

Нѣтъ ста шаговъ. *(Прислушивается.)*

А ихъ еще не слышно.

Ни выстрѣла... Они еще далече...

Я быстро шелъ и ближнею тропинкой...

А вѣдь они съ привалами да съ пляской...

А какъ я спускъ къ рѣкѣ найду?.. А! помню.

Тамъ двѣ сосны растутъ... а дальше чисто...

И снова двѣ сосны.. Никто не знаетъ

Что можно тутъ къ рѣкѣ спуститься. Самъ

Набрелъ случайно, на охотѣ... Къ рѣчкѣ

Спускаю бережно... Отсюда мѣсяцъ,

А тѣнь отъ моста прямо на меня...

Тамъ камень есть; за нимъ въ тѣни и спрячусь.

(Пауза.)

Узнать нельзя. Я изъ дому ушелъ,

Какъ свадьбу отпустилъ. Мои всѣ люди

Ушли за молодыми, провожать...

А тутъ... э! да пока поидеть тревога

Да надоумятся ко мнѣ гонца послать,

Ужь буду я и дома, и въ постели...

(Больше долгое молчаніе.)

И хорошо что самъ, своей рукою,

И подло мститъ наемною рукою,

И тайна никогда у двухъ не сохранится.

Сегодня надо, именно сегодня... *(Пауза.)*

Какъ я тогда ошибся: думалъ дочка

И въ самомъ дѣлѣ, бѣдная, больная,

А вотъ недѣлю прожила со мною,

Я зорко наблюдалъ,—и тѣни нѣтъ....

(Безпокойно, какъ отъ внезапной мысли.)

Ну, будетъ плакать, рваться; потоскуеть

Да и утѣшится: Разлука хуже.

Разлука злѣй... Въ разлукѣ каждый мигъ
 Намъ вспоминается о миломъ; дума,
 Тоскуя, все къ нему, къ нему стремится.
 А передъ смертію—безвластенъ человѣкъ,
 Онъ съ нею примиряется невольно....
 Похоронили, камень навалили,—
 И какъ ни плачь, а ужъ не встанетъ онъ.
 Тутъ рана глубже, но не такъ опасна:
 Ее ничто не можетъ бередить,
 И заживая тихо, постепенно,
 Она не убиваетъ человѣка. *(Пауза.)*
 А если дочь захочетъ въ монастырь?
 Чтò жь? выстрою вблизи себѣ я домикъ,
 И буду каждый день ходить къ обѣднѣ,
 И видѣть дочь, и цѣловать ее....
 И никакой разлучникъ не отыметъ....
 Ужъ лютый врагъ за нею не придетъ,
 При мнѣ не будетъ цѣловаться съ нею
 И на отца не станетъ клеветать!..
 Такъ; рѣшено. Я долго, долго думалъ,
 И взвѣсилъ все. Нѣтъ, кажется, песчички,
 Ничтожной, мелкой, самой незамѣтной,
 Которой бы не прицалъ я въ расчетъ.

*(Оглядывается на мостъ; потомъ съ
 несказанною тоской.)*

Какъ тамъ свѣтло! какъ радостно и ясно!..
 Какъ тамъ свѣтло.... а здѣсь—какая тьма!..
 Угрюмая, глухая.... Дрожь беретъ....
 Тамъ рай и свѣтъ, а здѣсь и тьма, и демонъ.
 И я разрушу этотъ свѣтлый рай,
 И кровью оболью!.. О, Боже, Боже!..

(Готовъ зарыдать, какъ слѣза голоса.)

Что это? Голоса? сюда идутъ?...
 Они меня увидятъ, и узнаютъ,
 И я погибъ.... Бѣжать? куда бѣжать?
 Имъ можетъ-быть, со мной по дорогѣ....
 Придется ждать.... и олоздаю я....
 Нѣтъ, лучше я къ скалѣ прижмусь вплотную,
 Они пройдутъ и не замѣтатъ даже.
 А если вдругъ.... О! кровь, все кровь, и кровь!

(Поникаетъ головой.)

Старикъ (за сценой). Да ползи же, черепаха.

Старуха (также). Ахъ ты заяцъ быстроногій.

(Радиславъ, вздрогнувъ, быстро идетъ въ глубину.)

ЯВЛЕНИЕ III.

РАДИСЛАВЪ, въ глубинѣ. Слѣва СТАРИКЪ и СТАРУХА.

Старуха. Какъ хочешь, старикъ, а я устала и присяду тутъ.

Старикъ. Какъ хочешь, старуха, а я усталъ, и домой пойду.

Старуха. Да до дому-то еще съ полмили добрыхъ. Лучше присядь.

Старикъ. Нѣтъ, ужь я лучше дома прилягу.

Старуха. Вѣчно ты, старикъ, мнѣ перечишь; никогда-то не уступишь.

Старикъ. Нѣтъ, это ты, старуха, никогда-то не уступишь.

Старуха. Врешь, старикъ. Ужь я-то всегда, всегда.

Старикъ. А я вотъ ни разу не помню, старуха. (Зъвая.)

Ну, да пойдемъ, дорогой доспоримъ.

Старуха. Такъ нѣтъ же, присяду таки. Вотъ взяла да и слѣзла. (Садится на камень.)

Старикъ. А я вотъ взялъ да и пошелъ. (Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и остановился.) Ну, ну, старуха, идемъ же идемъ. Поздно.

Старуха. А кто виновать что поздно?

Старикъ. Время, старуха.

Старуха. Нѣтъ врешь, старикъ,—ты.

Старикъ. Я-то чѣмъ же?

Старуха. У кума засидѣлся.

Старикъ. А ты бы меня понукала.

Старуха. Я сколько разъ говорила: „пойдемъ, старикъ, да пойдемъ“, а ты: „погоди, старуха, да посиди“.

Старикъ. А ты бы встала да лошада. И я бы за тобой.

Старуха. Какже! разведешь васъ съ кумомъ.

Старикъ. Правда, кумъ хорошо разказываетъ, а виноцо у него и того лучше.

Старуха. То-то вотъ и есть что виноцо. (Вдругъ вскакиваетъ и налетаетъ на мужа.) У-у! пьяница бездросыльный!

Старикъ *(наступая)*. Ахъ ты сова бессонная!

(Старуха бѣжитъ отъ него, садится на камень и сердито поворачивается къ нему спиной; старикъ, замѣтивъ это, тоже поворачивается спиной; по молчаніи, зъвая:)

Старикъ. Ну, старуха, пойдемъ.

Старуха *(поворачиваясь къ нему)*. Что жь, мнѣ по твоей милости такъ свадьба и не видать? По мосту свадьба пойдетъ, а я не увижу! Воевода на воеводской дочкѣ женится, а я не увижу?

Старикъ. Эва! чего хватилась. Да свадьба-то давно прошла.

Старуха. Анъ не прошла.

Старикъ. Анъ прошла. Ни въ чемъ-то никогда ты мнѣ, старуха, не уступишь.

Старуха. Я-то вотъ всегда, всегда, а ты-то вотъ никогда, никогда!

Старикъ *(зъвая)*. Ну, пойдемъ, старуха; дорогой доспоримъ.

Старуха *(вставая)*. Ну, ужь я тебѣ, старикъ, этого вѣкъ не забуду.

Старикъ. Не страшно, старуха,—вѣкъ-то твой не дологъ.

Старуха. А твой еще короче, старикъ.

Старикъ. Нѣтъ, твой.

Старуха. Нѣтъ, ужь не спорь: я лучше твоего знаю.

Старикъ. Да почему же ты знаешь?

Старуха. А припомни-ка, какъ мы вѣнчались да изъ церкви пошли—ты первый на порогъ ступилъ. Ну, значить, ты раньше и умрешь...

Старикъ. Нѣтъ врешь, старуха. Да я тебя нарочно у порога тогда толкнулъ легонько чтобъ ты первая; еще ты и слоткалась. Это ужь я какъ сейчасъ помню.

Старуха. Помнишь ты! Гдѣ тебѣ! Столько лѣтъ прошло, а онъ помнитъ.

Старикъ *(вставая)*. Ну, старуха, пойдемъ; дорогой доспоримъ.

Старуха. А вотъ на зло тебѣ не пойду. Вотъ возьму да и саду. *(Съид.)*

Старикъ. Только если тебя безъ меня звѣрь заѣстъ такъ ты на меня на томъ свѣтѣ не пеняй.

Старуха. Станетъ меня звѣрь ѣсть. Вкусъ ему въ старушечьемъ масть!

Старикъ. А не звѣрь, такъ гайдукъ подстрѣлить.

Старуха. Ты меня гайдукомъ, старикъ, не пугай. Я ихъ страсть боюсь.

Старикъ. А я вотъ на бѣду будто одного и вижу.

Старуха (*вскрикивая*). Гдѣ, гдѣ?

Старикъ. Вѣрно стоитъ. Только я подсаблѣ жалко: мѣста-то гдѣ онъ стоитъ разглядѣть не могу, а его-то явственно вижу.

Старуха. Ой, ой!...

Старикъ. Да ты сама логляди.

Старуха. Гдѣ мнѣ глядѣть! Да мнѣ, и глаза зажмура, сто ихъ со страху покажется.

Старикъ. Такъ бѣги же за мной скорѣе, а не то вся сотня въ догонку ударится... А чтобъ тебѣ бѣжать было веселѣй, я тебя подманывать стану.

Старуха. Какъ ты меня подманывать станешь?

Старикъ. Будто ты курочка живая. Я вотъ поѣду да (*отходитъ нѣсколько шаговъ и потомъ нѣжно*) цыль, цыль моя курочка!

Старуха (*осердась*). Ахъ ты лѣтухъ! лѣтухъ пряничный! Кшь, кшь (*махаетъ руками и гонится за нимъ*).

Старикъ (*отходя*). Цыль, цыль, моя курочка.

Старуха (*какъ выше*). Ахъ ты лѣтухъ! Кшь, кшь, прачичный!

(*Съ тѣмъ дразня другъ друга и уходятъ въ первую правую кулису.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

РАДИСЛАВЪ одинъ, выходя изъ гаубицы.

Проклятые глупцы!.. Чуть было мнѣ
 Не помѣшали подвигъ совершить,
 Великій подвигъ: свято дѣло чести
 И освящаетъ мечь. Сейчасъ ты думалъ
 Что свѣтлый рай зальешь нечистой кровью,
 А въ сущности на чтѣ ты посягаешь?
 Чтѣ разобьешь могучею рукой?
 Такую жь жизнь какъ этихъ стариковъ:
 Они вѣдь тоже съ молодю любили
 И были счастливы... Такъ и твои:

Ихъ свѣтлая мечта и грезы счастья
Такой же станутъ пошлостью безмѣрной..

(За сценой нѣсколько выстрѣловъ.)

Чу, выстрѣлы! все ближе, ближе!
Встрахнись же, Радиславъ! И съ бодрымъ сердцемъ!..
Какая бь сила ни пришла на помощь,
Свѣтла какъ рай или мрачна какъ адъ,
Не дрогни духомъ и сверши безъ страха
Законную и праведную мечь!

(Быстро уходитъ въ глубину направо.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Одеса пуста. Рѣчка шумитъ. На мосту показывается ПЕТКО, за нимъ ЛУКА; потомъ въ указанномъ мѣстѣ ЗОРИЦА, МИЛЕНКО, ЯНЬ и вся свадьба.

Лука. Эй, никто не смѣй пока до приказа на мостъ всходить, кромѣ Петка-вотъ. Кто на конѣ, слѣвѣсь! Тутъ конной дороги нѣтъ. Конная дорога вправо пошла, великъ объѣздъ. А кто хочетъ на конѣ, въ объѣздъ ступай. А мы прямо въ гору полѣземъ. *(Пожалуйста:)* Эй, слуги-вассалы! слушайте моего приказа. Какъ молодымъ на мостъ всходить, плотной толпой окружите ихъ, идите вокругъ живою стѣной. Чтобъ сквозь вась звѣрь не прорыскалъ, ни птица не пролетѣла. Эй слуги-вассалы! слышите ли меня?

Слуги *(за сценой)*. Слышимъ, господарь Лука.

Лука. Ну, трогайся теперь. Съ факелами впереди, а тамъ музыканты, а тамъ поѣзжаме, а тамъ молодые съ вассалами. Да стрѣлять пока, до моего приказа никто не смѣй. Эй, Петко! гдѣ жь ты, Петко? Я велѣлъ тебѣ подлѣ себя быть.

Петко. Здѣсь я, свади тебя, господарь Лука.

Лука. Ну, ну, Петко, идемъ, идемъ. У тебя, Петко, глаза зорче моихъ, ты на мостъ глядѣть будешь да мнѣ говорить кто черезъ мостъ идетъ. *(Спустились на сцену.)*

Петко. Хорошо, господарь Лука. *(Оба идутъ къ авансценѣ.)* А для чего ты вассаламъ приказалъ вокругъ идти? Развѣ опасенъ мостъ?

(Черезъ мостъ начинается шествіе въ указанномъ Лукою порядкѣ и соответственно нислѣдующимъ репликамъ.)

Лука. Опасенъ ли мостъ? Всякій мостъ опасенъ. А этотъ хуже другихъ.

Петко. Развѣ преданіе есть?

Лука. Есть, Петко. Давно, Петко, когда еще ружей на свѣтъ не было, а стрѣлами стрѣлали, также вотъ свадьба черезъ этотъ мостъ шла. И угодила стрѣла молодому князю въ високъ. Дядь мнѣ сказывалъ.

Петко. Да у Миленка, господарь Лука, и враговъ нѣтъ.

Лука. У него нѣтъ, у ея отца есть. Кто скажетъ: кто ему другъ и кто врагъ? Злые люди есть. Ты и не думалъ что обидѣлъ, а онъ обидѣлся. А пусти пулю изъ-за камня, она любаго убьетъ. Что жь, Петко, идутъ?

Петко. Идутъ, господарь Лука; съ факелами прошли ужь и музыканты прошли. Теперь лѣвжане идутъ...

Лука. Ну, я глядѣть не буду. Глазъ у меня, говорятъ, завистливый. Лучше я глаза вовсе закрою.

Петко. И закрой лучше, господарь Лука.

Лука (*закрываетъ глаза*). И лицо руками?

Петко. И лицо руками закрой.

Лука (*закрываетъ лицо руками*). Что жь, Петко, идутъ ли?

Петко. Идутъ, идутъ, господарь Лука. И молодые на мосту; на серединѣ ужь...

Лука. А вассалы вокругъ?

Петко. Живою стѣной, господарь Лука. А вотъ и спускаются. И сошли ужь...

Лука. Всѣ ли перешли?

Петко. Всѣ, господарь Лука.

Лука. А теперь слушайте: привалъ у насъ здѣсь будетъ, только носатый ужь. А подкрѣпитесь, свадьба веселая. А вылей, всѣ вылей. (*Слуги податъ вино изъ янговъ въ чарки и кружки и разносятъ*.) Кто лѣтъ будетъ—для голоса, кто плясать—для ногъ, а кто ни лѣтъ, ни плясать—тотъ для веселья свадебнаго. Чтобы всѣ были веселы, чтобы всѣ помнили какъ старый Лука крестницыну свадьбу велъ!

Хоръ. Будемъ помнить, господарь Лука.

Лука (*съ чаркой въ рукахъ*). А разомъ телеры! (*Выпиваетъ и естъ за нилъ*.) А слава молодымъ...

Хоръ. А слава, слава! Живи, князь молодой, живи съ молодою княгиней!...

Лука. А теперь слѣтъ бы да полаясать: мѣсто тутъ гладкое.

Петко. А и ты бы проплясалъ, господарь Лука.

Лука. Эхъ, проплясалъ бы я тебѣ и еще какъ лихо проплясалъ, да только ноги меня не слушаютъ.

Петко. А говорятъ ты и съ молоду всего разъ плясалъ?

Лука (*съ великимъ задоромъ*). А кто смѣетъ говорить что я съ молоду всего разъ плясалъ?

Петко. Да и то, говорятъ, на первомъ же шагѣ слоткнулся и упалъ.

Лука (*еще задорнѣе*). А кто смѣетъ говорить что я на первомъ же шагѣ слоткнулся и упалъ?

Петко. Ну, господарь Лука, теперь и я вижу что ты веселъ.

Лука (*тише, но еще съ задоромъ*). А почему ты видишь что веселъ я?

Петко. А потому что изъ пустяковъ въ задоръ вошелъ. Ужь мы знаемъ—какъ ты въ задоръ, и говоримъ сейчасъ: „ну, и веселъ же вынче господарь Лука.“

Лука (*грозя пальцемъ*). Ну, ужь ты мнѣ, Петко! (*Пауза*.) Ну!

Хоръ (*одни*). Ну, ужь Петко! (*Пауза; другіе:*) Ну!...

Лука. А плясать, такъ плясать. И подъ лѣсню, непременно подъ лѣсню!... Эй, музыканты! полно вамъ дремать. А вы, скрипачи, приударьте въ смычки! чтобы струны у васъ перепилились! Вы, бубенщики, пальца не жалѣйте, да и бубна тоже; чтобъ на томъ и на другомъ по мозолю вскочило. Вы, дудари, такъ дудите чтобы завтра у васъ губы распухли! А вы, трубачи, дуйте сильнѣй, пусть ее, мѣдь, долбаетъ. Пусть помнятъ всѣ какъ старый Лука крестницу на свадьбу велъ.

(*Пляска подъ лѣсню.*)

ПѢСНЯ.

Какъ вѣчался ясный мѣсяцъ
Съ алою зарею;
Съ алой зорькою вечерней,
Съ солнцевой сестрою.

А же мѣсяцъ то вѣчался
Съ алою зарею;
То вѣчался нашъ Миленко
Съ Зорицей-красою.

Какъ у ворушки на свадьбѣ
Звѣзды подкутили;
Ночью, падая на земаю,
Небо бороздили.

Какъ у Зорицы на свадьбѣ
Пиръ стоялъ горою;
Шли домой мы спотыкаясь
За хмѣльнымъ Лукою.

Лука. А славная лѣсня, веселая лѣсня. И вотъ объ закладъ побьюсь что не кто иной, а Петко сложилъ ее.

Петко. Не бейся, господарь Лука, проиграешь: всѣ вѣдь, кромѣ тебя, знаютъ что некому кромѣ Петка лѣсни сложить. *(Смѣхъ.)*

Лука. Хорошая лѣсня, и ловко подъ нее пляшется.

Петко. А ты когда же плясаль, господарь Лука?

Лука. А сейчасъ, Петко, сейчасъ; только я не ногами, а въ головѣ, въ головѣ.

Петко. Жаль что у тебя въ головѣ оконца нѣтъ, а бы подглядѣлъ. *(Смѣхъ.)*

Лука *(вдругъ спохватясь)*. Стой! а гдѣ же мѣсяцъ.

Петко *(съ крикомъ)*. Ой, бѣда, бѣда, бѣда!...

Хоръ *(съ разныхъ сторонъ)*. Какая тамъ бѣда?

Петко. Господарь Лука мѣсяцъ потерялъ.

Лука. Ахъ, зубоскалъ, зубоскалъ! Потерялъ! Развѣ онъ у меня въ карманѣ былъ?

Петко. Такъ съ чего же ты взыскался его?...

Лука. А съ того что надо намъ чтобъ онъ прямо противъ ущелья сталъ да намъ свѣтилъ. Въ гору темно идти.

Петко. Правда, вотъ еслибъ подъ гору, мы и въ лотьяхъ бы скатились. *(Смѣхъ.)*

Лука. А кто виноватъ? Радиславъ виноватъ. Жаль, вишь, ему было дочку рано отпустить: „Не ловко еще да услышите, а и опоздаетесь, такъ сегодня дорога свѣтлая: еще и солнце не зайдетъ, какъ мѣсяцъ встанетъ. *(Мѣсяцъ всходитъ противъ ущелья.)*

Зорица. А вотъ и мѣсяцъ!.. Миленко, Миленко! погляди какъ чудесно! *(Подходя къ Лукѣ.)* Крестный, крестный! а съ мосту теперь, я думаю, и домъ нашъ видѣть и море....

Лука. Все, все видно и домъ, и море. И какъ асмо еще: все равно какъ на ладоши.

Зорица. Ахъ! я побѣгу, попрощаюсь съ морюшкою. Крестный, крестный! позволь мнѣ съ моремъ попрощаться.

Лука. Ну! вотъ еще что вздумала.

Миленко. Отчего же ты не позволяешь? Позволь, Лука.

Лука. А ты балуй съ перваго же дня жену; она и ступить тебѣ башмакомъ на голову.

Зорица. Давай, Миленко, руку. Побѣжимъ, пока крестный не оставилъ. (*Взявши за руку бѣгутъ къ мосту.*)

Лука. Ну, знай я что ты такая своеправная выйдешь, я бы и крестить тебя не сталъ.

Петко. А до крестить, господарь Лука, она смиренная была?

Лука. Такая-то смиренная: голоса не слышать...

Петко. А какже говорить что она тебѣ на крестинахъ большой палецъ укусила?

Лука (*задрно*). А кто смѣетъ говорить что она мнѣ на крестинахъ большой палецъ укусила?

Петко. Да услокойся, господарь Лука, всѣ вѣдь кромѣ тебя знаютъ что ей тогда и кусать было нечѣмъ.

Лука (*ударивъ себя по лбу*). Ахъ, да! Ну, ужь Петко. (*Пауза.*) Ну!

Хоръ (*одни*). Ну ужь Петко. (*Пауза; другіе*) Ну!...

Зорица (*на мосту*). Ахъ, какъ хорошо-то, какъ хорошо!...

Прощай, синее морюшко! долго теперь не увижу тебя. Увезетъ меня мужъ въ горюшки, въ высокія, далекія, непривѣтныя. Кто жь теперь на тебя, морюшко, полюбуется? Любила я тебя бурное, любила я тебя свѣтлое. Не забывай меня синее морюшко! А пришли ко мнѣ съ телатымъ вѣтромъ вѣсточку, постучи въ окно шумнымъ дождичкомъ!

Лука. А хорошо прощается молодая съ морюшкою. А хорошо вѣдь.

Хоръ (*одни*). А хорошо вѣдь. (*Пауза; другіе*) Да, хорошо.

Петко. Хорошо-то хорошо, только не весело.

Зорица. Прости и ты, домъ родительскій!... Ахъ, погляди, погляди, Миленко. Вонъ, вонъ ларусъ бѣлѣтъ. Вонъ тамъ, вѣво, гдѣ домъ мамъ стоитъ. Видишь?

Миленко. Какже я увижу когда ты у меня предъ глазами головой вертишь да рукою машешь.

Зорица. Ну, такъ ты стань впередъ. (*Миленко становится впередъ.*) А теперь видишь? видишь, Миленко?

Миленко. Да не держи ты меня за плечи; мѣшаешь вѣдь.

Лука (*ударивъ руками о полъ*). Ну, поссорятся они у меня тамъ изъ-за ларуса. (*Про себя.*) А все мостъ, проклятый мостъ.

Зорица. Что жь, видишь?

Миленко *(выступая вперед)*. Ничего-то я не вижу.

Зорица. Да зачѣмъ же ты даѣво гадишь. Сидишь какой! Онъ вправо теперь перешелъ. Вонъ, вонъ, гледи...

Миленко. А! далече, далече. Теперь вижу, да...

(Въ это мновенье раздается справа выстрѣлъ; Миленко шатается, хватается за перила и цуголъ падаетъ на колѣны.)

Лука. Кто смѣлъ стрѣлять безъ моего спроса?

Зорица. Миленко! что съ тобой? Ахъ, Боже! Кровь, кровь! Сласите, помогите!

(Все бросаются на помощь.)

Лука *(оставаясь на мѣстѣ)*. Куда вы всѣ лобѣжали? Назадъ, назадъ!... Только толкотня будетъ. Больше пяти человекъ на мостъ не входи. Больше пяти не смѣй. Да Петка слушайте! Пусть у васъ Петко большимъ будетъ. *(Исполняется; Миленко поднимаютъ и затѣмъ тихо и бережно несутъ.)* А вы... ну, хоть вы трое; бѣгите сюда-вотъ. *(Указываетъ на первую правую кулису.)* Тысячи шаговъ не пробѣжите какъ наткнетесь на домъ. Дровосѣкъ живеть...

Трое. Знаемъ, господарь Лука.

Лука. Носилки у него спросите. Да гдѣ у него носилкамъ быть!... Вы лучше скамью возьмите; такая широкая у него скамья на которой спитъ онъ; на ней и спесемъ. Скажите господарь Лука приказалъ; онъ знаетъ.

Трое. Слушаемъ, господарь Лука.

Лука. Бѣгите же, бѣгите!

(Убѣгаютъ.)

Зорица. Нѣтъ, нѣтъ, не отталкивайте меня. Я сама, я сама голову ему поддержку.

Лука. Эй, гдѣ ты, Янъ?

Янъ. Здѣсь, господарь Лука.

Лука. Скорѣй кружку вина нацѣди да мнѣ подашь какъ спрошу. *(Несущимъ Миленка:)* Сюда, сюда, на этотъ камень посадите его. Плащомъ, плащомъ кто-нибудь хододный камень прикрой. *(Исполняется; Миленка сажаютъ на камень.)*

Зорица.

Ахъ, крестный, помоги! Скорѣй, скорѣй!...

Лука.

Эй, Янъ! гдѣ ты? давай сюда вино.

(Янъ подаетъ; Лука поитъ Миленка.)

Лука.

Миленко, пей до дна. Водѣ ставешь.
Не бойся... Ну, а рана?... Что? лустая?

Миленко.

Гдѣ, Зорица?

Зорица.

Я здѣсь, мой милый.

Миленко.

Стань противъ.... Видѣть я хочу тебя....

*(Зорица становится подлѣ Миленка
и впереди; Лука переходитъ на ея
лѣсто и сзади поддерживаетъ ра-
ненаго.)*

Миленко.

Клянися, Зорица, что если я умру,—
Ты отомстишь.

Зорица.

Ты не умрешь, мой милый...

Нѣтъ, никогда...

Миленко.

Клянись что если...

Лука, Зорица.

Не слось. Не раздражай его. Опасно.

Миленко.

Что кто бы ни былъ онъ, убійца подлый,
Ты отомстишь за мужа...

Зорица.

О, клянусь!

Клянусь спасеніемъ моей души,
Клянуся всѣмъ что на землѣ мнѣ свято.
Клянуся нашею любовью, милый,
Клянусь твоимъ отъ раны исцѣленьемъ
Что если ты умрешь, то кто бъ ни былъ онъ
Убійца подлый твой, своей рукою
Я отомщу.

Миленко.

Спасибо и.... прощай.

*(Заваливается назадъ; Лука и Петко
поддерживаютъ его.)*

Зорца.

Опять съ нимъ обморокъ. Да помоги же.

Ахъ, крестный, помоги.

Лука.

Сейчасъ...

*(Ощупываетъ руки и лицо
Миленка.)*

Постой, постой!... Скончался.... De profundis....

(Всѣ склоняютъ колѣни.)

Зорца.

Не можетъ быть! О, Боже! нѣтъ, онъ живъ!

Проспись, пробудися, мой Миленко....

*(Съ рыданіемъ бросается на колѣни
передъ трупомъ и цѣлуетъ ему руки,
припадая къ нимъ головой.)**(Занавѣсъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Декорація перваго акта.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЛУКА сидитъ у стола въ задумчивости, передъ нимъ кубокъ вина;
изъ входныхъ дверей, РАДИСЛАВЪ.Радиславъ, *входя*.

Лука! или ты заснулъ?

Лука.

Нѣтъ, Радиславъ.

Ты думаешь что я сижу за кубкомъ.

Такъ и заснулъ?... Нѣтъ, я давно не сплю,

Съ той самой ночи.... Ну, а ты.... хоть вынче

Узналъ ли что-нибудь?

Радиславъ.

Какъ въ воду кануль.

Не здѣшній, думаю. Покойный зять

Въ Италіи такъ долго жилъ: былъ молодецъ

И дерзокъ на языкъ, и неуступчивъ.

Ну, что жь мудренаго что выпла ссора,
 А тамъ вражда и мечь? А Итальянды —
 Премстительный народъ; къ тому же любятъ
 Мстить не своей, наемною рукою;
 Оттуда, вѣрь, убійца былъ подосланъ.
 А какъ узнать кто онъ? Въ Трогирь что день
 На корабляхъ приходитъ тьма народу....

Лука.

Нѣтъ, кумъ, не такъ. Не можетъ быть. Убійца
 Навѣрное былъ здѣшній, не прѣзжій.

Радиславъ.

Ты думаешь?

Лука.

Я вотъ сейчасъ сидѣлъ

Да и раздумался. И мало здѣшній,
 Онъ близкій человекъ, такой который
 И въ домъ у тебя бывалъ не разъ
 И знаетъ Зорицу: примѣтилъ даже
 Ея всѣ свѣчаи, обычаи, привычки.
 Будь онъ наемный, онъ въ толпу стрѣлялъ бы,
 Онъ лулю на удачу бы пустилъ:
 Попала бъ такъ попала. А не то
 И вовсе бы не сталъ стрѣлять на свадьбѣ,
 А выждалъ до другаго дня. А этоть,
 Онъ словно ждалъ, заранѣ былъ увѣренъ
 Что крестница опять на мостъ взойдетъ,
 Что взманится она еще разочекъ,
 На домъ родительскій взглянуть...

Радиславъ, *въ сильномъ волненіи*
съ движеніемъ.

О, Боже!..

Лука *вскривъ на него глаза.*

А!.. что ты, кумъ?

Радиславъ.

Разволновалъ меня...

Но кто жь изъ близкихъ? на кого подумать?

Лука.

Вотъ думаешь, и не приходитъ въ умъ,
 А послѣ вдругъ и вспомнится нечаяно.
 Ужъ только бъ мнѣ узнать, его на мѣстѣ
 Я положу какъ бѣшенаго пса.

(Пауза.)

Радиславъ, *спокойно*.

Не можетъ быть чтобъ близкій... Гдѣ же дочка?
Иль у себя?

Лука.

Да, на верху. Охъ, и забылъ я:
Отецъ Оома съ часъ времени прѣхалъ.

Радиславъ.

Ну, слава Богу... Дастъ Господь, поможетъ...
Въ Венеціи такихъ врачей не сыщешь...
Ты съ нимъ не говорилъ?

Лука.

Онъ какъ прѣхалъ,
На верхъ прошелъ, и не сходилъ еще.
Да что! не врачъ тутъ нуженъ, кумъ...

Радиславъ.

А кто же?

Лука.

Найдемъ убійцу, и здорова будетъ.
А не найдемъ...

Радиславъ.

Ты думаешь?

Лука.

Еще бы!

Съ того вѣдь и тоска... Но тс!.. они...

ЯВЛЕНІЕ II.

ТВ ЖЕ; изъ внутреннихъ дверей ЗОРИЦА, опираясь на руку НА-
СТОЯТЕЛЯ.

Радиславъ *взявъ ее подъ другую*
руку.

Что, Зорица? полегче ли тебѣ?..
Хоть крошечку?.. Рукой махнула,
И только-то? Прости, отецъ Оома

(Зорицу усаживаютъ въ кресло.)

И здравствуй-то сказать не догадался...
Ну что? утѣшишь ли меня? Вѣдь скоро
Она оправится, и намъ?...

Настоятель.

Баронъ,

Она больна не тѣломъ, а душою,

Радиславъ.

Но ты тѣлесный и духовный врачъ...

Зорица, *нетерпливо*.Ахъ, батюшка! да что же ты не скажешь,
Узналъ ли ты хоть мынче что-нибудь?..

Радиславъ.

Нѣтъ, ничего... Какъ будто въ воду кануль.

Зорица.

Сегодня ровно двадцать девять дней,
Тридцатый день пошелъ... Нѣтъ, дурно, вяло,
Какъ будто не хотя, отецъ, ты ищешь...
О, Господи! зачѣмъ я такъ слаба?
Сама съ тобою я пошла бы всюду,
Я каждый домъ въ Трогирѣ осмотрѣла бѣ,
Я заглянула бѣ въ каждый уголокъ...
Онъ не прошелъ бы мимо незамѣтно...
Какъ ни скрывается, я его узнаю;
Мнѣ сердце вѣще сейчасъ подскажетъ:
„Глади, вотъ онъ. Вглядись въ его глаза,
Въ его лицо, въ змѣвную улыбку“...

Настоятель.

Ахъ, Зорица! Иль вовсе ты глуха
Къ святымъ словамъ?

Зорица.

Я поклялася мужу

Что отомщу своей, своей рукой...

И кто бы ни былъ онъ...

Настоятель.

Но твой Миленко

Стоитъ теперь передъ престоломъ Божьимъ
И, духомъ просвѣтлѣвъ, онъ видитъ съ грустью
Что ты забыла заповѣдь Христа.

Отъ вѣка мщенье—мерзость передъ Богомъ.

Нѣтъ мстителю покоя на землѣ

И не узнаетъ онъ его за гробомъ.

Господь сказалъ въ пустынѣ Моисею:

„Отмщенье—мнѣ. Я отомщу“.

(Молчаніе.)

Зорица.

Толкують

Что женщины лукавы и хитры...
 Зачѣмъ же я проста и прямодушна?
 Зачѣмъ меня ты обдѣлалъ, о Боже?
 Зачѣмъ не создалъ съ хитрою душой?
 О! я давно придумала бы средство
 Какъ отыскать убійцу...

Настоятель.

О! стыдись;

Стыдися, Зорица!

Зорица.

Да, я стыжуся

Что малодушно покорилаь горю,
 Что я слаба, бессильна и хила,
 Что не могу такъ пропитаться злобой
 Чтобъ позабыть про все, про все на свѣтѣ
 И помнитъ только о великой клятвѣ
 Которою я мужу поклялась. *(Встаетъ.)*
 Нѣтъ, стыдно мнѣ! Дай, крестный, руку!
 Пойдемъ искать, пойдемъ искать повсюду.
 О! равьше я не ворочусь домой,
 Пока не отомщу. *(Дѣлаетъ шагъ и шатается.)*
 О, Боже, Боже!

Радиславъ *(подхватывая ее)*.Что, Зорица, съ тобой?... *(Ее сажаютъ.)*

Зорица.

Мнѣ дурно, дурно!

Ахъ! смерть моя пришла.

Радиславъ.

Отецъ Ѳома!

Да помоги же...

Настоятель.

Гдѣ страдаетъ духъ,
 Бессильна тамъ врачебная наука.

Лука.

Стой! гдѣ вино? *(Поднося кубокъ Зорицѣ.)*

Пей, Зорица, до дна.

Вино бодрить; вино тебѣ дастъ силу.

Зорица, ѿѣтъ.

Я вылью все.

Лука.

А тамъ... идемъ со мною.

О! я найду проклятаго убійцу,

Не скроется.

Радиславъ, *про себя.*

Ей лучше. Слава Богу!

Зорица.

Ты помнишь, крестный, какъ жаль его.

Такъ и меня ты напоилъ предъ смертью.

Радиславъ.

О, Господи, неужто жь средства нѣтъ?...

Зорица.

Есть, есть отецъ... Но ты меня не любишь.

Оно въ твоихъ рукахъ... но ты не кончишь.

А зятя не любилъ ты никогда...

Да и моя любовь къ нему винтожна!

Одинъ лишь графъ любилъ его безмѣрно,

Не сталъ онъ ждать какъ похоронять сына,

Душой помчался за его душою.

Радиславъ.

Какое жь средство, Зорица?

Зорица.

Какое!...

А сколько разъ тебѣ я говорила?

Но ты былъ глухъ къ моей тоскѣ и стонамъ...

Ты разлюбилъ, ты не любилъ меня.

Радиславъ.

Клянусь живымъ и всемогущимъ Богомъ,

Угодникомъ Господнимъ Николаемъ!...

Зорица.

Нѣтъ, не клянись. Сыщи, сыщи его...

Повѣрь что и на часъ во мнѣ нѣтъ жизни,

Но лишь найдешь, я встану и пойду.

До Рима я лѣшкомъ дойду. Нѣтъ, дальше,

На край земли, лишь только бѣ отомстить.

Радиславъ.

Отецъ Оома!.. скажи, возможно ль это?
Возможно ли такое исцѣленье?

(Бросаясь предъ нимъ на колѣни.)

У ногъ твоихъ, съ горячими слезами,
Молю: скажи и исцѣли мнѣ дочь.

Настоятель.

Встань, встань, баронъ. *(Пауза. Тотъ встаетъ.)*

Безсилень я предъ Богомъ,

Я не владѣю даромъ исцѣленья...

Я говорилъ и повторяю снова

Что дочь твоя больна душой, не тѣломъ.

Когда она отъ мщенья отречется

И, проклиная мерзостную злобу,

Омоетъ грѣхъ слезами покаянья,

Тогда она и духомъ обновится,

И станетъ вновь здорова, и бодра.

Зорѣца.

Не вѣрь ему, отецъ! Лишь сладость мщенья

Мнѣ душу оживить.... О! ты узналъ, узналъ?

Давно узналъ, но все скрывалъ, боялся

Что я умру отъ трепета волненья?..

Радиславъ.

Скажи жь, отецъ Оома...

Зорѣца.

Оставь его.

Ты хочешь доказательства? Гляди же!

Лишь мысль что близится минута мщенья,

И я здорова. *(Встаетъ и идетъ.)*

Погляди, иду;

Иду одна и твердо, не шатаюсь.

Дай въ руки мнѣ такую тяжесть

Что и мушкетръ будетъ не подъ силу,—

Я лодыму легко, одной рукою!..

Радиславъ.

Такъ знай же, дочь, я отыскалъ убійцу.

Зорѣца.

О! гдѣ жь онъ, гдѣ?

Радиславъ.

Онъ здѣсь, передъ тобой...

Убийца—я.

Зорица, *бросаясь къ нему на грудь.*

О! не повѣрю, милый!

Чтобъ дочь спасти, ты принялъ на себя...

(Цѣлуя его.)

О, милый мой! Родной, святой, великій...

Радиславъ *(отстраняя дочь).*

Нѣтъ, отойди. Нѣтъ, не цѣлуй меня.

Я говорю что я убилъ Миленка.—

Кого онъ въ жизни люто оскорбилъ,

Кого онъ клеветою обезчестилъ,

Въ твоихъ глазахъ, въ твоихъ, моя голубка?

Зорица *(отступая въ ужасѣ).*

Я не повѣрю, нѣтъ!...

Радиславъ.

Спроси Луку...

Онъ мнѣ недавно, предъ твоимъ приходомъ,

Сейчасъ лишь толковалъ онъ что убийца

Не посторонній, близкій человекъ.

И какъ меня волненье охватило!

• Онъ вскрикнулъ „а!“ какъ будто въ то мгновенье

Сказать хотѣлъ: „а! знаю: это ты“.

Скажи жь, Лука!...

Лука.

О, Боже милосердый!...

Радиславъ.

Онъ отвернулся, онъ лицо закрылъ,

Онъ въ очи мнѣ теперь взглянуть страшится.

Вотъ пистолеть. Я положу на столъ.

(Исполняетъ.)

Возьми его неженскою рукою

И цѣлься смѣло, не дрожа душой.

Я стану здѣсь, я на колѣни стану

Чтобъ ты могла мнѣ выстрѣлить въ упоръ;

Сюда, въ високъ. *(Опускаясь на колѣни.)*

А чтобъ ты не смутилась

Моимъ прощальнымъ взглядомъ, иль улыбкой,

Лицо закрою... твои же руками

Которыми Миленкѣ отомстилъ.

(Закрываетъ лицо руками.)

Н а с т о я т е л ь .

О, Зорица! молись, молись усердно!
Господь тебѣ пошлетъ благую мысль.

(Опускаясь на колѣни.)

О, Господи! Услышь мою молитву:
Не дай мнѣ быть свидѣтелемъ грѣха,
Великаго грѣха отцеубійства.

(Поникаетъ головою; затѣмъ тихо подымается во время слѣдующей рѣчи Зорицы.)

З о р и ц а , *(опускаясь на колѣни.)*

О, Господи! склоняюсь ницъ, Всесильный,
Передъ Тобой скорбящею душою.
Прости мнѣ грѣхъ и... укрѣпи меня.

(Встаетъ и идетъ къ столу.)

Н а с т о я т е л ь .

Встаетъ... И пистолеть взяла, не дрогнувъ....

З о р и ц а .

Отецъ! прости меня, какъ я тебѣ
Убійство мужа моего прощаю.

(Застрѣливается.)

Р а д и с л а в ъ , *оскакивая съ колѣнъ.*

Убилъ! *(Въ ужасѣ сторонится отъ трупа.)*

Я дочь убилъ!.. Но кто же, кто же

Мнѣ отомстить за всѣ мои убійства?...

Пойду ль къ его я братьямъ,—не повѣрятъ;

Нѣтъ, не повѣрятъ... Скажутъ: помѣшался....

Такъ дикъ и золь мой грѣхъ безчеловѣчный!...

Лука! ты обѣщалъ, ты заклинался

Что только бы узнать тебѣ,—на мѣстѣ

Его убьешь какъ бѣшеннаго пса.

Не бойся же, убей!...

(Лука беретъ за ручку пистолета.)

Н а с т о я т е л ь .

Остановись, Лука!

Надъ нимъ свершилося Господне мщенье,

И ты на Господа не воздымай руки!

(Лука опускаетъ руку.)

Радиславъ.

Ты не убьешь? (*Лука отворачивается.*)

И не найду я смерти?...

Иль какъ у Каина, всецильный Мститель

И на моемъ челѣ поставилъ знакъ

Чтобъ человекъ не смѣлъ ко мнѣ коснуться?

И мнѣ ни злобы, ни любви... ни смерти!...

(*Съ благоговѣніемъ опускаясь на колѣни передъ трупомъ дочери.*)

О, Зорица! я вѣрю всей душою

Что искренно меня простила ты.

Моли же Господа святой душою

Чтобъ смерть послалъ онъ твоему отцу,

Не мирную, постыдную, такую

Чтобъ и подумать было страшно людямъ,

Но только смерть, но только смерть.

(*Приподымая отъ полу ее голову.*)

Ты слышишь?

О, доченька! о дочушка моя!

(*Съ рыданіемъ целуетъ ее въ мертвые губы.*)

Д. АВЕРКІЕВЪ.

АРХИМАНДРИТЬ ПИМЕНЪ

НАСТОЯТЕЛЬ НИКОЛО-УГРЪШСКАГО МОНАСТЫРЯ *

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

(1810—1880)

VI.

Кончина Александровой (1862); ея характеръ, отношенія между нею и отцомъ Пименомъ; ея прошлая жизнь, перемѣна по смерти мужа; послѣднее время жизни, погребеніе.—Поминовеніе Александровыхъ; уваженіе отца Пимена къ ихъ памяти.—Наводненіе на Угрѣшѣ отъ промытой плотины.—Кончина отца игумена Иларія—схіеромонаха Иліи; его письма къ отцу Пимену.—Возобновленіе Московскаго Вознесенскаго монастыря, подъ наблюденіемъ отца Пимена.—Болезнь Куманича, его обѣщанія для Угрѣши; кончина его и погребеніе.—Его завѣщаніе письменное и словесное.—Исполнители оного.—Открытіе въ 1866 народнаго монастырскаго училища.—Записка о подначальныхъ составленныхъ отцомъ Пименомъ.—Угрѣшскій казначей Сергій назначается строителемъ Старо-Голутвина монастыря.—Послѣднее свиданіе съ митрополитомъ. Извѣстіе о его кончинѣ, погребеніе; описаніе оного по запискамъ отца Пимена.—Впечатлѣніе произведенное на Москву кончиной митрополита Филарета.

I.

Кончина Александровой, Марьи Григорьевны, первоначальной благотворительницы Угрѣши, послѣдовала 15 апрѣля 1862 года. По смерти своего мужа, по духовному его завѣщанію, она получила всего только 20 тысячъ и движимость, что въ сравненіи съ ея прежнимъ изобиліемъ и излишествомъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 12й 1880 и №№ 10 и 12й 1881 года.

были, можно сказать, мелкія крупицы; но она осталась этимъ вполне довольна и никогда не пороптала на своего мужа и не упрекала его что онъ оставилъ ей недостаточно или мало.

По происхожденію своему Персіанка (т. е. отецъ ея былъ Персіанинъ), она имѣла порывы характера необузданнаго, раздражительнаго, сварливаго, отчего мужъ ея не мало и нередко терпѣлъ; не мало бурь и огорченій пришлось отъ нея переносить и отцу Пимену, но какъ монахъ, какъ настоятель обители обязанной всѣмъ ея мужу и ей и какъ человѣкъ умѣвшій цѣнить благодѣянія, онъ кротко и благодушно претерпѣвалъ оскорбленія Бога ради, не безъ нѣкотораго смущенія, будучи также довольно раздражителемъ и весьма впечатлителемъ. Ее разстраивали иногда бездѣлицы, которыя порождали невообразимыя бури раздражавшія надъ увѣчнымъ ея мужемъ и надъ отцомъ Пименомъ, иногда вовсе не виновнымъ. Такъ однажды, вслѣдствіе одного письма (въ которомъ ее извѣщали о смерти ея брата, и которое Александровъ прочитавъ отдалъ отцу Пимену и велѣлъ послѣ своего отъѣзда съ Угрѣши ей передать), она пришла въ такое раздраженіе что тотчасъ уѣхала съ Угрѣши и мало того что архимандрита разбранила самыми обидными словами, до того на него озлобилась что не пускала его къ себѣ болѣе полугода.

— Чтобы ты съ женой помирился, говаривалъ неоднократно Александровъ отцу Пимену, — видишь самъ какая она!

— Я много разъ пытался, Павелъ Матвѣевичъ, и душевно готовъ, да не пускаетъ меня Марья Григорьевна и войти къ себѣ...

— Прошу тебя, уладь это какъ-нибудь, самъ знаешь какой у нея бѣшеный характеръ; меня ваша ссора очень тревожитъ.

Наступилъ Великій Постъ. Отецъ Пименъ вошелъ однажды къ Александровой въ то время какъ она послѣ обѣда сидѣла за чаемъ и поклонившись ей въ ноги сказалъ:

— Настало время поста и покаянія и я пришелъ просить у васъ прощенія ежели чѣмъ-нибудь васъ невольюно оскорбилъ, простите Господа ради...

Александрова тоже поклонилась ему въ ноги:

— Батюшка, простите меня окаянную и глупую, виновата я предъ вами, много виновата... Садитесь, прошу; не угодно ли чашку чайку?

И такъ миръ былъ восстановленъ, и когда потомъ отецъ

Пименъ пришелъ къ Александрову и передалъ ему что онъ съ его женой помирился, старикъ до того былъ этимъ доволенъ что залакалъ отъ радости.

— Ну слава Богу, слава Богу! Ты ужъ не сердись на нее, прости ей... она добрая, да характеръ такой скверный, бываетъ точно бѣшеная...

И при этомъ старикъ разказалъ отцу Пимену что однажды она до того на него разсердилась что схвативъ со стола большія ножницы его чуть-чуть ими не залороза; къ счастью бывшіе тутъ два человѣка выхватили ножницы изъ ея рукъ.

Смерть мужа произвела на Александрову благотворное вліяніе: „Овдовѣвъ, она совершенно измѣнилась въ своемъ характерѣ, разказывалъ отецъ Пименъ, и изъ женщины раздражительной и сварливой сдѣлалась замѣчательно кротка и благодушна. При жизни ея мужа весьма трудно было ей чѣмъ-нибудь угодить, и рѣдко случалось чтобъ она бывала чѣмъ-либо довольна; тутъ, напротивъ того, при средствахъ очень ограниченныхъ, она стала вести жизнь чрезвычайно умѣренную, даже скудную сравнительно съ ея прежнею роскошною обстановкой и какъ видно было оставалась всегда всемъ довольна.“

„Угрѣшскій монастырь она посѣщала не особенно часто и жила не по долгу.“

„Въ скоромъ времени по смерти мужа она переѣхала на житье за Москву-рѣку, купила на Донской улицѣ, у Ризъ Положенья, небольшой домъ для своего племянника и переѣхала туда жить.“

Отецъ Пименъ говоря въ своихъ *Воспоминаніяхъ* объ Александровой приводитъ, между прочимъ, одинъ забавный и типичный разказъ который онъ отъ нея слышалъ и который онъ сумѣлъ передать весьма художественно и картинно: .

„Будучи уже замужемъ за Александровымъ она ѣздила однажды въ Новый Іерусалимъ на богомолье. Неподалеку оттуда находилось то село въ которомъ первый мужъ ея былъ причетникомъ. Она вздумала туда заѣхать и отслужить лавнихиду на его могилѣ. Между селомъ и дорогой изъ Воскресенска былъ глубокій оврагъ, который видно приходилось иди слишкомъ далеко объѣзжать, или быть-можетъ луть былъ слишкомъ тѣсенъ для большой кареты въ шесть лошадей, не сумѣю заподлинно сказать ничего, но только Марья Григорьевна велѣла остановиться у оврага, вышла изъ кареты и пошла въ село лѣшкомъ.“

„Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ молоденькая жена бѣднаго причетника оставила это убогое село и сдѣлавшись изъ неизвѣстной причетницы женой богатаго человѣка приобрѣла приемы и обхожденіе знатной барыни.

„Она послала впереди своего лакея просить священника чтобъ онъ велѣлъ отпереть церковь, потому что ей желательнo отслужить ланнихиду.

„Трудно передать что почувствовала путешественница проходя селомъ: она взглянула на то убогое жилище гдѣ прожила не долгое время съ человѣкомъ добрымъ, обремененнымъ большимъ семействомъ и едва-едва имѣвшимъ достаточное пропитаніе.

„Церковь была все та же, и домъ священника, нѣсколько покачнувшійся, стоялъ въ тѣни знакомыхъ ей когда-то, съ тѣхъ поръ разросшихся деревъ.

„— Кто же такая эта госпожа? въ полголоса спрашивалъ священникъ у лакея.

„— Александра, отвѣчалъ тотъ кратко.

„Сельскому священнику рѣдко приходится видать такихъ гостей и служить ланнихиды знатымъ господамъ. Съ трелетомъ и страхомъ встрѣтилъ онъ незнакомую ему барыню и не безъ замѣшательства спросилъ ее:

„— По комъ же угодно будетъ милости вашей отслужить ланнихиду?

„Священникъ былъ тотъ же самый. Александра узнала его, но изъ ложлага онъ сдѣлался уже престарѣлымъ.

„— Помните, батюшка, говорила она ему, — здѣсь былъ причетникъ Иванъ, вдовый, женатый въ третій разъ.

„— Какъ же, матушка, помню, не безъ удивленія отвѣчалъ старичокъ, поглядывая на заѣзжую барыню.

— Такъ вотъ по немъ-то и отслужите ланнихиду.

„Ланнихиду служили въ церкви, а потомъ пошли на могилу, которую едва отыскали, и то не священникъ, а барыня, и когда она положила земной поклоны, священникъ еще болѣе изумился.

„Узналъ ли ее священникъ или нѣтъ, неизвѣстно, по крайней мѣрѣ онъ не подалъ виду что узнаетъ.

„— Не пожалуете ли ко мнѣ откушать чайку, сударыня? предложилъ священникъ.

„Александра пошла къ нему.

„— Такъ вы хорошо помните покойнаго причетника Ивана? спрашивала она дорогой.

„— Ну какъ же, матушка, кому же и помнитъ какъ не мнѣ, сколько годовъ живу въ этомъ селѣ: со мною долго жилъ, добрый былъ человекъ, вдовый былъ, съ большимъ семействомъ.

„— Первую его жену вы помните, батюшка?

„— Помню, сударыня, хоронилъ ее.

„— А вторую?

„— Вотъ: и вѣнчалъ и хоронилъ ее.

„— Ну а третью его жену помните? неожиданно спросила гостья.

„Священникъ взглянулъ изъ подлобья на свою собесѣдницу, кашлянулъ и пошелъ впередъ...

„— А третью? снова повторила Александра, настаивая на своемъ вопросѣ.

„— Третью, третью... твердилъ священникъ какъ будто себя допрашивая или стараясь припомнить. — Третью, да развѣ онъ три раза былъ женатъ?

„— Да какъ же? подхватила Александра, — три раза, и вотъ третья-то жена его была я, помните, Машутка?

Священникъ робко взглянулъ на барыню.

„— Старъ, матушка, становлюсь, все что было давно — помню, а что вѣчоръ случилось сегодня — позабылъ.

„— Да вѣдь это я, твердила барыня, — я самая та Машутка что вамъ и бѣлье стирала и полы мыла, ну вспомнили теперь?

„— Совсѣмъ, сударыня, память потерялъ, скоро позабуду какъ меня зовутъ.

„Какъ ни билась и ни усиливалась Марья Григорьевна напомнить священнику о послѣдней женѣ причетника, ни онъ, ни попадья вспомнить не могли... И мужъ и жена все знали, все помнили, а какъ дѣло доходило до Машутки — они приходили въ туликъ, а старичокъ только и твердилъ:

„— Старость, сударыня, память отшибла.

„Ясно было что онъ все помнилъ, но боялся оскорбить богатую барыню; а можетъ-быть и хорошо сдѣлалъ старичокъ что съ разборомъ умѣлъ помнить и забывать.

„Александра его щедро наградила, звала къ себѣ въ Москву, сдѣлала пожертвованія въ церковь, помогала старику и дѣтямъ его и очень его ласкала.

„Она не забыла и дѣтей своего перваго мужа, и Павелъ Матвѣевичъ имъ дѣлалъ много добра. Я разказалъ этотъ

случай (замѣчаетъ отецъ Пимень) потому что считаю достойнымъ уваженія, когда человекъ возвысившись не гнушается воспоминаніемъ своего прежняго убожества и этимъ еще болѣе доказываетъ что онъ благодаренъ Богу и достоинъ его благодареній.“

До самой кончины Александровой сохранились самыя дружественныя отношенія между ней и отцомъ Пименемъ, который не ожидая отъ нея никакихъ вещественныхъ пожертвованій для обители продолжалъ ей оказывать всевозможное вниманіе, которое она заслуживала теперь вполнѣ, совершенно измѣнившись въ своемъ характерѣ и внушая къ себѣ уваженіе. Ей было уже лѣтъ за шестьдесятъ, и здоровье начинало ей видимо измѣнять.

„Всякій разъ что я бывалъ въ Москвѣ я старался бывать у Марьи Григорьевны, говорилъ отецъ Пимень, и послѣ тихой и мирной бесѣды мы дружественно разставались, довольные что повидались.“

„Вскорѣ послѣ Новаго Года (въ январѣ 1862 года) я посетилъ ее: она была нѣсколько слаба, но впрочемъ ходила и даже выѣзжала, и въ этотъ разъ ей вздумалось отдать мнѣ на храненіе ея духовное завѣщаніе.“

„Я потужилъ ей: Что это, Марья Григорьевна, ужъ не умирать ли вы собираетесь?“

„— Нѣтъ батюшка, возьмите, сохраняйте будетъ, не равенъ часъ, кто знаетъ когда Богъ по душу пошлетъ...“

„Точно она имѣла предчувствіе что мы уже болѣе не увидимся.“

„Во время Великаго Поста я дважды заѣзжалъ къ ней, она была нездорова и не могла меня принять по своей болѣзни...“

„На Святой недѣлѣ я опять хотѣлъ побывать у ней и получилъ извѣстіе что апрѣля 15, въ понедѣльникъ на Оминой недѣлѣ, она скончалась.“

„Я тотчасъ отправился въ Москву.“

„Покойница должно-быть давно помышляла о смертномъ часѣ и задолго до своей кончины, еще при жизни мужа, сама выбрала себѣ ларчу на покровъ и приготовила платье и платочекъ для головы.“

„На четвертый день по ея кончинѣ, апрѣля 18, я отпѣвалъ ее у *Ризъ Положенія* съ нѣсколькими протоіереями и нашею братіей.“

По благословенію владыки проводы ея тѣла изъ Москвы,

встрѣча въ монастырѣ и погребеніе совершались точно тѣмъ же порядкомъ какъ и для покойника Александра.

По духовному ея завѣщанію для Угрѣши было назначено ею 2.000 руб. сер. и столько же на погребеніе и на 11.000 расписано въ разные монастыри и церкви.

По смерти Александровыхъ, не имѣвшихъ дѣтей, не осталось и близкихъ родственниковъ.

„Наша, Угрѣшская обитель, всѣмъ обязанная ихъ благодѣваніямъ, говорилъ отецъ Пименъ, изо всѣхъ прочихъ ими облагодѣтельствованныхъ, болѣе всѣхъ получившая и вѣроятно болѣе другихъ пришедшаяся имъ по сердцу, ибо ей именно предоставили они пожить ихъ тѣла и завѣщали молиться объ ихъ душахъ и о родителяхъ ихъ.“ Александровъ не ошибся избравъ отца Пимена своимъ духовнымъ наследникомъ, поручивъ ему молитвенно лецись о душѣ своей и своихъ родителей: чувство благодарности не охлаждѣвало въ сердцѣ настоятеля облагодѣтельствованной обители, онъ до конца жизни глубоко чтилъ память Александра, и не только какъ благотворителя, но и какъ человѣка къ которому, какъ видно, онъ имѣлъ искреннее сердечное расположеніе, внушенное личными достоинствами, а не порожденное вещественными привошеніями побуждавшими и нудившими его совѣсть совершать поминовеніе чтобы по смерти благотворителя молитвами оплачивать при жизни расточаемыя имъ для обители щедроты и благодѣванія. Это былъ сынъ, это былъ другъ памятующій и молящійся о любезномъ ему человѣкѣ... Тѣ вещи которыя принадлежали Александрову и послѣ него были отданы въ монастырь и хранились съ любовію, съ усердіемъ и почетомъ.

Такъ на примѣръ, бѣлое съ позолотой кресло на которомъ страдалецъ сидѣлъ семнадцать лѣтъ стояло въ гостиной подъ чохломъ, и рѣдко бывало чтобы садясь на него отецъ Пименъ не вспомнилъ про Александра и не почтилъ его памяти словомъ похвалы или благодарности. Большая фарфоровая чашка хранилась въ футлярѣ въ шкафѣ у отца Пимена: „Это чашка покойнаго Павла Матвѣевича“, говорилъ онъ съ благоговѣніемъ показывая ее.

Что же касается поминовеній въ дни рожденій, именинъ и кончинъ Александровыхъ, это были духовныя торжества: заулокное всенощное бдѣніе съ освѣщеніемъ всего храма, соборная литургія съ лавнихой и заулокнымъ канономъ

и праздничная трапеза съ литіей, и въ храмовые праздники на молебствіи было возгласеніе имемъ Павла и Маріи и *свѣтая память*; словомъ сказать—самый строгій и притязательный недоброжелатель не могъ бы ни въ чемъ упрекнуть отца Пимена относительно неуклоннаго, добросовѣстнаго и усерднаго поминовенія благодѣтелей обители. Желательно чтобъ и преемники въ Бозѣ почившаго аввы подобно ему ламатовали что на нихъ лежитъ священная обязанность поминать вкладчиковъ и благодѣтелей, молиться и лецись о душахъ ихъ.

II.

Въ 1862 году мая 1 надъ Угрѣшей разразилась сильная гроза и едва часть монастыря не была совершенно разрушена отъ прорвавшихся прудовъ. Время предшествовавшее этому дню было ненастное, постоянно шли дожди и вся земля была уже пропитана водой. Мая 1 съ 2 часовъ полудни пошелъ сильный дождь, продолжавшійся часовъ до 6 вечера, все было покрыто водой, текли вездѣ ручьи, съ горъ лились потоки, и верхній прудъ что за монастыремъ переполнился и выступилъ изъ береговъ. Плотины были давнишняя, и казалось надежная, но въ послѣдствіи открылось что она была сдѣлана весьма не прочно, не только безъ свай, но даже и безъ фашианки, изъ одной земли.

Отецъ архимандритъ, еще съ конца апрѣля мѣсяца страдавшій отъ лихорадки, никуда не выходилъ и настолько чувствовалъ себя не хорошо что долженъ былъ по настоянію пресвященнаго пригласить изъ Москвы врача, который и жилъ постоянно въ монастырѣ.

Часу въ 7 вечера къ отцу архимандриту пришелъ монастырскій экономъ іеромонахъ Нилъ и сталъ передавать что на верхнемъ прудѣ вода идетъ уже черезъ плотину, въ которой сдѣлана значительную промоину. Это извѣстіе не встревожило отца Пимена и онъ преспокойно сказалъ эконому: „Рабочихъ много, велите созвать ихъ и слѣшите укрѣпить.“

Около 10 часовъ вечера экономъ опять пришелъ весьма встревоженный и объяснилъ что валоръ воды до того усилился и что такіа сдѣлались большія промоины и оттого провалы что верхній прудъ спасти едва ли будетъ возможно.

Отецъ Пимель чувствовалъ себя въ этотъ вечеръ въ особенности не хорошо и лежалъ въ постели, но сказанное экономомъ его такъ встревожило что онъ велѣлъ себя одѣть и рѣшился идти видѣть собственными глазами что такое дѣлается у пруда. Врачъ, пришедшій къ нему въ это время, уговаривалъ его не идти, однако онъ не послушался и все-таки пошелъ.

„Сперва я отправился осмотрѣть средній прудъ, что предъ моими окнами: онъ былъ весьма сложенъ; у середины пруда былъ садокъ полный рыбы. Жалю что мнѣ не пришло тогда на мысль велѣть отвести его въ сторону, потому что я и вообразить себѣ не могъ что минутъ черезъ двадцать его разобьетъ и не останется отъ него слѣдовъ. Я вышелъ за ворота.

„Тутъ мнѣ представилось ужасное зрѣлище: была темнота, небо заволочло черными тучами; вѣтеръ вылъ и бешевалъ; вода ревѣла и клокотала; болѣе ста человекъ суетились около пруда и плотины, крикъ, гамъ, бѣгали съ фонарями, народъ кричалъ съ какимъ-то отчаянiемъ. Опираясь на руку келейника я потихоньку дошелъ до плотины, до самаго провала, посмотрѣлъ на все что было предъ моими глазами, и убѣдился что дѣйствительно никакія старанiя, никакія усилiя человѣческія не въ состоянiи сласти пруда и только сказалъ казначею отцу Сергію и эконому чтобъ они берегли самихъ себя и народъ и обратно пошелъ въ келью.

„Мнѣ сдѣлалось дурно, я послалъ за врачомъ, который тотчасъ и пришелъ, и не услѣлъ онъ мнѣ еще дать лавровишневыхъ капель, какъ раздался такой ужасный ударъ что задрожали стѣны и задребезжали рамы. — Какой сильный ударъ грома! воскликнулъ врачъ.

„Но я былъ убѣжденъ что это не громовой былъ ударъ, и что или прорвало плотину, или опрокинуло стѣну ограды.

„Мы оба бросились къ окнамъ моего кабинета и увидѣли что подъ окнами сдѣлалось озеро. Я тотчасъ послалъ келейника сказать чтобы немедленно отворили заднія ворота на дровяномъ дворѣ, такъ какъ вода ворвалась уже въ монастырь.

„Слуста десять минутъ пришелъ ко мнѣ казначей отецъ Сергій и услокопалъ меня сказавъ что никто не погибъ и объявилъ мнѣ что верхнюю плотину прорвало, ограду повалило на протяженiи 12 сажень и вышиной въ 13 аршинъ, и

опрокинуло одну башню; вотъ отъ чего произошелъ тотъ ужасно сильный ударъ который мы слышали.

„На среднемъ прудѣ (мимо котораго я шелъ минутъ за двадцать предъ тѣмъ и видѣлъ садокъ) плотину снесло, садокъ разбило. Вода, опрокинувъ ограду съ сѣверной стороны, хлынула на средній прудъ, снесла плотину и повеселась нижнимъ прудомъ; потомъ сдѣлала напоръ на ограду съ полуденной стороны и повернувъ влѣво, по склону земли, устремилась къ заднимъ воротамъ, у которыхъ успѣли открыть одну только половину, а отворить другую вода уже не допустила, и черезъ нѣсколько минутъ вода нашла себѣ исходъ для обителю менѣе разорительный по принятому направленію напротивъ нижняго пруда: отъ сильнаго напора въ ограду она прорыла подъ нею землю на 16 аршинъ въ ширину и на 9 въ глубину. Причиной того что вода нашла себѣ исходъ именно въ этомъ мѣстѣ была слабость почвъ, а такъ какъ за оградой тутъ начинается оврагъ, отъ чего стѣна и построена на аркахъ, то она въ оныя устремилась и вышла на лугъ къ Москвѣ-рѣкѣ, увлекая за собой все что разрушила, кирпичи камни, глыбы земли и прочее.

„Все это продолжалось не болѣе часа времени, а принесло обителю убытку по крайней мѣрѣ на 6.000 р., а можетъ-быть и болѣе, не говоря уже о рыбѣ, которой въ обоихъ прудахъ было насажено множество и которую выносило за ограду и разметало по лугу такъ что изъ сосѣднихъ деревень приходили на утро и собирали въ изобиліи.

„На маломъ прудѣ приготовленный шатеръ для водоосвященія въ день Преполовенія остался цѣлъ и невредимъ, но множество всякаго сора, вѣтвей, мочаль и прочаго навесло къ нему и прибило къ столбамъ.

„Во время суматохи, когда собирали камни и всякій матеріалъ въ надеждѣ еще на возможность отстоять плотину, одинъ изъ рабочихъ съ лошадыю находился неподалеку отъ ограды, около моста ближайшаго къ скиту, и ограда внезапно рухнула, лошадь съ телѣгой отъ испуга бросилась и вбѣжала въ скитскія ворота бывшія не затворенными, а рабочаго напоромъ воды приперло къ одному изъ каменныхъ столбовъ моста и такимъ образомъ онъ спасся, иначе и его бы увлекла стремительность теченія и онъ бы погибъ въ этомъ ужасномъ водоворотѣ. Но это не единственный случай сего ужаснаго вечера, ибо земля во многихъ мѣстахъ обваливалась огромными глыбами и, благодареніе Господу, никто не погибъ.

„Памятенъ мнѣ этотъ страшный вечеръ 1 мая 1862 года по непредвидѣнности событія ужасающаго въ своихъ подробностяхъ, но по милости Божіей, за предстательство Его великаго угодника, явная опасность которая угрожала жизни многихъ людей чудесно миновала безо всякаго несчастнаго случая.“

Нельзя не подивиться художественности и картинности описанія и бойкому, живому, краснорѣчивому языку, читая этотъ разказъ переданный такъ отчетливо, такъ послѣдовательно человѣкомъ малограмотнымъ и сознававшимся весьма простодушно что ему затруднительно писать!

Для того чтобъ изгладить слѣды этого неожиданнаго, внезапнаго происшествія требовалось много времени и не мало издержекъ, и когда отцу Пимену стало нѣсколько лучше и онъ могъ ѣхать въ Москву, онъ не безъ смущенія и не безъ боязни предсталъ предъ лицо владыки, опасаясь выговора и замѣчаній что не было принято своевременно мѣръ для сохраненія латины, но владыка напротивъ того старался утѣшить угрѣшскаго настоятеля и сказалъ ему въ ободреніе:

— Въ семь случаевъ выжить никого нельзя, это несчастіе которое ни предусмотрѣть, ни предотвратить было невозможно. Не смущайся, а старайся скорѣе исправить и возстановить то что разрушено.

III.

Въ 1863 году, въ іюль мѣсяцѣ, скончался въ Геосиманскомъ скитѣ бывший угрѣшскій игуменъ отецъ Иларій. По выходѣ своемъ съ Угрѣши и проживъ нѣсколько времени на Пѣшноши, гдѣ ему не понравилось, также и въ Покровскомъ монастырѣ, наконецъ онъ нашель для себя желанное успокоеніе въ скитѣ Геосиманскомъ, гдѣ были богомудрые старцы пришедшіеся ему по духу. Оставляя Угрѣшу онъ продалъ все что имѣлъ нѣсколько цѣннаго, напримѣръ: золотые часы, столовыя серебряныя ложки и прочее, а рукописныя книги—Исаака Сирина, Никона Черныя Горы и т. п. купилъ у него отецъ Пименъ, и такимъ образомъ онъ составилъ себѣ до двухъ тысячъ рублей ассигнаціями, и поселившись въ скитѣ, отдалъ всѣ свои деньги отцу намѣстнику Автонію, прося его чтобъ онъ выдавалъ ему помѣсячно по сколько-нибудь рублей для келейныхъ потребностей. Изъ скита онъ пріѣзжалъ иногда логостить на Угрѣшу, иногда ѣздилъ въ Саввиѣ монастырь, и

въ свой прїѣздъ на Угрѣшу въ 1858 году прогостилъ тамъ около года.

При всей своей строгой и подвижнической жизни онъ не всегда умѣлъ обуздывать порывы своего духа и не совсѣмъ мирно смотрѣлъ на ту торжественную обстановку при богослуженіи которую отецъ архимандритъ Пименъ, ученикъ его, успѣлъ уже ввести на Угрѣшѣ. Онъ, какъ видно, почиталъ это проявленіемъ тщеславія, неясно сознавая можетъ-быть что онъ смотрѣлъ на это нововведеніе не безъ нѣкотораго неудовольствія потому именно что это не было при немъ, да и быть не могло—при прежнихъ средствахъ обители и при служеніи игуменскомъ, которое не столь торжественно и благолѣпно какъ служеніе архимандрита.

Онъ съ отцомъ Пименомъ ладилъ, однако видѣлъ что на Угрѣшѣ хорошо, лучше чѣмъ было при немъ; былъ онъ уважаемъ и честимъ какъ надлежало, и совсѣмъ тѣмъ онъ не вполне былъ доволенъ, и вслѣдствіе размовки со скитскимъ старцемъ Анатоліемъ онъ воспользовался этимъ предлогомъ и съ Угрѣши уѣхалъ; это было въ 1858 году, и съ тѣхъ поръ онъ болѣе уже не прїѣзжалъ туда гостить подолгу; но отецъ Пименъ, бывая въ Лаврѣ, всегда его навѣщалъ и возилъ ему и посылалъ гостинцы.

Приводимъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ тѣхъ немногихъ писемъ отца Иларія къ отцу Пимену которыя сохранились; изъ нихъ можно видѣть о духовномъ общеніи бывшего старца и его ученика и о духовномъ настроеніи обоихъ. Первое письмо писано въ 1853 году, декабря 28, слѣдовательно съ небольшимъ черезъ годъ по выходѣ отца Иларія съ Угрѣши и мѣсяца черезъ два по открытіи общежитія:

№ 1. „Ваше высокочреподобіе, достопочтеннѣйшій отецъ игуменъ,—Приношу вамъ сердечную благодарность за памятованіе обо мнѣ недостойномъ и за поздравленія съ праздникомъ Рождества Христова и съ Новымъ Годомъ, съ которыми равно и васъ поздравляю, да роднѣйся Господь изліетъ на васъ обильно милости и благодать Свою къ прохожденію вашего служенія въ мирѣ и здравіи.

„Письмо ваше отъ 21 декабря сего года и ащикъ отъ іеромонаха Авраамія Лаврскаго я получилъ, и всеусердно васъ за оныя благодарю.

„Новооткрытое *общежитіе* усовершенствовать да укрѣпить ваши силы и да поможетъ вамъ Господь Богъ во славу

Свою точно по вашему слову и писанію: *со временемъ и стропотное улаживается въ пути гладки.*

„Но отъ старой братіи (хотя и не всѣхъ) можно ли ожидать добраго отъ ихъ существованія въ обители?“

„Прошу вашихъ святыхъ молитвъ. Недостойный сомолитвенникъ вашъ, игуменъ Иларій.“

№ 2. „Воистинно Христосъ воскрес!“

„Въ сихъ строкахъ и васъ поздравляю съ праздникомъ праздниковъ и желаю вамъ всеусердно получить отъ Божіей благодати со здравіемъ мирныхъ и прѣмирныхъ благъ.“

„Въ полученномъ мною вашемъ письмѣ, отъ 15 апрѣля, вы еще вкулъ со свѣтлымъ днемъ Воскресенія Христова изволили поздравить меня и съ полученіемъ великаго ангельскаго образа, и (пишете) что желаете мнѣ душевной пользы и радости о Господѣ.“

„И я убогій событію сему сердечно радуюсь что милосердіемъ Божіимъ удостоился исполнить давно желанное мною—повторить иноческіе мои обѣты, и съ постриженіемъ облекшися въ святой великій образъ, къ миру и спасенію душевному ведущій.“

„Постриженіе совершалось въ субботу четвертой недѣли св. Великаго Поста, марта 20 дня. Имя мнѣ наречено прежнее, давнее при святомъ крещеніи—*Или*. Старцемъ избралъ я отца намѣстника, архимандрита Антонія; онъ постригалъ, также и принималъ отъ св. Евангелія. Во время постриженія (ощутилъ я что) дѣйствовало особенное какое-то впечатлѣніе, болѣе ко смиренію прежней моей гордости клонящееся. И послѣ онаго миръ и тишина мысленная утѣшала мое убогое сердце. Проявилась и пробудилась также, хотя на краткое время, и та самая прежняя ко Господу ревность съ которою я пришелъ въ монастырь изъ многоматернаго міра.“

„Вотъ, брате, по любви моей къ вамъ изъяснилъ я мои сердечныя чувства что ощущалъ я во время постриженія и послѣ того...“

„За симъ прошу васъ, брате и отче мой, всеусердно и со всею о Господѣ врученною (вамъ) братіей поминать меня (многогрѣшнаго предъ всѣми вами) въ своихъ святыхъ молитвахъ. Помолитесь чтобъ и мнѣ немощному *его* благого повести въ добромъ подвигѣ и въ терпѣніи находящихся скорбей.“

„И васъ Господь Богъ милосердіемъ своимъ да проститъ вѣхъ и да благословитъ.

„Кланяюсь вамъ низко съ почтеніемъ и остаюсь вашъ недостойный сомолитвенникъ іеросхимонахъ *Илія*.“

Апрѣля 22 дня 1854.

Св. Геесиманскій скитъ.

№ 3. „Ваше высокопреподобіе достопочтеннѣйшій отецъ игумень, о Господѣ Іисусѣ Христѣ братъ!

„Всеусерднѣйше благодарю за вашу о Господѣ братскую любовь что удостоили посѣтить меня и радушно приняли въ общей нашей обители, вновь вами съ помощію Божіей благоустроваемой и видимо благоукрашаемой красными постройками; равно и за ваше благорасположеніе которое усерствовало до изобилія—благодарствую.

„Хорошъ гость: немного дней погостилъ, а много расходу и затрудненій надѣлалъ вамъ!

„Паки благодарю васъ, батюшка, за угощеніе ваше; а при всемъ прошу васъ Господа ради проститъ меня грѣшнаго: я убогій по чувству совѣсти сознаю что гостивъ многіе не свойственные моему званію поступки словомъ и дѣломъ учинилъ. Особенно согрѣшилъ въ лихоимствіи: воспользовался вашимъ щедрымъ благотвореніемъ мнѣ—съ головы до ногъ, сей грѣхъ также прикройте Христа ради своею любовью.

„За симъ прошу святыхъ вашихъ молитвъ, кланяюсь вамъ низко. Вашъ многогрѣшный сомолитвенникъ

„*Іеросхимонахъ Илія*.“

1857 юля, 7 дня.

Геесим. скитъ.

№ 4. „Ваше высокопреподобіе; достопочтенный отецъ Пимень! Приношу вамъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ мой брате и отче искреннѣйшую благодарность за воспоминаніе ваше обо мнѣ убогомъ старцѣ и за поздравленіе... Письмо ваше я получилъ апрѣля 3 дня....

„Соболѣзную о вашемъ нездоровьи; прошу васъ, о Господѣ моего брата, и молю не отчаиваться и не ослабѣвать въ духѣ мужества о своемъ здравіи: вы знаете что безъ промысла Божія ничего съ нами не бываетъ! Покойный старецъ, отецъ Леонидъ *

* Оптиный подвижникъ, въ схимѣ Левъ, подъ руководствомъ котораго отецъ Іларій жилъ въ Александро-Свирскомъ монастырѣ и послѣ въ Козельской Оптиной пустынь.

говаривалъ: „что истинная польза душевная проходящиму спасительный подвигъ познается не въ спокойствіи плоти, а въ непрестающихъ скорбныхъ приключеніяхъ находящихъ на насъ; и есть ли де это съ нами бываетъ, то есть надежда что мы (принадлежимъ) стоимъ и не чужды лику спасаемыхъ.“

„Предлагаю вамъ убогій мой совѣтъ: мнитса мнѣ что къ вашему душевному спокойствію не полезно ли было бы вамъ, пылкія соображенія и воображенія свои (?) о начатыхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ сколько возможно смягчать благодушнымъ терпѣніемъ, и не давать мѣста мыслямъ безнадежія видѣть ихъ окончательное устройство за помощію Божію

„Еще вамъ, отче, предложу отъ своего опыта въ прохожденіи настоятельской должности какія приходятъ скорби, (хотя) много опечаливають душу и приводятъ въ недоумѣніе, но онѣ удобкой своею тогда же и радуютъ. Вступите же на прагъ удивенной жизни,—скорби придутъ (также и ежели будутъ) споспѣе и легче, но той отрадной улыбки (уже) ни въ чемъ не увидите, а только одну безотрадную печаль. Поэтому ваши нынѣшнія скорби и недоумѣнія не превышаютъ (вашего) терпѣнія: васъ теперь все занимаетъ, а въ удивеніи (живущему) все чуждо. Къ сему же (присовокулю еще): продолженіе нашей жизни и кончина наша составляютъ тайну въ неиспытанныхъ судьбахъ Божіихъ весьма сокровенныхъ отъ насъ. Пока мы живемъ на семъ свѣтѣ, въ нашей волѣ состоитъ только то что мы можемъ пользоваться настоящимъ временемъ. По слову Св. Отець: *покуда торжнице не разошлось и дверь покаянія* (остается) *въ него предъ нами отверзта.*

„Прости, батюшка, ежели много что не по разуму написалъ: а увѣренъ что за сіе вы на меня не посягнете.

„Благодарю васъ, батюшка, за сообщеніе о новомъ санѣ и мѣстѣ (пробыванія) преосвященнаго Игнатія (Брянчанинова). Прошу васъ сообщить мнѣ, если возможно въ непродолжительномъ времени, адресъ какъ вы пишете къ нему въ его епархію. За симъ прошу вашихъ святыхъ молитвъ и кланяюсь низко; равно и отъ братіи вашей о Господѣ прошу св. молитвъ. Остаюсь вашъ грѣшный сомолитвенникъ іеросхимонахъ Илія.“

1858, апрѣля 4 дня.

Геѡ. скитъ.

№ 5. Начало то же.

„Письмо ваше отъ 12 апрѣля я получилъ и сердечно благодарю за продолженіе о Господѣ любви вашей. Прочитавъ я убогій душевно порадовался что вы предприняли и къ общей пользѣ (братіи) возымѣли ревностное желаніе съ вѣрою въ промыслъ Божій лутеводительствовать ввѣренному вамъ стаду Христову по правиламъ и чину святыхъ отецъ, ввести *старчество*. Силень Господь чрезъ сіе устроеніе умствованія всего братства ко благу его въ единодушіе соединить, чѣмъ облегчить для васъ пастырское иго ваше. Самолюбивые нравы нынѣшняго поколѣнія сами себя изоблачаютъ своимъ скорымъ уклоненіемъ отъ сего спасительнаго пути. Это примѣчается и здѣсь, въ *Словущемъ скитѣ*, который несмотря на то что въ немъ жительствоуютъ опытные старцы, богатые здравымъ разсужденіемъ, не можетъ водворить *старчества* и во ста братіи или болѣе старчество соблюдается и уважается самымъ малымъ числомъ, да и въ сихъ день ото дня охлаждаетъ произволеніе къ отсѣченію своей воли; а прочіи (не изъявляютъ желанія) прибѣгать ко благимъ старческимъ совѣтамъ!

„Простите мнѣ, батюшка, Господа ради, ежели я симъ доводомъ ослабляю или охлаждаю, можетъ-быть, ваше усердіе къ сему дѣлу и смущаю вашъ духъ, но не подумайте что я васъ отговариваю—я не желаю быть противникомъ. На все воля Божія: что по ней начинается и совершается, то всегда бываетъ нерушимо; и я отъ вашихъ мыслей не отступаю. По Св. Писанію: *Что съешь и на какую землю, то и пожьнешь*, и по евангельскому слову: *Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ*.

„За симъ, о Господѣ брате мой и отче, желаю вамъ на сіе доброе дѣло и предпріятіе получить отъ Господа Бога благословеніе и удостоиться видѣть добрую землю по слову Господню приносящую и плоды добрые и для ищущихъ спасенія да будетъ она мѣстомъ спасительнаго пристанища.

„Прошу святыхъ молитвъ вашихъ и кланяюсь низко и остаюсь вашъ недостойный сополитвенникъ, многогрѣшный іеросхимонахъ *Илія*.“

1858, апрѣля 22 дня.

Геесим. скитъ.

№ 6. „Ваше высокопреподобіе, Достопочтеннѣйшій отецъ архимандритъ,—Приношу вамъ благодареніе за усердіе ваше ко мнѣ непотребному, за присылку лично мнѣ въ утѣшеніе чаю и сахару, за доставленіе на мое имя письма и за

возвращеніе мнѣ потерянныхъ мною у васъ вязаныхъ четокъ. О себѣ вамъ изъясляю: я отправился изъ вашей обители въ Москву; по прибытіи почувствовалъ что усиливается у меня боль и былъ принужденъ отправиться въ скитъ на лошадяхъ отца намѣстника, взявъ въ аптеку по рецепту доктора примочку для пользованія пальца.

„По прибытіи расположился съ помощію Божіей попрежнему продолжать житіе въ Большомъ скитѣ: постигая меня старость и немощи неволью смиряютъ и нудятъ къ терпѣнію, но мятежныя мысли мои ларятъ и сердце мое жаждетъ удивенной жизни и бѣгства отъ человѣка; а къ прохожденію сего (образа жизни) какъ я нынѣ чувствую я не имѣю ни силы, ни средствъ... Не могу понять откуда эта мысль является и запечатлѣвается усердіемъ мою грѣшную душу при всей слабости моей (въ подвигахъ) нынѣ жизни.

„За симъ, изъяснивъ вамъ мои душевныя чувства, съ желаніемъ вамъ отъ Господа Бога получить благодати ко благоустроенію вѣрной вамъ святой обители, прошу вашихъ святыхъ молитвъ и кланяюсь.

„Остаюсь вашъ недостойный сомолитвенникъ грѣшный іеросхимонахъ Ілія.“

1862, октября 2 дня.

Геесим. скитъ.

Выѣздъ отца Іларія изъ скита въ 1862 году былъ послѣдній и въ его письмахъ не сохранилось писемъ позднѣйшаго времени.

Отецъ Пименъ ежегодно посѣщалъ его разъ или два, когда онъ самъ не бывалъ на Угрѣшѣ, и получивъ извѣстіе что отецъ игуменъ ослабѣваетъ, онъ для свиданія съ нимъ поѣхалъ въ скитъ въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца 1863 года. Онъ былъ у него іюля 3 и нашелъ его весьма ослабѣвшимъ, но впрочемъ онъ былъ еще на ногахъ и бродилъ. Случилось такъ что въ это время въ кельи кедейника не было и пришлось отцу игумену и отцу Пимену самоваръ ставить самимъ.

Отецъ игуменъ при этомъ сказалъ весьма благодушно бывшему своему кедейнику Пимену:

— Вотъ уже три мѣсяца какъ сталъ чувствовать себя гораздо спокойнѣе; помнишь мою раздражительность? Теперь она отъ меня отошла: вотъ кедейникъ ушелъ, куда-то запропалъ, я больной одинъ остаюсь и мнѣ нужды нѣтъ, я покоенъ... а по прежнему я непремѣнно бы этимъ раздражился.

Черезъ день послѣ этого, въ самый праздникъ преподобнаго Сергія, іюля 5го, отецъ Пимень собрался въ Москву въ обратный путь и предъ отъѣздомъ пожелалъ еще разъ свидѣться со старцемъ. Онъ нашелъ его уже лежащимъ въ постели по слабости и не могущимъ встать.

Онъ предчувствовалъ приближеніе кончины: кротко, мирно и дружественно бесѣдовалъ съ отцомъ Пименомъ, просилъ у него прощенія во всемъ прошломъ и благословилъ его иконой Владимірской Божіей Матери.

При этомъ онъ спросилъ его:

— А какъ ты думаешь, настоятельствовать до самой смерти, или заранѣе сложить съ себя эту обузу?

— Признаюсь вамъ, батюшка, что я объ этомъ никогда не размышлялъ, трудно сказать заранѣе—что сдѣлаешь... Не знаю что и какъ будетъ, какъ Богъ дастъ...

— Ну: я такъ не совѣтовалъ бы тебѣ начальствовать до смерти, очень полезно положить преграду между настоятельствомъ и кончиною, необходимо отрезвиться и придти въ себя и оставить заблаговременно всѣ эти мірскія поличія... Я благодарю Господа что я теперь на покоѣ, и хотя объ этомъ въ прежнее время я и скорбѣлъ, вижу что по напрасу, и скорблю теперь о томъ что скорбѣлъ тогда...

Это было послѣднее свиданіе отца игумена съ отцомъ Пименомъ.

Нѣсколько дней спустя онъ получилъ письмо отъ одного изъ скитскихъ братій, который писалъ ему:

„Нынѣшняго числа, то-есть 9 іюля, въ четвертомъ часу утра, отецъ игумень Ілія волею Божіею скончался смертію праведника, до самой смерти пребывая въ памяти и почти въ самую минуту смерти приобщенъ Св. Таинъ, а наканунѣ предъ вечернею пособорованъ св. елеемъ. Отецъ намѣстникъ хотѣлъ было во вторникъ 10 числа хоронить, но узнавъ о желаніи вашемъ быть на похоронахъ отложилъ оныя до вашего пріѣзда. Хоронить будутъ согласно волѣ усопшаго въ пустынь Параклита.

„Ежели почему-нибудь вамъ нельзя будетъ пріѣхать на похороны, то покорнѣйше прошу васъ дать знать о томъ немедленно.“

Отецъ Пимень послѣдшилъ пріѣхать и воспользовался предложеніемъ отца намѣстника Антонія, самъ совершалъ отгѣваніе тѣла своего старца и провожалъ оное до Параклита, гдѣ въ церкви, съ правой стороны возлѣ окна, оно и было предано землѣ.

IV.

Въ 1863 году для Угрѣшскаго монастыря не произошло ничего замѣчательнаго, но для архимандрита Пимена онъ ознаменовался новымъ знакомъ довѣрія къ нему владыки по случаю перестройки Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря что въ Московскомъ Кремлѣ.

Монастырь этотъ былъ основанъ супругою великаго князя Димитрія Донскаго—великою княгиней Евдокіей въ послѣдней четверти XIV вѣка; овдовѣвъ она тамъ приняла иночество, съ именемъ Евфросиніи, тамъ преставилась и тамъ подъ слудомъ почиваютъ ея святыя мощи въ Вознесенскомъ соборѣ.

Монастырь неоднократно горѣлъ во время нашествій вражескихъ на Москву и во время опустошавшихъ столицу пожаровъ, и хотя въ 1720-хъ годахъ, при Петрѣ I, былъ обновленъ и послѣ того олять исправляемъ, отъ этихъ именно передѣлокъ онъ пришелъ въ такой вестройный видъ и безпорядочное состояніе, а притомъ и обветшалъ, что недоумѣвали что удобнѣе: возобновлять ли оный или перевести всѣхъ сестеръ въ какое-либо иное мѣсто. Тогдашняя игуменья, Паисія Нудольская, очень желала послѣдняго, ей хотѣлось чтобы монастырь былъ не въ срединѣ города, а гдѣ-нибудь за заставой, въ полѣ. Она была весьма благочестивая старца и опытная въ правленіи, находилъ въ монашествѣ болѣе тридцати лѣтъ и бывъ уже настоятельницай Страстнаго, Алексѣевскаго и Новодѣвичьяго монастыря, изъ котораго и поступила въ Вознесенскій.

Для осмотра монастыря и для приведенія въ извѣстность его положенія митрополитъ Филаретъ учредилъ особый комитетъ и потребовалъ отъ него и отъ настоятельницы мѣнія: „Что удобнѣе: исправить ли зданія монастыря или перевести сестеръ на иное мѣсто?“

Послѣднее, то-есть перенесеніе было призвано удобнѣйшимъ, и владыка дозволилъ прискивать мѣста, и всѣ единогласно рѣшили что самое удобное для монастыря мѣсто это въ предмѣстіи *Бутыркахъ*, гдѣ и храмъ былъ пространный и прекрасный.

Казалось все уже рѣшеннымъ, но нетерпѣвіе игуменья,

желавшей скорѣе перенести монастырь изъ Кремля въ загородное мѣсто, совершенно измѣнило ходъ дѣла и вмѣсто того чтобъ ускорить перенесеніе окончательно тому воспрепятствовало.

Будучи въ родствѣ съ весьма знатными и вліятельными лицами имѣвшими въ то время значеніе при дворѣ, игуменія Паисія писала въ Петербургъ и просила чтобъ оттуда написали владыкѣ и его лоторопили.

Получивъ извѣстіе что желаніе ея исполнено и что владыкѣ послано уже письмо о томъ чтобъ ускорено было перенесеніе Вознесенскаго монастыря на Бутырки, игуменія Паисія, въ полной увѣренности что она подвинула дѣло впередъ, отправилась къ митрополиту.

Онъ принявъ ее весьма сурово.

— Ты писала въ Петербургъ о твоёмъ желаніи перенести Вознесенскій монастырь? спросилъ онъ ее съ недовольнымъ видомъ.

— Писала, владыко святыи, отвѣчала она.

— Ты избираешь косвенные пути... Кто же дозволилъ тебѣ ходатайствовать о семъ дѣлѣ помимо начальства? И ты думала этимъ ускорить дѣло? Но я прихожу теперь къ совершенно иному заключенію и полагаю что монастырь вовсе не слѣдуетъ переносить.

— Такъ это какъ же, спросила игуменья съ изумленіемъ, — вѣдь и вы же сами изволили соглашаться...

— Да, соглашался и вижу что ошибался, а теперь измѣнилъ мнѣніе: монастырь историческій, переносить его не слѣдуетъ, а должно сохранить и возстановить...

Игуменья ужасно оскорбилась и начала говорить владыкѣ колкости и дерзости.

Митрополитъ позвонилъ.

— Проводи, сказалъ онъ вошедшему человѣку, указывая на игуменію, а самъ всталъ и вышелъ.

Послѣ этого свиданія игуменья и митрополита дѣло приняло совершенно иное направленіе: комитету велѣно было сдѣлать новый осмотръ и болѣе точное изслѣдованіе, и оказалось что монастырь переносить не слѣдуетъ по многимъ неудобствамъ и прелатствамъ къ его уничтоженію. Дѣйствія комитета не соответствовали однако желаніямъ владыки; онъ упразднилъ его и представилъ собственное мнѣніе что переносить монастырь не видится надобности, и это мнѣніе

было утверждено Святѣйшимъ Синодомъ. Игуменья Писсѣя, желавшая перенесенія монастыря и намѣревавшаяся основать его на новомъ мѣстѣ на общежительныхъ началахъ, была ужасно оскорблена внезапною переменою обстоятельствъ и на владыку сильно негодовала.

Потерявъ довѣріе къ комитетамъ, митрополитъ Филаретъ рѣшился довѣрить возобновленіе Вознесенскаго монастыря одному лицу и потребовалъ къ себѣ архимандрита Пимена.

— Я хочу дать тебѣ порученіе, сказалъ онъ, и объяснивъ ему всѣ предшествовавшія обстоятельства, спросилъ его:—Что ты мнѣ на это скажешь, возьмешься ли за это дѣло?

Архимандритъ отвѣчалъ ему что онъ отказываться не смѣетъ, но опасается только сумѣетъ ли угодить ему и довольна ли останется его дѣйствіями игуменія.

— А тебѣ какое до этого дѣло? Дѣйствуй какъ считаешь нужнымъ, а объ остальномъ не заботься и ничего не опасайся.

Тогда архимандритъ снова сказалъ:

— Нужны будутъ на это деньги; имѣются ли онѣ въ монастырѣ?

— Это тебя не касается, это дѣло игуменья, она должна дать деньги, не имѣетъ—достаетъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1863 года послѣдовалъ указъ консисторіи на имя архимандрита Пимена, извѣщавшій его что учрежденъ новый комитетъ по случаю перестройки Вознесенскаго монастыря и что онъ назначенъ быть предсѣдателемъ комитета.

Когда онъ послѣ этого явился ко владыкѣ и тотъ словесно ему повторилъ что было уже въ указѣ, онъ просилъ благословенія осмотрѣть монастырь, ознакомиться со всѣми подробностями и потомъ доложить ему о своемъ мнѣніи.

По осмотрѣ онъ нашелъ слѣдующее:

1) Что на перестрой потребуются совсѣмъ не два года, какъ сказано было въ указѣ, а всего только три или четыре мѣсяца.

2) Что нѣтъ никакой надобности выводить изъ монастыря 70 сестеръ за неимѣніемъ помѣщенія и что есть возможность всѣхъ оставить въ монастырѣ, умноживъ только число келій, что также удобно привести въ исполненіе, сдѣлавъ въ зданіи вмѣсто двухъ этажей три.

Докадывая послѣ осмотра владыкѣ, онъ сказалъ ему что такъ какъ находитъ возможность оставить въ монастырѣ

70 сестеръ, которыхъ предполагалось вывести, то поэтому должна быть передержка противъ смѣты, въ которой назначалось на расходъ 62 тысячи.

„Такъ какъ переписка о перестройкѣ монастыря длилась болѣе трехъ лѣтъ, говорилъ отецъ Пименъ, и владыка былъ залуганъ всѣми мнимыми трудностями возобновить монастырь, то видно было что когда онъ выслушалъ меня онъ колебался—вѣрить ли ему мнѣ вполне или нѣтъ. Въ особенности ему страннымъ показалось что я предполагалъ совершить въ три или четыре мѣсяца дѣло на которое назначалось не менѣе двухъ лѣтъ, и при этомъ онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, какъ будто хотѣлъ мнѣ сказать: Да ты понимаешь ли что ты говоришь?“

Послѣ того какъ онъ окончательно далъ свое благословіе, приступили къ дѣлу: это было въ началѣ сентября мѣсяца.

Во все время перестройки отецъ Пименъ жилъ постоянно въ Москвѣ, на Саввинскомъ подворьѣ, у преосвященнаго Леониды, и ѣздилъ въ монастырь только на воскресные и праздничные дни и переночевавъ тамъ на разсвѣтѣ возвращался въ Москву, слѣдша полость къ началу работъ. Игуменья сперва очень недружелюбно приняла отца Пимена, досадуя на него что онъ разомъ разрушилъ всѣ тѣ затрудненія и препятствія которыя поставлялись на видъ владыкѣ ей въ удобность и неоднократно были у нихъ споры и столкновенія, такъ что наскучивъ этимъ архимандритъ ей сказалъ однажды:

— Ежели вы будете мнѣ препятствовать, матушка, дѣлать дѣло какъ слѣдуетъ, я буду вынужденъ доложить объ этомъ владыкѣ и просить его чтобъ онъ меня уволилъ и поручилъ бы дѣло другому, тогда и дѣлайте какъ хотите...

Это игуменью нѣсколько смирило.

Видя что этимъ она не можетъ озадачить отца Пимена, она старалась дѣлать ему затрудненія въ деньгахъ нужныхъ для расплаты и жаловалась на излишнія издержки.

На этотъ разъ, чтобы положить конецъ непрерывнымъ прекословіямъ, отецъ Пименъ упоминалъ объ этомъ владыкѣ.

— Пришли ко мнѣ игуменью, я съ ней переговорю.

Каково было это свиданіе, игуменья не передавала, но только послѣ того не было уже никакихъ столкновеній между нею и отцомъ Пименомъ и задержекъ въ деньгахъ. Архимандритъ ежедневно пріѣзжалъ въ Вознесенскій монастырь на разсвѣтѣ, приходилъ въ келью старицы казначеи, гдѣ онъ

оставлялъ свое рабочее платье въ которомъ ходилъ по дѣсамъ и подмостямъ на постройки.

Обѣдалъ онъ поочередно у преосвященнаго Леониды или у Петра Ивановича Куманина и изрѣдка у вознесенской игуменьи Паисіи. Вечеромъ онъ опять надѣвалъ свою обыкновенную одежду, а рабочее платье оставлялъ у казначеи, и благодаря ея заботливости оно было всегда высушено и вычищено.

Работы шли успѣшно, благодаря дѣятельности архимандрита Пимена, который заботился чтобы не было задержки въ матеріалахъ и недостатка въ рабочихъ, такъ что у него работало въ одно и то же время по двѣ и по три артели вмѣстѣ. Когда случалось что старицы замедляли работы и не хотѣли выбираться изъ своихъ келій, онъ прибѣгалъ къ понудительнымъ мѣрамъ, заставляя вынимать рамы изъ оконъ, снимали двери, и хотя не безъ ворчанія старицы выбирались и давали просторъ.

Архитекторомъ при этой перестройкѣ былъ А. С. Каминскій, членомъ комитета священникъ Антушевъ.

Работы, начатыя въ началѣ сентября, были совершенно докончены къ концу декабря, такъ что сестры могли снова всѣ размѣститься по своимъ прежнимъ кельямъ, и къ новому 1864 году все было окончено, и работы, и расчеты, и комитетъ закрытъ.

Противъ смѣты не только не было перерасхода, напротивъ того израсходовано на 22 тысячи менѣе, ибо издержано вмѣсто 62 тысячъ только 40, несмотря на то что противъ смѣты сдѣлано вновь 18 каменныхъ погребовъ и кладовыхъ и прибавлено помѣщеній на 70 человекъ, которыхъ предполагалось вывести; и все это было приведено въ исполненіе не въ продолженіе двухъ лѣтъ на то назначенныхъ, а въ теченіе только четырехъ мѣсяцевъ и при томъ еще осеннихъ.

Можно было ожидать что за такую немаловажную услугу митрополиту Филарету выразить свою особенную благодарность ежели не видимою какою-нибудь наградой, то по крайней мѣрѣ скажетъ ему за труды его и стараніе *спасибо*, которое изъ устъ владыки было бы отцу Пимену несравненно дороже всякихъ наградъ, но онъ не заблагоразсудилъ сдѣлать и этого, что можно объяснить только его особенною сдержанностью въ изъявленіи благодарности, для того чтобы трудившійся не возмечталъ о себѣ и не возгордился, воображая что сдѣланное имъ достойно великой похвалы или награды.

V.

Петръ Ивановичъ Куманивъ, такъ сочувственно отнесшійся къ отцу Пимену, видя его скорбь о кончинѣ Александра, и сказавшій ему: „что вы потеряли въ Павлѣ Матвѣевичѣ я постараюсь то восполнить“, сдержалъ слово и сердечно расположившись къ нему внушилъ и ему полное къ себѣ уваженіе и мало-по-малу приобрѣлъ его довѣріе и величественную искреннюю привязанность.

Въ вещественномъ отношеніи Куманивъ оказался еще сдержаннѣе Александра. Были около него люди тайно вредившіе интересамъ монастыря.

Петръ Ивановичъ Куманивъ по лѣтамъ жилъ на дачѣ, и въ 1862 или въ 1863 году онъ провелъ лѣто въ Сокольникахъ, гдѣ отецъ Пименъ у него иногда бывалъ.

„Однажды, говоритъ онъ, я пріѣхалъ къ нему и засталъ его читающимъ бумагу, которую при моемъ входѣ сложивъ онъ положилъ на столъ. Я сталъ извиняться что помѣшалъ ему.

„— Ничего, батюшка, сказалъ онъ мнѣ,—это я переписываю свою духовную въ третій разъ, первая была у меня написана еще въ 1835 году; обстоятельства съ тѣхъ поръ измѣнились, нужно было перемѣнить и духовную.—И немного помолчавъ онъ прибавилъ:—Я надѣюсь что у меня будутъ *остаточки*; для вашего монастыря что-нибудь сдѣлаю; мы съ вами посоветуемся.

„Прошло послѣ этого разговора лѣтъ около двухъ, въ продолженіе которыхъ онъ ни разу не повторялъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ, и видя что онъ молчитъ, не говорилъ ему ничего и я, только однажды, не помню теперь, я намекнулъ ему про что-то что онъ хотѣлъ сдѣлать, но на это онъ отвѣтилъ довольно рѣзко и, какъ видно было, съ неудовольствіемъ:

„— Вы думаете что я что-нибудь при себѣ сдѣлаю? При жизни ни на грошъ я не сдѣлаю.

„Что же мнѣ оставалось послѣ этого какъ не молчать?

„Такъ я ему ничего и не говорилъ пока не представилось удобнаго случая и когда настало время что болѣе молчать уже не слѣдовало. Именно: въ 1864 Петру Ивановичу дѣлали операцію—разбивали камень. Послѣ первой и второй операціи

онъ чувствовалъ себя еще довольно хорошо, такъ что могъ свободно ходить, но послѣ третьей онъ слегъ и уже не вставалъ и не ходилъ болѣе до самой кончины.

„Однажды послѣ третьей операціи какъ я посвѣтилъ его былъ онъ слабъ уже и лежалъ въ постели, онъ меня спросилъ:

„— А гдѣ вы, батюшка, похороните меня?

„— Подъ алтаремъ скитской церкви, отвѣчалъ я ему.

„— Ну, хорошо, батюшка, мнѣ больше ничего не нужно; хотѣлъ только знать гдѣ буду лежать.

„При этомъ случаѣ и видя въ какомъ онъ положеніи я подумалъ не время ли напомнить ему о тѣхъ *остаточкахъ* о которыхъ онъ самъ же говорилъ мнѣ по поводу своего духовнаго завѣщанія. И напомнилъ ему про это.

„— Да, сказалъ онъ,—я это помню. Ну, а что же нужно для вашего монастыря сдѣлать? спросилъ онъ.

„— Вы обѣщали на ограду десять тысячъ рублей?

„— Хорошо; а еще что?“

И отецъ Пимень сталъ исчислять ему чего бы онъ желалъ и что было бы, по его мнѣнію, нужно для монастыря.

Куманинъ слушалъ и продолжалъ считать. Дошедши до 67 тысячъ онъ остановился и сказалъ:

— Да что тутъ, батюшка, считать, вы просто напишите все что вамъ нужно, я надѣюсь что у меня на все станетъ. Я къ вамъ пришлю вѣрнаго человѣка и вы отдадите вашу записку.

Все что отецъ Пимень почиталъ нужнымъ онъ написалъ на записку, и когда отъ Куманина пріѣхали двое присланные въ монастырь, онъ ее имъ передалъ, а они назначили день въ который ему пріѣхать къ Петру Ивановичу за рѣшеніемъ.

Черезъ нѣсколько времени отецъ архимандритъ отправился въ Москву чтобы на утро быть у Куманина, но пока онъ былъ еще на своемъ подворьѣ, собираясь уже ѣхать, вошелъ къ нему одинъ изъ тѣхъ двухъ которымъ онъ передалъ составленную имъ записку и сказалъ ему:

— Мы записку вашу прочитали Петру Ивановичу и раздѣлили ее на три части: первую исполнить—сдѣлать ограду, задній корпусъ отдѣлать на богадѣльню и покрыть ограду—всего 21 тысяча, а прочее все признали для монастыря не нужнымъ и для души Петра Ивановича бесполезнымъ.

— Для чего же вы это сдѣлали, воскликнулъ отецъ Пимень,—раздѣлили на три части и умирающаго человѣка отъ добраго дѣла отводите?

Но присланный отъ Куманина отвѣтилъ ему весьма развязно:

— Ну ужь такъ сдѣлали!

Когда отецъ Пимень пришелъ къ Куманину, тотъ спросилъ его слабымъ голосомъ:

— Ну что, батюшка, слышали?

— Да, Петръ Ивановичъ, слышалъ, отвѣчалъ отецъ Пимень,—и очень сожалѣю.

Куманинъ сдѣлалъ знакъ рукой и сказалъ:

— Это, батюшка, дѣло уже кончено.—И помолчавъ немного онъ сказалъ:—Я ильз, батюшка, на словахъ поручилъ кое-что сдѣлать для вашего монастыря и увѣренъ что они исполнять мою волю. Я надѣюсь на нихъ какъ самъ на себя.

Не понятво до чего и умные люди способны бываютъ иногда ослѣпляться и заблуждаться!

Отецъ Пимень не такого ожидалъ исхода этого дѣла.

Послѣ того одинъ изъ двухъ этихъ вѣрныхъ исполнителей воли умирающаго сказалъ ему:

— Вы, Петръ Ивановичъ, хотѣли батюшкѣ что-то сказать.

— Вотъ что, батюшка, я хочу вамъ сдѣлать гостинчикъ, сказалъ Куманинъ,—хочу подарить вамъ *два тысячи рублей*.

Отца Пимена покорило отъ этихъ словъ и у него въ умѣ промелькнула мысль: „Это они надоумили подкупить меня чтобъ я получивъ для себя двѣ тысячи позабылъ о томъ чего лишился монастырь.“ Но сдерживаясь онъ поблагодарилъ Куманина и насколько могъ сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Я денегъ не приму,—никогда не собиралъ и не для чего мнѣ ихъ собирать...

— Вы можете этимъ оскорбить Петра Ивановича, сказалъ ассистентъ Куманина; ежели не хотите принять для себя, можете распорядиться ими по вашему усмотрѣнью.

Отецъ Пимень на это согласился.

— Если такъ и милость будетъ, то отдайте ихъ лучше въ Горицкій монастырь, о которомъ я васъ просилъ, сказалъ онъ Куманину.

Тотъ отвѣчалъ:

— Я уже для Горицкаго монастыря назначилъ пять тысячъ.

— А въ такомъ случаѣ прошу васъ и эти двѣ тысячи приобщить къ тѣмъ же: тамъ въ монастырѣ моя родная сестра монахиня; пусть пользуется она пожизненно процентами

съ этихъ денегъ, а послѣ ея смерти онъ поступать въ монастырь на ея поминованіе.

Желаніе отца Пимена было исполнено.

Въ продолженіе своей болѣзни Куманинъ неоднократно пріобщался Св. Таинъ, а наканунѣ кончины онъ пожелалъ пріобщиться еще разъ и непремѣнно хотѣлъ особороваться и чтобъ ему и отходную прочитали. Онъ былъ весьма слабъ и отъ того говорить болѣе не могъ, но былъ въ полномъ сознаніи своего положенія и въ совершенной памяти и высказалъ свое желаніе чтобы возлѣ него вслухъ читали Евангеліе, что и продолжали попеременно до самой его кончины, послѣдовавшей къ утру 26 мая 1865 года. Онъ скончался весьма тихо, на 72 году отъ рожденія.

Въ самый день кончины Куманина его душеприказчики телеграфировали его сыну находившемуся тогда въ Вологдѣ, но онъ отвѣтилъ что по болѣзни быть не можетъ.

Мая 29 послѣдовало отгѣваніе тѣла въ церкви Знаменія на Знаменкѣ, гдѣ тогда жилъ Куманинъ, и въ тотъ же день къ вечеру тѣло привезли на Угрѣшу. Съ разрѣшенія владыки встрѣчу сдѣлали торжественную въ св. вратахъ: архимандритъ, монашествующіе и множество блага духовенства при встрѣчѣ служили литію и провожали гробъ до Николаевскаго собора, гдѣ совершали всеобщее заупокойное бдѣніе, а на слѣдующій день литургію и лавнихиду; тѣла Чудовскіе лѣвѣе, тѣло торжественно провожали до скитской церкви, подъ которою въ склепѣ подъ алтаремъ оно и было предано землѣ.

Сынъ Куманина хотя и отозвался что боленъ, однако пріѣхалъ въ самый день похоронъ, и ежели бы пожелалъ могъ бы еще попасть на погребеніе, но этого не сдѣлалъ.

Онъ остался въ Москвѣ и жилъ довольно долго, но ни разу не былъ на Угрѣшѣ на могилѣ отца.

Но не долго и самъ пережилъ отца. По завѣщанію ему тотчасъ выдали сто тысячъ, онъ отправился въ Петербургъ, куда за нимъ въ скоромъ времени послѣдовала одна изъ жительницъ Вологды и вмѣстѣ они поѣхали во Францію, откуда привезли послѣ того его тѣло; осталось ли что послѣ него и кто воспользовался оставшимся—неизвѣстно.

Петръ Ивановичъ Куманинъ къ невѣсткѣ своей былъ расположенъ, сознавая что его сынъ предъ нею очень виновень и по завѣщанію своему оставилъ ей несравненно болѣе чѣмъ сыну.

По духовному завѣщанію Кумининъ оставилъ въ пользу Угрѣвскаго монастыря сто восемь тысячъ руб., распределенные такъ: на постройки 21 т. р., на обезпеченіе скита 40 т. р., на богадѣльню 40 т. р., на разные предметы 7 т. рублей.

VI.

Къ 1866 году относится событіе весьма важное для Угрѣвскаго монастыря, принесшее великую честь отцу Пимену и заслужившее ему всегдашнюю, нескончаемую благодарность сотней, тысячей людей—это учрежденіе и открытіе *монастырскаго народнаго училища*.

Учрежденіе училища на Угрѣвѣ совершилось, можно сказать, случайно и при первомъ своемъ зарожденіи встрѣтило со стороны отца Пимена нѣкоторое даже противодѣйствіе и нерасположеніе, какъ онъ и самъ въ томъ весьма чисто-сердечно признавался.

Въ началѣ 1860-хъ годовъ въ Московской палатѣ государственныхъ имуществъ служилъ совѣтникомъ Я. И. Половъ. Онъ былъ человѣкъ набожный, доброжелательный и весьма правдивый и посѣщая довольно часто Угрѣвшу всегда бывалъ у отца Пимена, который любилъ съ нимъ бесѣдовать, какъ съ человѣкомъ умнымъ, начитаннымъ и откровеннымъ. И всякій разъ заведеть онъ разговоръ на пользу народнаго образованія и начнетъ совѣтовать отцу Пимену открыть училище при монастырѣ.

— Великая нужда монастырю тратиться для крестьянскихъ ребятшекъ, которые и спасибо не скажутъ, говорилъ иногда отецъ Пименъ.

— Вѣрите мнѣ, ваше высокопреподобіе, великую пользу изволите принести всему ближайшему населенію...

— И ровно никакой, никто и не пойдетъ, только убытокъ монастырю будетъ...

— Богу будутъ за васъ молить что вы имъ свѣтъ истинны откроете... Право хорошо бы...

— Ну ладно, ладно... когда вотъ обстроюсь да устроюсь, тогда вотъ и училище заведу...

И подобными разговорами оканчивалась бесѣда объ устройствѣ училища.

Иногда отецъ Пименъ подшучивалъ надъ Половымъ, зная его коверъ, и скажетъ ему:

— Ну такъ какъ же, сударикъ, училище-то открыть?

Тотъ такъ и привскочить на стулъ.

— Откройте, ваше высокопреподобіе, заставьте за себя Богу молить, земно васъ молю...

— Ну хорошо, хорошо.

Отецъ Пименъ слушалъ эти совѣты, какъ говорится въ одно ухо впуская, а въ другое выпуская.

Но Половъ ни мало не смущаясь продолжалъ все-таки приставать къ архимандриту. Наконецъ это стало даже надоедать ему: „Добрый и хорошій человекъ этотъ Яковъ Ивановичъ, а ужъ куда бываетъ иногда надоедливъ со своимъ народнымъ образованіемъ“, думалъ иногда отецъ Пименъ.

На Святой недѣлѣ въ 1866 году опять пріѣхалъ Половъ на Угрѣшу и остался на нѣсколько дней и конечно ежедневно приходилъ къ архимандриту, то послѣ обѣды, то вечеромъ пить чай или поуживать, потому что отецъ Пименъ ко всѣмъ посѣтителямъ былъ весьма внимателенъ и гостеприименъ.

Вечеромъ послѣ вечера 7 апрѣля онъ пригласилъ его къ себѣ чай пить. Когда чай отпили и изъ столовой перешли въ гостиную, Яковъ Ивановичъ сѣлъ, а отецъ Пименъ сталъ ходить по комнатамъ и съ усмѣшкой говорить Полову:

— Ну что же, Яковъ Ивановичъ, когда же ставемъ училище-то открывать? А, на Оминой что ли?

— Вы все, ваше высокопреподобіе, изволите шутить, а я же въ шутку, убѣдительнѣе прошу васъ согласиться...

— Ну вѣдь я и соглашаюсь,—вотъ какой, ничѣмъ ему не угодишь.

— Нѣтъ, я серьезно, кромѣ шутокъ, прошу васъ и даль себѣ слово не отступаться въ этотъ разъ, боюсь Богомъ что не уѣду безъ того чтобы не открыть училище...

— И прекрасно, подшутилъ архимандритъ,—очень буду радъ, мнѣ же лучше что Яковъ Ивановичъ поселится на Угрѣшѣ и будетъ сидѣть у пруда и ждать погоды,—ну что такъ что ли?

— Вы откроете училище? Я только прошу вашего согласія... я все устрою и улажу.

„На этотъ разъ я сталъ сговорчивѣе, рассказываетъ отецъ Пименъ, и согласился открыть училище въ старомъ зданіи упрядненнаго монастырскаго постоялаго двора, на берегу

Москвы-рѣки, думая про себя: „Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣлается; когда еще что будетъ, и учениковъ не собрали, а что тамъ выйдетъ—будетъ видно“.

Такъ мысленно разсуждая отецъ Пименъ желалъ потѣшить Якова Ивановича, согласился и сказалъ ему:

— Стало-быть дѣло рѣшенное—на Угрѣшѣ будетъ училище теперь, а съ Ѳоминой начнутся уроки? что такъ что ли?

— А завтра, батюшка, послѣ обѣдни открытіе? спросилъ Половъ.

— Видишь ты приткій какой.

И такъ это смѣшно показалось отцу Пимену что онъ расхохотался до слезъ, какъ это съ нимъ бывало когда онъ начиналъ смѣяться...

Но только онъ ошибся въ своихъ соображеніяхъ; онъ думалъ что онъ перехитритъ Полова, вышло наоборотъ. „Якову Ивановичу не доставало только моего согласія, а все уже имъ было подготовлено, и едва успѣлъ онъ у меня выманить согласіе какъ тотчасъ же разослалъ онъ повѣстки по соседнимъ деревнямъ чтобы всѣ перечисанные мальчики на слѣдующее утро въ назначенный часъ собрались въ монастырь. На слѣдующее утро къ крайнему моему удивленію я увидѣлъ въ церкви до 60 мальчиковъ готовыхъ поступить въ будущее предполагавшееся училище.“

„Скажи пожалуй, каковъ, какой лукавый, какъ подкрался ко мнѣ за согласіемъ!

„Дѣлать было нечего: по окончаніи обѣдни велѣлъ я съ малымъ крестнымъ ходомъ поднять икону святителя и пошелъ съ братією въ будущее училище и отслужили мы тамъ съ водосвятиемъ молебень. Итакъ апрѣля 8го 1866 года открылось наше народное монастырское училище.“

„Яковъ Ивановичъ былъ въ восторгѣ.“

„Я только удивлялся ему и каюсь что считалъ что все это пустая затѣя которая ничѣмъ не кончится, и скажи мнѣ тогда кто-нибудь что у насъ училище утвердится и дойдетъ до тѣхъ размѣровъ до которыхъ потомъ оно дошло, а бы никогда этому не повѣрилъ.“

Учрежденію монастырскаго училища не мало содѣйствовалъ и преосвященный Леонидъ, потому что когда отецъ Пименъ передавалъ какъ пристаетъ къ нему Половъ съ открытіемъ училища, тотъ ему очень серіозно отвѣчалъ:

— И очень хорошо сдѣлаете... Помните какъ Государыня Императрица одобрительно отозвалась объ Угрѣшѣ по разказамъ дѣтей и похвалила что при монастырѣ благотворительныя заведенія, больница и богадѣльня, а тутъ было бы еще училище. И мой совѣтъ, ежели бы вы у меня его спросили, былъ бы тоже открыть училище.

Въроятно мнѣнше преосвященнаго и перетануло дѣло въ пользу Попова и склонило отца Пимена къ согласію.

Въ числѣ братіи нашелся и преподаватель, который былъ уже года съ два въ монастырѣ въ числѣ послушниковъ и будучи человекъ поведенія одобрительнаго и характера мягкаго, онъ обратилъ на себя вниманіе архимандрита, а такъ какъ онъ былъ изъ духовнаго званія, человекъ учившійся и умный, служившій до поступленія въ монастырь оберъ-аудиторомъ, то онъ и былъ избранъ въ преподавателя. Въ то время онъ назывался Дмитрій Григорьевичъ Байковъ; въ послѣдствіи онъ былъ постриженъ подъ именемъ Досіея, получивъ степень священства и по сіе время находится въ Угрѣшѣ къ пользѣ обители и училища.

Въ послѣдствіи времени отецъ Пименъ понялъ какое значеніе можетъ имѣть училище при монастырѣ, въ особенности когда увидѣлъ съ какимъ сочувствіемъ и съ какою благодарностію оно было принято окрестнымъ населеніемъ и, совершенно отставъ отъ своего первоначальнаго предубѣжденія пріохотился, пристрастился къ монастырскому училищу и не щадилъ ничего для того чтобъ обставить его надлежащимъ образомъ. Когда ветхое каменное зданіе, гдѣ помѣщалось первоначально училище, стало приходить еще въ худшее положеніе и оказалось недостаточнымъ для помѣщенія всѣхъ желавшихъ учиться, онъ прикупилъ у сосѣднихъ крестьянъ неудобный для нихъ участокъ земли смежный съ монастырскою и выстроилъ тамъ новое каменное прекрасное зданіе, въ которомъ теперь и находится Николо - Угрѣшское монастырское народное двухклассное училище.

VII.

Занимаясь внѣшнимъ благоустроениемъ обители ему порученою, отецъ Пименъ зорко слѣдилъ за современнымъ положениемъ монастыря и будучи вполнѣ проникнутъ духомъ монастыря и искренно ему преданъ, онъ съ прискорбіемъ видѣлъ раслуцченность нѣкоторыхъ монастырей и чистосердечно признавался что въ востроеніи монастырей *городскихъ-и-таинныхъ* онъ почиталъ причиной ихъ упадка самый ихъ уставъ; а въ монастыряхъ *общожительныхъ*, въ которыхъ уставъ признавалъ совершеннымъ, въ безпорядкахъ и ослабленіи братіи винилъ болѣе всего настоятелей и частую ихъ перемѣну...

Часто бесѣдуя съ преосвященнымъ Леонидомъ о монастырѣ, къ которому и тотъ былъ весьма приверженъ, и имѣя повятіе объ ономъ по теоріи (хотя и былъ самъ по убѣжденіямъ и по жизни великимъ подвижникомъ и строгимъ аскетомъ), онъ любилъ слушать монашескій разговоръ отца Пимена, заимствуя неизвѣстныя ему свѣдѣнія о практической сторонѣ монастыря, и называлъ его *столпомъ монастыря* * и своимъ *учителемъ въ монастырѣ*.

Изыскивая средства къ утверженію онаго и къ его охраненію отъ причинъ тающихъ добрыя нравы и мудрыя уставы преемственно перешедшіе къ намъ отъ великихъ подвижниковъ Востока, онъ сильно возставалъ противъ *полулѣтцъ*, противъ „отправленія въ монастыри виновныхъ подь начало“ и противъ „исключенія изъ монастырей людей неблагонадежныхъ“.

„Черезъ ссылку виновныхъ монаховъ и блага духовенства въ монастыри, говорилъ отецъ Пименъ,—начальство ничего не достигаетъ, это нецѣлесообразная, даже пагубная мѣра, ибо чрезъ это рѣдко приносится польза людямъ нравственно

* Письмо преосвященнаго къ отцу Пимену (№ 76) отъ 25 августа 1873 года начиналось такъ: *Миръ тебѣ столпе монастыря*, но когда послѣ комочки преосвященнаго письма его списывались для печатанія, отецъ Пименъ слова *столпе монастыря* замѣнилъ выраженіемъ *любимелю монастыря* и при этомъ сказалъ: *Ну это узѣ черезчуръ высоко*, это преосвященный могъ написать ко мнѣ по своему расположенію, а при печатаніи я этого слова не допущу. Экой Пименъ *самовольно* скажутъ, не хочу соблазнять близкихъ, довольно съ меня быть и *любимелю монастыря*.

испорченными, но всегда причиняется великій вред обителямъ: это глупы нравы монашества вообще и вредитъ ему во мнѣнїи мірянъ, которые, слыша о буйствахъ и безчинствахъ творимыхъ въ обителяхъ (гдѣ есть подначальные), не зная отъ кого происходятъ безпорядки, обвиняютъ всю братію и осуждаютъ все монашество, тогда какъ набуянчилъ можетъ-быть какой-нибудь пьяный причетникъ за пьянство и ссорами.

„Поздно или рано епархіальное начальство должно непременно придти къ тому заключенію что виновнаго всего лучше исправлять въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ онъ провинился, ибо 1) всѣ знаютъ въ чемъ его вина и ему слѣдовательно нельзя сказать что онъ страдаетъ безвинно; 2) къ его характеру привыкли и скорѣ найдутъ средства къ управленію язвы; 3) не заражаются нравственно испорченные люди отъ соприкосновенія съ людьми зараженными и закостылыми во злѣ (*съ неповинными неповиненъ будешь и со строптивыми развратившись*); 4) легче искоренять зло единичное нежели тамъ гдѣ совокулляется зло разнородное, и 5) наконецъ виновный скорѣ исправится въ своемъ мѣстѣ и не впадаетъ въ отчаяніе. *Нужно не утѣшеніе человека, но исправленіе виновнаго.*“

Подобное изложеніе своего мнѣнія человѣкомъ неученымъ и малограмотнымъ даетъ понятіе о правильности и послѣдовательности его мышленія, о томъ что онъ вдумывался въ серьезные вопросы, когда была въ томъ нужда (а не всегда лезъ по лѣсамъ и высчитывалъ кирпичи), и умѣлъ найти точныя и соответственныя выраженія чтобы передать свои мысли.

Пресвященный всегда съ удовольствіемъ слушалъ простую; неизысканную рѣчь отца Пимена, неоднократно просилъ его и приступалъ къ нему чтобы онъ составилъ записку о тѣхъ мѣрахъ которыя онъ почиталъ полезными для благочинія монастырей и для управленія монашествующихъ.

— Вы составьте такую записку, а я найду удобный случай и представлю ее на благоусмотрѣніе владыки; за это онъ васъ подъ начало не пошлетъ, а только поблагодаритъ васъ.

— Какъ могу я, пресвященнѣйшій, сочинять и составлять записку назначенную для подачи владыкѣ, когда я во все писать не умѣю, грамматикѣ не учился и правописанія совсѣмъ не знаю.

— Ахъ, отецъ архимандритъ, отложите пожалуста въ

сторону всѣ эти мелочи, мы знаемъ очень хорошо что вы не докторъ богословія, а настоятель авва, опытный монахъ, и поэтому не станемъ отъ васъ требовать изящной литературы, нужна ваша мысль, желаемъ слушать ваше мнѣніе... лишите какъ знаете, какъ умѣете; всѣ ваши ошибки въ языкѣ и правописаніи будутъ исправлены... Не въ этомъ сущность, нужно дѣло... Слышите, за послушаніе извольте заняться этою запиской и скорѣе мнѣ ее пришлите.

Эти переговоры о монашествующихъ и о подначальныхъ происходили въ началѣ 1867 года, когда не только вся Московская епархія, но можно сказать вся Россія и все православіе Востока готовились къ празднованію пятидесятилѣтняго юбилея владыки въ святительскомъ санѣ, и поэтому и преосвященный и отецъ Пименъ были весьма озабочены и слѣдовательно не до записокъ о монашествѣ было ни тому ни другому, какъ участникамъ въ этомъ всеобщемъ торжествѣ всей русской іерархіи и Москвы въ особенности.

Описывать празднованіе юбилея владыки почитаю излишнимъ, такъ какъ въ свое время было о немъ столько и такъ подробно вездѣ писано что краткое сказаніе о днѣ 5 августа 1867 года помѣщенное въ воспоминаніяхъ отца Пимена не заслуживаетъ особаго вниманія, будучи довольно сжатымъ разказомъ, въ которомъ преимущественно говорится о лицахъ участвовавшихъ въ торжествѣ, почему и не станемъ передавать его здѣсь читателямъ.

Владыка, какъ извѣстно, былъ весьма обремененъ послѣ юбилея перепиской съ нѣкоторыми высокими лицами поправлявшими его и которымъ надлежало отвѣтствовать письменно, такъ что и по простествіи болѣе двухъ мѣсяцевъ онъ еще не всѣмъ успѣлъ отвѣтить, и смерть внезапно его похитившая не дала ему времени докончить благодарственнаго посланія къ одному изъ вселенскихъ патріарховъ. Но посвящая часть дня этимъ личнымъ своимъ занятіямъ онъ не менѣе усердно и бдительно занимался дѣлами епархіи и пробывъ до октября въ Лаврѣ возвратился въ Москву и по всей вѣроятности вслѣдствіе какого-нибудь разговора о монастыряхъ, монашествѣ и подначальныхъ, который имѣлъ съ нимъ преосвященный Леонидъ, послѣдній написалъ отцу Пимену письмо слѣдующаго содержанія:

„Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ! Очень желалъ бы видѣться съ вами. Еслибы вы, пользуясь ясною погодой,

которая можетъ-быть и до завтра простоять, пріѣхали ко мнѣ завтра къ вечеру, то этимъ доставили бы удовольствіе людямъ давно васъ не видавшимъ и *дню къ обоемъ намъ ближнему пользу* (ибо оно касается монашества).

„Съ совершеннымъ почтеніемъ остаюсь душевно вамъ преданный Леонидъ Еп. Дм.“

Суббота, 14 октября 1867 года.

Въ напечатанномъ собраніи писемъ преосвященнаго къ отцу Пимену подъ этимъ письмомъ (№ 36) помѣщено примѣчаніе отца Пимена: *„Записка о подначальныхъ, въ которой я излагалъ свое мнѣніе что подначальныя изъ чужихъ монастырей только портятъ братство того монастыря въ который ихъ посылаютъ.“* Таковая записка дѣйствительно была начерно набросана отцомъ Пименомъ, но до перепискѣ передѣлана и замѣнена тою изъ которой предлагаемъ отрывки.

Не станемъ обременять читателей и вполнѣ приводить всю записку, что для многихъ показалось бы весьма утомительнымъ, мы не можемъ однако вовсе опустить ее и, заимствуя изъ оной самыя главныя черты, желаемъ доказать этими отрывками что люди отъ природы умные и даровитые, хотя бы и вовсе не получили никакого образованія и *сами считающіе себя малограмотными и неспособными*, могутъ написать (положимъ диктуя другому) такое ясное и послѣдовательное изложеніе своихъ мыслей что никакою умной и съ тѣмъ вмѣстѣ ученый человекъ не устыдился бы поставить своего имени подъ подобною запиской и едва ли бы могъ написать что-нибудь болѣе полезное по сему вопросу и яснѣе изложенное.

Зная что преосвященный имѣетъ намѣреніе представить владыкѣ на благоусмотрѣніе, отецъ Пименъ не рѣшился составить записки собственно *о подначальныхъ*, но предпочелъ изложить въ ней общія причины упадка современнаго монашества, дабы не показалось что онъ какъ бы даетъ совѣты начальству какъ дѣйствовать, потому и озаглавилъ ее:

О исключеніи изъ монастырей людей неблагонадежныхъ, какъ о мѣрѣ предупредительной для охраненія благочинія монастырскаго.

„I. Исключеніе изъ монастыря людей неблагонадежныхъ дѣло весьма обыкновенное, мѣра которая представляется намъ первою, какъ самая легкая, и къ которой оттого

постоянно и прибѣгаютъ, но которая *безусловно сама по себѣ* не только не есть полезная, но скорѣе еще можетъ оказаться вредною, ибо изгоняемый изъ одного монастыря переходить въ другой, въ третій и т. д., вслѣдствіе чего происходятъ только излишнія хлопоты и затрудненія нарушающія монастырское благочиніе и не приносящія никакой пользы... Люди съ дурными наклонностями, переходя съ мѣста на мѣсто, способные къ воспринятію только того что дурно, и сами въ каждой обители почерпываютъ что-нибудь худое и вездѣ послѣ себя, какъ слѣды своего пребыванія, оставляютъ хотя малую частицу душевредной прилипчивой своей заразы. Слѣдовательно безусловное исключеніе изъ монастырей людей неблагонадѣжныхъ оказывается въ сущности мѣрой вредною... Изъ наблюденій давно замѣчено что одинъ дурной примѣръ причиняетъ несравненно болѣе вреда нежели сто хорошихъ приносить пользы... Всѣ старанія предупредить зло оказались бы совершенно тщетными ежели бы мы удовольствовались тѣмъ что *косвенно* противодействуетъ злу. Этого далеко не достаточно. Мы должны заглянуть въ глубину чтобъ удостовериться не тамъ ли таится зло нами искореняемое и какъ роса постоянно выступающее снаружи.

„Ежели въ жизни духовной; имѣющей задачей *высшее само-совершенствованіе* человека, почитается великимъ зломъ не только малѣйшее уклоненіе отъ добра, но вмѣняется во грѣхъ и то добро которое мы могли бы совершить и не совершили...

„Ежели и *невольное уклоненіе помысловъ инока отъ небеснаго и отчнаго къ земному и временному должно быть почитаемо духовнымъ любопытствомъ и скпотаствомъ* (какъ замѣчаетъ преп. Кассіанъ), то что же придумаемъ мы сказать себѣ въ оправданіе что постоянно оказывала *нерадѣніе* при дознаніи причинъ зла отъ котораго происходитъ явное, частое и грубое нарушеніе благочинія монастырскаго! Зло это однако такъ явно и такъ поражаетъ своею очевидностію что нельзя его не видать. Мы хотимъ снаружи исправить то зло причины котораго таится внутри. Такой образъ дѣйствованія можетъ повлечь за собою рано или поздно неминуемое разложеніе монашества и нравственный совершенный его упадокъ. Гдѣ же таится причина этого зла?

„Въ монастыряхъ штатныхъ, городскихъ, зло таится въ са момъ уставѣ штатнаго монастыря; въ общежитіяхъ зло

происходить отъ уклоненія настоятелей отъ устава общежительнаго и отъ частой перемѣны настоятелей.“ *

II. Монастыри штатные.

„Уставъ монастыря штатнаго частію попускаетъ, а частію повуждаетъ отступать отъ монашескихъ правилъ и нарушать обѣты которые однакъ вездѣ одни и тѣ же... Штатный монахъ вчера былъ постриженъ и произвесь обѣты *умолчудія, нестяжанія и послушанія*; сегодня призывается къ участию въ дѣлѣхъ братской кружки и такимъ образомъ *становится совершенно законно безнаказаннымъ нарушителемъ одного изъ произнесенныхъ имъ обѣтовъ — нестяжанія* **.

„Разсматривая совершенно безпристрастно положеніе штатнаго монаха приходишь къ заключенію что невозможно слѣшкомъ строго судить его за нарушеніе обѣтовъ, ибо тѣ правила которымъ онъ подлежитъ (въ городскихъ монастыряхъ) не только не преслѣдуютъ его отступленій, но частію къ тому содѣйствуютъ, а иногда и вынуждаютъ и ставятъ его на скользкую стезю соблазна, на которой трудно не преткнуть ноги своей о камень. Именно: пришедшій изъ міра въ штатный монастырь: 1) поставленъ въ необходимость *заботиться о вещественномъ* (келейныя принадлежности, одежда,

* Мы уже замѣчали выше что отецъ Пименъ, какъ сторонникъ устава общежительнаго, безспорно прекраснаго, пристрастно смотрѣлъ на монастыри общежительные и съ предубѣжденіемъ и не безъ нѣкоторой жестокости отзывался о монастыряхъ штатныхъ, отвоя неурядицы въ нихъ чаще проявляющіяся чѣмъ въ общежитіяхъ къ самому уставу, а не къ тому что штатные монастыри преимущественно *въ городахъ*, среди мовы и суеты житейской, которая и есть самое главное зло для людей удаляющихся отъ міра.

** Если мы станемъ строго судить нарушеніе *нестязательности* съ точки зрѣнія древняго общежительнаго монашества, то не можемъ не соваться что и *общежительные современныя иноки* имѣютъ *стяжаніе, собственность*, и ежели она заключается не въ деньгахъ (которыя также бывають у монаха общежительнаго, когда ему ихъ даютъ или онъ вырабатываетъ и ихъ хравить), то въ вещахъ, одеждахъ, книгахъ; слѣдуетъ также нарушеніе, только въ иномъ видѣ, тогда какъ древніе общежительные иноки не допускали *никакой собственности, никакого стяжанія* — все общее, своего нѣтъ ничего.

обувь, бѣлье, чай и прочее), 2) привыкаетъ слишкомъ легко смотрѣть на частыя сношенія старшей братіи съ женщинами (которыя шьютъ платье или бѣлье, стираютъ, моютъ полы) и не почитаетъ того нисколько предосудительнымъ и, наконецъ, 3) не пріобрѣтаетъ необходимаго для монаха навыка *отсѣкать своей воли*; ибо между часами богослуженій невозбранно выходить за ограду, и ежели даже не во зло употребляетъ свою свободу, то уже тѣмъ погрѣшаетъ что оставивъ міръ опять возвращается къ его суетамъ и по *своей волѣ идетъ и дѣлаетъ что хочетъ...*

„Слѣдовательно съ самаго своего вступленія въ штатный монастырь, вслѣдствіе дѣйствующихъ тамъ правилъ (а главное по причинѣ вкоренившагося въ умѣ штатныхъ, городскихъ, монаховъ непонятнаго убѣжденія что *штатный монахъ можетъ жить какъ хочетъ и дѣлать что ему угодно*), новопришедшій не лобуждается къ духовному преуспѣванію, привыкаетъ ложно смотрѣть на дѣйствительныя требованія монашества (которое одно и то же вездѣ) и, готовясь или желая современемъ получить монашество, заранѣе пріучается нарушать тѣ обѣты которые ему придется произнести...

„При подобныхъ условіяхъ монашество есть слѣдовательно не болѣе какъ одна вышность...

„Ежели еще не суждено осуществиться желанію истинныхъ ревнителей монашества—видѣть всѣ монастыри преобразованными въ *общежитія*,—надлежитъ по крайней мѣрѣ пещись объ *ограниченіи монастырскаго благочинія*. Для сего не достаточно безусловнаго исключенія изъ монастырей людей неблагонадежныхъ, что дознавр и изъ опыта... необходимо устранить причины порождающія зло, именно:

„1) *Не выдавать денегъ изъ братской кружки* не умѣющимъ съ пользою употреблять ихъ для себя, таковымъ искупать все нужное, остающіяся деньги хранить какъ ихъ собственность.

„2) *Воспретить женщинамъ входить въ кельи* подъ предлогомъ стирки или шитья бѣлья, платья, мытья половъ и проч.; ежели же окажется невозможнымъ распространить сіе правило на всѣхъ безъ изъятія, то дозволить только старцамъ строгой жизни, или духовникамъ въ крайнихъ случаяхъ принимать у себя извѣстныхъ почтенныхъ особъ или ближайшихъ родственниковъ... Но и духовнымъ отцамъ полезнѣе дозволить отлучаться для посѣщенія духовныхъ чадъ чѣмъ

принимать женщинъ у себя въ кельи, что и для нихъ могло бы быть допускаемо въ особыхъ рѣдкихъ случаяхъ въ видѣ исключенія; остальнымъ же всѣмъ безразлично, безъ исключенія, вовсе воспретить принимать у себя въ кельи никакую женщину кто бѣ она ни была. Нужно видѣть мать, сестру, дочь, тетку—отпросить сходить повидаться, а у себя не смѣя принимать.

Ежели помѣщенія монастыря и число братіи не позволяютъ *устроить свою собственную стирку бѣлья* (ибо она служитъ иногда предлогомъ для пріема женщинъ), полезно было бы избрать одного изъ пожилыхъ извѣстныхъ нравственностію и честностію брата, которому было бы вѣнчено въ обязанность въ опредѣленное время обходить кельи и собирать или разносить бѣлье; а для мытья половъ (какъ и для чистки трубъ) можно имѣть мушину, а не женщинъ.

3) Никому изъ братіи безъ вѣдома казначея или благочиннаго ни въ какое время никуда изъ монастыря не отлучаться ни на самый краткій срокъ.

4) Настоятелямъ, вполнѣ понимающимъ свои обязанности и желающимъ въ точности исполнять оныя, какъ слѣдуетъ *пастырямъ добрымъ, а не наемникамъ*, какъ отцамъ любвеобильнымъ и почитательнымъ, а не какъ недоступнымъ начальникамъ презирающимъ подчиненныхъ имъ братій, надлежало бы по возможности не удаляться отъ общенія съ братіей, не гнушаться сотрапезованія съ ними (отчего и трапеза будетъ чище, лучше и чиннѣе) и самимъ имѣть неусыпный надъ ними надзоръ, видя въ нужды и положеніе каждаго, дабы всѣ благоденствовали, а не полагаться на поверхностныя и не всегда безпристрастныя объясненія *старшихъ* (ежели къ сожалѣнію они не вполнѣ благонадежны, а замѣнить ихъ некъмъ), ибо и они, будучи не безъ слабостей, дабы не возбудить недоброжелательства (въ младшихъ, могущихъ обнаружить ихъ собственныя погрѣшности), волей-неволей иногда вынуждены бываютъ утаивать, прикрывать и мирволить, и потому, обманывая настоятеля, только для *формы* ему кое-что передаютъ (а иногда безъ нужды наущиваютъ) или преувеличиваютъ (дѣлая изъ мухи слона), однихъ тѣснятъ, другимъ покровительствуютъ, а зло между тѣмъ растетъ и зрѣетъ и тогда только обнаруживается когда бѣдѣ помочь уже невозможно.

4) Наконецъ должно упомянуть въ частности и о тѣхъ

бѣдныхъ загородныхъ штатныхъ монастыряхъ которые по скудости средствъ посылають за сборомъ по кнѣгѣ или по установившемуся обычаю въ ходы съ иковой, таковыхъ прежде всего слѣдуетъ: а) *ограничить число братій* соотвѣтственно съ возможностью къ безбѣдному ихъ существованію (но ежели и этого недостаточно для того чтобы не посылать по сбору), б) *обратить особое вниманіе на посылаемыхъ сборщиковъ*: избирать ихъ изъ числа самыхъ благонадежныхъ братій, честныхъ, трезвыхъ, строгой нравственности, рачительныхъ къ обители и *не юныхъ лтѣми*, но искусившихся въ жизни и опытныхъ въ монашествѣ. Это одно изъ необходимыхъ условій, дабы сборщики находящіеся въ постоянномъ общеніи съ мірянами и сами бы не повреждались отъ мірскихъ обычаевъ (несвойственныхъ монахамъ) и не только бы не соблазняли мірянъ своею предосудительною, слабою жизнію, но могли бы и ихъ воздержать отъ худаго и сказать имъ слово на пользу, и наконецъ чтобы не расточая или не утаивая подаемаго усердіемъ мірянъ дѣйствительную бы приносили помощь своимъ обителямъ и своими сборами помогали бы имъ въ ихъ оскудѣніи.

„Но къ сожалѣнію это рѣдко соблюдается, и имѣя въ виду только вещественную прибыль, посылають по большей части именно худшихъ людей, ненужныхъ для обители, совершенно улуская изъ вида что міряне всегда съ недовѣріемъ глядятъ на сборщиковъ, видя въ нихъ только праздношатающихся бродягъ, тунеядцевъ, живущихъ на счетъ общества и достойныхъ всякаго осужденія. По нимъ составляютъ они себѣ превратное понятіе объ обители и монашествѣ вообще и не уважая сборщиковъ, а чаще презирая, отлускають съ пустыми руками, не рѣдко же и гонять отъ себя какъ людей подозрительныхъ и опасныхъ... Такимъ образомъ возвращеніе сборщиковъ въ ихъ обители скудную приносятъ имъ пользу и въ вещественномъ отношеніи и великій вредъ въ нравственномъ, присовокулая ко злу уже существующему сѣмена новыхъ золъ отъ міра собираемыхъ... Что же касается высылки или исключенія изъ монастыря людей неблагонадежныхъ, полезнымъ полагаемъ при этомъ наблюдать слѣдующія условія:

„1) Вмѣнить настоятелямъ въ непремѣнную обязанность немедленно заявлять своимъ благочиннымъ о высылаемыхъ и исключаемыхъ изъ монастырей лицахъ съ прописаніемъ за какою именно проступокъ удаленъ виновный.

„2) Чтобы такое заавленіе было безъ замедленія тотчасъ же циркулярно сообщено всѣмъ монастырямъ епархіи, въ особыхъ важныхъ случаяхъ не мѣшало бы сообщать для напечатанія въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, и

„3) Обязать настоятелей чтобы они таковыхъ по неблагонадежности исключенныхъ людей къ себѣ не принимали подъ опасеніемъ строгой за то отвѣтственности...

„Въ такомъ видѣ исключеніе можетъ безспорно принести пользу: каждый пойметъ какъ затруднительно поступать изъ одного монастыря въ другой и, опасаясь исключенія, будетъ вести себя внимательнѣе и дорожить тѣмъ монастыремъ въ которомъ находится.“

III. Монастыри общежительные.

„По самому существу своего устава и по многочисленности братства монастыри общежительные должны были служить разсадниками для другихъ, изобилуя людьми способными, иноками искусившимися въ жизни подвижнической и опытными въ дѣлѣ богоугодія, но къ несчастію мы не всегда это встрѣчаемъ, ибо и общежитія весьма часто ощущаютъ недостатокъ въ подобныхъ людяхъ... Правственная порча въ общежитіяхъ происходитъ отъ трехъ причинъ: 1) отъ невниманія и нерадѣнія новоначальныхъ въ исполненіи послушаній; 2) отъ уклоненія настоятелей отъ устава общежительнаго, и 3) отъ частаго перемѣщенія настоятелей.

„1) По мѣрѣ того какъ новоначальный пребываетъ въ монастырѣ, вмѣсто того чтобы преуслѣвать ему въ подвигахъ подъ руководствомъ опытнаго старца и *восходить отъ силы въ силу*, имъ овладѣваютъ разлѣненіе, безлечность и равнодушіе къ дѣланію духовному, начинаютъ обнаруживаться различныя недостатки, появляются слабости, возникаетъ своеволіе, и человекъ идетъ быстрыми шагами къ совершенному упадку въ нравственномъ отношеніи.

„Но таковыя недостатки — недуги современнаго монашества — не суть впрочемъ явленіе новое, они всегда проникали въ иноческія обители и противъ нихъ искони вооружались святые отцы и ревнители благочестія, іерархи наши жившіе въ XV и въ XVI столѣтіяхъ, такъ Симеонъ, архіепископъ Новгородскій (1416—1432), Московскій митрополитъ Даниилъ,

митрополитъ Макарій, Максимъ Грекъ и мн. др. И самъ царь Иоаннъ Грозный въ посланіи своемъ къ игумну Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря упрекаетъ его въ послабленіи знатымъ боярамъ и князьямъ, которые тамъ иночеству своевольничали и самочинствовали и своею жизнію тлили благіе обычаи и строгій уставъ древней обители. Но многіе изъ этихъ бояръ-царковъ были насильственно пострижены по царскому повелѣнію и поневолѣ жительствовавши въ монастыряхъ, возможно ли же было и ждать отъ нихъ особенно благочестивой жизни? По крайней мѣрѣ при всей грубости тогдашнихъ пороковъ, происшедшей отъ всеобщаго невѣжества и полудикой простоты нравовъ, духъ сокрушенія пробуждалъ раскаяніе, а искреннее сознаніе своихъ недостатковъ отчасти искупало ихъ. Въ настоящее время это встрѣчается весьма рѣдко, можно даже сказать почти какъ исключеніе.

„Просвѣщеніе проникшее во всѣ слои общества много смягчило нравы народныя, а князья и бояре (*тлители благихъ обычаевъ монастырскихъ и самовольные нарушители уставовъ*, по словамъ Грознаго), утративъ младенческую простоту вѣры своихъ предковъ, не только давно уже перестали сами вступать въ обители иноческія, но даже и во все чуждаются ихъ, зло же и нестроеніе за три, четыре вѣка до насъ существовавшія въ монастыряхъ между тѣмъ не умаляются, а возрастаютъ... Кого же мы обвинимъ въ этомъ?

„2) Зло происходитъ отъ настоятелей. Они жалуются на своеволие братій и не думаютъ допросить себя: сами-то они не уклоняются ли отъ правилъ св. отецъ? Въ точности ли они стараются соблюсти уставъ общежительный, выполняя обязанности онымъ на нихъ возлагаемыя? Не умолчимъ горькой истины и скажемъ что настоятели по большей части руководствуются не правилами св. отецъ, не уставами общежительными искони дѣйствовавшими, *но собственнымъ своимъ произволомъ.*

„Вслѣдствіе этого и происходитъ упадокъ въ общежитіяхъ какъ *во внѣшнемъ устройствѣ*, такъ и въ *настроеніи духовномъ*: ежели настоятель, который долженствовалъ бы служить примѣромъ и быть образцомъ для словеснаго стада преподобнаго ему, какъ опытному руководителю и доброму пастырю, самъ себѣ дозволяетъ произвольно уклоняться и отступать отъ правилъ общежительныхъ, составленныхъ

великими и мудрыми подвижниками благоугодившими Господу и бывшихъ въ дѣйстви въ продолженіе тысячелѣтнаго своего существованія,—можетъ ли таковой настоятель ожидать, имѣеть ли онъ право требовать отъ подчиненнаго своего чтобы тотъ строго соблюдалъ монашескія правила и безусловно подчинялся бы его требованіямъ, часто быть-можетъ совершенно личнымъ, а не рѣдко даже и не вполне благоразумнымъ, когда подчиненный видитъ неуваженіе настоятеля къ закону и отступленія его и нарушенія? Это немислимо.

„Наконецъ 3) *частыя перемѣщенія настоятелей изъ обители въ обитель величайшее зло*: преемникъ не провинкутый духомъ своего предшественника, а иногда и не мирствовавшій къ нему, начинаетъ съ того что все до него бывшее, хотя бы оно и дѣйствительно было хорошо, разрушаетъ *потому только что оно введено не имъ самимъ, не при немъ*, не довольствуется тѣмъ что пополняетъ или исправляетъ тѣ недостатки которые точно могли ускользнуть отъ вниманія его предшественника, онъ вводитъ новый порядокъ, и не рѣдко бывають случаи что прежде еще чѣмъ онъ успѣетъ привести свою мысль въ исполненіе его назначаютъ въ иное мѣсто, и такимъ образомъ существовавшее до него уже отмѣнено и разрушено, а начатое и предположенное имъ не довершено. Вотъ почему обители гдѣ часто смѣнялись настоятели по большей части представляются неблагоустроенными, и напротивъ того гдѣ въ продолженіи долгаго времени власть сосредоточивается въ рукахъ одного и того же благонамѣреннаго и слѣдовательно опытнаго уже отъ навыка руководителя мы видимъ благоустройство и благоденствіе.

„Нельзя не сознаться безпристрастно что въ этомъ отношеніи въ странахъ католическихъ (несмотря на всѣ недостатки и злоупотребленія разнородныхъ орденовъ ихъ монашества) монастыри оттого такъ и процвѣтали и славились что *уставы основателей или первоначальниковъ всегда были строго и въ точности соблюдаемы*, ибо духъ и мысль предшественника съ нимъ не умирали, но съ новою силой воскресали въ его преемникъ, который продолжалъ дѣло до него начатое, не опасаясь (ежели онъ не довершитъ предположеннаго имъ) чтобы послѣ него оно было отмѣнено или оставлено: *тамъ была наследственность, преемственность власти дѣйствовавшей на основаніи правъ однажды введеннаго устава того ордена къ которому причислялась обитель*.

„Вотъ почему латинское духовенство могло имѣть столь сильное вліяніе на народъ и постепенно пріобрѣсти такое высокое значеніе: *во всегдашнемъ всеобщемъ единодушіи и единомыслии всего духовенства Запада таилась причина его непоколебимой силы нравственной и власти духовной на общество.*

„Сравнивать труды и подвиги духовные современнаго монашества съ молитвенными подвигами, съ воздержаніемъ и неослабнымъ духомъ ревности преподобныхъ отецъ до насъ жившихъ (житія которыхъ служатъ только обличеніемъ нашимъ временамъ *малострѣя* и *безстрѣя*), дѣло немислимое, и чтобъ ихъ возобновить и воссоздать для этого нужно бы пересоздать все современное общество насъ окружающее, слѣдовательно объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, но есть множество такихъ монашескихъ правилъ и обрядовыхъ дѣйствій которыя нисколько не обременительны и вполне совмѣстны съ немощами современнаго монашества, которыя за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ по древнему преданію преемственно сохранялись еще во многихъ обителяхъ и которыя въ настоящее время гдѣ пришли въ уладокъ, гдѣ вовсе утрачены. Такъ во всѣхъ пустыняхъ и монастыряхъ Московской епархіи: 1) былъ *уставъ общежительскій*; 2) существовало *старчество*; 3) было *пѣніе столбовое*; 4) соблюдался *чинъ трапезы—возношеніе Папагіи*; 5) хранили *нестяжательность* и проч.

„Теперь это все только обличительныя воспоминанія, свѣжія однако въ памяти немногихъ благочестивыхъ старцевъ донынѣ еще живущихъ и которые какъ несокрушимые памятники прошедшаго могутъ свидѣтельствовать объ отступленіи современнаго поколѣнія!

„Московская епархія, какъ всегда первенствовавшая по своему духовно-нравственному историческому значенію такъ и по многочисленности своихъ монастырей и монашествующихъ, должна была бы, казалось, быть средоточіемъ духовной жизни и представительницей монашества: обители ея благоустроенныя по внѣшности и вполне обезпеченыя по средствамъ, должны бы были преимущественно предо всѣми прочими привлекать людей самыхъ благонамѣренныхъ въ число братій; но совершенно иное видимъ мы къ несчастію въ дѣйствительности: въ былые годы и другія епархіи заимствовали отъ нея для своихъ монастырей настоятелей, нынѣ же

такъ оскудѣла она людьми созрѣлыми для управленія что едва-едва и сама находить кого избирать изъ среды своей.

„Слѣдовательно не во внѣшнемъ благоустроеніи обитателей, не въ ихъ обезпеченіи средствами и не во многочисленности братіи таится та великая духовная сила которая монашество и укрѣпляетъ въ истинномъ разумѣ людей добровольно оставившихъ міръ и поревновавшихъ всецѣло послужить Господу, нѣя не путемъ обычнымъ, открытымъ для всякаго православнаго мірянина...

„Никогда самыя злѣйшіе враги христіанства и заклятые гонители монашества не нанесуть столь тяжкаго удара и не причиняютъ такового вреда „какъ *нерадѣніе, разлѣченіе и безпечность* братій съ одной стороны, и *самочиніе, небрежность, а можетъ-быть даже цюгда и недобросовѣстность* и *слабость* правителей: какой же отдадутъ они отвѣтъ Господу, столь же строго истязующему цюка за самыя сокровенныя помышленія и движенія и чувствованія сердца,—какъ мірянина за произнесенное имъ слово или совершенныя имъ дѣла.“

VIII.

Въ послѣднихъ числахъ іюля этого же (1867) года отецъ Пименъ испытывалъ прискорбіе, не лишнее впрочемъ и въ некоторой отрады: онъ провожалъ казначея угрѣшскаго іеромонаха Сергія назначеннаго строителемъ въ Коломенскій Старо-Голутвинъ Богоявленскій монастырь. Очень грустно было настоятелю Угрѣшскому лишаться хорошаго и вѣрнаго сотрудника и ревностнаго во всѣхъ отношеніяхъ блюстителя благочинія монастырскаго: но съ другой стороны отецъ Пименъ не могъ не радоваться что Угрѣша настолько уже успѣла созрѣть подъ его управленіемъ что изъ числа своихъ постриженниковъ могла удѣлать одного изъ братій въ настоятели общежительному Старо-Голутвину монастырю.

Съ 1800 и по 1829 годъ тамъ былъ строителемъ старецъ Самуиль, полагавшій начало на Пѣшиношѣ при настоятелѣ и строителѣ *Иенатіи*, постулившемъ изъ Введенской Островской пустыни (въ 1781), который потомъ (въ 1788) былъ переведенъ въ Большой Тихвинъ монастырь и умеръ (въ 1796) архимандритомъ въ Московскомъ Симоновѣ монастырѣ. Отецъ Самуиль болѣе 20 лѣтъ провелъ подъ руководствомъ

опытнаго и богомудраго старца—игумена Макарія (въ послѣдствіи архимандрита и схимонаха), и когда Старо-Голутвинъ монастырь былъ преобразованъ въ пустынный общежительный, при митрополитѣ Шатовѣ (въ 1799), и владыка, уважавшій отца Макарія за свѣтлый умъ его, монашескую опытность и искусство управлять (хотя онъ былъ вовсе не изъ ученыхъ)—обратился къ нему прося указать ему на таково же цюка - подвижника, котораго могъ бы сдѣлать настоятелемъ въ Голутвинъ Богоявленскій монастырь, который предположено было преобразовать изъ второкласснаго штатнаго въ общежительный заштатный, * отецъ Макарій указалъ ему на Самуила. И благодаря этому простецу-подвижнику, весьма малограмотному, даже хорошо не знавшему Священнаго Писанія, но исполненному усердія побуждавшаго его *поучаться и оеть и ноць въ законъ Господень*, Старо-Голутвинъ монастырь скоро процвѣлъ и подобно Пышношѣ, возродившейся подъ рукою Макарія, сталъ славиться своимъ внутреннимъ благочиніемъ, исправнымъ служеніемъ, столбовымъ пѣніемъ и жизнию благоговѣйныхъ и богомудрыхъ старцевъ.

* Приводимъ любопытную подробность изъ исторіи Голутвина монастыря. Когда въ 1799 году Коломенская епархія (основанная отцомъ великаго князя Дмитрія Донскаго въ 1350) была упразднена, митрополитъ Шатовъ ниспѣшилъ въ архіерейскій домъ перевести монашествующихъ изъ Голутвина-Богоявленскаго монастыря, сдѣлавъ его второкласснымъ штатнымъ, и назвала его Ново-Голутвинскимъ Троицкимъ, въ отащіе отъ существовавшаго Богоявленскаго, который сталъ называться Старо-Голутвинскимъ. Митрополитъ опасался чтобы прекрасный и обширный архіерейскій домъ (подобно московскому что на Крутицахъ) не былъ обращенъ въ казармы, что дѣйствительно и случилось бы непременно, безъ предосторожности митрополита, такъ какъ три года спустя (12 сентября 1803) графъ Аракчеевъ писалъ митрополиту что онъ находитъ архіерейскій домъ удобнѣе *„для того чтобы помѣститъ въ немъ два эскадрона кирасира съ лошадьми и со всеми принадлежностями“*. Въ октябрѣ того же года митрополитъ отвѣчалъ ему подробно, на данное письмо, доказывая невозможность предлагаемаго графомъ и въ заключеніе отказавъ своего писалъ: *„Я собственной своей выгоды никакой въ томъ не нахожу, а ако недостойный пастырь того града ревную оъ общемъ благѣ церкви и о чести града того“*. Октября 14 послѣдовалъ отвѣтъ графа Аракчеева, и архіерейскій домъ не превратился въ казармы. См. *Русск. Архивъ* 1877. № 12. Стр. 406—410.

Не вступило тридцать лѣтъ управлалъ обителью старецъ Самуилъ, и когда онъ отошелъ ко Господу, то на его мѣсто поступилъ отецъ Назарій I, постриженникъ Бѣлобережской (Орловской) пустыни и ученикъ отца Леснаго бывшаго тамъ до перехода въ Олтину пустынь строителемъ. Послѣ того отецъ Назарій жителствовалъ нѣкоторое время въ Старо-Голутвинѣ монастырѣ при отцѣ Самуилѣ, а въ 1623 году назначенъ строителемъ въ Екатерининскую пустынь, откуда и былъ переведенъ въ Голутвинъ монастырь по смерти отца Самуила въ 1829 году. Подобно своему предшественнику онъ строго соблюдалъ монашескія правила и пока былъ въ силахъ неуслышно слѣдилъ за братіей и службой церковною, но въ 1864 онъ былъ пораженъ параличемъ и, передавъ правленіе братскому духовнику отцу Авраамію, скончался въ 1867 году.

Авраамій оказался не въ уровень со своимъ положеніемъ, ишѣлъ слабости и ему предложено было отказаться отъ управленія и проситься на покой, что и пришлось исполнить. Хотя въ монастырѣ и было тогда старцевъ не мало, но въ братствѣ не доставало единодушія для избранія изъ среды своей для себя настоятеля, почему и былъ назначенъ лѣтшотскій іеромонахъ Назарій, старецъ весьма преклонныхъ лѣтъ, который послѣ трехлѣтняго своего управленія скончался въ 1867 году.

То же самое что было до его вступленія повторилось опять и послѣ его смерти: братія не могла сговориться между собою кого избрать, такъ что владыкѣ пришлось снова ломышлять кого бы туда послать.

Недоумѣвая кого избрать, митрополитъ спросилъ однажды преосвященнаго Игнатія не знаетъ ли онъ кого-нибудь изъ монашествующихъ кто бы могъ занять эту должность. Преосвященный назвалъ ему угрѣвскаго казначея отца Сергія и еще кого-то другаго.

При первомъ послѣ этого свиданія съ архимандритомъ Пименомъ владыка спросилъ его:

— Доволенъ ли ты своимъ казначеемъ?

— Весьма доволенъ, ваше высокопреосвященство: распорядительнъ, усерденъ и ишѣветъ много хорошахъ задатковъ.

— А что бы ты сказалъ ежели бы я его у тебя взялъ? спросилъ митрополитъ и прибавилъ:— Умеръ строитель въ Голутвинѣ монастырѣ, старцы есть, но братія не можетъ прийти во взаимное между собою соглашеніе для избранія изъ своей

среды и предвидится надобность въ настоятелѣ изъ другихъ монастырей.

— Я пожалѣлъ бы о немъ за себя, владыко святой, отвѣчалъ Пименъ,—и порадовался бы за него еслибы выборъ вашего высокопреосвященства на немъ оставовиася.

— Определительно ничего еще не окажу теперь, мнѣ нужно было только знать можешь ли его отлучить, есть ли кѣмъ замѣнять его?

— Въ этомъ отношеніи, слава Богу, не могу пожаловаться и думаю что телерешный экономъ, іеромонахъ Нилъ, достаточно уже подготовленъ и безъ ущерба для обители можетъ занять его мѣсто.

Послѣ этого разговора, въ началѣ весны отецъ Пименъ былъ еще разъ или два у владыки, но тотъ не возобновлялъ разговора объ угрѣнскомъ казначей. Хотя отецъ Пименъ и передавалъ казначею слегка о вопросѣ сдѣланномъ насчетъ его владыкой, но такъ какъ прошло нѣкоторое время и распорядженій никакихъ не было, то оба они, и настоятель угрѣнскій и казначей, почитали дѣло несостоявшимся и ни который изъ нихъ о томъ нисколько не пожалѣлъ.

Казначей отецъ Сергій, по прозванію Свѣшниковъ, былъ изъ московскаго кулечества; отецъ его былъ весьма достаточный человекъ, имѣвшій соборный домъ и заведеніе въ Москвѣ у Крымскаго Брода въ Бабьемъ Городкѣ и когда умеръ, жена его, Анна Павловна, женщина весьма умная, распорядительная и хорошая хозяйка, продолжала вести дѣла очень успѣшно.

Эти Свѣшниковы имѣли нѣсколько сыновей, изъ которыхъ одинъ и вступилъ въ Угрѣнскій монастырь въ началѣ сороковыхъ годовъ, при игуменѣ отцѣ Иларіи и при казначей отцѣ Пименѣ. Проходя различныя послушанія, бывъ келейникомъ, профорникомъ и пономаремъ, онъ былъ постриженъ съ именемъ Сергія, былъ посвященъ во іеромонаха и сдѣланъ ризничимъ, а когда по отъѣздѣ отца Иларія отецъ Пименъ изъ казначеевъ былъ назначенъ управляющимъ монастыря, то, по его указанію, ризничій былъ сдѣланъ казначеемъ, удержавъ за собою и прежнюю свою должность. Хотя отецъ Пименъ былъ весьма крутъ и строгивъ въ обращеніи со своимъ казначеемъ, тѣмъ не менѣе онъ отдавалъ ему полную справедливость, въ особенности въ послѣднее время, когда послѣ отца Нила пришлось въ эту должность избирать

людей не всегда вложилъ соответствовавшихъ важности занимаемаго ими мѣста.

И дѣйствительно, отецъ Сергій цѣля много хорошихъ качествъ: онъ былъ поведенія благочестиваго, трезваго, честнаго; порученія настоятельскія исполнялъ ревностно и усердно; къ братіи относился ласково и мягко, но впрочемъ, когда нужно было, и взыскательно, не потворствуя провинившимся въ важныхъ случаяхъ, а съ другой стороны и не докучая настоятелю пустыми дразгами и мелочными простулками братій, не превышающими исправительныхъ мѣръ казначейской власти. Вообще онъ не старался вооружать настоятеля на братію, не ссорилъ ихъ и не будучи самъ ничѣмъ замаранъ, не чернилъ и другихъ, что не рѣдко дѣлаютъ казначеи и благочинные, дабы, увеличивая чужіе недостатки, чрезъ то скрадывать свои собственныя, такъ чтобы и грязное въ сравненіи съ совершенно чернымъ представлялось все-таки болѣе чистымъ. Отцу Сергію не было нужды прибѣгать къ подобнымъ каверзамъ, потому что онъ держалъ себя такъ что не опасался нравственнаго превосходства другихъ, но при всей своей благонамѣренности онъ не избѣгъ тайныхъ ковъ нѣкоторыхъ лицъ имѣвшихъ доступъ къ отцу Пимену, и много скорбей претерпѣвъ въ Угрѣшѣ въ продолженіи своего болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго пребыванія. Однажды до того постарались вооружить противъ него настоятеля, до того сдѣлались ихъ отношенія не мирны что отецъ Сергій былъ уже готовъ покинуть Угрѣшу и рѣшившись во что бы то ни стало выйти изъ своего невыносимаго положенія пришелъ къ отцу Пимену и просилъ его чтобы тотъ его отпустилъ.

Не легко было человѣку крайне самолюбивому сознаться предъ самимъ собою въ несомнѣнной и очевидной своей несправедливости, доведшей его до неразумнаго ожесточенія противъ казначея, вслѣдствіе происковъ недоброжелателей; трудно было одержать надъ собою побѣду и заставить себя просить прощеніе у подчиненнаго, который былъ имъ же доведенъ до того нравственнаго возбужденія когда еще капля горечи въ перелопившуюся чашу скорби—и человѣкъ владѣвшій въ отчаяніе готовъ рѣшиться на самыя крутыя, безумныя и въ здравомъ состояніи немислимыя мѣры.

Прошло болѣе недѣли какъ отецъ Пименъ не принималъ уже къ себѣ казначея: когда тотъ приходилъ къ нему онъ

отказывалъ ему чрезъ келейника и наконецъ велѣлъ ему сказать чтобъ онъ шелъ въ свою келью и ожидалъ когда онъ за нимъ придетъ. Положеніе обоихъ было одинаково тягостно: одинъ старался во что бы то ни стало вырваться изъ этого удручающаго, гнетущаго положенія; другой чувствовалъ что справедливость не на его сторонѣ, что онъ-то и есть настоящій виноватый предъ мнимо виновнымъ. Онъ сознавалъ это, желалъ успокоить и страждущаго и облегчить собственное бремя, но не вдругъ могъ сладить съ собою; однако добро одержало верхъ, и когда онъ свидѣлся съ казначеемъ, пришедшимъ къ нему, онъ первый упалъ ему въ ноги, обливаясь слезами и прося у него прощенія что онъ его огорчилъ и такъ долго мучилъ своимъ жестокимъ съ нимъ обращеніемъ. Оба другъ друга обнимали, плакали навзрыдъ, просили одинъ у другаго прощенія, взаимно сознаваясь что считаютъ себя виноватыми. Эта размолвка и это примиреніе окончательно возстановили доброе между ними согласіе. Было это незадолго до ихъ совершеннаго разлученія.

Немного времени спустя послѣ Николина дня, въ маѣ мѣсяцѣ, отецъ Пименъ куда-то отлучился на нѣсколько дней, и во время его отсутствія казначей получилъ извѣщеніе отъ тогдашняго благочиннаго монастырей (Давилова-Московского монастыря архимандрита Іакова) чтобъ онъ немедленно явился къ нему въ Москву. Препоручивъ монастырь старшимъ изъ братіи, отецъ Сергій отяравился къ благочинному, который велѣлъ ему неотлагательно явиться ко владыкѣ.

Не безъ трелета и не безъ смущенія предсталъ онъ предъ лицомъ владыки, хотя неоднократно онъ и видалъ его во время его посѣщеній Угрьшскаго монастыря, но тутъ онъ былъ съ нимъ съ глаза на глазъ, въ точности даже не зная зачѣмъ былъ вытребованъ, ибо если отчасти и предугадывалъ причину, то тѣмъ болѣе имѣлъ поводъ смущаться, потому что значить являлся какъ бы на смотръ владыки. Зорко посмотрѣвъ на него митрополитъ своимъ проницательнымъ испытующимъ взглядомъ и спросивъ сперва о настоятелѣ сдѣлалъ ему еще вопросъ котораго тотъ не ожидалъ и съ перваго раза даже и не понималъ:

— Чѣмъ же ты занимаешься?

Казначей отвѣчалъ:

— По должности казначея исполняю порученія настоятеля, ваше высокопреосвященство...

— Я разумѣю что ты дѣлаешь въ свободное время, пошторилъ владыка,—чѣмъ занимаешься?

— Читаю отеческія книги, отвѣтилъ казначей.

Митрополитъ не удовольствовался этимъ общимъ отвѣтомъ и снова спросилъ:

— Какія?

— Ефрема Сирина, Иоанна Лѣствичника, *Добротолубіе* и другія.

Желая удостовѣриться дѣйствительно ли говоритъ казначей правду и съ толкомъ ли читаетъ онъ, митрополитъ сталъ его разспрашивать подробности о книгѣ Иоанна Лѣствичника: о чемъ говорится въ такой-то и такой-то степені: отецъ Сергій отвѣчалъ удачно. Владыка сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ и помолчавъ немного благословилъ его и сказалъ: „Богъ благословитъ, иди“.

Для чего же меня требовалъ владыка? могъ спросить себя казначей, потому что по видимому не было ни особой причины, ни особаго дѣла и ни малѣйшаго намека о должности настоятеля. Но свиданіе это не осталось безъ послѣдствій и какъ послѣ того оказалось произвело на владыку весьма хорошее впечатлѣніе, потому что въ скоромъ послѣ того времени послѣдовалъ изъ Московской Духовной Консисторіи указъ на имя угрѣтскаго казначея Сергія, назначавшагося въ Коломенскій Старо-Галутвинъ монастырь исправляющимъ должность строителя.

Юля 24 того же года отецъ Пименъ и вся братія Угрѣтская со слезами провожали его до святыхъ воротъ, а отецъ Пименъ пожелалъ довести его до Люберской станціи желѣзной дороги.

Мѣсто отца Сергія заступилъ экономъ отецъ Нилъ.

IX.

Монастырское училище существовало уже болѣе полутора года и было принято всѣмъ окрестнымъ населеніемъ съ великимъ сочувствіемъ, потому что небогатые родители полагали какое благодѣяніе предлагалъ имъ Угрѣтскій монастырь для ихъ дѣтей и всѣ слѣдили этимъ воспользоваться.

Отецъ Пименъ вида что училище дѣйствительно можетъ принести несомнѣнную пользу былъ весьма озабоченъ надде-

жающимъ его устройствомъ и, безъ ограниченія усердствую вещественно изъ монастырскихъ средствъ сколько оказывалось нужнымъ, понималъ что необходимо было выработать еще и программу, опредѣлить предметы преподаванія, подраздѣлить ихъ на классы и проч.

Онъ обращался за совѣтами къ людямъ свѣдущимъ, неоднократно говорилъ съ преосвященнымъ Леонидомъ, и когда былъ составленъ проектъ программы, онъ посоветовалъ ему явиться къ самому владыкѣ, доложить ему о намѣреніи учредить при монастырѣ народное училище (оно существовало только частнымъ образомъ въ видѣ опыта), принять на то его благословеніе и вмѣстѣ представить ему программу предполагаемаго объема преподаванія.

Не зная какъ владыка посмотритъ на учрежденіе училища при монастырѣ, съ докладомъ объ одномъ этомъ дѣлѣ отецъ Пимень вѣхать не рѣшился. Но онъ имѣлъ нужду въ разрѣшеніи владыки на построеніе часовни на новомъ братскомъ кладбищѣ, которое предполагалось перенести на новый участокъ земли у сосѣднихъ крестьянъ прикупленный, находящійся между монастыремъ и скитомъ, напротивъ архіерейскихъ палатъ въ послѣдствіи времени тамъ построенныхъ. На устройство часовни было кѣмъ-то пожертвовано около двухъ тысячъ рублей. По этимъ двумъ дѣламъ отецъ Пимень и отправился ко владыкѣ 13 ноября 1867 года.

Послѣ празднованія юбилея владыки, августа 5го, отецъ Пимень его еще не видалъ, ибо онъ долѣ обыкновеннаго оставался въ этотъ годъ осенью въ Геосиманскомъ скитѣ и въ Лаврѣ, потому быть-можетъ что болѣе находилъ для себя тамъ удобства и свободнаго времени, будучи озабоченъ отвѣтить на многочисленные адреса которыми его приветствовали въ день его торжества со всѣхъ концовъ православнаго міра.

Въ продолженіи этого довольно долгаго, болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго пребыванія въ скитѣ и въ Лаврѣ имѣлъ владыка извѣщеніе— „*блжсти 19 число*“. Вслѣдствіе этого въ первое послѣ того бывшее 19 число, которое пришлось въ простой не праздничный день, находясь въ Лаврѣ, онъ пожелалъ приобщиться Святыхъ Таинъ, и когда отецъ нажѣстникъ Автовій узнавъ объ этомъ пришелъ его поздравить, то спросилъ его:

— Что это, владыко святой, вздумали вы сегодня пріобщаться въ простой день?

— Я видѣлъ сонъ что „19 число надобно блюсти“, отвѣчалъ онъ намѣстнику, которому онъ уже и передавалъ что видѣлъ, но тотъ, желая можетъ-быть показать что не придаетъ сему обстоятельству особой важности, потому именно что видѣлъ сильное впечатлѣніе произведенное имъ на владыку—полушута спросилъ его:

— Да съ какихъ же это поръ стали вы, владыко, свамъ вѣрить?

Тогда тотъ отвѣчалъ ему уже яснѣе.

— Вѣдь отецъ являлся мнѣ и велѣлъ блюсти 19е число.

Подробно говоримъ объ этомъ потому что это произвело сильное впечатлѣніе на владыку, что отозвалось отчасти и на его вѣншемъ видѣ. Когда архимандритъ Пименъ явился къ нему 13 числа съ докладомъ, онъ нашелъ его озабоченнымъ, нѣсколько согнутымъ и какъ будто утомленнымъ, во впрочемъ не замѣтилъ въ его наружности никакихъ видимыхъ и особыхъ признаковъ немощи или нездоровья.

Онъ сперва объяснилъ владыкѣ о причинѣ по которой считалъ нужнымъ перенести кладбище на новое мѣсто и доложилъ что есть усердствующее лицо пожертвовавшее небольшую сумму на часовню.

Выслушавъ это владыка разрѣшилъ перенести кладбище и устроить часовню.

Послѣ этого отецъ Пименъ сталъ докладывать на счетъ училища и представилъ ему программу преподаванія на утвержденіе. Владыка взялъ ее, внимательно прочиталъ и отдавая ее обратно сказалъ:

— Слишкомъ обширна... впрочемъ, посоветуйся объ этомъ съ преосвященнымъ Леонидомъ.

И послѣ нѣкотораго молчанія онъ еще прибавилъ:

— Полезно-ли и хорошо-ли слишкомъ многому учить крестьянскихъ дѣтей? Для нихъ достаточно было бы кажется знать грамоту и умѣть писать. Воспитаніе выше природнаго положенія человѣка оказывается не рѣдко не столь полезнымъ и благотворнымъ сколько губительнымъ, оно посягаетъ много плачевъ, порождая неудовольствіе въ умѣ людей стремящихся перейти изъ низшей среды въ высшія... Трудно рѣшить полезно-ли эти народныя школы гдѣ слишкомъ надмеваютъ умы людей изъ рабочаго класса? Что до меня, я не одобряю.

И владыка довольно продолжительно говорилъ объ этомъ предметѣ, и въ заключеніе опять повторилъ: „посоветуйся впрочемъ съ пресвященнымъ Леонидомъ.“

Это былъ послѣдній разъ что отецъ Пимень видѣлся со владыкой.

„Думалъ-ли я въ этотъ день, оставивъ владыку, что уже болѣе не суждено мнѣ было его видѣть живымъ!“ говорилъ отецъ Пимень, припоминая подробности этого послѣдняго предсмертнаго свиданія. *

X.

Извѣстіе о кончинѣ владыки дошло до отца Пимена только 20 числа во время вечера. Вотъ какъ онъ самъ объ этомъ отчасти разказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

„Печальная вѣсть объ его (митрополитовой) кончинѣ достигла нашего монастыря 19 числа къ вечеру; но такъ какъ незадолго предъ тѣмъ были уже подобныя слухи оказавшіеся ложными, то я и не обратилъ вниманія на этотъ говоръ. И тѣмъ менѣе повѣрилъ я этому что казначей отецъ Нилъ былъ въ это время въ Москвѣ, слѣдовательно, думалъ я, ежели бы это было справедливо, то онъ конечно послѣшилъ бы или извѣстить меня съ нарочнымъ или самъ бы тотчасъ же возвратился. Такъ я и оставался въ невѣдніи до малой вечера 20 числа подъ праздникъ Введенія.

„За малую вечерней я началъ читать акаѣистъ Божіей Матери; во время акаѣиста привезли въ монастырь газету съ

* Кончина митрополита Филарета послѣдовала 19 ноября 1867 года. Въ этотъ день онъ совершалъ у себя на подворьѣ литургію, послѣ которой принималъ А. И. Баранова, московскаго гражданскаго губернатора, и въ ожиданіи обѣда занимался писаніемъ отвѣта къ одному изъ восточныхъ патріарховъ привѣтствовавшему его съ пятидесятилѣтніемъ святительства. Такъ какъ владыка медлил выходомъ къ столу, то келейникъ вошелъ къ нему въ кабинетъ съ докладомъ объ обѣдѣ, и не найдя его тамъ и думая не отымаетъ ли онъ хотѣлъ заглянуть въ спальную, но приближась къ умывальницѣ напелъ его лежащимъ на полу безъ чувствъ, и какъ оказалось скончавшимся.

извѣстїемъ о кончинѣ владыки; но я продолжалъ читать, не зная этого и догадался только тогда уже когда увидѣлъ что готовятъ черной лавнахидный столецъ... Это меня смутило, но я старался утишить внутреннее волненіе и довольно спокойно дочиталъ акаѣистъ. Когда я окончивъ чтеніе возвратился въ алтарь и мѣѣ показали *Московскія Вѣдомости*, а вельѣлъ собираться къ служенію соборной лавнахиды, а самъ сѣлъ. Это неожиданное извѣстїе меня такъ смутило что я заллакалъ и со мною сдѣлался припадокъ истерики, послѣ котораго я не вдругъ могъ оправиться, однако я вышедъ на лавнахиду, въ продолженіе которой неоднократно слезы подступали къ горлу и я дѣлалъ надъ собою большое усиліе чтобъ олять не разрыдаться и быть въ состояніи докончить лавнахиду.“

На слѣдующій день по окончаніи праздничной службы отецъ архимандритъ отправился въ Москву и послушалъ на Троицкое подворье. Хотя кончина погребеніе митрополита Филарета и было въ свое время подробно описано, но такъ какъ отецъ Пименъ былъ непосредственнымъ участникомъ во всѣхъ лавнахидахъ и служеніяхъ и съ большими подробностями изложилъ всѣ обстоятельства предшествовавшія погребенію, то мы приведемъ его разказъ о семъ печальномъ событіи.

„*Вторникъ, 21 числа.* Я всталъ тѣло владыки еще на Троицкомъ подворьѣ, но уже положенное во гробъ, который былъ кипарисный, внутри ничѣмъ не обитый, изголовье бѣлое атласное. Еще задолго до кончины своей владыка приказалъ сдѣлать для себя простой гробъ, но отецъ намѣстникъ по своему усердію и по любви къ преставившемуся простой гробъ замѣнилъ кипарисовымъ; облаченіе было бѣлое глазетовое, митра бѣлая, Евангеліе и крестъ серебряные золоченые. Гробъ былъ прикрытъ сверху накинутаю святительскою мантией, осѣненъ трикириемъ и рилдами и поставленъ въ крестовой церкви на возвышеніи напротивъ царскихъ вратъ, которыя во все время до выноса тѣла оставались открытыми какъ бы при архіерейскомъ служеніи.

„Стеченіе народа со всей Москвы и издалека и днемъ и ночью было непрерывное и неисчислимо; тѣснота и давка въ церкви и въ сѣняхъ Троицкаго подворья были постыдно и жаръ невыносимый, но тѣло нисколько не разлагалось, не портилось, а только желтѣло и какъ будто сохло.

„Среда, 22 числа. Литургія на Троицкомъ подворьѣ началась въ 8 часовъ; совершалъ ее митрополитъ Кіевскій Арсеній, преосвященные Владимірскій Антоній и Тульскій Никандръ, архимандритъ Даниловскій отецъ Іаковъ и я и два іеромонаха; послѣ литургіи была лавнихида.

„Отъ жара и духоты въ церкви на всѣхъ насъ были мокры не только наши подрясники и подризки, но даже и на оплечьяхъ нашихъ ризъ показывались пятна, а переодѣваться было некогда. На дворъ было нѣсколько градусовъ мороза и тотчасъ по совершеніи лавнихиды слѣдовало отправиться въ Кремль въ Чудовъ монастырь, куда назначено было перевести тѣло. Кіевскому владыкѣ предложили было переодѣться, но онъ отказался и сказалъ:

„— Надѣюсь что за архипастырскія молитвы Господь насъ сохранить.

„И дѣйствительно мы всѣ вышли на холодъ совершенно мокрые, до Кремля шли не спѣшно болѣе четырехъ часовъ, такъ что во время ходьбы платье на всѣхъ успѣло уже просохнуть и по милости Божіей никто изъ насъ не простудился и не захворалъ.

„Шествіе началось въ 11 часовъ. Когда тѣло вынесли на крыльцо, ударили на ближайшей колокольнѣ у Троицы въ Троицкомъ, и мгновенно по всей Москвѣ разлился заулокый перезвонъ, продолжавшійся во все время; это было весьма трогательно. Шествіе слѣдовало съ подворья по Самотекѣ, по Садовой къ старымъ Тверскимъ воротамъ, по Тверской мимо Иверской часовни; у всѣхъ церквей была встрѣча и литія.

„Вотъ порядокъ въ которомъ всѣ шли:

„1) Впереди причетники въ стихаряхъ поларно, 2) діаконны также по два въ рядъ, 3) священники и протоіереи, 4) хоръ Чудовскихъ лѣвчихъ, 5) архимандриты, 6) хоръ Суздальскихъ лѣвчихъ, 7) преосвященные съ посохами въ облаченіяхъ, 8) владыка Кіевскій митрополитъ Арсеній, 9) фонарь, хоругвь, за престольный крестъ и за престольная икона съ Троицкаго подворья; предносный крестъ покойнаго владыки и лампада и на подушкахъ ордена; 9) предгробная икона изображеніе московскихъ святителей и 10) гробъ (покрытый мантией, а сверху парчевымъ покровомъ) несли восемь архимандритовъ до Самотеки. Здѣсь ихъ смѣнили протоіереи

и священники, которые мѣнялись весла до Иверской часовни. Немного не доходя часовни гробъ приняла опять архимандриты и внесши его поставили предъ иконой Божіей Матери; хоръ пѣвчихъ пропѣлъ: *Высшую Небесъ* и гробъ опять помесла архимандриты до самаго Чудова монастыря. Въ продолженіи всего пути съ Троицкаго подворья до Сласскихъ Воротъ пѣвчіе пѣли: *Помощникъ и Покровитель*, а когда приблизились къ Сласскимъ Воротамъ запѣли: *Сотне Тихій*.

„Это было весьма умирительно: день былъ ясный, небо совершенно чистое, безоблачное, и послѣдніе лучи свѣтила деннаго начинали вдали погасать и въ послѣдній разъ озаряли это также *яркое светило болѣе полѣпка сіявшее православной церкви и также склонившееся къ своему закату*. Невольно сдѣлалъ я тогда это сравненіе и у меня и у многихъ опять навернулись слезы.

„По внесеніи тѣла въ Чудовъ монастырь оно было поставлено въ транзѣ предъ храмомъ святителя Алексія на приготовленномъ возвышеніи со ступенями.

„Во все время со дня кончины и до погребенія московское бѣлое духовенство перемѣняясь читало у тѣла Евангеліе.

„Быль учрежденъ погребальный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Кіевскаго владыки и вмѣстѣ съ нимъ участвовали преосвященный Леонидъ, два намѣстника лаврскіе, отецъ Автокій и Чудовскій отецъ Веніаминъ и благочинный Даниловскій архимандритъ Іаковъ.

„Для погребенія опредѣлено было взять изъ перервенскихъ суммъ десять тысячъ рублей. Изъ Петербурга между тѣмъ пріѣхалъ оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Толстой. Будучи у преосвященнаго Леонида, я спросилъ его: „А вы, преосвященнѣйшій, у оберъ-прокурора были уже.“

„— Нѣтъ, не былъ еще... А что, развѣ нужно?“

„— Я не знаю, отвѣчалъ я;—я только спросилъ.

„— Съ какой это стати преосвященному ѣхать къ графу, сказалъ сидѣвшій тутъ какой-то господинъ, — точно онъ записываетъ его милости.

„— Покойный владыка однако обыкновенно первый ѣзжалъ къ оберъ-прокурору, какъ скоро узнаетъ о его пріѣздѣ, не дожидаясь его визита.

„— По моему не сѣдуетъ, повторилъ опять тотъ же господинъ.

„— Это правда, отецъ архимандритъ, подтвердилъ преосвященный,—неовко при телерешивихъ обстоятельствахъ, какъ будто я и въ самомъ дѣлѣ заискиваю.

„Мнѣ нельзя же было настаивать и какъ бы совѣтовать, я замолчалъ.

„Въ четвергъ 23го прибылъ изъ С.-Петербурга Великій Князь Владиміръ Александровичъ для присутствія при погребеніи. Въ пять часовъ пополудни, по порученію преосвященнаго Леоніада, я поѣхалъ въ Кремль во дворецъ и передалъ его письмо графу Перовскому, сопровождавшему Великаго Князя. Отвѣтъ былъ словесный что Его Высочеству угодно быть за лавничихой въ Чудовъ монастырь въ восемь часовъ вечера и что тамъ же московское духовенство можетъ ему представиться. Панихиду совершалъ соборнѣ владыка Кіевскій и послѣ того поднесъ Великому Князю икону съ изображеніемъ Святителя Алексія, благодарилъ его отъ лица московскаго духовенства что онъ посѣтилъ столицу въ скорби ея и принялъ участіе въ ея утратѣ, и представлялъ Его Высочеству бѣлое духовенство.

„Въ пятницу 24го служилъ литургію преосвященнѣй Владимірскій. На слѣдующій день должно было послѣдовать отпѣваніе въ десять часовъ утра, а затѣмъ поминовенная трапеза въ Муроварной палатѣ. Были приготовлены приглашенія такого содержанія: „Преосвященные викаріи и все московское духовенство покорнѣйше просятъ васъ пожаловать завтра 25 числа на отпѣваніе тѣла въ Чудовъ монастырь въ десять часовъ и по русскому обычаю помянуть новопреображеннаго митрополита Филарета,—хлѣба-соли откусать въ Муроварную палату.“

„Преосвященнѣй желалъ чтобъ я развезъ приглашенія нѣкоторымъ изъ свѣтскихъ самовниковъ, въ томъ числѣ и оберъ-прокурору. Я олятъ настаивалъ чтобъ онъ самъ къ нему съѣздитъ и отвезъ бы приглашеніе, во то же опасеніе что эта предупредительность будетъ принята за заискиваніе воспрепятствовало ему послѣдовать моему усиленному убѣжденію. И потому въ шесть часовъ вечера съ приглашеніемъ поѣхалъ я. Меня не приняли и я приглашеніе оставилъ.

„Въ субботу 25го въ 10 часу собралось въ Чудовъ монастырь все духовенство. Литургію совершали: 1) Кіевскій владыка; 2) преосвященнѣй Ярославскій Нилъ; 3) Владимірскій Антоній, 4) Калужскій Григорій; 5) Тульскій Никандръ, и

6) Можайскій *Игнатій*; четыре архимандрита: наместники Лаврскій и Чудовскій, Лужскій архимандритъ Викторъ и я и два іеромонаха. Проповѣдь говорилъ протоіерей И. Н. Рождественскій отъ Черниговскихъ Чудотворцевъ, и въ это время гробъ перенесли изъ трапезы въ самую церковь святителя Алексія.

„При совершеніи литургіи и отпѣванія присутствовалъ Великій Князь, а къ отпѣванію прибыли преосвященный *Евге- ній* (Кандевъ), бывшій Ярославскій владыка, который лишенный зрѣнія пребывалъ на локоѣ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, сверстникъ и соученикъ владыки, и преосвященный Дмитровскій *Леонидъ*; архимандритовъ набралось до тридцати.

„По окончаніи отпѣванія крышею тѣло не покрывали для того чтобъ еще дать народу время для прощанія, и въ эти послѣднія сутки церковь постоянно была полнехонька.

„Изъ церкви всѣ приглашенные прошли въ Мироварную палату. Великій Князь находился только на литіи, которая предшествовала трапезѣ, но кушать не остался.

„Всеобщее бѣднѣе въ этотъ день было не заулокное, а обычное воскресное.

„Въ *воскресенье 26го* во всей Москвѣ литургіи были поралу, або всему духовенству назначенъ былъ сборъ въ Чудовъ монастырь къ 8 часамъ. Литургію совершали почти тѣ же которые были при отпѣваніи, только вмѣсто преосвященнаго *Игнатія* служилъ преосвященный *Леонидъ*, а вмѣсто архимандрита *Виктора* ректоръ Московской Духовной Академіи протоіерей *Горскій*. Надгробное слово произнесъ ректоръ Вязанской семинаріи архимандритъ *Сергій*.

„По окончаніи ланнихиды, при которой присутствовалъ Великій Князь и въ которой участвовали всѣ архимандриты находившіеся на отпѣваніи, съ гроба сняли мантию и покровъ, тѣло покрыли бѣлою кисеей, и владыка *Кіевскій* прочитавъ молитву возлагалъ елей, посыпалъ землю и въ послѣдній разъ сбѣсивъ свѣчами погасилъ ихъ надъ гробомъ, на который и наложили крышу.

„Когда все было уже готово къ шествию, гробъ принесли архимандриты. Великій Князь стоялъ вправо на своемъ мѣстѣ и за нимъ сановники, а старшее духовенство направилось къ выходу. Вслѣдствіе тѣсоты храма и многолюдства присутствовавшихъ произошло замѣшательство, когда нужно

было повернуться съ гробомъ; отецъ намотникъ Антоній замѣтивъ это тотчасъ первый запылъ громкимъ голосомъ: *Полоумникъ и Покровитель*, къ нему присоединились другіе, также стали ему вторить, и замѣшательство стало не столь замѣтнымъ.

„Никто изъ служившихъ не разоблачался: владыки пошли съ посохами; гробъ несли архимандриты. Изъ Кремля вышли въ Никольскія Ворота; у Казанскаго собора архимандритовъ смѣнили протоіереи; шествіе совершалось тѣмъ же порядкомъ какъ въ день перенесенія тѣла, при всеобщемъ звонѣ во всей Москвѣ. За гробомъ верхомъ слѣдовалъ Великій Князь, московскій генералъ-губернаторъ и всѣ прочіе ихъ сопровождашіе. Противъ всѣхъ монастырей и церквей бывшихъ на пути была встрѣча и литія.

„Шествіе совершалось по Никольской улицѣ, Лубянской площади, по Мясницкой мимо Красныхъ Воротъ до вокзала Троицкой желѣзной дороги. Здѣсь Великій Князь сошелъ съ лошади, простился съ покойнымъ и принявъ благословеніе отъ владыкъ дождался чтобы поѣздъ тронулся и возвратился въ Кремль.

„Гробъ былъ поставленъ на катафалкъ приготовленный на открытой платформѣ; на четырехъ углахъ развѣвались водруженныя хоругви. Предъ гробомъ былъ поставленъ аналой для чтенія Евангелія, чтеніе началъ пресвященныи Леонидъ.

„Для всѣхъ владыкъ, архимандритовъ, для духовенства и для всѣхъ сопровождавшихъ тѣло были приготовлены отъ Общества Ярославской (Троицкой) желѣзной дороги особые даровые вагоны обитые чернымъ, и развѣстившись въ нихъ никто не разоблачался.

„На всѣхъ колокольняхъ бывшихъ въ виду желѣзной дороги слышался трезвонъ.

„Первая остановка была въ Пушкинѣ, куда собралось духовенство изъ многихъ сосѣднихъ сельскихъ приходовъ съ иконами и хоругвями и здѣсь была соборная литія.

„Вторая встрѣча была на Хотьковской станціи: изъ монастыря вышло встрѣчать духовенство съ крестами и хоругвями и игуменія въ сопровожденіи всѣхъ сестеръ. По совершеиіи литіи всѣ монашествующіе подходили прощаться, въ это время пѣли: *Полоумникъ и Покровитель*.

„Когда поѣздъ достигъ Лавры, совершенно уже стемнѣло. Отъ желѣзной дороги до святыхъ воротъ гробъ несли

лаврская братія. Поравнявшись съ часовней что вправо отъ до-
роги, все старшее духовенство шедшее впереди, ожидая
чтобы несшіе гробъ приблизились, приостановилось, и когда
взглянулъ внизъ подъ гору, я былъ невольнo пораженъ тѣмъ
необыкновеннымъ чуднымъ зрѣлищемъ которое представля-
лось нашимъ взорамъ. Это была такая картина которую труд-
но передать словами. Весь путь отъ желѣзной дороги былъ
освѣщенъ особенными, почти сплошными фонарями и боль-
шими ручными восковыми свѣчами ярко багставшими
среди ночной темноты при совершенной неподвижности
въ воздухѣ; все пространство до святыхъ воротъ было на-
полнено густою толпою безчисленнаго множества народа съ
горѣвшими свѣчами въ рукахъ, и среди всего этого потока
народнаго отовсюду стекавшагося къ дорогѣ со своими мель-
кавшими огоньками видѣлся издали гробъ покрытый яр-
кимъ блестящимъ бѣлымъ покровомъ, сопровождаемый и
окруженный множествомъ огней, освѣщенный развѣвавшимися
хоругвами и предшествуемый многочисленнымъ духовен-
ствомъ въ облаченіи со свѣчами и кадилами. Неумолкаемо
гудѣли лаврскіе и всѣ посадскіе колокола, отъ которыхъ
дрожала земля подъ ногами, слышались тысячи голосовъ
сливавшихся въ какой-то неясный и непонятный гулъ, похо-
дившій на шумъ большого бора во время бури или на ревъ
волны... и все это покрывалось умиленнымъ лѣніемъ
трехъ хоровъ, неумолкаемо пѣвшихъ: *Помощникъ и Покро-
витель*. Зрѣлище было действительно необычайное, торже-
ственное, поразительное, производившее на всѣхъ потряса-
ющее впечатлѣніе. Кіевскій владыка выразился при этомъ
такъ: „Видимое нами не походить нисколько на погребеніе:
это что-то совершенно особенное... Кажется ежели бы мы
переносили мощи прославленнаго угодника Божія, и то не
могло бы быть торжественнѣе этого... Много видалъ я на
своемъ вѣку погребеній, но ничего подобнаго еще не ви-
дывалъ.“

„У св. воротъ была встрѣча и литія, и гробъ пронесенъ въ
Троицкій соборъ на приготовленное мѣсто, за тѣмъ послѣ-
довавъ краткая литія, по окончаніи которой бакалавръ
Академіи, архимандритъ Іоаннъ, произнесъ надгробную рѣчь,
и владыка Кіевскій со всѣми прочими сослужившими съ
нимъ вошелъ царскими вратами въ алтарь и прочиталъ мо-
литву: *Нынѣ отпуцаеши раба Твоего,* и сдѣлалъ отпустить

литургіи, совершенной въ Москвѣ. Это былъ безъ сомнѣнія единственный случай въ жизни каждаго изъ участвовавшихъ въ этотъ день въ служеніи: служить со столькими іерархами, съ такимъ множествомъ духовенства, совершить семьдесятъ верстъ не разоблачаясь и услышать въ Троицкой Лаврѣ *отпустъ* литургіи совершенной въ Москвѣ:

„Владыки разошлись по своимъ кельямъ; нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ ходили въ трапезу; въ 7 часовъ началось заупокойное всеобщее бѣдніе архіерейскимъ служеніемъ.

„Въ *понедѣльникъ* 27 числа была литургія въ 9 часовъ; совершали ее владыка Кіевскій и всѣ прочіе преосвященные, четверо изъ архимандритовъ и два іеромонаха; послѣ литургіи была панихида, на которую вышла вся лаврская братія, и потомъ всѣ прошли въ трапезу, гдѣ былъ соборный столъ, къ которому былъ приглашенъ и московскій генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ и въ этотъ день пріѣхавшій Андрей Николаевичъ Муравьевъ.

„Этотъ день былъ девятый со дня кончины владыки и по этому погребеніе было отложено до слѣдующаго дня.

„Въ 7 часовъ вечера было заупокойное всеобщее бѣдніе; служилъ владыка Кіевскій и двое изъ преосвященныхъ съ прочимъ духовенствомъ.

„Преосвященный Леонидъ Дмитровскій пожелалъ провести эту ночь у гроба владыки, и послѣ бѣднія оставшись въ соборѣ неусходно пребывалъ тамъ до ранней литургіи, то самъ читалъ Евангеліе, то сидя на ступенькахъ катафалка слушалъ какъ читаютъ другіе.

„Во *вторникъ* 28 числа во всѣхъ лаврскихъ церквахъ было соборное служеніе по особому расписанію, а архіерейское только въ Троицкомъ соборѣ. Мѣжъ было назначено съ двумя священниками, родственниками владыки, служить обѣдню въ церкви у прелодобнаго Никона въ 5 часовъ утра, а при гробѣ соборную панихиду, по окончаніи которой служила другую старцы московскаго единовѣрческаго Николаевскаго монастыря, въ которомъ теперь настоятелемъ извѣстный отецъ Павелъ Прусскій.

„Послѣ поздней литургіи въ Троицкомъ соборѣ, которую совершалъ владыка Кіевскій со всеми преосвященными и съ четырьмя изъ архимандритовъ, была общая панихида и на нее вышло сто человѣкъ служащихъ, всѣ въ бѣломъ облаченіи, и во все время служенія былъ рѣдкій благовѣсть въ царь-колоколь.

„Предъ выносомъ тѣла произнесъ надгробное слово архимандритъ Михаилъ, инспекторъ Московской Духовной Академіи, *О монашествѣ*.

„Гробъ былъ вынесенъ Лаврскою братіей, обнесенъ около Троицкаго собора, послѣ чего его принесли въ придѣльный храмъ во имя Праведнаго Филарета, строившійся смежно съ храмомъ во имя Сочествія Святаго Духа (напротивъ трапезы), и тамъ опустили въ могилу приготовленную за правымъ клиросомъ къ стѣнѣ у втораго окна отъ входа.

„Въ могилѣ, выложенной кирпичомъ, былъ поставленъ большаго размѣра дубовый гробъ, въ который и поставили гробъ съ тѣломъ и поверхъ дубовой крыши свершили сводъ.

„Во время перенесенія тѣла и погребенія былъ красный звонъ на Лаврской колокольнѣ и во всемъ Посадѣ.

„Разоблачившись, всѣ владыки, настоятели и нѣкоторые изъ почетнаго бѣлаго духовенства прошли въ митрополичьи покои, гдѣ была приготовлена поминовенная трапеза челоуѣкъ на сорокъ, остальные всѣ прошли въ братскую трапезу. По выходѣ изъ-за стола всѣ начали собираться въ обратный путь въ Москву.

„На 30е число ноября князь Долгоруковъ пригласилъ къ себѣ на поминовенную трапезу всѣхъ владыкъ и нѣкоторыхъ изъ настоятелей, въ томъ числѣ и меня.

„Этимъ днемъ заключились печальныя торжества продолжавшіяся со дня кончины владыки.“

Замѣчательно что архимандритъ Пименъ имѣлъ въ наружности нѣкоторое сходство съ покойнымъ владыкой.

Будучи небольшого роста, какъ митрополитъ Филаретъ, и усвоивъ его неслѣпность, спокойствіе и невозмутимость при служеніи, онъ, въ особенности издали, весьма напоминалъ владыку. Но черты лица его были пріятнѣе; глаза, весьма впрочемъ живые и быстрые, не имѣли однако той пронзительности приводившей въ смущеніе, которою отличался взглядъ митрополита, что и составляло его особенное свойство не столько, должно думать, природное сколько приобретенное вслѣдствіе сознанія своего высокаго положенія, ставившаго его несравненно выше всѣхъ тѣхъ съ которыми онъ былъ въ постоянномъ общеніи.

Смерть митрополита произвела на Москву всеобщее весьма сильное впечатлѣніе, которое отозвалось и во всей Россіи.

Большинство жалѣло о Филаретѣ, и только нѣкоторые недовольные, испытавшіе какъ жестка была его рука исправлявшая или наказывавшая, про себя порадовались что можно будетъ теперь жить посвободнѣе, но это были исключенія.

Въ частности отецъ Пимень, хотя никогда и не былъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ со владыкой и не пользовался его ласками, но какъ человекъ умный, дѣятельный, честный, лично совершенно безкорыстный, не имѣвшій никогда никакихъ предосудительныхъ страстей и слабостей несвойственныхъ монашескому званію, онъ пользовался великимъ довѣріемъ владыки, и можетъ-быть только намѣстникъ Лавры Антоній—совѣтникъ, таинникъ и единственный другъ его (какъ онъ его называетъ въ своихъ письмахъ) могъ похвалиться что имѣлъ несравненно больше довѣрія владыки нежели настоятель Угрѣвскій.

Одинъ изъ угрѣвскихъ братій почему-то не довольный отцомъ Пименомъ (въ послѣдствіи вышедшій и теперь скитающійся по Аѳону) вскорѣ послѣ смерти митрополита Филарета со злорадствомъ говорилъ:

— Чего мудренаго что отецъ Пимень жалѣетъ митрополита, ему хорошо было при немъ, дѣлалъ что хотѣлъ; неизвѣстно еще кто будетъ преемникъ, вотъ тотъ-то какъ-то еще на него посмотреть.

Но и преемники Филарета оцѣнили всѣ достоинства отца Пимена, отдавали ему полную справедливость и не только не уменьшили къ нему своего довѣрія, но оказывали еще большее чѣмъ жокойный владыка.

Д. Б.

СЕРЬСКІЯ МЕЛОДІИ

1.

Пѣсню пѣла дѣвушка за роцей.
Далеко та пѣсня раздавалась:
Слышала пѣсню и монахъ печальный,
Слышала пѣсню и пастухъ веселый.
И сказалъ печальному веселый:
„Эхъ, монахъ-монашекъ ты печальный!
Кабы я былъ на твоёмъ на мѣстѣ —
Свою рясу по водѣ пустилъ бы,
Свою книгу на огнѣ спалилъ бы —
Убѣжалъ бы къ дѣвушкѣ за роцу!“
▲ ему въ отвѣтъ монахъ печальный:
„Эхъ, пастухъ ты, пастушокъ веселый!
Кабы я былъ на твоёмъ на мѣстѣ —
Продалъ бы овецъ своихъ въ Карловцѣ,
Продалъ бы воловъ своихъ въ Крушевецѣ —
Убѣжалъ бы къ дѣвушкѣ за роцу!“

2.

Соловей въ лѣсу такую
Пѣсенку поетъ:
„Двое молодцовъ не стоятъ
Старца одного!“

Услыхала то дѣвица,
И ему въ отвѣтъ:
„Джешь, соловушка, не вѣрю,
Пой что я скажу:
Двое старцевъ не годятся
Противъ молодца!“

Услыхала то вдовица,
И ему въ отвѣтъ:
„Джешь, соловушка, не вѣрю,
Пой что я скажу:
Трое старцевъ не годятся
Противъ молодца!“

Услыхала то старушка,
И ему въ отвѣтъ,
Да сквозь слезы: „Врешь ты, птица,
Пой для дураковъ.
За молодчика отдамъ я
Сотню стариковъ!“

3.

Печаленъ день безъ солнышка,
Печальна ночь безъ мѣсяца,
А дѣвушка — безъ милаго!
Есть овъ — такъ величается,
А нѣтъ — льетъ слезы горькія.
Такъ пусть тебѣ, подруженька,
Не долго величаться съ нимъ,
А плакать, плакать досыта,
Какъ безъ него я плакала!

4.

Пасеть Иво на горѣ овечекъ,
А Бояна подъ горой агнятокъ.
Кличеть Иво съ горки: „Эй, Бояна!
Набери мнѣ подъ горой цвѣточковъ!
Наберу тебѣ съ горы прохлады!“

А она на горку: „Глуль ты, Иво!
Что тебѣ цвѣточки безъ дѣвицы?
Что и мнѣ прохлада безъ юнака?“

5.

Эй, Любица, душа-сердце!

Отвори свое окошко:

Поглядѣть бы мнѣ немножко

Твое бѣлое лицо!

— Проходи ты, ларень, съ Богомъ!

По горамъ ты не гуляла?

Свѣжокъ бѣлый не толгала?

Свѣжокъ бѣлый — таково

Мое бѣлое лицо!

Эй, Любица, душа-сердце!

Отвори свое окошко:

Поглядѣть бы мнѣ немножко

Очи черныя твои!

— Проходи ты, ларень, съ Богомъ!

На базарѣ не бывала?

Чернослива не ѣдала?

Черносливы — таковы

Очи черныя мои!

Эй, Любица, душа-сердце!

Отвори свое окошко:

Поглядѣть бы мнѣ немножко

Брови тонкія твои!

— Проходи ты, ларень, съ Богомъ!

По канавкамъ не бродила?

Пявочекъ не ловила?

Пявочки — таковы

Брови тонкія мои!

6.

Василечекъ голубой,

Кабы я была тобой —

Знала бъ я гдѣ мнѣ расти,

Гдѣ мнѣ краше расцвѣсти:

У юнаковъ — на усахъ,

У дѣвушекъ — на косахъ,

У мамушекъ — на глазахъ:

Чтобъ поменьше имъ глядѣть,

Да за нами не глядѣть!

АЛЕКСАНДРЪ ОРЛОВЪ.

АХАЛЬ-ТЕКИНЦЫ

I.

Говорить о Туркменіи вообще я не могу, не имѣя достаточно данныхъ. Ограничу мою задачу описаніемъ одной отрасли Туркменъ, особенно знакомой намъ по прошлогодней экспедиціи, а именно Текинцевъ. Приводимыя ниже историко-этнографическія свѣдѣнія относительно этого племени почерпнуты мною отчасти изъ разказовъ туземцевъ, отчасти изъ записокъ полковника Куролаткина. Какъ увидитъ читатель, они весьма немногосложны. Текинцы одинъ изъ сильнѣйшихъ туркменскихъ родовъ, религіи магометанской, секты суннитской, владѣютъ полосой земли у подошвы Копендагскихъ горъ длиной до 280 верстъ, а въ ширину около 20. Дѣлятся на два поколѣнія: Тохтамышцевъ и Утемышцевъ, и на двѣ группы: Мервскихъ и Ахаль-Текинскихъ. Всего ихъ не болѣе 60.000 кибитокъ. Затѣмъ, Ахаль-Текинцевъ по образу жизни можно раздѣлить на кочевыхъ и полусѣдлыхъ. Первые (*горва*) занимаются скотоводствомъ, вторые (*гомуръ*) земледѣльцы. Несмотря на высокое искусство съ какимъ они обрабатываютъ землю, обращая при помощи канавъ искусственнаго орошенія и другихъ приспособленій песчаную пустыню въ роскошный садъ, быть кочевникомъ у нихъ все-таки почетнѣе, нежели земледѣльцемъ. Земледѣлецъ вѣчно

привязанъ къ своему дому и землѣ, постоянно обремененъ не-
равностию каждому Текинцу работой; война, набѣги, грабежъ—
для него идеалъ недостижимый. Притомъ въ случаѣ неспри-
ятельскаго нападена онъ теряетъ все, верѣдко самую жизнь,
въ то время, какъ вольной птицѣ-кочевнику стоить лишь пе-
ренести свое кочевье. Поэтому не удивительно что всѣ зажи-
точные члены рода принадлежать къ *горги*, бѣдные къ *го-
луру*. Иногда впрочемъ случается что у кочевника отца сынъ
землепашецъ и наоборотъ.

Сто лѣтъ назадъ Мервскій оазисъ составлялъ цвѣтущую
персидскую провинцію. Бухарскій ханъ Эмиръ Моассумъ въ
1784 году овладѣлъ Мервомъ и опустошивъ этотъ богатѣй-
шій край, переселилъ жителей въ Бухару. Въ 1799 Мервъ
занялъ туркменскій родъ Сарыкъ, а въ 1834 этотъ родъ
вытѣснили Ахаль-Текинцы, до сихъ поръ признающіе власть
Хивинскаго хана, власть совершенно номинальную, потому
что они никогда не платили ему дани.

Вотъ и вся извѣстная намъ исторія текинскаго племени.
Мнѣ удавалось слышать о существованіи грамотъ бывшихъ
Текинскихъ владѣтелей, Чынгиръ-хана и Надиръ-шаха, будто-
бы опредѣляющихъ ихъ личныя и поземельныя права, но ви-
дѣть не пришлось вслѣдствіе враждебности тогдашнихъ отно-
шеній съ Текинцами.

II.

Насколько блѣдна и не интересна исторія настолько ори-
гинальны и интересны нравы и обычаи Ахаль-Текинцевъ.
Беззабѣтная храбрость и самолюбивая гордость—основныя
черты въ ихъ характерѣ. Уже по важной, презрительной
осанкѣ видно какимъ кровнымъ аристократомъ считаетъ себя
Текинецъ; затѣмъ спокойный, твердый взглядъ, даръ слова,
отсутствіе унижительнаго поклона со скрещенными на груди
руками, присущаго всѣмъ народамъ Востока, невольно за-
ставляютъ васъ обращаться съ нимъ иначе чѣмъ съ Персі-
яниномъ, Бухарцемъ и т. п.

Текинецъ съ дѣтства привыкаетъ къ свободѣ и умѣетъ за-
щищать ее. Въ четырнадцать лѣтъ онъ вполне правоспособ-
ный членъ семьи и общества. Ханъ, сердаръ, аксакаль,
мулла признаются имъ настолько насколько они кажутся
ему нужными, и не могутъ разчитывать на повиновеніе.

Примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай. Въ 1877-году къ генералу Ломакину явился одинъ изъ сильнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ, ахаль-текинскихъ хановъ Софи-ханъ, управлявшій ближайшими къ Красноводску „курганами“ (аулами), и отъ лица всего народа заявилъ согласіе добровольно перейти въ подданство Русскаго Царя и на русскихъ подданныхъ Іомутовъ не наладать ни въ какомъ случаѣ. Переговоры еще не были окончены какъ 9 ноября того же года іомутскій аулъ Дажлы-Кабыль, лежащій только въ тридцати восьми верстахъ отъ Красноводска, разоряется до чиста текинскою молодежью; часть ограбленныхъ жителей избивается, часть уводится въ лѣвыя; Текинцы идутъ далѣе съ намѣреніемъ продолжать свое кровавое дѣло. Къ счастью русскій отрядъ вовремя отогналъ ихъ отъ другихъ ауловъ ожидавшихъ той же участи. Очевидно, ханъ началъ переговоры не заручившись согласіемъ своихъ подчиненныхъ, и переговоры эти, при безсиліи ханской воли, не привели ни къ какому результату.

Обязательную силу имѣютъ только постановленія народнаго собранія. Здѣсь рѣшаются всѣ важныя вопросы, напримѣръ, о войнѣ, о заключеніи мира и т. п. Въ послѣднее время народное собраніе собиралось неоднократно. Когда генералъ Ломакинъ письменно требовалъ отъ Текинцевъ чтобы они немедленно возвратили іомутскихъ лѣвняковъ, если не хотятъ увидѣть въ оазисѣ русскіе штыки, народное собраніе было созвано въ Геокъ-Теле. Тамъ подъ предѣтельствомъ Курбана-Мурада-Имама было постановлено уважить желаніе генерала, несмотря на неудовольствіе хозяевъ лѣвняковъ, которые не получили ни малѣйшаго выкупа.

Затѣмъ собиралось еще народное собраніе послѣ того какъ Текинцы, подбитые яримъ руссофобомъ Худай-Верди-ханомъ на измѣну Русскимъ, услышали о походѣ русскихъ войскъ на оазисъ. Со страху они немедленно постановили послать нѣсколькихъ хановъ съ изъявленіями покорности.

Въ прошломъ году на собраніи въ Денгиль-Теле во время нашей экспедиціи было рѣшено бороться на смерть. Послѣдствія этого рѣшенія достаточно извѣстны.

Въ народномъ собраніи принимаютъ участіе всѣ способные носить оружіе. Каждый взрослый Текинецъ имѣетъ на немъ право голоса. Но иногда оно составляется изъ делутатовъ отъ каждаго кургана, а иногда изъ хановъ, сердарей и

другихъ старшинъ. Духовныя лица имѣють въ подобныхъ собраніяхъ нередко преобладающее значеніе, по умѣнью разжигать религіозныя страсти. Многіе изъ нихъ совершали далекія путешествія въ Мекку, нѣкоторые побывали въ Константинополѣ, а одинъ доходилъ даже до могилы Алла въ Венгріи. Благодаря такимъ благочестивымъ путешествіямъ, всѣ эти имамы, муллы, ходжи и хаджи окружены въ глазахъ народа ореоломъ святости, особенно видѣвшіе могилу Пророка. Безъ ихъ участія не обходится ни одно важное государственное событіе: ни объявленіе войны, ни заключеніе мира, ни подчиненіе иноземному государю.

III.

Интересенъ обычай созванія шайки на набѣгъ. Кто-нибудь изъ сердарей или просто храбрыхъ и опытныхъ Текинцевъ выставляетъ у себя предъ кибиткой длинную пикую, на которой навязанъ родъ флага—яркоокрашенный платокъ. Вѣсть о призывѣ разнесится по ауламъ съ быстротою молніи. Молодежь жаждущая приключеній и наживы собирается со всѣхъ сторонъ, втыкая пикую у кибитки сердаря. Какъ скоро ихъ окажется нужное для набѣга количество, дается сигналъ къ выступленію. Съ этой минуты шайка постукаетъ подъ строгую команду атамана. Добыча распределяется заранее: извѣстная часть атаману, извѣстная муллѣ, остальное дѣлится между простыми всадниками. Женщины въ это время готовить продовольствіе—жаренныя въ бараньемъ салѣ лепешки, приблизительно на восемь дней. Наконецъ сборы окончены, шайка трогается, провожаемая благословеніями муллъ и имамовъ, ободрительными криками стариковъ, а не рѣдко и умоляющими просьбами женщинъ... о золотыхъ и серебряныхъ украшеніяхъ. О! онѣ не пропустятъ случая напомнить лишній разъ своимъ мужьямъ и братьямъ объ этихъ такъ необходимыхъ имъ предметахъ!.. Комплектъ лошадей у шайки непременно двойной. До границы она добирается на тѣхъ что похуже, ведя хорошихъ въ ловоду, съ границы плохія лошади отправляются обратно, и дальнѣйшій походъ дѣлается уже на свѣжихъ лихихъ скакунахъ. Заботливость Текинца о лошади въ походѣ изумительна. Въ то время какъ самъ онъ часто въ лохмотьяхъ, лошадь его постоянно въ серебрѣ,

золотѣ и дорогихъ половахъ; самъ онѣ мучится голодомъ, а лошадь доѣдаетъ его собственныя послѣднія лепешки, онѣ томится жаждой, а ужъ не утерпитъ чтобы не напоить ее остатками воды засыхающаго колодца. И надо замѣтить что текинская лошадь стоить такого вниманія. По бѣгу, выносливости и красотѣ она бесспорно изъ лучшихъ въ Средней Азійи и едва ли уступитъ даже арабской. Не даромъ дороже роднаго брата цѣнить ее Текинецъ.

Вооруженіе шайки обыкновенно пестрое и плохое, не то что у соседей—Персіанъ, Бухарцевъ и др. У однихъ наизящнѣе острія и какъ у всѣхъ магометанъ-Азіатовъ кривыя сабли, но изъ неважнаго матеріала, хорошіи клинокъ, рѣдкость; у другихъ тяжелыя длинныя калсюльвыя ружья, короткихъ немного. Иногда къ нимъ придѣлываются рожки изъ кости, на которые кладется, если это нужно, ружье во время стрѣльбы. У большинства—пики, и у всѣхъ по небольшому ножу—принадлежность каждаго Текинца. Рѣдко попадаетъ и русская двустволка.

Очевидно съ такимъ вооруженіемъ можно разчитывать на успѣхъ единственно при быстротѣ и неожиданности нападенія. И Текинцы понимаютъ это отлично. Какъ молнія налетаютъ они на блуждающіе въ степи персидскіе, бухарскіе и хивинскіе караваны, о которыхъ нерѣдко сообщаютъ имъ персидскіе начальники (конечно за хорошее вознагражденіе). Рѣзня происходитъ безплощадная. Черезъ нѣсколько мгновеній сопротивленіе становится невозможнымъ. Уцѣлѣвшіе сдаются и уводятся въ плѣнъ, шайка съ добычей исчезаетъ еще быстрее чѣмъ произвела нападеніе. Тотъ же приемъ употребляется при набѣгахъ и на города, на аулы. Но вотъ что изумительно: Текинцы весьма рѣдко нападаютъ на такія мѣста гдѣ можно ожидать потери, изумительно тѣмъ болѣе что репутація ихъ храбрости безупречна. Грабежъ города или аула сопровождается страшнымъ кровопролитіемъ; все престарѣлое населеніе немилосердно вырѣзывается, молодые и дѣти забираются въ плѣнъ для торговли на средне-азіатскихъ рынкахъ человѣческаго мяса. Болѣе всего страдала отъ текинскихъ набѣговъ персидская провинція Хирасанъ, но 150 лѣтъ назадъ въ царствованіе Аббасъ-Мирзы въ сѣверную часть Хирасана было выселено до 15.000 семей Курдовъ, и въ настоящее время они составляютъ преобладающую часть населенія въ провинціяхъ Дерегаса, Бунджури и Куганъ. Курды

представляютъ надежный оплотъ противъ Текинцевъ; не мѣше воинственные они отвѣчаютъ на каждый набѣгъ тѣмъ же.

Какъ бы то ни было, Текинецъ въ настоящее время гроза Средней Азіи. Его имя—синонимъ разрушенія. Онъ гроза трусливыхъ сосѣдей—Хивинцевъ, Бухарцевъ. На грабежъ и на убійство у него свои оправданія. Убивая Европейца онъ выполняетъ требованія Корана: Европеецъ „дауръ“, а „дауровъ“ надо бить. Магометъ судить ему гурій за этотъ религіозный подвигъ, словомъ, какъ разъ ту прелесть которою онъ по бѣдности не пользовался въ этомъ мірѣ, если разумѣется не принадлежалъ къ счастливому сонму хановъ и сердарей; убивая Персіянина онъ убиваетъ еретика, шиита, и мулла докажетъ ему что за это никакого наказанія не полагается, все равно какъ за смерть Хивинца, Бухарца или Авганца, съ которыми у него старинная „кровавая мѣсть“.

Кровавая мѣсть—обычай весьма распространенный между Текинцами, какъ и вообще между всѣми народами на низшей ступени культурнаго развитія. Не рѣдко, начинаясь изъ-за лустяковъ, изъ-за какого-нибудь краденаго барана, она втягивается въ борьбу цѣлыхъ племена и скоро принимаетъ характеръ и размѣры междуусобицы. Аулы съ обѣихъ сторонъ горятъ яркимъ пламенемъ, отбивается баранта и верблюды, нѣтъ лошады даже дѣтямъ и женщинамъ, вопреки обычаю всѣхъ патріархальныхъ воинственныхъ народовъ. У кавказскихъ племенъ, у Черногорцевъ, Арабовъ—вездѣ женщина пользуется безопасностью во время междуусобной войны и даже въ случаѣ надобности находитъ покровительство у той самой партіи которая съ удовольствіемъ убьетъ ея мужа, брата или сына. У Текинцевъ наоборотъ, и это обстоятельство еще болѣе разжигаетъ общее ожесточеніе. Воюють не только отдѣльныя племена, но даже аулы распадаются на враждебные лагеря, часто случается что члены одной и той же фамиліи встрѣчаются на полѣ битвы съ оружіемъ въ рукахъ. Самое устройство текинскихъ селеній указываетъ на ихъ любовь къ вѣчнымъ ссорамъ. Дома непременно съ бойницами, на случай неожиданнаго нападенія сосѣдей, на огородѣ башни, тоже съ бойницами. Въ обычаѣ „выкупъ“ за убитаго или за нанесенную рану; размѣръ выкупа называется каждый разъ особо родственниками убитаго или раненаго. Замыреніе выражается въ цѣлованіи

виновника съ родственниками потерпѣвшаго и начальниковъ обоихъ родовъ. Затѣмъ приносятся самый выкупъ и обычные подарки. Все завершается пиромъ, на которомъ почетное мѣсто отводится пилаву, баранинѣ и кислому верблюжьему молоку. Если же примиреніе не состоялось, и вражда продолжается со всеми ея кровавыми послѣдствіями, въ дѣло вмѣшивается народное собраніе. Но конечно и оно оказывается безсильнымъ, когда вражда принимаетъ характеръ племеннаго поединка, какъ это было въ недавнее время между Мервомъ и Ахаль-Теке. Открылъ рѣзню Нуль-Верди-ханъ мервскій. Онъ двинулъ 2.000 всадниковъ на восточную часть Ахаль-Текинскаго оазиса, которою владѣли четыре хана. Пслѣ долгой, ожесточенной борьбы дѣло однако кончилось ничѣмъ. Мы не говоримъ уже о постоянныхъ схваткахъ съ Юмутами, Соларами и другими маленькими народцами: онѣ обыкновенное явленіе.

IV.

Печальна участь того кому доведется попасть въ лѣвѣ Текинцамъ. Многие изъ нашихъ солдатъ испытали это на себѣ. Приводимый ниже разказъ принадлежитъ канониру Никитѣ Цивашеву, проведенному около трехъ мѣсяцевъ въ текинскихъ аулахъ.

7 октября 1878 года, шестеро канонировъ: я, Мягкій, Пантюшинъ, Зиманъ, Петинъ и Макаровъ отправились безъ оружія на десять верстъ отъ крѣпости Чата ласти, верблюдовъ и набрать корму для лошадей. Придя на мѣсто и не ожидая никакой опасности мы разошлись въ разныя стороны чтобы скорѣе окончить дѣло. Одинъ со скуки лѣлъ, другой насвистывалъ, третій табачкомъ баловался, но никто не замѣтилъ что изъ кустарника давно подкарауливаютъ насъ разбойничьи рожи Текинцевъ. Выждавъ удобную минуту они бросились на насъ съ дикимъ крикомъ. Мы бросились бѣжать, но развѣ можно убѣжать отъ быстрой лошади Текинца. Не сплсали насъ и поля засѣянные рожью. Одинъ только Макаровъ успѣлъ уйти на нѣсколько сотъ шаговъ, но эта дерзость не прошла ему даромъ: взбѣшенный Текинецъ однимъ ударомъ отсѣкъ бѣглецу голову и затѣмъ, соскочивъ съ лошади, нѣсколько разъ проткнулъ еще трепещущій трупъ маленькимъ ножомъ. Наконецъ, убѣдившись что Макаровъ отдалъ Богу

душу, она сваязъ съ убитаго салоги и брюки и присоединилась къ своимъ товарищамъ. Мы въ это время стояли согнавые въ кучу; происходившая предъ нашими глазами вышеописанная сцена оледѣнила въ насъ кровь, казалось сердце по временамъ перестаетъ биться. Между тѣмъ убійца, глядя на насъ улыбающимися глазами, говорилъ что-то товарищамъ. Одно мгновеніе мы думали что и всѣхъ насъ ожидать участь Макарова. Наконецъ ударъ нагайки по лицу и выраженное знаками приказаніе слѣдовать за побѣдителями рѣшили сомнѣнія. Намъ оставляли жизнь! Слава Богу! Мы можемъ еще наткнуться на казачьи пикеты. Можетъ-быть и правительство приметъ въ насъ участіе, выкупить или потребуетъ нашей выдачи. Наконецъ намъ улыбалась надежда на побѣгу. Удары текинской веревки скоро отрезвили наши мечтанія. Насъ погнали въ аулъ. Но трудно было сравняться въ выносливости съ текинскими лошадьми. Чѣмъ дальше мы шли тѣмъ болѣе уставали и тѣмъ болѣе доставалось намъ ударовъ. Боль была нестерпимая. Веревка врѣзывалась въ тѣло; мѣстами сочилась кровь; начались головокруженія. Но все это не надолго. По крайней мѣрѣ у меня спина и плечи скоро омертвѣли и я ничего уже не чувствовалъ. Во все время нашего бѣдственнаго путешествія мы не услѣли даже переговорить другъ съ другомъ, только изрѣдка слышался отчаянный вопль Петина: „Господи Боже мой, умираю!..“

Такъ шли мы почти рысью до вечера. Вечеромъ отдохнули на берегу какой-то рѣчки. Текинды наложили лошадей, но намъ воды не дали. А жажда мучила ужасно. За каллю воды кажется отдалъ бы все въ мірѣ. Зиминъ такъ и бросился къ рѣкѣ, но текинская веревка удержала несчастнаго.

Все время получасоваго, если такъ выразиться, отдыха Текинды горячо разсуждали о чемъ-то. По жестамъ было видно что они не знали какъ насъ раздѣлить. Одинъ изъ нихъ подходилъ ко мнѣ, медленно и внимательно осматривалъ мои ноги и руки, одобрительно качая головой. Другіе продолжали ту же процедуру съ моими товарищами. Вышелъ еще споръ повидимому изъ-за нашихъ костюмовъ; наконецъ намъ приказали встать и тронуться въ путь.

Всю ночь мы тащились привязанные веревками къ лошадямъ; утромъ часа съ три отдыхали въ степи, часовъ въ десять двинулись снова и наконецъ съ невѣроятными усилиями добрались до крѣпости Кара-Кала. На встрѣчу вышелъ весь

ауль: и старые и молодежь. Всѣ громкими криками привѣтствовали возвратившихся съ набѣга наѣздниковъ. Насъ ждали привѣтствія иного рода. Мушкеры били ногами, женщины плевали въ глаза, дѣти бросали въ лицо грязью, наши хозяева стегали насъ веревками чтобы выразить крайнюю степень презрѣнія къ проклятымъ гяурамъ. Намъ оставалось только проклинать день рожденія и несчастную судьбу! Никогда я не просилъ смерти, но тогда умеръ бы съ удовольствіемъ. Нескончаемый рядъ оскорбленій, плевокъ, удары, страданія отъ вчерашнихъ побоевъ,—все это отозвалось во мнѣ какою-то тулою, нецѣлѣнимою болью зетемнявшею сознание.

Замѣтивъ что мы еле-еле держимся на ногахъ, намъ приказали свѣсть и изъ какой-то грязнѣйшей посуды дали напиться, но не вдоволь. Нѣсколько лепешекъ утолили нашъ голодь. Нечего и говорить какими вкусными онѣ оказались, несмотря на постоянные плевокъ въ лицо и стрѣльбу навозомъ.

Теперь у насъ настала минута переговорить другъ съ другомъ. Но никто не заговаривалъ. Одинъ только произнесъ съ тоской въ голосъ: „пропали мы!“ „Вишь проклятые нехристи, покою не даютъ!“ отозвался другой, злобно глядя на кидавшихся грязью ребятшекъ. Этимъ и кончился разговоръ.

На другой день насъ раздѣли почти догола и одежду межъ собой раздѣлили. Меня и Петина погнали наѣво, остальныхъ направо. „Прощайте братцы!“ прозвучалъ тоскливый общій крикъ, и мы разстались.

Говорятъ есть много мученій на свѣтѣ, но едва ли есть болѣе жестокое какъ идти по острымъ камнямъ и колючкѣ безъ обуви. Сначала еще стараешься выбирать мѣсто, но это ни къ чему не служитъ. Текущу нѣтъ ни охоты ни надобности обѣзжать неудобья для ходьбы мѣстности, и вы, притянутой веревкой къ лошади, идете не разбирая на что наступаете. Колючки вливаются въ подошву, камни рвутъ кожу, боль страшная, но вы къ ней уже привыкли. Вы ни на что уже не обращаете вниманія. Отчаяніе притуляетъ даже физическую боль.

Такимъ-то образомъ мы шли до ночлега. Я уснулъ какъ убитый. На другой день часовъ въ 11 утра мы были уже въ Кара-Калы. Встрѣтили насъ такъ же какъ и въ предыдущемъ аулѣ. Повторились обычные радостные крики адресованные нашимъ мучителямъ и плевокъ, ругань и оскорбленія

намъ. Нѣсколько дней мы не знали покоя, пока къ намъ не привыкли.

Хозяинъ нашъ былъ бѣднякъ и даже не имѣлъ цѣльной кибитки. Все его имущество заключалось въ прелестной лошади и пожилой Персіянкѣ-рабынѣ. Лошадь по ночамъ заковывалась, очень ужъ боялся хозяинъ чтобъ ее не угнали, меня на ночь привязывали къ лалаткѣ. Двадцатифунтовыя кандалы само собой.

Черезъ нѣкоторое время мое положеніе опредѣлилось. Я рабъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Мои обязанности въ тасканіи воды и сборѣ на топливо колючки. Въ случаѣ плохаго сбора меня бьютъ такъ что кости хрустятъ. Кормятъ плохо, на день полагается не больше полутора фунтовъ делешекъ, жареныхъ въ бараньемъ салѣ, разъ въ недѣлю лилавъ. Въмѣсто одежды идетъ халатъ старый-престарый, шалка солдатское кели и всегда безъ салогъ. Слустя нѣкоторое время мнѣ разрѣшаютъ свиданія, съ Петинимъ живущимъ въ подобной же обстановкѣ. Сядемъ, поговоримъ о бѣгствѣ, о выкупѣ, о свободѣ. Два часа пролетаютъ незамѣтно. Пора ло домамъ... Дома единственное существо симпатизирующее мнѣ лѣнная Персіянка. Одинаковая бѣдственность положеній сближаетъ людей, и мнѣ только остается благодарить Бога что у Текиндцевъ нѣтъ обычая заковывать женщинъ.

Въ одно прекрасное утро около кибитки нашего хозяина столпился весь почти аулъ. Въ чемъ дѣло? Оказалось что это намъ такая честь. Весь аулъ пришелъ обращать насъ въ магометанство. Но мы отказались на отрѣзъ. „Лучше умереть чѣмъ измѣнить православію!“ Первое повидимому было весьма возможно; по крайней мѣрѣ апостолы магометанства яришли въ такую ярость что ярились бить насъ чѣмъ попало. Но къ счастью вступились хозяева. Мы вѣдь все-таки были имъ дороги какъ дорога всякая рабочая сила.

Наконецъ мѣсяца черезъ два я получилъ письмо отъ моего командира, штабсъ-капитана Гойтинова, въ которомъ онъ убѣждалъ меня не унывать, возложить упованіе на Бога и т. л. Письмо оканчивалось обѣщаніемъ выручить меня въ скоромъ времени. Я со своей стороны описалъ какъ умѣлъ всѣ мои мученія и просилъ послѣшить, пока я не умерь. Петинъ между тѣмъ, помня поговорку: „на Бога уповай, а самъ не лошадай“, попробовалъ было спастись собственными силами и уже убѣжалъ на десять верстъ, но на

одинадцатой былъ схваченъ. Хозяинъ, узнавъ о побѣгѣ, взбунтовалъ весь аулъ. Всѣ у кого случились на ту пору лошади пустились въ погоню и Петинъ былъ привезенъ обратно, избитый безъ милосердія. У Текинцевъ стыдъ и срамъ тому аулу изъ котораго убѣжить лѣвникъ, вотъ почему они такъ усердно и преслѣдуютъ бѣжавшаго.

Вслѣдъ за полученіемъ письма отъ командира со мною начали обращаться по человѣчески, пищу улучшили и увеличили. Текинецъ чуждъ выкупъ, а это для него великое дѣло. Вскорѣ пріѣхалъ Текма-сердаръ (тотъ самый что въ прошлую экспедицію слѣдовалъ вмѣстѣ съ нашимъ отрядомъ и подъ конецъ бѣжалъ); онъ увезъ меня въ свое селеніе, гдѣ я и прожилъ двадцать дней въ полномъ довольствѣ. Мясa, молока, делешекъ было сколько душѣ угодно. Затѣмъ сынъ Текмы препроводилъ меня въ землю Гоклановъ. Я шелъ все время лѣшкомъ, но такъ уже привыкъ къ этому способу путешествія что не чувствовалъ боли. Въ землѣ Гоклановъ я прожилъ 18 дней, а на девятнадцатый былъ отосланъ въ Чать на руки пристава, капитана Якубова.

Участь Петина—несчастіе; его купила богатая текинская вдова и никакъ не хочетъ выпустить, пока Русскіе не возвратятъ взятаго въ лѣвъ ея сына. Затѣмъ въ текинскихъ аулахъ томятся еще трое солдатъ. Недавно (въ 1879 г. въ августѣ) сотня казаковъ освободила рядоваго Александропольскаго полка—забылъ его фамилію. Онъ былъ закованъ въ лудовыя кандалы. Жизнь его у Текинцевъ во многомъ напоминаетъ приключенія Цивашева. Только женщины относились къ нему благосклоннѣе. Днемъ въ присутствіи мужей онъ дѣлалъ видъ что его и не замѣчаютъ, но по ночамъ когда мужей не было дома, онъ старался всѣми способами развлечь скучающаго лѣвника. Александропольецъ даже покраснѣлъ на этомъ мѣстѣ разказа, хотя и прибавилъ послѣ минуты молчанія: „а все-таки, ваше благородіе, въ лѣву должно-быть хуже чѣмъ въ аду“. Блѣдная, исхудалая его физиономія была лучшимъ доказательствомъ такой неожиданной сентенціи.

V.

Разъ упомянувъ о текинскихъ женщинахъ, я считаю своею обязанностью подѣлиться съ читателемъ и другими собравшими мною свѣдѣніями относительно какъ физическихъ и моральныхъ особенностей этихъ женщинъ, такъ и условий ихъ быта. Начнемъ съ наружности. На избалованный глазъ Европейца она едва ли покажется привлекательною. Цыганская смуглость кожи, черные суженные глаза, ротъ большихъ размѣровъ, черные густые волосы и выдающіяся скулы приближаютъ Текинокъ къ монгольскому туну, а ранняя половая жизнь, начинающаяся съ тринадцатаго года, кладетъ на ихъ лица непріятный отпечатокъ изнуренія и преждевременнаго увяданія, предъ которымъ блѣднѣютъ обычные достоинства текинской женщины: красивый стройный ростъ и сильно развитыя упругія формы. Одежда у всѣхъ одинаковая: разноцвѣтный халатъ, не безъ вкуса вышитый шелками, затѣмъ шаровары и широкій поясъ отдѣланный серебромъ и камнями сердолика. Серебряныхъ украшеній множество; они вездѣ: въ ушахъ, на головѣ, на шеѣ: вѣдь не даромъ же грабилъ Текинецъ шесть столѣтій Среднюю Азію.

Несмотря на низкій уровень цивилизціи Текинскаго народа, женщина находится совсѣмъ не въ такомъ печальномъ положеніи въ какомъ мы привыкли встрѣчать ее у другихъ народовъ Востока, а особенно въ Средней Азіи. Она живетъ такъ же открыто, свободно, какъ и ея мужъ. О покрывалѣ закрывающемъ Турчанку она не имѣетъ понятія. Каждый посторонній можетъ имѣть къ ней доступъ. На общественныхъ пиршествахъ и увеселеніяхъ у нея свое мѣсто, какъ и за семейнымъ столомъ. Въ случаѣ жестокаго обращенія мужа она имѣетъ право требовать суда и даже развода. Надъ ея имуществомъ мужъ не имѣетъ никакой власти,—онъ не можетъ напримѣръ распорядиться приданнымъ женою—кибиткой, въ которой она и живетъ послѣ свадьбы, не смѣшиваясь съ другими женами мужа. При разводѣ она имѣетъ полное право унести съ собою все свое имущество, которое принесла изъ родительскаго дома. Текинецъ въ свою очередь имѣетъ право бросить безнаказанно жену только въ извѣстныхъ случаяхъ опредѣленныхъ обычнымъ правомъ. Къ числу

такихъ случаевъ относится, напримѣръ, бездѣтность жемы, зараженіе ея какою-нибудь хроническою прилипчивою болѣзнію и т. под.

Рожденію Текинки отецъ радуется почти какъ и рожденію сына. Надкій до паживы, онъ съ перваго же дня поворожденной начинаетъ мечтать о богатомъ „калымѣ“, который получить за будущую красавицу-дочь. Первоначальнымъ воспитаніемъ ребска занимается мать; рѣдко оно предоставляется рабынямъ. На шестилѣтнемъ возрастѣ дѣвочку учатъ прастъ шить и вязать знаменитые текинскіе ковры, съ которыми не могутъ сравниться даже персидскіе. Трудно представить сколько изящества, вкуса въ этихъ рисункахъ и узорахъ вытканыхъ руками Текинки безъ помощи какихъ бы то ни было инструментовъ. А между тѣмъ одна женщина въ теченіе года приготовляетъ обыкновенно до двухъ и трехъ ковровъ въ пять аршинъ шириной и въ десять длиной. Этими коврами устилаются кибитки, а иногда, особенно въ праздничные дни, обиваются снаружи.

Такъ растетъ дѣвочка, помогая работать матери, до десяти или—самое большее—до двѣнадцатаго года: въ этомъ возрастѣ, благодаря климатическимъ условіямъ, она становится способною быть матерью. Отцы пятнадцатилѣтнихъ мальчуговъ держатъ ее на примѣтѣ. Скоро начинается сватовство. Отецъ жемика отправляется къ будущему тестю узнавать сколько онъ хочетъ калыма за свою дочь. Тотъ въ восторгѣ, завѣтная мечта о богатомъ калымѣ исполняется. Онъ принимаетъ важный видъ и не безъ эффекта объявляетъ: „сто барановъ и нѣсколько верблюдовъ“. Отецъ жемика пораженъ такою дороговизною и даетъ половину. Начинается переторжка. Въ самую рѣшительную минуту появляется на сценѣ невеста. Она видимо подготовлена къ пріѣзду отца жемика—приодѣта и причесана. „Ты только взгляни на нее, могу ли я взять мевъше? жалобно взываетъ ея батюшка.—Чѣмъ не хороша она? Давай, не скупись; вѣдь не найти тебѣ лучше!“ Отецъ жемика мало-по-малу соглашается,—вопросъ только въ приданомъ, но онъ разрѣшается къ общему удовольствію. Отецъ невесты пересчитываетъ ея имѣніе.—„У нея три кибитки, пять ковровъ, четыре дорожки, нѣсколько халатовъ, ожерелье и множество другихъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній; видишь, мой другъ, какую находку ты

нашелъ.— „Аллахъ милостивъ!“ отвѣчаетъ тотъ и оба садятся на полъ и начинаютъ руками уничтожать рисовую кашу и жареную баранину.

Такимъ образомъ часто случается что женихъ и не видитъ невѣсты до дня свадьбы. Бываетъ и наоборотъ: молодые люди обходятся и безъ участія отцовъ. Въ этомъ случаѣ женитьба украшается какимъ-нибудь романтическимъ происшествіемъ, которое всегда оканчивается удачно если у жениха есть чѣмъ заплатить „калымъ“ и очень грустно для него если нечѣмъ. Родня невѣсты мститъ оскорбителю и не рѣдко убиваетъ его. Не рѣдко ссора оканчивается и примиреніемъ: молодца отправляютъ на грабежъ, и онъ не имѣетъ права возвратиться прежде чѣмъ награть на уплату калыма. Такого рода происшествія служатъ обыкновенно любимой темой текинскихъ народныхъ пѣсенъ.

VI.

Въ глухую полночь, въ Теръ-Сакана, у пылавшаго костра, сидѣлъ я съ карандашикомъ и листкомъ бѣлой бумаги въ обществѣ пралорщика Самата, Татарина говорящаго по-текински, и двухъ пожилыхъ Текинцевъ. У нихъ, благодаря коньяку, давно развязался языкъ и загорѣлась кровь. Вдругъ одинъ изъ нихъ, смуглый какъ ночь, прожившій уже полстолѣтія, слабымъ и тихимъ голосомъ затянулъ пѣсню, болѣе похожую на речитативъ чѣмъ на пѣніе, содержаніе которой я и передаю:

Готовъ и я! Верблюды навьючены,
 Святы кубитки хозяйскія...
 Преестный край покидать мнѣ приходится!
 Воды ужъ нѣтъ, родники всѣ повысохли,
 Какъ алмазъ небо чистое.
 Не одинъ иду я въ степь глубокою,
 Весь аулъ со мною троуаса,
 И она идетъ, красавица.
 Хороша она! Станъ—арабской лошади,
 Брови—крылья ворона,
 Рѣсницы—копья вострыя,
 Берегуція очи черныя.
 Очи черныя—звѣзды ясныя,
 А какъ взглянешь въ лицо ея бѣлое,—

Точно конья вострая
 Въ груди твердой сердце нѣжное
 Прокалываютъ!...
 А волосы... Чтѣ за волосы!..
 Не хуже гривы лошади,
 Не жестче шёлка мягкаго,
 Змѣиныхъ кожъ нѣжныхъ.
 А ротикъ, кровью смазанный!
 Горячѣ онъ въ десять разъ
 Десяти огней,
 Пожарѣ онъ въ десять разъ
 Десяти ручьевъ,
 Сладше меда сладкаго.
 Охъ, позволь же мнѣ, красавица,
 Прикоснуться къ ротуку,
 Чтѣ горяче пламени,
 Богаче быстрого ручья!
 Тогда согласенъ буду, милая,
 Прожить съ тобой всю жизнь мою
 Въ пустырь глухомъ, засушенномъ.
 Боишься ль ты что угладитъ отецъ
 И скажетъ: „брось ты бѣднаго!“
 Нѣтъ у него и барама ни единого...
 А ну его! Пусть ворчитъ чтѣ вздумаетъ
 Только ты-то полюби меня, милая!
 Какъ полюбишь ты—мнѣ все равно
 Убитымъ быть или вадушеннымъ!
 Согласна ль, моя дѣвушка?
 Выжмемъ скорѣе въ горячіе пески.
 Среди ласкъ любви посмѣемся мы
 Надъ ночью темною,
 Надъ ночью темною, надъ звѣздами ясными,
 Надъ звѣздами ясными, надъ сѣдымъ отцомъ.
 А поймаютъ насъ—мнѣ все равно
 Убитымъ быть... Убитымъ быть
 Или вадушеннымъ...
 И убивали мы въ пески горячіе,
 Цѣловались столько разъ
 Сколькѣ звѣздъ на небѣ было.
 И вдругъ чортъ вскружилъ намъ голову:
 Проспали ночку темную
 Подъ небомъ голубымъ.
 А на зорѣ предъ нами сталъ
 Отецъ озлобленный съ саблей вострою, каточкою.

Грозилъ онъ мнѣ: „убью тебя!
 Убью тебя какъ Персиянина!“
 Отвѣтилъ я: „мнѣ все равно
 Убитымъ быть, убитымъ быть
 Или задушеннымъ“.

Но храбрый Теке пощадилъ меня,
 Пощадилъ съ такимъ условіемъ:

„Дамъ тебѣ я саблю вострую,
 И лошадь быструю, какъ молнія,
 Отправляйся къ трусамъ Персіи
 И ограбь ихъ ты, какъ слѣдуетъ,
 Затѣмъ, съ калымомъ приходи

И дочку милую возьми,
 Дочку милую, несчастную.

А то—Кораномъ я клянусь!—

Убью тебя какъ Персиянина.“
 И я поѣхалъ въ страны Персіи,
 Ограбилъ тамъ кубитки съ три,
 Угналъ коней съ верблюдами,
 Калымъ богатый выплатилъ
 И взялъ съ собою милую.

Мнѣ не все равно теперь—

Убитымъ быть или задушеннымъ.

Изъ этого обращика народной поэзіи (за дурной не ривованный переводъ котораго я прошу извиненія у читателей) видно что закаленный въ болахъ, вѣчно занимающійся грабежемъ и убійствами Текинецъ слѣсособенъ любить и любить такъ нѣжно и пламенно какъ дай Богъ Европейцу. Мнѣ скажутъ: что за любовь, если жену покупаютъ какъ барана? но я отвѣчу на это что остатокъ древняго обычая, покупка и продажа невѣсты, сохранился у всѣхъ народовъ, и намъ самимъ въ нашей жизни приходится нерѣдко наблюдать подобныя же явленія, только въ менѣе грубой, въ вылощенной формѣ.

VII.

Но чѣмъ больше и нѣжнѣе любить Текинецъ молодую жену тѣмъ холоднѣе и беззаботнѣе относится къ старымъ и въ случаѣ опасности оставляетъ ихъ безъ сожалѣнія на произволъ судьбы. Такъ мнѣ разказывалъ пралорщикъ Саматъ что когда онъ во время набѣговъ на колодцы въ лесахъ атакował текинскій аулъ, поднимавшійся съ мѣста, то

Текинцы, увидѣвъ свое безвыходное положеніе, оставили старыхъ бабъ, а съ молодыми ускакали на быстрыхъ лошадяхъ въ пески. Одна изъ собравшихъ мною пѣсень говоритъ между прочимъ:

Я окруженъ, и все пропало...
 Не въ лѣвъ ли суждено попасть?
 Жену, дѣтей и три кибитки,
 Вербаюдовъ всѣхъ возьмутъ они,
 Эти изверги, скоты!
 Бѣжать мнѣ нужно,
 Самъ Аллахъ бѣжать велитъ.
 Оставляю жъ я всѣхъ женъ моихъ,
 Возьму одну—новобрачную мою.
 Лихой насъ конь умчитъ далеко
 Въ глухую степь.
 А тѣ—старые; умрутъ—не жалко,
 Дѣтей Аллахъ подастъ всегда:
 „Она“ такъ красива, молода.
 Итакъ бѣжать! Мой острый мечъ
 Сумѣетъ путь для насъ просѣчь!

Не рѣдко Текинецъ измѣняетъ старымъ женамъ даже для рабынь-Персіянокъ, хотя никогда не женится на рабыняхъ, какой бы онъ ни былъ наци и вѣры. Въ этихъ случаяхъ онъ пользуется просто правомъ хозяина. Тутъ персидскій у Текинцевъ не рѣдкость, какъ и рабыня Персіянка. Въ какихъ отношеніяхъ находятся хорошенькія лѣтвицы къ законнымъ женамъ видно изъ слѣдующей пѣсни:

Не будь ты рабыней, прелестная Персіянка,
 Владѣла бы ты сердцемъ молодымъ,
 Любила бы тебя я больше лошади
 И кибитки родовой,
 Больше сабли окровавленной
 И кольца адомъ смазаннаго.
 Но ты рабыня, и быть матерью
 Не можешь сыну моему.
 Оставимъ поэтому грезы пустыя,
 А то увидеть жены вѣры,
 Одаралаютъ лицо твое бѣлое,
 Испортятъ твои плеча злые,
 Отрѣжутъ косы черныя,
 Закуютъ въ дѣпи холодыя:
 Въ нихъ ты будешь вѣчно мучиться.

Мнѣ жаль тебя, но все равно
 Полюби—куда же шаю—меня, красна дѣвица;
 Бѣги со мной въ ночьку темную,
 Проведемъ въ любви ее,
 Пока ясная заря востока не покажется,
 Румянымъ вуалемъ укутанная,
 На головѣ жемчужину несущая,
 Звѣзду утреннюю, блестящую.
 Пойдешь ли ты? Глади—убью какъ Персіанки!
 Ужь кинуть у меня кровь горячая,
 Сердце бьется молодецкое,
 И копь стоитъ остдаанный.
 А ночь смотри какая темная!
 Темнѣй она глухой могилы,
 Но коротка какъ жизнь людская.
 Иди скорѣй!

Такимъ образомъ положеніе красивой Персіанки можетъ назваться невыносимымъ. Съ одной стороны она должна удовлетворять желаніямъ своего хованика, и если заупрямится подвергается опасности быть убитою; съ другой ее преслѣдуетъ ревность ея хозяекъ, которая изъ зависти къ ея красотѣ строго слѣдитъ за поведеніемъ рабыни и чуть замѣтитъ что-нибудь подозрительное, то бьетъ несчастную, царапаютъ ей бѣлое лицо, отрѣзываютъ лучшее украшеніе женщины волосы и держатъ въ ядовитыхъ кандалахъ, пока не утерится красота опасной солерницы. Случается и такъ что когда рабыня родитъ ребенка, то остальные жены его немедленно или убиваютъ или продаютъ.

Ревность присуща и Текизцу, но довольно строгая нравственность текизскихъ женщинъ не даетъ поводовъ къ ея возбужденію. По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстна одна только случай кровавой расправы съ ишмѣнницей, и то потому что въ немъ соблазнителемъ явился одинъ изъ офицеровъ нашего экспедиціоннаго отряда, пралерникъ милиціи Нурузъ.

Онъ прійхалъ къ намъ въ 1877 (какъ разъ въ то время когда генералъ-майоръ Ломакинъ собирался сдѣлать маленькую рекогносцировку въ Ахаль-Текизскій оазисъ) и былъ прикомандированъ къ казакамъ, именно къ Лабинской ротѣ. Онъ былъ молодой человекъ и очень красивымъ и стройнымъ, не безъ природнаго ума, но мало образованнымъ и притомъ до того лылкій что то и дѣло навлекалъ на себя

нелпріятности съ начальствомъ и товарищами: не даромъ онъ въ Дагестанѣ родился. Въ обществѣ офицеровъ его менѣе любили чѣмъ боялись имѣть съ нимъ какое-либо столкновение. Хорошо знавшіе его люди увѣряли что его гордость, самолюбіе и честолюбіе были безмѣрны. Привычка гулять одному и мечтать о чемъ-то, а также страсть къ азартной игрѣ въ карты еще болѣе отгвѣняли оригинальную физиономію Нурова.

Картежная страсть его и погубила. Онъ вѣчно проигрывалъ, и чѣмъ дальше тѣмъ больше входилъ въ долги. Проигравъ однажды небольшую сумму казенныхъ денегъ, не зная чѣмъ ее пополнить, онъ напалъ на мысль о побѣгѣ къ Ахаль-Текиндцамъ. Другіе объясняли причину побѣга его постоянною мечтой сдѣлаться текивскимъ ханомъ.

А убѣждалъ онъ слѣдующимъ способомъ. Выѣхавъ однажды со своимъ вѣстовымъ казакомъ изъ крѣпости Чата, онъ приказалъ казаку сѣсть съ лошади, отдать ему берданку съ патронами и ждать на мѣстѣ пока онъ не вернется съ охоты. Казакъ, ничего не подозрѣвая, исполнилъ приказаніе офицера, ждалъ его до ночи, и только потомъ уже донесъ начальству о случившемся. Немедленно были высланы лукеты для разысканія исчезнувшаго, но поиски были напрасны: Нуровъ въ это время былъ уже въ оазисѣ.

Приѣхавъ къ Текиндцамъ, рассказывалъ послѣ Текма, вѣрный офицеръ немедленно доказалъ что онъ магометанинъ и притомъ шіитъ, чѣмъ и заслужилъ радушный пріемъ хозяевъ. Онъ много рассказывалъ о Россіи и Европѣ, хвасталъ своимъ высокимъ происхожденіемъ и личнымъ знакомствомъ съ „Бѣлымъ Царемъ“ и т. п. По-татарски онъ говорилъ безъ ошибокъ, и значитъ Текмады понимали его свободно.

Немедленно по пріѣздѣ въ оазисъ онъ переслалъ какимъ-то способомъ записку своему бывшему начальству, въ которой извинялся что не предупредилъ о своемъ побѣгѣ. Записка оканчивалась обѣщаніемъ оказать современемъ великія услуги Россіи. О, въ то время у него были великіе замыслы!

Между Текиндцами жилось ему недурно: они угощали его бараниной, а онъ ихъ охаживалъ о Европѣ. Но время шло, а мечта о ханствѣ не осуществлялась. Текиндцамъ и въ голову не приходило сдѣлать ханомъ малоизвѣстнаго бѣглеца. Чѣмъ бы угнанаалось его исканія — сказать трудно: судьба распо-

радилась съ нимъ совершенно иначе. Увидѣвъ однажды жену какого-то Мурада, по словамъ Текмы, красавицу неопытную, онъ влюбился въ нее что называется по уши. Красавица отвѣчала ему тѣмъ же. Скоро эта связь стала известна всему аулу и наконецъ самому Мураду. Мурадъ недолго думалъ: подкарауливъ однажды влюбленныхъ онъ ихъ обоихъ перерезалъ въ куски. Такъ погибъ нашъ прапорщикъ, жертвой своего пылкаго темперамента, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ.

А Мурадъ своимъ поступкомъ заслужилъ всеобщее одобреніе: такого рода убійство невѣрной жены и ея любовника на мѣстѣ преступленія санкціонировано Кораномъ. Я даже слышалъ, что и двое дѣтей несчастной женщины были убиты по подозрѣнію не отъ неблагодарнаго ли пришлеца они происходятъ.

VIII.

Трудно сказать какую роль играютъ женщины въ общественныхъ сходкахъ, хотя и есть факты заставляющіе предполагать что роль эта не массивная. Мнѣ лично въ послѣднюю Ахаль-Текинскую экспедицію по всей дорогѣ приходилось слышать что Текинцы укрѣпились въ Деагиль-Теле, взявъ съ собою своихъ женъ и дѣтей, а на мои вопросы: „почему они не спрятали ихъ въ другое болѣе безопасное мѣсто?“ мнѣ отвѣчали что хотя Текинцы и знаютъ какъ мало Урусъ оскорбляетъ женщинъ и убиваетъ дѣтей и что хотя они имѣли возможность укрыть тѣхъ и другихъ въ горахъ или скалахъ, но мужья и жены не согласились на разлуку, а ханы, сардары и имамы были за то чтобы женщины присутствовали при сраженіи, ободряли храбрыхъ и утѣшали трусовъ. Такіе отвѣты вполнѣ подтвердились. 28 августа, при извѣстномъ штурмѣ Деагиль-Теле, я лично видѣлъ какъ женщины со стѣнъ и валовъ бросали камни, а многіе солдаты разказывали что женщины поливали ихъ кияткомъ. Кавалеристы стоявшіе на другой сторонѣ видѣли какъ женщины снимали съ убитыхъ Текинецевъ оружіе и надѣвали на себя. Въ то время какъ женщины пытались выйти изъ аула, а наша кавалерія

препятствовала ихъ выходу, одна изъ Текинцевъ лоботавъ о чемъ-то съ Текинцемъ начала говорить съ нашимъ Дагестанцемъ и схвативъ его за руки этимъ дозволила безнаказанно убить его Текинду. Другая неся на рукахъ грудного ребенка долго болтала на непонятномъ намъ языкѣ съ однимъ казакомъ, умоляя его о чемъ-то, и затѣмъ неожиданно пришла въ ярость, бросила ребенка подъ копыта лошадей, а сама накинулась на казака и схватила его за саблю.

Про третью разказывалъ мнѣ докторъ Н слѣдующее: штурмъ главными силами еще не былъ произведенъ, какъ я, находясь съ кавалеристами, встрѣтился лицомъ къ лицу съ выходящими изъ Денгиль-Теле Текинками. Одна изъ нихъ еле двигалась, большое пятно крови показывало, что она была ранена. И действительно при перевязкѣ оказалось, что бедренная кость была въ двухъ мѣстахъ разбита въ дребезги. Несмотря на мучительную боль, отъ этой женщины никто не слышалъ ни крика, ни стога. Она только и спросила: „умру ли я?“ „Конечно умрешь“, отвѣтилъ ей равнодушный Дагестанецъ. „Что жь, пусть умру, отозвалась она презрительно, но все-таки Аллахъ дастъ намъ побѣду.“

Сколько ихъ пало при штурмѣ Денгиль-Теле отъ ружейнаго и артиллерійскаго огня, Аллахъ одинъ вѣдаетъ, и все-таки онъ не просилъ своихъ мужей одаться „джаурамъ“.

Интересный фактъ случился по пути къ Денгиль-Теле въ аулѣ Дурума. Тамъ въ одной *кале* укрѣпился какой-то старикъ и упорно стрѣлялъ въ нашъ разъѣздъ, который воображивъ что тамъ устроена засада принялъ должныя предосторожности, окружилъ *кале* и занялъ ее. Но какая же оригинальная картина предстала предъ глазами разъѣзда: смертельно раненый Текинецъ и возлѣ него какая-то женщина заряжавшая ему ружье.

Эта самая или—не знаю хорошо—другая встрѣтила нашихъ солдатъ, показавшихъ дронъ, на порогѣ своего дома и хотѣла рвануть одного изъ нихъ кожомъ. Но тотъ проговоривъ флегматично: „спасибо, бабушка, кожъ пригодится“, быстро вырвалъ его у нея изъ рукъ.

Сколько я ни старался узнать какія существуютъ или, по крайней мѣрѣ, существовали въ этомъ народѣ героини, но узнать ничего не могъ. Разъ только мнѣ удалось слышать слѣдующую лѣгкую:

Не храберъ однако ты!
Во сто разъ храбрѣй тебя Текинка;
Не разъ она на духомъ конѣ
Во бою была,
Трусозъ къ прѣлѣ привазывала и т. д.

Въ заключеніе я могу прибавить что въ Средней Азіи не-
рѣдко встрѣчаются женщины играющія большую политиче-
скую роль. Такъ, на примѣръ, въ Коканѣ Худояръ-ханъ далъ
женщинѣ чинъ гинъ-датха (генераль-майора) и она называлась
Курмоджанъ-датха.

И. ПОПОВИЧЪ-ЛИЦОВАЦЪ.

ЗЛОЙ ДУХЪ *

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXXIX.

Глѣбъ Дмитріевичъ, послѣ довольно скучнаго обѣда у Ладожскихъ, поѣхалъ къ одному изъ старыхъ своихъ петербургскихъ друзей, къ тому самому лисьмо котораго нѣсколько мѣсяцевъ назадъ внезапно вызвало его изъ испанской деревушки въ Пиренеяхъ.

Въ просторномъ кабинетѣ, сохранившемъ часть убранства отъ Екатерининскихъ временъ, онъ засталъ кромѣ хозяина нѣсколько человѣкъ гостей. Всѣ они принадлежали къ самому верхнему ярусу петербургской бюрократіи и такъ или иначе „стояли у кормила“. Хозяинъ, которому историческое имя и неразмотанное состояніе позволяли дорожить независимостью и досугомъ, только по своимъ личнымъ связямъ принадлежалъ къ этой сферѣ, никогда не занимая значительной должности. Но онъ былъ политическій человѣкъ въ томъ смыслѣ что зналъ всѣхъ министровъ и совѣтниковъ, угадывалъ заранѣе

* *Ол. Русск. Вѣст.* 1881, №№ 4, 5, 7, 9, 10, 11 и 1882, № 1 и 2.

всякое новое назначеніе и имѣлъ свидѣнія о томъ о чемъ не пишутъ въ газетахъ. Онъ кромѣ того много читалъ, собиралъ русскія древности и выражалъ нѣсколько славянофильскій образъ мыслей.

Разговоръ шелъ по поводу только-что распространившихся слуховъ объ одномъ политическомъ арестѣ. Говорили что между бумагами найденъ планъ Зимняго Дворца, съ какими-то таинственными отмѣтками, и что это всѣхъ очень встревожило.

— До чего же наконецъ дойдетъ дерзость этихъ господъ и когда же наконецъ узнаютъ руку которая двигаетъ ими? спрашивалъ одинъ изъ присутствовавшихъ сановниковъ.

— Но кто вамъ сказалъ что тутъ есть какая-то посторонняя рука? возразилъ другой.—Люди просто хотятъ революціи, потому что существующій порядокъ имъ не нравится. Волки, вотъ и все.

На эту тему завязался споръ—одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ и праздныхъ споровъ, какіе велись въ то время во всѣхъ уголкахъ Россіи, впервые почувствовавшей что дѣло революціи перешло въ дерскія и можетъ-быть сильныя руки. Высказаны были самыя глубокія и отдаленныя соображенія, причемъ оказалось что спорившіе не только не согласны между собою относительно причинъ и характера зла, но и совершенно различно опредѣляютъ его развитіе и силу. Одни все еще толковали о ничтожной горсти недоучекъ, озлобленныхъ и сумасбродныхъ головъ, другіе точно на зло, точно съ самоуслажденіемъ людей охваченныхъ паникой, увѣряли что има этой горсти—легіонъ, что чуть не вся Россія стоитъ за ними и чего-то ждетъ отъ нихъ.

— Но чего же? спросилъ хозяинъ.

— Развѣ толпа, стихійная масса, задаетъ себѣ опредѣляемые вопросы? Она ждетъ переменъ, вотъ и все, отвѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— Едва ли такъ, возразилъ Глѣбъ Дмитріевичъ:—масса не любитъ переменъ, въ ней всегда есть инстинктъ консерватизма или пожалуй квіетизма. Переменъ ищутъ отдѣльные люди и партіи.

— Но бываютъ поворотныя эпохи, когда накопившаяся сила вещей толкаетъ общество, страну... продолжалъ тотъ же сановникъ.—Такъ у насъ было предъ Петромъ. Онъ явился только выразителемъ накопившейся потребности. Мыѣ

кажется приближается подобная эпоха. Мы въ теченіи всего этого столѣтія уклонялись отъ пути на который выступила общечеловѣческая цивилизація. Общество чувствуетъ что продолжать такъ до бесконечности нельзя, иначе между нами и Европой снова образуется такая же бездна кака была до Петра. И вотъ почему масса приходитъ въ броженіе, волнуется, недоумѣваетъ, ждетъ. Вотъ почему нами революціонеры вѣрятъ въ свое дѣло и убѣждены что это общее дѣло.

— Вы забываете только что они и въ Европѣ не желаютъ оставить камня на камнѣ, напомнимъ хозяинъ.

— Масса объ этомъ не разсуждаетъ, она просто видитъ въ нихъ орудіе переворота, возразилъ спорившій;— ей хочется только оттолкнуть съ мѣста существующій порядокъ, а тамъ будь что будетъ.

— Такъ что, по вашему, въ Россіи обнаружилась потребность перейти къ европейской государственной формѣ, къ конституціи? спросилъ Зимовьевъ.

— Забудьте, а ничего не говорю отъ себя, а только стараюсь поймать общее слово, объяснить происходящее, продолжалъ государственный человѣкъ.—И знаете, это общее слово не у насъ только на языкѣ, въ самой Европѣ никто иначе не понимаетъ наше положеніе. Я вамъ разкажу вотъ какой случай. Нынѣшнимъ лѣтомъ былъ я по обыкновенію въ Карлсбадѣ. Тамошній докторъ, осмотрѣвъ меня, сказалъ разумеется эту всегдашнюю гаушую остроу что всѣ болѣзни у Русскихъ отъ кулебяки происходятъ: вы знаете, нѣмецкіе доктора вѣдь никакъ не могутъ безъ этой гаупости обойтись. Ну, а я и отвѣтилъ: воля ваша, не только отъ кулебяки я не воздержусь, хоть бы умирать пришлось. Нѣмецъ покачалъ головой и говоритъ: да, да, всѣ Русскіе губятъ свое здорѣвье кулебяками, и это оттого что у насъ никакой политической жизни нѣтъ. Когда вы сдѣлаетесь настоящими Европейцами и будете имѣть свою конституцію, тогда никто не будетъ у насъ вѣтъ кулебякъ.

Бюрократы весело разсмѣялись.

— Вашъ Нѣмецъ сказалъ можетъ-быть самое умное изъ всего что у насъ говорятъ о конституціи, замѣтилъ Зимовьевъ.—Но конституція это вѣдь во всякомъ случаѣ вещь отдаленная, а до тѣхъ поръ что-нибудь надо же сдѣлать?

Сановникъ пожалъ плечами.

— А до тѣхъ поръ будемъ ловить преступниковъ, пред-

упреждать по мѣрѣ возможности новыя покушенія... произ-
шеоъ оны какъ бы даже провинческимъ тономъ.

— *Тѣмъ что или конституція, или полиція, между тѣмъ и
другимъ вы ничего не видите?* спросилъ Зимовьевъ.

— *А вы видите что-нибудь?* въ свою очередь обратился къ
нему слорившій.

— *Да, кое-что вижу,* отвѣтилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— *Очень любопытно...* сказалъ тѣмъ же провинческимъ то-
номъ бюрократъ.

— *Къ сожалѣнію только любопытно,* отвѣтилъ Зимовьевъ;—
вотъ еслибы это видѣли люди власти, можетъ-быть намъ
легче жилось бы въ Россіи. Но простыя вещи скорѣе всего
ускользаютъ отъ взгляда, а то въ чемъ я вижу задачу на-
шего положенія—очень просто, до крайности просто... Оно
называется русскою политикой въ Россіи. Да, русская поли-
тика, ничего больше. Подъемъ національнаго духа, оживленіе
общества пришибленнаго Берлинскимъ конгрессомъ, поворотъ
фронтomъ къ Россіи, обращеніе къ ея живымъ силамъ. Не-
ужели вы не чувствуете что мы омертвѣли, извѣрились, и что
вся дерзость крамлы отъ этого происходитъ и этимъ ли-
тается? Вы не понимаете что начиная съ Санъ-Отефано
совершается громаднѣйшій обманъ которому конца не видно,
который, начавшись съ руководящихъ умовъ, проникъ до по-
слѣдшаго департаментскаго столоначальника, разлагая всѣхъ
и все? И въ это-то время, когда Россія переживаетъ агонію
унизительнаго самоотреченія, вы хотите окончательно столк-
нуть ее съ мѣста, расшатать послѣдніе винты! Намъ подо-
браться надо и поскорѣе встать на ноги, а не лежать раз-
слабленными...

Хозяинъ приподнялся и протянулъ Зимовьеву руку.

— *Прекрасно сказано!* проговорилъ оны съ искреннею ра-
достью.

Бюрократы обмѣнялись снисходительно усмѣхающимися
взглядами.

— *Отдаю полную справедливость дѣйствительно прекрас-
нымъ словамъ, сказалъ одинъ изъ нихъ;—но прекрасныхъ
словъ въ Россіи давно уже наговорено больше чѣмъ гдѣ-
нибудь. Надо подойти къ дѣлу. Вы говорите: національная
политика; но развѣ такая существуетъ? Существуютъ интере-
сы англійскіе, французскіе, прусскіе, австрійскіе, русскіе;*

но я не знаю ни русской, ни французской, ни китайской политики. Это идеология, очень вредная когда она овладеваетъ правительственными умами. Теперь многіе нападаютъ на нашу дипломатію за Берлинскій конгрессъ. Но развѣ дипломатія можетъ имѣть свою собственную силу, при безсиліи той страны которую она представляетъ? Мы одержали кое-какія побѣды и хотѣли на этомъ основаніи возвысить голосъ. Европа сказала намъ что мы заблуждаемся, что наши побѣды не имѣютъ для нея никакого значенія. И это понятнѣе. Представьте себѣ что Китайцы побили Японцевъ и поэтому вздумали бы заговорить съ Европой другимъ языкомъ. Развѣ имъ позволили бы? развѣ имъ не сказали бы что они остаются все такими же Китайцами, не смѣющими пошевелиться если предъ ними поставитъ пару англійскихъ броненосцевъ?

Глѣбъ Дмитріевичъ взглянулъ на говорившаго и спокойно опустил глаза.

— Въ самомъ дѣлѣ, я не знаю чѣмъ мы лучше Китайцевъ, сказалъ онъ со скрытымъ презрѣніемъ.

— Да-съ, доказать что мы Европейцы не по платью только, вотъ въ чемъ вся задача указанная намъ въ Берлинѣ, изрекъ одинъ изъ юнѣйшихъ бюрократовъ.—Международная сила страны всегда измѣрялась степенью ея культуры.

Этотъ юнѣйшій бюрократъ былъ облеченъ въ такой солидно-изящный фракъ, такая европейская „складка“ чувствовалась не только въ покроѣ его тугихъ воротничковъ, но даже въ покроѣ висячихъ рыжеватыхъ бакемовъ что казалось бы ему совсѣмъ слѣдовало ограничиться сходствомъ „по платью“.

— Послѣ Крымской войны мы слали свое положеніе въ Европѣ внутренними реформами, поддержалъ его другой савоявикъ.—Припомните что въ шестьдесятъ третьемъ году мы могли уже одержать блестящую дипломатическую побѣду..

— Дипломатическую? Помяоте, побѣду одержалъ крикъ негодованія раздавшійся изъ общества, изъ народа—крикъ въ которомъ Европа впервые услышала нашъ собственный голосъ, возразилъ Зимовьевъ.—За границей помани его и попятисись, и только здѣсь въ Петербургѣ не попяли. Тутъ проглядѣли эту внезапно сказавшуюся живую силу, этотъ голосъ, это указаніе. А еслибы не проглядѣли, то вѣроятно не было бы ни Шлевы, ни Берлина, ни этихъ „волковъ“, какъ вы выразились. Но когда же Петербургъ понималъ Россію?

Глабъ Дмитриевичъ всталъ и чувствуя что продолжать разговоръ невозможно, не зачѣмъ и даже стыдно, простился съ хозяиномъ и уѣхалъ. Онъ упрекалъ себя и за то что съ самаго начала не уклонился отъ спора. Развѣ онъ не знаетъ заранее всего что услышитъ? Отъ подобныхъ споровъ оставался всегда только мутный и горькій осадокъ заставлявшій сильнее страдать и томиться. Эти люди ничего не забыли и ничему не научились. Россія для нихъ попрежнему какой-то таинственный, глухой и отчасти страшный зверь, котораго надо попрежнему приручать къ деликатному обращенію. Курляндскій конюхъ и гоштинскій рейтаръ прошлаго столѣтія превратились въ утонченныхъ дипломатовъ и бюрократовъ, ежегодно почерпывающихъ физическое и духовное оскѣженіе у источниковъ Эмса и Карлсбада; а русская жизнь какъ подпочвенная вода попрежнему тихо плещется въ своемъ исконномъ руслѣ, и Россія попрежнему остается для Петербурга не болѣе какъ сосѣдомъ. И такъ будетъ долго, долго... только не всегда.

Нѣтъ, не всегда. Въ этомъ для Зимовьева не было сомнѣнія. У народа есть душа и она потребуетъ жизни. Народъ, окравившій свою политическую независимость отъ всѣхъ двоякоименныхъ покушеній, не откажется отъ самого себя. Онъ когда-нибудь самъ объяснитъ эти загадочныя слова: русская политика. Но неужели надо ждать чтобъ онъ самъ говорилъ?

Зимовьевъ давно уже старался приучить себя не думать объ этомъ, и все-таки не могъ. Но сегодня думалось какъ будто легче... Призракъ своего личнаго эгоистическаго счастья радостно тревожилъ его, разгоняя петербургскую хандру и желчь. Въ этомъ счастье есть сила, есть опора.

И онъ заснулъ здоровымъ, крѣпкимъ сномъ, мечтая о томъ что завтра скажетъ Лариса.

XI.

На другой день Глабъ Дмитриевичъ только-что собрался выѣхать изъ дому какъ ему подали письмо. Онъ никогда не видалъ почерка Ларисы, но почему-то въ ту же минуту узналъ его. Что-то жуткое кольнуло его, задрожало въ лицѣ, заставило потемнѣть глаза. Онъ подержалъ конвертъ въ рукѣ не распечатывая. Ему казалось что онъ знаетъ содержаніе письма, что онъ уже читалъ его.

Наконецъ онъ медленно сорвалъ конвертъ и разогнулъ листокъ. Въ немъ стояли слѣдующія строки:

„Дорогой Глѣбъ Дмитриевичъ, не прѣзжайте къ намъ. Я не могу дать отвѣта котораго вы ждете. Простите меня, я оченъ, оченъ несчастна. Мнѣ невыразимо больно думать какъ я виновата предъ вами, какою неблагодарностью плачу я за ваше вниманіе... больше чѣмъ вниманіе, я знаю. Мнѣ было бы облегченіемъ надѣяться что вы сохраните хоть немножко дружескаго чувства ко мнѣ, но этой надежды я не могу себѣ позволить. Я знаю что вы не можете остаться моимъ другомъ. И все-таки я не могу поступить иначе. Я не могу рѣшиться на такой шагъ который былъ бы обманомъ. Я не въ правѣ предлагать вамъ чувства довѣрія и уваженія взаимнѣ другаго чувства котораго вы ищете, которое я сама такъ рада была бы найти въ себѣ. Быть вашею женой значило бы обмануть васъ. Я много, горько думала объ этомъ, и мнѣ кажется что рѣшеніе къ которому я пришла—честное рѣшеніе. Знаю сколько боли могу причинить вамъ—вамъ, котораго я хотѣла бы видѣть спокойнымъ и счастливымъ. Но лучше намъ обоимъ переболѣть одинъ разъ чѣмъ связать себя навсегда печальными отношеніями какія явились бы между нами. Вы какъ-то сказали что готовы удовольствоваться условнымъ, неполнымъ счастьемъ. Это неправда, дорогой Глѣбъ Дмитриевичъ, вы никогда не удовольствовались бы имъ. Наша жизнь была бы однимъ безконечнымъ недоразумѣніемъ, которое мы скрывали бы другъ отъ друга и отъ котораго оба страдали бы. Между нами не было бы искренности—что же можетъ быть ужаснѣе?

„Вотъ, Глѣбъ Дмитриевичъ, какія печальныя строки я должна заставить васъ прочесть. Я рѣшилась быть откровенною, потому что знаю, вы поймете меня и когда-нибудь скажете что я поступила такъ какъ должна была поступить. Мнѣ невыразимо тяжело и я плачу надъ этимъ листкомъ. Пожалуйте меня какъ я жалю васъ обоихъ и простите меня. Я не имѣю даже и этого утѣшенія—мнѣ не за что прощать васъ.

„У меня едва хватаетъ смѣлости сказать вамъ какое благодарное воспоминаніе сохранию о васъ. Вѣдь вы имѣете полное право съ этой минуты сдѣлаться моимъ врагомъ. А я въ душѣ и въ сердцѣ все-таки останусь вашимъ другомъ.

„Лариса“.

Глѣбъ Дмитріевичъ сложилъ локотки и машинально опусталъ его въ карманъ. Лицо его было блѣдно, но мускулы перестали дрожать, онъ даже кажется спокойно отдыхалъ. На столѣ стояла его шляпа; онъ вынулъ изъ нея перчатки и принялся медленно вытирать ихъ, шарая по ковру. Ничто не выражало въ немъ ни волненія, ни страданія; только мѣрная походка какъ будто тяжело стала и слила цѣлаго согнулась. Черезъ минуту онъ вынулъ и лежалъ къ Волгодъ-Соколинскимъ.

Лариса была увѣрена что онъ не послушается запрещенія и придетъ. Она написала для того чтобъ устранить отъ обоихъ горечь личнаго объясненія, но не рѣшилась отдать приказаніе не принимать его. Ей казалось что такое приказаніе отзывалось бы трусостью или лукавствомъ.

Проходя въ гостиную, она мелькомъ взглянула въ зеркало. Отъ недавнихъ слезъ тонкая кожа ея казалась прозрачною и слегка горѣла и что-то новое залегло въ темнотѣ зрачковъ и въ выраженіи изящно-похудѣвшаго лица. Невольная мысль что она сегодня лучше чѣмъ была когда-нибудь скользнула въ ея умъ и причинила ей досаду: она хотѣла бы сегодня быть такою гадкою, неинтересною, чтобы Глѣбъ Дмитріевичъ совѣмъ разочаровался въ ней.

— Не послушались? молвила она съ печальною и ласковою улыбкой, протягивая руку.

— Не послушался, подтвердилъ Зимовьевъ, тоже улыбаясь. Но эта улыбка мгновенно сбѣжала съ его лица.

— Зачѣмъ вы написали мнѣ... такое письмо? продолжалъ онъ, пристально взглянувъ ей въ глаза.

— Надо было, Глѣбъ Дмитріевичъ, отвѣтила Лариса.—Я боялась что у меня не достанетъ мужества сказать на словахъ... А вы не хотѣли пощадить насъ обоихъ...

У Зимовьева мускулъ дрогнулъ на одномъ уголкѣ рта.

— Цѣдить? въ такихъ случаяхъ не щадятъ по крайней мѣрѣ себя... возразилъ онъ.—Но не о пощадѣ дѣло, Лариса Григорьевна. Если я не послушался васъ, то потому что все это фантазія, нервничанье... все что вы написали. Простите, я не съ упрекомъ говорю. У женщины должны быть и нервы и фантазія. Вы въ этомъ письмѣ показали себя такою какою я люблю васъ. И я еще больше, еще безумнѣе люблю васъ.

Въ его голосѣ въ самомъ дѣлѣ дрожала страсть—глухо, какъ отдаленная угроза.

— За что же, за что вы меня любите? восклицала почти съ отчаяніемъ Лариса.

— Вотъ за то что вы такая! отвѣтилъ Глѣбъ Дмитріевичъ не спода отъ нея блистающаго взгляда.—Безполезно было бы и братья объяснить за что я люблю васъ. Люблю потому что знаю васъ, для меня это такъ просто...

Онъ опустилъ руку въ карманъ, досталъ оттуда письмо и извѣлъ его четырьмя пальцами за край, осторожно надорвалъ.

— И вотъ почему я васъ не послушался... добавилъ онъ, и мелкіе кусочки письма посыпались изъ-подъ его рукъ на коверъ.

Лариса, точно цыганская, отступила на шагъ. Ея недавно горѣвшее лицо было совсѣмъ блѣдно.

— Глѣбъ Дмитріевичъ, вы не поняли меня; это не нервы, не фантазія; я не могу измѣнить того что написала вамъ! сказала она почти молящимъ голосомъ.

Уголокъ рта у Зимовьева опять дрогнулъ.

— Я уже не знаю что тутъ было написано, молвилъ онъ, скользя какъ бы съ состраданіемъ взглядомъ по разсѣяннѣмъ клочкамъ бумаги.—Вы мнѣ дали слово, и я не возвращу его вамъ назадъ.

Голосъ его прозвучалъ какъ будто грубо, между тѣмъ какъ глаза снова смотрѣли на нее съ выраженіемъ упрямой, сумашедшей страсти.

Лариса сжала опущенныя вдоль стройнаго стана руки.

— Не мучьте себя, Глѣбъ Дмитріевичъ, сказала она тихо;— мнѣ не легко было рѣшить за насъ обоихъ, но измѣнить... измѣнить уже совсѣмъ нельзя...

Зимовьевъ усмѣхнулся.

— Вамъ нечего измѣнять, потому что вы не могли рѣшить за насъ обоихъ, возразилъ онъ;—простите, за себя я всегда самъ рѣшаю. А вы именно за меня рѣшили, больше чѣмъ за обоихъ. На васъ нашла минута нервной мнительности, воображеніе вызвало какіе-то призраки... успокойтесь, это совсѣмъ не такъ. Я знаю чего ищу и гдѣ и какъ найти. Для меня нѣтъ другаго и бóльшаго счастья какъ быть вашимъ мужемъ. И тогда вамъ весело будетъ вспомнить о вашихъ телерешившихъ страхахъ, и вы поймете почему надо было такъ безжалостно разорвать эти первыя и единственныя ваши строки ко мнѣ...

Онъ говорилъ это почти смѣясь, указывая блистающими

глазами на клочки разбитой бумаги валившейся у нихъ подъ ногами. Лицо Ларисы сдѣлалось еще блѣднѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ! проговорила она съ тоской, отворачиваясь отъ него.

Глѣбъ Дмитриевичъ нагнулся, взялъ ее руку и поцѣловалъ.

— Знаете что надо сдѣлать? сейчасъ же назначить день свадьбы, и какъ можно скорѣе... и выѣхать тотчасъ убраться изъ Петербурга... сказалъ онъ. — Полноте, не поддавайтесь этому первичанью. Васъ смущаетъ что вы не влюблены во меня? продолжалъ онъ съ напряженной улыбкой; — но есть чувство прочнѣе и дороже влюбленности, есть любовь. И это чувство придетъ, потому что я сама люблю васъ безъ конца и безъ мѣры, люблю васъ даже вѣтъ за это письмо, за эти сомнѣнія, въ которыхъ выражается ваша прозрачная искренность, ваша потребность правды, правды прежде всего... Подожитесь на такую страсть какъ моя, она чудеса творитъ.

Лариса тоскливо повела головой.

— Но это невозможно, невозможно, Глѣбъ Дмитричъ! сказала она голосомъ отчаянія. — Невозможно, потому что есть прелатствіе о которомъ вы не знаете, не догадываетесь, и котораго ни вы, ни я, никто не можетъ утратить...

— Какое же это прелатствіе? спросилъ почти спокойно Зимовьевъ.

Мучительная улыбка покривила губы Ларисы.

— Вы не поняли изъ моего письма? вы, такой умный, опытный, провидцательный? вы не поняли что я... люблю? проговорила она тихо, и тихо опустилась на стулъ, отиснувъ руки и глядя мимо Зимовьева странными, какъ будто потерявшими выраженіе глазами. Но эти глаза чувствовали на себѣ его востыкнувшій, сосредоточенный, угрожающій и страстный взглядъ.

— Олять старая фантазія!... Нестужевъ! сказалъ онъ почти презрительно.

Лариса молча покачала головой.

— Нѣтъ? переспросилъ Зимовьевъ, машинально подвинувшись къ ней. Голосъ его внезапно заглохъ, на лбу выступили жилы.

— Нѣтъ, тихо повторила Лариса, и оба какъ будто съ выраженіемъ тайно овладѣвшаго ими ужаса взглянули другъ на друга.

— Жѣдровскій! внезапно воскликнулъ Зимовьевъ.

Лариса подтвердила однимъ движениемъ главъ. Она изнемогала, ей казалось что она совершаетъ какое-то отвратительное убійство. Зимовьевъ не произнесъ ни слова, но она слышала его тяжелое дыханіе и чувствовала на себѣ, сквозь окуцанныя вѣки, его мрачно свѣтившіяся взгляды. Надо было кончить. Она собрала послѣднія силы и проговорила сквозь сиплавшіяся, горячія губы:

— Простите меня, Глѣбъ Дмитричъ, и протянула вздрагивавшую и горячую руку.

Зимовьевъ не пошевельнулся. Онъ какъ будто не слышалъ или не разобралъ что она сказала.

— Вѣдь я не виновата, я не покала... добавила Лариса.

Глѣбъ Дмитриевичъ взялъ стулъ, медленно переставилъ его и сѣлъ. Онъ казался спокойнымъ.

— Это несчастіе, Лариса Григорьевна... промолвилъ онъ глухо.—Надо пережить его скорѣе, пока капризъ не разыгрался.

Лариса не понимала что онъ хотѣлъ этимъ сказать.

— Вы увидите, не правда ли? спросила она почти безсознательно.

Глѣбъ Дмитриевичъ посмотрѣлъ на нее съ изумлениемъ.

— Я? мнѣ нельзя ухватъ... отвѣтилъ онъ.—Мнѣ будетъ санишкомъ много дѣла.

— Но ничего нельзя сдѣлать... молвила съ чувствомъ необъяснимаго страха Лариса.

Зимовьевъ опять взглянулъ на нее, и на мгновенье словно молвіа пробѣжала по его спокойному лицу и зажгла зрачки.

— Однако я долженъ сдѣлать, сказалъ онъ;— я долженъ избавить васъ отъ притязаній человѣка не имѣющаго никакихъ правъ на васъ... потому что эти права принадлежатъ мнѣ одному. Развѣ я не сказалъ что не возвращу даннаго мнѣ слова? Вамъ кажется что вы... полюбили. Это пройдетъ.

Онъ всталъ, взялъ шпалу и обернулся. Мускулы опять дрожали на его потемнѣвшемъ лицѣ.

— Любовь—самое человѣческое чувство, и между тѣмъ она иногда пробуждаетъ въ человѣкѣ звѣря... сказалъ онъ.

— Что вы хотите сдѣлать? вскричала Лариса.

— Сказать Жѣдровскому что вы моя невѣста, отвѣтилъ Зимовьевъ, и поклонившись, протянулъ руку.

Лариса нерѣшительно взяла ее и покала.

— Не мучьте себя и меня, не рассчитывайте на то чего не можетъ быть, проговорила она съ печальною и ласковою мольбой.

— Я васъ люблю, и у меня есть сила и жадъ, и дѣйствовать, отвѣтилъ Зимовьевъ, и въ холодномъ блескѣ его глазъ почувствовалась все та же упрямая, властная и угрожающая страсть.

XLI.

Спускаясь съ лѣстницы, онъ вспомнилъ что не знаетъ гдѣ живетъ Жѣдровскій.

„Какъ-нибудь узнаю“, подумалъ онъ, и наудачу поѣхалъ къ Ладожскимъ.

Княжескій швейцаръ дѣйствительно далъ ему адресъ. Зимовьевъ, не заходя въ домъ и приказавъ ничего не говорить о себѣ, снова сѣлъ на дрожки и крикнулъ кучеру названіе улицы.

Жѣдровскій былъ дома, и лежа съ ногами на диванѣ, держалъ въ рукѣ какой-то романъ. Едва ли онъ читалъ его, такъ какъ раскрытая страница уже нѣсколько минутъ не переверчивалась. Скорѣе онъ наслаждался тѣмъ неопредѣленнымъ состояніемъ мечтательности, когда какая-нибудь сцена, образъ, фраза, даже какое-нибудь слово вырвавшееся изъ книги, внезапно напрягаетъ возбужденныя струны и заставляетъ ихъ звучать, унося мысль все дальше отъ автора, погружая ее въ какую-то прозрачную мглу, наполненную своими и чужими призраками. Странное, мѣняющееся выраженіе пробѣгало по его лицу, какъ скользящая тѣнь отъ листвы въ солнечный полдень, залегая на мгновенье въ прищуренныхъ глазахъ и также быстро пропадая. Ему было весело и печально, радостно и больно. Онъ былъ счастливъ, но къ счастью примѣшалась и влюбленная грусть, и тихо-раздражающее сожалѣніе о растраченныхъ годахъ, и тихій страхъ... Что будетъ? счастье не обманетъ ли опять какъ обманывало столько разъ прежде?

Онъ чувствовалъ себя почти новичкомъ предъ таинственною лозмою новой страсти. „Да, лозма, именно лозма... думалъ онъ, радуясь этому слову. Женщина—романъ, въ которомъ все широко и сложно, въ которомъ слышится чадъ отъ перегорающей дѣйствительности, съ ея страстями, лоплостами и пороками; а дѣвушка—это лозма, въ ней звучитъ только одна нота, прозрачная и свѣжая...“

Онъ всталъ при входѣ Зимовьева, очень удивленный неожиданнымъ посѣщеніемъ. „Ужь не княгиня ли прислала его?“ пришла ему почему-то дикая мысль. Сухое, натянутое

выраженіе почитателя еще болѣе увѣрило его въ этомъ предположеніи.

Глѣбъ Дмитріевичъ холодно, почти презрительно обвелъ глазами этуоды и гилсы (онъ терпѣть не могъ дидеттантзма въ искусствѣ) и сѣлъ на предложенное ему кресло.

— Чему я обязанъ удовольствіемъ васъ видѣть? такъ же холодно спросилъ Жѣдровскій, повинувшись невольному враждебному чувству.

— Я захвалъ предложить вамъ вопросъ: не имѣте ли вы въ виду покинуть Петербургъ? объяснилъ Зимовьевъ.

„Княгиня“, снова мелькнуло въ умѣ Жѣдровскаго.

— Мнѣ любопытно было бы узнать, почему васъ интересуетъ это обстоятельство? спросилъ онъ.

— Вы непременно узнаете, но прежде я просилъ бы васъ отвѣтить на мой вопросъ, настойчиво повторилъ Зимовьевъ.

Жѣдровскому этотъ тонъ казался забавнымъ.

— Я не принадлежу къ постояннымъ жителямъ Петербурга, и потому вы можете надѣяться что когда-нибудь увижу отсюда, также какъ можете быть увѣрены что когда-нибудь вернусь сюда, отвѣтилъ онъ.

— Я говорю о скоромъ, очень скоромъ отъѣздѣ, сухо перебилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Все на свѣтѣ относительно, пожалъ плечами Жѣдровскій;—когда мнѣ весело, дни кажутся минутами, а когда скучно...

— Я разумно отъѣздъ немедленный — завтра, сегодня... опять перебилъ Зимовьевъ.—Вы кажется занимаетесь искусствомъ... (онъ снова презрительно повелъ взглядомъ) женскими головками... въ Парижѣ или въ Римѣ вы гораздо легче наши бы красивыя модели.

Жѣдровскому сдѣлалось совсѣмъ весело и вмѣстѣ ужасно досадно на Анну Всеволодовну, такъ какъ онъ не сомнѣвался болѣе что это она, въ припадкѣ ревнивой злости, дала такое рискованное порученіе Зимовьеву.

— Мнѣ очень лестно что вы оказываете столько вниманія моему скромному дарованію. Но Петербургъ напрасно пользуется у художниковъ слишкомъ дурною репутаціей, сказалъ онъ.—Увѣряю васъ что мнѣ и здѣсь случается находить чрезвычайно красивыя женскія головки.

И онъ, взявъ бюстъ Анны Всеволодовны, подвинулъ его вмѣстѣ съ подставкой на свѣтъ.

— Развѣ вы не находите, на примѣръ, эту модель въ высшей степени изящною? Сдѣлано по памяти, предупреждаю... сказалъ онъ самымъ спокойнымъ тономъ.

Глѣбъ Дмитриевичъ даже не взглянулъ на гипсъ.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ посоветовать вамъ уѣхать изъ Петербурга по причинамъ... не относящимся до вашихъ артистическихъ цѣлей, проговорилъ онъ съ накопившею злобой.

— Право? удивился Жѣдровскій. — Но вы сами—не занимаетесь ли медициной? не находите ли что у меня подурнѣлъ цвѣтъ лица и что мнѣ надо перемѣнить воздухъ? Предупреждаю васъ однако что я чувствую себя совершенно здоровымъ.

Глѣбъ Дмитриевичъ догадался что его вышучиваютъ.

— Вы кажется смѣетесь? бросилъ онъ уже съ нескрываемою злобой.

— Нѣтъ еще... но согласитесь сами что я имѣю право по крайней мѣрѣ улыбнуться, сказалъ Жѣдровскій. — Вы являетесь убѣждать меня уѣхать, не объяснивъ даже причинъ подобной неожиданной заботливости. Для такого смѣшливаго человѣка какъ я это уже много.

— Причина та что если вы не желаете уѣхать, и притомъ не дальше двухъ, трехъ дней, и притомъ подъ известными условіями, то я васъ заставляю! сказалъ возвышая голосъ Зимовьевъ.

Жѣдровскій посмотрѣлъ на него своими задорно-проницательскими глазами, подвинулъ стулъ и сѣлъ.

— Мнѣ этотъ разговоръ перестаетъ нравиться; не угодно ли вамъ объяснить въ чемъ дѣло, или прекратить свое посвященіе, предложилъ онъ сухо.

Глѣбъ Дмитриевичъ поблѣднѣлъ.

— Я предполагалъ что вы не заставите меня объяснять въ чемъ дѣло, такъ какъ нѣтъ надобности произносить имя женщины... когда оба знаютъ о чемъ рѣчь... проговорилъ онъ. — Но подобная деликатность очевидно вамъ непонятна и потому объяснюсь безъ недомолвокъ. Недавно мы съ вами вмѣстѣ были въ театрѣ, и вы между прочимъ выразились что Ларисѣ Григорьевнѣ не за кого выйти замужъ. Вы ошиблись: Лариса Григорьевна сдѣлала мнѣ честь принять мое предложеніе.

Жѣдровскій былъ изумленъ и озадаченъ: ему до этой минуты въ голову не приходило чтобы рѣчь могла идти о

Ларисѣ. Неужели она сказала Зимовьеву? При этой мысли у него голова шла кругомъ отъ ольпанія счастья...

— Но вы вѣроятно не для того мнѣ объ этомъ сообщаете чтобы принять мои поздравленія? сказалъ онъ съ вѣжливой промѣй.

— Нѣтъ-съ, не для того. Я имѣю въ виду предложить вамъ нѣкоторыя условія, отвѣтилъ Зимовьевъ.—Вопервыхъ, вы должны совершенно отказаться отъ посѣщенія Волчецъ-Соколинскихъ...

— Следовательно будетъ и вовторыхъ, и можетъ-быть втретьихъ?

— Вовторыхъ, вы должны обязаться ни въ какомъ случаѣ не писать къ Ларисѣ Григорьевнѣ и не искать гдѣ бы то ни было встрѣтиться съ нею.

— Я замѣчаю что у васъ l'appétit vient en mangeant...

— И втретьихъ, въ видахъ наилучшей гарантіи всего предыдущаго, вы должны немедленно уѣхать изъ Петербурга, завтра или послѣзавтра, и не выдавшись съ Ларисой Григорьевной,—досказалъ Зимовьевъ.

Жѣдровскій сдѣлалъ серьезное лицо.

— Вы очень дорожите своими идеями? спросилъ онъ.

— Потрудитесь оставить свои шутки, отвѣтилъ теряя терпѣніе Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Я вовсе не шучу; я хочу сдѣлать маленькій плагиатъ, воспользоваться вашею авторскою собственностью и предложить вамъ тѣ же самыя sacramентальныя условія: вопервыхъ, вовторыхъ и втретьихъ.

Глѣбъ Дмитріевичъ всталъ, съ трудомъ сдерживая омадѣвшее имъ бѣшенство.

— Monsieur Жѣдровскій, я знаю что вы большой шутникъ, но въ настоящее время ваши шутки мнѣ болѣе чѣмъ когда-нибудь не нравятся, сказалъ онъ.—И потому не угодно ли вамъ отвѣтить прямо: принимаете ли вы мои условія?

Жѣдровскій сложилъ на груди руки.

— Monsieur Зимовьевъ, я нахожу что въ настоящее время вы болѣе шутникъ чѣмъ я, и это къ вамъ совсѣмъ не идетъ, увѣраю васъ. Когда хотятъ шутить, необходимо имѣть веселый видъ; а вы совсѣмъ позелѣвали отъ злости.

— Да или нѣтъ? крикнулъ Зимовьевъ, и рука его машинально приподняла подсвѣчникъ и стукнула имъ объ столъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ съ надменною усмѣшкой Жѣдровскій. Глаза Зимовьева какъ будто радостно вспыхнули.

— Я такъ и предполагалъ, произнесъ онъ;—но вы конечно догадываетесь что нашъ разговоръ не можетъ на этомъ кончиться...

— Напротивъ, я ничего не имѣю прибавить къ тому что сказалъ.

— Вы не находите чтобъ я былъ... невѣжливъ съ вами? спросилъ Зимовьевъ.—Мнѣ кажется, monsieur Жёдровскій, вы должны понять что намъ вдвоемъ будетъ немножко тѣсно въ Петербургѣ. Я не знаю вашихъ мѣстнѣй на счетъ того какъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ, но по моему мнѣнію, когда люди сознаютъ что имъ тѣсно на одной дорогѣ, они могутъ обойтись безъ формальнаго оскорбленія. Вѣдь вы не потребуете чтобъ я... лустилъ въ ходъ этотъ подсвѣчникъ?

Жёдровскій засмѣялся.

— *Comme vous y allez de bon sens!* сказалъ онъ.— Не шути, у васъ оказывается довольно простой способъ улаживать свои дѣла. Такъ какъ я еще не намѣренъ уѣзжать за границу, то вамъ хочется отправить меня подальше. Я могъ бы лишиться васъ этого удовольствія, но ужъ такъ и быть, пусть будетъ по вашему.

— Следовательно вы согласны драться? радостно вскричалъ Зимовьевъ.

Жёдровскій снова пожалъ плечами.

— У меня правило никогда не уклоняться отъ вызова, отвѣтилъ онъ.

Глѣбъ Дмитриевичъ взялъ шляпу.

— Я черезъ часъ буду дома; вы вѣдь не пожелаете тянуть дѣло, не правда ли? сказалъ онъ.

Жёдровскій поклонился и вѣжливо проводилъ его до дверей.

Глѣбъ Дмитриевичъ поѣхалъ прямо къ Павлу Петровичу и спросилъ дома ли молодой князь. Ему отвѣтили что дома. Онъ сбросилъ шубу и поднялся по лѣстницѣ на его половину.

Паша, игравшій одинъ на билліардѣ, положилъ кій и послѣдилъ ему на встрѣчу.

— Очень большая просьба къ вамъ, дорогой Павелъ Павловичъ, сказалъ Зимовьевъ, пожимая ему руку.— Насъ не усыпить здѣсь?

Паша по своему флегматическому темпераменту совсѣмъ не удивился вопросу, провелъ Глѣба Дмитриевича въ кабинетъ и залеръ двери.

— У меня случилось столкновение съ однимъ господиномъ и я разчитываю что вы окажете мнѣ дружескую услугу.

сказалъ Зимовьевъ.—Знаю какъ неприяно путаться въ подобныя дѣла, но у меня здѣсь изъ молодежи вѣтъ болѣе близкаго человѣка.

— Дуэль? спросилъ больше съ недоумѣніемъ чѣмъ съ любопытствомъ Паша.

Зимовьевъ подтвердилъ.

— Съ кѣмъ? олять спросилъ Паша.

— Съ Жѣдровскимъ.

— А-а! протянулъ молодой человѣкъ, и лицо его внезапно покрылось румянцемъ.

Глѣбъ Дмитриевичъ съ удивленіемъ замѣтилъ и этотъ румянецъ, и что-то какъ будто радостное, сверкнувшее въ его спокойныхъ сѣрыхъ глазахъ.

— Вы не отказываетесь? спросилъ овъ.

— Пожалуста располагайте мною, отвѣтилъ своимъ ровнымъ голосомъ князь.

— Вы желаете знать причины столкновения?

Лицо Паши олять смущенно вслыхнуло.

— Какъ вамъ будетъ угодно... впрочемъ какое же мнѣ дѣло? Если такъ случилось, значить такъ надо было. Вѣдь вы требуете моихъ услугъ не для примиренія съ противникомъ? проговорилъ овъ.

— Примиренія никакого не можетъ быть, рѣско отвѣтилъ Зимовьевъ.

Паша олустилъ глаза какъ будто избѣгая встрѣтиться взглядами.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ захватить черезъ часъ ко мнѣ, пригласилъ Глѣбъ Дмитриевичъ и простился.

Садясь на дрожки, овъ вдругъ вспомнилъ: „Боже мой, да вѣдь говорили что овъ тайнѣ вълюбленъ въ свою belle-soeur“— и ему лонятно стало странное выраженіе лица Паши, когда овъ назвалъ Жѣдровскаго.

XLII.

Не успѣлъ Зимовьевъ уйти какъ Жѣдровскому подали записку. Это были двѣ строчки отъ Ларисы. Она просила его захватить сегодня же предъ вечеромъ, не объясняя зачѣмъ.

„Буду“, велѣлъ отвѣтить Жѣдровскій, и съ чувствомъ радостнаго смятенія перечелъ эти торопливыя, небрежныя строчки, отъ которыхъ отдѣлялся слабый запахъ ириса. Все вчерашнее съ доходящею до обмана ясностью представилось его

уму, какъ будто оны еще стояли въ ея гостиной, ощущая въ своей рукѣ тихій трепеть ея руки и невыразимое обаяніе ея близости... Но ему надо было прежде всего локочить съ „дѣломъ“. Это представляло затрудненіе, такъ какъ перебирая всѣхъ своихъ друзей, Жѣдровскій рѣшительно не зналъ къ кому изъ нихъ обратиться. Подумавъ, оны наконецъ рѣшился что самымъ подходящимъ секундантомъ былъ бы Нестужевъ: по крайней мѣрѣ не откажется, а пожалуй даже и радъ будетъ. Не совсемъ удобно конечно въ такомъ интимномъ дѣлѣ обращаться къ человѣку вислоко не симпатичному, но за то если выйдутъ „неприятности“—не такъ жалко будетъ. Собираясь драться, Жѣдровскій считалъ себя въ правѣ быть неможко згопстомъ.

Такъ какъ представлялось очень мало шансовъ застать Нестужева дома, то Жѣдровскій, справившись гдѣ находится редакция *Движенія*, поѣхалъ прямо туда. Нестужевъ выбѣжалъ къ нему въ контору въ растегнутомъ жилетѣ, съ перомъ въ зубахъ и съ громаднымъ корректурнымъ листомъ, который оны безо всякой надобности волочилъ за собою. Оны имѣлъ видъ самой счастливой озабоченности и безъ сомнѣнія былъ безконечно доволенъ что его застигаютъ въ самомъ святилищѣ его общественной дѣятельности.

— Пойдемте ко мнѣ, пригласилъ оны почти съ важностью, и провелъ Жѣдровскаго въ крошечную комнату, все убранство которой состояло изъ заваленнаго газетами и корректурами стола, двухъ расшатанныхъ стульевъ и огромнаго количества чернильныхъ брызговъ, густо покрывавшихъ грошковые и на половину отставшіе отъ стѣны обои.

— У насъ тутъ скверно, свистово... произнесъ съ легкою гримасой Нестужевъ, какъ бы извиняясь предъ посѣтителемъ, предъ чужимъ человѣкомъ, за неприглядность калища въ которомъ оны совершалъ ежедневныя жертвоприношенія своему богу.— Впрочемъ, прибавилъ оны,— не красна изба углами, а лироги-то мы кажется не дурные печемъ здѣсь...

Жѣдровскій чувствовалъ что ему надо сказать какую-нибудь любезность, но никакъ не могъ...

— Вы застаете меня за самую килучею работой: надо просмотрѣть репортеровъ, и кромѣ того еще отдѣлать на всѣ корки эту глупую газету *Носъ*, которая выступила сегодня противъ насъ съ ругательною статьей, продолжалъ какъ бы слегка захлебываясь Нестужевъ.—Но для васъ я всегда свободенъ и къ вашимъ услугамъ.

Жѣдровскій въ короткихъ словахъ объяснилъ какого рода услуги онъ отъ него ждалъ. Нестужевъ при первомъ намекѣ на дуэль расправилъ усы, подперся косточкой кулака въ бедро и вообще принялъ видъ человека сидящаго въ седлѣ предъ лицомъ взводовъ.

— Съ кѣмъ же? спросилъ онъ.

Жѣдровскій назвалъ Зимовьева.

— А-а! произнесъ Нестужевъ такимъ точно тономъ какъ и Паша. — Зимовьевъ будетъ стрѣляться... это любопытно... а никакъ не могу себѣ представить его предъ дуломъ пистолета. Кстати, у меня есть отличнѣйшая пара, старые турецкіе; а кулиа въ Адрианополь.

— Слѣдовательно я могу просить васъ отправиться къ нему? сказалъ Жѣдровскій.

— Я поѣду. Но какія же условія?

— Да какія угодно... я совсѣмъ не кровожаденъ, но въ сущности вѣдь все равно: стрѣлять я не умѣю.

— Ба, это скверно, замѣтилъ Нестужевъ. — Тутъ впрочемъ главное — хладнокровіе. Постарайтесь хорошенько заснуть наканунѣ и не думать. А у барьера не торопитесь и не зѣвайте. Кто у него секундантъ?

— Не знаю...

— Ну, да все равно. Мы конечно позаботимся чтобы на приличной дистанціи. Вѣдь и онъ едва ли хорошо бьетъ. А впрочемъ — дуля дура, бываютъ почти невѣроятные случаи. У насъ въ полку...

И онъ разказалъ какую-то исторію которую вѣроятно тутъ же сочинилъ, такъ какъ въ свое кратковременное пребываніе въ полку ни одной дуэли онъ не видалъ. Вообще, хотя онъ съ выходомъ въ отставку и со вступленіемъ въ литературу отзывался о своемъ гусарствѣ не иначе какъ съ либеральнымъ презрѣніемъ, но тутъ почему-то ему захотѣлось представить изъ себя лихаго кавалерійскаго офицера, вѣроятно просто изъ потребности порисоваться не тѣмъ, такъ другимъ. Прощаясь, онъ однако сказалъ:

— Вы ловимаете, въ принципѣ я считаю дуэль величайшею неаппетитною, но когда надо оказать дружескую услугу...

И онъ крѣпко потрясъ руку.

„Рѣшительно лучшаго выбора я не могъ сдѣлать, подумалъ Жѣдровскій; — если только завтра я не прочту обо всемъ этомъ въ его газетѣ...“

Они разстались, условившись собраться въ томъ самомъ ресторанѣ гдѣ недавно вмѣстѣ обѣдали. Нестужевъ очень скоро покончилъ съ „кипучею работою“ и поѣхалъ къ Зимовьеву, занятый какъ дитя своею новою ролью, а Жѣдровскій пошелъ пѣшкомъ по Невскому. Ему было почти весело...

Въ ресторанѣ Нестужевъ прѣвѣхалъ съ серьезнымъ и даже таинственнымъ лицомъ.

— Ну, а вамъ скажу, дѣло не на шутку выходитъ... началъ онъ, садясь влѣстную противъ Жѣдровскаго. — Зимовьевъ, чортъ его знаетъ, зовѣ на васъ ужасно!

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, молвилъ Жѣдровскій.

— Да, но съ нимъ говорить невозможно... проделалъ Нестужевъ. — Ему кажется очень не понравилось что вы меня выбрали. У меня, надо вамъ знать, тоже были съ нимъ нѣкоторыя столкновенія, не весьма для него удачныя. Это впрочемъ къ дѣлу не относится. У него я засталъ Ладожскаго, не женатаго, другаго. Тоже какая-то мрачная фигура. Ну, мы условились. Я былъ въ затруднительномъ положеніи, вы ничего опредѣленнаго мнѣ не сказали, оставалось согласиться. Условія, а вамъ долженъ сказать, свирѣпыя: вопервыхъ, не дальше какъ завтра утромъ въ десять часовъ...

— Тѣмъ лучше, одобрилъ Жѣдровскій.

— На Крестовскомъ, въ роцѣ, продолжалъ Нестужевъ. — Разстояніе—пятнадцать шаговъ. Хотѣли десять, но я рѣшительно воспротивился: это вѣдь убійство! Стрѣлять разомъ, по сигналу.

— Не все ли равно! отозвался Жѣдровскій.

Нестужевъ посмотрѣлъ на него какъ бы даже съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Ну, не совсѣмъ все равно: на пятнадцати шагахъ воробья подстрѣлить можно, возразилъ онъ.

„Только, я полагаю, не изъ вашихъ турецкихъ листолетовъ“, подумалъ Жѣдровскій.

— Мы условились, продолжалъ Нестужевъ,—что такъ какъ могутъ послѣдовать неприятели—кому же въ самомъ дѣлѣ весело отсиживать въ тюрьмѣ?—то каждый изъ васъ заранѣе приготовить записку что-моля „самъ себя лишилъ жизни и въ смерти моей никто не виноватъ“. Разумѣется, можетъ окончиться ничѣмъ, а даже увѣренъ что ничѣмъ не кончится, но все какъ-то лучше для предосторожности.

— Что жь, это отлично, согласился Жѣдровскій;—мнѣ было

бы очень неприятно еслибы вы, напримеръ, изъ-за меда пострадали.

— Ну да, тѣмъ болѣе что еще одно скверное условіе: если первая пуля мимо, то стрѣлять второй разъ и третій—продолжалъ Нестужевъ.—Я опять возставааъ и наконецъ объявилъ что удерживаю за собою право переговорить съ вами...

— Это напрасно, я вамъ предоставилъ полную свободу, сказалъ Жѣдровскій.

Нестужевъ снова недовѣрчиво покосился на него.

— Да вамъ умирать хочется что ли? спросилъ онъ.

— Нисколько, отвѣтилъ совершенно просто Жѣдровскій,— и въ доказательство вы увидите какой я обѣдъ сочиво.

Онъ всталъ и позвонилъ.

— Вѣдь еслибы люди дрались безъ вѣроятности убить или быть убитымъ, то подумайте какой высокій комизмъ заключался бы въ этомъ!

Нестужевъ только плечами пожалъ.

Когда предъ вечеромъ Жѣдровскій захватилъ къ Волчецъ-Соколинскимъ, Лариса встрѣтила его вопросомъ: не видала ли онъ съ Глѣбомъ Дмитріевичемъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Жѣдровскій.

Лариса пристально взглянула на него, какъ будто не довѣряя.

— И онъ ничего не писалъ къ вамъ? спросила она опять.

— Ничего, подтвердилъ Жѣдровскій, зараніе рѣшившій отвѣчать на всѣ такіе разспросы полнымъ отрицаніемъ.

Лариса казалась удивленною.

— А я нарочно просила васъ захватить чтобы предупредить: Глѣбъ Дмитріевичъ очень раздраженъ и будетъ искать случая оскорбить васъ, сказала она, и легкая краска покрыла ея лицо.

— Но почему Глѣбъ Дмитріевичъ можетъ желать оскорбить меня? спросилъ самымъ наивнымъ тономъ Жѣдровскій.

— Потому что онъ ищетъ моей руки... это уже давно началось, еще въ деревнѣ... отвѣтила она.—Сегодня у насъ произошло объясненіе, и мнѣ кажется... ему пришла мысль что вы мѣшаете...

Она еще болѣе покраснѣла. И вдругъ ей стало стыдно этой маленькой лжи.

— Я должна была дать ему сегодня рѣшительный отвѣтъ, и я сказала что никогда не буду его женой... проговорила она и смѣло подняла рѣсницы.

Жёдровскій глядѣлъ на нее блистающими, счастливыми глазами. Эти глаза выражали что онъ полагалъ, что онъ знаетъ. И Лариса, смущенная, испытывала невыразимую прелесть этого почти не высказаннаго объясненія...

Звѣзды тихо сіяли на морозномъ безлунномъ небѣ, когда Жёдровскій возвращался домой. И онъ, медленно идя по пустыльнымъ улицамъ, какъ будто несъ въ себѣ самомъ это тихое сіяніе. Еще незнакомое ему, странное, разнѣженное чувство, смѣшанное съ ольяненіемъ счастья и съ горечью сожалѣній, наполняло его. Онъ думалъ о томъ что счастье приходитъ поздно, когда становишься почти недостойнъ его, о томъ что нельзя начать жизнь сначала, вернуть растраченное, избыть нажитое. И вопрекоръ уму онъ чувствовалъ такой приливъ и силы, и молодости, и свѣжести, какъ будто не опасность смерти, а новая жизнь ждала его завтра.

XLIII.

Въ девять часовъ утра Паша заѣхалъ за Зимовьевымъ. Глабъ Дмитріевичъ уже всталъ и при входѣ Паши залепечывалъ какой-то пакетъ и надписывалъ адресъ.

— Спрячьте его пожалуйста къ себѣ въ карманъ и въ случаѣ если я буду убитъ, передайте вашему отцу. Тутъ кое-какія распоряженія... сказалъ онъ, съ видомъ усталости вставая изъ-за стола.

Паша замѣтилъ что лицо его было желтѣе обыкновеннаго и глаза мрачно хмурились. Принимая пакетъ, онъ постарался улыбнуться.

— Это хорошее предзнаменованіе: я замѣтилъ что кто дѣлаетъ приготовленія на случай смерти, тотъ всегда счастливо отдѣлывается, произнесъ онъ, считая долгомъ сказать что-нибудь ободряющее.

Глабъ Дмитріевичъ собиралъ со стола нѣкоторыя бумаги и складывалъ ихъ въ ящикъ.

— Убить хуже, говорилъ онъ сквозь зубы.—Убить нарочно, съ намѣреніемъ, исполняя дѣло необходимости, это самое скверное что можетъ представиться въ жизни.

— Будете переодѣваться? спросилъ Паша чтобы переменить разговоръ.

— Я въ одну минуту, извините пожалуйста, отвѣтилъ Зимовьевъ и послѣшню вышелъ въ другую комнату.

Паша оглянулся. Просторный кабинетъ имѣлъ видъ какъ предъ отъѣздомъ: мелочи со столовъ и этажерокъ были куда-то убраны, въ углу стояли чемоданы, въ каминѣ валялись клочки мелко изорванныхъ бумагъ. „Странно, мнѣ почему-то не нравятся все это...“ подумалъ Паша.

Глѣбъ Дмитріевичъ черезъ минуту вернулся, на ходу застегивая сюртукъ.

— Пора кажется? сказалъ онъ, раскрывая часы.

Паша подцѣпилъ саблю и оба сошли съ лѣстницы.

У подъѣзда ждала извозничья карета. Утро было не холодное и слегка туманное. Зимовьевъ надвинулъ шапку на самыя брови, прижался въ уголь и большую половину дороги молчалъ.

На мосту ихъ обогнала, звеня колокольцами, лихая тройка. Въ саняхъ сидѣли Жѣдровскій и Нестужевъ, а противъ нихъ какая-то маленькая фигура въ военной шинели и въ фуражкѣ съ кокардой.

— Доктора прихватили? сказалъ Паша, и высунувшись въ окно, крикнулъ кучеру:—Потомъ живѣ!

Черезъ нѣсколько минутъ тройка остановилась, сидѣвшіе въ саняхъ вышли на занесенное снѣгомъ шоссе и пошли всѣ рядомъ. У Нестужева подъ мышкой оказался огромный ящикъ въ чехлѣ, а у доктора тоже ящичекъ поменьше, который онъ, во избѣжаніе впечатлѣнія, тотчасъ спряталъ подъ шинель. Зимовьевъ съ Пашей также вышли изъ кареты и пошли шагахъ въ пятьдесятъ позади своихъ противниковъ.

Мѣстность была совершенно безлюдная, легкій сырой туманъ, скрадывая даль, придавалъ ей пустынный характеръ. Вскорѣ всѣ свернули съ шоссе и потянулись по протоптанной въ снѣгу дорогѣ среди роши. Тонкія, почернѣлыя вѣтви березъ висѣли надъ головами и вздрагивая осыпали мокрыя брызги иея. Снѣгъ, чѣмъ далѣе, становился рыхлѣе, такъ что ноги начинали вязнуть. Жѣдровскій остановился.

— Нужно ли дальше? кажется мѣсто тутъ совсѣмъ закрытое, сказалъ онъ.

— И тѣмъ болѣе что въ сегодняшнемъ сыромъ воздухѣ выстрѣлы будутъ мало слышны, замѣтилъ Нестужевъ.

Въ эту самую минуту вдругъ гдѣ-то близко и явственно раздался листоletный выстрѣлъ. Всѣ оглянулись, но между деревьями никого не было видно.

„Неужели кто-нибудь кромѣ насъ тутъ дерется?“ подумалъ каждый, и съ минуту всѣ продолжали оглядываться и

прислушиваться. Къ общему недоумѣнію выстрѣлъ повторился еще ближе и явственнѣе.

— Это однако любопытно, сказалъ Зимовьевъ и сдвѣалъ нѣсколько шаговъ назадъ.

Въ томъ мѣстѣ гдѣ дорога пересѣкалась съ шоссе и деревня рѣдѣли, показалась въ туманѣ фигура всадника въ щеголеватомъ пальто и бараньей шалочкѣ, вхавшаго шагомъ на красивой лошаdkѣ. По мѣрѣ того какъ онъ подвигался, Зимовьевъ могъ яснѣе различить его черты. Всадникъ былъ молодой человекъ очень недурной наружности, съ избалованнымъ и немножко нахальнымъ выраженіемъ лица и съ замѣтною привычкою рисоваться каждымъ своимъ движеніемъ. Въ рукѣ онъ держалъ револьверъ, и поровнявшись съ дорогой, вдругъ поднялъ лошадь въ галопъ и тотчасъ же на скаку выстрѣлилъ въ вылятвшійся на шоссе березовый стволъ.

— Чтo онъ въ гусарскіе юнкера готовится что ли? пожалъ плечами Паша.

Всадникъ между тѣмъ повернулъ лошадь и подѣхалъ шагомъ къ другому молодому человеку, одѣтому въ плохенькое пальто и касторовую шапку, и который пѣшкомъ догонялъ его. У этого была коротенькая, выпяченная впередъ русая борода.

„Да вѣдь это Извоевъ!“ чуть не вскрикнулъ Глѣбъ Дмитриевичъ, продолжая всматриваться.

Молодые люди приблизились къ дереву и оба, одинъ пригибаясь съ сѣда, другой лѣтясь на цыпочкахъ, стали разсматривать кору.

— Опять мимо! сказалъ съ видимою досадою стрѣлявшій;— чортъ его знаетъ, попробую завтра перемѣнить лошадь.

Въ голосѣ его замѣтно слышался польскій акцентъ.

— Сразу-то не наловчешься, проговорилъ на это Извоевъ.

Всадникъ сунулъ револьверъ въ карманъ пальто, далъ лошади шенкеля, и черезъ минуту оба пропали въ туманѣ.

„Рѣшительно мой Михайло Ивановичъ загадоченъ“, подумалъ Зимовьевъ, не зная какъ объяснить видѣнное.

И онъ скорыми шагами вернулся вмѣстѣ съ Пашей на расчищенную, словно нарочно для нихъ, свѣжнюю площадку между деревьями.

Всѣ лятро молча обмѣнялись поклонами. Паша, при видѣ привезеннаго Нестужевымъ ящичка, вынулъ изъ кармана шкени собственныя пистолеты.

— Я полагаю надо рѣшить жребіемъ изъ которыхъ стрѣлять? сказалъ онъ.

Нестужевъ послѣшно освободилъ свой ящикъ отъ чехла и вытащилъ какіе-то огромные, затѣливой формы пистолеты, разукрашенные серебряными настрѣчками.

— Я бы рекомендовалъ именно вотъ эти, настоящіе турецкіе... предложилъ онъ, съ любовью разглядывая свою адрианопольскую рѣдкость и даже поглаживая рукой.—Могу завѣрить честнымъ словомъ что Сергѣй Алексѣевичъ видитъ ихъ въ первый разъ.

— Не сомнѣваюсь, но ужь обыкновенно кидаютъ жребій.. возразилъ Паша.

— Ну, какъ хотите, съ сожалѣніемъ согласился Нестужевъ, и вытаскивъ изъ портмоне двугривенный, положилъ его на ладонь.

— Если орелъ, значить мои, сказалъ онъ, и подбросилъ монету кверху.

— Рѣшетка! объявилъ, пригибаясь на корточкахъ, докторъ.

Нестужевъ съ недовольнымъ и какъ бы обиженнымъ видомъ уложилъ пистолеты обратно въ ящикъ. Зимовьевъ и Жѣдровскій, стоя другъ противъ друга, равнодушно смотрѣли на эту сцену, избѣгая встрѣтиться взглядами. Оба думали о томъ что можетъ-быть черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ нихъ будетъ лежать мертвый на этомъ притоптанномъ таломъ снѣгу, и оба удивлялись что мысль о смерти не производить того впечатлѣнія котораго каждый тайнѣ боялся..

— Что-жь, будемъ начинать? предложилъ своимъ обычнымъ флегматическимъ тономъ Паша.

Жѣдровскій быстро повернулся въ его сторону.

— Пожалуста, сказалъ онъ.

У Нестужева усы слегка дрогнули. Онъ широко шагая перешелъ на конецъ площадки, сдѣлалъ каблуками глубокую борозду въ снѣгу, и подавшись плечомъ и заложивъ руки въ карманы, какъ-то бокомъ приваялся отмѣрять шаги. Отсчитавъ пятнадцать, онъ сдѣлалъ повоенному налѣво кругомъ и опять завозился каблуками.

— Вѣрно? спросилъ онъ, неопредѣленно обращаясь ко всѣмъ.

Никто не отвѣтилъ. Зимовьевъ и Жѣдровскій молча перешли на свои мѣста, на десять шаговъ позади отмѣченнаго разстоянія.

— Не угодно ли заряжать? предложилъ Нестужевъ Пашѣ.

Докторъ, съ любопытствомъ и видимымъ волненіемъ слѣдившій за всѣмъ происходящимъ, вдругъ пошелъ къ секундантамъ, распустивъ шнуръ, къ поламъ которой сильно присталъ свѣтъ.

— Мнѣ кажется, господа, что по правиламъ поединка требуется чтобы вы предложили противникамъ примириться... сказалъ онъ пріятнымъ мягкимъ баскомъ.— Это всегда дѣлается, по крайней мѣрѣ чтобы совѣсть у всѣхъ насъ была спокойна... тѣмъ болѣе что условія дуэли, какъ я узналъ, чрезвычайно тяжелыя... можетъ-быть противники найдутъ по крайней мѣрѣ возможнымъ измѣнить ихъ.

— Я, съ моей стороны, считаю все это совершенно излишнимъ, рѣзко произнесъ Зимовьевъ.

— Но все-таки, бываетъ что люди объясняются.. проговорилъ нѣсколько сконфуженно докторъ.

— Мы уже объяснились, снова рѣзко перебилъ Зимовьевъ.

Жѣдровскій, прислонясь плечомъ къ дереву, слегка постукивалъ озабшимъ носкомъ ноги и довидимому съ любопытствомъ слѣдилъ какъ заражали пистолеты. Паша, загнавъ пулю, подвѣлъ голову и сказалъ Нестужеву.

— Вы хотѣли отложить до утра вопросъ: стрѣлять ли до трехъ разъ?

— Я согласенъ, послѣднее отозвался со своего мѣста Жѣдровскій.

Паша поклонился, и передавъ Зимовьеву пистолеть, вернулся къ Нестужеву.

— Угодно вамъ будетъ считать? предложилъ онъ ему.

Нестужевъ вынулъ изъ кармана платокъ, встрахнулъ его, подвинулся впередъ, и голосомъ которому онъ видимо старался придать спокойную звучность произнесъ:

— Разъ!

Жѣдровскій медленно подвѣлъ пистолеть и пошелъ къ барьеру. Онъ только взглянулъ на Зимовьева, который вдругъ оказался ему очень близко отъ него, замѣтилъ что-то слабо блестящее въ его рукѣ—и тотчасъ взглядъ его, повинуясь какому-то вполнѣнному любопытству, перешелъ на окружающіе предметы. Ему какъ будто необходимо было сохранить въ памяти всю обстановку этихъ минутъ. Онъ замѣтилъ напряженную, выпяченную позу Нестужева, съ отставленною впередъ рукой съ платкомъ („Какъ это онъ не догадался что платокъ приходится противъ свѣта и его душно видно“,

сверкнуло у него въ головѣ), высокую, немного согнутую фигуру Ладожскаго и коротенькую шинель доктора съ приставшимъ къ ней свѣгомъ. Онъ замѣтилъ что всѣ эти три фигуры составляли удачную группу которую можно сейчасъ списать. Но особенно бросились ему почему-то въ глаза два ящичка казавшіеся совершенно черными на бѣлой полянѣ. „Вотъ это хуже всего“, подумалъ онъ, мгновенно представивъ себѣ доктора, съ нестерпимою болью зондирующаго на немъ рану.

— Два! отчетливо произнесъ Нестужевъ.— Три!

При взмахѣ бѣлаго платка Зимовьевъ вытянулъ руку и быстро спустилъ курокъ. Разъ за разомъ щелкнули два выстрѣла, сверкнули двѣ искры, послышался легкій свистъ, какъ будто слышійся съ короткимъ окрикомъ похожимъ на стонъ— и Жедровскій, зашатавшись, упалъ на свѣгъ.

Зимовьевъ видѣлъ какъ всѣ бросились въ ту сторону, но самъ не двигался съ мѣста. Онъ былъ какъ будто изумленъ случившимся. „Но онъ не убитъ, я чувствовалъ что онъ не убитъ“, повторялъ онъ мысленно, точно въ столбикъ.

Наконецъ онъ тоже подошелъ. Жедровскій, вытянувъ одну ногу и поджавъ другую, лежалъ бокомъ, и красное пятно подлѣ него на свѣгу все увеличивалось и краснѣло. Докторъ на колѣняхъ торопливо растегивалъ пальто, не догадавшись снять мѣшавшія ему перчатки. Лицо Жедровскаго уже успѣло принять зелено-блѣдный цвѣтъ, а на раскрытыхъ губахъ показалась окрашенная кровью пѣна. Онъ хрипѣлъ, и мутные глаза его выражали смертельную тоску.

Когда докторъ добрался до бѣлья, перчатки его были совсѣмъ перелачканы кровью. Онъ схватилъ платокъ который Нестужевъ все еще держалъ въ рукѣ, прижалъ его къ ранѣ, но въ полминуты платокъ былъ весь мокрый. Докторъ нагнулся къ груди раненаго, послушалъ и всталъ.

— Въ самое сердце, сказалъ онъ коротко.

— Смертельно? спросилъ Нестужевъ.

Докторъ только повелъ блѣдными губами, какъ бы не зная что можно отвѣтить на такой наивный вопросъ.

Зимовьеву казалось что мутные глаза умирающаго обращены прямо на него. Онъ содрогнулся и подвинулся въ сторону. Паша, замѣтивъ въ его рукѣ листолетъ, осторожно вынулъ его и опустилъ въ карманъ. Зимовьевъ даже не замѣтилъ этого.

— Не нужна ли вамъ карета? ему будетъ покойнѣе, пред-
ложилъ Паша доктору.

Тотъ дико посмотрѣлъ на него.

— Да вѣдь онъ отходить! сказалъ онъ.— Оставьте, увѣжайте пожалуйста, мы тутъ сами распорядимся. Вѣдь надо все такъ сдѣлать какъ будто онъ самъ лишилъ себя жизни. Увѣжайте, увѣжайте, повторилъ онъ, прямо обращаясь къ Зимовьеву и махая на него руками.

— Подъедемте, тихо и какъ бы строго сказалъ ему и Паша.

Глѣбъ Дмитріевичъ наконецъ вышелъ изъ своего оцѣпленія. Видѣъ доктора, неловко ловившаго сползавшую съ плечъ шинель, наломилъ ему что-то. Онъ отвернулся, вынулъ изъ бумажника нѣсколько крупныхъ ассигнацій и сунулъ ихъ доктору въ руку.

— Тутъ будутъ расходы, такъ пожалуйста.... сказалъ онъ.

— Да что ужъ! какъ-то застѣнчиво отозвался докторъ, незримымъ движеніемъ опуская ассигнаціи въ карманъ.

XLIV.

Карета быстро катилась по снѣгу, который чѣмъ ближе къ городу, становился мокрѣе и грязнѣе. Глѣбъ Дмитріевичъ, прижавшись въ угау, молча смотрѣлъ въ запотѣлое стекло. Паша не заговаривалъ, нѣсколько лугаясь его глубокой и тяжелой задумчивости. Но Глѣбъ Дмитріевичъ ни о чемъ не думалъ. Мысли кружились безъ связи, и не мысли, а скорѣе какіе-то призраки, ощущенія, смутный хаосъ, съ болью давившій мозгъ. Искаженное предсмертною тоскою лицо Жѣдровскаго, съ залекшеюся на губахъ кровавомъ пѣной, неотступно стояло предъ его глазами. „Какъ тотъ... давно... давній“... мысленно повторялъ онъ, и словно вчера только разыгравшаяся, припоминалась другая драма, и тоже кровь, и недоумѣвающий ужасъ, и потомъ долгіе годы одинокой тоски и мстительныхъ воспоминаній. Но тогда молодость была, жизнь рвалась изъ цѣпей, смутно дразнила надежда; а теперь... Онъ какъ будто испытывалъ холодъ, тотъ страшный неотогрѣваемый холодъ который чувствуетъ человѣкъ на переломѣ лѣтъ, при послѣдней издержкѣ измученнаго сердца...

Паша вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ кабинетъ. Глѣбъ Дмитріевичъ вдругъ обнялъ его и поцѣловалъ.

— Простите, мнѣ не легко было требовать отъ васъ этой печальной услуги, сказалъ онъ.

Паша досталъ изъ кармана запечатанный пакетъ и возвратилъ ему. Зимовьевъ бросилъ его на столъ и обвелъ комнату задумчивымъ взглядомъ. Его какъ будто успокоило что все въ ней было прибрано и уложено.

— Я васъ буду еще просить извиниться за меня предъ всеми вашими... мнѣ тяжело было бы ѣздить, прощаться... сказалъ онъ.

— Вы увѣжаете? спросилъ Паша.

— Да, домой... подтвердилъ Зимовьевъ.—Исторія разнесется по городу, станутъ пальцемъ показывать... да и дѣлать мнѣ тутъ нечего. Въ случаѣ еслибъ я ленадобилась, вы знаете куда написать. Всѣмъ вашимъ передайте что они останутся самыми близкими мнѣ людьми, если... если сами не осудятъ меня.

— Чтò это вы! произнесъ въ смущеніи Паша.

Глѣбъ Дмитріевичъ отвернулся и нѣсколько разъ прошелъ взадъ и впередъ по комнатѣ. На лицѣ и въ походкѣ его выразалось какое-то тяготившее его затрудненіе.

— Между прочимъ я и къ Волчець-Соколинскимъ не услѣю захватить... заговорилъ онъ опять;—вы вѣдь скоро ихъ увидите? Извинитесь пожалуйста за меня, объяснитесь какъ-нибудь...

— Хорошо, сказалъ Паша.

Глѣбъ Дмитріевичъ продолжалъ ходить все тою же взволнованною походкой.

— Когда увидите Ларису Григорьевну, скажите ей пожалуйста что еслибъ... еслибъ надо было... по какому-нибудь случаю... можно написать ко мнѣ... проговорилъ онъ съ усиленіемъ.

— Я скажу, обѣщалъ Паша.

Глѣбъ Дмитріевичъ остановился, прислонясь къ столу, и рѣшился взглянуть на него.

— Вы пожалуйста въ такомъ смыслѣ передайте ей что я хотѣлъ избѣжать личнаго объясненія, потому что написать удобнѣе... ей удобнѣе, а не мнѣ... она пойметъ.

— Я скажу, повторилъ своимъ ровнымъ голосомъ Паша.— Вы сегодня же увѣжаете?

— Сегодня, подтвердилъ Зимовьевъ.

Паша простился и ушелъ. Глѣбъ Дмитріевичъ опустился въ кресло, но тотчасъ всталъ и быстро подошелъ къ двери. Ему хотѣлось крикнуть: „не надо, не говорите! ничего не говорите!“

но онъ только дотронулся до ручки замка и въ раздумьи медленно отошелъ на прежнее мѣсто.

Паша, выйдя на улицу, вспомнилъ что еще ничего не ѣлъ, и заѣхалъ въ ресторанъ позавтракать. Сидя предъ котлеткой и бутылкой вина, онъ думалъ что ему предстоитъ очень тяжелая и трудная задача—не та которую взвалилъ на него Глѣбъ Дмитріевичъ и которую онъ въ сущности почти не по- нялъ, такъ какъ ему въ очень смутной формѣ представлялся какой-то завязавшійся между Ларисой и Жѣдровскимъ романъ—а другая, несравненно болѣе для него мучительная. Онъ давно понялъ что Анна Всеволодовна любитъ Жѣдровскаго. Не давая воли подозрѣніямъ, стараясь держаться болѣе чѣмъ когда-нибудь въ сторонѣ, онъ не могъ однако сомнѣваться въ своихъ случайныхъ наблюденіяхъ. Онъ не обвинялъ ея, а только страдалъ за себя и за нее. И потому-то такому сложному и мучительному представлялась ему лежавшая на немъ обязанность сообщить ей печальную вѣсть, и допивая вино онъ невольно медлилъ, взглядывалъ на часы, и некрасивое лицо его хмурилось и словно темнѣло.

Оказалось, когда онъ пріѣхалъ къ Аннѣ Всеволодовнѣ, что ея нѣтъ дома. Швейцаръ прибавилъ что она полчаса какъ вышла одна и повидимости къ Волчець-Соколинскимъ. Паша, подумавъ, поѣхалъ туда же.

Онъ дѣйствительно засталъ княгиню у Ларисы. Между ними еще продолжались эти дружескіе визиты, хотя въ ихъ отношенія все болѣе вторгалась натаянность, мучительная для Ларисы и непонятная для Анны Всеволодовны. Со времени послѣдней встрѣчи въ театрѣ Жѣдровскій не былъ у Ладожскихъ, и маленькая княгиня, еще не рѣшаясь написать ему, каждый день ждала случая съ нимъ увидѣться. Она не вѣрила въ разрывъ, ей казалось что имъ такъ легко примириться, такъ необходимо примириться. Развѣ они могутъ отказаться другъ отъ друга? Она чувствовала что уже не можетъ вернуться назадъ, погрузиться опять въ пустоту прежняго существованія, забыть этотъ короткій праздникъ перваго счастья...

Она уже полчаса какъ сидѣла съ Ларисой, разсѣянная, раздраженная, не имѣя рѣшимости произнести единственное имя наполнявшее ея мысль. Появленіе Паша какъ будто придавало ей бодрости: въ присутствіи лишняго лица интимное становится безразличнымъ, почти лошадымъ.

— Давно не видали Жѣдровскаго? спросила она незначительнымъ тономъ.

— Онъ вчера заходилъ къ намъ не надолго... отвѣтила такимъ же тономъ Лариса.

— Я принесъ о немъ печальныя вѣсти, сказалъ Паша.

Объ вопросительно взглянули на него, а у Ларисы замѣтно дрогнули рѣсницы.

— Очень печальныя вѣсти, повторилъ Паша.—У него была дуэль.

Онъ хотѣлъ пощадить Анну Всеволодовну и смотрѣлъ прямо на Ларису, на которую, ему казалось, извѣстіе должно было произвести менѣе сильное впечатлѣніе. Къ изумленію его, мгновенная блѣдность покрыла лицо Ларисы, и глаза ея остановились на немъ съ выраженіемъ ужаса.

— Говорите... прошептала она, беря его за руку.

У Паши мелькнула мысль что она знаетъ о ссорѣ Жѣдровскаго съ Зимовьевымъ и боится за послѣдняго.

— Глѣбъ Дмитріевичъ вышелъ невредимъ, сказалъ онъ послѣшно.

— А онъ? вскрикнула, вытягиваясь, Лариса.

— Жѣдровскій раненъ и очень тяжело, отвѣтилъ Паша и вскользь взглянулъ на Анну Всеволодовну.

— Смертельно? спросила та блѣднѣя и машинально подымаясь съ кресла.

— Да, произнесъ дрогнувшимъ голосомъ Паша.

— Убили! крикнула въ невыразимомъ смепеніи княгиня, вглядываясь въ него ничего не ловящими, дикими глазами.

Паша схватилъ ее за руки, не сознавая хорошенько что онъ хочетъ сдѣлать.

Боже мой, успокойтесь! ради Бога! повторялъ онъ, то жимаая, то цѣлая эти руки.

— Господи, Лариса! раздался въ эту минуту голосъ Марьи Ивановны, которая, заслышавъ что-то необычайное, вошла въ комнату и прямо наткнулась на дочь лежащую безъ чувствъ въ томъ самомъ креслѣ на которомъ она сидѣла. Потемнѣвшія вѣки ея были опущены, пальцы судорожно сжаты.

— Воды! доктора! кричала Марья Ивановна, не умѣя ни о чемъ догадаться и почти съ суевѣрнымъ ужасомъ глядя на присутствующихъ.

Паша каждый день заѣзжалъ къ Соколицкимъ узнавать о здоровьѣ Ларисы, но такъ какъ она была очень слаба и оставалась въ постели, то его не пускали къ ней. А онъ хотѣлъ непременно ее видѣть, потому что неохотно наконецъ объяснилось ему, и онъ сознавалъ себя обязаннымъ исполнить порученіе возложенное на него Глѣбомъ Дмитріевичемъ.

Слуста недѣлю послѣ катастрофы, Марья Ивановна впустила его наконецъ въ комнату дочери. Послѣполуденное солнце робко врывалось сквозь зелень растений, и въ блѣдой, какъ будто пыльной полосѣ его лучей Лариса, лежавшая на кушеткѣ, казалась воскрестіемъ послѣ тяжкой болѣзни.

— Вотъ какая я плохая стала... проговорила она, протягивая исхудавшую, блѣдную руку.— Вамъ и въ голову не приходило чтобы можно было до такой степени нервною быть.

— Простите, не напоминайте мнѣ моей глупой неосторожности, сказалъ Паша.

— Но вы нисколько не виноваты; развѣ можно было ожидать чтобы извѣстіе о постороннемъ человѣкѣ, о простомъ знакомомъ, могло произвести такое впечатлѣніе? настойчиво возразила Лариса.— Но мнѣ весь этотъ ужасъ представился... кровь...

Она закрыла глаза, и по прозрачной кожѣ ея лица какъ будто пробѣжала дрожь.

— Теперь вы скоро поправитесь, весна не далеко... проговорилъ Паша.

— Да, докторъ обѣщалъ, но подѣ условіемъ чтобы мы немедленно уѣзжали на югъ, сказала Лариса.

— Въ Волчій Долъ? спросилъ Паша.

Лариса отрицательно покачала головой.

— За границу, сказала она.

Паша замѣтилъ что при напоминаніи о Волчьемъ Долѣ тѣнь пробѣжала въ ея прозрачныхъ глазахъ. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки рѣшился исполнить данное ему порученіе.

— Глѣбъ Дмитріевичъ просилъ меня извиниться предъ вами, на него катастрофа произвела такое тягостное впечатлѣніе что онъ не имѣлъ духу одинъ лишній день остаться въ Петербургѣ, сказалъ онъ.

— Да, онъ уѣхалъ, я знаю, произнесла довольно спокойно Лариса.

— А ему очень хотѣлось васъ видѣть и онъ кажется считалъ это даже нужнымъ, продолжалъ Паша.

Лариса не произнесла ни слова, только рѣсницы ея ослѣплись, какъ будто она желала скрыть то что выражалось въ ея глазахъ.

— Онъ впрочемъ думалъ что такъ какъ, вы знаете куда онъ уѣхалъ, то вѣроятно напишете ему... опять заговорилъ Паша.

— Мнѣ не о чемъ писать Глѣбу Дмитріевичу, отвѣтила Лариса.

— А мнѣ показалось что онъ именно ждетъ нѣсколько строкъ отъ васъ, потому что послѣ случившагося не увѣренъ въ приговорѣ близкихъ ему людей, и ему трудно первому возобновить отношенія... продолжалъ Паша.

Лариса быстро раскрыла на него глаза.

— Онъ вамъ сказалъ что ждетъ отъ меня письма? спросила она.

— По крайней мѣрѣ я такъ полагалъ...

Лариса встала съ кушетки.

— Дайте мнѣ руку, сказала она.

И съ помощью Паша она подошла нетвердыми ногами къ письменному столу, взяла перо и написала на листкѣ бумаги только одно слово:

„Никогда“.

Затѣмъ она сложила листокъ, заклеила его и отдала Пашѣ.

— Пожалуста, отошлите это сами Глѣбу Дмитріевичу... попросила она.

В. АВСТЕНКО.

ПО ПОВОДУ „БНЯГИНИ ЛИГОВСКОЙ“*

ВПЕРВЫЕ ИЗДАНАГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА

Этотъ неоконченный романъ талантливаго нашего поэта имѣеть автобіографическую подкладку. Главный интересъ его заключается въ связи его съ однимъ эпизодомъ изъ жизни Лермонтова, о которомъ въ свое время много писалось. Я разумѣю отношенія Михаила Юрьевича къ Екатерианѣ Александровнѣ Хвостовой, въ то время еще двѣицѣ Сушковой. Екатерина Александровна издала *Записки* свои, которыхъ главное содержаніе составляютъ отношенія ея къ поэту. *Записки* эти, при появленіи, вызвали живой интересъ и полемику.** Несмотря на искренность тона который находили нѣкоторые защитники гжи Хвостовой, подвергшейся, между прочимъ, нападенію и со стороны родной сестры сврей гжи Ладыженской, близкой свидѣтельницы отношеній къ Лермонтову, надо сознаться что Екатерина Александровна немного - таки увлеклась желаніемъ прослыть

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 1 текущаго года.

** Появились *Записки* эти сначала въ *Вѣстникѣ Европы* (1869), а потомъ исправленныя и дополненныя были отдѣльно изданы М. И. Семевакимъ въ 1870 году. О *Запискахъ* этихъ много говорилось въ литературѣ. Самое вѣское что было сказано о нихъ, и главнымъ образомъ противъ, было помѣщено родною сестрой Хвостовой, гжой Ладыженской въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1872 № 2 и гжой Оадѣвой въ *Современной Литературѣ* 1869 № 46 и 1872 № 41.

„Лаурой“ русскаго поэта, по выраженію графини Ростолчиной.*
 Честь эту готовы принять на себя многія. Я во всѣ годы собранія матеріаловъ и свѣдѣній о Лермонтовѣ имѣлъ случай встрѣтить до шести неопровержимыхъ (sic) доказательствъ не только серьезной влюбленности Лермонтова въ прекрасныхъ представительницъ современнаго ему общества, но и того что именно каждая изъ нихъ была его *настоящею любовью*, и что онъ изображалъ ее то въ княжѣ Мери, то въ *Вѣрѣ Героя нашего времени*. Гжа Хвостова увеличиваетъ собою число этихъ дамъ. Въ печати даже не разъ называли нѣкоторыхъ изъ нихъ и въ особенности указывали на проживающую и нынѣ въ Пятигорскѣ Э. А. III. какъ на княжну Мери, такъ что побудили Эмилию Александровну печатно заявить (*Новое Время* 1881, № 1.983) что она никакъ не могла удостоиться чести быть воспѣтою Лермонтовымъ въ *Княжнѣ Мери*, ибо познакомилась съ поэтомъ лишь въ 1841 году, то-есть спустя два года послѣ выхода въ свѣтъ *Героя нашего времени*.

Такъ-называемая „искренность тона“ *Записокъ* гжи Хвостовой, писанныхъ для тетки моей М. С. Багговуть, вначалѣ подкупила и меня; но когда я сталъ подробнѣе вникать въ дѣло, то замѣтилъ что нѣкоторыя данныя сообщаемыя гжой Хвостовой совершенно не вѣрны.

Первая встрѣча Екатерины Александровны съ поэтомъ была въ 1830 году, когда Лермонтову было 15 лѣтъ. Екатерина Александровна была старше его года на два и забавлялась поэтомъ, литавшимъ нѣкоторую слабость къ ней. Она помучила мальчика и потомъ представила всѣ эти отношенія въ болѣе выгодномъ для себя свѣтѣ, хотя и изъ ея разказа явствуетъ что она не прочь была пококетничать съ мальчикомъ **. Встрѣтившись затѣмъ съ Лермонтовымъ чрезъ пять лѣтъ въ Петербургѣ, когда онъ былъ офицеромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, она извѣдала на себѣ обратную сторону медали. Рвавшійся приобрѣсти славу свѣтскаго льва, только-что вышедшій изъ Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, молодой воинъ отомстилъ прежнему своему

* Графиня Ростолчина, писательница—тоже двоюродная сестра гжи Хвостовой. *Русск. Вѣстн.* 1872 № 2, стр. 659.

** См. VI главу моей *Біографіи Лермонтова*. *Русская Мысль* за 1882 № 2.

мучителю довольно жестоко. И хотя Лермонтовъ въ письмахъ къ двумъ своимъ пріятельницамъ чистосердечно признается въ несовсѣмъ благовидномъ своемъ образѣ дѣйствія и даже таковымъ его называетъ, но тѣмъ не избѣгаетъ порицанія, даже если мы захотимъ оправдать его поступки общимъ тогда тономъ среди свѣтской даже лучшей молодежи.

Въ шестой главѣ моей біографіи Лермонтова я выражаю предположеніе что Екатерина Александровна относитъ къ себѣ множество стихотвореній которыя по всѣмъ вѣроятіямъ были только вписаны въ альбомъ ея, какъ и въ альбомы другихъ знакомыхъ барышень. Это было тогда въ модѣ. И дѣйствительно на дняхъ я получила изъ Штутгарта альбомы покойной гжи Гюгель, урожденной Верецагиной, „Сашеньки Верецагиной“ *Записокъ*. Она въ нихъ описана подругой Екатерины Александровны и родственницей поэта.

Большинство приведенныхъ гжой Хвостовой стихотвореній, будто ей адресованныхъ, находится въ этихъ альбомахъ и вписаны рукой Лермонтова. Самая же тетрадка съ разговорами Лермонтова, о которыхъ упоминаетъ Екатерина Александровна въ *Запискахъ* своихъ, находится въ рукахъ гжи Фадѣевой и по ея увѣренію не всегда согласуется съ тѣмъ что говорится въ *Запискахъ* писанныхъ гжой Хвостовой*. Не подлежитъ сомнѣнію что Екатерина Александровна, увлекаясь воспоминаніемъ о поэтѣ, быть-можетъ безсознательно искажала факты въ свою пользу. Такъ она рѣшительно относитъ къ себѣ стихотвореніе Лермонтова:

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей....

тогда какъ положительно извѣстно что оно написано къ Л—ой, и въ черновой тетради, равно какъ и въ изданіяхъ сочиненій, надъ заголовкомъ стоитъ: „къ Л.“, а никакъ не къ С., то-есть Сушковой. Къ этой „Л.“ Лермонтовъ дѣйствительно питалъ серьезное чувство, и къ ней относится множество его юношескихъ и потомъ серьезныхъ стихотвореній. Ей посвященъ *Демонъ*, ей писана молитва: „Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою“ и т. д., гдѣ встрѣчаются такіа душевные строки какъ слѣдующія:

Окружи счастьемъ счастья достойную,
Дай ей спутниковъ полныхъ вниманія,

* *Соврем. Лит.* 1872 № 41.

Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незабному миръ упования!

Эта любовь, прошедшая чрезъ много фазисовъ, всегда оставалась чистою. Къ той же личности относится и *Любовь Мертвеца*, а къ ея дочкѣ—стихотвореніе *Къ ребенку*, написанное въ 1840, и также *Сонъ*:

Въ полдневный жаръ въ долинь Дагестана
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я...

Онъ затаилъ глубоко привязанность къ ней и не выдавалъ секрета души. Связанный тѣсною дружбой съ братомъ и сестрой ея, Лермонтовъ въ письмахъ едва касается ея имени, и когда въ одномъ изъ произведеній своихъ, описывая быль, героиня которой случайно называется однимъ именемъ съ дорогимъ ему лицомъ, онъ его не выписываетъ, а слѣштитъ замѣнить другимъ, говоря:

.....
Желалъ бы дать другое ей названье:
Скажу—при этомъ имени, друзья,
Въ груди моеи шипитъ воспоминанье,
Какъ подъ ногой прижатая змѣя...

Она была родственницей Михаила Юрьевича и вышла замужъ за другаго. Поэтому въ поэтѣ лодъ часъ пробивалась къ ней горечь и онъ не прочь былъ давать волю этому чувству, въ особенностц же не щадилъ мужа, выставляя его въ болѣе чѣмъ несимпатичномъ свѣтѣ; онъ даже любилъ глумиться надъ нимъ, а извѣстно что значило если Лермонтовъ надъ кѣмъ глумился,—тутъ ужъ не было снисхожденія... Образъ этой женщины является и въ *Героѣ нашего времени*—въ Вѣрѣ.

Въ описаніи отношеній Печорина къ Вѣрѣ проглядываетъ желаніе узавить мужа ея. Правда, онъ не пощадилъ и ея, но все же Вѣра выставлена симпатичною. Впрочемъ и себя поэтъ не пощадилъ въ Печоринѣ.

Акварельный портретъ любимой женщины, мастерски нарисованный Михаиломъ Юрьевичемъ, недавно попалъ ко мнѣ. Онъ очень похожъ и рисованъ около 1836 года, какъ разъ въ то время когда Лермонтовъ пишетъ повѣсть *Княгиня Лиевская*. Года два тому назадъ мнѣ удалось видѣть большой портретъ той же особы, сдѣланный масляными красками хорошимъ художникомъ. Вотъ почему я сужу о сходствѣ.

Если вспомнить описаніе Вѣры, то не трудно найти сходство между имъ и портретомъ; такъ у Вѣры характерная родинка на щекѣ—по ней-то Печоринъ и узнаетъ ее изъ описаній доктора Вернера, а на портретѣ находящемся у меня—родинка надъ бровью. Эта же особа, вселившая глубокую страсть Лермонтову, является впервые описанною въ самой княгинѣ Лиговской. Когда Печоринъ входитъ къ ней, „молодая женщина въ розовомъ атласномъ калотѣ и блондовомъ челпѣ сидѣла небрежно на диванѣ“ (стр. 145), какъ разъ въ этой позѣ и въ этомъ костюмѣ изображенъ Лермонтовымъ портретъ. На слѣдующей страницѣ описывается наружность Лиговской, опять-таки сходная съ портретомъ. Когда Печоринъ подѣзжаетъ къ крыльцу Лиговской, съ которой приходится ему встрѣтиться впервые послѣ замужества, Лермонтовъ такъ описываетъ состояніе его души:

„Черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ увидаться съ женщиной которая была постоянною его мечтою въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ которою онъ былъ связанъ прошедшимъ, для которой былъ готовъ отдать свою будущность“... Въ письмѣ къ Сашенькѣ Верещагиной, находящемся у меня, Лермонтовъ раздраженно пишетъ по поводу свадьбы гжи Л. „Мнѣ сообщили что Л. выходитъ за NN, не знаю вѣрить ли этому? во всякомъ случаѣ я ей желаю жить въ мирѣ, въ супружескомъ благоденствіи до празднованія *серебряной свадьбы* и долѣе того, если къ тому времени онъ ей не надоѣсть“... И въ *Княгинѣ Лиговской* ясно выставлена досада Печорина на бракъ давно имъ любимой женщины.

Итакъ я рѣшаюсь объявить что знаю съ кого писана Вѣра въ *Героя нашего времени*; знаю доподлинно кто та женщина которую поэтъ любилъ искреннѣе и долѣе другихъ; я рѣшаюсь утверждать это несмотря на увѣреніе другихъ дамъ убѣжденныхъ въ томъ что поэтъ серіозно любилъ только ихъ и что съ нихъ онъ списывалъ своихъ героинь и имъ посвящалъ лучшія свои произведенія. Въ 1836 году Л. вышла замужъ, и письмо касающееся этого случая писано Лермонтовымъ къ Верещагиной именно въ то время когда по воспоминаніямъ гжи Хвостовой произошелъ ея романъ съ нимъ. Всю эту эпоху поэтъ изобразилъ въ повѣсти своей *Княгиня Лиговская*. Княгиня—это любимая имъ женщина только что вышедшая замужъ; а Екатерина Александровна выведена подъ именемъ Елизаветы Николаевны Негуровой.

Когда, желая удостовѣриться въ справедливости всего что говоритъ гжа Хвостова объ отношеніяхъ своихъ къ Лермонтову, спросилъ я о томъ А. П. Шанъ-Гирея *, онъ сообщилъ мнѣ что очень хорошо помнитъ какъ Екатерина Александровна пыталась завлечь или Лермонтова или друга его Лолухина. Родственники ея особенно желали брака ея съ послѣднимъ. Когда я прочелъ Шанъ-Гирею разказъ о томъ, будто Лермонтовъ, присутствуя при вѣчаніи Екатерины Александровны, плакалъ въ церкви, онъ расхохотался и сообщилъ что онъ въ церкви былъ вмѣстѣ съ Лермонтовымъ и не только не видалъ его плачущимъ, но напротивъ въ весьма веселомъ настроеніи. „Впрочемъ, прибавилъ Акимъ Павловичъ, я помню еще, какъ Лермонтовъ писалъ романъ, въ коемъ должны были быть выведенными наружу дѣянія Е. А. Сущковой. Помню что герой романа пишетъ ей анонимное письмо и подписывается: „Каракула“. Почему-то въ памяти у меня до сихъ поръ остался рочеркъ при подписи; можетъ-быть потому что меня тогда поразила странная подпись эта. Содержаніе романа Акимъ Павловичъ не помнилъ, зналъ только что было написано вѣсколько главъ, и что въ немъ впервые встрѣчалось имя Печорина и княгини Лиговской. Эта рукопись не находилась между тетрадами Михаила Юрьевича, поданными въ Публичную Библиотеку чрезъ Хохрякова, и пожертвованными туда Шанъ-Гиреемъ **.

Понявъ что извѣстіе о существованіи романа въ коемъ описывается гжа Хвостова и главное является впервые Печоринъ, меня весьма заинтересовало. Вдругъ получаю я изъ Москвы извѣстіе что въ редакціи *Русскаго Вѣстника* давно находится неоконченная ловѣсть Лермонтова, подъ заглавіемъ: *Княгиня Лиговская* и что редакція не рѣшается печатать, не зная къ кому обратиться за разрѣшеніемъ. Я тотчасъ написалъ Шанъ-Гирею, который формально передалъ мнѣ право на изданіе, съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи романа

* Двоюродный братъ Лермонтова, воспитывавшійся вмѣстѣ съ нимъ, а потомъ служившій въ конной артиллеріи. Жилъ въ Петербургѣ у бабушки Арсеньевой. Лермонтовъ неоднократно и ему диктовалъ свои сочиненія. Нѣкоторыя мѣста въ *Герои нашего времени* писаны рукой Шанъ-Гирея.

** Дѣло о пожертвованіи рукописей Шанъ-Гиреемъ хранилось въ Мин. Нар. Просв. въ разрядѣ ученыхъ учрежд. за № 35, объ этомъ также въ *Моск. Вѣд.* 1870, № 165.

рукопись была передана мною въ Императорскую Публичную Библіотеку. Въслѣдствіе нѣкотораго недоразумѣнія редакція выслала мнѣ рукопись уже по отпечатаніи ея. Каково же было мое удивленіе, когда я прочелъ въ ней анонимное письмо Печорина къ Елизаветѣ Николаевнѣ съ подписью: „Каракула“ (стр. 143).

Теперь не было сомнѣнія, кого имѣлъ въ виду Лермонтовъ въ лицѣ Елизаветы Николаевны Пегуровой. Сама г-жа Хвостова въ *Запискахъ* своихъ рассказываетъ объ анонимномъ письмѣ къ ней Лермонтова (стр. 166), возстановляя текстъ по памяти—конечно—приблизительно. Этотъ эпизодъ рассказывается сестрой г-жи Хвостовой немного иначе; * но самое интересное сообщеніе обо всемъ столкновеніи Лермонтова съ Екатериной Александровной заключается въ письмѣ его къ Сашенькѣ Верецагиной. Письмо это, писанное на французскомъ языкѣ, нигдѣ не напечатано, и до сихъ поръ извѣстнымъ не было, потому я привожу переводъ той части его которая касается разсматриваемаго нами эпизода. Считаю не лишнимъ напомнить что въ *Запискахъ* своихъ Екатерина Александровна выставляетъ Лермонтова интригующимъ противъ жениха ея Лолухина, своего ближайшаго друга. Изъ словъ ея выходитъ что Лермонтовъ игралъ самую двусмысленную роль, что онъ обманывалъ не только ее, но и друга своего Лолухина, пріѣхавшаго исключительно съ цѣлю сдѣлать предложеніе Сущковой. Все это оказывается совершенно невѣрнымъ, и память поэта можетъ быть очищена отъ этого навіѣта **. Вотъ что Лермонтовъ пишетъ Сашенькѣ Верецагиной:

... „Алексисъ (Лолухинъ) конечно сообщилъ вамъ кое-что относительно жизни которую я веду. Въ ней нѣтъ ничего заслуживающаго вниманія кромѣ развѣ начала любовной интриги съ Миле Сущковой, конецъ которой гораздо интереснѣе

* *Русск. Вѣсти.* 1872, № 2, стр. 653.

** Издатель *Записокъ* г-жи Хвостовой М. И. Семеvскій утверждаетъ на стр. XV предисловія что „недовѣріе къ разказу г-жи Хвостовой рѣшительно не можетъ имѣть мѣста“. Т. Семеvскій не имѣлъ еще въ рукахъ того матеріала который только весьма недавно попалъ мнѣ въ руки. Понятно что онъ могъ быть введенъ въ заблужденіе искренностью тона разказа г-жи Хвостовой, подкупившаго было и меня.

и веселѣе *. Если я началъ за нею ухаживать, то это не было отблескомъ прошлаго. Въ началѣ это было просто поводомъ проводить время, а затѣмъ, когда мы поняли другъ друга, стало разчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ я увидѣлъ что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталь: хорошее состояніе, имя, титуль. Я увидѣлъ что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Отсюда отношенія къ С. Я понялъ что желая словить меня, она легко себя скомпрометтируетъ; вотъ я ее и скомпрометтировалъ насколько было возможно, не скомпрометтировавъ самого себя. Я публично обращался съ нею какъ съ личностью весьма мнѣ близкою, давалъ ей чувствовать что только такимъ образомъ она можетъ надменно властвовать... Когда я замѣтилъ что мнѣ это удалось и что еще одинъ дальнѣйшій шагъ погубить меня, я выкинулъ маневръ. Прежде всего въ глазахъ свѣта я сталъ болѣе холоднымъ къ ней, чтобы показать что я ее болѣе не люблю, а что она меня обожаетъ, что въ сущности не правда. Когда же она стала замѣчать это и попыталась сбросить ярмо, я первый публично ее покинулъ. Я въ глазахъ свѣта сталъ съ нею жестокимъ и дерзкимъ, насмѣшливымъ и холоднымъ. Я сталъ ухаживать за другими и подъ секретомъ разказывать имъ тѣ стороны исторіи которыя представлялись въ мою пользу. Она такъ была поражена этимъ неожиданнымъ моимъ обращеніемъ что сначала не знала что дѣлать и смирилась, что заставило говорить другихъ и придало мнѣ видъ чловѣка одержавшаго полную побѣду; затѣмъ она очнулась и стала вездѣ бранить меня, но я ее предупредилъ, и ненависть ея казалась и друзьямъ и недругамъ—уязвленною любовью. Далѣе она попыталась вновь завлечь меня напускною печалью, разказывая всѣмъ близкимъ моимъ знакомымъ что любить меня; я не вернулся къ ней, а искусно всѣмъ этимъ пользовался. Не могу сказать вамъ какъ все это послужило мнѣ—это было бы очень скучно и касается людей которыхъ вы не знаете. Но вотъ веселая сторона исторіи: когда я созналъ что въ глазахъ свѣта надо порвать съ нею, и съ глазами-глазъ казаться ей преданнымъ и т. д., то я быстро

* Итакъ Лопухинъ зналъ объ отношеніяхъ Лермонтова къ гжѣ С.

нашелъ любезное средство. Я написалъ анонимное письмо: *я васъ знаю, а вы меня не знаете и т. д. Предваряю васъ— берегитесь молодого человека М. Л., онъ васъ погубитъ и т. д. Вотъ доказательства (разныя глупости) и т. д.* *... письмо на четырехъ страницахъ... я искусно направилъ это письмо, такъ что оно попало въ руки тетки. Въ домѣ—громъ и молнія... на другой день ѣду туда, рано утромъ, чтобы во всякомъ случаѣ не быть принятымъ. Вечеромъ, на балу, я выражаю свое удивленіе *Mlle S.* Она сообщаетъ мнѣ страшную и вѣроятную новость, и мы дѣлаемъ разныя предположенія,—я все отношу къ тайнымъ врагамъ, которыхъ нѣтъ; наконецъ она говоритъ мнѣ что родные запрещаютъ ей говорить и танцовать со мною—я въ отчаяніи, и конечно не беру сторону дядюшекъ и тетюшекъ. Такъ было ведено это трогательное приключеніе, что конечно дастъ вамъ обо мнѣ весьма нелестное мнѣніе. Впрочемъ женщина всегда прощаетъ зло которое мы дѣлаемъ другой женщинѣ (правило Ларошфуко). Теперь я не пишу романовъ, а ихъ переживаю.

„Наконецъ вы видите что я мстилъ за слезы которыя лить лѣтъ тому назадъ заставило проливать меня кокетство *Mlle Сумковой*. О, наши счеты еще не кончены! Она заставила страдать сердце ребенка, а я только мучаю самолюбіе старой кокетки... Ну, да въ концѣ концовъ она мнѣ послужила... Да, я очень измѣнился; я не знаю какъ это дѣлается, но каждый день даетъ новый отгѣнокъ моему нраву и моимъ воззрѣніямъ. Такъ и должно было быть; я всегда это чувствовалъ... но я не зналъ что оно совершится такъ скоро.

„Да, дорогая кузина! надо признаться вамъ почему я не писалъ болѣе ни вамъ, ни *Mlle Marie*, ** то былъ страхъ чтобъ изъ писемъ моихъ вы не заключили что я почти не достоинъ болѣе дружбы вашей. Предъ обѣими вами я не могу скрывать истины, предъ вами, которая были наперсницами юношескихъ моихъ мечтаній, столь прекрасныхъ—въ особенности въ воспоминаніи. Если взглянуть на меня теперь, скажешь что я помолодѣлъ на три года—такой у меня видъ счастливый и довольный собой и цѣлымъ міромъ.

* Курсивъ въ оригиналѣ.

** Лопухина—сестра Алексѣя Александровича.

Не страннымъ ли кажется этотъ контрастъ души и вѣшняго вида?..“

Почти такъ же какъ въ письмѣ этомъ описываетъ Лермонтовъ свои отношенія къ Екатеринѣ Александровнѣ Сушковой—изображаетъ онъ въ романѣ отношенія Печорина къ Елизаветѣ Николаевнѣ Негуровой:

„Она была въ тѣхъ лѣтахъ когда еще волочиться за нею было не совѣстно, а влюбиться въ нее стало трудно; въ тѣхъ лѣтахъ когда какой-нибудь вѣтренный или безпечный фронтъ не почитается уже за грѣхъ увѣрять шута въ глубокой страсти, чтобы послѣ, такъ для смѣху, скомпрометтировать дѣвушку въ глазахъ подругъ ея, думая этимъ болѣе придать себѣ вѣсу... увѣрять всѣхъ что она отъ него безъ памяти и стараться показать что онъ ее жалуетъ, что онъ не знаетъ какъ отъ нея отдѣлаться; говорить ей вѣжности шеломомъ, а вслухъ колкости... Бѣдная, предчувствуя что это ея послѣдній обожатель, безъ любви, изъ одного самолюбія, старается удержать шалуна какъ можно долѣе у ногъ своихъ... Напрасно! Она болѣе и болѣе залутывается. И наконецъ... увѣ... за этимъ періодомъ остаются только мечты о мужѣ, какомъ-нибудь мужѣ... одѣвъ мечты.

„Елизавета Николаевна вступила въ этотъ періодъ, но послѣдній ударъ нанесъ ей не безпечный шалуна и не бездушный фронтъ. Вотъ какъ это случилось:

„Полтора года тому назадъ Печоринъ былъ еще въ свѣтѣ человѣкъ довольно новый. Ему надобно было чтобы поддержать себя, приобрести то что нѣкоторые называютъ свѣтскою извѣстностію, то-есть прослыть человѣкомъ который можетъ сдѣлать зло когда ему вздумается. Нѣсколько времени онъ напрасно искалъ себѣ пьедестала, вставъ на который онъ могъ бы заставить толпу взглянуть на себя. Сдѣлаться любовникомъ извѣстной красавицы было бы слѣшкомъ трудно для начинающаго, а скомпрометтировать дѣвушку молодую и невинную, онъ бы не рѣшился. И поэтому онъ избралъ Елизавету Николаевну, которая не была ни то, ни другое. Какъ быть! Въ нашемъ бѣдномъ обществѣ фраза: онъ погубилъ столько-то репутацій, значитъ почти: онъ выигралъ столько-то сраженій“ (стр. 139).

Независть Лермонтова къ Екатеринѣ Александровнѣ была чрезвычайно сильна. Нѣтъ сомнѣнія что она его мучила еще въ 1830 году. Что въ ней была наклонность къ кокетству—видно изъ собственныхъ ея признаній. Кажется на мгновенье увлекла она и Лолухина, дорогаго Лермонтову друга, что еще болѣе раздражало поэта. Немного раньше приведеннаго письма къ Верещагиной, 23 декабря 1834 года, онъ пишетъ сестрѣ Лолухина, Марьѣ Александровнѣ, съ которою былъ очень

друзень, которую глубоко уважалъ и предъ которою открывалъ душу съ полною искренностію: *

„ Я былъ въ Царскомъ Селѣ когда пріѣхалъ Алексисъ. Узнавъ о томъ, я едва не сошелъ съ ума отъ радости: разговаривалъ съ самимъ-собою, смѣялся, потирая себѣ руки. Въ одну минуту возвратился я къ прошедшимъ радостямъ... Двухъ страшныхъ годовъ какъ будто не бывало... На мои глаза онъ, братъ вашъ, очень перемѣнился; онъ толстѣе, какимъ я былъ тогда. У него здоровый цвѣтъ лица, но видъ задумчивъ—подумайте! однако во весь вечеръ нашего свиданія мы хохотали какъ сумасшедшіе—Богъ вѣсть съ чего. Скажите, я замѣтилъ что онъ какъ будто чувствуетъ слабость къ Mlle Catherine Souchkoff.. извѣстно ли это вамъ?... Дяди барышню кажется желали бы очень поженить ихъ: да сохранить Господь!.. Это женщина—летучая мышь, крылья коей зацѣпляются за все встрѣчное! Было время когда она мнѣ нравилась. Теперь она почти принуждаетъ меня ухаживать за нею. Но не знаю, есть что-то въ ея манерахъ, въ ея голосѣ, что-то жестокое, отрывистое, отталкивающее. Стараюсь ей погравиться, въ то же время ощущаешь удовольствіе скомпрометтировать ее, увидѣть ее запутавшеюся въ собственныя сѣти!“

Всѣ эти признанія Лермонтова оставляютъ весьма тяжелое впечатлѣніе. Право, не знаешь кто лучше изъ этихъ двухъ борцовъ на великосвѣтскомъ паркетѣ. Не первой молодости дѣвушка, воспитанная по великосвѣтскимъ тогдашнимъ образцамъ, исключительно на французскій ладъ или, вѣрнѣе, на плохомъ ему подражаніи; или молодой человѣкъ, членъ блестящей гвардейской молодежи, пытающійся пожать первые лавры салоннаго льва, что тогда было такъ въ модѣ и казалось столь привлекательнымъ. Кажется коса наша на камень! И кто былъ лучше, не знаю; вѣрнѣе всего сказать: оба лучше! Пожалуй не слѣдовало бы и поднимать всего этого дѣла, которое на первый взглядъ не прибавляетъ ни единой черты могущей возбудить интересъ къ образу нашего поэта. Но, во первыхъ, сама Екатерина Александровна

* Лермонтовъ говоритъ объ этомъ не только въ письмѣ къ Сашенькѣ В., но и въ письмѣ къ М. А. Лопухиной, онъ говоритъ ей: „ce n'est qu'avec vous que j'ose être sincère“. Первый издатель письма, а за нимъ и другіе неправильно отвѣсли его къ 35 году, оно писано въ 34 году.

Хвостова или друзья убѣждавшіе ее къ этому предала публичности цѣлѣмъ отношенія свои къ Михаилу Юрьевичу, выставляя его при этомъ въ невѣрномъ и не добромъ свѣтѣ, а восторжъ, весь эпизодъ имѣетъ интересъ какъ обрисовка салоннаго быта бичуемаго потомъ поэтомъ въ знаменитомъ романѣ. Наконецъ во всемъ этомъ видимъ не только реальную канву на которой рисуются узоры романа, не только знакомимся съ личностями служившими моделью для картины художника; но мы въ состояніи прослѣдить что происходило въ душѣ художника, какъ самъ онъ относился къ себѣ, выставляя и свои собственныя непривлекательныя черты, развившіяся подъ вліяніемъ характера времени и общества.

Важно для біографа изучающаго душу поэта видѣть какое вліяніе имѣла на него среда. Лермонтовъ въ Москвѣ, въ пансіонѣ и университетѣ, гдѣ онъ пробылъ четыре года, былъ совершенно другимъ человѣкомъ. Обстоятельства (о коихъ я буду говорить въ біографіи поэта) вынудили его поступить въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, и новыя наслоенія легли на характеръ его. Что со времени пребывания въ Школѣ распространилась слава поэта какъ подражателя Баркова, извѣстно всѣмъ; что самъ онъ чувствовалъ свое паденіе и скорбѣлъ о немъ, видно изъ рѣчей его же, приведенныхъ въ письмахъ къ Верещагиной и Лолухиной, въ особенности въ словахъ которыя вырываются у него когда свиданіе съ Алексѣемъ Александровичемъ Лолухинымъ живо напомнило ему жизнь въ Москвѣ и ужасъ лѣтъ проведенныхъ въ Школѣ: „въ одну минуту возвратился я къ моимъ прошедшимъ радостямъ; *двухъ страшныхъ годовъ какъ будто не бывало*“. Да! чему научили поэта эти два „страшные года“? Что дала ему жизнь и среда въ которую онъ вошелъ? Для насъ важно то что тогда уже онъ понималъ тщету той роли которую стремился играть, идя по слѣдамъ свѣтской молодежи. Онъ умѣлъ наблюдать за собою. Не даромъ пишетъ онъ что въ немъ явилась двойственность, не даромъ говоритъ онъ о „*контрастѣ души и внѣшняго вида*“. Въ то время онъ еще не могъ совладать съ собою, придти въ гармонію. Можетъ-быть въ вихрѣ свѣта погибъ бы онъ, но Кавказъ возвратилъ намъ поэта, возвратилъ Лермонтова самому себѣ. Уже приходило сознаніе, уже поэтъ начиналъ овладѣвать собою;

„Но души стремленья и тревогу
Разъяснить себѣ онъ не умѣлъ.“

За то онъ умѣлъ выставить то что его губило. Онъ представилъ характерныя черты общества и уже рано сумѣлъ оторваться отъ самого себя настолько чтобъ объективно выставить въ героя своего времени наносъ жалкихъ чертъ привитыхъ этимъ обществомъ къ сильно-му и страстному характеру. При самомъ вступленіи въ это общество, еще только пріѣхавъ въ 1832 году изъ Московскаго Университета, Лермонтовъ пишетъ: „видѣлъ я обрацики дѣшнаго общества, дамъ очень любезныхъ, молодыхъ людей весьма воспитанныхъ; всѣ они виѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, узкаго и незамысловатаго, но въ которомъ легко потеряться—до того хозяйскія ножицы уничтожили въ немъ все оригинальное“. *

Да! ножицы подрѣзали и это дерево, но слишкомъ много было силы въ немъ, не приняло оно формы съ которою сроднились другіе; на Кавказѣ пышнѣй пошелъ ростъ. Привитое стало хирѣть и болѣть. Пышно поднималась настоящая его растительность—тогда его совсѣмъ срѣзали...

Полытку описать общество или, вѣрнѣе, салонъ его и дѣйствующихъ среди него, порожденныхъ имъ типовъ, видимъ мы въ романѣ *Княжна Лиговская*. До чего реальна вся подкладка романа, явствуетъ не только изъ всего сказаннаго и дѣйствующихъ въ немъ лицъ, но еще изъ одного мѣста *Записокъ*. Я на дѣль заготовляю матеріалъ для будущихъ моихъ сочиненій, сказалъ Лермонтовъ Екатеринѣ Александровнѣ на вопросъ ея: „зачѣмъ онъ такъ ведетъ себя?“ И дѣйствительно, какъ разъ въ это время или вскорѣ затѣмъ пишетъ онъ, пользуясь заготовленнымъ матеріаломъ,—все что онъ писалъ, было имъ въ дѣйствительности пережито. Въ матеріалахъ для біографіи Лермонтова, обязательно переданныхъ мнѣ г. Хохраковымъ, есть свѣдѣнія о томъ что въ концѣ тридцатыхъ годовъ Лермонтовъ началъ писать романъ въ коемъ описывалось прожитое имъ. Передавшій г. Хохракову свѣдѣнія эти былъ пріятель Лермонтова Святлополкъ Аванасьевичъ Раевскій, тотъ самый который въ 1837 году заплатилъ за распространеніе стихотворенія *На смерть Пушкина* и былъ сосланъ въ Петрозаводскъ. ** Съ Раевскимъ

* Письмо 28 августа 1832 года, см. *Сочиненія*.

** См. *Русск. Стар.* 1880, т. XXVIII стр. 535.

Лермонтовъ видѣлся часто въ Петербургѣ. Сестра Раевского, Анна Афанасьевна Соловцова, сообщила мнѣ что Лермонтовъ о романѣ своемъ часто говорилъ и совѣтовался съ братомъ ея; что уставъ бывало писать Лермонтовъ ходилъ по комнатамъ и диктовалъ Раевскому, такъ что оба пріятеля писали попеременно. Дѣйствительно рукопись *Княгиня Лиевская* писана въ разбивку двумя почерками, то Лермонтовскимъ, то чужимъ, мнѣ неизвѣстнымъ, можетъ быть и рукой Раевского. Это подтверждается и однимъ мѣстомъ изъ письма Лермонтова къ тому же Раевскому... „Романъ который мы съ тобой начали затянулся и врядъ ли кончится, ибо обстоятельства которыя составляли его основу перемѣнились; а я, знаешь, не могу въ этомъ отступить отъ истины“... Весьма знаменательныя строки доказывающія до какой степени сочиненія Лермонтова были связаны съ его жизнью. Къ сожалѣнію неизвѣстно когда писано это письмо, въ Петрозаводскѣ ли съ Кавказа, или раньше. Нельзя такимъ образомъ указать когда писана *Княгиня Лиевская*, но надо полагать около 36 года. О самомъ Раевскомъ мало сохранилось свѣдѣній. Сестра, бывшая гораздо его моложе, знала только что Лермонтовъ давно былъ прощенъ, въ то время когда братъ ея былъ еще въ ссылкѣ. Когда наконецъ его вернули, то сестра помнитъ какъ впервые послѣ того въ квартиру матери, вмѣстѣ съ которою онъ жилъ, пріѣхалъ офицеръ. Она видѣла сквозь дверь какъ онъ бросился въ объятія брату, какъ онъ его обнималъ и цѣловалъ, и слышала какъ нѣсколько разъ ему говорилъ: „простишь ли ты мнѣ?“ Ей сказали потомъ что это былъ Лермонтовъ; но въ чемъ онъ такъ извинялся, гжа Соловцова не знаетъ. Я имѣю основаніе думать что Раевскій изображенъ въ молодомъ чиновникѣ описываемомъ въ *Княгиня Лиевской* подъ именемъ Красинскаго. * Что онъ выставленъ здѣсь человѣкомъ полавшимъ не въ свою сферу, не умѣющимъ держаться въ высшемъ обществѣ, чуть не задавленнымъ гусаромъ Печоринымъ и вообще въ немножко

* Подъ именемъ Бронницкаго въ романѣ разумѣется Манго-Стоапылицъ. Баронесса Р. должно-быть жена тогдашняго генералъ-губернатора Эссена, на балѣ котораго, по разказамъ гжи Хвостовой, происходило объясненіе ея съ Лермонтовымъ (стр. 151 *Записокъ*). Мать Печорина очевидно бабушка поэта Арсеньева; сестра Печорина — Марья Павловна Шанъ-Гирей, также проживавшая у Арсеньевой, у которой воспитывалась и умерла.

жалкомъ видѣ, въ какомъ пріятеля не выставляютъ, да еще пріятеля принимающаго участіе при писаніи самаго романа, ничего не доказываетъ. Вопервыхъ, еще не ясно кѣмъ явился бы Красивскій въ слѣдующихъ главахъ; а потомъ—выставленъ онъ въ сущности скорѣе съ хорошей стороны и сильно отбѣиваетъ собою поведеніе Печорина. Весьма любопытно видѣть какъ мало самъ Лермонтовъ сочувствуетъ гусарскимъ выходкамъ того лица моделью для котораго послужилъ самъ онъ. Въ какихъ рельефныхъ краскахъ рисуетъ намъ поэтъ пошлость этого гусара, на примѣръ, гдѣ „Печоринъ велѣлъ заложить сани и черезъ полчаса увѣхалъ въ театръ. *Однако съ этой поѣздкѣ ему не удалось задавить ни одного чиновника*“ (стр. 127); или когда (на стр. 122) онъ говоритъ о гусарѣ возвратившемся домой послѣ несчастнаго происшествія, что „о раздавленномъ чиновникѣ не было и помину“... Какое непріятное впечатлѣніе производитъ этотъ блестящій нахаль офицеръ въ столкновеніи съ Красивскимъ въ театральной рестораціи и театрѣ! Лермонтовъ не боялся бичевать въ себѣ тѣ черты „салоннаго героизма“, которыя находилъ онъ въ модныхъ дѣвдѣ, слава которыхъ больше всѣхъ гремѣла въ салонахъ высшаго столичнаго общества. Рассказывая о житіи Печорина въ Москвѣ—въ пансіонѣ и университетѣ, Лермонтовъ не стѣсняется изъ міра воспоминаній своего житія тамъ выбирать характерныя черты внѣшней, безсодержательной жизни студентовъ-барчуковъ.

„До девятнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ таскался изъ одного пансіона въ другой и наконецъ увѣнчалъ свои странствованія вступленіемъ въ университетъ, согласно волѣ своей премудрой маменьки. Онъ получалъ такую охоту къ перемѣнѣ мѣстъ что еслибы жилъ въ Германіи, онъ сдѣлался бы странствующимъ студентомъ. Но скажите ради Бога какаа есть возможность въ Россіи сдѣлаться бродягой повелителю трехъ тысячъ душъ и племяннику двадцати тысячъ московскихъ тегушекъ! Итакъ всѣ его лутешества ограничивались поѣздками съ толпой такихъ же негодяевъ какъ онъ въ Петровскій, въ Сокольники и въ Марьяну Роцу. Можно вообразить что они не брали съ собою тетрадей и книгъ, чтобы не казаться педагогами. Пріятели Печорина, которыхъ число было впрочемъ не очень велико, были все молодые люди которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо и въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по злолетамъ и ѡксельбантамъ, не догадываясь что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе.

„Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было закрыть глаза держать лари что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ *la bande joyeuse*...“

Названіе это дѣйствительно въ Москвѣ, въ шутку, было дано Лермонтову и товарищамъ его нѣкоей Софьей Александровной Б., младшею изъ трехъ сестеръ бѣдныхъ дѣвушекъ проживавшихъ въ разныхъ богатыхъ домахъ. * Эта Софья Александровна была съ Лермонтовымъ очень интимна. Многія продѣлки молодыхъ сорванцовъ были ей извѣстны. Эту сторону своей жизни, позднею вослѣтой въ *Сашкѣ* **, Лермонтовъ изобразилъ въ очеркѣ московскихъ кутежей Печорина. Конечно онъ и тутъ наложилъ краски слишкомъ густо. Эти похожденія составляли далеко не главную и не характерную часть московской жизни поэта... и въ сущности не отличались отъ похожденій тысячи девятнадцатилѣтнихъ юношей. Въ романѣ своемъ онъ ихъ выдвинулъ потому что опять-таки характеризовалъ не себя, а моднаго дэнди, Печорина. Такъ въ Фаустѣ мы находимъ много чертъ самого Гёте, а въ Мефистофелѣ—характеръ пріятеля его Мерка. Нельзя же отождествлять изображеніе героя съ натурщикомъ коимъ пользовался художникъ. Въ этомъ отождествленіи ошибка которую такъ часто дѣлають люди, принимая Печорина за Лермонтова. Весьма неодобрительно отношеніе автора къ своему герою выражается въ выписанномъ выше отрывкѣ изъ той части повѣсти гдѣ характеризуется отношеніе Печорина къ Негуровой и гдѣ вся суть суда надъ нимъ заключается въ словахъ: „въ нашемъ бѣдномъ обществѣ фраза: онъ погубилъ столько-то репутацій, значитъ почти: онъ выигралъ столько-то сраженій“.

Просмотрѣвъ пружины дѣйствующія въ повѣсти *Княгиня Лиговская*, надо сознаться что для тѣхъ кто узнавалъ себя или знакомыхъ въ его сочиненіяхъ, поэтъ долженъ былъ представляться чрезвычайно злостнымъ, „нарисовавшимъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ“ и не ложась—прибавлю я—ни себя, ни другихъ. Но вѣдь „знакомые“ въ произведеніяхъ писателя видятъ только цѣль

* См. VI главу моей біографіи Лермонтова. Къ Софьѣ Александровнѣ писаны III и IV письма въ *Соч. Лерм.*, изд. 1880 года.

** *Русская Мысль* 1882 года, январь.

заниматься ими и выставить ихъ въ томъ или другомъ свѣтѣ. Рѣдко кто въ состоянiи подвнаться до того уровня чтобы свободно взглянуть на творчество писателя и понять что творимые имъ образы будутъ тѣмъ менѣ блѣдны чѣмъ болѣе они представляютъ рядъ этюдовъ списанныхъ съ натуры. Модель служившая художнику забывается—видать одну картину; ознакомленіе же съ моделью важно для тѣхъ кто глубже вдумывается и изучаетъ и твореніе, и творца. По-нятно что адмиралу Чичагову могло быть неприятно когда онъ прочелъ басню Крылова *Щука и Котъ* и узналъ что въ щукѣ съ обѣдненнымъ мышами хвостомъ изображенъ онъ, навязавшійся ловить Французовъ и потерявшій въ ловѣ ихъ обозъ свой. Неприятно должно-быть было и тому меценату-вельможѣ который, выслушавъ чтеніе Крыловымъ лучшихъ басней, посоветовалъ ему поучиться у Дмитріева; а потомъ узналъ что на него написана басня *Оселъ и Соловей* и что онъ-то самъ и послужилъ моделью для осла, который, „устанавливаясь въ землю лбомъ“, даетъ соловью советъ поучиться у лѣтуха. И что же, неужели эти басни только и имѣютъ значеніе обиды для Чичагова и вельможи? Большинство читателей и не знаетъ пружинъ побудившихъ писателя написать ихъ. Въ томъ-то и дѣло что пружины эти были лишь поводомъ, а не причиной творчества. Творчество шире личнаго элемента; чѣмъ болѣе зрѣетъ талантъ, тѣмъ шире его твореніе, тѣмъ болѣе оно имѣетъ общечеловѣческой, а не частный интересъ. И все-таки любопытно узнать связь между личною жизнью автора и его творчествомъ.

Печоринъ и прочія лица въ *Герое нашего времени* давно признаны типами общаго интереса. Романъ давно сталъ знаменитымъ и переведенъ на европейскіе языки. Чѣмъ больше зрѣлъ Лермонтовъ, тѣмъ болѣе сокращался въ произведеніи его элементъ лично пережитаго. Давно задуманное созданіе выросло, окрѣпло, получило широкое значеніе и вотъ потому-то и любопытно узнать какъ начали слагаться черты романа съ самаго начала. Печоринъ въ *Герое нашего времени* уже выросъ могучимъ развѣсистымъ деревомъ, высоко раскинувшимъ вѣтви свои надъ далеко раскинувшимися корнями. Печоринъ въ *Княгиню Лиговскую* только-только показывается надъ почвой личной жизни, и его зеленѣющіе листочки едва раскрылись надъ чуть-чуть двоающимися корнями.

ПАВЕЛЪ ВИСКОВАТЫЙ.

РОМАНЪ

ИЗЪ ЭПОХИ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

Переломъ, правдивая исторія, Б. Маркевича.

Никто, полагаю, не найдетъ страннымъ если я скажу что люблю романы г. Маркевича вообще и спеціально послѣдній изъ нихъ. Получивъ книжку *Русскаго Вѣстника*, я прежде всего искалъ есть ли въ ней продолженіе *Перелома*, какъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ я искалъ продолженіе *Четверти вѣка назадъ*. И многіе, очень многіе читатели *Русскаго Вѣстника* дѣлали то же самое. Объ этихъ двухъ романахъ шла толка, споры; книжки журнала въ коихъ печатались *Переломъ* циркулировали по городу и возвращались порядочно истрепанными. И это не смотря на почти постоянно неблагоклонные отзывы фельетонистовъ-рецензентовъ!...

Какая же причина, не говорю неблагоклонности газетныхъ цѣнителей нашей литературы (объ этомъ можно поговорить когда-нибудь отдѣльно), а сочувствія читающей публики къ романамъ и особенно къ послѣднему роману г. Маркевича? Причинъ этому много. Прежде всего очень пріятенъ общій тонъ, общій колоритъ этихъ разказовъ; пріятно отсутствіе въ нихъ предвзятыхъ антипатій, отсутствіе до нестерпимости надоѣвшей извѣстнаго рода тенденціозности, отсутствіе этой желчности

которую наши беллетристы вносятъ въ изображеніе даже такихъ общественныхъ сферъ которыя должны бы повидимому возбуждать въ нихъ сочувствіе. Далѣе, тѣмъ которые читаютъ не одинъ *Русскій Вѣстникъ*, но и другіе наши журналы, пріятно, читая г. Маркевича, почувствовать себя наконецъ въ средѣ людей вообще благовоспитанныхъ, которую такъ усердно игнорируютъ беллетристы *Вѣстника Европы*, *Отвѣтственныя Записки* и проч. Можно бы привести и еще нѣсколько причинъ того сочувствія съ коимъ читающая публика относилась къ новому роману г. Маркевича, но довольно и того что сказано дабы понять, съ одной стороны, какъ антипатичны должны быть повѣсти и романы нашего автора критикамъ и рецензентамъ извѣстнаго лагеря, а съ другой, почему эти повѣсти и романы, особенно послѣдніе, не взирая на усердныя старанія критиковъ и рецензентовъ извратить вкусъ читающей публики, читаются ею съ несомнѣннымъ сочувствіемъ.

Среда изъ которой г. Маркевичъ черпаетъ сюжеты своихъ повѣстей и романовъ—это болѣе или менѣе достаточное помѣстное дворянство, къ которому примыкаютъ съ одной стороны аристократическія, высокоадминистративныя и придворныя сферы, а съ другой—болѣе или менѣе мелкія сошки изъ дворянскаго же сословія, губернскіе и уѣздные чиновники, московскіе оригиналы, члены Московскаго Англійскаго клуба, приживальцы и приживалки неизвѣстнаго происхожденія и пр. и пр. Сфера, какъ видно, весьма обширная, да притомъ и въ высшей степени интересная, даже важная. Это та самая среда которую мы встрѣчаемъ въ романахъ графа Л. Толстаго и въ лучшихъ повѣстяхъ г. Тургенева, среда, которую впервые указалъ авторъ *Отъаина*,—наше русское gentry, разношерстная, разнообразная, обилающая и свѣтомъ, и тѣнью, чертами симпатичными и антипатичными. Во всякомъ случаѣ это краеугольный камень Русскаго народа, основной устой нашего національнаго зданія, та именно часть всякаго цѣлаго которая и сохранила добрую долю завѣтовъ старины и въ то же время открыта для дальнѣйшаго развитія; это мы сами со всѣмъ нашимъ самобытнымъ дурнымъ и самобытнымъ хорошимъ, со всѣми промахами неизбѣжными при начинаніяхъ и попыткахъ, при добываніи будущаго. Никто не думаетъ противиться тому чтобы наши беллетристы заглядывали и въ другія сферы, изучали ихъ и извлекали изъ нихъ сюжеты

для своихъ повѣстей и романовъ; всякому здравомыслящему человѣку весьма интересно познакомиться и съ крестьянскимъ міромъ, и съ купеческою средой, и со средой нашего духовенства, нашего мелкаго чиновничества и т. д., и весьма жаль что г. Маркевичъ мало ихъ касается; онъ, безъ сомнѣнія, нашелъ бы и въ русокомъ мужикѣ, и въ мѣщанинѣ, и въ сельскомъ дьячкѣ черты болѣе симпатичныя чѣмъ тѣ которыя вообще сообщаютъ имъ прочіе беллетристы. Mais, la plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a. Сфера наблюденій у г. Маркевича нѣсколько уже чѣмъ у графа Л. Толстаго, но она несравненно обширнѣе чѣмъ у большей части нашихъ беллетристовъ. Въ *Переломѣ* мы видимъ, и притомъ въ числѣ не послѣднихъ дѣйствующихъ лицъ простую служанку (Анфису) и приживалку, а съ другой стороны—графа Наташанцева, аристократа отъ маковки до пятокъ; нѣсколько министровъ мелькаютъ предъ нами и не въ видѣ бесловесныхъ тѣней; предъ нами нѣсколько московскихъ жуировъ, нѣсколько помѣщиковъ, исправникъ, юный революціонеръ, консерваторъ стараго времени, представитель либерализма двадцатыхъ годовъ, петербургскіе военные и гражданскіе карьеристы, московскія барыни, столичныя фрейлины, игуменья. Это ли тѣсная сфера? Она малымъ чѣмъ тѣснѣе сферы *Войны и Мира*. Очевидно съ нею не могутъ въ этомъ отношеніи идти въ сравненіе ни крестьянская, ни какая-либо другая спеціальная сфера. Но дѣло не въ длинѣ и ширинѣ только изучаемаго объекта, а и въ глубинѣ его; или, пожалуй, не въ глубинѣ собственно, а въ обиліи *плановъ*, говоря языкомъ живописцевъ, и въ разнообразіи *тоновъ* изображаемой картины. Постараюсь выяснитъ мою мысль примѣромъ. И полудикій Негръ, и современный образованный Европеецъ радуются и плачутъ, желаютъ, завидуютъ, умиляются, клеветуютъ, убиваютъ,—и однако изъ быта ли дикихъ Негровъ, или изъ быта цивилизованныхъ Европейцевъ удобнѣе написать романъ или драму, и которая изъ этихъ двухъ драмъ или романовъ представитъ болѣе серіознаго интереса? Очевидно, быть Европейца представитъ писателю и несравненно болѣе матеріала, и драма или романъ изъ европейскаго быта покажется намъ несравненно занимательнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, въ образованномъ человѣкѣ совершаются и несравненно болѣе разнообразные и сложные психологическіе процессы, чѣмъ въ человѣкѣ неразвитомъ. Дикарь разсердится, закрежетъ зубами, глаза его

нальются кровью, и онъ пуститъ камень въ предметъ своего гнѣва: изъ чего тутъ составить драму, если драма есть изображеніе борьбы страстей и если душа человѣческая есть главнѣйшій объектъ романа? Напротивъ, между зарожденіемъ вражды въ сердцѣ образованнаго человѣка и убійствомъ — какаа громадная психологическая дѣйствица, какаа борьба, сколько внутреннѣхъ мукъ! какаа болѣзненная работа ума, дабы оправдать задуманное преступленіе предъ собственною совѣстью и скрыть его отъ правосудія! Въ известной мѣрѣ то же сравненіе можно сдѣлать между средой образованною и средой необразованною, напримѣръ крестьянскою. Конечно, нашъ крестьянинъ (хоть его съ нѣкотораго времени и представляютъ то идиотомъ, то близкимъ къ дикому состоянію) не дикарь, и психологическія функціи въ немъ сложнѣе чѣмъ въ Негрѣ; но все-таки онъ гораздо болѣе непосредственный человѣкъ, чѣмъ человѣкъ прошедшій школу сомативной, глубокихъ думъ, утраченыхъ вѣрованій. Можемъ ли мы представить себѣ романъ изъ крестьянскаго быта съ такою тонкою психологическою работою, какою находимъ въ романахъ Достоевскаго? Помните ли, между многими другими, одну сцену изъ *Детства* графа Толстаго? Мать Николайки, которую чрезвычайно любилъ онъ, умерла; онъ сильно и искренно горевалъ о ней, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наблюдалъ какое впечатлѣніе производятъ на другихъ, прѣзжавшихъ на ланциды, его горе и слезы. Мало того, въ одно и то же самое время онъ презиралъ себя за это чудовищное смѣшеніе добрыхъ, чистыхъ чувствъ съ эгоизмомъ и тщеславіемъ... Спрашиваемъ, осмѣлится ли кто-нибудь вложить въ душу крестьянскаго мальчика такіа противорѣчія, такое разнообразіе ощущеній, такое сплетеніе святыхъ и презрѣнныхъ наклонностей? И не очевидно ли что этотъ Николайка, сдѣлавшись большимъ, представить мыслящему беллетристу несравненно болѣе матеріала чѣмъ крестьянскій парень, который за то будетъ несравненно цѣльнѣе и плодотворнѣе.

Но это не все. Психологія психологіей, — необходимо выразить психологическую работу словами. Въ словарь образованнаго общества нужныа для этого выраженія имѣются, но въ словарь крестьянъ ихъ нѣтъ; писателю приходится или снабжать, подобно Жоржъ Санду, своихъ крестьянъ такимъ развитіемъ какаго въ дѣйствительности они не имѣютъ, или ограничиваться въ сферѣ психологическаго анализа одними

лишь крупными штрихами. Возьмемъ примѣръ. Талантливый и опытный писатель, г. А. Потѣхинъ, напечаталъ въ *Вѣстникѣ Европы* романъ, изъ крестьянскаго быта, подъ заглавиемъ: *Молодые Побѣги*. Въ этомъ романѣ имѣется ковечко и пара влюбленныхъ. Почему же не быть имъ? Крестьянскій парень можетъ влюбиться въ крестьянскую дѣвушку; она можетъ оказаться деревенскою кокеткой, а онъ можетъ ревновать и страдать: все это въ порядкѣ вещей и нисколько не нарушаетъ правдоподобія. Но вотъ гдѣ бѣда. Какъ только Федоръ начнетъ разсыпаться въ своихъ чувствахъ предъ Параней, а она—дразнить или ласкать его, какъ только изъза кулисъ начинаютъ показываться психологическія тонкости,—авторъ, желающій быть реальнымъ, принужденъ либо рѣзкими точками изображать данный психологическій процессъ, либо заставить своихъ влюбленныхъ замолчать отъ избытка чувствъ, заставить Парашу „прикусить языкъ“, а Федора „лоблѣднѣть какъ полотно“, да развести руками. Я ужъ не говорю о томъ что въ моменты сравнительно менѣе интенсивнаго волненія парочка г. Потѣхина обмѣнивается куда какими странвыми выраженіями. Федоръ хочетъ напрымѣръ сказать Парашѣ: „Какъ вы хороши, какая вы красавица!“ а говоритъ лишь: „вѣдь эдакая вы какаа!..“

А вотъ Ашанинъ съ Ольгой Еллидифоровной или Троекуровъ съ княжной Кирой не затрудняются находить выраженія и для простыхъ любезностей, и для ревности, и для нѣжности, и для самыхъ сложныхъ чувствъ и отгѣнковъ ихъ. Припомнимъ сцену послѣдняго свиданія Троекурова съ Кирой, или первую встрѣчу того же Троекурова съ Ольгой Еллидифоровной, или разказъ той же Ольги Ашанину о своей прежней жизни, о своихъ увлеченіяхъ, о своей любви къ Наташанцеву—и подумайте могъ ли бы г. Потѣхинъ найти въ сердцахъ Федора и Парани то разнообразіе чувствъ, ту сложность желаній и побужденій, ту игру цвѣтовъ и тѣней; а еслибъ (чего невозможно допустить) онъ и нашелъ ихъ, то гдѣ взялъ бы онъ слова для изображенія всего этого на крестьянскомъ языкѣ? Найдется ли въ понятіяхъ челоувѣка не пережившаго вліянія Байрона и Лермонтова сознаніе что ему „стыдно“ чувствовать себя такъ счастливымъ? А это странное сознаніе шевельвалось въ умѣ Троекурова когда онъ обмѣнивался словами любви съ будущей женой своею, и это странное сознаніе не неправдоподобно, не

выдуманъ авторомъ, а напротивъ, прекрасно указывается въ характеристикѣ Троекурова. Нѣтъ, что бы ни говорили, самымъ благодарнымъ съ точки зрѣнiя автора и самымъ интереснымъ для читателей объектомъ романа и драмы была и будетъ у насъ среда достаточнаго провинціальнаго дворянства, лублика Москвы и губернскихъ городовъ, сфера такъ-сказать центральная, къ которой сверху, снизу и съ боковъ примыкають и высшiя аристократическiя и придворныя сферы, исключительно занимавшiя беллетристовъ 20—30 годовъ, съ Марлинскимъ во главѣ, и сфера бѣдныхъ чиновниковъ, дверь въ которую отворилъ нѣкогда Гоголь, и „темное царство“ открытое г. Островскимъ, и удивленный мірокъ духовенства, куда первый ввелъ насъ г. Лѣсковъ. Эта центральная сфера есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сказано, и самая обширная и наиболѣе поддающаяся наблюденiямъ, потому что наблюдатели живутъ почти исключительно въ ней, и наконецъ самая занимательная для читателей, потому что читающая лублика главнымъ образомъ и составляетъ эту сферу. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ не крестьяне же читають наши повѣсти и рассказы, смотря на наши драмы и комедiи; а намъ, читателямъ повѣстей и романовъ и посѣтителямъ театровъ, все-таки интереснѣе всего мы сами, интереснѣе уже потому одному что мы себя знаемъ и слѣдовательно понимаемъ правду ли говорятъ о насъ или нѣтъ. А кто рѣшитъ, вѣрно ли то воззрѣнiе на русскiй крестьянскiй міръ которое возобладало въ послѣднее время? Точно ли справедливо что на всемъ пространствѣ Русской земли мужикъ сплился и изворовался, обнищалъ да и погаулѣлъ тоже, ибо если вѣрить г. Успенскому и его послѣдователямъ, то у насъ только осталось два тила въ крестьянствѣ—или мужикъ-кулакъ, то-есть мерзавецъ, или мужикъ-идіотъ. А вѣдь не такъ еще давно вовсе не такими являлись русскiе крестьяне не только подъ перомъ славянофиловъ-народниковъ, но и подъ перомъ западника г. Григоровича. Кто же правъ—г. Успенскiй и К^о или г. Григоровичъ? Оба эти писателя живутъ, сколько извѣстно, не среди крестьянъ и могли слѣдовательно наблюдать ихъ лишь урывками, случайно навѣзая въ деревню.

Но возвратимся къ роману г. Маркевича. Задумывая этотъ романъ онъ очевидно имѣлъ въ виду двойную цѣль—изобразить одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ современной исторiи нашей и вмѣстѣ съ тѣмъ развить и разработать нѣсколько

личностей принадлежащихъ къ этой эпохѣ. Поэтому, кромѣ общихъ требованій основанныхъ на законахъ искусства, мы считаемъ себя въ правѣ поставить вопросъ о томъ вѣрна ли историческая часть романа, правильно ли уловленъ и правдиво ли переданъ избранный авторомъ историческій моментъ. Этотъ моментъ обнимаетъ окончаніе подготовительныхъ работъ по освобожденію крестьянъ и первые два послѣ обнародованія Положенія 19 февраля 1861 года. Грандіозная задача! Г. Маркевичъ былъ очевидцемъ этой эпохи и, очевидно, серьезно подумалъ о томъ какъ передать ее. Еслибы такую задачу поставилъ предъ собой историкъ, онъ безъ сомнѣнія предпослалъ бы своему изслѣдованію очеркъ непосредственно предшествовавшей эпохи, той когда зародилось сознаніе необходимости реформы. Такъ же сдѣлалъ и г. Маркевичъ: картинѣ эпохи *Перелома* онъ предпослалъ, какъ бы въ родѣ введенія, картину русскаго общества за *Четверть столѣтія назадъ*. Пространство раздѣляющее эти двѣ эпохи не велико; отчасти одни и тѣ же лица дѣйствуютъ въ обоихъ романахъ, другіе дѣятели *Перелома* если и принадлежали къ болѣе молодому поколѣнію и въ *Четверть столѣтія* еще не появлялись, то про нихъ можно сказать словами Жуковскаго:

Духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ...

И однако, среди какихъ новыхъ условій приходится жить и дѣйствовать людямъ эпохи *Перелома*! Условій не только новыхъ, но еще не установившихся, не опредѣлившихся! О, какое это было славное, но и трудное время! Совѣсть и убѣжденіе говорили что верховная власть совершаетъ актъ высокой справедливости, и притомъ такой который принесетъ отечеству неисчислимую пользу; но всякій чувствовалъ что подъ ногами у него колеблется почва, что какія-то подземныя силы рвутся наружу и начинаютъ раскапывать то что казалось наиболѣе неизблѣмымъ. Одни съ ликоваемъ повеселись на гребнѣ хлынувшей волны, крича: „прочь съ дороги!“ другіе тревожно сторонились и думали: не въ революціонный ли потокъ мы вступаемъ?... Будущій историкъ разкажетъ нашимъ дѣтямъ все что дѣлалось, все что думалось, все чего страшились въ эту знаменитую и любопытную эпоху, разкажетъ съ олимпійскимъ спокойствіемъ подобающимъ историку, руководствуясь строгимъ всестороннимъ изученіемъ данныхъ; а покажетъ не безбоязненно романисту начертать картину этой эпохи, характеризуя ее средствами

представляемыми искусствомъ. Вѣрно ли характеризовалъ ее, эту эпоху, г. Маркевичъ, объ этомъ возможны споры. Они даже неизбежны, ибо надъ ней еще не произнесенъ приговоръ исторіи. Во всякомъ случаѣ надо отдать нашему автору справедливость что въ его картинахъ мы встрѣчаемъ представителей всевозможныхъ существовавшихъ въ оное время возрвнй на великую освободительную реформу. Мы видимъ „старого московскаго лашу“, представителя государственныхъ взглядовъ предшествовавшей эпохи, остзейскихъ бароновъ, стоящихъ у власти сановниковъ-охранителей, другихъ у власти стоящихъ сановниковъ-доктринеровъ либерализма, чиновниковъ-радикаловъ, женщинъ ударяющихся въ политику, разогорченныхъ и раздраженныхъ помѣщиковъ, „просвѣщенных“ жандармовъ и исправниковъ, тайно локровительствующихъ революціоннымъ агентамъ. Эти лица искусно сгруппированы и высказываютъ свои возрвнія въ оживленныхъ бесѣдахъ, въ спорахъ, въ мастерски вѣденныхъ сценахъ, каковы напримѣръ сцена въ нарядномъ салонѣ Ольги Елпидифоровны въ день смерти „Якова Ивановича“ (графа Ростовцева), въ старомодной гостиной гжи Лукьяновой, каковы бесѣды Киры Кубенской съ Гундуровымъ, съ Привархомъ Овцынымъ, съ графомъ Анисимовымъ, каковы эпизоды арестованія молодого Юшка, крестьянскихъ беспорядковъ, и т. д. Авторъ не вводитъ читателя въ кабинеты министровъ, въ залы совѣщаній; какъ Самаровъ; современные дѣятели не являются у него, какъ у графа Л. Толстого, подъ собственными именами, да и вообще г. Маркевичъ заставляетъ болѣе говорить о нихъ чѣмъ ихъ самихъ; но каждый изъ нихъ очерченъ такъ характеристично что человекъ жившій въ С.-Петербургѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ не можетъ не узнать всѣхъ этихъ князей Черниговскихъ, Ляпутиныхъ, Бековичей, Анисимовыхъ, Вилиныхъ, Прытковыхъ, Павлиновыхъ, Ягивныхъ и т. д. Очевидно, г. Маркевичъ самъ вращался въ разнообразныхъ сферахъ въ описываемую имъ эпоху и лично наблюдалъ то что говорилось и тѣхъ о которыхъ говорили; поэтому и совокупность словъ, дѣйствій и взаимныхъ отношеній тогдашнихъ дѣятелей, а также того что говорится о нихъ и по ихъ поводу, все это производитъ впечатлѣніе чрезвычайно живое, волшебна перебрасываетъ читателя лѣтъ на двадцать назадъ, въ ту роковую эпоху когда зараждалось и многое хорошее, и многое дурное, частью уже раскинувшееся и частью еще раскинуться

имѣющее. Но если нашъ авторъ вполнѣ дома среди петербургскаго и московскаго общества начала шестидесятыхъ годовъ, если ему коротко знакомы высшія сферы администраціи и столичнаго high life, то, — справедливость обязываетъ сказать, — онъ менѣе освоены съ тѣми сферами въ которыхъ сформировался Иринархъ Овцынъ. Чтобы охарактеризовать эти сферы, онъ прибѣгаетъ къ выпискамъ изъ „прогрессистскихъ“ журналовъ того времени, тогда какъ типическія черты того что принято называть обществомъ онъ характеризуетъ образами, и образами начертанными рукой твердую, увѣренною.

Впрочемъ романъ хотя бы и историческій — не исторія, и намъ пора заняться главными дѣйствующими лицами *Передома*. Ихъ четыре: Ольга Елпидифоровна Ранцева, Троекуровъ, жена его и княжна Кира Кубевская. Начнемъ со старой знакомой нашей, Ранцевой. Мы познакомились съ ней въ предшествовавшемъ романѣ нашего автора; она была тогда еще молодою дѣвушкой, очень хорошенькою, чрезвычайно бойкою („шалуньей“, какъ называлъ ее тогдашній „московскій паша“) и безгранично самонадѣянною. Дочь уѣзднаго исправника (потомъ московскаго частнаго пристава), она рвалась изъ родной среды — куда? она еще сама не знала, но выше, выше, ближе къ солнцу, туда гдѣ блескъ и сіяніе, гдѣ роскошь и громкія имена. Первымъ шагомъ на этомъ пути былъ домъ княгини Шастуновой; тамъ съ нею встрѣчается молодой, еще только начинающій дѣлать карьеру графъ Анисимовъ. Онъ слегка приволакивается за ней и уговариваетъ переселиться въ Петербургъ, гдѣ такой „большой корабль“ только де и можетъ найти соответствующее „плаванье“ и гдѣ онъ, Анисимовъ, можетъ ей быть полезнымъ, если конечно она согласится купить его содѣйствіе цѣной своей любви. Ольга выслушиваетъ это предложеніе безъ гнѣва и смущенія, но съ твердымъ намѣреніемъ воспользоваться Анисимовымъ не давая ему на себя правъ; а такъ какъ не ловко же ей, дѣвушкѣ, поселиться въ Петербургѣ одной, то она не долго думая выходитъ замужъ за страстно влюбленнаго въ нее и довольно богатаго капитана Ранцева.

И вотъ въ новомъ романѣ г. Маркевича, примѣрно 10 лѣтъ спустя, мы встрѣчаемъ ее въ бельэтажѣ италіанской оперы. Красота ея въ полномъ блескѣ; военная молодежь не сводитъ съ нея своихъ биноклей, а во время антрактовъ les plus

favorites толкуются въ ея ложѣ; на ея брилліанты бросаютъ украдкой завистливые взоры чистокровныя аристократки. Репутація ея двусмысленна, правда; въ манерахъ суетащейся около нея гвардейской молодежи слишкомъ много фамиллярности; но это послѣдствія еще первыхъ годовъ ея жизни въ Петербургѣ. Съ наступленіемъ новой эпохи перелома, при новой соціальной группировкѣ, Ольга Еллидифоровна значительно видоизмѣняетъ свою роль. Теперь не до шалостей, не до ужиновъ съ ковно-гвардейцами, не до катаній на тройкахъ съ гусарами; весь Петербургъ, вся Россія возбуждена приближающимся освобожденіемъ крестьянъ. Да и независимо сферы крестьянскаго вопроса, вездѣ чувствуется ожиданіе чего-то новаго; ежедневно зараждаются какіе-то новые вопросы, откуда-то являются какіе-то новые, никому неизвѣстные люди, громко предъявляются какія-то новыя требованія. Общество раздѣляется на двѣ большія партіи, на партію людей довѣрчиво, увѣренно смотрящихъ впередъ, и на партію тѣхъ кто или вовсе не сочувствуетъ великой готовящейся реформѣ, либо сочувствуя ей въ принципѣ недоволенъ условіями въ которыя она поставлена и опасается ужь слишкомъ большаго числа предъявляемыхъ отовсюду требованій. И личныя симпатіи Ольги, и ея знакомства въ кругу молодыхъ и немолодыхъ петербургскихъ жуировъ опредѣляютъ новое ея положеніе. Въ салонѣ ея появляются между прочимъ и „статскій генералъ Прытковъ“, ближайшій помощникъ главы консерваторовъ „Алексѣя Федоровича“, и успѣвшій уже значительно выдвинуться карьеристъ Анисимовъ, и какой-то видный дѣятель „по выборамъ“, и остзейскій патріотъ съ большими связями при дворѣ, и нѣсколько депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, и пожилой аристократъ pur-sang графъ Наташанцевъ. Въ одномъ изъ петербургскихъ дворцовъ гдѣ близко слѣдятъ за ходомъ событій, ее, Ольгу Ранцеву, дочь частнаго пристава, удостоиваютъ называть Mme Roland... du parti progressif. И хоть эта партія есть партія progressif, а она, Ольга Ранцева, дочь частнаго пристава, но она получаетъ приглашенія изъ этого дворца на большой костюмированный балъ, съ нею нѣсколько минутъ разговариваетъ сама хозяйка этого дворца. Вотъ какъ выдвигаются, вотъ какіе скачки дѣлаютъ люди въ эпохи общественныхъ перестроекъ.

Но все это событія внѣшнія, одинъ такъ-сказать формуляръ

Ольги Елцидифоровны; заглядѣвъ въ ея внутренній міръ. На мужа своего, отставнаго армейскаго офицера, котораго она сдѣлала впрочемъ камеръ-юнкеромъ, она смотритъ отчасти какъ на свою доходную статью, а еще болѣе какъ на источникъ своего права пользоваться полною свободой. Она пользуется этою свободой, но въ цѣлостныхъ довидимому границахъ. Сколько мы можемъ быть судьи въ такомъ темномъ дѣлѣ, она была въ некоторое время въ связи съ однимъ только Троекуровымъ. Послѣ продолжительной разлуки она встрѣчаетъ его въ театрѣ и задываетъ окончить вечеръ къ себѣ. На этомъ вечерѣ, находясь съ нимъ съ глазу на глазъ она замѣчаетъ что онъ довидимому задѣтъ болѣе чѣмъ-то другимъ. Убѣдившись въ этомъ она начинаетъ расточать предъ Троекуровымъ всевозможныя соблазны и доводя его до полноты экзальтаціи, вдругъ вырывается изъ его объятій со словами: „Ужъ если разрывъ, такъ не отъ васъ, а отъ меня. Я хочу разрыва, Борисъ Васильевичъ.“

Такова Ольга Елцидифоровна. По силѣ воли и честолюбію она достойна быть гжой Роланъ даже и не рагі реггиче. Ея ловкость, вкрадчивость, ея смѣлость, рѣшительность, практичность, обрисованы въ цѣломъ рядѣ сценъ первой части *Переломъ*, изъ коихъ мы выносимъ весьма полный и опредѣленный образъ, который есть развитіе образа уже знакомой намъ по прежнему роману Ольги. На съ первыхъ главъ второй части *Переломъ* образъ Ольги начинаетъ значительно видоизмѣняться и обогащаться совершенно неожиданными симпатичными чертами. Въ нее влюбляется старшій графъ Наташадцевъ, аристократъ по крови, воспитанію и привычкамъ, личность чрезвычайно симпатичная и мастерски обрисованная авторомъ, хотъ и не выдвинутая на первый планъ. Подъ вліяніемъ тихой, но преданной и, если можно такъ выразиться, въ высшей степени *благовоспитанной* любви этого чедовѣка, любви чрезвычайно дестрой для Ольги, ибо онъ предлагаетъ ей жить съ сердцемъ и свою руку, и свое имя, подъ вліяніемъ, говорю, этой любви, Ольга какъ будто перерождается. Она попрежнему отстраняетъ свою офицерскую свиту, не позволяетъ себѣ тѣхъ развязныхъ выходокъ, того буйнаго смѣха, тѣхъ цыганскихъ замашекъ, которыя приводили въ восхищеніе зодотурь молодѣжь. Она успокоивается, остепеняется, входитъ въ границы

„Страсть такого человека какъ Наташанцевъ и льстила ей, и подымала въ обостренныхъ глазахъ, и назвала на нос цѣли, которыми никогда не знала она до сихъ поръ“. Она понимаетъ что „ей надо завоевать ту степень респектабельности при которой честолюбивыя цѣли ея могли бы быть достигнуты, не возбуждая слишкомъ отчаянной оппозиции...“ „Честолюбивыя цѣли!“ Итакъ Ольга еще не переродилась, она все еще авантюристка; но эта никому и никому до сихъ поръ не подчинявшаяся женщина добровольно наложилла на себя цѣли нравственного долга; она почувствовала потребность податься въ собственныхъ глазахъ и это не безцѣлнца. Чтѣ же одолѣеть въ ней, Арманъ или Ормуадъ? Намрение Наташанцева жениться на Ольгѣ Елицифоровнѣ соорить его съ семействомъ и даже вызываетъ неодобрение „en haut lieu“, и не взирая на все это онъ остается непреклоненъ. „*Unser ange, говорить оми Ольгѣ, j'ai été un fidèle serviteur de mes maîtres pendant 30 ans, и они не могутъ сомнѣваться въ моей преданности... но я никому, никому не пожертвую моею любовью къ вамъ!*“

Болше сильнаго доказательства этой любви Наташанцевъ не могъ дать, и это очень дорого пошла Ольга и вложилла сфинкда. „Онъ безъ мнѣ почаетъ и понимаетъ это, говоритъ она себѣ,—онъ мнѣкъ и слабонервенъ какъ женщина, страдаетъ и мыслью отойти отъ мнѣ, и тѣмъ что они могутъ дочестъ его неблагодарнымъ... болше же редко боленью мнѣ его забудуть, что прежнее не вернется для него никогда... И все это дорогов, завѣтное, потребное ему какъ хлѣбъ насущный, онъ приносить въ жертву изъ-за мнѣ и мнѣ, мнѣ одной!“ Наташанцевъ предлагаетъ Ольгѣ оставить Петербургъ и поселиться въ Итали на какомъ-нибудь живо цвѣтущемъ островѣ, еслибы они не захотѣли предоставить ей того положенія которое принадлежать графинѣ Наташанцевой... Но въ душѣ этой будущей старде даме уже произшелъ поворотъ, внутренний ея калейдоскопъ встрахнулса, выплнула ея цыцарская натура: „не лучше ли островъ на Сибѣ, ларимокій Ситъ?“ восклицаетъ она со смѣхомъ, и живая фантазия уже рисуетъ ей гуавца въ Булонскомъ лѣсу, балы въ Тюндри, венера у принцессы Мангиды и даже ужины en partie fine... Авантюристка, кокотка еще жива въ Ольгѣ. Ей приходитъ на мысль какъ будетъ бѣситься дочь графа Наташанцева, когда узнаетъ

о ея свадьбѣ и ея услѣхахъ въ Парижѣ, „что взапа, злючка, ободранная котка?...“ И вслѣдъ затѣмъ, когда Наташанцевъ съ отѣвкомъ пренебреженія отозвался о ея мужѣ, объ этомъ великодушномъ человѣкѣ, который любитъ ее съ такимъ самоотверженіемъ что соглашается дать ей разводъ, лишь бы она была счастлива, доброе чувство снова вслыхивается въ этой душѣ измѣнчивой какъ волна.

Но невозможно въ статьѣ имѣющей и другія задачи услѣдить за всеми видоизмѣненіями прихотливой натуры Ольги Еллипидоровны, также какъ невозможно услѣдить за всеми узорами калейдоскопа, или за игрой цвѣтовъ во многогранномъ алмазѣ. Мы можемъ не сочувствовать героинѣ г. Маркевича какъ женщинѣ, но, какъ литературный образъ, какъ объектъ для изученія съ точки зрѣнія искусства, она привлекательна въ высшей степени. Но съ такими субъектами очень трудно справляться не только въ дѣйствительной жизни, но и въ романѣ. Что сдѣлать съ Ольгой въ концѣ концовъ? Выдать за Наташанцева и завершить кругъ ея перерожденій? Едва ли это не было бы насиліемъ надъ правдой; человѣкъ не можетъ переродиться влоанѣ, и относительно основныхъ свойствъ человѣка права пословица: „съ чѣмъ въ колыбельку, съ тѣмъ и въ могилку“. Поэтому г. Маркевичъ обнаружилъ настоящій художественный тактъ, давъ судьбѣ своей героини новую развязку. Наташанцевъ умираетъ и съ нимъ отлетаетъ добрый ангелъ Ранцевой, который, отчасти противъ собственной ея воли, какъ Тамару въ повѣи Лермонтова, оспаривалъ ее у любезнаго ей демона чисто земныхъ житейскихъ наслажденій. Послѣ многихъ перилетій, въ коихъ еще не разъ и при различныхъ условіяхъ, подъ различными углами освѣщенія, появляется предъ нами эта оригинальная особа, она умираетъ любовницей московскаго Донъ-Жуана Ашана.

Можетъ-быть нѣкоторые изъ читателей нашихъ поспѣтуютъ на г. Маркевича за то что онъ не провелъ свою героиню сквозь бракъ съ графомъ Наташанцевымъ, какъ чрезъ горнило очищенія. Такой упрекъ можетъ быть повидимому сдѣланъ въ видахъ нравственности: сила любви очищаетъ де человѣка и особенно женщину. Но не слѣшкомъ ли часто тема всепрощенія звучитъ въ нашей, да и вообще въ современной литературѣ? Не надо забывать какими лишениями, трудами, подвигами, какою безпредѣльною любовью къ новому своему

идеалу Магдалина искупила свое прошедшее. Никакихъ подвиговъ, никакихъ трудовъ и лишеній г. Маркевичъ не могъ бы приписать Ольгѣ Елпидифоровнѣ безъ нарушенія художественной правды, а потому и вписывать ее въ чинъ ангельскій не было никакого повода. Напротивъ,—и въ этомъ опять обнаруживается тактъ нашего автора,—Ольга умираетъ у него какъ въ сущности она и жила—эликурейкою Аспасіей, русскою Ninon de Lenclos, въ изящномъ туалетѣ, среди цвѣтовъ и благовоній, съ недопитою бутылкой шампанскаго, и какъ бы посылая прощальный поцѣлуй отлетающей жизни. „*Courte mais bonne*“,—вотъ исповѣдь умирающей; вотъ формула жизни съ которою она разстается... Но едва ли нашъ авторъ сдѣлалъ хорошо, переплетя описаніе послѣднихъ минутъ ея и трогательнаго свиданія съ нею Ранцева комическими (да и комизма невысокаго сорта) сценами, героиня коихъ старая наша знакомая, Аглая Шастунова. Эти сцены не прибавляютъ ни одной существенной черты ни къ общему ходу романа, ни къ характеристикѣ дѣствующихъ лицъ, и портятъ впечатлѣніе которое производятъ на читателя послѣднія минуты Ольги.

Ольга Елпидифоровна занимаетъ весьма видное мѣсто въ романѣ г. Маркевича, около нея группируется вся обстановка романа; въ ея салонѣ мы знакомимся съ главными историческими дѣятелями эпохи, тамъ слышимъ мы толки о современномъ положеніи дѣлъ и пр. Но интимная сторона романа, чисто психологическая его часть развивается особо отъ нея. Герои этой интимной стороны романа—Троекуровъ, Саша Лукьянова (въ послѣдствіи г-жа Троекурова) и княжна Кира Кубенская. Займемся ими всѣми вмѣстѣ, ибо судьба ихъ сдѣлалась нераздѣльною, и начнемъ съ Троекурова.

Первая молодость Троекурова прошла какъ проходитъ она у большей части офицеровъ богатыхъ гвардейскихъ полковъ: бабы, спектакли, катанья на тройкахъ, ужины en parties fines, эфемерныя любовныя связи, и въ заключеніе усталость, разочарованіе, недовольство всѣмъ начиная съ себя, долги... И вдругъ въ одно прекрасное утро перемѣна декораций: темный армейскій полкъ, куда переведенъ онъ былъ за дурь изъ - за Ранцевой, война, 6 мѣсяцевъ на Севастопольскихъ бастіонахъ, лишенія, кровь, стоны, тулая смерть, разгромъ цѣлаго строя повлчій, преданій и вѣроваій... За то подъ Севастополемъ Троекуровъ „оставилъ навсегда

петербургскаго человека“. Онъ не пожелалъ возразиться въ Петербургъ даже въ качествѣ адъютанта при какой-то высокопоставленной особѣ, но предпочелъ служить на Кавказѣ, тогда еще не замкнутый. Тамъ, подъ вліяніемъ удлинена, чтанія, подъ вліяніемъ серьезныхъ обязанностей и серьезной ответственности, подъ вліяніемъ, наконецъ, близости къ природѣ и близости къ смерти, совершилось окончательное перерожденіе Троекурова, перерожденіе настолько полное, насколько это для человека возможно. Но вмѣстѣ съ вѣдѣтками серьезности и тревожности мысли закрадывается въ душу элидикія нашего вѣка,—злѣба безотчетная и безпримыслимая, обращенная на все и на всѣхъ, начиная съ самого себя. „Я былъ одинъ на свѣтѣ, говоритъ Троекуровъ; матери я лишился ребенкомъ; ни одного нѣжнаго воспоминанія не вынесъ я изъ моего прошедшаго; молѣть меня, за мною, не стояло ни одной, какъ говорится, родной души... и я озлобилась“. Причина къ озлобленію, гораздо больше достаточная чѣмъ у многихъ!... Не родная душа наплака. Въ Бѣлокаменной Москвѣ, среди стерой дворянской семьи сохранившей и родныя преданія, и наследственныя какъ добрыя такъ и дурныя качества, „въ Москвѣ риз-санд“ росла и изъ дѣвочки становилась дѣвушкой Саша Лукьянова. Кромѣ красивой, миловидной наружности она ничѣмъ не выделялась изъ ряда. Природа далеко не была такъ щедра къ ней какъ къ Ольгѣ или Елизаветѣ Кубенской; а воспитанію ея мы ничего не знаемъ; кажется еще было заурядное. Во всякомъ случаѣ, не „последнія слова науки“ и не прозвѣнія современныхъ реформаторовъ отразились на ней, а именно эти, изъ глубокой старины нашей идущія преданія, заглядывая въ наше время на задній планъ, но далеко однако не употребленныя. Александра Павловна Лукьянова есть тѣмъ чисто русской женщиной; одѣньте ее въ сарафанъ и отнесите у нея французскую рѣчь, отнесите вообще современную обстановку, и предъ вами женщина допетровской Руси. Такихъ женщинъ еще не мало у насъ; онѣ не играютъ и не могутъ играть видной роли въ романахъ и драмахъ; онѣ не бросаются въ глаза и въ действительной жизни, но въ нихъ заключается то „на чемъ зиждется весь человѣчскій строй,—семья, общество, порядокъ“; въ ней чистота и любовь, въ ней энтузіазмъ и сила, которую даетъ энтузіазмъ, въ ней независимость сдѣлокъ съ собственною совѣстью и всегдашняя готовность искать оправданіе другому.

Она, будучи еще почти ребенкомъ, видѣла Троекурова поодаль ея слышала что онъ на войнѣ, что онъ „такой храбрый, благородный“, что онъ раненъ, бѣдный, страдаетъ, можетъ быть близокъ къ смерти... И вотъ эта прелестная дѣвочка, Сашенька Луканова, лижутъ ему изъ Москвы, ходитъ каждый день со своею няней, sous prétexte de promenade, съ Арбата къ Славскимъ Воротамъ стоять Славскую свѣчку о твоемъ выздоровленіи.“ Это романъ „подмаго“ Троекурова: Онъ прѣхаетъ въ Москву, сталъ искать-облаки-нѣ съ Александрой Павловной, но это ему не удавалось пока счастливый случай не сдѣлалъ его наследникомъ орденнаго состоянія; тогда онъ не колебался объясниться съ Александрой Павловной, рассказываетъ что ее участіе воскресило его, вѣдаль прѣво надѣяться „что есть на свѣтѣ существа которае пойдетъ за нимъ!“

„— Хоть на край свѣта“, отвѣчаетъ дѣвушка.

И вотъ молодые Троекуровы живутъ въ деревнѣ, окруженные довольствомъ, счастливые, по крайней мѣрѣ, среди хорошихъ условій для счастья. Александра Павловна и действительно наслаждается иль въ поляхъ мѣрѣ; она боготворитъ мужа, обожаетъ своихъ дѣтей, день ея наполненъ мирными заботами. Но счастливъ ли ее мужъ? да и вообще способенъ ли онъ быть счастливымъ тѣмъ мирнымъ счастьемъ которыми такъ полно наслаждается она? Что привлекло его вниманіе къ Александрѣ Павловнѣ? Не тѣ или другія ее качества, а ее участіе къ нему, тогда одинокому и тоскующему, ее готовность следовать за нимъ „хоть на край свѣта“. Проведя всю молодость среди разнообразныхъ впечатлѣній, впечатлѣній острѣе, ягуче, она теперь начинаетъ скучать; а она даже почти не замѣчаетъ этой скуки, потому что сама не ощущаетъ и тѣни ея. Къ доверженію ее несчастія, рядомъ съ нею находится такая богато одаренная женщина, такая живущая жизни и полная таинственности, какъ княжна Кира. Кира, подобно Троекурову, рано лишилась матери и выросла среди обстановки которая способствовала сильному развитію ее ума и характера, а вмѣстѣ и возбудила въ ней большія требованія отъ жизни. Отецъ ее былъ генераль-губернаторомъ Сибири: Она привыкла въ его домѣ и къ поклоненію своей особѣ, и къ атмосферѣ дворянства, и къ обществу соотчуженныхъ не политическимъ процессамъ, которые у насъ и до сего времени пользуются большимъ исключительнымъ и весьма

вѣдѣнымъ авторитетомъ. Но эта обстановка внезапно изменилась; отецъ Кира умеръ, оставивъ дочери болѣе чѣмъ скромныя матеріальныя средства, такъ что она принуждена была пріютиться въ домѣ тетки своей Лукоминой. Читатель знакомится съ ней въ самый день пріѣзда въ Москву матери и дочери Лукоминыхъ и сразу догадывается что ей предназначена въ романѣ видная роль. Въ красивой, но не симпатичной ея наружности особенно замѣчательны ея глаза „почти зеленые, холодные, какіе-то пронизывающіе и недосагаемые въглотъ съ тѣмъ, которыми она, казалось, могла какъ ясновидица сквозь стѣну читать въ душѣ другихъ, но которые не давали никоимъ образомъ другимъ проникнуть въ свою очередь въ ея душевную глубь.“ Несообщительная, рѣзкая, „дикая“, гордая, она производитъ непріятное впечатлѣніе. „Она несчастлива, говоритъ про нее Троекуровъ, отъ неудовлетвореннаго самолюбія.“

„— Нѣтъ, возражаетъ Александра Павловна, — она точно большая птица засажѣнная въ клетку. Ей бы надо другое общество, простору больше.“

Во всякомъ случаѣ Кира заинтересовываетъ читателя съ перваго раза. Она читаетъ Герцена, она слушаетъ Пшибарха Овцына, этого юнаго революціонера; она какъ будто надѣется приобщить ее къ числу исповѣдицъ „свободной любви“ и въ то же время видимо ея лобачивается... Персева очень интересная, но разгадаешь ее не вдругъ.

И вотъ этому „большому кораблю“ открывается „большое плаваніе“: она покидаетъ Москву, гдѣ только обсуждаются содержащіяся событія, и перебирается въ Петербургъ, къ самой кормѣ государственнаго корабля; она поступаетъ фрейлиной къ одному изъ „малыхъ дворовъ“... Быть фрейлиной! Но можетъ ли принять это званіе гордая женщина, какой и сама себя считаетъ княжна Кубевова. Она понимаетъ что какъ она была на Арбатѣ въ клеткѣ, такъ будетъ и въ **мъ дворцѣ. Но мысль о томъ что она будетъ жить въ тѣхъ сферахъ откуда сыплются солнечныя лучи и падаютъ громы, что она будетъ ежедневно встрѣчаться съ людьми имѣющими право вязать и разрѣшать, какъ вино бьетъ ей въ голову... Тщетныя мечты! Здѣсь въ **мъ дворцѣ она *ближе* (въ прямомъ значеніи этого слова) къ той лабораторіи въ коей вырабатывается велркое, занимающее всю Россію дѣло, здѣсь она дѣйствительно встрѣчаетъ

и считаетъ въ числѣ своихъ знакомыхъ многихъ работающих въ этой лабораторіи, здѣсь она несоразненно скорѣ чѣмъ въ Москвѣ узнаетъ все до этого дѣла касающееся; но что пользы? Ее никто не приглашаетъ къ участию въ этомъ дѣлѣ, никто повидимому не предполагаетъ чтобъ оно особенно интересовало ее... Между тѣмъ получается извѣстіе о назначеніи графа Вилана на мѣсто умершаго „Якова Ивановича“. Въ салонѣ Ранцевой это извѣстіе принято съ торжествомъ. Гундуровъ, съ которымъ Кира нѣсколько сблизилась въ Петербургѣ, отъ этого извѣстія въ отчаяніи,—а Гундуровъ другъ и единомышленникъ Дивютина, князя Бекевича и вообще „партіи прогресса“, къ которой причисляетъ себя и Кира. Что же? неужели она будетъ смотрѣть сложа руки на крушеніе надеждъ „своей партіи“, надеждъ съ которыми связано осуществленіе лучшихъ ея идеаловъ?.. Нѣтъ, она наступила, эта минута когда слѣдуетъ „дѣйствовать“. Теперь или никогда! Кстати на дняхъ будетъ маскированный балъ въ *мѣ дворцѣ: тамъ будутъ *все*, и Кира, подъ покровительствомъ маски, переговорить съ кѣмъ нужно. О! она убѣдитъ, упробитъ, она прожжетъ своими пламенными словами самыя даже нечувствительныя сердца!.. И вотъ мы на знаменитомъ балѣ. Сіяніе свѣчей и газа, сверканіе брилліантовъ, блескъ женскихъ глазъ и обнаженныхъ плечъ, вихоръ танцевъ, толкотня, обрывки разговоровъ, громъ музыки,—армака тщеславія въ полнѣмъ разгарѣ. Но среди всѣхъ этихъ собравшихся здѣсь веселящихся и скучающихъ мушкетъ и женщинъ, вальсирующихъ и праздно толкающихся изъ одной залы въ другую, княжна Кубенская подъ маской и въ черномъ домино скользитъ безучастно, исключительно занятая одною мыслію... и наконецъ находитъ кого ей нужно. Это графъ Виланъ „несуразный, трехполѣнный“, пожилой мушкетъ, преемникъ Якова Ивановича. Кира напрямикъ говоритъ ему что онъ долженъ отказаться отъ новаго назначенія ради уваженія къ самому себѣ, ради славы государя и блага Россіи... Можно вообразить какъ вымучилъ глава „трехполѣнный“ савонникъ на непрощенную совѣтницу... Но вотъ проходитъ высокій калушникъ съ червоннымъ королемъ на груди; что-то сказала Кирѣ что это *Онъ*, тотъ которому ближе чѣмъ всякому другому благо Русскаго народа и который можетъ устроить Вилана однимъ дочеркомъ пера... Неужели случай доставляетъ ей возможность высказать все чѣмъ полна ея мысль?..

О, лишь бы только нашлась въ ней сила неотразимаго убѣжденія, наполнилось тѣ дивными огнями, глыбами, которыми древніе пророки „даги сердца людей“! Еслибы!.. Тогда повторилась бы сцена маркиза Позы и Филиппа II... Но увы! кажутся съ червошнымъ королевемъ на груди не Филиппъ II и не тотъ за кого приняла его Кира; это невѣдомо для чего оставшия да близъ Троекурова...

Что же однако должны мы заключить о Кирѣ? Наша ли мы ключъ къ глубокимъ тайникамъ ея души? Однажды въ разговорѣ съ Троекуровымъ она сказала: „Надо прежде знати и вознаемивать дурное чтобы умѣть дѣлать добро“. Какъ согласить этотъ избытокъ желчности съ только-что разказанною сценою на балѣ, достойною энтузіастки а мечтательницы временъ Пупкинскои Татьяны? Тайники души Кирѣ остаются темными для насъ, но желаніе освѣтить ихъ усиливается. Станемъ же продолжать слѣдить за нею. Ея выходка à la маркизъ Поза огласилась. Высокіе покровители ея сдѣлали гримасу, и что еще хуже, друзья ея, люди ея „парти“ улыбушникомъ: „а смѣшна, смѣшна, смѣшна!“ съ отчаяніемъ потеряла Кира. Она оставляетъ Петербургъ, возвращается на время къ теткѣ своей Лукьяновой въ Москву, потому проживаетъ за границей нѣсколько времени и наконецъ поселяется у Троекурова въ деревнѣ. Какъ-то подвѣстываетъ мирнымъ ихъ уголокъ на эту тревожную душу и что внесетъ она туда?

Александрѣ Павловнѣ мы уже знаемъ, и ничего новаго о ней узнать не можемъ; это женщина цѣльная, „изъ одного куска сдѣланная“, какъ говорятъ Французы. Она не задаетъ себя мучительныхъ вопросовъ, а впрочемъ отвѣты на такіе вопросы затруднили бы ее. Рѣшенія—какъ поступить въ данномъ случаѣ, хорошо ли то и дурно ли это—ей подсказываетъ не умъ, всегда доступный парадоксамъ и колебаніямъ, разнообразнымъ вліяніямъ и увлеченіямъ, а вся совокупность ея натуры. Она не можетъ, наиримѣръ, обмануть, оклеветать, оскорбить человека просто потому что это претитъ ей. Ея внутренній міръ—ясное, голубое, безоблачное небо. Какое завидное счастье, казалося бы! Такъ должно бы быть, но не всегда такъ бываетъ. Между Александрой Павловной и Троекуровымъ, насколько отношенія ихъ раскрыты читателю, въ двухъ первыхъ частяхъ романа, установилась полная гармонія. Подъ потоками любви и душевной красоты своей невѣсты, а потому

жены, умягчается и самъ Троекуровъ. Онъ иногда обнаруживаетъ столько нѣжности, изъ него брызжетъ, такъ сказать, такой избытокъ простодушнаго, непосредственнаго счастья что это иногда озадачиваетъ читателя; ему нужно согласить образъ этого новаго Троекурова съ прежнимъ—бойкимъ, блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ, любовникомъ Ранцевой, севастопольскимъ и кавказскимъ рубакой. Только изрѣдка онъ роняетъ такой твердый и холодный взглядъ на Иринарха Овцына, или такъ коротко и ясно „отрѣзываетъ“ на назойливые разспросы своей будущей тещи что Кира вскидывала на него пытливые взоры и приговаривала: „Вотъ онъ какой!“.. Но эта гармонія не могла продолжаться вѣчно; неизмѣнно голубое, ясное, безоблачное небо—увы,—надобѣдуетъ говорить. Да и не сидѣть же Троекурову безвыходно въ дѣтской! Онъ принимаетъ столь важную въ то время должность мирового посредника и горячо предается своему новому дѣлу. Дѣятельность его въ этомъ званіи характеристична, ее не можетъ оставить безъ вниманія тотъ кто хочетъ серьезно изучить личность Троекурова. Онъ былъ, конечно, не „крѣпостникъ“ и не принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ, впрочемъ, мировыхъ посредниковъ, которые вымещали на крестьянахъ потрясенія произведенныя въ ихъ хозяйствахъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права; онъ не принадлежалъ и къ числу тѣхъ посредниковъ въ глазахъ которыхъ крестьянинъ всегда правъ, а помѣщикъ всегда виноватъ. Нѣтъ, Троекуровъ былъ безпристрастенъ, а въ спорныхъ дѣлахъ между помѣщиками и крестьянами онъ строго держался закона. Но онъ держалъ себя въ отношеніи крестьянъ своего участка не чиновникомъ, не смиреннымъ исполнителемъ воли и возрѣвній мѣстныхъ властей, а *бариномъ*, то-есть человекомъ власть и значеніе котораго истекаютъ не изъ назначенія, а суть естественныя результаты исторіи, основаны на преимуществѣ образованія и богатствѣ, на службѣ отечеству и заслугахъ цѣлаго ряда предковъ, на значеніи той передовой роли которую они играли въ теченіе вѣковъ. Крестьяне всегда находили въ немъ совѣтника и помощника, а когда имъ угрожало притѣсненіе, то и защитника; но они обязаны были безусловно повиноваться ему и знать, что считая власть надъ ними не льготою какою-нибудь, не дарованною ему кѣмъ-либо милостію, а природнымъ правомъ своимъ, онъ эту власть не выпуститъ изъ рукъ и не допуститъ ни обмануть себя, ни увлечь

модными теоріями. И что же? Вы желаете что крестьяне не видят Троекурова, тяготея его барскими замашками? Безъ сомнѣнія такъ было бы очевидно дѣло въ одномъ изъ тѣхъ тенденціозныхъ романовъ которые наполняютъ наши журналы; но въ романѣ г. Марквича дѣло изложено такъ какъ оно бываетъ въ дѣйствительности; крестьяне любятъ чтобы „баринъ“ былъ дѣйствительно бариномъ и чтобы власть была дѣйствительно властью.

Но Троекуровъ замѣчаетъ что кругомъ его барство мрачуетъ, какъ бы стыдился чего-то, что власть устранилась, прикидается, отрывается отъ своихъ правъ. А если эти двѣ исторіей создаваемые силы сами себя добровольно разграничить, то на чью долю выпадетъ быть руководителемъ въ ту трудную эпоху которую начинаютъ переживать Россія? Троекуровъ не находитъ на это отвѣта и рѣшается, покуда дѣло касается его и его обязанностей, поступать такъ какъ указываютъ ему совѣсть его и убѣжденіе. Но онъ начинаетъ несколько скептически относиться къ новымъ влеченіямъ, къ тѣмъ общественнымъ формамъ которыя вырабатываются для будущаго. Такъ и у насъ, рассуждаетъ Троекуровъ, водворится царствованіе буржуазіи! „Черезъ это лѣтъ, говоритъ онъ князь Каръ, въ какую мерзость превратится нашъ міръ! Представьте себѣ весь земной шаръ—одна огромная мастерская, всѣ племена его и роды—въ единствѣ и тѣхъ же людкакахъ и въ циладрахъ на головѣ; природа—черная и зловонная отъ дыма и гаря паровыхъ машинъ, балкирскій гробухъ замѣняющій всѣ вѣрованія, всѣ законы и всю литературу человѣческую... Ни страстей, ни поэзіи, ни искусства; одинъ муравей какъ всѣ, и всѣ какъ одинъ! Красиво?... А вѣдь къ этому неотвратимо ведетъ то что называется общечеловѣческимъ прогрессомъ.“

Для насъ не важно то, правильны ли, или неправильны воззрѣнія Троекурова; но они дополняютъ его далеко еще не усиленную характеристику. Эти воззрѣнія притомъ и его дѣятельность въ роли посредника связываютъ образъ вымышленнаго Троекурова съ представленіемъ о Троекуровѣ севастопольскомъ и кавказскомъ; въ заботливомъ о людяхъ и въ вѣрности ему интересамъ, въ смѣломъ, рѣшительномъ, создающемъ свои силы мировомъ посредникѣ мы узнаемъ боевого офицера, за которымъ сотни людей бедро шли на смерть, вѣсть съ которымъ они

переносили безропотно всякія лишения, которую она любила жечь-быть не больше другихъ и съ которыми не позволяла себѣ фамильярности, но котораго они уважали безусловно и не позволялась которому не могли прадти имъ и на мысль. Образъ его мужаетъ, и мы приходимъ къ заключенію что тѣ мягкія и симпатичныя черты которыя мы замѣчали въ немъ когда оны былъ женихомъ присуди не столько его натурѣ, сколько тому вѣжному чувству которое въ немъ отозвалось на любовь Александры Павловны. Не безъ тревоги по отношенію къ Александру Павловичу мы замѣчаемъ, что въ воззрѣніяхъ ея мужа есть вѣкоторая доля разочарованія, неудовлетворенности, недовольства. Недовольства чѣмъ? Слободомъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса? новыми слагающимися формами общественнаго и государственнаго быта? Недовольство можетъ конечно обращаться и на какой-нибудь одинъ предметъ, но причина его часто заключается не въ самомъ наблюдаемомъ предметѣ, а въ глазахъ наблюдателя; въ последнемъ случаѣ недовольство распространяется на все: и то не хорошо, и это гадко, и все никуда не годится. А при такомъ настроеніи легко можетъ показаться что дома скучно, что дѣти непосовы, что жена не умѣетъ ни принять гостей, ни распорядиться по хозяйству, ни одѣться къ лицу, ни сказать слова кетати. Такъ именно и было съ Троекуровыми. Къ несчастію Кира послѣ своего фіаско въ роли маркиза Позы возманивавшая политику и такъ-называемые общественные вопросы. „Мамъ ли, думала она, мечтать объ устройствѣ счастья миллионеровъ, когда я не умѣю устроить собственного моего, личнаго счастья!“ Она начала уходить въ свой духовной міръ, вознеслась мыслямъ горѣ—къ истомамкамъ любви, туда гдѣ мятежныя сердца находятъ миръ, успокоеніе и отраду. Руководствованная же она при этомъ книгами которыя указалъ ей за нѣсколько дѣтъ предъ симъ одинъ „убѣжденный“ католическій прелатъ. Вышесть съ тѣмъ книжка начала искать вокругъ себя чего-нибудь тако-го что можно было бы любить, чему можно бы сочувствовать. Догадливый читатель видитъ что для сочувственной встрѣчи Киры и Троекурова, для нихъ обличенія недо-статки кеврици съ обѣихъ сторонъ. Догадливый читатель понимаетъ также что въ *сериальномъ* раздраженіи Троекурова противъ Ириарха Овчина пробравшагося въ его участокъ съ цѣлю мучить крестьянъ, играетъ роль не

столько можетъ-быть чувство добраго гражданина, сколько пребывающійся зародышъ любви (*faute de terme*) къ Кирѣ, на которую осмѣливается возвести свои взоры этотъ жалкій революціонеръ, съ жиденькими волосами и впадою грудью.

Читатели *Русскаго Вѣстника* знаютъ какъ далеко зашли Троекуровъ и Кира по этимъ подостлашнымъ съ обѣихъ сторонъ коврикамъ. Слѣдуя по нимъ, Троекуровъ становится все болѣе и болѣе нервнымъ, метерлипливымъ; все идущее отъ Александры Павловны раздражаетъ его, въ отношеніи къ ней, да и не къ ней одной; онъ едва удерживается, благодаря своей благовосянитанности, отъ самыхъ рѣзкихъ выходокъ. Въ то же время „прежній человѣкъ пробуждался гдѣ-то въ его внутреннемъ я, съ близкими привычками и жаждой борьбы и побѣдъ, съ грѣховностью и соблазномъ, давно, казалось ему, отжитыхъ имъ помысловъ“. А Кира? Она соглашается уѣхать съ нимъ за границу, куда-нибудь далеко, гдѣ бы они могли забыть все покинутое, все прошлое, и гдѣ ничто не мѣшало бы имъ жить исключительно другъ для друга. Но проходить нѣсколько недѣль, кое-какія дѣла потребовали присутствія Троекурова въ Петербургѣ и нѣсколько отвлекли его вниманіе въ другую сторону; въ головѣ Кире въ это же время промелькнули кой-какія мысли. Она оставляетъ Всесвятское (имѣніе Троекуровыхъ), оставляетъ его навсегда и безповоротно, но прежде чѣмъ кинуться въ объятія Троекурова она желаетъ еще разъ видѣться съ нимъ и окончательно выяснитъ взаимныя ихъ чувства и отношенія. Это свиданіе происходитъ въ Москвѣ, въ старомъ „Остроженковскомъ“ домѣ. Кира ожидаетъ Троекурова въ концѣ длинной амфилады обширныхъ, мрачныхъ, издавна олуствѣлыхъ комнатъ, въ которыхъ человѣческіе шаги и голоса звучатъ какъ въ скалѣхъ. Что—эта мрачно-торжественная обстановка, или что-либо другое кладетъ свой отпечатокъ на свиданіе Троекурова и Кире?... Какъ бы то ни было, но они встрѣчаются почти какъ чужіе; обмѣниваются самыми обыкновенными привѣтствіями, пожимаютъ другъ другу концы пальцевъ холодѣвшими руками, заговариваютъ о постороннихъ предметахъ... Кира показываетъ своему собесѣднику найденный ею въ старомъ домѣ портретъ свой и вслѣдъ затѣмъ карточку Александры Павловны, снятую въ томъ именно возрастѣ, когда она ходила вмѣстѣ со своею няней къ Иверской, молиться о сохраненіи жизни его, своего телерешиаго

мужа и будущаго любовника Киры... Троекуровъ никакъ не ожидалъ увидѣть эту карточку здѣсь, въ такую минуту, при такихъ условiяхъ. „Цѣлый мiръ прошлаго, цѣлый мiръ чистыхъ, лучшихъ въ его жизни грезъ и помышлений мгновенно хлынулъ будто внезапно прорвавшiйся родникъ и за- журчалъ въ душѣ его съ неотразимою силою“.

Кира, широко раскрытыми глазами слѣдившая за своимъ собесѣдникомъ, не могла не замѣтить что кровь кинулась ему въ лицо, что вѣки его судорожно заморгали. Она все поняла. Онъ еще любитъ свою жену, свою семью, и разлука съ ними будетъ только усиливать эту любовь: это ли то счастье которое онъ можетъ-быть и искренно надѣялся дать ей, то счастье котораго она искала, она, которая, „и съ мертвою не согласна была бы дѣлиться ни единымъ помысломъ того кого она любитъ“... Конечно: Троекуровъ и княжна Кубенская разстанутся чтобы никогда болѣе не встрѣчаться.

Таковы главнѣйшiя дѣйствующiя лица въ романѣ г. Маркевича. Изъ нихъ Ольгу Еллидифоровну мы можемъ оставить въ сторонѣ: эта личность, написанная мастерскою кистью, принадлежитъ къ довольно извѣстному типу Аслазiй и Nipons de Lenclos и не подаетъ повода къ особымъ размышленiямъ. Но на весьма сильныя размышленiя наводятъ Троекуровъ и княжна Кира. Замѣтимъ прежде всего что ни онъ, ни она не могутъ быть названы *типами* въ строгомъ и точномъ значенiи слова. Ни онъ ни она не суть представители извѣстной категорiи людей, извѣстной группы психическихъ или общественныхъ явленiй, каковы напримѣръ: Чацкiй, Хлестаковъ, Рудинъ, Маркъ Волоховъ и т. п. И Троекуровъ и Кира люди сами-по-себѣ каждый: они представляютъ самихъ себя и болѣе никого; но они все-таки суть продуктъ своего времени, и уже по одному этому, оставая въ сторонѣ эстетическую сторону дѣла, намъ интересны. Между ними общаго то, и это особенно замѣчательно, что характеры ихъ въ высшей степени сложны. Во внутреннемъ мiрѣ какъ Троекурова, такъ и княжны Кубенской странно перемѣшаны природныя имъ, непосредственно имъ принадлежащiя качества, съ наслоенiями возрѣвнiй, понятiй, чувствъ очевидно заимствованныхъ откуда-то, извнѣ пришедшихъ. Это характеристическая черта нашего вѣка, это особенность современной цивилизацiи. Въ самомъ дѣлѣ мы читаемъ столько

книгъ, мы сталкиваемся съ такимъ множествомъ людей, мы слышимъ столько разнообразныхъ сужденій, и между этими книгами, людьми и сужденіями есть разумеется и замѣчательные, что они не могутъ не оставлять въ некоторомъ слѣдѣ въ нашемъ міросозерцаніи, не производить извѣстныхъ малпастій въ нашемъ внутреннемъ я. Что же оказывается однако въ результатѣ? Оказывается отсутствіе цѣлности въ характерѣ и поведеніяхъ людей, оказывается рядъ внутреннихъ противорѣчій почти непримиримыхъ, постоянныя раздвоенія, недовольство, отсутствіе мира душевнаго и счастья. Прослѣдимъ отношенія Троекурова къ Кириѣ. Что возбуждаетъ въ немъ къ ней то чувство, которое опять таки, *faute de terme*, мы должны назвать любовью? Не душевныя ея качества и даже не высшая красота ея, обыкновенно прежде всего дѣйствующая на мужчину, а открытіе что на нее осмѣливается итѣть виды Иринархъ Овцынъ. Троекуровъ ревнуетъ слѣдовательно еще не любя, еще прежде чѣмъ красота Киры произвела на него обычное впечатлѣніе. Да и не въ началѣ только; до самаго конца, до послѣдняго свиданія съ Кирой въ Остроженковскомъ домѣ. Что такое эта такъ-называемая *любовь* къ ней Троекурова, какъ не прихоть, не блажь человѣка у котораго воображеніе искусственно возбуждено или примѣрами Домъ-Жуановъ, Лоченовъ и Ричелье, или воспоминаніями о собственныхъ „успѣхахъ“ въ былое время? „Это даже не страсть, это тщеславіе, соблазнъ битвы и побѣды надъ дѣвственнымъ сердцемъ“... А если такъ, то подумайте сколько лжи, сколько налускаго и условнаго въ этой „даже не страсти“! А между тѣмъ какія красивыя слова, какіе неопровержимые логическому аргументы итѣются для оправданія этой лжи. „Есть, говоритъ Троекуровъ, уговаривая Киру бѣжать съ нимъ за границу, есть нѣчто выше всѣхъ кодексовъ нравственности въ мірѣ,— это *правда любви*“... Да наконецъ много ли настоящей простой правды и въ любви Троекурова къ Александрѣ Павловнѣ? Не блажь ли это тоже? Какъ знать! Психологическая сторона современнаго человѣка до того сложна, а органическія, непосредственныя въ ней явленія до того перемѣшаны съ извнѣ навязанными что часто ихъ едва ли возможно различить.

Теперь посмотримъ на Киру. Въ ней мы встрѣчаемъ еще болѣе противорѣчій. Ея внутренній міръ есть совершенный лабиринтъ въ которомъ мы суждены бродить безъ Ариадниной

ниту. Что такое въ самомъ дѣлѣ эта Кира? Истинный или лажушечный энтузіазмъ говорилъ въ ней, когда она приняла было на себя роль маркизы Позы? Ея сочувствіе огорчающимъ и убитеннымъ, ея заботы о счастья милліонны, были ли они дѣломъ серьезно почувствовавшимся (не говорю *продуктивнымъ*) или же это было только „лживой мысли раздраженіе“? Последнее предположеніе повидимому вѣрнѣе, потому что въ послѣдствіи принадлежки филантропіи къ Кирѣ не возвращались. Ну, а любовь къ Троекурову и разрывъ съ нимъ,—что серьезно во всемъ этомъ и что не серьезно? Что великало непосредственно изъ природы Киры и что навѣяно размышленіемъ, книгами, вообще вѣшними разнообразными вліаніями? И она тоже влюбилась въ Троекурова изъ ревности, изъ зависти, въ ту минуту какъ онъ сдѣлался женихомъ Саша Лукояновой. „Не столько страсть къ нему, къ твоему мужу“, признавалась она своей кузинѣ въ послѣдствіи, „сколько злость что жена его ты, сколько высокомерная мысль что такая женщина какъ ты не способна удовлетворить умственными требованіямъ человѣка, которое я признавала достойнымъ моей любви, побудили меня къ тому что случилось“... И такъ и тутъ ложь, и тутъ несходство между лицевой стороной и подкладкой и тутъ любовь построенная на зависти, на „злости“!... Помните ли съ чего начнется сцена свиданія Троекурова и Киры ночью въ саду, того свиданія на коемъ было рѣшено что они вмѣстѣ уйдутъ за границу,—свиданія сдѣловательно *любовнаго*? Кира, ожидавшая на мостикѣ перекинутомъ черезъ рѣчку, встрѣтила Троекурова сдѣловующими словами: „Я вотъ уже два часа гляжу на эту воду и думаю, не лучше ли было бы мнѣ лежать тамъ на днѣ“... А вотъ заключительныя слова этого оригинальнаго любовнаго свиданія:

„— Такъ помните же, Борисъ Васильевичъ, вы пригласили меня *идти сообца съ вами на преступленіе*.

„— И вы пойдете?

„— Пойду.“

Воля ваша, это похоже на любовь не людей, а тигровъ, которые возвращаются съ любовныхъ своихъ свиданій искусанными, истерзанными. Да этого невозможно называть любовью; это вѣчто вовсе не подходящее подъ то понятіе о любви которое завѣщено намъ тысячелѣтіями... А между тѣмъ развѣ не бываетъ такъ нынѣ? Да и не безъ основанія

же г. Маркевичъ назвалъ свой романъ „правдивою исторіей“; книжка Кубенская, а можетъ-быть и вся цѣлѣнная часть *Переломъ* существовали въ дѣйствительности. *

И вотъ эта-то измѣчивость въ ощущеніяхъ, помыслахъ, стремленіяхъ современнаго человѣка, эта многосложность его внутренняго міра и даютъ изображающему его беллетристу то разнообразіе тоновъ, ту роскошь красокъ о которой было говорено въ началѣ настоящей статьи, и которыхъ не могутъ дать ему ни отдаленныя эпохи, ни вѣчные слои современнаго общества. Другое дѣло, можетъ ли такое положеніе современнаго человѣка изъ образованныхъ классовъ быть названо *прогрессомъ* въ широкомъ и прямомъ значеніи этого слова и ближе ли мы чѣмъ наши предки отъ идеала указаннаго человѣку, да и отъ собственнаго счастья нашего... Оставимъ пока въ сторонѣ эти вопросы и возвратимся къ Кири Кубенской. Обманутая въ попыткѣ сдѣлаться нимфой Этеріей новаго Нумы Помпилія, обманутая въ предпринятомъ поискѣ за личнымъ своимъ счастьемъ, она рѣшается поступить въ монастырь и избираетъ для этого одинъ изъ заграничныхъ католическихъ монастырей: „тамъ—узда, тамъ—дисциплина; тамъ знаешь твердо чего хотѣть и куда идти“... Вотъ еще новый поворотъ калейдоскола... Что же такое въ самомъ дѣлѣ эта Кира? Какъ примирить всѣ замѣчаемыя въ ней противорѣчія? Которая изъ надѣваемыхъ ею масокъ есть настоящее лицо... Еще немножко терпѣнія, и все разъяснится. Въ положеніи Киры довольно естественно подумать о монастырской тишинѣ, пожелать высокой стѣны, отдѣлать себя отъ жизни съ ея тревоженіями и разочарованіями; но въ рѣшеніи Киры есть нѣчто иное, большее: она хочетъ не только отречься отъ мірскихъ тревогъ,—она хочетъ вступить въ совершенно новый фазисъ жизни; она ищетъ узды, дисциплины. „У насъ, пишетъ она Троекурову, готовая переступить монастырскій порогъ, у насъ этого нигдѣ нѣтъ, некому себя въ руки отдать, а въ этомъ для меня одно спасеніе. Воля—бремя, невыносимая тяжесть, когда не знаешь какъ управляться съ нею...“ Вотъ признаніе которое наконецъ освѣщаетъ намъ всю предшествующую жизнь Киры, весь многосложный механизмъ,

* Доказательство этому—письма Киры къ Троекурову и его женѣ предъ поступленіемъ въ монастырь: они *переведены* съ французскаго, причѣмъ нѣкоторыя выраженія приведены въ подлинникѣ въ скобкахъ.

весь загадочный лабиринтъ ея характера. Еще болѣе свѣта бросаетъ письмо Киры къ Троекуровой наканунѣ вступленія въ монастырь: „Я родилась, пишетъ она, гордою, заносчивою, завистливою, со всѣми пороками нашего вѣка“, къ которымъ Кира относитъ и слишкомъ большое покломеніе уму, мыслящей силѣ, „гордынѣ ума“, какъ она выражается. „Поэтому, продолжаетъ она, ты постоянно и одновременно возбуждала во мнѣ два, повидимому исключаютія другъ друга чувства, пренебреженіе и зависть. Ты представлялась мнѣ всегда занимающею такое ничтожное мѣсто между мыслящими существами, и твое незаслуженное, казалось мнѣ, счастье возбуждало во мнѣ ожесточенный ролоть противъ несправедливости судьбы. Да, я презирала и завидовала въ одно и то же время...“ Эта несправедливость судьбы, разумѣется, представляется Киры мнимою, и требовательность ея въ отношеніи къ судьбѣ несомнѣтельно: „мнѣ вѣчно хотѣлось чего-то большаго, общаго, чего-то неизвѣданнаго и чуждаго другимъ, чѣмъ я могла бы наполнить пустоту и безплодіе моего внутренняго я... Все умъ, все та же гордыня, киченіе этимъ жалкимъ умомъ въ ничтожномъ человѣческомъ муравейникѣ.“

Кажется нечего прибавлять къ этимъ словамъ, поразительно мѣткимъ, къ этимъ мыслямъ выношеннымъ съ мучительною болью Кирой до полноты ихъ зрѣлости, къ этимъ мучительнымъ волямъ растерзаннаго сердца. Кира отрекается ото всѣхъ своихъ прежнихъ вѣрованій, ото всѣхъ взлелеянныхъ ею идеаловъ, ото всѣхъ боговъ которымъ она поклонялась, ото всей своей прежней жизни. А эта жизнь сложилась такъ что естественнымъ, роковымъ путемъ вела Киру къ настоящему кризису. Вся обстановка ея домосковской жизни, эта атмосфера дѣловитости въ домѣ ея отца, дѣсть расточаемая ей тѣми лагунами или пошляками которые всегда уживаются около властныхъ людей, а съ другой стороны вліяніе политическихъ ссыльныхъ съ ихъ протестами и отрицаніями,—все это естественно способствовало развитію въ молодой дѣвушкѣ той заносчивости, того чрезмѣрнаго самомирія, той требовательности отъ жизни, той „гордыни“, которая она въ послѣдствіи такъ оплакивала. Умъ ея развился, это неоспоримо, но это не дало ей счастья, и послѣ горькихъ разочарованій она пришла къ убѣжденію что особенно для женщины есть нѣчто иное „на потребу“ кромѣ развитаго ума,—именно „das ewig Weibliche“. И къ этому выводу ее привела...

кто же?.. та которую она презирала по убѣжденію и которой въ то же время она ласково заботилась—са княжна Троекурова. „Въ тебѣ, пишетъ она ей съ монастырскаго порога, то на чемъ стоитъ весь человѣческій строй, семья, общество, порядокъ... Ты сильна именно тѣмъ что я презирала въ тебѣ.“ А въ другомъ мѣстѣ, испрашивая прощенья у Александры Павловны за все сдѣланное ей зло, Кира прибавляетъ: „Ты его заранѣе даровала мнѣ, это прощенье, знаю... Слѣдуетъ ли даже вѣнчать это тебѣ въ достоинство? Ты не размышляла объ этомъ, не добѣдила себя послѣ долгой и мучительной борьбы съ собою; это просто свергло у тебя само собой изъ прирожденныя тебѣ христіанскія и челоушескія инстинкты, при которыхъ тебѣ и вамъ на добро никакой не нужно.“

Въ этихъ послѣднихъ словахъ звучитъ кажется пророжденная княжна Кубевской строптивость, то поклоненіе уму отъ котораго она нѣсколько строкъ выше отрещивалась. Это даетъ намъ право думать что ея будущему духовнику, этому „глубоко убѣжденному“ ея наставнику, этой „железной рукѣ“, которой Кира довѣрила руководить собой, предстоитъ еще много работы. Съ другой стороны, въ княжнѣ Кубевской столько извѣстнаго привитаго, привнесеннаго что позволительно сомнѣваться послѣднюю ли эволюцію совершаетъ эта страшная женщина, вступая въ монастырь.

Очень можетъ быть что ея овладѣлъ религіозный энтузіазмъ подѣ вліаніемъ „глубоко убѣжденнаго“ прелата и прочтенныхъ по его указанію книгъ, точно также какъ понятіа объ общемъ благѣ Русскаго народа сложились въ ней подѣ вліаніемъ политическихъ осмысленныхъ окружавшихъ ее въ Сибирѣ, и сочиненій „Александра Ивановича“, которыми одно время снабжалъ ее Иринархъ Овцынъ... Но какова бы ни была дальнѣйшая судьба Киры, тѣ два письма которыми она прощалась съ владѣтелями Всесвятскаго * арко осмѣиваютъ не только сложныя изгибы ея души, но и многія стороны нашей современной общественной жизни. Развѣ не правда что намъ недостаетъ нравственной узды, нравственной дисциплины, ибо гдѣ у насъ общественное мнѣніе по предметамъ

* Слѣдуетъ не забывать что эти письма не сочинены г. Маркешенемъ, а дѣйствительно написаны тою съ кого она списала княжну Киру Кубевскую.

нравственнаго порядка? Какія двери закрыты людямъ завѣдомо презрѣннымъ?

Кому у насъ не зажимали рты
Объѣды, ужины и танцы?

Такъ было въ старину; но тогда существовалъ хоть общепринятый кодексъ нравственности, и всякій нарушающій его говорилъ по крайней мѣрѣ „грѣшенъ“, хотя завтра же принимался за старое; но теперь можно сказать мѣтѣ и самаго кодекса нравственности: украсть, убить, для дѣла признаваемого полезнымъ извѣстною группой людей, очернить, оклеветать въ интересѣ партіи, лгать, завѣдомо подтасовывать факты для оправданія извѣстной доктрины, равнѣ это считается дурнымъ, позорнымъ, преступнымъ? Развѣ считается позорнымъ, преступнымъ отнестись слухомъ рукава къ своему дѣлу, избрать лозунгомъ своей жизни извѣстный прилѣвъ Беранже: „А ну ихъ, говорить“? Развѣ „ученый полковникъ“ и исправникъ Факирскій, содѣйствующіе не только оправданію, но и бѣгству захваченнаго политическаго преступника, не найдутъ оправданія со стороны многихъ, очень многихъ, хотя Факирскій дѣйствовалъ вопреки ярымъ своимъ обязанностямъ, прямо нарушалъ свою присягу. Развѣ у насъ сознаютъ необходимость подчиняться какой-нибудь власти въ какой-нибудь сферѣ — въ семьѣ, въ школѣ, на государственной службѣ, въ сферѣ земской дѣятельности, признать какой-нибудь авторитетъ въ искусствѣ, въ наукѣ, въ дѣлахъ совѣти? Распущенность вездѣ, во всемъ, со всѣхъ сторонъ! Никто не знаетъ твердо, какъ пишетъ Кира, „чего хотѣть и куда идти“, и что всего ужаснѣе, — обезволенному человѣку даже „некому себя въ руки отдать!“... Пусть подумаютъ о горькой потинѣ этихъ словъ и о послѣдствіяхъ къ коимъ приведетъ эта распущенность, если само общество не проникнется убѣжденіемъ въ необходимости возстановить авторитеты и сознательно повиноваться власти, также какъ это создала героиня г. Маркевича. Пусть подумаютъ объ этомъ особенно женщины, которыя еще болѣе чѣмъ мужчины нуждаются въ счастьи. „Въ нашемъ русскомъ обществѣ“, пишетъ Кира, „гдѣ добродѣтель, гдѣ исполненіе нравственнаго долга есть лишь дѣло личнаго темперамента, а не какихъ-либо твердо общимъ сознаниемъ утвержденныхъ началъ, для такихъ существъ какъ я предстоять лишь два исхода:

позоръ, или та школа тупаго и безплоднаго оужесточенія, въ которой учителями являются господа въ родѣ твоего (Троекуровой) двоюроднаго брата Иринарха“.

Глубина и горькая правда словъ княжны Кубенской поразила Троекурова. Многое было въ нихъ правды въ отноше- нии его самого. Ничто иное какъ разнузданность воли была господствующею чертой его шумной молодости: омы щего- лялъ тѣмъ что не отказываетъ себѣ ни въ какой прихоти. Но по крайней мѣрѣ прошла ли эта разнузданность съ лѣ- тами, съ опытомъ, подъ вліяніемъ серьезныхъ впечатлѣній сева- стопольской и кавказской жизни? Нѣтъ! Предъ его гла- зами мелькнулъ соблазнительный призракъ въ образѣ Киры, возбудилъ въ этомъ избалованномъ челоуѣкѣ прихоть, и для удовлетворенія ея Троекуровъ жертвуетъ и собственнымъ уже испытаннымъ счастьемъ, и счастьемъ беззавѣтно предавшей жены. „Да, повторяетъ оны прочитавъ письмо Киры, а воля— бремя, воля—невыносимая тяжесть для того кто, какъ всѣ мы, не умѣетъ подчинять ее высшему нравственному зако- ну. И Троекуровъ подобно Кирѣ „налагаетъ на себя элитемію“; надѣваетъ мундиръ; ограничиваетъ слѣдовательно свою волю, подчиняетъ ее извѣстному направленію, чужимъ указаніямъ, извѣстнымъ ограниченіямъ; оны получаетъ полкъ, а съ этимъ какъ извѣстно связаны большая отвѣтственность, и нрав- ственная и формальная, большія заботы, большой трудъ, не- обходимость владѣть собой, руководить людьми, наконецъ ри- сковать жизнью, потому что полку Троекурова предстояло участвовать въ сраженіяхъ.

Итакъ Александрѣ Павловнѣ одной не передъ кѣмъ краснѣть, не въ чемъ раскаиваться. Она одна, скромная фіалка, остается тою же какъ была, тогда какъ окружающіе ее пышные розы и великолѣпныя лиліи падаютъ въ грязь; въ концѣ концовъ предъ нею преклоняются несра- вненно болѣе крупныя личности—Троекуровъ и княжна Кубенская. Они преклоняются предъ ея чистотой, предъ душевною красотой ея, предъ нравственною ея высотой, несравненно болѣе рѣдкими чѣмъ развитой умъ и раз- нообразныя познанія. Княгиня Кира пишетъ ей: „тебѣ воли никакой на добро не нужно“, и точно Троекурова дѣлаетъ его безсознательно, wie ein Vogel singt; добро истекаетъ само со- бой изъ природенныхъ ей добрыхъ инстинктовъ. Въ этихъ словахъ слышится какъ бы пропія или пренебреженіе;

можетъ-быть и точно болѣе заслуги на сторонѣ труса по природѣ своей, когда онъ вслѣдствіе силы воли и сознанія долга кидается на нешріательскую батарею, а не на сторонѣ чело-вѣка съ крѣпкими нервами, не думающаго объ опасности; можетъ-быть и даже несомнѣнно величайшій нравственный подвигъ чело-вѣка заключается въ торжествѣ надъ порочными сво-ими побужденіями, но какъ лучшею арміею будетъ та въ коей солдаты мужественны не по убѣжденію, а по природѣ своей, такъ же точно счастливѣйшимъ обществомъ будетъ то, въ членахъ котораго преобладаютъ, какъ выразилась Кира, „человѣчественныя и христіанскіе инстинкты“... Много ли ихъ среди насъ, лю-дей съ такими инстинктами? Можетъ-быть болѣе чѣмъ вообще думаютъ. Г. Маркевичъ указываетъ намъ Александру Павлов-ну, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ графъ Л. Толстой позна-номилъ насъ съ гжой Левиной. Обѣ эти женщины принадле-жать къ одному типу, къ категоріи тѣхъ на коихъ зиждется и поддерживается „семья, общество, порядокъ“. Ни г. Мар-кевичъ, ни графъ Толстой не снабдили своихъ героинь бле-стящими, кидаемымися въ глаза качествами; но слѣдуетъ ли изъ этого чтобы женщины этой категоріи не могли быть се-ріозно образованными, чтобъ онѣ не имѣли развитаго вкуса по части искусствъ, не были веселы, общительны, остроум-ны безо всякихъ претензій на поклоненіе и свѣтскіе успѣ-хи? Веселость, общительность, остроуміе отнюдь не несомнѣ-сты съ „человѣчественными и христіанскими инстинктами“, а образованіе можетъ только развить ихъ, разумѣется не то образованіе которое состоитъ изъ однихъ верхушекъ знаній и хвостиковъ идей, изъ модныхъ фразъ и пустой фразеоло-гіи. Къ несчастію много добрыхъ началъ заглушается у насъ именно этимъ поверхностнымъ, пустымъ образованіемъ!

Переломъ есть безъ сомнѣнія явленіе весьма видное и весь-ма цѣнное въ нашей беллетристикѣ. Кромѣ нѣсколькихъ ха-рактеровъ прекрасно обдуманыхъ и тщательно разработан-ныхъ, о которыхъ сказано было выше и которые занима-ютъ первый планъ картины, съ немалымъ мастерствомъ набросаны лица второстепенныя, каковы всѣ три Юшковы, Ранцевъ, Наташанцевъ, его дочь, княгиня Аглая (оба нѣсколь-ко однообразныя впрочемъ), Ашанинъ, ученый полковникъ Блиновъ, исправникъ Факиржіи, Лизавета Ивановна и нѣ-сколько другихъ. Даже лица составляющія *толпу*, и тѣ, какъ

уже оказано, имѣютъ каждый собственную фационю, такъ что человекъ жившій и наблюдавшій въ концѣ 50хъ и началѣ 60хъ годовъ узнаетъ и назоветъ почти все эти лица. Дѣйствіе въ романѣ г. Маркевича развивается свободно, обдуманно; есть длиноты, но ихъ не много, разговоры ведены прекрасно, есть сцены превосходныя, и ихъ такъ много что и перечислить ихъ трудно. Языкъ автора былъ бы безукоризненъ, еслибы г. Маркевичъ съ большимъ вниманіемъ перечитывалъ написанное. Къ сожалѣнію, если не ошибаюсь, онъ увлекается легкостію съ какою дается ему изложеніе и пишетъ, какъ говорятъ Французы, au coulant de la plume. Конечно, съ языкомъ г. Маркевича, благороднымъ и такъ сказать *благосопитаннымъ*, не можетъ идти въ сравненіе языкъ огромнаго большинства нашихъ беллетристовъ (черновыя тетрадки которыхъ слѣдовало бы посылать учителямъ гимназій на предварительное разсмотрѣніе); но кому много дано, отъ того и болѣе требуется. Нельзя не поговѣть также что *Переломъ* печатался съ большими перерывами, продолжавшимися иногда по нѣскольку мѣсяцевъ сразу; этого тоже нельзя кажется приписать ничему другому кромѣ нѣкоторой авторской самовадьяности, писанію au coulant de la plume и модѣ печатать по мѣрѣ того какъ высыхаютъ чернила.

Въ заключеніе возвращусь здѣсь къ замѣчанію высказанному уже въ началѣ настоящей статьи. Оно касается Иринарха Овцына, а отчасти и отца его. Въ отношеніи этихъ двухъ лицъ нашъ авторъ точно будто употребляетъ особый приемъ наблюденія и ограничился, если можно такъ выразиться, лишь *вышнимъ* ихъ осмотромъ. Не только Овцынъ-отецъ, но и Иринархъ, играющій въ романѣ очень видную роль, далеко не столько выуклы какъ другія дѣйствующія лица стояція на одномъ съ нимъ планѣ. Рисуя другихъ, авторъ обмакиваетъ свою кисть во все весьма разнообразныя краски своей палитры, и потому эти портреты сочны, рельефны, живы; напротивъ, портретъ Иринарха написанъ весь какимъ-то однимъ сѣренькимъ, довольно противнымъ колеромъ. Скажутъ, этотъ противный колеръ соответствуетъ противной натурѣ оригинала; но можетъ ли быть что-нибудь противнѣе съ нравственной точки зрѣнія Карамазова-отца? Достоевскій, умѣвшій находить хоть крошечную жемчужку въ кучѣ навоза, и тотъ не отыскалъ ни одной симпатичной черты въ

старомъ Карамазовѣ. А между тѣмъ портретъ его и соченъ, и рельефенъ, и живъ. Невольно, въ виду несомнѣнной талантливости г. Маркевича и его умѣнья наблюдать, рождается сомнѣнiе, видалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ Иринарховъ Овцыныхъ? наблюдалъ ли онъ ихъ въ дѣйствительности, или же создалъ „отвлеченiе“ на основанiи прочтенныхъ имъ политическихъ процессовъ, книгъ и статей нашихъ реформаторовъ-революціонеровъ?

Вотъ впрочемъ и все что можно сказать по части несовершенствъ *Переломъ*. Напротивъ, къ тѣмъ достоинствамъ этого романа на которомъ указано было выше можно присовокупить одно весьма важное: *Переломъ* есть не только чрезвычайно занимательный романъ, прекрасный съ точки зрѣнiя искусства,—это *полезная книга*. Она полезна тѣмъ что поддерживаетъ добрыя литературныя преданiя, которыя грозятъ вовсе исчезнуть за смертію или молчанiемъ настоящихъ нашихъ беллетристовъ, прамыхъ преемниковъ Пушкина и Гоголя. Можетъ-быть цной поставщикъ повѣстей, романовъ или „очерковъ“ (ужасно расплодился эти „очерки“!) рѣшится вопреки фальсетонной критики прочесть *Переломъ* со вниманiемъ, и прочта придетъ къ заключенiю что этотъ романъ относится къ массѣ нечтанныхъ у насъ романовъ, повѣстей и очерковъ какъ масляная картина хорошаго мастера къ фотографическому ялму, а явля къ этому заключенiю желаетъ изслѣдовать въ чемъ именно заключаются условiя красоты и успѣха однихъ беллетристическихъ произведенiй и неудобо-читаемости другихъ, и можетъ-быть выйдетъ самъ на слабую дорожку... Романъ г. Маркевича полезенъ и въ томъ отношенiи въ какомъ у насъ часто противопоставляется театръ кабаку...

II. ЦЕБАЛЬСКІЙ.

Варшава.
Февраль, 1882.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Семейство Разумовскихъ. Соч. А. Васильчикова. Томъ III.

По интересу содержанія новый томъ книги г. Васильчикова нисколько не уступаетъ двумъ первымъ, съ которыми мы уже имѣли случай познакомиться читателей. Посвященъ онъ исключительно извѣстному дипломату графу (въ послѣдствіи свѣтлѣйшему князю) Андрею Кирилловичу Разумовскому и обнимаетъ дѣятельность этого государственнаго чело-вѣка до того времени когда императоръ Александръ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, вынужденъ былъ оказать помощь своимъ союзникамъ противъ Наполеона. Какъ и слѣдовало ожидать, мы находимъ здѣсь много чрезвычайно любопытныхъ свѣдѣній и для біографіи одного изъ наиболее прославившихся сыновей гетмана, и для характеристики тогдашняго общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ поставилъ себѣ задачей изобразить по возможности подробно дипломатическую исторію того времени. Быть-можетъ читатель найдеть не совсѣмъ удобнымъ что непрерывно наталкивается онъ на французскій текстъ; самъ г. Васильчиковъ замѣчаетъ что это придаетъ его книгѣ не совсѣмъ привлекательную пестроту и оправдывается такимъ образомъ: „Пестрота эта такъ-сказать историческая и она невольно налагаетъ свой отпечатокъ на каждый добросовѣстный трудъ относящійся до новой, а пожалуй даже и до новѣйшей исторіи нашей. Задача наша, какъ мы объяснили въ предисловіи къ первому тому настоящаго

сочиненія,—воссоздать бытъ русскихъ баръ прошлаго времени и какъ можно чаще говорить, если не устами, то перомъ нашихъ героевъ. Но въ эпоху до которой мы теперь дошли, перо это умѣло строчить однѣ французскія фразы. Изъ всѣхъ Разумовскихъ никто такъ много въ жизнь свою не исписалъ бумаги, какъ князь Андрей Кирилловичъ, и дѣлалъ онъ это постоянно по-французски. На другихъ иностранныхъ языкахъ онъ не умѣлъ такъ свободно объясняться; къ своему же родному нарѣчю прибѣгалъ только въ крайнихъ случаяхъ. Самую простую дѣловую бумагу съ трудомъ могъ онъ сочинить по-русски и на письма отца постоянно отвѣчалъ по-французски, хотя старику-фельдмаршалу, особенно же въ послѣднѣе годы, когда его зрѣнiе ослабло, это было подчасъ довольно тягостно. Всѣ товарищи и сверстники князя Андрея Кирилловича думали, говорили и писали по-французски. Надо еще радоваться когда подъ влiанiемъ иностранныхъ элементовъ, задушившихъ въ русскихъ людяхъ все русское, оставалась на послѣднихъ хотя нѣкоторая лестрота. Весьма часто они вполнѣ и всецѣло погразали въ чуждую ихъ народности стихiю, которая окончателно смывала съ нихъ послѣднiя черты отечественнаго наравленiя.“

Эти непривлекательныя черты проявлялись въ графѣ Андрѣеѣ Разумовскомъ болѣе чѣмъ въ комъ-либо изъ его современниковъ и это тѣмъ болѣе прискорбно что онъ былъ человѣкъ замѣчательнаго ума и способностей. Онъ вступилъ въ жизнь при самой блестящей обстановкѣ и слѣдилъ наслаждаться жизнью, но среди своихъ успѣховъ, которые, какъ увидимъ, сдѣлались предметомъ толковъ не только въ нашемъ обществѣ, но и за границей, постоянно старался удовлетворить свое непомерное честолюбiе. Въ молодости связалъ былъ онъ тѣсною дружбой съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Мы имѣемъ предъ собой письма къ нему на слѣдника престола, письма проникнутыя, какъ справедливо замѣчаетъ г. Васильчиковъ, какою-то институтскою наивностью и нѣжностью. Великiй князь былъ, казалось, счастливъ только въ тѣ дни которые проводилъ вмѣстѣ съ молодымъ Разумовскимъ; онъ повѣряетъ ему всѣ душевные свои помыслы и ощущенiя; онъ требуетъ отъ него такой же откровенности; онъ переписывается съ нимъ тайкомъ отъ окружающихъ и придумываетъ средства какъ и когда могли бы они

видѣться не возбуждая подозрительности тѣхъ кому не совсемъ нравилась эта тѣсная связь. Великій князь вступилъ въ бракъ съ принцессой Дармштадтскою, принявшею имя Натальи Алексѣевны, и одною изъ первыхъ его заботъ было помѣстить Разумовскаго у себя во дворцѣ. Вскорѣ замѣчено было что и молодая супруга Павла Петровича съ удовольствіемъ прислушивалась къ любезнымъ рѣчамъ блестящаго царедворца. Не долго наслаждалась она своимъ высокимъ положеніемъ: чрезъ два года послѣ вступленія своего въ бракъ, она скончалась вслѣдствіе несчастныхъ родовъ, и обстоятельства сопровождавшія ея смерть произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе въ публикѣ. Разумовскій былъ вдругъ удаленъ отъ цесаревича въ такое время, когда присутствіемъ своимъ онъ могъ, повидимому, болѣе чѣмъ кто-нибудь другой смягчить безграничную его скорбь, доходившую до отчаянія: произошло это отъ того что въ бумагахъ покойной, попавшихся въ руки императрицы Екатерины, найдены были какіе-то политическіе проекты, писанные Разумовскимъ совмѣстно съ его пріятелемъ состоявшимъ при французскомъ посольствѣ Шевалье-де-Корберономъ, и прямыя указанія на заемъ, который великая княгиня, вѣчно нуждавшаяся въ деньгахъ, старалась заключить чрезъ посредство французскаго же посольства. „Государыня была этимъ крайне разгнѣвама, говорить г. Васильчиковъ; она лучше другихъ знала, къ чему ведутъ подобныя переписки съ дипломатами и на что пригодны бываютъ такіе денежныя займы“. Но кромѣ того оказались еще другія бумаги, принадлежавшія великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, которыя императрица рѣшилась передать Павлу Петровичу, ибо считала это единственно вѣрнымъ средствомъ положить конецъ его горю. Съ этой минуты чувство глубокой пріязни къ Разумовскому смѣнилось въ его сердцѣ ненавистью. „Онъ сдѣлался сумраченъ, недовѣрчивъ, подозрителенъ, говорить г. Васильчиковъ; нравъ его сталъ перемѣнчивъ и вошлычивъ; цесаревичъ мало-по-малу облекся въ тотъ страшный образъ, въ которомъ онъ предсталъ Россіи при своемъ воцареніи....“

Разумовскому было не болѣе 24 лѣтъ когда произошло разсказанное нами событіе, но уже въ эти годы главною пружиной его дѣйствій была мысль о томъ чтобы пріобрѣсть вліяніе на великаго князя Павла Петровича, подготовитъ для себя видную роль при будущемъ царствованіи.

Онъ уже надѣялся современимъ управлять Россіей именемъ своего августѣйшаго друга. Планъ не удался. Разумовскій былъ отправленъ на житье въ Ревель, но сбыдка его продолжалась не долго. Императрица хотя и была раздражена противъ него, но не ослѣвлена гнѣвомъ; она видѣла сколько тонкости и несомнѣннаго таланта проявлялъ онъ въ своихъ интригахъ и угадала, что онъ можетъ быть далеко не дюжиннымъ дѣятелемъ на дипломатическомъ поприщѣ. Разумовскій былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь. Известно, какою репутаціей пользовалась тамъ королева Каролина, дочь Маріи-Терезіи и сестра несчастной Маріи-Антуанеты. Все управление находилось въ ея рукахъ; она приобрѣла безграничное вліяніе на своего мужа, короля Фердинанда, человека добраго, но не получившаго никакого образованія; страстный охотникъ и рыболовъ, онъ проводилъ цѣлыя дни между своими егерями и рыбаками Неаполитанскаго залива, разговаривая съ ними на ихъ нарѣчій и вполнѣ разделяя ихъ нравы и образъ мыслей. Разумовскій мечталъ о совершенно особомъ для себя положеніи при Неаполитанскомъ дворѣ и былъ даже такъ неостороженъ, что не скрывалъ своихъ помысловъ относительно этого; разказываютъ, что когда, при проѣздѣ его чрезъ Вѣну, спросили его въ одной изъ тамошнихъ гостиницъ, какую роль намѣренъ онъ разыгрывать въ Неаполѣ, онъ гордо отвѣчалъ: „я буду тамъ царствовать“. Сама императрица Марія-Терезія была встревожена назначеніемъ его ко двору своей дочери, которая не умѣла обуздывать своихъ страстей. Она считала молодаго посланника опаснымъ человекомъ и не безъ основанія: современники описываютъ его какъ образованаго рыцаря (*un chevalier accompli*), статнаго и красиваго, отменно себя державшаго и считавшагося между женщинами неотразимымъ. Ему предшествовали въ Неаполь слухи о той исторіи, которая обратила на него общее вниманіе въ Петербургѣ, о завидныхъ его успѣхахъ,—все это дѣлало его особенно интереснымъ въ глазахъ королевы Каролины. Близкія отношенія въ которыя вскорѣ вступилъ онъ съ нею не были тайной ни для кого. Иностранные дворы были встревожены этимъ, и испанскій посланникъ Ласъ-Казасъ рѣшился сообщить королю Фердинанду о томъ, что происходитъ въ его дворѣ, а въ подтвержденіе своихъ словъ представилъ вскія доказательства—четыре перехваченныя

письма Каролины къ Разумовскому. Но и это нисколько не подѣйствовало на ея супруга: Разумовскій попрежнему долге гостилъ въ Казертѣ, а король явтомъ навѣщалъ его на островѣ Исхю, гдѣ онъ занималъ виллу и въ свободные отъ рыбной ловли часы дружески бесѣдовалъ съ нимъ. Но въ Петербургъ стали доходить слухи о какихъ-то тайныхъ замыслахъ или по крайней мѣрѣ интригахъ нашего дипломата, и императрица Екатерина сочла необходимымъ перевести его въ Венецію. Въ то время когда слухи дошли объ этомъ до Неаполя, находилса тамъ А. И. Морковъ. Королева Каролина старалась повліять на него чтобы по возвращеніи своемъ въ Петербургъ онъ склонилъ императрицу Екатерину отменить принятое ею рѣшеніе; мало того, она не задумалась отправить императрицѣ собственноручное письмо, въ которомъ росточала похвалы Разумовскому и выражала желаніе чтобы онъ былъ оставленъ при Неаполитанскомъ дворѣ. „Соблаговолите оказать мнѣ немного дружбы, говорила она; умоляю васъ какъ сестра императора который вполнѣ предавъ вамъ и говорилъ мнѣ съ энтузіазмомъ объ августѣйшей вашей особѣ.“

Увѣщанія эти не были однако услышаны, и Разумовскій вынужденъ былъ переселиться въ Коленгагенъ, а затѣмъ въ Стокгольмъ. Мы не ставемъ останавливаться на дипломатической его дѣятельности въ этихъ столицахъ,—дѣятельности которая подробно изложена г. Васильчиковымъ и представляетъ не мало интереснаго. Среди официальныхъ своихъ занятій много былъ озабоченъ онъ вопросомъ о своей женитьбѣ: избранницей его была старшая дочь графа Туль, представителя одной изъ знатѣйшихъ фамилій Австріи, но бракъ съ иностранкой и католичкой не могъ нравиться престарѣлому гетману, отцу Разумовскаго, и приходилось напрягать всѣ усилія чтобы устранить прелатствія съ этой стороны. Наконецъ дѣло устроилось, и немедленно послѣ своей свадьбы молодые отправились въ Россію. „Они были, разказываетъ авторъ, радушно и торжественно встрѣчены старикомъ-фельдмаршаломъ въ любимомъ имъ Петровскомъ-Разумовскомъ. Молодая графиня, получившая въ Россіи официальное названіе Елизаветы Осиповны, была поражена роскошью и великолѣпіемъ обстановки среди которой съ распростертыми объятіями встрѣтилъ ее свекоръ, котораго она, судя по разказамъ мужа, немного побаивалась. Вскоръ весь Петровскій домъ, начиная съ графа Кирилы Григорьевича, былъ у ногъ

графини. Своею предупредительностью, любезностью, веселостью она вскружила головы не только всѣмъ жителямъ Петровскаго-Разумовскаго, но и всѣмъ Москвичамъ. Старикъ-фельдмаршалъ съ гордостью представилъ Москвѣ любимую свою невестку и не могъ нарадоваться ея успѣхамъ. Но Андрея Разумовскаго тянуло въ Петербургъ, куда въ продолженіе тринадцати лѣтъ былъ запертъ ему доступъ. Ему удалось выхлопотать разрѣшеніе явиться въ сѣверную столицу, гдѣ ожидалъ его благосклонный пріемъ. Съ наследникомъ престола, Павломъ Петровичемъ, онъ видѣлся еще за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ въ Неаполѣ, когда онъ занималъ тамъ должность посланника и долженъ былъ официально принимать августѣйшаго путешественника. По семейнымъ преданіямъ, великій князь, увидѣвъ Разумовскаго у подѣзда дома гдѣ долженъ былъ остановиться, схватилъ его за руку и повлекъ въ пустую комнату; тамъ, вынувъ изъ ноженъ шпагу, воскликнулъ: „flamberge au vent, monsieur le comte“. Сопровождавшіе великаго князя кавалеры съ трудомъ могли его успокоить. Въ Петербургѣ Павелъ Петровичъ не проявлялъ конечно въ такой рѣзкой формѣ своихъ чувствъ къ бывшему своему другу, а въ умѣ императрицы Екатерины почти совсѣмъ изгладилось впечатлѣніе драматическаго событія 1776 года. Если уже прежде открыла она дипломатическое поприще для Разумовскаго, то теперь сочла возможнымъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ къ его возвышенію: онъ былъ назначенъ въ Вѣну, гдѣ должность посла занималъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицинъ, а Разумовскій совмѣстно съ нимъ долженъ былъ завѣдывать нашими дипломатическими сношеніями съ Вѣнскимъ дворомъ. „Я къ тебѣ писала, сообщила Потемкину государыня, что ловчѣе всего Андрея Разумовскаго туда (въ Вѣну) послать; жена его Вѣнка, и онъ тамъ связи имѣеть, не гаупъ и молодость уже улеглась, et il paraît plus prudent; обжегся много, даже до того что олашнѣлъ.“

Лѣтомъ 1791 года отправился Разумовскій въ Вѣну, которой суждено было сдѣлаться вторымъ его отечествомъ. Здѣсь протекали за краткими промежутками всѣ послѣдующіе годы его жизни и онъ какъ бы не понималъ возможности другаго существованія. Въ Вѣнѣ, говоритъ г. Васильчиковъ, графъ Андрей бывалъ у себя дома, а въ Россіи чувствовалъ себя на чужбинѣ. Исключительная, надменная вѣнская аристократія,

съ высоты своего величія взирающая на иностранцевъ и неохотно допускающая ихъ въ свое общество; приняла въ ряды свои гордаго и великодушнаго русскаго нобля, вполнѣ сочувствовавшего всѣмъ ея видамъ и убѣжденіямъ. Разумовскій по женѣ уже пероднился съ имперскою зматью; обѣ сестры графини Елизаветы Осиповны вышли замужъ,—старшая, Христиана, за князя Карла Лихновскаго, а меньшая, Екатерина, за Ричарда Мида, втораго лорда Кланвилляма, умнаго и образованнаго Англичанина, много путешествовавшаго по Европѣ и подолгу жившаго въ Вѣнѣ, гдѣ оный одно время состоялъ при австрійскомъ посольствѣ. Такимъ образомъ семейныя связи Разумовскаго за границей все болѣе распространялись. Весь складъ существованія тогдашней вѣнской аристократіи какъ нельзя болѣе пришелся по вкусу нашему герою. Беззаботно веселое наслажденіе жизнью, соединенное съ утонченнымъ обращеніемъ, разностороннее, хотя и нѣсколько поверхностное образованіе, живое пониманіе искусства, все это какъ разъ подходило ко графу Андрею, а всегдашняя страсть его къ прекрасному полу находила себѣ здѣсь полнѣйшее удовлетвореніе. Вѣна въ то время славилась своими красавицами, а строгость нравовъ была не въ модѣ, по крайней мѣрѣ въ высшемъ обществѣ. Все это тѣмъ связывало Разумовскаго съ Вѣной. Мало-по-малу оный рѣшился здѣсь окончательно поселиться и купилъ въ одномъ изъ предмѣстій столицы, называемомъ Ландштрассе, великолѣпные сады принадлежавшіе некогда графамъ Момтекукула. Сохранилось письмо графа Семена Романовича Воронцова изображающее очень мѣтко вѣнскую жизнь того времени. „Я не желаю, писалъ знаменитый дипломатъ, чтобы сынъ мой (князь Михаилъ Семеновичъ) отправился въ Вѣну, потому что толь этого города уже не тотъ какимъ былъ прежде, и посланникъ нашъ (Разумовскій)—человѣкъ развращенныхъ нравовъ и не имѣющій принциповъ. Мисель ничему не можетъ научиться въ Вѣнѣ, гдѣ государь—идіотъ, остающійся невидимкой, между тѣмъ какъ Тугутъ, такой же если еще не болѣе невидимка какъ его повелитель, распорядится воишь вопреки знати оубоченной лишь тѣмъ чтобы хорошебно поить. Вѣнскія дамы умѣе муциль и очень любезны, но толь всѣхъ вѣнскихъ разговоровъ въ настоящее время самый пустой. Говорять только о маляркахъ спектакляхъ разыгрываемыхъ въ обществѣ и объ тдѣ. Всякій разказываетъ о мению обѣда на

второмъ онъ присутствовалъ, такъ что можетъ показаться будто Вѣна населена только новарамъ и комедiantами: нѣтъ же крайней мѣры что слышно ото всѣхъ которые бывали тамъ. Къ тому же Мишель могъ бы занять приличное положе- ние въ Вѣнѣ лишь подъ руководствомъ нашего посланни- ка, а къ несчастію этотъ посланникъ при всѣхъ своихъ очень большихъ талантахъ самый развращенный человекъ въ мірѣ. Женатый на прелестной и преданной ему женщинѣ, онъ дѣ- лаетъ ее несчастною. Онъ постоянно занятъ тѣмъ чтобы со- блазнять чужихъ женъ (а это тамъ не трудно) и отарается онъ объ этомъ только для того чтобы хвататься потомъ своими успѣхами. Кромѣ того онъ запутался въ долгахъ и несмотря на то продолжаетъ жить на счетъ своихъ замо- давцевъ съ безумною роскошью и расточительностью. Сло- вомъ, онъ усвоилъ себѣ нравы французскихъ вельможъ, ко- торыхъ называли „*aimables roués*“.

Въ Вѣнѣ, гдѣ самая знатная фамилія считалась между со- бою древностью своего происхожденія, гдѣ аристократія бы- ла болѣе надменная чѣмъ во всякомъ другомъ изъ европей- скихъ государствъ, человекъ, отецъ коего былъ въ дѣтствѣ простымъ пастиухомъ, занявъ такое положеніе что Туны, Эстергази, Лихтенштейны, Лобковичи считали его не только равнымъ себѣ, но чуть ли даже не признавали его первен- ствомъ. Его прозвали тамъ: *der Erzherzog Andreas*. Свою ве- личавую наружностью и утонченною учтивостью онъ производилъ чрезвычайно выгодное для себя впечатлѣніе. Разумов- скій былъ помѣшанъ на этикетѣ и даже въ тѣсномъ семей- номъ кругу не отступалъ отъ него. Онъ любилъ пыш- ные приемы, когда домъ его блисталъ огнями, золотомъ и сере- бромъ,—прыхъ приемовъ не допускалъ вовсе. „Тогда, доказы- ваетъ г. Васильчиковъ, въ гостинныхъ не курили и иначе какъ въ подномъ туалетѣ, со швагой у бедра, на вечерніе приемы не являлись. Въ домѣ Разумовскаго была еще особенность. Пудра въ началѣ шестнадцатаго столѣтія наиннама исчезать; молодые модники стали являться въ большомъ свѣтѣ безъ пудры, лублей и кошачьихъ. Сначала на это смотрѣли какъ на неслыханное вѣдество введенное якобинцемъ Шам- лацци (французскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ) и его свитой. Но мода очень скоро ваяла свое, и надъ пудрой въ щедоав- скихъ дѣльскихъ гостинныхъ стали лосмѣиваться. Однако при дворѣ и въ некоторыхъ домахъ, гдѣ стропо: еще держались

старыхъ правилъ, безъ лудры никто не смѣлъ являться. Во главѣ такихъ домовъ считался домъ Разумовскаго. Простотѣ туда простоволосымъ было немислимо. Молодые щеголи, а въ числѣ ихъ и состоявшіе при русскомъ посольствѣ кавалеры принуждены были послѣ приѣмовъ посла, когда имъ хотѣлось побывать еще у кого въ городѣ, наскоро бѣжать домой чтобы вымыть себѣ голову и явиться въ салоны какъ того требовала повѣйшая мода. Разумовскій былъ жеманъ на женщинѣ изъ самаго знатакаго круга, но не она вліяла на своего мужа аристократическими требованіями, а онъ преслѣдовалъ ее ими. По словамъ г. Васильчикова, графиня Елизавета Осиповна любила иногда запросто принимать у себя гостей и поболтать съ ними за непритомливимъ ужинкомъ. Графъ Андрей Кирилловичъ находилъ однако что такого рода угощенія безчестили посольскій дворецъ, и потому графиня тайкомъ зазывала къ себѣ гостей и подчивала ихъ остатками предыдущихъ роскошныхъ обѣдовъ. Угощенія эти извѣстны были всей Вѣнѣ подъ названіемъ „ужинковъ изъ четырехъ куриныхъ ножекъ“ (*soupers des quatre cuisses*). Всѣ вѣнскіе модники и модницы добивались чести быть допущенными на эти оригинальные вечера; одинъ только посолъ оставался на счетъ ихъ въ полномъ невѣдѣніи. Кого-нибудь изъ домашнихъ, обыкновенно Рибольера или Васильчикова, ставили на сторожѣ; блюда подавались на столѣ закрытый большимъ ковромъ; какъ скоро дѣлалось извѣстно о приходѣ посла, блюда и приборы разомъ скрывались подъ коверъ, и графъ Андрей Кирилловичъ ничего не могъ замѣтить.

Мы нарочно остановились на всѣхъ этихъ подробностяхъ, ибо онѣ какъ нельзя лучше рисуютъ человека. Но ими еще не опредѣляется вполнѣ личность Разумовскаго. На ряду съ непомернымъ тщеславіемъ, расточительностью, жаждой матеріальныхъ наслажденій и раслуцечностью нравовъ, было въ немъ нѣчто внушающее къ нему симпатію. Графъ Андрей Кирилловичъ былъ страстнымъ меломаномъ и глубоко понималъ музыку. Вѣна всегда имѣла репутацію музыкальнаго города по преимуществу; а въ то время о которомъ мы говоримъ процвѣтали въ ней такіе три великіе гевія какъ Гайднъ, Моцартъ и Бетховенъ. Разумовскій находился со всѣми ними въ тѣсныхъ сношеніяхъ, но особенно онъ былъ друженъ съ Гайдномъ, который со своей стороны цѣнилъ

его высоко. „Гениальнаго композитора, говорит г. Васильчиковъ, поразило въ русскомъ мелодикѣ тонкое музыкальное чутье, благодаря которому въ сочиненіяхъ Гайдна угадывалъ Разумовскій самыя сокровенныя побужденія оставшіяся для большинства публики недоступными. Такая музыкальная организація привлекала въ немецкаго художника, который проводилъ долгіе вечера съ Разумовскимъ, поясняя ему сокровенныя мысли своихъ квартетовъ, сонатъ и симфоній. Въ эти разговоры графъ Андрей Кирилловичъ передалъ познаніе Бетховену и чрезъ это имѣлъ громадное вліяніе на музыкальное его развитіе.“ Разумовскій очень любилъ такъ-называемую камерную музыку и вмѣстѣ со своимъ родственникомъ княземъ Лихновскимъ, тоже замѣчательнымъ музыкантомъ, организовалъ образцовый квартетъ для котораго созваны были лучшіе немецкіе виртуозы: Игнатій Шауланциго игралъ на первой скрипкѣ, Іоганнъ Сина на второй, Францъ Вейсъ, — на бранчо, а Липке на виолончели. Квартетъ этотъ, знаменитый въ летописяхъ музыки подъ именемъ квартета Разумовскаго, находилась на полномъ содержаніи русскаго посла. Высшее значеніе онъ получалъ по пріѣздѣ въ Вѣну Бетховена, который въ графѣ Андрей Кирилловичѣ нашелъ вдохновеннаго покровителя и друга. Молодой музыкантъ былъ своимъ человѣкомъ въ палатахъ гордаго дипломата; все что набрасывалъ онъ на бумагу было немедленно разыгрываемо подъ его же руководствомъ Шауланцигомъ, Синою, Вейсомъ и Липке. Малѣйшее замѣчаніе его было для нихъ закономъ. Квартетъ Разумовскаго достигъ всемірной извѣстности, и никогда и нигдѣ не бывали съ тѣхъ поръ въ такомъ совершенствѣ передаваемы произведенія Бетховена. Весь тогдашній міръ искусствъ говорилъ съ восторгомъ о квартетѣ. Одинъ изъ трехъ квартетовъ входящихъ въ орис 59 (Streichquartette) былъ разыгранъ на музыкальномъ вечерѣ у посла въ 1807 году. Меланхолическая черта сквозящая во многихъ изъ музыкальныхъ фразъ этого произведенія, говоритъ г. Васильчиковъ, ясно указываетъ на то что въ основу его легли малороссійскія мелодіи общенародныя. Бетховену графомъ Андреемъ Кирилловичемъ. Долго колебался Бетховенъ кому посвятить свою знаменитую пасторальную симфонію; онъ не рѣшался — имя котораго изъ лучшихъ друзей своихъ, Разумовскаго или Лихновскаго, поставить во главѣ ея. Наконецъ онъ рѣшилъ одну часть посвятить первому, а другую второму.

Мы ничею однако не сказали до сихъ поръ о Разумовскомъ какъ о дипломатѣ. Предоставляя самимъ читателямъ ознакомиться изъ обстоятельнаго и чрезвычайно добро-совестнаго изложенія г. Васильчикова съ его дѣятельностью на этомъ поприщѣ, позволимъ себѣ сдѣлать о немъ только нѣсколько замѣчаній. Разумовскій можетъ служить прототипомъ тѣхъ дипломатовъ—къ несчастію у насъ было ихъ не мало съ прошлаго столѣтія—которымъ было совершенно чуждо пониманіе національной политики, по мнѣнію которыхъ Россія должна была не руководиться ознаніемъ своихъ законныхъ интересовъ, а отстаивать тѣ или другіе общіе принципы. Аристократъ до мозга костей, кичившійся своими строго-консервативными идеями, онъ былъ убѣжденъ что нѣтъ другаго призванія для Россіи какъ быть оплотомъ противъ порядка вещей созданнаго революціоною Франціей. Съ этой точки зрѣнія Австрія, казалась ему, являлась надеждѣшею ея союзницею, и онъ проповѣдывалъ эту мысль съ тѣмъ болѣшимъ увлеченіемъ что самъ изъ Русскаго почти превратился въ Австрийца. Въ тѣ времена когда союзъ этотъ возникалъ, Разумовскій, при своихъ блестящихъ способностяхъ, былъ въ состояніи оказывать услуги,—не настолько однако чтобы не вредить дѣлу своимъ непреодолимыми симпатіями къ Вѣнскому двору. Онъ доказалъ это между прочимъ, когда преемникъ императрицы Екатерины, умѣявшій подавить въ себѣ нерасположеніе къ Разумовскому и сохранившій его на занимаемомъ имъ посту, взявшійся подать вооруженную помощь Австріи противъ Французовъ. Этотъ эпизодъ, извѣстный до сихъ поръ главнымъ образомъ изъ книги Д. А. Милютина, изложилъ г. Васильчиковъ весьма подробно и на основаніи многихъ неизданныхъ документовъ; особенно рельефно выставлена роль Разумовскаго, который въ то время когда началась сильная распря между Суворовымъ и австрийскими министрами, почти всею стоялъ на ихъ сторонѣ. „Будьте послушны мудрости вашего монарха, писалъ ему знаменитый фельдмаршалъ, онъ хочетъ возвратитъ всакому свое! чего благочестивѣе, справедливѣе и тверже? Изгибами вашему Тугуту вы угрожаете Европу и себя въ опасность. Вы вспомните вашу присагу великому монарху!“... Посолъ нашъ былъ отозванъ изъ Вѣны, и мѣсто его занялъ Кольчель. „Это было страшнымъ ударомъ для Разумовскаго, говорить г. Васильчиковъ; его,

адресеваго кавалера, гордаго посла, неприступнаго вельможу, не только сгоняли съ мѣста, но еще отправляли въ ссылку (то-есть заставили отправиться въ пѣнѣе его отца). Въ Вѣнѣ на Андрея Кирилловича смотрѣли какъ на мученика пострадавшаго за благое дѣло... Между тѣмъ Колычевъ получалъ свои вѣрительныя грамоты, представилъ ихъ императору и по старому дипломатическому обычаю повѣстала вышнему обществу что у него будетъ офіціальныи пріемъ. По всей Вѣнѣ стала дымъ столбомъ. Вѣнская знать заголосила, на Разумовскаго она смотрѣла какъ на одного изъ своихъ, а на Колычева какъ на самозванца, и въ первую минуту все рѣшились протестовать и отсутствіемъ своимъ выразить свое несочувствіе незваному новому послу. Много было крика, но окончательно все явилось на зовъ Колычева. Только первый по богатству и положенію австріискій магнатъ князь Эстергази да графъ Дитрихштейнъ, самые близкіе друзья Разумовскаго, не удостоили новаго посла своимъ посѣщеніемъ, чѣмъ послѣдній былъ крайне обиженъ. При этомъ небольшой анекдотъ, не лишній для характеристики графа Андрея Кирилловича: „Все что предпринималъ онъ, облакалось всегда въ непрощиаемую таинственность. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вполне дипломатомъ старой школы. Объ отъѣздѣ его уже давнымъ давно говорила вся Вѣна, но въ посольскомъ домѣ никто не смѣлъ пикнуть о томъ слова; приготовленія дѣлались въ глубочайшей тайнѣ. Когда карета была уже подана къ подѣзду и слесари полагали ложитки, племянникъ графа А. В. Васильчиковъ, состоявшій при посольствѣ, замѣтилъ довѣренному французскому камердинеру своего дяди: „eh bien, voilà l'ambassadeur qui part!“—„Il paraît que cela commence à se dessiner“, таинственно отвѣчалъ Французъ, хватаясь за ручку дверей кареты.“

На родину вернулся Разумовскій съ глубокими уныніемъ; вообще онъ испытывалъ это чувство всякій разъ когда посѣщала ее. Цѣлый годъ продолжалась его охота, но со вступленіемъ на престолъ императора Александра охота открылась предъ нимъ дипломатическое поприще, снова отправился онъ посломъ въ Вѣну. Далекое не все нравилось ему, что происходило въ Петербургѣ: его пугали либеральныя стремленія молодого государя и не былъ онъ доволенъ миролюбивою политикой, которой вначалѣ желалъ придерживаться

Александръ. Война съ Франціей попрежнему плѣвала его воображеніе, и когда въ 1804 году прибылъ онъ на время изъ Вѣны въ Петербургъ, то могъ убедиться что недалеко отъ осуществленія этихъ завѣтныхъ его желаній. Большимъ вліяніемъ пользовался тогда при императорѣ Александрѣ князь Адамъ Чарторыйскій; немногіе въ состояніи были разгадать тайны его замысловъ и менѣе всего былъ способенъ на это Разумовскій съ его крайнимъ космополитическимъ направленіемъ. „Разумовскій, уже давно знакомый въ Вѣнѣ съ Чарторыйскимъ, говорить г. Васильчиковъ, сошелся съ нимъ теперь еще ближе. Въ тайныхъ совѣтахъ Государя, въ которыхъ принималъ участіе и графъ Андрей Кирилловичъ, положено было всѣми силами противиться дальнѣйшимъ замысламъ Франціи и исподоволь готовить противъ нея сильную коалицію. Намѣренія Русскаго царя были вполнѣ безкорыстны, но именно вслѣдствіе этого они должны были тяжкимъ бременемъ лечь на Россію, которую готовили къ борьбѣ съ грознымъ силами Франціи безъ малѣйшей мысли о какомъ-либо вознагражденіи. Одному только Чарторыйскому въ тайнѣ представлялась, среди новыхъ разгромовъ, возможность восстановленія Польши, хотя бы на первыхъ порахъ подъ экиветромъ Русскаго императора... Идеальному воображенію Александра Павловича представлялась исключительно общечеловѣческая идея замиренія; онъ рѣшился добыть Европѣ миръ даже силою оружія, тѣмъ болѣе что врагъ общаго спокойствія въ глазахъ цѣлаго міра его лично обидѣлъ. Въ юныхъ своихъ пріятеляхъ, въ речахъ представителей нашихъ за границей, забывшихъ болѣею частью среди дипломатическаго крочкотворства объ истинныхъ потребностяхъ родины, Александръ Павловичъ находилъ полное одобреніе. Послѣднимъ аккордомъ въ этомъ общемъ строѣ единодушія были слова и совѣты Разумовскаго, съ радостью взглянушаго на тѣ новыя вѣянія подъ вліяніемъ которыхъ находилась государь и окружающая его среда.“

Г. Васильчиковъ довелъ біографію графа Андрея Разумовскаго до первой коалиціи противъ Франціи при императорѣ Александрѣ, и нельзя не пожелать скорѣйшаго окончанія этого превосходнаго труда.

II.

Нефтяные источники Брадфорда (в Северной Америке) и ее окрестностей. Составил инженеръ-технологъ Гулишамбаровъ. Тифлисъ 1882.

Нефтяное дѣло у насъ на Кавказѣ такъ быстро развивающееся въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ заслуживаетъ особеннаго вниманія по той важности какую имѣетъ для торговли эта отрасль промышленности. Несмотря на то что наши источники гораздо богаче американскихъ, и что при правильной ихъ разработкѣ мы могли бы производить нефтью не только себя но и всѣ сосѣднія государства, до сихъ поръ здѣсь имѣютъ мѣсто нѣкоторыя неблагоприятныя вліянія сильно тормозящія дѣло, и Россія покупаетъ даже часть керосина у Америки; она уплатила на примѣръ ей въ прошломъ году за всѣ нефтяные продукты 800.000 рублей. Положимъ эта сумма для Америки, забравшей все освѣщеніе міра въ свои руки и продавшей на примѣръ въ томъ же году одной Германіи разныхъ продуктовъ нефти на 18 милліоновъ,—ничтожна, но какъ бы то ни было, ею выражается наша экономическая зависимость, и надо стремиться всѣми мѣрами къ уничтоженію этой зависимости, по крайней мѣрѣ относительно такого предмета какъ нефть, которымъ мы богаче чѣмъ Американцы. Но дѣло въ томъ что у насъ на примѣръ въ Баку совсѣмъ оконченная буровая скважина бросается какъ не стоящая разработки, если она даетъ только 100—200 пудовъ въ сутки, между тѣмъ какъ въ Америкѣ есть скважины дающія только около 2½ пудовъ и все-таки эксплуатируемыя. Кромѣ того наше нефтяное дѣло идетъ часто безъ тѣхъ техническихъ приспособленій которыя въ настоящее время выработаны наукой. Американцы зорко слѣдятъ за развитіемъ нефтянаго дѣла у себя и въ другихъ государствахъ, знакомы съ литературой предмета, имѣютъ специальный журналъ и т. д. Наша же техническая литература сообщаетъ весьма мало новостей по этому предмету, а сами нефтепромышленники до сихъ поръ не находятъ для себя возможнымъ имѣть специальныхъ корреспондентовъ. Авторъ книги поэтому предполагаетъ что его очерки могутъ привести пользу лицамъ интересующимся

даннѣмъ дѣломъ. Онъ былъ командированъ въ концѣ 1879 на два года специально для изученія современнаго состоянія нефтянаго дѣла въ Европѣ и Америкѣ. Въ настоящее время имъ готовится къ печати подробный отчетъ о своемъ путешествіи, состоящій изъ 10 томовъ, но такъ какъ печатаніе такого большаго отчета можетъ замедлиться по недостатку средствъ, то онъ и предполагаетъ выпускать время отъ времени отдѣльные отчеты по различнымъ отдѣламъ нефтянаго дѣла. Въ настоящемъ отчетѣ авторъ знакомитъ насъ съ нефтянымъ дѣломъ Америки, страны въ которой эта отрасль промышленности развиты болѣе чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ.

Прежде всего авторъ описываетъ исторію развитія нефтянаго дѣла въ Америкѣ. „Нефть была открыта въ Пенсильваніи въ 1859 году; по настоящее время были открыты тамъ три главные нефтяные бассейна: 1) въ графствѣ Венанго, на берегу прославленнаго Маслянаго Ручья (Oil Creek); 2) въ графствѣ Бутлеръ, на берегу Боброваго ручья (Beaver Creek) и 3) въ графствѣ Макъ-Кинъ (Mac Ken), примыкающемъ къ южной границѣ штата Нью-Йоркъ. Въ свое время два первые бассейна давали громадное количество нефти, и скважины дававшія по 300—500 баррелей въ сутки не составляли исключительнаго явленія, а напротивъ были очень обыкновенными. Но въ то же время производительность ихъ бывала непродолжительна, и потому признаки истощенія Венанго и Бутлера стали ясно обозначаться уже спустя 10 лѣтъ послѣ ихъ открытія. Въ настоящее же время оба эти бассейна до такой степени истощены что едва даютъ 3—4⁰ нефти, добываемой въ Брадфордскомъ округѣ, графствѣ Макъ-Кинъ. Этотъ послѣдній округъ служитъ въ настоящее время главнымъ центромъ америкавской нефтяной промышленности и далѣ въ послѣднія шесть лѣтъ своего существованія слышкомъ 55 милліоновъ баррелей нефти. Поэтому неудивительно что признаки и его истощенія уже начинаютъ обозначаться. Правда что они еще не резко обозначались, но по справедливому выраженію Стоуэля они представляютъ уже ообю руку лишущую роковыя слова на стѣнѣ. Площадь залеганія нефти ясно обозначалась еще въ концѣ прошлаго года, и за ея предѣлами либо вовсе не находятъ нефти, либо находятъ въ такомъ ничтожномъ количествѣ что не стоитъ разработки. Ограниченіе этой площади было началомъ конца Брадфордскаго нефтянаго дѣла.“

Нефть въ Брэдфордѣ была открыта не случайно, какъ много нашихъ источниковъ въ Баку. „Когда въ началѣ 60хъ годовъ въ Америкѣ быстро начала развиваться нефтяная промышленность и такъ-называемая нефтяная лихорадка охватила собою можно сказать все слои американскаго общества, тогда нѣкоторые искатели нефти стали забѣгать впередъ отъ известныхъ нефтяныхъ пунктовъ чтобъ отыскивать новые источники. Одинъ изъ такихъ искателей нефти, нѣкто Динъ, въ 1865 году, когда нефть, какъ говорится, рѣкой лилась на югъ, въ Татуйсвилъ, Oil City и Паркеръ, удаллся значительно впередъ на сѣверъ, въ *Bradford*, и началъ производить тамъ свои пробныя буренія. Но первые опыты были неудачны, и только чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ концѣ 1871 года, впервые добыли нефть. Собственно же развитіе брэдфордскаго нефтянаго дѣла можно считать съ 6 декабря 1874 года, когда была окончена вторая буровая скважина, привлекая къ себѣ всеобщее вниманіе. Съ этихъ же поръ сталъ развиваться и Брэдфордъ; бывшій до этого ничтожною деревушкой. Авторъ очень живо описываетъ исторію этого быстрого развитія, но за подробностями мы отсылаемъ читателей къ самой брошюрѣ, здѣсь же сдѣлаемъ только нѣсколько выписокъ, такъ какъ исторія Брэдфорда можетъ служить образцомъ вообще американской предпримчивости. .

Какъ сильно было развитіе нефтянаго дѣла въ Брэдфордѣ видно изъ того что первый колодезь былъ заложенъ только въ концѣ 1874 года, и уже въ началѣ августа 1881 года, то-есть спустя 6½ лѣтъ ихъ насчитывалось болѣе 12.000 или сличкомъ 1.800 скважинъ въ годъ среднимъ числомъ. Вышки вырастаютъ буквально какъ грибы послѣ дождя и часто ихъ авляется по 300 штукъ въ мѣсяцъ, то-есть столько околько у насъ Баку *съ 6 лѣтъ, начиная съ 1 января 1873 года по 1 января 1879 года.*

„Брэдфордъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, скоро разросся въ довольно большой городъ; открылся въ немъ телеграфъ, открылись желѣзныя дороги, открылись всевозможныя мастерскія и склады съ различными принадлежностями для производства буровыхъ работъ и наконецъ открылась даже спеціально нефтяная биржа. Въ настоящее время въ Брэдфордѣ есть все что только нужно для производства работъ, а если чего и нельзя доставить, то каждый день оттуда отходитъ столько поездовъ по разнымъ направленіямъ что

въ очень короткое время отовсюду можно получать все что угодно. Вся постройка въ немъ деревянная и только два, три общественных зданія каменные. Даже тротуары и тѣ деревянные. Но что особенно поражаетъ непривычнаго наблюдателя это множество деревянныхъ вышекъ на каждой улицѣ. Почти во дворѣ каждаго дома можно найти одну или нѣсколько вышекъ и почти изъ всѣхъ нихъ получаютъ нефть. Несмотря на такую близость къ нимъ жилыхъ помѣщеній, пожары собственно въ Брандфордѣ бывають не такъ часто какъ можно было бы думать. Даже не рѣдко можно видѣть во дворѣ высокую желѣзную трубу изъ которой постоянно выходитъ горячій газъ изъ нефтяной скважины и горитъ и днемъ, и ночью. Вся дома, также какъ и вся брандфордская обстановка сшиты на живую нитку, если можно такъ выразиться. На всемъ видно что люди не предполагають долго остаться здѣсь, что они здѣсь только на время, и потому каждый торопится воспользоваться этимъ временемъ и работаетъ много. Такого оживленія, такой работы и дѣятельности какъ въ Брандфордѣ не часто можно видѣть въ другихъ даже американскихъ городахъ, а е европейскихъ и говорить нечего.

„Не менѣе поразительно для непривычнаго глаза и освѣщеніе города не только ночью, но даже днемъ. Дѣло въ томъ что Брандфордъ освѣщается и отопляется естественнымъ нефтянымъ газомъ выходящимъ изъ нефтяныхъ колодцевъ, и благодаря особенымъ условіямъ газъ обходится такъ дешево что городъ не считаетъ нужнымъ гасить фонари даже днемъ. То же самое повторяется и во всѣхъ общественныхъ котворахъ. Газовое общество собираетъ газъ изъ 3—5 нефтяныхъ колодцевъ, находящихся въ 6 миляхъ отъ Брандфорда, въ небольшой газгольдеръ. Отъ послѣдняго проводится бдюймовая труба въ городской газгольдеръ, а уже изъ послѣдняго газъ распространяется почти по всѣмъ домамъ и употребляется какъ для освѣщенія, такъ и для отопленія комнатныхъ и кухонныхъ печей.

„Чтобы взглянуть на Брандфордъ съ птичьего полета, достаточно подняться на которую-нибудь изъ четырехъ возвышенностей заключающихъ городъ въ котловину. Городъ весь устланъ вышками, но послѣднія идутъ гораздо далѣе городской черты, такъ что и вся окрестность возвышенности точно также устлана вышками. Высота не прелатствуетъ

американской предприимчивости и отовсюду можно видеть как на неприступной горной выси открыто возвышается асфальтная вышка и притомъ не одиноко, а выстроитъ съ многими другими. Къ сожалѣннѣю нѣтъ подробныхъ картъ, на которыхъ были бы обозначены всѣ скважины, чтобы показать какъ густо устроены вышками всѣ углубляющіяся горы отъ подошвы до вершины. Но это не только близъ города, но и гораздо дальше... Идите въ какую угодно сторону отъ Брандфорда, часть, другой, и непрерывная цѣль вышекъ всюду будетъ слѣдовать за вами.

Въ продолженіе всего пути мѣстность покрыта вышками и жилищами компаніантовъ, въ которыхъ живутъ рабочіе и мастеровые производящіе буровыя работы. Отъ Брандфорда до Babcock Mile цѣль здавій и вышекъ нигдѣ не прерывается, хотя нѣкоторыя мѣста этой цѣли и носятъ различныя названія. Опредѣлить гдѣ начинается одна деревня, или какъ сами Американцы называютъ city, и кончается другая, рѣшительно невозможно: вся мѣстность сплошь покрыта вышками, вокругъ которыхъ ютятся небольшіе домаки рабочихъ. Только мѣстами, гдѣ находятся болѣе обильные источники нефти или мѣстность наиболее удобна для жилья, дома скупаются нѣсколько чаще и эта кучка домовъ составляетъ въ административномъ дѣленіи самостоятельное цѣлое, city. Дѣло вездѣ по этому пути до такой степени густой что вырубать его топоромъ почти невозможно или стоило бы большихъ денегъ. Тутъ на помощь топору пускаютъ огонь, который быстро оголяетъ десятину за десятиной, оставляя только обгорѣлыя ячи нѣсковыхъ деревьевъ, которыхъ даже этотъ всеразрушающій дѣватель не можетъ разрушить. Чтобы начать работы на этой мѣстности, необходимо очистить ее отъ обгорѣлыхъ лѣвъ въ изобиліи торчащихъ повсюду. Но употребить для этого машины дорого и долго; за то выкопать лѣвъ лѣвами небольшія ямки, заложить динамитъ и взорвать на воздухъ дешево и скоро. Такъ истребляютъ Американцы лѣвъ чтобъ эксплуатировать нефть. На оголенныхъ мѣстахъ быстро закипаетъ работа, вышка вырастаетъ за вышкой, и не пройдетъ мѣсяць или другой какъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ образуются новые города. Это такъ-сказать летучіе города. Къ новому городу быстро направляется вѣтвь отъ ближайшей желѣзной дороги, облегчая ему сообщеніе съ другими мѣстами и подвозя ему необходимые для работы матеріалы.

По этимъ мѣстамъ всюду таятся только заколѣпанная желѣзная дорога, которую тоже не безъ основанія можно назвать летучею дорогой. Она строится на скорую руку и поднимается по такимъ крутизнамъ и дѣлаетъ такіе крутые повороты о которыхъ Европейцу даже трудно составить себѣ понятіе. Быстрота ея постройки вполне отвѣчаетъ скорости образованія городовъ въ этой мѣстности. Но новые города исчезаютъ такъ же быстро какъ и появляются, и желѣзная дорога тоже слѣдуетъ за ними. Истощается нефть въ одномъ мѣстѣ, городъ переносится на другое. Желѣзная дорога въ свою очередь быстро разбираетъ свои рельсы, шпалы и слѣдомъ идетъ за кочевьемъ искателей нефти. На ея пути нельзя встрѣтить ни глубокихъ выемокъ, ни высокихъ насыпей, ни прочныхъ мостовыхъ сооруженій; гдѣ приходится дѣлать глубокія выемки, тамъ она предпочитаетъ либо обойти возвышенное мѣсто, либо перейти черезъ него. А гдѣ встрѣчается оврагъ или рацелина, тамъ она опрокидываетъ вѣковыя деревья, сколачиваетъ на живую руку деревянные козла, прокладываетъ по нимъ бруссы, шпалы, рельсы и проволочится далѣе. Все дѣлается на лету, потому что не надоога.“

Уже изъ этихъ выписокъ мы видимъ какую несокрушимую энергію вноситъ Американецъ въ какое-нибудь предпріятіе. Разъ онъ отыскалъ нефть, онъ не валяетъ дѣло черезъ пень колоду, какъ наши нефтепромышленники въ Баку, вѣтъ, онъ присасывается къ землѣ какъ пиявка, онъ сосетъ ее тысячько рожковъ, пока не истощитъ всю; тогда онъ идетъ далѣе, оставляя на опустѣлыхъ поляхъ свои вышки, которыхъ не даетъ себѣ труда даже снять. Самая небрежность обходится ему какъ-то дешевле чѣмъ намъ. У насъ напримѣръ мужикъ мало знакомъ съ нефтью и ея продуктами, а пожары составляютъ одинъ изъ самыхъ ужасныхъ бичей нашей родины и среднимъ числомъ черезъ каждыя 15 лѣтъ выгораютъ сплошь вся соломенно-деревянная Россія; тамъ же, напримѣръ въ Бранфордѣ, гдѣ вышки въ каждомъ домѣ, гдѣ жгутъ лѣсъ чтобы разчистить мѣста, пожары бываютъ не особенно часто и среднимъ числомъ сгораютъ въ годъ до 200 вышекъ, то-есть около 2%, что очень не много. Здѣсь страхуютъ даже буровыя скважины, и лучшее доказательство что опасность отъ огня не велика, это невысокая страховая премія.

Всѣ работы ведутся при помощи самыхъ усовершенство-
ванныхъ методовъ. Вездѣ дѣйствуетъ ларь, при каждой вышкѣ
непремѣнно находится паровой котель, часто помѣщаемая пря-
мо на кучѣ каменьевъ. Нефть или бьетъ сама въ видѣ фон-
тана, иногда производимаго искусственно, или выкачивается
паровыми насосами. Отъ скважины идетъ желѣзная труба
прямо по землѣ, по которой и стекаетъ нефть, до ближай-
шаго резервуара трубной компаніи.

Торговля нефтью организована крайне просто и удобно.
Здѣсь нѣтъ такихъ колебаній, не дѣйствуютъ всѣ въ раз-
бродъ какъ у насъ въ Баку, гдѣ часто одинъ продаетъ нефть
по 15 коп. за лудъ, тогда какъ другой не можетъ продать и
по 10. Нѣтъ, здѣсь нефть *ося и вездѣ* продается по одной
цѣнѣ. Нефтепромышленникъ всю свою нефть, какого бы
качества она ни была, доставляетъ въ резервуаръ ближайша-
го общества, причемъ разстояніе отъ вышки до резервуара
не принимается въ расчетъ, все равно—значительно оно или
вышка стоитъ почти рядомъ съ резервуаромъ. Это даетъ
нефтепромышленнику возможность не стѣсняться выборомъ
мѣста для своей вышки и ставить ее хоть на неприступ-
номъ утесѣ, если онъ надѣется достать тамъ нефть. Обще-
ство беретъ съ хозяина нефти 20 центовъ за каждый барриль
(8 лудовъ) и 3% всего объема на усышку и утечку. За это
нефть остается бесплатно въ резервуарахъ общества въ про-
долженіе цѣлаго мѣсяца. Общество даетъ промышленнику
квитанцію на полученную нефть, и эту квитанцію онъ про-
даетъ на биржѣ какъ товаръ, продаетъ одному, тотъ друго-
му, третьему, десятому, такъ что квитанція въ теченіе мѣ-
сяца можетъ перейти множество рукъ, а нефть все еще бу-
детъ храниться въ резервуарахъ общества. Всѣ дѣла дѣлают-
ся на нефтяныхъ биржахъ въ Татуйсвилѣ, Питсбургѣ и
др. Наконецъ если находится покупатель желавшій подверг-
нуть нефть дальнѣйшей обработкѣ, онъ беретъ ее изъ ре-
зервуаровъ общества и отправляетъ въ портовые города
Атлантическаго океана, или по нефтепроводамъ, гдѣ они
имѣются, или въ наливныхъ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ.
Понятно такимъ образомъ что цѣна нефти на мѣстѣ всегда
одна и та же и сбытъ зависитъ только отъ спроса. А спросъ
всегда существуетъ, оттого что Америка освѣщаетъ свою
нефтью всѣ государства міра. При этомъ американскіе
нефтепромышленники довольствуются гораздо меньшею

прибылью чѣмъ наши бакинскіе, но дѣлая громадныя обороты все-таки получаютъ больше барыша. Буровая скважина въ Америкѣ обходится отъ 3 до 4 тысячи долларовъ, а у насъ въ Баку отъ трехъ до четырехъ тысячъ рублей. Собственно скважина стбитъ 1.000 долларовъ, такъ какъ буровыя работы сдаютъ особой компаніи специально только этимъ и занимающейся. Сверлить приходится до глубины 1.500—1.800 футовъ, до третьяго Бадфордскаго нефтаного леску. За каждый пройденный футъ берутъ до 60 центовъ и при благоприятныхъ условіяхъ проходить до 50 футовъ въ день.

Авторъ далѣе приводитъ цифровыя данныя, по которымъ можно видѣть какое количество нефти добывается помѣсячно, посуточно и притомъ въ одномъ Бадфордскомъ округѣ и во всей Пенсильваніи. Брошюра написана очень легкимъ слогомъ, что составляетъ не мало важное удобство въ подобнаго рода специальныхъ сочиненіяхъ. Въ концѣ авторъ замѣчаетъ что производительность Бадфорда теперь уменьшается, такъ какъ громадное количество добытой нефти уже значительно истощило бассейнъ. Американцы уже теперь производятъ пробныя буренія въ разныхъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ, но до сихъ поръ безъ успѣха, и у нихъ теперь все больше укореняется убѣжденіе что Бадфордъ послѣдній большой нефтяной бассейнъ. Истощится онъ, и нефть немедленно поднимется въ цѣнѣ, если только не найдется другой бассейнъ. Можетъ-быть къ тому времени и наше нефтяное дѣло на Кавказѣ разовьется настолько что намъ уже не придется покупать нефть у другихъ, а напротивъ мы сами будемъ въ состояніи снабжать ею сосѣднія государства.

III.

Путешествіе А. Э. Норденшельда вокругъ Европы и Азии, на пароходѣ „Вега“ съ 1878—1880 году. Выпуски 5 и 6. Изданіе В. И. Валеміуса. С.-Петербургъ 1882 года.

Путешествіе Норденшельда продолжаетъ печататься. Недавно появились въ свѣтъ 5 и 6 выпуски. Все сочиненіе будетъ состоять изъ 12 выпусковъ и по всему вѣроятію кончится въ нынѣшнемъ году. 5 и 6 выпуски пожалуй самыя интересныя изъ всѣхъ вышедшихъ до сихъ поръ. Въ нихъ Норденшельдъ описываетъ свою невольную зимовку на сѣверѣ Азіатскаго

материка, недалеко от Берингова пролива. Экспедиция, как известно, предполагала в один год объехать материк Старого Света, и это по всему вѣроятію и удалось бы, такъ какъ было предусмотрено все возможное что находится во власти человека, чтобы обезпечить успѣхъ. Но зима 1878 года разрушила всѣ планы. Льды оказались в большемъ количествѣ нежели на какое можно было разчитывать суда по прежнимъ наблюденіямъ, и когда путешественники были почти на порогѣ Тихаго Океана, всего в нѣсколькихъ десяткахъ миль отъ Берингова пролива, масса льдовъ загородила имъ путь. Долгую суровую зиму пришлось провести в мѣстности до сихъ поръ почти не посѣщаемой Европейцами, кромѣ развѣ нѣсколькихъ китолововъ, случайно заходящихъ сюда изъ Берингова пролива. Единственными сосѣдями путешественниковъ были Чукчи-оленьеводы, небольшія партіи которыхъ имѣли не подалеку свои становища. Положимъ, для науки эта стоянка не пропала даромъ: была собрана масса различныхъ коллекцій, были произведены цѣлые ряды наблюденій и добыты данныя имѣвшія громадный научный интересъ; положимъ, экспедиція была снабжена всѣмъ необходимымъ слишкомъ на два года, и велась такимъ образцовымъ образомъ что во всю зимнюю стоянку *никто не умеръ*; но какъ бы то ни было, в теченіе долгой зимы пришлось перенести много лишеній, не говоря уже о весьма попятной боязни за будущее, опасеніи за цѣлость корабля, который могъ погибнуть при движеніи льдовъ. Да и на далекой родинѣ начинали беспокоиться о ходѣ экспедиціи, и къ маю 1879 года, не получая о ней никакихъ извѣстій, серьезно подумывали послать суда на выручку. Но по счастью Норденшельду удалось уговорить одного Чукчу, нѣкоего Василія Менку, доставить письма въ ближайшее русское селеніе, что и было имъ исполнено. Норденшельдъ сообщаетъ массу интересныхъ свѣдѣній объ этихъ дикаряхъ, объ ихъ образѣ жизни, нравахъ, привычкахъ. Они напримѣръ и не подозреваютъ о существованіи Русскаго Царя, хотя знаютъ что какое-то очень важное лицо живетъ въ Иркутскѣ. В теченіе всей зимы Чукчи были на пароходѣ постоянными гостями; они пріѣзжали каждый день продавать что-либо, если было что, а то просто ловить, такъ какъ ихъ постоянно кормили на *Везъ*. Одинъ изъ путниковъ даже выучился говорить по-чукотски, и къ сочиненію приложилъ списокъ

чукотскихъ словъ, записанный имъ. Нечего и говорить что несмотря на заботы и заботы дни проходили крайне однообразно; пользовались каждымъ случаемъ чтобы внести хоть малѣйшее разнообразіе. На пароходѣ отпраздновали сочельникъ и Новый Годъ лальбой изъ лушекъ и ракетами; праздновали тезоименитство Императора Александра II и королей Оскара, Христиана и Гумберта, въ виду того что на кораблѣ были не только Шведы и Норвежцы, но и Датчанинъ, Итальянецъ и Русскій. Охотились, читали, въ корабельной библіотекѣ было до тысячи томовъ: развлеченіемъ служили также оживленные разговоры съ Чукчами, которые часто прѣзжали изъ ближайшихъ становищъ, и ѣзда на собакахъ. Придумывались различныя празднества, напримеръ елка на Рождество, словомъ, дѣлалось все возможное для оживленія страшнаго однообразія, тяготившаго жителей *Веги*, осужденныхъ провести 10 мѣсяцевъ среди 45° морозовъ и подъ покровомъ почти вѣчной ночи. Выстроили даже цѣлый ледяной домъ, гдѣ помѣстили магнитную и метеорологическую обсерваторію. Трудно отказать себѣ въ удовольствіи привести одну выписку чтобы показать какимъ образомъ проводили жизнь эти люди, ради науки добровольно зашедшіе сюда, въ эти мертвыя пустыни.

На страницѣ 505 читаемъ: „Чтобы дать читателямъ понятіе о нашемъ житьѣ-бытьѣ на *Веги*, я сообщу живое описаніе одного дня, принадлежащее Челльману: „Половина девятого утра. Обсерваторъ, пробывъ пять часовъ въ ледяномъ домѣ, вернулся ночью. Температура (въ домѣ) держалась около 11—16°. Показанія о погодѣ хороши. Морозъ на нѣсколько градусовъ ниже 30°, полуднево, и противъ обыкновенія нѣтъ вѣтра. Мы уже завтракали. Сигары, папиросы и трубки начинаютъ дымиться, и всѣ изъ каютъ-компаніи выходятъ на палубу проматываться и подышать свѣжимъ воздухомъ; подъ палубой тѣсно и душно. Взоръ покоится на пустынныхъ, слабо освѣщенныхъ окрестностяхъ. Видъ ихъ со вчерашняго дня не измѣнился; повсюду бѣдется безконечная гладь, лишь изрѣдка прерываемая цѣлью холмовъ или торосовъ, надъ которыми лаять коршуны ища добычу. „Мечинко Орлисть“, „Мечинко Окерлисть“, Мечинко Келманъ“ и т. д. раздается со всѣхъ сторонъ на палубѣ и на льду около суда. „Орлисть“ означаетъ Нордквистъ, а „Окерлисть“—Стуксбергъ. Наши друзья Чукчи уже явились съ утреннимъ привѣтомъ. Хорошая

погода заманила къ намъ сегодня много посѣтителей, отъ тридцати до сорока туземцевъ. Женщины, здороваясь, замѣчаютъ въ словѣ „мечинко“ звукъ ч болѣе мягкимъ лаоковымъ ч. Что посѣтителю не прибыла лѣтникомъ, а привѣтали, на это указываетъ множество вѣтилажей около парохода. Сапки Чукчей малы, низки, узки и легки; въ нихъ залпращено отъ четырехъ до двѣнадцати собакъ. Сапки изготовлены изъ кусковъ дерева и оленьяго рога, связанныхъ ремнями изъ тюленьей шкуры. Полозья—изъ пластивъ китовыхъ реберъ. Остроносыя, длинношерстыя, грязныя собаки отдыхаютъ въ сѣвгу, свернувшись калачикомъ. За привѣтствіемъ какъ сегодня, такъ и въ прежніе дни посаждовало: „Quinga mongi kauki“, что означаетъ: „я голоденъ, мнѣ есть нечего, дай мнѣ хлѣбца!“ Несчастныя существа въ настоящее время терпятъ нужду, — тюленьина, главная пища ихъ, въ эту пору трудно достается. Единственная пища бѣдажекъ въ это время состоитъ изъ рыбы (два вида наваги), но эта пища мало питательна. Исхудала же она съ тѣхъ поръ какъ мы впервые встрѣтились.

„Вскорѣ мы окружены вазоблавыми знакомыми. Начинается ежедневная армарка. Дикари притащили для продажи предметы завѣдомо нами покупаемые, какъ-то: оружіе, мѣха, украшенія, игрушки, рыба, китовыя кости, морскія водоросли и т. д., и за все это они теперь просятъ исключительно „кауки“. Сегодня привозъ китовыхъ костей великъ, такъ какъ у насъ въ предыдущіе дни былъ спросъ на нихъ; одинъ притащилъ позвонокъ, другой ребро или куски его, третій лопатку, и т. д. Чукчи не стыдятся возложить большую обузу на своихъ тощихъ собакъ.

„Послѣ прогулки и мѣнливой торговли съ туземцами члены каютъ-компаніи приступаютъ къ своимъ занятіямъ. Одни удаляются въ каюты, другіе остаются въ общей каютъ-компаніи. Метеорологическія и магнитныя наблюденія предыдущаго дня переписываются и приводятся въ порядокъ; естественно-историческія коллекціи разбираются и изучаются; члены экспедиціи предаются чтенію спеціальныхъ сочиненій и приведенію въ порядокъ матеріала для будущихъ научныхъ сочиненій. Иногда занятія прерываются разговоромъ то дѣловымъ, то шутивымъ; изъ машинной слышатся удары молотомъ и визгъ напильниковъ. На довольно теплой, но не особенно свѣтлой средней палубѣ, часть вѣтилажа занимается корабельными работами. Въ кухнѣ поваръ заваленъ работой,

они готовить обѣдъ. Кулинарныхъ дѣлъ мастеръ привѣтливъ какъ всегда, но иногда онъ терпѣть терпѣннѣе отъ безпрестанныхъ просьбъ Чукчей дать имъ воды (минималъ); онъ тогда ворчить что-то не лестное для *музубоо* (прозвище Чукчей на суднѣ).

„Время до обѣда проходитъ безмятежно; около двѣнадцати часовъ пополудни всѣ члены каютъ-компаніи опять прогуливаются по палубѣ. Въ носовой части большое оживленіе; наступила обѣденная пора для экипажа. Вся толпа Чукчей собралась при слухѣ въ помѣщеніе команды. Одна миска съ супомъ за другою появляются на палубѣ и содержимое ихъ уничтожается почти мгновенно тѣми счастливицами, которымъ при давкѣ удалось одержать верхъ. Куски хлѣба, мяса, сахара и т. п. щедро раздаются и быстро исчезаютъ. Наконецъ появляется самъ поваръ съ большимъ котломъ наполненнымъ супомъ; Чукчи кидаются какъ голодные звѣри на посудину, черпаютъ изъ нея ложками, порошниками жестяными банками (изъ-подъ консервовъ) и просто горстями. Несмотря на лютую стужу женщины иногда обнажаютъ руку и часть груди для того чтобы малаца не мѣшала черпать рукой изъ котла. Нельзя сказать чтобы зрѣлище было пріятное.

„Около трехъ часовъ пополудни начинаетъ темнѣть и наши гости отправляются одинъ за другимъ, во своаца, но съ тѣмъ чтобы завтра вернуться опять. На суднѣ водворилась опять тишина, около 6 часовъ команда окончила свои занятія; остальнымъ временемъ имъ полагается располагать по своему усмотрѣнію. Большая часть изъ нихъ проводятъ время въ чтеніи. Ужинъ въ каютъ-компаніи подается въ половинѣ восьмага вечера. Послѣ ужина очередной обсерваторъ (для смѣны отъ девяти часовъ вечера до двухъ часовъ слѣдующаго утра) сваражается въ путь къ ледяному дому. Общество въ каютъ-компаніи проводитъ время въ разговорахъ, играхъ, легкомъ чтеніи и т. п. Въ десять часовъ всѣ расходятся по своимъ каютамъ и лампы гасятся, во въ каютахъ иногда свѣчи горятъ далеко за полночь.

„Такимъ порядкомъ вообще текла наша жизнь зимою на *Вегъ*. День ото дня мало чѣмъ отличался. Во время бурь, метелей и сильнаго мороза, мы оставались больше подъ налудой; когда же погода была лучше, то время проводилось больше на вольномъ воздухѣ. Часто навѣщали наблюдателя

въ обсерваторіи и сосѣдей Чукчей, или бродили по окрестностямъ, хотясь за дичью.“

Такъ прошелъ годъ. 18 июля 1879 года ледъ разошелся, и *Вега* могла продолжать далѣе свой путь. Но несмотря на то что плаваніе заняло два года, Норденшельдъ все-таки думаетъ что въ будущее время эти экспедиціи, если только онѣ понадобятся для торговыхъ цѣлей, можно будетъ совершать въ годъ. „Было ли наше плаваніе, говоритъ онъ, вдоль сѣвернаго берега Азіи до залива Колючинъ счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, или въ природѣ и свойствѣ вещей, это выяснитъ будущее. Я со своей стороны того мнѣнія что подобное же счастливое стеченіе обстоятельствъ будетъ со временемъ часто повторяться. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію что если намъ удалось пробраться до этого мѣста, то необходимость перезимовки среди льдовъ обуславливалась лишь несчастливою случайностью и необыкновеннымъ состояніемъ и распредѣленіемъ льда въ Сѣверномъ Беринговомъ морѣ осенью 1878 года.“

Вообще по мнѣнію Норденшельда только отъ мореходнаго сообщенія Сибири съ остальнымъ свѣтомъ можно ожидать благодѣтельныхъ послѣдствій для этой страны. По его мнѣнію „Сибирь обладаетъ очень выгодною системою внутреннихъ сообщеній; но съ другой стороны морское сообщеніе этой страны съ остальнымъ свѣтомъ возможно лишь по Ледовитому морю. Поэтому-то мореходство вдоль сѣверныхъ Сибирскихъ береговъ имѣетъ такое огромное значеніе. Если мореходство установится, то достаточно будетъ незначительныхъ гидротехническихъ работъ для того чтобы Сибирь превратилась въ одну изъ счастливѣйшихъ странъ, по обилію дешевыхъ путей для перевозки товаровъ; въ такомъ случаѣ несомнѣнно осуществится цѣль къ которой издавна стремились пионеры полярнаго мореходства, а именно открытіе Сѣверо-Восточнаго торговаго пути въ Китай. Если же судоходству по Ледовитому морю не суждено установиться, то Сибирь еще на долгое время останется страной богатою сырымъ товаромъ, но бѣдною всѣмъ необходимымъ для удовлетворенія требованіямъ удобства и комфорта, составляющимъ въ наше время почти принадлежность образованнаго человѣка.

„Многіе полагаютъ что нынѣшній недостатокъ въ удобныхъ торговыхъ путяхъ сообщенія можетъ быть устраненъ

проведеніемъ желѣзной дороги чрезъ Россію и Южную Сибирь. Но въ дѣйствительности это не такъ. Морское сообщеніе представляется напротивъ необходимымъ условіемъ для осуществимости подобной желѣзной дороги. Безъ сомнѣнія не можетъ быть и рѣчи о перевозкѣ продуктовъ земледѣлія и лѣсоводства на протяженіи отъ трехъ до пяти тысячъ верстъ, то-есть на разстояніи отдѣляющемъ плодородную область Оби-Иртыша отъ ближайшаго европейскаго порта. Если даже допустить что перевозка по желѣзной дорогѣ на разстояніи километра можетъ быть удешевлена до платы $2\frac{1}{2}$ *ере* за тонну, то все-таки доставка изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей Сибири до порта на Балтійскомъ морѣ обойдется отъ 75 до 125 *кронъ* за каждую тонну. (Полагая *крону* по плохому курсу равною 55 *кол.* получимъ что поверстная плата съ луда будетъ простираться до $\frac{1}{44}$ *кол.*, а перевозка луда на полное означенное выше разстояніе обойдется отъ 69 *кол.* до 1 р. 13 *кол.*) Прибавляя къ стоимости провозки еще расходы по перегрузкѣ прїдемъ къ убѣжденію что ни одинъ изъ продуктовъ хлѣбшества и лѣсоводства не можетъ быть обремененъ подобными накладными расходами; это легко усматривается изъ сличенія современныхъ цѣвъ пшеницы, ржи, овса, ячменя, бревенъ и т. п. на всемірномъ рынкѣ. Но пока сибирскій земледѣлецъ лишенъ возможности продавать сырые продукты, до тѣхъ поръ страна должна оставаться такъ же рѣдко населенною какъ и въ настоящее время. Съ другой стороны населеніе Сибири не въ состояніи будетъ прїобрѣтать такіа произведенія современной промышленности которыя возможно обременить большимъ накладнымъ расходомъ по перевозкѣ и перегрузкѣ желѣзнодорожнымъ путемъ. Итакъ если желѣзнодорожное и водное сообщеніе не установится одновременно, то первый способъ передвиженія не въ состояніи окупаться, страна останется въ прежнемъ положеніи, и европейское населеніе ея будетъ лишено удобствъ и преимуществъ цивилизаціи.“

5 и 6 выпуски снабжены множествомъ рисунковъ и кромѣ того портретомъ Норденшельда гравированнымъ на стали.

IV.

Легочная чахотка и Южный Берег Крыма как климатологическая местность. Составилъ докторъ Корсаковъ. Симферополь 1881.

Легочная чахотка имѣетъ печальную привилегію быть самымъ страшнымъ врагомъ чловѣка. Болѣзнь стара какъ міръ и симптомы ея съ наглядностью были указаны еще Гипократомъ. По вычисленіямъ Гирша на ея долю приходится $\frac{2}{7}$ всѣхъ смертныхъ случаевъ и навѣрное всѣ эпидеміи міра вмѣстѣ взятая въ общей сложности не увесли и миллионной доли тѣхъ жертвъ которыхъ похитила одна легочная чахотка.

Неудивительно поэтому что люди которые посвящали себя благородному призванію облегчать страданія ближняго съ давняго времени обращали самое серіозное вниманіе на разсматриваемую болѣзнь. Врачи всѣхъ странъ и народовъ стремились къ одной цѣли—найти средство которое было бы дѣйствительно и радикально излѣчивало чахотку. Но старанія до сихъ поръ оставались тщетны, чахотка каждый годъ уноситъ миллионы жертвъ, и врачи съ горестію убѣдились что имъ приходится бороться съ непобѣдимымъ врагомъ. Въ настоящее время все болѣе и болѣе приобретаетъ право гражданства то мнѣніе что хроническіе деструктивные процессы въ легкомъ, совокупность признаковъ которыхъ и составляетъ то что въ клиническомъ отношеніи мы называемъ чахоткой, по самой природѣ своей почти совершенно неизлѣчима. Правда, при вскрытіяхъ людей умершихъ отъ различныхъ болѣзней, часто находили въ легкихъ различныя измѣненія указывавшія на существовавшіе здѣсь когда-то чахоточные процессы; значить есть стадій въ чахоткѣ, когда она можетъ останавливаться въ своемъ теченіи и не ловлять нисколько на здоровье и продолжительность жизни, которая можетъ прекратиться отъ различныхъ другихъ причинъ, но въ этомъ стадіи чахотка недоступна нашему распознаванію, и мы узнаемъ объ ней только на секціонномъ столѣ. Если же болѣзнь развилась до такой степени что она можетъ быть узнана и распознана какимъ-нибудь методомъ физическаго изслѣдованія, она уже неизлѣчима и рано или поздно поведетъ къ смерти.

Можно сказать вѣтъ ни одного средства въ медицинѣ которе когда-либо не было предложено какъ средство отъ

чаотки, но уже само обиліе этихъ средствъ указываетъ на ихъ полнѣйшую несостоятельность. Въ послѣднее время, когда установились болѣе правильныя понятія о дѣйствиіи лѣкарства, когда мы знаемъ что часто, особенно въ хроническихъ болѣзняхъ, гораздо болѣеую пользу можно привести не фармацевтическими препаратами, не назначеніемъ того или другаго лѣкарства, а измѣненіемъ всей обстановки больного, попыткой поставить его совсѣмъ въ иные условія жизни, все чаще и чаще сталъ входить въ употребленіе такъ-называемый климатическій методъ лѣченія, посылка больного въ тѣ мѣста климатъ которыхъ будетъ полезна для его больной груди. Но и тамъ чаотка не щадитъ своихъ жертвъ, и на живописныхъ кладбищахъ Мерана и Монте можно прочесть имена со всѣхъ концовъ свѣта. Не спасаетъ никакой климатъ, и во всѣхъ случаяхъ легочной чаотки вопросъ о жизни и смерти уже рѣшенъ заранее.

Но изъ этого не слѣдуетъ чтобы наука была совершенно бессильна въ борьбѣ съ этимъ врагомъ. Правда, естественный и единственный исходъ чаотки—смерть, но это единственный исходъ и вообще всего живущаго. За то цѣлесообразнымъ уходомъ и лѣченіемъ мы въ состояніи отсрочить этотъ необходимый исходъ на болѣе или менѣе продолжительное время, а для больного конечно не все равно прожить нѣсколько мѣсяцевъ или три, пять лѣтъ, пользуясь за все время довольно сноснымъ здоровьемъ. И если разъ отложить въ сторону вопросъ объ излѣченіи, какъ невозможный, почти нигдѣ нельзя сдѣлать такъ много какъ въ чаоткѣ.

Я не имѣю въ виду говорить здѣсь подробно о лѣченіи. Этотъ предметъ имѣетъ свою спеціальную, громадную по размѣрамъ, литературу. Я упомяну только что между методами лѣченія въ настоящее время чуть не на первомъ планѣ стоитъ климатическій методъ. И куда только ни посылаютъ чаоточныхъ больныхъ: въ Ниццу, въ Италію, въ Каиръ, на островъ Мадейру, на мысъ Доброй Надежды. У насъ тоже, въ нашемъ вообще негостеприимномъ по своимъ климатическимъ особенностямъ отечествѣ есть мѣстность куда можно съ успѣхомъ, конечно относительноымъ, посылать больныхъ страдающихъ чаоткой. Эта мѣстность—Южный Берегъ Крыма, и разборъ ея въ климатическомъ отношеніи составляетъ предметъ брошюры доктора Кюсакова.

Авторъ вообще склоненъ немного преувеличивать силу и могущество средствъ которыми мы владѣемъ при лѣченіи

чахотки. Касательно собственного дѣченія вполнѣ развивающейся болѣзни это не совсѣмъ такъ, но относительно предупрежденія все высказанное имъ—совершенно вѣрно. Онъ горько сожалеетъ, между прочимъ, о томъ что врачу часто приходится бороться съ различными предрасудками общества и опять—таки совершенно вѣрно. Онъ говоритъ: „Многіе обвиняютъ врачебную науку въ томъ что она не можетъ излѣчивать радикально болѣзни, но развѣ наука виновата въ томъ что тамъ гдѣ она можетъ доказать свою силу, само общество весьма часто парализуетъ дѣятельность врача своимъ невѣжествомъ, связываетъ его по рукамъ и по ногамъ, ставитъ преграды самымъ простымъ требованіямъ науки.

„Возьмемъ самый обыкновенный, наглядный примѣръ: врачъ видитъ ребенка изъ чахоточной семьи, онъ прежде всего предвидитъ грозящую ему опасность въ будущемъ, а потому убѣждаетъ родителей съ самаго ранняго дѣтства принять мѣры къ постеленному укрѣпленію дѣтскаго организма, убѣждаетъ выбрать занятія для ребенка на чистомъ воздухѣ и тѣмъ старается предупредить возможность развиться врожденнымъ зачаткамъ чахотки. Дѣйстви такимъ образомъ и примѣняя на практикѣ данныя науки, врачъ не только предохраняетъ здоровье отдѣльнаго человѣка, даетъ ему возможность пользоваться жизнью, но достигаетъ еще болѣе важнаго результата, именно сохраняетъ обществу здороваго производителя, а не больнаго, передающаго отъ поколѣнія къ поколѣнію наследственное предрасположеніе къ чахоткѣ. Но слышается ли и исполняется ли общество наставленія врача? Никогда или очень рѣдко. Возьмемъ еще такой же обычный примѣръ: предъ нами больной съ катарромъ дыхательныхъ путей, болѣзнью встречающеюся на каждомъ шагѣ, которая однако при дурныхъ антигигиеническихъ условіяхъ жизни, при дурной обстановкѣ, при неумѣломъ пользованіи, доводитъ человѣка до чахотки. Въ рукахъ же врача, при перемѣнѣ обстановки, при лѣченіи, больной совершенно выздоравливается.

„Множество можно было бы привести примѣровъ, гдѣ врачъ, если ему не противодействуютъ, приноситъ огромную пользу и достигаетъ разумнымъ лѣченіемъ радикальнаго восстановленія вѣрившагося его попеченіямъ больнаго.

„Такъ и чахотку не слѣдуетъ допускать до степени тяжелаго недуга (!), а слѣдуетъ начинать лѣчить тогда когда больной

страдаетъ, по понятіямъ его окружающихъ, только простуднымъ кашлемъ. Возьмемъ еще одно страданіе весьма серьезное и весьма распространенное—золотуху. Противъ золотухи врачи могутъ принимать еще болѣе дѣйствительныя, предупреждающія и исцѣляющія мѣры, но и тутъ часто всѣ старанія ихъ разбиваются въ лухъ и прахъ, благодаря тому непониманію и тѣмъ преградамъ которыя ставитъ общество дѣятельности врага.

„Правда, врачебная наука далеко еще не сказала своего послѣдняго слова: она заключаетъ въ себѣ много пробѣловъ, много въ нее внесено было заблужденій которыя отзываются и теперь на понятіяхъ общества. Такъ господствовавшая когда-то въ медицинѣ теорія о простудѣ настолько прочно утвердилась въ понятіяхъ общества что и теперь почти постоянно приходится врачу бороться противъ законопачиванія больныхъ вообще, а грудныхъ въ особенности, въ душныхъ помѣщеніяхъ, изъ опасенія окружающихъ чтобы свѣжій воздухъ не простудилъ больного. Вслѣдствіе научнаго невѣжества общества, почти погодоваго, врачу приходится у насъ не только лѣчить народъ, но и учить его, быть воспитателемъ общества, провѣщая ту или другую санитарную мѣру. Къ числу многихъ весьма вредныхъ предразсудковъ общества съ которыми должно бороться принадлежитъ почти исключительная, хотя не имѣющая полнаго основанія вѣра общества въ одни только аптечныя средства. Что говорить, врачебная наука имѣетъ много неопредѣлимыхъ дѣйствительныхъ фармацевтическихъ средствъ, безъ которыхъ при лѣченіи обойтись нельзя, но не должно забывать и того что никакіе аптечныя запасы не могутъ равняться по своей дѣйствительности съ медленнымъ, но чрезвычайно сильнымъ дѣйствіемъ той среды среди которой живетъ человѣкъ. Воздухъ, тепло, холодъ, вода, влажность или сухость мѣста, количество и качество принимаемой пищи и время ея приѣма, занятія, психическія вліянія, сидячій образъ жизни или движеніе, правильный сонъ,— все это въ рукахъ врача настолько дѣйствительныя средства что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, еслибы предстоялъ выборъ между фармацевтическими средствами и хорошими гигиеническими условіями, то современный, развитой врачъ не задумается отказаться отъ первыхъ и взять послѣднія.

„Насколько сильна въ обществѣ вѣра только въ аптечныя средства, показываетъ то обстоятельство что весьма часто

если врач приглашенный къ больному ограничится только совѣтомъ примѣнить ту или другую гигиеническую мѣру, но не пропишетъ рецептовъ, то возбуждаетъ къ себѣ недовѣріе, почему считаютъ нужнымъ вслѣдъ за ушедшимъ пригласить другаго врача который прописалъ бы лѣкарство изъ аптеки.“

Далѣе авторъ подробно разбираетъ климатическій методъ лѣченія чахотки вообще и лѣченіе на нашемъ Южномъ Берегу Крыма въ особенности. Онъ описываетъ лѣченіе виноградомъ, кумысомъ, морскія купанья и т. д. Лучшими климатическими станціями на Южномъ Берегу могутъ служить пансіоны Симеизъ, Лимена, Ялта-дача (не городъ) и Алулка. Климатъ этихъ мѣстъ гораздо лучше и мягче многихъ курортовъ за границей, между тѣмъ какъ туда ежегодно ѣдутъ сотни больныхъ, а нашъ Крымъ посѣщаютъ сравнительно не многіе. Это зависитъ, по мнѣнію автора, оттого что на нашихъ климатическихъ станціяхъ полнѣйшее отсутствіе всякаго комфорта, между тѣмъ какъ все нисколько не дешевле, даже дороже заграничнаго. Поэтому вѣтъ ничего удивительнаго что всякій предпочитаетъ мѣсто, гдѣ онъ за ту же цѣну можетъ пользоваться бѣльшими удобствами.

V.

Завоеваніе Ахал-Теке. Очерки изъ последней экспедиціи Облѣва. А. Маслова. С.-Петербургъ, 1882.

Съ небольшимъ тридцать лѣтъ прошло какъ мы, повинуясь роковой силѣ обстоятельствъ, должны были далеко углубиться въ невѣдомыя почти прежде пространства Средней Азіи. Всѣ наши завоеванія здѣсь имѣли совершенно вынужденный характеръ. Мы не могли допустить рядомъ съ собой существованія множества мелкихъ независимыхъ владѣній чисто разбойничьяго характера,—владѣній жившихъ исключительно грабежомъ; не могли допустить чтобъ они грабили нашихъ подданныхъ, или убивали нашихъ офицеровъ. Прежде эти мелкія владѣнія сдерживались властью большихъ ханствъ, Хивы и Бухары, но наступившая въ послѣднія десятилѣтія анархія и постоянная междоусобія между отдѣльными владѣтелями заставили наше правительство силой оружія ограждать свои интересы. Каждое завоеваніе неизбежно черезъ

нѣсколько времени влекло за собой слѣдующее, кочевники потерпѣвъ неудачу въ открытомъ бою скрывались въ пустыни, и наша новая граница, проходя по лескамъ, была совершенно фиктивною и нисколько не защищенною отъ вторженія грабителей. Мы должны были неминуемо идти впередъ, пока наши границы не приобрѣли бы полную законченность, и въ настоящее время территория занятая нами превышаетъ пространство всей Франціи. Единственно что сохранило теперь въ Средней Азіи хоть тѣнь самостоятельности и хоть десятую долю прежней территоріи, это Хива и Бухара, но и они существуютъ только до тѣхъ поръ пока этого хочетъ Русское правительство. Сопротивленія тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Хива была уже взята нами, но отдана назадъ; теперь въ 30 верстахъ отъ нея стоитъ и сторожить ее наше укрѣпленіе Петро-Александровское, сторожить ту самую Хиву о которую разбились нѣкогда экспедиціи Бековича и Перовскаго. Бухара почти что и теперь въ нашихъ рукахъ. Туда проведено шоссе, тамъ есть русская церковь и русскій клубъ, въ той Бухарѣ куда только 18 лѣтъ тому назадъ Вамбери пробирался въ одеждѣ дервиша-паллигрима и распѣвая мусульманскіе гимны. Но все-таки эти завоеванія были вынужденныя, и если бы не было необходимости они никогда бы не были совершены. Хива на примѣръ была тотчасъ же возвращена хану, какъ скоро мы наказали вѣлкорныхъ Туркменъ-Томутовъ. Другой блестящій примѣръ на дняхъ. Илійская провинція занятая нами 10 лѣтъ тому назадъ вслѣдствіе восстанія Дунганъ, которые стали разбойничать въ нашихъ предѣлахъ и которыхъ было безсильно смирить Китайское правительство, теперь добровольно возвращается намъ Китайцамъ.

Постоянныя стычки и частыя войны были хорошею школою для нашего солдата, но побѣда надъ нестройными толпами кочевниковъ всегда давалась легко. Ни въ открытомъ полѣ, ни за стѣнами крѣпостей они не могли долго сопротивляться правильной и хорошо дисциплинованной арміи. Самаркандъ и Кокандъ пали послѣ непродолжительнаго сопротивленія, почти безъ выстрѣла, Ташкентъ, столица края со 100тысячнымъ населеніемъ, былъ взятъ 800 штыковъ, Кудьджа занята безъ боя, причемъ въ пять дней былъ завоеванъ весь районъ. И въ первый разъ серьезное сопротивленіе, тѣмъ болѣе неожиданное что оно было первое, встрѣтило

насъ въ послѣднюю экспедицію подъ стѣнами Девгиль-Теле. Мы потерпѣли уронъ и должны были отступать, отступать для того чтобы вернуться съ новыми силами, такъ какъ мы не могли позволить Туркменамъ-Теке безнаказанно грабить наши караваны, и такъ какъ неотмщенное поражение могло нанести страшный ударъ обаянію русскаго имени среди среднеазиатскихъ кочевниковъ, привыкшихъ чтить одну силу. Вторая экспедиція была снаряжена въ неслыханныхъ дотолѣ размѣрахъ. Масса орудій, слишкомъ 5 тысячъ войскъ, специальная желѣзная дорога, достаточное число резервовъ, во главѣ экспедиціи испытанный полководецъ, прославившійся въ послѣднюю Турецкую войну и отлично знакомый съ краемъ, гдѣ его имя извѣстно каждому... И несмотря на это крѣпость была взята только послѣ правильной осады; „халатники“ въ первый разъ здѣсь показали себя людьми съ которыми не стыдно было бороться русскому солдату. Защищать крѣпость сошлись воины со всего оазиса, со всѣхъ пунктовъ.

Несмотря на то что пошелъ уже второй годъ со времени взятія Геокъ - Теле, мало извѣстно подробностей этой экспедиціи. Въ настоящее время книга г. Маслова, одного изъ участниковъ экспедиціи, пополняетъ этотъ пробѣлъ. Книга написана очень живымъ слогомъ и знакомитъ насъ со всѣми перипетіями кровавой драмы разыгравшейся въ Закаспійскихъ пескахъ. Особенно подробно авторъ описываетъ осадныя работы, самый штурмъ и затѣмъ умиротвореніе края. Вотъ напримѣръ какъ онъ описываетъ одну изъ непріятельскихъ вылазокъ, предпринятую Текинцами въ надеждѣ хоть немного отбѣснить Русскихъ, которые лодбировались все ближе и ближе къ стѣнамъ крѣпости, окружая ее точно желѣзнымъ кольцомъ.

„4 января, въ семь часовъ вечера, когда саперы только что начали собираться на работу чтобы соединить траншеей плотину съ Ширванскимъ редутомъ, со стороны непріятеля внезапно раздались оглушительные и неустовые крики, и темныя массы хлынули на нашу позицію. Налаженіе несмотря на бдительность и постоянное ожиданіе было такъ стремительно что не всѣ секреты услѣли отползти назадъ и въ одно мгновеніе были изрублены. Едва часовые услѣли крикнуть налаженіе, какъ оно уже началось.

„Текинцы массами бросились на лѣвый флангъ, атаквали т. сѣвн.

Ширванскій редуть и какъ тигры прыгали на плотину, стараясь уже одною отчаянною стремительною смять прикрытие. Ширванскій редуть, весь окруженный непріятельскими лалахами и шашками, неистово отстрѣливался. Тамъ была рота Туркестанцевъ, казаки и охотники. Первые минуты трудно было узнать судьбу редута: онъ потонулъ въ тучѣ порохового дыма. Другая партія подъ фронтальнымъ и боковымъ огнемъ кинулась на плотину и чуть не смяла стоявшую тамъ роту... Но немногіе храбрецы добѣжали до плотины. Куропаткинъ, бывший въ это время у Скобелева, прибѣжалъ въ главную калу, выскочилъ черезъ передовую позицію на плотину и крикнулъ: „впередъ, молодцы! впередъ, братья!“ Текинцы бывшіе на плотинѣ были перебиты. Нѣкоторые, съ разбѣга взлетая на высокую насыль, въ какомъ-то ольпаненіи лѣзли на вѣрную смерть, хватая и гиблая могучими руками солдатскіе штыки и нанося страшные удары атаганями. Трудно описать мочное нападеніе и послѣдовательный ходъ дѣйствій обѣихъ сторонъ, потому что въ темнотѣ плохо разбираешь не только чужихъ, но и своихъ.

„Всѣ траншеи горятъ перекатымъ ружейнымъ огнемъ; оглушительная пальба орудій, визгъ картечи и громкая дробь скорострѣльныхъ пушекъ. Сквозь тьму и пороховой дымъ доносятся нервные и громкіе возгласы командировъ: „ро-та, лли! ро-та, лли!“ остервѣтѣлый крикъ Текинцевъ напоминающій вой звѣрей и торжественный маршъ Ширванскаго полка играющій гдѣ-то и какъ-то оригинально звучащій среди этой дьявольской кутерьмы.“

Когда во время осады между нашими передовыми траншеями и крѣпостнымъ рвомъ накопилось много непріятельскихъ труловъ, которыхъ Текинцы не успѣли убрать и которые заражали воздухъ въ траншеяхъ, то съ Текинцами было сдѣлано перемиріе на нѣсколько часовъ для уборки труловъ.

„Въ часъ пополудни на Ширванскій редуть явился подполковникъ Юмудскій (родомъ Туркъмень) съ перебѣзчикомъ Персомъ и объявилъ что онъ посланъ Скобелевымъ начать переговоры объ уборкѣ труловъ. На Туркестанской калѣ выкинули бѣлый флагъ, и штабъ-трубачъ заигралъ „слушайте всѣ“ и „отбой“... Сигналь этотъ подхватили всѣ горнисты, но долго еще онъ протяжно разносился по позиціямъ, пока стрѣльба съ нашей стороны не стала утихать.“

„Въ это время Юмудскій приказалъ Персу кричать Текинцамъ чтобъ они прекратили стрѣльбу для переговоровъ.“

Сначала Текинцы молчали, потомъ стали отвѣчать, и у Юмудскаго съ Мурадъ-ханомъ завязался разговоръ. Стрѣльба у Текинцевъ и у насъ почти совсѣмъ утихла и изрѣдка только прорывалась отдѣльными нетерпѣливыми выстрѣлами за которыми труба олять играла отбой. Для переговоровъ должны были выйти съ обѣихъ сторонъ на средину противъ праваго угла редута по три человѣка. Съ нашей стороны вышелъ Юмудскій съ двумя конвойными и одновременно и текинскіе парламентареры.

„Обѣ партіи вышли и сѣли шагахъ въ шести другъ противъ друга. Послѣ обычныхъ восточныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ и вопросовъ о здоровьи семействъ и родителей, Юмудскій объявилъ что генераль Скобелевъ изъ вниманія къ храбрымъ Текинцамъ приказалъ заключить съ ними перемиріе часа на два, пока они успѣютъ убрать трубы своихъ воиновъ.

„Въ это время со стѣнъ кричали: „Намъ не надо ихъ: и такъ довольно въ крѣпости валается этихъ собакъ!“

„Убитые предъ Великокняжескою были по большей части Асхабатцы, покинувшіе Геокъ-Теле въ самую критическую минуту, и защитники были на нихъ озлоблены. На стѣнѣ между тѣмъ постепенно появлялись Текинцы и скоро вся ея видимая часть была покрыта этимъ крупнымъ, красивымъ народомъ, въ высокихъ бараньихъ шалкахъ и разноцвѣтныхъ халатахъ. Между ними выдѣлялась молодецкая фигура Мурадъ-хана. Въ красномъ халатѣ и съ кольемъ въ рукѣ, онъ ходилъ вдоль паралета и громко кричалъ своимъ: „Не смѣть стрѣлять по Русскимъ, пока не подадутъ знакъ; кто выстрѣлитъ, тому смертная казнь!“

„Текинцевъ съ южной стороны высылало до трехъ тысячъ, и вся стѣна сверкала шашками, ружьями и фальконетами.

„Съ нашей стороны бруствера тоже покрылись любопытными, выстрѣлы утихли, и первый разъ во все время осады съ 23 декабря надъ позиціями Геокъ-и Деугиль-Теле водворилась добродушная тишина, быть-можетъ смягчившая сердца противниковъ, третью недѣлю ведущихъ между собою ожесточенную борьбу.

„Въ толлѣ офицеровъ и солдатъ слышались веселые разговоры, замѣчанія и смѣхъ. Кто говорилъ по-татарски, здоровался съ Текинцами, приглашая ихъ въ траншеи. Нѣкоторые

Текинцы улыбаясь манили шалками къ себѣ нашихъ, внушительно потрясая въ другой рукѣ тяжелую шашку.

„Урусъ держитъ себя чество, говорилъ текинскій парламентеръ,—и мы не стрѣляемъ. Если намъ придется еще держать переговоры, то выставьте бѣлое знамя вотъ на эту каалу (Туркестанскую). Если на другой, такъ не повѣрять; а мы будемъ выставлять вотъ на той насыли.

„Вы бы лучше бросили воевать; Бѣлый Царь силенъ, и вамъ съ нимъ нельзя бороться... Лучше сдайтесь, и генералъ васъ помилуетъ.

„Но на это парламентеръ отвѣчалъ уклончиво, не будучи вѣроятно уполномоченъ вести такіе переговоры.

„Генералъ между тѣмъ вмѣстѣ съ Куролаткинымъ пошелъ въ голову сапы, откуда оставалось до рва какихъ-нибудь десять сажень, и оттуда внимательно осматривалъ стѣну и составлялъ предположеніе о численности гарнизона.

„Между тѣмъ тѣла постепенно были убраны. Наши и Текинцы начали исчезать въ траншеяхъ и за стѣною, а ружейные стволы олять легли въ бойницы, опять были намѣчены цѣли и только ожидали сигнала для возобновленія военныхъ дѣйствій. Наконецъ Текинцы вышедшіе для переговоровъ сказали Юмудскому:

„Ну теперь стулай, да хранишь тебя Аллахъ... стрѣлять будемъ.

„Когда халаты парламентеровъ скрылись за паралетомъ, слышаны были три выстрѣла на воздухъ, и затѣмъ съ обѣихъ сторонъ какъ горохъ посылались пули и до самаго заката солнца съ особеннымъ ожесточеніемъ велась перестрѣлка.“

VI.

Путешествіе въ Западную Сибирь Др. О. Финша и А. Брѣма. Съ рисунками въ текстѣ. Москва, 1882.

Др. Финшъ и Брѣмъ посѣтили Сибирь въ 1876 году. Собственно эта экспедиція была предпринята почти совершенно случайно. Когда вторая нѣмецкая сѣверно-полярная экспедиція возвратилась изъ своего знаменитаго лутешествія по восточной Гренландіи, то Общество Германской Сѣверно-полярной экспедиціи рѣшилось продолжать далѣе дѣло изслѣдованія Гренландіи и въ этомъ смыслѣ подало правительству до-

кладную записку. Но ученая комиссия созданная съ этою цѣлью не одобрила проектъ, а взявъ его рекомендовала какія-нибудь другія предпріятія. Тогда секретарь Общества Линдеманъ предложилъ экспедицію въ Западную Сибирь, а Дг. Финшъ изъявилъ готовность отправиться въ это путешествіе. Въ засѣданіи 10 января рѣшено было отправить экспедицію въ область рѣки Оби и было выражено желаніе чтобы въ ней приняла участіе двое естествоиспытателей. Тогда Дг. Финшъ пригласилъ Дг. Брѣма, бывшего директора Гамбургскаго Зоологическаго сада, знаменитаго автора *Жизни животныхъ*. Кромѣ того послѣ съ ними отправился въ качествѣ волонтера графъ Траухбургъ.

Но предпріятіе такъ прекрасно задуманное чуть не сѣло на мель отъ недостатка средствъ. Обществомъ было ассигновано на все путешествіе 5.000 марокъ, но по составленіи смѣты оказалось что по самому скромному разчету нужно для двухъ участниковъ экспедиціи 18.000 марокъ. Тогда сложилось 7 человекъ членовъ и собрали 7.000 марокъ, а для пополненія остальной суммы Общество открыло подписку. Но увы! подписка не оправдала наискромнѣйшихъ ожиданій Общества; нѣмецкая публика туго подавалась на объявленія, и подписка открытая во всей Германіи *дала только 5 марокъ*.

Но вдругъ совершенно нежданно-негаданно Общество получило въ подарокъ солидную сумму въ 20.300 марокъ. Жертвователемъ оказался нашъ соотечественникъ, купецъ Александръ Михайловичъ Сибираковъ изъ Иркутска, человекъ всегда горячо откликающійся на всякое дѣло клонящееся къ пользѣ его родины. Достаточно напомнить что онъ былъ одинъ изъ трехъ лицъ снарядившихъ на свой счетъ экспедицію Нордешельда.

Когда такимъ образомъ матеріальныя затрудненія были устранены, экспедиція тронулась въ путь. Путешествіе было сдѣлано крайне быстро, что конечно и отозвалось на цѣнности полученныхъ результатовъ. Оно все продолжалось 6 мѣсяцевъ. Въ эти шесть мѣсяцевъ экспедиція сдѣлала болѣе 12.000 верстъ. Неудивительно что болѣшую часть времени имъ пришлось только ѣхать и ѣхать; самъ Финшъ признается что на собраніе коллекцій они употребили всего 16 дней. Въ промежуткахъ быстрой ѣзды они только и дѣлали что присутствовали на торжественныхъ обѣдахъ, ужинахъ и завтракахъ даваемыхъ въ ихъ честь гостеприимными Сибиряками.

Даже добытыя коллекціи не удалось сохранить Обществу. Др. Финшъ говоритъ что Общество должно было продать ихъ въ виду своихъ финансовыхъ обстоятельствъ. Послѣднее не совсѣмъ логично, такъ какъ стоимость всей экспедиціи не превысила суммы пожертвованной г. Сибиряковымъ. Какъ бы то ни было, большая часть коллекцій ушла въ Берлинскій и Британскій музеи.

Книга Др. Финша содержитъ 578 страницъ. Это цѣлая масса матеріала почти совершенно необработаннаго. Замѣчательно хорошо обработанъ одинъ зоологическій отдѣлъ; видно что это писалъ любитель и знатокъ своего дѣла. Остальное очень посредственно чтобы не сказать больше. Масса свѣдѣній, непровѣренныхъ и записанныхъ съ чужихъ словъ, иногда прямо невѣрныхъ. Ни одинъ изъ трехъ членовъ экспедиціи не зналъ по-русски ни слова и всѣ должны были объясняться чрезъ переводчика; это конечно не способствовало вѣрности передаваемыхъ фактовъ. Прибавьте къ этому постоянную быструю ѣзду лишавшую возможности остановиться надъ чѣмъ-либо со вниманіемъ. За то частое описаніе обѣдовъ и ужиновъ, различныя ненужныя отступленія, длинноты, подробнѣйшее описаніе разныхъ дорожныхъ неприяностей, и т. д. въ общей сложности занимаютъ болѣе половины книги. Много есть прямо невѣрнаго; много такого что только и можетъ написать иностранецъ о Россіи и что въ насъ можетъ возбудить лишь улыбку. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

„Мы свернули на настоящую большую проѣзжую дорогу, движеніе по которой бываетъ только лѣтомъ, и то незначительное, и доѣхали до знаменитой березовой аллеи. Аллея эта прерывается только мѣстами и часто идетъ въ два ряда; отъ Нижняго до Тюмени она все время шла у насъ въ сторонѣ. Проложена она была по повелѣнію императрицы Екатерины II, и если не ошибаюсь, тянется, гдѣ можно, кажется до Иркутска“ (стр. 11).

Авторъ ошибается. Въ разныхъ мѣстахъ участки дороги дѣйствительно обсажены деревьями, но на небольшомъ пространствѣ и только въ Европейской Россіи. Въ Сибири же за Томскомъ скоро начинается тайга, сплошной лѣсъ, тянуційся до Верхнеудинска, за озеромъ Байкаломъ.

„Въ Сибири встрѣчаются часто хижины покрытыя березовыми прутьями или березовою корой, но это уже жилища

бѣднѣе, заключающія въ себѣ часто одну комнату, и ови уже носятъ названіе *избы*, а не *дома*.

„Даже и крещенные Черемисы до сихъ поръ придерживаются шаманства и собираются во мракѣ лѣсовъ для жертвоприношенія своимъ старымъ богамъ; но священнодѣйствія эти совершаются до такой степени таинственно что узнать что-нибудь про нихъ чрезвычайно трудно если не невозможно. Говорятъ даже будто бы лица случайно или намѣренно дѣлавшіяся свидѣтелями подобныхъ собраній, въ случаѣ если обнаруживалось ихъ присутствіе, платились жизнью, и что этимъ объясняется внезапное исчезновеніе нѣкоторыхъ чиновниковъ лѣснаго вѣдомства.“ (Стр. 17).

Это о Черемисахъ. О Чувахахъ авторъ знаетъ еще менѣе. По его же словамъ: „На основаніи собственныхъ наблюденій я могу сообщить о нихъ (то-есть Чувахахъ) еще менѣе чѣмъ о Черемисахъ, за исключеніемъ развѣ того что одинъ изъ нашихъ ямщиковъ-Чувашей имѣлъ на правой рукѣ два большіе пальца.“ (стр. 18).

Не много; впрочемъ мудрено что-нибудь и замѣтить, проскакавъ Сибирь на курьерскихъ. За то г. Финшъ усердно выписываетъ изъ Гмелина, Палласа и др.

Какъ Нѣмецъ, г. Финшъ очень радуется популярности Бисмарка въ Россіи. „19 апрѣля въ полдень добрались мы до маленькаго городка Тюкалинска, гдѣ мы любезно были введены окружнымъ начальникомъ въ домъ одного кулца г. Еслова, радушно угостившаго насъ обѣдомъ. Въ числѣ водокъ насъ подчивали здѣсь „Бисмарковскою горькою“, которая готовится въ Омскѣ и наглядно свидѣтельствуетъ о той симпатіи которою нашъ государственный канцлеръ пользуется повсюду, даже въ отдаленной Сибири.“ (Стр. 55).

И больше о Тюкалинскѣ ничего.

За то г. Финшъ несомнѣнно любитъ покушать. Описаніями различныхъ обѣдовъ испещрена книга. Тамъ его угощали, тамъ онъ отдалъ честь предложенному обѣду, тамъ отлично позавтракалъ и т. д. Часто онъ приводитъ даже меню. Въ разныхъ мѣстахъ онъ даетъ совѣты какіе припасы удобнѣе брать въ дорогу, въ какіе ящики ихъ класть и т. л. Приведу въ заключеніе выписку дающую понятіе о словоохотливой манерѣ автора, благодаря которой книга разрослась до 600 страницъ. Двао идетъ о комарахъ которые кусали автора на Оби. „Съ того времени какъ продѣлали къ каютѣ окошко, они

(комары) сдѣлались своснѣ, и я писалъ въ дневникъ: „комаровъ мало, такъ какъ они льзуть къ окну; можно спать безъ салогъ.“ Но дѣло было въ томъ что тѣло притерпѣлось къ ощущенію боли, а я думалъ что они сдѣлались смириѣе прежняго. Въ эту же самую ночь, когда въ лодкѣ были тысячи лискуновъ, они искусаи мнѣ лощаженныя до сихъ поръ губы и вѣки. Впрочемъ, любимыя има мѣста—виски, затылокъ, руки и подѣмъ ноги. Обыкновенный чулокъ защищаетъ отъ нихъ, также какъ и перчатки. Даже толстыя оленьи рукавицы не оставались неприкосновенными. Со внутреннимъ наслажденіемъ смотрѣлъ я какъ несмотря на всѣ ихъ старанія, они не могли прокусать кожу. Обыкновенныя брюки не служили отъ нихъ защитой и нѣкоторые комары вскорѣ открыли слабую сторону перчатокъ. Какъ ни плотны швы, однако они оставляютъ достаточно мѣста для комаринаго жала. Я чувствовалъ его на кожѣ, но спокойно оставалъ комара лѣтъ кровь и смотрѣлъ какъ онъ отъ наслажденія вытягивалъ заднія ножки, а тѣло его становилось все толще и краснѣй. Когда онъ влодвѣ наливался, то я внезапно обрѣзалъ ему ножницами хоботокъ. Въ первый моментъ комаръ, казалось, не замѣчалъ этого, потомъ движеніе переднихъ ногъ показывало что онъ сознаетъ утрату и ищетъ чего-то что исчезло навсегда. Точно также держали себя комары у которыхъ я отрѣзалъ налившуюся кровью заднюю часть тѣла, между тѣмъ какъ отрѣзанную ногу они совершенно игнорировали,—до того были поглощены жаждой крови. Эти наблюденія ивогда веселили насъ или возбуждали юморъ, такъ какъ мы очень хорошо повимали свое безсиліе предъ этими лощицами, о которыхъ Гмелинъ справедливо замѣчаетъ „что они враги болѣе могущественныя чѣмъ хищныя Киргизы“. Да веужели нѣтъ противъ нихъ никакихъ средствъ? слышу я вопросы, и долженъ отвѣчать: нѣтъ никакихъ которыя бы можно было назвать специфическими. Какая польза отъ широколодой шляпы съ вуалью,—двадцать комаровъ лопадетъ подъ нее когда ее надѣваешь. А въ томъ что розмаринное масло и тому подобныя средства не помогаютъ мы еще убѣдились на Ала-Кулѣ. Правда, мы не пробовали употреблять березовый деготь, запаха котораго сами бы не вынесли, также какъ не вынесли бы сѣтокъ изъ конскаго волоса употребляемыхъ туземцами. Всего лучше помогаетъ дымъ, но не дымъ сигары или трубки, а густой дымъ отъ котораго самъ

задохнешься. Удивительно что эти легкія существа могут держаться въ воздухѣ при довольно сильномъ вѣтрѣ и слѣдовать за людьми. Такъ же необъяснимо и ихъ внезапное появленіе. Мы пристали, напримѣръ, къ широкой, голой песчаной косѣ и слышимъ съ удовольствіемъ извѣщеніе: „комаровъ нѣтъ!“ Въ воздухѣ совершенно чисто!

„Минуту спустя слышится злобѣщее жужжаніе и вслѣдъ за этимъ появляется комарь. Сначала одинъ, потомъ два, три и въ слѣдующую минуту вокругъ насъ цѣлыя тысячи. Какъ при слабомъ вѣтрѣ, такъ и при слабомъ дождѣ отъ нихъ нѣтъ покоя, особенно при теплоомъ сыромъ воздухѣ въ закрытомъ помѣщеніи. Только холодъ унимаетъ ихъ; если температура понизится до двухъ градусовъ, они мгновенно исчезаютъ. По моимъ наблюденіямъ комары тогда забиваются въ мохъ покрывающій тундру, откуда ихъ вызываетъ весной первый солнечный лучъ.

„Комары обладаютъ кромѣ того въ высшей степени неприятнымъ свойствомъ: когда ихъ давишь они оставляютъ запахъ возбуждающій отвращеніе. Рѣчь идетъ безъ сомнѣнія не о 10 или 20 комарахъ, но о сотняхъ и тысячахъ этихъ наѣдомыхъ опаленныхъ зажигательною бумажкой на потолокъ каюты и раздавленныхъ пальцами; когда сгребешь цѣлую кучку мертвыхъ комаровъ, то по неволѣ убѣдишься что „комариный жиръ“ не фантазія. (стр. 367—369).

VII. Книжныя новости.

О священнодѣйствиѣ вѣнчанія и помазанія царей на царство. А. В. Горскаго.

Московская Духовная Академія, начавшая печатать рукописные труды покойнаго ректора Академіи протоіерея А. В. Горскаго, помѣстила въ первой книжкѣ своего журнала *Творенія св. отцовъ* за текущій годъ вышеозначенное изслѣдованіе, которое въ настоящее время вышло и отдѣльнымъ изданіемъ. Трудъ этотъ былъ написанъ почтеннымъ историкомъ и богословомъ Русской церкви въ 1856 году и имѣетъ задачей исторически прослѣдить начало и происхожденіе священнаго вѣнчанія и помазанія царей на царство. Для рѣшенія намѣченной задачи А. В. Горскій обратился къ учрежденіямъ Греческой церкви и имперіи и къ древнимъ отечественнымъ памятникамъ. Времена первыхъ христіанскихъ императоровъ не представляютъ указаній на особенные церковные обряды при вступленіи ихъ на престолъ. Это объясняется, между прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ что первые державные покровители церкви вступали на престолъ еще до принятія крещенія. Сохранился только нѣкоторый намекъ на церковные обряды въ сказаніи объ императорѣ Θεодосіи Великомъ, который принялъ церковное благословеніе на подвигъ царствованія отъ Антиохійскаго патріарха Св. Мелетія. Вотъ нѣкоторыя черты изъ обрядовъ коронованія Восточныхъ императоровъ въ пятомъ и шестомъ вѣкахъ. По смерти Маркіана, общимъ согласіемъ сената избранъ на престолъ Левъ (457). Провозглашеніе его должно было совершиться на обширномъ полѣ Марсовомъ въ присутствіи всѣхъ чиновъ военныхъ и гражданскихъ и патріарха Анатолія. Въмѣстѣ съ ними собрались безчисленныя толпы народа и войска. Хоругви и знамена въ знакъ скорби о неимѣніи императора лежали поверженныя на землю. Въ собраніи начали раздаваться голоса: „Услыши, Боже, молимъ Тя, Левъ да будетъ царемъ“. Явился Левъ. Возвели его на возвышеніе. Хоругви и знамена немедленно воспрянули отъ земли. Отовсюду загремѣли привѣтствія: „Много лѣтъ да царствуетъ Левъ“. Вслѣдъ затѣмъ царь окруженный сомкнутыми рядами воиновъ облеченъ въ царскую одежду и тогда же возлежали на

него царскую діадему. Въ такомъ украшеніи, со щитомъ и копіемъ въ рукахъ, снова явился онъ народу и говорилъ къ нему рѣчь, въ которой обѣщалъ неутомимую дѣятельность въ правленіи и объявилъ свои милости войскамъ. По окончаніи этихъ обрядовъ императоръ торжественно шествовалъ въ городъ. На пути онъ приносилъ благодареніе Богу сперва въ походной церкви, потомъ въ знаменитомъ храмѣ Св. Іоанна Предтечи, гдѣ хранилась честная глава его, наконецъ въ великой церкви Константинопольской. Вступая во храмъ императоръ снималъ съ себя вѣнецъ; а во храмѣ Св. Іоанна Предтечи и въ великой церкви возлагалъ его на св. престолъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приносилъ свои дары святилищу, состоявшіе изъ утвари церковной. Въ великой церкви онъ слушалъ литургію, и по окончаніи моленія возлагалъ ему на голову вѣнецъ самъ патріархъ. Со времени Анастасія императоры при вѣнчаніи произносили исповѣданіе вѣры и давали обѣщаніе хранить православіе на престолѣ. Государя короновались въ созданной Юстиніаномъ великолѣпной церкви Св. Софіи. Царствующій государь обыкновенно короновалъ и супругу свою, возлагая на нее вѣнецъ самъ. Часто еще при жизни императора возлагалъ былъ вѣнецъ на наследника престола, несмотря на его молодые годы и даже младенчество. На наследника государь возлагалъ вѣнецъ самъ, при содѣйствіи патріарха, который совершалъ молитву. Въ X вѣкѣ находится уломичаніе о миропомазаніи Греческихъ царей. Древніе русскіе историческіе памятники не сообщаютъ опредѣленныхъ указаній съ какими церковными обрядами соединено было вступленіе на престолъ нашихъ князей великихъ и удѣльныхъ. Въ Кіевѣ возведеніе князя на праотческой престолъ совершалось въ Кіевскомъ Софійскомъ храмѣ. Когда свергнуто было иго монгольское, Іоаннъ III, супругъ Софіи Палеологъ, послѣдней отрасли православнаго императорскаго дома, съ царскою торжественностью коронуетъ своего внука (1498) вѣнцомъ и бармами наследованными отъ Греческихъ императоровъ. Въ семейныхъ преданіяхъ великихъ князей Московскихъ сохранилось извѣстіе что еще предокъ ихъ Владиміръ Мономахъ, сынъ царевны Греческой, получилъ въ даръ отъ Греческаго императора украшеніе царскаго достоинства. И этотъ даръ, какъ драгоценное наследіе, переходилъ отъ одного поколѣнія къ другому изъ Кіева во Владиміръ,

изъ Владиміра въ Москву. Для торжества государственнаго Іоаннъ пригласилъ соборъ святителей въ Москву, гдѣ въ Успенскомъ соборѣ совершенно вѣчаніе юнаго великаго князя Дмитрія. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ другой внукъ Іоанна III возложилъ на себя вѣнецъ Мономаха, помазался св. миромъ и принялъ наименованіе царя. Со времени Петра Великаго священнодѣйствіе вѣчанія на царство получило окончательную форму. Съ этого времени императорская мантия или порфира съ цѣлью ордена Св. Андрея Первозваннаго замѣнила древнюю царскую одежду съ бармами и златою цѣлью; императорская корона замѣнила древнюю шалку или вѣнецъ Мономаховъ. Императоръ Петръ Великій, на основаніи древнихъ примѣровъ въ Греческой имперіи и въ ознаменованіе высокихъ доблестей своей супруги, явленныхъ особенно среди опасностей войны Турецкой, приобщилъ ее къ священнодѣйствію вѣчанія и помазанія (7 мая 1724). Священнодѣйствовалъ архіепископъ Новгородскій. Императоръ, самъ держа въ одной рукѣ скипетръ, другою возложилъ на государыню императорскую мантию и корону и вручилъ ей державу. А во время лѣвія каноника подвелъ ее къ царскимъ вратамъ, гдѣ она была помазана св. миромъ и приобщилась Св. Таинъ.

Списки древнихъ русскихъ печатей государственныхъ, царскихъ, областныхъ, городскихъ, присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ.

Подъ такимъ заглавіемъ комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящая при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, предприняла изданіе описанія древнихъ русскихъ печатей. Изданіе посвящено государственному канцлеру князю Горчакову. Въ предисловіи къ вышедшему первому выпуску между прочимъ сообщается что въ Россіи существуютъ три вида государственной печати: большая, средняя и малая, возобновляемая при каждомъ вступленіи на престолъ. Въ основныхъ законахъ перечислены различные акты какъ международные, такъ и имѣющие исключительно внутреннее значеніе, къ которымъ должна быть прилагается та или другая печать въ ознаменованіе окончательнаго утвержденія ихъ верховною властью. Такимъ образомъ большая государственная печать употребляется для манифестовъ въ которыхъ Императоръ

обращается къ своимъ вѣрноподаннымъ, для новыхъ узаконеній, уставовъ и т. л. Средняя печать прилагается къ ратификаціямъ трактатовъ и въ различныхъ другихъ случаяхъ, наконецъ малая печать прикладывается къ письмамъ адресуемымъ Императоромъ иностраннымъ государямъ и къ вѣрительнымъ грамотамъ. Большая печать предпочтительно употребляется при сношеніяхъ съ восточными державами. Государственная печать царствующаго Императора хранится въ помѣщеніи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и о приложеніи ея къ какому-либо акту составляется каждый разъ протоколъ. Государственныя печати предшествующихъ царствованій отсылаются въ Москву въ государственное древнехранилище хартій, рукописей и печатей.

Среди враговъ. Изъ воспоминаній лазутчика русской арміи въ войну 1877—1878, бывшаго волонтера Греческаго легіона К. Н. Фаврикодорова. Съ картинами и картами. Одесса 1882.

О книгѣ заглавіе которой приведено можетъ дать понятіе слѣдующее приложенное къ ней *свидѣтельство*, за подписью полковника генеральнаго штаба Артамонова, бывшаго во время послѣдней Турецкой войны начальникомъ вожатыхъ дѣйствующей арміи за Дунаемъ: „Состоящій въ распоряженіи штабъ-офицера надъ вожатыми въ дѣйствующей арміи уволенный въ 1856 изъ волонтеровъ Греческаго легіона Императора Николая I, кавалеръ ордена Св. Георгія 4го класса и серебряной медали за защиту Севастополя, Константинъ Николаевъ Фаврикодоровъ, по приказанію начальника штаба Журжевскаго отряда, генераль-лейтенанта Скобелева 2го, былъ посланъ 31 мая 1877 чрезъ Сербію въ Руцукъ для развѣдыванія объ укрѣпленіяхъ, позиціяхъ и числѣ войскъ; по возвращеніи имъ сообщены были свѣдѣнія: 1) о количествѣ пороха привезеннаго изъ Салоникъ въ Руцукъ; 2) о количествѣ запасовъ и продовольствія приготовленнаго для турецкихъ войскъ; 3) о числѣ Арабовъ ожидаемыхъ въ Руцукъ; 4) о составѣ арміи отправленнаго въ Черногорію Али-паши и числѣ лошадей закупленныхъ имъ для своей арміи; 5) о прибытіи турецкаго главнокомандующаго Абдуль-Керима въ Руцукъ и его свитѣ, объ отбытіи его въ Сидистрію, и наконецъ 6) подробная таблица батарей, траншей и количество таборовъ мизама, зейбековъ, баши-бузуконъ и Черкесовъ въ крѣпостяхъ и укрѣпленіяхъ Виддинѣ, Ломъ-Паланкѣ, Рахово,

Никополь, Систовъ, Рущукъ, Сумонли, Ловчъ, Плевнъ, Врацъ, Класуръ, Берковцы, Бѣлградчикъ. 26 июня 1877 Фаврикодоровъ, посланный мною изъ города Систова для развѣдыванія о положеніи непріятеля, сообщилъ о предполагаемомъ движеніи изъ Виддина Османъ-паша въ мѣсто находящееся ниже Бѣлградчика съ 50.000 арміей, о встрѣчѣ съ египетскимъ Хассанъ-пашой, шедшимъ въ Никополь во главѣ 15.000 войскъ съ 32 пушками, о встрѣчахъ въ Этрополѣ 2.000 Черкесовъ и среди поля гдѣ онъ ночевалъ съ 10.000 баши-бузуковъ, шедшихъ въ Плевну; наконецъ, пробившись въ Плевну для распознанія состава непріятеля, слышалъ англійскія и иностранныя, не турецкія слова; пытался проникнуть въ лагерь подъ видомъ продавца рахатъ-лукума, но его туда не пустили; затѣмъ сообщивъ о войскахъ стоявшихъ въ мѣстностяхъ Сельви-оглу и Жемаса, добрелъ до Шумлы, освѣдомился объ укрѣпленіяхъ воздвигаемыхъ Англичанами, о запасахъ сухарей заготавливаемыхъ въ Провади и о движеніяхъ войскъ сосредоточенныхъ въ Варнѣ; оттуда отправился въ Адрианополь, сообщилъ объ укрѣпленіяхъ близъ Адрианополя двухъ селеній, Карагачъ и Демирдечъ, о маршрутѣ коимъ доставляется провизія моремъ и сухимъ путемъ и движеніи транспортовъ. По возвращеніи въ Горный Студень, Фаврикодоровъ былъ вновь посланъ мною въ Плевну, 6 августа первый разъ, и 16 августа второй разъ, куда и пробрался съ большими трудностями чрезъ три дня, въ ночное время, чрезъ берегъ Видда; переодѣтый на мельничѣ въ турецкій костюмъ и обойдя турецкія позиціи, выходилъ на общую дорогу Сыръ-Базаръ и оттуда вмѣстѣ съ Турками входилъ въ Плевну. Изъ Плевны сообщены въ первое и второе его проникновеніе въ укрѣпленную позицію свѣдѣнія имъ лично по возвращеніи, подробно. Посланный вновь изъ селенія Горный Студень въ Плевну 8 сентября, Фаврикодоровъ 24 сентября прислалъ увѣдомленіе сообщавшее о положеніи арміи Османъ-паша, о продовольственномъ состояніи его войскъ, подробное свѣдѣніе о помощи поданной имъ Шефкетъ-пашой, о количествѣ людей, лошадей, пушекъ и провіанта привезеннаго съ нимъ въ Плевну 14 сентября, о количествѣ запаса хлѣба и фуража заготовленнаго ими и реквизируемаго изъ семи селъ указанныхъ имъ; въ своемъ донесеніи подробно и обстоятельно сообщилъ о количествѣ вновь устроенныхъ батарей съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ мѣстоположенія и названій, извѣстилъ штабъ объ устройствѣ

глубококопанныхъ дорогъ къ батареямъ, для маскированія движенія по направленію къ онымъ и обезопасенія подвоза матеріала; 21 сентября *объ ожданіи изъ Константинопля вспомогательнаго отряда и зимнаго отдѣлія*; затѣмъ Фаврикодоровъ, оставаясь въ Плевнѣ, 27 октября вновь увѣдомилъ меня письменно о положеніи плевненской арміи, о количествѣ уже уменьшившагося гарнизона, о нуждахъ претерпѣваемыхъ имъ, потеряхъ отъ перестрѣлокъ, о порціонахъ, о дезертирахъ, о распоряженіяхъ Османъ-паши относительно жителей, о перемѣнахъ въ распоряженіи лагеремъ турецкихъ войскъ съ подробнымъ обозначеніемъ магалъ, о количествѣ годныхъ къ употребленію полевыхъ и осадныхъ орудій; о расположеніи пороховыхъ складовъ, о числѣ батарей съ указаніемъ сильныхъ и слабыхъ позицій наиболее удобныхъ для бомбардированія; и пробравшись съ рискомъ чрезъ усиленные турецкіе форпосты 30 октября, послѣдній разъ былъ отправленъ 2 ноября въ Плевну и *оттуда извѣстилъ штабъ 14 ноября о томъ что Османъ-паша рѣшился прорваться на Софійскую дорогу.*"

Г. Фаврикодоровъ, послѣ Севастопольской войны двадцать два года проведеній въ Россіи въ занятіяхъ хлѣбопашествомъ и торговлей, георгиевскій кавалеръ за оборону Севастополя, предъ началомъ войны добровольно явился въ Плевну съ предложеніемъ быть лазутчикомъ. Прекрасно знакомый съ турецкимъ языкомъ (Фаврикодоровъ родомъ изъ Македоніи, изъ города Мирликии), почти со всеми нарѣчіями Балканскаго полуострова, отлично зная языкъ Турокъ, авторъ *Среди враговъ* съ успѣхомъ исполнилъ принятую на себя трудную задачу, то являясь среди Турокъ въ видѣ пастуха, то въ видѣ купца или большею частію продавца рахатъ-лукума и другихъ лакомствъ на которыя такъ ладки Турки. Во время послѣднихъ дней Плевны русскій лазутчикъ прекрасно, какъ онъ самъ говоритъ, сошелся съ прислугой Османъ-паши и часто мѣнялъ у нихъ свой рахатъ-лукумъ на хорошій хлѣбъ ставшій въ послѣднее время рѣдкостью доступною только главнымъ офицерамъ.

Небольшая книжка, въ 8 д. л., въ 90 съ небольшимъ страницъ, украшена политулажами представляющими сцены изъ походовъ лазутчика и двумя картами мѣстностей по которымъ онъ проходилъ или проѣзжалъ.

Въ Петербургѣ изданъ томъ *Сочиненій С. М. Соловьева*. Въ составъ напечатаннаго тома вошли слѣдующія статьи: 1) „Начало Русской земли“, 2) „Древняя Россія“, 3) „Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго“, 4) „Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ“, 5) „Историческія письма“, 6) „Прогрессъ и религія“, 7) „Восточный вопросъ“ (3й статьи), 8) „Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ“. Въ концѣ тома приложенъ списокъ сочиненій С. М. Соловьева (1842—1879), его факсимиле и портретъ. 536 ст., 8 д. л.

Д. И. Иловайскій напечаталъ въ Москвѣ второе исправленное и дополненное изданіе своихъ *Разысканій о началѣ Руси. Въмѣсто введенія въ Русскую исторію*. Книга эта дополнена статьями бывшаго профессора Московскаго университета по вопросамъ о народности Руси, Болгаръ и Гунновъ напечатанными послѣ 1876 года, то-есть послѣ перваго изданія ея.

Въ Петербургѣ напечатано второе исправленное и дополненное изданіе извѣстнаго труда покойнаго Я. А. Брафмана *Книга Кагала*. Въ вышедшей первой части *Книги Кагала* сначала въ краткомъ очеркѣ показано историческое развитіе дѣйствующаго по нынѣ въ еврейской общинѣ еврейскаго національнаго законодательства и тѣ цѣли которыя легли въ его основу, затѣмъ изложена организація еврейской общины подъ чужеземнымъ владычествомъ въ древнѣйшее время и организація ея въ настоящее время, указавъ вредъ подобной организаціи для интересовъ того государства подъ властію котораго Евреи живутъ, и наконецъ указаны мѣры къ устранинію этого вреда. Вотъ какъ характеризуетъ дѣятельность кагала Я. А. Брафманъ: „Кагалъ—общественное управленіе — есть органъ непосредственно управляющій еврейскою общиною; ему *de jure* и *de facto* принадлежитъ надъ общиною вся власть въ полномъ ея объемѣ. По характеру своему эта власть административная въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого термина. Компетенцію кагала удобнѣе опредѣлить отрицательно нежели положительно: не подлежатъ вѣдѣнію кагала дѣла судебныя и гражданскія, а за этимъ исключеніемъ въ кругъ его вѣдомства входитъ вся жизнь общины, начиная съ мельчайшихъ ея интересовъ и оканчивая крупнѣйшими проявленіями. Кагалъ какъ

національное еврейское правительство, смѣшившее собой древній синагогальный и болѣе поздніе мѣстные комитеты, лелѣетъ въ себѣ одну основную заботу, заботу чисто національную, въ которой заключается альфа и омега настоящаго и будущаго іудейства: „сохраненіе іудейства въ его неприкосновенности“. Эта идея является политическимъ догматомъ и руководящимъ принципомъ дѣятельности кагаловъ всѣхъ временъ и во всѣхъ странахъ. Исходя изъ этого принципа всесторонняя и обширная дѣятельность кагала дѣлится: 1) на внутреннюю,—она кормитъ и даетъ направленіе внутренней жизни еврейской общины и 2) на вѣшнюю—она ограждаетъ національно-еврейскіе интересы предъ цвѣтущимъ правительствомъ. Кагалъ совершенно ясно усвоилъ себѣ одно положеніе продиктованное ему исторіей іудейства, что іудейство живетъ понынѣ не внутренней мощію, а вѣшней силой, строгою организаціей, что охраненіе неприкосновенности іудейства не можетъ быть предоставлено свободному соизволенію каждаго Еврея въ отдѣльности, а всей народнои массы въ совокулности, что въ тотъ день когда отшатнется у Еврейскаго народа его сильное національное правительство, другими словами, когда самъ кагалъ устранитъ свою желѣзную руку съ его жизни и сниметъ съ іудейства свою опеку, іудейство какъ замкнутое въ себѣ и строго организованное цѣлое, какъ государство просуществовавшее болѣе 2.000 лѣтъ среди другихъ государствъ и нерѣдко вопреки ихъ интересамъ, перестанетъ существовать, обратится въ историческій терминъ и не встрѣтитъ ожидаемаго Мессію. Исторія Евреевъ указываетъ наглядно одну общую черту въ политической жизни этого народа: какъ во времена предшествовавшихъ Моисею, такъ и въ послѣдующія эпохи, съ ослабленіемъ еврейской правительственной власти, слабо и сливалось съ окружающимъ населеніемъ іудейство, то же самое можетъ повториться и теперь: съ ослабленіемъ власти кагала, въ іудействѣ, вопреки установившемуся взгляду христіанъ, не найдется жгучаго религіознаго фанатизма и политическаго цемента для того чтобы не только укрѣпить, но даже поддержать древнее зданіе Іуды. Сила іудейства—въ силѣ его національнаго правительства; зная это, кагалъ создаетъ изъ себя силу во славу Израиля.“

Въ Тифлисѣ напечатанъ десятый выпускъ *Сборника со-
дѣній о кавказскихъ горахъ*. Въ этомъ выпускѣ помѣщено
сочиненіе покойнаго барона П. К. Услара „Древнѣйшія ска-
заниа о Кавказѣ“. Петръ Карловичъ Усларъ принадлежить
къ числу замѣчательныхъ научныхъ дѣятелей своего вре-
мени. Обративъ на себя вниманіе этнографическо-статисти-
ческими трудами еще въ сороковыхъ годахъ, покойный Ус-
ларъ въ пятидесятыхъ годахъ перенесъ свою дѣятельность
на Кавказъ, гдѣ ознаменовалъ себя историческими, этногра-
фическими и въ особенности лингвистическими изслѣдова-
ніями. Въ немолодые уже годы онъ принялся за изслѣдо-
ваніе необыкновенно-трудныхъ для изученія кавказско-гер-
скихъ нарѣчій, рѣзко отличающихся ото всѣхъ изслѣдова-
нныхъ научнымъ образомъ языковъ, и свои капитальные лин-
гвистическіе труды представилъ въ Академію Наукъ (они
отлитографированы въ незначительномъ числѣ экземпляровъ
и известны только ограниченному кругу ученыхъ и то бла-
годаря главнымъ образомъ отчетамъ о нихъ академика Шиф-
фера, напечатаннымъ на нѣмецкомъ языкѣ въ *Запискахъ Импе-
раторской Академіи Наукъ*). Затѣмъ баронъ Усларъ принялся
за педагогическую дѣятельность—за обученіе горцевъ, среди
которыхъ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни. Онъ
скончался въ 1875 году. Отпечатанный нынѣ трудъ *Древнѣй-
шія сказанія о Кавказѣ*, представляющій сводъ и строгій ана-
лизъ разсѣянныхъ указаній объ отдаленномъ прошломъ Кав-
каза, смежныхъ и болѣе близкихъ къ нему странъ, ставитъ
древнюю исторію этого края, состоявшую изъ побасенокъ
и измышленій лѣтописцевъ, на прочную научную почву. Из-
ученіе кавказскихъ языковъ дало Услару возможность по-
ставить на прочную научную почву и этнологію Кавказа.
Дальше лингвистическія занятія Услара, обусловившія вве-
деніе грамотности между горцами, имѣли важное значеніе
и въ дѣлѣ образованія послѣднихъ. Къ напечатанному труду
Услара присоединена его біографія, написанная Л. П. Загур-
скимъ, съ портретомъ гравированнымъ академикомъ И. П.
Пожадостинымъ.

Общество Любителей Древней Письменности и Искус-
ства издало до сихъ поръ не напечатанный трудъ епис-
копа Дамаскина „Библиотека Россійская или содѣніе о
всѣхъ книгахъ въ Россіи съ начала типографіи на свѣтѣ

отмечены. Епископъ Дамаскинъ принадлежить къ числу выдающихся русскихъ ученыхъ прошлаго XVIII вѣка. Воспитанникъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, гдѣ онъ пробылъ съ января 1750 по 1761 годъ, Дамаскинъ по окончаніи въ ней курса наукъ опредѣленъ былъ учителемъ въ Крутицкую семинарію, а затѣмъ, будучи уже въ званіи инспектора, посланъ былъ въ Геттингенскій университетъ для усовершенствованія въ языкахъ и до возвращенія изъ-за границы былъ назначенъ Св. Синодомъ префектомъ и профессоромъ Славяно-Греко-Латинской Академіи. Принявъ монашество Дамаскинъ въ 1782 году былъ хиротонисанъ во епископа на епархію, бывшую викарію Московскую. Отсюда въ 1783 году переведенъ въ Нижегородскую епархію, гдѣ пробывъ десять лѣтъ, по собственному прошенію былъ уволенъ на покой въ Московскій Покровскій монастырь и тамъ 18 декабря 1795 года скончался. Изъ ученыхъ трудовъ Дамаскина укажемъ на слѣдующіе: имъ сдѣланъ переводъ съ русскаго на нѣмецкій языкъ Несторовой лѣтописи, имъ изданы сочиненія М. В. Ломоносова, которыя онъ далечаталъ въ Москвѣ въ 1778 году, поучительныя слова и другія сочиненія преосвященнаго Платона митрополита Московскаго (Москва 1779 года, въ 9 частяхъ). Но безъ сомнѣнія важнѣйшимъ трудомъ Дамаскина почитается его *ученая исторія*. По возвращеніи изъ-за границы молодой ученый сталъ усердно работать въ патриаршей библиотекѣ, пересматривать множество книгъ, рукописей, читать ихъ, дѣлать изъ нихъ выдержки и сообщать матеріалы Новикову для его *Визирювки*. Въ 1785 году Дамаскинъ написалъ свой трудъ, изданный вынѣ Обществомъ Любителей Древней Письменности. Въ XVIII столѣтіи, замѣчаетъ профессоръ Сухомлиновъ, подъ терминомъ *ученой исторіи Россіи* разумѣли исторію литературы въ широкомъ смыслѣ. Ученая исторія Россіи Дамаскина охватываетъ періодъ отъ начала XVI до конца XVIII столѣтія и имѣетъ видъ библиографіи: это перечень названій книгъ съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія; о многихъ книгахъ сказано гдѣ онѣ хранятся. Въ этомъ трудѣ Дамаскинъ раздѣляетъ исторію русской литературы на три періода. Первый отъ начала письменности въ Россіи до введенія книгопечатанія, или отъ Владиміра Святаго до Грознаго. Второй періодъ—отъ начала книгопечатанія до введенія

гражданскаго шрифта или отъ Грознаго до Петра Великаго. Третій періодъ отъ Петра до времени Дамаскина.

Опись рукописей перенесенныхъ изъ библіотеки Іосифова монастыря въ библіотеку Московскои Духовнои Академіи. Іеромонаха Іосифа. Рукописи принадлежавшія Іосифо-Волоколамскому монастырю, описаніе которыхъ издано, поступили въ библіотеку Московскои Духовнои Академіи въ 1859 году. Въ мартѣ этого года знаменитый профессоръ этой Академіи (въ послѣдствіи ректоръ ея) А. В. Горскій, состоявшій тогда и библіотекаремъ Академіи, обратился къ митрополиту Филарету съ представленіемъ, въ которомъ, указавъ на примѣры передачи библіотеки Новгородскаго Софійскаго собора въ Духовную Академію Петербургскую и Соловецкаго монастыря въ Казанскую, просилъ митрополита въ видахъ „пользы для духовной учености“ передать въ собственность Академіи собраніе рукописей Іосифова монастыря „для обители въ настоящее время безнужное и къ употребленію на пользу церкви и науки по отдалености мѣста малодоступное“. При этомъ А. В. Горскій признавалъ справедливымъ оставить въ монастырѣ рукописи собственноручно писанныя основателемъ обители, преподобнымъ Іосифомъ. Владыка-митрополитъ изъявилъ согласіе на ходатайство Горскаго, и онъ изъ числа рукописей отобралъ для академической библіотеки 236 номеровъ. Другая часть рукописей (преимущественно церковно-богослужебныхъ), по распоряженію митрополита Филарета, передана въ Московскую епархіальную библіотеку. Въ Іосифовомъ монастырѣ оставлено только 33 рукописи. Изданное описаніе рукописей Волоколамскаго монастыря составлено іеромонахомъ Іосифомъ, который уже около 40 лѣтъ живетъ въ Іосифовомъ монастырѣ.

Изданіе *Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, предпріятое нѣсколько лѣтъ тому назадъ на средства графа С. Д. Шереметева, продолжаетъ выходить въ свѣтъ. Изданъ VII томъ; въ немъ помѣщены литературныя произведенія писанныя покойнымъ княземъ въ періодъ времени съ 1855 по 1877 годъ включительно.

П. И. Вейнбергъ напечаталъ въ Петербургѣ *Сборникъ* произведеній иностранныхъ поэтовъ для класснаго чтенія. Въ

составъ *Сборника* вошли отрывки изъ произведеній: а) нѣмецкихъ поэтовъ: Клопштока, Шиллера, Гёте, Уланда, Ленау и Шамиссо; б) французскихъ поэтовъ: Ла-Фонтена, Андре Шенье и Виктора Гюго, и в) англійскихъ поэтовъ: Шекспира, Мильтона, Грея, Борнса, Крабба, Томаса Мура, Гуда и Лонгфелло. О каждомъ изъ поэтовъ сообщены въ *Сборникъ* краткія біографическія свѣдѣнія. Въ *Сборникъ* въ 8ю д. л. 332 стр.

Г. И. Холмогоровъ сдѣлалъ переводъ съ персидскаго подлинника творенія шейха Мослихудиана Саади Ширазскаго *Гюлистанъ*, то-есть „Цвѣтникъ розъ“. Это произведеніе относится къ XIII вѣку по Р. Х. и неоднократно переводилось на европейскіе языки и считается самымъ популярнымъ чтеніемъ во всей могометанской Азійи и въ самой Персіи, въ Турціи, въ Индустанѣ, въ Хивѣ и Бухарѣ, а также въ мусульманскихъ школахъ въ Россіи, несмотря на то что авторъ *Гюлистана* былъ шиитъ. *Гюлистанъ* раздѣляется на восемь главъ, и въ первыхъ семи главахъ содержатся разказы перемѣшанные со стихами нравственнаго содержанія, кромѣ восьмой главы, которая излагаетъ правила морали въ разныхъ афоризмахъ. Переводъ *Гюлистана* печатался въ Москвѣ.

Общество Поощренія Художниковъ предприняло роскошное художественное изданіе подъ названіемъ: *Искусство Средней Азійи*. Это сборникъ среднеазіятской орнаментаціи и узоровъ святыхъ съ натуры на памятникахъ архитектурныхъ, и предметахъ гончарныхъ, ткацкихъ, ювелирныхъ и пр. членомъ Самарской ученой экспедиціи въ Среднюю Азійю Н. Е. Сиমানовымъ.

То же Общество издало роскошный *Альбомъ рисунковъ полевыхъ цвѣтковъ*, составленный барономъ М. П. Клодтомъ въ руководство для живописи акварелью и металлическими красками по фарфору и фаянсу.

Г. Н. Писаревскій издалъ въ Петербургѣ книжку подъ заглавіемъ *Телефонъ и практическое ихъ прирѣненіе*. Цѣль книги—ознакомленіе публики съ современнымъ положеніемъ телефоннаго дѣла въ томъ видѣ какъ оно эксплуатируется теперь въ различныхъ городахъ Европы и Америки и какъ предполагается его устроить у насъ. Безспорно телефонъ или

приборъ для передачи звука на разстояніяхъ при помощи электричества относится къ числу изумительныхъ открытій нашего времени. Приборъ этотъ его изобрѣтателемъ, знаменитымъ американскимъ ученымъ Белломъ, былъ представленъ впервые на выставку въ Филадельфіи въ 1876. Г. Писаревскій въ составленномъ имъ трудѣ описываетъ разнообразныя телефоны, микрофоны, знакомитъ съ устройствомъ телефонной сѣти, съ телефонными компаниями въ различныхъ иностранныхъ государствахъ и съ основными условіями устройства и эксплуатаціи городскихъ телефонныхъ сообщеній въ Россіи.

По случаю обнаруженія въ виноградникахъ Крыма, то-есть въ сосѣдствѣ съ Кавказскимъ краемъ, губительной болѣзни для виноградниковъ—филлоксеры, Кавказское Общество сельскаго хозяйства напечатало въ Тифлисѣ брошюру подъ заглавіемъ: *Новая болѣзнь виноградной лозы—филлоксера*. Брошюра излагаетъ свѣдѣнія объ этомъ насѣкомомъ. Любопытны слѣдующія свѣдѣнія сообщаемыя въ брошюрѣ о винодѣліи на Кавказѣ. На Кавказѣ числится около восьмидесяти тысячъ десятинъ виноградныхъ садовъ, дающихъ на десятину среднимъ числомъ 100—200 ведеръ, или всего 16 милліоновъ ведеръ вида, стоящихъ 24 милліона рублей (1 р. 50 к. за ведро), которыми поддерживается промышленность и торговля не только Кавказа, но многихъ мѣстностей Россіи. При капитализаціи изъ 10% получится цѣнность этихъ виноградниковъ равная 240 милліонамъ рублей.

Предпринято въ русскомъ переводѣ изданіе подъ заглавіемъ: *Реальная энциклопедія врачебныхъ наукъ*, медико-хирургической словарь для практическихъ врачей, издаваемый А. Эйленбургомъ, ординарнымъ профессоромъ Грейфсвальдскаго университета. Переводъ дѣлается подъ общимъ руководствомъ Дг. Н. И. Козлова и подъ редакціей Дг. Д. И. Архангельскаго, профессора М. И. Горвица, профессора Н. В. Склифасовскаго, профессора С. И. Чирьева и профессора Э. А. Юнге. Сочиненіе печатается въ Петербургѣ. Вышли въ свѣтъ первый и второй выпуски.

Изданіе въ русскомъ переводѣ *Руководства къ общей и частной хирургіи* разработаннаго германскими профессорами-

специалистами, подъ редакціей Dr. Бильрота и Любке, продолжаетъ безостановочно выходить въ свѣтъ. Въ напечатанномъ 53 отдѣлѣ помѣщено сочиненіе Dr. Нуссбаума „Поврежденія живота“. Переводъ съ нѣмецкаго сдѣланъ подъ редакціей профессора хирургіи въ Харьковскомъ университетѣ И. К. Зарубина.

Изданы въ С.-Петербургѣ:

Откуда началось Русское государство? Всемирная исторія Россійскаго государства. Составлена подъ редакціей Константина Соловьева.

Beitrage zur Alterthumskunde Russlands (von dem ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 N. Chr.), hauptsächlich aus den Berichten der griechischen und lateinischen Schriftsteller zusammengestellt von Ernst Bonnel. Erster Band.

Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Составилъ В. В. Водовозовъ.

Сибирь какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее Н. М. Ядринцева. 8 д. л. 471 стр.

Отчеты о содержаніи дѣлъ и бумагъ хранящихся въ архивахъ: бывшей (въ городѣ Черниговѣ) Малороссійской коллегіи и упраздненнаго управленія Оренбургскаго генераль-губернатора. Составлены подъ вѣдѣніемъ Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ.

Война 1877 и 1878. Томъ III. Война въ Азіатской Турціи. Съ картой, планами и рисунками. Издано подъ редакціей генераль-майора Зыкова. Выпускъ второй. 4 д. л. стр. 172—275.

Наизъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности послѣдняго столѣтія. Отто фонъ-Лейкнера. Выпускъ XI. 8 д. л., стр. 289—312.

О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ. Ипполита Панаева. 8 д. л. 160 стр.

Князь Александръ Илларионовичъ Васильчиковъ. 1818—1881. Биографическій очеркъ съ портретомъ. Составилъ А. Голубевъ. 8 д. л., 156 стр. + 46.

Памяти А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Изд. М. И. Семевскаго. 30 стр. 8 д. л.

Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ. Соч. И. Ремезова. Изданіе третье.

Петко и Стоянъ Ковачевичи, славные сербскіе богатыри въ Герцеговинѣ. Съ изображеніемъ Стояна Ковачевича. Аѳ. Васильева 8 д. л. 12 стр.

Карлъ Фодоровичъ Кесслеръ. (19 ноября 1815 † 3 марта 1881). Біографія составленная М. Н. Богдановымъ.

Начало русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. III. Органы мѣстнаго управленія.

Финансовое право. Лекціи доцента С.-Петербургскаго университета В. А. Лебедева. Выпускъ первый.

О современномъ движеніи въ наукѣ права. С. В. Пахманъ. 8 д. л. 68 стр.

Мѣстное управленіе, судъ и государственное устройство Бельгіи.

Капитанъ гренадерской роты. Романъ-хроника XVIII-го вѣка въ двухъ частяхъ, Всеволода Соловьева. Второе изданіе.

Касимовская невѣста. Историческій романъ въ трехъ частяхъ, Всеволода Соловьева.

Господинъ Великій Новгородъ. Историческая повѣсть Д. Мордовцева.

Ст. Грудзинскій. *Молодецъ-барышня*. Романъ съ польскаго.

Походженіе холостяка. Юмористическій романъ. Текстъ Маралы Герихонскаго. Рисунки В. Буша.

Любовь и слѣзъ. Веселый сборникъ. Соч. И. Грекъ.

Третій томъ *Полнаго собранія сочиненій графа А. К. Толстаго*. Въ этомъ томѣ помѣщены трагедіи: *Смерть Иоанна Грознаго*, *Царь Феодоръ* и *Царь Борисъ*. Въ томѣ 558 стр. въ 8ю д. л.

Сила обстоятельствъ. Драма въ 4-хъ д. Михаила Хруцова.

За Царемъ служба не пропадаетъ. Драматическая картина изъ военной жизни въ трехъ дѣйствіяхъ, для представленія на солдатскихъ театрахъ.

А. В. Кольцовъ и его пѣсни. Составилъ М. В. Паруновъ. 24 стр. 8 д. л.

Царевна-лягушка. Сказка. Сюжетъ заимствованъ изъ народной русской сказки. В. Идергинъ. Изд. Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ.

Высшія учебныя заведенія съ интернатами Германіи и Франціи. Гр. А. Мусива-Пушкина. 35 стр. 8 д. л.

Библіографическій Листокъ. Матеріалы для составленія критическаго каталогъ книгъ и статей для дѣтскаго чтенія, собираемые комиссіей при учебномъ отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ Знаній. Выпускъ 2-й.

Народныя чтенія. Дюдишка Крыловъ. Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ Народнаго Просвѣщенія комиссіи народныхъ чтеній. Изданіе второе. 48 стр. 8 д. л.

Дерево и его жизнь. Народное чтеніе. Изданіе Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ.

Русская грамота. Букварь для народныхъ школъ. Составилъ учитель народной школы В. Добровольскій.

Детнадуать мудрыхъ басенъ (Хемницера и Крылова). Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной комиссіи народныхъ чтеній.

Логика гипотезы. Сочиненіе Эрнеста Навиля. Переводъ Ипполита Панаева. 8 д. л. 342 стр.

Номери Одысса. Текстъ со словаремъ и приложеніемъ о Гомеровскомъ діалектѣ, составленнымъ для гимназій Я. Кремеромъ.

Наглядное пособіе при изученіи русскаго языка (Этимологія). Для средняго и старшаго возрастовъ. Составилъ и издалъ Н. П. Шубинъ.

Русское правописаніе. Часть 1я. Слова. Руководство и справочная книжка для учениковъ народныхъ училищъ. Составилъ В. А. Веселовскій.

Моимъ любимцамъ. Чтеніе для дѣтей до 10 лѣтъ. Изданіе второе.

Ариѳметика въ вопросахъ и отвѣтахъ въ двухъ частяхъ. Для легчайшаго обученія дѣтей, составленная Меморскимъ. 3-е изданіе.

Первоначальныя упражненія въ ариѳметикѣ. Сочиненіе А. Лева. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для учащихся.

О преподаваніи географіи, построеніе и черченіе картъ Н. Раевского. Второе значительно исправленное изданіе. 8 д. л. 89 стр.

Краткій учебникъ географіи Н. Раевского. Вѣтверолейскія страны 8 д. л. 82 стр.

Настольная справочная книжка для фортепианныхъ преподавателей и всѣхъ занимающихся фортепианною игрой. Составилъ А. Буховцевъ.

Прописи и образцы для рисованія по клеткамъ. Составилъ В. С. Гербачъ. 13-е изданіе.

Къ вопросу объ укатываніи полей. Ив. Малышева. 8 д. л. 104 стр.

Практическое учение объ удобрении. Дг. Эмиля Вольфа. Переводъ съ 8-го нѣмецкаго изданія.

Ueber ein Neues Milchferment aus dem Kaukasus. Von Eduard Kern.

Материалы для разъясненія особенностей свойствъ женскаго и коровьяго молока. Диссертация на степень доктора медицины Ивана Шмидтъ.

Введеніе къ изученію болѣзней дѣтскаго возраста. Дг. В. Рейтца. Второе изданіе значительно дополненное. 8 д. л. 299 стр.

Руководство по гигиенѣ и общественному здоровью, издаваемое докторомъ медицины Альбертомъ Баккомъ. Переводъ съ англійскаго М. М. Манассеиной Т. II. Выпускъ второй. Изданіе главнаго военно-медицинскаго управленія.

Карль Рекламъ. *Популярная гигиена.* Изданіе пятое. Съ приложеніемъ военной гигиены Дг. Вейнмана.

Лѣченіе виноградоуль въ Ялтѣ на Южномъ Берегу Крыма. Руководство для больныыхъ и врачей. Составилъ В. Н. Дмитриевъ. Изданіе второе. 8 д. л. 156 стр.

Руководство къ частной патологii и терапii подъ редакціей Дг. Цимссена. Т. IV, ч. I. Болѣзни дыхательнаго аппарата. Переводъ Дг. Фридберга. 8 д. л. 487 стр.

Фармацевтическая химія. Первый выпускъ. Составилъ Юлій Тралль, заслуженный профессоръ. 8 д. л. 432 стр.

Къ вопросу о патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ въ тканяхъ при острой уреміи. Гистологическое изслѣдованіе. Диссертация на степень доктора медицины врача М. Степанова.

Къ вопросу объ измѣненіи мышечной ткани матки въ послѣдородовомъ періодѣ. Диссертация на степень доктора медицины Александра Войцеховскаго. 8 д. л. 52 стр.

Труды С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей, издаваемые подъ редакціей секретаря Общества И. Бородина. Т. XII. Выпускъ второй. 8 д. л.

Опытъ физической теоріи электрическаго тока. П. Фанъ-Аеръ-Флута. 8 д. л. 245 стр.

Ильменскія минеральныя копи. Составилъ М. П. Мельниковъ 1-й, горный инженеръ.

Исторія крепостной войны со времени введенія огнестрѣльнаго оружія до 1880 года. Сочиненіе Г. Миллера, подполковника и начальника отдѣленія прусскаго военнаго министерства. Перевелъ съ нѣмецкаго К. Мадрихъ. 8 д. л. 300 стр.

Сводънїя о полевой и горной артиллерїи. Составилъ для пѣхотныхъ и кавалерїйскихъ юнкерскихъ училищъ Н. Потоцкїй, со 139-ю политїлажами въ текстѣ.

Промыслы Владимїрской губерніи. Выпускъ I. Изданіе г. Баранова. Исслѣдованіе В. С. Пругавина. Труды комиссіи состоящей подъ предсѣдательствомъ московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова по устройству кустарнаго отдѣла на Всероссийской промышленно-художественной выставкѣ 1882 года.

Альбомъ старинныхъ русскихъ рисунковъ для вышиванїя. 24 листа въ 4 д.

Производство лаковъ. Составилъ П. Волковъ.

Новая монаршая милость Государя Императора Александра III. О выкупѣ земельныхъ надѣловъ. (Изъ *Собранїя узаконенїй и распоряженїй правительства*). 16 д. л. 31 стр.

Община и подать. Собраніе исслѣдованїй В. Трирогова.

Записки сельскаго священника. Бытъ и нужды православнаго духовенства. Изданіе историческаго журнала *Русская Старина*.

Земская винная лавка (кабакъ) и сельско-хозяйственныя винокурни. Основанїя литейной реформы на земскомъ началѣ. Преобразованіе винокуренїя примѣнительно къ лотребностямъ земледѣлїя.

О законѣ Максвела. И. Вышнеградскаго. 8 д. л. стр. 29.

Общїй таможенный тарифъ по Европейской торговлѣ для таможенъ Россїйской Имперїи и Царства Польскаго. Седьмое дополненное изданіе, одобренное Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ. 8 д. л. 195 стр.

Сравнительный очеркъ горнаго законодательства въ Россїи и Западной Европѣ. Часть первая. Главныя основанїя горнаго и солянаго законодательства. Составилъ А. Штофъ. 8 д. л. 224 стр.

Записка о Волжско-Двинской желѣзной дорогѣ, составленная по порученїю комиссіи для обсужденїя нуждъ Сѣвера. 37 стр. 8 д. л.

Записка о составленїи проекта на устройство новаго водоснабженїя Москвы.

По поводу мнѣнїй о недостаточности Мытищенскихъ источниковъ воды для новаго снабженїя Москвы. Иажелера Н. Зимина.

8й докладъ въ комиссію Императорскаго Московскаго

Общества сельскаго хозяйства по вопросу о хуторахъ и современныхъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства.

Составъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества по 17 февраля 1882.

Отчетъ Св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1878—1879 годъ.

Въ Москвѣ изданы:

Руководство къ изученію сельско-хозяйственныхъ и промышленныя силъ Россіи. Составилъ А. И. Ивановъ. 170 стр. 8 д. л.

Новый способъ заготовки въ прокъ различныхъ матеріаловъ для корма скота. Составлено секретаремъ комитета Кинешемскаго Общества сельскаго хозяйства П. А. Шиповымъ. 40 стр. 16 д. л.

Физиологическая жизнь Др. Феликса Гоппе-Зейлера, профессора физиологической химіи въ Страсбургѣ. Часть III. Кровь, дыханіе, лимфа, млечный сокъ. Съ 9ю рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго профессора Московскаго университета А. Булыгинскаго. Стр. 423—700. 8 д. л.

Правила движенія по желѣзнымъ дорогамъ открытымъ для общественнаго пользованія. 84 стр. 16 д. л.

Надъ бездною. Историческій романъ эпохи Цицерона. Сочиненіе Людмилы Шаховской. Часть первая 499 ст. Часть вторая 293 стр. 8 д. л.

Передъ судомъ (Die Mutter vor Gericht). Мелодрама въ одномъ дѣйствіи Д. А. Александрова. 11 стр. 8 д. л.

Въ Харьковѣ напечатаны:

Обо всемъ по силѣ разумія. Литературно-общественныя очерки К. Н. Ярошъ.

Отчетъ объ изслѣдованіи отхожаго промысла между Харьковомъ и Таганрогомъ по Курско-Харьково-Азовской ж. д. отъ 15 до 31 мая 1881.

Минеральныя воды въ Славянскѣ. (Русскій Крейтцахъ.) Врача К. С. Шуллевица. Второе изданіе.

Въ Кіевѣ напечатаны:

Краткое обзорніе педагогики. Изъ лекцій въ университетѣ Св. Владиміра и на высшихъ женскихъ курсахъ. Проф. С. Гогоцкаго. Вып. первый. Второе исправленное изданіе.

На память о Царь-Освободителѣ, съ Его изображеніемъ.

Первая книжка журнала *Труды Киевскаго Общества сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности*. Это новое периодическое изданіе, разрѣшенное правительствомъ въ прошломъ году.

Условія широкаго распространенія электрическаго свѣта. М. П. Авенаріуса.

Въ чемъ должна заключаться наша забота о домашнихъ животныяъ. Составилъ В. И. Вишницкій. Предназначается для простаго класса.

Въ Тифлисѣ напечатаны: *Нефтяные источники Брандфорда (въ С. Америкѣ) и его окрестностей*. Составилъ Ст. Гулшамбаровъ.

Мои путешествія заплѣтки. Составленныя Г. Д. Теръ-Габріельянцею.

Опытъ лингвистическаго изслѣдованія и объясненія корней алфавита въ примѣненіи къ армянскому языку. Серобе Тачворянъ. Перевелъ А. Ерицовъ.

Геологическое описаніе Алшеронскаго полуострова Бакинскій губерніи и окрестностей Навтлуга Тифлисскаго губерніи, изслѣдованныхъ въ 1880 году. Выпускъ третій. Съ геологическими картами, таблицами профилей и приборовъ и разрѣзами. Изданіе управления горною частію на Кавказѣ и за Кавказомъ.

Приготовительный курсъ ботаники въ примѣненіи къ русской и кавказской флорамъ. Составилъ по Августу Любену Н. Лихачевъ.

Въ Петровскѣ, Дагестанской области, напечатанъ *Уставъ о секселяхъ* (извлеченіе изъ XI т. 2й ч. Свода Законовъ), дополненъ и измѣненъ по продолженіямъ 1876—1879 годовъ, согласованъ съ закономъ 7 марта 1879 года объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги и разъясненъ по рѣшеніямъ общихъ собраній кассационныхъ 1866—1880 годовъ и другихъ департаментовъ Правительствующаго Сената, коммерческихъ и другихъ судовъ новаго устройства, съ критическимъ разборомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Составилъ Я. П. Шкровъ.

Въ Одессѣ вышли слѣдующія книги:

Гражданскій процессъ въ мировомъ судѣ. Справочная книга для мировыхъ судей и тяжущихся. Составилъ Гоняевъ.

Друзьскъ. Русскій букварь.

Брошюра преподавателя Одесской 3й гимназiи М. А. Орлова *Вопросъ о судьбѣ души по смерти въ философской вистежѣ Платона.*

Историческiй очеркъ Ришельевской гимназiи, составленный преподавателемъ этой гимназiи Р. Э. Заузе.

Адресъ-календарь Одесскаго градоначальства на 1882 годъ.

Историческая записка объ Измаильской четырехклассной прогимназiи. Составилъ инспекторъ прогимназiи В. Э. Охрѣменко.

Въ Херсонѣ напечатана *Записка по еврейскому вопросу,* представленная херсонскому губернатору херсонскимъ раввиномъ И. С. Пѣскеромъ.

Въ Николаевѣ изданъ *Календарь и справочная книжка города Николаева на 1882 годъ.*

Въ Вильнѣ на языкѣ Талмуда напечатанъ комментарий на книгу *Эбенъ-Эзеръ,* соч. І. Ф. Герштейнъ.

Тамъ же напечатана ода подъ заглавiемъ *Голосъ сердца.* На смерть Царя-Мученика Императора Александра II. Глубокскаго благочиннаго священника Александра Котлинскаго.

Въ Варшавѣ на древне-еврейскомъ языкѣ напечатана книга подъ заглавiемъ *Агасасъ Цадикимъ,* т.е. любовь къ цадикамъ Б. Забѣженскаго.

Въ Берлнѣ напечатано: *Die Gesetze über den Civilprocess vor den Friedensgerichten der Ostseeprovinzen.* Von V. Kupffer. *Ueber das Leben nach dem Todt.* Vortrag von Leo Meyer.

Общество для исторiи и знанiя древностей Прибалтiйскихъ губернiй издало въ Ригѣ на нѣмецкомъ языкѣ тридцатый томъ своихъ *Сообщенiй.*

Въ Саратовѣ издано:

Угоды за грудными дѣтьми. Совѣты матерямъ женщины-врача В. И. Буховцевой. 8 д. л. стр. 90.

Руководство къ практическому преподаванію игры на фортепiano для учителей и учащихся. Составилъ графъ фонъ-Бласть.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ М. Батеньковъ напечаталъ *Счетоводство* для магазиновъ книжныхъ, мануфактурныхъ, галантерейныхъ, москательныхъ и проч. по двойной бухгалтеріи.

Пароходная аптечка. Краткія наставленія къ употребленію лѣкарствъ въ случаѣ крайней необходимости. Составилъ Г. И. Родзевичъ.

Въ Костромѣ издано сочиненіе М. Т. Цицерона *Бѣсѣда о дружбѣ.* Переводъ съ латинскаго сдѣлалъ П. Виноградовымъ.

Въ Ярославлѣ напечатано *Понятіе о Христвѣ или толкованіе талмудистовъ о заблужденіи Евреевъ.* Записки еврейскаго раввина. Изданіе третье.

Въ Царицынѣ издана рѣчь читанная на годичномъ актѣ Мариинской прогимназіи преподавателемъ Э. Г. Кашменскимъ. *Общее образованіе и значеніе его для женщинъ, какъ воспитательницъ дѣтей.*

Въ Пензѣ напечатаны *Раскладки* на вновь утвержденныя столовыя и порціонныя деньги офицерскимъ чинамъ въ войскахъ, также табель и штаты на которыхъ основаны означенныя оклады. Составилъ штабсъ-капитанъ Бульвинскій.

Въ Люблинѣ напечатана *Памятная книжка Люблинской губерніи за 1882 годъ.*

Во Владивостокѣ напечатано *Краткое изложеніе способовъ начальнаго преподаванія въ горскихъ школахъ на Кавказѣ въ прилженіи къ обученію русскому языку инородцевъ вообще.* Со 124 рисунками. Д. Дмитриева.

ОГОВОРКА. Въ поэмѣ г. Майкова, въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, на стр. 679 есть случайный пропускъ:

Напечатано:

И улыбається она,
Живымъ вѣнкомъ окружена
Изъ дѣтскихъ лицъ. Въ самой смущеньи.
„Кто ты? зачѣмъ?“ Порывъ души... и пр.

Должно быть:

И улыбається она
Живымъ вѣнкомъ окружена
Изъ дѣтскихъ лицъ. Въ мгновенье
Прижалась къ ней. Въ самой смущеньи.
„Кто ты? зачѣмъ?“ Порывъ души... и т. д.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1882 года.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1882 году, стоить въ Москвѣ, безъ доставки ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстнаго бульвара.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву:

Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англию, Францію, Австрію, Бельгію, Германию, Грецію, Данию, Италию, Испанию, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Съверо-Американскіе Соединенные Штаты. 18 р.

Въ прочія мѣста за границей не предварительному соглашенію съ редакціей.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ УФИМСКОЙ ГУБЕРНІИ

Удаленная на тысячи верстъ отъ центра умственнаго движенія Россіи, Уфимская губернія, эта одна изъ счастливейшихъ нашихъ мѣстностей по своимъ природнымъ производительнымъ силамъ, мало кому была извѣстна и даже въ последнее время интересовались ею лишь тѣ кто или получили, или разчитывали получить въ ней земельный участокъ; но съ конца 1880 года некоторая часть печати, сознававшаяся впрочемъ въ незнаціи положенія дѣлъ въ Уфимской губерніи, начала огульно обвинять чуть не всѣхъ служащихъ въ краѣ лицъ въ незаконной и злонамѣренной распродажѣ земель, окрестивъ все дѣло по этому предмету *расхищеніемъ башкирскихъ земель*. Замѣчательно что вопросъ этотъ поднятъ въ печати въ то именно время когда самая продажа находящихся въ распоряженіи казны земель, начавшаяся съ 1876 года, была уже фактически прекращена и когда всѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ что продажъ земель въ Уфимской губерніи на льготныхъ условіяхъ больше не будетъ.

Богѣ спокойная часть печати надѣялась что земельный вопросъ въ Уфимской губерніи и отношенія къ нему мѣстной администраціи будутъ въ скоромъ времени разъяснены, чему главнымъ образомъ поможетъ сенаторская ревизія и тѣмъ успокоитъ русское общественное мнѣніе и восстановитъ истину; но время уходитъ, а общество до сихъ поръ

остается въ полномъ невѣдѣніи по сему вопросу, сохраняя притомъ убѣжденіе что не только лица стоявшія во главѣ управленія, но и вообще весьма многіе изъ служащихъ въ Уфимской губерніи суть хищники башкирскихъ земель.

Такое безотрадное положеніе лицъ посвятившихъ себя служенію Уфимской губерніи и въ нервѣдкихъ случаяхъ отдавшихъ ей всѣ свои силы, возлагаетъ на меня, какъ на лицо также служившее въ этой губерніи, обязанность сказать русскому обществу всю правду о прошлой и текущей жизни этой злосчастной губерніи, разъяснивъ запутанность тѣхъ многихъ вопросовъ экономической жизни населенія, которые такъ неблагоприятно для него сложились подъ вліяніемъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ.

Чуждый какихъ-либо личныхъ интересовъ въ Уфимской губерніи, я вступилъ въ управленіе ею въ мѣсѣцъ 1880 года, то-есть наканунѣ того именно времени когда печать заговорила о прошлыхъ въ ней злоупотребленіяхъ. Очевидно поэтому что я въ нихъ не могъ принимать никакого участія и личная моя служебная дѣятельность стояла внѣ сенаторской ревизіи. Заинтересованный помимо служебнаго долга исключительнымъ положеніемъ дѣлъ въ губерніи, я стремился ознакомиться съ нею во всѣхъ ея подробностяхъ; не ограничиваясь поэтому изученіемъ ея въ кабинетѣ по одной картѣ, и притомъ съ одною какою-либо предвзятою мыслью, я посвятилъ изъ семнадцатимѣсячнаго управленія губерніей четыре мѣсяца объѣзду всѣхъ ея угловъ, лично обрѣвизовалъ болѣе ста волостныхъ правленій, вездѣ бесѣдуя съ населеніемъ и входя постоянно въ его дужды, и дѣйствительно достигъ того что оно во многихъ случаяхъ относилось ко мнѣ довѣрчиво и разъясняло интересующіе меня вопросы, чего невозможно конечно было бы узнать путемъ официальнымъ. Приобрѣтенный такимъ образомъ знанъ свѣдѣній совмѣстно съ изученіемъ производившихся дѣлъ въ губерніи и историческихъ документовъ касающихся края даетъ мнѣ смѣлость думать что я, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ настолько ознакомился съ земельнымъ вопросомъ въ Уфимской губерніи что могу дать читателю ясное о немъ представленіе. Являясь въ настоящемъ трудѣ безпристрастнымъ повѣствователемъ, я надѣюсь встрѣтить довѣріе къ моему сообщенію, цѣлью котораго ставлю не обвиненіе лицъ сошедшихъ уже со сцены служебной дѣятельности, а желаніе

вести со своей стороны лепту на дѣло ознакомленія съ краемъ и его нуждами, для чего я уже достаточно потрудился, помогая сенаторской ревизіи доставленіемъ массы матеріаловъ.

I.

Въ Уфимской губерніи сталкивается нѣсколько племенныхъ отличій, но между ними по своей численности первое мѣсто занимаютъ Башкиры и Русскіе. Остальные затѣмъ, Татары, Мещераки, Чуваши, Черемисы, Вотяки, хотя и составляютъ значительный процентъ населенія, однакоже становятся по своей численности на второй планъ. Аборигенами страны конечно должны считаться Башкиры, бывшіе до паденія Казанскаго царства единственными обладателями земель входящихъ въ предѣлы Уфимской губерніи. Откуда пришелъ этотъ народъ и чье мѣсто онъ занялъ, до сихъ поръ остается вопросомъ неразрѣшеннымъ. * Корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ Рычковъ говоритъ: „тѣ мѣста гдѣ нынѣ находятся Башкирцы издревле прилежали къ Великой Болгаріи и именованы были овогда Команскою, а иногда Паскатиурскою или Баскирскою землей. По описанію же Галиома Рюбрукиса, Паскатиурскій народъ и языкъ издревле признаваемъ былъ за одинъ съ Венграми и ако бы нынѣшніе Венгры изъ сихъ мѣстъ произошли“. ** Но какъ бы то ни было, Башкиры занимаютъ нынѣшнія свои мѣста съ IX вѣка*** и, по новѣйшему изслѣдованію профессора Хвольсона, одноплеменны съ Мадырами или Венграми, составляющими отрасль угорской группы большой алтайской семьи. **** Профессоръ Ойрсовъ, въ числѣ другихъ ученыхъ, полагаетъ что въ началѣ XIII вѣка Башкиры находились въ зависимости отъ Волжскихъ Болгаръ; † зависимость эта доказывается и тѣмъ что древніе писатели, говоря очень подробно о Болгарахъ,

* Списки насел. мѣст Россійской Имперіи. Уфимскаѣ губерніи, стр. LXVIII.

** Рычковъ. Топогр. Оренбурга, ч. I, стр. 80.

*** Спик. населен. мѣст. Уфимск. губ., стр. LXVIII.

**** Хвольсонъ. Известія Ибнъ-Даста, стр. 25.

† Вго Полож. инороду. Северо-Восточной Россіи отъ Московск. Госуд., стр. 7.

Хозарахъ и другихъ сосѣдахъ Башкиръ, о Башкиріи упоминаютъ лишь вскользь, какъ о странѣ несамостоятельной. * Что Болгары далеко вѣзывались въ Башкирію, видно изъ надгробной надписи надъ прахомъ Хасанъ Билюка, найденной въ Мензелинскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Заю, верстахъ въ двадцати выше впаденія ея въ Каму, близъ деревни Кизиль-Кылчакъ. Надпись эта относится къ 1226 году, въ который послѣдовало, по мнѣнію ученыхъ, первое нашествіе Монголовъ на Болгарское царство. Болгарское вліяніе на Башкиръ отразилось и въ религіозномъ отношеніи, такъ какъ Болгары, принявъ магометанство еще въ X вѣкѣ, стали вводить его и между Башкирами-язычниками. ** Когда Золотая Орда распалась на нѣсколько ханствъ, то Казанское и Астраханское царства окаймляли Башкирію съ запада, Ногайская орда со столицей своей на рѣкѣ Уралѣ—Сарайчиномъ прилегала съ юга, а на востокѣ за Уральскимъ хребтомъ господствовали Татары Тюменскіе, Кучумовы и другіе, извѣстные подъ общимъ именемъ Сибирскихъ. Башкирія находилась въ главной зависимости отъ Казанскаго царства, хотя это нисколько не мѣшало приходить сюда другимъ ногайскимъ ханамъ со своими кочевниками и властвовать надъ Башкирами, конечно, признавая владычество царей Казанскихъ, *** которыми Башкиры не только платили обременительную дань, но и должны были служить въ ихъ войскахъ. ****

Въ царствованіе Іоанна Грознаго Башкирскій народъ пришелъ въ русскіе подданство. „Какъ царь Иванъ Васильевичъ, говоритъ Рычковъ, въ лѣто 7061 (1553) Казанское царство взялъ и онымъ совершенно овладѣлъ, то спустя года три оныя Башкирцы, вида съ Казанскими Татарами добродорядочныя поступки, и не возмогли болѣе терпѣть чиненныхъ имъ отъ сибирскихъ хановъ и отъ Кайсакъ угнетеній, въ русскіе подданство пришли, и за то имъ не токмо тѣ земли гдѣ они прежде подданства своего, будучи еще въ малолюдствѣ и въ крайнемъ убожествѣ, жили, а именно: за Камою рѣкой и около Бѣлой Волошки (коя послѣ Бѣлою рѣкой

* Тамъ же, стр. LXIX.

** Списки населен. мѣст. Уфимск. губ., стр. LXIX.

*** Памятн. кн. Уфимск. губ. на 1873, отд. истор., стр. 2.

**** Рычковъ. Топогр. Оренбург., ч. 2, стр. 201.

названа) имъ Башкирцамъ подтверждены, но и сверхъ того многими мѣстами и разными выгодами пожалованы.“ *

Такимъ образомъ годомъ вступленія Башкиръ въ подданство Россіи слѣдуетъ считать 1556 годъ. Самой грамоты, которою Грозный давалъ Башкирамъ право на ихъ земли, въ дѣлахъ нѣтъ и сохранилась ли она гдѣ-либо—неизвѣстно; по крайней мѣрѣ по тщательномъ розыскѣ въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ таковой не оказалось. „По приянтіи Башкирцевъ въ подданство руссійское, они, говоритъ Рычковъ, обложены были также ясакомъ, однако гораздо меньше и съ лучшимъ учрежденіемъ, и то не съ каждаго человека, но съ двороваго числа деньгами, по тогдашней цѣнѣ означенныхъ вещей, который ясакъ сперва отвозили они въ Казань, куда, за неимѣніемъ у нихъ довольноаго числа лошадей и что проѣзжихъ дорогъ тогда еще не было, ходили они на лыжахъ, отчего они по тогдашней своей бѣдности не малую трудность несли. Имъ же въ Казани, въ разсужденіи убожества ихъ, давана была изъ казны соль пермянка (ибо они елецкой соли еще тогда не имѣли, и ѣздить по оному на Заяицку степь опасались, и были не въ состояніи), но потомъ сія выдача соли отрѣшена, чего ради по 1754 годъ вмѣсто оной зачиталась у нихъ въ тотъ ясакъ деньгами по нѣкоторому числу.“ **

Такая бѣдность Башкирскаго народа и бывшія на нихъ отъ сибирскихъ хановъ нападенія принудили Башкиръ въ скоромъ времени просить чтобы для платежа имъ ясака и для защищенія отъ непріятельскихъ нападеній былъ построенъ городъ. Почему въ 1586 году въ самомъ центрѣ Башкиріи при рѣкѣ Бѣлой и былъ построенъ городъ Уфа: съ этого же времени вся Башкирія для удобства управленія и сбора ясака раздѣлена была на четыре дороги: *Сибирскую*, лежащую къ Сибири, *Казанскую*—къ Казани, *Осинскую*—къ пригороду Осѣ и *Ногайскую*—къ степнымъ народамъ. *** Академикъ Пекарскій въ статьѣ своей „Когда и для чего основаны города Уфа и Самара“ приводитъ извлеченія изъ лисьменныхъ памятниконъ сношеній Русскаго правительства съ ногайскими владѣтелями въ 1586 году, изъ которыхъ, между прочимъ, видно

* Того же сочиненія, ч. 1, стр. 83.

** Рычковъ. *Томографъ Оренбурга*, ч. 1, стр. 85.

*** Рычковъ. *Томографъ Оренбурга*, ч. 1, стр. 87.

что въ наказѣ посланцамъ отправленнымъ въ сентябрѣ 1586 года въ Астрахань въ Ногаи было велѣно на спросъ „для чего государь на Самарѣ и Воложкѣ города поставилъ“, отвѣчать относительно постройки города Уфы: „а на Уфѣ, на Бѣлой Воложкѣ государь велѣлъ городъ поставити что бѣглою изъ Сибири Кучумъ царь, пришедъ въ государеву отчину въ Казанскій уѣздъ, въ Башкирцы, учелъ кочевати и ясакъ съ государевыхъ людей съ Башкирцевъ почелъ бы имати, а нынѣ государь на Уфѣ велѣлъ городъ поставити и людей своихъ въ немъ устроити для обереганія Казанскаго уѣзда Башкирцевъ и для того чтобы государевы люди города многіе поставили въ Сибирской землѣ.“ *

Первые поселенцы Уфы были дворяне, боярскія дѣти, стрѣльцы, пушкарни и другіе служилые люди присланные правительствомъ для устройства города и крѣпости, для обороны принявшихъ русское подданство Башкиръ отъ набѣговъ Ногайцевъ, Казымыковъ и другихъ еще не вполне покоренныхъ инородческихъ племенъ и вообще для упроченія русскаго господства въ краѣ. Въ послѣдствіи для этой же цѣли была переселена въ Уфу часть Полоцкой шляхты и въ теченіе XVII и начала XVIII столѣтій нѣсколько разъ высылались на водвореніе въ Уфѣ новые отряды конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ, казаки, пушкарни, служилые иноземцы и т. д., что вызывалось необходимостью усилить русское населеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оборонительныя средства края въ виду не прекращавшихся набѣговъ полудикихъ сосѣднихъ инородцевъ и нѣсколько разъ возникавшихъ волненій и бунтовъ въ самой Башкири. **

Изъ этихъ элементовъ и сложилось населеніе города Уфы, постепенно увеличившееся до своего настоящаго состава (около тридцати тысячъ душъ). Путемъ естественнаго прироста и отчасти путемъ переселеній въ послѣдствіи торговыхъ людей изъ внутренней Россіи, приписки крестьянъ изъ окрестныхъ мѣстностей и другими способами. ***

* *Сборникъ отдѣл. русск. языка и словесн. Императорск. Акад. Наукъ, т. X, 1873, стр. 3.*

** См. *Оборн. матеріаловъ для ист. уфимск. дворян., В. Новикова.*

*** Въ сохранившихся до сего времени, составлены въ 1635, стрѣльцкихъ спискахъ, а также въ списк. дворян., шляхты и боярскихъ дѣтей, верстанныхъ помѣщиками и денежными околадами, встрѣчается масса фамилій потомки которыхъ и до сихъ поръ составляютъ коренное населеніе Уфы. См. тотъ же *Сборникъ, лист. 214—230.*

Первые обитатели города Уфы, неся почти поголовно воинскую службу, по установившемуся тогда порядку, взаимнѣ денежнаго жалованья, получали отъ правительства въ вознагражденіе за службу и для обезпеченія ихъ быта земли смежныя съ городомъ, считавшіяся, наравнѣ со всею территоріей покореннаго края, собственностію государя и постепенно укрѣплявшіяся за уфимскими жителями цѣлымъ рядомъ жалованныхъ записей на разные окрестные поземельные участки. * Такимъ образомъ въ половинѣ истекшаго столѣтія обыватели города Уфы разныхъ сословіи и родовъ службы имѣли въ своемъ владѣніи 8.687 десятинъ земли окружавшей городъ со всѣхъ сторонъ. **

Съ теченіемъ времени и съ замиреніемъ края коренное населеніе города утратило свое военное устройство съ его подраздѣленіями, слалось въ одно общество, и вся пожалованная жителямъ Уфы земля, исключая жалованный дворянамъ и нѣкоторымъ изъ служилыхъ людей поименно, поступила въ общее владѣніе и распоряженіе всего городского общества. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось нѣсколько десятилѣтій. Но въ 1782 году, съ открытіемъ въ городѣ Уфѣ намѣстничества, большая часть городской земли и въ томъ числѣ всѣ луговые покосы прилегавшіе къ городу съ противоположной стороны рѣки Бѣлой были обращены въ казенныя оброчныя статьи. ***

Какимъ образомъ и на какомъ основаніи произошло отобраніе этой земли у города, никакихъ свѣдѣній не сохранилось по случаю истребленія въ 1795 году пожаромъ всѣхъ дѣлъ мѣстной казенной палаты. **** Известно только что почти вслѣдъ за переходомъ въ вѣдѣніе казны означенной земли

* См. Указъ Правит. Сената межевой канцеляріи 27 августа 1838, за № 2.515, лист. 1—30, 92, 135—136. Показовники стрѣльцкіе получали въ надѣлъ до пятидесяти десятинъ на человека, сотники до тридцати четей (мѣра значительно превышавшая десятину), пушкари до семи четей, стрѣльцы и дѣти шесть четей и т. д. Въ частности пѣшимъ стрѣльцамъ жалованы были покосы и луга за рѣкой Бѣлою, часть которыхъ въ послѣдствіи вошла въ составъ такъ-называемаго Михайловскаго Луга. См. указъ Сената меж. канц. № 2.515, лист. 5—9, 137, 138.

** Указъ Сената, № 2.515, лист. 11, 12.

*** Указъ Сената, № 2.515, лист. 106, 14, 179.

**** Тамъ же, лист. 93, 101, 105.

часть уфимскихъ обывателей, именно отставные солдаты города Уфы, въ 1787 году уже обращались съ жалобой на это къ прибывшему въ Уфу сенатору графу Воронцову; но уфимскій уѣздный судъ, на рассмотрение котораго передана была жалоба, въ томъ же году, не приступая къ разысканію границъ владѣнія, объявилъ что до генеральнаго межеванія они должны пользоваться только оставшимися у города выгонными землями. *

Съ 1796—1801 годъ произведено было генеральное межеваніе выгонной земли города Уфы и смежныхъ съ нею земельныхъ участковъ. При этомъ хотя повѣренные отъ города и предъявляли споръ, между прочимъ, противъ отмежеванія отъ города зарѣчныхъ луговъ, заявляя что луга эти всегда состояли во владѣніи городскихъ жителей, ** но тѣмъ не менше Михайловскій лугъ (3,282 десятины) и вообще зарѣчная часть городской земли были отмежеваны въ казну, а городу отведена была подъ выгонъ только часть земли лежащей на правой сторонѣ рѣки Бѣлой въ количествѣ 3,003 десятины.

Въ силу грамоты пожалованной Башкирскому народу царемъ Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, Башкиры съ разрѣшенія правительства допустили на свою землю селиться прилущенникамъ: *по найму, безъ найма, по договорамъ и безъ договоровъ или условій, по запискамъ или безъ записокъ, по съ платой за пользованіе землей назначеннаго вотчинниками Башкирами оброка.* *** Общее названіе такихъ прилущенниковъ было телтяри, то-есть сходны, люди бездомовые. Это были Татары, Мещеряки, Чуваши, Черемисы, Вотяки, Мордва и извѣстная прямо подъ именемъ телтярей смѣсь Татаръ съ прилущившими магометанство Чуваши. Подъ этимъ названіемъ телтярей находится нѣсколько селеній въ Уфимской губерніи, гдѣ были вотчинныя земли башкирскія и гдѣ Башкиры допустили поселиться этой смѣси бездомовыхъ и безземельныхъ Чувашъ съ таковыми же телтярями.

Допустивъ на свои земли прилущенниковъ, Башкиры-вотчинники, получая плату за пользованіе землями, до такой степени усилились и въ такую вольность пришли, какъ

* Указъ Сената, № 2515, лист. 134—135.

** Тамъ же, лист. 94, 138, 139, 175.

*** Полн. Собр. Зак., т. IX, ст. 2.658.

выражается Рычковъ, „что многія прудервооти чинить оставались и наконецъ явнымъ уже образомъ бунтовали съ такимъ намѣреніемъ чтобъ имъ, отрѣшившись отъ подданства российскаго, возстановить особое владѣніе“.*

Главнѣйшій изъ таковыхъ бунтовъ былъ въ 1676 году, подъ предводительствомъ башкирскаго старшины Сеита, по-чему и самый мятежъ извѣстенъ подъ названіемъ Сеитовскаго. Сеитъ не только возмущилъ всю Башкирію, но и соединился съ Киргизъ-Кайсаками, разорилъ всѣ закамскіе пригороды и большую часть Казанскаго уѣзда. Крепъ волевался въ теченіе трехъ лѣтъ. Мятежъ былъ подавленъ посланнымъ изъ Москвы воеводой Ѳедоромъ Васильевичемъ Зеленинымъ, со стрѣльцами полками, Донскими, Яицкими и Украинскими казаками, причемъ правительство потерпѣло большіе убытки безо всякаго отмщенія мятежникамъ.**

Второй продолжительный бунтъ происходилъ въ 1707 году. Главнѣйшими вождями возстанія были Кусюмъ, Адааръ и Измаиль, а главой общаго мятежа былъ выставленъ какой-то ханъ. Причинами этого возмущенія сами Башкиры въ послѣдствіи въ своей челобитной Государю выставляли притѣсненіе и дурное обращеніе уфимскихъ правителей: Дохова, Жижарева, Сергѣева, Хохлова и Аристова, обложившихъ Башкиръ новыми обременительными налогами и бравшихъ много подводовъ и мучившихъ выборныхъ людей, сожигая и разоряя деревни. Этотъ бунтъ былъ прекращенъ бояриномъ княземъ Хованскимъ, а Башкирамъ объявлено прощеніе.***

Третій бунтъ охватившій всю Башкирію начался въ 1735 году и былъ вызванъ построеніемъ города на рѣкѣ Ори. Главными руководителями этого возмущенія были Башкиры Кцальмакъ-Абызъ и Акай, которые воцли въ свопшеніе даже съ Киргизами. Бунтъ этотъ былъ подавленъ только въ 1740 году, благодаря энергическимъ усиліямъ Урусова и Соймонова.****

Четвертый бунтъ былъ возбужденъ въ 1755-году Абдуломъ Мязгильдявымъ, и окончился всемілостивѣйшимъ прощеніемъ виновныхъ. †

* Рычковъ. *Топогр. Оренб.* ч. I, стр. 88.

** Рычковъ. *Топогр. Оренб.* ч. I, стр. 88.

*** *Спис. населен. мѣст. Уфимск. губ.* стр. LXXXII.

**** Рычковъ. *Топогр. Оренб.* ч. I, стр. 89.

† Того же сочин. ч. II, стр. 34.

Пугачевскій бунтъ завершилъ собою волненія края въ составѣ котораго входила Уфимская губернія. Начавшійся въ 1773 году, въ предѣлахъ земли Яицкихъ казаковъ, онъ быстро распространился по вышнимъ губерніямъ Оренбургской и Уфимской. Пугачевскій бунтъ, окончателно подавленный въ 1774 году, нанесъ громадныя убытки цѣлому Оренбургскому краю; по показанію однихъ лишь горныхъ заводчиковъ убытокъ ихъ простирался до 28 милліоновъ рублей. *

Въ предотвращеніе на будущее время подобныхъ возмущеній, правительство, не ограничиваясь одною русскою колонизаціей подъ защитой нарочно построенныхъ для охраненія ея укрѣпленій, находило нужнымъ: 1) измѣнить и ограничить башкирское самоуправленіе, подчинивъ ихъ мѣстныя власти, какъ свѣтскія такъ и духовныя, русской администраціи, ** и 2) разъединить разные элементы населенія, состоявшаго изъ Башкиръ и разныхъ воедьчаковъ, Мещеряковъ, телтарей и бобылей, изъ коихъ Мещеряки занимали земли у природныхъ Башкирцевъ, а телтари и бобыли составляли родъ крѣпостныхъ по отношенію къ чистымъ Башкирцамъ. Указомъ 11 февраля 1736 года повелѣвалось Мещерякамъ предоставить въ собственность тѣ земли и угодья коими они владѣли отъ Башкирцевъ по найму, а телтари и бобыли освобождались отъ платимаго ими Башкирамъ оброка и оставались при одномъ ясачномъ платежѣ въ казну ***. Распоряженіе это было подтверждено указомъ 20 августа 1739 года ****, а высочайшимъ указомъ 1 сентября 1755 года объявлено было всеобщее прощеніе бунтовавшимъ Башкирамъ и тѣмъ изъ нихъ кои раскаясь возвратятся въ прежнее жилище вѣрно отдать всѣ тѣ земли коими до бунта владѣли †. Выраженныя въ этихъ указахъ распоряженія правительства не были приведены въ свое время въ надлежащее исполненіе, да и самое количество бунтовщическихъ земель не было никогда приведено въ извѣстность и сколько слѣдовало примѣрно отвести изъ нихъ припущенникамъ оставалось неопредѣленнымъ. Черезъ это возникла залутанность

* *Памятн. книж. Уфимск. губ. на 1878; отд. ист. стр. 12.*

** *Пол. Соб. Зак. т. X. №№ 7.347 и 7.876.*

*** *Пол. Соб. Зак. 1736, № 6.890.*

**** Тамъ же, 1739, № 7.876.

† Тамъ же, 1755, № 10.453.

въ правахъ владѣнія всѣхъ поселившихся на башкирскихъ земляхъ породцевъ, а равно и самихъ Башкиръ послѣ прощенія ихъ, что въ свою очередь породило множество тяжбъ, разборъ коихъ сдѣлался затруднителемъ. Между тѣмъ прилученники, пользуясь разрѣшеніемъ, гдѣ только могли занимали башкирскія земли по своему усмотрѣнію и продолжали принимать на свои земли новыхъ прилученниковъ и даже продавать земли *въ частныя руки*. *

Хотя грамотой пожалованною Башкирскому народу послѣ принятія ими русскаго подданства царемъ Грознымъ Башкиры и были признаны вотчинниками занимаемыхъ ими земель, но послѣдующими распоряженіями отчуждать таковыя кому-либо въ собственность они права не имѣли, что видно изъ 1 ч. п. 16 закона 1736 года, въ которомъ сказано: „что хотя по прежнимъ указамъ и воеводскимъ наказамъ въ Уфимскомъ уѣздѣ у Башкирцевъ земли и угодыя покупать и крѣпить не велѣно, однакоже нынѣ усмотрѣно что то запрещеніе имѣ, Башкирцамъ, весьма не полезно, того ради для лучшей ихъ впредь пользы указали мы то запрещеніе отмѣнить и впредь съ сего указа земли и угодыя тамошнимъ дворянамъ и офицерамъ и Мещерякамъ у Башкирцевъ покупать и за себя крѣпить позволить, только въ таслакахъ, то-есть въ закладчикахъ не держать ни ясачныхъ, ни свободныхъ Русскихъ и цювѣрцевъ подъ смертною казнію или ссылкою, а Татарамъ и бобылямъ надлежитъ ли въ покупкѣ земель позволеніе дать, о томъ вамъ обще разсмотрѣть и сюда писать съ мнѣніемъ“ **. Тѣмъ не менѣе до 1753 года Башкиры своихъ земель не продавали, но за то въ этомъ году громадное количество ихъ земель продано было владѣльцамъ или основателямъ горныхъ заводовъ въ нынѣшнихъ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ. При такой продажѣ было много злоупотребленій, вызвавшихъ указъ 15 марта 1761 года, послѣдовавшій по представленію оренбургскаго губернатора Давыдова, которымъ повелѣно кулчія крѣпости на продажу башкирскихъ земель совершать присутственнымъ мѣстамъ не иначе какъ *съ согласія всѣхъ вотчинниковъ каждой волости*, чтобы впредь никто не смѣлъ селиться на башкирскихъ

* Предст. оренб. ген.-губ. г. министру В. Д. 28 февр. 1866 г.

** Именной указъ данный ген.-лейтен. Румянцеву и статск. сов. Кирпалову, 11 февр. 1736 Пол. Соб. Зак. 1736 г., № 6.890.

земляхъ безъ указа. Для большей опредѣлительности, въ 1790 году, указомъ 18 ноября, повелѣно искъ прилуценниковъ объ отдачѣ имъ по указу 11 февраля 1736 года башкирскихъ бунтовщицкихъ земель уничтожить и самыя земли не называть бунтовщицкими; земли владѣныя прилуценниками не по договору съ Башкирами, а съ разрѣшенія правительства, оставить за ними, надѣливъ Мецераковъ по указу 11 февраля 1736 года, а телтярей 15 десятинами на ревизскую душу. Если же въ тѣхъ земляхъ окажется недостатокъ, то добавить еще изъ пустопорожнихъ и предоставить Мецеракамъ свободу занимать у Башкиръ земли и жить на нихъ по договору, тѣмъ же изъ Мецераковъ которые этого не пожелаютъ давать пустопорожня земли по указу 11 февраля 1736 года.

Кромѣ вотчинныхъ земель въ предѣлахъ Уфимской губерніи имѣлось значительное число никому не принадлежащихъ или *ничьихъ земель*, само собою долженствовавшихъ поступить и поставившихъ въ собственность казны. На этихъ земляхъ поставлены города: Уфа, Бирскъ, Мензелинскъ и другіе; изъ этихъ земель правительство роздало не мало во владѣніе служившимъ въ городахъ чиновникамъ, стрѣльцамъ и духовенству, но зъ всѣмъ тѣмъ не мало оставалось втунѣ лежащихъ, не приносящихъ никакой пользы *коронныхъ земель*, какъ доносилъ въ 1767 году оренбургскій губернаторъ князь Путятинъ Сенату, прося разрѣшенія продажи ихъ частнымъ лицамъ и указывая что г. Бахметевъ желаетъ купить значительное число казенныхъ земель. * . .

Въ 1798 году началось въ Оренбургскомъ краѣ генеральное межеваніе и по поводу его, въ ожиданіи разбора правъ Башкиръ и ихъ прилуценниковъ на земли, указомъ 11 октября 1818 года, на башкирскія и ихъ прилуценниковъ земли *наложено запрещеніе*.

Въ 1823 году генеральное межеваніе приведено къ окончанію: земли прилуценниковъ были обмежеваны особыми округами отъ башкирскихъ, а другія обобщены общими съ ними межами, безъ назначенія сѣвдующаго имъ количества земли по силѣ изданныхъ указовъ. Межевой Департаментъ, на разсмотрѣніе коего восходило дѣло о правахъ прилуценниковъ, опредѣленіемъ своимъ 15 апрѣля 1824 года постановилъ

* „Столыпъ указамъ въ Арх. Тургайск. оба. управа. въ городѣ Оренбургѣ 1767.“

заключеніе по сему предмету, которое чрезъ Государственный Сѣватъ передано было на обсужденіе въ общее собраніе Сѣвата, вмѣстѣ съ дѣломъ о вотчинныхъ правахъ Башкиръ, а оттуда въ особый Высочайше учрежденный комитетъ о башкирскихъ земляхъ. Комитетъ, находя права Башкиръ на земляхъ съ исторической точки зрѣнія весьма сомнительными, но принимая во вниманіе давность владѣнія, подтвержденную въ отношеніи многихъ дѣлъ грамотами данными въ разное время государями нѣкоторымъ изъ Башкиръ на право владѣнія за государственную службу, признавъ справедливымъ утвердить владѣльческія права Башкиръ, съ нѣкоторымъ однакоже ограниченіемъ, основаннымъ на прежнихъ событіяхъ и постановленіяхъ правительства, сопряженныхъ съ пользою самихъ Башкиръ. На основаніи сего комитетъ постановилъ 23 февраля 1832 года свое мнѣніе, удостоенное Высочайшаго утвержденія 10 апрѣля того же года. Сущность этого Высочайшаго повелѣнія заключается, между прочимъ въ слѣдующемъ: признать Башкирцевъ владѣльцами всѣхъ тѣхъ земель кои нынѣ безспорно имъ принадлежатъ. Мецераковъ, телтярей, бобылей, Татаръ, казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и прочихъ поселенцевъ казеннаго вѣдомства, безспорно обмежеванныхъ при генеральномъ межеваніи особыми отъ башкирскихъ волостей и селеній межами, оставить въ неприкосновенномъ владѣніи занимаемыхъ ими земель. Тѣхъ же изъ нихъ кои, поселясь на башкирскихъ земляхъ, не имѣютъ никакихъ законныхъ актовъ опредѣляющихъ пространство владѣнія, отчего между ними и Башкирами происходятъ споры, удовлетворить—Мецераковъ, телтярей и бобылей, какъ занимающихся болѣе скотоводствомъ или несущихъ казачью службу, тридцатидесятиною, а Татаръ, казенныхъ и удѣльныхъ поселанъ пятнадцатидесятиною пропорціей на душу седьмой ревизіи, если впрочемъ за таковою порціею у самихъ Башкиръ останется не менѣе сорока десятинъ на душу. Въ послѣднемъ случаѣ надѣлять сихъ поселенцевъ такою пропорціей какая по соразмѣрности числа душъ съ количествомъ остальной земли причтется. За симъ всякое дальнѣйшее съ обѣихъ сторонъ притязаніе по владѣнію землями вопреки сихъ правилъ прекратить. Вышеизложенное надѣленіе землями должно лежать на попеченіи казенной палаты, при надлежащемъ содѣйствіи со стороны Оренбургской межевой конторы и подъ главнымъ наблюденіемъ военнаго

губернатора. Всѣ прочія тяжбы дѣла Башкирцевъ разматривать на общихъ коренныхъ основаніяхъ вотчиннаго и крѣпостнаго права, обращаясь къ тремъ онаго началамъ: межеванію, крѣпостамъ и десятилѣтней давности. При семъ случаѣ принять за правило чтобы крѣпостные акты данные до указа 1818 года 11 октября различаемы были отъ совершенныхъ послѣ онаго: первые должны быть признаваемы законными, а послѣдніе, по силѣ сего же указа, ничтожными. *

Такимъ образомъ указъ 10 апрѣля 1832 года въ первый разъ опредѣлилъ права Башкиръ и ихъ прилущенниковъ на поземельное владѣніе и въ этомъ отношеніи послужилъ основаніемъ дальнѣйшихъ о Башкирахъ узаконеній: 19 іюля 1833 года, 14 августа 1834 года, 17 іюня 1837 года, 14 октября 1838 года и 14 декабря 1842 года, коими или опредѣляется порядокъ пользованія вотчинными землями, или разъясняются недоразумѣнія по устройству быта прилущенниковъ.

По случаю затрудненій въ надѣленіи прилущенниковъ въ малоземельныхъ дачахъ и неимѣнія вообще свѣдѣній о количествѣ земель принадлежащихъ вотчинникамъ, дѣло вновь восходило въ Государственный Совѣтъ, который, убѣдившись что для уснѣшнаго окончанія дѣла о надѣленіи прилущенниковъ необходимы мѣстныя изысканія и предположенія и что за окончательнымъ опредѣленіемъ правъ Башкирцевъ и водворившихся на земляхъ ихъ прилущенниковъ, дальнѣйшее устройство ихъ должно быть сдѣлано въ порядкѣ административномъ, Высочайше утвержденнымъ 27 декабря 1848 года мнѣніемъ опредѣлилъ: учредить въ городѣ Уфѣ особую комиссію изъ чиновниковъ со стороны Башкиръ, Мещераковъ и телтярей, по назначенію военнаго губернатора, а со стороны государственныхъ и удѣльныхъ поселянъ изъ управляющихъ палатой государственныхъ имуществъ и удѣльною конторой, подъ предсѣдательствомъ оренбургскаго губернатора, съ нужнымъ числомъ землеѣровъ, коихъ вытребовать изъ межевой конторы. Указавъ затѣмъ какія именно данныя должна собрать комиссія предварительно производства работъ (о числѣ вотчинниковъ и прилущенниковъ, о количествѣ земли и т. п.), Государственный Совѣтъ постановилъ что предположенія комиссіи по каждой волости гдѣ водворились прилущенники должны быть представляемы чрезъ

* *Св. Зак.* изд. 1857, т. X, ч. 1, стр. 1.469—1.486.

военнаго губернатора съ его заключеніемъ, по порядку къ тѣмъ министрамъ въ вѣдомствѣ коихъ состоятъ прилуценники. вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный Совѣтъ предоставилъ министрамъ военному и государственныхъ имуществъ, по полученіи ими предположеній комиссіи и по предварительному съ кѣмъ слѣдовать будетъ сношенію, вносить оныя съ мнѣніемъ военнаго губернатора и со своимъ заключеніемъ на разрѣшеніе Комитета Министровъ. По поводу возникшихъ на практикѣ пререканій означенной комиссіи съ военнымъ губернаторомъ состоялось Высочайше утвержденное 10 іюня 1857 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ которомъ, кромѣ опредѣленія порядка производства надѣла прилуценниковъ и вотчинниковъ во многоземельныхъ и малоземельныхъ башкирскихъ дачахъ, между прочимъ постановлено было: „земли прибрѣтенныя прилуценниками отъ Башкирцевъ по крѣпостнымъ актамъ вошедшимъ въ законную силу и состояція въ безспорномъ сихъ прилуценниковъ владѣніи, принадлежать владѣльцамъ на правѣ полной собственности. Тѣ же земли на кои прилуценники законныхъ актовъ не имѣютъ предоставляются имъ только на правѣ пользованія и постулаютъ въ распоряженіе начальства по тому вѣдомству къ которому принадлежать надѣлаемые прилуценники.“

Такимъ образомъ, вопросъ о продажѣ свободныхъ отъ надѣловъ башкирскихъ земель самъ собою былъ отложенъ какъ бы на неопредѣленное время и поземельный бытъ Башкирвотчинниковъ оставался въ прежнемъ его неопредѣленномъ положеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и продажа башкирскихъ земель не могла осуществиться на самомъ дѣлѣ, хотя уже *номинально* запрещенія ея не существовало съ 1832 года.

Такое продолжительное неопредѣленное положеніе вызвало Высочайше утвержденное 14 мая 1863 года Положеніе о Башкирахъ, послѣдовавшее при оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ Безакѣ, устанавливающее ограниченіе правъ Башкир какъ по продажѣ такъ и по отдачѣ въ коротому владѣемыхъ ими земель. Въ силу этого положенія отдача башкирскихъ земель въ коротому допускалась не иначе какъ съ условіемъ чтобъ у сельскаго общества оставалось не менѣе узаконеннаго по числу душъ количества, то-есть по 40 десятинъ на душу по седьмой ревизіи; остальная земля можетъ идти въ продажу не иначе какъ по приговору сельскаго схода, засвидѣтельствованному волостнымъ правленіемъ и утвержденному оренбургскимъ

генералъ-губернаторомъ. Вотчинники могли просить начальство, если пожелаютъ, предназначенную къ продажѣ землю продать съ публичныхъ торговъ. Изъ вырученныхъ за продажу земель денегъ вычитались расходы на объявленія о торгахъ, прогоны чиновникамъ командированнымъ для приведенія въ извѣстность продаваемой земли и присутствія при торгахъ, затѣмъ $\frac{1}{6}$ часть обращалась въ мірской капиталъ общества которому принадлежала продаваемая земля, другая $\frac{1}{6}$ причислялась къ хозяйственному башкирскому капиталу; остальные двѣ трети, если общество вотчинниковъ не пожелаетъ обратить ихъ также въ мірской капиталъ, раздѣлялись по равной части между всеми вотчинниками составляющими общество продавшее землю *.

2 іюля 1865 года Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о передачѣ Башкиръ изъ военнаго въ гражданское вѣдомство. На оренбургскаго генералъ-губернатора возложенъ былъ пересмотръ всѣхъ законоположеній по предмету надѣленія Башкиръ и прилущенниковъ землей съ указаніемъ необходимыхъ измѣненій. Во исполненіе сего генералъ-адъютантъ Крыжановскій, 28 февраля 1866 года, за № 1.517, представилъ министру Внутреннихъ Дѣлъ свой проектъ, въ которомъ находилъ необходимымъ отмѣнить установленную Положеніемъ 1863 административную опеку правительства какъ по отчужденію земель, такъ и по отдачѣ ихъ въ кортому, ибо подобныя правила были бы несогласны съ признаніемъ Башкиръ полноправными собственниками; вмѣстѣ съ симъ генералъ-губернаторъ полагалъ необходимымъ упразднить особое башкирское управленіе и Оренбургскую комиссію по надѣлу Башкиръ и ихъ прилущенниковъ землями, обязанности же комиссіи немедленно передать въ губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, распредѣливъ размежеваніе земель, по распоряженію этихъ присутствій, между мировыми посредниками. Башкирскія земли называются *многоземельными*, если приходится 40 десятинъ на душу по седьмой ревизіи и прилущенникамъ можетъ быть выдѣлено по 30 десятинъ на душу бывшимъ военнымъ (15 десятинъ предназначается въ запасъ) и по 15 десятинъ на душу гражданскимъ. Прочія дачи, гдѣ такого надѣла на прилущенниковъ сдѣлать нельзя, называются *малоземельными*. Во

* *Полн. Собр. Зак. 1863 г. № 39622.*

многочисленныхъ дачахъ за надѣломъ припущенниковъ узаконенною пропорціей земли и отводомъ въ пользованіе самихъ вотчинниковъ до 15 десятинъ удобной земли по послѣдней ревизіи, вотчинники остальную землю могутъ продавать, но только въ дачахъ окончательно размежеванныхъ. Продажа должна совершаться съ разрѣшенія сельскаго схода или соединенныхъ сельскихъ сходовъ вмѣстѣ, если земля принадлежитъ разнымъ обществамъ. Приговоръ схода свидѣтельствуется волостнымъ правленіемъ и представляется на разсмотрѣніе мирового посредника и по разсмотрѣніи затѣмъ губерскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, по сдѣланіи на приговорѣ надписи о разрѣшеніи, возвращается повѣреннымъ отъ вотчинниковъ для совершенія установленнаго порядкомъ купчей крѣпости. Изъ денегъ вырученныхъ за продажу земель $\frac{1}{6}$ часть обращается въ мірской капиталъ общества къ которому принадлежала проданная земля, другая $\frac{1}{6}$ часть причисляется къ капиталу обращающемуся въ ссудной кассѣ общества продающаго землю, остальныя затѣмъ $\frac{2}{3}$, если сельское общество не пожелаетъ обратитъ ихъ въ мірской капиталъ или же ссудную кассу, раздѣляются по равной части между всеми вотчинниками общества продаваемаго землю. Купчая крѣпости совершаются не иначе какъ по предъявленіи покупщиками квитанцій мѣстнаго волостнаго правленія во взносѣ ими $\frac{1}{3}$ суммы въ мірскую и ссудную кассы. Безъ предъявленія же квитанціи при совершеніи крѣпостнаго акта должна быть удержана сумма эта и отослана въ волостное правленіе. Формальное отмежеваніе проданной земли и вводъ во владѣніе ею производятся на основаніи общихъ законовъ. Крѣпостные документы совершенныя отъ 11 октября 1818 года до 10 апрѣля 1832 года, при существованіи запрещенія для Башкиръ продавать землю, признаются недействительными. Въ оброчное содержаніе отдаются излишнія за душевымъ надѣломъ башкирскія земли, и тамъ гдѣ не надѣлены припущенники, вотчинники могутъ отдавать только земли находящіяся въ непосредственномъ ихъ пользованіи. Земли отдаются въ оброчное содержаніе по приговорамъ сельскихъ сходовъ, если $\frac{2}{3}$ лицъ бывшихъ на сходѣ, имѣющихъ право голоса, изъявили согласіе. Приговоръ свидѣтельствуется мировымъ посредникомъ безъ разсмотрѣнія выгоды или невыгоды условій. Оброчныя статьи отдаваемые въ аренду вносятся въ окладную

книгу волостнаго правленія. На томъ же основаніи отдаются въ оброчное содержаніе лѣса, земли содержація руды, земли подъ фабрики, заводы, мельницы и другія строенія. Оброчныя статьи отдаются на срокъ не далѣе двѣнадцати лѣтъ, но подъ устройство заводовъ, фабрикъ и вообще промышленныхъ заведеній, и не иначе какъ на размежеванныхъ или не могущихъ войти въ душевые надѣлы земель, срокъ можетъ быть продолженъ до семидесяти лѣтъ. Объ отводѣ пастбищъ для скота неизмѣнимо оставалось Положеніе 1863 года. Изъ денегъ полученныхъ за отдачу въ содержаніе оброчныхъ статей 10% идутъ въ капиталъ обращающійся въ ссудной кассѣ сельскаго общества, 20% въ мірской капиталъ, 70% обществу для раздѣла по равной части вотчинникамъ, если общество не пожелаетъ обратить ихъ въ мірской капиталъ или ссудную кассу, что лежитъ на обязанности волостнаго правленія.

Проектъ этотъ, по рассмотрѣніи его подлежащимъ порядкомъ, Высочайше утвержденъ 10 февраля 1869 года. * Правилами этими существенно измѣнялось Положеніе о Башкирахъ 1863 года; такъ симъ послѣднимъ предоставлено было Башкирамъ продавать и отдавать въ оброчное содержаніе общественныя земли съ тѣмъ только чтобы у нихъ самихъ оставалось не менѣе узаконеннаго по числу душъ количества (сорокъ десятинъ на душу седьмой ревизіи); желающіе же приобрести отъ башкирскихъ обществъ земли покупкой должны были войти съ вотчинниками въ соглашеніе; согласіе вотчинниковъ и условія продажи должны были быть изложены въ приговорѣ, который, по засвидѣтельствованіи волостнымъ правленіемъ, чрезъ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе долженъ былъ представляться на утвержденіе оренбургскаго генералъ - губернатора, который по заявленіи согласія на продажу возвращалъ приговоръ вотчинникамъ для совершенія установленныхъ порядкомъ купчей крѣпостя. ** Правилами же 10 февраля 1869 года разрѣшено было въ дачахъ окончательно размежеванныхъ съ прилученниками и за отводомъ въ пользованіе самихъ

* Прилож. къ стт. 15, 16 и 17 Полож. о Башк., т. IX, Св. Зак., изд. 1876 года.

** Хотя Положеніемъ о Башкирахъ 1863 года предоставлено было Башкирамъ просить начальство о продажѣ земли съ публичнаго торга, но изъ дѣлъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія не видно чтобы такой порядокъ продажи практиковался.

вотчинниковъ по лятнадцати десятинь удобной земли на душу посажденной ревизіи, остальную землю продавать не прежде какъ по полученіи отъ мирового посредника свидѣтельства въ коемъ описываются границы участка который долженъ оставаться во владѣніи вотчинниковъ и количество свободной за душевымъ надѣломъ земли. Правилами этими значительно была облегчена покупка башкирскихъ земель тѣмъ что отмѣнено было представленіе приговоровъ на утвержденіе генераль-губернатора, а по засвидѣтельствованіи волостнымъ правленіемъ приговоръ долженъ былъ представляться мировому посреднику, который, не входя въ разсмотрѣніе выгоды или невыгоды продажи и убѣдившись лишь въ правильности составленія приговора чрезъ личный опросъ участвовавшихъ въ составленіи оного лицъ и повѣрку на мѣстѣ, удостоверяетъ своею подписью что приговоръ составленъ правильно и всѣ требуемыя закономъ условія соблюдены; затѣмъ приговоръ возвращается повѣреннымъ отъ вотчинниковъ для совершенія установленнымъ порядкомъ купчей крѣпости.

Съ 1869 года началась продажа башкирскихъ земель и продолжалась постоянно усиливаясь до 1875 года, послѣ чего начала уменьшаться и совершенно прекратилась въ 1877 году.

Въ 1869 году продано Башкирами земли.....	15.811 дес.
" 1870 " " " "	11.083 "
" 1871 " " " "	35.241 "
" 1872 " " " "	84.571 "
" 1873 " " " "	86.194 "
" 1874 " " " "	200.701 "
" 1875 " " " "	66.300 "
" 1876 " " " "	37.214 "

Всего продано изъ башкирскихъ дачъ Уфимской губерніи по правиламъ 10 февраля 1869 года 537.034 десятины, по средней цѣнѣ 1 руб. 40 коп. десятина.

Проданныя земли по уѣздамъ Уфимской губерніи распределяются слѣдующимъ образомъ:

По Уфимскому уѣзду	198.207 дес.,	средняя цѣна	1 р. 70 к.	за дес.
" Стерлитамакск. "	166.756 "	" " "	1 " 38 "	" " "
" Бирскому "	148.309 "	" " "	— " 69 "	" " "
" Белебеевскому "	26.693 "	" " "	3 " 4 "	" " "
" Златоустовскому "	15.000 "	" " "	1 " 2 "	" " "

Приведенныя цифры однако не совсѣмъ точно выражаютъ какъ количество проданной земли, такъ и дѣйствительную

ея стоимость, потому что въ приговорахъ на продажу не всегда обозначалось точно количество земли въ десятинахъ; земли продавались по урочищамъ, съ примѣрнымъ обозначеніемъ количества продаваемой земли, съ такою оговоркой что если въ урочищахъ окажется по измѣренію больше предполагаемаго количества, то лишняя земля поступаетъ къ покупателю безплатно. Такъ; на примѣръ, обнаружено что у купца Уткина, купившаго 30.000 десятинъ, по измѣренію оказалось 56.000 десятинъ, у купца Гирбасова и Уткина, купившихъ 8.000 десятинъ, оказалось 24.000 десятинъ, у крестьянина Буракова, купившаго 15.000 десятинъ, оказалось 50.000 десятинъ и у гг. Заварицкаго, Эверсмана и Морозова, купившихъ 35.000 десятинъ, оказалось 71.000 десятинъ. Такимъ образомъ количество проданной земли будетъ больше, а средняя стоимость десятины еще меньше, если впрочемъ не считать убоженій и раздачи всѣмъ домохозяевамъ на руки подарковъ при совершеніи купчей крѣпости.

Всего въ періодъ времени съ 1869 по 1878 годъ на продажу земель изъ башкирскихъ вотчинныхъ дачъ совершенно было въ Уфимской палатѣ уголовного и гражданского суда 112 купчихъ крѣпостей.

Съ самаго начала сдѣлокъ въ Уфимское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, уфимскому губернатору и генералъ-губернатору начали поступать отъ Башкиръ жалобы на неправильное составленіе приговоровъ и на дѣйствія должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленій и мировыхъ посредниковъ. Жаловались Башкиры на то что земля продавалась дешево, что несогласныхъ заставляли подписывать приговоры, что употреблялись подговоры, подкупы, убоженія и проч. и что нѣкоторыми продажами захватывались земли которыя Башкиры издавна обрабатывали и которыя желали взять себѣ въ душевой надѣлъ, какъ ближайшія къ мѣсту ихъ жительства. Жалобы возникали по 24 сдѣлкамъ. Однѣ изъ этихъ жалобъ признаны были не заслуживающими уваженія и оставлены безъ послѣдствій; другія оставались безъ послѣдствій потому что жаловалось на продажу меньшинствомъ, которое не могло представить довѣренности подписанной большинствомъ голосовъ домохозяевъ, и наконецъ по третьимъ производились дознанія, а по одному, по распоряженію генералъ-губернатора, и формальное сдѣдствіе. Обнаружены были неправильныя дѣйствія и даже злоупотреб-

ленія при составленіи, повѣркѣ и утвержденіи приговоровъ, со стороны мировыхъ посредниковъ, изъ которыхъ два пре-
даны суду Правительствующимъ Сенатомъ. Наконецъ посту-
пленіе жалобъ на неправильныя продажи башкирскихъ зе-
мель до того усилилось что самый порядокъ продажъ баш-
кирскихъ земель былъ признавъ несостоятельнымъ, вслѣд-
ствие чего таковой, Высочайше утвержденнымъ мѣстѣмъ
Государственнаго Совѣта 9 мая 1878 года, былъ измѣненъ,
причемъ установлена продажа съ публичнаго торга. Тѣмъ же
Высочайшимъ повелѣніемъ предоставлено оренбургскому ге-
нералъ-губернатору привести въ точную извѣстность всѣ
крѣпостные акты кои послѣ обнародованія на мѣстѣ закона
10 февраля 1869 года совершены въ явное его нарушеніе
и поручить кому слѣдуетъ возбудить въ подлежащихъ су-
дебныхъ мѣстахъ дѣла объ уничтоженіи упомянутыхъ ак-
товъ и о возвращеніи проданныхъ земель ихъ первоначаль-
нымъ собственникамъ. Независимо отъ этого, въ тѣхъ случа-
яхъ когда изъ привнесенныхъ генералъ-губернатору жалобъ,
или дошедшихъ до него другимъ путемъ свѣдѣній и изъ про-
изведеннаго, по его распоряженію, предварительнаго дознанія,
онъ усмотритъ что крѣпостной актъ на продажу земли изъ
башкирской дачи, хотя бы и разжеванной, совершенъ при
помощи угрозъ, принужденія, обмана, подлога и тому подоб-
ныхъ противозаконныхъ дѣйствій, предоставляется генералъ-
губернатору, буде по обстоятельствамъ дѣла признаетъ не-
обходимымъ, распорядиться о возбужденіи противъ обвиня-
емыхъ въ томъ лицѣ уголовного преслѣдованія. Если за сими
на судѣ подтвердится что совершеніе крѣпостнаго акта дѣй-
ствительно сопровождалось упомянутыми уголовными обстоя-
тельствами, то судебное мѣсто постановляетъ рѣшеніе и о
томъ, долженъ ли крѣпостной на продажу земли актъ оста-
ваться въ своей силѣ.

Законъ 9 мая 1878 года завершаетъ собою цѣлый рядъ
правительственныхъ постановленій по земельному устрой-
ству быта инородцевъ въ Уфимской губерніи, поэтому, пред-
варительно изложивъ тѣхъ результатовъ которые были по-
слѣдствиемъ этого закона, бросимъ бѣглый взглядъ на
тѣ измѣненія которымъ узаконеніи о порядкѣ продажи баш-
кирскихъ земель подвергались въ продолженіи относительно
небольшаго періода времени. Первоначальныя по сему пред-
мету правила были изданы въ 1832 году и основывались на

непосредственномъ насчетъ продажи земель соглашенію между Башкирами и покупателями, подъ контролемъ мѣстнаго начальства. Въ 1863 году изданы были новыя по тому же предмету правила, кои удержавъ означенный контроль предоставляли Башкирамъ продавать земли какъ по соглашенію ихъ съ покупателями, такъ и съ публичныхъ торговъ производившихся учрежденіями принадлежавшими къ существовавшему тогда особому надъ Башкирами управленію. Но затѣмъ и эти правила замѣнены были въ 1869 году новыми, коими вслѣдствіе передачи Башкиръ изъ военнаго въ гражданское вѣдомство и упраздненія особаго надъ ними управленія административная олека по отчужденію ими земель была уничтожена и Башкирамъ предоставлено продавать земли по непосредственному соглашенію съ покупателями, безо всякаго со стороны правительственныхъ учрежденій контроля надъ степенью выгодности для нихъ таковой продажи. Наконецъ и эти правила, вслѣдствіе оказавшейся на опытѣ неудовлетворительности оныхъ, признано необходимымъ въ 1878 году замѣнить оныя новыми. Такая неустойчивость правительственнаго взгляда въ теченіе какихъ-нибудь 50 лѣтъ на дѣло первостепенной важности была, безспорно, одною изъ главныхъ причинъ того хаотическаго состоянія земельнаго владѣнія въ Уфимской губерніи, о которомъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ и которое принесло и по всей вѣроятности еще принесетъ въ будущемъ много бѣдъ населенію губерніи.

Вслѣдствіе закона 9 мая 1878 года Уфимскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ по требованію оренбургскаго генераль-губернатора доставлены были ему свѣдѣнія о произведенныхъ изъ башкирскихъ дачъ продажахъ. По разсмотрѣніи означенныхъ свѣдѣній генераль-адъютантъ Крыжановскій нашелъ что всѣ продажи, кромѣ совершенныхъ по приговорамъ постановленнымъ по прежнему порядку до 1869 года существовавшему, совершены неправильно, ибо продажи допущены вездѣ до выдѣла душевыхъ надѣловъ въ натурѣ. Но принимая во вниманіе что уничтоженіе всѣхъ крѣпостныхъ актовъ породитъ массу дѣлъ и можетъ повліять невыгодно на экономическое состояніе края и имѣя въ виду что по многимъ продажамъ жалобъ со стороны Башкиръ не возбуждалось, генераль-губернаторъ призналъ возможнымъ ограничиться слѣдующими распоряженіями: 1) Предложить Уфимской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда уничтожить со всѣми послѣдствіями 11 купчихъ

крѣпостей, * совершенныхъ съ особенно выдающимися отступленіями отъ правилъ 10 февраля 1869 года и породившихъ массы жалобъ.

2) По восьми кулчимъ крѣпостямъ, жалобы по коимъ не были въ губернскомъ присутствіи достаточно обследованы и по двадцати другимъ генераль-губернаторъ поручилъ произвести дознанія.

3) По остальнымъ же кулчимъ крѣпостямъ по коимъ продажи земли совершены безъ особыхъ нарушеній правилъ 10 февраля 1869 года генераль-губернаторъ призналъ нужнымъ немедленно озаботиться объ отграниченіи въ натурѣ душевыхъ надѣловъ, обязавъ чиновъ для того командированныхъ по мѣрѣ отграниченія душевыхъ надѣловъ въ каждой дачѣ немедленно доводить до его свѣдѣнія чрезъ уфимскаго губернатора, дабы онъ, генераль-губернаторъ, по мѣрѣ исполненія этихъ работъ, могъ входить съ особыми представленіями къ министру Внутреннихъ Дѣлъ объ оставленіи въ своей силѣ всѣхъ тѣхъ продажъ которыя не потребуютъ кассаціи и о дозволеніи локулщикамъ башкирскихъ земель распорядиться ими по своему усмотрѣнію. Распоряженія эти были сообщены уфимскому губернатору въ предложеніи отъ 28 іюля 1879, за № 2.746.

Во исполненіе означеннаго предложенія объ уничтоженіи 11 кулчихъ крѣпостей сообщено въ Уфимскую палату уголовного и гражданскаго суда по каждому дѣлу отдѣльно.

Производство дознаній по 28 продажамъ возложено было на непрѣмьныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и на двухъ чиновниковъ командированныхъ оренбургскимъ генераль-губернаторомъ. Какъ непрѣмьнымъ членамъ такъ и чиновникамъ командированнымъ генераль-губернаторомъ, уфимскимъ губернаторомъ дана была инструкція, которою предлагалось, при производствѣ дознанія, обратить главное вниманіе на то, не будутъ ли произведенныя продажи мѣшать правильному и безобидному выдѣлу вотчинникамъ душевыхъ надѣловъ въ натурѣ.

Всѣ 28 дознаній произведены и представлены въ губернское присутствіе, которое разсмотрѣвъ ихъ нашло что по одному случаю (3 кулчія крѣпости) слѣдуетъ возбудить

* Къ этимъ 11 крѣпостямъ прибавлено еще 3, а затѣмъ, по соглашенію генераль-губернаторъ съ ревизовавшимъ Уфимск. губ. чл. Государств. Сов. сенаторомъ Ковалевскимъ, 9.

ходатайство о кассациі, на томъ основаніи что при совершеніи кулчей крѣпости былъ допущенъ обманъ; по двумъ случаямъ признано было необходимымъ прежде отвести душевые надѣлы, а во всѣ остальные признаны не подлежащими кассациі, потому что жалобы дознаніемъ не подтвердились и обнаружено было что у вотчинниковъ земли достаточно, что совершенныя продажи не будутъ мѣшать правильному и безобидному для вотчинниковъ отводу душевыхъ надѣловъ, и потому губернское присутствіе признало возможнымъ ходатайствовать предъ генералъ-губернаторомъ о прекращеніи дѣлъ объ этихъ продажахъ и о дозволеніи покупателямъ распоряжаться ими по собственному усмотрѣнію, не ожидая выдѣла душевыхъ надѣловъ въ натурѣ. За истеченіемъ срока въ который, по закону 9 мая, должны были быть возбуждены иски въ судебныхъ мѣстахъ объ уничтоженіи кулчихъ крѣпостей, со всѣхъ продажъ за исключеніемъ 23 снято запрещеніе; между тѣмъ запрещеніе это, существовавшее въ теченіе трехъ лѣтъ, на слѣшкомъ по миллионамъ десятинъ земли въ Уфимской губерніи, повело къ большимъ практическимъ затрудненіямъ и замѣшательству въ порядкѣ землевладѣнія во многихъ изъ банкирскихъ дачъ и тяжело отозвалась на многихъ частныхъ хозяйствахъ, такъ какъ въкоторыя изъ кулаевыхъ у Башкиръ земель, еще до наложенія на нихъ запрещенія, переданы во вторыя и третьи руки, или же заложены въ земельныхъ башкахъ; въ особенности въ семь послѣднемъ случаевъ положеніе приобретателей башкирскихъ земель было по истинѣ таковое: платить банку проценты нужно, а денегъ взять не откуда, ибо арендаторы этихъ земель, узнавъ что земли могутъ отойти отъ настоящихъ ихъ владѣльцевъ обратно Башкирамъ, во многихъ случаяхъ перестали вовсе платить аренду; наконецъ, что всего важнѣе, запрещеніе на упомянутыя земли подорвало довѣріе къ крѣпостнымъ актамъ на земли совершаемымъ въ Уфимской губерніи и приостановило желаемое и необходимое дѣло колонизаціи края. Самое уничтоженіе кулчихъ крѣпостей по всѣмъ неправильнымъ продажамъ, какъ бы ни казалось въ принципѣ дѣломъ справедливымъ, поставитъ вотчинниковъ въ крайне затруднительное положеніе: получая обратно проданныя земли они обязаны будутъ возвратить полученныя ими за таковыя деньги, для чего имъ придется снова продавать тѣ земли, такъ какъ наличныхъ денегъ Башкиры не имѣютъ.

Обращаясь затѣмъ къ той части закона 9 мая которую

поставлено чтобы земли предлагаемыя Башкирами къ продажѣ продавались не иначе какъ съ публичныхъ торговъ, нельзя не замѣтить что самое главное къ тому прелатствію состоитъ въ томъ, чтобы эти земли продавались не иначе какъ *малыми участками*. Подобный порядокъ не соответствуетъ ни укоренившемуся въ нами обычаемъ Башкиръ, ни ихъ действительнымъ интересамъ. Для башкирскихъ общинъ не мыслима продажа ихъ вотчинной земли безъ предварительныхъ и непосредственныхъ переговоровъ со всеми членами той или другой общины, безъ угощенія ихъ и безъ поголовной раздачи вотнямъ домохозяевамъ на руки, особо условливаемыхъ, такъ называемыхъ карманыхъ денегъ, помимо покупной суммы, вносимой при совершеніи купчей крѣпости, такъ именно по народному обычаю покупались башкирскія земли съ перваго появленія русскихъ предпринимателей въ Закамскомъ краѣ и до настоящаго времени. Съ другой стороны, продажа обширныхъ земельныхъ дачъ Башкиръ съ казенныхъ торговъ мелкими участками привела бы къ отчужденію отъ нихъ лучшихъ участковъ, съ оставленіемъ за ними, на неопредѣленное время, остальной бездоходной части дачъ и лежащихъ на ней налоговъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, въ теченіе почти четырехъ лѣтъ истекшихъ со времени изданія помѣнутыхъ правилъ, Башкирами, сколько извѣстно, не было составлено ни одного приговора о продажѣ ихъ земель съ торговъ. Опытъ этотъ всего вѣрнѣе долженъ убѣдить правительство въ необходимости отнять введенныя относительно башкирскихъ земель ограниченія и снова предоставить дѣло покупки этихъ земель свободному и непосредственному соглашенію предпринимателей съ самими вотчинниками, каковыя покупки, несмотря на злоупотребленія по некоторымъ изъ нихъ беспорядочно, какъ увидимъ ниже, принесли краю въ дѣлѣ его колонизаціи несомнѣнную пользу.

II.

По поводу сообщенной управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ министру Государственныхъ Имуществъ Высочайшей Его Императорскаго Величества резолюціи послѣдовавшей на всеподданнѣйшемъ отчетѣ оренбургскаго генералъ-губернатора относительно предположенія его объ отдѣленіи въ Оренбургскомъ краѣ нѣкотораго количества земли

для раздачи оной мѣстнымъ чиновникамъ, министръ Государственныхъ Имуществъ, по отношенію съ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, вносилъ по сему предмету въ Комитетъ Министровъ записку.

По разсмотрѣніи этого представленія въ Комитетъ Министровъ, Государь Императоръ по положенію сего Комитета въ четвертый день іюня 1871 года Высочайше повелѣть соизволилъ: для отвода въ Оренбургскомъ краѣ земель какъ отставнымъ, такъ и служащимъ чиновникамъ установить слѣдующія правила:

I. Отводъ въ губерніяхъ Уфимской и Оренбургской изъ казенныхъ земель участковъ отставнымъ чиновникамъ и офицерамъ производится на основаніи правилъ изложенныхъ въ приложеніи къ ст. 76 (прим. 10) Обр. Уст. (т. VIII, ч. 1, Св. Зак. по прод. 1869) съ тѣмъ: а) чтобы на первое время количество участковъ не превышало пяти тысячъ рублей приносимаго ими казенн. дохода; б) чтобы размѣръ участковъ составлялъ отъ 150 до 500 десятинъ въ каждомъ, вмѣсто 30—150 десятинъ какъ устанавливается для другихъ губерній, и в) чтобы мѣстные губернаторы, объ отставныхъ чиновникахъ и офицерахъ просящихъ отвода имъ участковъ представляли мѣстному генералъ-губернатору для сношенія съ министромъ Государственныхъ Имуществъ, отъ котораго зависятъ окончательныя распоряженія объ отводѣ участковъ.

II. Отводъ изъ казенныхъ земель означеннаго края участковъ служащимъ лицамъ производится на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Въ губерніяхъ Оренбургской и Уфимской, въ видахъ поощренія полезной дѣятельности мѣстныхъ чиновниковъ и усиленія въ краѣ числа образованныхъ землевладѣльцевъ, допускается продажа безъ торговъ на указанныхъ ниже льготныхъ условіяхъ участковъ казенныхъ земель служащимъ какъ въ томъ краѣ, такъ и въ другихъ частяхъ Имперіи лицамъ водвореніе коихъ будетъ признано для края полезнымъ.

2) По распоряженію министра Государственныхъ Имуществъ образуются изъ свободныхъ казенныхъ земель въ губерніяхъ Оренбургской и Уфимской продажные участки двухъ разрядовъ: отъ 500 до 1.000 и отъ 1.000 до 2.000 десятинъ каждый. Участки послѣдняго разряда предоставляются лицамъ болѣе заслуженнымъ и отъ водворенія коихъ ожидается наиболѣе пользы.

3) Продажная цѣна каждаго участка опредѣляется по

капитализаціи изъ 5% исчисляемаго съ вошедшихъ въ составъ участка земель оцѣночнаго дохода. Если исчисленный по оцѣнкѣ доходъ превышаетъ болѣе чѣмъ на 10% дѣйствительно вырученный въ послѣдніе три года, то оцѣнка соразмѣрно понижается.

4) Приобрѣтатели участковъ обязаны при совершеніи купчей внести наличными деньгами не менѣе *одной десятой* доли продажной цѣны участка. Уплата остальной части продажной цѣны разсрочивается на тридцать семь лѣтъ и погашается въ этотъ срокъ ежегоднымъ взносомъ *шести* процентовъ (въ томъ числѣ 5% роста) съ оставаемой въ доугу на покупателя суммы. Въ обезпеченіе этой уплаты налагается на проданный участокъ запрещеніе на счетъ покупателя. Купчая крѣпости на означенные участки совершаются безъ взиманія крѣпостныхъ пошлинъ.

5) Въ первые два года по совершеніи купчихъ, приобретатели участковъ освобождаются отъ уплаты срочныхъ взносовъ на погашеніе оставшейся на нихъ въ доугу доли купчей цѣны. Уплата сихъ взносовъ начинается в 37-лѣтній срокъ уплаты считается съ начала третьяго, послѣ совершенія купчей, года. Такимъ образомъ, если купчая совершена напри- мѣръ въ ноябрѣ 1871 года, то первый срочный взносъ долженъ быть произведенъ къ 1 января 1874 года. Взносы производятся ежегодно къ 1 января въ мѣстныя казначейства. Если срочный взносъ и послѣ 1 января не будетъ уплаченъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, то есть до 1 мая, то участокъ назначается въ публичную продажу съ торговъ, изъ вырученной суммы полагается казенный доугъ и недоимка съ пеней и штрафомъ и излишекъ выдается бывшему владельцу участка.

6) Въ случаѣ общаго неурожаа, или другихъ исключительныхъ обстоятельствъ, приобретатели участковъ могутъ до наступленія срока уплаты заблаговременно ходатайствовать объ отсрочкѣ срочнаго взноса, съ уплатой за время отсрочки по 6% съ неуплаченной суммы. Отсрочки испрашиваются и разрѣшаются тѣмъ же порядкомъ, какъ и по взносу арендной платы за казенныя оброчныя статьи.

7) Приобрѣтатели участковъ могутъ по желанію своему, какъ при совершеніи купчихъ, такъ и въ послѣдствіи внести въ казначейство слона, государственными процентными бумагами по нарицательной цѣнѣ оныхъ, сумму потребную на одновременное погашеніе разсрочиваемой имъ уплаты

деяти десятыхъ долей кулчей цѣны участковъ. Въ такомъ случаѣ залпценіе съ участковъ слагается и владѣльцы въ правѣ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Но до погашенія кулчей цѣны, участки могутъ быть отчуждаемы не иначе какъ съ особаго разрѣшенія министра Государственныхъ Имуществъ, дѣлаемаго по соглашенію съ генераль-губернаторомъ, съ переводомъ на новаго владѣльца участка уплаты остающейся въ долгу доли кулчей цѣны.

8) Избраніе лицъ удостоиваемыхъ пріобрѣтенія казенныхъ земельныиъ участковъ на указанныиъ выше льготныхъ условіяхъ и распредѣленіе между ними лицами предназначениыхъ для этой цѣли участковъ предоставляется оренбургскому генераль-губернатору, по соглашенію съ министромъ Государственныхъ Имуществъ. На отчужденіе каждаго участка испрашивается министромъ Государственныхъ Имуществъ Высочайшее соизволеніе. *

Основанія послужившія мотивами къ изданію настоящаго закона заключаются въ слѣдующемъ:

Огромныя пространства свободныхъ земель въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ оставались сотни лѣтъ неиспользуемыми; обратить ихъ къ производительности и расширить земледѣльческую и промышленную дѣятельность въ краѣ было одною изъ причинъ отчужденія этихъ земель въ частныя руки, второю, въ виду ожидаемаго введенія земскихъ учрежденій, приготовить къ тому пригодный контингентъ людей, болѣе или менѣе образованныхъ, и наконецъ, третью чисто политическою—разъединить сплоченную массу мусульманскаго населенія, поселеніемъ между ними людей часто Русскихъ. Руководствуясь этими основаніями, законъ 4 іюня, агентуру въ его исполненіи возложилъ на Министерство Государственныхъ Имуществъ и на оренбургскаго генераль-губернатора, предоставивъ первому образованіе земельныиъ участковъ (л. 2 ст. II), а послѣдному въ выборѣ, по соглашенію съ министромъ Государственныхъ Имуществъ, лицъ удостоиваемыхъ пріобрѣтенія участковъ и распредѣленіе сихъ послѣднихъ между тѣми лицами (л. 8 той же ст.). Такое положительное указаніе и разграниченіе обязанностей по приведенію въ исполненіе закона 4 іюня исключаетъ, строго говоря, возможность примаго вмѣшательства генераль-губернатора въ дѣло образованія участковъ, а тѣмъ болѣе

* Собр. Узак. и Распор. Прав. 1871, № 59.

вмѣшательство во все это дѣло мѣстный Уфимской администраціи, на которую ни однимъ слономъ въ законѣ 4 іюня не возложено было никакихъ обязанностей. Установивъ такимъ образомъ точку возвращенія на отвѣтственность въ распорядительныхъ дѣйствіяхъ по исполненію закона 4 іюня 1871 года, посмотримъ въ чемъ именно выражаются эти дѣйствія Оренбургско-Уфимскаго управленія государственными имуществами и оренбургскаго генералъ-губернатора, насколько такъ-выя можно уяснить изъ имѣющихся по сему предмету дѣлъ въ канцеляріи уфимскаго губернатора и тамошняго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Не касаясь вовсе въ настоящей статьѣ вопроса о самомъ сформированіи земельныхъ участковъ съ технической его стороны, составляющаго предметъ особой спеціальности, лежащей внѣ нашей компетенціи, будемъ говорить лишь исключительно только о такихъ дѣйствіяхъ Управленія Государственными Имуществами по сему вопросу, которыя имѣли вліяніе на устройство быта башкирскихъ прилуцениковъ.

На основаніи п. 5 ст. 22 Высочайше утверждаемаго 10 февраля 1869 года мѣтна Государственнаго Совѣта, при раздѣлѣ земель въ многоземельныхъ башкирскихъ вотчинныхъ дачахъ отчисляется на прилуцениковъ бывшихъ военныхъ по 30 десят. на душу седьмой ревизіи, изъ коихъ 15 дес. назначается въ надѣла, а 15 десят. въ запасъ. Отграниченныя на этомъ основаніи запасныя земли по ст. 26 того же закона „поступаютъ въ распоряженіе управленія государственныхъ имуществъ для надѣла тѣхъ прилуцениковъ кои въ мѣстахъ своего жительства по малоземелію дачи не будутъ надѣлены достаточнымъ количествомъ земли и пожелаютъ переселиться на свободныя казенныя земли.“ Такимъ образомъ по буквальному смыслу сказанныхъ статей запасныя земли предвзначены прямо для поселенія прилуцениковъ малоземельныхъ дачъ, а 24 ст. предусматриваетъ и другое ихъ назначеніе, именно если отчисленное на прилуцениковъ количество земли по раздѣленіи онаго на число душъ X ревизіи составитъ менѣе указаго размѣра надѣла установленнаго Положеніемъ 19 февраля 1861, то недостающее до того размѣра количество прирѣзывается изъ запасныхъ земель. При размежеваніи дачи, конечно это устраивается безпрепятственно; но нельзя не предвидѣть что въ близкомъ будущемъ при увеличеніи населенія можетъ возникнуть вопросъ о примѣненіи этого правила и въ размежеванныхъ

дѣлахъ. Не подлежитъ сомнѣнію что при такихъ условіяхъ только по удовлетвореніи главной цѣли могла бы быть рѣчь о другомъ назначеніи запасныхъ земель которыя остались бы свободными. На дѣлѣ же вышло что припущенники не имѣющіе земли не воспользовались еще дарованнымъ имъ правомъ, а большинство запасныхъ участковъ (слишкомъ 350.000 дес.) въ теченіе четырехъ лѣтъ (1876 — 1880) распроданы на льготныхъ условіяхъ.

Между тѣмъ въ Уфимской губерніи по послѣднимъ свѣдѣніямъ считается до 12.000 душъ такихъ припущенниковъ которымъ по расчету причитается на мѣстѣ жительства около одной десятины на душу или вовсе нѣтъ земли, какъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ, гдѣ въ семи дачахъ самимъ вотчинникамъ приходится только отъ 8 до 10 десят. на душу X ревизіи, тогда какъ закономъ устанавливаетъ норму ихъ душеваго надѣла въ 15 десят. (ст. 22 зак. 10 февраля 1869 года).

До 1878 года не было приведено въ извѣстность точное число такихъ припущенниковъ, а поземельное устройство ихъ ограничивалось одною перепиской съ мировыми посредниками, которые по нѣскольку лѣтъ даже не отвѣчали на обращаема къ нимъ требованія по столь важному дѣлу. Въ 1878 году были пересмотрѣны всѣ дѣла о малоземельныхъ дачахъ * и только тутъ выяснилось что въ теченіе девяти лѣтъ они не подвинулись ни на шагъ, а въ направленіи ихъ къ законному исходу встрѣчалось непреодолимое затрудненіе въ томъ что ближайшіе запасные участки многоземельныхъ дачъ оказались распроданными, и припущенникамъ пришлось предлагать земли или отдаленныя (за 100 и болѣе верстъ) или неудобныя для поселенія (лѣсныя).

Исторія этого дѣла приводитъ къ самымъ грустнымъ заключеніямъ, раскрывая картину полнаго пренебреженія къ участи безземельныхъ припущенниковъ; причемъ мѣстному управленію государственныхъ имуществъ такъ или иначе дана была возможность дѣлать съ запасными участками все, совершенно игнорируя ихъ прямое назначеніе. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, на обязанность котораго возложено поземельное устройство припущенниковъ,

* Работа эта исполнена назначеннымъ въ 1878 году отъ правительства непрѣмьнымъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія по размежеванію башкирскихъ земель г. Мукашевскимъ.

было какъ бы забыто; не только не спрашивали его мѣня о возможности образованія продажныхъ участковъ изъ тѣхъ или другихъ запасныхъ земель, но даже не сообщали и о состоявшихся продажахъ. Съ 1878 года оно само уже вышло изъ пассивной роли и въ маѣ мѣсяцѣ довело до свѣдѣнія оренбургскаго генералъ-губернатора о безвыходномъ положеніи припущенниковъ малоземельной дачи Ельдятской волости, Бураевой тюбы (3.460 душъ), обусловливаемомъ именно распродажей всѣхъ ближайшихъ запасныхъ земель, которыхъ было очень много, въ нѣсколькихъ дачахъ. Результатомъ этого были предложенія объ устраненіи встрѣчнаго затрудненія и настоянія, какъ можно скорѣе окончить поземельное устройство сказанныхъ припущенниковъ, а причины такого ненормальнаго положенія оставались; по крайней мѣрѣ управление государственныхъ имуществъ продолжало по-прежнему образовывать продажные участки изъ такихъ земель которыхъ были крайне необходимы для припущенниковъ. Дѣйствія управления государственныхъ имуществъ въ этомъ отношеніи не имѣли границъ; такъ по существующимъ правиламъ всѣ поселяне въ дачѣ вступаютъ во владѣніе землями по новымъ наръзкамъ только послѣ формальнаго размежеванія всей дачи; очевидно что правило это распространяется и на запасные участки, такъ какъ въ противномъ случаѣ еслибы казна вступила во владѣніе ими ранѣе, то припущенникамъ пришлось бы лишиться части отрѣзанныхъ угодій, не получивъ вмѣсто ихъ земель, хотя проектированныхъ имъ въ надѣль, но находящихся еще въ пользованіи сосѣдей до окончанія размежеванія дачи. Одача запасныхъ участковъ въ завѣдываніе лѣсничихъ, тотчасъ по проектированіи ихъ, производится лишь для охраны лѣсныхъ площадей, въ предупреденіе истребленія лѣса, а не въ полное распоряженіе. На дѣлѣ же выходило такъ что получивъ свѣдѣнія о проектированіи запасныхъ земель въ дачѣ, управление государственныхъ имуществъ прямо приступало къ образованію изъ нихъ продажныхъ участковъ, а мѣстные лѣсничіе немедленно начинали распоряжаться сказанными землями, сдвая въ нихъ угоды въ аренду. Такимъ путемъ запасные участки оказывались проданными, когда раздѣльный актъ на размежеваніе дачи не былъ еще приведенъ въ исполненіе въ натурѣ, а иногда и не утвержденъ еще губернскимъ присутствіемъ. Такъ въ 1878 году были распроданы запасныя земли

въ дачѣ Бирскаго уѣзда, Камлинской волости, Турсагаинской тѣбы, до формальнаго размежеванія ея. Новые владѣльцы, совершивъ чрезъ довѣренныхъ купчихъ куплю, на первое время не могли разыскать своихъ земель, а вотчинники и прилущенники были крайне изумлены появленіемъ на своихъ земляхъ межданныхъ владѣльцевъ въ то время когда ихъ самихъ удерживали въ границахъ прежняго пользованія и взыскивали съ нихъ сборы за все количество земли. Подобныя же продажи совершены въ 1879 году въ дачахъ Белебеевского уѣзда, Кыръ-Илаво-Байларской и Илькульминско-Кульминской волостей и наконецъ въ дачѣ Бирскаго и Белебеевского уѣздовъ, Киргизской волости, деревень Тульевой и Карабашевой.

Первымъ послѣдствіемъ такой послѣдственности было то что многіе прилущенники, на неопредѣленное время, лишились необходимыхъ для нихъ угодій, и хорошо еще если имъ удавалось взять въ аренду земли пользованіе которыми ограждено за ними закономъ; въ тѣхъ же случаяхъ когда являлись конкуренты или новые владѣльцы сами приступали къ захвату, положеніе прилущенниковъ становилось безвыходнымъ.

Но еще хуже такой порядокъ отразился на поземельности устройствъ прилущенниковъ малоземельныхъ дачъ. Изъ всѣхъ запасныхъ земель переданныхъ въ распоряженіе управленія государственныхъ имуществъ и имѣющихъ еще быть выдѣленными изъ неразмежеванныхъ нынѣ дачъ остается свободныхъ около 290.000 десятинъ. Главная масса малоземельныхъ прилущенниковъ сосредоточена въ Мемзелинскомъ и Бирскомъ уѣздахъ, гдѣ ихъ будетъ подлежать переселенію 9.535 душъ, а въ настоящее время формально вымежеванныхъ запасныхъ участковъ, которые могли бы быть имъ предложены по близости, около 27.000 дес. Правда что въ тѣхъ же уѣздахъ предстоитъ еще передать въ распоряженіе управленія государственныхъ имуществъ около 7.700 дес., но размежеваніе дачъ изъ которыхъ они должны быть выдѣлены займетъ не мало времени и потому значительная часть окажется подѣломъ, что составитъ не малое затрудненіе для переселенія. Къ этому необходимо добавить что прилущенники, живя на чужой землѣ, естественно испытываютъ постоянное стѣсненіе со стороны вотчинниковъ и при всѣхъ усиліяхъ времени удерживаютъ за собою такое количество земли какого

далеко не достаточно для сколько-нибудь сноснаго хозяйства. Помянуто что находясь въ такомъ положеніи долгое время они дошли до состоянія нищенства: хлѣба почти не съѣсть, скота не имѣютъ и живутъ въ лачугахъ, въ какихъ достаточный хозяинъ не помѣстилъ бы свой скотъ. * У этихъ людей нѣтъ не только хорошей рабочей силы, но давно пропала уже всякая энергія и помянуто почему они апатично смотрятъ на свое будущее. Слѣдуетъ имѣть въ виду что пособіе на переселеніе полагается отъ казны весьма ограниченное, если его назначать даже въ высшей нормѣ, что однако составить расходъ около 500.000 рублей.

До чего губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе было беспально предотвратить эту катастрофу можно судить изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ дачѣ Бураевой тѣбы припущенникамъ по расчету причитается всего по 2.228 сажень на душу, почему они подлежатъ переселенію на запасныя земли. Въ 1875 году губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, объяснивъ положеніе дѣла, спрашивало управленіе государственныхъ имуществъ, не встрѣчается ли препятствій къ передачѣ сказаннымъ припущенникамъ запасныхъ

* Немалую впрочемъ долю затрудненія въ семь дѣлъ представляеть и неразрѣшеніе давно возбужденнаго вопроса о примѣненіи 7й статьи Высочайше утвержденныхъ 10 февраля 1869 года правилъ, которая Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и бывшимъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ толковалась различно. Въ статьѣ этой выражено что никто изъ припущенниковъ поселившихся на башкирскихъ земляхъ не долженъ быть обязательно осеять. Министерство настаивало на буквальному исполненію этого правила, а генералъ-губернаторъ полагалъ что 7я статья выражаетъ лишь общее право припущенниковъ получить надѣлы изъ башкирскихъ дачъ, но не устраняетъ другаго правила установленнаго ст. 22 того же закона, по которой за вотчинниками обезпечивается во всякомъ случаѣ пятнадцатидесятиная пропорція на душу десятой ревизіи. Такимъ образомъ остается только уговаривать припущенниковъ переселиться, а это поддерживаетъ въ нихъ надежду что правительство дастъ имъ надѣлы при мѣстѣ жительства, въ ущербъ интересамъ коренныхъ владѣльцевъ земли—вотчинниковъ.

Къ началу 1880 года удалось склонить къ переселенію только 178 души (десятой ревизіи) припущенниковъ Мензелинскаго уѣзда, которыми уже назначены земли ближайшія къ ихъ жительству; переселиться же на дальніе участки пока никто не соглашается.

участковъ въ ближайшей дачѣ Кырь - Уляровой тюбы, на что оно отвѣтило что запасныя земли уступаются только припущенникамъ малоземельныхъ дачъ, а изъ указываемыхъ земель Кырь-Уляровой тюбы образуются участки для продажи на льготныхъ условіяхъ; на сдѣланный же въ 1878 году вопросъ: состоятъ ли въ настоящее время упомянутые участки въ распоряженіи управленія государственныхъ имуществъ или уже проданы, губернское присутствіе до возбужденія дѣла въ 1878 году не получило даже отвѣта, и потомъ оказалось что всѣ ближайшія запасныя земли, даже и въ другихъ дачахъ, имено въ этотъ промежутокъ времени были распроданы. Со своей стороны управленіе государственныхъ имуществъ указывало для припущенниковъ Бураевой тюбы на дачу Киргизской волости, деревень Тулѣвой и Карабашевой, и хотя она не была размежевана, но въ виду необходимости присутствіе приняло возможнымъ указать на нее припущенникамъ; между тѣмъ управленіе и здѣсь постыдилось образовать продажныя участки, и въ 1879 году до 6.000 десятинъ лучшей земли были проданы, а остались только лѣсные участки, изъ которыхъ до 7.000 десятинъ по осмотру оказались совершенно негодныя для поселенія. Въ 1878 году губернское присутствіе просило управленіе государственныхъ имуществъ не предназначать въ продажу послѣдній участокъ въ Чубильминской дачѣ, Уфимскаго уѣзда, потому что онъ могъ понадобиться для поселенія Мещераковъ деревень Сафаровой и Термы, и участокъ этотъ все-таки продать въ 1879 году, раньше окончанія дѣла о сказанныхъ Мещеракахъ. 25 іюня 1875 года за № 2.907, оренбургскій генералъ-губернаторъ предложилъ управленію государственныхъ имуществъ, запасныя земли Мензелинскаго уѣзда не обращать въ участки для продажи на льготныхъ условіяхъ, а предоставить исключительно припущенникамъ, и все-таки изъ ничтожнаго количества этихъ земель въ сказанномъ уѣздѣ около 3.000 дес. проданы. Въ августѣ 1879 года губернское присутствіе, сообщая опять генералъ-губернатору о крайнемъ положеніи дѣла, рѣшилось заявить что оно не беретъ на себя отвѣтственности за послѣдствія ненормальнаго порядка отчужденія запасныхъ земель, въ нарушеніе ихъ прямого, законнаго назначенія, почему просило обязать управленіе государственныхъ имуществъ образовывать продажныя участки не иначе какъ по соглашенію съ

губернскимъ присутствіемъ (представленіе 17 августа. № 687). О томъ же съ подробнымъ изложеніемъ произвольныхъ дѣйствій управленія государственныхъ имуществъ было сообщено бывшимъ губернаторомъ, д. ст. сов. Левшинымъ (№ 2.355). Въ отвѣтъ на это послѣдовало предложеніе генераль-губернатора отъ 6 октября за № 3.535, которымъ давалось знать что управляющему государственныхъ имуществъ предложено не формировать участковъ для продажи на льготныхъ условіяхъ въ Мезеланскомъ и ближайшихъ къ малоземельнымъ дачамъ частяхъ Бирскаго и Белебеевскаго уѣздовъ и вообще образовывать таковыя не иначе какъ по предварительномъ сношеніи съ Уфимскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ. Порядокъ этотъ дѣйствительно достаточно гарантировалъ целесообразное назначеніе оставшихся запасныхъ земель; но онъ явился уже поздно, когда дѣло переселенія безземельныхъ прилущенниковъ было подорвано въ своей основѣ, распродажей необходимѣйшихъ для нихъ земель; но и при этомъ дѣло могло бы пойти постарому, только въ другой формѣ, еслибы не было энергическихъ протестовъ со стороны губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Такъ когда оно весной 1880 года вынуждено было обратиться къ запаснымъ землямъ въ Кыръ-Илаво-Байларской дачѣ, то управленіе государственныхъ имуществъ отозвалось что изъ нихъ образованы участки, вслѣдствіе состоявшихся уже Высочайшихъ повелѣній какъ о предоставленіи нѣкоторымъ лицамъ земель во Всемилостивѣйшее пожалованіе, такъ и для продажи на льготныхъ условіяхъ. * Лѣтомъ того же года едва удалось отстоять неприкосновенность запасныхъ земель въ Мезеланскомъ уѣздѣ, изъ которыхъ опять предполагалось образовать запасный участокъ болѣе 2.000 десятинъ.

Таковы были распорядительныя дѣйствія Оренбурго-Уфимскаго управленія государственныхъ имуществъ при формированіи земельныхъ участковъ предвѣщаемыхъ къ продажѣ на льготныхъ условіяхъ.

Обращаясь затѣмъ къ дѣятельности бывшаго оренбургскаго генераль-губернатора, по возложенной на него закономъ 4 іюня 1871 года агентурѣ въ выборѣ лицъ и распредѣленіи между

* Продажа этихъ участковъ однако была приостановлена.

ными сформированныхъ управленіемъ государственныхъ имуществъ земельныхъ участковъ, нельзя прежде всего не замѣтить что, какъ видно изъ обзора дѣйствій того управленія по образованію участковъ, генералъ-адъютанту Крыжановскому было достоверно извѣстно что припущенники малоземельныхъ дачъ въ Уфимской губерніи группируются преимущественно въ Мензелинскомъ уѣздѣ. Поэтому входя съ представленіями о предоставленіи тому или другому лицу права на получение предназначаемыхъ имъ на льготныхъ условіяхъ участковъ, генералъ-адъютантъ Крыжановскій могъ предупредить продажу таковыхъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ. Справедливость требуетъ впрочемъ сказать что еслибы запасные участки, близко прилежащіе къ малоземельнымъ дачамъ, изъ которыхъ должно быть сдѣлано переселеніе припущенниковъ, и вовсе не были продаваемы въ частныя руки, то все-таки ихъ было совершенно недостаточно для предназначенной цѣли, и большинство припущенниковъ малоземельныхъ дачъ должны бы переселиться или въ сосѣдній Бирскій уѣздъ, или въ болѣе отдаленныя дачи.

Выборъ лицъ въ Уфимской губерніи, имѣвшихъ право на пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ, былъ предоставленъ генералъ-губернаторомъ начальникамъ отдѣльныхъ учрежденій, которые, принимая во вниманіе или продолжительность службы чиновниковъ въ губерніи, или же особая для края заслуга, входили къ генералъ-губернатору съ представленіями по сему предмету; самые же участки тѣмъ чиновникамъ назначались по личному усмотрѣнію генералъ-губернатора. Какимъ порядкомъ происходилъ на практикѣ выборъ лицъ изъ другихъ мѣстъ Имперіи, изъ дѣлъ не видно. *

Изъ собранныхъ въ августѣ мѣсяцѣ 1880 года свѣдѣній о положеніи земельныхъ участковъ въ Уфимской губерніи, пріобрѣтенныхъ чиновниками изъ казны на льготныхъ условіяхъ, по правиламъ Высочайше утвержденнымъ 4 іюня 1871 года, оказывается:

* Какія соображенія имѣлись въ виду при предоставленіи такимъ лицамъ, напримѣръ служащимъ въ Петербургѣ, права льготнаго пріобрѣтенія—неизвѣстно; но нужно думать что десять лѣтъ тому назадъ были какія-либо вѣскія къ тому причины, въ особенности если признать во вниманіе что проектъ закона былъ разсматриваемъ въ высшемъ государственномъ учрежденіи.

У Ѣ З Д Ы.	Число общинъ получающихъ участки		Число участковъ въ общинахъ		Цѣна участковъ		ИЗЪ Ѳ-ТОГО ЧИСТА.				Число участковъ на которыхъ возведены постройки.								
	Число общинъ получающихъ участки		Число участковъ въ общинахъ		Цѣна участковъ		Обрабатывается сады и огородами		Роздано въ аренду		Продано въ личное владѣніе другихъ лицъ		Службы		Арендаторамъ		Новымъ владельцамъ		
	Число общинъ получающихъ участки	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ	Число участковъ въ общинахъ
Въ Уфимскомъ	39	120.453	13	1.070	35	14.859,4	8	5.898,9	7	7	5	7	7	7	7	7	7	7	7
» Бирскомъ	34	103.395	5	70	22	11.693,5	9	9.728,8	5	4	—	4	4	4	4	4	4	4	4
» Мензелинскомъ	14	17.169,3	2	500	18	7.499,3	3	1.542	7	7	—	7	7	7	7	7	7	7	7
» Златоустовскомъ	3	3.471	—	—	3	826	1	639,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» Стерлитамакскомъ	48	93.945	3	220	32	23.001,8	4	4.990	9	9	—	9	9	9	9	9	9	9	9
» Белебеевскомъ	140	310.888	26	669	84	26.975,9	8	6.832,3	29	29	—	29	29	29	29	29	29	29	29
Всего въ губерніи	278	662.815	49	2.529	194	84.855,7	33	29.625,3	57	57	—	57	57	57	57	57	57	57	57

Изъ этихъ 278 лицъ, пріобрѣвшихъ участки на льготныхъ условіяхъ, 223 служатъ въ Уфимской губерніи, а 55 на мѣстѣ. Многие изъ иногородныхъ уже водворились въ Уфимской губерніи *, нѣкоторые изъ нихъ даже устроили собственное хозяйство въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ, тайный же совѣтникъ Лѣде завелъ образцовое машинное хозяйство. Изъ мѣстныхъ лицъ почти всѣ сами эксплуатируютъ хотя небольшую часть пріобрѣтенныхъ ими участковъ, остальную же сдаютъ пока въ аренду, по преимуществу русскимъ крестьянамъ. Продали свои участки лишь тѣ которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не могли сами вести хозяйство. **

Качество земли въ пріобрѣтенныхъ на льготныхъ условіяхъ участкахъ безспорно хорошо, такъ какъ вообще въ Уфимской губерніи по преимуществу вездѣ черноземъ, даже возвышенности, которыя въ этой губерніи причисляютъ обыкновенно къ землѣ неудобной, въ Мензелинскомъ, на примѣръ, уѣздѣ, гдѣ уже ощущается недостатокъ въ землѣ, распахиваются и даютъ хорошіе урожаи. Въ частности всѣ участки пріобрѣтенныя на льготныхъ условіяхъ можно подраздѣлить на два разряда: первый разрядъ назовемъ участками *удачными*, а второй *неудачными*; первый разрядъ въ свою очередь слѣдуетъ раздѣлить на два вида: къ 1му изъ нихъ принадлежатъ тѣ участки которыя, находясь въ мѣстности болѣе или менѣе населенной, заключаютъ въ себѣ площади земли готовыя къ эксплуатаціи; таковыхъ впрочемъ весьма мало и между ними безспорно занимаютъ первое мѣсто участки бывшихъ уфимскаго губернатора Левшина и члена совѣта Министерства

* Подъ словомъ „водворенія“ мы разумѣемъ постройку усадьбы и веденіе личнаго своего хозяйства; ибо понимать слово „водвореніе“ въ буквальномъ смыслѣ, говоря объ интеллигентномъ классѣ людей, невозможно, такъ какъ въ противномъ случаѣ многихъ изъ нашихъ помѣщиковъ имѣющихъ помѣстья въ Россіи, но находящихся на службѣ въ городахъ, пришлось бы считать не водворенными въ ихъ помѣстьяхъ.

** Мы лично противъ этихъ продажъ, такъ какъ по духу закона 4 іюня 1871 года, право на пріобрѣтеніе участковъ на льготныхъ условіяхъ дано собственно такимъ служащимъ въ Имперіи лицамъ водвореніе коихъ будетъ признано для края полезнымъ (п. I. ст. II) оцѣнка чего конечно принадлежитъ правительству, а не имъ самимъ; но они продавая участки поступали легально, такъ какъ тотъ же законъ (п. 7 ст. II) даетъ имъ право избирать своихъ преемниковъ.

Государственныхъ Имуществъ Климова и уполномоченнаго отъ казны по размежеванію башкирскихъ земель Бѣгичева, гдѣ угодья идутъ въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ, какъ говорится на расхватъ, за высокую цѣну. Другіе изъ владѣльцевъ участковъ сего вида также получаютъ доходъ, но сравнительно небольшой, въ особенности, если принять во вниманіе относительно высокое обложеніе такихъ участковъ земскимъ сборомъ и не дешево стоющую въ Уфимской губерніи хозяйственную администрацію. Второй видъ участковъ перваго разряда которые хотя также находятся въ мѣстностяхъ населенныхъ (вблизи рѣкъ Бѣлой и Камы), но состоятъ по преимуществу изъ лѣсныхъ площадей, требующихъ не малыхъ капиталовъ для вырубки этого лѣса, годнаго только къ мало стоящимъ лѣснымъ издѣліямъ. Приведеніе сихъ участковъ въ возможность ихъ земельной эксплуатаціи доходить въ послѣднее время до 40 руб. за десятину, и такихъ участковъ, которые ожидаютъ топора, не мало, какъ мнѣ лично приходилось въ этомъ убѣдиться при объѣздѣ губерніи. Доходность съ этихъ участковъ, если она въ настоящее время и существуетъ, то весьма незначительная, отъ отдачи въ аренду лѣсныхъ покосовъ, оплачиваемыхъ мѣстнымъ населеніемъ весьма скудно. Ко второму разряду участковъ неудачныхъ слѣдуетъ отнести почти всѣ участки находящіеся въ южной части Белебеевскаго уѣзда. Участки эти неудачны не потому что они состояли изъ неудобной земли, а потому что находятся въ совершенно исключительныхъ условіяхъ. Всѣ они мнѣ лично извѣстны, и потому для лучшей ихъ характеристики приведу здѣсь выписку изъ донесенія моего объ нихъ бывшему оренбургскому генералъ-губернатору отъ 30 сентября 1880 года за № 2.534.

„Обративъ особое вниманіе на жалобы автора записки, присланной вашимъ превосходительствомъ, при предложеніи отъ 2 августа за № 2.337, въ виду серіозной важности заключавшихся въ ней обвиненій противъ Башкиръ Белебеевскаго уѣзда въ самомъ дерзкомъ и безнаказанномъ своеволіи во владѣльческихъ дачахъ, я счелъ своею обязанностію предварительно удостовѣриться на мѣстѣ въ справедливости всего этого, чтобы затѣмъ, по ближайшемъ уясненіи причинъ объясненныхъ беспорядковъ, принять безотлагательно соотвѣтствующія мѣры къ предупрежденію неурядицы и къ

отраженію новыхъ владѣльцевъ отъ стѣсненій въ поземельномъ пользованіи, если таковыя они дѣйствительно испытываютъ.

„Съ этою цѣлю, объѣхавъ въ концѣ прошлаго мѣсяца весь Белебеевскій уѣздъ, преимущественно по тѣмъ мѣстностямъ гдѣ расположены владѣльческіе участки, и побывавъ всѣ башкирскія деревни жители коихъ навлекли на себя обвиненіе въ своеволіи и упорномъ отказѣ признать за собственниками права ихъ на свободное и бесплорное пользованіе участками приобрѣтенными съ Высочайшаго соизволенія на льготныхъ условіяхъ, я старался при этомъ возможно ближе ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ владѣльцевъ всѣхъ вообще и съ существующими къ нимъ отношеніями мѣстнаго башкирскаго населенія, такъ какъ для безошибочнаго сужденія о томъ, насколько вѣрны выводы автора записки о поголовномъ протестѣ Башкиръ противъ перехода земель изъ запасныхъ участковъ въ частныя руки, необходимо было собрать относящіяся къ этому фактическія данныя по всему уѣзду, а не въ одной только известной части его.

„Результаты всѣхъ этихъ изысканій, въ связи съ имѣющимися данными, относительно численности и общаго характера дѣлъ возникавшихъ по жалобамъ новыхъ владѣльцевъ, приводятъ къ заключенію что большинство изъ нихъ не имѣютъ ничего общаго съ тою безвыходностью въ которую, по словамъ автора записки, ставятъ ихъ будто бы сосѣдніе Башкиры своимъ неудержимымъ своеволіемъ и безчестіемъ въ проданныхъ отъ казны участкахъ. За исключеніемъ одного, двухъ случаевъ по Яикъ-Рюбильминской поземельной дачѣ, въ предѣлахъ Альшеевской волости, всѣ жалобы относятся до Башкиръ преимущественно одной только Илькульмино-Кульильминской поземельной дачи (волости: Зильдаровская, Гайніамаковская, часть Киргизъ-Міакинская), по остальнымъ же участкамъ, составляющимъ большинство, жалобъ нѣтъ и никакихъ непріязненныхъ отношеній между землевладѣльцами и мѣстнымъ башкирскимъ населеніемъ не существуетъ, между тѣмъ какъ еслибы выводы автора записки были вѣрны и еслибы Башкиры, считая отчужденіе запасныхъ земель незаконнымъ, дѣйствительно не признавали за владѣльцами правъ ихъ на приобрѣтенные участки, то весьма естественно что подобный протестъ не замедлил бы выразиться

повсемѣстно, ибо всѣ вообще льготные участки (а не тѣ только на которые указываетъ авторъ записки), образованы на общемъ основаніи изъ земель оставшихся отъ надѣла прилученниковъ узаконенной пропорціи; но такъ какъ подобнаго протеста нѣтъ на самомъ дѣлѣ и заявленныя жалобы относятся до Башкиръ одной Илькульмино-Кульильминской дачи, то послѣднее обстоятельство само собою указываетъ на существованіе здѣсь какихъ-либо особыхъ, исключительныхъ причинъ, порождавшихъ какъ самые безпорядки, такъ и тѣ непріязненныя отношенія на которыя жалуется авторъ записки и которыя дѣйствительно, какъ оказалось, обнаружилась здѣсь, хотя и не въ такой сильной степени, какъ имъ объяснено.

„Вникая за симъ въ сущность настоящаго дѣла и обращаясь къ ближайшимъ причинамъ бывшихъ безпорядковъ, нельзя, по мнѣнію моему, не придти къ заключенію что хотя Башкиры Зильдяровской и Гайниамаковской волостей дѣйствительно не рѣдко позволяли себѣ самовольное пользованіе чужими угодьями, но тѣмъ не менѣе въ этомъ виноваты не столько они сами, сколько мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ, поторопившееся образовать продажные участки въ названной дачѣ раньше окончанія формальнаго размежеванія; отчасти же и сами владѣльцы, большинство коихъ нерѣдко оставляютъ купленные земли или вовсе безъ наблюденія, или же вѣдряютъ управленіе ими такимъ личностямъ которыя далеко не совмѣщаютъ въ себѣ качествъ необходимыхъ даже для всякаго болѣе или менѣе надежнаго прикащика. Документальныя данныя, имѣющіяся въ дѣлахъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, указываютъ на то что основываясь на точномъ смыслѣ предложенія вашего высокопревосходительства, отъ 2 мая 1872 года за № 2.264, журнальнымъ постановленіемъ 2 августа того же года, оно разъяснило и доводило до свѣдѣнія управленія государственными имуществами, что въ башкирскихъ дачахъ всѣ стороны вступаютъ во владѣніе землей лишь по окончательномъ размежеваніи всей дачи, что запасные участки до тѣхъ поръ сдаются только для охраненія лѣсныхъ площадей, окончательная же передача ихъ во владѣніе казны можетъ быть сдѣлана лишь по формальномъ размежеваніи всей дачи, но между тѣмъ управленіе государственныхъ имуществъ руководствовалось, какъ видно, какими-то иными

соображеніями и до послѣдняго времени не только воспрещало Башкирамъ пользоваться земельными угодьями, по-прежнему, въ формально еще не размежеванныхъ дачахъ, а даже совершало отчужденіе въ нихъ земель частнымъ лицамъ, на льготныхъ условіяхъ, какъ это сдѣлано и въ Илькульмино-Кульпельминской дачѣ, которая хотя и проверяла еще башкирскою комиссіей, но формальное межеваніе которой до сихъ поръ еще не окончено.

„Распоряжаясь такимъ образомъ и стѣсная припущенниковъ не имѣющихъ еще возможности вступить во владѣніе землей по новымъ нарѣзкамъ, управленіе, съ тѣмъ вмѣстѣ, поселяло въ нихъ сомнѣніе въ законности и правильности своихъ дѣйствій, явно противорѣчившихъ распоряженіямъ губернскаго присутствія, по указанію котораго мѣстный непримѣнный членъ тогда же официально разъяснилъ волостнымъ правленіямъ что впредь до окончанія размежеванія дачи, припущенники должны оставаться при прежнемъ пользованіи. Между тѣмъ лѣсничіе, отстраняя Башкиръ, сами производили въ запасныхъ участкахъ продажу дровъ, сдачу въ аренду сѣнокосной и пахатной земли и допускали припущенниковъ къ пользованію не иначе какъ на правахъ арендаторовъ, взыскивая извѣстную плату, соразмѣрно количеству десятинъ, по 40 копѣекъ съ каждой, въ чемъ мнѣ пришлось лично удостовѣриться во время своей поѣздки по Белебеевскому уѣзду. Впрочемъ, подобныя дѣйствія управленія государственныхъ имуществъ замѣчались еще и раньше, чему подтвержденіемъ служатъ неоднократныя настоянія со стороны губернскаго присутствія о томъ чтобъ управленіе запретило лѣсничимъ распоряжаться такимъ образомъ въ неразмежеванныхъ дачахъ, но сношенія эти, къ сожалѣнію, не имѣли желаемого успѣха. Несомнѣнно что такое ненормальное положеніе припущенниковъ Илькульмино-Кульпельминской дачи должно было послужить, такъ-сказать, первымъ шагомъ къ недовольству со стороны ихъ и къ неурядицѣ, которая не замедлила еще больше усилиться когда съ 1879 года на запасныхъ участкахъ появились, сверхъ ожиданія, новыя владѣльцы, начавшіе немедленно распоряжаться своими землями, пользованіе которыми должно бы быть ограждено за припущенниками впредь до размежеванія всей дачи.

„Изъ всего вышеизложеннаго видно что главною причиною безпорядковъ со стороны Башкиръ помѣяутой дачи нельзя

не признавать неблагопріятность мѣстныхъ условій и ненормальность положенія припущенниковъ по отношенію пользованія необходимыми земельными угодьями. Къ этому слѣдуетъ еще добавить что за отсутствіемъ на мѣстѣ самихъ владѣльцевъ, участки нѣкоторыхъ изъ нихъ находились не рѣдко въ рукахъ неопытныхъ и недобросовѣстныхъ прикащиковъ, которые своею притязательностію и чрезмѣрною строгостію въ отношеніи сосѣдей Башкиръ скорѣе способствовали усиленію непріязненныхъ отношеній, а никакъ не къ прекращенію ихъ; другіе же владѣльцы, передавъ завѣдываніе участками кому-либо изъ чиновниковъ проживающихъ въ Уфѣ, * надѣялись что тѣмъ самымъ достаточно уже оградили свои интересы; а между тѣмъ довѣренныя ихъ, въ свою очередь, возложили обязанности по управленію участками на такъ-называемыхъ дѣсниковъ, не снабдивъ таковыхъ письменными удостовѣреніями на управленіе и свѣдѣніями о пространствахъ и границахъ участковъ, такъ что, какъ замѣчено мною, дѣсники часто не знали даже фамилій владѣльцевъ землями которыхъ желали распорядиться. Весьма повѣрно что при подобномъ веденіи хозяйства, даже и при другихъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, неизбѣжно должны возникать постоянныя недоразумѣнія и неудовольствія между Башкирами съ одной стороны и прикащиками или дѣсниками и ихъ довѣрителями съ другой; почему едва ли было бы справедливо обвинять Башкиръ, за недовѣріе къ подобнымъ личностямъ.“

Изъ этого документа ясно видно въ какомъ положеніи находятся владѣльцы этихъ участковъ, принадлежащіе почти исключительно къ лицамъ живущимъ въ Уфимской губерніи. Само собою разумѣется что разчитывать на какую-либо доходность съ нихъ въ недалекомъ будущемъ невозможно, въ особенности же послѣ послѣдовавшихъ событій въ губерніи, о которыхъ мы скажемъ въ свое время.

Наконецъ еще есть нѣсколько участковъ приобретенныхъ на льготныхъ условіяхъ, отъ которыхъ владѣльцы ихъ рады

* Ревизовавшіи Уфимскую губернію членъ Государственнаго Совета, сенаторъ Ковалевскій, предписалъ управляющему Оренбургско-Уфимскою палатой государственныхъ имуществъ, не дозволять на будущее время чиновникамъ управленія брать на себя завѣдываніе чѣмъ бы то ни было имѣніемъ.

были бы отдаваться, но никто ихъ не покупаетъ, и потому они брошены на произволъ судьбы: къ числу такихъ слѣдуетъ отнести участокъ г. Чайковского, который, живя гдѣ-то на югѣ Россіи и не имѣя никакого понятія о купленномъ имъ участкѣ, прислалъ своего довѣреннаго для завѣдыванія имъ. Изъ словъ этого довѣреннаго можно заключить о жалкомъ положеніи участка, который невозможно эксплуатировать по совершенной негодности земли; припущенники же Башкиры объясняли что эта земля ни для чего не годится и только изъ уваженія къ завѣдующему этимъ участкомъ они даютъ ему за него такъ даромъ 25 руб. въ годъ.

Продажная цѣна каждаго изъ этихъ участковъ должна была, согласно пункт. 3 ст. II Зак. 4 іюня 1871 года, быть опредѣлена по капитализаціи изъ 5% исчисленнаго съ вошедшихъ въ составъ участковъ оцѣночнаго дохода. Если, говорится далѣе въ томъ же законѣ, исчисленный по оцѣнкѣ доходъ превышаетъ болѣе чѣмъ на 10% дѣйствительно вырученный въ послѣдніе три года, то оцѣнка соразмѣрно понижается.

Очевидно что это послѣднее условіе могло имѣть мѣсто единственно только въ отношеніи отчуждаемыхъ казенныхъ земель, ежегодный доходъ съ которыхъ долженъ былъ быть извѣстенъ мѣстному управленію государственныхъ имуществъ. Но такъ какъ при сформированіи льготныхъ участковъ въ число казенныхъ земель включены были и запасныя земли, то доходъ получаемый съ этихъ послѣднихъ могъ быть опредѣленъ только примѣрно, да и то въ такихъ мѣстностяхъ гдѣ можно было разчитывать на отдачу земли въ аренду, тамъ же гдѣ надѣяться на это было нельзя, вопросъ о доходности съ участковъ стоялъ въ полной зависимости отъ большаго или меньшаго искусства на нихъ хозяйничать, главнѣе же всего отъ имѣющагося въ распоряженіи владѣльцевъ ихъ капитала. Это обстоятельство послужило поводомъ къ значительному пониженію оцѣнокъ многихъ льготныхъ участковъ, которое въ глазахъ бывшаго оренбургскаго генералъ-губернатора имѣло вѣское основаніе, въ особенности если имѣть въ виду что первоначальная мысль его состояла въ томъ чтобы земельные участки въ Уфимской губерніи не продавать на льготныхъ условіяхъ, а раздавать чиновникамъ даромъ. Результатомъ такого взгляда явились ошибки въ оцѣнкѣ участковъ. Одни изъ нихъ оказались оцѣненными дешевле, другіе, наоборотъ, дороже, что

впрочемъ выяснилось въ послѣдствіи, по вступленіи приобретателей во владѣніе тѣми участками. Въ подтвержденіе этого факта укажемъ, наиримѣръ, на участокъ приобретенный дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Замытвинымъ, который, по возвращеніи зятемъ его г. Куломзинымъ въ казну, оказался ничего не стоящимъ, такъ какъ по своимъ мѣстнымъ условіямъ оны не пригоденъ даже къ поселенію на немъ переселенцевъ. Какова бы впрочемъ ни была сдѣлана оцѣнка льготныхъ участковъ, но едва ли таковая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ служить въ глазахъ кого-либо выразителемъ точной стоимости всего количества земли проданнаго чиновникамъ на льготныхъ условіяхъ. Казалось бы болѣе справедливымъ взять общую цифру продажной суммы вырученной казной на купленную чиновниками въ Уфимской губерніи землю и сравнить ее съ цѣнами дѣйствительно существовавшими въ этой губерніи въ періодъ продажи льготныхъ участковъ и только изъ этого сравненія вывести заключеніе насколько дешево проданы послѣдніе. Исходя изъ этой точки зрѣнія опредѣлимъ прежде всего средне-сложную цифру цѣны существовавшей на башкирскія земли въ Уфимской губерніи съ 1869—1876 годовъ.

Ведя рѣчь о проданныхъ изъ башкирскихъ дачъ земляхъ частнымъ лицамъ, мы сказали что таковыя обошлись покупателямъ, среднимъ числомъ, по 1 руб. 40 коп. за десятину. Допустимъ что угощенія и такъ-называемыя карманныя деньги выдаваемыя продавцамъ нѣсколько увеличивали эту цифру, но по сознанию самихъ приобретателей она не превышала 3 руб. за десятину. * Во всякомъ случаѣ выше 3 руб. за десятину цѣны въ упомянутое выше время на башкирскую землю въ Уфимской губерніи не существовало. Подтвержденіе этого мы видимъ даже въ самомъ законѣ 10 февраля 1869 года, пунктъ 23 котораго, говоря о вознагражденіи вотчинниковъ за отдѣленное изъ ихъ владѣнія недостающее до опредѣленной пропорціи для припущенниковъ количество земли, размѣръ такового вознагражденія опредѣляетъ въ *три рубля* за десятину удобной земли.

Изъ приведенной выше вѣдомости о льготныхъ участкахъ видно что за купленную у казны чиновниками землю, въ

* Исключеніе составляютъ два случая покупки по 4 руб. за десятину небольшихъ участковъ, находившихся въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

количество 369.887 дес., предполагается выручить 682.815 руб., т. е. каждая продажная казной десятина обошлась въ 1 р. 85 к.

Сравнивъ эту цифру съ цѣной, существовавшей на башкирскія земли (по 3 руб. за дес.) увидимъ что цѣнность десятины земли продажной казной чиновникамъ на льготныхъ условіяхъ была опредѣлена противъ цѣнности на башкирскія земли дешевле на 1 руб. 15 коп. на десятину, что и составило въ результатѣ 425.370 рублей убытка, повременнаго казной отъ операціи продажи земельныхъ участковъ чиновникамъ.

Говоря о продажѣ земельныхъ участковъ въ Уфимской губерніи на льготныхъ условіяхъ, мы сказали объ нихъ все что извѣстно объ этомъ вопросѣ на мѣстѣ и что возможно было извлечь изъ производившихся въ губерніи дѣлъ. Изъ этихъ свѣдѣній можно вывести одно заключеніе: *еслибы съ самаго начала были опредѣлены—наличное число малоземельныхъ прилущенниковъ, потребное для нихъ количество земли и цифра ближайшихъ къ нимъ земельныхъ участковъ, то переселеніе легче могло бы быть устроено* и еще немалое количество земли могло бы быть продано, безъ ущерба для прямаго ея назначенія. И теперь количество земель превышаетъ потребность въ нихъ для прилущенниковъ малоземельныхъ дачъ, но затрудненіе заключается въ расположеніи этихъ земель, такъ какъ и вполнѣ удобные участки представляются бесполезными по отдаленности ихъ.

Такая *ничуть не оправдываемая поспѣшность* въ сформированіи участковъ, съ одной стороны, а съ другой—въ продажѣ ихъ чиновникамъ и составляетъ, по нашему личному мнѣнію, главную и серьезную вину тѣхъ отъ кого зависѣло направленіе этого злосчастнаго дѣла. Но это не даетъ еще основанія обвинять въ какомъ-то хищеніи поголовно всѣхъ лицъ приобрѣвшихъ участки. Между тѣмъ, въ глазахъ незнакомыхъ съ дѣломъ русскаго общества, всѣ служащіе въ Уфимской губерніи сдѣлались какъ бы синонимомъ какихъ-то грабителей обобрававшихъ Башкиръ. Въ послѣднее время дошло даже до того что достаточно быть Уфимцемъ, получившимъ или не получившимъ участокъ, это все равно, чтобъ имѣть дурную рекомендацію. Къ большому еще увеличенію невзгодъ нѣкоторые органы центральныхъ с.-петербургскихъ управленій, не желая вѣроятно имѣть въ своемъ управленіи лицъ получившихъ участки, отказали имъ

въ службѣ. Такимъ образомъ лица эти заплатились за то что совершенно законно воспользовались правомъ покупки, въ нѣкоторыхъ даже случаяхъ съ невыгодой; за то даже что устроили хозяйство на этихъ участкахъ, внеся въ нихъ, можетъ-быть, послѣднія средства, и что обидѣе всего, за то что они въ свое время признаны были своимъ начальствомъ заслуживающими поощренія по службѣ. Между тѣмъ лица эти, равно какъ и многія изъ тѣхъ которыя приобрѣли земли отъ Башкиръ частнымъ образомъ, внесли со своей стороны весьма цѣнную лепту въ дѣло производительности и колонизаціи края, какъ увидимъ ниже.

III.

Мысль о необходимости колонизаціи въ Уфимской губерніи впервые явилась въ средѣ дворянскаго сословія. Въ уфимское дворянское собраніе 1868 года была представлена г. Дашковымъ * записка, въ которой онъ высказалъ нѣкоторыя свои соображенія о необходимости облегченія правилъ переселенія въ Уфимскую губернію крестьянъ изъ другихъ губерній Россіи.

Основаніемъ къ сему послужило слѣдующее: малопродуктивность помѣщичьихъ имѣній въ Уфимской губерніи и невыгодность собственнаго помѣщичьяго хозяйства, при дороговизнѣ рабочихъ рукъ, затруднительности сообщеній, отдаленности пунктовъ сбыта и дешевизнѣ цѣнъ на произведенія сельскаго хозяйства, побуждаютъ, говоритъ г. Дашковъ въ своей запискѣ, многихъ изъ господъ дворянъ обратиться къ мысли заселить оставшіяся за надѣломъ крестьянъ пустошорожнія земли. Земли эти лежатъ большею частію непроизводительно и если разбираются сосѣдними жителями, то только отчасти и по крайне низкимъ цѣнамъ, благодаря конкуренціи огромнаго количества башкирскихъ угодій. Между тѣмъ земли уже обложены налогомъ на содержаніе мировыхъ учрежденій и въ близкомъ будущемъ, по введеніи земства, подлежатъ налогу еще большому. Къ этому времени необходимо подготовиться и изыскать средства извлечь по крайней мѣрѣ такой доходъ

* А. Д. Дашковъ состоитъ нынѣ предсѣдателемъ Уфимской губернской земской управы и былъ приглашаемъ въ числѣ свидущихъ людей для разсмотрѣнія вопросовъ питейнаго и переселенческаго.

съ каждой десятины чтобъ онъ покрывалъ падающій на десятину налогъ. Единственнымъ средствомъ является заселеніе части земли выходцами изъ другихъ мѣстностей Россіи и въ особенности людьми болѣе привыкшими къ труду чѣмъ наше здѣшнее населеніе, крестьянами густо населенныхъ среднихъ губерній, гдѣ заработная плата сравнительно съ нашею ничтожна, и сѣверо-восточныхъ губерній, гдѣ орудный урожай хлѣбовъ и то немногихъ дается человѣку только лосаѣ упорнаго труда. Если каждый изъ гг. дворянъ, продолжаетъ г. Дашковъ, продавъ часть своей пустопорожней земли, хотя бы и небольшую, заселить ее подобными выходцами и сгустить такимъ образомъ населеніе въ своемъ имѣніи, то само собою разумѣется цѣна на остальную его землю и на землю сосѣдей подымется и удешевится рабочая плата, доходившая въ настоящее время до невѣроятныхъ размѣровъ. *

Изъ этой записки ясно видно что уфимское дворянство, возбуждая вопросъ о колонизаціи края, имѣло въ виду исключительно дворянскіе интересы. Какъ бы то ни было, съ легкой руки г. Дашкова, указавшаго на необходимость привлеченія переселенцевъ на помѣщичьи земли и устроившаго въ дѣйствительности на своей землѣ въ Уфимскомъ уѣздѣ нѣсколько переселенческихъ починокъ (хуторовъ), началось заселеніе пустопорожныхъ земель въ губерніи; заселеніе это происходило двумя способами: или мѣстные жители передвигались изъ болѣе густо заселенныхъ округовъ на свободные участки или же являлись выходцы изъ центральныхъ губерній. Контингентъ для перваго рода переселенцевъ доставили бывшіе временно-обязанные крестьяне, отказавшіеся отъ надѣла, перешедшіе въ сословіе мѣщанъ, или приписавшіеся къ волостямъ на правахъ безземельныхъ. Переселенцами изъ другихъ губерній были по преимуществу: Вятчане, Туляки, Тамбовцы и Рязанцы; затѣмъ въ меньшемъ числѣ выходцы изъ Курска, Воронежа, Саратова и Пермь. По характеру прежняго своего мѣстожителства они то направлялись въ степную часть губерніи, то въ дѣскую; такъ въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ Вятчанъ или Пермяковъ вовсе нѣтъ, а въ Уфимскомъ за то не найдется ни одного степняка.

Законъ 28 января 1876 года ** оубликованъ въ Уфимской

* *Собр. матеріал. для исторіи уфимск. дворян*, Новикова, стр. 173.

** *Собр. узакон. и распоряжен. правит.* 1876, № 20, ст. 226.

губерніи въ картѣ мѣсцѣ и съ тѣмъ жезъ стали поступать въ губернскае же крестыиискае дѣла въ присутствіи едѣльнаго ходатайства переселенцевъ о перечисленіи ихъ на льготу жительство на купленные или арендованные земли, по поводу чего начата была переписка съ владельцами губернскаго присутствіемъ о высылкѣ увольнительныхъ свидѣтельствъ. Такъ какъ въ виду примѣра прежнихъ лѣтъ при подобномъ порядкѣ перечисленія неважно было ожидать успѣшнаго хода дѣла, то въ концѣ 1876 года были потребованы отъ мировыхъ посредниковъ подробнае именнае списки всѣхъ переселенцевъ и свидѣнія о мѣстѣ поселенія ихъ, а также о томъ, по какому документу они владѣютъ или пользуются землей. По собраніемъ данныхъ, въ повѣдѣніи еще разъ проявившимъ не одобреніе волостными правленіями и не одобреніемъ поступившимъ ходатайствомъ, оказалось что къ концу 1879 года значная часть о перечисленіи въ Уфимскую губернію до 3.000 ревизскихъ душъ мужского пола, изъ числа которыхъ перечислены только чрезъ елиновскія губернскаго присутствія уже около 3.000 душъ и возможно что всего дѣлаея перечисленія непосредственно купленнымъ паштой; объ остальныхъ же ведется еще переписка.

При разсмотрѣніи документовъ представляемыхъ переселенцами оказалось что большинство крестьянъ переселившихся въ Уфимскую губернію не имѣютъ крестьянскихъ актовъ на занимаемыя ими земли, а являются чисте дѣшными деревенскими на земляхъ частныхъ владельцев, но условіямъ нигдѣ не заведѣвательствованнымъ, иногда же просто покупаютъ на само. Поэтому, насколько такіе поселенцы могутъ считаться обезпеченнымъ устройстве своего быта, и практика представляла уже не одинъ примѣръ что она, умалчивъ значительную часть условнаго суммы, должны были уходить съ земли на которой обзавелось прочною домашнею оубдлостью, то есть совершенно разориться и вѣесто предложеннаго улучшенія своего быта обратиться въ нищету, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Условія заключаемыя съ крестьянами о запродажѣ или отдачѣ въ аренду ихъ земля имѣютъ по большей части неопредѣленную форму и по существу своему настолько не новы что не представляютъ никакой гарантіи интересовъ переселенцевъ. Напримѣръ, землевладелецъ отводитъ опредѣленный участокъ подъ поселеніе, но условіе пишеть съ нѣколькими

лицами на известную часть этого участка, съ тѣмъ что когда переселенцы уплатятъ всю условленную сумму, то онъ обязуется выдать купчую крѣпость, а въ концѣ условія добавляется что крестьяне получаютъ крѣпостной актъ лишь тогда когда весь отведенный участокъ будетъ заселенъ и оплаченъ.

Между тѣмъ заселеніе это обставляется такъ что крестьяне рискуютъ никогда не получить купчей крѣпости, ибо земля продается съ разсрочкой платежа на нѣсколько лѣтъ, стало-быть первые поселенцы уплатятъ всѣ деньги тогда, когда остальные только еще начнутъ селиться. Вновь прибывающихъ поселенцевъ имѣютъ одинаковое право допускать какъ крестьяне, такъ и самъ владѣлецъ, и всѣмъ такимъ лицамъ послѣдній не выдаетъ уже особаго документа, убѣждая ихъ что достаточно перваго условія писаннаго на другихъ лицъ, слѣдовательно владѣлецъ имѣетъ во всякое время возможность отказать имъ отъ земли. Насколько крестьяне въ этомъ случаѣ доверчивы и недалекновидны подтвердили произведенныя изслѣдованія, которыми обнаружено что крестьяне поручаютъ вести свои счета съ землевладѣльцами имъ же самимъ и иногда не знаютъ даже приблизительно сколько они уплатили денегъ за землю. Были уже примѣры что переселенцы, не добившись упроченія своихъ правъ на землю, уходили искать счастья въ другихъ мѣстахъ или вовсе возвращались на родину выгнанные владѣльцемъ взявшимъ съ нихъ задатокъ.

Съ 1869 года главная масса переселенцевъ начала направляться на земли приобретенныя отъ Башкиръ частными владѣльцами. Явленіе это обуславливается тѣмъ что владѣльцы эти, не обладая свободными капиталами, не могли сами эксплуатировать свою землю и потому весь расчетъ свой основывали на продажѣ ея переселенцамъ, и расчетъ ихъ въ этомъ отношеніи оказался совершенно вѣрнымъ. Несмотря на то что переселенцамъ приходилось платить по 10 и саишкомъ рублей за десятину, поселеніе на этихъ земляхъ съ каждымъ годомъ усиливалось, въ виду того вѣскаго въ глазахъ переселенцевъ обстоятельства что деньги эти требовались съ нихъ владѣльцами земель не одновременно, но съ разсрочкой на нѣсколько лѣтъ. Страннымъ однакоже покажется почему переселенцы набрасывались на земли частныхъ владѣльцевъ, а не на вотчинныя земли Башкиръ, которые такъ дешево отчуждали свои земли въ частное владѣніе.

Объясненіемъ этого явленія прежде всего служить трудность имѣть дѣло съ башкирскими обществомъ, властвующимъ землей на правѣ общинной собственности. Опыты прежнихъ лѣтъ показали въ какомъ тяжкомъ положеніи находились крестьяне-переселенцы, входя въ земельныя сдѣлки съ Башкирами: засѣянный переселенцами хлѣбъ весьма часто увозился Башкирами съ ихъ полей, а бывали и такіе примѣры что и сами пріобрѣтатели земель прогнались съ нихъ вслѣдствіе какихъ-либо недоразумѣній въ средѣ башкирскаго общества продаваемаго тѣмъ переселенцамъ свою землю. Съ другой стороны и сами Башкиры не охотно вступали въ земельныя сдѣлки съ крестьянскими обществами по разнымъ причинамъ, а также въ виду отдѣленія, согласно пункту 8 правилъ 10 февраля 1869 года о продажѣ башкирскихъ земель, въ общество и его мірской капиталъ $\frac{1}{3}$ изъ покупной суммы, что гораздо легче было обойти при сдѣлкѣ съ единоличнымъ покупщикомъ.

Стремленіе переселенцевъ селиться на земляхъ пріобрѣтенныхъ частными владѣльцами, а въ послѣднее время и на земляхъ купленныхъ чиновниками на льготныхъ условіяхъ, несмотря на неблагоприятныя иногда послѣдствія для самихъ переселенцевъ, имѣло огромное вліяніе на чрезвычайно быстрое возвышеніе цѣнъ на земли въ Уфимской губерніи. Земельные банки, сколько извѣстно, не принимавшіе прежде въ залогъ башкирскія земли, съ этого времени, огражденные въ личныя свои интересы съ одной стороны законно совершенными крѣпостями, а съ другой—установляющемся болѣе или менѣе правильною эксплуатаціей земель, пришли на помощь владѣльцамъ ихъ и выдавали подъ залогъ ссуды въ значительныхъ размѣрахъ; частныя лица изъ другихъ мѣстностей Имперіи въ свою очередь, увидавъ усиливающееся присутствіе русскаго элемента въ край доголѣ во многихъ мѣстностяхъ неокончательно заселенномъ швоборцами, съ охотой начали пріобрѣтать здѣсь земли отъ частныхъ владѣльцевъ.

Вотъ причины почему одна и та же земля находившаяся прежде во владѣніи Башкиръ имѣла ничтожную цѣнность, а при переходѣ ея въ частное владѣніе посредствомъ купчей крѣпости, немедленно пріобрѣтала цѣнность гораздо высшую. Въ виду этихъ причинъ казалось бы не возможно серьезно обвинять кого-либо въ низкой оплатѣ какъ башкирскихъ

волею частными лицами, такъ равно и занесеныя земля принадлежали въ собственность, если взглянуть на все это дѣло съ государственной точки зрѣнія обращенія къ промывательности вкупѣ оставшихся въ Уфимской губерніи свободныхъ земель, обнищанія безземельнаго края, распространенія земледѣльческой и промысловой дѣятельности, главнымъ же всего успѣху въ ней переселенческаго прироста.

Въ послѣднее время положеніе переселенцевъ на частныхъ земляхъ было крайне плачевно, въ виду возбужденія, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 9 мая 1878 года, дѣла объ уничтоженіи купчихъ крѣпостей на земли приобретенныя отъ Башкиръ съ отступленіемъ отъ законовъ установленныхъ правилъ и вообще при помощи злоупотребленій. Въ этомъ случаѣ поселенцы страдали болѣе частныхъ покупателей, не будучи нисколько виновными въ ихъ сдѣлкахъ. Приобрѣтая до изданія приведеннаго закона отъ землевладельца землю, на которую у него имѣлась купчая крѣпость, а часто и утвержденный планъ спеціального мѣжеванія, они, конечно, не сомнѣвались въ правѣ его отчуждать эту землю; до января же 1881 года все такіа земля совершились безъ затрещаній, почему купчихъ крѣпостей не было совершено, хотя бы поселенцы платили уже деньги; въ случаѣ же уничтоженія купчихъ крѣпостей нѣкоторые владельцы, продавшихъ имъ землю, они отступятъ въ критическое положеніе: деньги затрачены, а укрѣпленіе правъ собственности ихъ будетъ обусловлено еще многими случайностями, практическое разрѣшеніе которыхъ до сихъ поръ не замечено.

Это обстоятельство видимо ослабило пріимчивость переселенцевъ въ Уфимскую губернію, и съ 1879 года переселеніе почти прекратилось. Есть серьезное основаніе опасаться чтобы такое обстоятельство, едвавшись изчѣпиться, въ привлекательность конечно видѣ, въ тѣхъ губерніяхъ откуда ожидается главный притокъ переселенія, не прекратило бы его вовсе въ Уфимскую губернію.

Такое положеніе дѣла колонизаціи въ край убѣждаетъ въ необходимости правильной ея организаціи. Губернія богата превосходными землями, цѣнность ихъ въ настоящее время настолько еще низка что представляетъ полную возможность даже недостаточному крестьянину приобрести потребное количество земли; все ждетъ только притока рабочихъ силъ, и онъ непремѣнно будетъ, стоитъ лишь дать правительст

исходе этому дѣлу, регулировать все такъ чтобы не было никакихъ недоразумѣній, чтобы та и другая стороны имѣли возможность достигать своихъ выгодъ правильными законными путями, словомъ, чтобы дѣло шло не ощудью, а сознательно, чтобы участь переселенцевъ не подвергалась случайностямъ. Только при этомъ можно ожидать пользы для той и другой стороны и действительно громадныхъ выгодъ для южнаго края.

Прежде всего необходимо чтобы переселенцы или ихъ представители, прибывая въ губернію, имѣли возможность получить точныя свѣдѣнія о земельныхъ удобностяхъ для поселенія. Свѣдѣнія эти должны быть всегда готовы для представленія переселенцамъ и притомъ съ возможною подробностью, а именно: мѣстность въ которой находится продаваемый участокъ, планъ его, цѣнность земли, мѣстоимительство владѣльца и т. и. данныя. Словомъ сказать необходимо обязать обѣ стороны и дать полную возможность какъ крестьянамъ обходиться безъ помощи частныхъ посредниковъ, такъ и продавать землю покупателямъ. Съ другой стороны, нельзя вполнѣ предоставлять столь важное дѣло одной частной инициативѣ, но въ интересахъ обеихъ сторонъ, а также мѣстной администраціи, желая до извѣстной степени рѣшить эту, по сути имѣя постоянное наблюдѣніе за ходомъ колонизаціи, зачѣмъ—гдѣ и на какихъ условіяхъ она ведется, и отменять работу обѣмъ лишь тогда, когда она получаетъ крѣпостные акты на приобретаемую землю. При этомъ необходимо безусловно воспретить селиться на земляхъ до совершенія купчихъ крѣпостей или арендныхъ контрактовъ. Странно и мало существующаго порядка оказывается не то что крестьянамъ трудно уплатить одновременно все деньги за землю, потому по необходимости приходится откладывать совершеніе крѣпостныхъ актовъ; но очевидно что это только отсрочка, такъ какъ купчихъ крѣпости могутъ быть совершаемы одновременно съ залогомъ той же земли въ обезпеченіе уплаты разароченной суммы, и большихъ расходовъ это не вызываетъ. Для того же чтобы подобное правило действительно исполнялось, можно установить обязательное надѣленіе земель такихъ переселенцевъ которые допущены владѣльцами къ поселенію безъ крѣпостныхъ актовъ, а разрѣшенія могутъ возникнуть изъ этого споровъ предоставить мѣстнымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ. Правда что это было бы въ некоторомъ, хотя ничтожнымъ ограниченіемъ права

владѣльцевъ распоряженія собственностью, но въ законодательствѣ нашемъ есть уже не мало подобнаго рода исключеній, какъ напримѣръ законоположенія о банкирскихъ земляхъ. Въ данномъ случаѣ известная доля временной олеки не менѣе необходима, и можно утвердительно сказать что безъ нея дѣло переселенцевъ представить правительству въ будущемъ не мало затрудненій.

Изъ всего вышеизложеннаго видно что исполненіе столь сложной задачи возможно только при правильной организаціи настоящаго дѣла. Необходимо учредить особую кантору, въ которой сосредоточивались бы всѣ свѣдѣнія о колонизаціи губерніи. Кантора эта во всякомъ случаѣ должна быть приурочена къ правительственному учрежденію, всего ответственнѣе къ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, и снабжена достаточными матеріальными средствами. Было бы вполнѣ справедливо расходъ этотъ сдѣлать обязательнымъ для губернскаго земства, такъ какъ отъ успешнаго и скорѣйшаго заселенія непроизводительно лежащихъ теперь земель (миліоны десятинъ) зависитъ экономическое развитіе и будущее процвѣтаніе и богатство цѣлой губерніи.

Что касается водворенія переселенцевъ на казенныхъ земляхъ, то относительно исполненія § 1 Высочайшаго повелѣнія 28 января 1876 года, Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ еще въ 1876 году предполагало дать надлежачія указанія управленію государственныхъ имуществъ, вѣдѣніе чего губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, при участіи управляющаго, были выработаны подробныя соображенія по этому предмету и представлены бывшему Оренбургскому генералъ-губернатору, но дальнѣйшихъ распоряженій съ его стороны не послѣдовало. Предлагалось между прочимъ отвести, на первый разъ, въ Вироконъ и Стерлитамакскомъ уѣздахъ до 3.000 десятинъ и въ Уфимскомъ 1.000 десятинъ, о чемъ генералъ-адъютантъ Крыжановскій входилъ въ сношеніе съ министромъ Государственныхъ Имуществъ еще въ 1878 году, но и до сихъ поръ, для выказанной надобности, есть только около 2.000 десятинъ въ Аднагуловскомъ участкѣ, Белобеевскаго уѣзда, а ходатайства крестьянъ о водвореніи ихъ на казенныхъ земляхъ другихъ уѣздовъ остаются безъ послѣдствій. Хотя число прішедшихъ въ Уфимскую губернію переселенцевъ, имѣющихъ право на полученіе надѣла изъ казенныхъ земель, сравнительно

съ кооплюирующими на надѣльныхъ земляхъ весьма незначительные, но ограничивать водвореніе ихъ въ одномъ только мѣстѣ едва ли было бы практично, такъ какъ многіе изъ нихъ уже временно завелись хозяйствомъ на арендуемыхъ погодно земляхъ, частныхъ и даже казенныхъ, въ разныхъ уѣздахъ, и безусловное переселеніе на Адвагуловской участокъ, за 100 и болѣе верстъ, было бы для нихъ недосильно, не говоря уже про то что 2.000 десятинъ окажется недостаточ-но для надѣленія всѣхъ ихъ земель.

Въ настоящее время всѣхъ живущихъ въ Уфимской губерніи переселенцевъ можно раздѣлить на три категоріи: 1) людей купившихъ на новомъ мѣстѣ жительства земли въ собственность и омытившихъ ихъ сплошью; 2) людей проживающихъ на земляхъ смятыхъ или въ аренду на 9ти и 12тилѣтніе сроки, и 3) на людей нигдѣ прочно не водворившихся. Что касается переселенцевъ первой категоріи, то безспорно эти люди представляютъ собою одинъ изъ лучшихъ и желаемыхъ видовъ прироста населенія въ губерніи. Люди эти, переселяясь обыкновенно цѣлыми обществами, съ извѣстными средствами, въ непродолжительномъ времени устраиваются довольно и благодаря прекрасному качеству приобретенной ими земли, весьма скоро богачеютъ. Въ нравственномъ отношеніи люди эти не оставляютъ желать ничего лучшаго, но къ социальнѣе такихъ переселенцевъ весьма мало въ губерніи: Вторая категорія переселенцевъ, поселившихся на арендуемыхъ земляхъ, находится далеко не въ такомъ экономическомъ положеніи какъ первая. Обрадовавшись что имъ удалось вырваться изъ прежней тѣсноты и неприступной дороговизны земли на свободу, люди эти на новыхъ мѣстахъ поселенія мало беспокоятся о своемъ будущемъ, не видятъ особой нужды въ перечисленіи и живутъ по паспортамъ, а весьма часто даже и безъ нихъ. Благодаря переселенцамъ этого рода, ежегодно возникаютъ въ Уфимской губерніи десятки новыхъ почишковъ и цѣлыхъ деревень заселенныхъ самыми разнообразными людьми и существованіе которыхъ открывається только случайно по прошествіи немалаго времени. Правильное отношеніе администраціи и земства къ такимъ переселенцамъ невозможно: натуральныхъ повинностей они вовсе не отбываютъ, а денежные годъ изъ года накапливаются; установленные закономъ порядки для призрѣнія неспособныхъ, для обезпеченія продовольствія и для страхованія оказываются непримѣнимыми. Хлѣбныхъ запасовъ

у нихъ нѣтъ, отуды въ продолжительныхъ казенностяхъ для нихъ не доступны, за невозможностью составить общерусскій приговоръ; по той же причинѣ у нихъ весьма мало преданіе порядка въ строеваніяхъ и пожарномъ отнѣшеніи и вообще все то что надравумывается подъ общимъ названіемъ благоустройства. Въ виду такого ненормальнаго положенія этого рода поселенцевъ въ губерціи, если не будутъ своевременно приняты мѣры, люди эти въ недалекомъ будущемъ могутъ лечь тяжелымъ бременемъ на губернію. Пока земля не выпала изъ рукъ, пока ея вѣденье, пользование еще въ первые годы ихъ поселенія лучше чѣмъ было на северѣ, но всеиредѣлимость отнѣсеній или къ саботажничеству земель наводитъ на весьма серьезный вопросъ: что останется отъ этихъ переселенцевъ не хотѣвшихъ арендовать сроки, возможно ли будетъ тогда возвращеніе ихъ на родину и не придется ли прилучившемуся вопросу къ нимъ, возвратиться въ Уфимскій край? Наконецъ третья категория людей добывающихъ въ Уфимскую губернію подъ предлогомъ переселенія состоитъ преимущественно изъ рудыныхъ, оловяныхъ, часто орудиремывающихся на разныя губерніи. Люди эти нѣдѣ не поселаются, даже при предлагаемыхъ имъ самыхъ выгодныхъ условіяхъ, а переходятъ со своимъ жалкимъ пожиткамъ съ одного мѣста на другое, перемѣняя подъ видомъ обдѣлывающихъ во время дороги переселенцевъ мѣсто; иногда же берутъ какъ бы въ аренду клочокъ земли, вспашутъ ее, всѣтуютъ отнѣсами и, убравъ жатву, уходятъ на заработки условленной арендой. суммы. Этого рода переселенцевъ мѣстные жители весьма удачно называютъ *сатурналы* и смотрятъ на нихъ какъ на людей создавшихъ себя подъ предлогомъ переселенія особую профессию эксплуатантовъ людей марковердныхъ.

IV.

Лѣса въ Уфимской губерціи занимаютъ около 5,000,000 десятинъ, то-есть почти половину всей ея площади. Достоинство этого чтобы судить какое важное значеніе представляетъ здѣсь эксплуатация лѣсовъ на настоящемъ и для участія въ будущемъ. Самый капиталъ губерціи, орошеніе ея богатой черноземной почвой и несомнѣнные въ средней Россіи урожаи обуславливаются именно обиліемъ лѣсовъ. Но какъ бы

ли было велико лѣсное богатство, оно конечно не может считаться неисчерпаемымъ, и быстрое потребление здѣсь лѣсныя начинала уже заметно давать себя чувствовать.

Банкирскія лѣса составляютъ около $\frac{2}{3}$ всей лѣсной площади въ губерніи, следовательно отъ того или отъ другаго положенія ихъ зависитъ будущее здѣшняго края, что придаетъ вопросу о банкирскомъ лѣсномъ хозяйствѣ государственную важность. Если вообще въ Россіи лѣсное хозяйство не развивалось на рациональную почву, то у Башкиръ, по неравности ихъ еще далекимъ отъ лоскутанія какъ важнымъ значенія имѣеть, такъ и правильного хозяйственнаго распоряженія ими, оно находится въ первобытномъ состояніи и ведется хищническимъ способомъ: общества вотчинниковъ отдають промышленникамъ-спекуляторамъ на срубъ за совершенный бездѣлюкъ, за одинъ или за два рубля съ десятины, огромныя пространства своихъ лѣсныхъ дачъ. Въ жеманскихъ такъ выгодно уничтожать банкирскіе лѣса конечно недостатка нѣтъ. Не менѣе если не болѣе опустошеній производятъ ежегодно промышленники замиммоціею выдѣлкой такъ называемыхъ лѣсныхъ издѣлій, для которыхъ одирается кора съ молодыхъ деревьевъ, въ количествѣ которое и опредѣлить трудно. Лѣсные пожары, производимые дуретнущими у Башкиръ обычаями каждую весну сжигать старую траву чтобы дать возможность лучше и скорѣе вырасти мовой, представляютъ въ башкирскихъ дачахъ явленіе до такой степени обыкновенное что не возбуждаютъ въ дачникахъ ни малѣйшей тревоги. Башкиры смотрятъ на лѣсные пожары совершенно равнодушно; о мѣркахъ и стараніяхъ къ прекращенію ихъ со стороны Башкиръ не можетъ быть и рѣчи: лѣса у нихъ горятъ до тѣхъ поръ пока пожаръ не прекратится самъ собою. Каждый Башкиръ вотчинникъ въ частности считаетъ себя въ правѣ рубить лѣсъ въ своей дачѣ въ качествѣ собственности и продавать его еще дешевле чѣмъ продають общества или обмѣнивать на чай, сахаръ и проч. Это самый распространенный между Башкирами лѣсныхъ мѣстностей способъ добывать деньги, чай и прочіе предметы необходимости и роскоши. Беззаботность Башкиръ, этихъ фаталиствъ-магометанъ, къ улучшенію средствъ собственнаго существованія даже въ ближайшемъ будущемъ перешла въ видъ общинной неопровержимой истины даже въ народные разказы. Въ одномъ изъ этихъ

разказовъ яркими красками изображается вѣроятъ съ неразвѣстностію Башкиръ и ихъ лѣсъ, то равнодушію съ какими они относятся къ своимъ лѣснымъ богатствамъ; въ немъ говорится какъ Башкиръ рубить у корня встречающіяся въ его лѣсахъ плодовые деревья для того чтобъ удобнѣе и легче собрать съ нихъ плоды. Судьба отдала Башкирамъ лучшіе лѣса въ край какъ бы нарочно для того чтобъ они уничтожили ихъ и превратили край въ сплошную степь, и недѣля не сознаться что они уснѣли уже очень многое сдѣлать въ этомъ отношеніи и энергически продолжаютъ разрушительное для края истребленіе лѣсовъ. Печальные результаты такого крайняго безпорядка въ лѣсномъ хозяйствѣ уже обнаруживаются: обширныя лѣсныя пространства уже вырублены, цѣны на лѣсъ и дрова ежегодно повышаются, а рѣки и источники высыхаютъ. Существуетъ твердое убѣжденіе что нѣсколько разъ повторявшіеся урожаи въ Уфимской губерніи слѣдуетъ приписать сплошной вырубкѣ лѣса и выжиганію вырубленныхъ пространствъ. Надо согласиться что при такихъ обстоятельствахъ оставлять на будущее время лѣсное хозяйство въ башкирскихъ дѣлахъ въ вышеизложенномъ положеніи его невозможно безъ всякаго ущерба интересамъ края и государства.

Съ тридцатыхъ годовъ начинается рядъ правительственныхъ мѣропріятій къ предупрежденію безпорядочнаго истребленія башкирскихъ лѣсовъ, но опытъ показалъ что это не такъ легко. Вообще настоящій предметъ представляется весьма сложнымъ и въ дѣлѣ предупрежденія чрезмѣрной вырубкы лѣсовъ въ башкирскихъ дѣлахъ при вышеизложенныхъ правилахъ администрація встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія въ самомъ существѣ этого дѣла.

Рубка башкирскихъ лѣсовъ, какъ сказано выше, производится двумя путями, чрезъ отдачу въ аренду лѣсныхъ участковъ постороннимъ лицамъ и кромѣ того сами Башкиры рубятъ лѣсъ для собственной надобности и въальней продажѣ. Въ первомъ случаѣ для руководства служить 20 ст. Высочайше утвержденныхъ 10 февраля 1869 года правилъ объ отдачѣ въ кортому башкирскихъ земель, которымъ установлено чтобы при отдачѣ въ аренду лѣсныхъ участковъ на каждый годъ дозволялось къ вырубкѣ не болѣе $\frac{1}{100}$ части всего лѣса принадлежащаго вотчинникамъ, не включая въ это число лѣсныхъ участковъ состоящихъ въ душевомъ надѣлѣ

общества концы оне оные распоряжается. Буквальное исполненіе этого правила потребуетъ много времени и немалыхъ денежныхъ затратъ на размежеваніе башкирскихъ лѣсовъ, чего до сихъ поръ нигдѣ не сдѣлано, а между тѣмъ, именно въ лѣсныхъ мѣстностяхъ доходъ отъ лѣса составляетъ единственный источникъ существованія Башкиръ, лишеніе котораго на годъ или на два поставитъ ихъ въ безвыходное положеніе, не говоря уже про дачи не размежеванныя, гдѣ опредѣленіе площади лѣсовъ (ст. II) которые должны будутъ остаться въ исключительномъ распоряженіи вѣнчанниковъ представляется практически невозможнымъ, и слѣдовательно требованіе здѣсь буквального исполненія 90 ст. на долгое время оставитъ Башкиръ безъ куска хлѣба. Какъ бы то ни было, но нельзя не признать что даже и строгое исполненіе правила объ отдачѣ въ аренду только $\frac{1}{10}$ части всего лѣсного пространства въ практикѣ далеко не представляетъ гарантіи правильной эксплуатаціи лѣсовъ. По существующимъ узаконеніямъ Башкиры не лишены права сами пользоваться лѣсомъ, то-есть рубить его для своей надобности, не сдавая въ аренду. Этими-то путемъ они обходятъ стѣснительней для нихъ законы, а правильная аренда лѣсовъ по контрактамъ, подчиненная контролю (ст. 26), составляетъ лишь необходимую формальность. Обыкновенно дѣлается такъ что лѣсопромышленникъ только для вида арендуетъ небольшой участокъ, устраиваетъ на немъ лѣсную пристань, и сюда Башкиры сами свозятъ вырубленный ими лѣсъ; когда же приходится обращаться къ лѣсаннѣ за полученіемъ билета на сплавъ, лѣсопромышленникъ показываетъ этотъ лѣсъ кулачскимъ по волнамъ дѣламъ на базарахъ, чѣмъ избавляется даже и отъ уплаты его установленными пошлинами въ пользу мірскаго канцлала. При бышемъ башкирскомъ управленіи существовали особая правила о порядкѣ пользованія башкирскими лѣсами не ежегодно разрешаемымъ окѣтамъ, независимо отъ отдачи въ аренду лѣсовъ по контрактамъ. По правиламъ этимъ, дѣйствовавшимъ до 1869 года и при переходѣ Башкиръ въ завѣдываніе мировыхъ учрежденій, вѣнчанники обязаны были ежегодно составлять приговоры о предполагаемомъ къ вырубкѣ и заготовленію какъ на домашнія потребности, такъ и на продажу количества лѣса и лѣсныхъ надѣловъ, съ установленіемъ пошлины съ назначаемого на продажу строевого лѣса. Приговоры эти

и количество выработанныхъ лѣсныхъ издѣлій погравально-мировыми посредниками, которымъ было предоставлено право уменьшать размеры назначаемыхъ къ вырубкѣ количества лѣса, если оказывалось что смѣтное предположеніе вело къ оскуднѣнію лѣсовъ въ данѣ. Въ 1867 году губернскае по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе возбуждало вопросъ о порядкѣ пользования башкирскими лѣсами, на что бывшій оренбургскій генералъ-губернаторъ, предложившемъ съ 8 іюля 1867 года за № 4561, данъ знать что слѣдуетъ руководствоваться установленными на этотъ предметъ въ 1868 году правилами, впродѣ до разрѣшенія возбужденнаго ими вопроса о смѣтѣ правительственной ошкѣ съ башкирскими вотчинными землями, и такъ какъ такое послѣдовало съ издѣніемъ Высочайше утвержденнаго 10 февраля 1869 года правила, то съ тѣхъ поръ прекратилось и участіе мировыхъ посредниковъ въ этомъ дѣлѣ, исключая обязанности проверки приговоромъ объ отдалѣ въ аренду башкирскихъ земель, въ томъ числѣ и лѣсовъ; влѣдствіе чего билеты на смѣль лѣсныхъ издѣлій изъ строеваго лѣса, поименно ихъ, выдаются одною полиціей. Между тѣмъ существовавшій прежде порядокъ эксплуатаціи лѣсовъ не смѣняемъ назначеніемъ продолжаетъ прѣстѣваться, хотя и въ измѣненномъ видѣ. Обыкновенно Башкиры даютъ приговоръ лѣсопромышленнику, что они дозволяютъ ему выработать извѣстное количество лѣсныхъ издѣлій на прострѣствѣ въ означенныхъ урочищахъ, не превышающемъ $\frac{1}{30}$ части всей лѣсной площади, но съ тѣмъ что выработка эта дѣлается производится самимъ Башкирами по условленному въ приговорѣ цѣнѣмъ. Такимъ образомъ здѣсь Башкиры не только имѣютъ въ виду выручку денегъ за лѣсной матеріалъ, но и обезпечиваютъ себѣ заработокъ на всю зиму, причѣмъ впрочемъ доходъ распределяется крайне не равномерно, такъ какъ бѣдняки, не имѣющіе и ло одной лошади, осмѣются въ сторону, стало-быть имѣть нѣтъ и доли въ выгодахъ отъ такой продажи лѣса. Часто самая уплата за лѣсной матеріалъ и трудъ перевозки его производится тѣмъ же хищническимъ способомъ: Башкиры получаютъ расчетъ не наличными деньгами, а чаемъ, сахаромъ, мукой и т. п. продуктами по такимъ цѣнамъ которыя уменьшаютъ до невозможнаго и безъ того небольшія выгоды. Хотя лѣсъ и вообще издѣлія выработываемыя по такимъ приговорамъ, судѣтельствуемымъ непрѣмывнымъ членомъ, подвергаются

сдѣлать земляки, не самая зарубка ведется конечно безпорядочно по всей дачѣ, гдѣ только удобнѣе, такъ какъ рубить сами Башкиры и стало-быть возмѣшенія о злоупотребленіяхъ не отъ кого ждать. Часто такіе приговоры даются въ одной дачѣ нѣсколькимъ агропромышленникамъ, съ тѣмъ лишь расчетомъ чтобъ отведенныя участки въ общей сложности не превышали $\frac{1}{50}$ части всей дѣловой площади, а затѣмъ уже конечно дѣло рубится безъ разбора. Здѣсь-то и представляется почти полная невозможность предупредить злоупотребленія. Истребленіе дѣсовъ особенно замѣтно по берегамъ славянскихъ рѣкъ, которыя оголались уже на 20 и болѣе верстъ. Дачѣ рубка производится на выборѣ; если же предугадана большой участокъ по контракту, что бываетъ являть въ дачахъ съ кореномъ сохранившимся дѣсомъ и особенно цѣннымъ, то тутъ дѣло рубается уже вѣдливо, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ Башкиры получаютъ голое поле, покрытое одними глинами и заваленное срубленными сучьями и вершинами, загадывающими молодые побѣги, или умирающими безъ коры деревьями.

Правда существующія для охраненія частныя дѣла отъ самовольныхъ зарубокъ достигаютъ известной дѣлности потому что въ примѣненіи ихъ заинтересованы владѣльцы, но что можно сдѣлать, когда зарубщиками являются сами собственники, когда имѣетъ въ безконтрольномъ употребленіи дѣсовъ Башкиры, не имѣющіе понятія о пользѣ правдыго хозяйства, вѣдать свое искусство. Такимъ образомъ, не дѣло сводится къ общему вопросу объ установленіи слѣди надъ дѣсами частныя владѣльцевъ, но вѣдливо на охраненіе чуждыми башкирскіе дѣла, въ этомъ случаѣ, трудно будетъ подвести подъ общія правила, трудно имѣнно потому что пока Башкиры не прекратятъ изъ избытка дѣсовъ, дѣла будутъ восполнять главныя источники ихъ существованія и, следовательно, по необходимости придется отнестись крайне осторожно къ установленію какихъ бы то ни было ограниченій въ этомъ отношеніи.

Въ ноябрѣ 1879 года, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, вида свое бессиліе предупредить постоянныя злоупотребленія со стороны эксплуататоровъ башкирскихъ дѣсовъ, вынужденнымъ намъ пришлось предложить всемъ непремѣннымъ членамъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, при повѣркѣ приговоровъ безусловно настаивать на буквальномъ исполненіи 20 ст. правилъ 10 февраля 1869 года,

то-есть чтобы предварительно разрѣшенія Башкирамъ отдавать въ аренду лѣсные участки, требовати точнаго подсчета площади всѣхъ лѣсовъ въ дачѣ и затѣмъ разграниченія ихъ на 50 лѣсовъ въ натурѣ, инструментальнымъ способомъ; но въ то же время было доведено до свѣдѣнй бывшаго оренбургскаго генералъ-губернатора что это во многихъ мѣстностяхъ лишить Башкиръ права пользоваться ихъ собственностью.

Во всякомъ случаѣ, впредь до установленія болѣе определенныхъ правилъ, полезно бы было какъ можно скорѣе принять слѣдующія мѣры:

1) Устранить возможность скупать строевой лѣсъ въ башкирскихъ дачахъ доставляемый на пристани лѣсопромышленниковъ, дозволивъ продавать на базарахъ лѣския издѣлйя, за исключенiemъ строеваго лѣса.

2) Возвратиться опять къ прежнему дѣйствовавшему правилу о выработкѣ лѣсныхъ издѣлйя по сибѣтымъ назначенямъ тамъ, гдѣ Башкиры признаютъ это выгоднѣе отдачи въ аренду лѣсныхъ участковъ по правиламъ 10 февраля 1869 года, и допустить въ исключительныхъ случаяхъ уладныхъ присутствй къ свидѣтельству ежегодно вырабатываемыхъ лѣсныхъ издѣлйя, по приговорамъ Башкиръ.

3) Такъ какъ и при этомъ, до известной степени, возможны будутъ злоупотребленя, то-есть примѣрно $\frac{1}{50}$ часть всей лѣсной площади будетъ сдаваться частью въ аренду, а частью эксплуатироваться по сибѣтымъ назначенямъ, причемъ лѣсопромышленники, скуная лѣсъ, могутъ показывать его вырубленнымъ изъ арендованнаго участка, то озаботиться по крайней мѣрѣ чтобы башкирскя общества равномерно получали выгоду отъ рубки лѣса и вообще выработки лѣсныхъ издѣлйя. Для этого вмѣстивать пошляны не пропорционально суммѣ определенной въ контрактѣ за аренду участка, а установить въ каждой дачѣ таксу для взиманя ихъ по количеству и роду издѣлйя какія окажутся на пристани предъ сплавомъ.

4) Въ предупрежденіе же возможности полнаго истребленя башкирскихъ лѣсовъ полезно бы было въ каждой дачѣ отдѣлить определенную площадь (хотя бы $\frac{1}{50}$ часть), въ которой совершенно воспретить рубку лѣса.

Принимая затѣмъ во вниманіе что были уже случаи что сами Башкиры охотно уступали свои лѣса въ казну на улагу состоящихъ за ними податныхъ недоимокъ и для обезпеченя будущихъ платежей, нельзя не желать чтобы начатое

уже дѣло пріобрѣтенія этихъ лѣсовъ въ казну (починъ чему положенъ Высочайшимъ повелѣніемъ послѣдовавшимъ въ 14 день іюля мѣсяца 1875 года о принятіи 10.000 десят. отъ Башкиръ Азнаевской волости, Стерлитамакаго уѣзда), въ интересахъ Башкиръ, казны и цѣлаго края, получило болѣе широкое развитіе.

V.

Обозрѣвъ въ настоящей статьѣ, съ возможною подробностію, всѣ виды земельного вопроса въ Уфимской губерніи, сохраняя убѣжденіе что въ настоящее время правительство не считаетъ необходимымъ измѣнить въ чемъ-либо существенныя основы установленнаго порядка, опредѣляющаго земельныя права вотчинниковъ и прилущенниковъ, какъ принявшаго уже къ большинству башкирскихъ дачъ (имѣ 6.563.561 десят., окончательно размежевано 2.985.228 десят.). Постараемся, въ заключеніе, изложить здѣсь главныя стороны земельного вопроса какъ онъ стоялъ до конца 1881 года и какіе по нашему мнѣнію требуетъ скорѣйшихъ радикальныхъ мѣропріятій.

Земельный вопросъ въ Уфимской губерніи, заселенный преимущественно ивородцами (515.000 душъ муж. пола), по особенноти правъ послѣднихъ на землю представляется настолько исключительнымъ что принятіе къ нему общихъ законовъ часто ставится совершенно невозможнымъ, отъ чего происходитъ съ каждымъ годомъ увеличивающаяся запутанность поземельныхъ отношеній. Здѣсь идетъ рѣчь не о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ, устройство быта которыхъ въ Уфимской губерніи почти уже окончено, по опредѣленнымъ и точнымъ правиламъ Высочайше утвержденаго Положенія 19 февраля 1861 года. Все что остается еще желать для окончательнаго упроченія ихъ быта имѣетъ общій характеръ; тѣмъ не менѣе бывшіе крѣпостные самый сложнѣйшій элементъ въ средѣ земледѣльческаго населенія губерніи. Совершенно иное представляетъ огромная масса поселянъ проживающихъ на башкирскихъ земляхъ. Дать имъ всѣмъ узаконенное поземельное устройство и прекратить споры и распри, тянущіеся нѣсколько столѣтій, это такая задача которая требуетъ большаго напряженія правительственныхъ силъ и во всякомъ случаѣ недостижимая, если обратить спорящихъ исключительно къ одному только общему

судебному порядку. Такой именно взглядъ давно уже былъ усвоенъ правительствомъ, и Высочайшимъ указомъ 10 апрѣля 1832 года дѣло повсемельнаго устройства Башкиръ и ихъ принужденниковъ изъято изъ вѣдѣнія суда и представлено административнымъ учрежденіямъ, причемъ на послѣднія возложено и опредѣленіе юридическаго значенія документовъ имѣющихся на рукахъ у сказанныхъ поселенцевъ. То же начало перешло и въ Высочайше утвержденное 10 февраля 1869 года мѣненіе Государственнаго Совѣта о размежеваніи башкирскихъ земель. Въ своемъ послѣдовательномъ развитіи дѣло это съ перескоками его отъ одного учрежденія къ другому значительно ускложилось, а рядъ новыхъ законоположеній относительно правилъ принужденниковъ, принадлежащихъ къ разнымъ вѣдомствамъ, особенно бывшаго военнаго званія, подготовилъ почву для особаго рода недоразумѣній, не имѣвшихся въ виду при первоначальномъ направленіи дѣла.

Въ ряду явленій неизвѣданнымъ богатокрѣпленію на ходѣ дѣла размежеванія башкирскихъ земель первое мѣсто принадлежитъ возмѣнѣ въ 1874 году двойственности рѣшениій относительно правъ поселенцевъ водворившихся въ башкирскихъ дачахъ, подорвавшей довѣріе населенія къ прочности правительственныхъ распоряженій по ихъ повсемельному устройству. Уфимская палата уголовнаго и гражданскаго суда съ 1874 года стала признавать иски принужденниковъ къ возмѣнѣмъ съ укрѣпленія за первыми права собственности на занимаемая земли, не закладу давностнаго владѣнія, но урѣчицамъ означеннымъ въ старинныхъ договорахъ, несмотря на то что истцы раньше уже признаемы губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ принужденниками, а договоры ихъ не имѣющими никакого значенія. Палата не останавливалась на такомъ важномъ дѣлѣ даже въ виду массы указовъ Правительствующаго Сената, которыми она признавала домогательства поселенцевъ въ башкирскихъ дачахъ съ укрѣпленіемъ за ними земель по договорамъ не подлежащимъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ. Результатомъ этого было то что въ одномъ только Златоустовскомъ уѣздѣ сдѣлалось невозможнымъ размежеваніе трехъ дачъ заключающихъ въ себѣ около 700.000 десятинъ, и въ двухъ большихъ дачахъ Бирскаго уѣзда остановилось приведеніе въ исполненіе утвержденныхъ уже и вошедшихъ въ законную силу раздѣльныхъ актовъ. Очевидно что законъ о давностномъ владѣніи не можетъ быть

примѣняемо къ землямъ занимаемымъ башкирскими прилущенниками, такъ какъ при самомъ изданіи спеціальныхъ правилъ о размежеваніи башкирскихъ дачъ имѣлось въ виду что большинство прилущенниковъ продолжаютъ владѣть землями послѣ того какъ договоры по которымъ они поселились утратили свою силу; однако въ Высочайше утвержденномъ 10 февраля 1869 года мѣстнѣ Государственнаго Совѣта (стт. 13—18) съ точностію указано въ какомъ случаѣ они могутъ быть отнесены къ разряду собственниковъ и прямо выражено что земли не укрѣпленныя за ними по крѣпостнымъ актамъ или судебнымъ рѣшеніямъ поступаютъ въ раздѣлъ. Для прекращенія такого ненормальнаго положенія, возбуждено ходатайство о воспрещеніи судебнымъ мѣстамъ принимать искъ прилущенниковъ о землѣ и объ оставленіи опредѣленія ихъ правъ на учрежденіи завѣдующемъ лоземельнымъ устройствомъ по спеціальному закону 10 февраля 1869 года; но вопросъ этотъ въ теченіе шести лѣтъ не получалъ еще разрѣшенія, а между тѣмъ палата уголовного и гражданскаго суда, послѣ нѣкотораго промежутка, снова начала принимать такіе искъ, съ тою только разницею что теперь она ставитъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе въ положеніе отвѣтчика. Такъ, въ августѣ 1881 года, палата приняла искъ прилущенниковъ изъ государственныхъ крестьянъ села Аскина, Бирскаго уѣзда, къ губернскому присутствію, въ суммѣ 60.000 р., о признаніи ихъ собственниками земли въ башкирской дачѣ и потребовала объясненія въ мѣсячный срокъ, чрезъ присылку повѣстокъ, что вынудило послѣднее войти съ представленіемъ въ Правительствующій Сенатъ (рапортъ отъ 31 августа за № 838) о разъясненія палатѣ неосновательности ея дѣйствій. Одного этого достаточно чтобы судить въ какомъ положеніи находятся мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія въ Уфимской губерніи по отношенію къ настоящему дѣлу и о томъ, насколько подорванъ авторитетъ ихъ въ средѣ поселянъ проживающихъ въ башкирскихъ дачахъ. Теперь никто изъ прилущенниковъ не придаетъ значенія актамъ опредѣляющимъ ихъ лоземельное устройство по правиламъ 10 февраля 1869 года, зная что можно еще вести дѣло судебнымъ порядкомъ и не имѣя законныхъ документовъ доказать безспорное владѣніе землей въ теченіе многихъ земскихъ давностей. Есть примѣры, гдѣ прилущенники, отъ которыхъ требовались подписки въ исполненіи рѣшенія

непремѣннаго члена о предѣлахъ пользованія землей, приносить жалобы губернскому прокурору, доказывая что дѣйствія непремѣннаго члена и полиціи противорѣчатъ закону, такъ какъ споры о принадлежности недвижимаго имущества подлежатъ разрѣшенію судебныхъ мѣстъ. Мысль о правѣ давностнаго, безспорнаго владѣнія, вселенная въ массу заинтересованныхъ поселянъ такими рѣшеніями судебного мѣста, остающимися до сихъ поръ въ своей силѣ, нашла себѣ почву и въ средѣ прилуцвенниковъ бывшаго военнаго званія, недовольныхъ измѣненіемъ своего положенія противу того въ какомъ они находились до изданія правилъ 10 февраля 1869 года. Высочайшимъ указомъ 10 апрѣля 1832 года было постановлено: Мецераковъ, телтарей и бобылей, какъ занимающихся болѣе скотоводствомъ, или несущихъ казачью службу, надѣлать изъ башкирскихъ дачъ по 30 десятинъ на душу седьмой ревизіи. Такимъ образомъ прилуцвенники военнаго званія получили землю въ пропорціи признанной необходимою для ихъ собственнаго хозяйства, и какъ выше сказано, объ уменьшеніи этого надѣла для какой бы то ни было надобности не было еще рѣчи. Затѣмъ Высочайше утвержденными мѣстами Государственнаго Совѣта 27 декабря 1848 года и 10 июня 1857 года, установлены уже ограниченія права владѣнія прилуцвенниками военнаго званія надѣлами въ 30 десятинной пропорціи, часть которыхъ по распоряженію башкирскаго начальства заселялась прилуцвенниками малоземельныхъ дачъ. Наконецъ, по правиламъ 10 февраля 1869 года, установлено уже отводить сказаннымъ прилуцвенникамъ по 15 десятинъ на душу седьмой ревизіи и такое же количество соответственно числу ихъ душъ отчислять въ запасъ въ распоряженіе управленія государственныхъ имуществъ; въ дачахъ же размежеванныхъ, или окончательно согласованныхъ бывшею Башкирскою комиссіей, производится отрѣзка изъ отведенныхъ уже каждому селенію надѣловъ. Нѣкоторыя изъ дачъ были согласованы въ пятидесятыхъ годахъ, слѣдовательно, тамъ гдѣ не было приселеній, прилуцвенники долгое время безпрепятственно пользовались полными тридцати-десятинными надѣлами и привыкли считать ихъ уже своею собственностію. Естественно что когда двадцать лѣтъ спустя приступали къ отрѣзкѣ половины ихъ надѣловъ, они не могли отнестись къ этому равнодушно, но на первыхъ порахъ весь протестъ ихъ ограничивался отказомъ отъ подписанія актовъ и массою жалобъ во всѣ

плотанціи, до главнаго комитета, объ устройствѣ сельскаго состоянія, каковыя, конечно, оставались безъ послѣдствій. Приселеніе прилуценниковъ изъ малоземельныхъ дачъ производилось при бывшемъ башкирскомъ управленіи принудительно и въ то время могло безпрелатственно совершаться, благодаря широкимъ размѣрамъ власти башкирскаго начальства надъ подвѣдомственнымъ населеніемъ. Съ другой стороны, инородцы относились до нѣкоторой степени благодушно къ такимъ же какъ они пришельцамъ, входившимъ въ составъ ихъ обществъ, да и вообще подобныхъ заселеній было сравнительно немного. Но вотъ съ 1876 года началась продажа свободныхъ запасныхъ земель чиновникамъ, которые явились чрезъ это близкими сосѣдями прилуценниковъ, занявъ земли бывшія долгое время въ ихъ пользованіи. Помянуто что прилуценники должны были почувствовать для себя стѣсненіе. Примириться съ лишеніемъ прежняго простора они вдругъ не могли, и вотъ начались новыя попытки отстоять размѣры прежнихъ надѣловъ, только уже въ другой формѣ. Замѣчено что въ дачахъ гдѣ отрѣзки запасныхъ земель находились нѣкоторое время въ распоряженіи управленія государственныхъ имуществъ, которое слѣдовательно уже эксплуатировало ихъ, прилуценники легче и миролюбивѣе перенесли появленіе новыхъ сосѣдей; тамъ же гдѣ участки продавались непосредственно вслѣдъ за вымежеваніемъ, — а это сдѣлано во многихъ дачахъ, — новыя владѣльцы встрѣтили полную враждебность со стороны прилуценниковъ, и немедленно начались самовольные захваты отошедшихъ къ покупателямъ угодій, дѣсьныя лорубки, буйства и т. п.

Съ конца 1880 года, что совпадаетъ съ появленіемъ газетныхъ статей трактовавшихъ о расхищеніи башкирскихъ земель, * возбужденіе инородческаго населенія приняло крайніе размѣры: такъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда предлегалось приступить къ размежеванію Илькульмино-Кузьальминской дачи, въ Белебеевскомъ уѣздѣ, то населеніе оказало сопротивленіе мѣстной полиціи, и только наступленіе зимней снѣжной погоды заставило отложить работы. Въ виду исключительнаго положенія дѣла, ревизовавшій Уфимскую губернію, членъ Государственнаго Совѣта сенаторъ

* Нумера газетъ съ помянутыми статьями имѣлись у многихъ Башкиръ.

Ковалевскій ускорилъ свой прѣздъ въ губернію *. Предлагалось сначала что сенаторъ лично отправится въ выше-сказанную дачу и разъяснить ивородцамъ незаконность ихъ дѣйствій, но затѣмъ, по отъѣздѣ его въ городъ Оренбургъ, отъ генералъ-губернатора было получено отъ 2 апрѣля предложеніе основанное на соглашеніи съ г. Ковалевскимъ, приступить къ размежеванію другихъ земельныхъ дачъ въ губерніи, межеваніе же Илькиульмино - Кульпальминской дачи, жители которой оказали къ тому сопротивленіе, отложить до будущаго времени. Принявъ такое распоряженіе къ точному исполненію, я счелъ долгомъ моей совѣсти, въ письмѣ отъ 15 апрѣля, за № 944, изложить предъ генералъ-губернаторомъ личныя мои соображенія о томъ что изыятіе поманутой дачи изъ межеванія можетъ породить много безпорядковъ въ средѣ башкирскаго населенія и столкновеній между припущенниками и частными владѣльцами и укрѣпить въ припущенникахъ увѣренность въ справедливости ихъ убѣжденія въ томъ что земли отошедшія отъ нихъ въ запасъ будутъ имъ возвращены. Копія съ этого письма была послана тогда же г. Ковалевскому, но онъ не измѣнилъ сдѣланнаго распредѣленія межевымъ работамъ въ губерніи, несмотря на письмо къ нему генералъ - адъютанта Крыжановскаго, отъ 22 апрѣля, о необходимости сдѣлать какое-либо иное распоряженіе относительно Илькиульмино - Кульпальминской дачи и предупреденія что *имаче будетъ не хорошо*. Результатомъ былъ общій отказъ припущенниковъ, въ тѣхъ дачахъ куда посланы были для межеванія межевые чины, повиноваться ихъ распоряженіямъ; причеиъ припущенники ссылались на то что они подали прошенія сенатору, который обѣщавъ будто

* Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1880 я лично докладывавъ бывшему оренбургскому генералъ-губернатору о необходимости скорѣйшаго прѣбѣдствія въ Уфимскую губернію ревизующаго сенатора, въ виду того обстоятельства что, не зная какой выгладъ онъ имѣеть на земельный вопросъ вообще въ губерніи, нельзя будетъ до его прѣбѣдствія приступить къ размежеванію Илькиульмино-Кульпальминской дачи. Генералъ-губернаторъ, какъ увѣдомилъ меня въ декабрѣ за № 4457, сообщивъ объ этомъ бывшему министру Внутреннихъ Дѣлъ графу Лорисъ-Меликову, вслѣдствіе чего г. Ковалевскій прѣбѣдствилъ въ городъ Уфу 3 февраля 1881

бы имъ что вся земля будетъ ихъ. Таковыя ихъ объясненія имѣли нѣкоторую долю основанія: ни для кого въ губерніи не было секретомъ что инородческое населеніе, возбужденное газетными статьями, питаетъ надежду что съ прибытіемъ ревизующаго сенатора, земли отошедшія въ запасъ и проданныя чиновникамъ на льготныхъ условіяхъ будутъ имъ возвращены. О такомъ настроеніи умовъ у инородцевъ мною немедленно было доложено г. Ковалевскому, по его прибытіи въ Уфу, равно какъ и о томъ что по опыту извѣстно что принятое изъ рукъ въ руки прошеніе инородца онъ считаетъ *прошеніемъ хорошимъ*, а слѣдовательно и подлежащимъ удовлетворенію; тѣмъ не менѣе однако масса инородцевъ, стекаясь ежедневно въ Уфу, осаждали сенатора прошеніями *, въ большинствѣ каковыхъ видимо проглядывало подстрекательство со стороны просьболопсателей, съ единственною цѣлю высосать послѣднія крохи съ обдѣлывшаго уже и безъ того населенія. По подачѣ прошеній люди эти возвращались въ свои деревни и распространяли въ народѣ увѣренность что сенаторъ обѣщалъ имъ возвратити отмежеванныя у нихъ земли. Послѣдствія чего не замедлили обнаружиться: почти ежедневно изъ разныхъ мѣстъ губерніи начали постулатъ донесенія мѣстной полиціи о самоуправствѣ инородцевъ, каковое не прекратилось и въ то время когда сенаторомъ посланы были въ полицейскія управленія печатныя объявленія съ разъясненіемъ просителямъ незаконности ихъ домогательствъ **, ибо таковыя объявленія

* Сколько извѣстно, сенатору было подано инородцами до 2.000 прошеній, каковыя обыкновенно передавались въ подлежащія учрежденія, дѣлопроизводители которыхъ или члены присутствій обязаны были за собственною подписью представлять по нимъ подробныя справки, сущность которыхъ и объявлялась сенаторомъ просителямъ; на этихъ же лицъ возложено было составленіе цифровыхъ данныхъ и предварительныхъ работъ по всѣмъ вопросамъ интересующимъ сенатора.

** Объявленія эти слѣдующаго содержанія: „Сообразивъ прошеніе это съ подлежащими узаконеніями я нашель: 1) что просите(ь) ходатайству(еть) о возвращеніи довѣрителямъ (такимъ-то) какъ бывшимъ военнымъ припущенникомъ земли, отграниченной по распоряженію Уфимскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія изъ ихъ владѣнія (*Земльч. автора*). На основаніи Высоч. утвержд. мѣн. Гос. Совѣта 10 іюня 1857 года, земли на кои припущенники

или скрывались отъ довѣрителей ихъ повѣренными или же вовсе не принимались подъ предлогомъ что эти объявленія не отъ сенатора, а отъ мѣстныхъ властей.

Очевидно повтому что обвинять во всѣхъ этихъ беспорядкахъ въ губерніи исключительно только одно крайне не развитое и поддающееся всякому ваіанію инородческое населеніе едва ли будетъ справедливымъ. Вся вина безусловно лежитъ на его повѣренныхъ. Едва грамотные, зачастую же и вовсе безграмотные, эти повѣренные пользуются всякимъ подходящимъ случаемъ чтобы возбуждать народныя страсти и какъ говорится въ мутной водѣ рыбу ловить. Если не будетъ обращено серіозное вниманіе на этотъ классъ людей, то въ будущемъ не мало предстоитъ хлопотъ по устройству земельного быта припущенниковъ, не говоря уже о томъ сколько страданій будетъ ими перенесено.

До какой степени эти повѣренные способствуютъ залутанности земельного вопроса въ Уфимской губерніи, затягивая больше и больше населеніе въ разорительные для него процессы, видно, напริมѣръ, изъ слѣдующаго: при разслѣдованіи дѣла о локушеніи на жизнь непремѣннаго члена Злато-

законныхъ актовъ не имѣли, предоставлялись имъ на правѣ *пользованія*, а не *ладности*) въ вѣдѣніе управленія государственными имуществами въ размѣрѣ 15 десятинъ на душу по 7й ревизіи изъ 30 десятинъ; 2) что размежеваніе означенной дачи произведено по распоряженію Уфимскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія на точномъ основаніи закона 10 февраля 1869 года, по слѣд котораго (ст. 22, п. 1 прилож. къ Положенію о Башкирахъ Св. Зак. т. IX изд. 1876 года) половина изъ 30тидесятинанаго надѣла военныхъ припущенниковъ на душу по 7й ревизіи зачисляется въ запасъ; 3) что затѣмъ ограниченіе этого запаса отъ надѣла припущенниковъ и передача его въ вѣдѣніе и распоряженіе управленія государственными имуществами произведены согласно съ 26 ст того же закона; 4) что при такихъ условіяхъ 15тидесятинаная порція земли, какъ правильно отмежеванная въ запасъ изъ 30тидесятинанаго надѣла военныхъ припущенниковъ и на основаніи вышеизложеннаго закона поступившая въ вѣдѣніе и распоряженіе управленія государственными имуществами, не можетъ подлежать возвращенію просителямъ.

„О вышеизложенномъ предлагаю (такому-то) полицейскому управленію объявить просителю, по мѣсту жительства немедленно по полученіи настоящаго предложенія.“

утовскаго уѣздаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія г. Катавскаго, въ руки сѣдательской комиссіи попали документы доказывающіе что одни прилуценники Златоутовскаго уѣзда истратили нѣсколько сотъ тысячъ рублей на отысканіе правъ собственности на занимаемыя ими земли. При объѣздѣ же губерніи, я лично дозволяю что въ Златоутовскомъ уѣздѣ сами повѣренные получаютъ съ обществъ по три рубля суточныхъ и прогоны на тройку лошадей для развѣдковъ по возбужденнымъ дѣламъ. Благодаря этому, одни и тѣ же дѣла возбуждаются по нѣскольку разъ, а какъ только подаю прошеніе, то поселане отказываются подчиняться какимъ бы то ни было распоряженіямъ администраціи, ссылаясь на то что ждутъ окончанія ихъ дѣла, и тутъ уже всякія увѣщанія бессильны. Сопротивленіе, въ той или другой формѣ, приведенію въ исполненіе актовъ опредѣляющихъ новоземельное устройство прилуценниковъ сдѣвалось за послѣднее время почти общимъ явленіемъ; здѣсь же приводятся только примѣры болѣе характеротичныхъ случаевъ изслѣдованныхъ мною лично на мѣстѣ.

А) Прилуценники бывшаго военнаго званія не допускаютъ отмежевывать отъ отведенныхъ имъ Башкирскою комиссіей надѣловъ запасныя земли, и въ двухъ дачахъ, гдѣ къ этому было приступлено въ послѣднее время, оказали явное сопротивленіе. Такъ, согласно указанію ревизующаго сенатора, послѣ его отъѣзда изъ Уфимской губерніи, приступлено было къ продолженію межеванія Ильякульшино-Кульшильминой дачи, Белебеевскаго уѣзда, послѣ опубликованія Высочайшаго повелѣнія 3 мая 1881 года о прекращеніи льготной продажи казенныхъ земель въ Оренбургскомъ краѣ.* Предполагалось

* Закономъ 4 іюня 1871 года установлены правила для отвода въ Оренбургскомъ краѣ земель какъ *отставнымъ*, такъ и *служащимъ* чиновникамъ. Правила эти вошли въ приложение къ ст. 31 Уст. о казенн. оброчн. стт. (т. VIII, ч. 1, изд. 1876). По инициативѣ ревизовавшаго Уфимскую губернію члена Государственнаго Совѣта, сенатора Ковалевскаго, дальнѣйшая продажа казенныхъ земель въ Оренбургскомъ краѣ по правиламъ 4 іюня прекращена.

Въ настоящее время возникаетъ вопросъ: могутъ ли быть отводимы земельные участки въ Оренбургскомъ краѣ *отставнымъ* чиновникамъ по правиламъ 4 іюня 1871, или же, за силою Высочайшаго повелѣнія 3 мая 1881 года, подобный отводъ земель долженъ быть также прекращенъ?

что это повліяетъ успокоительно на припущенниковъ, и они, увѣренные что болѣе земель отходящихъ отъ нихъ не будутъ отчуждать частнымъ лицамъ, примирятся съ необходимостью подчиниться требованію закона; но практика показала что они остались при прежнемъ упорствѣ, объясняемомъ просто нежеланіемъ лишиться половины земель бывшихъ въ ихъ пользованіи, какое бы назначеніе послѣднія не получили. При первомъ приступѣ непремѣннаго члена и землемѣра къ дѣлу, тѣ же припущенники окончателно отказались не только дать рабочихъ, но и выслать на межу своихъ уполномоченныхъ. При личномъ моемъ вмѣшательствѣ въ это дѣло, удалось впрочемъ добиться того что они дали слово не дѣлать открытаго сопротивленія, но рабочихъ такъ и не дали, что вынудило продолжать межеваніе при участіи наемныхъ рабочихъ. То же самое повторилось въ дачѣ Башкиръ, Бирскаго уѣзда, Байларской волости, Кадыровой тюбы, съ тѣю только разницей что здѣсь припущенники оказали фактическое сопротивленіе землемѣру и призваввой на помощь полиціи: не только не дали рабочихъ, но и наемныхъ не доускали, когда же несмотря на это было приступлено къ межеванію, то дозволили себѣ открытое буйство. Въ виду важности дѣла уполномоченные отъ сказанныхъ припущенниковъ высывались ревизующимъ сенаторомъ для внушенія имъ незаконности ихъ дѣйствій и необходимости подчиниться распоряженіямъ начальства, а по отъѣздѣ г. Ковалевскаго изъ губерніи, я самъ отправился въ дачу Кадыровой тюбы, гдѣ съ немалымъ трудомъ удалось добиться восстановленія порядка. Пять дней я провелъ на мѣстѣ межевыхъ работъ и оставилъ дачу только тогда когда межеваніе пошло безпрепятственно, при помощи наемныхъ рабочихъ. Само собою разумѣется что такой способъ межеванія нельзя считать нормальнымъ, такъ какъ здѣсь все подвержено случайности, и наконецъ губернаторъ не имѣетъ возможности принимать постоянное личное участіе въ исполненіи межеванія въ разныхъ концахъ губерніи. Очевидно что для услѣшности дѣла необходимо обезлечить его болѣе прочными мѣрами, примѣненіе которыхъ могло бы возвратити довѣріе населенія башкирскихъ дачъ къ распоряженіямъ начальства и убѣдити ихъ въ неизбѣжности размежеванія по правиламъ 10 февраля 1869 года.

Б) Даже грубые факты противодѣйствія власти проявлены припущенниками дачи Башкиръ Мензелинскаго уѣзда,

Сараильино-Байлярской волости. Дача эта формально размежевана по полюбовнымъ сказкамъ комиссіи и актамъ мирового посредника объ отдѣленіи запасной земли. По окончаніи размежеванія въ 1879 году было сдѣлано распоряженіе, на основаніи правила преподаваемаго бывшимъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ въ 1872 году, чтобы всѣ поселенцы этой дачи съ весны 1880 года вступили во владѣніе землей въ границахъ утвержденныхъ въ натурѣ наръзокъ, что большинствомъ и было исполнено; но въ мѣстностяхъ гдѣ получили надѣлы государственные крестьяне возникли споры, вслѣдствіе которыхъ до тысячи душъ остались безъ посѣва хлѣба. Первымъ поводомъ къ этому было то что государственные крестьяне, по сказкамъ комиссіи, получили общіе надѣлы на группы селеній отъ двухъ до тринадцати, съ приселеніемъ къ нимъ изъ другихъ мѣстъ этой же дачи, гдѣ не представлялось возможнымъ отвести послѣднимъ надѣлы, по совмѣстному жительству съ вотчинниками или припущенниками военного званія, и губернскаго присутствія, въ силу 4 л. инструкціи генералъ-губернатора, не имѣя права размежевывать ихъ отдѣльно, обавяно было только привести въ исполненіе акты комиссіи, что и сдѣлано, а затѣмъ по случаю непредставленія приговоровъ о раздѣлѣ, требуемыхъ 6 ст. Высочайше утвержденныхъ 31 марта 1867 года правилъ, крестьянамъ предъявлены владѣнные записи на такіе общіе надѣлы. Съ вступленіемъ весны тѣмъ которые предназначены къ переселенію не дали земли на прежнемъ мѣстѣ жительства, а на новое ихъ не пустили государственные крестьяне, считая конечно выгоднымъ для себя пользоваться землей въ большемъ количествѣ противу опредѣленнаго актами. Мало того, крестьяне двухъ группъ не допускаютъ даже вотчинниковъ слѣзть на отведенныхъ послѣднимъ мѣстахъ, что объясняли сначала тѣмъ что еще не получили владѣнныхъ записей. Для прекращенія такого хаоса губернскаго присутствія ходатайствовало о размежеваніи сказанныхъ крестьянъ по селеніямъ и выдачѣ отдѣльныхъ владѣнныхъ записей чрезъ чиновъ занимающагося этимъ отдѣла, на что получено разрѣшеніе министра Государственныхъ Имуществъ, но тутъ окончательно обнаружилось что крестьянамъ не того надо: они не желаютъ допускать переселенія тѣхъ кому отведенъ надѣлъ въ ихъ селеніяхъ, а хотятъ пользоваться ихъ землей и, захвативъ огромное пространство вотчинныхъ земель въѣ не утвер-

жденныхъ границъ ихъ надѣла, не допускаятъ вотчинниковъ владѣть этою землею, доказывая что вся она принадлежитъ имъ и они ведутъ дѣло чрезъ повѣреннаго, проживающаго въ городѣ Казани, который совѣтуетъ будто бы имъ не уступать и не слушаться никого. Несмотря на самыя обстоятельныя объясненія что права ихъ въ свое время были уже разсмотрѣны и въ установленномъ законѣ порядкѣ они признаны припущенниками по постановленіямъ вошедшимъ давно въ законную силу, наконецъ что по силѣ 6 ст. Высочайше утвержденныхъ 10 февраля 1869 года правилъ, послѣ окончательнаго размежеванія дачи нигдѣ не можетъ производиться никакаго дѣла по домогательству ихъ вопреки произведенному надѣлу, крестьяне упорно стоятъ на своемъ, и всѣ попытки вотчинниковъ поселиться на собственной землѣ кончились тѣмъ что они должны были возвратиться въ прежнее жительство, гдѣ для нихъ уже нѣтъ земли. При такомъ настроеніи крестьянъ чины отдѣла по составленію и выдачѣ владѣнныхъ записей встрѣтили явное противодѣйствіе съ ихъ стороны. Одинъ изъ подстрекателей кричалъ что пусть привяжутъ его къ столбу и разстрѣляютъ, но онъ не допустить межевать землю, а за нимъ жители дѣлой деревни грозили прогнать чиновниковъ колымаги. Крестьяне деревни Тавлука въ присутствіи лояныхъ грозили убить землемера Алексѣева и когда онъ, видя себя бессильнымъ, уходилъ съ поля, то крестьяне стали бить сопровождавшихъ его рабочихъ и даже былъ сдѣланъ съ ихъ стороны одинъ выстрѣлъ. О всѣхъ буйствахъ конечно составлены акты и переданы судебному слѣдователю, съ арестованіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ главныхъ зачинщиковъ, но дальнѣйшая участь дѣла будетъ объяснена ниже. Въ виду такого критическаго положенія дѣла я самъ отправился въ селенія уломанныхъ крестьянъ, но въ деревнѣ Старые Гордали встрѣтилъ крайнее раздраженіе крестьянъ. Главный зачинщикъ одиодеревенецъ ихъ Ишмухамедъ Рафиковъ съ дерзостію прерывалъ мои увѣщанія, крича: „Ты хочешь отнять у насъ землю, но мы ея не дадимъ и прогонимъ всякаго кто будетъ въ нее вступаться“. Когда же я приказалъ арестовать Рафикова, то все сборище крестьянъ съ насиліемъ его освободило. Оставшись въ селеніи, я едва добился обратной выдачи Рафикова и то послѣ того какъ объявилъ что потребую воинскую команду. Обо всемъ этомъ составленъ актъ и переданъ судебному слѣдователю.

В) Изложенные выше случаи характеризуютъ общее настроеніе прилуценниковъ, въ чемъ я убѣдился, объѣхавъ сотни ихъ селеній и видяая въ производившіяся межевыя дѣйствія въ башкирскихъ дачахъ. Въ Златоустовскомъ уѣздѣ точно также рабочіе не даютъ и отказываютъ въ подводахъ для межевыхъ чиновъ. Почти всѣ ихъ повѣренныя доказываютъ одно что земля ихъ, такъ какъ они владѣютъ ею въ теченіе многихъ земскихъ давностей и надѣются выиграть дѣло судебнымъ порядкомъ, по примѣру добившихся того же въ палатѣ уголовного и гражданскаго суда.

Вышеозначенный очеркъ достаточно выражаетъ хаотическое состояніе земельного вопроса въ Уфимской губерніи. Теперь умѣсто выяснитъ, какими средствами обладаютъ учрежденія вѣдающія этимъ дѣломъ къ сложному и цѣлесообразному его направленію.

На первомъ планѣ мы встрѣчаемъ двойственность отношеній администраціи и суда къ столь важному предмету, тогда какъ именно здѣсь желательно бы было полное единство власти и быстрое приведеніе въ исполненіе ея распоряженій, безъ чего обострившійся до крайности земельный вопросъ въ близкомъ будущемъ приведетъ къ такимъ послѣдствіямъ которыя поставятъ правительство въ весьма затруднительное положеніе.

По существующимъ правиламъ и распоряженіямъ оренбургскаго генералъ-губернатора, преподаннымъ къ руководству, въ дачахъ не размежеванныхъ всѣ поселяне остаются при дѣйствительномъ пользованіи земель, а въ случаѣ возникновенія споровъ прилуценниковъ между собою, или съ вотчинниками, таковыя разбираются мѣстными непрѣмыми членами уѣздовыхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. По окончательномъ формальномъ размежеваніи всей дачи, поселяне вступаютъ во владѣніе земель по вновь утвержденнымъ нарѣзкамъ, но такъ какъ межевое производство отсылается еще въ межевую канцелярію, и до утвержденія его всѣ прилуценники не имѣютъ на рукахъ не только межевыхъ документовъ, но и актовъ по владѣнію земель, то разборъ споровъ по нарушенію границъ остается на обязанности мирныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, которыя при нормальномъ положеніи дѣла одни имѣли бы полную возможность своевременно прекратить всѣ недоразумѣнія. Въ практикѣ же дѣла подобнаго рода представляютъ неодолимыя

затрудненія. Для примѣра можно взять ту же Саральмино-Байларскую дачу: въ извѣстной мѣстности угодами пользовались прилуценники, по размежеванію же имъ отведенъ опредѣленный надѣлъ, а часть прежняго пользованія должна перейти уже къ вотчинникамъ, но прилуценники ихъ не допускаютъ и силой удерживаютъ за собой землю вѣвъ границъ утвержденного надѣла. По принесенной жалобѣ, непремѣнный членъ постановляетъ рѣшеніе по которому прилуценникамъ воспрещается вторгаться въ вотчинную землю, но они и не думаютъ повиноваться. Возникаетъ новое дѣло у мирового судьи о восстановленіи нарушеннаго владѣнія, который, удостоверившись только что до послѣдняго времени спорною землею владѣли прилуценники, признаетъ что въ данномъ случаѣ нѣтъ нарушеннаго владѣнія, а вотчинники домогаются изъять землю изъ владѣнія прилуценниковъ, что не подкрѣпляютъ никакими документами, почему и отказываетъ имъ въ искѣ, что въ свою очередь даетъ новый поводъ прилуценникамъ считать себя правыми. Обратиться въ судебное мѣсто вотчинники также не могутъ, потому что не имѣютъ еще на рукахъ никакихъ актовъ доказывающихъ ихъ право владѣнія землею въ извѣстныхъ границахъ. Послѣ этого легко представить ихъ бѣдственное положеніе. Часть вотчинниковъ Саральмино-Байларской дачи, по скученности населенія, пожелали выселиться на новыя мѣста, а послѣднія захвачены прилуценниками. Всѣ попытки вотчинниковъ водвориться остаются тщетными: сѣять хлѣбъ ихъ не пускаютъ, возводимыя постройки разбрасываются, а земледѣльческія орудія уничтожаются, или отнимаются прилуценниками. Столкновенія эти конечно сопровождаются дракой, послѣ чего обиженные, избитые, окровавленные и ограбленные возвращаются назадъ. То же повторяется и въ прилуценническихъ надѣлахъ, гдѣ большинство, пользуясь численнымъ превосходствомъ, или не допускаетъ тѣхъ кто по актамъ долженъ къ нимъ приселиться или просто захватываетъ излишнія земли. Такимъ образомъ въ одной упомянутой дачѣ Мензелинскаго уѣзда, какъ уже замѣчено, около 1.000 душъ другой годъ остаются безъ хлѣба, а нѣкоторые и безъ крова.

При объѣздѣ губерніи я обратилъ особое вниманіе на этотъ предметъ, былъ во всѣхъ селеніяхъ гдѣ происходятъ подобныя безпорядки какъ по спору о предѣлахъ пользованія землей,

такъ и по противодействию межеванію, надѣясь личнымъ вліяніемъ помочь дѣлу, что съ большими затрудненіями въ нѣкоторыхъ указанныхъ случаяхъ и удалось, но въ Саралино-Байларской дачѣ, какъ выше сказано, встрѣтилъ явное преступное сопротивленіе, а въ Златоустовскомъ уѣздѣ ничѣмъ не могъ убѣдить прилуценниковъ что домогательство ихъ получить землю въ собственность, по давностному владѣнію, не имѣетъ законнаго основанія. Да едва ли можно было ожидать успѣха, когда они наглядно убѣждаются что ихъ сосѣди, такіе же прилуценники, этимъ именно путемъ добились правъ собственности. Вообще трудно ручаться чтобы даже тамъ гдѣ прилуценники какъ бы вразумились сдѣланными имъ увѣщаніями, не повторялись попытки оставовить межеваніе. Трудно представить что-либо болѣе ненормальное и неопредѣленное какъ положеніе прилуценниковъ въ башкирскихъ дачахъ. Обиженные массами блуждаютъ по всѣмъ учрежденіямъ; вездѣ постановляются рѣшенія, но только на бумагѣ, фактически же ихъ права остаются невозстановленными и не находятъ дѣйствительной и скорой поддержки, какъ бы то требовалось самымъ существомъ дѣла. Всѣ кому не выгодно приведеніе межеванія къ концу оказываютъ явное сопротивленіе и поставляютъ такіа преграды при которыхъ непрѣмьные члены и межевые чины не могутъ исполнять десятой доли того что слѣдовало бы сдѣлать. Мѣра къ прекращенію этого одна: обращаться къ содѣйствию полиціи, но она при настоящей обстановкѣ дѣла оказывается совершенно безсильною. Въ данномъ случаѣ обязанности ея указаны въ ст. 1.323, § I, л. 6, § III, л. 1, стт. 1.327, 1.355 и 1.367, т. II Св. Зак., но примѣненіе изложенное въ нихъ или парализуется дальнѣйшимъ ходомъ дѣла въ судебныхъ учрежденіяхъ, или часто вовсе невозможно, что доказано опытомъ. Такъ, напримѣръ, препятствія къ межеванію встрѣчаются не со стороны отдѣльныхъ лицъ, а цѣльныхъ селеній. Были случаи что землемѣръ вызываетъ шесть уполномоченныхъ и необходимое число рабочихъ, а являются поголовно всѣ жители селенія и начинаютъ дѣлать дерзости и угрозы. Нанимаются рабочіе, ихъ прогоняютъ, внося лобои; зачинщики и преимущественно повѣренные, не стѣсняясь присутствіемъ призванной на помощь полиціи, возбуждаютъ народъ не слушаться никого и т. п. Ясно что здѣсь уже нужна сила, которая бы могла сладить съ возбужденною толпой, среди

которой ставовой приставъ или исправникъ, съ нѣсколькими десятскими, являются совершенно беззащитными. Все что они могутъ сдѣлать и то съ рискомъ для своей безопасности, это—арестовать главныхъ зачинщиковъ и составивъ актъ сообщить судебному слѣдователю, что постоянно и исполняется, но это не помогаетъ дѣлу по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, процедура слѣдствія и суда тянется долгое время и въ заключеніе оказывается что дѣйствія зачинщиковъ не подходятъ подъ статьи закона опредѣляющія преступленія виновные въ каковыхъ подвергаются ограниченію или лишенію правъ состоянія, почему арестованные полиціей освобождаются изъ-подъ стражи. Иногда подобный исходъ зависитъ непосредственно отъ судебныхъ слѣдователей. Напримеръ, прилуценники деревни Исемметевой, Бирскаго уѣзда, изъ группы селеній дачи Кадыровой тѣбы (оказавшихъ уже разъ противодѣйствіе межеванію), подстрѣваемые повѣреннымъ Мавлюкаевымъ, при вторичномъ приступѣ къ работамъ, намѣревались не допустить землемѣра къ межевымъ дѣйствіямъ, и Мавлюкаевъ, между прочимъ, публично уговаривалъ ихъ не давать лошадей десятскимъ вызваннымъ для поддержанія порядка; у одного даже выпрягли лошадь. Только скорымъ арестомъ Мавлюкаева полиціи удалось предупредить возможность сопротивленія, о чемъ былъ составленъ актъ и переданъ мѣстному судебному слѣдователю, но послѣдній въ постановленіи своемъ заключилъ что отказъ въ дачѣ лошадей полиціи, если она еще имѣетъ на то право, составляетъ нарушеніе 29 или 30 ст. Уст. о Наказ. над. мир. суд., почему Мавлюкаева изъ-подъ стражи освободилъ. Въ дачѣ Илькульмино-Кульальминской волости, Белебеевскаго уѣзда, прилуценники деревни Мендяновой не дали лошадей пріѣхавшимъ для межеванія непрѣмному члену и землемѣру. Такъ какъ прилуценники еще въ 1880 оказали полное сопротивленіе, почему въ 1881 году, приступая къ межеванію, слѣдовало дѣйствовать энергично и во что бы то ни стало настоять на исполненіи законныхъ требованій, то о самовольствѣ этомъ былъ составленъ актъ и указаны подстрекатели, но судебный слѣдователь, вѣроятно, взглянулъ на дѣло иначе и далъ предписаніе волостному правленію доставить ему въ городъ Белебей подписку не менѣе 50 человѣкъ деревни Мендяновой въ томъ что лошадей не давали по волѣ всего общества, а не по подстрекательству кого-либо изъ однообщественниковъ.

Положимъ что приведенные случаи свидѣтельствуютъ главнымъ образомъ о непониманіи дѣла судебными слѣдователями или о противозаконномъ отношеніи ихъ къ нему, тѣмъ не менѣе нельзя не признать что подвергать столь важное дѣло, связанное со сложившемся цѣлаго края, какимъ бы то ни было случайностямъ было бы крайне рискованно. Съ другой стороны, оцѣнка самой степени преступности такихъ дѣйствій на судѣ обставлена сложными формальностями, при которыхъ и судѣ можетъ быть поставленъ въ затрудненіе, при опредѣленіи приговора въ томъ духѣ какой дѣйствительно соотвѣтствовалъ бы исключительности дѣла, не говоря уже про то что ему придется судить по слѣдственнымъ производствомъ, примѣры которыхъ здѣсь приведены.

Мы далеки отъ мыслей выводить изъ вышеизложеннаго непримѣнимость судебного порядка къ дѣламъ о противодѣйствіи и сопротивленіи власти, но полагаемъ что на ряду съ судомъ и администрація должна обладать въ данномъ случаѣ какими-нибудь средствами которыя давали бы ей возможность быстро прекращать безпорядки, не прибѣгая къ содѣйствію воинской силы. Наконецъ и эта крайняя мѣра не всегда можетъ быть дѣйствительна. Нельзя же вездѣ, гдѣ одна сторона не допускаетъ другую селиться или пользоваться землей, разставить воинскія команды: стоить имъ уйти, и постройки будутъ разрушены, а хлѣбъ уничтоженъ; точно также не возможно производить межеваніе во всей губерніи подъ прикрытіемъ солдатъ. Нужно только сразу показать припущенникамъ что есть власть распоряженія которой тверды и неизмѣнны, и это быстро отрезвить ихъ, поощренныхъ теперь безнаказанностію ихъ упорства и въ то же время неопредѣленностію отношеній суда и администраціи къ дѣлу ихъ поземельнаго устройства. Наряду съ этимъ, конечно, необходимо скорѣйшее воспрещеніе судебнымъ мѣстамъ принимать къ своему производству иски припущенниковъ объ укрѣпленіи за ними земель по давностному владѣнію.

Независимо отъ сего необходимо измѣнить и самый порядокъ въ выборѣ лицъ вѣдающихъ въ Уфимской губерніи дѣло размежеванія башкирскихъ земель. Дѣло это, по Высочайшее утвержденнымъ 10 февраля 1869 года правиламъ, возложено на мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія, въ то время когда существовали еще должности мировыхъ посредниковъ; до этого же времени оно сосредоточи-

валось въ особой комиссіи учрежденной въ 1848 году, которая собирала чрезъ своихъ членовъ всѣ необходимыя свѣдѣнія для раздѣла земель въ башкирскихъ дачахъ, оцѣнивала и группировала ихъ и затѣмъ въ постановленіи утверждаемомъ генераль-губернаторомъ, опредѣливъ права поселянъ дачи, устанавливала окончательный планъ размежеванія, который приводился въ исполненіе на мѣстѣ опять членами той же комиссіи, производившими соглашенія объ отводѣ земельныхъ надѣловъ. Со введеніемъ же новыхъ правилъ, процессъ этотъ раздробился между тремя учрежденіями: мировыми посредниками, уѣзднымъ мировымъ съездомъ и губерскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, и такой порядокъ имѣлъ практическую выгоду до тѣхъ поръ пока не были упразднены должности мировыхъ посредниковъ, ибо въ каждомъ уѣздѣ Уфимской губерніи было отъ четырехъ до шести мировыхъ посредниковъ, которые, при сравнительной незначительности районовъ ихъ дѣятельности (участковъ), могла хорошо знать всѣ условія землевладѣнія въ башкирскихъ дачахъ, слѣдовательно имъ легко было справляться съ соглашеніями о раздѣлѣ земель. При такомъ количествѣ мѣстныхъ дѣятелей была полная возможность располагать и большимъ составомъ межевыхъ чиновъ, работы которыхъ шли непрерывно и одновременно въ нѣсколькихъ дачахъ одного и того же уѣзда, соотвѣтственно числу мировыхъ участковъ. По той же причинѣ и участіе мировыхъ съездовъ въ предварительномъ разсмотрѣніи заявленій недовольныхъ раздѣльнымъ актомъ, на основаніи 40 ст. приведенныхъ правилъ, имѣло практическое значеніе. Мировые посредники, служа безсмѣнно, хорошо знали уѣздъ и видъ своихъ участковъ, слѣдовательно было основаніе ожидать что, при коллективномъ обсужденіи жалобъ и заявленій, послѣднія будутъ разобраны по существу лицами не только знающими мѣстныя условія, но усвоившими порядокъ размежеванія башкирскихъ земель.

Съ упраздненіемъ мировыхъ посредниковъ ихъ замѣнили непремѣнные члены уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Будучи поставлены Положеніемъ 27 іюня 1874 года (п. 7, ст. 19.) въ дѣлѣ размежеванія башкирскихъ земель въ тѣ же условія въ какихъ находились мировые посредники, они на практикѣ въ Уфимской губерніи не принесли желаемой пользы. Причина этому заключается въ томъ что дѣло

размежеванія башкирскихъ земель, по своей обширности, непосильно для установленнаго здѣсь закономъ числа непремѣнныхъ членовъ, по одному на уѣздъ, гдѣ по большому пространству уѣздовъ непремѣнные члены, будучи въ то же время единственною рабочею силой уѣзднаго присутствія, вообще не могутъ успѣвать исполнять прочія свои обязанности, а предоставляемое земству право избирать еще по одному члену на уѣздъ зависитъ отъ многихъ условій; по крайней мѣрѣ, въ теченіе истекшаго трехлѣтія, ни одно уѣздное собраніе этого не пожелало, и только въ 1880 году избранъ второй непремѣнный членъ въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ. При такихъ условіяхъ даже настоящій составъ межевыхъ средствъ при губернскомъ присутствіи представляется излишнимъ, такъ какъ землемѣрамъ въ лучшую лѣтнюю пору по нѣскольку мѣсяцевъ приходится оставаться безъ дѣла, а при уменьшенномъ составѣ межеваніе не окончится и въ десять лѣтъ. Высочайше утвержденнымъ 1 января 1879 года Положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія для ускоренія размежеванія башкирскихъ земель учреждены должности дополнительныхъ непремѣнныхъ членовъ: Мензелинскаго, Бирскаго и Белобеевскаго уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, по одному на каждый уѣздъ, содержимыхъ на счетъ частаго 8копѣчнаго сбора, установленнаго Высочайшими повелѣніями; но это далеко не удовлетворило потребности вызвавшей ходатайство о назначеніи такихъ членовъ, такъ какъ сказанныя должности предоставлено замѣщать на общемъ основаніи по выбору губернскаго земскаго собранія, на три года, съ тѣмъ чтобы не придавать имъ характера дѣателей исключительно по размежеванію башкирскихъ земель, а распредѣлять занятія между двумя членами по усмотрѣнію уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Последнее условіе вызвало только пререканія между непремѣнными членами упомянутыхъ трехъ уѣздныхъ присутствій и поставило въ большое затрудненіе населеніе башкирскихъ дачъ, не знающее часто къ кому обратиться за разборомъ споровъ по землевладѣнію. Въ 1880 году въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ присутствіяхъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ въ прелитательствахъ, какъ распредѣлить башкирскія дачи между непремѣнными членами, и все-таки кончилось тѣмъ, что ни одно изъ нихъ не могло прійти ни къ какому результату, такъ что губернскому присутствію самому

пришлось распределять занятія по размежеванію. Помимо численныхъ неудобствъ, самый характеръ должности непремѣннаго члена по выбору и притомъ на опредѣленный, сравнительно короткій срокъ, не соответствуетъ существу дѣла размежеванія башкирскихъ земель, требующаго спеціальнаго знакомства съ нимъ, знанія мѣстныхъ условій землевадѣнія въ башкирскихъ дачахъ и во всякомъ случаѣ опытности. Совмѣщенія всѣхъ этихъ условій немислимо ожидать отъ лицъ подверженныхъ выбору, гдѣ все зависитъ отъ случайности, и та же практика представляетъ примѣры что на должности непремѣнныхъ членовъ избираются лица не только совершенно не знакомыя съ крестьянскимъ дѣломъ, но и вообще не подготовленныя къ какой-либо служебной дѣятельности, а если среди ихъ и найдутся люди соответствующіе своему назначенію, то чрезъ три года подвергаются риску быть забаллотированными, тѣ же кто ихъ замѣнитъ опять должны сначала учиться.

Обращаясь за симъ къ уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, слѣдуетъ замѣтить что въ дѣлѣ размежеванія башкирскихъ земель, они представляютъ не только лишнюю инстанцію безо всякой пользы для дѣла, но напротивъ служатъ немаловажнымъ въ немъ тормазовъ. Практика трехъ лѣтъ показала что не было примѣра чтобъ уѣздное присутствіе не согласилось съ заключеніемъ непремѣннаго члена составлявшаго раздѣльный актъ. Все участіе присутствій состоитъ въ составленіи журнала, въ которомъ прописывается содержаніе раздѣльнаго акта, протокола непремѣннаго члена по заявленіямъ недовольныхъ и стереотипное заключеніе: „соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ непремѣннаго члена, представить дѣло въ губернское присутствіе“. Для этого однако раздѣльные акты лежатъ въ уѣздныхъ присутствіяхъ по нѣсколькимъ мѣсяцевъ, и часто, при разсмотрѣніи въ губернскомъ присутствіи, оказываются все-таки неправильными, а время уже ушло, потому исправленіе приходится откладывать до слѣдующаго года. Между тѣмъ, соблюденіемъ только этой формальности и ограничиваются всѣ обязанности уѣзднаго присутствія по отношенію къ размежеванію башкирскихъ земель.

Изыскивая выходъ изъ настоящаго неформальнаго положенія, необходимо прежде всего имѣть въ виду что скорѣйшее и цѣлесообразное размежеваніе башкирскихъ земель

есть дѣло первостепенной государственной важности, почему оставлять его въ рукахъ лицъ случайно для сего выбранныхъ и при томъ по большей части мало знакомыхъ съ весьма сложнымъ и крайне запутаннымъ земельнымъ башкирскимъ вопросомъ, представляется для пользы дѣла положительно не возможнымъ. Дѣло это тогда только можетъ быть поставлено на твердую почву, когда инициатива въ исполненіи его будетъ принадлежать всецѣло правительству, которое по своему усмотрѣнію назначало бы должностныхъ лицъ заведующихъ размежеваніемъ. Тѣмъ болѣе это представляется возможнымъ въ Уфимской губерніи что на него не потребуется отъ казны особыхъ денежныхъ средствъ, такъ какъ для указанной цѣли существуетъ здѣсь особо установленный специальный сборъ съ земель подлежащихъ межеванію. Такое измѣненіе существующаго порядка избранія лицъ по размежеванію башкирскихъ земель нисколько не нарушитъ принципа Положенія 19 февраля 1861 года, ибо между поземельнымъ устройствомъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и Башкиръ съ ихъ припущенниками нѣтъ ничего общаго. Въ первомъ случаѣ сословность играла немаловажную роль, соотвѣтственно чему опредѣлялось исключительное положеніе мѣстныхъ дѣятелей, ближайшихъ исполнителей реформы. Права бывшихъ помѣщиковъ ограничивались въ своей основѣ, а поземельное устройство бывшихъ ихъ крестьянъ касалось существенныхъ экономическихъ интересовъ владѣльцевъ. Въ данномъ же случаѣ требуется только установленіе болѣе правильнаго землевладѣнія между лицами одного и того же сельскаго сословія, причемъ всѣ заинтересованныя стороны имѣютъ своихъ представителей и депутатовъ съ широкимъ правомъ протеста.

Всѣ эти соображенія приводятъ къ убѣжденію въ необходимости замѣтить въ Уфимской губерніи непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, по размежеванію башкирскихъ земель, особыми чиновниками отъ правительства, съ тѣмъ условіемъ чтобы, въ виду сосредоточенія межеваго дѣла въ губерніи и скорѣйшаго его окончанія, они были подчинены губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, при которомъ должны состоять и отъ усмотрѣнія котораго будетъ зависѣть назначать ихъ, для производства межеванія, въ тотъ или другой уѣздъ губерніи; тѣмъ болѣе это было бы желательнымъ что самый характеръ

должности не вызываетъ приуроченія дѣла размежеванія башкирскихъ земель къ уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ, такъ какъ оно и по закону не входитъ въ кругъ обязанностей уѣзднаго присутствія, кромѣ соблюденія совершенно излишней вынѣ формальности, установленной 40 ст. правилъ для уѣздныхъ мировыхъ сѣздовъ.

Указанными выше мѣрами только и можно возстановить порядокъ и довѣріе населенія въ башкирскихъ дачахъ къ закону и распоряженіямъ мѣстныхъ властей; въ противномъ же случаѣ слѣдуетъ ожидать крайнихъ осложненій, не говоря уже про то что размежеваніе башкирскихъ дачъ, на которое истрачивается до *тридцати тысячъ рублей въ годъ*, никогда не окончится.

П. ШРАМЧЕНКО.

Сельцо Быковка, Московской губерніи.

20 марта 1882 года.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ИСПОВѢДЬ

(Посылается Е. Г. Крюгеръ, съ память 31 октября 1881 года.)

I.

Мы попросимъ читателя перенестись мысленно къ сороковымъ годамъ и послѣдовать за нами въ небольшую комнату одного изъ людскихъ флигелей села Веселаго, родового вотчины князей Сборовскихъ. Убранство этой комнаты, гдѣ жилъ управляющій съ женой, напомнило бы каждому картину знакомую съ ранняго дѣтства: кровать подъ ситцевыми занавѣсами, лампадка горящая въ красномъ углу предъ образами, за стеклянными дверцами выкрашеннаго яодъ красное дерево шкафа расписныя фарфоровыя чашки и фаянсовыя тарелки, между оконъ зеркальце въ высокой рамкѣ, нѣсколько лубочныхъ картикъ прикрѣпленныхъ желтымъ воскомъ къ стѣнѣ и наконецъ часы съ кукушкой. Въ настоящую минуту собрались среди этихъ скромныхъ стѣнъ три человѣка на важное совѣщаніе, судя по выраженію ихъ смущенныхъ, даже ислуганныхъ лицъ. На кровати лежала больная, исхудалая, не молодая уже женщина и металась тоскливо по подушкамъ взмоченнымъ ея слезами. Около нея стоялъ въ долгополомъ кафтанѣ черноволосый мужчина, лѣтъ шестидесяти, но еще бодрый и красивый. Черты его лица, рѣзкія и правильныя, поражали мертвенною блѣдностію. Онъ отиралъ отъ времени до времени капли холоднаго пота выступавшаго на лбу

пересвѣченномъ морщинами и устремилъ взоръ на стараго священника, который писалъ сѣда предъ дубовымъ столомъ. Иногда онъ останавливался, задумывался и принимался олять за свое дѣло. Ничто не нарушало безмолвія, кромѣ маятника часовъ и скрипа пера, которое двигалось медленно по бумагѣ. Дверь была на крючкѣ.

Наконецъ старикъ опустилъ перо въ чернильницу, прочелъ про себя написанное, снялъ очки, которые вложилъ въ кожаный футляръ, и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Стало-быть, Кирилль Иваннычъ, залечатаю я эту записку церковною печатью, отнесу ее въ ризницу и закажу зятю чтобы послѣ меня онъ отдалъ ее тебѣ если ты ее потребуешь. Вѣдь онъ вѣрно на мое мѣсто поступитъ, а ты открой ему все дѣло на духу. Неизвѣстно когда Господь пошлетъ тебѣ смертный часъ, а надо чтобы кто-нибудь могъ распорядиться этимъ документомъ. Зять человекъ хорошій, рассудительный и на него положиться можно. Такъ что ли?

— Да, кажется oprичъ этого ничего и не придумаемъ, батюшка, отозвался Кирилль Ивановичъ.

— Ну, такъ Христось съ вами, сказалъ священникъ вставая.

Онъ сложилъ вчетверо бумагу лежавшую на столѣ, спряталъ ее въ карманъ и подошелъ къ больной. Она приподнялась чтобы принять его благословеніе и промолвила:

— Батюшка, помолитесь чтобы отпустилъ Господь мой грѣхъ.

— Онъ никогда не отвергаетъ кающагося, Матреничка. Опять же согрѣшила ты больше по невѣдѣнію, а главная бѣда что не повинилась когда слѣдовало, когда дѣло было еще съ поправкой.

— Батюшка, начала опять Матрена прерывающимся голосомъ,—умираю... лгать не стану. На первыхъ порахъ, вотъ и при немъ скажу, продолжала она указывая на мужа,—его боялась... А тамъ стану говѣть, соберусь вамъ покаяться, а духа не хватить... Стою на исповѣди, и какъ объ этомъ заикнуться хочу, словно меня варомъ обдасть. Нѣтъ, думаю себѣ, плуцу свою грѣшную душеньку въ адъ кромѣшнай, а этого слова не вымолваю... Чтѣ я горя-то привала!..

— Ну, можетъ горе-то и очистило твой грѣхъ предъ Богомъ. Успокойся и молись, отвѣчалъ отецъ Илья.

Онъ перекрестилъ ее олять и вышелъ изъ комнаты. Кирилль послѣдовалъ за нимъ и оба пошли молча по одной изъ

тропиво къ пересѣкавшихъ широкой дворъ. Вдругъ священникъ остановился.

— Страшное дѣло, Кирилль Ивановичъ, сказалъ онъ.

— Ужь такое страшное, батюшка!.. Какъ я въ умѣ не помутился когда она давеча мнѣ въ этомъ открылась!.. Ужь и не помню какъ до васъ добѣжалъ. Каково мнѣ вѣкъ-то будетъ доживать съ этимъ камнемъ на сердцѣ?.. Ужь лучше бы она до конца этотъ грѣхъ отъ меня утаила. Ну, не зналъ бы ничего, не вѣдалъ, по крайности такого бы искушенія не было!

— Судьбы Господни неисповѣдимы, Кирилль. Въ Писаніи сказано: „вѣсть тайно еже не явлено будетъ“. Вездѣ Его святая воля. А шелъ бы ты теперь къ Матрени: она одна осталась. Плоха, бѣдная!

— Плоха! молвилъ Кирилль, и не принявъ даже благословенія быстро отвернулся чтобы скрыть слезу набѣжавшую на его глаза и вернулся къ умирающей, а священникъ побрелъ домой.

Силы Матрены покидали ее постепенно и тоска одолевала ее все болѣе. Бѣдная женщина молила Бога о смерти и мужа о прощеніи.

— Ежели Господь и отпуститъ мнѣ грѣхъ, говорила она рыдая, — мнѣ дорого твое доброе слово, мой родимый. Прости, Христа ради, чтобъ я со спокойною душевкой-то въ сырую землю легла.

— Христосъ съ тобой, отвѣчалъ Кирилль, — ужь теперь что жь... Ну, полуталъ грѣхъ, какъ быть!.. ужь теперь что Господь укажетъ...

Онъ успокоивалъ ее напрасно. Она владала въ тяжкій бредъ, среди котораго ей мерещились безотрадныя картины. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней мужъ, изъ опасенія чтобъ она не высказала безотчетно своей тайны предъ посторонними, удалялъ подъ разными предлогами отъ умирающей добрыхъ людей приходившихъ навѣщать ее. А потомъ отворились настежь двери флигелька, тѣло Матрены лежало на столѣ, Кирилль плакалъ стоя около него, а отецъ Илья раздавалъ свѣчи дворовымъ пришедшимъ помолиться за усопшую.

II.

Прошло лѣтъ восемь съ тѣхъ поръ.

Яснымъ майскимъ утромъ веселовскіе дворовые, держа въ рукахъ куръ, лѣтучковъ и яйца завязанныя въ клетчатыхъ платкахъ, толпились на крыльцѣ господскаго дома. Сильно послѣдѣвшій Кириллъ смотрѣлъ сквозь слезы на дорогу по которой долженъ былъ пріѣхать молодой князь Никита Николаевичъ Сборовскій. Онъ возвращался изъ Крыма послѣ заключенія Парижскаго трактата, и за нимъ высаали на каблукахъ подставу. Всѣ ждали его въ тревогѣ и нетерпѣніи.

— Ъдетъ! ъдетъ! крикнули вдругъ нѣсколько голосовъ при видѣ тройки вылетѣвшей изъ-за лѣса, и четверть часа спустя она шумно вѣхала въ ворота и остановилась предъ крыльцомъ.

Красивый молодой человекъ, лѣтъ тридцати, живо выпрыгнулъ изъ тарантаса, между тѣмъ какъ Кириллъ не зналъ къ кому броситься—къ нему ли, къ сыну ли своему, барскому камердинеру, слѣзавшему съ козелъ. Но князь положилъ козель недоумѣнію, потрелавъ по плечу старика и промолвивъ:

— Здорово, Кириллъ.

— Голубчикъ ты мой! неаглядный мой! проговорила старушка, окидывая взоромъ полнымъ нѣжности молодого красавца и подавая ему вышитое полотенце.

— Спасибо, кормилица! Вотъ отдай Алексію, спасибо, отвѣчалъ онъ обнимая ее послѣшно. Она хотѣла обвить руками его шею, но князь освободился отъ ея объятій, обратился къ толпѣ окружавшей его со своимъ привошеніями и примолвивъ:—спасибо вамъ всѣмъ; сдайте на кухню,—вбѣжалъ быстро на лѣстницу.

— Знать только и видѣли, замѣтилъ послѣ общаго молчанія старикъ,—а я еще покойнаго палецьку-то на рукахъ носилъ. То-то ласковый былъ баринъ, царство ему небесное! Ну, пойдете, что жь тутъ стоять-то?

Всѣ разбрелся по домамъ. Между тѣмъ Кириллъ разцѣловавшись съ сыномъ, который подбѣжалъ къ нему съ лицомъ сіявшимъ отъ радости, послѣдовалъ за баринномъ въ качествѣ управляющаго.

Они вошли въ большую гостиную, богато убранную, украшенную растеніями и обитую солнцемъ. Князь оглянулася

улыбаясь и, бросивъ на столъ фуражку съ парчатками, обратился къ Кириллу остановившемуся въ дверяхъ.

— Ну что, какъ поживаете? спросилъ онъ;— все ли обстоитъ благополучно?

— Живемъ помаленьку, ваше сіятельство; все молила Бога чтобъ Онъ васъ-то сохранилъ. Ужь и такъ намъ горя было не мало какъ вы изволили написать о палецькиной кончинѣ.

Князь пожалъ плечомъ.

— Да!.. Ну, ужь это!.. молвила онъ сквозь зубы и спросилъ послѣдшнею:— А каковы всходы?

— Воходы, слава Богу, хороши; а чай изволили видѣть какъ ѣхали. А не прикажете ли чего закутить? у насъ все готово.

— Да, распорядись-ка на счетъ завтрака, а если что потребуется я за тобой приду.

Кирилл скрылся за дверь, а молодой человекъ оставшись одинъ обшелъ всѣ комнаты. Уже цѣлые три года ему не удалось побывать въ своемъ любимомъ Веселомъ, гдѣ родился и провелъ дѣтство. Онъ вездѣ останавливался и заглядывалъ въ окна. Ему пріятно было сознаніе что онъ дома у себя, что онъ здѣсь хозяинъ и что какъ далеко ни простираются его взоры они ничего не увидятъ внѣ его владѣній.

На каждомъ шагѣ его встрѣчали воспоминавія отдаленнаго прошлаго. Когда онъ заглянулъ въ спальню недавно умершаго отца что-то похожее на грустное выраженіе пробѣжало по его лицу, но онъ не переступилъ даже порога этой комнаты; гдѣ его дѣтская кровать стояла въ продолженіи столькихъ лѣтъ возлѣ кровати покойнаго князя, гдѣ отецъ провелъ столько бессонныхъ ночей около больного мальчика. Никита Николаевичъ затворилъ дверь спальни и прошелъ въ длинную галерею гдѣ по его приказанію устроили ему кабинетъ. Сюда была перенесена тяжелая дѣдовская мебель, на которой блестяли мѣдныя наставки по красному дереву почернѣвшему отъ времени. Надъ мраморнымъ каминномъ украшеннымъ китайскими вазами возвышался гербъ князей Сборовскихъ и стѣны были обвѣшаны ихъ портретами. Тутъ были важные бородачи бояре въ собольихъ шалкахъ и вышитыхъ кафтанахъ, были красавицы въ сарафанахъ и ловойникахъ, были наконецъ щеголихи и щеголи въ напудренныхъ ларикахъ.

„Сколько разъ, подумалъ князь окидывая взглядомъ изображенія своихъ предковъ, бабушка разказывала мнѣ преданія о вихлѣ! Вотъ князь Ивамя Никитичъ, стоявшій до послѣдней минуты за царя Шуйскаго, сторонникъ патрiарха Гермогена. Я помню этотъ портретъ былъ написанъ лѣвннмъ Полякомъ. Вотъ княгиня Ирина Габбовна изъ рода Ерпкиныхъ. А это князь Николай Борисовичъ; онъ услѣлъ на охотѣ свалить медвѣдя который собираща помять царя Алекся Михайловича, и царь подарилъ Веселое своему спснтелю. А вотъ и прадѣдъ князь Романъ Алексѣевичъ, предъ которымъ трепеталъ весь околотокъ; какая благородная красота! Бабушка очень гордилась своимъ сходствомъ съ нимъ; она увѣряла что у меня даже его голосъ и походка.“

При этомъ воспоминанн онъ поглядѣлся въ зеркало, потомъ перенесъ съ самодовольною улыбкой взоры на гордое лицо прадѣда. Завтракъ давно уже остылъ, а онъ все еще стоялъ въ галлерей, перехода отъ портрета къ другому и припоминая съ любовью все что слышалъ о своихъ предкахъ.

III.

Между тѣмъ какъ онъ занимается ими, скажетъ нѣсколько словъ о немъ. Отецъ его, Николай Сергѣевичъ, принадлежалъ къ кружку мечтателей и идеалистовъ которыхъ называютъ людьми сороковыхъ годовъ и которые оставили въ нашемъ обществѣ такое теплое воспоминанн о себѣ. Онъ грустно провелъ свое дѣтство, нелюбимый гордою отцовскою семьей, потому что наружностью и характеромъ напоминалъ мать, не имевшую и кроткую нравомъ. Ея красота лѣвила князя Сергѣя Романовича Сборовскаго, но жена ему скоро прискучила, и онъ сталъ ее преслѣдовать со всею грубостью человека неразвитаго и не привыкшаго стѣснять себя. Семейство, не мирившееся съ веровнымъ бракомъ запятнавшимъ его громкое имя, не пропускало также случая оскорблять безоглядно не только горемычную женщину, но и ея сына. Когда она сошла въ могилу, отецъ отдалъ ребенка въ школу чтобъ избавиться отъ него. Школа спасла мальчика. Въ шестнадцать лѣтъ онъ надѣлъ студенческой мундиръ, и отецъ, жившій постоянно въ Веселомъ, обѣщалъ ему хорошее содержанн, говоря что князь Сборовскій долженъ жить

прилично. Между тѣмъ его доходы уходили на безобразные кутежи, и нашъ студентъ часто нуждался въ необходимомъ.

Изъ всей отцовской семьи одна лишь его тетка, княжна Ирина Романовна, оставила ему доброе воспоминаніе. Она объявила себя заступницей его матери и ласкала его, когда онъ былъ ребенкомъ. Княжна приняла на себя роль защитницы угнетенныхъ столько же изъ состраданія къ угнетеннымъ сколько можетъ-быть изъ ненависти къ брату, но привязалась невольно къ единственнымъ существамъ искавшимъ ея опоры. Кромѣ того ей нравилось смиреніе невѣстки, которая дѣловала ея руки и благодарила ее со слезами. Молодой князь не забылъ своего скорбнаго дѣтства и лишь только оставилъ школьную скамью, навѣстилъ княжну, разсоришшуюся окончательно съ его отцомъ. Она отказалась давно отъ свѣта, друзей у нея не было и ей пришлось жить отшельницей въ своемъ скромномъ уголкѣ. „Горькая судьба бобыля“, говорила она часто. Тоска одолевала ее среди мертвеннаго безмолвія ея дома, и Ирина Романовна была одинаково удивлена и тронута появленіемъ племянника. Она приняла его ласково, и воспоминанія о быломъ воскресили въ ея сердцѣ бабью привязанность къ которой она была способна.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ молодой человекъ съ кандидатскимъ дипломомъ въ карманѣ перебивался со дня на день, но его обстоятельства мгновенно измѣнились. Очагъ улыбкалось ему въ лицѣ красивой дѣвушки. Пока онъ бредилъ на яву и писалъ пламенные стихи, его отецъ простудился на охотѣ, занемогъ и умеръ. Князю Николаю Сергѣевичу досталось въ наслѣдство сильно разстроенное имѣніе, которымъ слѣдовало заняться. Онъ женился и поселился въ свою очередь въ деревнѣ.

Тутъ онъ зажилъ вполне счастливо, но судьба не долго его побаловала. Черезъ годъ послѣ женитьбы онъ праздновалъ рожденіе сына; прошло еще недѣли двѣ и онъ опустилъ въ могилу гробъ жены. Не было границъ отчаянію вдовца. Онъ потерялъ сонъ и аппетитъ, бродилъ какъ тѣнь по своему опустѣвшему дому или сидѣлъ рыдая около колыбели осиротѣвшаго ребенка. Домашніе боялись чтобъ онъ не потерялъ разсудка. Кириалъ счелъ долгомъ уведомить о случившемся княжну Ирину Романовну, и вскорѣ князь получилъ отъ нея слѣдующее письмо:

„Mon cher Nicolas!

„Je suis très étonnée d'avoir été informée par un de vos domestiques de la mort de votre femme, ce qui ne m'empêche pourtant pas de prendre la plus vive part à votre chagrin. Soumettez-vous à la volonté de Dieu et comptez sur le temps pour guérir votre blessure. Vous êtes trop jeune pour renoncer à la vie, et il est assez probable que dans peu d'années d'ici vous serez remarié. Mais en ce moment, comme vous n'avez la tête à rien et qu'il faut quelqu'un pour mener votre maison et veiller à votre fils, je vous offre de m'établir chez vous. Hâtez-vous de me dire si cette proposition vous arrange.

„Je vous embrasse, mon cher Nicolas, et me dis votre affectionnée tante,

Princesse Irine de Sborovsky* . *

Не гордой, сухой старухѣ хотѣлъ бы Николай Сергѣевичъ повѣрить первые годы сына, но еще меньше разчитывалъ онъ на наемниковъ или на патриархальную преданность крѣпостныхъ, и недѣли чрезъ двѣ княжна Ирина Романовна пріѣхала въ Весселое. Ей было тогда лѣтъ шестьдесятъ, однако она еще сохранила слѣды замѣчательной красоты и всю стройность высокаго сана. Но въ ея походкѣ, въ примѣхѣ, въ выраженіи черныхъ глазъ и смѣломъ покроеѣ губъ высказывалось что-то непреклонное, обдававшее холодомъ всѣхъ ее окружавшихъ. Она носила неизмѣнно темное платье и турецкую шаль, нюхала французскій табакъ изъ эмалевоѣ табатерки, украшенноѣ портретомъ Екатерины II, и на смуглой, сухой, но еще красивой рукѣ старухи блесгѣлъ всегда алмазный перстень, подаренный императоромъ Петромъ одному изъ князей Сборовскихъ.

* Мой милый Николай! Я очень удивляюсь что извѣстіе о кончинѣ твоеѣ жены дошло до меня чрезъ одного изъ твоихъ людей, что не мѣшаетъ мнѣ однако принимать самое искреннее участіе въ твоемъ горѣ. Покорись волѣ Божіей и разчитывай на время чтобъ излѣчить твою сердечную рану. Ты еще саишкомъ молодъ чтобъ отказаться отъ жизни, и по всей вѣроятности женишься снова чрезъ нѣсколько лѣтъ. Но такъ какъ въ настоящую минуту тебѣ не до чего, то необходимо чтобы кто-нибудь занялся твоимъ хозяйствомъ да позаботился о твоемъ сынѣ, и я предлагаю поселиться у тебя. Скажи мнѣ немедленно что ты объ этомъ думаешь.

Обнимаю тебя, мой милый Николай, и остаюсь любящая тебя тетка, княжна Ирина Сборовская.

Получивъ письмо Кириллы Ирина Романовна приняла немедленное рѣшеніе ѣхать къ племяннику. Со дня его переселенія въ Веселое, одинокая жизнь становилась для него все тягостнѣе и, еще страшнѣе казалась мысль объ одинокой смерти. Князь встрѣтилъ тетку со словами искренней признательности, а тетка полюбила немедленно маленькаго Никиту. Въ самой черствой женской природѣ таится зародышъ материнской вѣжности, и всякая женщина привяжется къ ребенку котораго нянчить на колѣняхъ и который вѣрнее ея попеченію. Когда малютка тянулся къ ней при ея появленіи въ его комнату, княжна брала его улыбаясь на руки, и лишь только онъ началъ лепетать выучивъ его звать ее бабушкой. „Il y a de la race dans cet enfant“, говорила она иногда, глядя съ гордостію на его смуглыя черты, на ястребинные глаза, и пророчила что онъ возобновитъ забытую славу закудалаго рода Сборовскихъ.

Княжна прожила весь свой вѣкъ опираясь на двѣ сванродовая честь и сухое сознаніе долга. Она творила добро по принципу, и ея добро не согрѣвало ничьего сердца. Въ домѣ, гдѣ былъ заведенъ съ ея приѣздомъ строгій порядокъ, она никого не обижала, заботилась о прислугѣ, и прислуга не упрекала ее ни въ чемъ, но не любила ея. Еслибы не маленькій ея воспитанникъ, Ирина Романовна сошла бы въ могилу не испытавъ вѣжнаго чувства. Но къ этому ребенку, въ которомъ она видѣла свое созданіе и будущаго представителя своего рода, она привязалась тѣмъ, болѣе что нашла въ немъ самую благоприятную почву для воспріятія ея правилъ и понятій. Мальчикъ былъ уменъ и правдивъ. Аристократическая гордость рано высказалась въ немъ; когда ему случилось остановиться около дѣтей его дѣтъ угравшихъ среди двора, онъ обращался къ нимъ съ чисто барскою благосклонностію и теплаго чувства не обнаруживалъ ни къ кому, за исключеніемъ повидимому княжны. Онъ ее любилъ съ дивнымъ, безсознательнымъ эгоизмомъ, какъ любятъ источникъ удовольствій и удобства. Ему было весело когда въ ненастные дни онъ усаживался на диванъ около бабушки и она разказывала ему похождения Робинсона, повѣсти изъ *Veillées du château*, или семейныя преданія хранившіяся свѣжо въ ея памяти. И никто не умѣлъ придумывать для него такихъ забавныхъ игръ, никто не слушалъ такъ охотно его болтовню.

Что касается князя, выйдя наконецъ изъ отупѣвшаго въ которомъ находилса, онъ бросился въ хозяйственныя за-
нятія съ двойною цѣлью—заглушить сердечную боль и оста-
вить сыну богатое состояніе. Онъ не зналъ отдыха съ утра
до ночи и мало видѣлъ ребенка. Многое не нравилось ему въ
системѣ воспитанія княжны и онъ вступалъ не рѣдко по
этому поводу въ борьбу съ теткой, но сильно разчитывалъ
на то время когда возьметъ сына на собственное попеченіе.
Лишь только мадъчику минуло семь лѣтъ, отецъ, имѣвшій
наконецъ возможность отдохнуть отъ жизни подевичика, пе-
ревелъ его въ свою комнату, посадилъ за книгу, занимался
имъ неуспѣшно и старался всачески развить нѣжныя струны
въ его сердцѣ. Но ребенокъ не поддавался благотворному
вліянію—его природенная сухость проглядывала вездѣ, и Ни-
колай Сергѣевичъ говорилъ себѣ часто съ горечью:

— Нѣтъ, виновата не воспитаніе, виновата не княжна Ири-
на Романовна, но видно кровь не переспорить. Не даромъ
онъ живою портретъ дѣда котораго я такъ боялся и такъ
ненавидѣлъ въ дѣтствѣ.

Между тѣмъ годы проходили незамѣтно и настало время
подумать серьезно о научномъ воспитаніи юноши. Семейство
перѣехало въ Москву. Занятія шли успѣшно, но Никита не
зналъ ни упоеній молодости, ни прелесть несбыточныхъ
грезъ. Въ свѣтѣ его блестящій умъ и породистая красота
обратили на него общее вниманіе, и всѣ его уважали за стро-
гое исполненіе долга и безукоризненную честность предли-
санную древнею аксіомой: *noblesse oblige*. Но онъ не впускалъ
симпатіи и не нашелъ друзей; впрочемъ онъ ихъ и не ис-
калъ: онъ жилъ безъ привязанностей. Когда окончалась княж-
на, молодой человекъ, не измѣлявшій никогда своимъ обяза-
ностямъ въ отношеніи къ ней не олакивалъ ея. Отца онъ
похоронилъ, когда соединенные флоты Англій и Франціи по-
явились на Черномъ Морѣ. Князь Никита Николаевичъ предъ-
явилъ свои права на наслѣдство, и вѣрный долгу дворянина
записался въ военную службу. Онъ не оставялъ до конца
Севастополя, и послѣ сдачи несчастнаго города пробылъ нѣ-
сколько мѣсяцевъ въ Крыму для поправленія здоровья.

IV.

Князь Никита Николаевичъ зажилъ въ своемъ Веселомъ жилищіи отшельника, но жизнью дѣятельною. У него была богатая библіотека, кромѣ того онъ получалъ много журналовъ и писалъ юридическое сочиненіе. Хозяйство ему нравилось: онъ слѣдилъ за полевыми работами, въ назначенные часы гулялъ, ѣздилъ верхомъ, а по вечерамъ слушалъ доклады старосты или Кириллы. Знакомство съ сосѣдами его не мавило, но тѣ которые ѣзжали къ Николаю Сергѣевичу не замедлили явиться поздравить съ пріѣздомъ его сына и погоревать о покойникѣ. Молодой помѣщикъ привалъ ихъ съ тою убійственною учтивостію, которую французское tiers-état прошлаго столѣтія не прощало аристократіи. Онъ отдалъ имъ визиты, и знакомство тѣмъ ограничилось.

Одинъ изъ этихъ непрошенныхъ посѣтителей, Михаилъ Поталовичъ Ивановъ, мелкопомѣстный дворянинъ, былъ изъ старинныхъ пріятелей Николая Сергѣевича и за нѣсколько лѣтъ до его кончины обѣдая разъ у него предсказалъ что князю достанется наслѣдіе дальняго родственника владѣвшаго богатымъ помѣстьемъ смежнымъ съ Веселымъ. Князь говорилъ напротивъ что врядъ ли родственникъ котораго онъ не зналъ въ глаза оставитъ ему свое имѣніе. Заспорили, сосѣдъ стоялъ твердо на своемъ, основываясь на довольно шаткихъ соображеніяхъ.

— Если вы мнѣ дѣйствительно напороочите такое богатство, сказалъ смѣясь Николай Сергѣевичъ,—то придется по совѣсти подѣлиться съ вами. Имѣніе Петра Ильича оцѣнено тысячь въ двѣсти: пять процентовъ ваши.

— Десять тысячъ! воскликнулъ старикъ,—да я такихъ денегъ и въ рукахъ никогда не держалъ. Я вамъ тогда наломлю, ваше сіятельство.

— Quelle envie, papa, de faire des promesses de ce genre! сказалъ Никита, пользуясь тѣмъ что сосѣдъ не говорилъ по-французски.—Après tous cet héritage pourrait bien nous revenir. *

Замѣчаніе двадцатилѣтняго сына обдало холодомъ князя.

* Чтѣ за охота, папа, давать такіа обѣщанія! Въ сущности, это наслѣдство можетъ достаться намъ.

— Нечего наломивать, не забуду, сказалъ онъ протягивая живо руку старику,—и повторяю свое обѣщаніе. Выльемъ за ваше будущее богатство,—продолжалъ онъ наливая четыре рюмки вина.—Тетушка выльетъ также съ нами.пей и ты, Никита.

Никита поблѣднѣлъ отъ досады, но выпилъ.

Этотъ самый Михаилъ Потаповичъ ограничился какъ и прочіе однимъ визитомъ къ Никитѣ Николаевичу, но недѣли двѣ послѣ своего посѣщенія получилъ отъ князя слѣдующее письмо, въ которое былъ вложенъ десятитысячный ломбардный билетъ:

„Милостивый государь

Михаилъ Потаповичъ,

„Мой покойный отецъ обѣщалъ вамъ десять тысячъ если перейдете къ нему имѣніе Дмитрія Ильича Толбина, которое досталось теперь мнѣ въ качествѣ наслѣдника отца. Принимаемая его наслѣдіе я обязанъ платить его долги и препровождаю вамъ банковый билетъ; потрудитесь прислать мнѣ расписку въ полученіи.

„Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ полномъ уваженіи.

„Кн. Н. Сборевскій.“

Михаилъ Потаповичъ не всломнилъ себя отъ радости, далъ расписку посланному, прибавляя что пріѣдетъ сейчасъ въ Веселое, и нѣсколько минутъ спустя катилъ уже по дорогѣ лежавшей между засѣянныхъ полей. Онъ словно помолодѣлъ отъ счастья и дорогой то читалъ молитву, то насвистывалъ лѣвсю. Подкативъ къ крыльцу Веселовскаго дома, онъ живо выпрыгнулъ изъ тележки и вошелъ скорыми и шумными шагами въ кабинетъ.

— Пріѣхалъ благодарить ваше сіятельство, воскликнулъ онъ протягивая князю свою широкую ладонь.

— За что? спросилъ Никита Николаевичъ, протягивая ему кончики лапцевъ.

— Помилуйте! какъ за что? Да за десять тысячъ. Не бездѣлушка!

— Я тутъ не причемъ, милостивый государь. Отецъ возложилъ на себя добровольно долгъ, а я обязанъ его заплатить. Но признаюсь что еще тогда мнѣ было очень непріятно обѣщаніе которымъ покойникъ связалъ себя и меня.

Старикъ вслыхнулъ.

— Стало-быть, сказалъ онъ,—а только покойному князю обязанъ этими деньгами?

— Исключительно ему.

— И слава Богу! Его поблагодарить было легко, а не дай Богъ никому сказать вамъ спасибо, ваше сіятельство, отвѣчалъ Михаилъ Потаповичъ кляваясь.

— Я не заслужилъ ничьей благодарности и не жду ея ни отъ кого, отозвался князь отвѣчая на его поклонъ.

Эта исторія скоро разнеслась по околотку, и съ той минуты всѣ дороги ведущія отъ сосѣднихъ усадебъ до Веселаго окончательно заглохли, къ великому удовольствію его владѣльца.

Князь принялъ осмотрительно незнакомую ему роль помѣщика, викалъ во все, не увлекаясь теоріями или нововведеніями, какъ не увлекался вообще ничѣмъ, а наоборотъ уважалъ преданія. Съ его прїѣздомъ ничто не измѣнилось въ Веселомъ; даже нищіе, получавшіе опредѣленное пособіе отъ покойнаго князя, являлись попрежнему въ контору за деньгами или мѣсячною, но имъ было запрещено ходить подъ окно господскаго дома и беспокоить князя. Во дворѣ его боялись, хотя ни одинъ человекъ не слышалъ отъ него ни добраго, ни дурнаго слова. Его расположеніемъ никто не пользовался, но привычка имѣла надъ нимъ большое вліяніе, и онъ не любилъ мѣнять прислуги. Ему было бы крайне неприятно еслибы на его утренній звонокъ явился кто бы то ни было кромѣ его камердинера Алексѣя, и князь, когда находился въ хорошемъ расположеніи духа, нерѣдко съ нимъ шутилъ. Но при душевной холодности онъ былъ желченъ, раздражителенъ, и когда вставалъ какъ говорится съ лѣвой ноги, то придирался ко всему чтобы раслушать бѣднаго малаго.

Алексѣй переносилъ смиренно незаслуженные выговоры и выходилъ изъ себя если кто высказывалъ не совсѣмъ выгодное мнѣніе о князѣ. Привязанность слугъ къ дворянскимъ семействамъ среди которыхъ они рождались и умирали была свѣтлою стороною крѣпостнаго права. Эта привязанность не требовала взаимности и не обуславливалась качествами господъ, но зараждалась въ колыбели и скрѣплялась преданіемъ. Старый слуга любилъ своего барина, потому что нянчилъ его на колѣняхъ и провожалъ до могилы его отца, а молодые любили потому что ихъ родители вѣкъ служили господамъ. И случалось не рѣдко что въ силу того

же преданія люди крутаго нрава щадилъ старыхъ слугъ носившихъ ихъ на рукахъ.

Привязанность Алексѣя къ князю была именно изъ тѣхъ безотчетныхъ привязанностей, которыя были такъ извѣстны нашимъ отцамъ и намъ. Онъ былъ ровесникъ барину, но гордился имъ какъ старая няня. Въ лавочкахъ куда онъ бѣгалъ за разнымъ хламомъ и въ переднихъ знакомыхъ домовъ были коротко извѣстны доблести князя. „Вѣдь вся московская знать къ намъ ѣздитъ, говорилъ камердинеръ, какъ есть вся, а по совѣсти скажу что видѣвъ моего и красивѣй нѣтъ. Опять же уменъ на диво, и въ *наверситетъ* золотую медаль получилъ.“ Алексѣй былъ съ нимъ въ Севастополь, куда ѣхалъ съ неописаннымъ страхомъ, но скоро привыкъ къ пальбѣ. Однако ему все казалось что сарады отъ которыхъ онъ считалъ себя застрахованнымъ не пощаждать его дорогаго барина. Когда начиналась сильная канонада, онъ зажигалъ свѣчу предъ иконой, бѣжалъ съ замѣрающимъ сердцемъ взглянуть что дѣлается на укрѣпленіяхъ и молилъ постоянно Бога взять скорѣе его грѣшнаго, но сохранить князя.

Онъ оплакивалъ Николая Сергѣевича какъ могъ бы оплакивать роднаго отца, заказалъ на собственные деньги сорокоустъ, читалъ Псалтирь надъ умершимъ и провелъ три ночи на ногахъ около него. Его горе дѣйствовало непріятно на Никиту Николаевича, который желалъ бы послѣ похоронъ отдохнуть отъ печальной церемоніи и не любилъ вообще видѣть пасмурныя лица около себя.

V.

Слуста мѣсяца два послѣ пріѣзда князя, Кириллъ сидѣлъ съ сыномъ въ своемъ флигелькѣ, около самовара килѣвшаго на столѣ. Старикъ казался сильно озабоченнымъ, а Алексѣй поглядывалъ на него, доливая съ блюдечка чай въ прикуску.

— Что это, батюшка, сказалъ онъ наконецъ,—ты все объ давишемъ-то? Нашелъ о чемъ сокрушаться! Точно, право важность какая что князь на меня крикнулъ.

— Крикнулъ! Да я отродясь этакого не слышалъ. Какъ я мимо окна-то шелъ, а онъ съ тобою бушевалъ, у меня просто ноги подкосились. Мы при покойникѣ къ этому привычны

не были, да и соколъ-то нашъ при немъ бы такъ не расходился.

— Можетъ, батюшка, такого какъ покойникъ днемъ съ огнемъ не отыщешь, да вѣдь и этотъ не что. Ну, въ другой разъ точно осерчаетъ, а чтобы чего этакого объ немъ сказать—нечего грѣха на душу брать.

— Чего жь тебѣ еще? Точно, право, прости меня Господи, на собаку кричалъ.

— Да полно, батюшка, отвѣчалъ съ досадою Алексѣй,— вѣдь не всякое лыко въ строку. Другимъ отъ своихъ господъ и не то достается. Дѣдушка-то его, князь Сергѣй Романовичъ, бѣдовый, говорятъ, былъ, да жили же вы при немъ.

Онъ налилъ чашку чаю, и наступило новое молчаніе. Вдругъ Кириллъ всталъ, затворилъ дверь, потомъ возвратился на свое мѣсто и началъ орать:

— Слушай, Алексѣй, какъ ты тамъ ни толкуй, а съ такимъ баринкомъ не житье: хочу я у него выпросить тебѣ вольную.

— Вольную! крикнулъ Алексѣй, и широко раскрылъ глаза.— Что ты, батюшка! Да съ чего это?

— А съ того чтобы въ обидѣ не жить. Мнѣ еще покойникъ говорилъ что не возьму ли я тебѣ отлускную. А онъ на это хорошъ,—продолжалъ Кириллъ, указывая на господскій домъ: — что свое слово, что родительское не посрамить.

— Да ты же въ тѣ поры отказался, когда князь отлускную давалъ. Вѣдь я очень ломлю, еще матушку покойницу прибралъ что ей хотѣлось меня на волю: нечего-моль отъ своихъ господъ по бѣлу свѣту шататься. А теперича самъ говоришь—вольную.

— Времена были другія. При покойникѣ-то грѣшно было и думать о волѣ.

— А мнѣ и теперъ грѣшно. Небось меня къ князю по тринадцатому году приставили, и что мы горя-то вмѣстѣ приняли! И за больнымъ-то я за нимъ ходилъ, и въ Севастополѣ былъ при немъ. Нѣтъ, батюшка, меня отъ него камнемъ не отшибешь.

— Какъ знаешь, сказалъ Кириллъ и прибавилъ, помолчавъ немного:—Я вѣкъ господамъ служилъ, а отъ такого молодца ушелъ бы на волю.

— Ушелъ бы, а небось и не собираешься, подхватилъ Алексѣй,—а ты бы и безъ господскаго хлѣба прожилъ: покойникъ тебѣ хорошія деньги отказалъ.

— Да ужь у меня одна нога въ гробу, такъ все едино: вынче со двора, а завтра на кладбище.

— Это, батюшка, во власти Божіей, а я такъ на умѣ держу: вотъ ты теперича на князя обидѣлся, а духа у тебя не хватить отъ него отойти, что у меня грѣшнаго. Нешто онъ тебѣ въ самомъ дѣлѣ не милъ? Какъ онъ намеренъ упалъ съ лошади, да ты прибѣжалъ, на тебѣ какъ есть лица не было.

— Тѣ-то и больно, отозвался Кирилль,—къ нему можетъ всею душой, а онъ хоть бы когда ласковое словечко...

Голосъ его дрогнулъ и слезы подступили къ глазамъ. Старикъ всталъ и подошелъ къ открытому окну; онъ не любилъ чтобы кто-нибудь видѣлъ подобное проявленіе его чувствъ. Зная это Алексѣй не сдѣлалъ никакого замѣчанія и сталъ полоскать чашки стоявшія на столѣ.

— Какъ живете-можете, Кирилль Ивановичъ? спросилъ вдругъ свѣжій голосъ, и красивая дѣвушка остановилась подъ окномъ.

— Спасибо, Груня, живу по маленьку, отвѣчалъ Кирилль.

— А слава Богу здоровы, такъ ужь не обидьте, Кирилль Ивановичъ, пожалуйста завтра къ теткѣ на именинный пирогъ.

Въ эту минуту Алексѣй выглянулъ изъ-за отца и поклонился примолвивъ:

— Здорово, Аграфена Митревна.

Груня вслыхнула и проговоривъ послѣднее: „здорово, Алексѣй Кириллычъ“, продолжала обращаясь къ старику, отъ котораго не ускользнуло ея смущеніе:

— Вы у насъ первымъ гостемъ будете.

— Ужь будто и первымъ?

— Какъ есть первымъ, Кирилль Ивановичъ. Нешто мы однѣ васъ почитаемъ? Кто съ вами побесѣдовать не радъ. Вамъ ума-то небось не занимать стать.

— У тебя видно, дѣвка, хвостъ-то лисій, замѣтилъ смѣясь Кирилль. — Ну, скажи теткѣ что я завтра приду на пирогъ.

— Напередъ вамъ спасибо, отвѣчала Груня кланаясь;—и тебя тоже тетка звать велѣла, Алексѣй Кириллычъ, милости просимъ: приходи покушать пирога съ грибами, да подержать языкъ за зубами.

Алексѣй смутился, а Кирилль отвѣчалъ:

— Не худо бы тебѣ, Груня, поучиться какъ держать языкъ за зубами. Ужь больно онъ у тебя даивень.

Она засмѣялась и крикнула убѣгая:

— Не взывайте коли что не такъ сказала.

— Бѣсъ дѣвка! замѣтилъ Кирилль, какъ скоро она удалась.—А вѣдь ты, Алеша, всѣ глаза на нее проглядѣлъ.

— Ужь больно хороша, батюшка, олять же окромѣ добра объ ней и сказать нечего.

— Я ея не хулю: добрая душа и дѣвка на все смышляная; только ужь куда какъ лиха! То и дѣло съ ларьями хи-хи, да смѣхи.

— Больше по молодости, а дурнаго за ней ничего не видать. Выйдетъ замужъ, другое будетъ.

— Оно пожалуй и такъ, да ужь ты прямо скажи коли она у тебя на примѣтъ.

— Что жь, батюшка, а бы не прочь жениться, коли твое благословеніе на то будетъ.

— Христось съ тобой, Алеша, отозвался смущеннымъ голосомъ Кирилль,—мое благословеніе и моя молитва всегда надъ тобой и Господь тебя не оставитъ.

— Дай тебѣ Богъ здоровья, батюшка, за твое неоставленіе. Стало коли твое согласіе на это дѣло есть, значитъ только насчетъ Груви: лишь бы она-то не зартачилась.

— Груня-то! Да ты только заикнись—она, а чай, на радости въ Кіевъ лѣшкомъ поидетъ.

— Я, батюшка, по тебѣ, да по княжеской милости первымъ женихомъ здѣсь слыву. Другая точно изъ-за этого хотъ поидетъ, постыль, а поидетъ. А за Груню-то сколько выгодныхъ жениховъ сватались, да не пошла же.

— А того ты не видишь что больно ей приглянулся?

— Что ты, батюшка! и съ чего тебѣ померещилось, когда она другой разъ коровить всякую насмѣшку мнѣ сдѣлать. Вотъ хотъ бы телерича..

— Простофиля ты, Алеша! Дѣвка-то ждетъ не дождется чтобы ты ей ласковое слово молвилъ, вотъ и разбираетъ ее досада что стоишь ты предъ ней словно ошлареный. Вѣдь она къ тому и сейчасъ насмѣшку-то сдѣлала.

— Хорошо бы, батюшка, твоими устами медъ лить, отозвался Алексѣй.

VI.

Алексѣй былъ добрый малый, кроткій и приващивый. Въ немъ таились неразвившіеся поэтическіе задатки, которые высказывались въ его пристрастіи къ природѣ къ романамъ и къ сентиментальнымъ романсамъ, которые онъ лѣлъ звонкимъ голосомъ. Книги духовнаго содержанія онъ также любилъ. Было даже время когда ему вздумалось заняться наукой, но наука ему не далась, всѣ учебники наводили на него зѣвоту. За то темный лѣсъ гдѣ онъ вдыхалъ здоровою грудью аромать смолы и фіалокъ, ручей осеребренный полнымъ мѣсяцемъ, лучи заходящаго солнца, пересѣченные листвою, наполняли его душу тихою радостію. Онъ былъ красивъ собой, русый, синеглазый, и молодыя дѣвушки на него заглядывались. По воскресеньямъ Алексѣй любилъ приварядиться и щеголялъ вообще опрятностію. Въ его скромномъ уголкѣ все было чисто и прибрано, на стѣнахъ красовались гравюры большею частію драматическаго содержанія, а на окнахъ горшки герани.

Онъ былъ очень уживчивъ и никого не задиралъ, но умѣлъ отвѣчать на насмѣшки или нападки. „Отъ родителя, либо отъ князя, разсуждалъ онъ, я все долженъ принять, потому—ужь это по закону, ужь такъ Господомъ указано, а чѣмъ я хуже своего брата? Ни въ *жизнь* не позволю чтобъ онъ изъ меня дурака сдѣлалъ.“

Незнакомое чувство запало ему въ душу съ тѣхъ поръ какъ онъ возвратился въ Веселое. У старой дѣвочки поселилась осиротѣвшая ея племянница. Груня была изъ тѣхъ красавицъ про которыхъ слагалось столько лѣсенъ и разказывается столько сказокъ: высокая, стройная, огненные глаза съ поволокой и тяжелая, черная коса перелетѣнная алою лентой. Молодая дѣвушка была права веселаго, раслѣвала соловьемъ, заводила хороводы и плясала такъ что даже старики на нее заглядывались. Дѣломъ она тоже занята умѣла, помогала теткѣ въ хозяйственныхъ хлопотахъ и все у нея кипѣло подъ руками, и работать она была мастерица, плела кружева, вышивала и свои издѣлья мѣняла у заѣзжихъ кулцовъ на красивые сарафаны и кисейные фартуки. Груня знала цѣну своей красотѣ и любила наряжаться.

Жениховъ у нея было не мало, но она была разборчива, и

тетка часто на нее ворчала: „Ты думаешь что смазлива, говорила она,—такъ тебя пожалуй какой *примузъ* возьметъ. Какъ бы не такъ! держи карманъ! Насидишься въ дѣвкахъ, когда гроша мѣднаго нѣтъ. А ужь мнѣ, бы хотѣлось пристроить тебя при себѣ“.

Наконецъ сталъ ухаживать за красавицей завидный женихъ, сынъ управляющаго сосѣднаго села Покровскаго, и казалось что дѣло пойдетъ на ладъ, но судьба не хотѣла рѣшительно поблаговать дьячихи. Груня свела предъ тѣмъ дружбу съ дворовою дѣвушкой Аришей, того же самаго села. Потомъ онѣ поссорились, какъ говорится, не на животь, а на смерть, бранились при встрѣчѣ и разказывали одна о другой всякія небылицы. Пока онѣ воевали съ одинаковымъ мужествомъ, Ариша пригласилась помѣщику второй руки, который былъ прихожанинъ Покровскаго и увидалъ ее за обѣдней. Между ними началась романъ, который кончился бракомъ. Лишь только дошло до Веселаго извѣстіе что Арина Фаддеева превратилась въ барыню, Груня страшно расходилась и объявила наотрѣвъ теткѣ что не пойдетъ за своего обожателя.

— Не хочу, говорила она,—чтобъ Аришка надо мной посмѣялась. Она за барина, а я за двороваго! Да еще по воскресеньямъ будемъ въ церкви встрѣчаться. Тутъ и молитва на умъ не пойдетъ, а только зло разбирать будетъ. Вмѣстѣ по грибы ходили, да орѣхи грызли, а теперича придется пожалуй у нея ручку цѣловать! Ужь воля твоя, тетушка, а этому не бывать.

— Да вѣдь ты не въ крѣпостныхъ къ ней пойдешь, отвѣчала дьячиха,—а видно тебѣ поперекъ горла что ей Богъ счастье послалъ; зависть разбираетъ,—вотъ оно что!

— Я-то ей завидую? я-то? Ну ужь нечего сказать, есть на что польститься! Хоть онъ и баринъ, а можетъ хуже другаго холола. Вѣдь всѣмъ извѣстно—лыяльчуга, а на видъ-то оципаный воробей и хара противная! А то мнѣ досадно что Аришка-то сдуру носъ подыметъ, да чтобъ я предъ ней увидилась! Скорѣй вѣкъ въ дѣвкахъ просижу.

Но вопреки строгому мнѣнію высказанному ею на счетъ новобрачнаго она не могла примириться съ блестящею судьбой своей бывшей подруги и даже когда время смягчило значительно ударъ, достаточно было малѣйшаго намека на Аришу чтобы вызвать со стороны Груни неудержимый потокъ насмѣшливыхъ и бранныхъ словъ. Однако несмотря на ея

воинственный духъ Груню всё любили въ дворнѣ. Нищій ли показывался въ Веселомъ — она давала ему ломоть ржаного хлѣба и грошъ отъ своихъ заработковъ; занемогала ли старушка на селѣ — Груня шла къ ней, ларила ее въ лежкѣ и натурала своими крѣпкими руками виномъ или масломъ; охала ли въ дворнѣ одинокая женщина о томъ что не успѣваетъ справиться съ хозяйствомъ, молодая дѣвушка помогала ей навизывать грибы для сушки или бѣлать холсты.

Алексѣй полюбилъ ее съ первой ихъ встрѣчи, полюбилъ ея красоту, ея веселость, лѣсны, пляску, доброе ея сердце. Онъ смущался въ ея присутствіи, робѣлъ и не смѣлъ съ ней заговорить, тѣмъ болѣе что боялся соперничества ларней сопровождавшихъ ее обыкновенно и угощавшихъ пряниками и орѣхами. Груня обращалась довольно рѣзко со своими обожателями, но ихъ любезности видимо льстили ея самолюбію, и Алексѣй не догадывался о ея настоящихъ чувствахъ, которыя не остались тайной для Кирилла. Ей нравился этотъ красивый, скромный поклонникъ и не разъ она задумывалась о немъ. Но робость Алексѣя приводила ее въ сильную досаду. Молодая дѣвушка не пропускала случая вовлечь его въ бесѣду, но ея шутки, подтруниванья, вызывающія уловки которыя ей удавались съ другими ларнями, дѣйствовали на него непріятно. Дорого бы далъ Алексѣй чтобы поговорить съ ней по душѣ, но ея бойкія выходки оскорбляли въ немъ какое-то деликатное чутье. Подавленное чувство не высказывалось, разговоръ не клеился, и зло разбирало Груню.

VII.

Наканунѣ именинъ тетки Груня помогала работницѣмъ вычистить и убрать домикъ, приготовила свой нарядъ, а въ великій день хлопотала съ утра на кухнѣ. Такъ какъ хозяйка дома сочла бы неприличнымъ принимать на дворѣ подъ тѣнью дилъ, то гости собрались въ двѣ комнаты, гдѣ дышалось съ трудомъ, благодаря горячему солнцу которое обливало ихъ яркимъ свѣтомъ. Въ одной изъ нихъ килѣлъ на столѣ самоваръ, около котораго усѣлись съ дьячихой старики и духовныя лица, въ другой молодежи окружала Груню.

Въ ту минуту когда появилась Алексѣй шла уже веселая бесѣда. Онъ поздравилъ дьячиху, потомъ ея племянницу съ

дорогую именинницей и устылся на лавочкѣ. Работница подала огромный пирожекъ. Груня принялась его рѣзать.

— А мы вечеръ у воротъ стояли, Аграфена Митревна, говорилъ косою ларень по прозвищу „Заяцъ“,—да болтали промежь себя, какъ ты изъ погреба шла, а я и говорю: ужь недавно тотъ въ сорочкѣ родился кого эта раскрасавица по любить.

— Я всѣхъ люблю, отозвалась Груня, выкидывая куски пирога на синія фаянсовыя тарелки;—всѣхъ пирогомъ угощаю. Не побрезгайте, прибавила она раздавая тарелки гостямъ.

— Мнѣ не любо на тарелкѣ, замѣтилъ чернокудрый молодецъ,—а ты бы мнѣ лучше изъ своихъ бѣлыхъ ручевекъ пирожка подала, Аграфена Митревна,—вкуснѣй бы было.

— А съ чего ты взялъ что я свои бѣлыя-то ручевьки изъ-за тебя обожгу? отвѣтила она.

— Ишь, недобрая какаа! замѣтилъ чернокудрый и принялся вѣсть.

— Полюби только, Аграфена Митревна, началъ орать Заяцъ,—я на такой радости готовъ утопиться.

— Надуешь! не утолишься!

— Съ мѣста не сойти, утошаюсь, полюби только.

— Надуешь! Скажешь: не могу я князя въ убытокъ вводить; каковъ я ни на есть, а ревизская душа. А хочешь такъ: сперва утопись, потомъ полюблю, и убиваться по тебѣ стану.

Громкій хохотъ привѣтствовалъ эту шутку. Сконфуженный Заяцъ придрался къ имени князя чтобы переменить разговоръ.

— Приходили наемни Ивановскіе къ обѣду и спрашивали правда ли что нашему князю царь Егорья пожаловалъ.

— Не одного Егорья, еще Владиміра, отозвался Алексѣй.—Какъ же царю не жаловать сводхъ вѣрныхъ слугъ? Вѣдь въ Севастополь-то стояли мы что въ аду кромѣшномъ.

— Какъ же тебѣ тамъ жилось, Алексѣй Кирилловичъ? спросила съ усмѣшкой Груня.—Смотришь-то ты куда какъ не храбрецомъ.

Заяцъ засмѣялся, принужденно заливался во всю комнату. Несметна на свои бѣлые волосы и косые глаза онъ имѣлъ сильныя притязанія на красоту, чуялъ опаснаго соперника въ Алексѣя и не любилъ его вообще за его красивую наружность. Самолюбіе Алексѣя сильно задѣтое побѣдило обычную

робость которая на него нападала въ присутствіи Груня, и онъ отвѣчалъ развязно:

— Кого чѣмъ Богъ награждаетъ, Аграфена Митревна: жилъ я почти годъ подъ снарядами, летали они около насъ что вотъ телерича мухи, и не боялся я ихъ, за то храбрецомъ не смотрю. А другой ужъ то-то удалецъ на словахъ! и въ огонь ему идти и топиться ни почемъ, а поставить бы его подъ снаряды, такъ можетъ онъ отъ нихъ такъ бы удралъ что никакая пуля его бъ не достигла.

Всѣ разсмѣялись за исключеніемъ Зайца, и Груня крикнула:

— Молодецъ! и впрямь на слова ты не тароватъ, за то ужъ молвишь хоть рѣдко да мѣтко. Да благо разговорился, разказалъ бы ты намъ какъ все это дѣло-то было. Давно мнѣ знать хотѣлось, а спросить не у кого.

— Отчего не разказать коли тебѣ любопытно послушать, возразилъ уже влохля ободрившійся Алексѣй.—Вѣдь мы съ княземъ къ Покрову въ Севастополь пріѣхали, а стали они метать снаряды на пятый день съ Покрова-то. На самой зарѣ такая поднялась лава что земля заходила подъ нами.

Въ эту минуту священникъ показался на порогѣ.

— Ужъ коли разказывать, Алексѣй Кириллычъ, сказалъ онъ,—такъ пожалуй къ намъ отарикамъ, чтобъ и мы послушали, а насъ лотѣшь.

Алексѣй перешелъ въ сосѣдную комнату. Она не могла вмѣстить всѣхъ гостей, и Груня поставила въ самыхъ дверяхъ стулъ, на которомъ усѣлась, а молодежь скучилась сзади ея. Одишь только Заяцъ поблагодарилъ дьячиху за угощеніе, прибавя что у него дѣлашки дома.

— Видно на словахъ топиться легко, а то про пушки и слушать страшно, замѣтила весело смѣясь Груня, когда онъ ушелъ.

Алексѣй заговорилъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавно совершившихся, событій. Онъ разказывалъ о геройскихъ подвигахъ нашихъ солдатъ, о вождяхъ Черноморскаго флота, которые умирали съ именемъ Севастополя на губахъ, о едѣхъ несчастнаго города, и не разъ дрогнулъ его голосъ. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, а Груня утирала часто слезы катившіяся по ея щекамъ.

VIII.

Въ тотъ же вечеръ Алексѣй возвращался съ села, куда ходилъ передать старостѣ приказанія князя. Достаточно было взглянуть на него чтобъ угадать радостное настроеніе его духа. Онъ понималъ что нынѣшнее утро измѣнило совершенно его отношенія къ Грунѣ, что его сблизило съ нею чувство вызванное его разказомъ въ молодой дѣвушкѣ и онъ улыбался неволью при воспоминаніи о почетномъ мѣстѣ которое завоевалъ къ великой досадѣ своихъ соперниковъ. Тропинка по которой онъ шелъ лежала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома дьячихи, гдѣ Груня плела кружево подъ открытымъ окномъ. Перебирая быстрыми пальцами кокаюшки, она думала также о прошедшемъ утрѣ, объ Алексѣѣ, и увидала его издали.

„Чего добраго, онъ пожалуй и не подойдетъ чтобы молвить словечко, мелькнуло у нея въ головѣ.—Врешь! хочешь не хочешь, а подойдешь сюда“...

Она сбросила съ окна мотокъ нитокъ и крикнула, лишь только Алексѣй поровнялся съ домомъ.

— Я моточекъ обрвила, Алексѣй Кириллычъ, не подѣлись, лодыми-ка.

Алексѣй подвѣялъ мотокъ.

— А кому ты это васильковъ-то нарвалъ? спросила она.— Подѣлись-ка со мной: я страсть какъ ихъ люблю.

— Рожью шелъ и нарвалъ; возьми пожалуй всѣ, отозвался Алексѣй подавая ей цѣпты.

— Ну спасибо. Да вѣдь я немножко просила, только въ кувшинчикъ поставить, а ты ужъ и всѣ! Видно ты больно таревать. За то ужъ какой гордый!

— Чѣмъ же я гордъ, Аграфена Митревна?

— Да слова никогда не вымолвишь.

— Другой разъ и радъ бы вымолвить, да не приходится. Все около тебя ларни увиваются что сарапча какаа, просто Господи, вотъ и думаешь, что жъ я-то туда сукусь, пожалуй только помѣшаешь.

— Кому помѣшаешь? этимъ зубоскаламъ-то?

— Сама-жъ ты ихъ зубоскалами называешь, а они отъ тебя не отходятъ.

— Ужь и не отходить! что ты, Алексѣй Кирилловичъ. Опять же добро бы что-нибудь такое было... отвѣчала Груня какъ бы оправдываясь предъ нимъ.

— Я этого и въ головѣ не держалъ, Аграфена Митревна, а скажу тебѣ по совѣсти, хоть можеть ты на меня и поговѣиваешься: въ людяхъ-то толкують что ты все съ ними тары да бары. Сама знаешь: одинъ скажетъ, другой скажетъ, вотъ и пойдетъ недобрая слава. А изъ чего? Вѣдь все пустяки.

— Правду ты сказалъ, Алексѣй Кирилловичъ: пустяки! какъ предъ Богомъ говорю.

Алексѣй помолчалъ немного.

— А ты знаешь ли, Аграфена Митревна, началъ онъ опять заливаясь,—что коли человекъ не пустой... такъ примѣрно сказать... коли ему что Богъ на душу положилъ насчетъ тебя... я все примѣрно то говорю... ему не до пустыхъ словъ.

— Да вѣдь хорошему человеку такой и почетъ, Алексѣй Кирилловичъ, отозвалась покраснѣвъ Груня, постукивая своими кокаютками и путая ихъ,—вѣдь объ немъ такъ и разумѣють, а не то чтобъ его къ пустымъ людямъ примѣнать.

Наступило новое молчаніе. Она прервала его первая.

— Вѣдь другой разъ съ вами больше отъ скуки разболтаешься, право слово! А я куда какъ люблю когда придется съ кѣмъ степенно-то побесѣдовать! Вотъ какъ ты давеча про Севастополь разказывалъ, такъ оно было чувствительно и любо слушать.

— А любо слушать, я тебѣ пожалуй много разкажу. Не даромъ въ Москвѣ жилъ и мало ли чего тамъ наглядѣлся. Видѣлъ я кремлевскіе соборы, знаю какія мощи тамъ почиваютъ. Въ Кремлѣ тоже Иванъ Великій и Царь-Пушка, и право я разказать могу.

— Ужь и подлинно, чего-чего ты ни видалъ и чего ни знаешь, сказала Груня.

— А то еще покойный князь всегда мнѣ книжки давалъ, началъ опять Алексѣй, стараясь подавить улыбку самодовольствія вызванную замѣчаніемъ молодой дѣвушки, — у меня и теперича ихъ много. Хочешь я тебѣ почитаю?

— Хорошо тебѣ, Алексѣй Кирилловичъ, за книжками сидѣть, а вѣдь я неученая, пожалуй не пойму.

— А что не поймешь, я тебѣ объясню. Опять же другая

книжка куда какъ понятно написана. Вотъ хотя бы *Юрїи Милославскій*, а то еще житіе іеромонаха Серафима.

— Ну, приди, почитай. Такъ я буду рада! А съ этими пустомелями хоть бы никогда и не встрѣчаться! Когда жъ ты придешь?

— Да хоть бы завтра объ эту же лору. Я вечеромъ князю не нуженъ, развѣ онъ куда пошлетъ. Приготовилъ ему постель и стулай куда хочешь. А теперь лора съ докладомъ, прощенія просимъ, Аграфена Митревна, сказалъ Алексѣй.— Такъ не забудь же: завтра.

Груня взглянула ему прямо въ глаза, и отвѣчала такимъ голосомъ и съ такою улыбкой что сердце его забилось отъ радости:

— Небось! не забуду.

IX.

Сладко уснувъ въ эту ночь, Груня встала рано, пошла къ рѣкѣ и спустилась въ купальню. Вымывъ голову она подобрала подъ гребенку мокрую косу и долго плескалась въ водѣ, потомъ одѣлась, распустила волосы по плечамъ, вышла на рѣчной берегъ и разлеглась на скошенномъ снѣгѣ. Она ждала вечеромъ Алексѣя, вспоминала о своемъ разговорѣ съ нимъ и такъ хорошо было у нея на душѣ что радость наполнявшая ее вырвалась вдругъ наружу и зазвучала серебряною лѣснью:

Три друженка
 Про краску дѣвицу
 Небыль рассказали:
 Будто красна дѣвица
 По рану вставала,
 Голову чесала,
 Русу косу расплетала,
 Лентой первивала.
 На зарѣ ранешенько
 Друга провожала
 До зелена луга,
 Съ полудороги ворочалася,
 Съ милымъ не прощалася.

— А кто твой милый другъ, красная дѣвица? спросилъ незнакомый голосъ.

Она быстро обернулась. Князь стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нея. Груня хотѣла вскочить, но онъ положилъ ей руку на плечо, примолвивъ:—Нѣтъ, нѣтъ, останься,—сѣлъ съ ней рядомъ и повторилъ:—Кто жь твой милый другъ?

Она застыдилась и потупилась.

- Признайся, настаивалъ князь,—вѣдь я никому не скажу.
- Никто, право никто, пролетѣла она.
- Вздоръ! А если точно никто, тѣмъ лучше. Я тебѣ друга отыщу. А я чай ты рада что такая красавица? Да говори же!
- Кому же охота уродомъ-то быть?
- Вѣрно. Ты изъ чьего двора?
- Я племянница дьячки. Она меня призрѣла.
- Давно ты у нея живешь?
- Другой годъ. Какъ мать померла.
- Хороша къ тебѣ тетка?
- Ништо, она добрая.
- Балуетъ тебя? наряжаетъ?
- И рада бы наряжать, отвѣчала Груня, которая услѣла немного оломниться,—да денегъ нѣтъ.

— Постой, можетъ у меня найдутся.

Онъ вынулъ изъ кошелька два золотые, которые бросилъ ей на колѣни. Никогда еще не было у нея такого капитала въ рукахъ. Она улыбулась, взяла деньги и промолвила, низко кланяясь:

— Благодарю покорно, ваше сіятельство.

— Я такой благодарности не принимаю, сказалъ князь,—за это поцѣловать надо.

Она робко на него взглянула, не отозвалась и опустила голову. Князь къ ней нагнулся, взялъ ее за подбородокъ, поцѣловалъ въ губы и спросилъ:

— Ну что, вѣдь не больно? Скажи, не больно?

— Нѣтъ, отвѣчала Груня и засмѣялась.

— Видишь, тебѣ не больно, а мнѣ такъ прямо сладко.

Онъ не слускалъ съ нея глазъ, и точно можно было ею залюбоваться. Нѣсколько нитей разноцвѣтныхъ бусъ переплетались около смуглой ея шеи и виспадали на бѣлую рубашку. Черные вьющіеся волосы начинавшіе сохнуть подъ теплымъ дуновеніемъ вѣтерка разсыпались пушистые по плечамъ Груни и покрывали ее какъ длинною фатой. Щеки раскраснѣлись, большіе глаза горѣли подъ длинными рѣсницами, легкій пушокъ отгвѣнялъ алыя губы. Лобъ былъ не высокъ, профиль тонкій и правильный.

„Elle pourrait poser pour une tête de Pallas“ *, думалъ князь и спросилъ:

- Тебя какъ зовутъ?
- Груня.
- Отчего ты испугалась когда я къ тебѣ подошелъ?
- Да какъ же не испугаться?
- Развѣ я такой ужь безобразный что на меня и взглянуть-то такъ страхъ разбереть.
- Какъ можно! Вы не безобразный; вы красавецъ.
- А красавецъ, такъ и бояться меня нечего. Приходи ко мнѣ въ гости. Что жь ты молчишь?
- Нѣтъ... нѣтъ... этого не можно...
- Отчего не можно?
- Право не можно: всѣ толковать стануть.
- Эка важность какая! Пусть толкуютъ, отвѣчалъ князь и подумалъ: „лишь бы только ея не запугать, эта крѣпость сдается скорѣе Севастополя“.—А не хочешь ко мнѣ, скажешь онъ,—такъ приходи сюда завтра объ эту же пору. Ужь тутъ никто толковать не станеть.

Ей стало инстинктивно страшно; она отвѣчала:

- Да можетъ тетка задержать...
- Пустое! приходи. Мнѣ сдается что ты завтра найдешь здѣсь кладъ.

Она разсмѣялась.

- Ну что жь, Груня? и за нимъ не придешь?
- Да то-то, пожалуй задержать...
- Какъ знаешь. А я на всякій случай приду и буду стеречь кладъ чтобъ его никто не унесъ безъ тебя.
- Развѣ прибѣжать на минуточку, коли то-есть помѣхи не будетъ.
- Какъ, минуточки-то свободной не найдешь? Приходи-ка, тужить не будешь, отвѣчалъ князь, значительно улыбаясь и поднимаясь со своего мѣста.

Онъ удалился, и Груня проводила его глазами и задумалась. Ихъ краткій разговоръ привелъ въ смятеніе всѣ ея чувства. До сихъ поръ она думала о князѣ не какъ о существѣ созданномъ изъ плоти и крови, но поставленномъ самимъ Богомъ выше ея и всѣхъ ее окружавшихъ. Груня глядѣла на него не разъ, спрятавшись за заборомъ или

* Она могла бы служить моделью для головы Паллады.

украдкой изъ окна, притаивъ дыханіе и боясь чтобъ оныя ея не замѣтилъ. Говорить съ нимъ казалось ей недосягаемою честью, а онъ бесѣдовалъ съ ней такъ привѣтливо, такъ ласково, онъ подарилъ ей столько денегъ, хвалилъ ея красоту! Самолюбіе молодой дѣвушки было сильно польщено, но страхъ ее разбиралъ. Она понимала смутно что князь заманиваетъ ее на луть съ котораго нѣтъ возврата.

„Ужь полно приходить ли завтра? разсуждала она сама съ собой. — Онъ говорилъ кладъ найду. Какой кладъ? Значить опять денегъ подарить, и потомъ опять скажетъ поцѣлуй, а потомъ опять: приходи да приходи. Нѣтъ, лучше не пойду. Богъ съ нимъ, еще пожалуй кто подосмотритъ. Да и объ этихъ деньгахъ лучше никому не сказывать... Алексѣй-то Кириллычъ сегодня придетъ...“ Ей стало меловко при воспоминавіи о поцѣлуѣ князя. „Да вѣдь онъ самъ меня поцѣловалъ, вѣдь не свой братъ, не оттолкнешь. Нѣтъ, не приду завтра... А вѣдь онъ ждать будетъ, пожалуй осерчаетъ... Развѣ приближать, да только сказать ему: мнѣ, молъ, ваше сіятельство, не досужно, — и назадъ, и даже не присяду. Развѣ такъ... а про эти деньги никому не скажу... А узнали бы такъ всѣхъ дѣвокъ на селѣ зависть бы разобрала... Я думала съ нимъ и говорить-то страшно, а онъ такой ласковый, и какой красавецъ. Да и Алексѣй Кириллычъ тоже, хоть и не князь, а не хуже его будетъ. Ужь подлинно, соколъ ясный! Нѣтъ, не приду завтра, рѣшила она, ни за что не приду!“

Х.

Князь лишь только вернулся съ утренней прогулки, потребовалъ конторщика и приказалъ ему ѣхать немедленно въ городъ.

— Кули, сказалъ онъ, — атласа на два сарафана, хоть красного да голубаго, кисей, словомъ, всякой бабьей рухляди. Посовѣтуйся съ женой. Да вельзя ли купить въ городѣ золотыхъ сережекъ?

— Можно, ваше сіятельство.

— Ну, такъ кули, положи на все рублей сто.

Не услывъ еще конторщикъ выѣхать за околицу, а вся дворня уже толковала о цѣли его поѣздки. Никто не сомнѣвался что богатые подарки предназначаются Грунѣ, потому

что предъ тѣмъ Зацѣ уже обѣгалъ всея людскія избы съ извѣстіемъ что когда ходилъ равнымъ утромъ съ ружьемъ, то видѣлъ ее и князя сидѣвшихъ на берегу рѣки.

Недобрыя новости скоро дошли до Алексѣя. Онъ себя не волновалъ и бросился къ дьячихѣ. Груня стояла на дворѣ и развѣщивала лю плотную сырое бѣлье лежавшее грудой около нея. Она сильно смутилась при видѣ своего обожателя, блѣднаго и залыхавшагося.

— Я къ тебѣ на пару словъ, Аграфена Митревна, скажешь онъ.

— Что случилось, Алексѣй Кириллычъ?

— Правда что ты давеча съ княземъ повстрѣчалась?

— Правда. А что? отозвалась она краснѣя.

— И говорилъ онъ съ тобой? Что жь онъ говорилъ?

— Спрашивалъ какъ меня зовутъ, да изъ чьихъ я. Ну, я и доложила.

— А еще что?

— Еще-то что? Да ты это все къ чему, Алексѣй Кириллычъ? спросила молодая дѣвушка, расправляя на плетнѣ ситцевый сарафанъ.

— А къ тому, Аграфена Митревна, что ужь вся дворня теперича объ этомъ толкуеть. Ты остерегайся.

— Вотъ антиречно! Стало князь ко мнѣ, а я отъ него бѣжать!

— И впрямь бѣжать, коли хочешь свою добрую славу оберечь. Чего тебѣ бояться-то? вѣдь ты не крѣпостная. Ты послушай дѣло-то какое: послали онъ конторщика въ городъ купить атласа на два сарафана, да золотыя сережки, и все какъ есть кричать что это онъ тебя подарить хочетъ.

„Вотъ онъ, кладъ-то!“ подумала Груня, и при мысли о золотыхъ сережкахъ и атласныхъ сарафанахъ сердце ея забилось.

— Это еще на двое бабушка сказала, отозвалась она, стараясь говорить равнодушно, а хоть бы и мнѣ? Ну, подарить, дай ему Богъ здоровья.

— Нѣтъ, Аграфена Митревна, этого нельзя.

— Вотъ такъ-то! Стало мнѣ отказаться? Да изъ чего? изъ-за бабихъ-то сплетенъ? Всѣхъ сплетенъ не переслушаешь, да и тебѣ вольно ими заниматься, Алексѣй Кириллычъ.

— Оттого и толкуютъ добрые люди что оно такъ споконъ вѣка водится. Господа не изъявятся даромъ на красную дѣвушку.

— Не изъявятся даромъ! повторила Груня: За что

обижаешь, Алексѣй Кириллычъ? Пришелъ ко мнѣ какъ и добрый человекъ, а какія слова говоришь! Она, разумеется, всякому вошло мена обижать, я сирота беззащитная.

— Не я тебя обижать стану, а говорю тебѣ что сестрѣ родной десчетъ онъ тебя дарить, стало у него свое на утѣ.

— Ничего у него цѣтъ на утѣ, а ты видно обидчикъ. Вотъ оно чтѣ!

— Эхъ, Аграфена Митревна! не тебѣ бы такое слово молвить! Какъ а объ этомъ давеча услыхалъ, такъ можетъ свѣта Божьяго не взвидѣлъ.

Слезы выступили на его глазахъ. Груня на него взглянула, и сердце ея замыло. Ей было жалъ Алексѣя, но въ ея воображеніи рисовались золотыя сережки и шелковые сарафаны. Она сильно колебалась и сказала смягченнымъ голосомъ:

— Напрасно ты безпокоишься, Алексѣй Кириллычъ, право напрасно; разсуди самъ: чтѣ въ дворѣ болтаютъ, такъ на всякое чиханье не наздравствуешься. А важный баринъ, опять же добрый, вотъ и дарить. Намедни тоже Афиримъ тулупъ пожаловалъ.

— Вотъ такъ-то! беззубой-то старухѣ!

— Онъ видно и старухъ и молодыхъ, всѣхъ жалуетъ. Нынче мена, а завтра можетъ другую.

Она вынула изъ кучи сыраго бѣлья дыравый фартукъ, который принялась разсматривать, подымая его высоко предъ глазами.

— Чтѣ мнѣ до другой! возразилъ запальчиво Алексѣй, — мнѣ дорога твоя добрая слава. Послушайся мена, прямо ему скажи: благодарю, молъ, даще сіятельство, не нуждаюсь я въ этомъ.

— Ну какъ же, сказала съ сердцемъ Груня, — такъ его и отпихну, какъ вѣчоръ Аевасья, когда онъ со своими булбучками-то пришѣлъ!

Алексѣй не скоро отозвался. Онъ былъ глубоко оскорбленъ ея настойчивостію и молвилъ наконецъ съ горькою усмѣшкой:

— Ну, видно придется тебя ~~продражить~~ съ обловами, Аграфена Митревна.

Груня покраснѣла отъ досады, схватила въ оханку бѣлье лежавшее у ея ногъ и крикнула, подходя къ крыльцу:

— И буду съ обновой! буду, буду!

— Да какъ бы только не пришла съ тебѣ послѣ погоревать, Аграфена Митревна, да добрыхъ людей постыдиться.

— А хота бы и такъ, тебѣ какое дѣло?

— Ужъ ты послѣ этого честному мужу не жена, продолжалъ Алексѣй.

— Авось честный мужъ мой не погаушается, а ужъ никому навязываться не буду. Можетъ другаго и сама прогою.

Кровь прихлынула къ блѣдному лицу Алексѣя.

— Счастливо оставаться, Аграфена Митревна, молвилъ онъ и направился къ воротамъ.

— Ужъ ты вечеромъ-то не трудись, не приходи съ книжкой, крикнула ему въ слѣдъ Груня.

Она бросила опять бѣлье на траву и сѣла на крыльцо, сильно взвздошавшая. Щеки ея пылали. „Обидчикъ! повторяла она мысленно, стараась убѣдить себя что Алексѣй кругомъ предъ ней виноватъ. Что еще выдумалъ: отказать отъ своего добра изъ-за пустыхъ словъ! Да ему-то что за дѣло? Такъ вотъ на зао же ему пойду завтра къ рѣкѣ, безпремѣнно пойду... Золотыя сережки, атласныя сарафаны...“ И Груня улыбнулась неволью, несмотря на свою досаду. „Точно, право, какъ князь подарить, такъ и лиши: продало! Да можетъ онъ завтра же всѣхъ дѣвокъ на селѣ дарить задумаетъ, благо денегъ-то куры не клюютъ. На то его воля... Ишь! честному мужу не жена! Обидчикъ этотъ Алексѣй Кириллычъ, какъ есть обидчикъ! И кто это подсматрѣлъ что я давеча съ княземъ сидѣла? Да пожалуй подсматривай: какое мнѣ дѣло!.. Завтра какъ встану пойду, и ничего изъ этого такого не выйдетъ...“

Но какъ ни пыталась Груня убѣдить себя что изъ „этого ничего такого не выйдетъ“, она ловимала что воступаетъ на скользкій путь и ей хотѣлось заручиться чьею-нибудь олорой. „Что-то скажетъ тетка?“ подумала она, и съ надеждой что не останется безъ союзника лошла въ коморку, гдѣ отола ея кровать, открыла свой сундучекъ, вынула изъ него одинъ изъ золотыхъ полученныхъ отъ князя и вернула въ крыльцо.

Черезъ нѣсколько минутъ явилась дѣвчиха, хлопотавшая все утро въ погребѣ.

— Что ты это до сихъ поръ проклажаешься, замѣтила она, — бѣлье-то у тебя еще не развѣшено.

— Успѣю, тетушка. Пойдемъ-ка домой. Я тебя поджидала, гостинца тебѣ принесла.

— Какого гостинца? спросила старуха, входя въ комнату и опускаясь тяжело на неуклюжій, изорванный диванъ.

Груня положила, улыбаясь, червонецъ на столъ. Глаза дьячихи разгорѣлись.

— Ай да Грунюшка! воскликнула она, — вотъ ужь спасибо такъ спасибо! откуда ты взяла?

— Князь пожаловалъ.

— Чтò ты! Гдѣ жь его повстрѣчала?

— Ну, тетушка, какой онъ пріятливый! ласковый какой! Просто душа баринъ.

— Да гдѣ ты его повстрѣчала-то? Ты лутемъ разкажи.

Груня приступила робко къ своему разказу, но ободралась постепенно глядя на сіяющее лицо дьячихи.

— Ну, дѣвка, сказала старуха, когда она замолкла, — не промигай своего счастья, а искалъ тебя Господь, меня не забывай. Вѣдь я призрѣла твое сиротство и живешь ты у меня что у матери родной.

— Ужь онъ послалъ въ городъ конторщика, началъ опять, повлизивъ гдось Груня, которая умолчала о своемъ разговорѣ съ Алексѣемъ, — и приказалъ ему купить атласа на два сарафана, да золотыя сережки.

— Вотъ какъ! тебѣ кто сказывалъ?

— Да по всей дворнѣ говорятъ и какъ они меня позорятъ, тетушка, Богъ съ ними!

— А ты на нихъ наплюй. Чай все изъ зависти позорятъ. Дай срокъ, еще можетъ тебѣ же поклонятся.

XI.

— Ну чтò, видно наша свободную минуточку, замѣтилъ, на другой день, улыбаясь, князь, когда Груня прибѣжала еле переводя духъ къ рѣкѣ. — А скажи по совѣсти, меня хотѣла повидать, или поискать кладъ?

— Да вѣдь вы приказали приходиться, ваше сіятельство, какъ же я смѣю...

— Умница! Ну, садись, вотъ и кладъ тебя ждетъ.

Они сѣли рядомъ подъ дерево, и князь, открывъ корзину которую привезъ съ собой, вынулъ изъ нея кусокъ алаго, кусокъ голубаго атласа, ленты, кисеи, шелковый платокъ и гранатовое ожерелье. Глаза Груни разбѣжались, она не знала

на чемъ остановить взоры, и хваталась то за одно сокровище, то за другое.

— Ваше сіятельство! воскликнула она вдругъ, всплеснувъ руками.

Князь любовался ея лицомъ сіявшимъ дѣтскою радостью.

— А это какво? спросилъ онъ наконецъ, открывая небольшой футляръ въ которомъ блестяли золотыя серьги. Она ихъ схватила и хотѣла поцѣловать его руку.

— Нѣтъ, этого я не люблю, да и корысти мало, замѣтилъ онъ, смѣясь и нагибаясь къ красавицѣ, — а лучше такъ какъ вчера.

Она подняла голову, поцѣловала его и стала разглядывать свои сережки.

— Ну что, угодилъ я на тебя? спросилъ князь.

— Ужь я просто не знаю что и сказать. Ишь, какая прелесть!

— Какъ ты въ это нарядишься, а чай всё тобой залюбуются, а ларни просто рты разинутъ. Много у тебя жениховъ-то было?

— Были.

— Что жь ты замужъ не пошла?

— Не по душѣ пришлось.

— И не торопись. Придетъ время, и женихъ будетъ. Ну, а скажи-ка мнѣ, кромѣ нарядовъ что ты еще любишь? Я чай лакомиться?

— Какъ не любить!

— Такъ я тебя угощу. Приходи въ садъ и рви себѣ въ оранжереѣ сколько угодно фруктовъ.

— Да меня садовникъ не пуститъ.

— Пожалуй и не пуститъ одну-то. Такъ ужь я съ тобой пойду, хоть сегодня вечеромъ.

Груня молчала.

— Признавайся, началъ олять князь, — вчера ты про милого друга лѣла: есть у тебя милый другъ?

— Да нѣтъ же!

— А вѣдь скучно безъ него жить, Груня, замѣтилъ князь. — Что жь даромъ красота пропадаетъ? Пока молода да красива, тутъ и пожить надо. Гляди-ка на меня, и говори правду, да всю правду, — продолжалъ онъ грозя на нее пальцемъ, — нравлюсь я тебѣ?

Груня на него взглянула.

- Какъ не нравиться! отвѣчала она и разсмѣялась.
- А я тебя и совсѣмъ полюбилъ, такъ вотъ и напелся тебѣ милый другъ. Такъ что ли?
- Ну, что жь? промолвила Груня, и неясное болѣзненное воспоминаніе шевельнулось на ея сердцѣ.
- Стало рѣшено: я тебѣ милый другъ, началъ орать князь, — и всѣмъ буду тебя потѣшать. Выйдутъ твои деньги, ты мнѣ скажи; я еще дамъ, много дамъ, чтобы ты наряжалась сколько душѣ угодно.
- Много благодарна, ваше сіятельство.
- И знай что ни въ чемъ тебѣ отказа не будетъ. А сегодня, только стемнѣетъ, приходи въ садъ, къ оранжереѣ: я тебя буду ждать.

Она задумалась и спросила:

- Зачѣмъ же вечеромъ?
- Да днемъ я занятъ, некогда, а лучше вечеромъ. Цѣлый фартукъ наберешь абрикосовъ и персиковъ. Что жь, придешь?
- Развѣ на одну минуточку.
- На одну минуточку, только фруктовъ набрать. А теперь мнѣ пора. Обними меня хорошенько на прощанье.

Лишь только онъ удалился, Груня собрала въ корзинку полученные подарки и вернулась домой. Дьячиха работала въ огородѣ, и молодая дѣвушка прошла въ свою комнатку, набросила крючекъ на дверь, приколола платокъ къ окну чтобы никто не могъ заглянуть съ надворья и выложила на кровать и на столъ всѣ свои сокровища. Мысли ея лутались между тѣмъ какъ она распускала длинною полосой ленты по подушкамъ, раскидывала куски атласа по одѣялу и любовалась сережками или ожерельемъ.

Возможно ли что все это богатство ея? что все это подарилъ ей князь, тотъ самый князь которому два дня тому назадъ она не смѣла бы вымолвить слова, которому все здѣсь подвластно, которому нѣтъ закона, кромя собственной его воли? Возможно ли что онъ и любитъ ее, бѣдную сироту, ласкаетъ, дарить, и общался ни въ чемъ ей не отказывать? А онъ не откажетъ, то кто же посмѣетъ ей отказать въ чемъ бы то ни было? Стало и ей все будетъ здѣсь подвластно и она станетъ выше другихъ, и будетъ распоряжаться здѣсь что барыня. Другое слово, болѣе еще заманчивое, болѣе громкое, мелькнуло въ ея умѣ, но она не посмѣла на немъ остановиться, однако подумала объ Аршѣ и невольно улыбулась.

Груня впледела голубую ленту въ косу, надѣла ожерелье, серѣжки и подошла къ маленькому зеркалу висѣвшему на стѣнѣ. „Серѣжки-то какъ блестятъ! подумала она, ужъ и впрямь княжескій подарокъ. А вѣдь я точно хороша!.. Въ чему онъ сказалъ что придетъ время и женихъ будетъ?... ужъ любить меня, такъ другому не отдастъ... Къ чему жъ онъ это сказалъ?... мудро! Еще спрашивалъ нравится ли мнѣ! Кто жъ и понравится коли не такой красавецъ да не умница такой!“

Но несмотря на блестящія призраки искусившіе ея воображеніе, она чувствовала по временамъ въ сердцѣ глухую боль которую старалась напрасно подавить, и рѣшилась наконецъ приступить бодро къ вопросу чтобы покоячить съ нимъ. „Да что мнѣ Алексѣй Кириллычъ? разсуждала она,—точно я ему какое обѣщаніе дала! А самъ-то онъ нешто мнѣ когда вымогивалъ что я ему полюбилась? И съ чего я это забрала въ голову? Можетъ онъ никогда по мнѣ и не вздохнулъ! Что обѣщался мнѣ про какого-то Іеромонаха почитать, эка важность какая! Да онъ всякому пожалуй почитаетъ, благо грамотный. Нѣтъ, любилъ бы такъ не обидѣлъ бы, а онъ вотъ какъ меня обидѣлъ! Я вишь честному мужу не жена! Еще надвое сказано. Можетъ пошлетъ Богъ такого мужа!“

Она посмотрѣла опять въ зеркало и улыбнулась. Когда ея тетка вернулась домой, Груня показала ей подарки князя одишь послѣ другаго, чтобы потѣшиться ея возрастающимъ восторгомъ.

— Ужъ истинно, сказала дѣвчуха налюбовавшись на все,—ты какъ есть въ сорочкѣ родилась. Какое тебѣ богатство-то привалило! ужъ видно очень онъ тебя полюбилъ. Послушай-ка, ты дѣвка-то не промахъ... а грѣшница ужъ думаю что это онъ тебя не просто такъ дарить.

— То-есть какъ не просто? спросила Груня, предчувствуя отвѣтъ тетки.

— Да такъ же. Вѣдь Арштка-то сумѣла же женить на себѣ барина.

Сколько разъ Груня съ тѣхъ поръ какъ она вернулась домой подумала объ Арштѣ, но все еще не рѣшалась облечь свои мечты въ опредѣленную форму и отвѣчала съ надеждой что тетка приступить бодрѣе ея къ вопросу:

— Ну, то дѣло другое! а вѣдь тутъ князь...

— Такъ что жъ что князь, лишь бы полюбилъ тебя. Небось воленъ на комъ хочетъ жениться.

— Да вѣтъ же, тетушка, да какъ же можно!

— Пошла вадоръ-то горрадити! Авось я ще пажити тебе. Видала я какъ господа-то за красоту жалуютъ. Сунуть рублей десять въ руку, да тѣмъ и закобѣтся. А вѣдь это что? вѣдь это развѣ только какую царину подѣ стать подарить.

День прошелъ въ садскихъ мечтахъ и розовыхъ надеждахъ. Наконецъ стемнѣло, загорѣлись звѣзды на небѣ и огни въ усадьбѣ, улеглась пыль на дорогѣ и во влажномъ воздухѣ пронесся запахъ конопли и скошеннаго сѣна. Многие изъ дворовыхъ сидѣвъ посаѣ ужина на крылечкахъ людскихъ избѣ. Среди груллы молодежи раздавались лѣсни и звуки балалайки. Потомъ умолкли голоса и музыка, лишь парфадка нарушалъ тишину ночной сторожъ, который обходилъ усадьбу и бѣлъ лѣдкой по желѣзной доскѣ.

Алексѣй, ничего не вѣвши наканунѣ и не спавши всю ночь посаѣ разговора съ Груней, поужинавъ съ отцомъ и ушелъ въ свою комнату физически и нравственно утомленный. Онъ жилъ въ одномъ изъ флигелей примыкавшихъ къ дому длинными галлерейми, которыя выходили въ садъ. Алексѣю было душно; онъ открылъ окно, легъ и заснулъ несмотря на свое душевное волненіе. Но страшные сны преслѣдовали его. Онъ долго боролся противъ мучительнаго кошмара и наконецъ открылъ съ усиленіемъ глаза, вскочилъ на постели и посмотрѣлъ около себя не ясно еще соображая гдѣ находится. Начивало свѣтать и онъ сталъ мало-по-малу разглядывать предметы находившіеся въ его комнатѣ. Вдругъ знакомый голосъ поразилъ его слухъ:

Il était un roi d'Yvetot,
Peu connu dans l'histoire,
Se levant tard, se couchant tôt,
Dormant fort bien sans gloire.

„Князь!“ подумалъ онъ и подбѣжалъ къ открытому окну. Двѣ тѣни показались изъ темной аллеи, откуда звучала лѣсня, вышли на песчаную дорожку и остановились противъ дома.

— Ну прощай, моя красавица, сказалъ развязно князь,— ступай домой и приходи опять завтра.

Съ этимъ словомъ онъ обналъ свою слутвицу и поднялся по каменнымъ ступенямъ террасы.

Алексѣй задрожалъ; ему показалося что онъ узнавалъ въ полумракѣ образъ Груни. Неужели это въ самомъ дѣлѣ она? Бѣдный малый накинулъ шинель на плечи, быстро спустился

съ крыльца, обогнулъ бѣгомъ дверь и остановился предъ садовыми воротами. Черезъ нѣсколько минутъ онъ окрикнулъ, и Груня вышла изъ сада. Алексѣй схватилъ ее за руку.

— Аграфена Митревна, ты!.. простоналъ онъ, съ трудомъ переводя духъ.

Она воскликнула, вырвала свою руку изъ его судорожно сжатыхъ пальцевъ и пустилась бѣжать домой.

XII.

Груня прешла наканунѣ черезъ столько различныхъ впечатлѣній что не могла цѣлый день привести мысли въ порядокъ. Разговоръ съ княземъ у дѣвки, его богатые подарки, блестящая надежда возбужденныя ими, ночное свиданіе въ оранжереѣ, наполняя ея голову волшебными грезами. Но воспоминаніе о встрѣчѣ у садовыхъ воротъ стѣснило ея сердце и туманило свѣтлыя мысли. Она пыталась напрасно отдалить его, бѣсилась на себя и разжигала въ своемъ воображеніи досаду на Алексѣя.

— Ну его! рѣшила она наконецъ;—точно онъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ приказанъ! и заговорила съ теткой о князѣ.

— А какой я видѣла сегодня про тебя хорошій сонъ, сказала дьячиха,—ужь такой хорошій! Вижу я что ты сидишь и около тебя все хлѣбы дежать.

— Къ чему жь это хлѣбы-то, тетушка?

— Хлѣбы къ богатству, хоть у кого спроси. И сидишь ты будто подъ деревомъ и вся въ зелени. А зеленъ къ знати, ужь это такъ вѣрно! Вотъ постой, вечеркомъ я тебѣ погадаю.

— А чтѣ жь теперича?

— Теперича не то, а вечеръ самое время на гаданье и есть.

Она вынула изъ стога колоду грязныхъ картъ и разложила ихъ, салная слѣва вставляемая въ жестяной подсвѣчникъ освѣтила комнату. Груня не спускала глазъ съ гадальницы.

— Важныя тебѣ карты выпали, сказала наконецъ дьячиха.— Посмотри-ка: вотъ и онъ у тебя въ головахъ. Денегъ-то, денегъ-то... червонный *амтиресъ*. Жлуди—къ разговору, а вишневая крапа къ смелтямъ. И вездѣ тебѣ авантажъ, и въ головахъ ты съ аванжаемъ, и въ ногахъ съ аванжаемъ... Постой, теперича еще вынуть три карты.

Она чѣмъ выбросила на столъ и вскакнула:

— Какъ есть свадьба! Платье мнѣ въ глаза коли оно все не сбудется.

Сильно застучало отъ радости сердце молодой дѣвушки. „Вотъ и сонъ хорошій, и въ картахъ все то же, подумала она.— Что если въ самомъ дѣлѣ изъ этого домишки она переселится въ богатая хоромы, если изъ Груна превратится въ сятельную княгиню Аграфену Дмитриевну Сборовскую.“ Она старалась однако подавить улыбку игравшую на ея губахъ и молвила со вздохомъ:

— Мнѣ что-то не вѣрится, тетушка.

— Да пожалуй ничего и не будетъ коли станешь опять душой-то предъ намъ сидѣть. А ты поемъ-кай, да еще какъ я тебя научу: нѣтъ-нѣтъ да и словечко объ Аришкѣ вверни, такъ, будто невзначай. Изволили, молъ, слышать, ваше сятельство, Покровскій-то баринъ женился, и какъ, молъ, хорошо съ женой живетъ!

— Ну, тетушка, ужъ на это кажется азыкъ не повернется.

— Да давно ли ты такая тихона стала? А другой разъ ужъ куда какъ бойка!

— Да съ кѣмъ бойка! Я вѣдь и сама не рада, а ничего не подѣлаешь: онъ и ласковыя слова говорить, и цѣлуешь, а жена такой страхъ разбираетъ! Можеть развѣ лоскѣ попры-выкну.

Лишь только погасили огни въ людскихъ избахъ, она пошла въ господскій домъ, гдѣ князь со свѣчей въ рукѣ ожидалъ ее у черной лѣстницы чтобы провести къ себѣ. Какъ скоро она вогулила въ гостиную, молодая дѣвушка вскрикнула при видѣ великолѣлія окружавшаго ее и вспомнила о дворцѣ царя Салтана про котораго слышала столько сказекъ. Какихъ тутъ не было сокровищъ: богатая мебель обтянутая малиловымъ штофомъ, картины въ позолоченныхъ рамахъ, люстры, зеркала, гдѣ Груна видѣла себя съ головы до ногъ, и столько затѣйливыхъ вещей которыя ей и во снѣ не снились. Она хотѣла подбѣжать къ горкѣ покрытой серебряными кубками, но взглянула на князя и остановилась.

— Что жь, хорошо здѣсь? спросилъ онъ и улыбнулся.

— Еще бы, ваше сятельство.

— Хочешь, такъ разсмотри пожалуй, полюбуйся на все, сказалъ онъ, зажигая свѣчи канделябра столоваго на каминѣ.

Она начала все разсматривать, увлекаясь мало-по-малу, и

перевѣгала изъ угла въ уголъ, возбуждаясь всею что видѣла. Ей вспоминалось предсказанія тети, сестъ и гадающае. „Неужели все это будетъ мое?“ макнуло у нея въ головѣ.

А князь, разнажившись на диванѣ, слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ. „Краснокожія! думалъ онъ. А какъ хороша въ своихъ дикихъ восторгахъ“, и спросилъ какъ будто отвѣчая на ея мыслы:

— А хотѣлось бы тебѣ жить въ такомъ домѣ?

— Мнѣ-то? какъ не хотѣть! отвѣчала она; и сердце ея забилось.—Вѣдь хоромы какъ есть дворецъ!

— И въ этомъ дворцѣ вѣдать лишь медъ да сало, замѣтилъ разсмѣявшись Никита Николаевичъ, который читалъ поутру *Миргородъ*.

Груня не поняла остроты, но почувала насмѣшку, покраснѣла и остановилась въ недоумѣніи среди комнаты.

— Ну что жъ ты вдругъ моею жовѣсила? спросилъ князь, подымаясь со своего мѣста и подхода къ ней.

— Можетъ я что не складно сказала, ваше сіятельство, преговорила она.

— Все очень складно, а радъ я тебѣ, потому и веселъ и разсмѣялся, отвѣчала онъ потрепавъ ее по щекѣ и продолжалъ:—Стало здѣсь лучше чѣмъ у дьячки?

— Помните, нешто можно примѣнить!..

— Нравится тебѣ, такъ приходи сюда почаще. А теперь пойдемъ ко мнѣ.

Онъ отвернулъ дверь, и Груня послѣдовала за нимъ, немного ободренная, но ей было неловко, все ее отъсыпало въ чуждой средѣ. Она не чувствовала твердой почвы подъ ногами и боялась то и дѣло полатъ въ просакъ. Во время ихъ первыхъ свиданій князь для достиженія своей цѣли цѣлистоциалъ весь запасъ вопросовъ которые могъ ей поставить, а въ настоящую минуту не находилъ нужнымъ ломать себѣ голову утомительною бесѣдой и молчалъ, а Груня не смѣла заговорить первая, да и о чемъ говорить? „Тутъ какъ ни думай, ничего не придумаешь, разсуждала она сама съ собой,—а тетушка-то еще наказывала вернуть словечко объ Аришкѣ! Легко сказать, когда можетъ душа уходить въ пятки!“

Съ этого дня она возвращалась каждый вечеръ въ волшебныя хоромы и выходила изъ нихъ сознавая все яснѣй что несбыточны ея золотыя мечты. Она скоро поняла что прихоть внутренняя ея не умалила разстоянія между большимъ

бариномъ и бѣдною дѣвушкой. Наоборотъ, Груня приходи-
лось при каждомъ свиданьи измѣрять бездну раздѣлявшую ее
отъ человѣка который ее держалъ въ своихъ объятіяхъ. Она
робѣла въ его присутствіи точно также какъ при первомъ
ихъ разговорѣ, а какъ ей хотѣлось поговорить по душѣ, раз-
спросить о многомъ чего не знала! Она винила себя, „дере-
венскую дуру“, что не умѣетъ вести бесѣды съ княземъ и
обдумывала заранее какъ ему сказать то или другое *посклад-
нью*. Но ея краснорѣчіе наводило на него зѣвоту и онъ го-
ворилъ не стѣсняясь: „ну, полно съ этимъ вздоромъ“, или пере-
бывалъ ее краткимъ замѣчаніемъ: „ты гораздо краше когда
молчишь“, и слова замирали на ея губахъ.

Несмотря на порчу привитую ей средой, на мелочное ея
самолюбіе, въ ней таилось много теплоты душевной, много
честныхъ чувствъ. Воспоминанія объ Алексѣѣ мучили ее
постоянно; она пыталась заглушить ихъ новою привязанно-
стію и старалась всячески убѣдить себя что нельзя же не
полюбить такого красавца и такого умнцу какъ князь. Обид-
ное его пренебреженіе задѣвало въ ней не одно только само-
любіе, но ей приходилось часто глотать слезы вызванныя
оскорбленнымъ чувствомъ. Никита Николаевичъ не догады-
вался объ ея страданіяхъ; онъ дарилъ ее щедро и не призна-
валъ за собой болѣе никакихъ обязанностей относительно нея.

Груня пришла въ голову попросить его выучить ее грамо-
тѣ, и чѣмъ болѣе она обдумывала этотъ планъ, тѣмъ болѣе
онъ ей улыбался. Какъ князь ее похвалитъ за благое намѣ-
реніе, какъ его порадуютъ быстрые ея успѣхи и какъ бу-
детъ весело учиться у него! Груня останется уже не долго
„необтесанною деревенщиной“, она прочтетъ его книжки и
тогда ему можно будетъ съ ней разговаривать обо всемъ.
„Теперь же, разсуждала она, онъ маѣ не сказываетъ своей
думушки, потому что я необразованная и въ домекъ ее не
возьму, а сама ничего любопытнаго сказать ему не умѣю“.

— Ваше сіятельство, молвила она разъ робко улыбаясь,—
что я у васъ попросить хочу...

— Да проси что хочешь; говори смѣлѣй.

— Хотѣлось бы мнѣ выучиться грамотѣ.

— Что тебѣ за охота голову лонапрасну ломать!

— Да вѣдь все же лучше грамотной-то быть.

— По моему хуже. А какъ знаешь. Поди къ старому кон-
торщику; онъ телерь на локоѣ и дѣлаетъ ему нечего. Пусть
онъ тебя учитъ.

Сердце ея болѣзненно сжалось. Она не посмѣла сказать что разчитывала на уроки самого князя и замѣтила:

— Ему пожалуй скучно будетъ этимъ заняться.

— Кому весело сидѣть съ указкой? Да ты ему скажи что заплатишь за трудъ.

Не на то разчитывала бѣдная дѣвушка. Она подавила глубокий вздохъ и не возражала. Но эта неудача не отбила у нея охоты на попытку другаго рода. Съ тѣхъ поръ какъ она полала въ милость князя, Груня смотрѣла съ презрѣніемъ на свои красивые сарафаны. „Вѣдь я въ нихъ настоящая крестница“, думала она, и рѣшила что закажетъ новое платье. Денегъ у нея было много, благодаря щедрости князя, а въ сосѣднемъ селѣ жила знакомая ей горничная которая шила наряды своей барынь. Въ ясный день Груня, поднявшись равнымъ утромъ, побѣжала къ своей пріятельницѣ.

— Оеклуша, сказала она войдя въ дѣвичью заднимъ крыльцомъ дома,—я къ тебѣ съ просьбой. Не сошьешь ли ты мнѣ платья? Я тебѣ заплачу по твоей же цѣнѣ.

— Отчего не сшить? Да тебѣ какое?

— Мнѣ бы хотѣлось самое модное. Вѣдь тебя барыня часто посылаетъ въ городъ, такъ ужъ ты бы и матерію мнѣ купила. Я денегъ принесла.

— Ну что жъ, куплю пожалуй. Хочешь я тебѣ покажу барынины платья? Ты и выбери какой фасонъ по душѣ придется. Пойдемъ-ка, у меня гардеробная-то вверху.

— А ты это все для своего князя наряжаться хочешь? спросила она спускаясь съ лѣстницы.

— Вѣстимо для него.

— А что онъ ласковъ къ тебѣ?

— Какъ же! ласковъ.

— Я чай ты съ нимъ не наговоришься?

— Еще бы.

— О чемъ же вы говорите?

— Мало ли о чемъ.

— Да о чемъ? ты расскажи.

— Да обо всемъ. Вотъ онъ напередъ"разказывалъ какъ ему царь Егорья пожаловалъ.

— Вотъ какъ! А что онъ генералъ?

— Генералъ. О своемъ генеральствѣ тоже разказывалъ.

— Счастливица ты право, замѣтилъ Оеклуша.

Она вынула изъ шкафа наряды провинціальной щеголихи

и, благо геолога еще снали, предложила Грунѣ примѣрить одно изъ платьевъ. Груня, наплавивъ его на себя съ трудомъ, пришла въ восторгъ и спросила можно ли купить такую матерію въ городѣ.

— Можно, отвѣчала Оеклуша;—я видѣла у Пѣтушкина въ магазинѣ; это *корпашель*, самая модная.

— Да еще, Оеклуша, выучи ты меня причесываться по модѣ, какъ барыня.

— Пожалуй выучу. Раслускаютъ оны по щекамъ косы либо *бандо*, на затылокъ вкладываютъ бантъ. Я тебѣ покажу; ты скорехонько переимешь. Носить тоже и цвѣты на головѣ—одѣланные цвѣты, точно живые. Хочешь я тебѣ цѣлую гирлянду подарю? Барыня ея ужъ не надѣветъ.

Груня была очень довольна гирляндой и приступила къ уроку. Оеклуша оказалась искусною преподавательницей, была въ свою очередь очень довольна понятливостію своей ученицы и отпустила ее съ обѣщаніемъ что платье будетъ готово скорехонько.

Груня ждала его съ нетерпѣніемъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, а между тѣмъ спила бантъ изъ лентъ подаренныхъ княземъ и проводила каждое утро цѣлый часъ предъ своимъ зеркальцемъ, взбивая немилосердо волосы и отпуская изъ около щекъ *à la madonne*. Наконецъ было принесено новое съ красными разводами платье, одѣланное по модѣ широкими воланами. Налюбовавшись имъ вдоволь въ продолженіе дня, молодая дѣвушка облеклась въ него вечеромъ, причесалась, приплелила къ волосамъ огромный желтый бантъ, походившій на кочанъ калусты, и окруживъ его гирляндой фальшивыхъ цвѣтовъ, надѣла свои серьги и ожерелье. Дьячиха пришла въ неописанный восторгъ при видѣ племянницы.

— Ну, Грунюшка, оказала она,—какъ есть барыня! Оны тебя просто не узнаетъ.

Груня оглянула себя, самодовольно улыбаясь, и пошла въ господскій домъ. Никита Николаевичъ, сидѣвшій за книгой около своего бюро, поднялъ голову когда она вошла, важно выступая въ своемъ неуклюжемъ нарядѣ. При видѣ неожиданной метаморфозы княземъ овладѣлъ истерическій смѣхъ. Груня любѣдѣла и остановилась какъ вкопаная. Князь продолжалъ смѣяться, опрокинувъ голову на спинку своего кресла.

— И то хорошо что я по крайности хоть повеселила ваше

снѣдательство, проговорила она нахмурясь съ принужденною улыбкой.

— О! да мы кажется обидѣлись! преговорилъ онъ съ трудомъ.—Ну, полно. Распусти-ка волосы по плечамъ.

Она сорвала съ головы бантъ съ цвѣтами и распустила кесу.

— Вотъ это дѣло! замѣтилъ князь, но взглянувъ на ея платье онъ залюбовался опять смѣхомъ, всталъ съ дивана, всталъ которымъ одѣвалъ себя ноги, бросилъ его къ ней на плечи и приподнявъ цѣлуя ее:—Вотъ теперь опять моя красавица. Да скажи пожалуйста, какъ тебѣ пришло въ голову изуродовать себя?

Ея самолюбіе было сильно уязвлено. Она старалась по возможности скрыть свою досаду, но вернувшись домой, ушла горько рыдая на постель. Наплакавшись вдоволь, Груня сбросила свой нарядъ, обрывая вѣтъ муговицы, свернула въ комокъ медное платье, сунула его въ свой сундукъ и легла. Но горькія думы не дали ей возможности заснуть во всю ночь, и солнце стояло уже высоко на небѣ когда она задремала.

— Ну что, налюбилась ли ему твое платье? спросила ее поутру тетка, усаживаясь съ ней около самовара.

— Да вѣдь не угодишь, тетушка, отвѣчала она развязно,—намъ оно нравится, а онъ говорить сарафанъ лучше.

— Невидальница какая сарафанъ! Ну ужъ хоть бы не князю это говорить! Платье-то много деликатнѣе, замѣтила дядчиха.

Груня не рѣшилась бы повѣрить кому бы то ни было тайну своей оскорбленной гордости, но униженная въ собственныхъ глазахъ она думала часто что въ ея волѣ однако порвать свои отношенія съ княземъ. „Вѣдь я ему въ самомъ дѣлѣ не крѣпостная досталась, говорила она себѣ. За что онъ меня обижаетъ? Небось зналъ что я ему не ровня, не *примусса* какая. Видно ему бы только натѣшиться моею красотой, а меня онъ не жалѣетъ. Вѣшь расхохотался на-медни во все горао, совѣмъ и не похоже что князь, а словно конюхъ какой, прости меня Господи. Уйду отъ него, да и все тутъ!“

Но и уйти отъ него было не легко. Ея отношенія съ нимъ были извѣстны всему Веселому, и дворовые ухаживали за ней наперерывъ. А уйти она теперь, кто же повѣритъ что

не князь ее прогналъ, и тогда сколько новыхъ оскорбленій ожидаютъ ее! Ужь тогда всѣ грязью ее забросаютъ; малыя дѣти станутъ пальцами показывать, житья просто не будетъ! Но главная бѣда была въ томъ что князь внушалъ ей неописанный страхъ и она не понимала откуда наберется настолько силы чтобъ объясниться съ нимъ, сказать ему въ глаза что не вернется уже къ нему. Ей становилось съ каждымъ днемъ безотраднѣе и она сознавала все болѣе необходимость поддержки, а къ кому обратиться за совѣтомъ? Въ этомъ случаѣ тетка была не надежна. Она пыталась не разъ спрашивать племянницу объ ея отношеніяхъ къ князю и о томъ что князь говоритъ объ Аршкѣ, но молодая дѣвушка отдѣлывалась уклончивыми отвѣтами, въ которыхъ проглядывала иногда плохо сдержанная досада. Старуха, смекнувъ въ чемъ дѣло, отказалась, не безъ горя, отъ мечты видѣть себя теткой его сіятельства и стала благоразумно воздерживаться отъ разспросовъ или справокъ, но ласкала по крайней мѣрѣ надежду что положеніе останется еще долго въ выгодномъ для нея statu quo. Груня дѣлалась съ ней деньгами получаемыми отъ князя, кромѣ того всѣ являлись съ жеклонами и гостинцами къ дядичкѣ, которая говорила часто:

— Ну, дѣвка, мнѣ по твоей милости богатство и почетъ; видю не пропаду за тобой моя хлѣбъ-соль.

Но Груня была такъ измучена что рѣшилась однако попытаться и сюда разъ за обѣдомъ сказала съ глубокимъ вздохомъ:

— А вѣдь большой грѣхъ, тетушка, что я съ княземъ такъ живу.

— Кто предъ Богомъ не грѣшешь? отвѣчала дядичка, накладывая королевскаго масла въ дымящуюся кашу.— Соестаринься, такъ и замолишь свой грѣхъ.

— Да можетъ мнѣ жить не долго, тетушка, можетъ и замолишь не успѣю.

— А умрешь, не твоя вина; Господь не взыщетъ, можетъ Онъ тебѣ счастье послалъ за мою простоту, чтобъ и я вздохнула хоть на старости лѣтъ. Вѣкъ перебывалась, а вотъ теперь тебѣ пріютила, о тебѣ лекась.

— Я очень знаю, молвила Груня,—да только что грѣхъ!

— Вѣстамо грѣхъ. Да ужь коли ты овятоша такаа, такъ прежде бы объ этомъ подумала. А теперьца дѣло сдѣлано, такъ ужь по крайности хоть бы отъ грѣха-то какаа прибыль была и тебѣ самой, да и мнѣ горемыкѣ.

Она подвинулась со своей скамьи, перекрестилась на большой образъ, вставшій въ углу, промолвила въ полголоса:

„Благодарю тебя Господи, яко насытилъ меня“, и продолжала обращаясь къ племянницѣ:

— Отъ жира собаки бьются: всего у тебя телерича по горло, такъ вотъ и лѣзетъ тебѣ въ голову всякій вздоръ.

— Видь другой разъ добрыхъ людей стыдно, тетушка.

— Да чего стыдиться-то? что всѣ сливы предъ тобой гнуть? Нѣтъ, ужъ это видно Кирилла Ивановича тебя больно залугалъ. Не будь ты такая дура, такъ ужъ давно пожаловалась бы князю что онъ тебя обижаетъ, и можетъ этому закону ротъ-то бы зажали. Да стой, подвернись онъ только мнѣ, а его сама угощу!

Грунѣ приходилось дѣйствительно терпѣть не мало отъ Кирилла, который былъ вообще права крутаго и выказывалъ жестокость лишь въ отношеніи къ сыну. Онъ не мирился съ оскорбленіемъ нанесеннымъ Алексѣю и не пропускалъ случая уязвить Груню.

— Видно ты честнаго мужа не стоишь, говорилъ онъ. — Чего носъ-то подымаешь? Дай срокъ: онъ можетъ всѣхъ васъ здѣсь перебереть, благо безстыжихъ дуръ непочатый уголь.

Упрекъ былъ однако не заслуженъ. Мало того что Груня не подымала носа предъ Кирилломъ, а ее разбиралъ страхъ при встрѣчѣ съ нимъ, и когда она видѣла его издали то бросалась куда-нибудь въ уголь, если только находила возможность укрыться. Но не столько боялась она рѣзкой рѣчи старика околько печальныхъ взоровъ его сына. Какъ ни старалась она заглушить воспоминанія о немъ, они роились въ ея воображеніи, все неотвязчивѣе, все ярче, по мѣрѣ того какъ отношенія съ княземъ становились тягостнѣе.

„То-то добрая душа, думала она, слово молвить—подарить. Вѣстимо: не изъ князей, а все же и умень, и ученъ, и всякія книжки читаетъ, а человека не обидитъ. Оскорбила я его! Можетъ меня за него Богъ наказываетъ.“

Ей приходило иногда на мысль идти къ Алексѣю, поклониться ему въ ноги и просить прощенія, но она вспомнила ихъ послѣдній разговоръ, и кровь бросилась ей въ лицо.

— Нѣтъ, говорила себѣ Груня,—и взглянуть-то послѣ этого на него не посмѣю. Можетъ и простилъ бы онъ мнѣ мою вину, а такой обиды не проститъ. Видно нѣтъ мнѣ спасенья и погибну я до конца.

XIII.

Но самое тяжкое испытаніе выпало на долю Алексея. Вернувшись отъ Груни послѣ объясненія съ ней онъ все еще льстилъ себя надеждой что она одумается, что не пойдетъ на бракъ. Но когда на слѣдующую ночь молодая дѣвушка, которую онъ подстерегъ у садовыхъ воротъ, убѣжала отъ него съ крикомъ, онъ упалъ на землю и зарыдалъ. Съ тѣхъ поръ Алексѣй не походилъ на себя, худѣлъ, блѣднѣлъ и не скоро могъ свыкнуться съ тѣмъ что случилось, съ тѣмъ что видѣлъ собственными глазами. „Да какъ же это? думалъ онъ,— какъ же оно могло быть?.. Эхъ, Аграфена Митревна, за что ты сердце-то мое разбила?.. Я бы радъ за нее душу отдать, а онъ потѣшится ей, поиграетъ что кошка съ мышкой, всю кровь высосетъ и броситъ!..“

Его мучила не одна только обманутая любовь, но и привязанность къ князю зародившаяся въ колыбели и подверженная теперь такому испытанію. Иногда Алексѣй чувствовалъ къ своему счастливому сопернику ненависть, за которую упрекалъ себя какъ за преступленіе и молилъ прощенія у Бога. Въ Севастополѣ онъ вѣрялъ своего дорогаго барина покровительству великомученика Никиты и по данному обѣту клалъ съ тѣхъ поръ утромъ и вечеромъ по пятидесяти поклоновъ предъ иконой угодника. Этотъ обѣтъ онъ хранилъ свято, но съ минуты измѣны Груни сколько разъ страшная борьба совершалась въ его сердцѣ во время молитвы! Иногда онъ стоялъ долго предъ образами наполнявшими кивотъ и не слускалъ съ нихъ глазъ, какъ будто умоляя удалитъ отъ него искушеніе, но ничто не смирало волненія его души и онъ отходилъ отъ краснаго угла не кончивъ молитвы. „Не могу молиться за него, говорилъ онъ себѣ,— не могу обманывать великаго угодника!..“

Постоянная внутренняя борьба истощала его силы. Въ особенности преслѣдовали его угрызения совѣсти, когда Никита Николаевичъ былъ весело расположенъ и съ нимъ шутилъ. „Легче еслибъ онъ на меня кричалъ, думалъ Алексѣй, ей Богу легче“. Ему пришло разъ въ голову съ горя да съ дасады разсердить во что бы ни стало князя. Онъ разорвалъ его книги убирая кабинетъ и слуталъ бумаги на бюро.

— Ты кажешься спишь, замѣтилъ князь, — свѣтлую проснуться.

Вмѣсто отвѣта камердинеръ толкнулъ чернильницу, и черная струя побѣжала по зеленому суку письменнаго стола. Никита Николаевичъ возвысилъ голосъ:

— Съ ума ты что ль сошелъ! я тебя проучу!

— Бѣда не велика, отвѣчалъ дерзко Алексѣй. — Да ужь больно взыскательны стали, ваше сіятельство.

Взбѣшенный князь толкнулъ ногой.

— Вошь! Еще грубить вздумалъ! крикнулъ онъ, — вошь, не годяй!

Алексѣй ушелъ въ переднюю и вздохнулъ свободнѣй. „Пожалуй ори, хоть сердце-то сорвалъ, хоть потѣшилъ себя“, думалъ онъ.

Но не долго пришлось ему порадоваться при мысли о своей наивной мести. Въ тотъ же вечеръ Груня, авившись въ свой обычный часъ, нашла на крючкѣ дверь которою всегда входила и подождавъ немного вернулась домой. Князь не желалъ ее принять потому что цѣлый день ему нездоровилось, но онъ надѣялся обойтись безъ медицинскаго пособія. Однако лихорадочное состояніе все усиливалось, и около полуночи звукъ колокольчика раздался надъ головой Алексѣя, который собирался уже ложиться спать. Камердинеръ постлѣшилъ въ спальню. Князь сдѣлалъ блѣдный въ креслахъ. Алексѣй бросился къ нему:

— Ваше сіятельство, что съ вами? спросилъ онъ, поблѣднѣвъ самъ.

— Помоги лечь и дай напиться горячаго. Знобитъ, проговорилъ слабымъ голосомъ Никита Николаевичъ.

— Господи твоя воля! А на бѣду докторъ-то въ отъѣздѣ, молвилъ Алексѣй, помогая ему подвѣяться съ мѣста.

Уложивъ его онъ побѣжалъ разбудить буфетчика, которому приказалъ поставить мигомъ самоваръ, и вернулся въ спальню.

Больной, напившись чаю съ ромомъ, согрѣлся и задремалъ, но Алексѣй не отходилъ во всю ночь отъ его кровати. Онъ вспоминалъ о болѣзни которой князь чуть не сдѣлался жертвой нѣсколько лѣтъ тому назадъ и уздавалъ все ея проявленія въ настоящемъ его состояніи.

„Лица просто нѣтъ... должно простудился, думалъ онъ, — вѣдь и тогда съ того началось, а еще я его разстроилъ, окаянный... Его же хлѣбъ въ, его милостію живу, а не

показалъ его.. Очевъ еще давича разовернулся... ну, оно и разовернулось... какъ таково дышеть!.. Госнода, не попусти!..“

Онъ забывалъ съ неопредѣленнымъ страхомъ за малѣйшими движеніями князя, долго не спускалъ съ него глазъ и убѣдившись наконецъ что его сонъ становится спокойнѣе, обернулся къ образу, и горячая молитва вылилась изъ его сердца. Вся его вѣжность къ барину возвратилась мгновенно, онъ думалъ съ ужасомъ о непріязненномъ чувствѣ которое испыталъ такъ еще недавно къ нему, и казилъ себя безпощадно.

„Боже мой, думалъ онъ подымая къ иконѣ влажные глаза,— олади меня впередъ отъ такого искушенія, огради отъ дьявольской силы, Госнода, олади меня, нещотребнаго раба Твоего, Госнода, исцѣли болящаго!“

Начинало свѣтать. Алексѣй, утомленный внутреннимъ волненіемъ и безсонною ночью, сѣлъ на скамейку и опустилъ голову на руки.

„И хватало у меня духа держать на него такое зло! думалъ онъ,—и за что? Полюбилась же она мнѣ, ну и ему полюбилась. Я бы на ней женился, да жилъ бы съ ней въ законѣ, а ему она не пара, ну и согрѣшилъ; предъ Богомъ согрѣшилъ, а все же не супротивъ меня виновать. Онъ и не вѣдаетъ что у меня на душѣ творится.“

Когда князь просыпался, онъ подавалъ ему пить или поправлялъ его подушки, слѣдя за нимъ безпокойнымъ взглядомъ явни у постели больного ребенка. Вся ночь прошла въ волненіи и молитвѣ, и бѣднякъ успокоился лишь позднимъ утромъ, когда Никита Николаевичъ, облакаясь въ свой шлафрокъ, объявилъ что еще слабъ, но чувствуетъ себя здоровымъ.

Алексѣй остался при убѣжденіи что лишь ему во вразумленіе Госнодь послалъ болѣзнь его барину и не забылъ впечатлѣнія этихъ долгихъ тревожныхъ часовъ. Оно преслѣдовало его какъ угрызенія совѣсти всякій разъ какъ любовь къ Грунѣ наполняла его сердце злобой, противъ князя. Безвыходное положеніе становилось все тягостнѣй. Онъ окончательно измучился, избѣгалъ всѣхъ и смотрѣлъ съ каждымъ днемъ все сумрачнѣе.

Разъ онъ пришелъ въ обычное время обѣдать съ отцомъ. Старикъ, взглянувъ съ безпокойствомъ на его блѣдность, на его влажные глаза, перекрестился и принялся за хлебку. Пообѣдали молча; но когда работница собрала со стола, Кирилъ обернулся къ сыну.

— Пощади ты на эту дрянь, сказала она, — лучше его не убавляй. Она тебе не мать. Слыхи радишь какой-то старик медовичь.

— Дарко такъ судить, батюшка, отозвался Алексей, — а вѣдь ей не отъ кого и благодарнаго слова услышать. Тотъ-то, прости меня Господи, рада за серебряный рубль душу продать. Вотъ и пустила ее на грѣхъ.

— А сама-то она небось не смыслила?

— Да какіе ей еще годы? Можетъ у нея и разсудка-то не стоящаго нѣтъ.

— Слава тебѣ, Господи! Двадцѣ подь двадцать! Да и онъ-то хорошъ, нечего сказать, прѣхалъ сюда на развратъ!...

Алексей испугался чувству радости которое охватило его сердце, когда отецъ высказалъ такое рѣшительное сужденіе о князѣ, но какъ ни былъ сдѣланъ злобленъ противъ барина, онъ не выдалъ бы его никому и отвѣчалъ:

— Вѣдь и о немъ тоже такъ нельзя... можетъ итѣ всѣхъ больше, а не менше... Не отирай тебе, сыночекъ же дѣло мужское, кто въ этомъ не грѣшникъ? Другой разъ я сайъ на него ролцу, а какаа его вина? Что не по моему вышло, оттого на него и злая.

— Ну, добро, ну положимъ, пусть она въ этомъ дѣлѣ чиста и онъ свѣтъ, да маялся-то тебѣ не изъ чего. Посмотри на себя, вѣдь краше въ гробъ кладутъ. Выпрошу я тебѣ вольную; деняги у меня есть. Бери хоть все и убарайся отсюда.

— Можетъ я, батюшка, ужъ десять разъ о вольной-то подумалъ, да хуже покалуй будетъ. Здѣсь по крайности все таки на глазахъ, а уѣзжай я куда, совсѣмъ кажется изведусь... Опять же куда я этакій-то сувусь? кому я нуженъ? Здѣсь все же хоть своя сторона, здѣсь хоть ты меня пожалѣешь... хоть приголубишь... Да только, ради самого Бога, оставь ты ихъ... не осуждай... оставь; вѣдь ужъ и такъ сердце изныло!..

Онъ закрывъ лицо руками, и савезы брызнули изъ-за скатыхъ его ладоней. Карманъ на него выскочилъ.

— Эхъ, горемыка! молвилъ онъ, — видно же чужимъ грѣхамъ Господь попустилъ!...

Черты его приняла вдругъ злое выраженіе, и Богъ знаетъ почему живо воскресъ въ его памяти страшный эпизодъ изъ былаго. Въ этой самой комнатѣ, освѣщенной тогда косыми лучами заходящаго солнца, умирающая женщина металась по

наполненъ на припадкѣ неизвѣстной тоски. Одной такъ лишь свѣтлѣвшая еднѣвъ около кровати, раздавался какъ и теперь звукъ часоваго маятника ходившаго мѣрно взадъ и впередъ, дверь была на краючкѣ, и всѣ говорили шепотомъ. Карилъ подвѣсилъ глаза къ иконамъ самымашинымъ послѣднюю молитву его жены, и въ его устахъ прозвучали слова сказанныя стѣлкою лѣтъ тому назадъ старымъ священникомъ: „дѣсть тайна еще не явлена будетъ; ниже угаено еще не познается и въ явленіе приидеть“.

XIV.

Груня продуцала царство о смерти своего племянника. Она очень любила прогнѣваго мальчика который былъ ея крестникъ, и продолкала цѣлый день думая о немъ и о сестрѣ.

— Полно ревѣть-то, вотъ уже лождешь къ своему дупелькѣ, говорила ей съ улыбкой дѣвчуха, — она тебѣ утѣшитъ.

„Да, а здесь хоть сегодня скажетъ мнѣ доброе слово, подумала Груня, — вѣдь и посторонняго покаажешь въ горѣ, а у меня сердце изныло.“

Дождавшись сумерекъ она прокрадась по обыкновенію къ задней лѣстницѣ дома и вошла корридоромъ въ комнату князя, который былъ съ утра не въ духѣ и бушевалъ цѣлый день. Онъ принимался поочередно то за книгу, то за перо, но занятія ему не давались, и нервы его расходились. Ожидая Груню какъ пріятное развлеченіе онъ лежалъ на диванѣ, опираясь вискомъ въ подушкаты кулакъ и смотрѣлъ разсѣянно въ журналъ привезенный съ почты. Услыхавъ шарканье у двери, Никита Николаевичъ подмалъ голову и обернулся къ молодой дѣвушкѣ.

— Ты опоздала, замѣтилъ онъ, — ну, иди окорѣй и цѣлуй меня.

— А у меня какое горе, ваше сіятельство! молвила она подходя.

— Да что съ тобой? спросилъ князь, когда она вступила въ полосу свѣта образуемую лампой горѣвшою на столѣ, — точно тебѣ кто прибилъ.

— Ваше сіятельство, у сестры померъ сынокъ, мой крестникъ...

— На себя просто не похожа! продолжалъ князь глядя на нее и пожимая плечами.

— Какой омысленный былъ мальчикъ! начала опять Груня, — и сестра, бѣдная, такъ убивается!..

— Еще разражаюсь, и мрамор на кафельной дорожке перевернется, мажорка! Бегу в черт знает! Глаза красивые, нос розовый и белая, нечего сказать, не замечала.

Груда победных еще больше.

— Не до красоты, мажорка она твердо, — когда сердце надрыдается.

— А не до красоты, моя лизала, так запросто ты же мит пожаловала.

Слезы ее брызнули.

— Ну, теперь разрешилась, сказал князь, все больше раздражаюсь, — только того и не доставало.

Она молчала и рыдания ее раздались в комнате.

— Да этому конца не будет, заметил Николаевич. Он велел, подошел к бюро, выдвинул ящик и вынул несколько золотых бросил их на стол, промолвил:

— На вот тебе на утешение.

Ее слезы мгновенно остановились. Она взглянула на него пристально, и что-то некое на неясность поведнулось в ее сердце.

— Не забудь, промолвила она, и направилась к дверям.

— Это что еще за выдумки! воскликнул князь. Он подбжал к Груде, всунул ей червонцы в руку и отворил дверь промолвил:

— Береги и ступай домой.

У нее вселенно в глазах и ноги ее дрожали. Она повернулась и вышла мажорально. До ее слуха долетало победное слово князя:

— Когда выплачешь вот слезы, тогда приходи.

Груда прошла коридором и очутившись на дворе села на ступенях крыльца, стиснув так крепко червонца рукой что они врывались в ладонь. Но белая дзюпка была в таком маду что не отдавала себя отчета в физическом страданіи которое испытывала. „Хоть бы сердце-то в немь дрогнуло!.. да видно сердце-то волче!.. мажорка у нее в голове, хоть бы сказала, а она прогнала, прогнала от себя!..“ Влажный воздух освежил ее немного. Она пришла головой к косякам и горько заплакала. Все перенесенные обиды, все пережитое горе пришли ей на ум. Она долго плакала, долго думала. За что продала она свою добрую славу, свою девичью честь и любовь преданного сердца? За неважные сарафаны, за золотые серезины, да за две горсти

чародиня, щоб сказати, як це суцільно. Чого-бачиш дава: она мислячи переступила к тому утру, когда думала обо Алексіи лежа на рідивалі. Берсру. Ї-она-вспоминувала-якже-пробігала на другой день подь вечерю урядити їм орнаменты, какь поручення дала на адрі, востановила-всередину-о-Алексіи-у-садових-воротъ. „Аграфона Митревна, тш..“ звучалъ страдальческій голосъ въ ея ушакъ, и сердце ея выло все безотраднѣй, все болѣзненнѣй, и грустный образъ Алексіи жевкалъ какъ живой предъ нею.

„Легко было бы на думѣ, кабы онъ зналъ что съ этой самой минуточки я радаю себя не видала, думала Груня,— что онъ мнѣ миль, что я объ немъ тоскую, что мнѣ досталъ зтогда важной кляма!“

Нобе-наивно-уже-блѣднѣть, а блѣдая дѣвушка все еще спѣшила на своемъ мѣстѣ. Но-другъ-она-понималась-быстро, какъ человекъ прилявшій твердое рѣшенье, обернувшись къ двери и промолвила, ажывая кулаки:

— Какое, приду, жди! Вотъ и деньги-то твои.

Съ этимъ словомъ она бросила съ размаха свои чародинцы въ кусокъ сирени рѣшило около камында и удаляясь быстро въ нягомъ.

Физически и нравственно утомленная она проснулась поздно и живо одѣлась. День всталъ сѣренькій, словно не хотѣлось солнцу взглянуть на землю. Груня знала что въ такую погоду кляма лосаѣ своею застраха выжидаетъ переломъ на долгую прогулку и шла подь окно. Вотъ повесилъ изъ кухни серебряныя блюда, потомъ два ковшуха подвохи изъ камынду кровную сѣрую лопать, и красавый водничикъ свѣчалъ со двора „Ну, теперъ чидъ Богъ дастъ“, подумала молодая дѣвушка, и обшивая себя крестомъ вышла со двора.

Надо было видѣти Алексіи. Она зашлаула въ окна его кампаты, но кампата была шрова; у Кириллы его также не было, по словамъ работника, и Груня стала искать его въ саду. Обшиваясь въ аллеи она спустилася къ босади въ отросшей около пруда и заглянула робко между колоннъ поддерживавшихъ потолокъ. Алексій сидѣлъ на скамейкѣ, опершись лѣктемъ въ столъ, и смотрѣлъ вдаль. При неожиданномъ появленіи Груни кровь бросилась ему въ лице. Онъ поклонилъ ей мѣтла и промолвилъ:

— Ты чидъ?... Тебѣ копа, Аграфона Митревна?

Она не акордъ-отозвалась. Приготовленная заранее и твердо затверженныя слова замерли на ея губахъ.

— **Алексей!** Исполнилась... исполнилась она законца и уста-
новилась.

— **Иль ты, можешь, иль не можешь?** спросил тупо Алексей.
Ее обидно молчаливо, но она сидела устнее над собой и
проговорила едва слышно и потупив глаза:

— **Алексей!** Исполнилась, просто меня...

— **Алексей!** Исполнилась и подошла к ней.

— Ты, можешь, живая моя забла, моя душа загубила, ска-
залась она, — да говоришь: просто... Видь я не святой! Да и что
тебѣ ни съ того ни съ сего вдумалось съ предостереженьем ко
мнѣ прийти? Иль иль ты претмалъ что ты обе мнѣ
вспоминалъ?

Груня поджала голову и сказала твердымъ голосомъ:

— **Ильбы** она исполнилась, я бы къ тебѣ пришла не молчала...
духъ бы не хватило, а я его бросила.

— **Алексей!** Исполнилась свободна.

— **Бросила!** повторила она.

— **Бросила...** потупила она мнѣ. А ты хоть молчать меня
и проговоришь, я къ тебѣ пришла...

— **Зачѣмъ?**

Сердце ее оборвалось. Она молчала. „Промала!“ молкнуло
у нея въ голове.

— **Зачѣмъ?** повторила Алексей.

Груня повалилась ему въ ноги.

— **Видь** говорю: зачѣмъ чтобы ты простилъ меня еван-
гелю, Христа ради.

Она скрывала себя за голову.

— **Погубила** ты и свою, и мою головушку, крикнула она, —
и ужь теперь не поправишь.. ужь теперь ничего... **Вотъ!**

— **Нѣтъ,** не встану, отозвалась Груня, стоя на коленяхъ, —
скажи что простилъ, а тамъ прогони молча, да это сло-
вечко-то вымолви, ради вѣхъ слезъ моихъ вымолви.

Слезы текли и теперь по ее щекамъ. Она глядела на него
блѣдная, кающааяся, умоляющая. Сердце Алексея дрогнуло.

— **Христосъ** съ тобой, сказалъ онъ мягкимъ голосомъ, — а
я къ тебѣ не зель.

— **Господь** Богъ и Пречистая введутъ тебѣ за это слово,
когда она вставала.

— А пречистаго не верю, **Агрифона** Митревна. Думаешь
я, будемъ мы жить съ тобой въ согласии и въ мирѣ, да видно
не судилъ мнѣ Богъ отпуга. Что жь, теперь молчи

квара, те мѣну вѣдь? Значитъ рѣдъ доброе мѣди-будучи пль-центъ показывать.

— Я объ этомъ и думать не смѣю чтобы быть твоею женой, Алексѣй Кириллычъ, отозвался Груня, глотая слезы.

— Можеть другой найдется. Я тебѣ не любъ былъ, а можеть другой полюбито. Дай тебѣ Богъ счастья.

— Нѣтъ, а счастье-то свое сама полюбила, а уѣду я къ сестрѣ, отъ отыда уѣду, да буду вѣкъ за тебя Бога молить. Прощай, Алексѣй Кириллычъ, можеть уѣть и не повстрѣчаеся мы больше съ тобой.

Поклонившись ему въ поцѣбъ она быстро спустилась со ступеней и удалилась, а Алексѣй поглядѣвъ ей въ слѣдъ, и при мысли о вѣчной разлуцѣ всѣ недобрый чувства накопившіеся въ его сердцѣ расшалились окончательно, и въ немъ зазвучали лишь вѣжныя струны. „Пришла она ко мнѣ чтобы я ее приголубилъ горемычную, думалъ оны, а я чѣ? ласковымъ словомъ не потѣшилъ!.. Ну, согрѣшила, да вѣдь сама жъ его бросила.. вотъ на прощаніе-то доброе словечко ей молвить!“

Онъ выбѣжалъ изъ бѣсѣдки, посмотрѣвъ кругомъ, шепель въодъ пруда, и вдругъ остановился: Раздавались глухія рыданія изъ сосѣднаго грота. Алексѣй къ нему бросился. Груня сидѣла на скамейкѣ, прилавъ головой къ столу.

— Аграфена Митревна, оказалъ тихо Алексѣй, подходя къ ней, — что жъ ты ужъ такъ убиваешься-то? Кто предъ Богомъ не грѣшенъ?

— Алексѣй Кириллычъ, отвѣчала она, подымая голову, — а негодная, грѣшная, а не стою чтобы ты на меня вскакивалъ, да не говори что ты мнѣ не любъ, когда я можеть рада бы душу за тебя отдать.

Онъ сѣлъ около нея, потулился и не отговарялся. Помолчалъ немного, Груня начала опять вскапывать:

— И никто не полюбится мнѣ oprичь тебя... кабы она былъ мнѣ когда любъ, мнѣ бы теперича легче было. Хотя бы несколько девочекъ, да были бы мои, хоть бы вспомнила что ихъ съ милымъ скоротала, да милъ-то оны мнѣ не были.

— На что жъ ты пошла? спросилъ глухо Алексѣй.

— На его деньги пошла... вѣдь говорю что оказалась, да ужъ за то не видна а себя радеети; все о тебѣ сокрушалась... ты словно мое сердце изгадалъ, такъ ужъ не говори что мнѣ не милъ... убей меня лучше, а этого слова не говори!

Алексей слушая слова, и две кружки соевы облизывая, къ нему на врата.

— Нѣтъ! крикнулъ онъ вдругъ,—меня шибко... ну, вышлите, ну, пришло, да любимию меня!... Была не была!..

Онъ махнулъ рукой и обнялъ молодую дѣвушку, а она, въ порывѣ безумной радости, цѣловала его волосы, руки, глаза.

— Ангелъ ты Божій! родной ты мой! гонимая Круна,—воскресила ты меня, изъ мертвыхъ воскресила!

— Грушашка, ты только не убивайся, не плачь, сказала Алексѣй,—и Господь мнѣ свидѣтель что никогда не попрекну я тебя ни въ чемъ.

— Выслушай ты меня, Алеша, разкажу я тебѣ какъ все было.

— Что тутъ разказывать-те! Дѣло прошлое.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты меня выслушай; а предъ тобою буду каяться что на духу... Онъ всегда мнѣ былъ поетымъ, а ты, Алеша, мнѣ давно подобила, какъ только прѣйкалъ.

— Ишь! а я одуру-то и въ домекъ не зналъ.

— Какъ прѣйкалъ. А ужъ въ тебѣшны-то иконими ты со-всамъ мнѣ въ душу вкрадса. Милѣй тебя кажется и на свѣтѣ не было.

— Да вѣдь и я же, Грушашка, тебя люблю!

— Вотъ, на другой день пошла я къ рѣкѣ, лежу на берегу и распѣваю про милого друга, а все ты на ушѣ. Да вдругъ онъ откуда ни возьмись, и сталъ предъ мной рассыпаться. Чего, чего вы наговорили! Два золотые мнѣ далъ. Я съ ними цѣловаться не хотѣла, а онъ самъ меня поцѣловалъ, и велѣлъ приходить опять на другой день къ рѣкѣ. Ушелъ онъ, а я думаю себя: не пойду. Эй-Богу, Алеша, идти не хотѣла. Вернулась домой, а ты тутъ на бѣду пришелъ.

— Вѣдь говорилъ я тебѣ тогда!

— То-то и есть: говорилъ! Ужъ мнѣ бы предъ тобою позвониться, что вотъ, молъ, такъ и такъ, а у меня духу не хватило. Думала себя: не бѣда коли онъ меня подарить, а ты говоришь чтобъ я его гостинца не брала, да все пристраешь: что, да что онъ говорилъ? А мнѣ стыдно, да и досада-то меня разбираетъ, ну а тебѣ, глупая, и согубила.

— И впрямь ты глупая: не оумѣла, значитъ, обсудить этого дѣла.

— На другой день подарилъ онъ мнѣ вонкой вончина, а все говорить какъ меня любить, и на въ чемъ мнѣ отказа не будетъ, и обошелъ онъ меня кругомъ, Алеша, околдовалъ

Ваша мать. Жаль лишь тебя: до смерти, и дашься чужимъ добывается что буду я богата, да всему здѣсь жилая, да меду изъ клеветки-железу.

— Ишь фальшберія-то какая! заплывай Алексѣй, и пошла голова.

— Видь говорю те нахожденіе, какъ съезъ дьявольское навозденіе. Ну, и слава я съ этого для къ нему таскаться. А какой противный! Денегъ дастъ, а ослонитъ не приголубитъ. Не хочу я чтобы мнѣ отъ него силъ мороча оставалось, и все что онъ мнѣ выдалъ сестрѣ отомла. Выхрасть ужъ не стерплю мнѣ стало, я и денегъ его брать не хотѣла, а онъ осерчалъ, сунула мнѣ ихъ въ руку и всталъ опять приходять. А я какъ отъ него вышла, думаю: мнѣ, скорѣй на себя руки навешу, и деньги-то его бросаю въ кусты около крыльца. Чай и теперьча дѣлать коимъ кто не подобралъ. Одна душа моя знаетъ что я этиаи временамъ горя приняла. Какъ объ тебѣ вдумую, такъ сердце кровью и обольется.

— Голубка моя! молвила Алексѣй, прижимая ее къ себѣ. Онъ задумался и началъ оиать послѣ минутнаго молчанія:

— Отецъ хотѣлъ у него выпросить вольную для меня. Я тогда отказался—сходить отъ него жалъ было, а теперьча пусть выпроситъ: этого неважно чтобы ты попала къ нему-въ крѣпостныя.

— Славная ты душа, Алена, что не грустнѣешься мною!

— Счастіемъ-те своимъ грустнѣться! Правду ты говоришь что онъ тебѣ обошелъ. Оиать же тетка чай подбивала, оваряя грѣхъ-дьявлица, прости меня Божь!

— Я тебѣ не жена буду, Алена, а раба: тебѣ буду. Прикажи мнѣ на дво морочное цѣти и те пойду.

Груня припала къ его-плечу, и Алексѣй подѣловалъ ее въ лобъ. Она поджала голову, посмотрѣла на него важными, свѣтлыми, любящими глазами, и тихо проговорила:

— Милый мой! суженый мой!

Но вдругъ она поблѣднѣла, колесо ея замерло, и невольнымъ умомъ изобразилась на ея чертахъ. Она показала рукой на входъ грота, подалась впередъ тѣломъ впередъ и оканчивалась къ столу помертвѣвшимъ лицомъ. Алексѣй быстро обернулся. Князь стоялъ въ двухъ шагахъ отъ него. Его черты были искажены гнѣвомъ, кулаки судорожно сжаты.

— Безстыжная! прошипѣлъ онъ.

Дрожащій Алексѣй взошелъ, у него повсѣннѣло въ

назад; она чистосердечно-чуждою собой Грину и пролепетала бессознательно:

— Ваше сиятельство!

Никита Николаевич кинулся къ нему, схватилъ его слабыми руками за воротъ и отбросилъ въ уголъ грота. Алексѣя тяжело упала; онъ зарывался въ его грудь.

— Ты посмѣлъ!.. ты посмѣлъ, сегодня! крикнулъ князь. — Въ солдаты!.. до перваго набора въ солдаты!

Съ этимъ словомъ онъ скрылся.

XV.

Князь, вбѣжавъ по ступенямъ террасы прошелъ въ свой кабинетъ и сталъ ходить тревожнымъ шагомъ взадъ и впередъ. Онъ задыхался отъ гнѣва. Груня была для него не что иное какъ источникъ грубаго наслажденія и кромѣ наслажденія онъ ничего отъ нея не требовалъ, но хотѣлъ быть ея единственнымъ обладателемъ. Мысль что свои ласки она раздѣляла между нимъ и князь-же? его камердинеромъ. Что камердинеръ дерзнулъ вступитъ въ соперничество съ князь, приводела его въ ярость. Проходивъ около получаема изъ угла въ уголъ онъ опустился въ кресло и напилъ изъ графина стоявшаго на столѣ стаканъ холодной воды, который вылилъ залпомъ. Овладевъ настолько собой чтобы не обнаружить своего внутренняго волненія, онъ позволилъ и приказалъ вошедшему лакею позвать старосту. Черезъ нѣсколько минутъ мужикъ лѣтъ пятидесяти съ важнымъ видомъ и окладистою бородой показался въ дверяхъ. Помолвившись на образъ висѣвшій въ углу онъ поклонился молча барину.

— Сяряди къ завтраму подводу въ Зяиченку, сказалъ ему Никита Николаевичъ, — и отправь туда подъ надежною стражей Алексѣя Кириллова. Да веди въ конторѣ написать къ управляющему чтобы по первому рекрутскому набору онъ представилъ Алексѣя въ присутствіе, а до тѣхъ поръ отвѣчай бы за него. Держи онъ его хоть въ заперти, хоть въ кандалахъ, ужь это его дѣло. Письмо принести мнѣ къ подлиси.

— То-есть... какъ же Алексѣя Кириллова, ваше сиятельство? спросилъ изумленный староста.

— Да такъ же: Алексѣя Кириллова, сына Кирилы Иванова. Понялъ? Ну, ступай.

Скоросте поклонившаяся епанчи, прислонившись слушавъ оу, и вышелъ изъ комнаты.

Неожиданное извѣстіе что Алексѣя отправляютъ жодъ стражей въ дальнее изгнѣніе не замедлило разнесеть по дворцѣ, и перешло словно громами ударить Кирилла, который былъ боленъ уже дѣлаю недѣлю. Крѣзь хланула у него горло. Придя въ себя старикъ переговорилъ наединѣ съ сыномъ, всталъ, одѣлся черезъ силу и яобралъ въ господскій домъ при помощи своего костыля.

Князь, сидѣвшій предъ столомъ въ ту минуту когда вошелъ къ нему управляющій, окинулъ его холоднымъ взглядомъ и сказалъ спокойно:

— Ты вѣрно пришелъ просить за сына: напросо.

— Простите, ваше сіятельство, промолвилъ дрожащимъ голосомъ Кирилла.

— Я уже оказалъ что не прощу.

— Ваше сіятельство, а вѣкъ саужилъ и родителямъ вашимъ, и вамъ.

— За свои услуги ты былъ награжденъ, но дерзости я не потерплю ни отъ кого. Онъ очень зналъ про эту... про Аграфю, и не долженъ былъ смѣть на нее взглянуть. Ему забрѣютъ лобъ.

— Онъ точно виноватъ, ваше сіятельство, да грѣшниковъ а Богъ милуетъ.

— Судъ Божій не мой: онъ милуетъ, а я наказываю.

— Ужь мнѣ не долго жить, началъ опять Кирилла, помолчавъ немного,—хоть бы онъ мнѣ глаза закрылъ! Ради самого Бога простите.

— А хотѣлъ чтобъ онъ тебѣ глаза закрылъ, такъ хорошенько бы его училъ. Нечего толковать. Убирайся!

Кирилла не двигался съ мѣста.

— Ступай же, повторилъ возвышая голосъ Никита Николаевичъ.

— Простите, ваше сіятельство, промолвилъ опять Кирилла и епустился на колѣни.

Князь всталъ.

— Или уходи, крикнулъ онъ,—или я велю тебя вывести. Слышалъ что ль?

Старикъ поднялся съ трудомъ, блѣдное его лицо преобразилось, брови сдвинулись, глаза засверкали. Онъ остановилъ ихъ пристально на баринѣ, оперся на спилку кресла и сказалъ смѣлымъ голосомъ:

— Подумайте-ка, ваше сіятельство, это ваше послѣднее слово?

— Кириалъ, возразилъ съ усмѣшкой князь, — да въ своемъ ли ты умѣ что смѣешь такъ со мной поговаривать?

— Я спрашиваю: послѣднее ли это ваше слово? потому, знайте, и я супротивъ васъ могу.

— Да ты съ кѣмъ говоришь что застращать-то вздумалъ? крикнулъ князь. — Убирайся, говорятъ тебѣ, старый сума-обродъ!

— Ваше сіятельство, не стану камедь откалывать, у меня мога въ гробу, а говорю предъ Богомъ: вы у меня какъ есть въ рукахъ.

Князь былъ не изъ робкихъ, но почувалъ что-то не доброе. Его обдало внезапно холодомъ. Онъ опустился въ кресло, однако промолвилъ, но не совоѣмъ твердо, несмотря на всѣ свои усилія казаться спокойнымъ:

— Любопытна! Ну, говори... да говори же и не вилай... говори что ль!

— Не пытайте. Скажу, можетъ не поздоровится. А вѣрте моей совѣсти: отпустите Алексѣя на волю, и я смолчу, и концы въ воду.

— Смолчишь! нѣтъ, не смолчишь! нѣтъ, посмѣлъ меня стращать, такъ говори, или я тебѣ языкъ-то развяжу!

— Такъ-то, промолвилъ Кириалъ, — ну, такъ левай же на себя! Онъ подошелъ медленно къ князю, нагнулся къ нему, глядя ему прямо въ глаза, опустилъ руку на его плечо и сказалъ, отчеканивая каждое слово: — Такъ знай же, не онъ мнѣ сынъ, а ты мнѣ сынъ! Не ты ему баринъ, а онъ тебѣ баринъ! Онъ князь Сборовскій!

Краска сбѣжала мгновенно съ лица Никиты Николаевича, капли холоднаго пота выступили на его лбу, глаза расширились и остолбенѣли. Онъ походилъ на человѣка пораженнаго громовымъ ударомъ и пытался выйти изъ своего оцѣпенѣнія, какъ напругаютъ всѣ силы чтобы проснуться отъ тяжкаго сна, но въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ не могъ вымолвить слова. Наконецъ онъ пролепеталъ что-то едва внятно, однако среди неясныхъ звуковъ вырывавшихся изъ его груди старикъ разобралъ слова:

— Какъ?.. что?.. Чей сынъ?.. я... я не повялъ...

— Нѣтъ, видно повялъ! отозвался Кириалъ. Онъ сбросилъ съ лѣвой руки кафтанъ, раздвинулъ воротъ рубашки, показалъ

родимое пятно на лбу и продолжать:—Глади. Это что? Небось и у тебя такое же.

Кровь заиграла внезапно на помертвѣвшемъ лицѣ князя, искры заблестѣли въ потухшихъ его глазахъ.

— Подлецъ! крикнулъ онъ, хватая Кирилла за воротъ рубашки,—подлецъ! Чѣмъ хотѣлъ взять! Самъ глади, промовилъ онъ, указывая на одинъ изъ портретовъ висѣвшихъ на стѣнѣ,—а весь въ него!

— А я-то въ кого? А я-то чей сынъ? Иль ты не знаешь? Онъ тебѣ точно прадѣдушка, да только не по князю Николаю Сергѣевичу, а по мнѣ, по холопу Кириллу! Мнѣ дѣдъ, а тебѣ прадѣдъ. Такъ-то, ваше сіятельство!

— Лжешь! закричалъ князь, чуя однако истину въ словахъ старица, но хватаясь за все чтобъ уличить его во лжи,—не можетъ быть.. Да какъ же оно было?.. Говори что ль!.. и онъ толкнулъ ногой.

— Какъ было-то? покойная жена, Матрена, мать-то твоя, согрѣшила, подмѣнила княжескаго ребенка.

— Подмѣнила! Такъ тебѣ и повѣрю!

— Я вамъ, ваше сіятельство, не сказку сказываю. Можеть какъ я самъ объ этомъ узналъ, такъ въ одну недѣлю послѣдѣлъ. А мало тебѣ? у меня пожалуй документъ есть, писанный, печатью скрѣпленъ.

— Документъ! прошилъ князь, хватая за руку Кирилла, и пальцы его замерли на этой исхудалой рукѣ. Гдѣ?.. какой? Мои права законныя!

— Я не о законѣ. Какой тутъ законъ! А тебѣ небось не по сердцу будетъ если въ людяхъ-то узнають что по закону вы точно князь, а на дѣлѣ-то кто?

— Какой документъ? Сказывай!

— Какой бы то ни былъ, а есть. Да что ты меня пытаешь-то? Вѣдъ и радъ бы мнѣ не вѣрить, а померволъ вѣришь, не солгу!

— Подавай его!

— Даромъ не отдамъ, локулай-ка вольную, да за деньги, чтобъ ему отъ своего-то богатства хоть что-нибудь досталось, ему-то, настоящему-то князю Сборовскому.

Никита Николаевичъ дрогнувъ всѣмъ тѣломъ какъ подстрѣленный звѣрь.

— Подавай документъ, заревѣлъ онъ,—гдѣ документъ?

— Гдѣ? того не скажу, отвѣчалъ Кирилла, а придетъ время, отдамъ.

Онъ улялъ утомленный въ кресло. Наступило долгое молчаніе. Отецъ и сынъ походили на двухъ мертвецовъ вышедшихъ изъ могилъ; казалось что морщины старика вѣзались все глубже въ желтѣвшій лобъ и щеки. Тяжелое его дыханіе становилось все отрывистѣе. „Воды!“ проговорилъ онъ вдругъ съ трудомъ. Руки князя дрожали. Онъ подвѣлъ съ усиліемъ графинъ, налилъ воды, и замѣтивъ только тогда что управляющій сидитъ бросился къ двери и залеръ ее на ключъ. Отойдя отъ нея шага два онъ возвратился къ ней опять и вымѣрилъ ее глазами стараясь припомнить что такое слѣдовало еще сдѣлать. Наконецъ Никита Николаевичъ догадался и опустилъ надъ ней тяжелую занавѣсъ. Возвращаясь на свое мѣсто онъ остановился среди комнаты устремая въ полъ тулой взглядъ и вдругъ схватилъ себя за голову:

— Холопы!.. промолвилъ онъ, холопы!.. сынъ старика!

— Ахъ! крикнулъ Кириллъ и быстрая слеза скатилась съ его рѣсницы.

Никита Николаевичъ словно пробужденный этимъ восклицаніемъ возвратился на свое мѣсто, оперся локтями на столъ и опустилъ голову на руки. Гибкая вѣтка китайскаго розана, стоявшаго въ саксонской вазѣ на мраморной тумбѣ, коснулась его лба. Князь оттолкнулъ ее нервнымъ движеніемъ руки. Но вѣтка покачалась въ воздухѣ и склонилась къ нему опять. Онъ вскочилъ взбѣшенный, схватилъ вазу и бросилъ ее со всего размаха въ уголъ, гдѣ она разлетѣлась въ дребезги. Кириллъ вздрогнулъ. Князь сѣлъ опять и заговорилъ:

— Послушай... вѣтъ, не то, Дай вспомню... вѣтъ, все не то... Да, ты объ этомъ ни слова ему... тому-то... Слышишь? Ни слова!

Онъ стиснулъ зубы и погрозился пальцемъ.

— Тше, тше, сынокъ, промолвилъ медленно старикъ.

Это слово ужалило въ сердце князя. Онъ отвернулся чтобы не встрѣчать пристальнаго взгляда тяготившаго на немъ и сказалъ:

— Да зачѣмъ?.. не нужно ему знать... Дай документъ, и бери вольную, бери деньги.

— Ты выслушай; какъ дошло до меня давеча что ты собираешься ему лобъ забрить, меня словно обухомъ хватило. Думалъ я такъ ли инако ли локовчить съ тобой дѣло съ глазу на глазъ, а его чистой души мутить не хотѣлъ. Да у меня со страха пошла кровь горломъ; я думалъ послѣдній часъ

т. слыш.

мой насталь и не добреду пожалуй до тебя, а отдать тебѣ Алексѣя въ когти духа не хватало. Ужь и такъ я намучилса, да еще съ такимъ грѣхомъ въ сырую земаю лечь!.. Я ему все открыль.

Красивое лицо князя исказилось судорожнымъ движеніемъ мускуловъ. Онъ провель рукой по лбу, не скоро отозвалса и проговориль наконецъ, еле перевода духъ:

— Ступай за документомъ... бери что хочешь.

— Ты объ этомъ съ Алексѣемъ, а моей ужь мочи нѣтъ... можетъ до завтра не доживу, отозвалса Кирилль поднавшись съ трудомъ. Онъ остановилса, придерживаясь за уголь стола и какъ будто чего-то дожидаясь; но князь не поднавал на него глазъ.

— Ну, такъ прощайте, ваше сіятельство, сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ старикъ и вышелъ неровными шагами изъ комнаты.

А Никита Николаевичъ просидѣлъ долго, не двигаясь на своемъ мѣстѣ. „Холопъ... холопъ...“ лепеталъ онъ отъ времени до времени и судорожная дрожь потрясала его. Вдругъ ему послышались голоса за дверью. Онъ вскочилъ и сталъ прислушиваться, но все было тихо. Князь поднавал голову и взглянулъ на портреты висѣвшіе по стѣнамъ. Взоры его остановились на изображеніи предка передаваемаго ему свои черты и ему показалось что гордый бояринъ подмигнулъ глазомъ и сардонически улыбнулса. Никита Николаевичъ вскрикнулъ, силы измѣнили ему окончательно и онъ упалъ за-
мертво.

XVI.

Въ то время когда князь Николай Сергѣевичъ ждалъ родовъ жены, повальная болѣзнь появилась въ околоткѣ. Выбыла бѣлая часть Веселовской дворни. Молодая княгиня очень страдала своею беременностью и ей не было позволено кормить ребенка. Для него приготовили кормилицу; та занемогла также. Но докторъ увѣрялъ что проявленіе недуга не представляетъ у нея серьезнаго характера, и что по всей вѣроятности будетъ на ногахъ къ тому времени когда ей придется вступить въ должность. Княгиня была такъ поражена печальными сценами, которыхъ не было возможности отъ нея удавить, что наступили преждевременные роды. Она

очень страдала, силы ея истощились, и два медика призванные къ ней не скрыли своихъ опасеній отъ молодаго мужа, который пришелъ въ полное отчаяніе и не отходилъ отъ жены. Мальчика кормили съ рожка, въ ожиданіи выздоровленія его кормилицы, но къ довершенію бѣды объявили вдругъ князю что за-вемогла опасно няня. Онъ велѣлъ позвать управляющаго.

— Что дѣлать, Кирилль? спросилъ онъ, — изъ старшихъ дѣвухекъ осталась одна Василиса, она постоянно около княгини, а молодымъ я не повѣрю ребенка. Кого бы изъ двора къ нему приготовить? Вѣдь не на долго: кормилица совсѣмъ оправляется.

— Кромѣ моей жены теперича некого, ваше сіятельство.

— Да вѣдь она родила въ одно время съ княгиней.

— Наканувѣ. Вотъ шестыя сутки. Она ужь встала, и въ такую погоду что за важность черезъ дворъ-то пройти. Велю ей сейчасъ чтобъ она перебралась сюда.

— Если можно, Кирилль, распорядись пожалуйста. Вѣдь некому приступить къ этому несчастному мальчику.

— Будьте покойны, ваше сіятельство, сію же минуту пришаю жену.

Онъ проводилъ немедленно въ господскій домъ Матрону съ ея новорожденнымъ и десятилѣтнею леемьяницей, Акулей, приставленною къ малюткѣ въ качествѣ няни. Дѣтская была устроена въ концѣ длиннаго корридора, а въ сосѣдней комнатѣ Матрена уложила своего сына на двухъ креслахъ придвинутыхъ одно къ другому и повѣривъ его попеченію Акули ушла къ князьку, какъ его звали въ дѣвчьеѣ и передней. Отецъ не заглядывалъ къ мальчику въ продолженіе цѣлаго дня; но вечеромъ, въ ту минуту когда Матрена готовилась поуживавъ ложиться спать онъ вошелъ на цыпочкахъ и спросилъ вполголоса:

— Ну, что малютка?

— Почиваетъ. Не угодно ли взглянуть? отвѣчала она, раздвигая кисейныя занавѣсы дѣтской кровати, и спросила между тѣмъ какъ князь нагнулся къ сыну, стараясь разглядѣть его черты при блѣдномъ свѣтѣ лампы горѣвшей предъ кивотомъ.

— А что княгиня, ваше сіятельство?

— Заснула. Кажется, слава Богу, полчше. Докторъ позволилъ отвести къ ней завтра ребенка, если ночь пройдетъ благополучно.

— Помилуй ее Господь, молвила Матрена,—вѣдь ужь и мы-то все какъ по ней измучились!

Ночью она подымалась часто, сповала изъ дѣтской въ собѣдную комнату и ложилась спать когда оба мальчика засыпали. Тотъ и другой казались совершенно здоровыми, но на разсвѣтъ она выкула изъ кровати князька и замѣтила что онъ вдрагиваетъ.

— Ангелъ хранитель надъ тобой, молвила она, लेकरъ отивъ его и подала ему рожокъ. Ребенокъ замоталъ отчаянно головкой. Матрена подумала что можетъ онъ меловко спеланать и развязала послѣднюю его свивальники. Но онъ закатилъ глаза и поблѣднѣлъ. Судорожный припадокъ сталъ сводить его хилые члены, которые выбивались изъ полураспуценныхъ пеленокъ. Малышка дрожалъ, губы его посинѣли.

— Господи помилуй! помираетъ! лепетала Матрена,—безпрѣменно помереть!

Припадокъ продолжался довольно долго. Наконецъ мальчикъ сталъ повсѣмому успокаиваться, но былъ блѣденъ, обезсиленъ, едва дышалъ. Казалось что онъ доживаетъ послѣднія минуты. Она привела въ нормальное положеніе его усталые члены раскинувшіеся по подушкѣ, на которую положила его, но не посмѣла его спеланать, а завернувъ въ одеяло отнесла въ кроватку и сѣла около нея. Прошелъ часъ, другой, ребенокъ былъ все также изнеможенъ, дыханіе его также слабо.

— Дыхнетъ, да и вѣтъ, говорила сама себѣ Матрена, не спуская съ него глазъ, — а княгинѣ-то, сердечной, только что полегчало. Сказать ей что онъ померъ, либо такого-то показать что ужь совсѣмъ отходить, стало и ее убить надо. А сохрани Богъ что съ ней, вѣдь одно бы и осталось утѣшеніе у князя что ребеночекъ: Господи, не остави насъ грѣшныхъ.

Совсѣмъ разсвѣло. Она заглянула въ окно; солнце уже показалось изъ-за надворныхъ строеній, поднялись оконныя рамы людскихъ избъ, и прислуга мелькала по дворовымъ дорожкамъ. Матрена умылась, подошла къ образамъ и стала усердно молиться; но вдругъ, положивъ земной поклоны, она приподнялась, оставалась на колѣняхъ, подалась всѣмъ туловищемъ назадъ и задумалась.

— Искушеніе! сказала она наконецъ вслухъ, перекрестилась и принялась за прерванную молитву.

Но искушеніе преслѣдовало ее. Она повторяла затверженныя съ дѣтства слова, а между тѣмъ неотвязчивыя мысли бродили въ ея головѣ.

— Вѣдь это лукавый меня смущаетъ. Господи, избави отъ него! молвила она и поклонилась опять въ землю.

Но лукавый напелтывалъ ей свое, и Матрeна приподнявшись осталась опять на ковчанахъ и опять задумалась.

— Да почему же лукавый? спросила она себя вдругъ.— Можетъ мнѣ такъ Господь и Пречистая указать. Помретъ онъ, что слезъ-то будетъ! Ужъ какъ они вымаливали у Бога этого ребеночка! А если такъ показать что мой номеръ, да моего-то имъ и оставить... вѣдь тутъ и грѣха пожалуй не будетъ. Только ихъ отъ горя избаваю, а ни у кого ничего не забудеть. Нешто я сбываю ангельскую душку? Сохрани Пресвятая Богородица! Да ужъ видно онъ не жилецъ, а на какомъ кладбищѣ похоронять—все едино; но крайности хоть моему-то счастье будетъ. Можетъ ему Господь чрезъ меня такую долю посылаетъ. Будетъ онъ, мой родной, расти здѣсь въ холѣ да въ удовольствіи, всѣ его княземъ стануть величать...—Внезапныя слезы набѣжали на ея глаза.—А ужъ меня съ отцомъ онъ знать не будетъ, подумала она.—Да Богъ съ нимъ, лишь бы ему хорошо было... мы на него радоваться станемъ. Я теперича мужу ничего не скажу—осерчаетъ. А ужъ послѣ, какъ подрастетъ сыночекъ: это, молъ, княжеская могилка тамъ, на сельскомъ кладбищѣ, а нашъ ребеночекъ не въ сырой землѣ спитъ, а въ золотыхъ палатахъ живетъ... Да какой же тутъ грѣхъ? Совсѣмъ и вѣтъ грѣха... добро бы я что у кого отымала... только господь отъ слезъ спасу... Я батюшкѣ на духу въ этомъ откроюсь, и онъ скажетъ что вѣтъ грѣха... знаю что скажетъ.

Она поднялась, взяла ребенка и направилась къ двери, но постоявъ около нея, вернулась, опустила опять мальчика въ кроватку и сѣла возлѣ него. Долго не двигалась она съ мѣста и вдругъ нагнулась къ малюткѣ.

— Помираетъ... какъ есть помираетъ, пролепетала она:— кровинки вѣтъ въ лицѣ... Пожалуй князь скоро за нимъ придетъ. Ну какъ ему сказать? Духа кажется не хватить... А если моего-то—и горя никакого не будетъ...

Она встала, взяла опять мальчика на руки и вышла твердымъ шагомъ въ корридоръ; но тутъ Матрeна остановилась, озираясь во всѣ стороны и боясь чтобы кто-нибудь не

подкараулилъ. Наконецъ она подбѣжала къ сосѣдней двери, отворила ее, прошла мимо Акули хралѣвшей на полу и, обернувъ въ ситцевое одѣяло маленькаго князя, положила его на мѣсто своего ребенка съ которымъ вернулась въ дѣтскую. Матрена дрожала словно въ лихорадкѣ. „Ну что жь?... чему жь я?... вѣдь нѣтъ грѣха, повторяла она мысленно:—мнѣ такъ Господь указалъ“. Она надѣла на мальчика тонкую рубашку, спеленала его свивальникомъ вязанымъ молодою княгиней и, уложивъ въ кроватку, попробовала опять молиться. Но погруженная въ свою думу, она совершенно забыла что стоитъ предъ образами и вздрогнула когда дверь отворилась и князь подойдя къ кроваткѣ раздвинулъ занавѣси.

— Не спать, сказалъ онъ,—ну и пойдемъ къ матери. Ступай и ты съ нами, Матрена.

Матрену обуялъ мгновенно неописанный ужасъ когда она увидала ребенка на рукахъ Николая Сергѣевича. Богъ знаетъ почему ей показался въ эту минуту такимъ страшнымъ, такимъ несбыточнымъ планъ о которомъ она думала за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ какъ о вещи совершенно простой, совершенно естественной. Она послѣдовала за княземъ, который прошелъ быстрымъ шагомъ по корридору со своею дорожною ношей и сказалъ входя въ спальню:

— Вотъ тебѣ гость, Наташа.

Между тѣмъ какъ обрадованная мать приподнявшись на постели цѣловала и крестила ребенка, Матрена думала, не отдавая себѣ отчета во внезапной перемѣнѣ своихъ мыслей:

„Нѣтъ, нельзя... нельзя... какъ вернусь, отнесу его на мѣсто, а того возьму. Ужъ тамъ какъ Богъ велитъ, а нельзя... Князь-то любѣжалъ съ нимъ и не взглянулъ на него, а здѣсь темно, не разглядятъ... Какъ приду—отнесу... И съ чего я это даяеча придумала?...“

— Nicolas, сказала вдругъ княгиня,—подыми-ка гардину, мнѣ хочется видѣть его хорошенько. Только на минуту.

— Ваше сіятельство, замѣтила послѣшню Матрена,—не хорошо ему свѣтъ-то въ глазки.

— А мы его положимъ такъ чтобы свѣтъ его не беспокоилъ, отвѣчалъ князь и повернувъ ребенка лицомъ къ матери поднял гардину.

— Какой хорошенькій! воскликнула княгиня, когда длинная полоса свѣта проникла въ комнату.—Nicolas, онъ на тебя похожъ.

Князь улыбнулся.

— Не взять ли его назадъ? Свивальничекъ спустился, переделывать бы надо, сказала Матрена.

— Да пеленая его здѣсь, отвѣчала княгиня, развязывая свивальникъ,—вотъ здѣсь на постели.

Дѣлать было нечего. Матрена сняла съ ребенка свивальникъ и пеленки. Руки ея дрожали.

— Ну постой, дай мнѣ на него поглядѣть, сказала княгиня, когда мальчикъ оставшись въ одной рубашекѣ сталъ потягиваться, расправляя долго связанные рученки.—Nicolas, посмотри-ка, воскликнула она вдругъ,—какая у него родинка на лѣвомъ плечѣ, темная и круглая. Точно вишня!

— Тѣмъ лучше, замѣтилъ князь, разглядывая въ свою очередь родинку:—если пропадетъ, его легче будетъ отыскать по этой примѣтѣ.

Матрену обдало холоднымъ потомъ. Дѣло было безъ поправки. Когда она зазеленела ребенка и собралась нести его обратно, княгиня ее спросила:

— А что твой мальчикъ?

— Боленъ, ваше сіятельство.

— Что жъ ты не скажешь? Nicolas, покажи его доктору.

Матрена вернулась въ дѣтскую, блѣдная, переводя духъ съ трудомъ. Ей пришло въ первый разъ на мысль что больной малютка можетъ оправиться. „Что жъ тогда дѣлать-то? думала она. Развѣ уласть въ ножки князю и повиниться?... Вѣдь мужъ узнаетъ... пропала моя головушка.“ Она совершенно растерялась и взглянула инстинктивно на иконы, какъ бы прося Бога наставить ее.

— Тетенька, сказала вдругъ Акула, отворяя дверь.

— Чего тебѣ? спросила Матрена.

— Тетенька, у насъ князь сейчасъ были и приводили дохтура. Дохтуръ-то говорить, твой ребеночекъ безпремѣнно помереть. А князь мнѣ заказалъ: сохрани тебя Богъ, говорить, Матренѣ объ этомъ сказывать. Такъ ужъ ты, тетенька, ему не говори что я тебѣ сказала.

Она ушла, а Матрена вздохнула свободнѣй. „Стало такъ Богу угодно, подумала она,—Господь его къ себѣ возьметъ. Что жъ я давеча такъ скорбѣла? Вѣдь не я накликала смерть на младенца.“

Въ тотъ же день кормилица приготовленная ребенку, оправившись совершенно вступила въ должность. При ея

появленіи Матрена собралась немедленно въ своей флигель. Она задыхалась среди господскаго дома и ей не терпѣлось изъ него выйти. Шелъ дождь, она накинула платокъ на голову, завернула въ теплое одѣяло маленькаго князя и вернулась къ себѣ.

— Что съ тобой? спросилъ ее Кириллъ; лишь только она переступила чрезъ порогъ.—Аль неможется?

— И то неможется, отозвалась она.

— Такъ сдай мальчишку-то Акулѣ и прилягь. Да что бы тебѣ дождь-то переждать?

Она легла. Дождь услѣлъ ее промочить пока она шла широкимъ дворомъ, и простуда присоединившись къ сильному нервному потрясенію пошла быстрымъ ходомъ. Къ вечеру лихорадочное состояніе усилилось, Матрена забредила, и докторъ объявилъ что у нея начинается горячка.

Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ бѣдная женщина была въ безсознательномъ состояніи. Въ одно утро она открыла глаза, послѣ довольно продолжительнаго сна, приподнялась на постели и посмотрѣвъ съ удивленіемъ на свѣтъ засыпавшій окна попыталась встать, но была еще такъ слаба что не могла спустить ногъ съ кровати и позвала тихимъ голосомъ:

— Кириллъ!

Онъ показался изъ-за перегородки и посмотрѣвъ на нее вопросительно, не зная еще не въ бреду ли она его зоветъ.

— Или я была такъ долго больна? спросила Матрена.—Ишь и зима стала.

— Слава Богу что полегчало-то, отвѣчалъ обрадованный Кириллъ.—Не хочешь ли чайку? Видь ужъ который день ничего въ ротъ не брала. Самоваръ кипить.

— Что жь? и чайку можно.

Онъ принесъ ей чаю, который она выпила съ наслажденіемъ. Кириллъ принявъ отъ нея лустую чашку хотѣлъ удалиться, но больная вдругъ промолвила:—Постой! задумалась, провела рукой по лбу, какъ бы стараясь что-то припомнить, и спросила:

— А князекъ померъ?

— Помилуй Богъ, съ чего ты взяла? Да и нашъ-то Алешка, мы и не чаяли чтобы онъ въ живыхъ остался, а тоже поправился и веселенькій такой, Христосъ съ нимъ! мы его съ рожка кормимъ.

Матрена одустила голову на подушку и закрыва глаза. Мысли ея думались и воспоминанія о случившемся примѣшивались къ картинамъ недавняго бѣда.

„А вѣдь кто-то померъ. Померъ какой-то ребеночекъ“, думала она, и спросила еще:

— А что княжна?

Кирилль, предупрежденный докторомъ что необходимо удалиться отъ больной когда она придетъ въ себя все что могло бы ее встревожить или огорчить, далъ уклончивый отвѣтъ. Но Матрена его не слышала. Она уже дремала.

На другой же день Акула, несмотря на строгое запрещеніе дяди, повѣдала ей о кончинѣ княжны, о приходѣ въ Веселое княжны Ирины Романовны и въ заключеніе умоляла тетку хранить ненарушимо тайну сообщенныхъ извѣстій. Но Матрена выслушавъ ее хладнокравно не замедлила проговориться съ мужемъ. Кирилль отграсъ за волосы Акулаю, но подтвердилъ ея разказъ и прибавилъ:

— А какъ княжна нашего князька полюбила, просто на диво! А князь-то сердечный, только у него и свѣтъ въ окошко что ребеночекъ.

„Стало оба живы, думала Матрена,—Акула и того ко мнѣ привосила, а я слышала какъ онъ поутру кричалъ. Ну что жъ? пойду къ князю и скажу ему какъ дѣло было. Захочетъ, моего при себѣ оставитъ, благо ужъ такъ любилъ, захочетъ опять ихъ обмѣняетъ. Только ужъ попрошу чтобъ онъ предъ мужемъ за меня заступилса.“

Мысли ея были еще такъ слабы что все случившееся мерещилось ей будто сквозь туманъ и не представляло ея воображенію ничего страшнаго. Она могла бы легко обнаружить свою тайну еслабы не была инстинктивно удержана боязнію которую ей внушала Кирилль.

Но по мѣрѣ того какъ бѣдная женщина приходила въ нормальное состояніе сердце ея наполнялось невыносимымъ страхомъ. Сколько разъ измученная угрызениями совѣсти она думала открыть все князю, умоляя его о прощеніи. Но какъ онъ ее приметъ? Что скажетъ эта строгая княжна которую никто никогда не любилъ въ Веселомъ? Что скажетъ въ особенности Кирилль? „Хоть и любить меня, а кажется убьетъ на мѣстѣ коли объ этомъ узнаетъ“, говорила она себѣ. При мысли о гнѣвѣ мужа ее бросало въ жаръ и послѣ долгой борьбы она рѣшилась наконецъ похоронить свою тайну въ глубинѣ души.

Привязавшись тѣмъ отравивъ къ Алексѣю что сознавала себя безмѣрно виновной предъ нимъ, она его страшно баловала. Когда Кириллъ выведенный изъ терлѣвнѣи давалъ затрепачу мальчику, Матрена плакала цѣлый день. Время изгладило болѣе или менѣе вѣдкость первыхъ впечатлѣннѣи, но виновница утратила безвозвратно свое душевное сложнѣиствѣи. Своимъ сыномъ, его положенѣиемъ, красотой, ученостѣию она гордилась въ тайнѣи и забывала иногда, любуясь имъ, всѣ свои мученнѣи. Но ей стоило взглянуть на Алексѣя и сердце ея обливалось кровью и упреки совѣсти преслѣдовали ее съ новою силой. Характеръ ея измѣнился совершенно и Кирилла говаривалъ ей часто:—А вѣдь ты съ самой болѣзни словно шальная ходишь.

Цѣлыхъ двадцать лѣтъ терлѣвля Матрена эту пытку и страшно ей стало, умирая, лечь въ могилу съ камнемъ подавлявшемъ ея сердце. Она открыла свой грѣхъ Кириллъ и повѣдала его священнику на духу.

XVII.

Отецъ Илія отвѣтивъ на роковую исповѣдь омущенѣиемъ въ грѣхахъ, сѣлъ молча около кровати умирающей которая рыдала, спрятавъ лицо въ подушку.

— Батюшка, заговорилъ Кириллъ,—она просила чтобъ я очистилъ ея душу, открылся бы во всемъ князю когда онъ сюда прѣидеть.

Священникъ покачалъ головой.

— Нечего объ этомъ и думать, Кириллъ, сказалъ онъ,—суди по себѣ: вѣдь тебя что сонлъ подкосило, а князю еще хуже будетъ. Каково ему оторваться теперъ отъ сына! Вѣдь онъ ему по сердцу-то сынъ. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ князь его холмалъ, воспитывалъ, любилъ и вдругъ на его мѣсто кого же взять? Опять же дѣло безъ поправки: у Алексѣя нѣтъ никакихъ правъ предъ закономъ.

— Батюшка, молвила Матрена,—да какъ же быть-то? вѣдь я его несчастнымъ сдѣлала. Хорошо пока господа къ нему ласковы, а ну помилуй Богъ что случится? Я все вижу объ немъ такіе недобрые сны. Должно, злые люди его подъ рукавъ князя подведутъ.

— Ты этимъ не смущайся, Матренушка, не всякій сонъ отъ Бога и нечего имъ довѣряться. Князь мухи кажется не обидитъ и Алексѣй доволенъ своей долей.

— Оно такъ, батюшка, да ужь больно это все меня мутить. Мало ли что приключиться можетъ? хоть бы оградить его чѣмъ. Зналъ бы князь что онъ ему сынъ, такъ за всякое бы время его пожалѣлъ.

— Ну, послушай, сказалъ священникъ подумавъ немного, — можно на случай такъ устроить чтобъ успокоить себя...

И было рѣшено что онъ запишетъ исповѣдь Матрены и скрѣпивъ церковною печатью бумагу, отнесетъ ее на хранение въ ризницу; что послѣ смерти Кириллы самъ отецъ Илія или священникъ замѣнявшій его, откроетъ дѣло Алексѣю и что если Алексѣй не пожелаетъ воспользоваться документомъ, то оставить его въ церкви съ тѣмъ чтобъ онъ былъ сожженъ послѣ него.

Открытие таймы привело въ страшное броженіе всѣ чувства Кириллы. Уходъ, который требовала Матрена въ послѣдніе дни своей жизни, хлопоты вызванныя ея похоровами отягали его не много отъ тревожныхъ думъ, не давая времени опомниться. Но когда онъ возвратился съ кладбища, бросивъ послѣднюю горсть земли на могилу жены, когда проводилъ съ поклономъ гостей пришедшихъ въ его флигель ломануть покойницу, и остался наконецъ одинъ, жутко стало старику. По ночамъ ему мерещились страшныя видѣнья. Онъ не понималъ какъ взглянетъ телеръ на Алексѣя, въ какія стаетъ отношенія съ этимъ господскимъ камердинеромъ, котораго зоветъ сыномъ, но который рожденъ княземъ, рожденъ для того чтобъ быть хозяиномъ дома, гдѣ сидитъ въ передней. Кириллу пресѣдовалъ какъ угрызеніе совѣсти грѣхъ жены. „Еслибы не я ее залугалъ, повторялъ онъ себѣ, повивилась бы она мнѣ тогда же, какъ отъ болѣзни оправилась, а я бы все открылъ князю. Ну, вѣстимо, погнѣвался бы, да съ младенцами-то дѣло можно было поправить. А телерича, ограбили мы княжескаго сына, отняли у него отцовское имя, сдѣлали рабомъ его же раба!“ И онъ вспоминалъ съ ужасомъ какъ часто бивалъ его самъ. Потомъ Кириллѣ думалъ о своемъ сынкѣ котораго звалъ княземъ, о князѣ Николаѣ Сергѣевичѣ который звалъ сыномъ своего крѣпостнаго, и лутались мысли старика. Ему казалось иногда что горькія думы доведутъ его до помѣшательства, и когда нравственные его силы истощались окончательно, онъ шелъ къ отцу Илію, который успокоивалъ его своею кроткою рѣчью и старался примирить по возможности съ положеніемъ дѣлъ.

Помириться онъ не могъ, но къ счастью ему не скоро довелось видѣть безсознательныхъ героев роковой драмы и онъ успѣвалъ со временемъ привыкнуть къ мысли поразившей его такъ внезапно, приготовиться къ впечатлѣніямъ ожидавшимъ его. Все задрожало въ немъ однако когда Алексѣй, вернувшись наконецъ въ деревню послѣ смерти Матрены, поклонился ему въ ноги и молвилъ:

— Теперь ты одинъ остался у меня, родимый.

Кириллъ бросился къ нему, подвѣлъ его и обнялъ рыдая. Съ этой минуты ихъ отношенія совсѣмъ измѣнились. Сознаніе преступленія совершеннаго надъ Алексѣемъ развило, къ нему въ сердцѣ старика особенную мягкость. Оскорбить, огорчить Алексѣя казалось ему чѣмъ-то чудовищнымъ и дворовые говорацъ часто:

— Съ тѣхъ поръ какъ сынокъ-то осиротѣлъ куда какъ Кириллъ Иванычъ сталъ къ нему горячъ. Порошники радъ съ него сдувать. Должно ужъ очень о немъ жалѣть.

Далеко не такъ крутъ оказался переломъ въ его чувствахъ къ Никитѣ Николаевичу. Кириллъ былъ къ нему привязанъ тою безграничною, тою преданною любовью, которой старые слуги сдѣлавшіеся членами семейства своихъ господъ были привязаны къ поколѣнію родившемуся на ихъ глазахъ. Эта любовь такъ укоренилась въ сердцѣ старика что сохранила свой первобытный характеръ, но сознаніе кровной связи существовавшей между имъ и молодымъ человѣкомъ придаало его чувству помятнующую нѣжность. „И такъ радъ былъ бы костыми за тебя лечь,“ думалъ онъ иногда, глядя на сына, а ужъ теперь и подавно.

Разъ, семейство жило тогда въ Веселомъ, князь Николай Сергѣевичъ уѣхалъ на нѣсколько дней по дѣламъ и молодой Никита занемогъ въ его отсутствіи. Докторъ былъ немедленно приглашенъ. Часа два послѣ его посѣщенія княжна Ирина Романовна приказала позвать Кирилла. Она сидѣла въ спальнѣ больного и вышла въ сосѣдную комнату чтобы переговорить съ управляющимъ, которому приказала отправить письмо къ доктору. Кириллъ измѣнился въ лицѣ.

— Или князю стало хуже, ваше сіятельство? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, слава Богу, да не догадалась я спросить какъ составишь ванну. Ты постой здѣсь: Никита спитъ и можетъ проснуться, а я сейчасъ налечу.

Она ушла въ свой кабинетъ, а Кириллъ прокрадся на

цыпочкахъ въ спальню. Эта комната, куда ему приходилось входить очень рѣдко, пробуждала въ немъ всегда, послѣ смерти Матрены, тревожныя воспоминанія. Прошло уже двадцать два года съ тѣхъ поръ какъ онъ проводилъ въ господскій домъ жену призванную присмотрѣть за поворожденнымъ княземъ, и принесъ за ней на рукахъ своего сына. Вотъ здѣсь, въ этомъ самомъ углѣ Матрена съ племянницей устроили кроватку изъ двухъ сдвинутыхъ кресель, и Кириллъ положилъ на нее ребенка.

— Залетѣла ты тогда менаркокомъ, пташка, въ золотыя хоромы, думалъ онъ, глядя на спящаго красавца,—да въ нихъ и осталась. Какъ я тебя сюда принесъ-то, перекрестилъ въ послѣдній разъ своимъ отцовскимъ крестомъ. Зналъ бы я тогда что ты не вернешься въ родимое гнѣздышко, что не назовешь меня никогда отцомъ, такъ поцѣловалъ бы тебя хорошенько по крайности.

Особенно горячее чувство шевельнулось на душѣ старика, слезы набѣжали на его глаза. Онъ не вытерпѣлъ, подошелъ къ молодому человѣку, нагнулся надъ нимъ и перекрестивъ его, коснулся губами его лба. Въ эту минуту изъ сосѣдней комнаты раздался звукъ шаговъ. Кириллъ быстро утеръ влажные глаза и сталъ почтительно около двери, закинувъ руки за спину.

Молодой Никита, не бывъ никогда подъ вліяніемъ князя Николая Сергѣевича, покорялся однако его требованіямъ. Княжна Ирина Романовна вступала иногда въ горячія стычки съ племянникомъ по поводу воспитанія его сына, но принадлежа къ элохѣ когда было невысмыслимо отступление отъ родительской власти, поддерживала всегда во звукѣ уваженіе къ волѣ отца. „Когда скончался батюшка, говорила княжна своему воспитаннику,—мнѣ было за сорокъ лѣтъ, но я не смѣла шагу ступить безъ его разрѣшенія. Повинулся и ты“.

И Никита Николаевичъ въ своихъ отношеніяхъ къ прислугѣ не смѣлъ отступать отъ привычекъ привитыхъ ему отцомъ. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ имъ покорялся, выдавая безсознательно свое нерасположеніе къ роли возложенной на него. Но со временемъ онъ выучился встрѣчать привѣтливымъ словомъ крестьянъ являвшихся по праздникамъ обѣдать на господскій дворъ, и когда заходилъ гуляя съ отцомъ къ кормилицѣ или къ Кириллѣ, принималъ съ ласковою

улыбкой ихъ угощеніе. Изъ страха къ отцу который былъ къ нему взыскателемъ, несмотря на свою мягкость, онъ умѣлъ также сдерживать вспышки своего желчнаго характера, и прислуга, обманутая приличнымъ обращеніемъ молодого человека съ ней, любила его. Но послѣ смерти князя, ничѣмъ не сдержанный, никѣмъ не стѣсненный, освобожденный отъ нравственной омаки таковой надъ нимъ, онъ сбросилъ невысказанную маску, и его душевная холодность обнаружилась съ первой минуты его появленія въ Веселомъ. Холодность являть, отравляетъ теплое чувство, и ея безлощадный ядъ Никита Николаевичъ вливалъ каждый день сухимъ словомъ, сухимъ взглядомъ въ сердце бѣднаго Кирилла. Свое горе старикъ скрывалъ тщательно ото всѣхъ, но сколько горячихъ слезъ проливалъ онъ тайкомъ на молитвѣ, сколько провелъ онъ бессонныхъ ночей, съ мучительною думой точившей его сердце! Особенно болѣзненно дѣйствовали на него обиды ложесенныя его мнимымъ сыномъ, и въ бесѣдахъ съ нимъ страданія Кирилла высказывались иногда помимо его воли въ горькихъ выходкахъ противъ молодого князя.

Исторія Груши отозвалась разрушительно на Алексѣя, а его горе ложилось камнемъ на сердце старика. Онъ ожесточался все болѣе противъ Никиты Николаевича, и боялся не разъ что буря накопившаяся въ его душѣ вырвется когда-нибудь наружу.

„Долго ли Господь потерпитъ такую неправду? думалъ онъ. Мы же все отняли у этого безталаннаго, а телерича мой сынокъ-то и эту дѣвку у него отбилъ свой развратъ потѣшить, хоть бы добрыхъ-то людей постыдилса... да нечто мы передъ нимъ люди? Вѣдь собаку и ту приласкаешь, а кто видѣлъ отъ него ласку? Нѣтъ дна чтобы чѣмъ не обидѣлъ. Доведеть меня пожалуй до грѣха, не вытерплю, сломаю ему рога: скажу ему кто онъ да кто Алексѣй. Пусть знаетъ кого Богъ поставилъ здѣсь хозяиномъ, кого холопомъ.“

XVIII.

Когда Никита Николаевичъ пришелъ въ память, ему показалось въ первую минуту что онъ еще находится подъ впечатлѣніемъ страшнаго сна. Онъ посмотрѣлъ около себя смущеннымъ взоромъ, но прислуга тѣснившаяся у дивана, на который его перенесла, сивій, клѣтчатый платокъ оброненный

среди комнаты Кирилломъ и китайскій розанъ лежавшій въ углу среди разсыпанной земли и черепковъ саксонской вазы возвратили его къ сознанию дѣйствительности. Сердце въ немъ замерло. Онъ спустилъ ноги съ дивана и сказалъ еще слабымъ, но твердымъ голосомъ:

— Должно-быть отъ жары... Долго ли я пролежалъ въ обморокѣ?

— Около часа, ваше сіятельство, отвѣчалъ лакей. Мы послали верхового за докторомъ, да онъ въ отъѣздѣ.

— И не надо; а вы ступайте.

Оставшись одинъ онъ прошелъ раза два по комнатѣ, потомъ сѣлъ, потому принялся опять ходить. Тоска его одолевала. Онъ не находилъ себѣ мѣста и промолвилъ сквозь зубы, бросаясь въ кресло:

— Нѣтъ! такъ съ ума сойдешь!

Вдругъ дверь отворилась и вошелъ ковторщикъ съ бумагой въ рукѣ.

— Что такое? спросилъ князь.

— Письмо къ Знаменскому управляющему, ваше сіятельство. Привесь къ подписи.

— Подай сюда. Кириллъ выпросилъ за сына. Скажи старостѣ что подводы не нужно. Да гдѣ Алексѣй?

— У Кирилы Ивановича во *бригелъ*.

— Позови его, и чтобъ онъ сидѣлъ въ передней, пока я позволю.

Онъ разорвалъ письмо лишь только ковторщикъ вышелъ, потомъ отперъ бюро, вынулъ изъ потаеннаго ящика ломбардный билетъ который выложилъ на столъ, и протянулъ руку къ колокольчику, но не рѣшался позвонить. Все замирало въ немъ при мысли что еще минута и явится законный потомокъ князей Сборовскихъ, и посмотритъ ему прямо въ глаза, ему, холоду, сыну Кириллы.... Никита Николаевичъ долго боролся съ собой, и наконецъ металлическій звукъ раздался въ комнатѣ.

Между тѣмъ Алексѣй сидѣлъ въ передней и ждалъ звонка. Въ этотъ день онъ столько пережилъ что весь его организмъ былъ потрясенъ. Примиреніе съ Груней, зловѣщее слово: въ солдаты! умирающій Кириллъ и наконецъ открытіе страшной тайны,—все луталось въ его головѣ, и ему казалось минутами что онъ бредитъ на яву. „Да какъ же это?... какъ же это?... ума просто не приложу, разсуждалъ онъ. Отецъ ко мнѣ въ

ноги повалился... у меня даже въ глазахъ потемнѣло... И изъ чего онъ, сердечный, мучится?... ужъ видимое дѣло что самъ Господь тогда указалъ покойной матери,—дарство ей небесное!.. вѣдь не безъ Его же воли родилась она меня. Хорошо бы я былъ князь! Только бы добрые люди пальцами показывали. А ему туда и дорога: важный такой изъ себя, ну, какъ есть князь! Давеча-то крикнулъ: въ солдаты! такъ душа въ латки ушла. Да я и крикнуть-то такъ не сумѣю. Гдѣ мнѣ! А мудреное дѣло! такое мудреное что и не собразишь“. Онъ задумался и улыбнулся. „Что еслибы Грунюшка знала... то-то была бы лотѣха, голубка моя! какъ я, говорить; прѣхалъ, такъ ей полюбился... Князь! какой я князь, коли въ ревизіи записанъ? Поди-ка я теперича да объяви что я, молъ, князь Сборовскій, вѣдь другой нахохочется, и не будешь знать куда дѣваться отъ стыда... Да чтобъ я отъ родителя отказался когда онъ меня можетъ весь вѣкъ соблюдать... Эхъ! плохъ онъ, сердечный! Дохнетъ да и нѣтъ. Ужъ кабы князь-то меня скорѣй къ нему отпустилъ... Коли онъ что про бумагу, я ему скажу: извольте, молъ, вельяму подписать, ваше сіятельство, а на счетъ денегъ что пожалеете. А его жаль: ему-то очинно обидно; вѣкъ былъ княземъ, и вдругъ этакое!... жаль! Еслибы не это дѣло съ Груней, я при немъ бы остался. Вѣдь съ маалыхъ лѣтъ привыкъ. Князь Сборовскій!... Господи, Твоя воля! Точно, право новожденіе!...“

Въ эту минуту раздался звонокъ. Алексѣй бросился къ двери и остановился. Ему никогда еще не было такъ страшно войти къ барину. „Отецъ сказывалъ: такой сердитый, подумалъ онъ, да еще за Груню на меня гнѣвается. Бѣда!“ Колокольчикъ загудѣлъ опять. Алексѣй отворилъ съ замѣраніемъ сердца дверь кабинета и остановился почтительно у порога.

При его появленіи кровь бросилась въ лицо князя. Онъ сдѣлалъ страшное усиліе чтобы не выдавать себя и встрѣтить гордымъ взглядомъ настоящаго князя Сборовскаго. Но при видѣ бѣднаго малаго, смущеннаго и дрожащаго предъ нимъ, волненіе Никиты Николаевича замѣнилось мгновенно другимъ чувствомъ. Онъ бросился къ Алексѣю.

— Знаешь ли кто ты предъ закономъ? крикнулъ онъ. — Знаешь ли? Говори!

— Да не извольте беспокоиться, ваше сіятельство....

— Знаешь ли кто ты предъ закономъ? повторилъ князь,— ты мой крѣпостной, мой рабъ, мой холодъ! Вотъ кто ты!

— Не извольте гнѣваться, ваше сіятельство, я очень знаю.

— Знаешь?... Знаешь и то что я могу тебя въ бараній рогъ согнуть, лобъ тебѣ могу забрить! я тебя могу....

Онъ поднялъ руку и замахнулся, Алексѣй закрылъ лицо руками и промолвилъ:

— За что обижаете, ваше сіятельство?

— Такъ ты помни это, помни, прошилъ князь.

Онъ сѣлъ, повернувшись спиной къ Алексѣю, и сталъ смотрѣть въ окно, но ничего не видалъ; туманъ разстилался предъ его глазами и кровь клокотала въ жилахъ. Алексѣй поглядывалъ на него робко. Наступило молчаніе одинаково томительное для обоихъ. Наконецъ князь спросилъ, не повертывая головы:

— Какую тамъ бумагу отдалъ тебѣ твой... старикъ тебѣ отдалъ?

— Отдалъ залечатанный пакетъ.

— Должно-быть важный документъ! Если ты съ нимъ куда сунешься, тебя какъ помѣшаннаго упрячутъ въ домъ умалишенныхъ, на цѣль посадятъ!

— Я, ваше сіятельство, и въ головѣ не держалъ....

— Стулай, лиши себѣ вольную и привеси ее сюда вмѣстѣ съ этимъ пакетомъ.

Алексѣй ушелъ и возвратился черезъ полчаса, держа въ рукѣ залечатанный пакетъ и свою отпускную. Онъ положилъ то и другое на столъ. Князь схватилъ пакетъ, сломилъ печать, вынулъ пожелтѣвшую бумагу, пробѣжалъ глазами первыя строки, потомъ перешелъ къ подписи: „іерей Іаѳѳимъ Троицкій“, и подумалъ: слава Богу, покойникъ! Онъ сунулъ бумагу въ карманъ, подписалъ вольную и бросилъ ее Алексѣю вмѣстѣ съ ломбарднымъ билетомъ, промолвивъ:

— Да знай, коли до меня дойдетъ что ты кому-нибудь объ этомъ заикнулся, жень ли, дѣтямъ ли, тѣмъ ли своей,—ты отъ меня не уйдешь! Я тебя отыщу хоть на дѣв морскомъ, и тогда..

— Предъ Богомъ клявусь, ваше сіятельство.

— И чтобы завтра же духу твоего не было въ Веселомъ.

— Ваше сіятельство, отецъ умираетъ; позвольте, ради Бога, при немъ остаться.

— Хорошо, до его смерти оставайся. Только на глаза мнѣ не попадайся!

Онъ сѣлъ повернувшись опять къ нему спиной, а Алексѣй скрылся, но минуты чрезъ двѣ появился опять въ дверяхъ.

т. слѣш.

— Чего тебѣ еще? крикнулъ князь.

— Ваше сіятельство, вы должно-быть ошибитесь изволили. Билетъ-то мнѣ пожаловали... вѣдь онъ въ двадцать тысячъ.

— Я знаю что дѣлаю. Убирайся!

Алексѣй постоялъ еще около двери, переминаясь съ ноги на ногу и поглядывая нервнѣйшимъ образомъ на барина. Наконецъ онъ подошелъ на цыпочкахъ къ спинкѣ кресель въ которыхъ сидѣлъ князь и поцѣловалъ его въ плечо. Никита Николаевичъ вздрогнулъ словно отъ прикосновенія гада и промолвилъ сквозь зубы: „тварь!“

XIX.

Потрясенныя силы Кирилла не выдержали всѣхъ волненій чрезъ которыя онъ прошелъ, и на другой же день лжеи доложилъ князю что управляющій соборовался, что онъ умираетъ и проситъ его сіятельство придти съ нимъ проститься.

— Скажи буфетчику, отвѣчалъ князь помолчавъ немного, — чтобъ онъ взялъ бутылку вина и шелъ за мною.

Старикъ приготовился къ соборованію какъ къ нему готовятся обыкновенно русскіе люди. Онъ велѣлъ прибрать комнату, переменить бѣлье на постели и надѣлъ чистую рубашку. Кровать его стояла около открытаго окна, и легкій вѣтеръ игралъ свѣдыми волосами умирающаго. Въ красномъ углу, на столикѣ покрытомъ бѣлою салфеткой, стояли подъ образицей восковыя свѣчи, стеклянка съ елеемъ и блюдечко крупнаго песку. Кирилла былъ одинъ; Алексѣй, не ложавшій его, ушелъ въ огородъ, когда работница посланная въ господскій домъ возвратилась съ извѣстіемъ что его сіятельство сейчасъ пожалуетъ.

Князь вошелъ въ сопровожденіи буфетчика, который оставался у двери. Онъ былъ блѣденъ, но спросилъ развязно усаживаясь на стулъ около кровати:

— Ну, что ты, Кирилла?

— Совсѣмъ умираю.. проговорилъ Кирилла не приподымая головы.

— Авось встанешь. Вотъ я тебѣ принесъ вина. Оно здорово.

— Куда мнѣ, ваше сіятельство! А проститься бы мнѣ съ вами...

— Да что за прощаніе! Еще увидимся. Вылей рюмочку, потому усни. Какое у тебя тамъ вино? продолжалъ Никита Николаевичъ обращаясь къ буфетчику.

— Рейнвейнъ, ваше сіятельство.

— И прекрасно. Оно очень подкрѣпляетъ. Такъ ты вылей и не собирайся умирать, а я пошлю за докторомъ.

Съ этимъ словомъ князь подвинулся со стула.

— Нѣтъ... нѣтъ... заговорилъ умирающій; я хочу... надо мнѣ сказать вамъ словечко... да съ глазу-на-глазъ.

Буфетчикъ поставилъ на комодъ серебряный подносъ который держалъ въ рукахъ и поторопился уйти. На лицѣ князя изобразилось сильное волненіе. Онъ вышелъ въ сѣни, наложилъ крючокъ на наружную дверь, потомъ опустилъ подъемную раму окна. Кириллъ приподнялся и заговорилъ съ усніемъ. Его голосъ прерывался на каждомъ словѣ.

— Жена какъ умирала мнѣ въ этомъ открылась... вотъ девятый годъ пошелъ... съ этихъ самыхъ поръ сердце по тебѣ изныло... отцовское-то сердце... Другой разъ думаешь... думаешь такъ: далъ бы кажется руку на отсѣченіе чтобъ обнять его хоть разочекъ...

Слезы подступили къ его горлу, онъ замолкъ, потомъ началъ опять:

— Умираю... вѣдь тамъ... у Бога-то нѣтъ ни князей ни холопей... никто не увидитъ... обнимемъ хоть на прощаніе...

Князь къ нему подошелъ и коснулся его два своими блѣдыми губами. Старикъ окинувъ его взоромъ, олутилъ изнеможенный на подушку.

— Ну, такъ Богъ же съ тобой! прошепталъ онъ.

— Да успокойся, успокойся... ну что это ты? сказалъ князь, — успокойся и усни, а я пошлю за докторомъ.

Онъ направился къ двери и услышалъ уходя тихія всхлипы-ванья, но не остановился и не повернулъ даже головы. Лишь только онъ удалился, Алексѣй, который стерегъ его изъ-за плетня огорода, поторопился вернуться къ старику.

— Батюшка, спросилъ онъ, взволнованнымъ голосомъ, нагибаясь къ нему, — родимый, что съ тобой?

Кириллъ обнялъ его шею слабыми руками, прижалъ его голову къ своей умирающей груди и зарыдалъ.

XX.

Кирпачъ скончался въ ту же ночь. Князь послалъ въ контору приказаніе чтобы все было прилично похоронено и пошелъ на первую лавничку. Мертвецъ, скрестивъ руки на груди, лежалъ на столѣ некудамы, блѣдный, спокойный. „Экъ! еслибы тремя днями раньше!“ подумалъ Никита Николаевичъ, положивъ земной поклоны предъ нимъ. Алексѣй съ глазами распухшими отъ слезъ отсталъ за дверью, въ уголѣ. Дверовые толпцалы около тѣла. Груня пряталась за нихъ, чтобы укрыться отъ взоровъ князя. Однако оны ее увидали, но взглянувъ на нее съ полнымъ равнодушіемъ. Все было убито въ немъ.

Помнявъ на девятый день усопшаго, Алексѣй уѣхалъ въ Москву, куда дядичиха не замедлила привести ему невесту. Онъ женился, купилъ домъ и живетъ до сихъ поръ приглядываячи. Неволяная улыбка появляется на его губахъ когда ему вспоминается что онъ князь Оборовскій, и свое богатство онъ объясняетъ добрымъ людямъ щедростію бывшаго барина, который жаловалъ его за заслуги отца.

Что касается князя, онъ возманидѣлъ Веселое, гдѣ его преслѣдовала тоска, и уѣхалъ за границу на излѣченіе нервного расстройства. Алексѣй, когда дошло до него это извѣстіе, обещался заказывать каждое первое число задравную обѣдню за болящаго князя Никиту. Но пособіе медицины и благопріятный климатъ не осласи князя: онъ застрѣлился въ праладкѣ хандры. Друзей онъ не оставилъ, и никто его не оплакивалъ кромѣ Алексѣя.

Т. ТОЛЫЧЕВА.

ВНѢ КОЛЕИ *

Р О М А Н Ъ

IX.

Aus Lieb oder aus Vernunft zu frey'n—
Wie solk' das nicht dasselbe sein,
Da es doch Nichts vernünftigers giebt,
Als Eine freyen die man liebt!

Paul Heise.

Женючка Ордынцева сидѣла въ Никольскомъ саду на своей любимой скамейкѣ подѣ большимъ вязомъ. Она только-что вернулась съ купавья, и влажные еще ея распушенные волосы роскошною волной падали на плечи; кое-гдѣ въ нихъ блестѣли водяныя брызги. Ясный, не слишкомъ жаркій лѣтній день поемному склонялся къ вечеру, и тѣни деревьевъ все длиннѣе вытягивались къ освѣщенной солнцемъ лужайкѣ. За то въ самой чащѣ кое-гдѣ на высокихъ вѣтвяхъ или на темной корѣ дубовъ и липъ ярко выступали свѣтлыя пятна отъ падающаго туда дѣлаго снопа лучей. Молодая дѣвушка держала въ рукахъ недавно начатый ею англійскій романъ, но она его не читала. Въ ея годы ни одна книга не скажетъ тѣхъ заманчиво-таинственныхъ рѣчей, которыя невнятно, но

* См. *Русск. Вѣсти.* №№ 1, 2, и 3.

сладко нашептываютъ шелестъ листьевъ въ лѣтній день и весь краснорѣчивый говоръ природы.

Женичку почти услугалъ скрилъ мужскихъ шаговъ по леску дорожки. Она удивилась слегка, увидавъ подходившаго къ ней Володю.

Дорогой въ Никольское молодой человѣкъ сто разъ повторялъ себѣ отъ слова до слова все ожидавшее его объясненіе съ Женичкой. Но при видѣ ея удивительная робость неожиданно овладѣла имъ и весь разговоръ сложился совсѣмъ не такъ, какъ онъ это заранее рѣшилъ.

— Я спросилъ Елену Михайловну, извинялся онъ,—но ея нѣтъ дома, и мнѣ сказали что вы въ саду...

— Да, мама въ городъ уѣхала и вернется только послѣ обѣда. А миссъ Финчъ нездорова, такъ что я, какъ видите, предоставлена самой себѣ...

Она сказала это нерѣшительно, поднимая на него свои глаза, въ которыхъ читалось сомнѣніе—можно ли ей остаться съ нимъ вдвоемъ, но видъ его немногого смущеннаго лица ободрилъ ее. „Онъ робѣетъ, стало-быть можно“, рѣшила она съ собой.

— Пройдемтесь по саду, сказала она, почему-то воображая что прогулка все-таки приличнѣе.

Какъ очень часто бываетъ, Володя рѣшительно не зналъ о чемъ заговорить съ ней. Это его бѣсило, тѣмъ болѣе что въ первые дни ихъ знакомства съ ней онъ держалъ себя такъ непринужденно, совсѣмъ ужъ иначе чѣмъ съ другими барышнями.

— Вы знаете что мы были вчера въ Бѣлыхъ Столбахъ, начала она, почему-то пристально всматриваясь въ сороку не вдалекѣ качавшуюся на дубовомъ суку.—Я нашла что Надѣ гораздо лучше.

— Мнѣ сказали что вамъ угодно было упомянуть обо мнѣ, провически отозвался онъ и тутъ же покраснѣлъ, сознавая совершенную глупость.

Этихъ немногихъ словъ было достаточно чтобъ измѣнить милостивое настроеніе Женички. У нея тотчасъ зародилось желаніе любѣвить его.

— Можетъ-быть я и уломанула, не помню, холодно и насмѣшливо отвѣтила она,—и признаюсь, даже совсѣмъ забыла что мнѣ на это Надя отвѣчала. Вы кажется по дѣламъ куда-то ѣздили, да?

Володя покраснѣлъ еще болѣе, на этотъ разъ скорѣе отъ гнѣва чѣмъ отъ смущенія.

— Я вижу, сказалъ онъ,—что лучше было бѣ еслибѣ я не вздумалъ сюда прѣѣхать сегодня.

— Для васъ или для меня лучше? проговорила она гордо и холодно вскинувъ на него глазами.

— Евгенія Александровна,— и голосъ его задрожалъ,— васъ можетъ-быть удивило что я вотъ почти цѣлый мѣсяцъ не заглядывалъ въ Никольское?

Она оставовилась и будто окутала себя ледяною, почти величавою холодностию.

— Почему мнѣ этому нужно удивляться? Вы говорите что цѣлый мѣсяцъ... Да, въ самомъ дѣлѣ, вы кажется давно здѣсь не были.

Онъ былъ такъ обиженъ и раздраженъ что ему захотѣлось тотчасъ же уѣхать; и конечно никогда уже, никогда онъ не вернется въ Никольское. Но почему-то у него не хватало рѣшимости. Онъ стоялъ молча предъ ней, тщетно стараясь осилить свое волненіе, и на лицѣ его такъ и читалось болѣзненное желаніе во что бы то ни стало найти слова уже не для упрѣка, а для примиренія.

— Евгенія Александровна, проговорилъ онъ наконецъ съ рѣшимостию отчаянія, и ему показалось что онъ очерта голову бросается въ какую-то пропасть,—зачѣмъ вы такъ со мной переѣздили?... вы очень хорошо знаете почему я пересталъ здѣсь показываться, но вы, какъ будто нарочно...

Онъ залпнулся и почувствовалъ что не въ силахъ договорить. Ей тотчасъ его стало жаль и она захотѣла прѣйти къ нему на помощь.

— Ну что же, я нарочно?... сказала она въ полголоса и взгляды ея, теперь уже мягкіи, почти ласковый взглядъ на мигъ остановился на немъ. Этого было достаточно чтобъ ободрить его.

— Неужели вы забыли про тотъ вечеръ, заговорилъ онъ теперь горячо,—когда, помните, мы ѣздили на Курмиловскіе дуга?..

— И вамъ такъ хотѣлось насъ всѣхъ удивить своею ѣздой, прибавила она съ лукавою улыбкой.

Но теперь вся робость его исчезла и даже это воспоминаіе не затронуло его самолюбія. Слова его въ которыхъ слышались и упрѣкъ и покорность неудержимо полились, и

теперь Женичка пришла очередь думаться,—такъ горько зазвучало въ нихъ чувство котораго онъ до того никогда не смѣлъ предъ нею высказывать.

— Неужели вы могли подумать что Соколицкій... вышло у нея и она тотчасъ остановилась, упрекая себя за неосторожность недоговореннаго ею полуприманія.

— Такъ знайте же, Евгения Александровна, проговорилъ онъ съ жаромъ,—что благодаря вамъ я прожилъ за все это время самые горькіе и самые тяжелые дни своей жизни.

Она не отвѣчала. Румянецъ ярко заигралъ на ея щекахъ и рука ея судорожно вертѣла сорванный ею большой клеювый листъ. Они молча прошли въ самую глубь сада, гдѣ правильными рядами стояли вѣковые липы. Тамъ Елена Михайловна не успѣла еще обновить на новый ладъ старинное устройство сада, и правильно разбитыя дорожки подъ густою тѣнью скрещивались образуя затѣливые узоры во вкусѣ прошлаго столѣтія.

— Мы съ вами никогда еще не заходили сюда, сказалъ Волода, оглядываясь на угловатыя фигуры лужаекъ и на окаймляющія ихъ стриженныя липы, выстроившіяся въ чинный рядъ со своими круглыми какъ церковныя куполы [маститыми головами.

— Какъ это все чопорно и чинно! Здѣсь валудренными маркизамъ гулять, а не простымъ смертнымъ.

— А мнѣ это нравится, отвѣчала Женичка,—я старину люблю, лускай она себѣ чинная—мнѣ она не мѣшаетъ...

Оба они засмѣялись. Такъ мало уже было чиннаго въ юной владѣтельницѣ Никольскаго, которой бы конечно не помѣшала рѣзвиться и шалить самая чопорная старина.

Они заговорили теперь совершенно просто, почти съ дѣтскою непринужденностію, будто и не было между ними только-что исчезнувшей натянутости. Какое-то бессознательное созвучіе было въ ихъ мысляхъ и словахъ, то милое созвучіе которое бываетъ полнымъ тогда только, когда его не примѣчаютъ. Они усѣлись на дерновой скамейкѣ, устроенной посреди большаго круга обсаженнаго деревьями. Тѣнь будто ограждала ихъ отъ остальнаго міра и какъ разъ въ этомъ одиночествѣ сказывалось имъ не вполне сознаваемое, но сладкое чувство взаимной близости. Глаза Володи такъ и упивались каждымъ ея движеніемъ, каждою чертой ея тонкаго личика, каждымъ изгибомъ стройнаго стана. Онъ будто въ

первый разъ, теперь разгадывалъ и познавалъ всю прелесть этого личика; и вся она, съ ея шаловливыми, темными глазами, съ мягкими прядями распущенныхъ волосъ, казалась ему воплощеніемъ какой-то дивной мечты. Нѣтъ, не мечты даже! его воображеніе не въ силахъ было создать этого чарующаго облика, да и вовсе уже не чѣмъ-либо неземнымъ вѣяло отъ ея неповторимой еще расцвѣтшей прелести. Напротивъ, она была лозіею самой жизни, полной движенія и красокъ, хотя еще безсознательной жизни.

Между двумя лилами поставлены были качели прикрѣпленныя веревками къ стволамъ. Женичка вспрыгнула на высокое сидѣнье, опершись на срубленный липовый лень, и привалась тихо качаться, пока Волода облокотясь на вѣтку продолжалъ съ нею бессвязную болтовню, слѣдя за нею очарованными глазами.

— Послушайте, Владиміръ Алексѣевичъ, сказала она вдругъ принимая серьезный видъ, а давно хотѣла у васъ спросить что думаете вы дѣлать послѣ этого дѣла? поступите на службу?

— То-есть какъ дѣлать? въ свою очередь удивленно спросилъ онъ, насчетъ службы вы знаете что мои убѣжденія...

— И слушать не хочу;—Женичка заткнула себѣ уши,— а вѣдь съ вами теперь серьезно говорю, вы не станете же вѣчно на охоту ходить да разные книжки почитывать, и только?

Волода попробовалъ разсмѣяться, хотя былъ довольно озадаченъ этою неожиданно прочтенною ему нотацией. Ему и въ голову теперь не приходило думать о будущемъ.

— Я понимаю отлично, продолжала она съ большою важностію,—что въ Петербургъ вамъ не хочется послѣ того что было съ вашимъ братомъ, онъ вѣдь при мнѣ все разказалъ мамѣ. Но знаете что я для васъ придумала?

Володю поразило въ особенности то что юная очаровательница дала себѣ трудъ подумать о немъ и это какъ разъ въ то время когда онъ взводилъ на нее втихомолку самыя ужасныя обвиненія.

— Мой планъ тѣмъ хорошъ что вы можете остаться здѣсь и заниматься дѣлами, а Дмитрій Алексѣевичъ конечно уйдетъ. Мамѣ говорить что стоить ему захотѣть и онъ пойдеть очень далеко. Ну, такъ видите, по моему вы должны бы идти по выборамъ и сдѣлаться предводителемъ на мѣсто Ухова. Всѣ говорятъ что онъ такой дурной человекъ..

— Я, предводителемъ?! въ изумленіи воскликнулъ Володя.—
Помилуйте, съ моими убѣжд...

— Олять вы свое, перебила она его живо, — говорю вамъ
что не хочу слышать про ваши убѣжденія; вы могли бы, ка-
жется, со мной по крайней мѣрѣ... Да и нѣтъ ихъ у васъ
вовсе, этихъ знаменитыхъ убѣжденій.

Еслибы въ эту минуту Володѣ пришлось сдѣлать вы-
боръ между ними и маленькою волшебницей, которою любо-
вались его заискрившіеся глаза, увы, эти убѣжденія врядъ ли
бы устояли въ неравной борьбѣ, но теперь выбора никакого
не предстало, и Володѣ просто всѣ любимые имъ великіе
вопросы въ эту минуту казались сущими пустаками въ срав-
неніи съ тѣмъ что хотѣлось ему вычитать въ ея лучистыхъ
глазахъ.

— Не знаю что будетъ со мной, торжественно и горячо
проищесь онъ,—но одно скажу вамъ, Евгенія Александровна,
что дороже для меня на цѣломъ свѣтѣ теперь...

Она не дала ему договорить. Ей почему-то показалось что
никакъ ужъ ей нельзя долѣе оставаться тутъ рядомъ съ нимъ;
она захотѣла тотчасъ спрыгнуть съ качелей, но въ торопяхъ
ковчикъ ея ножки не успѣвъ опереться на липовый пень и
Женючка непремѣнно упала бы еслибы Володя не схватилъ
ее вовремя обѣими руками. Невольно онъ привлекъ къ се-
бѣ ея трепещущій станъ, и на мигъ, только на одинъ мигъ
она послушно отдалась обнявшимъ ее рукамъ молодого че-
ловѣка.

Его губы коснулись ея запылавшей щеки.

— Женя, милая, простелталъ онъ.

Но она уже ускользнула отъ него и негодующая и взволно-
ванная взглянула на него съ такимъ укоромъ что Володя не
смѣлъ уже подойти къ ней. И гдѣвъ и стыдъ говорили въ
ней, хотя въ то же время, едва внятно для нея самой, ска-
зывалось въ ея сердцѣ иное, вовсе уже не стропливое чув-
ство, готовое простить его поступокъ. Онъ опустилъ предъ
нею глаза какъ провинившійся мальчикъ. „Простите меня,
Женя“, подожелъ онъ къ ней съ такою покорностью что дол-
го сердиться на него очевидно уже было нельзя. И когда онъ
верѣшительно взялъ ее за руку и продолжая безсвязными
словами просить у нея прощенія, долго еще держалъ эту ру-
ку все крѣпче сжимая ее въ своей, она и не думала отры-
вать ее.

— Чѣмъ же будете вы мнѣ еще говорить про свои убѣжденія? вдругъ шаловливо спросила она у него.

— Ахъ, развѣ я именно теперь про что-нибудь, воскликнулъ онъ подбояся ея тонкіе пальчики къ своимъ губамъ.

— Помните это, по крайней мѣрѣ, отъначала она лукаво,— я принимаю ваши слова какъ обѣщаніе исправиться.

Они пошли къ дому и она совершенно довѣрчиво оперлась на его руку, такъ несомнѣнно было ея полное господство надъ нимъ.

— Ну, а вы, Женя, вдругъ, неизвестно почему, спросилъ онъ, — развѣ согласились бы долго жить въ деревнѣ?

Она опустила голову чтобы скрыть отъ него лукавую улыбку заигравашую на ея губахъ.

— Не знаю, право,— я деревню полюбила; только съ какого права вы вздумали называть меня просто Женя, прошу чтобы этого не было!

Ей показалось что она очень строго посмотрѣла на него въ эту минуту, хотя ровно никакой строгости не было въ ея бархатныхъ глазахъ.

Они подошли къ той скамейкѣ гдѣ Володя засталъ ее за книгой; ее поразило, какъ это съ тѣхъ поръ такъ вытянулись тѣни деревьевъ и къ наступавшему вечеру приутихли птицы забившіяся въ глубь вѣтвей.

— Ахъ, половина седьмого, сказала она посмотрѣвъ на часы,— вы должны сейчасъ, сейчасъ уѣхать. Вы понимаете что не могу же я васъ пригласить отобѣдать со мною вдвоемъ, прибавила она улыбаясь.

Десять минутъ спустя Володя уже скакалъ во весь духъ по дорогѣ въ Бѣлые Столбы. Кровь у него стучала въ вискахъ; дикія радостныя мысли пестрою толпой закружились у него въ головѣ.

— Митя, Митя, закричалъ онъ, увидѣвъ брата у самаго въѣзда въ усадьбу,— ахъ, еслибы ты могъ звать какъ я счастливъ, такъ счастливъ, понимаешь ты, какъ никогда, никогда до сихъ поръ... да гдѣ тебѣ понять.

— Ты изъ Никольскаго, улыбнулся Дмитрій въ отвѣтъ.

— Ну да, ну да...

И Володя тутъ же съ горячею послѣдностью объявилъ ему что онъ совершенно рѣшился на долго, навсегда остаться въ Бѣлыхъ Столбахъ, что онъ сдѣлается отличнѣйшимъ хозяиномъ и непремѣнно будетъ предводителемъ на мѣсто Ухова. И Володѣ теперь казалось что иначе и быть не могло и что все это давнымъ давно придумано имъ самимъ.

— А что скажутъ Баминштейнъ и Эльберуссъ? разсказала Дмитрій.

— А, ну, къ черту ихъ, рѣшительно произнесъ Володя.

— И Чернокушниковъ тоже? сказалъ Дмитрій. Но Володя уже былъ у крыльца, соскочилъ съ лошади и никто въ домъ не могъ помать откуда у него взялось завладѣнное имъ радостное оживленіе.

X.

Muttersöhnchen gehn in Seide,
Nennen sich des Volkes Kern,
Schürken tragen Hergeschmeide,
Sünder brästen sich als Herrn.

Nur ein Spottbild auf die Ahnen
Ist das Volk im deutschen Kleid:
Denn die alten Röcke mahnen
Schmerzlich an die alte Zeit.

Heinrich Heine.

Bon appétit, messieurs! O, ministres intègres!
Conseillers vertueux! Voilà votre façon
De servir, serviteurs qui piller la maison!
.....
Donc vous n'avez ici pas d'autres intérêts
Que d'emplir votre poche et vous enfaire après!
V. Hugo (Euy Blas).

Два дня спустя были выборы въ гласные отъ землевладельцевъ. Володя уже наканунѣ вечеромъ отправился встречать дядю, котораго ожидали съ равнымъ похвломъ изъ Москвы. Хотя Петръ Николаевичъ провелъ отлучно ночь въ вагонѣ, онъ, какъ и подобаетъ петербургскому самовнику, сильно жаловался на утомленіе причиненное дорогой и негодовалъ противъ замѣченныхъ имъ безпорядковъ, такъ какъ ему даже не сумѣли отвести хорошія отдѣленія. Онъ продолжалъ брюзжать даже когда ему отвели большой удобный номеръ Петербургской гостиницы лучшей въ городѣ. На слугу подававшего ему чай онъ посмотрѣлъ необыкновенно свирѣпымъ образомъ: „Что это такое, прикрикнулъ онъ,—да равнѣ это самвики, да равнѣ такъ подаютъ?“

— Ужасная у насъ здѣсь стоголосность, говорилъ онъ князя-шкву, — и что это за городъ, что за мостовыя, а меня утѣрали въ Петербургѣ что здѣсь большой центръ и чуть ли не двѣста сотня тысячъ жителей.

Сыновья Петра Николаевича были совершенно напрасны. Гостилица, не въ примѣръ инымъ провинціальнымъ, обладала бархатною мебелью, обоями съ позолотой и электрическими звонками. Словомъ, было все, за однимъ конечно малымъ исключеніемъ — опрятность оставяла желать лучшаго. Звонки большею частью не дѣйствовали, а иногда, хоть и очень рѣдко, но стѣнамъ мелькалъ слишкомъ знакомый на Руси шоколатный жукъ. Самый городъ конечно изобиловалъ пустырями, съ полуразрушенными заборами и полусгнившими хатами, являвшими видъ еще болѣе печальный чѣмъ заборы; но за то въ перемежку съ такими допотопными лачугами высились громады пятиэтажныхъ зданія. Нѣмецкая и Дворянская улицы были освѣщены не хуже Петербурга. Кое-гдѣ завелись асфальтовые тротуары, а парикмахеръ изъ Парижа назывался Giroud, а не Ивановъ. Петръ Николаевичъ вообще обнаруживалъ полное неудовольствіе и не обѣщалъ себѣ ничего кромѣ скуки отъ пребыванія въ Бѣлыхъ Столбахъ.

Впрочемъ неудовольствіе было обычнымъ выраженіемъ его плоскаго лица съ удивительно гладкими и ровными бакенбардами, лица того особаго канцелярскаго цвѣта который равно напоминаетъ залежавшуюся дѣловую бумагу и желтую рублевую ассигнацію.

На Володю вѣлюбезное обращеніе дяди, протянувшего ему одну лалець при встрѣчѣ, не произвело ровню никакого впечатлѣнія. Необыкновенно смѣшными ему казались начальническія заматки Петра Николаевича. Когда въ двѣнадцать часовъ пріѣхалъ Дмитрій, Петръ Николаевичъ сперва и къ нему обратился съ юпитерскими громами.

— Хорошо, нечего сказать; службу бросилъ, и для чего? позволю узнать. Здѣсь киснуть будешь? А чего добраго, земскую либеральную дурь себѣ въ голову набьешь, а?

Но Дмитрія тоже лишь разсмѣшили эти упреки. Онъ безцеремонно обнял дядюшку, похлопавъ его даже по плечу, и должно-быть Петръ Николаевичъ хорошо сознавалъ что командирскій тонъ съ племянникомъ рѣшительно не уадается, только онъ преложилъ гнѣвъ на милость и совершенно уже по товарищески выразилъ желаніе вмѣстѣ позавтракать,

смутились даже безо всякой надобности ирривую шуточку на счетъ мистнаго дамскаго общества. Она смустилась въ обширную залу, размѣрами и убранствомъ не уступающую любой залѣ въ какой-нибудь первоклассной гостиницѣ. Даже каминное око Петра Николаевича, привыкшее къ благочинію, было поражено этому провинціальною роскошью. Правда, и тутъ не обходилось безъ неизбѣжнаго органа, этого усладителя кулеческихъ попоекъ; но пріютился онъ въ самомъ скромномъ углу и лишь съ согласія почитателей наигрывалъ свои піесы, притомъ самыя отборныя піесы, смѣлая *Жизнь за Царя* маршемъ *Tangetzera*, а полури изъ *Анды* букетомъ мелодій изъ *Timbale d'argent*.

— А а, Мита, прямо въ улаву зайду и потюю за тобой когда соберутся для выборовъ, сказалъ Волода.

— Ахъ, да! у васъ сегодня выборы, презрительно вставилъ Петръ Николаевичъ.—И ты будешь баллотироваться? съ отгѣнкомъ порицанія добавилъ онъ.

Сауга почтительно отворилъ предъ ними стеклянную дверь въ комнату меньшихъ размѣровъ, предназначенную для отборной публики. Тамъ они застали Боровскаго за скромнымъ, почти спартаковскимъ завтракомъ.

Петръ Николаевичъ очень любезно съ нимъ пошеровался, даже съ отгѣнкомъ заискиванья, какое иногда бываетъ у крупныхъ чиновниковъ когда они встрѣчаются съ молодыми людьми очень хорошо поставленными по службѣ и въ которыхъ они предвидятъ чиновниковъ еще болѣе крупныхъ.

— Я слышалъ васъ переводить въ О., сказалъ онъ ему, приглашая завтракать вмѣстѣ.—Работы тамъ будетъ много, это по плечу лишь такимъ людямъ какъ вы.

— Ну и здѣсь ея было не мало, особенно въ послѣдній годъ. Мнѣ цѣлое гнѣздо удалось накрыть. Не знаю какъ распутаетъ все это мой преемникъ. Здѣсь между прочимъ, какъ мнѣ достоверно извѣстно, телерь обрѣтается очень крупный агитаторъ Левъ Неродовичъ, купецъ Маркелъ Аладьянъ тожь, онъ же евнаторітскій мѣщанинъ Федоръ Кошка. Какъ видѣта, не дремлемъ.

— А вышеозначенный Неродовичъ, вставилъ засмѣявшись Петръ Николаевичъ,—все-таки у васъ какъ кошка ускользнетъ изъ рукъ.

Петръ Николаевичъ тѣмъ не менѣе очень заинтересовался словами Боровскаго; онъ слушалъ его съ видомъ человѣка

которому хорошо известно все то что недоступно простымъ смертнымъ. Петръ Николаевичъ не успѣлъ однако высказать что-либо очень замѣчательное: приходилось отвѣчать на услужливые вопросы слуги и заказывать завтракъ. Отъ разнообразныхъ рыбныхъ яствъ Петръ Николаевичъ отказался, предпочитая стерляжьей ухѣ жидкій бульонъ и заманчивой свѣжей осетринѣ простую телачью котлетку. Какъ всѣ петербургскіе чиновники, бодрые и тучные на видъ, Петръ Николаевичъ страдалъ катарромъ желудка. Едва заказавъ былъ завтракъ и разговоръ сталъ оживляться какъ вошли въ комнату два новые посетителя. Это были старый графъ Соколовницкій и его сынъ. Графъ собирался въ тотъ же день уѣхать въ Петербургъ, а Борисъ Сергѣевичъ, провожая отца, думалъ воспользоваться случаемъ чтобы принять участіе въ выборахъ: имѣніе Соколовницкихъ лежало въ двухъ сосѣднихъ уѣздахъ.

— А-а, ваше превосходительство, съ громкимъ радуніемъ привѣтствовалъ графъ Петра Николаевича, послѣднимъ вставшаго ему на встрѣчу.—Что, на долго изволите?—графъ рожкомъ приложилъ къ уху свою руку... — А-а, c'est pour les affaires de la petite, je comprends.

Дмитрій могъ замѣтить какъ еще на одинъ тонъ повысилась любезность дядюшки при видѣ стараго генерала. Отъ него не ускользнуло и то что молодой Соколовницкій очень холодно и небрежно отвѣтилъ на поклонъ Петра Николаевича, а затѣмъ тотчасъ углубился въ изученіе карты блюдъ и съ очень строгимъ видомъ заказывалъ какой-то необыкновенный завтракъ. Известно что у насъ преднамѣренная небрежность тона имѣхъ господъ особенно замѣтна въ молодые годы.

— У васъ, говорятъ, здѣсь были аресты, обратился къ Боровскому молодой графъ, покончивъ со своими гастрономическими превіями.

— Тилографію накрыли и въ уѣздѣ поймали трехъ чело-вѣкъ съ прокламаціями.

— Не въ Бѣлыхъ Столбахъ, надѣюсь, испуганно проговорилъ Петръ Николаевичъ.

— Нѣтъ, въ имѣніи предводителя; а въ вашемъ уѣздѣ спокойно? въ свою очередь обратился Боровской къ Борису Сергѣевичу.

Тотъ самодовольно усмѣхнулся:

— Пока Богъ миловалъ, а про васъ, добавилъ онъ съ

отъѣвкомъ промѣи, всё говорятъ чуть ли не окрепчиваясь. Налустили вы страху!

— Я нахожу, холодно и увѣренно возразилъ Боровской, — что леченіе всякой болѣзни должно быть радикальное. Лучше вырвать изъ поля нѣсколько хлѣбныхъ колосьевъ чѣмъ оставить хоть одну сорную травку.

— Это вольный переводъ словъ императрицы Екатерины, замѣтилъ ему Дмитрій.

— Я съ тридцатыхъ годовъ знаю эту губернію, грустно замѣтилъ старый графъ, — *et jamais jusqu'à ce jour je n'ai entendu parler d'arrestations!*

— А вѣдь въ сущности, снова началъ, слегка хихикая Борисъ Сергѣевичъ, — всё ваши рѣшительныя мѣры ни къ чему не поведутъ, и сами вы это очень хорошо знаете.

— Можетъ-быть, засмѣялся Боровской.

— Ну, а что полагаетъ на этотъ счетъ ваше правительство? насмѣшливо спросилъ молодой Сокольниковскій Петра Николаевича.

Тотъ сперва подозрительно оглянулся по комнатамъ, будто для того чтобъ убѣдиться, не подслушиваетъ ли кто ихъ разговора. Затѣмъ онъ поправилъ галстукъ и заговорилъ въ полголоса:

— Между нами будь сказано, дѣла идутъ скверно, не видно твердаго руководства. Самыя лучшія мѣры парализуются.

— И вы это говорите, *vous qui avez le pouvoir*, воскликнулъ старый графъ, и въ глазахъ его блеснула негодующая искра.

Петръ Николаевичъ развелъ руками:

— Что дѣлать, ваше сіятельство, мы совершенно безпомощны.

Боровской злобно улыбнулся:

— Безпомощность и аресты въ то же время, вставилъ онъ.

— Намъ не слушаютъ, продолжалъ оживляясь Петръ Николаевичъ. — Провинція, вотъ гдѣ зло. Въ провинціи только и умѣютъ что взятки брать, да фрондировать. Что жъ мы можемъ сдѣлать противъ этого изъ Петербурга?

— Такъ къ чему же тогда, дядюшка, всё ваши циркуляры? сказалъ Дмитрій. — Вѣдь когда я былъ въ министерствѣ, всё вы тамъ говорили и писали въ полномъ убѣжденіи что куріи несутъ даже лица не иначе какъ съ разрѣшенія начальства.

Петръ Николаевичъ съ инфантильнѣмъ эгоизмомъ сталъ поправлять на себѣ жилетъ.

— Равладъ во восемь и въ девять, и на округности, сказалъ онъ еще понижая голосъ.— Вождѣнство между собой въ тайной борьбѣ, на насъ вину сваливаютъ, а кабы вы знали какія затрудненія на каждомъ шагѣ намъ создаютъ другія министерства!..

Старый графъ вздохнулъ.

— Прѣжняго духа нѣтъ, вотъ чтѣ! сказалъ онъ.

— А новый еще не народился, добавилъ его сынъ.— Да и откуда ему встать, когда не хотятъ дѣлаться людямъ съ независимымъ положеніемъ.

Молодой графъ подраумывалъ самого себя.

— Нечего удивляться что они не оказываютъ никакой поддержки. Мы сторовимся и ждемъ, къ чему все это приведетъ!

— Къ хорошему не приведетъ, оказалъ Петръ Николаевичъ,—и понятно что каждый прежде всего думаетъ о себѣ, кому же охота потерпѣть отъ крушенія?..

— Ну это мы еще посмотримъ, самодовольно возразилъ молодой графъ, залпомъ выпивая рюмку краснаго портвейна.

Онъ былъ въ числѣ тѣхъ которые себя считаютъ на такой высотѣ что до нихъ не доласкать демократическимъ водамъ.

— Я умываю себѣ руки, продолжалъ теперь уже довольно рѣзительно Петръ Николаевичъ, откидываясь на стулѣ.

Онъ вынулъ бутылку краснаго вина, чтѣ, какъ извѣстно, полезно для желудка, и его канцелярское мужество понемногу стало поднимать.

— Чтѣ бы ни случилось, не я виноватъ! Я двадцать разъ твердилъ...

Никто не узналъ чтѣ собственно твердилъ Петръ Николаевичъ.

— Пусть тѣ лезаютъ на себя кто создалъ эту всеобщую равнудавность. Онъ оглянулъ своихъ собесѣдниковъ, какъ бы съ тѣмъ чтобъ удостовѣриться—можно ли съ ними говорить влоавѣ откровенно.

„Такіе люди, какъ мы“, казалось, говорилъ его взглядъ, „могутъ не стѣсняться“.

— Да-съ, продолжалъ онъ,—мы идемъ къ неизвѣстности, и въ концѣ концовъ можетъ-быть лучше чтобы рухнуло то

чѣе чинили, а то мы несправедливо въ условія чинили и все чинили.

Петръ Николаевичъ знаетъ то, что не замѣчалъ перемѣну отдала року думу коридора которой часто оладиваетъ чиновники особамъ, когда они разговариваютъ съ канцелярскою обетановкой и вице-мундиръ замѣняютъ визиткой. Превинция и на него дѣйствовала. Какой-то шутильскъ очень ужъ давно замѣтилъ что русскій дворянинъ, пока въ вице-мундиръ—чиновникъ, во фракѣ—заберекъ, а въ залатѣ—просто лапшникъ.

Петръ Николаевичъ и молодой Соболюшкинъ, когда одинъ былъ у дѣвъ, а другой во временной амплуа—оба подверглись одинаковой метаморфозѣ.

— Неужь вспомню какъ на volcano, mais je sais bien, ou je se-гай, moi! несовоетъ точно повторяетъ Борманъ Сергѣевичъ излюбленныя слова Лудовика-Филиппа въ послѣдніа дня реставраціи.

— Благо тѣмъ, кто знаетъ гдѣ они будутъ, двусмысленно высказался Боровской.

— Однако, господа, вышлося теперь Дмитрій, котораго весь этотъ разговоръ возмущалъ до глубины души,—сказанность въ самомъ дѣлѣ велика не потому что врагъ страшенъ, а потому что такъ думаютъ и говорятъ люди подобныя вамъ. Какы.. господамъ Боровской, посылающій людей на каторгу, равнодушно ожидать паденія того порядка вещей во имя котораго они нѣтъ обвинены и обвинены всегда безкало-отно; вы, графы, представляете родового дворянства, вы откровенно признаете что пусть тамъ себѣ все идетъ къ чорту, вамъ это все равно, потому что васъ будто бы тронуть не посмѣютъ; а вы, дядюшка, опытный администраторъ, сами не вѣрите въ чину коего правительствя въ составѣ котораго вы входите? Да, господа, вы въ самомъ дѣлѣ наложите грёзу, которую безъ васъ и прощено бы мнѣ.

Ему не возражали, только молодой Соболюшкинъ высокомерно и презрительно сталъ крутить надушенные усы.

— Правду вы говорите, совершенную правду, обратилася къ Дмитрію старый графъ, кладя ему на плечо руку. Avec de tels principes мы бы ни Кавказа не покорили, ни Севастополя не отстояли бы дѣлахъ одиннадцать мѣсяцевъ,

— Ваше сіятельство, отвѣтилъ ему Боровской,—военные услѣхи очень красивы выходятъ въ книжкахъ, но теперь,

лентъ: нѣтъ, парадъ дракунше сталъ, его казаческѣ свѣрше замалитъ, чѣмъ Георгиевскими крестиками.

И въ этому радуется? горячо вскричалъ Дмитрій, — а впрочемъ, вы казенцате на парадъ, погодите, будешь случай и вы увидите что онъ умреть не разучился и казачъ не сталъ его символомъ вѣры.

Боровокой въ отиѣтъ гофъко повела ласчана. Бангаверъ, какъ оно всегда и бываетъ, оборвался не привода въ чѣму. Вот сѣвнмаліи локончнть съ аастраконъ. Старой графъ задумчиво поглядывалъ на прочнхъ и вспоминалъ что въ прежніе годы, въ годы его молодости, когда онъ дрался на Кавказѣ, не расчитывалъ владѣть которой случался, хотя можеть-быть и умѣлъ въ чнхъ случался на особенный страхъ выказывалъ предъ нею больше самостоятельности чѣмъ бывалъ это носто теперь.

XI

Блаженъ не тотъ, кто дождь увидѣ:
Ахъ нѣтъ! онъ часто всѣхъ груститъ;
Но тотъ кто будучи гаупцомъ
Себя считаетъ мудрецомъ...

.....
Онъ вѣтъ пріятно, дремлетъ сладко,
Ничѣмъ въ душѣ не оскорбленъ,
Какъ ночью кажутся все младшо
Такъ вѣра для мушкетъ совершилъ.

Н. М. Карамзинъ.

Когда Дмитрій вошелъ въ залу управы, большую, низкую комнату въ пять оконъ, она вся уже была наполнена табачнымъ дымомъ и беспорядочнымъ гуломъ шюкольничихъ десятковъ голосовъ.

Длинный столъ покрытъ зеленымъ сукномъ съ баллотировальнымъ ящнкомъ занималъ всю середину. Вдоль стѣнъ правильною шеренгой были разставлены плетеные стулья и деревянныя скамейки. Сивіе обои съ желтыми разводами не отличались чистотой. Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ была канцелярія, Уховъ приготовилъ завтракъ на славу. Стукъ вилокъ и ножей и чоканье стакановъ слышались среди громкаго смѣха и говора. Господа землевладѣльцы то и дѣла кучками выходили оттуда въ залу и всѣ они были повидимому въ

самомъ возбужденномъ и дружескомъ настроеніи; обхаживали по рукопожатіямъ, клоня другъ друга по плечу и выражая шумную радость при видѣ вновь прибывшихъ. Секретарь, высокій молодой человѣкъ, съ волосою лоснящимся отъ помады и мутными, совсѣмъ неслезными глазами, какъ-то особенно ласково и усердно шовалъ отъ одного къ другому. Повременамъ на него почему-то прикрикивалъ Уховъ, и ласковаго секретаря тотчасъ обдавало будто холодною водою. Дмитрій не зналъ почти никого, и завидя его всѣ бывшіе въ залѣ усталились на него съ тѣмъ враждебнымъ удивленіемъ какое въ провадціи неизбѣжно возбуждаетъ появленіе новаго лица. Его тѣмъ болѣе поразило то что Володя усмѣялся уже совсѣмъ освоиться въ этомъ новомъ обществѣ. Съ покраснѣвшимъ лицомъ и волосами слегка взъерошенными, онъ былъ уже со всѣми за ланибрата и повидимому чувствовалъ себя какъ рыба въ водѣ. Уховъ его обязательно познакомилъ со всѣмъ синклитомъ мѣстныхъ дѣятелей, выказывая ему необыкновенную размашистую нѣжность. Володя нисколько не смущался этимъ радушнымъ приемомъ человѣка котораго собирался, когда представится случай, слыхнуть съ предсѣдательскаго мѣста. Очень ужъ быстро молодой человѣкъ вошелъ въ колею уѣздныхъ нравовъ!

Скатерть на большомъ кругломъ столѣ, уже сильно испещренная отъ вина и соусовъ, была уставлена самыми разнообразными яствами. Тутъ красовались огромный, сочный балыкъ, кра зариистая, кра наюсная, и копченая стерлядь, и копченый сигъ; бурая шалочка бѣлыхъ грибовъ плавали въ своемъ соку, блѣднорозовая семга чередовалась съ рыжиками и груздями, и два громадные куска заграничнаго сыра, горгонцолла и стильтоны, устояли-таки противъ дружной атаки многочисленныхъ голодныхъ желудковъ. Все это пестрѣло на столѣ среди тарелокъ съ объѣдками, все это издавало острый, жирный запахъ, и походило на груду безпорядочныхъ, отвратительныхъ обложковъ послѣ дикаго разоренія. Цѣлая батарея опорожненныхъ бутылокъ свидѣтельствовала объ усердіи пировавшихъ избирателей, и красныя лица ясно говорили что мѣстные дѣятели вполнѣ были готовы дружно и сознательно приняться за подвигъ баллотировки.

Уховъ по обыкновенію не ударилъ лицомъ въ грязь. Заме языки, правда, увѣрили что весь этотъ завтракъ въ числѣ менѣе невинныхъ даровъ былъ поднесенъ купцомъ Севрю-

гизыме, повелевавшихъ издревле упрямь, предвѣдителей которой былъ тотъ же Уховъ. Но чего не говорятъ эти языки! Самъ Севрюгинъ, видный мущина, съ почтенымъ лицомъ, держался немного поодаль и не думалъ вовсе, хотя онъ конечно не ропсалъ себя до какой-нибудь фамильярности съ бывшею тутъ макою сошкой, выборными отъ макиихъ землевладѣльцевъ. Они всѣ съжились въ углу и не смѣли прикасаться къ завтраку. Кое-кто изъ макъ развѣ хватилъ рюмочки по три очищенной. Савва Никитичъ Севрюгинъ былъ изъ числа тѣхъ кулцовъ которые съ недавнихъ поръ превратились въ коммерсантовъ, то-есть одѣвался по-европейски, предпочиталъ шампанское овухъ, ежедневно справлялся о заграничныхъ курсахъ и постался только въ страстную недѣлю. Въ приѣмахъ торговли, конечно, особаго различія не оказывалось.

— Дмитрій Алексѣевичъ! громко привѣтствовалъ вояку прибывшаго Уховъ, протягивая ему обѣ свои лухыя ладоны,—что же это вы не захотѣли съ нами закусить? Э, право не хорошо, а братецъ вашъ не побрезговалъ, спасибо ему за то, и большая, сѣдая голова Ухова, съ жесткими какъ щетина усамы, съ укоромъ закачалась на короткой шеѣ.—Дядюшку встрѣчать изволили? Ну, это конечно оправданіе; ну, а что, какъ понравился нашъ городокъ его превосходительству?

И не дождавшись отвѣта, Уховъ съ нумнымъ усердіемъ сталъ знакомить Дмитрія со всѣми бывшими тутъ уважными макиетами, не разбирая своихъ друзей и недруговъ.

— Господа, говорилъ онъ,—прошу любить и жаловать. Дмитрій Алексѣичъ, можно сказать, человекъ ученѣйшій, и надѣюсь, будущій нашъ дѣятель.

Рука Дмитрія могла замозолиться отъ сильныхъ пожатій землевладѣльческихъ лапъ; нельзя сказать однако чтобы пріемъ ему былъ оказанъ особенно радушнымъ. Пока одинъ изъ присутствовавшихъ обмѣнивался съ нимъ привѣтствіями, другіе стоявшіе вокругъ кидали на него подозрительные и недоумѣвающіе взоры, хотя, когда и до нихъ доходила очередь знакомиться, взоры эти тотчасъ становились умилливо сладкими. Одинъ толстый господинокъ съ чрезвычайно воинственною физиономіей, хотя онъ былъ только отставной военный докторъ, совсѣмъ даже строго посмотрѣлъ на Дмитрія и внушительно произнесъ:

— Ничего вамъ не скажу-съ, потому что я, такъ сказать, человекъ прямой: послужите земству, унаемъ васъ, и въ огонь такъ сказать за васъ полюбзу.

„Это вѣрно чернакъ“, подумалъ Дмитрій.

— А что, графъ прѣдетъ? снова подошелъ къ нему Уховъ.— Овъ мнѣ сегодня писалъ что непременно будетъ. Мы его только и дожидаемся.

Появленіе Сокольниковскаго послужило отвѣтомъ Ухову, и всѣ избиратели гурьбой повалили въ залу. Томилиня отвелъ Дмитрія въ сторону:

— Не скрою отъ васъ, шансы ваши стоятъ плохо, сказалъ онъ.— Дровнивъ, правда, въ восторгѣ отъ того что вы оставили службу ради святаго земскаго дѣла, какъ онъ выражается, и я конечно представилъ васъ въ свѣтѣ мученика за вѣру и правду. А вѣскольکو другихъ господъ съ большимъ любопытствомъ разспрашивали меня про вашего дядюшку, въ полномъ убѣжденіи что васъ не сегодня такъ завтра назначать куда-нибудь губернаторомъ. Ну и ихъ конечно я не разувѣрилъ въ противномъ, такъ что вы теперь въ глазахъ однихъ жертва своихъ независимыхъ убѣжденій, а ло мнѣ-нію другихъ—будущій савовникъ. Что прикажете дѣлать? Надо пользоваться этими противными теченіями.

— Ну, это еще не великая бѣда, разсмѣялся Дмитрій.

— Да, но бѣда въ томъ что такихъ добродушныхъ людей наберется много-много человекъ двадцать, а шаровъ всѣхъ пятьдесятъ восемь, и друзья Ухова, точно также какъ его враги, равно смотрять на васъ какъ на чужаго, котораго слѣдуетъ остерегаться.

И Дмитрію пришло въ тотчасъ убѣдиться въ достовѣрности словъ Томилины. Пока шли приготовленія къ выборамъ, и Уховъ, теперь уже преисполненный торжественности, провѣрялъ описокъ и о чемъ-то усердно шелгался съ секретаремъ, Дровнивъ подошелъ къ Дмитрію и съ трогательнымъ умиленіемъ выразилъ ему все то чего въ правѣ ожидать отъ него всѣ истинно либеральные и пресвѣщенныя люди.

— Вы съ нами заодно, я въ томъ увѣренъ, волновался онъ, пожимаая руку Дмитрія своими костлявыми дрожащими пальцами.—И вы намъ поможете провести въ собраніи мою любимую мысль—устроить дѣтскій садъ съ туманными картинками и чтеніемъ соответствующихъ стиховъ для народа.

Почти такое же сочувствіе выказывали Дмитрію и съ

другой стороны. Однимъ изъ главныхъ спонсоровъ, съ помѣстными же велѣнью, назначенный въ мундиръ какого-то давнымъ давно упраздненнаго вѣдомства, уверялъ Дмитрія что дядюшкѣ Петра Николаевича, когда тотъ былъ еще совсѣмъ маленькій, онъ разъ посаждалъ къ себѣ на колѣнцѣ, потому что тогда служилъ подъ начальствомъ его батюшки и память объ этомъ событіи онъ сохранилъ по гробъ. А другой, мѣстной землевладѣлецъ Эмфродитъ Мевандровичъ Замираки, недавно благопріобрѣтшій цѣлѣе отъ плодовъ долголѣтнаго ростовщичества, забѣганно расспрашивалъ Дмитрія про какіе-то соляные промыслы, отдать которые въ его, господина Замираки, почетительное распоряженіе зависѣло главнымъ образомъ отъ воли того же превосходительнаго дядюшки. Но звонокъ предводителя раздался, присутствующіе были всѣ приведены къ присягѣ необыкновенно благообразнымъ іереемъ, который почему-то, читая присяжный листъ особебно громко, съ угрозою въ голосѣ произнесъ: „дѣлаю крестъ и слова Спасителя моего“, и потомъ вдругъ совсѣмъ фамильярно и съ улыбкию сказалъ: „вотъ здѣсь извольте подписаться, господа“, тыкая перстомъ на залачканный присяжный листъ.

— Вы, господинъ Корецкій, по довѣренности вашей матушки? обратился къ Дмитрію Уховъ, телерь совсѣмъ уже по-генеральски.

Довѣренность была написана съ полнымъ соблюденіемъ формъ, но Уховъ счелъ долгомъ показать видъ будто Дмитрія онъ допускаетъ лишь по снисходительности.

— Мы конечно не станемъ здѣсь придираться къ формамъ, сказалъ онъ, — такъ ли господа? Собраніе постановило допустить васъ до баллотировки, торжественно объявилъ онъ Дмитрію, въ виду общаго молчанія.

— Аллолонъ Акакіевичъ Моргуновъ! процамсеъ онъ има стоявшее во главѣ сниска, вамъ угодно баллотироваться?

Аллолонъ Акакіевичъ, сухой человекъ небольшого роста, съ ухорекими усами на пріятномъ лицѣ, одѣтый въ золотиковый балахонъ съ полеманными костявыми луговицами, быстро выпрыгнулъ изъ кучки избирателей.

— Чтѣ ты, братецъ мой, прокричалъ онъ тѣмъ хриплымъ голосомъ, какой бываетъ у пьяницъ, — комедію разыгрывать вздумалъ, разумѣется желаю, а такъ-сказать столбъ которымъ все собраніе держится. И сказавъ это, онъ сталъ возлѣ самаго ящика, дико поглядывая на тѣхъ кто клалъ шары.

Аполлонъ Акакіевичъ былъ наивѣрный кандидатъ и предокретно судился за оскорбленіе дѣлостроителю. Несмотря однако на это завидное свойство онъ прошелъ только однимъ шаромъ.

— Двадцать восемь, двадцать девять, мѣрно отсчитывая избирательные шары Уховъ и долго стучалъ по аяку чтобъ убедиться не застрялъ ли тамъ лишний шаръ.

— Вашъ тридцатый, закончилъ онъ, прибавая къ кучкѣ бѣлыхъ шаровъ тотъ который всегда принадлежитъ кандидату.

Искра злорадства блеснула въ маленькихъ, занявшихъ глазахъ предводителя. Моргуновъ, несмотря на то что былъ съ Уховымъ на „ты“, считался въ рядахъ противной партіи.

— Плохое предзнаменованіе для красныхъ, шепнулъ Томилинь на ухо Дмитрію.

Въ оппозиціонномъ лагерѣ засуетились, и высокій господинъ въ очкахъ, съ профессорскимъ видомъ, собравъ вокругъ себя кучку приверженцевъ, сталъ озабоченно съ ними шептаться.

Это былъ главный вожакъ лѣвыхъ, Алексѣй Алексѣевичъ Сухо-Деревскій, который уже два трактатя тщетно старался попасть въ предводителя.

— Въ толкъ не возьму, засуетилась очень высокій и толстый помѣщикъ съ глазами на выкатъ и такимъ аростнымъ лицомъ, какъ будто вотъ онъ сейчасъ собирается вступить въ руколашную.—Вы же намъ говорили, Алексѣй Алексѣевичъ, что большинство за нами. Аполлонъ Акакіевичъ всегда проходилъ отлично.

Аполлонъ Акакіевичъ съ большимъ жаромъ принялся что-то доказывать, сильно размахивая руками; но убѣдившись что его не слушаютъ, сердито оглянулъ всѣхъ и пробормотавъ сквозь зубы: „тьфу, скоты настояціе“, отправился въ канцелярію подкрѣпить себя лишнею рюмочкой.

Выборы между тѣмъ пошлѣ туго. Подъ рядъ забаллотировали цѣлыхъ четырехъ, въ томъ числѣ старичка въ допотопномъ мундирѣ и очень молодого человѣка, съ совершенно дѣтскимъ лицомъ, которой съ необыкновенною довѣрчивостью и мило улыбаясь принялъ предложеніе Ухова баллотироваться. Когда оказалось что за довѣрчиваго молодого человѣка положено всего 12 шаровъ, онъ руками развелъ и съ трогательнымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на избирателей.

— Ничего, молодой человѣкъ, не тревожьтесь, утѣшалъ его

всѣмъ уважаемый докторъ Мелитонъ Аркадьевичъ Благосклоновъ, — всѣмъ еще нѣмѣо знаютъ.

А между тѣмъ всѣ эти жертвы баллотировки сперва подвергались усиленнымъ мольбамъ не отступиться отъ послѣдняго участія въ обрѣтѣ дѣла. „Просимъ, просимъ“, кричали имъ всѣ въ одинъ голосъ, въ томъ числѣ предводитель и Мелитонъ Аркадьевичъ, хотя было совершенно очевидно что оба они неудачнымъ кандидатамъ усердно клали нальво. Не кричали только: кулакъ Севрюгинъ да трое кулаковъ изъ крестьянъ.

— Рука скорѣе засохнетъ у Благосклонова, обратился къ сосѣду господинъ съ яростнымъ лицомъ, — чѣмъ положить она кому-нибудь направо.

У всѣхъ пропала охота баллотироваться. Нѣсколько чело-вѣкъ поочередно отказались. Обѣ стороны отступали предъ генеральнымъ сраженіемъ.

— *Pa sont gentils, n'est ce pas?* шепнулъ графъ проходя мимо Дмитрія.

— А вы за кого? въ свою очередь спросилъ у него Дмитрій. Графъ пожалъ плечами.

— Я люблюсь даровымъ представленіемъ, отвѣтилъ онъ и потомъ, будто вполнѣвъ что-то, прибавилъ: — Ну, а вы рѣшительно не чувствуете въ себѣ призванія къ предводительству? Я, вы знаете, только такъ...

Дмитрій послѣдилъ его услокоить, немного удивленный его участіемъ къ судьбѣ Ухова.

Впрочемъ, отойдя, графъ не вернулся въ лоно предводительской партіи, а напротивъ долго смѣялся и шутилъ съ кучкой приверженцевъ Сухо-Деревскаго. Наиболе молодые и богатые помѣшники были какъ разъ на этой сторонѣ, а такому тузу какъ Соколыницкій конечно всего болѣе приличествовало оближеніе съ либералами.

— Евтихій Семеновичъ Дровнинъ! желаете вы баллотироваться? произнесъ громовымъ голосомъ Уховъ, дойдя по списку до жертвы своихъ постоянныхъ насмѣшекъ.

— Желаю, конечно желаю, послѣдилъ отвѣтитъ Дровнинъ и тутъ же прослезился, объявивъ что никакихъ силъ не пожалѣеть для земства.

— Господа! выберемъ Евтихія Семеновича одними бѣлыми шарами, громогласно увѣщевалъ собраніе Уховъ. — Покажемъ что мы умѣемъ цѣнить многолѣтнее рвеніе, а то, право,

господа, какъ сегодняшнихъ выборовъ не дѣлаютъ соборнаго чести, говорю это чистосердечно. И Уховъ дѣлалъ видъ, будто въ самомъ дѣлѣ очень озабочанъ е заблалогированіа трехъ изъ спещъ протаманковъ.

— Кто можетъ пойти противъ Виталія Семіоновича? загосная въ толгѣ.

И Дровнина, общій любимецъ и предметъ общаго глумленія въ то же время, былъ выбранъ означено. Съ его легкой руки выборы пошли гладко. Одни за другими безъ затрудненій прошли: докторъ Благосклоновъ, графъ Борисъ Сергѣевичъ и уроженецъ юга Замаараки.

— Чтѣ вы дѣлаете? обратился къ Сухо-Деревскому высокій господинъ съ выхолеными и благоушными бакенбардами на подвижномъ, насмѣшливомъ лицѣ.—Вы насъ и себя губите, пока вѣдъ все проходить, кромѣ развѣ Дровнина, члены Уховской партіи.

То былъ одинъ изъ отголосковъ мѣстнаго либерализма, краса приволжской адвокатуры и въ то же время мѣстнымъ землевладелецъ Богданъ Тарасовичъ Заболдуха-Забалдай, первый ораторъ и демагогъ въ уѣздѣ, очень гордившійся тѣмъ что по тетушкѣ онъ происходилъ отъ Богдана Хмельницкаго.

— Не безпокойтесь, уабулауа сквозь очки Сухо-Деревскій,—вы наши лорядки не вполнѣ еще себѣ усвоили. Надо имъ сначала придать увѣренности къ себѣ, а то, чего добраго, нашихъ стали бы заблалогировывать.

Но мѣстный Демосеенъ, не совсѣмъ убѣжденный въ вѣрности этого разчета, который ядобавокъ не совсѣмъ постигалъ, сталъ повѣрять свои недоумѣнія заважкому корреспонденту одной петербургской газеты, г. Безвидову, съ которымъ очень подружился за лестный отзывъ о немъ въ отчетѣ о крупномъ уголовномъ процессѣ. Г. Безвидовъ уже мысленно строчилъ ядовитую статью, въ которой весь ходъ выборовъ являлся въ самомъ мричномъ обличительномъ свѣтѣ.

— И нужно было этого графа выбирать, съ негодованіемъ продолжалъ Заболдуха,—пріѣдетъ онъ сюда на собраніе? Холоство одно!

Соколыницкій какъ разъ проходилъ мимо и узналъ Заболдуху, съ которымъ познакомился въ мѣстномъ клубѣ.

— А-а, Богданъ Тарасовичъ, любезно протянулъ онъ руку адвокату,—вы тоже къ намъ въ земство, хорошо дѣлаете, намъ таланты нужны, независимые таланты въ особаяности.

Лицо Заболдухи прорсало когда онъ жаль протаскуту ему руку.

Корреспондентъ Безвидовъ презрительно отошелъ въ сторону и что-то занесъ въ записную книжку.

Предсказаніе Сухо-Деревскаго между тѣмъ сбывается. Четверо изъ его сторонниковъ прошли благополучно, конечно послѣ неизбѣжныхъ отказовъ и увѣщаній. Въ этомъ числѣ были: толстый помѣщикъ съ яростнымъ лицомъ и оамъ господинъ Заболдуха. Послѣдній счелъ долгомъ благодарить за свое избраніе.

— Господа, сказалъ онъ,—извѣстный правдѣ мой Хмельницкій высоко держалъ знамя свободы своего отечества; довѣрясь мнѣ, человѣку новому между вами, человѣку живаго слова, вы найдете во мнѣ всегда готоваго защитника нашихъ правъ и столь же дорогихъ вамъ правъ меньшей братіи нашей.

При послѣднихъ словахъ онъ неизвѣстно почему кивнулъ головой въ сторону Севрюгина и трехъ кулаковъ.

Корреспондентъ опять послѣшшо что-то записалъ въ свою книжку.

Телерь была очередь баллотироваться именно за этими представителями „меньшей братіи“. Севрюгинъ и одинъ изъ кулаковъ прошли благополучно, двое остальныхъ провадились.

Пока шла эта операція, Сухо-Деревской подошелъ къ Дмитрію и сталъ что называется ошупывать его намѣренія насчетъ предполагаемаго избранія Ухова.

— Нельзя улускать изъ вида состава будущей управы, замѣталъ онъ вскользь въ видѣ заключенія.

Но Дмитрій не хотѣлъ связываться напередъ общаіями.

— Что сей совъ означаетъ? спросилъ онъ у Тошмаина, когда Сухо-Деревской отошелъ прочь.

— А то что васъ одинаково боятса оба кандидата въ предсѣдателя, и настоящій и оппозиціонный, а потому васъ стаютъ дружно толить.

— Да, братецъ мой, сказалъ подходя Володя, у котораго глаза такъ и горѣли отъ оживленія,—засѣла у нихъ у всѣхъ въ головѣ эта нелѣпая мысль что ты мѣтишь въ предводителю и въ предсѣдателя управы. Твердилъ я имъ, твердилъ что ты объ этомъ и не думаешь, что тебѣ лѣнь заниматься земскими дѣлами, ну вотъ и представь себѣ, эту самую твою лѣнью кажется человѣкъ восемь перетянулъ на твою

сторонѣ гдѣ брату, говорю я имъ, за должною гнѣться, онъ изъ Петербурга-то уѣхалъ отъ должности, и расписалъ я тебя, знаешь, такъ что выходишь ты и независимымъ, и безвреднымъ въ то же время.

— Bravo, разсмѣялся Томишинъ, и потрѣпалъ Володю по плечу. — Да по-настоящему васъ-то, Владиміръ Алексѣичъ, и слѣдовало бы въ предводители на будущіе дворянскіе выборы у васъ въ крови есть что-то такое...

Володя слегка покраснѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему неожиданно удалось разомъ стать популярнымъ. Съ нимъ многіе уже были почти на товарищеской ногѣ. „Братецъ вашъ—душа человѣкъ“, говорили Дмитрію кое-кто изъ наиболѣе размашистыхъ мѣстныхъ дѣятелей. „Сейчасъ видно что свой человекъ.“

— А вотъ что, Дмитрій, продолжалъ Володя уже серьезно, отводя брата въ сторону, — коли ты не хочешь провалиться, будь поласковѣе съ Севрюгинымъ: у него, говорятъ, цѣлыхъ восемь голосовъ въ карманѣ. Всѣ тѣ кто у него въ долгу. Онъ уже ко мнѣ подбирался съ разными намеками на то что теперь вотъ ты управляешь имѣніемъ, и онъ бы отъ души радъ съ нами вести знакомство; мама, ты знаешь, ни за что не соглашалась съ нимъ дѣло имѣть; ну а теперь онъ надеется что тебя окрутить будетъ полегче, хоть это для тебя и не особенно лестно. Я разумѣется покривилъ душой и Севрюгина обманулъ, — брезгать вѣкъ не слѣдуетъ.

Дмитрій ушамъ не вѣрилъ, услыхавъ такіа мудрыя рѣчи отъ своего лыкаго брата. Далеко же Володя ушелъ отъ Черноключникова за эти немногіе дни!

Почтенная фигура Севрюгина медленно и съ достоинствомъ подвигалась теперь къ Дмитрію.

— Позвольте съ вами быть знакомымъ, Дмитрій Алексѣичъ, мѣрно проговорилъ онъ, съ чувствомъ пожимая въ обѣихъ своихъ рукахъ правую руку Дмитрія. — Честъ имѣю рекомендовать: первой гильдіи купецъ Савва Никитичъ Севрюгинъ; тоже сосѣдомъ вамъ прихожусь: Черныя Хутора покупкой прибрѣлъ-съ.

Черными Хуторами называлась усадьба прокутившагося помѣщика, съ домомъ почти въ развалинахъ, но за то съ отличною землею и поемными лугами. Какъ ни жутко было Дмитрію выносить долгое рукопожатіе Саввы Никитича, онъ превозмогъ себя и улыбулся въ отвѣтъ достойному коммерсанту. „Избирателей не судать“, подумалъ онъ, перенявша извѣстное письмо императрицы Екатерины II къ Суворову.

— Что хозяйствомъ изволите сами теперь заниматься? ласково продолжалъ Савва Никитичъ.—Хорошее дѣло! Вятюшку вашего знавала—достоинѣннѣйшій былъ человекъ. И вы нами останетесь довольны—могу васъ увѣрить. За деньгами у насъ дѣло не станетъ-сь.

И снова онъ принялся жать руку Дмитрія.

— Что жь въ собраніи нашемъ хотите принять участіе? совсѣмъ ужь елеино закончилъ онъ свою рѣчь.—Доложу вамъ, особеннаго интересу тутъ никакого нѣтъ-сь, и я такъ только на старости лѣтъ обузу эту на себя принялъ, господа все просятъ, что буденъ дѣлать?

Савва Никитичъ при этомъ вздохнулъ.

— А вамъ, конечно, какъ человекъ молодому и любопытно можетъ-быть.

И третье рукопожатіе Саввы Никитича означало что его восемь шаровъ будутъ положены за Дмитрія.

Такъ и случилось. Послѣ выбора Сухо-Деревскаго, у котораго оказалось цѣлыхъ 40 бѣлыхъ шаровъ—партія Ухова отвѣчала любезностію на любезность, прошли довольно гладко еще трое, на этотъ разъ изъ сторонниковъ предводителя. Теперь Уховъ обратился къ Дмитрію съ вопросомъ, желаетъ ли и онъ баллотироваться, и въ томъ какимъ былъ сдѣланъ этотъ вопросъ слышалось будто отеческое предостереженіе.

— Желаю, отвѣтилъ Дмитрій.—Я еще не знакомъ увѣданому обществу и не имѣю права разчитывать на его благосклонность, но прошу васъ, господа, довѣриться моему искреннему желанію принести пользу дѣлу точно такъ, какъ я довѣряюсь вашему безпристрастному приговору.

Слова эти произвели благопріятное впечатлѣніе.

— Да съ чего же взяли, говорили между собою нѣкоторые изъ присутствующихъ,—что Корецкій мѣтитъ въ предсѣдателя управы, онъ ни у кого даже голоса не просилъ!

За Дмитрія одновременно похлопотали и Томилнъ и Савва Никитичъ, и въ его пользу оказалось цѣлыхъ 36 шаровъ.

Ухова это поразило несовсѣмъ пріятно. Всего было уже выбрано 16 гласныхъ изъ двадцати, и онъ рѣшилъ что теперь пора выступить и ему. Одинъ изъ его клеветовъ вдругъ заявилъ что надо просить Аркадія Степановича Ухова баллотироваться. „Просимъ, просимъ“, заголосили со всѣхъ сторонъ.

— Господа, дрожащимъ какъ слѣдуетъ голосомъ произнесъ Уховъ, опираясь обѣими руками на баллотировальный ящикъ,—

благодарю васъ за ласковое вниманіе, благодарю!... Но я уже по закону председатель на земскомъ собраніи и потому, если буду гласнымъ, я буду занимать мѣсто кого-нибудь изъ васъ, кто болѣе меня достоинъ. А въ управѣ, господа, я послужилъ вамъ два трехлѣтія и болѣе не могу... здоровье мое слабо, силъ нѣтъ—увольте, господа, увольте!...

— Нѣтъ, какъ можно, просимъ, просимъ, настанвади избиратели.

Уховъ далъ себя уломать и отошелъ отъ стола съ видомъ человека приносящаго себя въ жертву; но очень скоро на лицѣ его ближайшихъ друзей показалось безыкофисно: они замѣтили что очень многія руки подъ сукномъ двигались вверхъ Сухо-Даревской, напротивъ, отол у окна, окрестивъ руки на груди, имѣлъ видъ побѣдителя.

— Что, воѣ полонилъ? отъ прудомъ проговорилъ Уховъ, по-видимому очень утомленный.

Аполлонъ Акакіевичъ не бралъ шага.

— Здѣсь, здѣсь, послышался хриплымъ голосомъ Моргунова и глядя рожку бальзама она петтеродомъ пододвинула къ столу; но красному его лицу было видно что онъ уже совершенно пьянъ.

— Кто-то сказалъ, кажется, громко обратясь онъ къ Ухову, звалъ шара дрожащими пальцами,—что я тебѣ нагнѣдалъ и пошлю тебѣ пашво. Протъ онъ, поддоща, я тебѣ люблю и всегда любилъ, потому что ты хоть и дрянъ совершенная, но душа человѣкъ!...

Моргунова обетунная, старался его утешить.

— Нѣтъ, нѣтъ, настойба, кричалъ онъ во всю гласку,—я докажу что я драмой человѣкъ, воѣтъ докажу, и за пріятелей свещъ... въ огонь и въ воду!...

При этомъ Аполлонъ Акакіевичъ сдѣлалъ усиленный жестъ рукой, какъ бы указывая на огонь и на воду и такъ подвинулся что чуть не упалъ.

— Смотрите вотъ—и онъ сорвалъ зеленое сукно покрывавшее андикъ,—видите, при воѣкъ направо кладу, чтобы никто не сомнѣвался!

Уховъ отиралъ потъ выступившій у него на лбу; Аполлонъ Акакіевича увелъ, а корреспондентъ Безвидовъ, наливъ себѣ полный стаканъ шампанскаго, обдумывалъ громовую статью о скандалѣ на выборахъ въ С. Увы, при счетѣ шаровъ оказалось что Уховъ обязанъ своимъ избраніемъ одному только голосу пьянаго Моргунова. Бѣлыхъ нашлось всего 29.

XII.

Voilà tout ce qu'il vient faire de mon bonheur,
Voici le doigt fatal qui luit sur la muraille!
Où! que la destinée amèrement me raille!

V. Hugo (*Hernani*).

Едва окончились выборы, Володя пошелъ отыскивать своихъ лошадей, которыхъ во время прѣзда господъ кучеръ всегда отводилъ на одинъ изъ постоялыхъ дворовъ, почти на краю города. Петръ Николаевичъ уже два часа предъ тѣмъ уѣхалъ въ Бѣлые Столбы въ коляскѣ Дмитрія, собиравшагося вмѣстѣ съ Томпанымъ отобдѣять у Елены Михайловны. Володя не сразу добился кучера, предположительно отводившаго душу за молитвеннымъ свисткомъ. На дворѣ, къ удивленному, не было ни души, только кумы усердно возмались въ поводу, да лошади, запряженные въ телеги и повозки, дождались орава, споконно отмахиваясь хвостами отъ свѣтлицы. Молодой человекъ только-что успѣлъ раза три окрикнуть хозяина, какъ незамѣченный имъ при входѣ сутуловатый мужикъ подошелъ къ нему.

— Чтò, баринъ, заговорилъ оны не снимая шапки,— посмотрѣть бы вамъ моихъ лошадей—въ Давичью слободу на ярмарку продавать ведемъ. Можно сказать дарный сортъ лошадей.

Володя остановился какъ вкопанный. Голосъ мужика ему показался знакомымъ.

— Не узнали, батюшка? продолжалъ тотъ засмѣиваясь,— видно теперь нарядился получше, чѣмъ въ тотъ разъ.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ неварачный мужикъ, въ поношенномъ кафтанѣ, съ жидкою рыжею бородкой совсѣмъ уѣ не походилъ на Льва Неродовича. На этотъ разъ въ дѣлѣ съ нимъ не особенно порадовала Володю.

— Никто бы не узналъ васъ въ этомъ остюмѣ, сказалъ оны слегка заливаясь и видимо сконфуженный.—Какъ же вы это сюда на постоялый дворъ попали?

Неродовичъ бережно оглянулся. На дворѣ все еще не было никого.

— Да вотъ собираюсь въ ваши края, отвѣтилъ оны понизивъ голосъ.—Изъ города пора убираться; здѣсь не совсѣмъ безопасно стало.

— Вы уже стало-быть теперь не купецъ Аладьявъ? спросилъ опять Володя, у котораго сильно оказывалось желаніе поскорѣе отдѣлаться отъ непрощеннаго собесѣдника.

— Булець Аладьявъ уѣхалъ съ пароходомъ въ Симбирскъ, беззвучно засмѣялся Неродовичъ, — а предъ вами теперь хвалыискій крестьянинъ Ефимъ Петровъ. Не мѣшаетъ вамъ это припомнить. Мы съ вами еще увидимся. А поставилъ я сюда лошадокъ, потому что зналъ что вы сюда зайдете.

— Вотъ какъ! вырвалось у Володи, вовсе неполющеннаго этимъ отараніемъ Неродовича съ нимъ встрѣтиться.

— Да-съ. Повидать васъ нужно было чтобы вручить вамъ небольшое посланьице къ уважаемой вашей кузинѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ, — а Неродовичъ досталъ изъ-за лазухи тщательно заклеенный конвертъ. Насмѣшливая покра показала въ его небольшихъ прозвительныхъ глазахъ. — Могу надѣяться что сегодня же передадите по назначенію? Чтò дѣлать, приходится васъ беспокоить. Для вашей корреспонденціи надо случаемъ пользоваться.

— Давайте, сказалъ Володя, живо схватывая письмо, хотя въ то же время глаза его избѣгали взгляда Неродовича и краска смущенія показала на его лицѣ.

Въ корридоръ за дверью послышались чьи-то шаги; и Неродовичъ послѣшнво отошелъ къ своей телегѣ, а Володя, отыскавъ кучера, приказалъ ему залпграть и привести тарантасъ къ Петербургской гостиницѣ.

На пути туда молодого человѣка нагналъ ѣхавшій на извожикѣ Боровской.

— Владиміръ Алексѣичъ! остановилъ его прокуроръ. — Вы домой? Не можете ли вы меня съ собой захватить въ Бѣлые Столбы? Моихъ лошадей взялъ слѣдователь, а здѣсь сегодня такой сѣвѣдъ что достать негдѣ.

Володя, разумѣется, согласился. Но когда онъ усѣлся въ тарантасъ рядомъ съ Николаемъ Осиповичемъ, какая-то страшная тревога охватила его при мысли о порученіи которое онъ волей-неволей взялся исполнить. Володѣ казалось что зоркій взглядъ Боровскаго проникаетъ сквозь его пальто, и письмо Неродовича, спрятанное въ карманѣ жилета, почти жгло его. Онъ дорого бы далъ, кабы могъ теперь порвать всякую связь съ этимъ загадочнымъ человѣкомъ, — такъ жутко ему было отъ сознанія что ему пришлось стать невольнымъ пособникомъ темныхъ дѣланій Неродовича.

Николай Семенович, однако, в эту минуту вовсе не думал ни о своем молодом спутнике, ни даже о своих прокурорских обязанностях. Советам цела работа была у него теперь на душе. Он встал в Бланные Столбы затѣм чтобы сдѣлать предложеніе Надѣ Ольшевской. Долго онъ не хотѣлъ признаваться самому себѣ въ силѣ того чувства которое все болѣе овладѣвало имъ при встрѣчахъ съ молодою дѣвушкой. Сперва онъ даже и не допускалъ существованія такого чувства; онъ готовъ былъ презрительно рассмѣяться, когда мечта о немъ мелькала въ его воображеніи. Развѣ любовь могла заглянуть въ его честолюбивое сердце? Развѣ могъ онъ, Боровской, чья жизнь вся была отдаана одной суровой задачѣ, увлечься какъ юноша? И одна мысль о такой возможности возбуждала въ немъ почти презрительное чувство. А между тѣмъ незамѣтно для него молодая дѣвушка, сама того не подозревая, овладѣвала всѣмъ его существомъ, покоряла себѣ его умъ. И когда Боровской понялъ наконецъ что насмѣшки его надъ собой безсильны, что есть на свѣтѣ чувство предъ которымъ не устоять никакому честолюбію, онъ тотчасъ разомъ отдался этому чувству, и незнакомая ему до того радость съ той же минуты охватила его сердце. Именно потому что такимъ безразсудствомъ казалась ему женитьба на небогатой дѣвушкѣ, какъ разъ принадлежавшей къ той средѣ къ которой онъ до того относился съ такимъ презрѣніемъ, онъ орастою теперь захотѣлъ этой женитьбы. Она была для него жервою вполнѣ безкорыстной мечтой въ его жизни, она казалась ему чѣмъ-то въ родѣ искупленія.

Въ Бланныхъ Столбахъ Боровской и Володя встали Анну Григорьевну на террасѣ вдвоемъ съ Петромъ Николаевичемъ; и хотя ея деверь едва провелъ съ нею нѣсколько часовъ, она уже очевидно тяготилась его присутствіемъ. Черты ея лица приняли то усталое, слегка озабоченное выраженіе, какое бываетъ у людей которымъ приходится занимать гостя, не зная рѣшительно о чемъ съ нимъ говорить. Правда и то что Петръ Николаевичъ успѣлъ уже задѣть въ Аннѣ Григорьевнѣ обидчивое самолюбіе хозяйки. Онъ жаловался и на пыльную дорогу, и на слѣпней не дававшихъ покоя, и на жаръ и въ то же время на сквозной вѣтеръ въ гостиной. Мѣстность онъ сравнивалъ съ грязною не то желтою, не то сѣрою скатертью. Очень ужъ видно избаловали его живольные

Берега Финскаго залива. Наконецъ, — и это было всего хуже, — отъ бойницы съ остринной и отъ грибовъ подъ сме-
таной Петръ Николаевичъ отвернулся съ ужасомъ. Словомъ,
между нимъ и обстановкой Бѣлыхъ Столбовъ разладъ ока-
зался полный.

Не мудрено что при такихъ условіяхъ пріѣздъ Боровска-
го обрадовалъ Анну Григорьевну, въ особенности когда она
узнала цѣль этого пріѣзда. Нада съ самаго обѣда ушла въ
дѣво — она послѣдила укрыться отъ генеральскихъ шуточекъ
Петра Николаевича, и въ ожиданіи ея возвращенія, Анна Гри-
горьевна увела Боровскаго въ свой кабинетъ, — комнату въ ко-
торую допускались только родные, да дворецкіи Терентій и ста-
рая ключница Анисья. Здѣсь не скрывая своей радости она вы-
слушала признаніе Боровскаго, и Николай Осиповичъ почти
очень многихъ годовъ почувствовалъ давно незнакомый ему
приливъ смущенной робости, пока онъ не слыша, съ трудомъ
подыскивая слова, говорилъ ей о своемъ желаніи стать му-
жемъ Нады.

— Ну, Христосъ съ вами, сказала Анна Григорьевна, ви-
димо тронутая, — берегите ее и защищайте отъ нея самой,
какъ я ее берегла и защищала. — Слезы блеснули въ глазахъ
старушки. — Она вѣдь у меня добрая дѣвушка, хоть и есть
въ ней этотъ шальной и нелокорный духъ. Будьте къ ней
всегда снисходительны. Ну, да не мнѣ васъ учить. Коли вы
съ нею самоубились, значитъ жоняи другъ друга.

Когда въ саду изъ-за кустовъ показалось голубое платье
молодой дѣвушки, Боровской послѣдилъ къ ней, и оба они сво-
ва исчезли за деревьями. Анна Григорьевна тотчасъ же подѣла-
лась радостнымъ извѣстіемъ съ Петромъ Николаевичемъ и
Володей. Ее поразило что сынъ, изумленный этою новоостію,
повидимому вовсе не отозвался на ея счастливое настроеніе.

— Не знаю, право, мама, сказалъ онъ покачать головой, —
только мнѣ кажется что вы слишкомъ торопитесь радоваться.
Волѣе опредѣленнаго отвѣта она отъ Володи не добилаь.

Нада и Боровской что-то ужъ больно долго не возвраща-
лись. Прошли цѣлые два часа, а они все-таки не показыва-
лись. Наконецъ Анну Григорьевну взяло нетерпѣніе и она
позвонила Терентію.

Николай Осиповичъ вотъ уже съ полчаса какъ ухватъ
изволили-сь, доложилъ старикъ съ неизмѣннымъ равнодуші-
емъ, какъ будто сообщаемое имъ извѣстіе было самого обы-
кновеннаго свойства.

Какъ? уѣхалъ! съ изумленіемъ воскликнула Анна Григорьевна.

— Она изволила просить, все также спокойно объяснил Терентій,—чтобъ имъ какой-нибудь экипажъ дали въ городъ ихъ довести. Яковъ и распорядился; буланого мерина запретил имъ въ телѣжку.

— Въ телѣжку? для Николая Осиповича телѣжку!—Краска негодованія бросилась въ лицо старушки.—Да какъ же это можно! Коляску бы заложили.

— Этого ужъ не могу знать, былъ отвѣтъ Терентія.

— А гдѣ Надежда Сергѣевна?

— Къ себѣ на верхъ изволила пройти-съ.

Анна Григорьевна тотчасъ же, забывъ про свои года, полѣзла на верхъ къ Надѣ. Дверь въ ея комнату была заперта, и Анна Григорьевна пришлось долго стучаться, пока ей отворила молодая дѣвушка.

— Что это значитъ? заговорила Анна Григорьевна гнѣвно и тревожно;—отчего уѣхалъ Боровской ни съ кѣмъ не повидавшись?

Надя отвѣчала не сразу. Ея щеки пылали и большого труда повидимому ей стоило передать теткѣ про то что случилось. Нехота и отрывисто она сказала ей что Боровской сдѣлавъ ей предложеніе и она отвѣтила ему что ни теперь, ни послѣ она не можетъ стать его женой.

— Да отчего же? ты съ ума сошла? съ возрастающимъ гнѣвомъ продолжала ее расспрашивать тетка.—Ты отъ своего счастья отворачиваешься.

— Ахъ, тетюшка, объ одномъ васъ прошу, оставьте меня, не мучьте меня этими вопросами!

Болѣе яснаго отвѣта Анна Григорьевна такъ отъ нея и не получила. Она сошла внизъ совершенно растерянная. Петръ Николаевичъ только развелъ руками, услыхавъ что Надя отказала Боровскому.

— Дѣвчонка бѣлыми объѣлась! рѣзко произнесъ онъ.—Я говорилъ вамъ что добра отъ нея вы не дождетесь.

Однѣ только Волода не былъ удивленъ.

— Я предвидѣлъ это. Она Дмитрія любила, вотъ что, отвѣтилъ молодой человекъ на гнѣвные вопросы матери.

— Дмитрія? Не можетъ быть! воскликнула она негодующимъ голосомъ.—Да вѣдь они вѣчно ссорились...

— Ссорились, а потомъ и помирились, сказалъ Волода,

на этотъ разъ выказывая несвойственную ему прощательность.

Этого Анна Григорьевна не ожидала. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ въ ея домѣ поселилась Надя, недоброе, почти враждебное чувство къ молодой дѣвушкѣ сказалось въ душѣ старушки.

— Позвольте, мама, я пойду къ Надѣ и переговорю съ ней, предложилъ Володя.

— Да, да, пойди ты! Я не въ состоянiи теперь говорить съ ней спокойно.

Услыхавъ голосъ Володи, молодая дѣвушка тотчасъ ему отворила. Предъ нимъ почему-то ей казалось легче признаться, хотя разговоръ съ Боровскимъ ловидимому оставилъ въ ея сердцѣ все еще неулегшееся волненiе. Она сказала Володѣ какъ ей трудно и тяжело было отвѣчать на порывистыя, почти отчаянныя мольбы Боровскаго. Этотъ человѣкъ возбуждалъ въ ней непонятную для нея самой тревогу, и она съ успiемъ лодыскивала слова чтобы магне, примирительнѣе выразить свой отказъ. Но ей не удалось это. Боровской выслушалъ ее съ плохо одержаннымъ бѣшенствомъ.

— Я, вы знаете, Володя, не лугаива, заключила она, — а мнѣ почти страшно стало отъ того что я прочла въ его глазахъ. Это былъ даже не гнѣвъ, не разочарованiе, а какая-то холодная, мстительная ненависть. Я до сихъ поръ не могу успокоиться.

— А мнѣ, Надя, приходится вамъ сообщить еще неожиданную новость. Я въ городѣ встрѣтился съ Неродовичемъ. Представьте себѣ, онъ лодждалъ меня на постояломъ дворѣ переодѣтый мужикомъ и потребовалъ отъ меня чтобы я вамъ непременно передалъ сегодня же вотъ эту записку.

При одномъ имени Неродовича молодая дѣвушка лоблдилась какъ полотно. Она почти безсознательно взяла изъ рукъ Володи конвертъ и стояла безмолвно слушая его разказъ, слова котораго доходили до нея лишь какъ безсвязные звуки.

— Оставьте меня теперь, въ полголоса проговорила она, тщетно стараясь лоборотъ свое волненiе. — Я должна все это сообразить, прочесть его письмо... Ахъ, Володя, не знаю отчего мнѣ такъ тяжело; какъ будто намъ вомъ грозитъ какая-то бѣда.

Едва вышелъ изъ комнаты Володя, Надя, дрожащими

пальцами распечатала записку. Вотъ что она прочла: „Не знаю, Надежда Сергѣевна, обрадуетъ ли васъ это извѣстіе,—только сегодня же я поселяюсь въ вашихъ краяхъ. Сдается мнѣ что не обрадуетъ, да дѣлать нечего, придется вамъ со мной познакомиться. Вы знаете, отъ васъ отдѣлаться не легко, да я и предупреждалъ васъ—помните въ тотъ вечеръ когда вы такъ украшивали меня принять васъ въ ваше „сообщество“, ну и пришла вамъ теперь пора на дѣлѣ доказать свою вѣрность. Мы ждать не можемъ, и сегодня же вечеромъ вы отъ меня узнаете какого содѣйствія мы отъ васъ потребуемъ. Съ половиной двѣнадцати я буду ждать васъ у Федотовой пасѣнки—вы видите что мѣстность я знаю не дурно, когда у васъ въ залѣ всѣ улягутся, поставьте себѣ въ трудъ эту маленькую прогулку. Я не сомнѣваюсь въ томъ что не прожду васъ напрасно. Вы хорошо знаете что руки у васъ длинныя, да и мѣткія тоже, а коли у васъ есть тамъ за кого бояться, то вы непременно придете. За себя, я знаю, вы не трусите. Стало-быть: до скорого свиданія.“

Подписи не было. У нея руки олустились. Какое-то незнакомое изнеможеніе овладѣло ею. Должно-быть впечатлѣнія этого вечера одно за другимъ слишкомъ уже потрясли ея нервы. Не было у нея на этотъ разъ той быстрой рѣшимости какую всегда вызывало въ ней всякое затруднительное положеніе.

Что ей было дѣлать? Идти къ этому человѣку и вновь подчиниться его власти, или вѣтъ—прямо высказать ему что она этой власти уже не признаетъ, что она страшится ее съ себя. Да развѣ она могла такъ поступить? Развѣ она не связана даннымъ словомъ? не предъ Неродовичемъ только связана, а предъ тѣмъ дѣломъ за которое взялась стоять?

А если она не пойдетъ? Развѣ это слово обязывало ее рѣски подчиняться всякому приказанію человѣка котораго она давно перестала уважать? а что если она тогда накличетъ бѣду на пріютившую ее семью? Только повидавшись съ Неродовичемъ она можетъ узнать что замышляетъ онъ.

Въ ея головѣ промелькнула мысль что ей непременно сдается узнать это, что такъ она спасетъ Корецкихъ отъ грозящей бѣды и отблагодаритъ ихъ за всю ихъ доброту. Но поступить такъ—развѣ это не значило стать измѣнницей? И какой бы она ни выбрала себѣ луть, все та же злобѣщая картина измѣны мерещилась ей впереди, измѣны

прейдемъ друзьямъ или дорогимъ ей теперь людямъ. Много выбора не было. О, еслибы могла она послѣдовать одному влеченію сердца, еслибы прошлое не возставало предъ нею какъ неутомимый долгъ требовавшій расплаты, она не колебалась бы ни минуты, но теперь этотъ долгъ ей казался тѣмъ болѣе священнымъ что ей такъ хотѣлось отъ него освободиться. Она не пришла ни къ какому рѣшенію. Да и къ чему было слѣзть? До полуночи еще оставалось болѣе часа.

XIII.

Der Wille der Weiber ist Wind
Und Wind springt um.

Peter Heyse.

Und setzet ihr nicht das Leben ein,
Nie wird euch das Leben gewonnen sein.

Schiller.

У Елены Михайловны Томилиной и Дмитрій встали Бориса Сокольницкаго, усмѣхавшаго ихъ обогнать на яхтѣнцкой тройкѣ. Графъ оживленно разказывалъ Еленѣ про выборы, представляя ихъ въ самомъ комическомъ видѣ. Она однако слушала его разсѣянно, а когда вошелъ Дмитрій разсѣянность превратилась въ нетерпѣніе. Сокольницкій давно подмѣтилъ благосклонность своей кузины къ Дмитрію, и слегка насмѣшливо улыбувшись тотчасъ прервалъ своей разказъ и усердно занялся Женичкой. Но и здѣсь на этотъ разъ онъ потерпѣлъ неудачу. Молодая дѣвушка очень равнодушно внимала его любезностямъ, и когда послѣ обѣда все общество отправилось въ садъ, она взяла подъ руку Томилину и съ необыкновенною серьезностью принялась его разспрашивать насчетъ того что происходило на выборахъ. Ея позанятому очень интересовали воѣ подробности этого великаго событія въ уѣздѣ, и, хотя она ни разу не упомянула про Володю, Томилинь догадался что собственно возбуждало ея любопытство.

— Знаете что мнѣ въ голову пришло сегодня? сказалъ онъ улыбаясь.—Нашъ общій другъ Владиміръ Алексѣевичъ будетъ современемъ предводителемъ хоть куда. Онъ усмѣхъ уже пріобрѣсти несомнѣванную популярность.

— Чего? сказала она съ изумлением, и поспешно вышла из комнаты. Она села за стол, и стала внимательно читать письма, которые она получила в кармане на почте.

Темная уткала не дожидаясь чаю. Соколовский рано ушел в отведенную ему комнату, уверяя что у него была беда. Она собралась поговорить у кузныи сколько дней. После чаю, который Женюка развела в маленькой угловой гостиной, Дмитрий тоже хотѣлъ вернуться къ себѣ. Волода ему предлагалъ дѣлать Бѣлыхъ Столбовъ верховую лошадь, но Елена его удержала. Женюка объявила, что ей хочется поиграть на роялѣ и потѣшиться скотомъ. Дмитрий и Елена остались вдвоемъ. Изъ залы стали доноситься звуки Бетховенской *Sonate Pathétique*, бойко и оживленно разыгрываемой быстрыми пальчиками Женюки.

— Ну что жъ вы подумываете ея дома на дѣлѣ убогаго общества? сказала Елена, усаживаясь на кушетку, стоявшую въ углу гостиной, слабо освѣщенной матовымъ стекломъ фонаря висѣвшаго съ потолка. — Вы что-то кажется не привели съ собой особенно веселыхъ впечатлѣній?

Дмитрій сталъ уверять ее что, каковы бы ни были люди, изъ-за нихъ онъ къ дѣлу не охладѣетъ.

— Я веселыхъ впечатлѣній и не ожидаю, добавилъ онъ, усаживаясь на стулъ возле нея. — Да я и не изъ тѣхъ кто легко разочаровывается и бросаетъ начатое.

— И вы такъ и рѣшились утопить себя и свои способности въ провинціальномъ болотѣ? продолжала она съ укоромъ. — А я имѣю для васъ извѣстія изъ Петербурга. Вчера я получила отвѣтъ Чистопольскаго. Онъ пишетъ что съ готовностію приметъ васъ къ себѣ въ министерство и дастъ вамъ ходъ. — Вотъ посмотрите — и она достала изъ письменнаго стола листъ бумаги какъ пергаментъ, бумага, написанный красивымъ, но далеко не четкимъ почеркомъ, настоящимъ поваркомъ государственнаго чиновника про котораго говорилъ *qu'il joint la flexibilité d'une femme à la ténacité d'un ambitieux*. — Вотъ что онъ пишетъ — и она прочла кудравую французскую фразу: „malgré la supérfétation dont souffrent tous les emplois, malgré cette pléthore administrative, il y a toujours place pour une capacité que vous recommandez“. — И онъ вамъ сразу предлагаетъ мѣсто вице-директора.

Дмитрій покачалъ головой.

— Я упрямъ, Елена Михайловна, сказала она. — Разочаровываюсь я не легко, это правда; но за то, когда разочарованіе наступило, я не возвращаюсь никогда на оставленную дорогу.

— Въ самомъ дѣлѣ? удивилась она, и въ ея темнѣхъ глазахъ словно блеснула какая-то загадочная недоожившая мысль.

Понялъ ли Дмитрій этотъ намекъ или нѣтъ, только ему показалось что непременно слѣдуетъ высказать ей какъ цѣнить онъ ея заботы о его будущности. Въ отношеніи къ ней, по крайней мѣрѣ, онъ измѣнилъ своему правилу и вернулся на старый путь, убѣдившись что покинулъ его лишь вслѣдствіе недоразумѣнія. Онъ не могъ, конечно, послѣдовать ея совѣту и снова войти въ официальную колею. Но развѣ изъ-за этого ея старанія о немъ не заслуживали горячей благодарности?

— Вы конечно обвиняете меня въ честолюбіи, продолжала она, и голосъ ея становился все мягче, словно ласка слышалась въ немъ. — Можетъ-быть вы правы. Но вѣдь намъ, женщинамъ, приходится быть честолюбивыми не за себя. А мнѣ, у которой нѣтъ семьи, такъ приходится и подавно.

Она встала и подошла къ открытому окну.

— Вы не станете меня упрекать за то, я думаю, что свое честолюбіе я перенесла на васъ, добавила она шутя, и взгляды ея скользнулъ по немъ, а затѣмъ почему-то ушелъ въ глубь потемнѣвшаго сада.

Душистая ночь широкою волной заливалась въ полуосвѣщенную комнату. Садъ весь былъ наполненъ прянымъ запахомъ отцвѣтавшихъ лиль. Она оперлась на подоконникъ и залюбовалась ночью.

— Видите, Елена Михайловна, медленно отвѣтилъ онъ, — я боюсь какъ бы вы не потратили напрасно время посвященное моей будущей карьерѣ. Неужели мы съ вами не можемъ найти иной точки соприкосновенія, иного общаго интереса, кромѣ этой несносной политики? Давайте-ка лучше вмѣстѣ природой любоваться...

— Звѣзды на небѣ вмѣстѣ считать, засмѣялась она перебивая его.

— Да, продолжалъ онъ, тоже подходя къ окну, — это будетъ конечно лучше, чѣмъ мечтать о нихъ для своего мундира. Такая ночь — это общее для всѣхъ и всѣмъ понятное наслажденіе. Ахъ, Елена Михайловна, еслибы можно было для всѣхъ

насъ надоело, — навсегда уйти нельзя, — вычеркнуть изъ жизни всё политическія, а въ особенностяхъ же всё служебныя заботы! Вамъ не сдаётся иногда что сюда въ нашу стель не доходить вовсе воды этой негнѣной общественной жизни и можно, коли захочешь, совсѣмъ не слышать ихъ отдаленнаго шума; а такъ хорошо окунуться въ эту тишину?

Она покачала головой и разсмѣялась.

— Нѣтъ, я не охотница до такого ужъ сашкомъ невозможнаго спокойствія. Да и вы на себя клеветаете — вамъ тоже жизни и движенія хочется. А вотъ эта тишина — и она движеніемъ головы указала на садъ — совсѣмъ иное дѣло, — она конечно не наскучитъ.

И въ самомъ дѣлѣ ихъ будто охватило теперь ощущеніе тишины, той полной, широкой тишины, какая бываетъ только въ деревнѣ ночью. Звуки рояли умолкли: Женичка ушла къ себѣ наверхъ. Еленѣ даже немного жутко стало отъ этого сознанія одиночества съ Дмитріемъ среди глубокаго молчанія сада и дома. Озвобъ почему-то у нея пробѣжалъ по спинѣ.

Невольно они заговорили въ полголоса, словно они боялись чтобъ ихъ не подслушала сама безмолвная ночь. Они стояли такъ близко что плечи ихъ касались. По его щекамъ пробѣгало ея дыханіе. Какое-то странное ольпаненіе овладевало имъ, что-то давящее, похожее на усталость и въ то же время возбуждающее какъ покривое вино. Онъ будто не слышалъ даже того что говорила Елена; ея слова вызывали въ немъ неопредѣленное ласкающее ощущеніе, совсѣмъ не похожее на ихъ дѣйствительный смыслъ. „Не въ нихъ, не въ этихъ словахъ настоящая суть“, чувствовалъ онъ смутно; „есть въ нихъ что-то иное, чего не договариваетъ она, но что оба мы понимаемъ, и такъ хорошо и сладко намъ это ловить.“

Вдругъ она вся выпрямилась и быстрымъ движеніемъ отдалилась отъ окна. Дмитрій удивленно посмотрѣлъ на нее.

— У меня голова разболѣлась, сказала она олускаясь на кушетку. — Отъ этого душистаго воздуха должно-быть. И слабая улыбка показалась у нея на губахъ.

Онъ стоялъ предъ ней не рѣшаясь снова заговорить. Онъ не находилъ словъ для того что просилось ему на языкъ.

— Вамъ не кажется, Дмитрій, начала она въ полголоса, — какъ оно кажется мнѣ, что мы съ вами теперь совершенно такіе же опять какъ тогда въ Москвѣ, когда мы, помните, встрѣчались по вечерамъ у вашей кузины?

Эти кривотыя слова разогнали смущеніе околдованное ему лжи.

— Да, да, мы совершенно такіе же, радостно отвѣтилъ онъ, и мнѣ такъ хорошо чувствовать что вы все та же прежняя Елена...

И въ самомъ дѣлѣ ему теперь казалось что десять лѣтъ съ тѣхъ лоръ прошли какъ сонъ, и что она, этого нѣтъ уже болѣе... Но пробужденіе все-таки не походило на то что междъ ними было прежде. Теперь онъ чувствовалъ очаровательную близость предестной женщины, приводившую въ движеніе всю его кровь. Это не была уже та дѣвушка, чистая и строгая, которой онъ поклонялся тогда съ пламенною, но чистотою любовью. Теперь ея созрѣвшая красота вызывала въ немъ иныя, болѣе тревожныя мечты...

Онъ самъ не зналъ какъ онъ очутился совершенно рядомъ съ нею, и безсвязныя, страстныя рѣчи сорвались съ его губъ. Она молча и покорно его заслушалась, и голова ея медленно опустилась къ нему на плечо. Онъ обхватилъ ея станъ обѣими руками и протянулъ ея еще ближе къ себѣ. Она ему не сопротивлялась.

— Елена, Елена... ты моя... моя... шепталъ онъ, цѣлуя ея горяція губы.

Но вдругъ онъ почувствовалъ, будто въ его рукахъ не живая отдававшаяся ему женщина, а мраморная статуя. Елена не старалась высвободиться изъ его объятій, она только приподняла голову и ея глаза неподвижно съ испугомъ остановились на немъ. Она оледенѣла, и страстной за мигъ предъ тѣмъ женщины, словно не стало.

— Елена... что съ вами?... проговорилъ онъ откидываясь назадъ, и голосъ его прозвучалъ почти дико.

Она не отвѣчала. Только руки ея слабымъ движеніемъ будто отстраняли его.

— Что случилось? съ большимъ еще изумленіемъ спросилъ онъ.

Въ ту самую минуту когда она покорно отдавалась ему, въ головѣ у нея промелькнула мысль что она вѣдь наканунѣ осуществленія своей мечты, что Дмитрій будетъ ея мужемъ, и что въ одно мгновеніе она можетъ лишиться всего этого, лишиться всѣхъ плодовъ своей долгой стойкости, если не восторжествуетъ надъ искушеніемъ. Разметъ до того во всемъ ей сталъ привычкой что даже и теперь, когда ее охватало страстное упоеніе, голова у нея не закружилась, и разумокъ

тотчас вернуть себя надъ нею власть. Елена не была изъ числа тѣхъ женщинъ которыя умѣютъ отдаваться беззаветно, забывая про все остальное. Она опомнилась на самомъ краю опасности, и ей хватило силы чтобы не пожертвовать увлеченію тѣмъ къ чему она такъ осторожно шла съ тѣхъ поръ какъ снова встрѣтилась съ Дмитріемъ.

Но и она пропрозвѣдала телера. Онъ понялъ что не увлечь ему эту женщину, такъ верою владѣющую собой, и у него сказались неясное еще сознаніе того что ею руководилъ какой-то расчетъ болѣе сильный чѣмъ сама любовь. Этого было достаточно чтобы осидить вспышку проснувшейся страсти.

Нѣсколько секундъ прошло въ тяжелой молчаніи. Елена встала, онъ ее не удерживалъ.

— Простите меня, проговорилъ онъ глухо, стараюсь подавить свое волненіе.

Елена теперь вполнѣ вернула себѣ рѣдко имѣвавшееся ей самообладаніе. Она даже попробовала улыбнуться.

— Неужели мы не можемъ съ вами оставаться попрежнему?.. проговорила она протягивая ему руку...— друзьями, прибавила она, придавая этому слову какой-то особенный смыслъ.

Онъ едва коснулся ея пальцевъ. Страннымъ показалось ему это холодное пожатіе руки послѣ того что только что произошло между ними.

— Прощаю, Елена Михайловна, сказалъ онъ съ отрывкомъ прощанія, — никогда вполнѣ не вернется. А телера, — добавилъ онъ немного погодя, — я думаю мнѣ пора васъ оставить. Было уже далеко за одиннадцать.

Кровь у него стучала въ вискахъ когда онъ выходилъ на крыльцо и садился на лошадь. Онъ отдалъ поводья жеребцу и пустилъ его шагомъ. А Елена далеко за полночь не ложилась, перебирая всѣ подробности своего разговора съ Дмитріемъ. Она была довольна собой. Побѣда одержанная ею стоила ей большаго напряженія воли, но за то она знала теперь всю полноту своей власти и надъ Дмитріемъ и надъ собою. Къ этому торжествующему сознанію примѣшивалось бытъ-можетъ и нѣкоторое сожалѣніе. Побѣды рѣдко обходятся безъ слезъ; но по крайней мѣрѣ она сумѣла остаться вѣрною себѣ и не пожертвовать будущимъ ради минуты забвенія и страсти. Съ этою счастливою мыслью она мирно уснула. Въ одномъ только она ошибалась: выигрываютъ тѣ лишь кто не боится крутыхъ ставокъ.

XIV.

Русской степи, ночи темной
 Поттическая вѣсты
 Много въ ней и дума темной
 И раздана много есть.

Князь Владимиръ.

Звѣздная, безлунная ночь разстилась надъ степью. Тьма казалась прозрачною, до того былъ чистъ воздухъ и ярко мерцали созвѣздія. Ухо становилось особенно чуткимъ и невольно прислушивалось, точно вотъ-вотъ что-то непременно прозвучитъ среди непробудной ночи, но слышалась только съ необычайною ясностію мѣрный стукъ подковъ о твердый высохшій грунтъ дороги, да изрѣдка лай собаки доносился съ дальняго осада. Добравъ до того мѣста гдѣ среди дубовой заросли навѣсно отбѣялась дорога къ Курмиловскимъ лугамъ, Дмитрій туда повернулъ голову лошади. Ему не хотѣлось ѣхать домой. Онъ не въ страхъ былъ страхнуть съ себя чувство стыда и тревоги, которое онъ вынесъ изъ Никольскаго. Что-то жгучее до боли было въ этомъ чувствѣ. Оно говорило ему про какую-то затѣянную ложь и въ Еленѣ и въ немъ самомъ. Будто святотатство какое-то случилось и что-то было поругано и разбито. Да; ложь была и въ его горячихъ словахъ и въ непонятной холодности Елены. Воименіе расхודהвшейся крови онъ признавалъ за голосъ воскресшей любви, а она... она, увѣрившая его что любовь эта не переставала жить, поборолла ее въ себѣ ради одного расчета.

Теперь онъ ясно понималъ что случилось съ нею, и какой это былъ мелкій, дрянной расчетъ; неужели она не знала что отдавшись ему она свяжетъ его болѣе тѣсными узами чѣмъ когда-либо прежде; неужели она могла думать что онъ... Да какова же была его любовь къ ней коли минутнаго наслажденія было бы достаточно чтобы разомъ потушить ее; и Елена говорила что она все та же прежняя... Теперь какъ нарочно во всей своей дѣвственной прелести ярко воскресъ предъ нимъ образъ когда-то любимой дѣвушки, и онъ тоже понималъ теперь что дѣвушки этой нѣтъ, какъ нѣтъ и не можетъ быть его прежняго чувства.

Любовь, какъ была бременна въ бездороднѣ землѣ, тара-
еть свою живительную силу на сердце ея не вызывая жизни, и
то что является къ ней на свѣту при новой потрѣбѣ съ
женщиной когда-то любимею такъ же похоже на любовь какъ
на хлѣбный колосъ похожа та серая трава которая загу-
лава зерно въ почву. Ему стало непонятно жаль этой навсегда
исчезнувшей прежней Елены, будто теперь онъ только узналъ
что значитъ разбить прежній кумирь. Какой-то разрывъ съ
прошлымъ, со всюю молодостью, болѣзненно оказался Дми-
трию. Да; онъ обманывалъ себя, какъ она его обманывала. Все
это было бѣдное, покусительное отраженіе стараго чувства.
Поступокъ его казался ему чѣмъ-то постыднымъ, какимъ-то
послѣдательствомъ на святую. Развѣ Елена могла быть для
него женщиной какъ всѣ, предметомъ страстного чувствен-
наго влеченія? И какъ не осталась она, хотя бы среди
дорожки призракомъ своихъ чистыхъ юношескихъ мечтаній?

Какая-то ночная птица, беззвучно взмакивая крыльями,
быстро перелетѣла черезъ дорогу. Дмитрій очнулся. Должно-
быть ужъ очень темно, слышаномъ часъ назадъ, она повернулъ
къ Курмиловскимъ лугамъ.

Большая Мелѣница уже спускалась къ краю неба, а между
тѣмъ вдали по дорогѣ шли все тѣ же малкіе куоты. Лѣсу не
было видно. Онъ сбился съ пути. Дмитрій напужался дожда
чтобы скорѣе дойти до какой-нибудь деревни, но деревня
не встрѣчалась; куоты теперь исчезли, лѣтательное поле,
по кругомъ было все то же безлюдье. Дмитрій не звалъ мѣстопо-
сти и скакалъ впередъ наудачу. Ковчиги въ свою очередь
и поля, и самая дорога затерялась среди кочковатаго луга.
Даже въ ночной тьмѣ все казалось голо и пусто вокругъ.
Дмитрій въсталъ на чуть замѣтное возвышеніе, казавшееся
отлогимъ бугромъ среди луга, но бугоръ предъ нимъ разсѣк-
ся надвое и въ разсѣлѣи снова оказалась дорога, круто
спускавшаяся внизъ. Но на стѣть разъ подъ ногами лошади
была уже рыхлая глина. Онъ бережно спускался, старался во
мгдѣ разглядѣть путь. „Вотъ!“ вырвалось у него восклицаніе.

Берегъ тутъ былъ не высокій, но замѣчательно крутой. Не-
ровная тропинка криво сползала по уступу, и черная масса
воды, на которой всплывало кое-гдѣ слабое отраженіе звѣздъ,
текла, какъ казалось, подъ самыми ногами. Рѣка здѣсь
должно-быть образовала колыно: слѣва глинистый берегъ

проткнула иголки, а остриемъ удерживать обривавшаяся иголка должна была въ воду. За иголку иголки не поворачивало во мгла, а окрестъ широкая лента рѣки, слабо отливая серебромъ блестя, уходила въ темную даль. Рѣка такъ же спадала какъ и берега, точно затерла ее ровная вода и ширь да жила съ чуть слышимымъ плескомъ слабыхъ волн. Обливая берега на берегу или глыбе ударалась о бортъ стогонникъ на ширѣ лодокъ.

Тутъ было конечно не колѣно рѣки, какъ сначала подумалъ Дмитрій; а одинъ изъ легкихъ рыбачьихъ заводовъ. Двѣ большія лодки съ шестами безъ парусовъ лежали у берега. Вода не качала ихъ въ свѣтъ мирныхъ объятій. Слабая тѣла воздуха едва поднимала ледяные факторы. Не слышно было ни голоса, ни говора на лодкахъ, только одинъ чей-то слышимый голосъ въ пресонахъ что-то неслышно барюгалъ. „Спросить у нихъ какое это мѣсто и какъ отсюда пробраться домой“, подумалъ Дмитрій и, взявъ лошадь за поводъ, спустился гнѣваться къ рѣкѣ.

Два фонаря слабо освѣщали лодки и красноватыми полосами отражались въ водѣ. Одна лодка была пуста, на днѣ ее въ безшерадкѣ лежали какіе-то кожаные мешки да валялись брошенные въ кучу овчьи тулумы. На другой человекъ во всемъ рыбачьихъ на однихъ рубахахъ, прикрытыхъ кафтаномъ, раскинувшись кто вдали кто поперекъ. Одинъ только человекъ, соловы уже старикъ, сидѣлъ у борта на доскѣ, и покуривая короткую трубку чинилъ парусъ, съ какъ-то и разговаривалъ самъ собою лежащій возле него товарищъ, длинный косматый дѣтина. Но и его самъ одѣлывъ самѣмъ, когда Дмитрій подошелъ къ лодкѣ и обшарилъ рыбаковъ.

Старикъ неслышно обернулся къ нему носомъ не удивившись, казалось, чѣмъ что какому-то барину вздумалось въ глухую полночь съ лошадью сойти къ рѣкѣ и разузнать у него про дорогу. Русскіе мужики рѣдко чему удивляются, а коли онъ старъ, да много на своемъ вѣку бродилъ изъ края въ край, его и подивно ничѣмъ не удивишь. Старикъ подошелъ къ Дмитрію, пробираясь черезъ спящихъ товарищей и валявшихся рядомъ съ нами доски да свитки каната.

— Въ Бѣлые Столбы какъ отсюда пробраться? съ недоумѣніемъ отозвался онъ на вопросъ Дмитрія и на мигъ какъ бы задумался. — Не знаю, батюшка, вотъ не знаю, мы люди чужіе, съ верховъ пріѣхали сюда на затонъ. Мѣсто это слыши на

дѣйствіи у купца здѣшняго Осврюгина, Самым Пакутича—извольте знать? а какъ пробхать къ вамъ, не можемъ знать.

И старикъ опять призадумался: на видѣ онъ былъ озовѣтъ уже драхлый, спорбленный и беззубый, только глаза его при свѣтѣ фонаря блестяи не по старчески.

— А далеко отсюда до города будетъ? опять спросилъ Дмитрій. Думая хотя этимъ опредѣлать куда онъ забхалъ.

— Да будетъ версты пятнадцать али и цѣлыхъ двадцать, а мѣсто это Волчьимъ затомъ прозывается.

— Пятнадцать версты, опять началъ Дмитрій, — да ты говоришь что берегъ здѣсь Осврюгина, стало-быть до Черныхъ Хуторовъ не далеко?

— Да, что я, право, вдругъ что-то вспомнилъ старикъ, — съ нами человѣчекъ есть одинъ изъ здѣшнихъ изъ самыхъ мѣстовъ, онъ вамъ дорогу и укажетъ.

— Эй, дядя Пахомъ, толкнулъ онъ ногой одного изъ спящихъ,—вставай, дядя Пахомъ, до тебя есть дѣло!

— Чего ты загоранилъ-то? пронычалъ въ носъ, проснувшійся дѣтина и приподнялся на локтяхъ.

— Спи ты себѣ тамъ, чего не въ свое дѣло вступаешься, тихо, но внушительно отвѣтилъ ему старикъ.—Вотъ, батюшка, продолжалъ онъ, обращаясь къ Дмитрію, — меня ужъ ко сну не клаонить. Старъ сталъ, цѣлыя ночи просиживаю, а ребята пусть себѣ спятъ.

Дядя Пахомъ между тѣмъ медленно приподнялся и устоялъ на стараго рыбака съ какимъ-то особенно локоннымъ, доврчивымъ выраженіемъ свое худое, почти безбородое лицо. Мужичокъ онъ видно было былъ совсѣмъ локонный, въ изодранной рубахѣ, съ котомкой черезъ плечо, да съ ветхими онучами и лаптами на ногахъ.

— Ну, дядя Пахомъ, сказалъ ему старикъ, — тутъ баринъ есть, дорогу на Черные Хутора спрашиваетъ. Такъ ты можешь дорогу-то знаешь и барину укажешь.

— Знаю... знаю... какъ не знать, проговорилъ тотъ все съ тѣмъ же локоннымъ, ласковымъ выраженіемъ, а глаза его между тѣмъ впились въ повѣшенный на мачтѣ фонарь; будто они тамъ силились отыскать разрѣшеніе какой-то мудреной задачи.

— Божій человекъ, чудной совсѣмъ, рекомендовалъ дядю Пахома старикъ.

— Какъ мы позавчера въ Хвадынскомъ были, притащился онъ къ намъ къ лодкамъ и просить Христа ради чтобы мы его съ собой взяли на низъ, отъ угодниковъ говоритъ пришелъ, изъ Воронежа, измаялся весь, гдѣ ему на пареходѣ-то, дельжонокъ грошъ да полушка, а ему въ губернію вадоть, говорить. И повѣрите ли, батюшка, вѣдь грамотъ учень, книжка съ нимъ есть такая, все намъ вычитывалъ, чудной какъ есть.

— Да ты, Пахомъ, вѣдь здѣшній, обратилъ къ нему Дмитрій, — что жъ ты на лодкѣ вочуешь, ты бы къ своимъ пошелъ.

— Нѣтъ, баринъ, медведю покачалъ головой Пахомъ. — Тебѣ-то я дорогу укажу въ Черные Хутора, а къ своимъ мнѣ не зачѣмъ идти, не туда мой путь лежитъ.

Онъ приподнялся и выльзъ изъ лодки; не попросивъ даже у Дмитрія никакой платы за свою услугу, онъ молча повелъ за поводъ лошадь въ верхъ по крутому уступу.

— А далеко будетъ до Черныхъ Хуторовъ? спросилъ Дмитрій вскакивая въ сѣдло.

— Въ часъ безъ малаго дойдемъ, отвѣчалъ проводникъ и пошелъ впередъ увѣренною, не спѣшною поступью.

Дмитрію захотѣлось поразспросить дядю Пахома.

— Отчего же, братецъ, началъ онъ, коли у тебя здѣсь родные, ты къ нимъ не идешь?

Пахомъ отвѣчалъ не сразу. Онъ точно вспоминалъ что-то.

— Нѣтъ у меня родныхъ, проговорилъ онъ, тяжело вздохнувъ. — А исходить мнѣ еще много приходится.

— Да вѣдь ты изъ здѣшнихъ мѣстъ?

— Изъ здѣшнихъ мѣстъ я точно, а все-таки я не здѣшній, былъ загадочный отвѣтъ Пахома.

— Ты должно-быть безлеспортный? спросилъ олять Дмитрій.

Пахомъ слабо засмѣялся и почти съ испугомъ посмотрѣлъ на Дмитрія.

— Напрасно ты, баринъ, меня этимъ словомъ користи, сказалъ онъ немного погодя. — Довольно ужъ намаялся я съ полицейскими-то. Хорошие люди вотъ меня не спрашиваютъ, а когда нужда случится кормятъ. Къ угоднику Митрофанію ходилъ поклониться: грѣхи людскіе замалывать, а теперь на Иргизъ въ монастырь иду — тамъ старецъ есть одинъ. Къ нему меня Богъ посылаетъ; такое мнѣ откровеніе было, авось доберусь какъ-нибудь.

Пахомъ олять замолкъ, и Дмитрій такъ и не узналъ отъ него какое ему было откровеніе и зачѣмъ онъ странствуетъ изъ монастыря въ монастырь.

— Только напрасно ты это насчетъ паспорта-то сказалъ, олять заговорилъ странникъ.— Паспортъ я отъ общества выправилъ настоящей, на три года, значить плакать прозывается.

Дмитрій послушалъ его услокоить.

— Я вѣдь не полицейскій, засмѣялся онъ.— Зачѣмъ мнѣ тебя обижать? Ты и за меня помолись. И онъ протянулъ страннику зеленую бумажку.

— Да что ты, баринъ, что ты, заговорилъ тотъ и посмотрѣлъ на него въ упоръ.— Да ты словно добрый какой. На что мнѣ столько денегъ, помилуй! Два года я хожу по святой землѣ Русской, а голодать никогда не голодалъ; ну, спасибо тебѣ, можетъ другой попадетса поголодаѣе меня— подѣлюсь съ тѣмъ.

— Да, говорятъ, ты грамотъ ученъ, олять спросилъ Дмитрій, ожидавшій что на этотъ разъ старикъ разговорится.— Чтò же ты маешься такъ безъ дѣла?

Пахомъ съ укоромъ покачалъ головой.

— Баринъ, баринъ, маюсь-то я точно маюсь, а какъ ты это говоришь безъ дѣла! Я тебѣ сказалъ что мнѣ вымолить надо людскіе грѣхи. И было мнѣ откровеніе: „Иди, Пахомъ, молись,“ ну я и иду пока мнѣ силы Богъ даетъ... А грамотъ я точно знаю, здѣшній баринъ покойникъ меня мальчикомъ въ ученье отдалъ. А потомъ я въ прикащикахъ жилъ подъ Москвой на фабрикѣ одной, когда воля вышла...

— Ну, что жъ и жилъ бы себѣ прилѣваючи, замѣтилъ Дмитрій.

— То-то, баринъ, прилѣваючи!.. Насмотрѣлся я тамъ, въ Москвѣ, какъ прилѣваючи люди живутъ. Хозяинъ у насъ былъ такой что никогда безъ спора людямъ расчета не дастъ. И все варовить штрафъ съ рабочаго взыскать не по божіи-скому! Онъ меня заставлялъ въ книжкѣ имъ записывать которые грамотъ не знали что онъ на то, да на то обязался. Я ему и говорю, хозяину-то: „Лука Савельичъ, креста на васъ нѣтъ что вы мнѣ эту неправду писать велите.“ Онъ меня и прогналъ, да и обругалъ чтò ни на есть хуже.

— А давно это было?

— Лѣтъ съ десятокъ будетъ. Собралъ я свои пожитки и пошелъ съ фабрики въ городъ мѣста искать. Только повстрѣчался мнѣ монахъ одинъ, строгій такой, ряса на немъ ветхая преветхая, сталъ онъ у меня разспрашивать,—ну тутъ и было мнѣ чрезъ него откровеніе. Оказалъ онъ мнѣ что коли

я грамотѣ обученъ, великій это даръ Божій и долженъ я свою науку въ прокъ пустить—народъ темный учить уму-разуму. И благословилъ онъ меня на подвигъ—по всей Русской землѣ угодниковъ за народъ молить, свои обиды прощать, а коли другой человѣчекъ мнѣ повстрѣчается кого обижаютъ, за того заступаться... и всю онъ мнѣ тогда Христову вѣру открылъ, настоящую православную, какъ Самъ Христосъ на землѣ училъ.

Дмитрія все болѣе интересовали странныя рѣчи Пахома. Въ нихъ слышалось такое удивительное смѣшеніе разнородныхъ помятій что онъ захотѣлъ добиться отъ него полной истовѣди.

Пахомъ теперь ужъ не дичился его и прерываясь отъ времени до времени продолжалъ свой разказъ.

— Съ тѣхъ лоръ я и сталъ ходить изъ города въ городъ; во всѣхъ святыхъ мѣстахъ перебивалъ, и въ Кіевѣ, и на Соловкахъ и у Нила Столобенскаго. Въ свою деревню только два раза заходилъ; брата моего общество въ рекрута сдало; онъ, значить, хотъ и вернулся теперь, а какой ужъ хозяинъ? А мнѣ плакать выдали чтобъ я отъ своей земли, отъ надѣльной отказался. Иди себѣ значить, дуракъ, на всѣ четыре стороны. Дѣтокъ у меня нѣтъ, значить и Христосъ съ ней, съ земелькой,—пускай другіе владѣютъ.

— А что, ты съ монахомъ тѣмъ не встрѣчался больше?

— Какъ же, въ Кіевѣ олатъ съ нимъ встрѣлся. И книжекъ разныхъ онъ мнѣ тогда много далъ. По народу заказалъ раздавать. Книжки все божественныя.

Дмитрій слегка усомнился въ божественности книжекъ.

— А! сказалъ онъ,—а про что же тамъ написано было?

— Да все про то, какъ Христосъ православному народу велѣлъ жить по вѣрѣ, и какъ отъ дѣвольскаго искушенія пошла въ народѣ неправды разныя и обиды, и по сейчасъ у меня такая книжка имѣется, самая что ни на есть откровенная: *Кто ямій и какъ отъ него спастись* прозывается. Сказано тамъ, какъ Христосъ всю землю подѣлил народу православному и заказалъ народу жить въ мирѣ и согласіи и землей той владѣть сообща, чтобы каждый на землѣ той работалъ и не было ни отъ кого утѣсненій и поборовъ, и какъ потомъ отъ самого отъ дѣвола пошла смута по народу и стали отъ него землю отбирать, да и съ той-то, которая осталась, оброки да подати требовать, и придумали тогда утѣснители бумагу эту, что паспортъ прозывается, и клеимо

на все дьявольское наложилъ, чтобы не смѣлъ никто божь бунгаги той же вольной землѣ православной ходить. Вотъ и заповѣдано мнѣ грѣхъ этотъ великій у святыхъ угодаииковъ вымолить, и когда вымолится тотъ грѣхъ, Христось царю православному на сердце положить народу олять всю землю отдасть, и придетъ тогда Христово царство на Русь.

Пахомъ опять замолчалъ. Дмитрій уже его не разспрашивалъ; тяжелыя мысли вызвалъ у него разказъ странника. Какъ самъ Пахомъ безцѣльно скитаался изъ края въ край, такъ, казалось Дмитрію, идетъ по всей Руси общее безсознательное скитаніе къ неизвѣстной цѣли. И какъ встрѣчался Пахомъ съ загадочнымъ монахомъ, такъ странно перекрещиваются тайныя пути незамѣтныхъ лѣса и смутныхъ движеній, а куда приведуть воѣ эти пути, думалось Дмитрію—къ спасенію или къ гибели? Куда идешь ты, сама Русь матушка?

— А вотъ и Черныя Хутора, сказалъ Пахомъ, указывая на кучку отрослѣй, немалымъ пятномъ темнѣвшихъ на косогорѣ.—Теперь, баринъ, тебѣ ужъ не сбѣгаться, отъ Черныхъ Хуторовъ въ лѣсъ дорога одна; ты самъ, баринъ, откуда?

Дмитрій назвалъся.

— Ну, такъ прямая дорога тебѣ, продолжалъ странникъ, снявъ шапку,—мимо Федотовой ласѣки, а оттуда до Бѣлыхъ Столбовъ...

— Тамъ я дорогу уже знаю, перебилъ его Дмитрій и прогнулся съ нимъ.

Пахомъ тою же неторопливою поступью пошелъ назадъ къ Волгѣ, и фигура его окоро слилась со мглой лѣтней ночи, а Дмитрій жужжалъ лошадей рысью по направленію къ лѣсу.

XV.

Но храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ.

Лермонтовъ.

Tu trouveras dans la joie ou la peine
Ma triste main pour soutenir la tienne,
Mon triste coeur pour écouter le tien.

A. de Musset.

Федотовою ласѣкой назывался небольшою лѣсною оврагъ на двѣ котораго черныя даже при яркомъ солнцѣ вѣчно мутная лужа. Здѣсь когда-то стояли ульи и была устроена

плотина. Ульезъ давно не было. Только весенная вода собиралась въ ложбинѣ и не просыхала цѣлое лѣто, да въ народѣ сохранилось почему-то за этимъ мѣстомъ прежнее названіе. Угрюмымъ казалось оно и среди бѣлаго дня, а ночью отъ оврага вѣяло сыростью и холодомъ могилы.

Пролѣли уже вторые лѣтухи, когда Нада собралась въ путь. Въ домѣ въ этотъ день всѣ улеглись поздно. Нада сама не могла бы сказать какъ и когда она рѣшилась.

Только вдругъ всѣ ея сомнѣнія исчезли и словно чужая сила повлекла ее за собою помимо ея воли. „Измѣрять опасность, говорила она себѣ, торопливо спускаясь къ оврагу,—значить на половину избѣгнуть ее.“ Не о себѣ она думала въ эту минуту, боялась она только за близкихъ; она сама не могла бы объяснить, почему Неродовичъ ей казался окруженнымъ какимъ-то страшнымъ обаяніемъ, будто на самомъ дѣлѣ въ его рукахъ была непонятная ей таинственная власть. Можетъ-быть и до сихъ поръ эта тайна, это обаяніе дѣйствовало на воображеніе Нади, подчиняя себѣ ея волю, и влекли ее на свиданіе съ человѣкомъ одно имя котораго возбуждало въ ней самыя тяжелыя воспоминанія.

Неродовичъ ожидалъ ее уже болѣе часа.

— Пришли-таки, сказалъ онъ, завидѣвъ ее, и голосъ его звучалъ и увѣренно и насмѣшливо въ то же время.—Я и не сомнѣвался въ томъ что вы придете.

Онъ пристально въ нее всмотрѣлся своими прищуренными глазами, словно хотѣлъ сперва прочесть на ея лицѣ, какая перемена съ ней произошла со дня ихъ послѣдней встрѣчи.

Нада гордо и холодно стояла предъ нимъ, не протягивая ему руки.

— Я уже слышала, опять началъ онъ,—что вы настоящею барышней стали, живя съ этими степными магнатами. Я вижу что мнѣ сказали правду. Вы смотрите настоящею герцогиней. Впрочемъ за вами всегда водилась эта слѣвь...

Нада перебила его съ нетерпѣніемъ:

— Не за тѣмъ, я думаю, вы меня сюда вызвали, проговорила она рѣзко,—чтобы заставить меня выслашать такія лустыя слова!

— Ай, ай, какая горячность, Надежда Сергѣевна, принужденно разсмѣялся онъ.—Торопиться намъ незачѣмъ, сюда не придетъ никто,—услѣдемъ переговоры о дѣлѣ... Ну-съ, какъ вамъ живется на лонѣ роскоши и досуга, торжественно

добавилъ овъ.—Благодѣтельствовать вамодите? Лѣкомо барское житье?...

Она намѣренно старалась уколоть ее чтобы вызвать молодую дѣвушку на рѣзкій отвѣтъ, который бы выдалъ ее дѣйствительное настроеніе; но она ослила въ себѣ гнѣвное чувство возмущенное его словами. Ей вдругъ припомнилось что въ покаянѣи ея средѣ, изъ которой вдругъ какъ живой укоръ предсталъ предъ нею этотъ человекъ, оставались другіе, недавно еще такъ близкіе ей люди. Ей стало за себя стыдно что первымъ ея словомъ къ Неродовичу не былъ вопросъ о сестрѣ.

— Прошлое, стало-быть, не совсемъ еще вышло изъ памяти, съ тою же проклетіеи отвѣчалъ ей Неродовичъ, когда она спрашивала про Сашу и Туманова.—Пока цѣлы воѣ. Могу сказать что сестра ваша, которую вы всегда считали слабеюшкою, выказываетъ стойкость которая не всегда оказывается у боаѣе крѣпкихъ натуръ. Да, да, вѣдь я знаю что вы всегда были довольно низкаго мнѣнія объ Александрѣ Сергѣевичѣ... а вотъ она не сбивается-таки съ пути и ни за что не промѣняетъ нашу трудовую жизнь на барскія сладости, хотя палецька вашъ и обѣщаль ей съ три короба если она къ нему вернется.

Надя еще разъ загнушила въ себѣ негодующія слова протеста, ей хотѣлось подробнѣе узнать про сестру.

— Особенной оласности пока нѣтъ, продолжалъ Неродовичъ.—Въ Москвѣ насъ встревожили, да обошлось дѣло пустяками. Трехъ только взяли и то не изъ крупныхъ. Мы сперва разбрелась, а потомъ опять слетѣлись повсемѣногу въ старое гнѣздо. Правда, не совсемъ какъ сыръ въ масѣ пришлось тамъ кататься, презрѣнный металл далеко не всегда въ изобиліи, и сестрица ваша не щеголяетъ въ модныхъ платьяхъ, а случилось два, три раза что и не ѣла цѣлыя сутки. За то она въ Кіевѣ на одномъ заводѣ шесть недѣль въ поденщицахъ прожила. Конечно вамъ это должно казаться глупо и смѣшно, потому что гораздо пріятнѣе у богатыхъ тетушекъ въ довольствѣ проживать...

Надю взорвало.

— Вы забываете, возразила она запальчиво,—какъ вы меня кинули въ Москвѣ, не оставивъ мнѣ даже никакихъ указаний. А за тѣ четыре мѣсяца которые я провела тамъ съ вами, что за дѣло поручали вы мнѣ и чѣмъ мнѣ отвѣчали, когда я просила себѣ работы?

Неродовичъ повидимому былъ очень доволенъ тѣмъ что вызвалъ ее на отпоръ.

— Какъ мало еще вы меня понимаете, Надежда Сергѣевна, засмѣялся онъ.—Да развѣ я пуританинъ какой и васъ хочу въ монастырь запереть, живите себѣ какъ душѣ угодно, ходите въ бархатъ да въ шелку, не въ этомъ суть. Только дураки одни привязываются ко внѣшности, тѣмъ лучше, если побольше напихъ будетъ жить въ палатахъ, лишь бы въ этихъ палатахъ они не забывались среди пріятностей и комфорта.

— И вы думаете, съ презрительнымъ негодованіемъ отзывалась Нада,—что для меня значить что-нибудь эти удобства жизни. Хорошо вы меня знаете.

Она стала защищаться, сама того не замѣчая. Неродовичъ этимъ тотчасъ воспользовался.

— Тѣмъ лучше, если я ошибаюсь, отвѣтилъ онъ.—Врагъ горамъ качаетъ, и тотъ кому не отразны геройскіе подвиги, иной разъ поддается самымъ буржуазнымъ искушеніямъ. Не вѣдь не словъ намъ нужно, а дѣлъ, коли вы все прежняя, Нада, коли вы не стали цыганицей.

При этомъ словѣ она выпрямилась.

— Тому что я считаю истиной, проговорила она,—я не измѣняла и не измѣню никогда.

Но какъ ни рѣшительны были эти слова, внутренній голосъ подсказывалъ ей что въ нихъ кроется двусмысленность и недоразумѣніе; и краска бросилась ей въ лицо отъ признанія этой неискренности.

Неродовичъ счелъ однако за лучшее не примѣчать того что слова молодой дѣвушки могли быть истолкованы различно.

— Вы можете это доказать, Нада, продолжалъ онъ задумчиво.—Вы всегда у меня просили работы: за вами телеръ очередь ямочь намъ. Я не поручиваю тяжелого дѣла... Чтобы сказать вамъ про все это я и вызвалъ васъ сюда, и я увѣренъ,—забудьте мои рѣзкія слова,—что мы можемъ на васъ разчитывать.

Легкій шелестъ, какъ испуганный говоръ пробѣжалъ по листьямъ осинъ, густо засѣвшихъ по оврагу. Неродовичъ схватилъ руку молодой дѣвушки въ обѣ свои. Когда онъ выпустилъ ее, она ловила точно безцѣнная.

— Чего же вы отъ меня хотите? проговорила она едва слышно. Она снова чувствовала надъ собой гнетущую власть этого человѣка, олицетворявшаго ей прошлую жизнь. Пока

Надя шла на свиданіе съ нимъ, ей казалось что власть эту она давно страхнула, но теперь, въ его присутствіи, невидимыя ниты охватывали, будто окручивали ее волю.

— Прежде всего, отвѣчалъ онъ,—я долженъ объяснить вамъ зачѣмъ я здѣсь. Для меня давно уже стало ясно что вся наша пропаганда не приводитъ ни къ чему. Книжки раздаваемые на фабрикахъ и въ деревняхъ, бесѣды съ рабочими— все это ребячество и самообольщеніе. Комедія съ переодѣваніемъ, гдѣ наши поступаютъ въ подешники, ведетъ лишь къ тому что милые представители меньшей братіи ихъ приколотятъ, да выдадутъ полиціи. Давно ужъ я твержу что сущее идиотство русскому мужику толковать о яравахъ чело-вѣка, о равенствѣ, о всемірной республикѣ и о какой тамъ еще передовой канители: чортъ-ли ему въ равенствѣ да въ республикѣ, очень нужно мужику чтобы всѣ были равны, когда онъ о томъ только и думаетъ какъ бы самому разбогатѣть, другихъ надувавъ. А когда вдобавокъ ему про Бога да Царя заикнешься, онъ того и смотри руки вазать да маршъ къ сотскому. Дураки мы были что съ этими глупыми теоріями столько времени провозились.

— Да вы сами кажется, Неродовичъ, въ эти теоріи не вѣрите? перебила его Надя.

Онъ желчно засмѣялся.

— Вѣрить! очень нужна тутъ моя вѣра. Выкиньте же изъ своей головы эту романтическую челуку. Она хороша для гимназистовъ и интеллигентовъ, которыхъ этимъ только и заманить можно.

Неродовичъ забывалъ что самъ такъ долго и старательно предъ Надей окрашивалъ романтизмомъ свое ученіе. Въ пылу разговора онъ отрекался теперь отъ лицемернаго поклоненія тому что въ его глазахъ было лишь идеалистическими лобрякушками. А впрочемъ, можетъ-быть ему и казалось что Надя умственно окрѣпла и выросла до высоты настоящаго трезваго взгляда на жизнь.

— Народъ, продолжалъ онъ одушевляясь,—это пассивный рычагъ, которымъ мы руководимъ, чтобы поднять имъ вверхъ дномъ наше прогнившее общество, а для рычага, вы знаете, нужна точка опоры, и не въ либеральномъ пустозвонствѣ конечно мы ее найдемъ. Мужикъ однимъ только дорожитъ, за одно только цѣняется, за землю. Вотъ и надо ему втолковать что рядомъ съ нимъ живетъ баринъ, у котораго столько же земли сколько у всѣхъ мужиковъ вмѣстѣ, и что

отнять ее для него большая выгода, потому что тогда ее у него будетъ вдвое больше. Это онъ понимаетъ, а къ черту фразы объ отвѣченныхъ правахъ. Очень объ нихъ онъ заботится!

— Значить, онъ для насъ все-таки только рабочей скотъ, который вы заманиваете на лучший кормъ, воякавнула Нада, и ей тотчасъ пришелъ на умъ Боровской, сравнивавшій народъ съ дикимъ звѣремъ. И тотъ и другой ничего въ немъ не видѣли кромѣ животнаго.

Неродовичъ должно-быть не замѣтилъ впечатлѣнія произведеннаго на молодую дѣвушку его словами.

Экъ, Надежда Сергѣевна, возражалъ онъ,—ну какое вамъ дѣло до того какъ вамъ сабдуется смотрѣть на народъ. Перестаньте же въ немъ искать аркадскихъ пастушковъ. Наше дѣло—суровое дѣло, а не цыццалія. Ну-съ, извольте видѣть, въ сихъ благословенныхъ краяхъ, благодаря изобилію въ нихъ даровыхъ надѣловъ, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, мужики стали въ послѣдніе годы все ослыше роптать на вздорожаніе земли, я и рѣшился попытаться здѣсь счастья, благо тутъ оказалось налицо человѣчка два-три изъ сочувствующихъ нашему дѣлу. Конечно, я знаю что втораго Пугачева долго еще ждать, но это не бѣда, лускай кое-гдѣ сперва по одиночкѣ поднимается волненіе; отъ копѣечной свѣчи, вы знаете...

— Да, съ возрастающимъ негодованиемъ перебила его Нада,—лускай этихъ мужиковъ усмирять стануть, и по нашей милости въ Сибирь на поселеніе отправятъ.

— Чтò дѣлать? равнодушно пожалъ онъ плечами.—Безъ жертвъ не обходится. Народъ тогда только и всколыхнется порядкомъ когда ему не въ терпѣжъ станетъ. Говорю вамъ: здѣшняя мѣстность подготовлена какъ нельзя лучше. Сѣмена брошены, и даже кое-какіе выходы уже примѣчаются. И какъ разъ ваши Бѣлые Столбы...

Онъ оставившись и точно впился въ все своими жгущими глазами.

— Чтò жь, Бѣлые Столбы? вставила Нада съ плохо скрытымъ волненіемъ въ голосъ.

Онъ отвѣчалъ не тотчасъ. Взглядъ его, казалось, проликалъ въ самые сокровенные уголки ее мыслей, и олять въ немъ загорѣлась, какъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ въ Москвѣ, искра чувства не имѣющаго ничего общаго съ тою суровою задачей ради которой онъ перелесъ свою

дѣтельность не привелись. Но должно-быть онъ употребилъ въ сея взгляды ту же гордую, непреклонную рѣшимость, которая она его оставила тогда.

— Въ Бѣлыхъ Столбахъ, продолжала онъ, не спуская съ нея глазъ,—мужики болѣе ослаблены чѣмъ гдѣ-либо. Незачѣмъ вамъ это объяснять, вы сами это знаете. Слывъ тамошняго монаха Василія меня давно посвящая въ всея подробности. Ну, да и пошлая я довольно по здѣшнимъ деревнямъ, сумѣлъ-таки въ настоящаго мужика преобразиться и, кажется, не возбуждалъ ничьихъ подозрѣній.

— А гдѣ вы живете? спросила она.

— Тамъ есть человѣчекъ одинъ у кого я пристроился; да это все равно, вы знаете, а птица перелетная.—Даже ей онъ не хотѣлъ доврѣться вполнѣ.—Когда нужно будетъ, мы съ вами всегда найдемъ возможность съговориться.

— И вы думаете, возразила она,—что я всякій разъ буду являться на вашъ зовъ!...

Но говоря это она сама сознавала что вполнѣ свободно она собою располагать не можетъ.

— Я предупредилъ васъ, отвѣтилъ онъ, и снова промѣя зазвучала въ его голосъ,—что съ той минуты какъ вы стали изъ нашихъ, вы уже не принадлежите себѣ. Помните тотъ вечеръ, когда вы такъ настойчиво требовали отъ меня полной откровенности?

Она не отвѣчала и слегка опустила голову.

Неродовичъ скрестилъ руки и будто выросъ предъ нею въ эту минуту.

— Вы будете приходить сюда когда я этого потребую, сказалъ онъ повелительно.—Пока я вамъ не дамъ никакихъ порученій; у насъ идетъ подготовительная работа, и нельзя напередъ разсчитывать день когда тронется этотъ народецъ...

— Да что же вы затѣяли, Неродовичъ? съ безпокойствомъ спросила она.

Онъ снова недоувѣрчиво всмотрѣлся въ нее.

— Да вы въ самомъ дѣлѣ что ли боитесь за этихъ Корецкихъ? Какая трогательная благодарность за то что богатая тетка приняла васъ въ своихъ хоромахъ на нѣсколько мѣсяцевъ! Это ли ваша готовность идти вслѣдъ за нами куда бы мы не пошли. Вы просили работы въ Москвѣ, а теперь, когда мы имѣемъ въ васъ нужду, у насъ возникаютъ деликатныя сомнѣнія?

Кровь у нея прилила къ лицу; негодование и стыдъ боролись

изъ ея сердца, что если он не находилъ покоя, что тогда она ему отвлечена? О, сколько эта моя завистливо порветъ то-часъ съ этимъ ненавистнымъ человекомъ? Какъ бы недумывало тогда заговорила. ея совета, какъ бы рѣшительно повлекла она ее на сторону тѣхъ кому она угрожала.

— Я не хочу допустить чтобы это было такъ, заговорить оны мягко и примирительно.—Вы не захотѣли бы нарушить данное слово, еслибы вы даже могли это сдѣлать. Да и чего я требую отъ васъ? чего только чтобы вы мнѣ передавали что будетъ дѣлаться и говорить у Корецкихъ, чтобы вы были такъ-сказать нашими союзникомъ въ некрятельскомъ лагерѣ.

— То-есть, воскликнула она,—вы хотите чтобы я была вашимъ шпиономъ и этимъ отплачива за гостеприимство!

— Шпіонъ, что за громкія слова! Да бросьте же эту брезгливость, какъ она; пошлите, не къ лицу. Да и трагическаго ровно ничего не произойдетъ, русскій мужичокъ развѣ прилутитъ краснаго лѣтучка, а до смертоубійства дѣла не до-росле пока...

— И вы думаете что зная это я могу спокойно жить въ томъ домѣ хозяевамъ котораго вы угрожаете лоджогомъ и зная это не предупредить ихъ?

На этотъ разъ голосъ ея прозвучалъ такъ страстно, возмущенное чувство такъ громко въ ней заговорило что Неродовичъ уже не сомнѣвался насчетъ того въ какой мѣрѣ оны можетъ разчитывать на молодую дѣвушку.

Теперь поздно колебаться, Надежда Сергѣевна,—и гроза читалась на его лицѣ, хотя голосъ звучалъ ровно и низко.—Или можете-быть въ васъ говорить иное чувство, которое для женщны сильнѣе всѣхъ остальныхъ, тогда конечно я отъ вами теряю слова, не знайте едно что за вашу шпѣвку будетъ отвѣчать вамъ тотъ кто вамъ дорогъ. И если мои подозрѣнія оправдаются...—Оны остановился, услышавъ отдаленный топотъ лошади.—Кто-то ѣдетъ сюда по дорогѣ изъ Черныхъ Хуторовъ, проговорилъ оны.—И это не мужицкая кляча, тѣ не бѣгутъ такую рысью. Стало-быть приходится убираться отсюда; до свиданія, Надежда Сергѣевна, совѣтую вамъ обдумать то что я вамъ оказалъ.

Неродовичъ окрылся за деревьями, бережно наступая на сухіе листья слабо хрустѣвшіе подъ его осторожными шагами.

Молодая дѣвушка осталась на мѣстѣ какъ вкопаная,

голова у нея шла кругомъ. Она повела рукой по горячему абу, какъ бы стараясь опомниться и собраться съ мыслями, но она не въ силахъ была подавить бурныя, нестройныя ощущенія овладѣвшія ею, найти исходъ изъ ихъ грозныхъ противорѣчій. Она шла на свиданіе съ Неродовичемъ въ полной увѣренности что сумѣетъ отстоять предъ нимъ свою независимость, что ей удастся разгадать его намѣренія,—и что же! своихъ настоящихъ плановъ онъ ей не выдалъ; но зато она болѣе чѣмъ когда-либо была его лѣвалицей, и не его только, но лѣвалицей собственнаго опрометчиваго слова. Ей оставалось лишь стать его пособницей, либо открыться во всемъ предъ Корецкими и выдать имъ своего бывшаго учителя,—иного выбора не было. Она должна сдѣлаться донощицей или привести въ жертву тѣхъ для которыхъ вѣдь она сама готова была пожертвовать собой. Все было мрачно вокругъ нея, и сознаніе полной безпомощности овладѣло ею. Развѣ даже для Корецкихъ, развѣ даже для самого Дмитрія она могла погубить человѣка въ чьихъ рукахъ были всѣ нити движенія, которому она прежде добровольно отдалась всею душой?

Надя вдругъ вскрикнула, увидавъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Дмитрія. Онъ круто осадил лопадь.

— Какъ! вы здѣсь? въ эту пору? почти дикимъ голосомъ воскликнулъ онъ узнавъ Надю.—Зачѣмъ вы здѣсь, что вы здѣсь дѣлаете? гнѣвно разспрашивалъ онъ ее, будто онъ имѣлъ право требовать отъ нея отчета и въ то же время онъ тревожно прислушивался къ слабѣвшему звуку раздвигаемыхъ вѣтвей и шаговъ удалявшихся по мху. Онъ соскочилъ съ лошади и подошелъ къ ней. Страннымъ образомъ повелительный, негодующій тонъ его словъ не возмущалъ ее. Она чувствовала себя такою виноватою предъ нимъ что готова была покорно выслушать самый рѣзкій укоръ.

— Да отвѣчайте же мнѣ, продолжалъ онъ стиснувъ ей руку,—зачѣмъ застаю я васъ здѣсь въ третьемъ часу ночи, кто это тамъ скрывается отъ меня въ чащѣ, съ кѣмъ вы здѣсь были?

Она все молчала, судорожнымъ движеніемъ сдавивъ обѣими руками свои горячіе виски.

— Я требую отъ васъ объясненія! страстно звучали его отрывистые вопросы. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ почему такой порывъ гнѣва овладѣлъ имъ при видѣ молодой

дѣвушка не обязанной ничѣмъ предъ нимъ, точно такъ же какъ она не могла бы сказать, почему ея пылкой строгости будто не стало предъ этимъ человѣкомъ казавшимся ей теперь законнымъ судьей ея поступковъ. Слезы вдругъ навернулись на глазахъ Нади. Страшное напряженіе нервовъ послѣ всего прожитаго ею въ эту ночь разрѣшилось безпомощнымъ чувствомъ отдававшимъ себя подъ защиту или подъ подъ приговоръ Дмитрія.

— Оставьте меня... не спрашивайте... я ничего, ничего не могу сказать, произвела она чуть слышно, покрывая обими руками щеки, по которымъ слезы катились ручьемъ.

Ему стало невыразимо жаль ее. Видѣть слезы въ ея глазахъ было такъ необычайно что онъ тронули его болѣе чѣмъ чьи-либо чужія слезы.

— Нада, бѣдная моя, сказалъ онъ съ участіемъ, мнѣ по крайней мѣрѣ вы можете открыться.

— Вамъ открыться... вамъ... да развѣ я могу? Она ломала себѣ руки въ отчаяніи.

Еслибы предъ нимъ была не Нада Ольшевская, а какая-либо иная дѣвушка, эта неожиданная встрѣча возбудила бы въ немъ странныя подозрѣнія. Но, думалось ему, Надю онъ зналъ слишкомъ хорошо чтобы допустить мысль о какомъ-нибудь скрытомъ, недостойномъ побужденіи. Она вся была олицетворенная прямота, и если у нея была тайна, то конечно уже не краснѣть ей за то приходилось; да она и не краснѣла предъ Дмитріемъ, не стыдъ, а боязнь, боязнь за близкое будущее читалась на ея встревоженномъ лицѣ. Дмитрій продолжалъ понизивъ голосъ и какъ бы стараясь ободрить ее.

— Этотъ человѣкъ,—онъ причина вашего волненія... да? Онъ должно-быть имѣетъ надъ вами власть?.. Вѣдь не спроста же вы пошли къ нему сюда въ глухую ночь?..

Она все молчала.

— Не отвѣчайте мнѣ коли это вамъ трудно... хоть знакомъ дайте мнѣ ловить что я не ошибаюсь; неужели вы не видите какъ мучитъ меня эта неизвѣстность?

При этихъ словахъ Дмитрія она вдругъ точно встрепенулась. Она не могла даже очистить себя отъ того естественнаго подозрѣнія которое должно было зародиться въ мысляхъ Дмитрія. Это было хуже всего!

— Думайте обо мнѣ что хотите, проговорила она съ усиленіемъ,—объяснить я вамъ ничего не могу.

Она высвободила свою руку которую онъ схватилъ и хотѣла отвернуться и отойти отъ него. Дмитрій удержалъ ее.

— Вы меня не поняли, Нада, сказалъ онъ,—что бы вы ни сдѣлали, хотя бы вы мнѣ и ничего не объясняли, я въ васъ усомниться не въ силахъ, знайте это и знайте также что до вѣрня своего я не бросаю на вѣтеръ никогда.

Лучъ радости промелькнулъ въ сердцѣ у молодой дѣвушки.

— Мнѣ и упрекать себя не въ чемъ, Дмитрій, проговорила она тихо. Вѣрите этому, если можете вѣрить.

— Да, Нада, отвѣтилъ онъ горячо,—но если это такъ, и я знаю что это такъ, то все что вы отъ меня скрываете не что иное, какъ отголосокъ вашей прежней жизни, неволя, отъ которой вы не смѣете освободиться.

У него вдругъ въ мысляхъ промелькнуло имя Неродовича, про котораго утромъ въ его присутствіи говорилъ Боровской. Онъ узналъ кое-что отъ матери про отношенія Неродовича къ Надѣ. Человѣкъ бѣжавшій отсюда, подумалъ Дмитрій, и былъ должно-быть тотъ самый Неродовичъ. Тутъ надо дѣйствовать быстро чтобы спасти ее.

— Неволя, проговорила она почти шепотомъ,—отъ которой не можетъ быть освобожденія.

— Я понимаю, продолжалъ онъ, тѣ мнимыя обязанности которыя вы создали для себя вы не хотите порвать съ этими людьми, но я васъ выхвачу изъ ихъ власти, даже если сами того не захотите.

Она покачала головой, но все-таки ей смутно казалось что Дмитрій какимъ-то чудомъ вырветъ ее изъ того заколдованнаго круга изъ котораго она сама не знала исхода.

Онъ понималъ что теперь незначѣмъ настаивать на признаніяхъ съ ея стороны. Да и къ чему признанія? Ключъ у него уже былъ, а тамъ, мало-по-малу онъ сумѣетъ открыть всю опутавшую ее сѣть.

— Не пора ли намъ домой, Нада? спросилъ онъ уже безо всякой тревоги въ голосъ. И знаете что, я доведу васъ верхомъ; вы совсѣмъ устали, и дойти до Бѣлыхъ Столбовъ я вамъ не могу позволить. Она покорно какъ ребенокъ дала себя усадить впереди на сѣдло. Да и она была ребенкомъ въ его сильныхъ рукахъ.—Что вамъ ловко такъ сидѣть? спросилъ онъ ласково поправляя складки ея платья и поддерживая ее станъ правою рукою. Она только кивнула головой, и онъ лустилъ лошадь ровною рысью. Теперь, когда она будто совсѣмъ

доверялась ему, она казалась Дмитрію нѣжнымъ и слабымъ существомъ, которое ему суждено оберегать. И это сознаніе покровительства наполняло сердце Дмитрія сладостнымъ чувствомъ, совсѣмъ не похожимъ на то съ которымъ онъ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ увѣжалъ изъ Никольскаго. Да онъ и забылъ теперь про Никольское; онъ помнилъ только одно, что рука его обнимаетъ дорогое, милое существо. Онъ теперь даже радовался своей странной встрѣчѣ съ Надей, вдругъ сблизившей ихъ, несмотря на то что между ними осталось такъ много невысказаннаго. На востокѣ уже бѣлѣлъ небосклонъ когда они подѣхали къ дому.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. ОРЛОВСКІЙ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ПОКЛОННИЦЫ СВЯТАГО ГРОБА ГОСПОДНЯ *

ХІІ.

Іерусалимъ, 31 января 1875 года.

Сегодня лятвица; у насъ въ русскихъ постройкахъ службы почему-то не предполагалось. Рано, какъ только разсвѣло, я взяла каваса и отправилась въ Геосиманію. Сначала мы шли оливковымъ садомъ, а потомъ по дорогѣ идущей вокругъ городскихъ стѣнъ до слуска въ Иосафатову долину, еще покрытую легкимъ утреннимъ туманомъ.

Здѣсь встрѣтились намъ русскія женщины, которые тоже шли ко гробу Пресвятой Дѣвы.

Церковь была полна народу; но такъ какъ дневной свѣтъ въ нее почти не проникаетъ, а освѣщеніе не праздничное, то и нельзя было разобрать кого здѣсь больше, Грековъ, Арабовъ или людей какой другой націи. Служеніе было греческое. Какъ подамъ я съ моими русскими записками выпутъ части, думала я? Вдругъ слышу у жертвенника произносятся имена по-русски; вотъ счастье! Я сейчасъ пробралась туда и подала свои записки, потомъ приложилась ко гробу Богородицы и стала противъ входа въ пещеру. Часы скоро кончились; началась литургія. Русское „Господи помилуй“ заставило забиться сердце. Теперь только я стала различать что вся эта толпа наполняющая церковь преимущественно

* См. № 3 *Русск. Вѣстн.*

состоитъ изъ русскихъ поклоушковъ, пришедшихъ сюда за немѣннѣемъ обѣди на лостройкахъ. Когда бываетъ много Русскихъ, то Греки оказываютъ намъ вниманіе и служатъ на половину по-русски. Священникъ-Грекъ хотя и плохо, но все же понятно служилъ на нашемъ языкѣ, а гдѣ сами поклоушники, преимущественно женщины, и гдѣ довольно стройно. Нельзя передать восторга какой производить русская служба въ Святыхъ Мѣстахъ!

Поклонницы одна за другою отправились въ Геосиманскій садъ, пошла и я туда и у рѣшетки огораживающей заветная маслина прочла во взятомъ со мною Евангеліи повѣствованіе евангелистовъ о молитвѣ здѣсь Господа. Какъ хороша серебристая листва этихъ маслинъ неподвижно стоящая въ свѣжемъ, благоухающемъ воздухѣ подъ безоблачною лазурью! Роса, будто капли слезъ, дрожитъ на цвѣточныхъ лепесткахъ и на свѣжей травѣ, отражая солнечные лучи. Насъ встрѣтилъ францисканскій монахъ. Мы обратились къ нему съ просьбами дать хоть вѣточку, и онъ очень добродушно надѣлилъ насъ цвѣтами и зеленью изъ сада.

Я пошла домой чрезъ Иерусалимъ, думая зайти ко Св. Гробу Господню; но храмъ былъ уже залертъ. У Геосиманскихъ, въ древоности Овчихъ, Воротъ видѣла я купальню Виѣзды, гдѣ Спаситель исцѣлилъ разслабленнаго. Въ какомъ жалкомъ видѣ находится эта купальня. Это теперь огромная яма окруженная съ двухъ сторонъ развалинами и въ половину заваленная мусоромъ. Говорятъ, одна богатая Италіанка желала на свой счетъ привести въ порядокъ это мѣсто, купальню вычистить и провести въ нее воду, чтд было бы большимъ благомъ для жителей Иерусалима, нуждающихся въ водѣ; но Турки почему-то не позволили.

Отъ Виѣзды я вышла прямо къ Омаровой мечети. Вся площадь сіяла подъ яркимъ утреннимъ солнцемъ. Здѣсь былъ еврейскій храмъ, а прямо противъ него Золотыя Ворота. Мнѣ представился торжественный входъ Христа въ Иерусалимъ: эта площадь шумящая толлами ликующаго народа; радостное неумолкаемое „осанна“, потрясающее воздухъ, дорога устланная вѣтвями пальмъ....

Молчить теперь прекрасная площадь; залерты и заложены Золотыя Врата, украшеніе Иерусалима, надъ ними сбывается пророчество Іезекииля: „Врата сіи будутъ залерты и не отворятся, и никто не долженъ входить ими, ибо Господь Богъ Израилевъ войдетъ ими, а потому они будутъ залерты“.

XIII.

Иерусалимъ, 8 февраля 1876.

Вчера мы посѣтили пещеру Іереміи, находящуюся подъ вѣдваемъ турецкаго дервиша.

При входѣ въ нее останавливается на себѣ вниманіе остатокъ бѣлой мраморной колонны, свидѣтельствующій о бывшей здѣсь некогда постройкѣ; но что это было и когда—никто на это не указываетъ. Направо отъ входа—систерна также съ остаткомъ богатыхъ мраморныхъ украшеній. Дервишъ далъ намъ изъ нея воды, чистой и вкусной. Около нея вѣчто въ родѣ яслей высѣченныхъ въ скалѣ. Самая же пещера огромнаго размѣра въ гигантской скалѣ, мрачные своды которой внушаютъ какое-то благоговѣнное чувство. Въво отъ входа указываютъ мѣсто отдохновенія пророка на уступѣ скалы.

Въ этой пещерѣ сохранялъ пророкъ Божій Кивотъ Завета во время вавилонскаго погрома и здѣсь же написалъ свой вдохновенный плачь о судьбѣ несчастнаго города.

Теперь здѣсь живетъ турецкій дервишъ, пристроившій къ одному краю пещеры бѣлую, маленькую комнатку, гдѣ помѣщается самъ, а остальнымъ пространствомъ пользуются его ослы. Путешественники приходящіе сюда платятъ дервишу бакшашъ, чѣмъ онъ и живетъ.

Сегодня же были мы съ драгоманомъ и еще двумя Русскими у Св. Гроба, гдѣ происходило торжественное служеніе у католиковъ. Мы пришли уже не задолго до конца. Разноцвѣтныя лампады освѣщали престолъ Маріи Магдалины и католическій придѣлъ, гдѣ и было совершаемо служеніе самимъ патріархомъ.

Стройное лѣвіе и звуки органа оглашали храмъ; придѣлъ былъ переполненъ народомъ. Мы стали предъ алтаремъ Маріи Магдалины. Скоро служеніе кончилось, и патріархъ въ некрасивомъ лиловомъ одѣяніи, съ чѣмъ-то въ родѣ маленькаго клобука на головѣ, вышелъ изъ придѣла предшествуемый хоругвью.

Впереди нѣсколько разряженныхъ кавасовъ громко стучали булавами, давая знать что идетъ процессія. Мы отправились приложиться ко Св. Гробу.

Въ этотъ разъ мнѣ удалось видѣть гробницу Иосифа Аримафейскаго и Никодима. Она находится въ самой западной сторонѣ храма и вѣроятно нѣкогда соединялась со Св. Гробомъ.

Также какъ и пещера Св. Гроба, она освѣчена нѣ природной скалѣ и не имѣетъ никакихъ украшеній. Одна небольшая лампада освѣщаетъ мѣсто гдѣ покоились тѣла праведныхъ мужей. Входъ въ нее почти такъ же низокъ и узокъ какъ и входъ въ пещеру Св. Гроба, а предъ входомъ прядѣлъ Сиріанъ, кажущійся довольно большимъ отъ полного отсутствія украшеній. Здѣсь рѣшительно ничего нѣтъ кромѣ престола и за нимъ образа Богоматери старинной живописи. Ни одна лампада не освѣщаетъ этихъ мрачныхъ каменныхъ сводовъ. Не таковы ли были молитвенныя убѣжища первыхъ христіанъ въ катакомбахъ и подземельяхъ?

Какъ многое въ Палестинѣ напоминаетъ эти времена богатая вѣрой! Служеніе у Св. Гроба почти всегда совершается ночью, при закрытыхъ дверяхъ, какъ тогда. Счетъ времени сохранился здѣсь тотъ же что во времена Спасителя: часы считаютъ отъ восхода до заката солнца. Нашъ седьмой часъ утра здѣсь называется первымъ. Разстояніе до сихъ поръ измѣняется *верусіемъ камня*, какъ во время Св. Луки. Самые пути сообщенія и способы ѣзды носятъ отпечатокъ глубокой древности и переносятъ воображеніе въ библейскій міръ. Такъ же какъ теперь на ослахъ и верблюдахъ путешествовали патріархи еврейскіе, такъ же въ шатрахъ останавливались для отдохновенія. Главный промыселъ ввелемскихъ жителей и до сихъ поръ составляютъ стада, какъ во времена Царя Давида, который былъ призванъ къ сраженію съ Голиафомъ отъ стада отца своего. До сихъ поръ стада эти, оживляющія окрестности Ввелеема, говорятъ поклонникамъ о тѣхъ стадахъ, пастыри которыхъ удостоились первые поклониться священнымъ ясламъ. До сихъ поръ въ здѣшнихъ греческихъ монастыряхъ монахи умываютъ ноги вѣзмъ приходящимъ подъ ихъ кровъ поклонникамъ, какъ то было во времена Христа.

XIV.

Иерусалимъ, 14 февраля 1875.

Вчера мнѣ удалось быть въ церкви Св. Богоотецъ Іоакима и Анны, выстроенной на томъ мѣстѣ гдѣ былъ ихъ домъ въ которомъ родилась и провела первые годы жизни Пресвятая Дѣва Марія. Это очень близко отъ Геосимаскихъ воротъ. Въ первые вѣка христіанства тутъ была православная церковь, построенная царицей Еленой. Когда мусульмане завладѣли Святыми Мѣстами, то церковь была разрушена и обращена въ мечеть. Крестоносцы снова обратили ее въ церковь, при которой былъ женскій монастырь. Въ немъ приняла постриженіе жена короля Іерусалимскаго, Балдуина I. Во время взятія города Сарацинами, монахи изъ страха быть поруганными грубыми послѣдователями Корана рѣшились на геройскій подвигъ—исказить себѣ лица. Монастырь былъ разрушенъ и на мѣстѣ его устроена магометанская школа; но вѣрующіе всегда хранили памятованіе объ этомъ святомъ мѣстѣ и не переставали поклоняться ему. Окружающія его груды развалинъ однѣ свидѣтельствовали о множествѣ воздвигавшихся и разрушавшихся здѣсь построекъ. Наконецъ, послѣ Крымской кампаніи, султанъ подарилъ это мѣсто Наполеону III. Теперь Французы возобновили здѣсь католическій храмъ во имя родителей Пресвятой Дѣвы. Готическіе своды и огибы зданія напеминаютъ времена крестоносцевъ. Внутри своды обширной церкви поддерживаются массивными колоннами. Въ немъ заключается три алтаря. Направо отъ входа широкая каменная лѣстница ведетъ въ маленькія подземныя помѣщенія, по преданію составлявшія часть дома родителей Богоматери. Очень можетъ быть что въ древности они были поверхъ земли, но слои развалинъ, вѣками накопившіеся надъ ними, обратили ихъ въ подземелье. Они дѣлятся на четыре части: одни повыше, другія пониже — всѣ очень малы, и въ каждой изъ нихъ теперь устроено по каменному бѣлому престолу. Престолы еще не освящены, да и верхній храмъ внутри не отдѣланъ. По бокамъ церкви устраиваются помѣщенія для келій, такъ какъ тутъ предполагается опять основать монастырь, но все это еще сдѣлано вчернѣ. Храмъ окружаетъ небольшая площадь, вымощенная

бѣлымъ камнемъ; налѣво отъ входной двери растетъ очень древнее оливковое дерево, стволъ котораго весь защищенъ каменною оградой, образующею какъ бы огромный цвѣточный горшокъ. Есть преданіе что это дерево поливала сама Пресвятая Дѣва. Напротивъ него, за чугунною рѣшеткой, возвышается прелестная коринѳская колонна древней работы, вѣроятно найденная въ развалинахъ и нѣкогда принадлежавшая къ бывшему тутъ греческому храму. Половина другой такой же колонны служить пьедесталомъ для солнечныхъ часовъ; кромѣ того, у стѣны множество обломковъ прекрасной древней работы и въ томъ числѣ три ступени дѣвственны изъ цѣльнаго камня.

Сегодня имѣла я счастье половиться и мѣсту Вознесенія Господа.

Отправилось насъ цѣлое общество. День былъ сѣрый, грозилъ дождикъ. Подъемъ на Масличную гору очень трудный, крутой и каменистый. А Господь иногда ходилъ здѣсь по два раза въ день лѣшкомъ. По обѣимъ сторонамъ дороги на каменистой почвѣ растутъ маслины, однако на довольно большомъ разстояніи другъ отъ друга. Мѣстами между ними стелется, какъ бархатъ, зеленый лугъ. Особенно хорошо тутъ одно рожковое дерево, вѣтви котораго образуютъ большой круглый шатеръ.

Вотъ приблизилась мы и къ вершинѣ; сошли съ ослонъ— предъ нами грязнѣйшая мусульманская деревушка, а за ней маленькое, круглое зданіе съ полумѣсяцемъ надъ плоскимъ куполомъ: это мѣсто вознесенія Христа Спасителя.

Внутри, кромѣ грязныхъ, измазанныхъ углемъ стѣнъ, ничего нѣтъ. На мраморномъ полу, почти противъ входа, небольшой четверугольникъ обложенный по краямъ бѣлымъ камнемъ. Когда я вошла, консулъ стоялъ тутъ на колѣняхъ; я поняла что это тотъ камень котораго въ послѣдній разъ коснулись столы божественнаго Искупителя, оставившаго землю.

Отсюда насъ повели на то мѣсто гдѣ по здѣшнему преданію Спаситель далъ ученикамъ молитву „Отче нашъ“. Это нѣсколько ниже и южнѣе. Въ древности здѣсь была церковь. Теперь это мѣсто купила одна очень богатая и знатная Француженка, графиня de la Tour d'Auvergne, и выстроила зданіе открытое, четырехъугольное. Внутри, вдоль стѣнъ, прекрасная готическая галлерей, а въ стѣнахъ вѣданы

мраморныя доски съ мозаическими рамами. Досокъ этихъ 32 и на нихъ на разныхъ языкахъ написано „Отче нашъ“, между прочимъ по-русски и по-славянски, со страшными ошибками.

На правой сторонѣ галлерей сдѣланъ родъ ниши, а въ немъ бѣлый мраморный памятникъ изображающій умершую женщину, не молодую уже, но очень красивую, съ покрываломъ и маленькимъ вѣнчкомъ на головѣ, со сложенными крестомъ на груди руками. Ноги упираются въ графскую корону. На пьедесталѣ написано золотыми буквами что это памятникъ графини de la Tour d'Avvergne, соорудившей это зданіе. Она заживо воздвигла себѣ этотъ памятникъ и теперь, говорятъ, одѣвается точно такъ какъ изображена на немъ, въ длинное, бѣлое платье, съ такимъ же покрываломъ на головѣ. За памятникомъ, въ углубленіи стѣны стоитъ черная мраморная урна, говорятъ, съ прахомъ отца графини, котораго титулы и нравственныя качества всѣ тутъ описаны. Изъ этихъ галлерей выходъ въ будущую церковь, а изъ нея еще въ другой уже готовый придѣлъ. Овъ очень просто отдѣланъ. За престоломъ виситъ образъ работы графини. На чемъ изображенъ Христосъ дающій молитву апостоламъ. Направо желѣзная рѣшетка за которою монахини (тутъ предполагается монастырь) будутъ слушать служеніе.

Къ этому зданію прилегаеть часть деревяннаго шале, гдѣ помѣщаются шесть уже пріѣхавшихъ монахинь кармелитокъ и гдѣ будетъ жить сама строительница. Теперь она еще во Франціи по какимъ-то дѣламъ. Орденъ которому принадлежатъ эти монахини самый строгій: имъ запрещается видѣть кого-либо даже изъ родныхъ; но такъ какъ для лутешества онѣ должны были на время нарушить этотъ обѣтъ, то и теперь еще не начали своего подвига затворничества, и потому мы были у нихъ въ келіи, страшно холодной и совсѣмъ почти пустой. Насъ приняла ложилая кармелитка: одѣяніе на ней изъ самаго грубаго сукна, на головѣ черное покрывало.

У нихъ на дворѣ дѣлають раскопки и находятъ тоже остатки древнихъ зданій. Такъ мы видѣли только-что отрытую древнюю мозаику прекрасной работы.

Отсюда мы отправились олять къ верху и еще южнѣе, къ мѣсту куленному нашимъ архимаандритомъ. Оно уже огорожено и засажено шелковичными деревьями; выстроены домики для отдохновенія, а со временемъ предполагается

церковь. Теперь здѣсь живетъ одна русская монахиня съ дочерью и еще одна сумашедшая, тоже Русская. Холодъ у нихъ жестокий. Говорятъ съ террасы хорошъ видъ, но мы ничего не видали по причинѣ тумана. Когда мы вышли отъ нихъ, вѣтеръ бушевалъ страшный и по свинцовому небу быстро неслись густыя массы облаковъ; на этомъ мрачномъ фонѣ неясно обрисовывались, сквозь рѣдѣющій туманъ, громады каменистыхъ горъ и утесовъ, между которыми какъ въ проласти вѣется глубокая долина. Когда спустились къ Геосиманіи, вѣтеръ утихъ и туманъ сталъ совсѣмъ разсѣваться. Нашъ звучный русскій колоколъ давно призывалъ на молитву.

XV.

Иерусалимъ, 18 февраля 1875.

Вчера мы имѣли счастье провести ночь у Св. Гроба Господня. Простой народъ ходитъ туда очень часто на ночь; но я, грѣшная, два мѣсяца почти въ Иерусалимѣ, и ни разу не собралась: не хватало усердія прослушать продолжительную греческую службу совершающуюся у Св. Гроба ночью. Но вчера тамъ была русская служба. Какъ только стало смеркаться, все у насъ пришло въ движеніе, будто въ свѣтлый праздникъ собирались мы къ этой службѣ. Въ восьмомъ часу духовенство пришло сказать что пора идти, и русское населеніе двинулось буквально все.

Ночь была тихая и темная: два каваса провожали насъ съ фонарями, между которыми въ совершенномъ безмолвіи двигалась темная масса богомольцевъ по пустыннымъ улицамъ Иерусалима къ тому Гробу, куда нѣкогда равнымъ утромъ слѣшили муромосицы. Турки отворили обыкновенно залертыя въ это время двери храма, и какъ мы вошли, то снова залерли до утра. Сначала всѣ отравились приложиться къ Св. Гробу, а потомъ въ келію игумена, очень радушно насъ принявшаго. Скоро архимандритъ объявилъ что все готово: началась всенощная.

Когда мы вошли на Голгоѳу, Распятіе уже было освѣщено множествомъ разноцвѣтныхъ лампадъ и окружено спящою массой русскихъ поклонниковъ. На престолѣ лежало Евангеліе. Вотъ облачился русскій священникъ старіиокъ, и

мы слышали: „Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа“ на Голгоеской скалы! Стройное лѣвіе нашихъ лѣвчицъ раздалось подъ древними сводами. Оканчивается всеищная какъ въ Великую Субботу: „Не рыдай Мене Мати“ поется такъ что плачетъ вся толпа стоящаго тутъ народа, смотря на Распятіе и на изображеніе Богоматери у его подножія, смотря на скалу Голгоеы видящуюся чрезъ отверстіе въ мраморѣ. Всеищная кончилась; вѣкоторые пошли отдыхать въ келію игумена, другіе остались саушать правило для готовящихся къ причастію.

Я имѣла возможность помолиться у Св. Гроба совершенно одна. Это счастье рѣдко выпадаетъ на долю поклонниковъ. Скоро началась греческая заутреня въ храмѣ Воскресенія. Попробовала пойти туда помолиться, но не выстояла, а церковь была полна русскими богомольцами, которые выстаиваютъ благоговѣнно все служеніе.

Въ часъ полполуночи, когда греческая заутреня кончилась, ударили въ колоколъ къ русской обѣднѣ. Мы помѣстились у самаго входа въ придѣлъ Ангела.

Обѣдню совершалъ нашъ архимандритъ. При возгласѣ дьякона: „о святомъ градѣ семъ и всякомъ градѣ и странѣ и вѣрою живущихъ въ нихъ, Господу помолимся“, конечно каждый вспомнилъ родную сторону и какъ умѣлъ молился о ней. Но пусть представитъ себѣ кто можетъ херувимскую лѣвню на мѣстѣ нашего искупленія, пусть представитъ всю нашу литургію у Св. Гроба! Св. Гробъ служитъ жертвенникомъ и престоль устраивается въ придѣлѣ Ангела на камнѣ отваленномъ отъ Гроба. Таинство совершено. Начинается причастный стихъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“. Съ послѣднимъ свѣтоноснымъ возгласомъ: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ“ является сосудъ въ дверяхъ Гроба: Тѣло и Кровь Воскресшаго подъ видомъ хлѣба и вина. Двое Русскихъ недавно пріѣхавшихъ имѣли счастье пріобщиться Св. Таинъ. По окончаніи обѣдни опять всѣ приложились къ живосному Гробу и ко кресту съ частицей животворящаго древа.

Игуменъ ловель всѣхъ насъ къ себѣ пить чай. Все безмолвное вечеромъ общество наше теперь будто ожило и разговаривалось. Мнѣ наломало это разговорье въ свѣтлый праздникъ.

Въ 4 часа утра мы вернулись домой. Опять не по обыкновению рано, Турки отперли двери храма, всегда отпираемые въ шестомъ часу.

Обыкновенно въ полночь служатъ у Св. Гроба обѣдню Греки, за ними Армяне, а послѣ Армянъ католики, такъ что служба идетъ буквально всю ночь. Наши поклонники изъ простаго народа иногда выстаиваютъ всѣ службы. У Св. Гроба многіе изъ нихъ ночуютъ по сорока ночей. Когда очень утомятся, то лягутъ прямо на холодный мраморный полъ.

XVI.

Иерусалимъ, 2 марта 1875.

Недѣлю тому назадъ мы посѣтили Георгіевскій монастырь въ которомъ находится чудотворная икона Георгія Побѣдоносца и оковы его. Греки отдали этотъ разоренный монастырь Сербамъ, и теперешній игумень Сербъ возобновилъ его на свой счетъ. По средамъ въ этой обители готовятъ обѣдъ для поклонниковъ. Одинъ изъ братіи водить ихъ въ эти дни на Элеонъ, показываетъ и объясняетъ имъ всѣ священныя мѣста этой горы и Иосафатовой долины. Возвратясь оттуда они отдыхаютъ и обѣдаютъ уже въ монастырѣ.

Игумень насъ встрѣтилъ съ необыкновеннымъ радушіемъ: повелъ насъ сперва въ церковь, очень бѣдную и небольшую; оттуда въ свою приемную, очень чистую, небольшую комнату, лишнюю всякаго комфорта.

Говорилъ онъ съ нами по-русски, показывалъ намъ служебныя книги, ужасно упрашивалъ придти къ обѣднѣ, а потомъ обѣдать. Угощеніямъ не было конца. Словомъ, будто мы попали къ соотечественнику, давно не видавшему никого со своей стороны.

Возвращаясь изъ монастыря Св. Георгія, мы зашли въ храмъ Св. Гроба. Шедши оттуда я вдругъ безо всякой видимой причины почувствовала себя точно разбитою. Весь вечеръ пролежала въ постели. На другой день пришелъ медикъ и объявилъ что у меня сильная лихорадка. На другой день пропалъ голосъ, боль въ горлѣ и лихорадка еще усилились; началось лѣчение. Всю масляницу я просидѣла въ своей комнаткѣ, глотая пилюли и какую-то микстуру и занимаясь лосканьемъ гора.

Наступилъ постъ. Я объявила врачу что хочу говѣть. Погода была ужасная. Онъ сначала отговаривалъ, но потомъ согласился. Здоровье начало поправляться. Къ моему счастью, іеромонахъ первые два служилъ въ домовой церкви, и я, не смотря на болѣзнь, могла присутствовать при службѣ.

Затѣмъ погода нѣсколько улучшилась, силы мои поокрѣпли, и когда перешли служить въ большую церковь я была уже въ силахъ ходить туда.

Хотѣлось мнѣ причаститься въ Геесиманіи (то-есть у гроба Богородицы) и я отправилась туда. Утро было дивное, пошла я съ разсвѣтомъ. Вся природа замерла, казалось, въ утреннемъ туманѣ, подъ блѣднорозовымъ горизонтомъ. Ни шороха, ни звука, ни одного живаго существа. Только у Дамаскихъ воротъ выскочила собака и тавкнула раза два.

Но вотъ блеснулъ первый лучъ солнца на высокомъ минаретѣ; спускаюсь къ Геесиманіи. То же безмолвіе и безлюдье; только два, три полуобнаженные нищие, сидя на корточкахъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, стараются и голосомъ и фигурой пробудить состраданіе.

Что же это значить? Мнѣ сказали что много Русскихъ будутъ приобщаться въ Геесиманіи.

Спускаюсь въ церковь: и тамъ та же пустота; одинъ монахъ-Грекъ тянетъ что-то въ носъ; стоятъ двѣ, три женщины; я обратилась къ одной изъ нихъ. Это обѣдня? Она кивнула головой. У жертвенника вынимали части. Я подала свои записки. Грекъ, оказалось, умѣетъ читать по-русски. Можно приложиться? спросила я. Можно. Получивъ просфору, я отправилась ко гробу Богоматери помолиться и выйдя оттуда спросила себя: буду ли въ состояніи я съ должнымъ благоговѣніемъ выстоять эту службу, совершаемую на непонятномъ языкѣ, причемъ очевидно ни слова русскаго не будетъ, такъ какъ ни одного поклонника нѣтъ. Я не рѣшилась остаться и ушла на русскія постройки, гдѣ благовѣстили къ обѣднѣ.

Здѣсь готовящихся къ причастію было до тысячи человекъ: весь амвонъ былъ переполненъ народомъ. Кромѣ Русскихъ, были и Арабки; вообще преобладалъ женскій элементъ. Служилъ архимандритъ. Я пробралась также на амвонъ. Благоговѣнно прослушавъ обѣдню, слодобилась приобщиться Св. Таинъ.

Въ ведѣлю Православія греческій патріархъ со многочисленнымъ духовенствомъ, въ числѣ котораго былъ одинъ и изъ

русскихъ іеромонаховъ, совершалъ литургію на самомъ Св. Гробѣ. По окончаніи обѣдни греческое духовенство съ патриархомъ во главѣ, съ иконами и зажженными свѣчами, сопровождаемое толпой народа, при гдѣи „Пречистому образу Твоему покланяемся благой“, обошло вокругъ всего храма и остановилось у входа во Св. Гробъ.

Послѣ служенія мы всѣ были у патриарха, гдѣ собралось уже все духовенство. Намъ подавали неизбѣжное варенье, кофе, ликеръ, чай, и наконецъ монахъ началъ всѣхъ опрыскивать розовою водою изъ какой-то серебряной машинки, послѣ чего духовенство немедленно поднялось и по чинамъ стало подходить къ патриарху прощаться. Послѣ я узнала что это опрыскиванье розовою водою есть знакъ что гостямъ пора со двора.

XVII.

Іерусалимъ, 4 марта 1875.

Сейчасъ возвратились мы изъ Горняго, куда отъехали вчера въ 12 часовъ дня.

Общество наше состояло изъ генеральши П., ея родственницы, М. Н., отца Стефана, члена русскоіи миссіи, еще двухъ монаховъ-поклонниковъ и одной замѣчательной личности, Поляка принявшаго православіе. Онъ безъ денегъ и паспорта пробирается въ Абиссинію проповѣдывать православную вѣру.

Онъ вовсе не собирався въ Горнее, но встрѣтя одного изъ ѣдущихъ съ нами монаховъ узналъ что нашъ луть лежитъ на Филипповъ источникъ и рѣшилъ что онъ долженъ намъ солутствовать, такъ какъ на Филипповомъ источникѣ произошло первое крещеніе Абиссинца. Послѣ долгихъ сборовъ архимандритскій кавасъ объявилъ что все готово; ослѣдланья лошади и ослы стояли у подѣзда съ двумя мальчишками проводниками, вовсе не внушавшими довѣрія. Какъ бы то ни было, мы взобрались на осликовъ, перекрестились и тронулись въ луть. Абиссинскій миссіонеръ сопровождалъ насъ лѣтникомъ. Перерѣзавъ Яффокую дорогу, спустились мы къ Крестовому монастырю и оставя его вправѣ поѣхали по долинѣ засаженной виноградниками, маслинами и фиговыми деревьями, между которыми какъ бархатный коверъ стлалась свѣжая зелень усыпанная лунцовыми цвѣтами.

За этою полосой южной растительности по ту и другую сторону долины высятся каменистыя горы, мѣстами изрытыя пещерами. Скоро наше вниманіе привлечено каскадомъ со страшною силой бьющимъ изъ горы, снабженной каменными желобами; но вода не достигаа ихъ разбивается о скалу.

У отверстія источника замѣтны остатки зданія: то вѣроятно бывшая здѣсь греческая церковь. Полукруглое углубленіе надъ источникомъ есть произведеніе рукъ человѣческихъ. Мы сошли съ ослевъ, выпили этой чистой, необыкновенно вкусной и теплой воды и усѣлись на камни. Я прочла вслухъ восьмую главу Апостольскихъ Дѣяній, повѣствующую о крещеніи апостоломъ Филиппомъ вельможи эеіолскаго. Всѣ эти повѣствованія имѣютъ особенно важное значеніе на мѣстахъ событій. Но солнце жгло немилосердо. Фиговыя деревья находящіяся тутъ въ настоящее время года еще лишены листвы и не даютъ тѣни. Отецъ Стефанъ предложилъ вѣсколько пройти лѣшкомъ, такъ какъ ослы боятся воды, а вода изъ источника покрываетъ склоны долины по которой намъ предстояло ѣхать. Все общество двинулось, отправивъ ослевъ впередъ; но я скоро раскаялась въ своемъ рѣшеніи: приходилось идти прямо по водѣ, а калошъ на мнѣ не было. Я и М. Н. рѣшили что идти нельзя. Другіе всѣ уже были на той сторонѣ ручья. Кавасъ ни за что не хотѣлъ привести ослевъ, увѣряя что на нихъ ѣхать опасно, а предложилъ намъ обѣимъ сѣсть на его лошадь, оспаданную конечно мужскимъ сѣдломъ, да еще съ какимъ-то тюкомъ сзади. М. Н. взобралась на сѣдло, а мнѣ пришлось карабкаться на тюкъ. Только-что я прицѣпилась къ нему и хотѣла возможно ловчѣе усѣсться какъ лошадь тронулась, и я очутилась на камняхъ дороги. Къ счастью не ушиблась, и кавасъ принужденъ привести осла, который благополучно перевезъ меня на ту сторону.

Во времена апостольскія, эеіолскій вельможа ѣхалъ по этому пути въ колесницѣ, а телерь дорога стала едва возможна для верховыхъ.

Отъ Филиппова источника мы должны были чрезъ горы пробраться въ такъ-называемаго Іоаннову пустыню, гдѣ Предтеча Господень провелъ свою первую молодость и даже часть дѣтства, суровымъ подвигомъ готовясь къ своему высокому служенію.

Четыре часа провели мы то взбираясь на страшныя стремнины, то спускаясь по такимъ извилинамъ и обрывамъ что

лошади и ослы отворачивались и не хотѣли идти. Кавасъ вѣхалъ впереди, указывая путь, а мальчишки-проводники, ничего не понимающіе по-русски, только увеличивали опасность. Какъ только осель почуветь ихъ приближеніе, начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону и тогда и гледи свалится въ пропасть или слотыкнется. Не разъ вспомнила я старика Ибрагима, многоопытнаго и предупредительнаго слугника въ іорданской поѣздкѣ. Наконецъ, усталые, съ сожженными солнцемъ лицами, выбрались мы на сколько-нибудь сносную дорогу, приведшую насъ къ лещерѣ служившей жилищемъ Іоанну. Самую природою устроена лещера эта въ громадной каменной горѣ, подъ уступомъ которой спускается какъ стѣна прямой, страшный обрывъ въ глубокую лощину. Къ лещерѣ ведетъ крутая, узкая каменная лѣстница. Около входа въ нее изъ скалы бьетъ ключъ свѣжей воды, наполняющій обширный четверугольный бассейнъ. Выливаясь изъ него, шумя и разсылаясь брызгами, вода орошаетъ узкій уступъ горы, локрытый, какъ зеленою лентой, свѣжею, прелестною растительностью. Внутренность лещеры остается въ первобытномъ видѣ. Все тѣ же стѣны, тотъ же природный сводъ изъ дикаго камня, безо всякихъ украшеній; только полъ выровненъ католическими монахами которымъ принадлежитъ это мѣсто. Два отверстія въ камнѣ, одно круглое, маленькое, другое четверугольное съ рѣшеткой, пропускаютъ въ нее свѣтъ, вмѣстѣ съ отверстіемъ входа. Противъ него, природный камень, составляющій одно со стѣной, служитъ престоломъ. На немъ стоитъ бѣлый деревянный крестъ съ чернымъ Раслатіемъ. Иногда приходятъ сюда монахи изъ Горнаго совершать литургію.

Никакой звукъ, никакой шелестъ не прерываетъ таинственнаго безмолвія; лишь одинъ шумящій ключъ, какъ бы прообразъ и воспоминаніе строгой проповѣди могущественнаго проповѣдника, оживляетъ окружающую пустыню.

Спустясь еще нѣсколько отъ лещеры, мы расположились отдохнуть на единственно зеленомъ уступѣ скалы, подъ тѣнью рожковаго дерева, до земли спускающаго свои вѣтви. Отъ него, по краю обрыва, гирляндой тянутся виноградныя лозы; подъ ними рядъ лимонныхъ деревьевъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ природою, будто бархатные лунцовые цвѣты, и вьющіяся по утесу дикія плющи составляютъ узкую, прелестную полоску растительности теряющуюся между громадныхъ,

голыхъ скалъ. На той сторонѣ глубокаго ущелья возвышается вершина горы пророка Самуила—мѣсто его могилы. Прежде тутъ была церковь, теперь мусульманская мечеть.

Влѣво отъ горы Самуила, лѣвится какъ гнѣздо ласточки крошечная арабская деревушка. Отдохнувъ немного, мы разстались со священною мѣстностью чтобъ успѣть до заката солнца добратъся до Горняго. Дорога пошла нѣсколько лучше, но все еще лѣпилась надъ обрывами.

Немного не доѣзжая Горняго, отецъ Стефанъ объяснилъ намъ, указывая на широкую долину лежащую у подошвы горной цѣли по которой мы ѣхали и изрѣдка усаженную маслинами; что это долина Теревинѣевъ гдѣ Давидъ побѣдилъ Голиаѳа.

Предъ нами, на горномъ склонѣ, показались стѣны католическаго монастыря, съ небольшою изящною колокольною, съ зеленью кипарисовъ; а влѣво отъ него лютеранскія постройки, также за каменною стѣною. То было Горнее. Но мы повернули направо и подыались къ другой каменной оградѣ, корридоромъ идущей между двухъ строеній, освѣщенныхъ крестами. У одного изъ нихъ мы остановились: насъ встрѣтила очень радушно пожилая русская женщина и ввела въ свѣтлый, чистый домъ, съ новою мебелью, съ поэтическимъ горнымъ ландшафтомъ предъ италіянскими окнами. Это домъ устроенный нашимъ архимандритомъ на купленной имъ землѣ, для успокоенія поклонниковъ. Я страшно устала и легла на диванъ, но чрезъ нѣсколько минутъ желаніе видѣть мѣстность подвело меня; я взшла на крышу, гдѣ были и мои спутники. Что же это за строеніе напротивъ? Это развалины греческой церкви, въ послѣдствіи доставшейся крестоносцамъ. Середину занимаетъ и теперь небольшая католическая церковь. На этомъ мѣстѣ былъ загородный домъ Захаріи, въ который Св. Марія, послѣ благовѣствованія архангельскаго, приходила къ святой своей родственницѣ. (*Иде Маріамъ въ Горнее со тщи-ніамъ во градъ Іудовъ и видѣ въ домъ Захаріи и члѣова Елисаветъ*) и излила восторгъ, переполнявшій душу, въ великомъ божественномъ гимнѣ: *Величитъ душа моя Господа.*

Направо высится крутая гора засаженная сверху оливками, а внизу апельсиновыми и лимонными деревьями. Прямо противъ насъ, за красивою дощиной, также видны отлогіе горные склоны, уступы которыхъ мѣстами засѣяны пшеницей, мѣстами засажены оливами. Лѣвѣе, на полукругломъ

выступъ окаймленномъ зелеными террасами съ одной и горною вершиной съ другой стороны, лежитъ собственно Горнее, бывшее во времена Иудеевъ городомъ, въ которомъ жили священники въ свободное время отъ очередной службы при храмѣ и въ томъ числѣ и Захарія. Теперь это ничтожная деревушка прильпившаяся къ католическому монастырю Иоанна Предтечи. Боль въ щекѣ заставила меня сойти съ крыши, потому что начинало холодѣть.

М. Н. уже хлопотала за чайнымъ столомъ, а въ углу на диванѣ, вокругъ другаго стола, помѣстились наши спутники, въ ожиданіи чая. Зажглись лампы, зашумѣлъ самоваръ, оживился разговоръ, которымъ овладѣлъ абиссинскій миссіонеръ. Возбужденный вопросами одного изъ іеромонаховъ онъ, съ непоколебимою вѣрой въ истину своего мнѣнія, началъ объяснять таинственное значеніе Алокалалсиса, мѣста въ немъ относящіяся по его мнѣнію къ Россіи, и указавшую въ немъ судьбу человѣчества. Абиссинцы привлекли его любовь, во время путешествія и долгаго у нихъ пребыванія, твердостью своихъ правилъ и желаніемъ облизиться съ Россіей, чтобы принять православіе, несмотря на замѣченное имъ отчужденіе отъ нихъ нашего отечества.

Этого миссіонера многіе принимаютъ за помѣшаннаго, но я не возьму на себя это сказать. Есть въ его словахъ иное несогласное съ ученіемъ православной церкви,—правда; но рѣчь его простая, понятная и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательная, проникнута горячимъ убѣжденіемъ и несомнѣнно доказываетъ что этотъ человѣкъ за свое дѣло, или принимаемое имъ за такое, готовъ отдать и отдастъ и свободу и жизнь. Іеромонахъ дѣлалъ ему, иногда, довольно проницескія замѣчанія. Онъ это ясно видѣлъ, но отвѣчалъ совершенно спокойно и просто. На вопросъ: чѣмъ онъ запасся на дорогу? онъ отвѣчалъ: „Ничѣмъ. У меня нѣтъ ни двухъ одеждъ, ни серебра или мѣди въ поясъ, ни сумы, ни посоха: я иду во имя Господа Іисуса и о завтрашнемъ днѣ не лежусь. Теперь живу въ русской миссіи, а вышлетъ миссія, найду другое пристанище пока не придетъ время продолжать мой путь.“ Св. Писаніе и Вѣхій и Новый Заветъ онъ знаетъ изумительно, какъ книга, и на все имѣетъ готовое объясненіе.

Наконецъ усталость взяла свое, я крѣпко заснула, укутанъ въ тальму, и проснулась когда комната была залита солнечнымъ свѣтомъ. Какъ разъ всѣ мы были готовы, и отецъ

Стефанъ пригласилъ насъ въ отпертую уже церковь „Цѣлованіа“. Она очень не велика, съ каменнымъ поломъ, изразчатными стѣнами и двумя престолами. Одинъ находится въ углубленіи и за нимъ образъ встрѣчи святыхъ женъ. Престолъ бѣлый мраморный и полъ подъ нимъ также. На стѣнѣ надъ престоломъ въ мраморѣ высѣчены крестъ и двѣ руки: какают католическая аллегорія. Около престола на полу поднимается каменная крышка: то колодезь какъ кристалъ чистой воды. Онъ называется колодеземъ Пресвятой Дѣвы, такъ какъ, по преданію, во время своего пребыванія у Елисаветы она черпала отсюда воду. Надѣво, ближе къ выходу, другой мраморный престолъ и надъ нимъ образъ Рождества Іоанна Предтечи, этотъ престолъ посвященъ его имени. Направо, въ углубленіи стѣны, камень за которымъ, по преданію, былъ спрятанъ младенецъ Іоаннъ во время избіенія дѣтей Иродомъ. Изъ этой церкви Арабъ проводникъ повелъ насъ въ другую часть зданія, соединенную съ нею наружною стѣною, за которою открывается небольшое пространство покрытое развалинами и мусоромъ. Надъ этими развалинами возвышаются двѣ древнія арки покоящіяся на основаніи изъ громадныхъ камней: то остатки іудейской постройки дома Захаріи. Арки же напоминаютъ строенія крестовосцевъ. Затѣмъ мы пошли смотрѣть домъ нашего архимандрита, выстроенный имъ для поклонниковъ изъ простаго народа.

Здѣсь тоже все очень чисто, свѣтло, удобно. За порядкомъ смотреть встрѣтившая насъ женщина, которая и живетъ тутъ, да еще Арабъ караульщикъ и Армянинъ садовникъ. Около дома принимаются молодые киларисы и олеандры; зрѣютъ лимоны и рожки. Слустая по отлогому откосу горы, мы остановились у колодца также носящаго названіе колодца Маріи; вся мѣстность освящена Ея присутствіемъ.

Отсюда каменистая дорога чрезъ арабскую деревню привела насъ въ католическій монастырь Рождества Іоанна Предтечи. Внутренность храма очень изящна. Онъ дѣлится на три прѣдѣла, изъ коихъ въ среднемъ престолъ помѣщается на небольшомъ возвышеніи. Предъ нимъ изъ мозаики сдѣлано прелестное подобіе ковра. Надѣво за чугунною рѣшеткой небольшой слускъ въ лещеру Рождества Св. Іоанна. Здѣсь подъ престоломъ сдѣланъ мраморный бѣлый кругъ съ барельефнымъ изображеніемъ событія. Въ серединѣ круга отверстіе чрезъ которое открывается скала и къ ней

прикладываются. Священное мѣсто освѣщено нѣсколькими горящими лампадами. При выходѣ изъ прѣдѣла, виситъ громадная картина изображающая Иоанна въ пустынѣ; нѣзвѣсто такая же картина, предметомъ которой служить усѣкновеніе главы Іоанна, а между ними на колоннѣ картина изображающая Претечу проповѣдующаго на берегахъ Іордана. Говорятъ, эти картины произведеніе кисти знаменитаго Мурильо и замѣчательно хороши, но въ храмѣ слишкомъ темно и нельзя было отчетливо разсмотрѣть ихъ. Направо отъ средняго престола, за чугунною же рѣшеткой, третій мраморный престолъ, а въ углубленіи правой стѣны камень съ котораго, по преданію, проповѣдывалъ Креститель Господень. Помолвившись въ этомъ святомъ мѣстѣ и поручивъ себя молитвамъ великаго пророка Господня, мы снова сѣли на нашихъ осадковъ и, миновавъ арабскую деревню, начали выбираться по каменистымъ уступамъ на крутую скалистую гору. Съ ея вершины видна синева Средиземнаго моря. Вѣтъ Горнее скрылось, и кромѣ неба да скалъ ничего не стало видно. Спускъ съ горы довольно отлогій. Мы возвращались другимъ путемъ. Но сравнительно ровной мѣстности достигли мы Яффской широкой дороги и рысью приближались къ Іерусалиму. Миновали роскошный садъ какого-то турецкаго эфенди и въѣхали въ новое предмѣстье древняго города Давидова. Вѣзво горная цѣль была облита совершенно розовымъ свѣтомъ. Ясное, голубое небо блѣднѣло предъ чудною лазурью заіорданскихъ горъ, составлявшею волшебнѣе-прекрасный фонъ, на которомъ рисовалась южная часть Іерусалима: Давидова башня, Сіонская стѣна, высокій минаретъ и темная зелень древнихъ кедровъ армянской патріархіи. Сколько свѣта и силы въ этомъ южномъ колоритѣ!

И странно что встрѣчающіеся намъ горбатые, некрасивые верблюды, покачиваясь, мѣрно передвигающіе свои длинныя ноги, не дѣлаютъ диссонанса въ этой картинѣ, а пополняютъ ее; переноса воображеніе къ тѣмъ, отдаленнымъ временамъ когда на ихъ предкахъ путешествовали Ревекка и Рахиль.

XVIII

Иерусалимъ 13 марта, 1875.

Въ понедѣльникъ 10 марта мы отправились на Иорданъ.

Вмѣсто девяти часовъ выѣхали около полудня. Общество было то же что и въ Горнемъ и еще одна поклонница монахиня.

Выѣхавъ изъ Иерусалима мы увидѣли сдѣланнаго на землѣ съ нѣсколькими Абиссинцами проповѣдника, нашего спутника въ Горнее. Увидѣвъ насъ, онъ оставилъ своихъ слушателей и присталъ опять къ намъ. Когда отъ источника Апостоловъ выѣхали мы въ узкую долину, солнце стало жечь безъ милосердія. Молча и шагомъ ѣхали мы подъ его отвѣсными лучами. Теперь эта дорога приняла болѣе пріятный видъ отъ бывшихъ въ февралѣ сильныхъ дождей, и сама она и окружающія горы покрылись зеленью. На подорожѣ, въ полуразрушенной пещерѣ, весной устраивается родъ кофейни, именуемой *гостиницей*, оттого что напротивъ находятся развалины древняго зданія бывшаго будто бы гостиницей, упоминаемой Христомъ въ притчѣ о благодѣтельномъ Самарянинѣ.

Кофейня открывается весной оттого что въ это время года тутъ ѣздятъ непрерывно караваны Франковъ (такъ здѣсь зовутъ всѣхъ Европейцевъ), тогда какъ въ другое время развѣ пройдетъ извѣдка Арабъ съ іорданскою рыбой во святой городъ или пройдетъ толпа русскихъ богомольцевъ, все люди не нуждающіеся въ кофе. Съ радостью слѣзли мы съ лошадей и расположились, кто на изломанномъ стулѣ, кто на камнѣ около грязнаго, косаго стола, защищеннаго остатками пещеры отъ солнца. Арабы-хозяева, приходящіе сюда изъ ближайшей деревни для поживы отъ Франковъ, предложили намъ апельсировъ, воды и кофе. Освѣжившись мы снова пустились въ путь. Долина смѣнилась горною дорогою, но широкою и большею частию защищенною со стороны проласта камнями. Прежде, говорить, тутъ было страшно трудно и опасно ѣздить; но одна очень богатая русская поклонница развѣ упала и очень ушиблась, по случаю чего и пожертвовала огромную сумму денегъ на исправленіе дороги, теперь совершенно безопасной. Дай ей Богъ доброе здоровье.

Все что есть здѣсь хорошаго то устроено Европейцами, а Турки не только сами ничего не улучшаютъ, но часто даже не дозволяютъ и другимъ улучшать.

Когда мы стали спускаться къ Иорданской долианѣ, солнце скрылось за облаками, на горы палъ легкій туманъ, стало свѣжѣе. Отецъ Стефанъ отправилъ муловъ съ вещами прямо въ Иерихонъ, а мы повернули назадъ, къ горѣ Искушенія. Перейдя въ бродѣ шумящій источникъ Харанъ, миновавъ его зеленѣющую окрестность, мы сошли съ лошадей и подошли къ обходному подъему на гору Искушенія, лугавшую насъ своимъ гигантскимъ видомъ. Какъ отвѣсная скала высятся эта громада. „Какъ мы пойдемъ? а кажется не дойду и пр.“ слышится между нами. Но какъ нейти, когда съ тѣмъ прѣехали? Мушны отправилась впередъ. Мой старый знакомый Ибрагимъ, посланный съ нами кавасомъ, всталъ подъ руку генеральшу П. и мы потянулись одинъ за другимъ по вьющейся зигзагами каменистой тропѣ на страшнаго великана. Чѣмъ выше взбирались мы тѣмъ труднѣе дышали, тѣмъ чаще присаживались на камни, стараясь не глядѣть внизъ, тѣмъ яснѣе казалося намъ что врядъ ли дойдемъ. Разъ Ибрагимъ даже выразилъ неудовольствіе на меня: „она одинъ минутъ пошла и опять сѣла“, объяснялъ онъ съ вѣкоторою досадою своей слугицѣ. Но стало въ самомъ дѣлѣ страшно. Узкая, изрытая тропа висѣла надъ самою пропастью, а съ другой стороны нависла, будто готовая придавить, скала, такъ что нужно было нагнувшись идти подъ ней. Въмѣсто ободренія кто-то вздумалъ разказывать еще что въ этомъ мѣстѣ сорвалась и упала въ пропасть локонница. Сверху какой-то монахъ кричалъ чтобы дальше первой площадки не ходить, что тамъ дорога еще хуже.

Выбрались изъ подъ скалы. „У меня въ виски бьетъ невыносимо,“ повторяетъ М. Н. перевода духъ. У меня тоже какъ молотомъ стучало въ виски, захватывало духъ. „Еслибы чаю выпить,“ говоритъ кто-то свади меня. „Вотъ еще что придумали.“ Но еще нѣсколько шаговъ надъ этимъ страшнымъ обрывомъ, и мы на площадкѣ, со стороны пропасти защищенной грудой камней. У меня голова закружилась, въ глазахъ стало темнѣть, когда я садилась на камень. Вдругъ точно съ неба явилась помощь: монахъ сверху несетъ кружку воды и чашку чая. Я обила голову, выпила воды и чаю, и стало свѣжѣе въ отуманенной головѣ.

Оседлавъ пока сердцебиеніе совсѣмъ успокоилось, я стала подниматься опять уже по крутымъ высокимъ ступенямъ. После лѣстницы опять площадка, и опять подали намъ сверху немного чаю, который никогда въ жизни не пили мы съ такимъ наслажденіемъ. Наконецъ послѣдній подъемъ—тоже вѣчно въ родѣ лѣстницы, поднимающейся къ продолговатой площадкѣ, огороженной деревянною загородью со стороны пропасти. Это конецъ пути. Съ площадки ходъ въ пещеру, гдѣ не преданію сорокъ дней постомъ и молитвой готовился Спаситель міра къ своему служенію—спасенію рода человеческого. Нѣкогда тутъ была маленькая церковь, давнымъ давно разрушившаяся, и теперь пещера почти въ первобытномъ видѣ. Дѣлится она на трое. Въ первомъ отдѣленіи, куда мы вошли, уже давно сидѣли наши спутники, на каменныхъ уступахъ покрытыхъ коврами. Намъ также усадили, и явились опять чай, варенье и вода. Монахъ подававшій это еще извинялся что имъ больше нечѣмъ угостить. „Да чего же еще? сказала я, и это совершенное благодѣаніе.“

Съ прошедшаго года, когда въ этой сторонѣ стало опасно отъ Бедуиновъ, здѣсь поселился греческій іеромонахъ, отецъ Аркадій, чтобы давать помощь взбирающимся сюда съ такимъ трудомъ поклоуникамъ, подкрѣплять чѣмъ-нибудь ихъ ослабѣвшія силы и молиться за весь православный міръ. Къ нему пристали теперь два послушника, говорящіе по-русски, и вотъ они-то сперва предостерегали насъ о трудности послѣдняго подъема, а потомъ, узнавъ что мы хотя и устали, но рѣшились идти дальше, прислали намъ для подкрѣвленія чай и воду.

Но каково имъ носить воду и дрова на подобный подъемъ? Каково доставать какую бы то ни было провизію? Ближе Іерусалима ничего нельзя найти. Во время дождей дѣлается скользко, и иногда по два и по три дня они голодаютъ по невозможности сойти съ горы. Тѣ колѣйки которыя оставляютъ въ ихъ кружкѣ поклоуники они употребляютъ на ихъ же угощеніе, на свою скудную пищу и часть еще отдаютъ Бедуинамъ, которые вѣрѣдко приходятъ къ нимъ и объявляютъ что сегодня имъ нечего ѣсть. Этою скудною даждю теперь довольствуются буйные сыны Измаила; но прежде они приставъ къ горлу потребовали бы больше. Быть-можетъ и то разочли что хоть повемногу да постоянно получать лучше чѣмъ убить отшельниковъ и остаться

совсѣмъ безъ дохода. Какъ бы то ни было, Господь хранитъ своихъ подвижниковъ. Оправившись вѣсколько отъ усталости, мы пошли въ другую часть пещеры. Тамъ церковь, то есть каменный престолъ, и за нимъ двѣ, три иконы довольно грубой византійской живописи, да гравированное большое изображеніе Богоматери. Такимъ образомъ эта пещера опять оживилась присутствіемъ подвижниковъ, совершающихъ тутъ иногда божественную литургію. Отецъ Стефанъ пролѣзъ *Достойно* предъ иконой Богоматери, имени которой посвящена церковь достойная первыхъ вѣковъ христіанства; мы приложились ко кресту и вышли противоположнымъ выходомъ изъ пещеры на маленькій бугорокъ скалы, выходящій къ обрыву. Съ этого бугорка беретъ начало полуразрушившаяся крашеная лѣстница, образующая родъ арки. Надъ ней въ скалѣ сохранился высѣченный престолъ, а надъ нимъ въ нишѣ—икона благословляющаго Спасителя. Предъ престоломъ маленькій уступъ, ничѣмъ не защищенный отъ пропасти. Къ этому уступу и прилегалъ лѣсенка. Отецъ Стефанъ отказался идти туда; его примѣру послѣдовали и всѣ мы; но отецъ Аркадій, стоявшій уже на уступѣ и готовый подать руку чтобы поддержать, подѣйствовалъ иначе на гжу П.; она первая ступила на остатокъ разрушенной лѣстницы и поддержанная отцомъ Аркадіемъ взшла къ престолу Спасову. Когда она сошла, то поощренная ея примѣромъ взшла и я. На этой страшной стремнинѣ, освященной подвигомъ Богочеловѣка, предъ Его благословляющею иконой, съ какою мольбой говоритъ душа: „не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго“.

Слускъ всегда легче подъема, но свѣжихъ силъ уже не было: ноги начинали дрожать. Я отстала отъ другихъ; отецъ Стефанъ и миссіонеръ шли за мной чтобы не оставить одну. Всему есть конецъ: спустились и мы; но уже совсѣмъ стало темно когда достигли того мѣста гдѣ оставили лошадей. Какое было наше удивленіе когда мы увидѣли что ни лошадей, ни слугчиковъ нашихъ тутъ нѣтъ. Мои товарищи начали кричать, но отвѣта не было. Чтò дѣлать? „Вѣрно они уѣхали къ Елисееву источнику, рѣшилъ отецъ Стефанъ:—я тутъ дорогу знаю, пойдемте“. Пошли. Терновый кустарникъ безпрестанно цѣплялся и рвалъ платье; усталыя ноги слотыкались о камни. На крикъ все не было отвѣта. Я начинала бояться что силы мнѣ совсѣмъ измѣняютъ. Вдали видѣлись

оговѣки: то были палатки Американцевъ расположившихся мочевать на берегу Едиссева источника, какъ мы узнали послѣ. Дошли до нихъ. Я сѣла на землю и объявила что идти дальше не могу. „Да пойдемте, напьёмтесь у источника, вѣдь онъ рядомъ“, увѣщивалъ отецъ Стефанъ; но то была минута слабости противъ которой не было средствъ бороться. Добрый старичокъ съ участіемъ меня уговаривалъ, предлагалъ нести мои вещи, но кромѣ шелкового платка у меня въ рукахъ ничего не было. У миссіонера оказалась бутылка, онъ привезъ мнѣ воды, которая меня освѣжила; мнѣ показалось вдругъ что я очень свободно могу дойти до Иерихона, а это, по всей вѣроятности, намъ предстояло: нашихъ у Едиссева источника не было.

Отецъ Стефанъ также едва шелъ отъ усталости. Миновали мы американскій бивуакъ и опять начали кричать. Скоро на нашъ крикъ слышался отвѣтъ сзади. „Сюда, сюда“, неумолкаемо кричали мои спутники; ближе и ближе раздавалась отзывъ. Наконецъ послышался разговоръ, возгласы изумленія, радости, досады и проч.: „Батюшка, что вы съ нами сдѣлали!“ кричала монахиня поклонница, предположившая что мы непременно попались Бедуинамъ и перепугавшая всѣхъ. Взлѣзли мы на лошадей, начались разспросы и объясненія: оказалось что наши спутники, гораздо раньше насъ спустившіеся съ горы, наши почему-то болѣе удобнымъ переѣхать на сосѣднюю долинку и тамъ насъ ожидать. Они намъ кричали, но мы еще видно были высоко и не слышали, а спустившись съ горы пошли въ другую сторону отъ нихъ. На ту бѣду крикъ смолкъ. Идя къ Едиссеву источнику, мы все больше отъ нихъ удалялись. Они же стояли на мѣстѣ и посылали каваса и одного изъ монаховъ насъ разыскивать: тутъ-то, наконецъ, онъ и услышалъ нашъ крикъ и повелъ все общество. Въ десятомъ часу достигли мы Иерихона. Наши мулы ожидали насъ на мѣстѣ куллевномъ архимандритомъ для постройки страннопріимнаго дома. Намъ говорили что тутъ есть комната гдѣ можно отдохнуть, но комната оказалась просто лачугой Араба. Отъ духоты въ ней невозможно было сидѣть. Около нея, на камняхъ, подъ открытымъ небомъ напились мы чаю и тутъ же разостлали цѣновки, положили, у кого были въ запасѣ, подушки подъ голову. За неимѣніемъ таковой я велѣла принести свое сѣдло, накрыла его кофтой и завернулась въ пледъ. Спать впрочемъ никто

не могъ. Скоро находившіеся вблизи ослы начали свой раздирающій душу концертъ. Въ немъ принимали участіе неподалеку стоявшій верблюдъ и собаки. Это сосѣдство въ довершеніе всего отравляло атмосферу ужаснымъ запахомъ. Въ два часа пришелъ къ намъ отецъ Стефанъ сказать что скоро пора вхаты. „Ради Бога скорѣе поѣдьте; мы здѣсь глазъ смежить не можемъ“, отвѣчали мы. „Да, признаться, у васъ тутъ запахъ такой тяжелый, у насъ тамъ лучше подъ лимоннымъ деревомъ, а тоже что-то не спится.“ Вотъ это хорошо, сами помѣстились подъ цвѣтущимъ, развѣсистымъ деревомъ, а насъ оставили около ословъ и верблюдовъ. Но упрекъ былъ несправедливъ, намъ же была предоставлена такъ-называемая комната. Начались сборы: явился другой кавасъ нашего консульства со своими услугами. „Рашидъ, ты какъ здѣсь?“ спросила я. „А я съ поклонникъ на Иорданъ иду“, былъ отвѣтъ. Это обстоятельство мнѣ сильно не понравилось; дѣлать нечего, скорѣй на лошадь, да въ путь: уже наши слугицы сидятъ въ своихъ корзинкахъ на мулѣ. Тронулись по ровной, освѣщенной луной дорогѣ. Я едва не заснула на сѣдлѣ. Вотъ и шумъ благословеннаго Иордана сталъ слышенъ. На берегу уже спали прежде пришедшіе поклонники. Какъ только сняли меня съ лошади, я перекрестилась, закуталась въ пледъ и упала на землю. Подъ шумъ Иордана я скоро заснула какъ мертвая. Когда проснулась уже было совсѣмъ свѣтло, но небо сѣрое. По воднымъ струямъ несло церковное пѣніе. Я послѣдила къ начавшемуся молебну и еще разъ имѣла счастье услышать на берегу Иордана крещенскій тропарь.

До верха полная отъ зимнихъ дождей рѣка еще съ большимъ шумомъ и быстротой несла свои священныя воды. Молебенъ кончился, насъ окропили святою водою, народъ лавалилъ въ рѣку. Они узнали что съ нами ѣдетъ іеромонахъ и собрались чтобы воспользоваться этимъ случаемъ отслужить здѣсь молебенъ. Они всѣ были одѣты какъ на смерть, въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ, а женщины въ бѣлыхъ или черныхъ платкахъ на головѣ. Они для того кулаются въ этомъ одѣяніи, чтобы потомъ сохранить его и лечь въ немъ въ гробъ.

Этотъ неожиданный наплывъ поклонниковъ отягчал у насъ возможность кулатся. Часа два сидѣли мы здѣсь. Наконецъ мужики начали обступать отца Стефана. „Благослови, батюшка, въ путь; слава Богу, привелъ Господь“. Послѣ

благословенія пошам такіе длинныя сборы, сперы съ кавасомъ, что переждать ихъ всѣхъ не было возможности. Мы наполнили водой свои бутылки, напились, походили по берегу и стали тоже собираться въ путь. Солнце выплыло изъ облаковъ и озолотило сѣрую ленту Иордана окаймленную зеленью.

Пришелъ караванъ католиковъ; раскинулся шатеръ, облачился латеръ, общество стало на колѣни, обнажило головы и получило благословеніе. Началось служеніе представителей другой церкви надъ священными водами. Мы отправились къ развалинамъ монастыря Іоанна Предтечи, на основаніи которыхъ многіе полагають что противъ этого мѣста было крещеніе Христа. Солнце опять начало сильно грѣть. Дорога идетъ по лесчанной долинь, всю растительность которой составляютъ такъ-называемыя содомскія яблоки (это растеніе даетъ маленькій круглый плодъ, не дурной на видъ, но внутри наполненный пылью), потомъ начинается, сначала отлогій, а затѣмъ крутой подъемъ по косогору. Наше общество раздѣлилось на-двое. Первая половина ушла у насъ изъ вида, впереди второй вѣхала я. Гора на которую мы поднялись, узкою покатою съ обѣихъ сторонъ дорожкой, соединяется съ другою горой, по страшно крутому склону которой пролегаетъ также узкая, покатая (къ обрыву) тропа. „Туть нельзя вѣхать, я сойду“, крикнула сзади меня М. Н. Это было мнѣ предостереженіе. Но вѣдь другіе же проѣхали, подумала я, и тронувъ лошадь продолжала путь. Вѣхала на тропинку, достигла почти середины, и вдругъ внезапно почувствовала страхъ; но не только не хотѣла, а положительно не имѣла времени проявить его въ какомъ-либо внѣшнемъ дѣйствиіи, какъ въ тотъ же моментъ моя лошадь сдѣлала быстрый вольтъ налѣво и встала задомъ къ обрыву на такой крутизнѣ что меня потянуло назадъ; я судорожно схватилась правою рукою за луку. По милости Божіей еще страхъ не совсѣмъ отуманилъ мнѣ рассудокъ: лѣвою рукою я чуть-чуть тронула поводъ, съ замирающимъ сердцемъ. Умное животное, съ осторожностію человѣка, стало поворачиваться налѣво и встало вдоль тропы, терпѣливо ожидая чтобы слѣпившій на помощь кавасъ взять ее подъ уздцы и провелъ назадъ, гдѣ мои спутники въ ужасѣ смотрѣли на происшедшее. Видно когда часъ не пришелъ ничто не опасно.

Взобравшись лѣшкомъ на вершину горы, мы достигли разваливъ монастыря. Съ прошедшаго года въ этихъ развалинахъ,

оставшихся пустыи со времени похода Козрова, также поселилось несколько монаховъ, которые мало-по-малу очищаютъ ихъ отъ мушера и камней.

Теперь тутъ уже происходитъ иногда служеніе; отдѣляя иконостасъ изъ шелковой матеріи, предъ иконами зажигаются лампады. Когда мы пришли, русскіе поклонники служили молебень; русскій же монахъ богомолецъ читалъ акаѳистъ Св. Иоанну. Русское, родное пѣніе и чтеніе въ Святыхъ Мѣстахъ необыкновенно отрадно дѣйствуетъ на душу. Помолвившись и приложившись ко святымъ иконамъ, мы перешли въ другую часть разрушеннаго зданія, служащую келіей здѣшнымъ монахамъ. Она тоже имѣетъ видъ пещеры: каменные лавки покрытыя ковромъ и сосуды съ іорданскою водою составляютъ все ея украшеніе. Монахи угощали насъ ею и вареньемъ.

По песчаной, мѣстами бѣлой какъ полотно дорогѣ тихо приближались мы къ Мертвому Морю. Иорданъ скрылся. Песокъ блестѣлъ, и несмотря на то что испаренія отъ Мертваго Моря лежали туманомъ на всей мѣстности и придавали небу сѣроватый оттѣнокъ, солнце положительно жгло. Безъ лучей, какъ огненный шаръ стояло оно въ этомъ сѣромъ пространствѣ надъ безлюдною, песчаную пустыней. Вдругъ показался изгибъ рѣки, прервавшей на минуту своимъ шумомъ глубокую тишину. Овъ слѣва одѣтъ будто искусственною набережною природнымъ камнемъ, а справа украшенъ, точно изумрудною діадемой, прелестною растительностью. Иорданъ блеснулъ лучомъ жизни въ этой мертвенной пустынѣ.

„Иорданъ?“ спросила я.—Да, отвѣчалъ Ибрагимъ. Радостный взглядъ на этотъ уходившій изъ вида шумящій, зеленѣющій изгибъ іорданскій былъ послѣднимъ привѣтомъ моего сердца священнымъ струямъ.

Часа чрезъ полтора добрались мы до Мертваго Моря. Оно лежитъ между двухъ горныхъ цѣпей совершенно лишенныхъ растительности; сверху всегда покрыто какъ бы туманомъ своими испареніями; имѣетъ 20 верстъ ширины и 60 данин, какъ говорятъ. Поверхность его теперь свѣтлоголубая, съ легкою зыбью. Вода чистая, но крайне непріятная на вкусъ и вонючая до того что, говорятъ, иногда на его берегахъ нельзя дышать. Это море лишено всякой жизненности, никакое живое существо не можетъ жить въ его водахъ: занесенныя Иорданомъ рыбы немедленно умираютъ. Ни птицы надъ поверхностью, ни насѣкомаго, ни растенія нѣтъ на его берегахъ. Это царство безмолвія и смерти.

Тот же песчаной доиной достигли мы развалины древняго монастыря Св. Герасима. Онъ былъ сооруженъ на горѣ на томъ мѣстѣ гдѣ, по преданію, отдыхала Матерь Божія во время бѣгства въ Египетъ. Иорданъ течетъ близко отъ монастыря, хотя его и не видно.

Въ ближайшемъ отсюда мѣстѣ онъ, говорятъ, такъ мелокъ что его можно перейти въ бродъ. Преданіе также говоритъ что тутъ Іисусъ Навинъ перевелъ черезъ него, народъ Израильскій шедшій изъ Египта. На томъ мѣстѣ гдѣ совершаютъ теперь богослуженіе находилася библейскій Галгаль, около котораго Израиль поставилъ шатры свои и гдѣ возблагодарилъ Іегову за чудесное свое избавленіе.

Монастырь Св. Герасима былъ разрушенъ Хозроемъ, и только недавно стали очищать его и жить въ немъ монахи. Въ древнемъ алтарѣ нижней церкви уже совершаютъ литургію, но верхній храмъ такъ разрушенъ что трудно его исправить. Бѣдность тутъ страшная. Монаховъ всего, кажется, трое: въ грубой одеждѣ, босые, съ загорѣлыми лицами, они напоминаютъ древнихъ подвижниковъ. Живутъ они въ прилегающемъ къ церкви какъ бы подземельѣ въ родѣ подвала. Жилище это темно и непривѣтливо; но для странниковъ у нихъ находятся сухие плоды, свѣжая вода и даже чашка кофе, а главное—радушный привѣтъ. Великолѣпіе европейскихъ храмовъ возвышаетъ конечно душу, но подобныя развалины, служившія могилою многихъ мучениковъ и жилищемъ подвижниковъ святой вѣры, глубже на нее дѣйствуютъ.

Часа въ три пріѣхали мы въ Иерихонъ и расположились уже подъ лимоннымъ деревомъ. Это дерево единственное по красотѣ. Дѣлящееся на три огромные ствола, оно своими густыми вѣтвями образуетъ громадный шатеръ. Между листовою вездѣ блѣбуютъ чудно-пахучіе цвѣты. Все наше общество съ одной стороны, и часть поклонниковъ съ другой помѣстившись подъ его роскошнымъ навѣсомъ и привалились за чай. Я только здѣсь узнала цѣну чаю и апельсинамъ: это истинное благодѣаніе при постоянно мучающей въ здѣшнихъ лѣткахъ жаждѣ.

До вечера еще оставалось долго; нѣкоторые, и я въ томъ числѣ, пошли гулять. По отлогой тропинкѣ, между тервонною изгородью спустились мы съ горы къ свѣтлому, журчащему потоку Иерихонскому. Берега его сплошь покрыты

самую свѣтлую зелень, горы такія. На ней растутъ смоковницы, персиковыя деревья, виноградная лоза, дрющія плоды такихъ размѣровъ подобныхъ которымъ нигдѣ нельзя найти. Направо отъ дорожки молодая финиковая пальма, съ граціозно покачивающаюся какъ зеленый букетъ вершиной напоминаетъ что мы въ *Городѣ пальмъ*. (Периконъ по-еврейски значить „городъ пальмъ“.) Но теперь послѣ запустѣнія земан обитоваввой, какъ будто для воспоминанія древняго величія, одиноко стоитъ эта представительница южной растительности, окруженная смоковничнымъ садомъ и развалинами древняго города. На той сторонѣ ручья пасутся стада козъ и овецъ, ослаы сбѣгаютъ къ водоюу. Такъ рѣдко слышащаяся въ Палестинѣ лѣсная птица оживаетъ здѣсь природу: вотъ прилетѣли на терновникъ двѣ сѣрыя птички и радуются дыханію весны. Солнце уходитъ за горы, на верху зажигаются костры. Вѣвво будто на воздухѣ блеснулъ одинокій огонекъ—то затлѣлилась свѣчка у цмоковъ на горѣ Икокушенія. Полуразрушенная башня, огромное лимонное дерево, окружающіе его бананы и смоковницы и группы локлонниковъ между, все начинаетъ принимать неясную фантастическую форму. Воздухъ наполняется запахомъ гвоздики и лимоннаго цвѣта. Его благоухающія струи чуть-чуть колеблются и будто ласкаютъ своимъ мягкимъ теплымъ дуновеніемъ. Тамъ и самъ мелькаютъ въ нихъ, какъ огненные искры, свѣтлячки.

Стадо уже совсѣмъ темно, луна еще не взошла; лама ко-стровъ рѣзко выдѣлялось въ темномъ воздухѣ, неясно доносился съ горы говоръ людей. Къ намъ пришелъ одинъ изъ нашихъ слугъниковъ звать на верхъ. Подъ лимоннымъ деревомъ горѣли два фонаря, а противоположная сторона освѣщалась костромъ; публика смотрѣла на пляску Бедуиновъ, приглашенныхъ за бакшишъ показать свое искусство. Толпа человекъ въ десять мужчинъ и женщинъ изъ потомковъ Измаила въ плащахъ изъ верблюжьего волоса, въ бѣлыхъ и желтыхъ чамамахъ, со смуглыми лицами и горящими глазами, окружала двухъ своихъ товарищей и мѣрнымъ хлопаньемъ въ ладоши и какимъ-то дикимъ гикомъ сопровождала движенія пляшущихъ. Послѣдніе то наступали на нихъ со страшною быстротой, то ловко отскакивали сверкая своими черными глазами и размахивая ятаганами. Казалось, вся дикая, буйная натура проявлялась въ этихъ неудержимо быстрыхъ движеніяхъ

и въ горящихъ глазахъ. Пламя жостра то меркло, то возмывало и рѣзкимъ свѣтомъ озаряло эту огромную группу выступавшую на черномъ фонѣ блестящей южной ночи. Мнѣ казалось что мы находимся въ какой-то огромной пещерѣ изъ которой нѣтъ выхода. Неба рѣшительно нельзя было различить въ этой тьмѣ. Все какъ-то пестрѣло, путалось и становилось похожимъ на кошмаръ.

„Кавасъ, вели же имъ пересечь“, начинало раздаваться въ разныхъ направленіяхъ, „голову ломить.“ Но они такъ воодушевлялись что ухомъ не ведутъ, хотя оба каваса ихъ теребятъ и кричатъ имъ что-то по-арабски. Насида негли ихъ обуздаты. Но вдругъ на сцену выступили женщины съ татуированными лицами, въ длинныхъ темныхъ одеждахъ, и начался какой-то дикій пронзительный крикъ и свистъ. Опять засверкалъ ятаганъ, загорѣлись черные глаза. Не вдругъ отдѣлались отъ этого спектакля. Едва прекратилась пляска, начался крикъ съ кавасами: Бедуины требовали бакшишъ вдвое больше условленнаго и дерзко налетали на кавасовъ. Вышло дѣло: лучше бы ихъ не звать. Однакоже кое-какъ удалось отъ нихъ отдѣлаться не заллативъ имъ лишняго. Скоро взошла луна, которой я очень обрадовалась; вся эта дикая ватага подъ неровнымъ краснымъ свѣтомъ въ этой ужасной тьмѣ начинала давать воображеніе.

Теперь начался страшный крикъ у нашихъ поклонниковъ съ кавасами. Болѣе сильные оправались отъ усталости и хотѣли сейчасъ продолжать луть, оставивъ слабѣйшихъ до утра, на чтѣ кавасъ не могъ согласиться, такъ какъ однимъ ихъ нельзя ни оставлять, ни лускать въ дорогу. Этотъ шумъ продолжался добрый часъ, пока уломали хотѣвшихъ идти подождать часа два. Наконецъ все утомилось; но тутъ на насъ съ дерева стали падать какіе-то сверчки, и каждое паденіе сопровождалось крикомъ и вскакиваньемъ тѣхъ или другихъ, потому преслѣдованіемъ виновника съ фонаремъ. Эта охота продолжалась очень долго; но утомленіе наконецъ взяло верхъ.

Въ четвертомъ часу начались приготовления къ походу. Старикъ Ибрагимъ со своимъ серьезнымъ, нѣсколько сердитымъ видомъ собралъ всѣ мои вещи, которыхъ половину я безъ него вѣрно бы затеряла, положилъ въ одно мѣсто и сказалъ: „это вашъ вещи, возми“. Черезъ полчаса возни и говора караванъ былъ готовъ. Не безъ нѣкоторой грусти оставила я эти груды развалинъ, этотъ благоухающій зеленый

шатерьъ, эти свѣтлые шумящія ручьи, короче, все что обозначается библейскимъ словомъ: Иерихонъ.

По восходѣ солнца добрались мы до гостиницы и пробыли тутъ довольно долго, распивая чай и наслаждаясь отдыхомъ въ тѣни знакомой уже пещеры. Къ счастью сталъ подниматься небольшой вѣтеръ и вѣхать намъ было не особенно жарко.

Лошади наши бѣжали дружно и по временамъ обгоняли одна другую, чуя что каждый шагъ приближаетъ къ дому. У источника Алостоловъ не на долго остановились. И съ этимъ мѣстомъ грустно рассталась я, какъ съ дорогимъ памятникомъ ознаменованнымъ отдыхомъ Христа и алостоловъ. Во время подъема на Виванскую гору, припомнились мнѣ слова Спасителя: „Се восходимъ во Иерусалимъ, и Сынъ человеческій преданъ будетъ въ руки грѣшниковъ.“

Виванія—мѣсто душевнаго отдыха нашего Господа. Здѣсь находилъ Онъ чистую любовь къ Себѣ и миръ въ средѣ семейства Лазаря. Вотъ и пещера. Я спустилась въ нее съ монахиней локлонницей и при тускломъ мерцаніи восковой свѣчки прочла ей вслухъ величественное ловѣствованіе Іоанна. Когда мы вышли изъ пещеры все общество уже уѣхало и я не могла посѣтить ни дома Лазаря, ни дома Симона прокаженнаго. Мы рысью лугтелись догонять нашихъ спутниковъ.

Слава Богу, нашъ луть конченъ: обогнули святой городъ, въѣхали въ ворота нашихъ построекъ, гдѣ ждетъ насъ чистый, покойный пріютъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Б.

ЧТО ТАКОЕ КРЕСТЬЯНСКІЙ КРЕДИТЪ

Въ концѣ прошлаго года почти во всѣхъ нашихъ газетахъ были приведены основанія проекта объ учрежденіи особаго крестьянскаго банка. Проектъ этотъ былъ въ послѣдствіи внесенъ въ Государственный Совѣтъ, какъ слышно, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ; но главная его задача осталась та же: облегчить крестьянамъ покулку частныхъ земель. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, какъ средство поднять уровень народнаго благосостоянія, признавалось такимъ образомъ мѣрой до того настоятельною что оно должно было производиться на счетъ пособія отъ казны. Задуманный банкъ не только долженъ былъ оказывать кредитъ исключительно сословный, но если можно такъ выразиться и благотворительный: его операціи предназначались для крестьянъ несостоятельныхъ. Размѣръ ссуды отпускаемой на долю каждой души въ данномъ крестьянскомъ дворѣ былъ определенъ довольно низкій, и покулаемый участокъ долженъ былъ поступать въ число мірскихъ земель.

Мы не намѣрены входить здѣсь въ обсужденіе частныхъ деталей проекта, потому уже что подлиннаго, окончательнаго его текста въ нашихъ рукахъ нѣтъ. Да и не въ частностяхъ дѣло. Намъ интересуется преимущественно основная мысль проектированнаго банка, и мы постараемся выяснитъ насколько

эта мысль можетъ быть названа счастливою. Мы не остановимся здѣсь на одномъ возраженіи, которое такъ-сказать просится подъ перо. Кредитъ, такъ обыкновенно думаютъ, не различаетъ сословій и мало имѣетъ общаго съ благотворительностію. Его существованіе стало бы очень шаткимъ еслибы онъ руководился иными соображеніями, а не просто вѣрностію уплаты. Вмѣшательство казенныхъ, могучихъ средствъ въ борьбу частныхъ интересовъ есть не что иное какъ искусственное наклоненіе въ одну сторону чуткихъ вѣсовъ народнаго хозяйства; причемъ денежныя средства цѣлой страны жертвуются въ пользу одного какого-либо класса.

На эти слишкомъ ходячія истины легко могутъ возразить что далеко не всегда плательщики извлекаютъ для себя пользу изъ того за что они платятъ, что на примѣръ у насъ простой народъ участвуетъ въ расходахъ на содержаніе университетовъ, музеевъ и театровъ, куда мужикъ едва ли заглядываетъ. Вообще говоря, полное соответствіе между платою вносимою каждымъ и тою долей пользы которую онъ извлекаетъ изъ государственныхъ расходовъ—финансовый идеалъ трудно достигаемый. Не вдаваясь въ эти разсужденія, мы здѣсь ограничимся тѣмъ что постараемся отвѣтить на слѣдующіе два вопроса: въ какой мѣрѣ увеличеніе крестьянскаго мірскаго землевладѣнія расчесть частнаго можетъ улучшить экономическія условія нашей страны и насколько кредитъ задуманнаго спеціальнаго банка поможетъ въ этомъ дѣлѣ нашимъ крестьянамъ.

I

Не нужно заглядывать слишкомъ далеко назадъ чтобы вспомнить то сравнительно недавнее время, когда послѣ 19 февраля повсюду раздавался возгласъ о неминуемомъ разореніи помѣщиковъ, и спасеніе для нихъ ожидалось лишь отъ одного средства, отъ фермерскаго хозяйства. Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ, опасеніе для многихъ сбылось, а надежда едва ли осуществится такъ скоро. Фермерскаго хозяйства у насъ нѣтъ и въ поминѣ, а есть развѣ премія графа Орлова-Давыдова на лучшее сочиненіе о немъ; но за то происходитъ у насъ иное, совсѣмъ неожиданное явленіе. За послѣднія пять, шесть лѣтъ все чаще стали появляться въ печати сѣтованія на эксплуатацію крестьянъ помѣщиками и на водвореніе у

насъ чуть ли не правдоподобныхъ порядковъ. Страннымъ образомъ, этотъ лямъ какъ вельня лучше мирится съ инымъ, прямо противоположнымъ, но столь же часто высказываемымъ мнѣніемъ, именно съ тѣмъ что помѣщики чуть ли не поголовно разорены и думаютъ лишь о томъ какъ бы сбыть свои имѣнія съ рукъ. Все это вмѣстѣ составило нѣчто въ родѣ установившагося, незыблемаго ученія, особенно распространеннаго среди тѣхъ кто Россію изучили въ Павловскѣ и на Черной Рѣчкѣ. Въ самое послѣднее время стали рекомендовать даже мѣры къ обузданію этого хищничества и къ спасенію яко бы гнущаго хозяйства. Съ одной стороны насъ увѣряютъ что имѣнія сотнями продаваемыя съ публичныхъ торговъ массою переходятъ въ руки кулцовъ и у насъ уже зарождаются хищническая буржуазія—этотъ бичъ „гниющаго“ Запада; съ другой указываютъ съ негодованіемъ на то что помѣщики, злоупотребляя малоземеліемъ, берутъ съ крестьянъ арендную плату далеко превосходящую доходъ отъ земли. Въ виду этого уже прямо взываютъ къ законодательству, дабы оно воспретятствовало переходу имѣній въ чьи руки крестьянскія руки и регулировало плантаторскія условія найма земель. Мы не желаемъ въ приѣмахъ нашихъ газетъ искать заднихъ мыслей на социалистической подкладкѣ; охотно вѣримъ что наши совѣтчики руководствуются самыми искренними и добросовѣстными побужденіями. Какъ же быть однако? Какъ помѣрить безсердечную эксплуатацію съ повальнымъ разореніемъ? Какъ объяснить тотъ крутой поворотъ во взглядахъ который двадцать лѣтъ спустя послѣ реформы уже ведетъ къ эксплуатаціи частнаго землевладѣнія какъ къ послѣднему средству для спасенія нашего хозяйства?

Дѣло въ томъ что одновременно съ упраздненіемъ крепостнаго права у насъ совершились два другіе крупныя экономическіе факты. Во первыхъ, безобразно-экстенсивное хозяйство, выгодное при даровомъ трудѣ, привело къ неизбежному послѣдствію: къ истощенію полей. Во вторыхъ, населеніе нашихъ центральныхъ губерній перешло чрезъ ту роковую грань за которою только и возможно хозяйничанье въ ширь, локоть и косьба въ волю, куда только зайдетъ соха или хватитъ толорь. Съ этою полукочевою системою пришлось разстаться какъ разъ въ то время когда прекратились даровая работа и не менѣе даровое пользованіе пастбищами и лѣсомъ. Для многихъ помѣщиковъ и для многихъ крестьянъ

этотъ поворотъ ознаменовался разореніемъ, а между тѣмъ у тѣхъ и у другихъ осталась въ памяти завѣщанный прошлымъ идеалъ простора.

Какъ скоро съ нимъ пришлось расстаться, естественнымъ исходомъ представилось для крестьянъ расширеніе насчетъ господскихъ земель, а для помѣщиковъ—залогъ имѣній въ поземельныхъ банкахъ; не мудроно что эти инстинктивные побужденія наши себѣ отголосокъ въ печати.

Надъ классомъ телерешивихъ землевладѣльцевъ произнесенъ приговоръ. Они обречены на гибель, вопервыхъ, за свою безпомощность,—а это смертный грѣхъ въ экономической жизни,—вовторыхъ, за вредъ причиняемый самымъ ихъ существованіемъ. Исполненіе этого приговора считается лишь вопросомъ времени, и печать ежедневно насъ приглашаетъ радоваться вмѣстѣ съ нею ожидаемой перемѣнѣ. Наслѣдство помѣщиковъ признается уже до того открытымъ что возникаютъ заботы о томъ какъ бы оно не перешло въ недостойныя руки. Слѣдуетъ ограждать его отъ хищническаго захвата кулаками и въ то же время облегчить переходъ его въ руки крестьянъ. Банкъ о которомъ мы говоримъ и есть не что иное какъ первый, еще лока робкій, шагъ къ этой мирной эксплуатаціи личнаго землевладѣнія: онъ является прямымъ послѣдствіемъ той агитаціи которая шесть лѣтъ тому назадъ была довольно неудачно затѣяна въ пользу земскаго пособія на локулку крестьянами земель. Земскія собранія, какъ извѣстно, отозвались на нее довольно вѣлымъ сочувствіемъ, въ виду чего сильная рука казны и была призвана на помощь. Конечно, тѣхъ средствъ которыми будетъ располагать банкъ хватить лишь на очень ничтожное округленіе надѣловъ. Но не слѣдуетъ предаваться иллюзіямъ. Весь смыслъ задуманнаго банка и можетъ заключаться лишь въ стремленіи къ замѣнѣ личной собственности мірскою. Посмотримъ теперь насколько дѣйствительность соответствуетъ сѣтованіямъ на телерешивее положеніе дѣлъ и предсказаніямъ насчетъ будущаго. Въ цѣлой великорусской черноземной полосѣ помѣщичьи хозяйства послѣ 61 года несомнѣнно пришли въ упадокъ и до сихъ поръ не могутъ оправиться. Причина этому кроется вовсе не въ разорительныхъ условіяхъ Положенія, а въ трудностяхъ вести съ выгодой хозяйство тамъ гдѣ оно немисливо безъ капиталныхъ затратъ, которыя почти никто не хочетъ или не

может процветать. Прежний тип хозяйства „слуга рудам“ возможен только при дешёвой рабочей руке и при обширных землях. Небольшой хутор даже при хорошем урожае никогда не окупит расходов на управление или, что все равно, на содержание барина. При таких условиях, разумеется невозможна конкуренция съ крестьянами, для которых расходы на управление и плата за труд не существуют. Вот почему въ этой полосѣ значительное число дворянских имѣній перешло въ другія руки, причемъ большія помѣстья съ лѣсами достались кулакамъ, а мелкія имѣнія безъ лѣса да отдѣляемыя пустоши крестьянамъ. Точныхъ свѣдѣній о размѣрѣ этихъ покупокъ мы не имѣемъ, но то обстоятельство что въ одной Тверской губерніи крестьянами до 78 года куплено свыше 400 тысячъ десятинъ * даетъ намъ право думать что размѣръ этотъ значителенъ; особенно крупной цифрой онъ достигаетъ въ губерніяхъ Тверской, Костромской, Смоленской и Новгородской, гдѣ помѣщичьи хозяйства наиболѣе пришли въ упадокъ. Степень этого упадка не можетъ даже измѣряться количествомъ проданной земли, такъ какъ и во многихъ удѣльвшихъ имѣніяхъ усадьбы разрушились, а земля залѣгала или, что еще хуже, выпахивается подъ лѣсъ. Конечно не таково положеніе всей нечерноморской полосы; въ остальныхъ ея губерніяхъ, особенно въ Калужской и Ярославской, помѣщичьи хозяйства удѣляли въ большемъ числѣ. Даже въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ преимущественно развита мелкая собственность, по статистическимъ изслѣдованіямъ г. Орлова, дворянамъ, то-есть прежнимъ помѣщикамъ, все еще принадлежитъ 65% площади всѣхъ земель частнаго владѣнія. Изъ числа удѣльвшихъ и дѣйствующихъ хозяйствъ многія стоятъ на правильномъ пути, то-есть ввели травостѣianie, улучшенный скотъ и плужную обработку, и все это не только въ угоду теоріи, а съ выгодой для себя. ** Можно даже съ увѣренностію сказать что относительно усовершенствованія культуры нѣкоторыя хозяйства какъ разъ въ

* Свѣдѣнія Министерства Государственныхъ Имуществъ.

** Мы конечно должны здѣсь прибѣгать къ общимъ выраженіямъ, такъ какъ перечня и описанія всѣхъ успѣшныхъ хозяйствъ въ Россіи разумеется нѣтъ. Мы попросимъ читателя припомнить доклады въ Обществѣ сельскаго хозяйства, труды Воинно-Экономическаго Общества и т. д.

интереснейшей частью северной части России, представляющей собой общее правое что-то в борьбе с затруднениями и дефицитом наиболее убогих. Но все же такие примеры бывают исключением. И на общей сложности северных поместий хозяйства значительно упади. Къ сожалѣнью, до сихъ поръ на себѣ къ нимъ не пришла почти никто. Тамъ гдѣ нѣжнѣе доставалъ купцамъ, или достигло безжалостное разореніе. Лѣса и сады были вырублены, усадьбы проданы на рубль, земля заложена. Тамъ гдѣ покупателемъ являлись крестьяне, создались три совершенно разнородные вида хозяйничанья: Земли купленные дѣлами міромъ по культуру и урожайности ничѣмъ не отличаются отъ общаго, довольно низкаго уровня міровыхъ земель; это же видъ впрочемъ наименѣе распространенный. Чаще встрѣчаются покупки складочной, то-есть товарищескому домохозяевъ, которые берутъ между собою дѣлятъ купленную землю сообразно участію каждому въ участіи. Далеко этотъ большею частію фиктивный, такъ какъ на купленной землѣ заводится обычное полосное хозяйство; безъ передѣла конечи; но за то въ полной строгости за каждымъ изъ пащиковъ остается дѣло правъ залоговъ и передела. Земли эти отличаются болѣе тщательнымъ уходомъ и лучшими уроками чѣмъ бываетъ на общинахъ: холма съидеа, а не на міровыхъ полосахъ, вывѣсти все удобрѣніе. Но самый распространенный типъ, это участки купленные лично отдѣльными крестьянами, болѣею частью небольшими клочками. Въ числѣ этихъ купленныхъ земель встрѣчаются однако и участки во сто и болѣе десятковъ, а иногда и дѣла въ большія имѣнія. Здѣсь уже заводится настоящее хозяйство, и на нѣтъ мы видимъ такое усовершенствованіе хозяйства которое далеко отдалено за собою не только отъ крестьянскихъ земель, но и болѣею частью поместничьихъ. Такихъ хозяйствъ довольно много въ восточной части Тверской губерніи, на югѣ Вологодской и въ губерніяхъ Ярославской и Костромской. Помимо ихъ и тѣхъ немногихъ имѣній про которыя сказано выше, общій уровень хозяйства въ нечерноморской полосѣ въ усадьбѣ у крестьянъ, хотя отчасти же сколько и у поместичанъ. Несмотря на толи о маломъ машинѣ, обработка крестьянскихъ надѣловъ за рѣдкими исключеніями не отдала на шагъ впередъ; но за то почти въ каждомъ оленіи мазъ подмѣчаетъ полосы покрытыя дерномъ и заросшія кустарниками. Въ общемъ итогъ площадь засѣваемая хлѣбомъ, а

стало быть и земледельческая собственность этой массы значительно сократилась; среди этого непроизводительного состояния уже выделяются лишь немногочисленные помещичьи усадьбы и хутора новых владельцев из числа крестьян.

Совершенно иную картину представлять должна деревенская. Несмотря на толки о переходе дворянских имений массами в руки купцов, статистика помещичьей собственности показала * что в восьми центральных губерниях 82% волеж некрестьянских земель принадлежат дворянам, а из остальных 18та всего 8% купцам. Здесь почти так же как на севере, послѣ 1861 года закрылось много хозяйств. Но уже три года спустя началось обратное движение и, несмотря на распуцанную арендную цену, пространство помещичьих усадеб съ каждым годомъ возрастало. Оно даже все болѣе захватывало дѣсныя и степная дѣсныя, и въ некоторых уѣздахъ, например въ Мало-Архангельскомъ, дѣла уже дѣло до того что 94% всей площади находится подъ поевомъ. Число усадебъ дѣсь не только не убавилось, но въ некоторых уѣздахъ Тульской, Орловской и Тамбовской губерній выросло весьма. Рядомъ съ этимъ шла довольно замѣтно и улучшеніе въ хозяйствахъ, направившее уже не къ теоретическимъ затѣламъ, но къ приобретению деревенскихъ непродовольственныхъ орудій, а къ удешевленію производства. Здесь стали размножаться паровыя молотилки, малюкая обработка стала господствующею, а кое-гдѣ вводится и малороссийская вспашка вѣлами. Наконецъ, въ самое послѣднее время, съ неразличительною быстротой принялась на черноземѣ культура въ качества кормового растения. Толки объ уладкѣ хозяйства на черноземѣ можно стало быть относить въ сторону, хотя и здѣсь конечно вердикты примѣры промышленника повелеютъ. Впрочемъ, въ черноземномъ краѣ и указываютъ болѣею частью не на расширение хозяйства, а на экстензивную или крестьянскую. Экстензивная эта, про которую слыть много писано со времени Лавровскаго дѣла, сводится къ двумъ основнымъ пунктамъ: къ несравненно дешавей работѣ плать и къ безобразно высокимъ ценамъ на арендованіе земель. Первое изъ этихъ явленій, которое мы отрицаемъ и не думаемъ, заиметь отъ всего характера крестьянской работы

* Стат. Поз. Соб. 8 центральныхъ губ. изд. главнаго статист. комитета. Петербургъ 1880.

но черноморск. Известно что ищущие таланты руки здесь усомне-
ны залаты въ течение несколькихъ годовъ, и рознь ничего не
дѣлаютъ весь оставший годъ. Отсутствие промысловъ заставля-
етъ крестьяне предлагать свою работу дешево, но ищущіе усомне-
ныи таланты денегъ за годъ или за два впередъ, такъ какъ это
не самое отсутствие промысловъ причалаетъ ищущіе средства
къ вѣсному податей. Полагая что раски съравненный съ такою
услугой значительно понижается еи размеры. Что же касается
бесобразныхъ арендныхъ цѣнъ, будто бы превышающихъ до-
ходность земли, мы ограничимся однимъ вопросомъ: какими
образомъ при такихъ цѣнахъ объяснить то явленіе что помѣ-
щики съ каждымъ годомъ расширяютъ свои владѣнія насчетъ
сѣмочныхъ земель? Если припомнить что за послѣднія 10 лѣтъ
пшеница держится на черноморь отъ 10 до 12 р. за четверть, а
рожь въ 5—7 р.; то при среднемъ урожаѣ въ 8 четв. ржи и 6
пшеницы валовой доходъ съ десятины выравится для этихъ
двухъ сортовъ хлѣба въ 60—72 р. для пшеницы и въ 40—56 р.
для ржи. Стало-быть насмная плата за озимую десятину отъ
18—22 рублей вполне естественна, и обвинять за все случаетъ
не жадное сердце владѣльцевъ, а проведение жалкихъ до-
рогъ и отпускъ хлѣба за границу, гдѣ онъ, какъ известно,
все-таки дороже цѣны у насъ.

Наконецъ, въ степной полосѣ, по крайней мѣрѣ въ той ее
части гдѣ самостоятельно ведутся земледѣльческія хозяйства*,
положеніе этихъ хозяйствъ въ самомъ дѣлѣ представляется
крайне шаткимъ. Недостатокъ рабочихъ рукъ и отчужденіа
отъ вредныхъ насѣкомыхъ вредителей земледѣліе въ этомъ
поселенномъ край въ аварийную игру. Несмотря на то что
цѣны на землю здесь возросли въ такой же мѣрѣ какъ въ
центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, ищущій здесь земле-
жесть больше и продаются она чаще чѣмъ во всей остальной
Россіи. Въ Ростовскомъ уѣздѣ и въ некоторыхъ ивъ нихъ за по-
слѣднія 10—15 лѣтъ переходили изъ рукъ въ руки посело-
кренно. А есть и такіа которыя повсемѣстные банки были
вынуждены оставить за собою. Случаевъ переходовъ земель
въ крестьянскія руки здесь немного, хотя крестьяне не мо-
гутъ бѣднѣвать въ такомъ край гдѣ въ рабочихъ случаетъ
недостатокъ и плата за уборку одной десятины пшеницы
достигаетъ 25 рублей.

* То-есть по Черноморскому и Азовскому побережьямъ.

Такого образа обманывается что в той части Россіи гдѣ закрылись многія изъ прежнихъ усадебъ, габель помѣщичьихъ хозяйствъ привела не къ процвѣтанію, а къ упадку земледѣлія, и что единственные хотя слабые вѣтки прогресса все-таки замѣчаются лишь тамъ гдѣ эти хозяйства уцѣлѣли. Исключеніе представляеть развѣ Новороссія, гдѣ, несмотря на преобладаніе крупной собственности, успѣховъ въ земледѣліи незамѣтно. Во всякомъ случаѣ нигдѣ въ цѣлой Россіи нѣтъ признаковъ того чтобы на мѣрскихъ крестьянскихъ земляхъ проявлялись какія-либо улучшенія въ обработкѣ. Напротивъ, — и съ этимъ согласны всѣ наблюдатели къ какому бы они лагерю ни принадлежали, — повсюду урожаи на мѣрскихъ земляхъ оказываются ниже, а обработка хуже чѣмъ на помѣщичьихъ. Тамъ не менѣе, у насъ почему-то охотѣе предаются иллюзіи что наше земледѣліе сдѣлало бы успѣхи и быть народа улучшилось еслибы мѣрское земледѣліе постепенно замѣнило бы собою личное. Таковъ, утверждаютъ насъ, естественный ходъ нашего развитія въ силу демократическаго начала будто бы намъ свойственнаго. И, отряпывая образцы, будущихъ хозяевъ Русской земли, отъ которыхъ слѣдуетъ ожидать ея обновленія, отыскиваютъ даже не въ числѣ тѣхъ крестьянъ которые выказали умѣнье хозяйничать и потому разбогатѣли; размноженіе мелкой личной собственности не только у насъ не признають желательнымъ, но помѣщичьему боится его какъ огня. Достаточныхъ крестьянъ кулившихъ землю на собственные деньги у насъ обзываютъ кулаками и считаютъ чуть ли не худшими мѣрѣдами чѣмъ даже отоль ненавистныхъ помѣщиковъ. У насъ, помѣщичьему, установилось мнѣніе что довольство служить признакомъ самыхъ дурныхъ нравственныхъ качествъ. Такимъ образомъ будущаго обновленія Россіи ожидаютъ отъ тѣхъ крестьянъ которые на своихъ надѣлахъ хозяйничать не умѣютъ. Еслибы удалось предоставить въ ихъ распоряженіе всю остальную годовину отраны, пока не облагодѣлнную мѣрскимъ земледѣліемъ, послѣдствіемъ такого переворота оказался бы, какъ думаютъ, значительный подъемъ общаго благосостоянія. Намъ сдается, напротивъ, что послѣдствія были бы какъ разъ обратныя и что они оказались бы въ окончательномъ истощеніи почвы и въ непродуктивномъ экономическомъ застоѣ. Въ Россіи есть довольно мѣстностей гдѣ, благодаря рѣдкому населенію и отсутствію

помѣщичьихъ хозяйствъ, крестьяне обладаютъ желаемымъ просторомъ. Мѣстности эти лежатъ и въ лѣсныхъ пространствахъ сѣвера, и въ безлѣсныхъ черноземныхъ степяхъ заволжья. Есть даже цѣлая губернія, Вятская, наполовину черноземная, гдѣ почти нѣтъ много землевладѣнія кромѣ общиннаго. И что же? Въ которой изъ этихъ мѣстностей видимъ мы признаки экономического процвѣтанія? Развѣ не доносятся къ намъ изъ нихъ почти ежегодно слухи о недостаткѣ въ хлѣбѣ и не приходится казнить и семергу помогать тамошнему населенію денежными ссудами?

Нашимъ общественнымъ мнѣніемъ овладѣла поистинѣ неловкая иллюзія. Послѣ горячихъ надеждъ возбужденныхъ освобожденіемъ крестьянъ, мы были поражены тѣмъ неожиданнымъ явленіемъ что во многихъ мѣстностяхъ крестьянское хозяйство не только не пошло быстро впередъ, но среди его стали проявляться угрожающіе признаки обвѣдѣнія. Мы не дали себѣ труда разъяснить этотъ фактъ и узнать его причинную связь со всѣми условіями сельскаго быта. Мы даже не остановились предъ тѣмъ что въ той же мѣстности, при совершенно одинакихъ данныхъ, отдѣльные крестьяне находятся далеко не въ одинаковомъ положеніи, что часто въ томъ селеніи гдѣ одни покупаютъ землю, другіе бросаютъ свои надѣлы. Мы огульно рѣшили что вся причина зла кроется въ тѣснотѣ крестьянскаго землевладѣнія, и что всѣ домохозяева, исправные и разорившіеся, покупающіе землю и бѣгущіе отъ нея, одинаково пригодны для роли собственниковъ земель покуда оставшихся за помѣщиками. Мы даже готовы отдать предпочтеніе какъ разъ тѣмъ крестьянамъ которые оказались всего болѣе несостоятельными. Уладокъ помѣщичьяго хозяйства, говорили мы, происходитъ отъ недостатка оборотнаго капитала. И что же? Дабы помочь дѣлу, мы хотимъ искусственно замѣнить классъ теперешнихъ собственниковъ классомъ уже окончательно безкапитальнымъ.

Другими словами, мы хотимъ чтобы на половину истощенная наша почва еще вылатила изъ своихъ вѣдръ свою же стоимость и дала бы сверхъ того средства на дальнѣйшую обработку. Въ самомъ дѣлѣ, какія бы ссуды ни выдавались крестьянамъ на пріобрѣтеніе помѣщичьихъ земель, въ концѣ концовъ эти же земли должны будутъ вынести уплату своимъ прежнимъ владѣльцамъ. Какъ скоро дѣло идетъ не о какихъ-нибудь ничтожныхъ прірѣзкахъ къ надѣламъ, а этимъ вѣдъ

классово не поможетъ, но о закладъ цѣлаго класса собственниковъ другимъ: такой переворотъ можетъ совершиться лишь такъ чтобы часть теперешней недвижимой собственности была мобилизована для совершения этой новой громадной выкупной операціи. Одна она можетъ дать нужна для того денежных средствъ.

Лѣса должны быть вырублены, усадьбы сведены, оады разлапаны, а на поляхъ должны воздѣлываться наиболее цѣныныя, а потому наиболее истощающія почву растенія. А когда земля дастъ этотъ выкупъ, на ней, уже безо всякой дальнѣйшей мечты объ улучшеніи, пойдетъ заповѣдная трехпольная культура, пока она хоть что-нибудь оставитъ дарить своему нетребовательному владѣльцу. А затѣмъ, когда размножится населеніе и при такихъ условіяхъ станетъ тѣсно обширныя пространства востока еще надоло дадутъ у себя нѣчто избытку рукъ, и все дальше и шире будетъ распространяться та же система хозяйничанья, не допускающая хитроумныхъ затѣй и усовершенствованій, пока сама природа наконецъ не поставитъ предѣла этому стремленію въ ширь, этому бѣготу отъ разумнаго, плодотворнаго труда. Заманчивая перспектива, нечего оказывать!

II.

Допустимъ теперь что всѣ доводы приведенные выше не являются речью никакого вѣса и что не обмануть насъ надежды на благотворную силу мірскаго владѣнія. Посмотримъ чѣмъ окажется для самихъ крестьянъ дешевый правительственный кредитъ на выкупку земель.

Въ чемъ заключается, помимо тѣмноты надѣловъ, главный терзающій крестьянскаго быта? Большинство органовъ нашей печати на это отвѣтитъ: въ непомерной тяжести налоговъ. Сумма аскающихъ на крестьянской семьѣ платежей такъ велика, скажутъ они, что доходъ съ надѣла безъ посторонняго заработка этихъ платежей свободно покрыть не можетъ. Мы не станемъ теперь разсуждать о томъ насколько мнѣніе это пригодно къ цѣлои Россіи.

Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то что если данный крестьянскій дворъ или данное селеніе бѣдны, то уплата повинностей для нихъ тяжела. Какимъ же образомъ

только мы себе представляем возможность для мелких крестьян покупки или аренды земель? Мы уже знаем, что кредит на такую покупку какого промышленника не владет для крестьян недостаточен. Вообще для покупки трехдесятиной крестьянской дачи на принадлежном двадцатипятиномъ надѣлѣ въ одной изъ центральныхъ черноземныхъ губерній, — мы знаемъ что какъ разъ въ этихъ губерніяхъ расширение надѣловъ является вѣсто болѣе настоятельными. Допустимъ что въ данной мѣстности высшій душевой надѣлъ трехдесятиный. Тогда взятый нами дворъ за свои 6 десятинъ приблизительно долженъ платить 16 р. 20 к. выкупнаго платежа (на счетъ рублевую скидку); 6 р. 75 к. подушныхъ (вместѣ съ государственною земскою повинностью), 5 р. 40 к. мирскихъ и 2 р. 16 к. помещальныхъ, итого 30 р. 51 к. или немного болѣе 5 рублей съ десятины. Цѣна десятины земли предполагаемой нами мѣстности при покупке ея небольшими участками не ниже 125 р. Стало-быть при займѣ этой суммѣ при 7% съ погашеніемъ покупки будетъ ежегодно платить не 8 р. 75 к.; стало-быть на 55% болѣе чѣмъ за свой надѣлъ. Но для такого размѣриванія своего хозяйства которое бы соответствовало нуждамъ двора, то-есть достаточно бы заняло его рабочую силу, пришлось бы прикупить не одну, а отъ четырехъ до шести десятинъ, то-есть ежегодно выплачивать лишнихъ 55—52 р. 50 к. Если домохозяинъ зажиточный, то-есть если у него на дворѣ по крайней мѣрѣ два работника и три работницъ и при этомъ онъ держитъ трехъ лошадей, такая покупка ему представить конечно извѣстную, хотя ограниченную, выгоду. При настоящемъ положеніи дѣлъ онъ снимаетъ въ господскомъ наѣлѣ то же количество земли, платя за осимую десятину отъ 18 до 22 р., а за яровую отъ 12 до 15 р., то-есть среднимъ числомъ за каждую десятину отъ 10 до 12 р. 33 к. Само собою разумѣется что ему есть расчетъ приобрести навсегда такую землю, платя за нее меньшую сумму и при томъ съ погашеніемъ. И теперь, безе всякаго содѣйствія отъ казны, такіе домохозяева охотно покупаютъ землю. Но совершенно въ иномъ видѣ представится эта операція для слабого малоробочаго, а тѣмъ болѣе для безлошаднаго двора, который и безъ того едва сводитъ концы съ концами. Если для хозяина такого двора тяжело выкупной платежъ за землю доставшуюся ему по пятидесяти рублей за десятину, то неужели можно

объема его хозяйства; достигнув эту величину прику-
пает землю около 120 рублей.

Другими словами, если малые хозяйства ему не идут
силу, он не будет в состоянии урочить размер этого
хозяйства при более выгодных условиях платежа. Со-
общение это показывает еще более убедительно, если мы
припомним, что задачи крестьянского банка не в том
чтобы открыть кредит отдаленному хозяину на покупку не-
большого участка, а в том чтобы округить надельный
хозяйства.

Крестьянская бедность и увеличение податных платежей
происходит именно оттого что почти в каждом обществе
есть избыточная часть дворов обезземельных владельцев раз-
ных единичных причин. Если данное общество в кото-
ром живет, помещик, одна треть достигают земель,
но которое в общей сложности с трудом отбивают ле-
жащая на нем повинности, удвоить свой надель и жить с
тем более чем удвоить свои платежи, то положение его
от этого несколько не улучшится.

То неравенство в экономическом бытѣ отдаленных дворов
одного селения, которое в настоящее время признается общий
уровень нашего крестьянства, в той же мере не в большой
мѣрѣ окажется при расширеніи крестьянского землевладенія.
Выводъ этотъ, какъ намъ кажется, не требуетъ доказательствъ;
мы, однако, подтверждаемъ его примеромъ изъ сравнительно не-
давняго прошлаго. Непосредственно послѣ реформы 19-февра-
ля, очень много помѣщиков и промышленников и черноморской
полосы сдали огульно своимъ крестьянамъ въ аренду все
оставшаеся за надѣломъ землю. Цѣны были тогда сравни-
тельно низкія и почти нигдѣ не превышали средней десятина-
ный размеръ оброка. Темъ не менѣе, въ большинствѣ случа-
евъ, аренда эта не шла крестьянамъ въ прокъ. По проше-
ствіи трехъ, шести, много девяти лѣтъ, этотъ видъ аренды
почти совершенно прекратился. Въ черноморской полосѣ и
крестьяне арендаторы, и земля на которой они хозяйничали,
одинаково шли въ разореніе. На черномѣхъ условія объ-
отдачи крестьянамъ крупныхъ участковъ на несколько лѣтъ
и до сихъ поръ встрѣчаются довольно часто, но въ характерѣ
этихъ условій произошла важная перемена. Въ тебѣ ихъ,
правда, еще значително что земля такого-то помѣщика означать
такая-то деревня, но большею частію селеніями бывають
уже не всѣ домохозяева, а только наиболѣе зажиточные.

дробная земля совершается большими частями или у одиодворцовъ; притомъ земля или у нихъ или покупается частями малы, въ три десятины и меньше; не переплетаясь съ землей въ другомъ мѣсто для того. Кромѣ земли, добываютъ развозы на мелкія пашни, одна изъ нихъ состоитъ изъ одной не одностольника.

Мушкетъ вообще купить можно либо съ тѣмъ чтобы приурочить ее къ своему двору, и тогда она по изобретению мелкимъ покупателемъ, либо съ извѣщеніемъ на нее выслаться. Въ послѣднемъ только случаи и есть возможность приобретения участка изъ помѣщичьихъ земель, и притомъ, какъ сказано, участка довольно крупнаго. Въ помещичьей помѣсть помѣщичья земля часто продается небольшими частями, но это почти исключительныя земли хуторскихъ, гдѣ одна подъ покосъ или другая подъ лѣсъ.

Случаи продажи небольшихъ вырѣзокъ изъ пашней или полевыхъ луговъ очень рѣдки. Стало бытъ и здѣсь для введенія самостоятельнаго полевого хозяйства покупателемъ могутъ только довольно крупныя участки, въ сѣнѣ дѣлае, хотя и небольшіе, помѣщичьи хутора. Отсюда ясно что ограниченіе суда небольшими размерами не приведетъ рѣшительно ни къ чему.

Два окова еще. Недавно г. Захаровъ изъ Омска и г. Кошелевъ изъ гавани Замоскья признали на читающую публику впечатлѣніе своего разважнаго о тревожномъ настроеніи крестьянъ, возмущеннаго саами о предстоящемъ новомъ надѣленіи землей. Въ записки правительства, даваемыя съ дѣломъ условно и разуть крестьянъ, толкуются, какъ говорится, въ обратномъ смыслѣ и усматриваются только брешни.

Намъ кажется что, зашла о томъ, эти публичныя что называется окраина Америкъ Служа о новой волѣ ходятъ среди крестьянъ не соображеннаго дѣла. Они велики и улоно держатся отъ этого вида Неловна. Каждый помѣщикъ вспоминаетъ вѣроятно что крестьяне, говоря съ нимъ, неоднократно разсказывали его самими добродушнымъ образомъ, скоро ли найдеть указъ о порядкѣ земель. Если кому случалось заглядывать въ военное правленіе, тотъ вѣроятно приглядѣлъ такъ написанной на окнѣ печатный указъ 1862, которыми эти случаи описаны самымъ положительнымъ образомъ. Притомъ само съ тѣхъ

люди по сиротамъ имъ дарованы. Поддерживаюте стотъ тысячъ и, какъ видно, вофъ извѣстїи это не въ смыслѣ бѣли покровеннѣ, разсчитываютеся среди крестьянъ убѣжденїе. Сознавая это, мы должны, конечно, преклониться предъ बहुдушнымъ народомъ, каковой поименованъ на то въ томъ двѣдцати лѣтъ оставался довольно спокойнѣ. Не чиня по мнѣнїю по слѣдующе обвѣщавая себя ничтоже возможной опасностї въ будущемъ. Намъ утѣраивать что единственнѣя причина утѣра отъ которыхъ дарованъ землемъ служе заключаетея въ неграмотностї и неграмотностї.

Како ли это вѣснѣ тако; въ каждаго волюстемъ правленїа, конечно, не одна грамотнѣя мужикъ прочесть вышнѣннѣя тако укажи. Чтѣ бы ли говорили про то что крестьяне будто бы совершенно игнорируютъ государственнѣя стрѣй и сомнѣваютея въ подданностї правительственнѣя распоряженїа, сашнкамъ многѣ изъ нихъ перебивали въ должностяхъ старшинъ и дисарей, да принимали участїе въ земскихъ собранїахъ чтобы они мало-по-малу не привыкли къ этому отрому и не убѣдились въ томъ что законы исходятъ двѣснѣннѣннѣ отъ воли Государя. Намъ по крайней мѣрѣ нередко случалось встрѣчать главнѣихъ отъ крестьянъ очень хорошо знающихъ что такое законъ и обнаруживающихъ даже смелѣннѣннѣ споренку въ казуетикѣ. Намъ кажется, въ виду этого, что твердая надежда на новую волю совсѣмъ не таково малодушно свѣтовна какъ обыкновенно думаютъ, и что она давно бы прошла сама со не поддерживали со стороны.

Всакїа знакомая съ нашимъ провинцїей могъ убѣдиться что въ казенной поддѣлѣ такого рода недостатка не было со стороны нѣкоторыхъ не должностнѣихъ лицъ судебнаго и административнаго или даже земскѣихъ вѣдомствъ. Не въ этомъ отношенїа цѣлѣннѣя доля свѣдѣннѣннѣннѣ надеждѣ и на печатѣ. Мы далеки, конечно, отъ того чтобы презумничивать влїанїе печати на крестьянскую среду, но весьма отращать что существовать не-таки многѣ исторїи это влїанїе проводится. Газеты не такъ уже недоступны для мужика чтобы ему никогда не приходилось если не читать ихъ самому, то по крайней мѣрѣ слышать какъ громко читаютъ другїе. И потому можно что читающихъ не много, а слушающихъ соборноаго шлодѣннѣннѣ гола, каждае почетнѣе слово получаетъ какой-то особеннѣй характеръ, и влїанїе его усиливаетея, распространяетѣя такимъ образомъ въ то же время какъ его

оценки земель, истребления. Дирекция и было большое количество земель, иной земли: только истребления, также ушли, много крестьянских земель. Что право было передать землю на любой из наших земель? Это, конечно, или верно, удивительное: но все что судья это предостережение из высшей степени парадокса, что это передается удельно и эта малоземельная подполье, и эта община всеобщего состояния это была. Это удивительное даже что быть этот главный образ не хороша для чуждым надья, и что надья этот тина или минуть особенный судья некорректно размещать. Словом, ему некажется что он жертва постороннего гласа и что кто-то сильно о нем думает. За начальная словеса она будет иметь, конечно, не личного мнения автора, а мнения народа. Да это еще далеко не все. Великий судья за нашими гласами в последние годы знает очень хорошо что он не ограничился сердобольными выслушаниями предостережения к освобождению крестьянских земель. В нем знает особенно хорошо что он не ограничился та мысль что от государства выискивает обязанности по миру надобности земель все население, что оно может, так-оказаться, распорядиться всею поземельною собственностью и дать каждому что ему нужно. Рядом с этими учениями о „праве на землю“, личное землеустройство представлялось как нечто такое что закон должен непременно соблюдать, и о представителях его говорили как о классе осуждаемом на гибель: Простое получение ренты из земли за аренду земель превращалось чуть ли не в злоупотребление. Помещиков все еще упрекают крепостникам правом, и самое существование этого класса признавалось чьим-то лишь пока терпимым как временное зло.

Что в этом смысле лишнуть отрудники гласеть всеобщеем собственностью, это совершенно в порядке вещей. Что им вторать иногда кабинетные отгадки, не имеющие охоты прозирать свои цифры на нашей действительности, это тоже довольно понятно. Масса читавшей лубки привыкла уже к авторским полемическим номерам присвоен демократический отгадок, и прозирать как она не имеет ни охоты, ни времени.

Неудивительно и то наконец что подобное взгляды приводятся иногда и среди нашей администрации: история са-

после призрачного, мнимого, — существо: ощущаемая смерть не увеличивает обилие не-денежных, нематериальных чинь, которые ее когда-то приобрели. Но странно то, что чинь же впадают как будто изобретены иль второе существо и из чинь же происходят классы. На крайней мере, если не шкрякосты ощущения неокончательно усвоились, нельзя отрицать что представителя этого класса зачастую являются предъ указанными нами индивидами и как будто не способны протавить чинь поправить.

Есть нечеловеческие землевладельцы, которые как будто отпадают этого земля, однако оно составляет собою нечто лишь наполовину дозволенное и слегка азартное. Такая правительственная трусовость предъ чиньями неоспоримо правдынымъ есть нечто гораздо болѣе опасное для землевладельческаго класса чинь всѣ случаи ходящія среди крестьянъ. Надъ этимъ явлениемъ со временемъ раздумывается будущій историкъ нашей земли Кочевалии нашей. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать что усвоились въ своемъ правѣ, злочиствъ быть на пути чинь его удержать.

III.

Мы вынуждены были отвѣчать отрицательно на оба поставленные нами вопросы. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ чтобы наше сельское население не ощущало надобности въ доступномъ кредитѣ и чтобы въ этомъ отношеніи казна не должна была къ нему прийти на помощь. Условія нашего денежнаго рынка таковы, что денежнаго кредита не существуетъ даже для крупной поземельной собственности, и она, предоставленная самой себѣ, не помогаетъ подъ такими условіями: банковымъ судомъ. Для малой собственности ни поземельной, ни личной кредитъ не существуетъ вовсе.

Еслибы правительство нашло возможнымъ открыть при официальномъ Государственномъ Банкѣ ссудыма классы, которымъ выдавалъ бы деньги вѣдны на покупку земельныя участки, то подобной мѣрѣ можно бы только сочувствовать. Мы возстаемъ лишь противъ такую мажоранскія этой мѣры, которое предало бы ей исключительно равновѣсный и благотворительный характеръ. Размощеніе же малой собственности у насъ въ высшей

стольки, сколько можно. Если ссудный капитал, обращаясь бы кто-либо для получения ссуды на покупку земли, все равно будет ли это ссудное или нет, следовательно не обязательно ли или какое-либо общество, то вить достаточно выложить ссуду, почему и не кредит бы-ло бы отказано, но при соблюдении двух необходимых условий: выверенный, покупанный участок должен по своей ценности быть выше суммы выдаваемой ссуды; вторых, он должен отвечать за исправность покупки, т. е. ссуд, в случае пресорочки со стороны заемщика, быть обращенным в продажу. Вить при этом необходимо ограничивать такой кредит принадлежностью заемщика к тому или к другому селению. Подобная разница, как мы уже заметили, совершенно чужды такому безусловному и почти кива кредит. И вить такие условия ограничивают ссуду выдаваемую одному лицу особенно в таком размере. Мы видим что такое ограничение подошло бы в смысле кривь всю пользу ожидаемую от некакого земледельца кредита. Все значение его заключается в том лишь чтобы расширить этот кредит, так сказать, к низу, сделать его доступным для мелких заемщиков, но ограждая его при этом для сравнительно крупных. Конечно, это последнее выражение должно быть понимается в очень определенном смысле. Другое дело не о всеобщем и драматическом ссудной Ссудной Кассы с поручением их в отдельные губернии. Но ссудные во всяком случае открыве возможность быть ценным обществом так и ссудным лицам из крестьян и не крестьян приобрести цены небольшие суммы. Вить почему мы полагаем что вышней размер ссуды мог бы быть в первоначальной форме ссуды давать в 10, а в первоначальной ссудной на 15 тысяч руб.

Смысл само разумеется что при такой организации ссудного кредита не может быть и речи про обязательное обращение покупаемой земли в общинную собственность.

Но устройство такого кредита далеко еще не исчерпывает ссудных возможностей нашего сельского мира.

Мы знаем что едва ли не главная причина безземельного положения многих крестьянских хозяйств заключается в невозможности получить займа у мелких кредиторов. Домашняя рабочая сила на чернозем и ссудная земля для омовля продукты за безземелья, малочисленность стиемь заложения. Угнетенное положение кустарей в про-

миллионной поворѣ, или бѣднѣе, а не зависимость отъ дроселюхъ происходитъ совершенно отъ тѣхъ же причинъ какія заставляютъ чернорабочихъ крестьянъ нажиматься на бѣднѣюкъ на отработку помещичьихъ земель. Судосберегательная товарищество не поможетъ этому затруднительному положенію, или поможетъ ему очень мало, потому что основанная на принципѣ взаимности, она помогаетъ главнымъ образомъ вкладчикамъ сравнительно крупнымъ. Прийти на помощь остальнымъ не можетъ ни одна частная банкъ. Общій для всѣхъ кредитъ былъ бы тогда только мыслимъ еслибы можно было всѣмъ обязать быть вкладчиками, другими словами, установить отращиваніе отъ бѣдности. Нечего и доказывать немыслимость такой задачи. Но болѣе скромный, тѣмъ не менѣе практически полезный результатъ можетъ быть достигнутъ помимо вмешательства всѣмъ и каждому, котораго у насъ охотно требуютъ умы склонные къ обобщеніямъ и къ идеямъ. Помимо крестьянъ зажиточныхъ, для которыхъ кредитъ уже существуетъ, и крестьянъ совершенно разоренныхъ, для которыхъ онъ невозможенъ, есть цѣлый, наиболее распространенный классъ крестьянъ ведущихъ свое хозяйство съ трудомъ, но все-таки еще не впашихъ въ окончательную бѣдность. Этому классу и можно, да и слѣдуетъ прийти на помощь. Не задаваясь слишкомъ широкою задачей, можно бы на первый разъ ограничиться открытіемъ въ каждомъ уездѣ сельскаго банка съ основнымъ капиталомъ приблизительно въ десять тысячъ рублей, что составитъ среднимъ числомъ на губернію всего до ста двадцати тысячъ рублей. Сумму эту, которая при всей своей скромности можетъ все-таки показаться слишкомъ крупною, неслѣдуетъ даже полагать изъ казенныхъ средствъ,—она можетъ быть образована посредствомъ мѣстной податики на облигаціи, съ гарантіей подписчикамъ шесты процентовъ, то-есть приблизительно того что получаютъ владѣльцы нашихъ процентныхъ бумагъ. При малѣ-мальски разчетливомъ веденіи дѣлъ докторъ банка можетъ бы покрыть этотъ процентъ, въ виду того что наши провинціальныя общества взаимнаго кредита большею частью даютъ своимъ акціонерамъ, несмотря на частыя притесненія векселей, восемь и девять процентовъ дивиденда. Предположимъ же уездные банки предвзвѣщенныя бы главнымъ образомъ для выдачи малыхъ денежныхъ суммъ подъ векселя съ девятипроцентнымъ дисконтомъ. Причемъ, размѣръ ссуда

для одного лица долженъ быть не свыше ста рублей, а крайній срокъ векселей не шестимѣсячный, а годовой. Условія крестьянскаго хозяйства таковы что менѣе чѣмъ въ годъ уплата не можетъ быть произведена. Къ совершенію такихъ векселей должны допускаться только крестьяне домохозяева, такъ какъ они только, строго говоря, и владѣютъ имуществомъ и въ то же время несутъ отвѣтственность за лежащія на дворѣ каждаго изъ нихъ повинности. Въ томъ случаѣ когда заемщикомъ является не отдѣльное лицо, а товарищество или артель, что въ промышленныхъ селеніяхъ будетъ случаться не рѣдко, высшій сторублевый размѣръ можетъ быть сообразно тому увеличенъ. Само собою разумѣется что цифру 100 рублей мы взяли примѣрно и не можемъ здѣсь вдаваться въ подробную регламентацію условій займа для всякаго отдѣльнаго случая. Мы хотѣли только указать здѣсь на возможность мелкаго кредита какъ для отдѣльныхъ крестьянъ почему-либо нуждающихся въ небольшомъ кратковременномъ займѣ, такъ и для цѣлыхъ артелей кустарей, почти всегда принимающихъ на себя теперь самую тяжелую обязанность для приобрѣтенія сырья. Мы и здѣсь не видимъ надобности закономъ ограничивать подобный кредитъ однимъ крестьянскимъ сословіемъ, тѣмъ болѣе что на дѣлѣ имъ и безъ того будутъ почти исключительно пользоваться крестьяне. Но само собою разумѣется что возможность открытія и поддержанія такого кредита исключительно зависитъ отъ того какимъ образомъ будетъ опредѣлена отвѣтственность заемщика.

Если мы станемъ попрежнему смѣрять на крестьянъ какъ на вѣчныхъ несовершеннолѣтнихъ, возбуждающихъ лишь сердоболное участіе къ своей судьбѣ, то нечего и думать о возможности для нихъ серьезнаго кредита. Онъ обратился бы немедленно въ бочку Давидъ. Мы думаемъ, напротивъ, что заемщики изъ крестьянъ должны подвергаться гражданской отвѣтственности по всей силѣ вексельнаго устава. За взысканіемъ у нихъ денежныхъ средствъ и движимаго имущества взысканіе должно обращаться на недвижимое имущество, не съ тѣмъ конечно чтобы постройки продавались отдѣльно на сломъ,—это было бы худшимъ видомъ разоренія,—а съ тѣмъ чтобы отчужденію подвергалась сама надѣльная земля. Намъ могутъ возразить что земля эта не составляетъ личной собственности домохозяина; но въ данное время она состоитъ въ его исключительномъ пользованіи, и въ томъ что онъ твердо

помнить это свое право могъ бы убѣдиться всякій кто бы вздумалъ, напримѣръ, покосить для себя на участкѣ такого домохозяина. Стало-быть это хотя временное, но вполнѣ личное право можетъ, какъ и всякое иное, подвергнуться отчужденію и притомъ безо всякаго ущерба для общины. Перехода въ пользованіе другаго владѣльца, земля можетъ не перестать быть мірскою: продано будетъ только право даннаго домохозяина, на участіе въ мірской землѣ на столько-то душъ. Конечно, при такихъ условіяхъ цѣна крестьянской земли не можетъ равняться нормальнымъ мѣстнымъ цѣнамъ, но все-таки эта отчуждаемость надѣловъ послужитъ средствомъ, и притомъ единственнымъ средствомъ для открытія крестьянамъ доступнаго кредита. Самый фактъ отчужденія у насъ вовсе не рѣдкость, такъ какъ надѣлы у насъ передаются изъ рукъ въ руки зачастую и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Мы не скрываемъ однако отъ себя что предлагаемое нами средство къ обезпеченію крестьянскихъ займовъ едва ли встрѣтитъ сочувствіе у всѣхъ читателей. У насъ привыкли думать что крестьянъ вѣчно нужно держать подъ каллакомъ; намъ постоянно мерещится призракъ обезземеленія. Но у насъ не этимъ путемъ образуется пролетаріатъ. Онъ уже есть, но вовсе не тамъ гдѣ его ищутъ. Онъ скрывается подъ личной землевладѣнія, такого землевладѣнія при которомъ собственникъ зачастую бѣжитъ отъ своей земли въ городъ, либо отдаетъ ее своему односельцу за улату однихъ податей, и къ нему же поступаетъ въ батраки. Намъ кажется что подобные землевладѣльцы гораздо болѣе походятъ на пролетаріевъ чѣмъ бывшіе дворовые люди или отставные солдаты, служащіе у частныхъ лицъ за порядочное жалованье, либо въ родной деревнѣ заняты какимъ-либо мастерствомъ. Нерѣдко такимъ безземельнымъ приходится ссужать деньги тѣмъ кто числятся надѣленными. Но быть-можетъ еще убѣдительнѣе доводъ что безъ отвѣтственности кредита не бываетъ. Пора нашимъ крестьянамъ выйти изъ дѣтскаго возраста и стать граждански полноправными, а всякое право не обходится безъ соотвѣтствующей обязанности. Ничто даровое, а кредитъ въ особенности въ прокъ нейдетъ никогда. Впрочемъ, обращеніе взысканій на надѣльную землю вовсе не нужно тамъ гдѣ имѣются промыслы. Домохозяинъ занятый какимъ-нибудь производствомъ, а тѣмъ болѣе артель или товарищество должны имѣть право занимать деньги подъ залогъ продуктовъ

своего производства, хотя бы въ моментъ займа продукты эти еще изготовлены не были.

Мы не думаемъ чтобы проектируемые нами сельскіе банки слѣдовало организовать въ видѣ казенныхъ учреждений, несмотря на то что они будутъ устроены по инициативѣ правительства. Во первыхъ, казенное управленіе ими повело бы къ увеличенію и безъ того уже чрезмѣрнаго персонала чиновниковъ; во вторыхъ, при всякомъ взысканіи посредствомъ описи и продажи имущества оно ставило бы казну въ незавидное положеніе немилосердаго заимодавца; мы полагаемъ бы, въ виду этого, что всего удобнѣе во главѣ банка поставить одно или нѣсколько лицъ по выбору земства, съ утвержденіемъ губернатора, причѣмъ дѣйствія этихъ лицъ подчинялись бы контролю земскаго собранія. Подробности внутренняго устройства банковъ мы однако въ этомъ бѣгломъ очеркѣ касаться не будемъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о третьей формѣ сельскаго кредита, о ссудахъ на закупку хлѣба.

Такъ-называемый голодный 1880 годъ показалъ съ достаточною ясностію въ какомъ исправномъ состояніи находятся запасы сельскихъ магазиновъ. Мы говоримъ такъ-называемый *голодный*, потому что, какъ извѣстно, было обнаружено что недостатка въ наличномъ хлѣбѣ не было. Но отъ этого населенію не было легче, потому что у него не доставало денегъ на покупку хлѣба имѣвшагося на рынкѣ, а магазины оказались либо вовсе пустыми, либо съ запасами негоднаго полусгнившаго зерна. Въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ система постоянной засылки хлѣбныхъ магазиновъ кажется вполне цѣлесообразною, такъ какъ она даетъ возможность приберегать на тяжелый годъ, когда цѣны высоки, хлѣбъ постепенно собранный за урожайный годъ. Но практика не оправдала этого простаго и повидимому вѣрнаго расчета; не оправдала потому что за магазинами необходимъ контроль, а контроля этого нѣтъ да и не можетъ быть при теперешнемъ устройствѣ крестьянскаго управленія.

Пробовали возложить его на земство, и господа гласные въ которое время развѣзжали по уѣздамъ и провѣряли магазины, конечно съ тою тщательностію съ какою обыкновенно исполняется у насъ трудъ обязательный лишь наполовину. Впрочемъ, надзирающіе гласные не были облечены тою понудительною властію которая одна только и можетъ обезпечивать дѣйствительность контроля.

Если крестьяне получившіе заимообразно хлѣбъ изъ магазина либо вовсе его не возвращаютъ, либо возвращаютъ негоднаго качества, а сельскія власти на это смотрятъ оквозъ пальцы, то очевидно самыя благія распоряженія останутся безъ дѣйствія. Предлагали сосредоточить магазины и устроить ихъ не для каждаго селенія отдѣльно, а лишь по одному или по нѣскольку на волость, подчинивъ ихъ надзору волостныхъ старшинъ. Мѣра эта конечно до извѣстной степени улучшила бы дѣло, такъ какъ тогда контроль былъ бы облегченъ. Но кто обезпечитъ насъ насчетъ правильности дѣйствій волостныхъ надзорщиковъ? Кто поручится что и съ ихъ стороны не будетъ разныхъ послабленій? *Quis custodiet ipsos custodes?* Въ виду крайней шаткости всѣхъ подобныхъ расчетовъ, пока въ нашемъ сельскомъ быту господствуетъ безвластіе, быть-можетъ было бы предпочтительнѣе чтобы продовольствіе и обмененіе полей обезпечивались не зерномъ, а деньгами, хотя бы при этомъ и приходилось закупать хлѣбъ когда онъ всего дороже. Разчитывать при этомъ на одни продовольственные капиталы очевидно нельзя, такъ какъ наличность ихъ очень неравномѣрна по губерніямъ, и въ тѣхъ изъ нихъ гдѣ они не велики, капиталы эти очень скоро истощились бы, а земства впади бы въ значительные долги. Въ виду этого, намъ кажется что всего удобнѣе было бы устроить дѣло народнаго продовольствія на тѣхъ же началахъ на которыхъ основано страхованіе. Несмотря на обиліе у насъ пожаровъ, страховое дѣло, какъ извѣстно, почти во всѣхъ губерніяхъ стоитъ крѣпко и даетъ прибыль. Зачѣмъ же не примѣнить эту же систему къ выдачамъ сельскому населенію въ неурожайные годы ссудъ на закупку зерна? У насъ имѣются уже довольно богатые запасы свѣдѣній насчетъ размѣровъ такихъ ссудъ, и потому безъ особаго труда можетъ быть выведенъ расчетъ средней ежегодной потребности въ такой ссудѣ для каждой губерніи, а сообразно тому и устанавливается размѣръ ежегодной преміи съ душеваго надѣла. Совершенно такъ же какъ страхованіе отъ огня, это новое страхованіе отъ голода должно быть организовано для цѣлой губерніи, а не для уѣздовъ. Неурожай постигаютъ наши губерніи слишкомъ неравномѣрно, а уѣзды единицы слишкомъ мелкія чтобы можно было приходить на помощь данной мѣстности посредствомъ капитала образованнаго взносами только

одного уѣзда. Всякое страхованіе тѣмъ правильнѣе чѣмъ оно шире, то-есть чѣмъ болѣе оно распространяетъ на обширную территорию повсемѣнный убытокъ. На первое время пока страховые продовольственные капиталы не образованы преміями, и опытъ не оправдалъ еще нашей мысли, ссуды конечно должны будутъ производиться либо изъ наличныхъ земскихъ капиталовъ, либо посредствомъ заимствованія у казны съ постелевыми возвратомъ изъ накопившихся страховых суммъ. Мы не станемъ здѣсь подробно излагать настоящій вопросъ, такъ какъ всестороннее изслѣдованіе его должно быть дѣломъ не одного только лица, а плодомъ обсужденія земствъ, близко стоящихъ къ мѣстному хозяйству. Мы потому ограничимся здѣсь лишь указаніемъ на то что намъ кажется наиболѣе вѣрнымъ средствомъ къ обезпеченію сельскаго населенія отъ послѣдствій неурожаевъ.

Если намъ удалось убѣдить читателя въ правильности сказаннаго выше, онъ вѣроятно согласится съ нами насчетъ того что сельскій кредитъ, вѣрный своему названію, можетъ и долженъ быть основанъ на иныхъ началахъ чѣмъ тѣ на которыхъ построенъ проектъ крестьянскаго банка. Въ заключеніе мы замѣтимъ еще что проектъ этотъ, вообще мало общающій услѣховъ, грѣшитъ вдобавокъ однимъ крупнымъ недостаткомъ. Онъ весь направленъ къ тому чтобъ усилить и развить ту странную форму сословности которая пережила у насъ упраздненіе крѣпостнаго права. Мы говоримъ о томъ встрѣчающемся только у насъ въ Россіи положеніи дѣлъ, при которомъ 80% населенія замкнуты въ одну сословную массу, для которой не существуетъ общаго гражданскаго закона, не дѣйствуютъ общіе суды и поземельная собственность которой застрахована отъ перехода въ чужія руки. Эти привилегіи особаго рода, эта сословность снизу, если можно такъ выразиться, не обезпечила до сихъ поръ отъ хозяйственнаго упадка тотъ самый классъ который она была предвзначена охранять, а между тѣмъ она въ значительной степени выгородила его изъ общаго экономическаго развитія страны и осудила его на хозяйственный застой. Вдобавокъ онъ представляетъ для будущаго опасность, на которую до сихъ поръ не обращено, какъ кажется, достаточнаго вниманія. Во всѣхъ европейскихъ странахъ, хотя бы въ демократической Франціи, нѣтъ рѣзкой черты отдѣляющей мелкую собственность отъ средней и крупной.

Поземельный собственникъ тамъ знаетъ что передѣлъ земель ему не принесетъ пользы и потому не сознаетъ противорѣчя между своими выгодами и интересами собственниковъ болѣе крупныхъ; вотъ почему крестьянство въ западной Европѣ—мы говоримъ о крестьянствѣ владѣющемъ землей,—составляетъ надежный оплотъ общественнаго строя. Въ совершенно иномъ положеніи находятся крестьяне у насъ: они постоянно видятъ рѣзкую грань отдѣляющую ихъ и ихъ собственность отъ прочихъ общественныхъ классовъ. И по своему сословному управленію, и по способу пользованія землей, и по праву наследственному и договорному они и земля ихъ рѣзко отличаются отъ прочихъ общественныхъ классовъ и отъ личнаго землевладѣнія. Нашъ крестьянинъ не просто землевладѣлецъ средней или мелкій,—онъ членъ поземельной общины, земля на которой онъ сидитъ—мирская земля. Для него, будь онъ богатый или бѣдный, есть очевидная, несомнѣнная выгода отъ присоединенія къ его надѣлу возможно бѣльшаго количества западной земли. Онъ не можетъ не чувствовать что земля эта для него чужая, и если до сихъ поръ онъ не поддавался искушенію, то въ этомъ можно только видѣть доказательство замѣчательнаго уваженія его къ существующему закону и къ власти отъ которой этотъ законъ исходитъ. Но во всякомъ случаѣ это противорѣчя интересовъ, эту обособленность слѣдуетъ ослаблять, а не поощрять; достигнуто это можетъ быть не расширеніемъ надѣльной земли насчетъ личной собственности, не искусственною поддержкой общиннаго владѣнія на казенныя средства, а поощреніемъ къ развитію у насъ класса личныхъ мелкихъ собственниковъ, того самаго класса который довелъ сельское хозяйство западной Германіи до такой высокой степени совершенства. Въ этомъ классѣ и заключается единственное средство чтобы помирить и изгладить противорѣчя которыя существуютъ у насъ между крестьянами-общинниками съ одной стороны и всѣми остальными собственниками съ другой.

К. ГОЛОВИНЪ.

НАШИ БЕЛЛЕТРИСТЫ-НАРОДНИКИ

Сильно ошибся бы тотъ читатель *Русскаго Вѣстника* который сталъ бы заключать по беллетристикѣ этого журнала о нашей современной беллетристикѣ вообще. Повѣсти и романы *Русскаго Вѣстника*—это бельэтажъ, это „чистыя комнаты“ нашего литературнаго зданія. Но въ этомъ зданіи есть чердаки и подвалы, есть грязныя чуланы и никогда не вентилируемая, никогда не подметаемая спальня, есть задніе дворы съ кучами мусора. Для нѣкоторой части нашей литературы не существуетъ преданій эпохъ Державина, Карамзина и Пушкина. Отъ Гоголя и Лермонтова она приняла и принимаетъ лишь сатирическое, отрицательное ихъ отношеніе къ міру вообще и къ Россіи въ частности; Бѣлинскаго она признаетъ лишь въ послѣднемъ, петербургскомъ періодѣ его дѣятельности. За то Чернышевскій и Писаревъ суть непререкаемые авторитеты въ глазахъ этой части нашей беллетристики; отъ Некрасова она приняла въ насладіе гражданскую скорбь, а отъ Рѣшетникова—примѣръ писать неумытыми руками; на знамени ея красуется изображеніе „маститаго сатирика“ Щедрина, а во главѣ литературной молодой фаланги шествуетъ г. Глѣбъ Успенскій. Эта фаланга чуждается того бельэтажа и тѣхъ чистыхъ комнатъ о которыхъ выше сказано; она презираетъ салоны, ковры и паркеты; она состоитъ изъ демократовъ въ томъ смыслѣ какой этому слову придается въ современной Франціи; демократы эти, по ихъ убѣжденію, одни и знаютъ и любятъ народъ; они заступники и печальники всѣхъ обдѣленныхъ, всѣхъ

горькихъ; они соль земли, въ нихъ однихъ вся будущасть Россіи... Такъ ли это, мы увидимъ ниже, а пока согласимся въ одномъ: литература кабака и харчевни создана ими, это не подлежитъ сомнѣнію... Да не подумаютъ читатели *Русскаго Вѣстника* что выражаясь такъ я оскорбляю или хотя ненамѣренно могу оскорбить моихъ собратьевъ *Дѣла, Отечественныя Записки* и *Вѣстника Европы*. Они гордятся тѣмъ что создали нечистоплотную литературу и въ словахъ моихъ не могутъ усмотрѣть ничего для себя оскорбительнаго. Не вся, конечно, Россія взираетъ на нихъ и на созданную ими литературу столь же оптимистически. Я, напримѣръ, не рѣшусь рекомендовать ее читателямъ *Русскаго Вѣстника* какъ пріятное и полезное чтеніе. Но о ней надо имѣть понятіе: вѣдь она у насъ преобладаетъ, если судить по числу покровительствующихъ ей журналовъ.

Познакомимся же съ нею и въ отношеніи формы и въ отношеніи содержанія.

I.

Вотъ нѣсколько послѣднихъ за минувшій годъ номеровъ и нѣсколько первыхъ въ вышедшемъ году номеровъ названныхъ журналовъ. Развернемъ *Отечественныя Записки* за февраль, въ которыхъ напечатанъ сильно рекомендуемый фельетонистомъ *Голоса* „разказъ“ г. Осиповича *Исторія*. Этотъ разказъ прежде всего возбуждаетъ вниманіе тѣмъ что онъ начинается съ середины, а именно слѣдующими словами: „Коснулись, милостивый государь! И надъ нашимъ угломъ пронесло“. (?) Въ послѣдствіи будетъ объяснено что или кого „пронесло“, а теперь мы узнаемъ что эти слова были сказаны лѣсничимъ Живучкинымъ въ корчмѣ и что сказавъ ихъ онъ выпилъ водки и крикнулъ. Реальность, какъ видите—литература харчевни! Къ содержанію *Исторіи* мы возвратимся въ послѣдствіи, а теперь приведемъ образецъ языка которымъ она разказана. Живучкинъ говоритъ: „Петруша, —это, братъ, капитанъ стоялъ съ ротой (потому что онъ ротный командиръ) въ Израилевкѣ, жидовъ защищалъ. Всѣ пархаты, извините за выраженіе, чуть его въ задніе пуговицы не утловали, такъ боялись... Вина ему лоната-скали, сахару, чаю—ѣшь, пей и веселись! Овся для лошадей сколько угодно. А у него не то что, а прямо вамъ сказать, на возъ-жазъ вотъ какія лошади! Тройка въ дугу. И кучеръ въ

армактъ"... И вотъ съ этими кривляльями, съ этою искусственною неправильностію языка, съ этими точками и многоточіями разсѣкающими надвое одну и ту же мысль, вопреки грамматикѣ и здравому смыслу, тянется разказъ г. Осиповича на 35 страницахъ! Неужели нельзя было разказать то же самое, только проще, безъ кривляній? Неужели существовала необходимость чтобы то что хотѣлъ г. Осиповичъ повѣдать міру было вложено въ уста дѣсничаго Живучкина? или онъ не умѣетъ говорить обыкновеннымъ человеческимъ языкомъ, безъ кривляній? Неужели грамотный и видимо любезный автору „передовой“ человекъ не можетъ утѣшать расплакавшуюся женщину болѣе складно чѣмъ слѣдующею безсвязицей: „А вы, барышня, не того... что ужъ! Да ну, право“... А впрочемъ вопросъ еще въ томъ, выиграло ли бы дѣло еслибъ авторъ разказывалъ отъ своего собственного имени. Вотъ образецъ его изложенія: „Небо было безоблачное, ясное. День обѣщаль быть чудеснымъ. У кого любовное свиданіе назначено, то это очень удобный для свиданія день. Природа дышетъ какою-то задумчивостію и кроткою *меланхолическою* (о-го, Карамзинское словцо!). Самыя легкомысленныя головы дѣлаются серьезнѣе и помышляютъ о соевыхъ огурцахъ“....

Что сказано о г. Осиповичѣ, то можно сказать съ небольшими вариациями о всѣхъ вообще беллетристахъ *Отечественныхъ Записокъ, Дѣла и Вѣстники Европы*. Злоупотребленіе драматическою формою и субъективностію рѣчи каждаго дѣйствующаго лица—качество хорошихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ—доведено этими беллетристами до геркулесовыхъ столбовъ. Не угодно ли вамъ прочесть въ *Отечественныхъ Запискахъ* „очеркъ“ г. Успенскаго „Власть земли“.

„— Ну, батюшка, *весело* играя *веселыми* глазами, съ шутивымъ и даже шутоватымъ смиреніемъ отвѣчалъ онъ (нѣкій крестьянинъ). И гдѣ ужъ намъ наживать такія деньги!.. Это вотъ у васъ въ *Питенбургѣ* (sic) все только слышно (густымъ басомъ) *рунь-на-рунь, рунь-на-рунь, рунь-на-рунь*, а у насъ по-деревенски, по мужичьи-то хоть копѣечку-то Господь бы, батюшка, Отецъ нашъ далъ нажать на копѣечку и то мы рады радеховѣки.“ Перекидываемъ двѣ, три страницы и находимъ слѣдующія жалобы мужика на другаго мужика кулака, своего зятя: „Вотъ я къ нему:—дай, молъ, лошадь... А крутъ ларень и ужъ онъ мужицкое рыло сталъ воротить. Ломайся, ломайся, ну тутъ сестра *подыма* за меня,

далъ!..“ Г. Успенскій, какъ и быть надѣжить со стороны такого авторитетнаго лица—валить подъ столъ грамматику, какъ бывало губернаторы валили подъ столъ Сводъ Законовъ и смѣло пишетъ „Питенбургъ“, „руль“, неизвестно почему онъ не пишетъ „атецъ“, „лошадь“. Кто-то изъ его команды, едва ли не г. Златовратскій пишетъ „конешно“ или даже „кавешно“... И точно, пора упразднить грамматику. Къ чему она? Одинъ генераль-губернаторъ писалъ: „доклжить мне осемъ“ и докладывали.

Посмотримъ другіе журналы того же лагеря. Развернемъ *Вѣстникъ Европы*. Авторъ *Записокъ степняка* (въ очеркѣ названномъ „Идиліей“) заставляетъ своихъ героев говорить слѣдующимъ образомъ: „А-ахъ, дьяволы, вы... И-ихъ, да кабы вздрать и вздралъ бы... *Ведрро* (водки) и шабашъ! Нѣтъ, хомуть на *аво* по настоящему... Первое дѣло хомуть!.. Притянуть бы вожжами къ телѣгѣ, да кнутьями бы!... Ого-го-го... Не воруй!..“ Что это? Русскій ли это языкъ? Какіе это такіе „аво“ и „ведрро“? Что за слово „нда“, употребляемое г. Ильбовымъ, беллетристомъ *Дѣла*. Такъ де выговариваютъ крестьяне. Да развѣ задача беллетристовъ состоитъ въ томъ чтобы знакомить публику съ провинціальными выговорами? Ну а почему г. Эртель пишетъ „ведрро“ и даже „ведрро“, а г. Успенскій „пррамо (въ кабакъ)“. Такъ де говорятъ сильно пьяные мужики... Славно! и назидательно и мило... Но безъ шутокъ, для какой именно цѣли это и такимъ образомъ пишется? Какое именно назначеніе такихъ очерковъ и разказовъ? Еслибы они писались для того чтобы г. Горбуновъ произнесилъ ихъ съ подмостковъ, мы не возражали бы; къ немалому увеселенію почтеннѣйшей публики онъ произнесъ бы „густымъ басомъ“ „руль на руль“ и повторилъ бы это не три раза, а шесть, еслибы публика продолжала смѣяться; слова „ведро“ и „врешь“ прокатились бы въ его устахъ барабанною дробью; бессмысленнымъ выраженіямъ „не того“ и „да ну, право“ онъ сообщилъ бы значеніе, многоточія замѣнилъ бы жестикуляціей и мимикой. Но вѣдь гг. Эртель, Златовратскій и остальная компанія вѣроятно считаютъ себя призванными къ чему-нибудь высшему. Да два только-что названные молодые писателя и дѣйствительно имѣютъ талантъ, а г. Златовратскій могъ бы, кажется, быть и симпатичнымъ беллетристомъ. Но всѣ они стоятъ на ложномъ пути, всѣ они проходятъ

мерзкую, гибельную для талантов школу. Пусть бы эти господа развернули *Записки Охотника*; они нашли бы тамъ рѣчь мужиковъ, содержателей постоянныхъ дворовъ, дворовыхъ людей и разночинцевъ; но они не нашли бы въ ней кривлянія и фиглярства, не нашли бы ортографіи основанной на звукоподражаніи... А впрочемъ эти совѣты и разсужденія—не на вѣтеръ ли лущенныя слова!... Я сказалъ о проходимой нашими беллетристами-народниками школѣ, подразумеваемая школу литературной практики, школу сохраняющую преданія Чернышевскаго и Писарева и вѣрующую въ г. Щедрина; но и беллетристы этой школы и читатели поддерживающихъ ее журналовъ издавна выдрессированы въ понятіяхъ создавшихъ эту школу. Чувство красоты вытравлено въ нихъ еще со школьной скамьи; они евнухи по части изящнаго... Поэтому я обращаюсь къ читателямъ *Русскаго Вѣстника* и прошу позволенія привести еще одинъ послѣдній образчикъ беллетристики нашихъ „прогрессивныхъ“ журналовъ. Все въ томъ же номерѣ февральскомъ *Отечественныхъ Записокъ*, изъ котораго уже приведено нѣсколько выписокъ, напечатанъ „рассказъ“ г. Яковлева *Въ частномъ училищѣ*. Но пусть авторъ го ворить самъ.

„Раннее утро; спальня учениковъ старшаго возраста; двое изъ такихъ учениковъ, лежа на своихъ койкахъ, разговариваютъ вполголоса:

— Надо бы ему (надзирателю) еще гвоздей прибавить, шелчетъ коренастый брюнетъ съ узенькими глазами и цѣлою кожной жесткихъ черныхъ волосъ на головѣ.

— Гдѣ ихъ взять! отвѣчалъ другой тоже великоростный дѣтина съ палирской въ рукѣ.

— Вотъ бы ему битаго стекла... Чтѣ, развѣ... а?...

И брюнетъ устремилъ глаза на валяющіеся на полу обломки (?) бутылки.

— Ну, и такъ ладно... Поздно... Я ему въ сапоги порядочно... Ха, ха... У меня какъ разъ... *железодокъ*.

Между тѣмъ раздался звонокъ; въ спальняхъ заколошились.

Вдругъ въ одной изъ комнатъ младшаго отдѣленія *поднялся невыносимый (?) крикъ, веселый хохотъ и такіа громкіа, радостныа восклицанія что всѣ мгновенно повскакали съ коекъ*.

Подлѣ кровати надзирателя толпилось все училище. Надзиратель, круглолицый, бородатый Нѣмецъ, съ *совершенно былыми глазами (?)*, держалъ въ рукѣ салога и неустово потрясалъ ногою. *Нога его чуть не до колѣвъ была вымочена (?)*

и обрѣзана какой-то гадостью. Невыносимая вонь распространялась по всей комнатѣ...

Желательно бы знать, чувствуютъ ли если не беллетристика и не редакция, то хоть читатели *Отечественныхъ Записокъ* ту „невыносимую вонь“ которая распространяется отъ разказа Яковлева?...

Вотъ путь по коему, вслѣдъ за покойнымъ Рѣшетниковымъ и за здравствующими гг. Щедринымъ и Успенскимъ, шествуютъ наши молодыя силы! Вотъ образчикъ ихъ языка и ихъ чувства приличія (безъ коего невысшимъ литературный вкусъ)! Теперь спустимся вѣсколько глубже для дальнѣйшихъ наблюденій. Въ *Отечественныхъ Запискахъ*, *Дѣль* и *Вѣстникъ Европы* помѣщается сравнительно мало повѣстей и романовъ, т.-е. такихъ беллетристическихъ произведеній, самое расположеніе, самый ходъ коихъ требуетъ хоть вѣкоторой обдуманности, хоть вѣдшей связи событій и правдоподобія, въ которыхъ наконецъ необходимы болѣе или менѣе живые идеальные люди, а слѣдовательно вѣкоторый талантъ со стороны автора. Преобладающіе виды беллетристики въ помѣнутыхъ журналахъ составляютъ „разказы“ и „очерки“. Произведеніе г. Златовратскаго *На родинѣ* наименовано „встрѣчами и впечатлѣніями“; сочиненіе г. Иванова—*Богъ ересью терпитъ*—„отрывками изъ памятной книжки“. *Школа, бурса, волостное правленіе и кабакъ*, произведеніе г. Листова, тоже въ вѣкоторомъ отношеніи беллетристическое, названо „изъ замѣтокъ учителя“. Зачѣмъ казалось бы изобрѣтать новыя формы беллетристики, когда формы повѣсти и романа такъ удобны, такъ растяжимы, такъ легко ловинуются даже калризамъ автора?.. Но „очеркъ“, „разказъ“, „выдержка“ или „листокъ изъ записной книжки“ еще удобнѣе, отвѣчаютъ намъ. Не обременителенъ конечно лѣджакъ, а въ халатѣ выступить предъ публикой, да еще ковыряя въ зубахъ—это ужь даже лестно... Но если это такъ, то по какому праву рецензентъ *Отечественныхъ Записокъ* въ томъ же самомъ вѣсколько разъ упоминавшемся № 2 упрекаетъ вѣкоего г. Максима Бѣлинскаго за то что онъ въ своихъ „разказахъ“ (тоже „разказы“!) слѣшкомъ мало обращаетъ вниманіе на художественную сторону своей задачи. „Бываютъ, говоритъ онъ, рѣдкіе случаи когда идея выражаемая беллетристическимъ произведеніемъ настолько

сама по себѣ оригинальна и широка что легко можетъ обойтись безъ помощи искусства, можетъ приобрести вліяніе своими внутренними, а не вѣшними достоинствами. Но общее правило состоитъ въ томъ что беллетристу не вносящему въ общественное сознаніе какихъ-нибудь оригинальныхъ идей приходится прежде всего заботиться о живости и рельефности своихъ картинъ.“ Нѣтъ сомнѣнія, позволю я себѣ сказать въ развитіе мысли рецензента, романъ Чернышевскаго, хоть и безъ таланта написанный, „внесъ въ общественное сознаніе“ извѣстной компаніи понятіе о „свободной любви“ и не мало содѣйствовалъ разрушенію семьи, а также выведенію революціонныхъ вождельнѣй на путь практическихъ приложений. Эта „заслуга“ за нимъ навсегда и останется. Но гг. Ивановы, Златовратскіе, Альбовы и Успенскіе ничего новаго сказать по этой части не могутъ ужъ по тому одному что дѣйствительность опередила ихъ... А потому не посоветуетъ ли и имъ рецензентъ, — совѣтъ его во всякомъ случаѣ для нихъ авторитетаже чѣмъ мой, — позаняться художественною стороною своихъ произведеній? Я не говорю о г. Н. Яковлевѣ, ибо если его „идея не особенно широка и оригинальна“, то нельзя не сознаться что онъ открылъ новую область въ литературѣ, независимо кабака и харчевни. Но довольно объ этомъ. Преобладающая задача занимающей насъ беллетристики есть, какъ извѣстно, воспроизведеніе крестьянской среды, но верѣдко попадаются „разказы“, „очерки“, „выдержки“ и пр., изображающіе провинціальное мѣщанство, мелкое чиновничество, вообще низменные слои общества. Что жъ, мы противъ этого ничего не имѣемъ; нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ наша литература вовсе не интересовалась этими общественными слоями; пусть она займется ими теперь, пусть займется ими даже съ нѣкоторою аффектаціей, чтобы восполнить прежніе пробѣлы; но вотъ въ томъ-то и дѣло что тутъ стоитъ очень большое *но*.

Прежде всего возникаетъ вопросъ: въ какой степени можно вѣрить тому что изображаютъ беллетристы *Дѣла*, *Отечественныхъ Записокъ* и *Вѣстника Европы*? Эти журналы, устами своихъ критиковъ, рецензентовъ, обозрѣвателей внутреннихъ, заграничныхъ и вообще современныхъ событій изучаютъ насъ что отъ беллетриста требуется прежде всего правда и реальность, что никакой идеализаціи не должно

быть мѣста въ наше дѣловое, трезвое время. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же обозрѣватели, критики и рецензенты трубнымъ гласомъ провозглашаютъ что беллетристика имѣетъ практическія задачи, что она должна служить распространенію такъ-называемыхъ „честныхъ“ убѣжденій или хотъ „оригинальныхъ идей“ и что поэтому нечего де ставить въ виду современной литературы, какъ это дѣлають ретрограды, ея тенденціозность; современная литература, говорятъ намъ, тенденціозна и должна быть таковою... Какъ же, однако, соединить требованія „правды“ и „реальности“ съ „тенденціозностью“, то-есть стремленіемъ подчеркнуть выставку на видъ, изобразить одні явленія въ сочувственномъ видѣ, а другія заглушать, обойти молчаніемъ или изобразить ихъ при невыгодномъ освѣщеніи, представить одиозными?... Развернемъ *Вѣстникъ Европы*; въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ этого журнала за минувшій годъ мы найдемъ „Идиллію“ г. Эртеля... Идиллія! не заключается ли тенденція въ самомъ этомъ заглавіи? „Есть у меня, такъ начинается авторъ, статскій совѣтникъ знакомый“... Будучи знакомы съ *Записками Степняка*, вы уже предусматриваете каррикатуру, тѣмъ болѣе что этого статскаго совѣтника зовуть Гермогеномъ и фамилія его Пожарскій. А вотъ и портретъ этого Гермогена Пожарскаго: „Вообразите вы глаза совы, носъ стервятника, губы и бороду козла—это и будетъ Гермогенъ“. Вотъ этого Гермогена Пожарскаго авторъ приводитъ на званый обѣдъ къ мѣстному священнику. Овъ вошелъ — „и внезапно повѣяло благоуханіемъ тонкихъ духовъ... сѣдые баки ужилили своимъ благородствомъ (!)“... И вы увѣряете что это трезвая правда? Что вы не сочиняете, а только списываете съ натуры? Вашъ тонъ обличаетъ васъ. Да вотъ и обличающіе факты. На помянутомъ обѣдѣ присутствуютъ три священника, и авторъ заставляетъ своего героя подойти за благословеніемъ „къ каждому батюшкѣ“,—чего не могло быть, ибо изъ числа находящихся въ одной комнатѣ священниковъ обыкновенно благословляетъ только одинъ, старшій... Дѣло въ томъ что беллетристы-народники хотъ и разъѣзжаютъ съ „записными книжками“, „выдержки“ изъ коихъ посылають въ знакомыя имъ редакціи, но что они вносятъ въ эти записныя книжки свои,—кто же это знаетъ! Бумага все терпитъ, а ложь для распространенія „честныхъ“ убѣжденій допущается и даже похваляется. Можемъ ли мы вѣрить чтобъ

описанный въ разказѣ *Въ частномъ училищѣ* случай съ сапогами надзирателя былъ дѣломъ современности, а не разработаннымъ г. Н. Яковлевымъ преданіемъ двадцатыхъ годовъ или слышаннымъ анекдотомъ о долготопныхъ временахъ Дворянскаго Полака?

А между тѣмъ есть люди—и ихъ не мало,—которые вѣрують въ каждое слово этихъ „записныхъ книжекъ“. Болѣе же всѣхъ проникнуты этою вѣрой сами владѣльцы „записныхъ книжекъ“. Г. Успенскій пишетъ нынѣ не повѣсти и не разказы, а какія-то не то изслѣдованія, не то дѣловыя записки о крестьянскомъ бытѣ, причемъ въ доказательство открываемыхъ имъ истинъ приводить разказъ слышагося съ круга мужика. А вотъ г. Листовъ который пишетъ беллетристическую—по вѣщности по крайней мѣрѣ—статью, тоже „разказъ“ или нѣчто подобное, съ цѣлю доказать что школу не слѣдуетъ ставить въ сосѣдствѣ волостнаго правленія, а тѣмъ лаче—кабака, да еще вдаль отъ селенія. Мысль совершенно вѣрная, но что за оригинальнѣйшій способъ доказывать ее—приводить въ подтвержденіе разговоры и сужденія не существующихъ лицъ или небывалые, выдуманнные случаи! Ибо что бы вы ни говорили о вашихъ записныхъ книжкахъ, въ правдивость вашу плохо вѣрится. Новое тому подтвержденіе мы находимъ въ разказѣ г. Златовратскаго подъ фирмою „встрѣчь и впечатлѣній“, слѣдовательно реальности и правды. Онъ разказываетъ что ему случилось нѣхвать на деревню Олариху или Оржанику (не въ имени впрочемъ дѣло), которая оказалась „вся сплошь хворая!... Хочешь умирать съ ней—оставайся, хочешь (живымъ быть)—вонъ бѣги!“—„бѣжать надо“, заключаетъ ямщикъ привезшій разказчика. Но послѣдній отправился однако *искать языка*. „Я вошелъ, говорить онъ, въ одну избу, но едва отворилъ дверь, какъ слертый, пропитанный особымъ, специфическимъ залахомъ „хвори“ воздухъ невольнo оттолкнулъ меня прочь... На лавкахъ, на полу, на печи лежали большіе и малые, окутанные полшубками и тряпьемъ“... Кто-то окликнулъ автора и узнавъ что это проѣзжій, „уади, почтенный... уходи!—произнесъ тотъ же голосъ.—Спаси тебя Господи!... Ступай... Арончика пощщи... Тамъ онъ въ кузницѣ, коли не слѣзъ... Воды бы, скажи... Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй! Недѣлю ужъ лежимъ, а все лучше нѣту“... Авторъ бросился изъ избы: „меня, какъ и моего ямщика,

начиналъ уже охватывать ужасъ безпомощности... Онъ встрѣчаетъ на улицѣ дѣвочку едва двигающуюся отъ слабости:— „Ты больна?—Всѣ больны“. И точно, деревня оказывается буквально „вся сплошь хворую“...

Что это, спрашиваетъ озадаченный читатель; пресловутая Ветланская чума? Ничуть. Это нормальное положеніе русской деревни; это иллюстрація на тему „недостаточность врачебнаго персонала“. А чтобы въ этомъ отношеніи не было никакого сомнѣнія, авторъ передаетъ намъ свой разговоръ съ мѣстнымъ старостой, тоже больнымъ и лежащимъ въ рас-
тажку.

— Что съ вами?

— Ничего-съ... *жарь* это.

— Отчего?

— Отъ жары...

А такъ-какъ жара бываетъ всякое лѣто, то очевидно и *жарь* бываетъ ежегодно и составляетъ нормальное явленіе въ данной мѣстности... да и въ ней ли только? Лѣтомъ вездѣ жарко, следовательно вездѣ *жарь*, отъ Бѣлага до Чернаго и отъ Балтійскаго до Охотскаго моря: такъ можетъ заключать, хоть и съ нѣкоторою натяжкой, читатель, а затѣмъ естественно придти къ заключенію „вотъ наши вое-російскіе порядки!“... Но этимъ заключеніемъ не ограничится теченіе мысли читателя вскормленнаго въ извѣстныхъ понятіяхъ. Если ни староста, ни исправникъ, ни земство, ни губернаторъ, ни медицинскія власти не хотятъ знать Опарихи (а Опариха — это вся Россія, весь Русскій „народъ“), то кто же этотъ единственный ея благодѣтель, этотъ „Арончикъ“ отъ котораго больные ожидаютъ что онъ хоть воды имъ подастъ? Авторъ не объясняетъ этого прямо, но обставляетъ Арона такими примѣтами что читателю узнаеть въ немъ одного изъ тѣхъ „делегальныхъ“, изъ тѣхъ „буитарей“, которые „ходили въ народъ“... Не знаю, имѣлъ ли въ виду г. Златовратскій выставить этихъ „буитарей“ благодѣтелями Русскаго народа, единственными людьми лечащимися о немъ, но если этого онъ не имѣлъ и не имѣеть въ виду, то желательно чтобы онъ и не подавалъ повода задедразнивать себя въ такихъ слухкомъ ужъ велитературныхъ тенденціяхъ.

А между тѣмъ къ подобнымъ подозрѣніямъ подаетъ поводъ не онъ одинъ. Въ уломанутой уже мною *Исторіи* г. Осиповича

выставлена на симпатичномъ естественномъ пьедесталѣ Шраковскаго Селезенна, находящагося въ близкитъ селеніяхъ съ „мелочливиками“, и „бунтарь“ подъ вымышленнымъ именемъ получившій мѣсто подлѣшняго. Этотъ бунтарь отличается необыкновенною дѣятельностью; начальство даже ночью употребляетъ его обходящимъ свой лѣсной участокъ. Въ дѣйствительности же онъ не лѣсъ охраняетъ, что присягой обаялся дѣлать и за что получаетъ содержаніе, а шатается по соседнимъ заводамъ и подбиваетъ тамъ рабочихъ. Онъ и доводитъ ихъ до бунта; но участіе его въ этомъ выставлено такъ что не онъ въ глазахъ читателя оказывается виновнымъ. Онъ представляется, напротивъ, героемъ рискующимъ собою чтобы защитить безправныхъ и угнетенныхъ... Но, во-первыхъ, можно ли допустить въ принципѣ чтобы каждая несправедливость непременно вызывала бунтъ, насиліе? И кто рѣшилъ бы, была ли дѣйствительно въ данномъ случаѣ несправедливость и не замала ли вызванная ею реакція за предѣлы законности и справедливости?... А вторыхъ, еще разъ, правдиво ли передано авторомъ разказанный имъ случай? Точно ли въ настоящемъ случаѣ рабочіе взбунтовались по тому поводу о коемъ говоритъ авторъ? Точно ли „бунтарь“ былъ въ этотъ разъ на заведѣ случайно и безе всякой цѣли сиротаяся за какой-то аппаратъ? Точно ли помощникъ директора завода билъ работниковъ и особенно работниковъ такъ, безе всякой причины, „здорово живешь“? А именно такъ выходитъ по словамъ автора. „Проходитъ онъ, положимъ, по заводу и останавливается возле дѣвки или молодой бабы, такъ говоритъ г. Осиповичъ. Та чувствуетъ его присутствіе и начинаетъ мало-помалу дрожать всемъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ. Зайцевъ долго смотритъ на ея круглыя, мелкою дрожью вздергиваемыя плечи, наконецъ поднимаетъ руку и задаетъ ей, какъ говорится, разъ, отъ котораго кожа на тѣлѣ моментально вздувается опухолью... Большею частію онъ послѣ этого отходилъ молча и разгуживалъ спокойно ложа другая спина прикрытая только рубашкой не останавливала на себѣ его вниманія...“ Видали ль вы, достолюбезный читатель, такихъ людей какъ этотъ Зайцевъ? Мнѣ не случалось видѣть ничего подобнаго, хотя я живу не со вчерашняго дня. Но на свѣтѣ все или почти все возможно; нельзя слѣдовательно поручиться чтобы гдѣ-нибудь, на необъятномъ пространствѣ матушки Руси, на тысячахъ существующихъ у

нашъ редакторъ не было зѣря подобнаго Забужу, но онъ долженъ быть предметомъ не литературнаго проваведенія, хоть бы такого какъ „разказъ“, а газетной корреспонденціи съ точнымъ указаніемъ притомъ его имени и названія того завода гдѣ такой зѣрь оспрофистуется. Точно также могли бы быть предметомъ корреспонденцій, какъ ничто выходящее изъ ряда, случай съ Нѣмцемъ-надзирателемъ въ нѣкоемъ частномъ пансіонѣ (если такой случай дѣйствительно былъ) и довальная „хмарь“ или „хворь“ о которой разказываетъ г. Златовратскій. Подобныя корреспонденціи, не обобщая частныхъ случаевъ, а указывая гдѣ именно произошли они, были бы дѣломъ полезнымъ, ибо открывали бы кому слѣдуетъ возможность исправить зло и подвергнуть виновныхъ справедливому взысканію, тогда какъ обобщеніе частныхъ случаевъ и вовведеніе ихъ въ тѣль неправильно освѣщаетъ дѣло, даетъ о немъ читателю ложное представленіе и следовательно содѣйствуетъ распространенію лжи и фальши.

Къ сожалѣнію, обобщеніе частныхъ случаевъ есть не единственный пріемъ употребляемый нѣкоторыми беллетристами, можетъ-быть безсознательно, пріемъ сбивающій съ толку читателей и распространяющій неправильныя, вѣрныя и даже вредныя воззрѣнія. Эти писатели избегаютъ выказывать личныя свои взгляды на дѣйствующихъ лицъ своихъ разказовъ и на описываемыя событія; иму соблюдается видимость объективности, но они влагаютъ въ уста своихъ героев выраженіе такихъ мнѣній, такихъ сочувствій и несочувствій которыя сообщаютъ произвольное и часто неправильное освѣщеніе людямъ и событіямъ. Для распространенія фальши такимъ путемъ особенно удобна форма „разказъ“. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ и тотъ же фактъ, надримѣръ вслѣдствіе антиеврейскіе беспорядки, будучи разказаны пострадавшимъ отъ нихъ Евреемъ, произведутъ на слушателя вовсе не то впечатленіе какъ разказъ о тѣхъ же беспорядкахъ христіанина, сознательно въ нихъ участвовавшего, причемъ каждый изъ этихъ разказовъ освѣтитъ дѣло, съ субъективной точки зрѣнія разказчика. То же самое приходится сказать о случаяхъ составляющихъ содержаніе части разсматриваемой нами беллетристики. Въ „очеркѣ“ г. Г. Успенскаго *Власть земли*, мы, между прочимъ, знакомимся съ раззорившимся въ конецъ и въ конецъ слившимся крестьяниномъ

Иваномъ Босыхъ. Изъ собственного разказа этого Ивана мы узнаемъ что если начало его разоренію положила сибирская язва, то въ оставшемъ видоѣ его безлутство, пьянство и неумѣлость. Нужда начала терѣбить Ивана, онъ сталъ пить; явились долги — онъ „озлился“, началъ буйствовать: „точно бѣсъ меня осѣтилъ“, говоритъ онъ. „Жена было заголосила, а я ее бить... Кипитъ у меня все нутро, огнемъ палить... Завыла она; а ее разъ въ грудь, а брюхатая была, и это что *брюхатается*-то она не вовремя тоже меня озлило, побѣдало у меня въ глазахъ отъ злости.... Прррако въ кабаки!...“ И что же! въ концѣ концовъ выходитъ что Иванъ правъ; что по крайней мѣрѣ онъ не виноватъ, а виноватъ кто-то другой или что-то другое. „Среда заѣла“, сказали бы лѣтъ двадцать тому назадъ! Но среда ли, другое ли что, — дѣло въ томъ что Иванъ въ глазахъ читателя обѣдается, а осужденію предается кто-то другой: точь-въ-точь тотъ же приемъ какъ въ дѣлѣ Вѣры Засулничъ. И мудро ли что Иванъ Босыхъ оказывается не виноватымъ: онъ самъ рассказываетъ намъ свою исторію, а его жеку, его кредиторовъ, волостное его начальство, которое обязано выискивать подати и съ которыми Босыхъ дерется — мы ихъ не слышимъ... Тотъ же приемъ замѣчаемъ мы и у г. Златовратскаго, въ тѣхъ „встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ“ которыя носятъ заглавіе *На родинѣ*. Авторъ встрѣтилъ на большой дорогѣ крестьянина по имени Дядя Мина, который рассказываетъ ему что у деревни, гдѣ живетъ онъ, оттагалъ судебнымъ порядкомъ землю нѣкій „жадобный“ (жадный, надо думать) мужичишка; что оттагавъ ее, онъ расположился было ее скосить, но что крестьяне не допустили этого сдѣлать, подбитые, какъ можно думать, тѣмъ самымъ „Арончикомъ“ о которомъ мы уже говорили. Казалось бы, правъ „жадобный мужичишка“. Но ужъ потому что онъ „жадобный“, правымъ онъ быть не можетъ. Но почему же онъ „жадобный“? Потому что такъ назвалъ его Дядя Минъ. А кто такой Дядя Минъ?—человѣкъ участвовавшій въ сопротивленіи судебному приговору, гаупелькій, пьявенькій и во всякомъ случаѣ за вѣрность возврѣній и приговоровъ котораго авторъ вовсе не ручается. Но если такъ, то какая же надобность была повѣдать міру этотъ разказъ, весьма вѣроятно пристрастный? Кто не правъ въ своихъ собственныхъ глазахъ? Предъ кѣмъ не виноватъ судъ постановившій непріятный приговоръ и полиція приводящая его въ

убоженіе!.. А вѣдь беллетристи о коихъ мы говоримъ требуютъ чтобы мы имъ вѣрили, чтобы написанное ими признавалось документами для характеристики положенія русскаго крестьянства: мы же имѣемъ записныя книжки! И беллетристы эта принадлежать къ тому лагерю откуда безубоженно кричать о законности, о правовомъ порядкѣ! Оказывается однако что имъ приходится объяснять что даже и неправильный приговоръ суда, пока онъ не отмененъ, имѣетъ силу закона. Имъ приходится объявлять что если и можно до некоторой степени оправдать крестьянъ ихъ незнаніемъ законовъ и непривычкой къ законности, то никакого оправданія не можетъ быть „Арошкѣ“, безъ сомнѣнія имѣвшему возможность познакомиться хоть съ самыми основными понятіями права. И „Арошка“ уже во второй разъ выставляется г. Заатовратскимъ въ ореолѣ героя...

Вотъ и еще примѣръ въ томъ же родѣ. Лицо отъ имени котораго разказываетъ свою *Исторію* г. Осиповскій есть, какъ уже сказано, дѣсничій, а въ домѣ у него проживаетъ родственница его Прасковья Семеновна, близкая къ „пелегальнымъ“, ловидимому „пелегальная“ и сама и притомъ которой родной и горячо любимый братъ подвергся тяжкому наказанію за преступленіе политическаго характера. Наступаютъ рождественскіе праздники. Дѣсничій, вѣрный праводительскимъ преданіямъ, изготавляетъ на свои скудные средства праздничное угощеніе. Садятся. „Только, говоритъ дѣсничій, подкляя я глаза на нашу барышню, чтобы ей ласковое слово сказать, — вижу, ея тарелка нетронутая стоитъ, сама она, блѣдная какъ смерть, свѣжилась какъ-то и на пустой стулѣ, что возлѣ жены стояла, уставилась.“ Дѣсничій и его жена засуетались. „А барышка какъ крикнетъ на насъ—отстаньте вы хоть ради праздника! Но чрезъ нѣсколько минутъ она высказалась, какъ бы говоря сама съ собой: Много ли теперь найдется въ Россіи семей гдѣ бы не было сегодня за столомъ пустого стула!.. Оцена ловко, даже талантливо написанная, весьма реальная, можетъ-быть даже съ натуры взятая и производящая впечатлѣніе. Но какое впечатлѣніе? Здоровое ли, благотворно ли дѣйствующее на общество? У г. Южонцова, у гжи Гулак-Артемовской, у всѣхъ расчитателей казенныхъ, земскихъ и общественныхъ суммъ, сосланныхъ на каторгу, въ мѣста столь и не столь отдаленныя, есть сестры, жены, матери, друзья или любовницы, у

которых тоже могут подвергнуться осужденію при взглядѣ на другое мнѣніе од-семейною триадою, да еще на великій прада-никъ, и это не должно быть доставлено имъ въ виду. Но не-благодарно было бы возбуждать къ гг. Юхондовымъ и Гу-лакъ-Артемовскимъ и имъ подобнымъ общественное сочув-ствіе посредствомъ спеціально подобнаго вышеприведенной „По-литическія преступленія совсѣмъ другое дѣло“, скажутъ мнѣ-Да, но только съ известной точки зрѣнія, недавно установлен-шейся и можетъ-быть въ недалекомъ будущемъ подлежащей устарѣнію. Предъ закономъ же (гражданскимъ), основаннымъ на началахъ нравственныхъ, которыя въ свою очередь сло-жились подъ вліяніемъ цитируемыхъ временныхъ, а вѣчныхъ, неизмѣнныхъ, предъ нравственнымъ чувствомъ воспитаннымъ въ понятіяхъ христіанскихъ,—всякое преступленіе есть пре-ступленіе. А если въ наше время политическія преступленія чрезвычайно умножились и оцѣнились явленіемъ почти еже-дневнымъ, то тѣмъ болѣе причиною строго относиться къ нимъ Политическія преступленія и вызывающая ихъ магія про-изводитъ пертурбаціи въ теченіи политической и социальной жизни человѣчества суть можетъ-быть такая же психическая болѣзнь, такое же временное нервное расстройство какъ усматриваемыя Н. Михайловскимъ въ Средніе Вѣка „эпиде-міи самобичеванія, неистовой пляски, демономаніи, демоно-латріи, истребленія Евреевъ, освобожденія Гроба Господня и пр.“ (*Отечественныя Записки* 1882, № 2). Можетъ-быть читателямъ противнаго намъ лагера не понравится опосла-вленіе „неистовой пляски“ съ революціонною эпидеміей; но намъ съ еще болѣе большимъ основаніемъ несправедливо подведевіе подъ клячку нравственныхъ болѣзней того религіознаго чув-ства которое вѣкогда побуждало людей жертвовать всѣмъ, не исключая и жизни, для освобожденія Гроба Господня изъ-подъ власти не вѣрившихъ во Христа.

II.

Въ *Даль* за нынѣшній годъ мы находимъ статью очень интересную въ томъ отношеніи что она заключаетъ въ себѣ характеристику того же литературнаго направленія о кото-ромъ говорится и въ настоящихъ строкахъ. Эта статья оза-главлена „Народъ въ литературныхъ эскизахъ“ и принадле-житъ перу гжи Цебриковой. По маѣію этой писательницы, Русскій народъ есть народъ демократическій par excellence, а потому и литература русская должна де имѣть демократическій

характеръ, — каковыя неислоримая чистота жемчуга одышко, по словамъ гжи Цебриковой, лишь въ недавнее время и спеціально въ томъ литературномъ лагерѣ къ которому принадлежить *Дѣло*. „Механизмъ строя (?) жизни нашей держался, говоритъ гжа Цебрикова, мужицкимъ міромъ. Во время крепостничества мужицкій міръ кормилъ помѣщиковъ; помѣщики вносили цѣну трудового лота его (т. е. податя) на потребности механизма...“ Общество дало литературѣ лишь отрицательные типы, какъ Окалозубы, Держиморды, Фамусовы, Молчалины, „а положительныхъ типовъ среды стоящей выше мужицкаго міра мы не видимъ въ литературѣ. Всѣ попытки создать положительные типы, даже попытки корифеевъ литературы нашей оказались неудачными. Въ мірѣ дѣятельности есть у насъ сословія отличающіяся отъ мужицкаго міра *большимъ удобствомъ (?)* пріобрѣтенія благъ жизни да правомъ изыатія отъ сѣченія“... Сколько пустой болтовни, сколько беззубаго задора и пережеванной желчи въ этихъ немногихъ словахъ, или какое смутное пониманіе какъ минувшаго, такъ и настоящаго! Мужикъ кормилъ помѣщика, а тотъ вносилъ часть оброковъ на общегосударственные расходы—это правда, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ еще чтобы „механизмъ строя“ держался у насъ единственно на мужицкомъ мірѣ. Если этотъ „механизмъ строя“ или, говоря по-человѣчески, государственный механизмъ смазывался на колѣнки добываемыя лѣтомъ мужика, то работою крестьянина руководилъ помѣщикъ, какъ теперь руководятъ десятники, подрядчики и т. п., безъ которыхъ выгдѣ въ мірѣ не обходятся, да и нельзя обойтись. Но дѣло не въ смазкѣ только государственнаго механизма, не въ системѣ взиманія податей. Помѣщикъ былъ и судьей, и полицеймейстеромъ, и сборщикомъ податей въ своемъ имѣніи; онъ назначалъ рекрутовъ изъ своихъ крестьянъ, а въ эпоху царей и самъ лично отбывалъ воинскую повинность. Онъ былъ воеводой и намѣстникомъ; на немъ лежало все гражданское и военное управленіе; онъ былъ до Петра совѣтникомъ царскимъ, а въ Петербургскій періодъ ближайшимъ сотрудникомъ государя. Какъ же приравнивать нулю эту обширную сферу дѣятельности русскаго дворянина-помѣщика? Но Н. Цебрикова приравниваетъ нулю дѣятельность и всѣхъ прочихъ сословій. Кто сдѣлалъ Россію христіанскою страной? Кто сдѣлалъ Русскій народъ народомъ грамотнымъ? Кто

общая русскую литературу и привалъ на русскою землѣ европейскую науку? Не „мужицкій міръ“, а совокупность условий и меръ въсѣхъ сословій, восточной и классовой солидарности *Русскій народъ*, признавая это слово во всей обширности его значенія, которое есть и единственно правильное.. Далѣе, общество дало, по словамъ Н. Цебриковой, литературѣ лишь отрицательные типы Молчалиныхъ, Держимордъ и т. п. Такъ ли это? И если такъ, то общество ли въ томъ виновато? Мы уже видѣли что литературные типы далеко не всегда и не безусловно могутъ быть принимаемы за действительныхъ реальныхъ представителей общества. Если судить по нашей литературѣ въ первые три десятилѣтія этого вѣка, можно было бы подумать что въ Россіи вовсе нѣтъ крестьянъ, а если судить по беллетристикѣ которую обозрѣваетъ мы съ Н. Цебриковой, то придется заключить что Россія едва ли не однимъ крестьянами населена. Съ другой стороны, если судить по романамъ Загоскина, Лажечникова, отчасти по повѣстямъ Марлинскаго и даже по сочиненіямъ Пушкина, то нельзя не признавать что Россія есть образованная и цивилизованная страна, что въ ней господствуетъ ясное миросовершенство, приязненные между людьми отношенія и миръ душевный; а если судить по беллетристикѣ предводимой гг. Щедринныхъ и Успенскихъ, то это какаа-то не то проклятая, не то несчастная страна, которую справедливо характеризовалъ г. Тургеневъ безсмысленнымъ окрикомъ волжскихъ разбойниковъ: *Сарынь на Кичку*... Такъ какъ же заключать объ обществѣ, о странѣ и народѣ по литературнымъ типамъ, по отношенію къ нимъ литературы? „Мы не видимъ положительныхъ типовъ среды стоящей выше мужицкаго міра“. Этой несокрушимый аргументъ! Волевымъ, они есть—напримѣръ Чацкій, о которомъ не трудно бы вспомнить послѣ Молчалина и Фамусова; они есть въ лицѣ Макоима Макоимовича Лермонтова, они есть въ сочиненіяхъ первой эпохи г. Тургенева и во всѣхъ романахъ графа Льва Толстаго, также какъ и гжи Кохаловской и г. Маркевича; положительное направление сквозитъ во всѣхъ произведеніяхъ Достоевскаго и Печерскаго; мы находимъ положительные типы въ *Соборнахъ* г. Лѣскова, вообще у всѣхъ беллетристовъ писавшихъ въ *Русскій Вѣстникъ*. Положительные типы этихъ писателей конечно не олицетворенныя добродѣтели, не Грандисоны; но по рецептамъ Ричардсона и Флоріана нынѣ не изображаютъ

людей: какъ Цыбрикова дѣлала это знамя. Да и теперь знамя, современникамъ, судить о будущемъ, предъ намиими глазами существующемъ обществѣ по внешнему, только по лирикамъ? Развѣ глаза у насъ только для того чтобы читать, а не для того чтобы и видѣть тоже? Развѣ мы сами лишены способности наблюдать и дѣлать обобщенія? Если мы почти каждый день читаемъ въ газетахъ о расширеніи то казенныхъ, то земскихъ, то общественныхъ суммъ, то почти каждый же день мы читаемъ отчеты благотворительныхъ обществъ и извѣстія о пожертвованіяхъ съ общеполовномъ дѣломъ, а сколько такихъ пожертвованій дѣлается такъ что лѣвая рука не знаетъ о дѣяніи правой. У насъ вошло въ моду съ нѣкотораго времени восхищаться началомъ 60хъ годовъ и какъ бы келоть ими глаза настоящей минуты. Но не станемъ говорить о настоящей минутѣ, о которой трудно судить спокойно. Обратимся къ недалекому прошедшему, къ великимъ реформамъ послѣдняго царствованія, къ началу 60хъ годовъ. Съ нѣкотораго времени стали превозносить эту эпоху и не безъ затѣвливой дѣли. Но откуда же взялъ покойный Государь просвѣщенныя, самоотверженныя помощники для осуществленія задуманныхъ имъ реформъ? Не изъ русской ли земли? не изъ Русскаго ли народа? не изъ „среды ли стоящей выше мужицкаго міра“? Кто были эти министры, эти члены Главнаго по крестьянскому вопросу Комитета, эти члены Государственнаго Совѣта и редакціонныхъ комиссій, писавшіе высочайшіе рескрипты, составлявшіе Положеніе 19 февраля и обсуждавшіе его? Это были исключительно русскіе мужики, очень хорошие понимавшіе что лишаясь дароваго труда они лишаются доброй части своего дохода. Кто были тѣ мировые посредники, которые вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть проведенія въ жизнь Положенія 19 февраля? Опять-таки русскіе мужики. А если присоединять къ этому что и съ церковныхъ амвоновъ и путемъ печати и посредствомъ застоявшихся рѣчей просвѣщеннѣйшіе люди всѣхъ сословій стремились утвердить въ общественномъ сознаніи необходимость реформы и связанныхъ съ нею жертвъ, то можно только удивляться что такая масса доблестей отразилась въ современной литературѣ недостаточнымъ числомъ положительныхъ типовъ. Скажутъ, въ средѣ провинціального дворянства существовало однако глухое недовольство и частію даже раздраженіе. Но естественное ли дѣло переносить операцію и не поморщиться?

Возможно ли предвидеть себе чѣлое сознание существующее независимо отъ горести; возможно ли побороться своими матеріальными благами, своими привычками, своими нравами и своимъ значеніемъ, пожертвовать наконецъ благосостояніемъ и значеніемъ своихъ дѣтей и не проинести жалобъ?

Къ несчастію гѣа Цебрикова утверждая что русское общество не даетъ положительныхъ типовъ въ литературѣ, высказываетъ не свое только личное мнѣніе, но мнѣніе цѣлой партіи, всего лагера, культъ котораго неважно, а послѣдствія этого культа — каждая разрушенія... А впрочемъ развѣ это не давно извѣстно? Необходимость разрушить все существующее провозглашена еще устами Базарова, а Базаревъ признавъ Писаревымъ, отъ котораго конечно не подумаютъ отречься ни гѣа Цебрикова, ни литературная партія къ которой она принадлежитъ. Эта партія утверждаетъ что она стоитъ за „народъ“, то-есть за крестьянъ. Но это неправда, потому что она не любитъ крестьянъ и ея мировоззрѣніе ничего не имѣетъ общаго съ ихъ мировоззрѣніемъ. Любовь къ „народу“, къ отечеству, къ своимъ занятіямъ, къ своей семьѣ и друзьямъ, наконецъ любовь къ избавной женщинѣ, не смотря на безконечное множество отщепенцевъ, имѣетъ однако общую основу, предпочтеніе, или даже пристрастіе къ предмету любви. Конечно мы можемъ видѣть недостатки въ нашемъ народѣ, находить несприятности въ любимыхъ нами занятіяхъ, досадовать иногда на нѣкоторыхъ членовъ нашей семьи, замѣчать несовершенства въ женщинѣ которой мы отдали наше сердце, но ни о любимомъ нами отечествѣ, ни о занятіяхъ которыя намъ милы, ни о членахъ семьи и друзьяхъ, ни о любимой женщинѣ мы ужъ конечно распространять клевету не будемъ, и если насъ что-нибудь вынудитъ указать на тѣньныя стороны предмета нашихъ симпатій, мы постышимъ выставить съ возможною яркостью и свѣтлостью его стороны. Такъ понималась любовь съ тѣхъ поръ какъ стоитъ свѣтъ. Но та часть русской литературы о которой здѣсь говорится создала въ этомъ отношеніи новую, совершенно противоположную теорію. Мы любимъ Россію и потому-то осмыаемъ ее проклятіями, мы любимъ Русскій народъ, то-есть русскихъ крестьянъ, и потому именно изображаемъ ихъ совершенными скотами... Маленькіе образцы этого мы уже видѣли; да будетъ намъ позволено привести въ подтвержденіе нашихъ словъ болѣе обширныя

машину изъ Италіи (1) г. Ортега, изъ одного писателя, маленькаго виднаго поэта въ своемъ лагерѣ. Алтаре съсылаетъ посланію въ селѣ Красный Яръ.

„Вдоль широкой улицы, раздѣлявшей село на двѣ, почти равныя половинны, арканъ, разнородными потоками тянулось сами съ раздраженными дѣвками и бабами, двигаюсь толпы ребятшекъ, летѣли тройки и пары... Пѣсни, крики, нестройные разговоры, хриплавая ругань, дязгъ кнутовъ, звонъ бубенчиковъ, отчаяннѣйшій визгъ гармоникъ, переносили воздухъ какимъ-то сплошнымъ, завывающимъ ономомъ. Яркая безвкусица одеждъ, диковинное разнообразіе упражекъ и самей, безтолковѣешее сочетание неизяснимой нищеты и сытаго довольства—все это рѣзало глаза и до одури кружило голову. Бабы безтолково толгались въ саяхъ, визгаиво оглашая уауцу глупѣйшими ласковыми лѣсными и отчаянно размахивая руками. Дѣвки чинно возсѣдали по бортамъ самей и уткають физиономіи въ рукава шубеекъ пересмѣивались, шелушили сѣмачки и въ свою очередь орали лѣсни. Мужики либо шумно и безтолково галдѣли и лускали въ ходъ пресквернѣйшія улодобленія, либо тоже заводили лѣсни окриплыми голосами. Все это, не исключая ни чинныхъ дѣвокъ, ни даже важныхъ кулчихъ въ лисьяхъ шубахъ было либо совершенно пьяно, или близилось къ тому. Казалось, самый воздухъ насыщенъ былъ хмѣлемъ, и въ немъ съ какою-то безшабашною пьяною удалью звенѣли колокольчики, гремѣли бубенчики и развѣивались влетенныя въ гривы алыя доты и яркіе платки въ рукахъ пласуній... Въ одномъ концѣ толпы дѣвки произительными голосами отхватывали про то зазорное обстоятельство, какъ:

Купи-и-ль кузнецъ...

Купи-и-пиз куанецъ...

Купилъ Дунъ сарафанъ, сарафанъ!

Купилъ Дунъ сарафанъ, сарафанъ!

А за чтѣ купилъ—слѣдовали неудобнѣйшіе вахальные пункты. Въ другомъ концѣ, съ какимъ-то нечеловѣческимъ ожесточеніемъ ругались, разнообразно ругать до гнуснѣйшей виртуозности и подкрѣпляя ее отвратительными соображеніями о нравственныхъ свойствахъ восходящаго колѣна. На сугубую мерзость этой ругани казалось конкуррировали, ибо всякое преуслѣвіе награждалось одобрительнымъ хохотомъ предстоящихъ. Тамъ два кулачные бойца въ разодранныхъ рубахахъ, съ рукавами засученными до локтей, усердно сворачивали другъ другу скулы и, обливаясь кровью, дѣвали другъ на друга какъ изстуженные. И вокругъ нихъ радостно гоготали и подзадоривали зрители“...

Далѣе слѣдуетъ эпизодъ о какомъ-то проворовавшемся мужикѣ котораго пьяная толпа собирается наказывать; маленькая выдержка наполненная ругательными словами и словомъ

„ведро“ съ египетскѣ на бунѣ р. ула привадемы зина, и ны къ этому изводу не возвращаема, но поспѣваемъ за изворомъ къ кабаку. Влизъ кабака, говоритъ г. Эртеле, мы увидѣли слѣдующую сцену:

„Маленькій тщедушный мужиченко безъ салотъ и застѣг отбивался отъ высокой косатой бабы озабоченно танувшей его за руку. Мужиченко едва держался на ногахъ и конечно не осилилъ бы съ бабой (бабы) еслибъ его въ свою очередь не тянули къ кабаку два здоровенныхъ и тоже сильно подвылившихъ мужика. У бабы отъ неимоверныхъ усилій стачить мужиченку стѣхла съ головы кичка и растрепанные волосы спускались на злое, нежитое лицо...

— Окаянный, причитала она, — безъ просылу третій день... Пропица!... Жена безъ хлѣба... Идолъ!... Оглашенный!... Совѣсти-то у васъ нѣту-у... Душегубы!

— Кумъ, что жь это за порядки! укоризненно вопилъ одинъ изъ танувшихъ мужиченку (!) сзади и усердно подхватывалъ его подъ мышки.

— Домани ее хорошенько, дьявола, по сусаламъ... чего она! кричала другой пыхтя отъ налряженія.

— Стрекани, стрекани ее по мордѣ-то!... Стрекани подюжь!... Чего она... Ишь пришила, подлець.

Разрѣшилась эта сцена совершенно неожиданнымъ пассажемъ. Изъ кабака вдругъ всжданно-негаданно выскочилъ коренастый, растрепанный мужичишка и, быстро подбѣжавъ къ Глафирѣ, ни слова не говоря, ударилъ ее по уху. Та пронзительно вскрикнула, оторвалась отъ мужа и какъ сволъ повалилась въ свѣтъ, окропивъ его тонкою струйкой крови. Мой Михайло (кучеръ) даже кракнулъ отъ удовольствія.

— Довко! вотъ такъ звѣздонуть! произнесъ онъ.“

Довольно пока. Спрашивается, что такое мы читали: описание праздника сѣлаанное другомъ народа, или же его врагомъ и притомъ чужестрадцемъ, ничего общаго съ этимъ народомъ не имѣющимъ? По нашему мнѣнію, въ этомъ не можетъ-быть и тѣни сомнѣнія. Никто изъ тѣхъ у коихъ дѣйствуетъ въ головѣ здравый смыслъ, а не уродливыя теоріи, не найдетъ въ приведенномъ извлеченіи ни малѣйшихъ признаковъ симпатіи къ описываемому народу и странѣ, но за то нельзя, прочитавъ очеркъ г. Эртеле, не вспомнить какъ описывали Россію въ XVIII вѣкѣ иностранцы-путешественники, которые сердчились за то что русскій костюмъ не похожъ на французскій, которыхъ возмущали русскіе національныя налѣвы, которые не долускали возможности ѣсть грибы и выходили

иъ себа за то что наивысокое помятъ то что говорятъ „этѣ слѣды“. Проща, г. Эрталъ не говоритъ такъ описательно, но всакий, прочна его *Mémoires*, дажкѣнъ будеть согласиться что въ ней описаны окоты, хотъ слово это и не произнесено авторемъ, и что онъ, авторъ, такъ же чуждъ Русскому народу, такъ же не можетъ отатъ на его точку зрѣнія и войти въ сферу его понятій, какъ напримеръ аббатъ Шалпъ (Шарре), отдыманный за это Екатериной II. Посчитайте сколько разъ повторенъ въ приведенномъ нами отрывкѣ эпитетъ „безвкусный“; одежда женщинъ—„яркая безвкусица“, пѣсн ихъ „глухѣйшія“.. Надо признаться что все это напоминаетъ тонъ аббата Шалпа и вообще французскихъ туристовъ которые не могутъ понять чтобы въ пѣсняхъ *des paysannes* могъ быть ивой прилѣвъ кромѣ *mirliton-ton-ton*.

Нельзя къ сожалѣнію не согласиться что русскій мужикъ сильно спился съ того времени какъ онъ лущель на всѣ четыре вѣтра безо всякаго руководительства. Мужикъ спился, а вслѣдствіе того и обѣдѣлъ. Но все-таки же онъ не постоянно пьянъ и не круглый годъ справляетъ масляницу. Почему же сдѣловательно нашимъ беллетристамъ народникамъ, такъ усердно наблюдающимъ народъ въ кабацкѣ, не посмотрѣтъ на этотъ самый народъ въ церкви? Вы описываете безлутное, мерзостное, смрадное пьянство: но неужели вамъ никогда не случалось слышать и протесты противъ этого пьянства со стороны самихъ же крестьянъ? Мы по крайней мѣрѣ и не шатаясь по деревнямъ съ записными книжками знаемъ (изъ газетъ) что такіе протесты есть и что они многословны. Почему же вы ничего не записите о томъ въ эти ваши записныя книжки? Почему въ вашихъ „очеркахъ“ и „разказахъ“ изъ крестьянскаго быта мы никогда не находимъ выраженія ни религиозности, несомнѣнно присущей русскому крестьянину, ни его трогательной преданности Царю, можно сказать вѣры въ него, ни терпѣнія и смиренія, ни даровитости, которою онъ превосходитъ всѣхъ простолюдиновъ Европы?.. Почему? Потому что въ васъ нѣтъ ни пониманія народа, ни любви къ нему. Вы не любите дѣйствительнаго, вынѣ судцаго мужика; вы презираете и ненавидите его столько же какъ и остальные сословія Русскаго народа. За то и онъ васъ знать не хочеть. Вы утѣшаете себя вами же самими созданною теоріей что крестьяне судя по одеждѣ принимаютъ васъ за „гослодъ“, ненависть къ

которыхъ будто бы и до сего дня не осталось между крестьянами. Не обманывайте себя. Крестьяне и ихъ свобода личности уживаются между собой такъ какъ уживаются великіе соседи, экономическіе интересы коихъ не достаточно согласованы; да и самъ г. Ортель сообщаетъ намъ что его „Гермогенъ Пожарскій“, не смотря на то что у него „носъ озерзаника“, что онъ носитъ хорошо сшитый фракъ, подходит къ священникамъ за благословеніемъ и, horribile dictum! читаетъ чинъ старикаго свѣдѣника, что этотъ Гермогенъ Пожарскій пользуется между окрѣпными крестьянами огромнымъ авторитетомъ. А ужъ чего хуже, чего опаснѣе этого Гермогена: крестъ на шеѣ носить, не позволяетъ народнымъ учителямъ получать *Отчественная Записки* и убѣждаетъ священниковъ присматривать за этими учителями... Не воть въ томъ-то и дѣло что въ лаватяхъ и въ оминатяхъ нашихъ беллетристовъ-народниковъ и нашихъ крестьянъ нѣтъ ничего общаго, и если цымы „Арончикамъ“ удается иногда завести смуту между крестьянами, то чаще эти же крестьяне задутъ этихъ „Арончиковъ“ и оденутъ ихъ юлици.

III.

Въ заключеніе одѣлаемъ выводъ изъ всего вышесказаннаго.

Волервыхъ, не смотря на признаки таланта замѣчаемые въ нѣкоторыхъ беллетристахъ названныхъ трехъ журналовъ, ихъ произведенія совершенно чужды художественности. Уже самая форма этихъ произведеній: „разказы“, „очерки“, „выдержки“ и т. д., указываетъ что ихъ авторы не считаютъ нужнымъ обдумывать ходъ событій, создавать характеры, отдѣлывать сцены, вообще трудиться надъ своими произведеніями. Языкъ этихъ произведеній вообще очень неяршавъ, а часто совершенно безобразенъ. Когда авторы ведутъ рѣчь отъ своего имени, нѣрѣдко приходится недоумѣвать, какъ это люди окончившіе курсъ въ университетѣ или хотя въ гимназіи, пишутъ такъ неграмотно, такъ неточно. Когда же эти авторы заставляютъ говорить своихъ героевъ, то является гаерство, кривлянье, нелозволительное въ литературѣ которая уважаетъ себя.

Впрочемъ, литературная школа о которой здѣсь говорится не придаетъ серіознаго значенія формѣ литературныхъ произведеній. Принципъ красоты самъ по себѣ, изящество какъ

цѣль, художественность въ качествѣ самостоятельнаго идеала не признаются этою школою. Да эту антитеатральную школу и не слѣдуетъ называть этимъ именемъ. Цѣль ея вовсе не-литературная, а политико-соціальная, и беллетристика, печать вообще, есть въ ея главахъ лишь одно изъ средствъ для достиженія извѣстныхъ результатовъ. Этимъ цѣлямъ подчинены все прочія соображенія. Романы, комедія написаны безъ таланта; но они произвели впечатлѣнiе въ извѣстномъ смыслѣ, и довольно. Въ такомъ-то очеркѣ или разказѣ заѣдомая ложь; что за бѣда, если она поддерживается въ глубинѣ желаемое настроенiе. Въ этомъ отношенiи беллетристика извѣстнаго лагеря яоступаетъ съ полнѣйшимъ развѣтствомъ. Въ знаменитая „записныя книжки“, которыя она главнымъ образомъ питается, вносится Богъ знаетъ что, и въ лучшемъ случаѣ простые анекдоты. Возводитъ ихъ „въ перазъ соедакиа“ и долго, и скучно, и силъ вѣтъ. И вотъ подмѣченный на лету (если не сочиненный) анекдотъ разказывается, а за нимъ десятокъ подобныхъ ему, и цѣль достигнута: обобщенiе отдѣльныхъ фактовъ сложилось въ умѣ читателя, слившiйся съ кругомъ и разорившiйся вконецъ Иванъ Босыхъ представляется тиломъ современнаго русскаго мужика. Конечно при этомъ умачивается что если русскiй мужикъ спился и разорился, то потому что онъ оставленъ безъ руководства своихъ привычныхъ руководителей-помѣщиковъ, что за водку цѣна понижена, а число кабаковъ размножилось, что раздѣлу семей открытъ широкiй просторъ, что вообще съ мужика разомъ, точно по командѣ, снято много валретовъ, и что все эти мѣры, развратившiя нашу деревню и раслутившiя мужика, рекомендовались именно изъ того лагеря къ которому принадлежатъ рассматриваемыя нами беллетристы и патронирующiе ихъ журналы.

Мужикъ спился и разорился, говорятъ и доказываютъ эти беллетристы. Правда, къ несчастiю. Но кромѣ того онъ „темень“. Я желаю этимъ сказать не то что его слѣдуетъ обучать физиологiи, а то что весьма желательно было бы чтобъ онъ путемъ чтенiя ознакомился съ общими основанiями права. Великую пользу привнесли бы русскому мужику тѣ писатели которые выяснили бы ему принципъ собственности и значенiе закона, которые высловили бы что такое судъ и его приговоры. Вѣрнѣе того, какъ мы видѣли, наши беллетристы-народники слухиваютъ и тѣ омутныя юридическiя

понятія: которая имѣеть мужикъ. Они знали что они неслышавъ задрожавъ отдавать что-нибудь, но отъому надо подчиняться. Судъ ли, администрація ли отрѣзали въ косяку „недобнаго мужиченка“ лугъ у такой-то деревни—эта деревня, предоставлена будучи своими традиціонными понятіями, продолжала бы отыскивать свои на него права, а между тѣмъ и не трогала бы этого луга. Теперь же объявляется во всеуслышаніе что если отобранная по суду земля нужна (а какая же земля не нужна!), то слѣдуетъ не подчиняться такому рѣшенію суда; а косятъ ее во всю малую душу. Теперь мужикъ который буянить, бьетъ беременную свою жену, дьяволствуетъ, грубитъ волостному суду, вываляется съ кулаками въ домъ волостнаго старшины, провозглашается ни въ чемъ въ сумасшествіи неповиннымъ, а виноваты-де сибирская язва, вино, кабаки, недостатокъ образованія—всѣ и все кромѣ самого виноватаго...

Я не рѣшаюсь сказать чтобъ изучаемые нами беллетристы сознательно поселяли такую смуту въ понятіяхъ. Вѣроятно это вина не ихъ, а той отвратительной школы къ которой они пристали, той зловредной партіи которая въ продолженіи двадцати слишкомъ лѣтъ мутитъ и отравляетъ наши молодые поколѣнія. Къ ней, къ этой партіи могутъ, да и должны быть повернуты горькія слова г. Осиповича: „Много ли теперь найдется въ Россіи семей гдѣ бы не было сегодня за отоломъ пустаго стула!...“ Да, за семейными трапезами рѣдко бывали у насъ „пустые стулья“ до тѣхъ поръ пока не стали распространяться ученія этой партіи. Она и ея ученія населяютъ Сибирь и каторгу, одѣваютъ въ трауръ цѣлыя семейства, рабываютъ жизнь отцовъ и матерей, заставляютъ людей стыдиться имени которое можетъ-быть съ честью было носимо въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ... Страшно подумать о томъ сколько зла одѣлала эта партія. Ея ученія успѣли отравить умственную атмосферу, которою молодые поколѣнія дышатъ въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ. Люди бывшіе „дѣтьми“ во время Базарова, теперь стали „отцами“. Можно вообразить въ какомъ духѣ они воспитываютъ своихъ дѣтей! А если опытъ жизни и умудрилъ ихъ нѣсколько, если они и не ставятъ себѣ задачей воспроизвести въ нисходящемъ своемъ колѣнѣ Базаровскій типъ во всей его чистотѣ, то они не въ состояніи, даже еслибъ и хотѣли, воспитать своихъ дѣтей и въ понятіяхъ противоположныхъ, на истинныхъ

христианства основаннымъ. Сбитые или полусбитые съ толку люди воспитываютъ новыхъ поколѣнiя, умственно и духовно большые родятъ и въ больницѣ умственно и духовно большыхъ воспитываютъ будущихъ дѣятелей въ области литературы, науки, суда и администраци... Вотъ хоть бы тѣ беллетристы о коихъ мы бесѣдовали. Не явля ли въ нихъ мировоззрѣнiи слѣды неадровоид, отравленной духовно-умственной атмосферы, которою они надыхались съ младенчества? Могутъ ли разумные люди относиться такъ легкомысленно и такъ невѣжественно къ положительному, письменному дѣйствующему праву? Не безумство ли намекать что если-можь законъ (а неотмѣненное судебное рѣшенiе есть тотъ же законъ) тебѣ не нравится, то къ чорту его? Не злое ли безумство выставлять единственнымъ героями, единственно сочувственными въ наше время людьми, людей „нелегалъныхъ“, скитающихся подъ фальшивыми именами, во дни живущихъ, ложью промышляющихъ, проповѣдующихъ огульное разрушенiе? Можетъ-быть, повторяемъ, связь между этими писателями и „Арончиками“ да „Прасковьями Семеновнами“ не такъ тѣсна какъ можетъ казаться, но они и не чувствуютъ отвращенiя къ намъ, напротивъ, очевидно имъ сочувствуютъ, хотя въ вѣкоторой мѣрѣ. И это естественно: они съ дѣтства читали Герцена, Чернышевскаго и Писарева,—иначе нельзя объяснить хотя бы только духовной, платонической солидарности между людьми судомъ неопороченными, можетъ-быть почтенными во многихъ отношенiяхъ, и людьми стоящими внѣ закона. Только безконечнымъ сумбуромъ налущеннымъ помянутыми корифеями нашей литературы 50—60хъ годовъ, сумбуромъ пропитавшимъ насъ всю тогдашнюю молодежь,—можно объяснить что люди, мирозерцанiе коихъ не имѣетъ ничего, рѣшительно ничего общаго съ мирозерцанiемъ русскаго крестьянина, считают себя „народниками“ и какъ будто надѣются приобрѣсти его довѣрiе.

П. ЦЕБАЛЬСКIЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Помню слышалъ я гдѣ-то преданье:
Храмъ забытый средь лѣса стоитъ,
Все въ немъ золото, мраморъ, гранитъ,
Гордо высится стройное зданье;
Но давно въ немъ безмолвье царитъ.

Тамъ узорныя стекла разбиты,
Ни души не увидишь кругомъ,
Порастаетъ все плѣснью, мхомъ;
Паутиною стѣны покрыты;
И колонны обвиты плетущемъ;

И ко храму святому ревуя,
Не спѣшитъ отовсюду народъ,
Звонъ молиться въ него не зоветъ
И протяжно гремя аллилуя
Не колеблетъ готическій сводъ.

Только въ полночь глухую порою,
Загорается пламя свѣчей,
Много рыцарей, дамъ и пажей
Входитъ въ церковь нарядной толпою
И служеніе слышится въ ней.

Такъ и въ сердцѣ моемъ—только слезы;
Все въ немъ холодно, грустно, темно,
Какъ тотъ храмъ опустѣло оно,
Какъ въ могилѣ въ немъ лучшія грезы
И мечты схоронилъ я давно.

Но порой средь безмолвья ночнаго
Все минувшее станетъ яснѣй,
Какъ повязка сладеть вдругъ съ очей,
Свѣтлый образъ твой вижу я снова
И молюсь тогда тѣмъ твоей!

II.

Разыгралась мятелица въ поѣхъ,
 Завываетъ и плачетъ выюга,
 И гудаетъ она на просторѣхъ.
 Разметаешь и кружить снѣга;
 Подъ ея богатырскимъ напоромъ
 Встреленулися разомъ дѣса;
 Отвѣчаютъ ей жалобнымъ хоромъ,
 Завываютъ, гудать голоса:
 Словно стонуть безбрежныя степи,
 И земля словно узникъ больной,
 Кольхая тяжелыя дѣли,
 Хочетъ сбросить покровъ ледяной...

III.

Не сотвори себѣ кумира,
 Не воллодай свои мечты
 И среди суетнаго міра
 Не жди небесной красоты;
 Глади духовными очами
 Въ открытый духу, свѣтлый край
 И предъ мигутными богами
 Колея своихъ не преклоняй!

IV.

Когда все умолкаетъ надъ сонной землею
 И несчетныя звѣзды горятъ въ вышинѣхъ,
 Изъ волшебнаго царства слетаетъ порою
 Невидимкою гостя ко мнѣ;
 И она говоритъ мнѣ: „незримы для ока
 Есть другіе міры, просыпайся, вставай!
 Мы помчимся съ тобою далеко, далеко
 Въ очарованный, сказочный край;
 Тамъ ни горя, ни слезъ, ни тоски, ни разлуки,
 Вѣчно стройные хоры созвѣздій гремятъ,
 Одѣваются въ краски волшебныя звуки
 А лучи и люютъ, и звѣяютъ...“

КНЯЗЬ Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

КАКІЯ ВРЕДНЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ

ИМѢЮТЬ ДЛЯ НАСЪ

ПРОЦЕНТНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ

Въ брошюрѣ подѣ заглавіемъ *Отчего произошло паденіе нашего бумажнаго рубля* и пр. (Кіевъ, 1879) я стараюся показать между прочимъ самыми простыми наглядными и фактическими доводами какой вредъ принесать Россіи процентные займы казенные и частные, преимущественно вслѣдствіе того обстоятельства что масса ихъ сдѣлана за границей и что государственныя долговыя обязательства даже внутреннихъ займовъ на сотни милліоновъ находятся въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ. Повѣришь всѣ данныя по источникамъ послѣдняго времени я хотѣлъ бы въ настоящей статьѣ привести ихъ къ еще большей наглядности и въ особенности показать все ужасающее бремя которое государство налагаетъ на нѣсколько поколѣній неумѣренными займами. Не перестану повторять что платежи по этимъ займамъ вообще и въ особенности переводимые за границу суть

главная причина истощенія производительныхъ силъ нашей страны и ведутъ къ общему обвѣнью.

Разумно здѣсь не одни займы государственные, но и займы желѣзнодорожныхъ компаній и другихъ промышленныхъ предпріятій, равно и основаніе у насъ этихъ предпріятій иностранными капиталистами. Въ случаѣ займовъ для промышленныхъ цѣлей значительною долей прибылей отъ предпріятій пользуются иностранные заимодавцы. Какъ бы ни было выгодно для акціонеровъ предпріятіе основанное на иностранный капиталъ, оно для страны теряетъ свою пользу въ силу офъшенія, потому что значительная доля прибыли отъ него должна быть выплачена за границу продуктами этой страны.

Присоединивъ къ вышеупомянутымъ прочія наши заграничныя затраты мы получаемъ огромную сумму заграничныхъ платежей, несоразмѣрно съ нашими средствами обременяющую нашъ международный балансъ, къ возобновленію котораго страна истощается, въ тщетныхъ усиліяхъ. Повторяемъ что кто бы ни дѣлалъ займы у иностранцевъ, государство или частныя общества, кто бы ни переводилъ деньги за границу, путешественники, торговцы, за товары, государство, за правительственныя затраты, на заказы военныхъ снарядовъ, морскихъ судовъ, заграничныхъ миссій и консульствъ, какимъ бы путемъ ни попали въ руки иностранцевъ наши обязательства, векселя, банковые и кредитные билеты, акціи и облигаціи, какую бы валюту они ни представляли, металлическую или кредитную, всѣ улаты по этимъ обязательствамъ въ концѣ концовъ приходится дѣлать странѣ не фиктивными цѣнностями, а дѣйствительными продуктами своей почвы, промышленности и металломъ*.

Мы приведемъ здѣсь данныя нашей первой брошюры въ болѣе ясной послѣдовательности, съ указаніемъ источниковъ; конечно, они только приблизительны и не полны, но во

* Для большей ясности приводимъ слова нашей брошюры (стр. 8): „всякій заграничный владѣлецъ 5% банковаго или выигрышнаго билета чтобы получить по немъ проценты продаетъ купоны банку, а банкиръ переводитъ ихъ въ Россію въ улату за хлѣбъ, шерсть сало и пр. Слѣдовательно въ результатѣ выходитъ что процентъ заимачель не бумажками, а товаромъ, то-есть тоже что и металломъ“.

всякомъ случаѣ, полагаемъ, что цифры разныхъ платежей не только не преувеличены, но даже ниже действительности и притомъ многіе не упомянуты въслѣдствіе невозможности имѣть о нихъ свѣдѣнія *.

I. По смѣтѣ государственнаго кредита ассигновано было на 1880 годъ для уплаты процентовъ и погашенія.

Руб. кредитъ.
(считая по 26
пенс. за руб.).

1. По займамъ правительственнымъ загранич- нымъ, срочнымъ и безсрочнымъ.....	45.355.000
2. По консолидированнымъ облигаціямъ же- лезныхъ дорогъ, проданнымъ за границу.....	31.978.000
3. По облигаціямъ Николаевской желѣзной дороги.....	8.848.000
4. По конвертированному займу Царства Польскаго 20 февраля (2) марта 1844.....	1.817.000
Итого платежей по вѣнск. займ. въ годъ	<u>87.997.000</u>

Если предположимъ что четвертая часть облигацій этихъ займовъ находится уже въ Рос-
сiи (вѣроятно менѣе), то приходится платить за границу..... 65.997.000

II. По той же смѣтѣ государственнаго кре-
дита на 1880 годъ ассигновано процентовъ и погашеній по внутреннимъ займамъ:

1. По металлическимъ билетамъ.....	3.000.000
2. По билетамъ 5% 1863, 1869 и 1876.....	7.450.000
3. По восточнымъ 5% займамъ 1877, 1878 и 1879.....	36.500.000
4. По выигрышнымъ займамъ 1864 и 1866	13.290.000
5. По билетамъ государственнаго казначей- ства (серіямъ).....	9.331.000
6. По 6% такъ-называемымъ обыкновен- нымъ 1817 года долгамъ.....	3.827.000
7. По 6% т.-к. неприкосновеннымъ 1817 года	114.000
8. По 4% ликвидационнымъ листамъ Царства Польскаго 1864.....	3.184.000
Итого въ годъ.....	<u>76.696.000</u>

* Въ нижеслѣдующемъ перечнѣ нами пропущены тѣ изъ казен-
ныхъ долговъ, хотя и входящіе въ смѣту государственнаго кредита,
облигаціи которыхъ, какъ можно предполагать, мало или вовсе не
обращаются за границей.

Можно положительно принять что 20% *stutz* бумагъ находится за границей, следовательно туда переводится платежей по нимъ въ 15.833.000

III. Капиталъ желѣзныхъ дорогъ въ акціяхъ и облигацияхъ составлялъ въ первый день 1878 (По *Ежегоднику Мин. Финан.* т. X, стр. 592) 1.202.387.000 руб. метала. и 165.709.000 кредитн. руб. Предполагая что въ число первыхъ вошли консолидированныя облигации, показанныя выше въ составѣ государственныхъ долговъ, мы здѣсь вычтемъ ихъ сумму 571.750.000 р. Такимъ образомъ металлическаго капитала желѣзныхъ дорогъ останется 630.607.000, а кредитнаго будетъ—165.709.000. Изъ первого надо отнестн на заграничныя биржи по крайней мѣрѣ $\frac{3}{4}$, т.-е. 472.955.250 руб. мет., а изъ втораго $\frac{1}{4}$, т.-е. 41.427.250 р. По тому и другому $\frac{1}{2}$ за границу должны выплачиваться металомъ, что составить, считая 5%, по первому, 85.472.625 р. кр., * а по второму 2.671.362 р. кр., итого.. 37.543.005

IV. Основной капиталъ и вышуденные въ обращеніе закладныя листы земельныхъ банковъ и обществъ ипотечнаго кредита (за исключеніемъ закладныхъ листовъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, о которыхъ ниже, составляли (по *Ежегодн. Мин. Финанс.* т. X, стр. 314 и слѣд.) къ 1 января 1877—869.791.000 кр. руб., предполагая что изъ нихъ 20% могутъ находиться за границей, то-есть 173.958.000, и считая 6%, какъ обыкновенно платятъ наши земельныя банки по закладнымъ листамъ (не прибавляя ничего на дивиденды по акціямъ), приходится перевести иностранцамъ ихъ владѣльцамъ ежегодно..... 10.487.000

V. Закладныя листы Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, переданные, какъ имущество, по контракту оцѣнѣ убыточному, въ распоряженіе дома Ротшильда и комп., почти всѣ находятся за границей. Сумма ихъ равнялась къ 1 января 1877—126.438.000 руб. мет. (*Ежегодн. Мин. Фин.* т. X, стр. 314); можно

* По курсу 208 сак. за рубль кредитный или 1 р. 80 коп. за 1 р. монетой.

сказать почти нагёрное что по меньшей мѣрѣ $\frac{1}{5}$ этой суммы находится въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ, т.-е. 91.148.000 руб. мет. Считаю по 5⁰/₁₀ это составитъ 4.557.000 р. мет. или (по курсу 266 сант. за рубль) ежегодной уплаты за границу кред. руб.

6.965.000

VI. По государственной росписи на 1880 (*Указатель распорядковъ по Мин. Фин. за 1880, № 1*) ассигновано:

1. На содержаніе миссій, консульствъ и чрезвычайныя заграничныя расходы Мин. Иностр. Дѣлъ.....

2.894.243

2. На заграничное плаваніе военныхъ судовъ

1.874.582

3. На приготовленіе оружія и кораблестроеніе 23.368.721 р., изъ коихъ мы относимъ на заграничныя заказы $\frac{1}{4}$ часть (въроятно гораздо менѣе дѣйствительности); итого.....

5.834.213.

Итого.....

10.603.000

VII. Въ 1879 (когда мирное положеніе возстановилось), вышло однихъ русскихъ подданныхъ по паспортамъ * чрезъ европейскія и азіатскія границы сухимъ путемъ и моремъ 69.413 человекъ. Предположивъ что изъ нихъ три четверти, то-есть 52.059 человекъ, издержали за границей по 1.000 руб. въ теченіе года и не включая издержекъ остальныхъ, это будетъ значить что они вывезли изъ Россіи въ годъ

52.059.900

VIII. Къ этимъ заграничнымъ платежамъ надо прибавить платежи иностраннымъ желѣзнымъ дорогамъ и судостроителямъ за перевозку покупаемыхъ нами иностранныхъ товаровъ, въроятно составляющую нѣсколько десятковъ милліоновъ; ** но если мы опредѣлимъ ее только въ 30 милл., то общій итогъ суммъ переводимыхъ ежегодно за границу независимо отъ платежа за иностранные товары составитъ около 229 милл., какъ это явствуетъ изъ слѣдующаго перечня:

* Не считая выѣзжавшихъ по краткосрочнымъ билетамъ.

** Эти суммы къ удивленію пропускаются въ нашемъ торговомъ заграничномъ балансѣ, который опредѣляется только дѣльностью товаровъ ввозимыхъ и вывозимыхъ; между тѣмъ плата за провозъ всегда падаетъ на насъ, получателей.

I. По заграничнымъ займамъ.....	65.997.000
II. По внутреннимъ займамъ	15.386.000
III. По займамъ желѣзнодорожнымъ.....	37.543.000
IV. По акціямъ и облигаціямъ земельныхъ банковъ и обществъ шпот. кред.	10.437.000
V. По закладн. листамъ Общ. Взаимн. Земельнаго Кредита	6.935.000
VI. На содержаніе миссій, консульствъ, чрезвычайные расходы Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, заграничное плаваніе военныхъ судовъ, покупку оружія и кораблестроеніе...	10.603.000
VII. Издержки русскихъ путешественниковъ	52.059.000
VIII. Платежи иностраннымъ желѣзнымъ дорогамъ за перевозку иностранныхъ товаровъ...	30.000.000
Всего.....	228.910.000

Всѣ эти исчисленія, равно какъ и прилагаемыя таблицы займовъ, сдѣланы по свѣдѣніямъ за 1876 и 1877 и по смѣтѣ главнаго кредита на 1880 годъ. Государственная роспись на 1881 показываетъ увеличеніе суммы процентовъ по государственнымъ долгамъ почти на 22 милл., равно увеличеніе заграничныхъ расходовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Военнаго и Морскаго. Соотвѣтственно этому увеличились разумѣется и суммы нашихъ заграничныхъ платежей.

Нужно ли доказывать весь вредъ подобнаго положенія вещей? Намъ говорятъ что занятыя капиталы пошли на развитіе всѣхъ отраслей промышленности посредствомъ постройки сѣти желѣзныхъ дорогъ. Да, это правда, то-есть на развитіе промышленности иностранной. Мы дали возможность иностранцамъ дешево получать нашъ хлѣбъ, кормить имъ своихъ рабочихъ и сбывать намъ удобно свои произведенія. Мы оживили и питаемъ многія отрасли ихъ промышленности, въ особенности желѣзныхъ издѣлій необходимыхъ для нашихъ дорогъ. Но обогатились ли чрезъ это наши села и города, кромѣ нѣсколькихъ центральныхъ? Не увеличился ли наливъ къ намъ иностранныхъ товаровъ, которыми телерь завалены наши магазины, и не подавлены ли наши фабрики и заводы? Отвѣты на эти вопросы крайне неутѣшительны, и только можно удивляться, отчего не принимаются мѣры противъ печальныхъ послѣдствій системы не прекращающихся займовъ и поощренія ввоза иностранныхъ товаровъ такъ явно разоряющихъ наше отечество.

Мы уже прежде говорили что процентные займы нѣсколько основны, когда ихъ долговые обязательства остаются въ предѣлахъ государства, въ рукахъ его гражданъ; тогда если капиталы и получаютъ значительныя выгоды отъ своихъ капиталовъ безъ особеннаго труда, между тѣмъ какъ эти выгоды ложатся бременемъ на податныя ословія, то по крайней мѣрѣ можно утѣшать себя мыслью что эти капиталы остаются въ странѣ и рано или поздно будутъ куплены въ оборотъ производительный, а до того владѣльцы ихъ проживаютъ свои доходы на мѣстѣ и такимъ образомъ деньги расходуются между тѣмъ самымъ народомъ который въ видѣ разнообразныхъ налоговъ платитъ проценты по займамъ.

Но и въ этомъ случаѣ вредъ государственныхъ займовъ очень великъ: деньги занятыя правительствомъ обыкновенно растрачиваются не бережливо, употребляются на расходы не вызываемые крайнею нуждой, на увеличеніе штатовъ разныхъ администрацій, жалованій, выдачу не приносящихъ пользы и безнадежныхъ къ возврату субсидій и ссудъ желѣзнымъ дорогамъ и пр. За капиталъ израсходованный такимъ образомъ въ короткое время приходится народу расплачиваться въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ и уплатить сумму иногда втрое бѣльшую нежели та которая была получена. То-есть въ результатѣ наша финансовая система, приближающаяся къ займамъ чуть не ежегодно, обрекаетъ народъ на постоянно увеличивающуюся и вѣчную подать въ пользу капиталистовъ. Система долгосрочныхъ государственныхъ займовъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ приноситъ пользу государству, большею же частію полезна только для капиталистовъ, доставляя вѣрное и выгодное помѣщеніе ихъ капиталамъ.

Заемствованная изъ практики еврейскихъ банковыхъ конторъ она естественно носитъ на себѣ ихъ отпечатокъ и представляетъ одинъ изъ способовъ эксплуатаціи и низведенія должника на степень вѣчнаго данника. Подобный заемъ въ частной сдѣлкѣ можетъ принести пользу благоразумному заемщику, который употребляетъ сдѣланный заемъ производительно, пускаетъ его въ оборотъ, покупаетъ на него товары, землю или строить заводъ и получаетъ процентъ втрое и четверо бѣльшій нежели тотъ который онъ платитъ,—такой заемъ для государства дѣлается положительно вреднымъ, потому что государство не торговый домъ, оно не покупаетъ себѣ земель,

не строить фабрикъ и не производить торговли за свой счетъ, а употребляетъ занятые деньги по фантазіи разоряющихся лицъ, которая рѣдко понимаютъ и могутъ судить о степени действительной необходимости требуемой затраты. Да притомъ такъ какъ ихъ личный интересъ не рѣдко замышляемъ въ осуществленіи (реализаціи) займа, а за непродуманную затрату они висколько не отвѣчаютъ, то и понятно какъ можно легко государству спуститься по незачету пому оказанію долгосрочныхъ займовъ, отъ чего повидному легкихъ, въ такую пропасть изъ которой выбраться крайне трудно, а иногда бываетъ невозможно.

Но пусть говорятъ факты. Мы составили двѣ таблицы (подъ лит. А и В) всѣхъ нашихъ срочныхъ займовъ, вѣнскихъ и внутреннихъ, сгруппировавъ ихъ по пятилѣтіямъ. Въ этихъ таблицахъ означены: номинальная сумма займа, сколько действительно получено за уплатой процентовъ и погашенія, сколько еще остается долгу къ 1 января 1880 года, сколько лѣтъ уже продвигается уплата, насколько въ теченіе этого времени уменьшилась сумма долга противъ суммы действительнаго полученія, какая сумма въ теченіе этого времени выплачена въ видѣ процентовъ, погашенія и банковской провизіи, и сколько нужно выплатить въ видѣ процентовъ и капитала до окончательнаго погашенія.

Что касается займовъ безсрочныхъ, то цифры послѣдней графы не могли быть вычислены, такъ какъ погашеніе ихъ происходитъ посредствомъ произвольнаго выкупа облигацій на биржевой цѣнѣ. Имѣя въ смѣтѣ государственнаго кредита сумму каждаго изъ этихъ долговъ числившущая къ 1 января 1880 года и зная число лѣтъ въ теченіе которыхъ продолжались уплата и процентъ погашенія, мы можемъ только приблизительно заключить сколько израсходовано на нее за это время. Этотъ расчетъ мы прилагаемъ въ другихъ двухъ таблицахъ (подъ лит. В и Г).

Выводы изъ этихъ таблицъ слѣдующіе:

А. Выплате срочные займы. *

Пятилѣтіе съ 1819—1823 годъ. (Таб. лит. А). 5% голландскій заемъ образовался изъ прежнихъ займовъ; послѣдній расчетъ

* Нидерландскія займы обращены въ рубли металлическіе и вообще весь расчетъ сдѣланъ на металлическіе рубли.

состоявшийся въ 1819 году по конвенціи съ Англіей и Нидерландами опредѣлялъ его цифру въ 26.571.072 руб. Послѣ уплаты продолжавшихся 60 лѣтъ, въ теченіе которыхъ выплачено 71.718.400 руб., долгъ этотъ уменьшился всего на 16.278.720 руб. и до полного его погашенія придется еще уплатить 21.007.632 руб., такъ что всего за 26.571.072 руб. государство заплатитъ 92.811.032 руб., то-есть сумма составитъ всего $28\frac{6}{10}$ процента суммы издержанной на ея уплату! Эта вопиющая несоразмѣрность нисколько не смягчается, по нашему мнѣнію, тѣмъ что уплата будетъ производиться тремя поколѣніями: государство есть живой и долговѣчный организмъ; платежи разстраивающіе его экономическое положеніе гнетутъ его несмотря на смѣну поколѣній. Поколѣнія народившіяся подъ этимъ гнетомъ могутъ даже не замѣчать того что они бѣднѣе предыдущихъ, такъ какъ слабыя физически потомки крѣпкихъ здоровьемъ предковъ давно умершихъ не сознаютъ насколько они слабѣе послѣднихъ, но причины истощенія дѣйствуютъ, и народъ бѣднѣетъ, именно простой народъ, потому что всякое увеличеніе налоговъ, какъ бы они ни распредѣлялись, въ концѣ-концовъ всего чувствительнѣе отзывается на положеніи земледѣльческаго и рабочаго класса и * уменьшаетъ его благосостояніе.

Пятнадцатилѣтіе съ 1824—1838 года. Не было дѣлаемо ни срочныхъ ни безсрочныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ. Это было блаженное время министерства графа Канкринъ и господства его разумной финансовой системы.

Въ пятилѣтіе съ 1839—1843 года сдѣлаво три займа, всѣ по 4% на 41.000.000 руб.; получено 36.150.900 или $88\frac{1}{10}\%$ залатой суммы. За 37 лѣтъ * выплачено 71.502.900 р., а уменьшился долгъ на 31.250.900 руб. или на $86\frac{1}{10}\%$. Этотъ болѣе удовлетворительный результатъ уменьшенія долга въ 37 лѣтъ на $86\frac{1}{10}\%$, между тѣмъ какъ долгъ перваго пятилѣтія за 60 лѣтъ уменьшился только на $61\frac{3}{10}\%$, достигнуть былъ сильнымъ погашеніемъ въ $2\frac{1}{2}\%$, что показываетъ правильность соображеній тогдашняго финансового управленія, которое понимало что для государства гораздо выгоднѣе быстрое погашеніе нежели медленное. По этимъ тремъ долгамъ придется

* Мы беремъ среднюю продолжительность времени со срока заключенія трехъ займовъ.

еще уплатить 5.717.500 руб., такъ что вся сумма уплатъ до полнаго погашенія будетъ простираться до 77.219.500 руб., а полученная сумма составитъ $46\frac{8}{10}\%$ послѣдней.

Въ пятилѣтіе съ 1844—1848 годъ было сдѣлаво два займа по 4% на сумму 26.000.000 руб., получено 23.721.800 руб. или $91\frac{2}{10}\%$. За 33 года выплачено 42.619.400 руб., а долгъ уменьшился противъ дѣйствительно полученной суммы на 18.396.800 руб., то-есть на $77\frac{5}{10}\%$. До полнаго погашенія придется еще уплатить 6.658.500 руб., такъ что вся сумма уплатъ до полнаго погашенія составитъ 49.277.900 руб., а полученная по займу сумма $48\frac{1}{10}\%$ послѣдней.

Въ пятилѣтіе съ 1849 по 1853 годъ сдѣлавъ одинъ заемъ ($4\frac{1}{2}\%$) на сумму 34.575.200 руб., получено 31.117.680 или 90% . За 30 лѣтъ выплачено 53.234.052 руб., а долгъ уменьшился противъ дѣйствительно полученной суммы на 16.596.096 руб. или на $53\frac{3}{10}\%$. До полнаго погашенія придется еще уплатить 21.818.284 руб., такъ что вся сумма уплатъ до полнаго погашенія составитъ 75.052.336 руб., а полученная по займу сумма $41\frac{1}{10}\%$ послѣдней.

Въ пятилѣтіе съ 1854—1858 годъ займовъ вѣдшихъ не было.

Съ 1859 по 1863 годъ сдѣлавъ одинъ заемъ ($4\frac{1}{2}\%$) въ 40.861.600 руб., получено 36.199.291 или $88\frac{5}{10}\%$.

За 19 лѣтъ выплачено 40.991.672 руб. Долгъ уменьшился противъ дѣйствительнаго полученія всего на 6.338.891 руб. или только $17\frac{5}{10}\%$. До полнаго погашенія придется еще уплатить 63.600.005 руб., такъ что сумма всѣхъ уплатъ составитъ 104.591.677 руб., а полученная по займу сумма только $34\frac{4}{10}\%$ послѣдней. Въ этомъ невыгодномъ результатѣ выразился сразу характеръ новаго тогдашняго финансоваго управленія.

Въ пятилѣтіе съ 1864 по 1868 годъ сдѣлаво два займа на номинальную сумму 75.436.800 руб. ($5\frac{1}{2}\%$), получено всего 63.431.083 руб. или $84\frac{8}{10}\%$. Въ теченіе ореднихъ 14 лѣтъ израсходовано на уплату 61.371.378 руб., а долгъ уменьшился противъ дѣйствительнаго полученія только на 1.883.673 руб. или на 2% . До полнаго погашенія придется еще уплатить 112.371.201 руб., такъ что сумма уплатъ составитъ 173.742.579 руб., а полученная по займу только $36\frac{5}{10}\%$ сей послѣдней.

Въ пятилѣтіе съ 1869 по 1873 годъ вѣдшихъ займовъ не было.

Въ пятилѣтіе съ 1874 по 1878 годъ заключена заемъ въ 94.296.000 рублей (5%), получено 69.779.040 рублей или только 74% номинальной суммы. Это самый невыгодный изъ всѣхъ займовъ сдѣланныхъ въ послѣднія 40 лѣтъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ (по 1 января 1880 года) уплачено 11.319.928 рублей; долгъ уменьшился только на неполные два милліона противъ его номинальной суммы, а чтобъ онъ сравнялся съ дѣйствительно-полученною, надо уплатить еще 22.583.902 рубля. До окончательнаго погашенія придется уплатить всего 209.419.668 рублей за неполныхъ 70 милліоновъ полученныхъ, то-есть почти втрое.

Наше финансовое управленіе увѣнчало этимъ займомъ свои заграничныя кредитныя подвиги.

Итакъ, начиная съ 1819 года, въ продолженіе 60 лѣтъ, мы получили по срочнымъ вѣнскимъ займамъ 286.970.816 рублей метал., и за нихъ частію заплатили, частію должны будемъ заплатить за границу около * 782.113.698 рубля метал., что составитъ 272⁵/₁₀% полученной суммы.

Но это только долги срочные, перейдемъ къ безсрочнымъ вѣнскимъ.

Б. Вѣнскіе займы безсрочные. (Таблица лѣт. Б).

Такъ какъ по этимъ займамъ не опредѣлено срока въ теченіе котораго они должны быть погашены, а правительство предоставило себѣ право облигаціи ихъ извлекать изъ обращенія покупкой на биржѣ въ то время когда онѣ будутъ не выше номинальной цѣны, то мы можемъ опредѣлить только приблизительнымъ расчетомъ, какія суммы уже употреблены на ихъ уплату и какія еще израсходуются до окончательнаго погашенія.

Можно съ увѣренностью сказать что эти суммы будутъ пропорціонально никакъ не менѣе тѣхъ какія потребовались и еще потребуются на уплату по займамъ срочнымъ; ибо періодъ уплаты безсрочныхъ займовъ будетъ продолжительнѣе, а слѣдовательно придется платить проценты большее число лѣтъ.

Такъ напримѣръ по 5% займу 1862 года на подкрѣпленіе достопамятнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на золото, кромѣ того что правительство получило всего 91¹/₁₀ за сто и платитъ ежегодно ¹/₂% бавкирамъ такъ-называемой провизіи

* Говорю около, потому что некоторую часть облигаціи можно предполагать перешедшими въ Россію.

со всей суммы процентовъ до полного погашенія капитала, но еще обязалось не приступать къ погашенію прежде истеченія 20-лѣтняго срока со времени заключенія займа, то-есть раньше 1882 года! А между тѣмъ выплачено уже процентовъ 80.552.858 рублей, тогда какъ получено капитала всего 86.205.403 рубля. Или напиримѣръ заемъ 1822 года въ 43.000.000, по которому получено 31.218.000, истратено уже на уплату 118.203.070 рублей, а платить остается 32.772.030 рублей, то-есть болѣе нежели получено почти на полтора милліона. Вообще вышнихъ безсрочныхъ займовъ, по смѣтѣ государственнаго кредита, было сдѣлано къ 1 января 1880 года на сумму номинально 321,300.800 метр. рублей; изъ нихъ дѣйствительно получено 263.816.120, то-есть $82\frac{1}{10}\%$ выплачено за весь періодъ времени съ 1820 года, когда состоялся первый заемъ этого рода, по 1 января 1880 года * 498.768.118 руб. металлическихъ процентовъ и погашеній, а уменьшилась сумма долга противъ дѣйствительнаго полученія всего на 16.310.204 руб. Цифры эти покажутся неэффратными, а между тѣмъ это фактъ: выплачено въ двадцать четыре раза слишкомъ болѣе того насколько уменьшилась сумма долга дѣйствительно полученнаго. Пусть читатель вообразитъ себя что онъ занялъ много дѣтъ тому назадъ 10.000 руб. и платилъ аккуратно своему кредитору ежегодный процентъ и погашеніе, и вотъ въ одинъ прекрасный день онъ, ледяя себя мыслью что вѣроятно долгу осталась уже самая малость, собираетъ справки объ этомъ, и къ удивленію своему узнаетъ что долгъ уменьшился только на доловину, то-есть на 5.000 руб., а выплатилъ онъ уже своему кредитору 75.000 р!

Такія явленія финансовыхъ операцій должны, кажется намъ, сильно поколебать довѣріе въ фиктивные аксіомы о пользѣ долгосрочныхъ займовъ, создавныя практикой банковаго ростовщичества и обращенныя въ научныя теоріи школьнымъ тушеуіемъ.

Результатъ исчисленія явныхъ вышнихъ долговъ срочныхъ и безсрочныхъ, будетъ слѣдующій: до первыиъ Россія выплатила уже 352.751.830 руб. и должна еще выплатить 429.361.863 руб., то-есть всего 782.113.693 руб., что составитъ, какъ выше сказано, $272\frac{2}{10}\%$ на полученную сумму. По вторымъ, безсрочнымъ, выплачено уже приблизительно

* По тому же расчету какой мы употребили для срочныхъ займовъ.

498.768.118 руб.; но какъ по неопредѣленности погашенія невозможно опредѣлить срока окончательной уплаты, то мы можемъ составить себѣ понятіе о суммѣ какая для этого потребуется, принявъ для нея выводъ какой оказалась для займовъ срочныхъ, а именно $272\frac{5}{10}\%$ полученнаго капитала, что по всей вѣроятности будетъ ниже дѣйствительности (по причинѣ болѣе медленнаго погашенія) и составитъ 718.898.927 металлическихъ рублиами вмѣстѣ съ предыдущими уже уплаченными.

В) *Консолидированныя облигаціи желѣзныхъ дорогъ.*
(Табл. лит. В).

Ко вѣншнымъ займамъ мы по справедливости должны отнести выпускъ такъ-называемыхъ *консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ*. Это варварское для нашего уха названіе придумано на Западѣ кажется только для того чтобы скрывать настоящее значеніе займа; оно означаетъ большею частью не что иное какъ заемъ обезпеченный извѣстными доходами государства, то-есть самый оскорбительный для его достоинства.*

Наши консолидированныя облигаціи выпускаются подъ залогъ желѣзныхъ дорогъ, съ опредѣленнымъ указаніемъ на какую именно дорогу какая изъ нихъ опредѣлена сумма, точно такъ какъ это дѣлалось въ Турціи и Египтѣ, когда эти государства еще пользовались извѣстною самостоятельностью своего финансоваго управленія.

Но, какъ неминуемое послѣдствіе этой ограниченной самостоятельности, Египетъ въ недавнее время долженъ былъ отдать свои финансы въ полное управленіе чужимъ хозяевамъ, а Турція хотя и упирается доселѣ, но вѣроятно въ скорости придетъ къ тому же результату. Такихъ консолидированныхъ облигацій вылучено нами съ 1869 по 1 января 1880 года на капитальную сумму 578.222.210 руб. мет., получено по нимъ 465.104.746 р. мет., то-есть $80\frac{5}{10}\%$, выплачено уже 212.712.010 р. мет., но долгу осталось еще болѣе нежели получено на 106.676.164 руб. мет. Прилагая къ консолидиро-

* Первоначально это названіе возникло въ Англіи въ 1755 году и означало разныя долговыя обязательства правительства, соединенныя въ одну массу и получавшія названіе консолей. Они приносятъ 3% годовыхъ и составляютъ главную массу англійскаго государственнаго долга.

важнымъ облигаціямъ тотъ же расчетъ по которому мы нашли что нужно вылатить $272\frac{1}{10}\%$ на полученный капиталъ для окончательнаго погашенія долга (что здѣсь впрочемъ будетъ ниже дѣйствительности, такъ какъ по этимъ займамъ погашенія назначено менѣ одного процента). окажется что для окончательной уплаты потребуется 1.267.410.433 мет. руб., а если включить заемъ подъ консолидированныя облигаціи 1880 года во 150 мил. руб. метал., по которому получено впрямую тоже не болѣе 80% , то для погашенія всей ихъ массы доселѣ выпущенной потребуется около 1.594 миллионновъ мет. руб. Если скажутъ что эти миллионы будутъ возвращены намъ изъ доходовъ желѣзныхъ дорогъ, то, во первыхъ, это фикція, потому что до сихъ поръ долгъ желѣзныхъ дорогъ правительству не только не уменьшается, а постоянно увеличивается, а во вторыхъ, еслибъ онъ даже когда-либо и былъ выплаченъ, то въ рукахъ правительства все-таки ничего бы не осталось, потому что всѣ эти миллионы уже прежде съ большими накладными расходами внесены имъ иностраннымъ заемщикамъ.

Такимъ образомъ наши желѣзныя дороги являются въ своемъ большинствѣ не приносящими никакого чистаго дохода съ капитала затраченнаго на ихъ постройку и въ концѣ-концовъ существуютъ не на счетъ тѣхъ кто ѣздитъ по нимъ и отправляетъ грузы, а на счетъ податей и другихъ доходовъ государства.

Какого напряженія силъ нужно Россіи, несмотря на ея огромную территорію и 80-миллионное населеніе, при скудости заводской, фабричной и ремесленной промышленности, при первобытномъ хлѣбошашествѣ, чтобы вылатить эти колоссальныя суммы и притомъ на три четверти, если не больше, за границу, иностранцамъ!

Но это еще не все—это еще половина, хотя и наиболѣе тяжелая, бремени которое наше финансовое управленіе взвалило на плечи потомковъ. Огромная масса внутреннихъ займовъ, растроченныхъ также непроизводительно или малополезно, составляетъ другую половину бремени, угнетающаго населеніе излишними налогами, которые, какъ бы ни распределялись, всегда будутъ ложиться тяжелѣе на недостаточные нежели достаточные классы и вообще уменьшаютъ благосостояніе cadaго и парализуютъ производительность страны.

Переходимъ ко внутреннимъ срочнымъ займамъ, распредѣливъ ихъ также по пятилѣтіямъ.

Г) *Внутренніе срочные займы* въ кредитныхъ рубляхъ (табл. лит. Г).

Въ пятилѣтіе съ 1844 по 1848 годъ исключительно состоялся одинъ только заемъ такъ - называемый конвертированный Царства Польскаго (1844), облигациями котораго замѣнены облигации прежнихъ займовъ. Выпущено ихъ на 28.636.500 рублей; выплачено по 1 января 1880 года 44.600.000, а долгъ уменьшился всего на 8.818.415 р., то-есть едва на одну лятую долю того что выплачено, и до полного погашенія придется уплатить еще 32.760.000, такъ что всего государство издержитъ на уплату 76.860.000 р., а получено только 37,2% этой суммы.

Отъ 1849 до 1858, въ теченіе десятилѣтія, не было внутреннихъ срочныхъ займовъ.

Въ пятилѣтіе съ 1859 по 1863 годъ выпущено два займа въ 1860—63 годахъ на сумму 70 милл. (изъ нихъ на 60 милл. металлическихъ билетовъ); выплачено по 1 января 1880 года 65.526.592 р., долгъ уменьшился всего на 16.052.100 руб., или на одну четвертую долю издержаннаго на уплату, а до полного погашенія предстоитъ еще уплатить 84.150.000; всего будетъ выплачено 149.676.592 р., получено же 46,8% этой суммы.

Въ пятилѣтіе съ 1864—68 годъ сдѣлано три займа на номинальныхъ 264.010.550 р., получено 268.140.550 р.; выплачено за среднія 14½ лѣтъ 233.744.110 р., долгъ уменьшился на 31.706.848 р., что составляетъ одну седьмую долю выплаченной суммы. До погашенія придется еще уплатить 697.118.598, а всего 930.862.708 р., получено же 28,2% этой суммы.

Въ пятилѣтіе съ 1869—73 годъ состоялся одинъ заемъ въ 1869 году на номинальную сумму 15 милл. рублей, получено 12.450.000, то-есть 83%. Въ теченіе десяти лѣтъ выплачено 9 милл., а остается еще долгу 13.120.000, то-есть на 670.000 болѣе нежели получено; до полного погашенія надо еще выплатить 24.300.000, а всего 33.300.000; получено же 37,2% этой суммы.

Въ пятилѣтіе съ 1874—78 годъ заключено три займа на номинальную сумму 600 милл., получено 551 милл. рублей. Уплачено по 1 января 1880 года 49 милл., остается долгу 593.300.000, то-есть на 42.300.000 болѣе нежели получено. До полного погашенія придется выплатить еще 1.513.000.000 р.,

а вмѣстѣ съ уплаченными 1.562.000.000 р. Полученная первоначально сумма равняется только $35\frac{1}{10}\%$ послѣдней.

Наконецъ послѣдній восточный заемъ въ 300.000.000 руб., по которому получено 277.500.000, потребуетъ для погашенія 801.000.000 р., т.-е. за каждые 34 р. 60 к. мы заплатимъ 100 руб.

Итого по всѣмъ внутреннимъ срочнымъ займамъ получено 1.207.727.050 руб. кредитныхъ, уплачено и предстоитъ уплатить 3.553.699.300 руб. кредита, то-есть почти втрое противъ полученнаго.

Въ какой жакокой сѣблѣть держать биржевые капиталисты тѣхъ ограниченныхъ теоретиковъ-финансистовъ которые навѣрно оправдываютъ подобныя губельныя для государства операціи. А между тѣмъ народъ и общество, ничего не понимая что съ ними творится, радуются удачнымъ займамъ, вмѣсто того чтобъ ихъ оплакивать. Но будемъ продолжать.

Д. *Внутренніе безсрочные займы* (табл. лит. Д.). По сѣблѣть государственнаго кредита значитса собственно одиный внутрениій безсрочный заемъ съ погашеніемъ; это заемъ 1817 года, такъ-называемый обыкновенный, образовавшийся изъ прежнихъ сдѣланныхъ для уничтоженія ассигнацій и уплаты долговъ Военнаго и Морскаго Министерствъ. Первоначальная цифра его 83.259.136 руб.; шестьдесятъ два года продолжается уже уплата процентовъ и погашенія; за это время выплачено уже 275.913.718 р., а долгъ уменьшился всего на 40.046.281 руб., то-есть немного менѣе чѣмъ на $\frac{1}{7}$ долю этой суммы, такъ что и половина первоначально полученной суммы еще не уплачена. Сколько же еще придется выплатить—это трудно опредѣлить, такъ какъ нѣтъ срочнаго погашенія; но при мѣняясь къ тому что издержано для уплаты меньшей половины долга можно съ увѣренностію заключить что уплата другой половины обойдется около 138 милл., такъ что все погашеніе съ процентами 83 милл. будетъ стоить Россіи около 414.000.000, или почти 500% полученной суммы. Какой выгодный финансовый оборотъ для уничтоженія ассигнацій!

Остальные наши безсрочные внутренніе долги непогашаемы; они состоятъ изъ такъ-называемыхъ неприкосновенныхъ шестипроцентныхъ, которыхъ числится 1.908.137 рублей, четырехпроцентныхъ непрерывно доходныхъ билетовъ, вылученныхъ при ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ учреждений, по которымъ государство безо всякой надобности взяло на себя бремя долга во 153.861.899 рублей

билетов Государственного Казначейства, которых показано къ 1 января 1880 года въ обращении 216.000.000. Выпущенных вкладовъ на 288.377 и капитала принадлежащаго духовенству и духовнымъ учреждениямъ Царства Польскаго не католическаго исповѣданія 164.835 р., всего 372.222.748 руб. По нимъ государство платитъ ежегодно процентовъ 15.621.154 рубля; такимъ образомъ за непрерывно-доходные билеты со времени ихъ выпуска въ 1859 оно вылатило уже 123.089.519 р., да за серіи съ 1866 года (когда цифра ихъ остановилась на 216 милл. рублей) 121.305.600 р.

Итого только по этимъ двумъ долгамъ 244.395.119 руб., и платежъ этотъ можетъ длиться до безконечности. Спрашивается, есть ли смыслъ—заставлять платить сличномъ 9 миллионномъ процентовъ по серіямъ ежегодно, когда эти бумажки только своею наружностью отличаются отъ безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ и безъ малѣйшаго вліянія на денежное обращеніе и на курсы могутъ быть замѣнены ими.

Подведемъ окончательный итогъ уплаты по всемъ нашимъ займамъ. Тутъ мы ясно увидимъ всю фальшивость системы, утверждающей что долгосрочные займы могутъ быть выгодными и даже благотворными источникомъ для удовлетворенія нужды государства.

	Заплачено по 1 января 1880 год.	Наде еще запла- титъ до оконча- тельнаго пога- шенія.	Итого по числу обобщенна займа госу- дарству.
1. По вышнимъ срочнымъ займамъ.....	352.751.830	429.361.863	782.113.698
2. По вышнимъ безсрочнымъ	496.768.118	220.130.809	718.898.927
3. По консолидированнымъ облигациямъ желѣз. дорогъ	212.712.010	1.054.698.423	1.267.410.433
Итого по вышн. заим.		2.768.423.058	
4. По внутреннимъ срочнымъ займамъ.....	401.370.702	3.152.328.598	3.553.699.300
5. По внутреннему безсрочному займу 1817 года	275.913.718	137.956.859	413.870.577
(Единственному съ погашеніемъ.)			
Итого по внутр. заим.		3.967.569.877	
Общій итогъ всехъ займовъ	1.741.516.378	4.994.476.552	6.735.992.930,

а если мы обратимъ по курсу, принятому въ смѣтѣ государственнаго кредита на 1880 (273 сент. или 68¼ к. м. за кре-

дитый рубль), кредитные рубли внутреннихъ займовъ въ металлическіе, то-есть за исключеніемъ умалтъ по внутреннимъ металлическимъ билетамъ 8.844.569.877 рублей кредита, то получимъ вмѣсто показанныхъ 6.735.992.980 сѣдующую сумму общаго итога 5.515.341.994 рублей мет., или на иностранную валюту 22.061.367.976 франковъ.

Итакъ пять миллиардовъ и 515 милліоновъ 342 тысячи рублей металлическихъ или 22.061 милліонъ франковъ должна выплатить Россія чтобъ освободиться отъ своихъ долговъ, то-есть слишкомъ въ четыре раза болѣе нежели заплатила Франція контрибуціи Нѣмцамъ въ 1871 году. Если Франція должна была сдѣлать для этого огромный долгъ, то къ этому она вынуждена была крайностью и желаніемъ скорѣе очистить свою территорію отъ непріятеля. Мы, слава Богу, со времени татарскаго ига, не были въ такомъ положеніи, контрибуціи врагамъ не платили; наши войны, за исключеніемъ Крымской неудачи, оканчивались побѣдою, со славою: какая же злая сила заставила насъ олутывать себя сѣтью долговъ, какъ тунелыя растенія олутываютъ дерево и, постепенно его ивураа, ведутъ къ усыханію? Ничто больше какъ умственная ограниченность нашихъ финансистовъ-теоретиковъ и стремленіе къ важивъ, къ хищничеству, финансистовъ-практиковъ.

Для кого не ясно что благоденствіе народа, богатство его и всестороннее развитіе связавы съ развитіемъ ремесла, заводской и фабричной промышленности, а это для Россіи невозможно безъ охраненія ихъ высокими тарифами на иностранные продукты, потому что у насъ промышленность еще во младенчествѣ. Между тѣмъ вотъ уже двадцать пять лѣтъ какъ она разоряется низкими пошлинами, и мы не можемъ добиться ихъ возвышенія. Кому неизвѣстно что займы у иностранцевъ всегда ведутъ къ экономическому, а потомъ и политическому порабощенію, что для Россіи и внутренніе займы вреднѣе нежели для другихъ государствъ, потому что наши облигаціи, при недостаткѣ капиталовъ въ странѣ, переходятъ на иностранныя биржи и усиливаютъ нашу отъ нихъ зависимость и давничество имъ. А между тѣмъ въ послѣднее двадцатилетіе займы производились непрерывно съ такимъ легкимъ сердцемъ, по такимъ фиктивнымъ поводамъ (какъ ликвидація прежнихъ кредитныхъ учрежденій, размывъ кредитныхъ

ЯДКЪ.

L		IX.		X.		B	
		К И Х Ъ.					
Годы.		Сколько нужно выплатить въ видъ % и капитала до окончен. и чистаго погашения.	Какой % составляетъ полученная сумма сравнительно съ выплаченною и слѣдующею къ уплатѣ.	на	Ско.	на	ствѣ
				ма	на	ма.	л
1819—23	вкл						
1819	1й						
	20	21.097.633	28,6				
1824—28	не					000	27
1829—33							
1834—38							
1839—43	вкл						
1840	1й						
	20	3.500.000	45,8			.000	31
1842	2й						
1843	3й	1.105.000	47,4				
	40	1.112.500	49,3				
	0	5.717.500	46,8			1.000	44
1844—48	вкл						
1844	4й						
	50	2.418.500	48,6				
1847	5й						
	60	4.240.000	47,6			0.000	45
	0	6.658.500	48,1				
1849—53	вкл						
1849	1й						
	20	21.818.284	41,4				
1854—58	не						
1859—63	вкл					6.000	86
1860	2й						
	30	63.600.005	34,6				
1864—68	вкл						
1864	50/0					14.800	28
	60/0	53.616.456	35,8				
1866	50/0					10.800	263
	70/0	58.754.745	37,1				
1869—73	не						
1874—78	вкл						
1877	50/0	112.371.201	36,6				
	60/0	198.098.740	33,3				
	70/0	429.861.863	36,7				
		113.693					

зъ итога I
евышаетъ ;
какая сумм
да вычислае
ой.

Обща погашения съ каждымъ
годомъ уведу
* Э
(1877 года) н ому что по одному займу

билетовъ и т. п.) что можно было подумать что совершается дѣло самое обыкновенное и притомъ несомнѣнно благодѣтельное для Россіи, тогда какъ дѣло шло о закабаленіи всей ея будущности.

Чему мы обязаны такимъ неслыханнымъ паденіемъ нашего курса? Преимущественно той огромной массѣ долговыхъ обязательствъ которыя находятся въ рукахъ иностранцевъ. Такъ какъ они должны получать отъ насъ ежегодно огромныя суммы въ платежъ процентовъ и погашеній по займамъ и эти платежи въ видѣ иностранныхъ векселей и переводовъ идутъ большею частью на покупку русскихъ продуктовъ, то естественно выгода иностранцевъ состоитъ въ томъ чтобъ ихъ фунты стерлинговъ, марки и франки цѣнились какъ можно дороже, то-есть стоили какъ можно больше кредитныхъ рублей, и такимъ образомъ можно бы за полцѣны покупать наши хлѣба, дѣсь, шерсть и пр. Поэтому на биржахъ употребляются крупными банкирскими фирмами разнообразныя маневры чтобы всячески понижать нашъ курсъ. Какими вредными послѣдствіями отзывается это не только на государственныхъ расходахъ, но и на всемъ народномъ богатствѣ—легко себѣ вообразить. Здѣсь одна изъ главныхъ причинъ той печальной картины которую представляютъ наши села съ ихъ хижинами и соломенными крышами, наши уѣздые и многіе губернскіе города съ ихъ лачужками и вообще бѣдность нашего быта. Ошибаются тѣ кто думаютъ что платежи наши иностранцамъ слишкомъ отдаленная причина чтобъ она могла имѣть вліяніе на положеніе сельскаго люда; обращеніе цѣностей связано непрерывною цѣлью которая захватываетъ всѣхъ, и чѣмъ менѣе средствъ имѣетъ извѣстный классъ людей тѣмъ давленіе ея чувствительнѣе.

Н. Р.

„ГАМЛЕТЪ“

ЕГО ПОСТАНОВКА И ПЕРЕВОДЫ

ВЗГЛЯДЪ НА ТРАГЕДІЮ ШЕКСПИРА КАКЪ НА СЦЕНИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

Не знаю, есть ли трагедія или драма болѣе полууниверсальная чѣмъ Шекспировскій *Гамлетъ*. Онъ дается на всехъ языкахъ, всюду гдѣ только есть театральныя подмостки. Кто не видалъ *Гамлета*? Какой актеръ не мечтаетъ сыграть меланхолически-страстную роль датскаго принца? Какая публика отвесится холодно къ такой лиесѣ?

У насъ въ Россіи *Гамлету* особенно посчастливилось. Благодаря очень сценичному, хотя весьма произвольному переводу Николая Полеваго, *Гамлетъ* сдѣлался достояніемъ каждаго бродячаго трагика. Многія фразы, слова, выраженія (напримѣръ, „за человекъ страшно мнѣ“, „о, женщины, ничтожество вамъ имя“ etc.,—фразы которыхъ въ сущности или нѣтъ въ подлинникѣ, или которыя совершенно переиначены), сдѣлались намъ также близки какъ цитаты изъ *Горя отъ ума* или *Ревизора*. Какой сезонъ въ любомъ провинціальномъ или столичномъ театрѣ обойдется безъ *Гамлета*? Еще

на дѣлахъ Петербургъ и Москва восхищались превосходною игрой Сальвини, сравнивая его съ немоще талантавымъ Россомъ. Когда назначонъ *Гамлетъ*, театръ всегда полонъ...

И несмотря на такое сочувствіе и любилка, и артистовъ къ этой величайшей изъ драмъ, нельзя не сознаться что, вопервыхъ, у насъ вѣтъ до сихъ поръ ни одного точнаго, красиваго, сценичнаго перевода *Гамлета* и что, восторыхъ, оны никогда не удостоивалася отъ дирекціи толковой, осмысленной постановки.

У насъ есть афвдующіе переводы и переизповки: переизповка Сумарокова, вольный переводъ Полеваго, очень хорошій, но давно устарѣлый, переводъ Вровченко, тяжеловатый, мѣстами очень туманный переводъ Кронеберга, переводъ Загулаева, по которому игралъ Гамлета В. В. Самойловъ, весьма точный, но совершенно не литературный, переводъ г. Кетчерова, и наконецъ вышедшій въ прошломъ году дубовый переводъ г. Меклакова. Словомъ, количество ирядвое! Но даже свископительной критикѣ на однихъ изъ этихъ переводовъ не удовлетворяетъ, съ чѣмъ согласенъ не только каждый кто знакомъ съ англійскимъ подлинникомъ, но и любой актеръ играющій роль принца. Несостоятельность русскаго текста заставила вѣкоторыхъ артистовъ составить мозаику по разнымъ переводамъ, брать отрывки и отъ Кронеберга, и отъ Полеваго, и отъ Загулаева, цѣлыми сценами и отдѣльными фразами.

Главнѣйшая причина несостоятельности этихъ переводовъ заключается въ плохомъ пониманіи Шекспировскаго языка и въ излишней приверженности къ нѣмецкимъ переводамъ, откуда сплошь и рядомъ черпаются темныя мѣста, не рѣдко произвольно понятыя нѣмцами. Впрочемъ, насъ можетъ утѣшать то обстоятельство что и на другихъ языкахъ Шекспиръ, и особенно *Гамлетъ*, переведенъ не завидно. Еще очень недавно въ Парижѣ вышелъ новый переводъ *Гамлета*, сдѣланный Рейнахомъ, къ которому мѣстная печать отнеслась сочувственно. Но оны сдѣланъ очень слабо, быть-можетъ слабѣе нашихъ русскихъ переводовъ. Шекспиръ мѣстами темень для кровнаго Англичанина, и наши переводчики, въ большинствѣ случаевъ выучившіеся по-англійски самоучкой, сядясь за переводъ Шекспира, обыкновенно берутъ на себя непосильное бремя.

Гервинусъ видитъ въ *Гамлетъ* что-то пророческое, что-то опередившее свой вѣкъ на нѣсколько столѣтій. И дѣйстви-

тельно, *Гамлетъ*, несмотря на то что почти три вѣка тому назадъ появился на свѣтъ, все также могучъ, великъ, блестящъ и колоссаленъ. Онъ достойнѣе всѣхъ народовъ и національностей. Это крупнѣйшая мировая драматическая вещь... И онъ-то никогда не уступается у насъ приличной обстановкѣ!

Въ настоящей статьѣ я не задаюсь цѣлью выяснять характеръ *Гамлета*, говорить о томъ страстная онъ или холодная натура, опровергать или одобрять комментаторовъ; я хочу только внимательно прослѣдить *Гамлета*, отмѣчая вмѣстѣ съ крупными чертами мелочныя характерныя подробности, которыми онъ переполненъ и которыя всегда опускаются на сценѣ и режиссеромъ, и исполнителями, хотя въ нихъ не менѣе чѣмъ гдѣ-либо, во всей красотѣ и силѣ, высказывается могучій гений его творца. Комментаріи я отчасти займется у Нѣмцевъ, Англичанъ и Французовъ, а отчасти руководствуюсь гениальными штрихами проглядывающими такъ часто въ чудной игрѣ лучшихъ современныхъ трагиковъ, Сальвини и Росси.

I.

Первая картина переноситъ насъ на террасу королевскаго замка въ Эльснорѣ. Сальвини совсѣмъ ее выпускаетъ, считая излишнею. Правда, все что происходитъ предъ зрителями на этой террасѣ, рассказываетъ Горацио во второй картинѣ, и съ точки зрѣнія артиста не желающаго утомить зрителя длиннотою представленія такой взглядъ совершенно вѣренъ. Но какою глубочайшею поэзіею и таинственностью дышетъ эта маленькая картинка, какую чудесную увертюру представляетъ она къ великой драмѣ долженствующей во всей своей поражающей, дикой красотѣ развернуться предъ зрителями!

Предъ нами терраса дворца. Ночь холодная, звѣздная, лунная. Это осенняя, вѣрнѣе всего октябрьская ночь. Въ Даніи около этого времени бываетъ ранній снѣгъ, поэтому декораторъ не погрѣшитъ осылавъ крыши и зубцы замка снѣгомъ. Меня спросятъ, почему же именно дѣло происходитъ осенью, есть ли на это указанія Шекспира? Есть, и довольно прямыя.

Третья картина перваго акта начинается словами Гамлета:

The air bites shrewdly; it is very cold.

Гораціо отвѣчаетъ:

It is a nipping and an eager air.*

Намекъ прямой. Далѣе, король Гамлетъ умеръ около двухъ мѣсяцевъ назадъ. Дѣло могло происходить въ концѣ лѣта: онъ спалъ въ саду, вѣроятно въ бесѣдкѣ. Следовательно, первый актъ *можеть* происходить глубокою осенью. Въ третьемъ актѣ Офелія говоритъ что король умеръ тому назадъ *четыре* мѣсяца, значитъ къ третьему акту дѣло можетъ подвигаться къ декабрю, даже къ январю. Въ четвертомъ дѣйстви Офелія приходитъ увитаа цвѣтами, которые полагается въ Дании очень рано. Итакъ, оканчивается трагедія весной, первые же три акта происходят осенью и зимой.

Замокъ несомнѣнно ярко освѣщенъ изнутри, такъ какъ въ Ольонмортъ идутъ празднества за празднествами. Отавукъ музыки, о которомъ упоминается въ четвертой картинѣ второго акта, можетъ быть порою слышенъ и въ первой, такъ какъ декорация картинъ одна и та же. Не будетъ лишнимъ если декораторъ поставитъ на платформу у рѣшетки старинную каменную оканью. Бернардо говоритъ Гораціо: „sit down awhile“; далѣе Марцелло говоритъ: „Good now, sit down...“, ** следовательно они ведутъ дальнѣйшія сцены сюда. Наконецъ гдѣ-нибудь на заднемъ планѣ должна быть показана перспектива далекихъ горъ, вершины которыхъ подъ концемъ сцены окрашиваются алымъ свѣтомъ зари,—о чемъ говоритъ Гораціо. Такова обстановка первой сцены.

Марцелло приводитъ на стражу Гораціо чтобы тотъ убѣдился въ дѣйствительности видѣнія. Гораціо скептикъ: онъ не вѣритъ въ матеріализацію духа, прямо говоритъ что это фантазія, отлосится къ нему съ пренебрежительною насмѣшкой. Бернардо настаиваетъ что покойный король является каждую ночь ровно въ часъ; и какъ разъ въ эту минуту бьетъ часъ и видѣнье появляется.

Гдѣ появляется духъ, вверху ли, внизу ли, въ сущности безразлично. (Говорю *духъ*, а не *тѣнь*, по двумъ причинамъ: во первыхъ, современными спиритами слово *духъ* принято какъ терминъ, а во вторыхъ, смѣшно когда про мужественный призракъ короля говорятъ „она“). Покойный король

* То-есть: „А воздухъ покусываетъ боаьно, очень холодно“...—„Да, воздухъ рѣзкій и щипающій“...

** Стихъ 30й и 70й первой сцены.

долженъ быть въ полномъ боевомъ вооруженіи, совершенно такой какимъ вѣкогда онъ явился на поединокъ съ Фортибрасомъ. Напичникъ шлема поднятъ; лицо одновременно и сурово, и скорбно *, оно страшно блѣдно; борода черная съ просѣдью; въ рукахъ мечъ; идетъ такою, торжественною поступью. Скептика Горацио побѣждаетъ, дрожитъ, но тѣмъ не менѣе дерзко кидаетъ королю вызовъ— объяснить что такое изъ себя изображаетъ. Духъ оскорбленный уходитъ, а стражники остаются въ оштрафеніи...

Постепенно усложнившись, они усаживаются на скамью. Намечается бесѣда о томъ какое вообще тревожное время они переживаютъ: всюду дичье пумекъ, закупка боевыхъ снарядовъ, напавшая стонка рабочихъ на верфи. Горацио понимаетъ что по слухамъ готовится война съ Норвегіей. Фортибрасъ, сынъ убитаго старшаго короля Фортибраса, хочетъ завратить силой оружія вандальнаго стошедніа послѣ смерти его отца къ Дании, и вотъ Датчане собираются ему дать отпоръ. Обыкновенно на сценѣ театально облачаютъ вой мѣста гдѣ говорится о имени Фортибрасъ, а между тѣмъ Шекспиромъ превосходно задуманъ этотъ типъ. Нужды нѣтъ что онъ является только на мигу въ концѣ драмы; о немъ за то часто говорится, онъ имѣетъ громадное значеніе для сюжета, какъ увидимъ ниже. Шекспиръ выставляетъ Фортибраса какъ контрастъ Гамлету, какъ человека для котораго слово и дѣло одно и то же.

Горацио успокоивается на томъ что предъ кончиной Цезаря въ Римѣ тоже ходили мертвецы. Но тѣмъ не менѣе всё его понятія перевернулись вверхъ дномъ: онъ называетъ призракъ сорничкой помышлею въ глазъ души и мѣшающею ему смотреть на міръ съ прежнею ясностью **. Но вотъ духъ появился снова. На этотъ разъ Горацио смѣлѣе. Онъ прямо требуетъ: „стау illusion“! Не называя видѣнья ни королемъ, ни духомъ, онъ просто считаетъ его мечтой воображенія. „Если ты способенъ издавать звуки—говори!“ предлагаетъ онъ. Духъ поднимаетъ голову, хочетъ заговорить, но въ этотъ мигъ вдали слышно лѣвіе лѣтуча, онъ вздрагиваетъ и исчезаетъ...

Горацио потомъ говорить что такъ содрогнуться

* Сравни стихъ 61й и 231й перваго акта.

** Кромбергъ переводитъ болѣе чѣмъ туманно: „Это атомъ, исторгшій силу изъ очей души“.

можетъ только вродѣ въ моментъ драмы, * сейчасъ же подлинившись объясненію внезапному похорошеванію пререкле гланцетной утра, шутку, будить зловнаго бога своею зловкомъ ливней, и едва раздается его предоостерегающій крикъ какъ духи свѣтаютъ обратно въ свои мрачныя убѣждающа отънаго огня и дыма....

Якій рассветъ оказывается зрѣніа отъради. Кроме значенія увертюры, первая картина имѣетъ важность въ томъ отношеніи что какъ нѣкая душае обрисовываетъ личность Гораціо. Это мелодикій человекъ, со стокойшимъ равнодушіемъ принимающій и удары и дары судьбы, благоговѣющій предъ великимъ все анализирующимъ умомъ Гамлета, молчае мѣняющій убѣжденія, лишь бы они поддались дешевой логикѣ. Г. Тургеиевъ въ своей прекрасной статьѣ о Гамлетѣ быть-можетъ на слишкомъ высокой мѣдостоаѣ возвысить Гораціо. У Шекспира мы не встрѣчаемъ такъ чудесныхъ чертъ его характера которыя сматая въ немъ найти намъ талантливый балетриетъ. Мы часто видимъ что умные люди держатъ близъ себя очень заурядныхъ людей, которые служатъ ихъ вѣперсниками. Это такъ - сказать складочное мѣсто волеи ихъ духъ и мыслей. Они не выдадутъ, не докажутъ никому, при нихъ можно думать вслухъ; это безопасно честные люди. Гораціо именно принадлежать къ числу такихъ...

II.

Картина вторая—во дворцѣ. Король, королева на тронѣ, У трона, въ креслахъ, смѣло можетъ судить Гамлетъ; это несравненно удобнѣ чѣмъ стоять въ меланхолической позѣ на авансценѣ или быть за кулисами, какъ это дѣлаетъ Сильвини. Вокругъ грулдируются придворные, стражи. Обстановка должна быть блестяща; къ свадебнымъ торжествамъ несомнѣнно у всѣхъ сдѣланы новые костюмы. Король нациаетъ свою тронную рѣчь.

Мнѣ никогда еще не приводилось видѣть короля Клавдіа **

* Кронебергъ переводитъ это мѣсто такъ:

„И вздрогнулъ онъ какъ грѣшное творенье

„При волѣ ужаса...“

Боле чѣмъ свободно!...

** Имя Клавдіа находится только въ спискѣ дѣствующихъ лицъ, а въ текстѣ Гамлета не встрѣчается ни разу. Въ одномъ мѣстѣ (актъ IV, сц. VII, стр. 40) Клавдіемъ называютъ придворнаго лакея.

правильно замаскированного. Представленія объ этой личности совершенно превратны. Обыкновенно его принято изображать красивымъ, виднымъ, придурковатымъ мучнилой предъставшимъ Гертруду своею влиятельностью. Такое изображение совершенно ошибочно. Напротивъ, его наружность очень непрезентабельна. По словамъ духа онъ привлекаетъ къ себѣ королеву *чарами ума и коварными дарованіи**; влиятельность же онъ похожъ не то на крысу, не то на жабу; онъ нѣхлымъ, жирнымъ, неопрятнымъ. Гамлетъ сравниваетъ его съ болотною трясинкой. Словомъ, это Ричардъ III въ миниатюрѣ, и едва ли возможно сомнѣваться что Шекспиръ сообразилъ Клавдія, имѣя въ виду именно тиль подобный этому английскому королю. Сцена разыгрывающаяся предъ трупомъ въ первомъ актѣ *Ричарда* живой примѣръ какъ „чарами коварныхъ дарованій можно привлечь къ поворной похоти добродѣтельной королеву“ (*Hamlet*, Act I, scene V, 46). Клавдій умѣетъ бесспорно; онъ далеко не тиль закоснѣлаго злодѣя: его мучитъ совершенное преступленіе, онъ во всемъ видитъ укоръ своему прошлому.

Первая рѣчь короля очень плохо передана въ русскихъ переводахъ. Несомнѣнно, это первая тронная рѣчь Клавдія. Онъ путается въ словахъ, затрудняетъ мысль вводными предложениями, силится чтобъ она вышла торжественна и потому мѣстами становится даже смѣшнымъ. Особенно комично выходитъ упоминаніе о „доблестномъ братѣ“. Неудовольствіе новаго положенія чувствуется на каждомъ шагѣ; мишурный блескъ новой власти даетъ право сказать Гамлету что онъ „хмурится отъ слишкомъ яркаго солнца“. Грусть принца именно въ этотъ моментъ совершенно понятна. Онъ въ этотъ день, въ тронной залѣ, при полномъ собраніи двора, явѣе чѣмъ когда-либо сознаетъ потерю дорогаго отца и всю ничтожность дяди, сумѣвшаго „стащить съ полки корону“.

Рядомъ съ королемъ помѣщается Гертруда. Это женщина пожилая, быть-можетъ старше своего втораго мужа, существо крайне безхарактерное, легко поддающееся вліянію окружающихъ, вѣчно говорящее съ чужаго голоса, сознающее величіе своего королевскаго сана только по инерціи, въ силу долгаго житія съ такимъ блестящимъ правителемъ какъ покойный Гамлетъ. Она страстно любитъ сына, но

* „With witchcraft of his wit, with traitorous gifts...“ (Act I, sc. V—43).

подвигавшись вѣзвѣию Клавдіа опитаетъ себя утѣрить что для пользы самого Гамлета осмѣлится отправить его въ Англію.

Туда же сидитъ и Гамлетъ. Ему уже годъ тридцать лѣтъ: въ сценѣ на кладбищѣ онъ прямо говоритъ что хорошо помнить шута Йорика умершаго 23 года назадъ. Могильщикъ говоритъ ему что онъ уже тридцать лѣтъ занимается своимъ ремесломъ, съ того самаго дня когда родился принцъ и старый Гамлетъ побѣдилъ Фортибраса. Указаніе очевидно настолько прямо что никакихъ сомнѣній, повидимому, быть не можетъ. Гервинусъ соглашается съ этимъ, подтверждая это тѣмъ что именно около тридцатилѣтняго возраста физическія и умственные силы вѣсто роскошныя и равнообразно развиваются въ человѣкѣ. Пребываніе принца въ Виттенбергскомъ университетѣ нисколько не уничтожаетъ этого положенія. Путешествіе въ годахъ Горацио, одновѣтка Гамлета, на которую указываетъ Теодоръ Рейнахъ * въ своемъ изданіи тоже легко разрѣшается. Онъ спрашиваетъ: „какъ Горацио, сверстникъ Гамлета, можетъ помнить въ какихъ лѣтахъ былъ покойный король во время боя съ Фортибрасомъ случившагося въ день рожденія принца?“. Очень просто. Дослѣхи короля могли храниться въ королевской оружейной палатѣ, ихъ могъ знать каждый мальчикъ. Дослѣхи эти могли храниться какъ святыня; въ нихъ былъ выигранъ бой по которому Данія получила право владѣнія на спорныя земли. Наклеи, могли быть портреты короля именно въ этомъ вооруженіи.

Гамлетъ ловокъ: онъ первый фехтовальщикъ въ Даніи. Онъ законодатель модъ, образецъ придворнаго утонченнаго обращенія, онъ человѣкъ глубокаго образованія. ** Онъ если не толстъ, то половъ, страдаетъ одышкой, о чемъ заявляетъ королева во время его поединка съ Лаэртомъ. Да и самъ онъ въ предыдущей сценѣ говоритъ: „здѣсь жарко для моего сложенія“. Онъ носитъ по тогдашнему обычаю бороду. „Кто осмѣлится вырвать мнѣ бороду и швырнуть ее въ лицо?“ спрашиваетъ онъ въ заключительномъ монологѣ втораго акта. Въ разговорѣ (въ той же картинѣ) съ актеромъ тоже есть намекъ что принцъ носить бороду: „ты пріѣхалъ сюда

* *Hamlet*, tr. en 5 actes traduite par. G Reinach. Paris 1880. Notes, page 404.

** См. актъ III, сц. I, стр. 154 и слѣд.

квантумъ предъ мной свѣтъ борющейся“, говоритъ онъ. Вообще въ первомъ актѣ онъ долженъ быть элегантенъ, чѣмъ составляетъ яркую противоположность съ дѣйствующими, гдѣ небрежности костюма доходятъ до неряшества. Со втораго акта онъ съ умашенною или случайною неаккуратностью часто выводитъ на воздухъ безъ шляпы, кашкетъ его вылезкаешь, разотгнуты, подаяски развазались и чулки спадаютъ съ ногъ. Онъ бѣдѣетъ, его всего бьетъ моринная дрожь, выраженіе глазъ жалобное... Такимъ же крайней мѣрѣ описываемъ его Офелія *. Гамлетъ глубокой насорозы: не смотря на глубокую печаль, его остроты подъ часъ свѣтъ ледяны, сыплются градомъ. Рѣчь его то быстра, то тѣна. Порой его гелозы рокочетъ какъ громъ, порой онъ тихъ и кротокъ какъ голубца. „Какъ голубъ кротокъ а, во мнѣ нѣтъ желчи“, говоритъ онъ въ заключительныхъ моментахъ втораго акта. „Онъ тихъ и терпѣливъ какъ голубка, сдерживающая своихъ только что выдувшихся золотистыхъ птенцовъ“, объясняетъ королева въ сценѣ погребенія. И надо правду сказать что величайшіе современные трагическіе актеры, Сальвини и Росси, слѣшкомъ мало обращаютъ вниманія на эту сторону изображенія и лица. Итъ Гамлетъ слѣшкомъ страстенъ; это южная горячая натура, а не холодный Датчанинъ. При тѣхъ порывахъ которые названы артистами вкладывать въ изображеніе принца, онъ не сталъ бы задумываться, а сразу „на крыльяхъ быстрыхъ какъ мыслы, какъ страстный любовникъ ринулся бы къ отмищенію“.

Гамлетъ все время въ траурѣ. Въ первомъ актѣ онъ говоритъ о черномъ плащѣ и торжественно-печальныхъ одеждахъ. Въ третьемъ дѣйствіи онъ восклицаетъ: „пусть же черти носятъ трауръ, а я буду носить соболь“; следовательно, ясно что помято сценическихъ традицій, трауръ все время обязательенъ.

III.

Я упоминалъ уже что первая рѣчь короля переводится у насъ крайне слабо. Но такъ же слабо, если еще не слабѣе, она играетъ на сценѣ. Артисты играющіе эту роль никогда не вкладываютъ въ нее той робости и того нахальства которыхъ

* Актъ I, сц. III.

она переживала. Вообще же лица переводчики совершенно не заботятся о типичности рѣчи каждого изъ действующихъ лицъ въ отдельности и вообще е импробитивъ стиха, сводятъ рѣчи всѣхъ къ одному: шаловому, мъртвенно-блѣдному, сравнительно съ блестящими марговыми подлинниками. У Шекспира нѣтъ слова, нѣтъ выраженія не типичнаго; все до малѣйшей детали отвѣчаетъ характеру изображаемаго лица.

Мимоходомъ, небрежно, кое-какъ, проводятъ сцену короля съ Лаертомъ. А между тѣмъ и въ этой сценѣ есть характерные штрихи: въ ней ясно выступаетъ непопулярность новаго короля и правленія. Едва кончилось торжество коронаванія, придворная молодежь спѣшитъ удалиться отъ двора. Лаертъ не сразу рѣшается высказать королю свою щекотливую просьбу уѣхать въ Парижъ, сознавая всю ея неловкость. Клавдій очень неприятно удивленъ этою просьбой: онъ сразу мѣняетъ ласковый тонъ на официально-насмѣшливый и отлучая Лаерта за границу невольно, по ощущеніямъ мыслей, переходитъ къ Гамлету, который тоже просился уѣхать въ Виттенбергъ доканчивать свое образованіе.

Разговоръ короля съ племянникомъ какъ нельзя лучше обрисовываетъ ихъ взаимныя отношенія: ихъ ненависть прикритую вѣжливыми фразами. Оба умы безспорно. Оба умѣютъ колыхнуть другъ друга, тутъ же при всемъ собраніи двора, и колыхнуть очень больно. Первый отвѣтъ Гамлета

Not so, my lord; I am too much i'the sun*.

заключаетъ въ себѣ безопадный вызовъ королю по созвучію словъ *sun* и *son* (стр. 64). И король отплачиваетъ принцу достойно. Воехвалая его за воздаяніе долга скорби матери покойнаго отца онъ въ те же время страшно унижаетъ его предъ всемъ собраніемъ. „Сѣтовать съ такимъ управствомъ, говоритъ онъ, дѣло нечестивое; такая скорбь недостойна мужчины, она обнаруживаетъ непокорство Промыслу, не твердое сердце, строптивый духъ, разумъ неравнѣный и слабый“... Дальнѣйшая ласка не смягчаетъ горечи этихъ выраженій, и наследникъ престола, оскорбленный, униженный, можетъ только уклончиво отвѣтить на просьбы матери и

* Нѣтъ, государь, я слишкомъ близокъ къ солнцу.

для остатковъ „я вамъ готовъ во всемъ повиноваться по мере силъ“ *.

Монологъ Гамлета въ упомянутой запискѣ довольно силёнъ въ педантизмѣ. У Шекспира совсѣмъ нѣтъ тѣхъ лавиныхъ, красочныхъ періодовъ какіе встрѣчаемъ въ переводѣ Полевика. Я согласенъ что фразы въ родѣ:

Едва лишь шесть недѣль прошло, какъ нѣтъ его,
Его,—вѣстителя, героя, полубога,
Предъ этимъ повелителемъ ничтожнымъ etc.

очень эффектны на сценѣ, но періоды эти противны духу энергично сжатой рѣчи Гамлета. Въ нашихъ переводахъ и слѣда не осталось могучей образности его сравненій. Глубоко-поэтическое сравненіе жизни съ садомъ за которымъ нѣтъ ухода, и гдѣ поэтому дурныя сѣмена глушатъ добрыя, составляетъ основную черту міровоззрѣнія принца, и меня всегда удивляетъ какъ мало придаютъ артисты значенія этой фразѣ. Рѣзкіе переходы, отрывочныя фразы, выливающіяся такъ же быстро и непослѣдовательно какъ всплываютъ мысли въ головѣ, составляетъ отличительный характеръ этого монолога, и именно этого-то характера и нельзя ему придать, благодаря закругленности фразъ съ какою онъ переданъ по-русски. Бѣлинскій говоритъ что сильнѣйшее впечатлѣніе въ этомъ монологе производилось (при игрѣ Мочалова) фразой: „башмаковъ она еще не износила“ etc. И это единственное мѣсто монолога точно переведенное Полевымъ, остальное же мертво и холодно, хотя и красиво.

Между прочимъ въ этомъ монологе есть одно мѣсто кото-

* По-англійски эта фраза читается: I shall in all my best obey you madam. Страшно, всѣ наши переводчики словно сговорившись понимаютъ ее какъ разъ наоборотъ.

„Повиноваться вамъ во всемъ—мой долгъ (Полевикъ).

... вамъ, королева,

„Повиноваться—мой священный долгъ (Маклаковъ).

„Я повинуюсь, и всегда я буду

„Во всемъ повиноваться вамъ“... (Загуляевъ).

„Я повинуюсь вамъ во всемъ“. (Кронебергъ).

„Говорь отъ всей души вамъ повиноваться, королева“ (Кетчеръ).

Такимъ образомъ Загуляевъ и Кронебергъ переводятъ только первую половину отвѣта, а остальные переводчики придаютъ всему отвѣту обратный смыслъ...

рое часто подвергается превратнымъ толкованіямъ, а именно: Гамлетъ говоритъ что его дядя такъ же похожъ на покойнаго короля какъ онъ на Геркулеса. Многие поэтому выводятъ заключеніе что Гамлетъ слабъ и тщедушенъ, что это контрастъ фигуръ Геракла. Но мы видѣли выше что Шекспиръ ясно требуетъ чтобы принцъ обладалъ сильнымъ, полною фигурой. Тутъ дѣло идетъ не о физической, а о духовной силѣ. Гераклъ, какъ извѣстно, долженъ былъ совершить по приказанію Эврисея двѣнадцать подвиговъ и исполнилъ ихъ всѣ съ честью, хотя они превосходили человѣческія силы. А Гамлетъ, всегда сомнѣвающийся, ни въ чемъ, даже въ собственныхъ силахъ не увѣренный, неспособенъ ни на какіе подвиги, и по сравненію отца подобенъ жирной травѣ сонно прозябающей на берегахъ Леты. Онъ самъ себя сравниваетъ во второмъ актѣ съ легендарнымъ, вальнымъ, болѣзненно-сонливымъ Джономъ, и именно въ этомъ-то мѣстѣ и должны искать контрастъ сопоставленія.

IV.

Извѣстіе Гораціо о появленіи духа покойнаго короля составляетъ сущность слѣдующей сцены. Бѣльскій особенно останавливается на превосходно сказанной Мочаловымъ фразѣ:

Человѣкъ онъ былъ... изъ всѣхъ людей
Мнѣ не видать уже такого человѣка...

„Человѣкъ онъ былъ“ Мочаловъ произноситъ протяжно, ударя Гораціо по плечу, и какъ бы прерывая его слова, все остальное онъ договаривалъ скороговоркой, слыша выскazać свою душевную мысль. Кажется, теплѣе передаетъ это мѣсто Сальвини. Въ словахъ „человѣкъ онъ былъ“ и въ той блаженной улыбкѣ съ которою онъ говоритъ ихъ, слышно столько безпредѣльной восторженной любви къ отцу что какъ-то яснѣе понимаешь, почему его смерть такъ страшно потрясла принца. Это какое-то страстное поклоненіе ему, и не какъ отцу, не какъ монарху, а именно какъ человѣку волаотившему въ себѣ всѣ достоинства и доблести. Сальвини совсѣмъ не выражаетъ на своемъ лицѣ того безмолвнаго ужаса и страха которые силатся передать обыкновенно исполнители Гамлета послѣ сообщенія Гораціо о при-

видѣннѣ. Придерживаясь Шекспировскаго текста онъ только изображаетъ крайнее изумленіе при этой вѣсти. Подозрѣнія, которыя уже давно колошались въ немъ, сразу всплываютъ наружу. Слова: „тутъ что-то не чисто“, онъ говоритъ непосредственно обратившись къ той двери куда ушелъ король. Первое напряженіе охватываетъ его организмъ дрожью, которое чѣмъ далѣе время приближается къ ночи тѣмъ болѣе разыгрывается, и наконецъ разрѣшается разговоромъ съ духомъ.

Кто видѣлъ Сальвини тотъ никогда не забудетъ того восклицанія которое вырывается у него при фразѣ привидѣннѣ: „я духъ твоего отца“. Въ этомъ восклицаніи совмѣщаются и разрѣшаются всѣ муки сердца, всѣ тѣ „тысячи скорбей“ которыя достались въ удѣлъ бѣдной плоти“. Съ этого момента Гамлетъ слабѣетъ; чуть дыша слушаетъ онъ разказъ отца, изрѣдка прерывая его невольными восклицаніями ужаса. Сцена этого разговора одна изъ лучшихъ сценъ *Гамлета*. Роль духа трудна въ высшей степени, и ее, какъ извѣстно, игралъ самъ Шекспиръ. Хорошая постановка для этой сцены необходима. Гамлетъ долженъ стоять какъ разъ противъ публики, чтобы ни одна его черта, ни одно движеніе не укрылось отъ вниманія зрителей. Видѣннѣ можетъ стоять на авансценѣ, задомъ къ публикѣ (какъ это и дѣлается у Сальвини). Перерывъ монотонной рѣчи тѣни словами: „Oh, horrible, oh, horrible, most horrible“ удивительно сцениченъ и красивъ. Еще Гарриксъ дѣлалъ этотъ перерывъ. Онъ какъ разъ подходитъ къ тому душевному настроенію которымъ полонъ Гамлетъ, и остается удивляться отчего наши артисты не стѣсняясь оставляютъ это восклицаніе за призракомъ.

Многіе режиссеры почему-то думаютъ что сцена разговора съ духомъ происходитъ на утесѣ нависшемъ надъ моремъ, и согласно своему представленію декорируютъ сцену. Заключеніе свое они выводятъ изъ словъ Горацио, что привидѣннѣ *можетъ* завести принца на удивенную скалу. Но у Шекспира просто сказано: *at more remote part of the platform*. Разумѣется дворецъ долженъ явиться уже совершенно въ перспективѣ. Ночь не должна быть такъ густа какъ въ первой и четвертой картинахъ; дѣло идетъ къ разсвѣту. Къ концу рѣчи призрака восходъ обозначается очень ясно. И чѣмъ ярче разгорается востокъ тѣмъ все туманнѣе становится тѣнь и наконецъ исчезаетъ...

Переходъ отъ монолога духа къ монологу принца страшно труденъ; онъ не удается ни Росси, ни Сальвини. Росси дѣлаетъ громадную лаузу прежде чѣмъ рѣшается начинать свою рѣчь. Мнѣ кажется что тутъ могъ бы помочь дѣлу слѣдующій сценическій эффектъ. Во дворцѣ въ эту ночь обычный кутежъ; каждый глотокъ рейнвейна что сдѣлаетъ король сопровождается громомъ пушекъ, трубъ и литавръ. Пиръ конечно тянется до утра; конецъ его можетъ какъ разъ совпасть съ этою сценой. Какой страшный контрастъ дадутъ слабые, все долетающіе отзвуки веселаго танца, съ таинственною, ужасною рѣчью покойнаго короля, только-что раскрышаго предъ сыномъ ужасное преступленіе. Этотъ потухающій своими огнями, тускнѣющій отъ золотыхъ лучей утра дворецъ съ отдаленными пушечными выстрѣлами и музыкой, со своимъ нечестивымъ весельемъ, скорѣ всего можетъ возвратитъ Гамлета изъ міра духовъ опять къ дѣйствительной, реальной жизни.

Не менѣе, если не болѣе, труденъ и слѣдующій разговоръ принца съ его товарищами. Сальвини почти совсѣмъ его опускаетъ, очевидно не рѣшаясь передавать того что не помято комментаторами. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вести эту сцену? Какъ связать разбитой тонъ его разговора съ предыдущимъ монологомъ? Мнѣ кажется его можно объяснить только страшною напряженностью нервовъ; онъ хочетъ прикрыть неестественною веселостью свою ужасную душевную пытку. Онъ маскируетъ весь ужасъ прошедшаго, увѣряя что не только на яву, а и во снѣ философы не увидятъ того что порой случается въ мірѣ. Когда звукъ голоса духа переходитъ съ мѣста на мѣсто, принцъ съ нервнымъ смѣхомъ восклицаетъ: „Прекрасно, старый кротъ, ты лихой землеколь, быстро работаешь“... Но въ то же время онъ увѣряетъ что являвшійся духъ достоинъ всякаго уваженія (honest ghost). Сразу принцъ не хочетъ проговориться, и только въ самомъ концѣ у него вырывается восклицаніе, да и то онъ тотчасъ же прерываетъ его словами: „идемте, идемте, господа!“ Уже тутъ Гамлетъ чувствуетъ всю свою неспособность къ дѣлу; онъ проклинаетъ судьбу призвавшую его въ міръ поправлять то что разстроено другими, „распаковываетъ грузъ души словами“, по его собственному мѣткому выраженію; сомнѣвается, боится, чуть не плачетъ, грозитъ отмстить коварнымъ убійцамъ и ограничивается тѣмъ что записываетъ въ

своей карманной книжкѣ замѣчаніе что можно улыбаться и быть злодѣемъ, да рѣшается прикинуться умалашеннымъ. Уже съ перваго акта характеръ Гамлета опредѣленъ вполнѣ, и дальнѣйшіе акты даютъ намъ только развитіе подробностей.

V.

Въ параллель съ тою драмой которую составляютъ отношенія принца къ дядѣ и умершему отцу, Шекспиръ развертываетъ предъ нами другую картину, на фонѣ которой выстулаютъ сильно, ярко набросанныя фигуры Полонія, Офеліи и Лаерта. Сначала они какъ-то не вяжутся съ основнымъ сюжетомъ драмы, но потомъ нити интригъ начинаютъ сплетаться, путаются больше и больше, пока наконецъ не образуютъ одного гармоническаго цѣлага.

Полоній какъ и Гамлетъ резонеръ. Онъ далеко не глупъ; вѣрнѣе, онъ не дальновиденъ, кругозоръ его очень узокъ. Отзывъ Гамлета о немъ какъ о вздорномъ болтунѣ полонъ той нетерпимости которая такъ часто проскальзываетъ въ рѣчахъ принца. Быть-можетъ рѣчи Полонія отзываются моралью, быть-можетъ постоянная привычка говорить приподнятымъ возвышеннымъ слогомъ въ торжественныхъ свиданіяхъ государственнаго совѣта сдѣлала его рѣчь слишкомъ правильною въ грамматическомъ отношеніи, слишкомъ логичною; но мы нигдѣ не видимъ чтобы рѣчь его была глупа. Напротивъ, совѣты которые онъ даетъ Офеліи прекрасны. Рѣчь его не только полна недурныхъ сравненій и живыхъ образовъ, но даже игрива порой. Онъ очень любитъ своихъ дѣтей, чрезвычайно заботится объ ихъ нравственности. Онъ олепчленъ разстройствомъ Гамлета, старается по возможности содѣйствовать его выздоровленію и вообще по мѣрѣ силъ служить государю. Правда, онъ не стѣсняется подслушивать, посылать своего слугу наблюдать за поведеніемъ своего сына; но вѣдь и Гамлетъ взламываетъ печати, подкаблываетъ, доводитъ своихъ друзей до вистълицы. И напрасно артисты играющіе Полонія изображаютъ его какимъ-то шутомъ. Чѣмъ серіознѣе, солиднѣе сыграетъ актеръ, чѣмъ важнѣе онъ будетъ держаться, тѣмъ большій его ожидаетъ успѣхъ.

Высокаго комизма полна первая сцена втораго акта, когда

Половій отправляетъ Рейнальдо въ Парижъ и проситъ его разузнать подробности о житье-бытьи сына. Онъ не даетъ Рейнальдо сказать ни слова. Едва тотъ раскрываетъ ротъ, онъ его перебиваетъ, навязывая ему тѣ мысли которыхъ быть-можетъ и въ головѣ-то у него не было *. Стрость много говорить и говорить цвѣтисто до того ему присуща что королева въ разговорѣ съ нимъ, во второй картинѣ втораго акта, предупреждаетъ чтобъ онъ употреблялъ въ рѣчи „поменьше искусства и говорилъ больше о дѣлѣ“. Сообщение королю и королевѣ причинъ помѣшательства принца представляетъ одну изъ лучшихъ сценъ Шекспировскихъ драмъ вообще. Здѣсь Половій являеся во всемъ ореолѣ сознанія собственнаго достоинства и прозорливости. Онъ утверждаетъ что еще не было случая чтобъ онъ сказалъ: „да, это такъ!“ а вышло потомъ иначе. „Если у меня есть слѣды, я доберусь до правды, говоритъ онъ, хоть будь она сокрыта въ самомъ центрѣ земнаго шара.“ Онъ дѣйствуетъ и какъ вѣроломданый, не желая ничего скрыть отъ короля, и какъ отецъ, не желающій смотрѣть сквозь пальцы на репутацію своей дочери, „разыгрывая роль конторки или настольной книжки“. Половій самъ вызывается поговорить съ принцемъ, провѣрить свои наблюденія, но какъ онъ сразу дѣлается мелокъ и незначителемъ, едва принцъ показывается на сцену!

На нелѣпый вопросъ Половія узнаетъ ли онъ его, Гамлетъ отвѣчаетъ что знаетъ его отлично, что онъ поставщикъ рыбы. Отвѣтъ этотъ отнюдь не бессмысленный отвѣтъ прикидывающагося сумашедшимъ принца. Гамлетъ отлично знаетъ что Половій силится устроить свадьбу между имъ и Офеліей, а можетъ ли онъ думать теперь о любви, когда всѣмъ его существомъ владѣетъ одна мысль о нечестивомъ поступкѣ дяди. „Если ты не торгуешь рыбой, продолжалъ онъ, то я желаю чтобы ты былъ такъ же честенъ какъ торговцы“. Далѣе его мысль объ Офеліи развивается еще яснѣе. „Если солнце зараждаетъ червей въ дохлой собакѣ, если оно, божество, цѣлуетъ лапаль... Не подпускай твою дочь близко къ солнцу. Зачатіе—благодать, но въ томъ смы-

* Куріозъ: наши переводчики (въ томъ числѣ и г. Кроненбергъ) воображаютъ что Половій проситъ Рейнальдо наблюдать за Лаертомъ чтобъ онъ занимался музыкой. По-англійски—, „and let him ply his music“. Оригинальное непониманіе.

онъ какъ твоя дочь можетъ зачать.. Будь осмотрительней!..“ Намекъ болѣе чѣмъ ясенъ, но Половій какъ разъ понимаетъ его въ обратную сторону, замѣчая однако что въ этомъ сумашествіи есть что-то систематическое. Нѣсколько разъ рѣзко оборванный Гамлетомъ онъ рѣшается уйти, рассылаясь и тутъ въ изысканныхъ фразахъ...

Яркою противоположностью Половію является предъ нами образъ Офеліи. Онъ намѣченъ у Шекспира такими тонкими, прозрачными, свѣжими тонами что отъ него невольно вѣетъ чудною, свѣтлою весной. Едва ли во всемірной литературѣ найдется другой болѣе чистый женскій образъ. Офелія такъ проста, такъ понятна что намъ кажутся совершенно излишними тѣ усилія съ которыми иные комментаторы стараются найти въ ея характерѣ какія-то небывалыя черты. Это свѣжая, молодая, неиспорченная дѣвушка, быть-можетъ еще недавно появившаяся при дворѣ, и потому нетронутая лоскомъ придворнаго обращенія прототипомъ котораго являются Розенкранцъ и Гильденштернъ. Неясное толкованіе Сакса Грамматика что Гамлетъ въ связи съ Офеліей было блистательно разбито Гервинусомъ, и здѣсь я не коснусь этого взгляда. Но нельзя не упомянуть о болѣе чѣмъ страшномъ мѣняи Гёте что любовь Гамлета къ Офеліи не отзывается выдающеюся страстью. Германскій поэтъ не хотѣлъ замѣтить что Шекспиръ начинаетъ свою драму именно съ того времени когда любовь принца отходитъ на второй планъ. Но развѣ слова Офеліи: „Я, познавшая всю сладость его любовныхъ клятвъ, должна теперь видѣть его помѣшаннымъ“, * не даютъ намъ намека на то что было въ прошломъ. Онъ дарилъ ей подарки сопровождая ихъ такими милыми рѣчами что дары эти дѣлались еще цѣннѣй **.

Наконецъ страшная вспышка надъ могилой Офеліи, въ которой Гервинусъ видитъ почему-то преувеличеніе, еще яснѣе показываетъ какую страстную любовью половъ былъ къ ней Гамлетъ.

Самое сумашествіе Офеліи превосходно дорисовываетъ это чудесное изображеніе. Шекспиръ—тонкій психіатръ: его сумашествіе фотографически вѣрно натурѣ. Онъ знаетъ что при помѣшательствѣ ярче всего выступаютъ черты характера діаметрально-противоположныя тѣмъ которыя состав-

* Актъ III, сц. I.

** Ibid.

ляли сущность даннаго характера въ нормальномъ состоянii. Его леди Макбетъ, которая утверждала что стакана воды достаточно для того чтобы смыть на вѣки сады преступленiя, начинаетъ мѣшаться на томъ что нельзя смыть съ рукъ кровь. Офелiя, эта чистая, невинная дѣвушка, поетъ скабрёзную пѣсенку о Валентиновомъ днѣ, и какое страшное впечатлѣнiе произведеть это пѣнiе на сценѣ если оно будетъ исполнено не подъ глубѣйшую музыку, а машинально, въ тактъ плетенiя вѣвка, съ постоянно мѣняющимся мотивомъ, паузами... Кому случалось слышать какъ поютъ сумашедшiе, тотъ пойметъ весь ужасъ этой пѣсни и той глубочайшей драмы которую развертываетъ въ этомъ мѣстѣ предъ нами Шекспиръ. Извращенiе этой сцены въ невозможную мелодраму съ музыкой самымъ жалкимъ образомъ рекомендуетъ вкусы и понятiя нашихъ режиссеровъ и исполнителей... *

VI.

Объясненiе Офелiи съ привцемъ въ день спектакля представляетъ собою трудное мѣсто *Гамлета*, наиболее туманное и неясное. Согласно сценическимъ традициямъ, артисты ведутъ эту сцену такъ, словно Гамлетъ внезапно догадывается что и эта чистая дѣвушка тоже вступаетъ въ разговоръ противъ него, ставовится въ ряды его враговъ. Выраженiе сердечной муки, въ моментъ этой догадки, Сальвини передаетъ съ поразительною художественностью. Но вѣрно ли это? Знаетъ ли Офелiя что ихъ подслушиваютъ? Вѣроятно нѣтъ. Все что говорилось о „законномъ шлюствѣ“ говорилось тихо отъ нея. Она чувствуетъ что при ея помощи быть-можетъ опредѣлится причина помѣшательства привца. „Madam I wish it may“, говоритъ она королевѣ, на ея желанiе чтобы Гамлетъ именно былъ боленъ несчастною любовью. Она всѣми силами души рада помочь выздоровленiю Гамлета. Когда, по окончанiи объясненiя, Полонiй выходитъ изъ

* Замѣчу здѣсь кстати что пѣсня Офелiи о Валентиновомъ днѣ заимствована Гёте: ее поетъ Мефистофель подъ акомпаниментъ гитары. Въ пятомъ актѣ II ч. Фауста Гёте помѣстилъ пѣсню Лему-ровъ: „Wie jung ich war“ и пр., которая есть перифраза пѣски моплящика въ V актѣ Гамлета.

засады, онъ прямо обращается къ Офеліи: „Ну, Офелія... впрочемъ, ты можешь не разказывать что говорилъ принцъ: мы все слышали“, и эти слова являются для Офеліи полнѣйшею неожиданностью.

Совсѣмъ другое Гамлетъ. Онъ отлично знаетъ что его подслушиваютъ. Онъ говоритъ специально для Полонія и короля. Онъ взводитъ на себя небывалые, невозможные пороки, говорить что онъ „гордъ, мстительнъ, честолюбивъ“ („мое честолюбіе могло бы помѣститься въ орѣховой скорлупѣ“, говорить онъ во 2 карт. II акта), что въ его простомъ прѣвѣствіи, кивкѣ головой, больше обидѣ чѣмъ въ головѣ мыслей ихъ обдумать, чѣмъ воображенія чтобъ ихъ представить, или времени чтобы привести ихъ въ исполненіе.“ Во всемъ этомъ чувствуется намекъ на мнѣніе Полонія что близкое знакомство съ принцемъ не можетъ довести до добра, мнѣніе которое несомнѣнно такъ ли, иначе ли, но было извѣстно Гамлету.

Тотъ поражающій реализмъ которымъ проникнута эта сцена царитъ и въ великолѣпномъ монологѣ „быть или не быть“. Странно то что наши переводчики не переводятъ, или переводятъ совершенно извращая, основное предложеніе монолога—

...When he himself might his quiet us make
With a bare bodkin...

Именно здѣсь-то и виденъ весь реализмъ Гамлета. Онъ спрашиваетъ, кто вынесъ бы всѣ тѣ муки земной жизни на которыхъ обречены люди еслибы вѣковѣчный покой можно было найти съ помощью *простого шила*. Перевести слово *bodkin* словомъ *кинжалъ* непростительно. Дѣло именно въ томъ и заключается что такой подлый всѣдневный инструментъ какъ шило таитъ въ себѣ вѣчное блаженство локя, если загробной жизни нѣтъ и если со смертю оканчивается всякое существованіе. Переводчики нашли вѣроятно такой образъ мыслей не салоннымъ, а потому тщательнѣе его обѣгаютъ... Но за то еще менѣе понятно, почему въ концѣ монолога *conscience* понимается ими какъ „совѣсть“, когда въ данномъ случаѣ оно значитъ „сознаніе“. *Сознаніе* возможности жить послѣ смерти удерживаетъ его отъ самоубійства, а ужь никакъ не совѣсть... * Понятно въ какомъ

* Лучшимъ переводомъ монолога „быть или не быть“ считается у насъ переводъ Кромеберга, но онъ и не точенъ, и неудобочитаемъ.

затрудненіи поставленъ у насъ актеръ и зритель, старающіеся проникнуть въ сокровенный смыслъ того что не понято переводчиками.

Изумительно передается Сальвини картина въ театрѣ. Помѣстившись прямо противъ зрителей, какъ и въ сценѣ съ видѣваемъ, онъ поминутно перебѣгаетъ взглядомъ со сцены на короля, съ короля на сцену, прикрываясь тетрадкой отъ нескромныхъ взоровъ придворной челяди. Рядомъ со сценой, какъ разъ противъ царскаго мѣста, стоитъ Гораціо, такъ что принцъ можетъ обмѣниваться съ нимъ взглядомъ, когда король, почувствовавъ горечь Гамлетовскихъ стиховъ, нервно поглаживаетъ бороду, краснѣетъ, блѣднѣетъ. Принцъ слѣдитъ по тетрадкѣ за ходомъ пьесы; тѣ мѣста гдѣ намеки становятся слишкомъ ясны дороги для него: это западня, въ которую онъ хочетъ поймать совѣсть короля. Чѣмъ далѣе дѣло близится къ убійству тѣмъ болѣе волнуется Гамлетъ: руки судорожно мнутъ тетрадь, онъ впился глазами въ дядю. Наконецъ злодѣй на сценѣ; король встаетъ, дворъ суетится, „огня, огня, огня“!.. Гамлетъ вскакиваетъ, тетрадь летитъ вверхъ и разсыпается вокругъ по листкамъ; изъ груди его вырывается страшный демонически-торжествующій хохотъ, переходящій въ истерическія рыданія съ которыми онъ припадаетъ на грудь Гораціо...

„Теперь я могу улитись кровью!.. говорить онъ. — Пояска слетѣла съ его глазъ.“ Это не прежній медлительный Гамлетъ, это страстный, пылкій мститель за смерть отца. Онъ идетъ прямо въ комнату дяди съ обнаженною шпагой.

Но... но пока онъ прошелъ нѣсколько залъ и галлерей, нервы уже не работаютъ какъ прежде... Является мотивъ отложить до поры до времени убійство: онъ молится, и я его не убью въ это время, а то онъ, чего добраго, въ рай попадетъ. Убью его гдѣ-нибудь пьянаго, въ разгаръ ночной оргіи... Мотивъ найденъ: и такими же неслышными шагами, какими онъ вошелъ въ комнату, такими же онъ и уходитъ...

Но возбужденіе слишкомъ сильно; оно пройти безслѣдно не можетъ: малѣйшій толчокъ, и оно воскресаетъ съ прежнею силой. Вскрикъ за занавѣской во время разговора съ матерью рѣшаетъ участь Полонія... Совершивъ это нечаянное убійство, Гамлетъ бравируетъ, старается острить, приискиваетъ извиненіе своему поступку, находитъ что это почти такъ же гнусно какъ убить короля и занять его мѣсто

на тронъ... Рѣчь его дѣлается невозможно грубою, онъ грозитъ несчастную, недалекую, растерявшуюся женщину ужасными угрозами: „можно ли жить на этой лютной, жирной, пропаренной развратомъ постели, справлять медовый мѣсяцъ въ этомъ подломъ свинятникѣ“... Образъ отца то выступаетъ предъ нимъ во всемъ ореолѣ величія, то заслоняется жалкою фигурой дяди, пока наконецъ появленіе духа не заканчиваетъ страшной нервной работы... Тутъ возбужденіе достигаетъ своей кульминаціонной точки: послѣ того какъ духъ исчезъ, онъ становится спокойнѣе, говоритъ тихо, ласково, и только чуждое всякаго нравственнаго чутія восклицаніе матери: „что же мнѣ дѣлать“, поднимаетъ на мгновеніе въ немъ желчь, но и то въ его монологи чувствуется болѣе пропіи чѣмъ гнѣва: „пусть лухлый король опять приманитъ васъ на ложе, сладострастно ущипнетъ за щеки, назоветъ своимъ мышенкомъ и за пару похотливыхъ поцѣлуетъ или за щекотанье подъ шейкой погаными руками все заставитъ васъ выболтать“... Сравненіе матери съ мартышкой доканчиваетъ весь цинизмъ монолога, а заключительное обращеніе къ трупу Половія такъ ужасно что Сальвини, не рѣшаясь его передавать, оканчиваетъ сцену уходомъ королевы...

VII.

Я уже сказалъ выше что Шекспиръ хотя и не показываетъ зрителямъ Фортинбраса, но часто упоминаетъ о немъ. Личность Фортинбраса, какъ я тоже имѣлъ уже случай замѣтить, не пристегнута къ главной фабулѣ, но имѣетъ даже прямое отношеніе къ личности Гамлета. Яснѣе всего видно это изъ четвертой сцены четвертаго акта, сцены, которая имѣетъ существенное значеніе для уясненія характера Гамлета, хотя на сценѣ пропускается. Фортинбрасъ съ дозволенія короля проводитъ черезъ Давію свои войска на границу Польши. Гамлетъ, случайно разговорившись съ капитаномъ одного изъ отрядовъ, узнаетъ что они идутъ завоевывать клочекъ земли доходный только именемъ; Польша защищаетъ его изъ принципа, создавая что все дѣло пустяки. Гамлетъ смотритъ на проходящее войско, и рядъ мыслей поразительныхъ по глубинѣ возстаетъ въ его головѣ. Онъ впервые сознаетъ что въ его разсужденіяхъ о дол-

гѣ мести было на три четверти малодушія и только развѣ одна четверть здраваго смысла. Вотъ этотъ отважный молодой Фортинбрасъ хохочетъ надъ невѣдомымъ исходомъ экзекюціи, играетъ и смертію и опасностями и все изъ за какой-то яичной скорлупы. „*Быть истинно великимъ, восклицаетъ онъ, не возставать безъ достаточнаго повода, но смѣлость съ тѣмъ биться за соломинку когда задѣта честь*“ *. Двадцать тысячъ человѣкъ изъ-за мечты, изъ-за призрака славы, несутся къ могиламъ какъ къ постели, дерутся за клочекъ земли на которомъ не хватитъ мѣста похоронить убитыхъ, а онъ спитъ несмотря на умерщвленіе отца и позоръ матери. „Отнынѣ всѣ помыслы мои будутъ кровавыя!“ восклицаетъ онъ... Но опять-таки дѣло ограничивается только восклицаніемъ, и онъ позволяетъ увести себя въ Англію.

Шекспиръ продолжаетъ съ поразительною вѣрностью выдерживать характеръ своего героя, послѣ того какъ его лозунгомъ стало „руби съ плеча, и не думай!“ ** Да будетъ похвальна необдуманность! невольно говоритъ онъ, видя что „обдуманные“ замыслы у него не удаются. Онъ лежитъ ночью въ каютѣ, ему не спится, внезапно подъ наплывомъ того же страха, но теперь уже за самого себя, онъ вскакиваетъ съ койки, накидываетъ плащъ, ошулю въ лотымахъ отыскиваетъ роковой пакетъ съ предписаніемъ, взламываетъ печати, подкаблываетъ, вписываетъ имена друзей дѣтства вмѣсто своего и, отправивъ ихъ на вѣрную смерть, заявляетъ потомъ Горацио что совѣсть его нисколько не мучаетъ, потому что лигмееи сунувшіеся въ борьбу гигантовъ всегда погибаютъ. Гамлетъ влутываетъ даже въ это дѣло Провидѣніе, увѣряя что оно ему помогло, случайно подсунувъ въ мѣшокъ второй экземпляръ государственной печати... Некрасивыя черты къ характеристикѣ принца!.. Артисты ступеваютъ ихъ, стараясь не лорчить „пріятнаго“ впечатлѣнія.

* Rightly to be great,
Is not to stir without great argument;
But greatly to find quarrel in a staw,
When honour's at the stake...

** Актъ V, Сц. II 10.

VIII.

Замѣчательно что Шекспиръ сосредоточиваетъ сильнѣйшія сцены своихъ драмъ въ первыхъ трехъ актахъ, съ четвертаго его силы какъ бы слабѣютъ, въ дѣйствиіи являются монотонность, повторенія. Таковы и *Гамлетъ*, и *Лиръ*, и *Макбетъ*, и *Отелло*. Особенно это замѣтно въ *Гамлетѣ*: третій актъ въ немъ сильнѣйшій; тутъ сосредоточены монологъ „быть или не быть“, сцена съ Офеліей, сцена въ театрѣ, и наконецъ сцена съ матерью *. Въ четвертомъ актѣ, кромѣ монолога, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ, почти ничего нѣтъ. Интересъ въ зрителѣ умалняется. Лаертъ, выступающій теперь на первый планъ, не можетъ приковать къ себѣ вниманіе, притупленное предыдущими дѣйствіями, и какъ бы ни игралъ артистъ эту роль, но иллюзія оставленная Гамлетомъ будетъ обездѣивать его игру.

Лаертъ, подобно Фортинбрасу, противопоставляется характеру Гамлета, какъ натура для которой нѣтъ колебаній и нерѣшимости. Едва узнаетъ онъ о смерти отца, онъ кидаетъ Парижъ и летитъ въ Эльсиноръ. Здѣсь онъ возбуждаетъ горожанъ: его любятъ въ народѣ. Онъ съ толпой кидается ко дворцу, выламываетъ двери, врывается съ крикомъ въ покои „короля-мерзавца“. На площади народъ требуетъ чтобъ его провозгласили королемъ. Самъ король, перепугавшись, судитъ отказаться отъ престола если только онъ повиненъ въ крови Полонія. Словомъ, это тилъ безконечно страстной натуры. Местъ для него дѣло мгновенія. Гамлетъ не хотѣлъ убивать короля во время молитвы. Лаертъ говоритъ что онъ готовъ перерѣзать Гамлету горло даже въ церкви. Онъ считаетъ что это долгъ каждаго сына мстить такимъ образомъ за смерть отца; тутъ не можетъ быть ни

* Въ *Лирѣ* тоже третій актъ составляетъ сильнѣйшее мѣсто драмы—сцены въ степи. Въ *Отелло* третій актъ—лучшія сцены съ Яго. Въ *Макбетѣ*—ужасная сцена появленія тѣни Банко на пирѣ, такъ удивительно передаваемая Сальвики.

колебаній, ни затрудненій. Препятствій для него не существуетъ: поединокъ, ядовитое питье, отравленная шпига ему все равно: онъ долженъ мстить, мстить и за отца, и за сестру, которая тутъ же, вся въ цвѣтахъ, поетъ среди двorca обрывки старыхъ лѣсенъ, плететъ вѣнки и наконецъ гибнетъ.

Смерть Офеліи разрываетъ окончательно Гамлета съ этимъ міромъ. Его выходка во время погребальной процессіи вполнѣ искренна, хотя и полна безпощадной проиіи надъ горемъ и своимъ собственнымъ, и окружающимъ. Видя плачущаго, безъ сомнѣнія вполнѣ искренне, Лаерта, онъ вдругъ взбѣшенный объявляетъ что онъ любилъ ее такъ какъ сорокъ тысячъ Лаертовъ любить не въ состояніи. „Ты что хочешь сдѣлать, восклицаетъ онъ. Постыться? Дратъся? Истязать себя? Пить уксусъ, крокодиловъ вѣсть? и я, я то же сдѣлаю! Ты выть пришелъ сюда, чтобъ лезвзойти меня, спрыгнуть въ могилу, кричишь: живаго зарывайте съ ней! Я то же сдѣлаю... Ты можешь голосить: я бѣсноваться точно также буду!“

Сцена эта почти никогда не удается артистамъ, точно такъ же какъ рѣдко удается и предыдущая сцена съ могильщиками. (Мочаловъ, впрочемъ, производилъ въ ней чрезвычайное впечатлѣніе.) * Даже у Росси и Сальвини это мѣсто очень слабо, хотя у перваго приведенный выше монологъ довольно эффектенъ.

Но и послѣ похоровъ Офеліи все-таки Гамлетъ не рѣшается ничего предпринять. Только отравленный на смерть, видя трупъ матери, съ отравленнымъ, случайно полавшимся ему въ руки оружіемъ, когда ему остается жить нѣсколько минутъ, онъ закалываетъ дядю. Это дѣлается внезапно, сразу; малѣйшая возможность раздумья, и Гамлетъ не измѣнилъ бы себя и олять бы принялся за безконечныя размышленія...

* Въ подлинникѣ не могильщики, а шумъ. Вся ихъ сцена была вѣроятно интермедіей, которую разыгрывали въ аттрактѣ, по обычаю XVI и XVII вѣковъ, причемъ для связи съ піесой въ нее введены были и дѣйствующія въ трагедіи лица. Поэтому вся первая половина первой сцены V акта кажется вставленною и не имѣющею прямого отношенія къ дѣйствию.

Послѣдняя картина превосходно задумана Шекспиромъ, но никогда не ставится на сценѣ согласно требованіямъ текста. А между тѣмъ какое впечатлѣніе она должна произвести на зрителя... Безжизненный трупъ королевы на тронномъ креслѣ. Внизу на ступеняхъ окровавленный король, еще ниже у подножія испускающій послѣдніе вздохи Лазръ, а надо всею этою пирамидой смерти—еще живой, но уже чувствующій близость конца Гамлетъ, поддерживаемый Гораціо. И какъ сильны его послѣднія слова: „вамъ блѣдныя, трепещущіе, нѣмые свидѣтели того что совершилось, будь у меня время, еслибы смерть не была такою строго-требовательною, о, я бы много сказалъ вамъ... но... но такъ и быть... Гораціо, я умираю, ты будешь жить и все лобѣдаешь недовольнымъ и оправдаешь меня... Подыши еще въ этомъ мірѣ чтобы передать ему мою повѣсть“... И посреди предсмертныхъ мыслей слыхъ его вдругъ поражается звуками веселаго лобѣдаго марша и далекими выстрѣлами... Что это? спрашиваетъ онъ.— Это Фортибрасъ возвращается съ побѣдой изъ Польши, докладываютъ ему...

Что шевельнулось въ этотъ мигъ въ душѣ умирающаго принца? Опять мелькнула въ головѣ сцена на прибрежной равнинѣ когда онъ смотрѣлъ на это же войско. „Не возматъ безъ достаточнаго повода, но биться за соломинку когда задѣта честь, вотъ что значитъ быть истинно великимъ!“ Фортибрасъ возсталъ и лобѣдилъ,—онъ великъ, онъ истинный, идеальный правитель: вотъ кому надо быть представителемъ власти, монархомъ народовъ!..

— Гораціо, лелечуть его холодющія губы,—Гораціо, я умираю... могучій адъ пересиливаетъ мой духъ... Я предрекаю избраніе Фортибраса, ему мой предсмертный голосъ...

Подачей этого голоса Гамлетъ такъ-сказать подписываетъ свой приговоръ: вотъ какіе правители должны стоять во главѣ народовъ, такіе же какъ онъ существовать не могутъ. Онъ слабѣетъ, „остальное—молчаніе“, говоритъ онъ. Сальвини въ этотъ мигъ поразителенъ: онъ передаетъ Гораціо свой послѣдній поцѣлуй. Охвативъ лѣвою рукой его шею, онъ приближаетъ къ его головѣ свои губы и обезсиленный опрокидывается съ послѣднимъ вздохомъ на землю...

А трубы и барабаны гремятъ все ближе и ближе. Вотъ показалась блестящая свита, вотъ и онъ, ликующій лобѣдитель,

молодой, полный силъ, пышашій здоровьемъ Фортинбрасъ, онъ входитъ и замираетъ въ дверяхъ.

Where is this sight?..

вырывается у него неволью.

What is it ye would see?

If aught of woe, or wonder, cease your search... *

отвѣчаетъ Гораціо...

Последняя картина, когда трупы подъ звуки похороннаго марша и подъ выстрѣлы торжественно везутъ со сцены, такъ дополнить общее впечатлѣніе царственной драмы какъ никогда ее не закончить смерть Гамлета, хотя бы и переданная Сальвини. Почему эта пропускается сцена, трудно понять; но мнѣ пришлось ее видѣть только два раза, когда игралъ на петербургской нѣмецкой сценѣ Гамлета г. Фіале и игралъ очень плохо, и затѣмъ при постановкѣ Загуляевского перевода.

IX.

Еще нѣсколько словъ, и я кончу.

Играя роль Гамлета, артисты сильно придерживаются сценическихъ традицій; одному невозможно совладать съ такимъ колоссальнымъ типомъ, какимъ талантомъ ни будь. Нѣкоторыя традиціи весьма странны: къ нимъ принадлежитъ, напримѣръ, сцена Гамлета съ Офеліей, о которой я говорилъ выше. Мнѣ кажется въ ней артисты слишкомъ смѣло подходятъ къ Шекспировскому тексту. Къ числу такихъ же традицій принадлежитъ и странный обычай показывать портреты отца и дяди въ сценѣ съ матерью.

Есть три различные способа вести эту сцену. Обыкновенный приемъ тотъ что на стѣну вѣшаютъ два портрета, по большей части прескверно нарисованные. Приемъ этотъ, правда, простъ, но имѣетъ практическое неудобство: если повѣсить ихъ на боковой стѣнѣ, часть публики ихъ не увидитъ, а если повѣсить на задней, и Гамлету, и матери придется

* „Чего ты щещь? Гора? Необычайныхъ зрѣлищъ? Они предъ тобою!“ Повятно что подобныя фразы должны быть хорошо сказаны, а не сыграны выходными актерами, которымъ нерѣдко поручаютъ играть Гораціо.

вести сцену слиной къ публикѣ. Поэтому извѣстный трагикъ Томасъ Беттертонъ (р. 1635, ум. 1710) ввелъ въ обычай вынимать изъ кармана медальоны. Другой артистъ, Девисъ, протестовалъ противъ такого способа игры, находя что на миниатюрѣ, гдѣ изображается только бюстъ, не можетъ быть видна осанка и поступь. * Тѣмъ не менѣе, Росси практикуеть этотъ способъ до сихъ поръ, раскрывая одинъ медальонъ на своей груди, а другой срывая съ шеи матери и расталтывая ногами, что въ высшей степени эффектно.

Но есть еще третья манера игры, введенная современнымъ артистомъ Джономъ Генри Ирвингомъ. Играя на англійскомъ языкѣ и воспринимая текстъ Шекспира непосредственно, онъ принимаетъ фразу Гамлета: „look you now, what follows“ (смотри что далѣе) за выраженіе связующее рядъ аргументовъ и образовъ которыми онъ подкрѣпляетъ свои мысли. Портреты обоихъ братьевъ онъ рисуетъ въ воображеніи, стоя en face къ публикѣ и какъ бы заставляя королеву вглядываться въ эти невидимые предметы. Сальвини такъ понравился этотъ способъ что онъ усвоилъ его себѣ, оставя миниатюры, съ которыми онъ игралъ прежде..

На мой взглядъ, появленіе въ комнатѣ матери духа, по крайней мѣрѣ на первомъ планѣ, совершенно излишне. Его рѣчь не имѣетъ существеннаго значенія. У Росси онъ являлся въ прозрачной стѣнѣ и не говорилъ ничего. Видитъ духа только одинъ Гамлетъ, королева не видитъ, не должны его видѣть и зрители. При реальномъ же появленіи изъ скрипучаго люка актера оказывается что одна только королева должна притворяться что не замѣчаетъ здоровенную фигуру стоящую въ трехъ шагахъ отъ нея, когда весь театръ ее видитъ. Когда лѣтъ десять назадъ возобновляли на Александринской сценѣ *Гамлета*, духа не было вовсе, и несмотря на неудачное исполненіе главной роли, все-таки получалось очень сильное впечатлѣніе.

Повторяю, *Гамлетъ* ждетъ нормальной постановки. Но дождется ли—на этотъ вопросъ я не рѣшаюсь отвѣтить...

П. ГНѢДИЧЪ.

С.-Петербургъ.
6 апрѣля 1882.

* *Dramatic Miscellanies*, 1784, т. III.

БОЖІЙ ОТРОКЪ*

I.

Куда слѣзшитъ сей отрокъ нѣжный,
Какая цѣль его манить?
И что подъ складками тунуки
Онъ за сокровище таитъ?
Слѣзшитъ одинъ по стогнамъ Рима,
Скрестивши руки на груди,
И взоръ его съ нѣмой молитвой
Чего-то ищетъ впереди.

II.

Въ то время, стоя у порога
Дверей жилища своего,
Патриціанка молодая
Вблизи увидѣла его.
Его небеснымъ выраженьемъ
И красотой поражена:
— „ Скажи мнѣ, кто ты, отрокъ милый“?

* Заимствовано изъ романа кардинала Уайзмана *Tabiola, a tale of the catacombs.*

Ему вопросъ даетъ она:
 „Кто твой отецъ, кто мать? Скажи мнѣ
 „Къ кому, куда ты такъ слѣдшишь?
 „Что на груди съ такой заботой
 „Ты подъ туникою хранишь?“
 — „Я сирота отъ колыбели,
 „Отецъ и мать въ могилѣ спать,
 „Лишь одного Отца я знаю,
 „Онъ на крестѣ за насъ распять.“
 — „Бездѣтна я, мой мужъ скончался.
 „Остановись, повремени!
 „Войди въ мой домъ и, отрокъ милый,
 „Собой мнѣ сына замѣни.
 „Останься, все мое богатство
 „Тебѣ пойдетъ“...— „Благодарю:
 „Мое богатство не отъ міра,
 „Мое богатство въ небѣ зрю!“
 Очей лазурныхъ кроткимъ взглядомъ
 Ее безмолвно онъ дарить,
 И снова въ даль, скрестивши руки,
 Съ завѣтной ношею слѣдшить.
 И той таинственною рѣчью,
 И взоромъ тѣмъ изумлена,
 Во слѣдъ за отрокомъ прекраснымъ
 Издалека идетъ она.

III.

Ужь цѣль близка. Вотъ Капитолій,
 Вотъ Мамертинская тюрьма,
 Въ которой узниковъ скрываетъ
 Нелросвѣтимой ночи тьма.
 Тѣхъ заключенныхъ страсготерпцевъ
 Завтра приметъ Колизей,
 Они умрутъ за Назорея
 Добычей бѣшеныхъ звѣрей.
 Ужь отрокъ видитъ дверь темницы,
 Осталось форумъ обогнуть;
 Внезапно мальчики толпою
 Ему пересѣкаютъ путь.

— „Послушай, другъ, въ забавѣ вашей

„Намъ одного не достаетъ,

„Съ тобою часто мы играли“...

Но отрокъ имъ отвѣтъ даетъ:

— „Друзья, лустите, мнѣ не время,

„Не до забавы мнѣ теперь,

„Уже вдали передъ собою

„Я роковую вижу дверь“...

— „Повремени! Какое дѣло?

„Что прячешь на груди своей?

„Письмо? подарокъ? драгоценность?

„О, покажи намъ поскорѣй!“

— „Нѣтъ, нѣтъ! Меня удержижи

„Влечетъ призваніе мое“.

И онъ тѣснѣе прижимаетъ

Къ груди сокровище свое.

Толпа дѣтей нетерпѣливо

Его тѣснить, его гнететь,

Никто мольбамъ его не внемлетъ.

Ужь собирается народъ.

— „Онъ христіанинъ!“ молвила кто-то:

„Несущій таинства ослы!“ *

И въ этомъ словѣ отрокъ Божій

Въ тотъ мигъ судьбу свою прочелъ.

— „Онъ христіанинъ!“ слышно всюду,

И въ мигъ одинъ со всѣхъ сторонъ

Толпой народа разъяренной

Онъ, бѣдный мальчикъ, окруженъ.

Удары сылаются, камни

На беззащитнаго летать

Онъ все безмолвно перенеситъ,

И къ небу взоръ его подыметъ,

Но съ сверхъестественною силой

Святую ношу бережетъ,

И на груди сжимая руки,

Ее врагамъ не выдаетъ.

Изъ ранъ безчисленныхъ руками

Кровь неповинная течетъ,

И наконецъ, изнеможенный,

* „Asinus mysteria portans“, латинская поговорка.

На землю мученикъ ладеть.
 Они кидаются на жертву,
 Еще мгновенье... раздерутъ
 Они въ клочки его тунику
 И, вошу тайную найдутъ...

IV.

Но вдругъ является заступникъ,
 Преторіанецъ молодой.
 Освирѣлыхъ разгоняетъ
 Онъ богатырскою рукою;
 Онъ окровавленное тѣло
 Въ свои объятія беретъ,
 И прочь отъ мѣста роковаго
 Его заботливо несетъ.
 Онъ съ состраданьемъ вопрошаетъ:
 — „Куда направленъ былъ твой путь?
 „За что тебя они избивли?
 „Обидѣлъ ты кого-нибудь?“
 И слабымъ голосомъ страдалецъ
 Ему отвѣтъ даетъ такой:
 — „Съ дарами таинства Христова
 „Слѣдилъ изъ церкви я святой,
 „Шелъ къ заключеннымъ христіанамъ
 „Я въ Мамертинскую тюрьму,
 „Несъ тѣло имъ и кровь Христову,
 „Несъ свѣтъ въ кромѣшную имъ тьму.
 „Но не свершивъ святаго дѣла
 „Я жизнь за вѣру отдаю.
 „Тебѣ святыню завѣщаю,
 „Тебѣ свой долгъ передаю.
 „Братъ во Христѣ, дары святыя
 „Найдешь ты на груди моей...“
 Замолкъ и на плечо склонился
 Къ нему головкою своей.

V.

Патриціанка молодая
 На встрѣчу воину идетъ
 И, заглянувъ въ лице страдальцу,
 Его мгновенно узнаетъ:
 — „Возможно ль! Отрокъ мой прекрасный!
 „Онъ еле живъ, онъ весь въ крови!
 „Зачѣмъ меня ты не послушалъ,
 „Зачѣмъ не вялъ моей любви?“
 И отрокъ вновь ее безмолвно
 Улыбкой кроткою даритъ,
 И вздохъ послѣдній, вздохъ предсмертный
 Изъ груди вырваться слѣшитъ...

VI.

И вздохъ, и взоръ, его улыбку,
 И эти блѣдныя уста,
 Патриціанка не забудетъ —
 Она увѣруетъ въ Христа!

К. Р.

Палермо.
 10 марта.

МЕРТВОЕ МОРЕ.

Въ знойной степи, у истока священной рѣки Иордана,
Въ каменныхъ сжато объятыхъ, раскаленныхъ полуднемъ,
Чудно сивѣя безмолвно покоится Мертвое море.

Издали волнъ заколдованныхъ гладь голубую завидѣвъ
Въ ужасѣ звѣрь убѣгаетъ; въ испугѣ небесныя птицы
Съ жалобнымъ крикомъ слѣзгать улетѣть отъ проклятаго
мѣста;

Змѣи одни обитаютъ въ глубокихъ расщелинахъ камней;
Лишь Бедуинъ одинокій, кольемъ тростниковымъ махая,
Быстрымъ кономъ уносимый, промчится песчанымъ
прибрежьемъ...

Тайны зловѣщей печать тяготѣетъ надъ краемъ забвенья.
Древнее ходить сказанье про это пустынное море:
Чуть на землѣ воцарится таинственной ночи безмолвье,
Только-что звѣзды златыя зажгутся въ безоблачномъ
небѣ

Тьмою огней отражаясь въ померкшихъ лазоревыхъ вол-
нахъ,

И въ вышину голубую серебряный выльветъ мѣсяцъ,
Вдругъ просвѣтлается влажное лоно прозрачной лучины,
Сюль бѣлоснѣжныхъ лучей всю глубокую бездну морскую
Съ глади незыблемой водъ и до самого дна проникаетъ,
Тамъ, въ глубинахъ озаренныхъ блескомъ полночного неба
Груды развалинъ толются, въ безжизненномъ, древнемъ
величьи;

Хладнымъ гробницамъ подобные мрачно красуются дома,
Храмы, кумиры, дворцы, водометы лустые, колонны:
Это Содомъ и Гоморра.... царство грѣха и разврата.
Долготерпѣнья Всевышняго Бога исполнилась мѣра:
Нѣдра земныя разверзлись и тѣ города поглотили,
Бездну провала залили морскія соленыя воды....
Тамъ, гдѣ былъ край многолюдный, подобно великой мо-
гилѣ

Нынѣ, сивѣя, безмолвно покоится Мертвое море.

К. Р.

15 февраля 1882 г.

С Е Р Е Н А Д А

О дитя! подъ окошкѣмъ твоимъ
Я тебѣ проложу серенаду,
Убаюкана лѣньемъ моимъ
Ты найдешь въ сновидѣньяхъ отраду.
Пусть твой сонъ и покой
Въ часъ безмолвный ночной
Нѣжныхъ звуковъ лелѣють лобзанья.

* * *

Много горестей, много невзгодъ
Тебя въ жизни, дитя, ожидаетъ;
Сли же сладко пока нѣтъ заботъ,
Пока сердце печали не знаетъ.
Сли въ безмолвьи ночномъ
Крѣпкимъ, сладостнымъ сномъ,
Сли не зная земнаго страданья.

* * *

Сли пока еще слится тебѣ,
Ты еще непорочна душою.
Часъ пробьетъ неизбежной борьбѣ,
Миръ грѣха овладѣетъ тобою;
Замыхъ сомнѣній ведугъ
Ты узнаешь, мой другъ,
И настанетъ лора слытанья.

* * *

Сли же, милая, сли почивай
Подъ аккорды моей серенады,
Пусть приснится тебѣ свѣтлый рай,
Преисполненный вѣчной отрады.
Пусть твой сонъ и покой
Въ часъ безмолвный ночной
Нѣжныхъ звуковъ лелѣють лобзанья!

Палермо.

5 марта 1862.

К. Р.

БЛУБЪ АНАРХИСТОВЪ ВЪ ЛОНДОНЪ

IV. Господинъ Тренбренъковскій.

Всѣ страны выбрасываютъ изъ себя горсть эмиграціи и, безъ сомнѣнія, не лучшую горсть, но вниманіе наблюдателя особенно поражаютъ наши русскіе интеллигенты. Другіе какъ-то незамѣтно и просто устраиваются на чужой сторонѣ, входятъ въ кругъ опредѣленныхъ отношеній, знаютъ свои задачи и цѣли, что-нибудь предпринимаютъ, работаютъ, не рѣдко достигаютъ даже благосостоянія. Изъ Нѣмцевъ, напримѣръ, я положительно не встрѣчалъ человѣка празднаго и голоднаго, а между тѣмъ большинство нѣмецкихъ эмигрантовъ люди семейные, и положеніе ихъ въ Лондонѣ, гдѣ ихъ очень не любятъ, несравненно труднѣе чѣмъ положеніе „нашихъ“. Самыя причины нѣмецкой эмиграціи далеко не тѣ что наши. Скомпрометтированныя нѣмецкіе социалисты не одержимы разнуздавшею политическою болтливостью и всесвѣтвымъ вздоромъ утопіи наполняющихъ пустыя головы; они не носятъ съ собою какъ съ избалованнымъ идиотомъ, которому весь міръ долженъ удивляться и поклоняться. Они преслѣдовали что-нибудь положительное, реальное, живо и глубоко затрагивающее ихъ насущные интересы: новые налоги, заработную плату, тенденцію

аристократическихъ законовъ, покровительство буржуазной спекуляціи во вредъ рабочему сословію. Въ ихъ протестахъ всегда слышенъ мотивъ личнаго порабощенія и безправія; въ ихъ аргументаціи видна принципиальная справедливость, которая такъ неистово возмущаетъ „нашихъ“. Нѣмецъ не ополчается взрывать міръ, не оретъ безъ толку по кабакамъ о мировыхъ задачахъ, до которыхъ въ сущности ему дѣла нѣтъ. Даже до человечества ему дѣла нѣтъ; ему только Германія. Вотъ эта-то „узкость взорѣній“ и вынуждала нѣкоторое время Нѣмцевъ робѣть и ужасаться предъ подвигами „нашихъ“ и даже своихъ неуклюжихъ соотечичей подзадоривать кровавою агитаціей. Но гдѣ жь!.. Нѣмецъ между „нашими“ все равно что медвѣдь въ балетной труппѣ; можетъ онъ и необходимъ для полноты картины, а все же ему такого па не сдѣлать какъ сдѣлаетъ граціозная, по всѣмъ суставамъ вывихнутая балерина. Вотъ эта-то вывихнутость по всѣмъ суставамъ есть отличительное и едва ли не единственное достоинство російскаго интеллигента. Очень ужъ легкій народъ. Нѣмецъ осѣдаетъ, цѣпляется за что-нибудь прочное, работаетъ безъ устали ради личнаго существованія, и гордится благородствомъ своей трудовой жизни. Политика у него дѣло досуга, развлеченія, да иначе и быть не можетъ когда надо жизнь зарабатывать. У „нашихъ“ это мелко, смѣшно, не достойно развитости, ибо развитость вводитъ въ безграничную область мечтаній и заставляетъ человѣка всю жизнь порхать въ пустомъ пространствѣ.

Между нашими образовался между прочимъ особый типъ заслуживающій нѣкотораго вниманія. Попадаетъ онъ повсюду, но наблюденію наиболѣе доступенъ въ заграничныхъ кружкахъ. Это просто человѣкъ чортъ знаетъ что такое. Нельзя опредѣлить его національности: нѣчто слегка жидовское, отчасти альфонсовское и наломивающее *Нама*, олицетвореніе торжествующей сплетни въ видѣ либеральнѣйшаго негодованія и скорби; по виду нѣчто приличное, приузданное, иногда вышлифованное до лоска. Натура ужасная, скользкая и вьется; всегда въ отчаяніи, но неуловимо-осторожная. По хлесткости фразы, по образованію изъ разношерстныхъ каючковъ и верховъ, по сбивчивой путаницѣ понятій, по изувѣрной преданности догматизму готовой формулы вы тотчасъ же узнаете школьника, который, получивъ на экзаменѣ единицу, внезапно уразумѣлъ всѣ несовер-

шеинства міроваго порядка и, возложивъ всё упованіа на природную талантливость, припалъ на себя роль развѣвателя и агитатора, успѣвъ уже сильно поострелаться у меншинъ, разумѣется „развитыхъ“, заявилъ себя дарвинистомъ, позитивистомъ, крайнимъ радикаломъ и социалистомъ. Чтò дешево дается, безъ борьбы, безъ усилія, чтò влетаетъ въ голову откуда-то съ вѣтру, само собой, то и его. Накальная самоуверенность всевозможныхъ общихъ мѣствъ, полное отсутствіе какихъ-бы то ни было сомнѣній и вѣчное стремленіе къ „легкимъ хлѣбамъ“, таково его содержаніе.

Съ однимъ изъ такихъ господъ мнѣ пришлось познакомиться въ Society Slavonic. Назывался онъ господиномъ Тренбурьевскимъ. Толпа состоявшая изъ Жидовъ, Чеховъ, Полаковъ безтолково толкалась и галдѣла, шумно и грубо переругиваясь между собою, ничего не выискала и едва ли даже понимая зачѣмъ собственно происходитъ эта безурядная, нелѣпая толкотня. Всѣхъ собрало сюда чувство стадности, неистребимая тоска одичалаго одиночества, и всѣ были злы другъ на друга, содерничая въ издѣвательствахъ. Каждый старался вздернуть самого себя на высоту и глядѣлъ на другихъ какъ на каналий оскорблявшихъ его неизмѣримое достоинство. Нечего и говорить какъ носились съ собою „знаменитости“. Всѣ рисовались собою, именно какъ изгнанники и „жертвы насилій“, и всѣ презирали другъ друга изъ содерничества самолюбія. Особенно хороши были Полаки. Трудно себѣ представить все вдохновеніе лжи, всю немасытную жадность клеветы въ отношеніи къ „московитскому варварству“ этихъ героевъ биліардной политики, лакействующихъ „графовъ“, примкнувшихъ къ крайнимъ революціонерамъ ради подачекъ какого-нибудь Чарторыйскаго. Пополнялась стадомъ бѣглыхъ Евреевъ, шинкарей, факторовъ, контрабандистовъ, со всею простотою и свободой ихъ нравовъ, съ истинно-разбойничьею откровенностью, съ нервнымъ азартомъ въ мелкихъ спорахъ, все это толкалось и орало... о конституціи въ Россіи. Трудно, невозможно передать смыслъ этихъ стадныхъ сужденій. Даже въ петербургскихъ чиновничьихъ кружкахъ ничего подобнаго я не видѣлъ. У петербургскихъ чиновниковъ все это проще, спокойнѣе, да оно и понятнѣе: у нихъ есть опора для конституціи, именно двадцатое число, когда выдаютъ жалованье.

Сидѣлъ я въ этомъ Society Slavonic за кружкой пива,

любуюсь спознавшею толлою „работниковъ“, выжидающихъ счастливаго времени когда „всѣ будутъ работать и всѣ будутъ счастливы“, и тревожно ожидаая когда начнется драка, какъ самое доказательное проявленіе *убѣжденій*. Гулъ толлы все разрастался и свирѣлѣлъ съ каждою минутой. Мнѣ невозможно подумалось какъ бы эти люди, эти передовые застрѣльщики нашей „интеллигенціи“, расправились съ Россіей, еслибы въ ихъ руки попала хоть тѣнь политической власти; какими случайностямъ подвергли бы они страху своимъ стаднымъ вліаніемъ даже въ парламентѣ, поддерживая какого-нибудь ухарскаго краснорѣчиваго въ болѣе приличной ингилистической шкурѣ, и какъ бы изумлена была та петербургская „партія“ которая мечтаетъ о возрожденіи своего аресто-кратическаго, слегка крѣпостническаго могущества посредствомъ конституціи, увидя предъ собою неожиданную перестановку „интеллигентныхъ“ группъ. Для наглости и жадности предпримчивости у насъ арена самая благодарная: довольно связной болтливости и беззаветной храбрости чтобы за нами не замѣтили ни невѣжества, ни предательства, ни покушеній на скорѣйшее разложеніе государства, особенно когда вся эта аргументація, вся фальшь барствующихъ вырожденцевъ станеть опираться на „благо народа“.

Я тоскливо отыскивалъ глазами Вили, единственное разумное существо съ которымъ можно было говорить, но его не было тамъ.

— И позволайте вашъ спрашиватьтъ, раздалось надъ нами ухомъ.

Я обернулся, вижу: Жидъ—настоящій лембергскій Жидъ, въ перьяхъ отъ перины, съ букетомъ чеснока.

— Вамъ угодно?...

— И ежели конституція по вшей умляриі, значить вши преступленія на амнистію?

— Да, конечно.

— И ежели кто малость зворовалъ?...

— Всѣмъ амнистія.

— И я могу на границу вертаться?

— Прямо въ парламентъ вернетесь.

— Есть то правда, лане?... Гей, гей.

И въ минуту около меня выросла толпа Евреевъ съ такими же кельными волпросами. Какое отношеніе они могли имѣть къ политикѣ, да еще въ кружкѣ крайнихъ анархистовъ, а ужъ никакъ не могъ ловять.

Когда еврейская компанія разсыпалась, ко мнѣ подошелъ господинъ очень приличный, щеголевато одѣтый, но имѣяно съ тою нескрѣпяемостью европеизма о которой я уже говорилъ, и назвался Трембревковскимъ.

— Шидтъ просить у васъ извиненія что не можетъ сегодня сопровождать васъ и поручилъ мнѣ предложить вамъ свои услуги, проговорилъ онъ сладко улыбаясь и расшаркиваясь предо мною.

Я поблагодарилъ и сказалъ что никакихъ услугъ мнѣ не надо, однако разговорился съ этимъ сладкимъ господиномъ. и онъ тотчасъ же запретестовалъ.

— Помилуйте, дышать нечѣмъ, воздуха нѣтъ въ Россіи, одна духота отъ дворниковъ... Чтѣ жъ это такое?..

Эта фраза напомнила мнѣ политическую мудрость нашего Ювемала *Отчетотенныа Записокъ*. И сколько тысячъ людей. этихъ нашихъ „интеллигентовъ“, повторяютъ дешевыя остро- ты о дворникахъ воображая себя не только представителями либеральной оппозиціи, но и опасными правительству людьми. Хорошо что самообольщеніе такъ дешево дается. Да и кто же у насъ не въ оппозиціи?..

— Ни одного политическаго ума и никакой надежды на его появленіе, съ грустью продолжалъ господинъ Трембревковскій:—эти лю крайней мѣрѣ дорогу расчистать.

— Кому? полюбилъствовалъ я.

— Новымъ силамъ, новымъ людямъ, которые теперь при- нуждены или постыдно молчать въ Россіи, или искать убѣ- жища здѣсь...

— А какъ вы думаете, о чемъ бы эти новыя силы загово- рили? Создали бы онѣ что-нибудь эти „новыя силы“?

— Помилуйте, да зачѣмъ создавать, зачѣмъ выдумывать по- рохъ коли имъ давно уже палать?.. Вся Европа конституціонна, мы одни.. на полѣвка сзади остались.. Я налримѣръ... я далекъ отъ крайнихъ увлеченій, отъ безусловнаго одобренія террористовъ, но я поневоля примкнулъ къ нимъ, потому что въ Россіи нѣтъ ничего средняго, умѣреннаго и свобод- наго. А изъ крайностей, разумѣется, надо выбирать прогрес- сивную.

— Въ чемъ же вы ожидаете прогресса отъ террористовъ? спросилъ я.

— Отъ нихъ мы ничего не ожидаемъ. Они глупые, ослоб- ленные люди, но прекрасное орудіе въ нашихъ рукахъ, хотя мы и не умѣемъ имъ пользоваться во всей силѣ.

— Извините, кто это „мы“?

— Люди одинаковаго со мною образа мыслей, люди которымъ не всей справедливости, по праву ихъ образованія, должна принадлежать власть, если не во всей полнотѣ, то частию. Это сознаютъ въ Россіи уже многія даже вліятельныя лица и готовы на уступки справедливымъ требованіямъ лучшей части общества.

— Извините нескромный вопросъ: должно-быть вы корреспондентъ какой-нибудь газеты?

— Да, я пишу.

— Это видно. Ваша программа: самоуправленіе и всякаго рода свобода, и вы полагаете что анархисты вамъ расчищаютъ дорогу къ трибунѣ.

— Я увѣренъ въ этомъ. Дайте намъ конституцію, и мы сами задашимъ терроръ. Теперь же мы невольно должны его поддерживать, пока сами остаемся въ безправіи и униженіи. Но... разумѣется это долго не протянется, положеніе невозможное, безвыходное, глубое... Консервативное меньшинство, безспорно сильное своимъ вліаніемъ, не долго можетъ поддерживать теперешнюю безурядицу, и днемъ раньше или позже, оно уступитъ намъ, большинству... свободныхъ мыслителей... лучшихъ русскихъ людей.

— Да вотъ „лучшіе русскіе люди“, указалъ я на толпу.

Она презрительно покосилась на толпу и на меня.

— Да, пояснилъ я: — бахвальство свойственно политическому безсилію.

— А безсиліе обнаруживалось въ нашихъ рядахъ потому что насъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ душитъ административный произволъ. Пора наконецъ его страхнуть.

— При помощи этихъ „лучшихъ людей“?

— Да, при помощи этихъ и другихъ...

— Кого же напимѣрь?

— А наша конституціонная аристократія... Конечно тамъ другіе мотивы, другія лобужденія: имъ теперь нѣтъ раздолья и они совершенно увѣрены что конституція дастъ имъ власть и вверхъ и внизъ. Конечно, это мечта неосуществимая, во главѣ народа станемъ мы... интеллигенція...

— Вотъ вы говорите о конституціонной аристократіи, а не приходилось ли вамъ читать проекты ея конституцій?

— Да въ Петербургѣ теперь тольکو то и дѣлаютъ что пишутъ да читаютъ такіе проекты.

— Въ чемъ же вы находите аристократизмъ такихъ проектовъ? Я читалъ ихъ нѣсколько, не замѣтилъ ничего сословнаго, барственаго. Написаны откровеннымъ языкомъ, видно знаніе европейскихъ конституцій, всѣ положенія мотивированы съ дипломатическою ловкостью... На мой взглядъ проекты соблазнительные, вызывающіе... стоить лишь пустить на агитацію газетной своры, и дѣло увѣнчается успѣхомъ, то-есть безличное и бессмысленное большинство „честныхъ и лучшихъ интеллигентовъ“ ярмечъ безъ разбора всякую программу, лишь бы припустили его къ парламентскому гвалту...

— Вы кажется смѣтаете? строго переспросилъ онъ.

— Нѣтъ, чему же смѣяться... Таково ужъ свойство нашей интеллигентной безличности, безсодержательности, что тяготясь ими, страдая отъ нихъ, мы ищемъ исцѣленія не въ насъ самихъ, а въ чемъ-нибудь вѣншемъ, на этотъ разъ въ конституцію аристократическую, самаго дурнаго типа, исключавшей безусловно весь народъ во имя главенства не аристократіи, а ея интеллигентныхъ прихвостней съ предательскимъ отгѣвкомъ...

— Позвольте съ... кто же эти прихвостни?

— Всѣ провозглашающіе себя „лучшими людьми“ въ странѣ. Табуный сбродъ всевозможныхъ пустозвоновъ, со своею ползучестью прокрадывающихся за поддержкой и въ аристократическіе салоны, и въ клубъ анархистовъ.

Мой сладкій собесѣдникъ умолкъ. Онъ съ подозрѣніемъ поглядывалъ на меня, какъ бы отыскивая въ словахъ моихъ личный намекъ. Скоро онъ исчезъ въ толпѣ не сказавъ мнѣ ни слова. Я наткнулся на анонимаго Ивана Петровича и спросилъ его: какъ между вами, анархистами, очутился этотъ господинъ Тренбуревскій?

— Чортъ его знаетъ, отгѣчалъ Иванъ Петровичъ.— Делегъ намъ привезъ изъ Питера и выдаетъ себя за какую-то важную личу. Вретъ, я думаю... радикальничаетъ, агитируетъ, содѣйствуетъ...

— Чтѣ же вы съ такимъ раздраженіемъ о немъ говорите?

— Подлецъ!

— А почему подлецъ?

— Ростовщикъ, деньги въ ростъ лущаетъ, десять процентовъ

въ мѣсяцъ лупить... живодеры!. Я у него вчера былъ, подъ штаны съ жакетомъ два шиллинга просилъ: разсмотрѣлъ штаны внимательно и денегъ не далъ... Плохенькіе штаны, вотъ...

И онъ приподнялъ ногу—штаны точно были плохенькіе, нѣсколько разъ они лохматились и обрѣзались, такъ что на Иванѣ Петровичѣ казались дѣтскими.

— Еще выдужалъ контору, продолжалъ Иванъ Петровичъ:— объявленіе такое широкошпательное сочинилъ; нельзя, говорить, хлѣбъ и товары экспортировать въ Россію и изъ Россіи, комиссіонерство надо. Завѣлъ книги, меня нанялъ за шиллингъ въ день сидѣть въ конторѣ, и ежели Англичанинъ придетъ, показывать видъ что очень много работы у насъ по экспорту...

— И что же, приходилъ Англичанинъ?

— Приходилъ, думалъ, дуракъ, тутъ дѣло въ серіозъ... Придетъ, глянетъ на меня, да и подумаетъ, а то спросить: съ какими домами наша контора имѣетъ сношенія въ Россіи... Съ какими же домами? разумѣется съ литейными...

— Вы такъ и отвѣчали Англичанину?

— Такъ и отвѣчалъ.

— А Тробреньковскій что же?

— Прогналъ меня: „ты, говоришь, сволочь этакая, репутацію мою испортилъ...“

— Вы не подозреваете его?

— Нѣтъ, что жь тутъ подозревать: либераль и ростовщикъ, явленіе обыкновенное... Такихъ вѣдь много у насъ бываетъ... Впрочемъ у насъ они не засиживаются, купятъ наскоро пакостныя фотографіи, уложатъ въ портфель, да и маршъ въ Парижъ...

— А въ Парижъ что же?

— Ну, Парижъ—другое дѣло... тамъ весело... туда ихъ спеціально командируютъ на казенный счетъ для усовершенствованія образованія въ Jardin Mabile.

Такой фактъ приговоръ господину Тробреньковскому не обоснователенъ. Автору самому однажды удалось встрѣтить въ буфетѣ Théâtre du Chatelet петербургскаго чиновника, окруженнаго лодюжиной лоретокъ, который на вопросъ: что онъ тутъ дѣлаетъ, совершенно добросовѣстно отвѣчалъ: „шикъ изучаю по казенной надобности, mon cher!“

V. Смущенные.

Въ Лондонѣ, какъ и въ каждомъ большомъ городѣ, огромное количество звѣзакъ, уличныхъ и трактирныхъ шелопаевъ, ворюшекъ, вищихъ. На Oxford Street, на Picadilli и Regent Street между ними оласно проходить; ихъ руки тотчасъ же заблудятся въ вашихъ карманахъ. Поздѣе, въ туманныя ночи, они заводятъ уличныхъ дѣвчонокъ на Темзу, грабятъ ихъ и толятъ—преступленіе не рѣдкое въ Лондонѣ. Голодъ и жадность разврата выработали здѣсь страшную теорію душегубства изъ-за корысти до того мелкой, бездѣльной, что комелекъ съ нѣсколькими пенсами бываетъ достаточною причиною гибели его обладателя.

Вилы Шмидтъ давно уже собирался показать мнѣ страшныя притоны этихъ людей, но я уклонялся, находя что бессильное глазѣніе на людскія бѣдствія, правыя и неправыя, по меньшей мѣрѣ не прилично. Притомъ же нищета, голодъ, развратъ и преступленіе, во имя свободы здѣшнихъ нравовъ, гуляютъ на самыхъ аристократическихъ улицахъ, рядомъ съ поразительною роскошью, благовоспитанными и чопорными леди и умными, благообразными джентльменами, дикого не смущая, не обращая на себя ничего вниманія. Одни иностранцы съ горькимъ изумленіемъ останавливаются предъ этими контрастами. Англичане проходятъ мимо ихъ не морщась, не моргая глазомъ.

Между прочимъ меня крайне удивляло отсутствіе Англичанъ въ клубахъ въ родѣ анархистскаго. Ужь если говорить о нуждѣ и притѣвленіяхъ капитализма, то нигдѣ въ мірѣ челоувѣкъ не испытываетъ такого гнета какъ въ Англіи. Казалось бы здѣсь и должно быть главное гвздо социализма всѣхъ сектъ, однако этого нѣтъ. „Рабочіе союзы“ имѣютъ совершенно иное значеніе и инья задачи. Я спросилъ Вилы, какъ онъ объ этомъ думаетъ?

— Англичане странный народъ, сказалъ онъ,—и не обыкновенно умный и слегка сумасшедшій. Практичны какъ самъ дѣволъ, они въ то же время религіозны до страсти. Отъ нужды, отъ горя и безнадежности они бросаются въ религіозныя секты, часто кельныя, грубыя, оскорбляющія душу, и

находить въ нихъ утѣшеніе. Они такъ устроены, такъ воспитаны... У каждой церкви вы видите массу аристократическихъ экипажей. Въ Европѣ церковь осталась только для простаго народа; въ Англіи большинство всѣхъ классовъ вѣрующее. Это очень важное условіе для склада ума и душевныхъ стремленій, особенно въ бѣдѣ, въ работѣ, во тьмѣ. Палъ человекъ, выбило его изъ круга, онъ ищетъ Бога и сознаетъ все ничтожество своихъ личныхъ усилій... Это я... уважаю...

Послѣднее слово Вили вымолвилъ тихо и робко покосился на меня, не смѣясь ли.

— Оттого, продолжалъ Вили,—Англичанинъ и не прельщается социализмомъ. Социализмъ—собраніе мечтаній, а ему надо сейчасъ что-нибудь живое, реальное, практично-приложимое въ данную минуту. У него времени нѣтъ на мечтательность. Говорятъ, у васъ въ Россіи совсѣмъ нѣтъ религіи въ образованныхъ классахъ, но это не отъ образованія, а отъ жиру, отъ необузданности страстей, оттого что всѣмъ кто у васъ выбивается въ кругъ мало-мальски грамотный живется легко, какъ нигдѣ въ мірѣ. Простой народъ у васъ вѣруетъ потому что онъ и свою жизнь зарабатываетъ, и паразитовъ прокармливаетъ. Ему надо Бога: люди для него не много сдѣлали. Напрасно не хотите пойти со мной въ вертелы, продолжалъ Вили:—вы нашли бы тамъ интересныхъ Русскихъ.

— Какъ? въ вертеляхъ?...

— Да... скомпрометтированные...

— Можетъ-быть, изъ толпы Society Slavonic? переспросилъ я,

— Нѣтъ, честные ребята. Я иногда чего-нибудь ловить имъ приношу туда...

— Да какъ же они туда лопали?

— Господь знаетъ. Хотите, я приведу къ вамъ одного? Они иначе не могутъ: у нихъ у всѣхъ одно платье: если одинъ выходитъ, другимъ—не въ чемъ.

— Хорошо, согласился я,—приведите.

— Только... я думаю они не поправятся вамъ...

— Почему вы такъ думаете?

— Да они смущенные... политически-смущенные... Это самые несчастные люди какихъ я знавалъ въ жизни.

— Тѣмъ лучше, приведите.

Что означало на языкѣ Вили „политически-смущенные“, я еще не понималъ ясно. Я вѣрилъ ему вполнѣ что это дѣйствительно должны быть честные люди, иначе Вили не кормилъ бы ихъ изъ своихъ ничтожныхъ заработковъ; но ихъ положеніе и меня смущало: какъ ни жестока судьба интеллигентнаго Россіянина на чужой сторонѣ, какъ ни комичны и нерѣдко трагичны его приключенія, а все же я не допускалъ мысли чтобъ онъ спустился до вертела. И что это за новый терминъ „политическое смущеніе“?... Въ Россіи я еще не слышалъ этого, и потому вдвойнѣ былъ заинтересованъ предстоящимъ знакомствомъ „со смущенными“.

Однажды вечеромъ Вили привелъ ко мнѣ такого Россіянина. Это былъ молодой человекъ, черномазый, худенькій, съ блѣднымъ осунувшимся лицомъ, какъ будто оробѣвшимъ, съ короткою щетинкой на головѣ, съ ярко-блестящими, словно озлобленными, глазами. Онъ вошелъ въ ледѣ поверхъ сюртука и не снималъ его, очевидно, стараясь закрыть бѣлье. Назвался онъ Бобровымъ, ни малѣйшей грубости, одичалой развязности не обнаруживалъ, говорилъ уклончиво, но спокойно, безъ раздраженія, безъ трескучихъ фразъ, и вообще производилъ впечатлѣніе примиряющее. Но у меня предубѣжденіе именно противъ такихъ людей. Богъ знаетъ почему они представляются мнѣ наиболее опасными. Конечно, это вздоръ, какъ и всякое предубѣжденіе, но я знаю почему оно сложилось во мнѣ и въ послѣдствіи объясню. Разговориться съ нимъ было трудно. Чуть не на каждый вопросъ мой, обращенный прямо къ нему, онъ указывалъ на Вили и прибавлялъ:

— Онъ же говорилъ вамъ все...

Я рѣшился спросить его прямо:

— Почему Вили называетъ васъ смущеннымъ? Пожалуйста, объясните мнѣ, что это значитъ?

— Ну, это не такъ легко... объяснить. Я дѣйствительно смущенъ, Вили правъ, и пріятели мои смущены, насъ здѣсь четверо... Я думаю и въ Россіи множество людей смущены...

— Да почему же? Что за причина?

— А первое марта...

Я съ большимъ любопытствомъ глядѣлъ на него.

— Видите ли, этого незнакому не вѣлья объяснить: это

дѣло нутра, души что ли по-вашему... Когда-нибудь узнаете...

— А можно придти къ вамъ?...

— Можно... Да нѣтъ... лучше ужъ я самъ приду къ вамъ...

На томъ порѣшили и разошлись. Я не посмѣлъ предложить ему помощь и поручилъ это Вили. Черезъ недѣлю онъ зашелъ ко мнѣ одинъ, и мы за чаемъ разговорились свободнѣе. Онъ отвѣчалъ охотно.

— Извольте видѣть, говорилъ Бобровъ:—я и мои товарищи скомпрометтированы въ Россіи на лустакахъ, серьезнаго нѣтъ за нами ничего... Толкались по кружкамъ, книжки читали, пролагандировали... Все это чепуха, мелкота... Гуляли съ фальшивыми видами... ну, все какъ водится. Кой-кого изъ нашихъ сгребли, разсвали по секретнымъ... Очень ужъ большое значеніе тогда придавали нашему брату. Насъ тоже къ допросу поволокли, нашли шифръ, переписку съ заграничными... Ну и началось тутъ обычное: „откройте“ да „откройте“... А что открывать?.. Нечего... Такъ нѣтъ, имена подай соучастниковъ... Вотъ и говорю это я прокурорчику-то: на что вамъ имена? какихъ соучастниковъ? Вамъ за это крестъ дадутъ, а мнѣ вожикъ въ горло—покорно благодарю... Совсѣмъ неподходящая позиція. Настроили протоколовъ, и все это „въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ“. Тогда мода была на такія формулы: „покушеніе на низверженіе существующаго порядка въ отдаленномъ будущемъ“. Что это означало, я до сихъ поръ не понимаю. Разумѣется, злость; раздражали, изводили изморомъ... Никто не хотѣлъ вникнуть, понять, почему люди пошли низвергать въ отдаленномъ будущемъ... Всякая мелюзга невѣжественная, полудикая, совершенно не понимавшая съ какимъ сложнымъ психическимъ явленіемъ ей приходилось имѣть дѣло, комкала живьемъ это явленіе въ готовую форму: „низвергалъ въ отдаленномъ будущемъ“, и спроваживала это явленіе въ мѣста болѣе отдаленныя. Образование-то наше, правда, не велико, но все же мы хоть что-нибудь знали по дѣлу низверженія, знали нѣкоторыя доктрины социализма, а судьбы наши вѣрялись людямъ которые ровно ничего не знали, кромѣ мѣстъ отдаленныхъ, да грубаго вымогательства полицейскихъ „открытій“. Мы не могли не сознавать своего превосходства надъ ними и разумѣется страдали отъ униженій, отъ произвола, отъ дикости. Друзья, братья, сестры гибли въ ссылакахъ за такое же „низверженіе въ

будущемъ“, ихъ гибель не допускала и насъ до оправданія, поддерживала упорство убѣжденія. Не солидарность, а стадность чувства, что-то сентиментальное... Раскаивіе, отреченіе никому и въ голову не приходило, да и въ чемъ раскаиваться коли низвергалъ въ отдаленномъ будущемъ? Слова нѣтъ, всѣ наши убѣжденія были начитанныя, принятыя на вѣру, какъ религіозный догматъ, а жизнь практическая, для большинства изъ насъ недоступная, рядомъ сплошныхъ безобразій, еще больше насъ озлобляла. Агитация, руководившая революціоннымъ движеніемъ, твердила о невозможности примиренія, разжигала страсть мести за все что приходилось терпѣть, и мы сами не видѣли, не находили другаго исхода: все равно, насъ затрели бы на подозрѣніяхъ... Значитъ надо было идти дальше, на кровь... Терроръ тогда еще не начинался, да намъ и не вѣрилось что до этого дѣла дойдетъ. Надъ Ткачевымъ, который впервые заговорилъ якобинскими ужасами, мы смѣялись какъ надъ рехнувшимся. Мы вѣрили въ лобъду убѣжденія; воображали что за нами громадное большинство всей либеральной интеллигенціи, что и мыслить иначе нельзя какъ по-нашему... Много было колючихъ ухарства, наглыхъ вызововъ, ребяческой заносчивости, а вѣдь въ душѣ-то все-таки была какая-то мысль. Дурно ее ловимали, уродовали, доводили до крайнихъ нелѣпицъ, да вѣдь такова судьба всякой новизны...

— Вы напрасно приискиваете оправданіе вашей мысли. Скажите лучше какъ шло ваше личное образованіе въ то время?

— Казенное образованіе, разумѣется, по боку; началось свое, читательское. На экзаменѣ срѣзался, да и къ чему былъ экзаменъ, коли основныя начала социальнаго переворота были вполне усвоены? Къ тому же презирать казенное образованіе считалось похвальнымъ молодецествомъ, дѣломъ большого ума. Презрѣніе это намъ внушалось самими преподавателями, журналистами, кружковыми проповѣдниками. Очутися на улицѣ, а на улицѣ требовалась работа, умѣнье, знаніе — ничего этого не было. Въ головѣ оставалась одна свобода отъ этого груза и въ этой свободѣ носилось одно сознаніе въ самомъ себѣ какого-то высшаго существа, предназначеннаго всѣмъ прошлымъ спеціально къ тунеладству. Лишенія, нужда, неудобства и всевозможные позывы къ

сладкому, все это удивительно больно трогало насъ. Каждое личное, дряненькое несчастіе представлялось мировою несправедливостью... И странно, гдѣ это мы могли извѣститься до такой тонкости ощущеній?.. Дома кажется насъ не баловали, и поролы въ сласть, и кормили чуть не желудами, а то и во все нечего было ѣсть; а тутъ, какъ ворвались въ школу, дай-подай намъ всего хорошаго, что на мужицкой шкурѣ растетъ! Потому мы уже интеллигентъ... И вѣдь никого не смущало, не безлокоило это фальшивое заступничество за народъ, да и телерь мало кого безлокоить... Вѣдь всѣ эти идеальныя бредни осчастливить народъ въ сущности только къ тому и сводились какъ бы поглубже залустить въ народную шкуру свои интеллигентныя зубы, да урвать клочъ ложирья. Это инстинктивно, безъ умысла. Залусканіе зубовъ въ мужицью шкуру и крокодиловы слезы надъ этою шкурой, — Богъ мой, да вѣдь это дѣлая программа нашего русскаго радикализма, полнѣйшее возрожденіе крѣпостнаго права, болѣе ужаснаго и гнуснаго... Тогда мы этого не понимали, мысль терлась въ лустозвоствѣ дикаго нахальства, въ побѣдосныхъ оргіяхъ либерализма... Мы глупо сдѣлали что слишкомъ ужъ бойко перескочили въ практику и повѣрили въ ближайшіе моменты революціи, когда шкура нераздѣльно, всецѣло перейдетъ въ наше обладаніе и мы одни учнемъ терзать ее въ полную сытость. Это было заблужденіе, недомысліе: шкура влоть до свѣтопреставленія останется въ общемъ владѣніи...

— Въ этомъ-то и заключается ваше смущеніе? спросилъ я.

— Нѣтъ, это резюме, такъ-сказать, всѣхъ теоретическихъ увлеченій, обдуманное по обыкновенію поздно, когда уже не было возможности исправить дѣло.

— Отчего не было возможности?

— А видите ли, во имя попользованій къ комфорту и всему сладкому, что на мужицкѣй шкурѣ произрастаетъ, я не только не пожелалъ подвергнуться наказанію, сравнительно ничтожному, но тотчасъ же бѣжалъ за границу и такимъ образомъ далъ понять прокурорчикамъ что я и въ отдаленномъ и въ ближайшемъ будущемъ съ полнымъ удовольствіемъ готовъ сдѣлать имъ лакомство, по меньшей мѣрѣ „надѣлать хлопотъ“, а вѣдь эти господа хлопотъ не любятъ: только жалованье да награды. Такимъ образомъ положеніе было испорчено неисправимо. Другое дѣло еслибы милѣ-

сердіе, прощеніе зависѣло отъ большой власти, отъ людей способныхъ понимать какъ дѣлаются ошибки и глупости,— повѣрьте, никогда не дошло бы дѣло до террора. Но мелкота, эти крошечные механизмы, щемящіе Русь по всѣмъ ея суставамъ, ради извлеченія изъ нея пищевыхъ продуктовъ, эти усердаки, вицмундирная тля, терзающіе вась наравнѣ съ казенными клопами, развѣ они способны понять?.. да развѣ они смѣютъ понять? развѣ они простятъ хоть одинъ записанный ими протоколъ?... Напротивъ, они ловили „политическаго“ какъ лакомую добычу и занимались исключительно преувеличеніями: найдутъ какую-нибудь глупенькую книжонку и воображаютъ уже цѣлый заговоръ на государство.

— Ну а за границей чтò же? спросилъ я.

— Ну, тутъ килитливость мести разрослась до бѣшенства, да и чтò же оставалось? Начали палить... Въ Россіи пальба, а здѣсь злорадное торжество, и каждый новый выстрѣлъ, казалось, приближаетъ роковую развязку.

— Какой именно развязки вы ожидали?

— Конечно, революціи. Мы въ революцію вѣрили такъ же прочно какъ въ завтрашній день. Думалось, невозможно чтобъ ея не было и именно въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

— На чемъ же была основана ваша вѣра?

— На чемъ? да развѣ объ этомъ мы спрашивали самихъ себя! Казалось и народъ расположенъ къ возстанію, и либеральство поддакиваетъ да подзадориваетъ, и экономическія условія все хуже да хуже, и наши начали палить: все складывалось въ пользу революціонныхъ иллюзіи, нельзя было не вѣрить.

— Вы конечно попали въ кружокъ террористовъ?

— Нѣтъ, не попалъ, но это еще хуже, потому что успѣхи террористовъ сдѣлали то что всѣ другіе кружки покорились имъ ради моды, изъ раболѣпства предъ успѣхомъ и волеи-неволей всѣ сдѣлались террористами. Другихъ теперь нѣтъ.

— Какъ же вы понимали революцію? Чего ждали отъ нея?

— Разумѣется, сладкаго. Вотъ тутъ-то, во время пальбы-то, я и началъ пронизывать себя анализомъ, почему это я сталъ такимъ кровожаднымъ анархистомъ?

— Чтò же?

— А вотъ чтò: волевыхъ, анархизмъ оказался напускнымъ, вышшимъ, какъ вывѣска подъ которою еще можно было гнѣздиться и вѣсть готовое. Вотъ-то, онъ былъ для насъ

необходимостью, неизбежностью, именно благодаря тонкости нашихъ ощущеній ко всякому неудобству. Куда же больше дѣваться? Въ Россію на покаяніе? Да развѣ можно было вѣрнуть въ услѣхъ покаянія? Развѣ не пропадалъ каждый самымъ позорнымъ образомъ если возвращался и просилъ пардону? Развѣ не отдавали его на шельмованіе цѣлаго міра? Здѣсь у террористовъ худо ли, хорошо ли, но своего не выдаютъ: есть хоть тѣнь какой-нибудь партійной честности...

— Вы говорите что такъ прочно вѣрили въ революцію.

— Вплоть до 1го марта.

— Какое же значеніе имѣло 1е марта въ вашихъ воззрѣніяхъ?

— Я, изволите видѣть, первый разъ въ моей жизни сконфузился. Всякое торжество побѣды какъ рукой сняло.

— Отчего собственно вы сконфузились?

— Должно - быть оттого что очень желалъ цареубійства, а когда оно случилось, я почувствовалъ какое-то горькое уязвленіе, нѣчто хуже раскаянія: въ раскаяніи нѣтъ ничего позорнаго, а тутъ именно чувствовался позоръ, какое-то заплеванное униженіе, сквозь которое трудно, стыдно было глядѣть на міръ. Злость къ царю была также съ вѣтру навѣяна, чувство фальшивое, искусственное, а когда его убили, стало жалко и позорно за самого себя. Позоръ казни цареубійцъ не могъ быть ядовитѣе того что ощущали мы здѣсь... то-есть я о себѣ говорю... Другіе торжествовали, злорадничали, ревѣли цѣлымъ недѣля, но это вздоръ, маска. Сконфужены были рѣшительно всѣ... даже головорѣзы съ безсмысленнымъ недоумѣніемъ хлопали глазами, не понимая что такое произошло и что еще будетъ... Мы здѣсь полагали что въ Петербургѣ уже и новое правительство провозглашено тотчасъ же за цареубійствомъ, и коммуна нашихъ вступила въ оправданіе правосудія надъ приверженцами монархіи, и что народъ, въ особенности народъ, расправляется со своими притѣснителями...

— Народъ дѣйствительно кое-гдѣ расправляется, замѣтилъ я:—возлѣ меня, на Дворцовой площади, стояла кучка цѣлителей въ пладахъ, и когда флагъ на дворцѣ опустился, а хотѣлъ уходить; народъ еще не дождавъ что значить флагъ что спустили на дворцѣ. Въ эту минуту господа въ пладахъ что-то замѣтили вслухъ, и вдругъ словно изъ земли выросъ

мужчина и ревулъ: „бей въ коврахъ“! И начали бить „въ коврахъ“...

— Да... Не удалось! задумчиво проговорилъ Бобровъ: — нить порвана, нельзя дальше тапуть.

— Види мнѣ говорилъ что вы съ товарищами живете гдѣ-то въ трущобахъ?

— А куда жь дѣваться? Въ террористы мы не годимся, отказались, извѣрились...

— Да вы бы похлопоталъ въ посольствѣ чтобы въ Россію васъ вернули...

— Въ сомылку-то? Покорно благодарю... Здѣсь хоть въ нуждѣ, да на волѣ... Нѣтъ, туда ужь не пойдемъ; если и общей амнистіи дождемся и тогда не пойдемъ...

— Да почему же?

— Запрутъ... по подозрѣнію запрутъ...

VI. Дѣдушка.

Лѣтъ семь тому назадъ въ Женевѣ я познакомился съ однимъ изъ интереснѣйшихъ революціонеровъ-систематиковъ. Въ то время онъ былъ моднымъ авторитетомъ и чуть ли не единственнымъ провозвѣстникомъ „научнаго социализма“. Ему поклонялись, удивлялись, и самъ онъ такъ бережно, почтительно обращался со своею особой, такъ привыкъ къ куреву общаго „уваженія“, такъ свято вѣрилъ въ свою непогрѣшимость, что казалось никакая другая среда, никакой другой образъ мыслей для него рѣшительно невозможны. Жилъ онъ въ Женевѣ какъ старый котъ на покой, конечно не бѣдствовалъ и лучше всякаго помѣщика собиралъ оброки съ крѣпостныхъ мысли и убѣжденія. Заслонясь „общимъ дѣломъ свободы“, онъ безпрепятственно исполнялъ всѣ свои либеральныя повадки, обличалъ всѣ несовершенства нашей домашней безурядицы, и дѣло шло довольно прибыльно, обличенія раскупались, распространялись въ кружкахъ и стали даже предметомъ полицейскихъ преслѣдованій. Въ то время почти всѣ эмигранты-Россіяне были на этотъ локрой. Превращеніе брошюръ въ деньги, эксплуатація ребяческаго легковѣрія революціоннымъ шарлатанствомъ, такова была „политическая программа“ этихъ господъ. Кружокъ подобныхъ дѣателей, ничтожный самъ по себѣ, находилъ сильную, по временамъ

страстную поддержку въ печати, цѣлявшейся за хвостъ эмиграціи, ради желанія показать что вотъ-де и мы—тоже оппозиція. Это либеральное прихвостничество за рядами „передовой“ эмиграціи въ свое время производило впечатлѣніе и служило лутеводною звѣздой колеблющимся, не установившимся умамъ сбитымъ съ толку разными „новыми словами“. Нечего и говорить что эта лутеводная звѣзда очень скоро оказалась болотнымъ огонькомъ, завлекшимъ вѣрующихъ въ непролазные трясины. На младенческой гибели строилось тунейное благопоучіе „просвѣтителей“.

Мой женевскій знакомецъ Николай Николаевичъ (его всѣ звали по имени и отчеству) принадлежалъ къ числу людей неудоболюпытныхъ. Онъ былъ слишкомъ уже старъ для дѣтскихъ увлеченій, сознавалъ весь вздоръ этихъ увлеченій и самъ же ихъ вызывалъ и раздражалъ, посмѣиваясь себѣ въ бороду. Издаваемые имъ брошюры „о русскихъ дѣлахъ“ были наполнены ложью, и онъ самъ не стыдился объ этомъ говорить. Слухъ, слепота, собственное воображеніе были для него достовѣрнѣйшими источниками и корреспондентами изъ Россіи. Сидѣлъ онъ въ кабацкѣ и сочинялъ о томъ что дѣлается въ Россіи. Въ Женевѣ на это смотрѣли снисходительно, находя что всякая ложь противъ правительства и порядка по меньшей мѣрѣ либеральна и нужна какъ вызовъ молодому поколѣнію на „борьбу со зломъ“. Одного не могли простить старичку: всѣ пожертвованія поступали къ нему, а онъ проѣдалъ и проливалъ ихъ нераздѣльно. Поклонялись ему такъ довольно долго и дружно. Либеральныя маменьки привозили къ нему на поклоненіе своихъ дочерей, посвящали ихъ на служеніе народу. Коротче сказать, старичку было не житье, а масляница. И вдругъ въ одинъ прекрасный день его ластва взбѣсилась и вмѣсто жертвоприношеній начала левать и орать: „Какой ты авторитетъ? Ты старый колпакъ, не революціонеръ!.. ты сентиментъ! ты постелеповецъ! ты безкровникъ! Подай сюда наше знамя и убирайся...“ Старичокъ подавъ знамя и убрался съ тою благородною провѣей съ какою лисица отходила отъ незрѣлаго винограда.

Выступили якобинцы. Начался рядъ убійствъ, завершившійся 1 марта. Старичокъ со своею революціонною систематикой совсѣмъ ступежался, затерся. Его даже трудно было найти: сбѣжалъ въ Парижъ и, сидя въ поднебесной мансардѣ,

попрежнему сочинялъ революцію промежь себя. Дѣла якобинцевъ зашли уже очень далеко. Ихъ успѣхъ отбилъ послѣднихъ поклонниковъ у старичка, и вскорѣ нельзя уже было встрѣтить человека который раздѣлялъ бы его убѣжденія. Всѣ сдѣлались террористами. Не говорятъ объ убѣжденіяхъ, а прямо требуютъ болвана-исполнителя. Культъ крови установился быстро и прочно. Большинство, стадо, не развиваетъ уже никакихъ „идей“; озвѣрѣло окончательно. Оно только мечтательно бормочетъ: „хорошо бы убить такого-то“. Главная задача поддерживать обаяніе террора надъ правительствомъ и обществомъ.

Каково же было мое удивленіе когда въ *Society Slavonic* я встрѣтилъ Николая Николаевича. Точно кровавый водопадъ бурлил и клокоталъ на эстрадѣ, бросая въ пространство грозные, рѣшительные приговоры къ смерти, не щадя никого и ничего. Весь клубъ ему дружно аплодировалъ, и самъ онъ, раскраснѣвшійся, взволнованный до слезъ, ревелъ какъ быкъ разъяренный, болтая сѣдою головой и руками. Я думалъ онъ съ ума сошелъ: такъ необыкновенна казалась мнѣ въ немъ эта кровавая проповѣдь.

Мы встрѣтились какъ старые друзья и немедленно изъ клуба отправились въ „заведеніе“.

— Что съ вами, Николай Николаевичъ? спросилъ я.— Какими судьбами вы, злѣйшій врагъ террора, превратились въ такого неумолимаго приверженца крови? Что случилось? Гдѣ же ваша „наука“ о революціи?

— Все рухнуло, топ шег! Да и какая жъ наука не отступила бы предъ просвѣтлѣніемъ 1го марта... Нельзя уже... Что же еще?.. Слово разума по боку... Динамитъ, вотъ убѣжденіе въ которое можно вѣрить. Понимаете, послѣ такихъ завоеваній террора, какъ-то совѣстно оставаться въ сторонѣ, не у дѣлъ... У всѣхъ такіе грандіозные планы, ожиданія, надежды... Знаете, я полагаю возможнымъ взорвать весь Петербургъ... По вычисленію нашихъ инженеровъ, достаточно тысячи пудовъ... Вы только представьте себѣ эту картину: весь Петербургъ, всю табель о рангахъ... вѣдь это грандіознѣе Пероновскаго Рима... Можно на этотъ случай выѣхать въ какое-нибудь чухонское болото и воспѣвать паденіе Трои... О, Перовъ, понимаю тебя! великій, гордый духъ презрѣнія къ человѣческому ничтожеству со всѣми его табелями о рангахъ, съ кровавою лыщностью деспотовъ поработеннаго народа...

— Дѣдушка, да вы попроще, перебилъ я;—вѣдь это уже въ декламацию пошло...

— И все это взорвать разомъ!.. Какихъ-нибудь тысячу лудовъ заложить, и всѣ эти казенные салоны, казенныя души со всею подлостью интригъ взлетятъ на воздухъ!.. Россія очистится отъ кокарднаго племени, отъ жишовщины, отъ интеллигенціи... Останется народъ чистый, нелогрѣшимый, разумный... Тогда уже легко въ провинціи передавать на фонарныхъ столбахъ всякую административную мелюзгу и начать эру самовластія!.. Чтѣ? вы думаете это мечта, сумасбродство, невозможность?.. Тысячу лудовъ динамита, десяткъ фитилей со всѣхъ концовъ, и казнь готова, и какая казнь, какое зрѣлище! Царство надменной пошлости, блестящаго деспотизма и глулости, цѣлый миллионъ кровожадныхъ паразитовъ разлетается по вѣтру прахомъ, и народъ приноситъ благодарственныя молитвы во храмахъ за избавленіе отъ тираниіи... И тотчасъ же на Вознесенскомъ проспектѣ провозглашаемъ новое правительство...

— Постоите, дѣдушка, какъ же это на Вознесенскомъ проспектѣ, коли весь Петербургъ хотите взорвать?

— Ну, все равно, гдѣ-нибудь на Подъяческой, по близости... Дѣло не въ томъ... Важно теперь устроить динамитный заводъ и выработать тысячу лудовъ... Важно заложить, понимаете, приготовить все...

— А помните, вы говорили что переворотъ будетъ безъ революціи, безъ потрясенія, всего двадцать шесть душъ вы требовали?

— Да, это было плохо разчитано... по меньшей мѣрѣ надо весь Петербургъ... Снять съ географической карты это грязное пятно, и дѣлу конецъ...

— Почему вы такъ презрительно злы только на Петербургъ? Вѣдь и въ другихъ мѣстахъ отечества не слаще.

— Да, но тамъ уже мелкота, тамъ можно прикрикнуть: цыцъ! брысь! что-нибудь въ этомъ родѣ. А Петербургъ... это импровизація савонниковъ, это фабрика государственныхъ скоросѣлокъ, это изумительно потѣшное зрѣлище канцелярскаго шутовства...

— Постоите, дѣдушка, я не понимаю, въ чемъ дѣло.

— Это больница всѣхъ головоскорбачихъ, это сумасшедшій домъ въ видѣ-мундиръ, это скопище пустыхъ савонновъ, изъ которыхъ давно вывѣтрался прахъ, составлявшій душу,

это гнѣздо интеллигентной чумы... о, съ какимъ бы наслажденіемъ я засѣлъ въ чухонское болото чтобы взглянуть какъ все это превратится въ тучу грязнаго дыма и разсѣется въ воздухъ... И это будетъ сдѣлаю!.. будетъ! Тысячу лудовъ не Богъ вѣсть чтѣ такое... Наши молодцы въ мѣсяцъ приготовить!..

„Странное дѣло, чортъ возьми! думалъ я, глядя на *дъдушку*: — въ шестьдесятъ лѣтъ такая необузданность фантазіи...“

— Правда ли, дѣдунка, что 1е марта было задумано и дирижировано отсюда, изъ-за границы? Говорятъ, у васъ здѣсь центральный комитетъ, который повелѣваетъ исполнительными комитетами, и вы съ Вѣрой нѣчто въ родѣ президентъ этого судилища?

— Да, конечно... Мы знали все... Мы управляли дѣломъ... Въ принципѣ рѣшено было давно...

Одно время въ русской печати упорно поддерживалось недѣльное предположеніе что главный центръ террористической организаціи находится въ Парижѣ, въ Женевѣ, въ Лондонѣ, смотря по тому гдѣ больше бушевали нигилисты. Несомнѣнно однако же что Софьянъ кружокъ весь налицо былъ въ Петербургѣ задолго до 1го марта и никакихъ связей съ иностранными революціонерами не имѣлъ. Въ кружкахъ террористовъ-дѣятелей давно рѣшено не повѣрять своихъ дѣлъ и замысловъ литераторствующей братіи за границей. Террористы-дѣятели появлялись за границей уже скомпрометтированные въ Россіи на подвигахъ.

Много было также говорено послѣ 1го марта о „правѣ убѣжища“ и раздраженіе отъ возмутительнаго факта въ немалой долѣ перенесено было на Европу. Но какаѧ, спрашивается, страна можетъ дать болѣе безопасное „право убѣжища“ чѣмъ Россія? Гдѣ возможны убійства среди бѣлаго дня? Гдѣ, при какомъ изумительномъ благополучіи, возможно исчезновеніе Кобызева изъ Малой Садовой? Такіе вопросы ставятъ сами террористы, издѣваясь надъ безпробуднымъ оцѣлѣвѣніемъ нашей стражи. Въ сущности, во всѣхъ подвигахъ террористовъ было столько же дерзости сколько расчета на ротоустройство. Дерзость — убить человѣка среди бѣлаго дня въ Лондонѣ, въ Парижѣ, но не въ Петербургѣ. Ни въ одномъ изъ заграничныхъ городовъ, гдѣ гнѣздятся нигилисты по „праву убѣжища“, не было ни одного „загадочнаго“ убійства,

ни одного покушенія. Это не случайность, а невозможность. Въ Лондонѣ, напримѣръ, въ первый же день прибытія одного изъ нашихъ головорѣзовъ, разумѣется, подъ псевдонимомъ, къ нему является полиціантъ и объявляетъ: „Мы знаемъ кто вы и что сдѣлали въ Россіи. Пока вы не заявите себя здѣсь преступнымъ скандаломъ, вы въ безопасности“. И только. Мѣняйте каждый день имена и квартиры, полиція никогда не улуститъ васъ изъ виду и никогда не скомпрометируетъ, ради тулаго бахвальства своею властью или усердія въ подозрѣніяхъ. Ни паспортновъ, ни прописокъ, а всѣхъ знаютъ, всѣхъ мгновенно находятъ. До какой степени „находятъ“, разкажу случай бывшій съ моимъ пріятелемъ. Выйдя изъ оперы ночью, онъ заблудился и не могъ назвать ни улицы, ни отеля гдѣ жилъ. Онъ—ни слова по-англійски, полиціантъ ни по-французски, ни по-нѣмецки. Никакое объясненіе невозможно. Полицейскій отвелъ его въ свою квартиру, далъ прекрасную постель, уживъ, пила, утромъ кофе, нанялъ кебъ по адресу моего пріятеля квартиры и подалъ ему счетъ, по которому я уплатилъ четыре шиллинга. Ручаюсь что въ Петербургѣ такой случай невозможенъ; или васъ изобьютъ, или вы изобьете, только отъ непониманія другъ друга, затѣмъ участокъ, кутузка, протоколъ, скандалъ, и все-таки у васъ же будутъ спрашивать, гдѣ именно живете, и въ счастливомъ случаѣ скажутъ: „да чортъ съ тобой“, и бросятъ безъ помощи на улицѣ.

Однако, я отвлекся отъ моего дѣдушка.

— Такъ какъ же, дѣдушка, спросилъ я,—будете взрывать Петербургъ?

— Взорвемъ! Я вижу, вамъ это кажется нелѣпою мечтой, невозможностью; а развѣ 1е марта казалось кому-нибудь возможнымъ? Нѣтъ; возможность стала понятною, когда уже фактъ совершился, не раньше. То же самое и теперь. Дайте мнѣ тысячу пудовъ динамита да десятокъ ребятъ, и черезъ мѣсяцъ отъ вашего Петербурга и памяти не останется.

— Значить, вы тысячи пудовъ динамита, вы десятка ребятъ у васъ нѣтъ если вы не можете удовлетворить такого страстнаго желанія?

— Къ несчастію нѣтъ. Все тамъ въ Россіи.

— Но зачѣмъ же взрывать, дѣдушка? Прежде, я помню, вы были прекраснымъ реформаторомъ и на дѣло смотрѣли гораздо шире, всестороннѣе. Почему вы такъ пристрастились къ террору, отбросивъ всякое творчество?

— Безнадежно, mon cher, безнадежно! Самъ вижу что заблуждался. Никакія теоріи не спасутъ Россію: ее можетъ спасти одно поголовное истребленіе табели о рангахъ съ основанія до вершины, все долой! Ужь если *такой* Царь погибъ, значитъ сама справедливость требуетъ чтобы все за нимъ погибло... вся табель о рангахъ...

— Почему вы такъ ударяете: *такой*?

— Все отрицаю и все отрицаю, а Царь—великій баялъ челоуѣкъ, и великую смерть ему судьба послала! Завидно каждому такъ умереть. „Наши“ все-таки дураки: политическій расчетъ партіи не требовалъ такой жертвы... Перехолопили!..

— Какъ же вы думаете, дѣдушка, ну взорвете вы Петербургъ, табель о рангахъ,—что же дальше?

— Народовластіе... самовластіе, mon cher! Смѣю думать, мы достаточно поколебали привиліи царизма, еще ударъ, другой...

— Да постоитъ, вы сами же говорите: перехолопили, зачѣмъ же еще-то перехолопливать?

— Для послѣдовательности это необходимо. Послѣдовательность—важное дѣло! Предъ нею всѣ теряются, мозговъ не могутъ собрать, остаются обезоруженными. Не правда ли что Россія значительно оглухла со времени преслѣдованій социалистовъ... Это всѣ замѣчаютъ, всѣмъ бьетъ въ глаза оглувленіе.

— Оглувленіе дѣйствительно замѣтно, но не въ Россіи, а въ петербургскихъ кружкахъ не имѣющихъ ничего общаго съ Россіей.

— Потому что вся честная интеллигенція въ ссылки... всѣ мыслящіе люди въ тюрьмахъ. Осталось одно тулоушье да подлость, табель о рангахъ, для удовлетворенія которой теперь требуется тысячу пудовъ динамата: Это не легко тысячу пудовъ! Это задача... Динамитъ-то теперь ребята съ заводовъ по золотникамъ крадутъ какъ золото. Вѣдь это не то что пришелъ двадцатаго числа да расписался: получилъ слова.

— Скажите лучше, дѣдушка, что вы думаете о конституціи въ Россіи?

— Конституція? Прекрасно! давайте сюда конституцію!... Говорятъ, петербургская аристократія на насъ сердится за то что и мы въ нѣкоторомъ родѣ конституціонны скомпрометтируемъ ее солидарностью. Ничего, не повредитъ... Пусть только больше лутаницы будетъ.

— Постоите, да какой же смыслъ увеличивать путаницу, коли поздно или рано придется же въ ней разбираться?

— Никогда не придется... Пусть сходятъ съ ума, а мы тѣмъ временемъ тысячу лудовъ заложимъ. Въ чемъ тутъ разбираться? Коротко и ясно. Впрочемъ что жь, мы и въ парламентъ пойдемъ: знаніе, талантъ, смѣлость, во всякомъ случаѣ за вами, лицомъ въ грязь не ударимъ. Пожалуй согласимся вести борьбу и безъ динамита, на легальной почвѣ: народъ-то безъ сомнѣнія станетъ за нашу программу, а обѣщать народу мы можемъ рѣшительно все безъ границъ.

— Потому что ничѣмъ не владѣете?

— Да, пожалуй, и потому. А все-таки мое мнѣніе: лучше взорвать табель о рагахъ, тогда ужь навѣрно будетъ что-нибудь новое и можетъ не такое гнусное. Читали вы генеральское-то положеніе?

— Какое генеральское положеніе?

— Генералъ написалъ „наше положеніе“, брошюрочка изъ Штутгарта, въ письмахъ.

— Читалъ.

— А выпалилъ генералъ мѣтко, ухъ, мѣтко! прямо въ ээіолскія-то язвы картечью пустилъ. Жестоко, безжалостно выпалилъ... А все же мой проектъ лучше, проще и дешевле. Что тамъ упразднять, сокращать, реформировать, изъ навоза конфеты дѣлать. Заложить тысячу лудовъ, и каждый по справедливости свое получить. На всѣхъ станетъ въ полное удовлетвореніе. Главное—заводъ, заводъ устроить.

— Да неужели вы это серьезно думаете? спросилъ я.

— И очень даже серьезно, отвѣчалъ дѣдушка.

На этомъ мы и прекратили нашу бесѣду.

Н.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Исторія Русской Церкви. Макарія, митрополита Московскаго и Коломенскаго. Томъ XI. *Патріаршество въ Россіи.* Книга II. С.-Петербургъ, 1882.

Недавно вышедшій изъ печати XI томъ исторіи отечественной Церкви московскаго архиластыря посвященъ судьбамъ православія на Руси въ первой половинѣ XVII вѣка. Уже самая эпоха изображаемая нашимъ знаменитымъ церковнымъ историкомъ возбуждаетъ высокій интересъ къ его новому труду. Это—время управленія патріарха Филарета Никитича и двухъ его преемниковъ въ Восточно-Русской Церкви и второе двадцатипятилѣтіе борьбы православія съ унией въ Западно-Русской, то-есть то самое время когда Московская Русь только-что пережила страшное время междоударствія и Западная Русь стала стремиться къ освобожденію отъ польско-католическаго владычества. Кому неизвѣстно какое высокое значеніе имѣетъ дѣятельность Православной Церкви въ эту эпоху не только въ религіозномъ отношеніи, но и въ дѣлѣ нашего государственнаго строенія?

Ни обширность изслѣдованія, ни его спеціальность не лишаютъ новый трудъ досточимаго автора характера доступности для большаго круга читателей неспеціалистовъ. Въ немъ удивительно сочетаніе глубокой учености съ изящною простотой и прозрачною ясностью изложенія.

Не имѣя возможности подробно ознакомить читателей съ богатымъ содержаніемъ вышедшей книги, ограничимся немногими частными указаніями. Въ первой половинѣ ея, посвященной Московскому патріаршеству, особый интересъ возбуждаетъ глава описывающая дѣятельность патріарха Филарета Никитича. Минувя первая страница изображающія какъ юный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ съ народомъ встрѣчалъ подъ Москвой земнымъ локономъ и слезами своего родителя, на котораго смотрѣли какъ „на мученика пострадавшаго за отечество и за православную вѣру отъ Поляковъ“, а также его избраніе на патріаршій престолъ, освобожденіе невинныхъ страдальцевъ за исправленіе церковныхъ богослужебныхъ книгъ, въ числѣ коихъ былъ знаменитый архимандритъ Троицкой Лавры Діонисій, и вообще дѣятельность Филарета на пользу церкви, приведемъ только слѣдующія мѣста, характеризующія этого замѣчательнаго дѣятеля.

„Значеніе московскаго патріарха въ лицѣ Филарета Никитича, говоритъ авторъ, достигло такой степени какой оно не достигало никогда, ни прежде, ни послѣ. Онъ былъ не только патріархомъ, но и великимъ государемъ, не по одному имени, а въ дѣйствительности. Онъ содарствовалъ своему сыну и вмѣстѣ съ нимъ правилъ государствомъ. Поданные писали и подавали свои челобитныя не одному царю, но вмѣстѣ и великому государю, святѣйшему патріарху; бояре дѣлали свои доклады о государственныхъ дѣлахъ предъ царемъ и патріархомъ; многіе указы издавалъ царь, многія грамоты жаловалъ не отъ своего только имени, но и отъ имени отца своего, великаго государя и патріарха. Иностранные послы представлялись царю и патріарху вмѣстѣ въ царскихъ палатахъ, а если почему-либо патріархъ тамъ не присутствовалъ, то представлялись ему особо въ патріаршихъ палатахъ, съ тѣми самыми церемоніями какъ прежде представлялись царю. Изъ переписки какую вели царь и патріархъ, когда одинъ изъ нихъ отлучался изъ Москвы на богомолье, видно

что они извѣщали тогда другъ друга о текущихъ государственныхъ дѣлахъ и спрашивали другъ у друга совѣта; что царь охотно принималъ совѣты своего отца, а иногда отдавалъ на его волю поступать какъ признаетъ нужнымъ, и патріархъ дѣйствительно распорядился иногда по своему личному усмотрѣнію, безъ указанія царя“... „Необыкновенна была судьба патріарха Филарета Никитича, продолжаетъ историкъ. Родной племянникъ царя Ивана Васильевича IV и двоюродный братъ царя Θεодора Иоанновича, онъ насильно сосланъ былъ въ монастырь Борисомъ Годуновымъ и постриженъ, хотя потомъ и получилъ санъ ростовскаго митрополита. Много потерпѣлъ онъ отъ разбойническихъ шаекъ втораго самозванца, отстаивая свою соборную церковь въ Ростовѣ и своихъ духовныхъ чадъ, хотя вслѣдъ затѣмъ и удостоился высокихъ почестей отъ самозванца. Еще болѣе потерпѣлъ когда былъ отправленъ къ польскому королю и нѣсколько лѣтъ томился въ польской неволѣ, отстаивая съ непоколебимою твердостью интересы своего отечества. Сдѣлавшись патріархомъ и великимъ государемъ, онъ былъ твердою опорой для своего юнаго сына, опытнымъ совѣтникомъ и мудрымъ руководителемъ во всемъ, обуздая своеволие бояръ проявившееся въ первые годы царствованія Михаила Θεодоровича, укротилъ *сильниковъ* земли и укрѣпилъ и возвысилъ царскую власть.“

Менѣе интереса представляетъ по самому характеру своему дѣятельность двухъ преемниковъ Филарета Никитича, патріарховъ Иосафа и Иосифа. Первый отдѣлъ книги заключается общимъ обзоромъ состоянія Церкви, характеризующимъ различныя стороны ея жизни, хотя и не совсемъ со свѣтлой стороны.

Второй отдѣлъ книги застаётъ Западно-Русскую Православную Церковь по истеченіи перваго двадцатипятилѣтія униі (1596—1620) въ крайне печальномъ положеніи. Православная Церковь подъ конецъ этого времени почти не имѣла своей іерархіи: у ней оставался одинъ только епископъ... Съ глубокимъ сочувствіемъ авторъ слѣдитъ за успѣхами православія въ борьбѣ съ унией во второе двадцатипятилѣтіе ея существованія. „Правда, въ первые двѣнадцать лѣтъ перемѣны къ лучшему почти не замѣчалось. Польское правительство не хотѣло признать ни митрополита, ни епископовъ, тайно посвященныхъ возвращавшимся изъ Москвы іерусалимскимъ

патріархомъ Теофаномъ; напротивъ, считало ихъ самозванцами и воздвигло на нихъ сильное гоненіе, такъ что епископы не могли пребывать въ своихъ епархіяхъ и должны были скрываться. Гоненія, простиравшіяся и на всѣхъ православныхъ, отличались прежнею жестокостію и несправедливостію, потому что въ Польшѣ все еще царствовалъ прежній король-іезуитъ Сигизмундъ III и во главѣ уніи стоялъ прежній митрополитъ-фанатикъ, Веніаминъ Рутскій. Привсемъ томъ перемѣна къ лучшему въ положеніи православныхъ была несомнѣнна. На защиту православныхъ выступили казаки. Если въ Вильнѣ, Полоцкѣ и другихъ мѣстахъ правительство попрежнему угнетало православныхъ, то въ Кіевѣ и вообще въ Малороссіи, гдѣ находились казаки, этого не могло быть. Въ Кіевѣ митрополитъ Іовъ Борецкій спокойно занималъ свою кафедрю и совершалъ свое архипастырское служеніе. Онъ созывалъ соборы, разсылалъ свои посланія ко всей своей паствѣ, имѣлъ свои калитумы въ Кіевѣ. Православные дворяне безпрепятственно основывали и поддерживали монастыри въ своихъ имѣніяхъ. Съ кончиной Сигизмунда судьба православныхъ улучшилась.

„Нельзя, говоритъ далѣе авторъ, отрицать что унія продолжала распространяться. Этому какъ и прежде способствовали гоненія, которымъ подвергались православные священники и міряне за свою вѣру, отнятіе у нихъ церковей и запрещеніе строить новыя, отнятіе гражданскихъ правъ, насиліе помѣщиковъ надъ крестьянами и проч. Одинъ Рутскій, если вѣрить уніатскому свидѣтельству, обратилъ въ унію до трехъ милліоновъ православныхъ.“ Хотя уже самое объявленіе Владиславомъ свободы православнаго исповѣданія способствовало возвращенію уніатовъ, но вообще торжество православія въ этомъ періодѣ было дѣломъ великаго напряженія силъ церкви. Живыми чертами нашъ церковный историкъ изображаетъ дѣятельность борцовъ за православіе и въ средѣ ихъ знаменитаго кіевскаго митрополита Петра Могилу. „Имя его, пишетъ историкъ, одно изъ лучшихъ украшеній нашей церковной исторіи. Онъ несомнѣнно превосходилъ всѣхъ современныхъ ему іерарховъ не только малорусской, но и великорусской церкви и даже всей церкви восточной: превосходилъ своимъ просвѣщеніемъ, еще болѣе своею любовью къ просвѣщенію и своими подвигами на пользу просвѣщенія и церкви. Для своей малорусской церкви онъ оказалъ величайшую услугу тѣмъ

что отстоялъ предъ королемъ Владиславомъ главнѣйшія ея права поруганныя латинянами и уніатами, и мужественно защищалъ ее въ продолженіе всего архиепископскаго служенія; возстановилъ въ ней многое прежде неиспровергнутое или разрушенное врагами и положилъ въ ней начало для лучшаго порядка вещей. Всей Русской Церкви оказалъ великую услугу основаніемъ и обезпеченіемъ своей коллегіи, послужившей первымъ разсадникомъ (на началахъ классическаго греко-латинскаго образованія) и образцомъ для духовно-учебныхъ заведеній въ Россіи. Всей Православной Восточной Церкви тѣмъ что составилъ *Православное исповѣданіе*, принятое и одобренное всѣми ея первосвященниками и доселѣ остающееся ея символическою книгой. Современники высоко цѣнили достоинства Могилы. Самъ папа Урбанъ VIII писалъ къ нему посланіе въ которомъ величалъ его своимъ почтеннымъ братомъ и старался привлечь на свою сторону, то-есть къ принятію уніи. И даже враги православія признавали достоинства и заслуги кіевскаго митрополита.“

При всемъ безпристрастіи и объективности автора, не такими являются у него враги православія. Особенно любопытна характеристика убитаго народомъ въ Витебкѣ уніатскаго архіепископа Иосафа Кунцевича. По поводу его смерти авторъ говоритъ: „Исполнилось желаніе несчастнаго фанатика. Онъ легко могъ бы избѣжать смерти и еще, можетъ-быть, долго посвящать бы свою жизнь на служеніе Богу и той церкви которую считалъ истинною. Но онъ намѣренно искалъ себѣ смерти, увлекаемый пожиравшею его страстію во что бы то ни стало достигнуть славы мученика. И глубоко ошибся. Онъ умеръ или умерщвленъ вовсе не за вѣру которую проповѣдывалъ и которую, какъ пастырь, долженъ былъ проповѣдывать со всею ревностію, въ духѣ христіанской кротости и любви и распространять силой только духовныхъ наставленій и убѣжденій. Онъ умерщвленъ за тѣ антихристіанскія мѣры насилія и жестокости какія употреблялъ противъ православныхъ для насажденія между ними уніи. Онъ своими волюющими притѣсненіями, столько противными христіанству, довелъ православныхъ до ожесточенія и насильно заставилъ, вынудилъ ихъ совершить надъ нимъ такое страшное преступленіе. Это не смерть христіанскаго мученика, а вѣчто похожее на самоубійство; не жертва Богу, а развѣ жертва собственному самолюбію, жаждавшему непремѣнно стагать себѣ славный вѣнецъ мученичества.“

Съ особымъ вниманіемъ авторъ останавливается на дѣятельности православныхъ братствъ и западно-русскихъ школъ, распространившихъ свѣтъ образованія основаннаго на изученіи классическихъ языковъ.

Чутко также слѣдитъ онъ за нараждавшимися въ западной Руси стремленіями къ соединенію съ Московскимъ государствомъ. Посвященный патріархомъ Іереміей кievскій митрополитъ Іовъ Борецкій и его совѣтники епископы „давно уже поняли что нечего имъ ждать защиты и справедливости отъ польскаго правительства и естественно устремляли взоры свои къ единовѣрной и единоплеменной Москвѣ. Въ августѣ 1624 года Іовъ митрополитъ отправилъ въ Москву три письма, одно къ царю, другое къ патріарху, третье къ думному дьяку Грамотину съ Луцкимъ епископомъ Исаакиемъ Борисовичемъ. Во всѣхъ своихъ письмахъ митрополитъ просилъ чтобъ Исаакія свободно пропустили въ Москву, дали ему милостыни и вѣрили ему во всемъ что будетъ говорить, какъ мужу тайну царскую могущему сохранить.“ По болѣе важному дѣлу, о которомъ поручено было Исаакию доложить царю и патріарху только на словахъ, Исаакій имѣлъ бесѣду 14 января на казенномъ дворѣ, по указу государеву, съ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ, да съ думнымъ дьякомъ Грамотинымъ. Исаакию было поручено, какъ объявлялъ онъ боярамъ, бить челомъ великому государю чтобъ онъ принялъ Малороссію подъ свою высокую руку и защитилъ ее отъ Поляковъ. Но бояре отвѣчали Исаакию: „изъ твоихъ рѣчей видно что мысль эта въ васъ самихъ еще не утвердилась и не окрѣпла между вами и что казаковъ не будетъ столько чтобъ они одни могли стоять противъ Поляковъ, да къ тому жъ всею казацкое войско собирается идти моремъ на Турокъ: такъ теперь царскому величеству этого дѣла начать нельзя. Но если и впередъ вамъ будетъ утѣшеніе въ вѣрѣ отъ Поляковъ, а у васъ противъ нихъ будетъ соединеніе и укрѣпленіе, тогда вы дайте знать царскому величеству и святѣйшему патріарху, и они будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божию и васъ всѣхъ отъ еретиковъ въ избавленіи видѣть“. Исаакій сказалъ: „У насъ та мысль крѣпка; мы всѣ царской милости рады и подъ государевою рукой быть хотимъ; объ этомъ совѣтоваться между собою будемъ, но теперь боимся, если Поляки на насъ наступятъ скоро, то намъ кромѣ государевой милости дѣться

негдѣ. Если митрополитъ, епископы и войско Запорожское прибѣгнутъ къ царской милости и побѣдутъ на государево имя, то государь ихъ пожаловалъ бы, отринуть не велѣлъ, а имъ кромѣ государя дѣться негдѣ.“ Послѣ этого сношенія западно-русскаго духовенства съ Москвою не только не прекращались, но усиливались...

Въ книгѣ высокопреосвященнаго Макарія читатель найдетъ не мало подобныхъ въ высшей степени важныхъ фактовъ, частію совсѣмъ неизвѣстныхъ, частію мало извѣстныхъ.

Приведеннаго достаточно чтобы судить какъ значителенъ этотъ капитальный въ научномъ отношеніи новый трудъ нашего знаменитаго архипастыря, который съ шоческою скромностью скрылъ научный процессъ своей работы въ простотѣ автописнаго разсказа.

Н.

II.

Лоринъ. Романъ графа П. А. Валуева. 2 части.

Лордъ Беконсфильдъ или Биконсфильдъ, проложившій себѣ, какъ извѣстно, литературными произведеніями путь къ политической карьерѣ, въ концѣ которой ожидало его высшее государственное положеніе въ его странѣ, оставался литераторомъ во все продолженіе своей долголѣтней жизни. Каждый разъ когда измѣнчивое теченіе политической волны въ его отечествѣ заставляло его сходить съ министерской скамьи, онъ принимался за обычное ему дѣло беллетриста и издавалъ новый романъ, непрестанно поддерживая такимъ образомъ вниманіе и интересъ англійской публики къ его автору и проводимымъ имъ политическимъ и социальнымъ идеямъ.... Графъ Валуевъ, въ теченіе почти четверти вѣка занимавшій высшія правительственныя должности въ своемъ отечествѣ, возымѣвъ, въ свою очередь, по выходѣ имъ изъ власти доброе намѣреніе заявить о себѣ русской публикѣ въ качествѣ беллетриста. Почти одновременно съ *Эндиміономъ*, * которымъ бывшій премьеръ Англій заключилъ свое литературное поприще, дебютируетъ на немъ бывшій русскій министръ романомъ *Лоринъ*.

* Изъ предисловія къ роману издателя его мы узнаемъ что *Лоринъ* написанъ большею частью въ 1876 году и оконченъ въ 1878.

При этомъ невольно кидаемъ въ глаза читателю обличенія двухъ государственныхъ людей-романистовъ возникаетъ самъ собою вопросъ: слѣдуетъ ли прежде всего, какъ въ романахъ Дизраэли, искать въ *Лоринъ* графа Валуева *политической подкладки*, общей идеи въ которой сказанъ бы синтезъ всѣхъ тѣхъ вышедшихъ заключеній которыя высокопоставленный авторъ долженъ былъ естественнымъ образомъ вывести изъ вѣскихъ опытовъ своей долготѣтней государственной практики, или потребно судить о немъ единственно со стороны его литературной задачи, какъ о вѣскомъ *contrefaçon* *Анны Карениной* графа Л. Толстаго, на главномъ мотивѣ которой построена и романическая фабула *Лорина*?

Въ вѣкоторыхъ появившихся объ этомъ романѣ отзыввахъ печати вопросъ этотъ прямо разрѣшается указаніемъ на одно мѣсто его, въ которомъ якобы авторъ счелъ нужнымъ объяснить самъ значеніе своего произведенія и выразить вмѣстѣ съ тѣмъ свое личное о немъ сужденіе.

А именно:

Въ одной гостиной города Краснозерска цдутъ разсужденія о какомъ-то „романѣ же“, заглавіе, содержаніе и имя сочинителя котораго не сообщаются читателю, но о которомъ произносится собесѣдующими такого рода приговоръ:

„Въ немъ вѣтъ надлежащаго единства въ группировкѣ лицъ и событій. Онъ состоитъ какъ будто изъ ряда очерковъ или набросковъ, хотя и связанныхъ общемою нитью, но все-таки въ вѣкоторой степени сохраняющихъ отрывочное свойство. Видно что *уменью было не столько то что въ очеркахъ разказывается, сколько то что въ нихъ при случаѣ оказывается*“.... И далѣе: „Авторъ безпрестанно переходитъ отъ одного предмета къ другому. *Вмѣсто избраннаго имъ эпиграфа онъ могъ бы выбрать другой, латинскій: de omnibus rebus et quibusdam aliis, то-есть обо всемъ на свѣтѣ и еще кое о чемъ*“...

Мы не станемъ колючо съ такою рѣшительностью утверждать чтобъ именно о *Лоринѣ* шла рѣчь въ этомъ почетивомъ краснозерскомъ салонѣ, но никакъ и не рѣшимся отрицать примѣнимости произносимаго тамъ приговора къ произведенію нашего автора. Въ *Лоринѣ*, дѣйствительно, видимъ мы не романъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, а „рядъ очерковъ или набросковъ отрывочнаго свойства“, въ

которыхъ главное очевидно заключается „не столько въ томъ что въ нихъ разказывается сколько въ томъ что въ нихъ *прислучай сказывается*.“

Фабула романа, какъ имѣли мы уже случай упомянуть, построена на томъ же мотивѣ изъ котораго сообразилъ графъ Л. Толстой свою *Анну Каренину*. Заявляя объ этомъ мы никакъ не думаемъ вывинять это почтенному автору въ упрекъ, не думаемъ хотя бы уже потому что не *что*, а *какъ*—существеннѣйшій вопросъ въ искусствѣ... Мотивъ борьбы долга со страстью древенъ какъ мѣръ и можетъ быть разсматриваемъ сквозь фокусъ самыхъ разнообразныхъ воззрѣній, держа въ себѣ оружіе равно годное для составления про и contra въ томъ принципиальнѣйшемъ для человѣческихъ обществъ вопросѣ какъ вопросѣ о брачномъ союзѣ, разумномомъ въ значеніи неразрывной связи супруговъ до самой смерти одного изъ нихъ. Такъ, отъ *Wahlverwandtschaften* Гёте и *Жаба* Жоржъ Сандо до какого-нибудь *Подводнаго Камня* Авдѣева, въ литературѣ нашего вѣка накопилась цѣлая библіотека болѣе или менѣе талантливыхъ произведеній посвященныхъ подробному анализу этого вопроса со стороны отрицательной. Съ другой, выбирая примѣръ изъ множества другихъ, мы вспомнимъ что еще въ самый разгаръ романтизма тридцатыхъ годовъ Жюль Сандо, весьма извѣстный въ свое время писатель, указалъ въ прекрасномъ романѣ своемъ *Marianne* на неизбежную для женщины душевную гибель истекающую изъ самыхъ условій торжества незаконной страсти надъ строгими, но спасительными обязанностями супружескаго долга. Съ той же точки зрѣнія графъ Л. Толстой предпослалъ своему произведенію библейскій текстъ: „мнѣ отищеніе и азъ воздамъ“. По откошевію слѣдовательно къ основной идеѣ романа графа Валугева *суть* вопроса, повторяемъ, могла бы заключаться лишь въ томъ: *какъ* взглянулъ авторъ на избранный имъ мотивъ, къ какимъ новымъ выводамъ и наизиданіямъ съ чисто психической или съ социологической стороны стремится онъ привести читателя при развитіи тѣхъ данныхъ этого мотива которыя заключаются въ *Лоринѣ*?

Но, принуждены мы убѣдиться, въ намѣреніи самого творца *Лорина* нисколько очевидно не входило „проводить“ въ своемъ произведеніи какую-либо ясно-опредѣленную идею поучительнаго свойства. Ему видимо нужна была какая-нибудь романическая нить которою могли бы быть связаны

„отрывочные очерки de omni re scibili et quibusdam aliis“, и онъ взялъ первый попавшійся ему педъ руки *сюжетъ*, насколько не считая себя обязаннымъ сосредоточиваться на этомъ сюжетѣ какъ на конечной цѣли предпринятаго имъ труда. Въ трактуемой имъ à frais nouveaux старой исторіи *преступной любви*, читатель обреченъ недоумѣвать до конца, какого собственно мнѣнія слѣдуетъ ему держаться объ этой будто бы *страсти* и о томъ *преступно* или *не преступно* считаетъ ее самъ почтенный авторъ. Намъ повѣствуется только какъ нѣкая графиня Зинаида Искрицкая, принадлежащая къ высшему петербургскому свѣту, пожелала увести съ собою за границу состоящаго съ нею въ незаконныхъ отношеніяхъ конно-гвардейца Лорина; какъ Лоринъ послѣдовалъ за нею, и какъ затѣмъ, проживъ съ нимъ известное время въ разныхъ городахъ Италіи и Германіи, графиня Зинаида, убѣдившись „какъ тяжело и *азвительно* для мужины безловоротное отреченіе отъ свободы воли“, возвращаетъ Лорину эту свободу, а сама отправляется умирать отъ чахотки въ Ниццу. При этомъ ни внутренней борьбы, ни вѣвшихъ столкновеній ни для кого ни съ кѣмъ не происходитъ. Графиня Зинаида замужемъ, но, выражаясь словами автора, „почти по вдовьему независима“, такъ какъ „мужъ ея, человекъ безъ характера и безо всякихъ правилъ, предпочитаетъ *vie de garçon* въ Парижѣ роли отца семейства въ своемъ отечествѣ“, и о немъ за этимъ свѣдѣніемъ нѣтъ никакой дальнѣйшей рѣчи въ романѣ. Такимъ образомъ, одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ въ избранномъ графомъ Валуевымъ мотивѣ отпадаетъ отъ него, съ отсутствіемъ этого *музса* исчезаетъ почва для тѣхъ логически изъ самаго положенія вещей истекающихъ коллизій между этимъ мужемъ, женой его и ея любовникомъ, на которыхъ до сихъ поръ строили свои конечныя заключенія въ ту или другую сторону всѣ романисты писавшіе на этотъ мотивъ... Графиня Зинаида мать; у нея ребенокъ сынъ. Но она разсуждаетъ такъ: „дочери *нужно материнское сердце*, и еслибы судьба дала мнѣ дочь, а не сына, я *быть-можетъ* должна была бы все ей принести въ жертву; но *сыну я нужна меньше чѣмъ онъ мнѣ*“, вслѣдствіе чего отдаетъ его преслокойно на чужія руки и отправляется въ Гомбургъ ждать Лорина. Душевною, ниже какой другой вѣшной борьбы, слѣдовательно и со стороны материнскаго чувства здѣсь не

имѣется... Мы могли бы предполагать затѣмъ что подобно тому какъ это мы находимъ въ известномъ *Адольфѣ Бенжаменѣ Ковстана*, *идея* романа должна заключаться въ самомъ трагизмѣ отношеній въ которыя поставлены любовники другъ ко другу. Но уважаемый авторъ какъ бы съ особенною тщательностью отстранилъ отъ этихъ отношеній все что въ нихъ могло бы малѣйшимъ образомъ напомнить о трагизмѣ... Здѣсь кстати замѣтить что творецъ *Лорина*, видимо, заботился прежде всего о безупречной благовоспитаемости и возможной *идеальности* выводимыхъ имъ предъ нами героя и героини, кулю съ ближайшими къ нимъ дѣйствующими лицами своего романа. Изъ вѣкоторыхъ встрѣчаемыхъ на страницахъ его намековъ и отзывовъ о недостаткѣ этихъ качествъ въ текущей русской „беллетристикѣ“ мы можемъ даже съ вѣкоторою основательностью предположить что графъ Валувъ имѣлъ благое намѣреніе представить намъ въ *Лоринѣ* вѣкій образецъ тѣхъ именно художественныхъ чертъ которыхъ по его мнѣнію не достааетъ произведеніямъ прочихъ русскихъ романистовъ. *Suprême comme il faut* какъ бы не допускаетъ въ початіяхъ автора и самой возможности какихъ-либо столкновеній во взаимныхъ отношеніяхъ выведенныхъ имъ лицъ... Вронскій у графа Толстаго, напримѣръ, при всей искренности его страсти къ отдавшейся ему женщиנѣ, сознаетъ сильнѣе съ каждымъ днемъ тягость соединяющихъ его съ нею узъ, и это сознаніе, рядомъ съ нервною, неосновательною придирчивостью къ нему *Анны Карениной*, вызываетъ въ немъ въ данныя минуты невольные въ живомъ человѣкѣ взрывы раздраженія и горечи, едва умѣряемые врожденнымъ въ немъ чувствомъ деликатности и привычками хорошаго воспитанія. Ничего подобнаго не происходитъ, да и происходить не можетъ, въ романѣ нашего автора. Его герой по званію своему такой же русскій гвардейскій офицеръ нашихъ дней какъ и Вронскій; но по существу это тотъ *абсолютный jeune premier*, какимъ въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія лѣвились сердца нашихъ бабушекъ въ „простыхъ исторіяхъ“ миссъ *Илчбалдъ*, госпожи *Cottin* или виконта *d'Arlicourt*. *Лорина* имѣетъ очевидно изобразить намъ собою типъ *совершеннаго благородства* (*l'honneur accompli*), благородства доведеннаго до машиннаго совершенства, исключющаго изъ психическаго процесса все то что именно составляетъ его главную сущность въ худо-

жественномъ образѣ, борьбу нравственнаго убѣжденія (вѣрно или не вѣрно разумѣаго, все равно) съ невольными возмущеніями живой человѣческой природы... *Благородство* у героя графа Валуева выражается на дѣлѣ самую изумительною и крайне утомительною для читателя, должны мы признаться, пассивностью по отношенію къ предмету его страсти. Онъ состоитъ, какъ узнаемъ мы съ первой же страницы романа, въ связи съ графиней Зинаидой; но онъ въ то же время успѣвалъ полюбить такую же какъ онъ самъ превосходную дѣвицу Ольгу Соболину. Не менѣе нѣжно, какъ явствуетъ изъ особенно вѣскихъ по этому случаю указаній автора, любить его герой и свой полкъ, Конную Гвардію. Но онъ, по первому требованію графини Зинаиды, жертвуетъ ей и Конною Гвардіей и Ольгой Соболиной и ѣдетъ за нею въ Гомбургъ, „исполняя долгъ чести“, какъ выражается авторъ, потому что онъ *долженъ былъ* исполнить его, а не потому чтобы для него самого, для того что онъ лично могъ бы назвать счастлиемъ, исполненіе этого долга было прямою и *повелительною* обязанностью? Въ этой безотрадной роли агнца предавшаго себя безропотно на закланіе уже постылой ему любви пребываетъ Лоринъ во все теченіе романа, до того наконецъ что сама графиня Зинаида приходитъ въ смущеніе отъ его покорности. „Твое смиреніе и кротость (удивительныя качества въ современномъ намъ героѣ!) меня *сломали*, говоритъ она ему, а возвращу *тебя самому* когда ты это захочешь“. Но и здѣсь благородный жеппе premier не отступаетъ отъ долга. „Мы должны *покориться*, отвѣчаетъ онъ; „я люблю тебя и *удивляюсь* тебѣ... Ставемъ же другъ другу *помогать* и *утѣшать* другъ друга (въ чемъ?)“, и мужественно остается тануть все ту же ламку на своемъ незаконно-любовномъ посту.

Изъ неразрѣшимаго положенія въ которое ставитъ этимъ способомъ другъ ко другу любовниковъ своихъ уважаемый авторъ, выводитъ ихъ наконецъ Deus ex machina, общій ихъ другъ баронъ Рингшталъ, „обрусѣвшій Остзеецъ“, изображающій въ романѣ тотъ же элементъ высшаго благородства. Онъ объясняетъ графинѣ Зинаидѣ что она „не можетъ *предлагать* Лорину возвратити ему его волю, потому что онъ *не властенъ* принять предложеніе“, а должна его „*принудити* *принять* свободу“, послѣ чего она дѣйствительно уѣзжаетъ тайкомъ отъ Лорина, а Лоринъ отправляется въ Красно-

зерекъ, откуда послѣ смерти графини возвращается въ Петербургъ, гдѣ поступаетъ опять въ Конную Гвардію и женится на Ольгѣ Соболиной.

Послѣдняя сцена этой любовной исторіи происходитъ у памятника усопшей, перевезенной изъ Ниццы въ Александровскую Лавру, куда приходитъ Лоринъ за нѣсколько дней до своей свадьбы поклониться праху когда-то дорогой ему женщины. Разказаъ намъ какъ при этомъ звукъ заколебавшихся деревьевъ „шелотомъ пробѣжалъ по кладбищу“ и заставлялъ Лорина „вдрогнуть“, авторъ заключаетъ свое повѣствованіе слѣдующимъ мнорно-торжественнымъ аккордомъ:

„Тыя графиня Зинаида! Не ты ли лодылась между вѣтвей и въ туманномъ очеркѣ просіяла на лазури неба! Правдиво любимая, безропотно страдавшая, теперь утѣшенная, безлечальная, свѣтлая, неземная, но земли не забывшая тыя!...“

Мы должны несомнѣнно быть весьма признательными уважаемому творцу *Лорина* за его намѣреніе напомнить намъ содержаніемъ и языкомъ своего произведенія добрыя преданія стариннаго „идеальнаго“ романа, но при всемъ желаніи съ нашей стороны никакъ не можемъ принудить себя къ тому же чувству сердечнаго благорасположенія какое самъ онъ очевидно испытываетъ къ герою своему и къ героинѣ. Графиня Зинаида и Лоринъ внушали бы намъ вѣроятно болѣе сочувствія еслибы къ совершенствамъ ихъ не приложено было авторомъ такой старательной руки. Въ его *идеальныхъ* образахъ мы не узнаемъ себѣ подобныхъ существъ, въ ихъ побужденіяхъ, поступкахъ и рѣчахъ не сказываются для насъ живые люди, не говоритъ горячая кипель дѣйствительнаго чувства; они представляются намъ неволью расписанными восковыми фигурами со вложеннымъ внутрь ихъ механизмомъ издающимъ сквозь мертвые ихъ уста разсужденія самого графа Валуева о томъ что въ данную минуту должны они мыслить и чувствовать...

Вмѣстѣ съ главными имѣется въ романѣ цѣлая фаланга второстепенныхъ, на болѣе или менѣе продолжительное время появляющихся и безслѣдно затѣмъ пропадающихъ лицъ обоего пола. Большинство ихъ возникаетъ совершенно неожиданно подъ перомъ автора, какъ бы единственно для того чтобы подать извѣстную, нужную для его разсужденій въ томъ или другомъ случаѣ реликву и такъ же неожиданно исче-

заютъ навсегда... Но здѣсь весьма любопытна та общая вещь этимъ лицамъ окраска которая дана имъ графомъ Валуевымъ. При всемъ изящномъ благодушїи, которымъ отличается вообще писательская манера его по отношенію къ изображаемымъ персонажамъ, мы не можемъ не заподозрить за этимъ благодушїемъ присутствїя значительной доли внутренней провїи, затаяваемой впрочемъ до того тщательно что ее именно можно только подоживать, но которая тѣмъ не менѣ кажется намъ несомнѣнною. Мы по крайней мѣрѣ не въ состоянїи объяснить себѣ иначе то впечатлѣніе полной несостоятельности какое производитъ на насъ общая физиономія высшаго петербургскаго общества въ той совокупности принадлежащихъ къ нему лицъ, которыхъ съ такою полною повидному искренностью сочувствїя къ нимъ выводитъ предъ нами творецъ *Лорина* въ своемъ произведенїи. Романъ происходитъ въ семидесятыхъ годахъ. Много глубокихъ потрясенїй, много тягостныхъ испытанїй пережило отечество наше въ эти годы; не мало возникло въ немъ тревожныхъ заботъ, борьбы и розни интересовъ и мнѣній. Но привилегированная петербургская среда остается совершенно чуждою, выражаясь словами одного изъ красноречивыхълюбимудровъ *Лорина*, всемъ тѣмъ „животрепещущимъ вопросамъ которые въ эту минуту тревожатъ и волнуютъ“ всю остальную Россїю. Люди этой среды въ романѣ графа Валуева существуютъ какъ бы въ всякихъ условїяхъ времени и пространства, безучастные ко всякому дѣлу въ ихъ отечествѣ, словно и не слышавъ никогда ни о какомъ такомъ дѣлѣ, какъ ни о какомъ такомъ отечествѣ, и лѣтая себя духовно наборомъ ни на что не годныхъ общихъ разсужденїй о чемъ вамъ угодно, надергавныхъ au hazard изъ всякихъ *европейскихъ* и при томъ далеко не *важныхъ* книжекъ... Замѣтимъ еще что авторъ заставляетъ даже этихъ людей выражаться какимъ-то особеннымъ сентиментальнымъ языкомъ, словно признатымъ изъ вѣмецко-*сентиментальныхъ* романовъ блаженной памяти графини Гамъ-Ганъ и князя Пуклеръ-Мускау, влагая имъ при этомъ въ уста самые забавные галлицизмы и нерусскїе обороты рѣчи:

„Думаете ли вы что графиня это замѣчаетъ? спрашиваетъ кто-то изъ дѣйствующихъ лицъ другаго.

„*Емъ замѣчаетъ* (si elle s'en aperçoit)! ничто же сумняшеся, восклицаетъ тотъ:—она все видитъ...“

Или:

„Я очень рада для васъ“ (то-есть за васъ), говорить кто-то кому-то, причемъ „дѣлаетъ *коллѣментарное движение*“.

Или:

„Я никогда не забуду вашего *акцента*, когда вы говорили мнѣ о немъ (то-есть выраженія вашего голоса, *l'accent de votre voix*) и т. д.

Та же скрытая пропія сказывается намъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ романа, гдѣ авторъ говоритъ отъ себя о тѣхъ или другихъ предметахъ вызывающихъ его на разсужденіе. Такъ напримѣръ въ главѣ подъ названіемъ *Кабинетъ глагола начальника*, читаемъ слѣдующія строки:

„Надобно признаться что у насъ, вмѣстѣ со многими другими *частями* (?), и канцелярская часть доведена до высшей степени совершенства. Эстетика, наука изящнаго, необходимая для развитія высшихъ свойствъ человеческой природы и такъ сильно содѣйствующая образованію вкуса и установленію утонченныхъ нравовъ, была нами усердно изучена и примѣнена даже на скромномъ поприщѣ письменнаго канцеляризма. Нашъ глазъ привыкъ къ *артистическимъ произведеніямъ нашихъ писарей* и уже не можетъ безъ *нѣкотораго пренебреженія* остановиться на какомъ-нибудь *продуктѣ* иностраннаго оффиціальнаго чистописанія. Даже англійскія бумаги не производятъ на насъ пріятнаго впечатлѣнія. Онѣ сизо-сиваго цвѣта и лишутся до того однообразнымъ почеркомъ что можно было бы подумать что для всего Великобританскаго государства существуетъ только одинъ писарь.“

Авторъ несомнѣнно забавляется въ тайнѣ недоумѣніемъ какое естественнымъ образомъ вызываетъ въ каждомъ изъ читателей чтеніе приведенныхъ нами строкъ, какъ забавляется онъ и на дальнѣйшихъ страницахъ упомянутой главы своего романа, которой, какъ бы въ прямое подтвержденіе нашихъ догадокъ, предлославъ имъ насмѣшливый эпитафій изъ *Флоріана*: *Il faut avoir été berger pour apprécier le bonheur des moutons*. Въ главѣ этой изображается „конфиденціальное совѣщаніе“ нѣкоторыхъ, по выраженію автора, „коллеговъ“ по высшимъ государственнымъ должностямъ въ виду „пріятія одной изъ тѣхъ мѣръ которыя въ наше время весьма нерѣдко вызываются недостаткомъ полного соответствія между нѣкоторыми новѣйшими реформами и нѣкоторыми остат-

ками прежних законоположений, обычаевъ и традицій". Весьма понятно что для *оцъ* общаго руссiйскаго стада должнъ представлять особенно живой интересъ тѣ вышнiя откровенiя по этому случаю которыхъ почитаютъ онѣ для себя въ правѣ ожидать отъ романиста состоявшаго такъ долго на должности одного изъ ихъ *пастырей*. Но здѣсь опять подъ дидактически-любовнымъ тономъ съ которымъ повидимому относится авторъ къ своимъ „совѣщающимся *коллегамъ*“ мы невольно прозрѣваемъ тайную насмѣшку надъ выводимымъ имъ предъ нами высшимъ административнымъ миромъ, — насмѣшку тѣмъ болѣе тонкую что самъ авторъ будто во все и не подозреваетъ комизма изображаемой имъ сцены. Онъ со свойственною ему писательскому приему величавою невозмутимостью изложенiя сообщаетъ намъ что пока „главный начальникъ“ излагалъ „поводы“ къ совѣщанiю, вводя въ свои объясненiя нѣкоторыя воспоминанiя анекдотическаго свойства и включая въ кругъ своей аргументацiи нѣкоторыя имена лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ въ официальномъ мирѣ, одинъ „изъ статскихъ коллеговъ“ чертилъ такъ-называемыя *hâchures* на своемъ листѣ бумаги; „другой коллега“ воеваяи набрасывалъ силуэты женскихъ головокъ, а третiй опять изъ „статскихъ коллегъ“ не дотрогивался до своего карандаша, но особенное старанiе смagчать или даже *стусшессылатъ* всѣ оттъики киванiй прилагалъ именно этотъ „коллега“ до карандаша своего не притрогивавшiйся. „Коллеги“ договариваются наконецъ до „дружнаго взаимнаго согласiя“, но когда „вопросъ“ о дѣлѣ обратился въ вопросъ о редакцiи“ и призвавъ бытъ для этой цѣли директоръ канцелярiи, обнаружилось что „статьи не были обсуждены“ съ надлежащею полнотою“. Потребовалось дальнѣйшее совѣщанiе уже при участiи этого лица. „Коллеги“ слушали со вниманiемъ, поясняютъ намъ авторъ, и самъ главный начальникъ какъ будто колебался между двумя разнородными ощущенiями: удовольствiемъ имѣть въ своемъ распоряженiи способнаго директора канцелярiи и нѣкоторымъ сожалѣнiемъ что онъ самъ прежде не высказалъ того что теперь директоромъ канцелярiи высказывалось“.

Мораль басни ясна, имѣемъ мы казалось бы право сказать: въ Россiи „главные начальники“ въ состоянiи обсуждать „съ надлежащею полнотою“ состоящiя на разсмотрѣнiи ихъ дѣла лишь въ томъ случаѣ когда ими руководить „способный ди-

редакторъ канцеляріи“, причемъ эти „начальники“ питаютъ къ такимъ „директорамъ“ вѣжливую зависть. На самъ авторъ, върши своему намѣренію de nous donner le change de temps, выводитъ изъ того же приведеннаго нами сейчасъ повѣствованія своего заключеніе самаго неожиданнаго и оригинальнаго свойства, а именно то что между начальникомъ и соо. подчиненнымъ должно непремѣнно существовать социальное равенство. О soi disant равенствѣ же этомъ читаемъ мы здѣсь такого рода строки:

„Для точнаго исполненія мысли начальника и для оказанія ему собственною мыслью помощи, всегда болѣе или менѣе нужной, необходимо чтобы подчиненный могъ *сдѣлываться съ начальникомъ* и могъ, кромѣ того, болѣе или менѣе вѣрно оцѣнивать его положеніе, его отношеніе къ другимъ начальникамъ и общія условія даннаго строа правительственнаго механизма. Все это весьма затруднительно безъ вѣжливой, если можно такъ выразиться, *общественной однолюбовности* подчиненнаго и начальника...“

Нужно ли возможно принять эти строки за нечто дѣйствительно серьезное? Имѣемъ ли мы право допустить чтобы государственный человѣкъ дебутирующій *Леринскій* на аренѣ нашей литературы вынесъ изъ своего многолѣтняго опыта на высшихъ ступеняхъ администраціи одишь лишь идеаль, одну руководную въ дѣлѣ государственнаго управленія мысль: рабочій культъ начальника вытекаемый въ домъ подчиненному, обязанность притомъ быть съ нимъ *однолюбомъ*, дабы имѣть болѣе полную возможность *сдѣлываться* въ своего принципада и „оцѣнивать въ должной мѣрѣ“ положеніе его и отношеніе къ другимъ начальникамъ?... Нѣтъ, авторъ очевидно промахивается и здѣсь...

Достоуважаемый авторъ, насколько это явствуется для насъ изъ его произведенія, и не имѣлъ, повидимому, никакого вообще намѣренія высказать намъ въ немъ свою дѣйствительную profession de foi, ниже представить ясно выведенный синтезъ изъ общей суммы тѣхъ предметовъ о которыхъ трактуетъ онъ „при случаѣ“ въ теченіе своего повѣствованія. Напрасно, употребляя его же выраженіе, стали бы они искать здѣсь ту центральную „основную идею которая должна объединить *направляемое* ею твореніе“ и изъ которой прямо исходили бы эти имбюція связать „отрывочные очерки или наброски“ изъ которыхъ скомпонованъ романъ графа Валу-

ея. Объектъ эских „эчерковъ“ весьма обширенъ. Авторъ действительно ведетъ въ духъ рѣчь отъ себя или устами дѣйствующихъ лицъ своихъ de omni re venibili et quibusdam aliis, но говорить обо всемъ какъ бы мимоходомъ, разбрасывая рассужденія свои по страницамъ своей книги въ самомъ таотическомъ безпорядкѣ, перекидываясь отъ вымысли скачками отъ „красоты вѣчнаго Рима“ къ „артистическимъ произведеніямъ нашихъ писателей“, отъ восторженнаго описанія парада на Царыцыномъ Лугу къ картинѣ „майскаго утра“ на берегахъ озера Комо и т. п. Въ числѣ такихъ рассужденій нѣкоторыя касаются современнаго положенія дѣлъ Россіи; говорится о земствѣ, о юстиціи, о безплодности всякихъ „бюрократическихъ коммисій“, о неудобствѣ „предоставлять людямъ право облагать себя всякими сборами“, о беззащитности и выскомъ положеніи землевладѣнія въ Россіи, о „несносной заносчивости новаго чиновнаго элемента“ въ провинціи, исколеченнаго одвѣхъ „либеральныхъ фразъ“. Къ недостаткамъ того же „новаго элемента“, упоминаемъ здѣсь котага, графъ Валуевъ присоединяетъ и еще „какой-то острый, желчный, себя исключительно патристическимъ признающій элементъ“, дозволяющій себѣ между прочимъ толки „объ обрушеніи нашей Остзейской окраины“, что и подаетъ, по видимому, поводъ нашему автору направлять специально противъ *этого* „элемента“ (не имѣющаго впрочемъ, какъ всѣмъ извѣстно, ничего общаго съ нашимъ современнымъ „либеральнымъ чиновничествомъ“) тонкое остріе своихъ отъѣздовъ...

Многіе изъ „набросковъ“ почтеннаго автора весьма мѣткі и не лишены спеціального значенія.

„Потрудитесь, говорить, напримѣръ, одна изъ образованныхъ провинціалевъ города Красноозера, взглянуть поближе въ то что у насъ единитъ насъ, по крайней мѣрѣ, группируетъ людей. Исключительно ненависть. Gratter une de nos affections, vous y trouvez une haine. И это вовсе не народная черта. Она чужда нашимъ простолюдинамъ, но свойственна тѣмъ Русскимъ *которые хотѣли быть не только образованными, но и больше Русскими чѣмъ русский мужикъ* (этихъ *ultra-русскихъ людей*, какъ мы уже замѣтили, авторъ награждаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ своими изящными coups de griffe). Мы говоримъ о развитіи: меня гнететъ мысль что мы *раствореніе* (?) называемъ развитіемъ“...

И дайте...

т. слѣш.

„Я не разъ читалъ въ газетахъ что современныя явленія имѣютъ значеніе и свойства протеста. Но какой протестъ? и противъ чего протестъ? *Быть-можетъ* онъ ошибоченъ и по существу и по адресу. Во всякомъ случаѣ *мусорчишковъ* у насъ много. Но гдѣ каменьщики? Въ рукахъ я вижу большую частію одни ломы,—разныхъ видовъ и свойствъ,—отъ желѣзнаго до *перинаго*. Ломать, срывать, потрясать, подкапывать,—вотъ господствующее занятіе. Извольте,—но что же дайте? Гдѣ известь, ватерпласъ—и въ особенности, гдѣ цементъ?“

„Аристократію у насъ,“ продолжаетъ князь Забѣлинъ,— „точно также нѣтъ, какъ нѣтъ и того что въ Европѣ называется средними классами. У насъ есть только *разнослойность*. Дѣло въ томъ чтобы связать слою,—скажу болѣе,—не мѣшать имъ связаться“.

Ему замѣчаютъ что „это призваніе земства“, что „съ этою цѣлью введены у насъ земскія учрежденія.“

„Земство! Земскія учрежденія!“ восклицаетъ онъ. „Въ тѣхъ формахъ и при тѣхъ условіяхъ при которыхъ они введены и ведутся, они не приведутъ къ единенію если единеніе было цѣлью закона, но могутъ привести къ другой, въ виду, конечно, не имѣвшейся цѣли, а именно: къ устанавленію новаго вида розни. До сихъ поръ была рознь сословій; теперь могутъ обособляться губерніи и уѣзды. Что такое губернія? Административная единица государственной территоріи. Если вы дадите ей известное самостоятельное значеніе,—вы изъ нея сдѣлаете нѣчто похожее на политическій штатъ. Знаю что этого еще нѣтъ; но оно возможно, и я только противопоставляю недостижимой по моему мнѣнію цѣли другую, на мой взглядъ доступную“...

Мы не намѣрены входить въ обсужденіе этихъ положеній автора и ограничились лишь однимъ замѣчаніемъ. Тѣ „формы“ и тѣ „условія“ при которыхъ ведутся въ Россіи земскія учрежденія (онѣя же въ настоящемъ ихъ видѣ, сказать кстати, не одному графу Валугеву представляются далеко не соответствующими своей цѣли) „введены“ были въ отечествѣ нашемъ въ то время когда внутренними его дѣлами правилъ творецъ *Лорина* и затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ стояли подъ его высшимъ руководствомъ и наблюденіемъ.

Относительно нашей юстиціи находимъ мы въ *Лоринѣ* слѣдующее откровенное и превосходное сужденіе:

„Чѣмъ собственно обезпечивается у насъ общественное

спекте?.. Не полиціей, потому что стенографъ за десять верстъ и неправникъ за тридцать,—не полиціей; не самимъ такъ-называемымъ обществомъ, потому что въ немъ нѣтъ никакой организованной силы. Что же заставляетъ массу ловимоваться кемогимъ, а отдельныхъ злоумышленниковъ остерегаться? Смутное почтваніе правительственной власти и обаяніе этой власти. Но обаяніе можно сравнить съ видомъ предмета видимого сквозь увеличительное стекло. Что же дѣлаютъ наши суды? Они какъ будто стараются перевернуть стекло и при всякомъ удобномъ случаѣ умалить значеніе власти и поколебать ея авторитетъ... Въ этомъ отношеніи суды и газеты на одной доскѣ. А политическіе процессы? Читая стенографическіе отчеты иногда кажется что председатель и судьи пересѣли на скамью подсудимыхъ, защитники разъясняютъ социальныя теоріи, и важные сновники вѣдать на эти судебныя сатурналіи какъ въ театрѣ. Удивляюсь хладнокровію съ которымъ смотрятъ на все это. Если подъ конецъ удастся при переворачиваніи разбить увеличительное стекло, то уже не склеить его осколковъ.“

Все это совершенно вѣрно, но, позволимъ мы себѣ спросить опять, неужели вся накопленная достопочтеннымъ авторомъ на высотахъ власти сумма государственной мудрости не дастъ итоговъ болѣе вѣскаго и глубокаго свойства чѣмъ то поверхностное заявленіе лорданія тѣмъ или другимъ, отрывочно взятымъ, безобразнымъ нашей современной дѣйствительности какое выражается въ приведенныхъ нами и иныхъ разсѣянныхъ въ его книгѣ строкахъ? Смыслъ ли мы думать чтобы въ мысленномъ представленіи самого творца *Лорина* всѣ эти отдѣльно осуждаемыя имъ явленія *порепорформной* русской жизни не были поставлены въ ту общую, логическую между собою связь которую, къ сожалѣнію, не нашель онъ нужнымъ показать намъ въ своихъ разнообразныхъ „наброскахъ“?.. Графъ Валуевъ не могъ не сознавать этой связи и не разумѣть что эти явленія не суть какіе-либо случайныя наросты на здоровой поверхности русскаго государственнаго тѣла, а представляютъ собою живыя раны выступившія на этомъ тѣлѣ какъ естественное послѣдствіе одной общей, *коренной* патологической причины. И еслибы нашему романисту вздумалось поискать серьезно по какой именно такой причинѣ возможно, напримѣръ, что „новые суды“, дарованные Россіи единственно по милости и волѣ высшей власти,

„отаракуютъ при всякомъ удобномъ случаѣ умалить значение этой власти и поколебать ея авторитетъ“, почему „печатъ въ этомъ отношеніи на одной доскѣ съ судьбою“, почему „новый чиновный элементъ“, состоящій на службѣ и на жалованьи той же власти, дозволяетъ себѣ на въ какой-либо странѣ немислимыя „либеральныя“ выходы противъ нея, почему „беззащитно землевладѣніе“ въ Россіи и на всемъ ея пространствѣ вообще царитъ полная анархія въ повятіяхъ, порядкахъ и отправленіяхъ правительственныхъ и общественныхъ; то овъ быть-можетъ нашель бы эту *коренную* причину хотя бы въ томъ лагубломъ ведомыслии правящихъ нами сферъ при которомъ допущена была ими мысль что власть, даруя подданнымъ своимъ признанная ею нужными для блага ихъ реформы, переставала этимъ самымъ быть прежнею, бесплорвою и неограниченною во всѣхъ исторически долгающихся ей функціяхъ властью, и предоставляла ею же создаваемымъ учрежденіямъ какое-то самостоятельное, отъ нея отдѣльное и независимое существованіе. Углубляясь кѣсьолько внипательнѣ въ предметъ, авторъ *Лорина* объяснилъ бы себѣ, *можетъ-быть*, этимъ ведомыслиемъ то, впервые, какъ видно, поражающее его теперь положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ при которомъ каждый властель все „ломать, орывать, по-трасать и подкалывать“, а ближайшіе ко власти законные органы ея, благоразумно взирають со стороны на эту ломку, замѣнивъ браняющимъ этуѣ кинжаломъ уклончивой и бесодержательной фравы лежація на ихъ прямой обявзанности строгое блюденіе нравственнаго достоинства и энергическое огражденіе страны отъ мятежныхъ козней и смуть... Овъ при этомъ призналъ бы и то, *быть-можетъ*, что эти правяція сферы, вслѣдствіе съ тѣсно прижыкающимъ къ нимъ міромъ „либеральнаго чиновничества“, менѣе всего, какъ извѣстно, страдали до послѣдняго времени избыткомъ того „патріотическаго“, какъ выражается графъ Валуевъ, то-есть *національнаго* „элемента“ къ которому относится овъ съ такимъ ведобреніемъ, и что въ этомъ именно отчужденіи высшей нашей интеллигенціи отъ исконныхъ вѣрованій, отъ несмущаемыхъ лустословіемъ нашимъ здравыхъ и твердыхъ воззрѣній народныхъ, лежитъ корень всѣхъ недуговъ, разѣдающихъ отечество наше въ переживаемую нами тяжелую годину.

Такихъ или подобныхъ выводовъ имѣли мы право ожидать изъ груди матеріала собраннаго въ *Лоринѣ* и котораго лишь

„перстами легкими какъ сова“ каснулся его достоинственный авторъ.. Но, къ сожалѣнію, онъ очевидно не счелъ почему-то удобнымъ допустить насъ до вѣста запознана своей цѣлительной мысли. „Le fond de la chose“ остается намъ такимъ образомъ невѣдомымъ, и мы невольно спрашиваемъ себя: съ какою цѣлью появилась на свѣтъ *Дорина*? Отвѣтъ на этотъ вопросъ могли бы мы развѣ найти въ стихѣ Прокердіа:

Magnis et vuluisse sat est.

LX.

III.

Сибирь какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Н. М. Ядринцева.
С.-Петербургъ. 1882 года.

Въ настоящемъ году Сибири предстоитъ отпраздновать большой праздникъ: исполнится триста лѣтъ ея существованія подъ властію Россійской державы. Зная и любя этотъ край, имѣвъ случай жить въ немъ и видѣть его весь, отъ Великаго Океана до Уральскихъ горъ, считаемъ удовольствіемъ теперь, въ виду наступающаго юбилея, побесѣдовать о немъ съ читателемъ, пользуясь для этого прекрасною только-что вышедшею книгой г. Ядринцева, заглавіе которой выписано выше.

Прежде всего г. Ядринцевъ старается разсѣять извѣстный предрасудокъ заставляющій видѣть въ Сибири „негостеприимную“ страну, по самымъ каутическимъ условіямъ неспособную къ широкой жизни. Онъ находитъ это предубѣжденіе лишенымъ всякаго основанія. „Раскидываясь отъ полярнаго круга до средне-азиатскихъ степей эта страна заключаетъ въ себѣ всѣ климаты отъ вѣчныхъ полярныхъ льдовъ, до средне-азиатскихъ жаровъ, отъ безжизненной тундры и ледяныхъ пустынь съ ископаемыми мамонтами, усѣяными своими костями побережье Ледовитаго моря, до роскошныхъ оазисовъ Чуйской долины и озера Иссыкъ-Куля, до береговъ поражающаго южною растительностію Амура. Эти измѣненія въ климатѣ сопровождаются самыми причудливыми измѣненіями въ природѣ съ самою разнородною флорой и фауной. Такимъ образомъ, только развѣ часть Сибири въ широтахъ полярнаго холода подъ 70° можетъ быть признана суровою по климату и трудно доступною для жизни, но и это можно признать только упуская изъ виду тотъ фактъ

что торговцы и промышленники основали здѣсь свои факторіи и что здѣсь издавна существуетъ значительное народческое населеніе со своимъ промысломъ. Что касается средней и южной Сибири, то она обладаетъ умѣренностью климата не уступающему среднимъ губерніямъ Россіи; не говоримъ уже о тѣхъ уголкахъ которымъ можетъ позавидовать Малороссія и которые влекутъ нынѣ къ себѣ цѣлые потоки русскаго крестьянства.

„Все что можно сказать, это то что континентальный климатъ Сибири обладаетъ крайними переходами отъ суровыхъ зимъ къ жаркому лѣту, но это жаркое, почти тропическое лѣто вознаграждаетъ человѣка за леденящій холодъ, какъ яркіе цвѣты Сибири награждаютъ за блѣдные покровы зимы.

„Для человѣка привыкшаго къ климату Великороссіи зимы Сибири не кажутся болѣе тягостными. Вскрытіе рѣкъ въ апрѣлѣ и замерзаніе въ октябрѣ и ноябрѣ не представляетъ ничего необыкновеннаго. Напротивъ, въ различныхъ широтахъ Сибири, какъ доказываетъ сама жизнь, легко акклиматизовывается самое разнообразное по привычкамъ населеніе, начиная съ Малоросса и Бессарабца и кончая Архангельцемъ. Вообще полоса между 60 и 45° представляетъ слишкомъ достаточно простора на огромномъ протяженіи въ 8.000 верстъ чтобы найти мѣсто для жизни и развернуть извѣстную культуру (стр. 3—4).“

Какъ разнообразенъ климатъ, такъ разнообразна и природа Сибири. Тутъ и равнины, и степи стелющіяся безъ конца, и лѣсная полоса величайшая въ мірѣ, и рѣки которыя можно приравнять только къ рѣкамъ Америки, и горы, предъ которыми не велики и Альпы: горный районъ одной Западной Сибири равняется пространству пяти Европейскихъ Швейцарій и представляетъ несравненно болѣе разнообразія. Среднее теченіе Амура и теченіе Иртыша въ горахъ по своей живописности напоминаетъ Рейнъ. Вообще величіе природы здѣсь подавляющее. Въ горахъ самою природою собранъ запасъ неисчерпаемыхъ минеральныхъ богатствъ: стоить вспомнить только каменноугольный Кузнецкій бассейнъ, занимающій площадь въ 40.000 квадратныхъ верстъ. Лѣсная площадь Сибири достигаетъ трудно поддающейся воображенію цифры 150 милліоновъ десятинъ. Благодаря обширнымъ пастбищамъ на сѣверѣ и югѣ Сибири, въ ней, по послѣднимъ извѣстіямъ, насчитывается до 11 милліоновъ головъ скота въ одной за

ладной половиной, что превосходят уже скотоводческія богатства Австраліи, снабжающей въ послѣднее время всю Европу своимъ мясомъ. Даже самый Ледовитый океанъ, судя по послѣдней экспедиціи Норденшельда, не можетъ считаться недоступнымъ. Словомъ, всѣ естественныя условія края открываютъ намъ такимъ образомъ, при болѣе внимательномъ изученіи, богатую страну вмѣсто безжизненной пустыни и не могутъ не указывать Сибири въ будущемъ важной политической и культурной роли. Да, въ будущемъ; что же представляетъ Сибирь въ настоящемъ?

„Разсматривая по этнографической картѣ распространеніе русскаго населенія восточной окраины, отъ Урала къ Восточному океану, мы видимъ слѣдующую картину: по югу всей Сибири, тотчасъ по переходѣ черезъ Уральскіе горы, вплоть до границъ Верхней Тунгуски впадающей въ Енисей, тянется сплошная лента русскаго населенія... Остальное пространство—пустыня; только по теченію рѣкъ этой пустыни тянутся еще тонкія красныя нити населенія, по Оби, Енисею, Ленѣ до Якутска, и по заселяемому Амуру, едва-едва развѣтвляясь кое-гдѣ въ лагуны, какъ напр. къ Вилюйску, или къ Амура по правой сторонѣ Уссури и къ Николаевску. Остальное пустынное пространство отмѣчено кое-гдѣ разбросанными крапинками и гвѣздами, какъ бы ликетами русской народности. Въ сущности это распредѣленіе можно сравнить съ двигающеюся на востокъ колонной, сначала сплошною, потомъ суживающеюся, наконецъ совершенно теряющеюся въ пустыню, какъ терется рѣка въ песчаной степи; неприятеля здѣсь изображаетъ отгнѣваемый по ту и другую сторону пирородецъ. Армія эта ведетъ ожесточенную борьбу съ природой; она намѣчаетъ дороги, наводитъ мосты, рубить лѣса, и ея развѣдчики часто, удаляясь далеко впередъ, не успѣваютъ оглянуться какъ лѣса эти снова за ними поднимаются, выпрямляются, и передовая колонна остается замкнутая ими и одинокая среди пустыни, отдѣленная отъ прочаго населенія.

„Кругомъ этого русскаго населенія и между ними по пустынямъ расположены пирородцы, остатки финскихъ и тюркскихъ племенъ. На этнографической картѣ, по обѣ стороны красной ленты русскаго населенія, пустыни Сибири отмѣчены этими азіятскими пирородцами. Мы видимъ здѣсь самые разнообразныя тѣлы туземцевъ примыкающихъ съ юга и сѣвера къ русскому населенію... Нѣкоторые изъ

этихъ инородцевъ, несмотря на то что своими поселеніями занимаютъ обширныя пространства, довольно малочисленны въ сравненіи съ Русскими, какъ Тунгузы, Чукчи, Камчадалы; нѣкоторые же, Киргизы, Бураты, составляютъ довольно значительное сплошное населеніе представляющее въ задѣлки крѣпкого и прочнаго существованія. Въ общей же сложности всѣ инородцы окружающіе русское племя своею численностію не много уступаютъ Русскимъ.

„Колонна русскаго населенія прошла, какъ мы сказали, въ средину; она раздвинула инородцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ остались почти совершенно неприкосновенными, другіе совсѣмъ исчезли; есть и такіе которые перемѣшиваются съ Русскими или уцѣлѣли въ самой срединѣ окруженные русскимъ племенемъ. Несмотря на свое преобладаніе и расовое превосходство русская народность не могла однакожь поглотить инородцевъ, не смѣшиваясь съ ними, не купивъ свою побѣду слитіемъ, т.-е. не окрасившись сама побѣжденнымъ инородческимъ элементомъ. Смѣшеніе это происходило и происходитъ по преимуществу тамъ гдѣ русское населеніе тѣснѣе сталкивается съ инородческими племенами и гдѣ оно уступаетъ численностію, то-есть преимущественно по окраинамъ своей колонны“.

Это смѣшеніе, эта ассимиляція не могли не наложить особенной печати на сибирское населеніе, и путешественники-этнографы даютъ довольно ясное понятіе о томъ какъ мѣняется характеръ и складъ жизни населенія на востокѣ подъ вліяніемъ новой обстановки и отчасти новой крови. Сама физическая природа измѣняется иногда къ лучшему, какъ напримѣръ получается болѣе красивая фізіономія, обликъ лица напоминающій слегка греческій типъ, а иногда къ худшему, что выражается уменьшеніемъ и сравнительно слабымъ развитіемъ физической силы. Точно такимъ же образомъ метисація повліяла и на нравственную сторону Сибиряка. Авторъ разбираемой книги подробно описываетъ какія измѣненія произошли въ духовной природѣ жителя Сибири отъ смѣшенія съ инородцами. Между прочимъ, имъ подмѣченъ одинъ любопытный фактъ, это отсутствіе у жителя Сибири историческихъ преданій и традицій. Сибирякъ точно и не подозреваетъ своего историческаго родства съ кореннымъ русскимъ человѣкомъ; онъ считаетъ себя Русскимъ, но на русскаго поселенца смотритъ какъ на чуж-

даго ему человека и словно сонивается въ его русской національности. Онъ забылъ не только вынесенную изъ Россіи, но и собственную исторію. „Это отсутствіе историческихъ традицій объясняется постоянными приливами и смѣшеніемъ народонаселенія, его разнородностію и отдаленностію отъ центра исторіи. Все это положило на Сибиряка печать извѣстнаго индифферентизма. Въ исторію послѣ Петра онъ рѣдко принималъ участіе въ общей судьбѣ государства, самыя событія сюда доносились смутно и нерѣдко вели къ недоразумѣніямъ, какъ напримѣръ внезапный бунтъ Тарскихъ жителей не признавшихъ акта о наследіи Петра I. Народныя волненія, какъ Пугачевскій бунтъ, едва коснувшись западныхъ частей, дошла до Сибири въ смутныхъ преданіяхъ и разказахъ. Войны, государственная жизнь, не возбуждали здѣсь особаго патриотизма. Во время Отечественной Войны, въ Иркутскѣ, какъ говоритъ преданіе, были построены триумфальныя ворота для пріема Наполеона. Историческія торжества не возбуждали особаго воодушевленія, и недавно одинъ забайкальскій городъ отказался ознаменовать чѣмъ-нибудь память Петра I.“

Если въ коренныхъ Русскихъ смѣшеніе съ ивородцами произвело нѣкоторыя измѣненія въ ихъ физической и духовной природѣ, то на ивородцевъ появленіе Русскихъ отразилось болѣе роковымъ образомъ: они начали вымирать—явленіе свойственное всѣмъ расамъ покореннымъ и сталкивавшимся съ народностями болѣе сильными и многочисленными. Хотя въ научномъ отношеніи вопросъ о вымираніи сибирскихъ ивородцевъ еще представляетъ много не рѣшеннаго, такъ что послѣднее собраніе ученыхъ на конгрессѣ ориенталистовъ въ 1876 году не могло дать на него никакого опредѣленнаго отвѣта, но авторъ приводитъ массу различныхъ указаній позволяющихъ ему заключить что вымираніе несомнѣнно существуетъ, хотя не во всѣхъ мѣстностяхъ и племенахъ и не вездѣ съ одинаковою силою. За то, какъ всегда, рядомъ съ вымираніемъ идетъ постепенное обдѣвнѣніе и разореніе ивородческихъ племенъ. Здѣсь роковымъ образомъ дѣйствуетъ цѣлая масса причинъ, и я сдѣлаю небольшую выписку чтобы показать какъ вліяетъ на обдѣвнѣніе иворода со однимъ рядъ фактовъ, именно несоответствіе потребностей со средствами существованія.

„Новыя факты уже несомнѣнны что звѣрь уничтожаетъ

во многихъ мѣстахъ Сибири, а въ другихъ мѣстахъ онъ остается въ ничтожномъ количествѣ; *неурожай* звѣря чаще и чаще встрѣчаются. Уменьшеніе это совпадаетъ съ заселеніемъ края, съ истребленіемъ и выжиганіемъ лѣсовъ, которое водворилось и вошло въ обыкновеніе съ прішествіемъ Русскихъ, наконецъ съ усиленною эксплуатаціей звѣря, рыбы и всякихъ другихъ продуктовъ. Напряженіе силъ инородцевъ между тѣмъ явилось большее, отлучки становились опаснѣе, изнеможеніе чувствовалось сильнѣе. Ривѣ инородецъ безъ особаго труда добывая себѣ извѣстное количество звѣря и рыбы, употреблялъ ихъ на собственные нужды, и болѣе ничего ему не требовалось. Теперь онъ обязанъ былъ добыть извѣстное количество звѣря для себя и для семьи, затѣмъ для оплаты ясака и всѣхъ лѣборовъ. Но и этого мало; онъ теперь напрягаетъ всѣ усилія добыть возможно болѣе по требованію рынка. Онъ становится работникомъ этого рынка или торговцемъ, которая импульсируетъ, побуждаетъ инородца къ большому истребленію царствъ природы, не заботясь о будущихъ средствахъ его пропитанія. Истоцающій однихъ промысловъ инородецъ переходитъ къ другому, и такіе переходы въ занятіяхъ племенъ не подъ вліяніемъ культуры, а часто подъ вліяніемъ случайныхъ жизненныхъ условій, весьма капризны. Оленеводъ обидѣвъ часто дѣлается рыболовомъ, такъ же какъ и охотникъ рыболовъ передавъ рыбныя угодья бросается въ лѣса. Инородецъ часто отъ высшихъ привычекъ жизни переходитъ къ низшимъ. Выловивъ звѣря онъ потощаетъ рыбныя запасы, все это продаетъ за безцѣнокъ и нимало не окуливаетъ свою жизнь. Онъ, добывающій соболей и чернобурыхъ лисицъ, бобровъ и горностаевъ, носачій у груди своей драгоценнѣйшія мѣха, не въ состояніи обогрѣться и мерзнетъ въ тундрахъ, кочевѣтъ отъ холода въ лѣсахъ; вылавливая огромныхъ осетровъ, нельмъ, щукъ, семгу, налимовъ и стерлядей, онъ страдаетъ не рѣдко отъ голода и сѣдаетъ своихъ собакъ. Что можетъ быть изумительнѣе? Но тѣмъ не менѣе это такъ, потому что рынокъ беретъ у него все, но неудовлетворяетъ его потребностямъ.

„Вкусы и требованія дикаря создаются подъ вліяніемъ особыхъ законовъ. Онъ увлекается часто предметами не столько полезными, обезпечивающими ему жизнь, совершенствующими и направляющими ее къ лучшему, сколько потакающими его страсти и дѣтскому увлеченію. Чаще всего

дикарь обольщается блестящими но дешевыми игрушками, украшениями, как дитя, и готовъ отдать за нихъ лучшія произведенія своего труда, что его ставитъ въ весьма невыгодныя условія. Затѣмъ онъ ищетъ мимутнаго удовлетворенія ощущеній и страстей; всякій марковъ, будь то табакъ, вино или олиумъ, является для него соблазнительнымъ и развиваетъ въ немъ страстное влеченіе и губительную привычку. Торговля въ этомъ случаѣ плохой руководитель жизни, она предлагаетъ то что соблазнительнѣе, но не то что полезнѣе, и мало заботится о послѣдствіяхъ.

„Собственно нормальныхъ условій торгова съ инородцами никогда и нигдѣ не существуетъ. Если съ одной стороны предъ нимъ является богатый рынокъ со своею разнообразною мануфактурой окрѣпшею подъ вліяніемъ цивилизаціи, то дикарь является невооруженнымъ сырьевикомъ. Покупатель располагаетъ денежными знаками, мѣловыми цѣнностями, кредитомъ, наконецъ массою товаровъ, у него цѣлая экономическая армія со всеми родами войскъ, съ цѣлою торговою стратегіей, у дикаря же ничего кромѣ его убогаго продукта. Онъ получаетъ и товаръ и деньги, онъ обязывается долгомъ покупателю и чувствуетъ отъ него полную зависимость. У представителя рынка болѣе ума, знанія, хитрости, а главное безцеремонности, правила нравственности у него вычеркнуты, хотя онъ и является подъ маскою благодѣтеля; инородецъ выходитъ съ открытою душой, простодушіемъ дикаря и первобытною дѣвотою честностію. Замѣчемъ что если торговцы допускаютъ всевозможныя вачеты и обманы, то инородецъ старается честно платить долги, не подозревая что они записаны двойнымъ мѣломъ. Самые худшіе элементы цивилизаціи группируются около дикаря съ цѣлюю наживы. Все это ставитъ обмѣлъ въ самыя невыгодныя условія. Европейскій рынокъ поэтому дѣлаетъ инородца работъ, но не поднимаетъ его культурной и экономической жизни. Силу и могущество этого рынка хорошо сознаютъ высшія расы и цивилизаторы. Достаточно Англичанамъ было забросить въ глухія мѣста Азии и Америки красный европейскій платокъ, и участь дикаря была рѣшена. Потребность развита, а съ нею создана и зависимость,—зависимость крѣпчайшая чѣмъ зависимость отъ силы и оружія. Теперь создано что во всѣхъ странахъ дикарей европейская торговля, при существующихъ пріемахъ эксплуатаціи, породила чуть ли не болѣе зла чѣмъ

добра. Разоренія и опустошенія произведенныя ею стоить предшествовающихъ войнъ. Сибирскіе дикари, обставленные еще болѣе грубыми и безцеремонными торговцами, не избѣгли своей участи. Познакомясь съ хлѣбомъ, водкой, табакомъ, порохомъ, желѣзомъ, они постоянно требуютъ ихъ, но получая эти предметы по неизмѣрной цѣнѣ, истощали всѣ средства, перепродали всѣ продукты свои, но потребность осталась неудовлетворенною и они остаются въ положеніи умирающаго Тамтала. Вотъ источникъ экономическихъ бѣдствій.“

Вопросъ о переселеніяхъ, стоящій въ настоящее время на очереди, также затронуть авторомъ. Онъ стоитъ за право свободнаго переселенія, которое, по его мнѣнію, одно только и можетъ обещать Сибири хорошую будущность. Заселеніе Сибири дѣлкомъ можно разсматривать какъ продуктъ вольнонародной, а не правительственной колонизаціи. Наклонность брести врозь была сильна въ нашѣмъ отечествѣ еще при Борисѣ Годуновѣ. Роль правительства въ дѣлѣ заселенія Сибири ограничилась постройкой городковъ и остроговъ, да переселеніемъ нѣсколькихъ семей на жительство въ новую страну. Но самовольная колонизація, промышленная, торговая и вольнонародная, шла значительно быстрѣе правительственной. Пионеръ - мужикъ проторилъ тропы по всей Сибири и въ семьдесятъ лѣтъ отъ истоковъ Оби дошелъ до Амура. Да и до самаго послѣдняго времени колонизація не прекращается; русскіе переселенцы идутъ впереди путешественниковъ, впереди военныхъ отрядовъ и посѣщаютъ никому невѣдомыя мѣста Средней Азии, въ родѣ Чернаго Иртыша, вершины Енисея и Лобъ-Нора. Такъ г. Пржевальскій, явившись на Лобъ-Норъ, узналъ что здѣсь были и провели зиму русскіе переселенцы. Извѣстно что прежде чѣмъ прибыти географы и также пограничныя власти къ подножью Катунскихъ Альпъ въ вершинахъ рѣки Катуня, какъ они были уже посѣщены бухарскими охотниками - крестьянами расположенными въ сосѣдствѣ съ ихъ деревнями. Горячіе Рахмановскіе ключи названы по имени крестьянина Рахманова.

„Относительно весьма смѣлаго провикновенія крестьянъ и колонизаторовъ на наши окраины мы позволимъ себѣ привести два характеристическіе разказа изъ недавняго времени. Во время нашего военнаго движенія на Бульджу, на границѣ былъ по-

оставленъ восьмой лотъ бывшаго рѣки Беркудшира, гдѣ осталася была сотня казаковъ и восьмой лаварота. Вдругъ около этого мѣста появляются теляги переселенцевъ. Оказалось что они пришли поселиться. Какъ итъ на разубѣждали что здѣсь востанла лунія и заселеніе преждевременно, крестьяне рѣшились ждать генерала управлявшаго краемъ. Принялъ начальникъ и также убѣждалъ ихъ не селиться на мѣстахъ не вѣдомыхъ безопасныхъ, бранилъ ихъ даже что далеко зашли, но крестьяне прошедши дальній путь ни за что не хотѣли уходить и просили записать ихъ хотя въ казаки. Съ разрѣшенія семирѣченскаго губернатора наконецъ они были записаны, и скоро сермяжный строй подъ руководствомъ казаковъ учился артикулу, а между прочимъ и завелъ лашки, то-есть удовлетворилъ главной потребности. Нынѣ Борохуширъ—дѣйствующее русское осѣдлое населеніе Семирѣченской области. Второй примѣръ. Одинъ начальникъ, объѣзжая границы, узналъ что казаки ведутъ споръ съ мужиками.—Да какіе же здѣсь мужики? спрашиваетъ изумленный начальникъ. Отправившись въ экспедицію онъ увидѣлъ въ неприступныхъ горахъ обширную самовольно русскую деревню.—Кто вы такіе? спрашиваетъ пограничный начальникъ.—Мы Россійскіе!—Кто вамъ дозволилъ здѣсь поселиться и какъ вы сѣли?—Мы не на твоей землѣ живемъ, отвѣчали переселенцы.—А на чьей же? Мы киргизскому султану, что въ Китаѣ живетъ, другой годъ дань за землю платимъ, отвѣчали малые русскіе колонисты, вообразившіе что они находятся въ китайскихъ предѣлахъ, хотя на самомъ дѣлѣ они были еще въ предѣлахъ Россіи, хотя въ такой мѣстасти которую плохо знали и Русскіе.“

Такихъ примѣровъ можно привести много. Крестьянство неудержимо стремится на югъ, въ Семирѣченскую область, на югъ Томской губерніи, въ Алтай, въ Минусинскій округъ Енисейской губерніи. Оно упорно стремится разомкнуть государственныя границы и находится теперь у предѣловъ Китая.

Авторъ весьма рѣшительно стоитъ за переселеніе, но за переселеніе правильное, не обставленное тѣми затрудненіями и неудобствами которыми оно сопровождалось и которымъ хорошимъ образцомъ можетъ служить случай приводимый авторомъ и взятый имъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* 1875 № 278.

Авторъ высказываетъ совершенно правильный взглядъ на значеніе народной колонизаціи.

„Приобрѣтеніе, завоеваніе, наконецъ населеніе Сибири есть продуктъ двухъ силъ—государственной и вольнонародной. При правительственной колонизаціи мы видимъ массу обрѣзаныхъ служилыхъ людей, казаковъ, водворенныхъ крестьянъ по распоряженію правительства, прикупляемыхъ ямщиковъ, назначенныхъ на мѣста преступниковъ, высланныхъ ремесленниковъ и мастеровъ, даже женщинъ для уравновѣшенія половъ, но государство къ этому вынуждается только необходимостью. Казенная колонизація, составляя временную функцію, весьма часто дѣлаетъ промаху, увлекается плаваномъ и фасадомъ, не соображая прочности почвы и окружающихъ удобствъ, она ломитъ и заставляетъ создавать массу непродуцательной работы, не щадитъ силъ и не соблюдаетъ законовъ. Много народа гибло на казенныхъ трактахъ, не мало было создаваемо искусственныхъ деревень и городовъ, которые послѣ лѣтъ и терали значеніе. Образецъ такой колонизаціи— въ степяхъ и на Амурѣ. Но еще важнѣе то что эта искусственная и принудительная колонизація не можетъ создать настоящаго импульса жизни, здѣсь не достаетъ живой силы, могучей энергіи, воли, творчества, народнаго вдохновенія. Сама по себѣ она одна не создала бы Сибири, не заселила бы всѣхъ пространствъ ея, не одухотворила бы жизнь и не привлекла бы къ работѣ такую массу населенія. Это могла дѣлать только добровольная колонизація. Сколько бы ни было употреблено изобрѣтательности и остроумія со стороны администраторовъ и регламентаторовъ, они не могутъ замѣнить народнаго ума и не изыщутъ тѣхъ новыхъ путей и тропъ по своей картѣ, которые находитъ народъ среди лѣсовъ и пустынь, пролагая самъ себѣ дорогу. Вотъ почему народно-историческія заданія вырастаютъ такъ неожиданно и создаются такъ оригинально, какъ не можетъ вообразить себѣ самый омѣльный государственный умъ. Что въ 80 лѣтъ съ небольшимъ будетъ завоевана и укрѣплена цѣлая часть свѣта какъ Северная Азія, территория превосходящая Римскую имперію, — не рѣшится предсказать ни Цезарь, ни Наполеонъ. Народъ же совершаетъ это не имѣя даже полководца во главѣ. Общати въ пыльномъ крайѣ въ извѣстный срокъ создать населеніе, культурную жизнь, водворить осѣдлость, построить деревни и города, проложить дороги, насадить промышленность, едва ли возьмется самый могущественный государственный человекъ.

По крайней мѣрѣ онъ не можетъ ручаться за успѣхъ недоброй работы, онъ не можетъ силою одной своей воли сотворить культурную жизнь, хотя бы его воля и способность двигать массами превосходила силы Фараона. Но народъ лученный живымъ токомъ въ новую страну создастъ это съ непредусмотрѣнною быстротой.⁴

Но если широкая, вольная, не стѣсняемая извѣстною регламентаціей народная организація принесетъ большую пользу Сибири, то наоборотъ штрафная колонизація, ссылка практикующаяся до сихъ поръ не принесла странѣ ничего кромѣ вреда и не оправдала ни одной изъ возлагавшихся на нее надеждъ. А между тѣмъ какихъ только благодѣтельныхъ послѣдствій ни предсказывали отъ нея краю. „Съ начала нынѣшняго столѣтія ать въ 50 ссылокъ ссылка дала Сибири полмилліона народа. По естественному приросту она должна была образовывать въ этотъ періодъ болѣе одного милліона жителей; такой контингентъ лицъ не могъ остаться безъ пользы для малонаселенной Сибири. Далѣе мы думали что населеніе это должно было внести извѣстный трудъ въ край и содѣйствовать его экономическому преуспѣванію. Ссыланные естественно должны были населять его и обзаводиться здѣсь хозяйствомъ; такимъ образомъ ссылка, исключая изъ общества вреднаго члена, дѣлала изъ преступника честнаго и благонадежнаго работника. Избавляя одну страну отъ вредныхъ и опасныхъ элементовъ, устрашая другихъ силой кары и угрозы депортаціи, мы давали другому краю новую кровь, трудовыя силы, и самое зло такъ-сказать претворяли въ добро на другой почвѣ. Вслѣдъ за высылкой за Уралъ мы были убѣждены что все калачное населеніе ссыльныхъ находится налицо, обзавелось хозяйствомъ, семьей, крѣпко водворилось здѣсь и благополучно производить потомство. Вотъ тѣ заключенія которыя могли быть сдѣланы насчетъ нашей ссылки и которыя дѣйствительно были сдѣланы. Все это давало поводъ заключить объ особенныхъ преимуществахъ этого наказанія и той пользы которую приносило оно Россіи. Наказаніе это считалось такимъ образомъ караніемъ и исправленіемъ, очищеніемъ общества отъ дурныхъ элементовъ и полезною колонизаціей новаго края. Оно удовлетворяло и суровыхъ криминалистовъ, и представителей исправительнаго принципа, наконецъ гуманистовъ предпочитавшихъ его душевной тюрьмѣ, такъ какъ здѣсь ссыль-

наше несутъ наказаніе и работаютъ на чистомъ воздухѣ. Оно обольщало даже утопиковъ желавшихъ наказаніе сдѣлать со-вѣстнымъ нечувствительнымъ. Казалось бы что ужъ соединеніе отгол противоположныхъ свойствъ въ сущности и на дѣлѣ, вытѣснявшихъ другъ друга въ самомъ принципѣ, могло бы зародить нѣкоторыя сомнѣнія въ его дѣйствительности и осуществимости, но на самомъ дѣлѣ оно содѣйствовало обольщенію, соединило около себя только массу защитниковъ сылки и усыпило общество. Вслѣдъ за успокоеніемъ что мы имѣемъ полмилліона оссылаемаго населенія за Ураломъ, мы уже не заботились справиться о томъ насколько находится въ наличности это населеніе, чѣмъ оно занимается и какова судьба его.“

А судьба не совсемъ хорошая. Наличное оссылаемое население составляетъ громадную разницу съ числомъ выслав-ныхъ сюда и приписанныхъ по волостямъ. Въ настоящее время можно насчитывать до 60.000 наличныхъ оссыльныхъ вѣсто полумилліона, и саникомъ 400.000 потеряннаго и не-извѣстно куда дѣвагося народа, умершаго и погибшаго въ быгахъ. Въ настоящее время, поэтому, все чаще и чаще раздаются голоса о прекращеніи сылки, и этотъ вопросъ шлетъ уже свою обширную литературу. Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, часть оссыльно-каторжныхъ отвозится моремъ на островъ Сахалинъ на корабляхъ Добровольнаго Флота, такъ что казалось найдены быль походы изъ затруднительнаго положенія, но, вопервыхъ, эта перевозка началась еще очень недавно, а во вторыхъ, производится притомъ въ совершенно ничтожномъ размѣрѣ какихъ-нибудь 500—600 человѣкъ, что въ общей средней цифрѣ 10.000 оссылаемыхъ ежегодно состав-ить очень малый процентъ.

Съ развитіемъ жизни въ странѣ несомнѣнно поднимется и производительность края. Сибирь не даромъ давно слыветъ *богатою*. Естественныя богатства страны въ самомъ дѣлѣ громады, но чтобъ овладѣть ими нужно знаніе. До сихъ поръ мы не могли сказать чтобы сокровища Сибири привесали намъ пользу. А между тѣмъ не было царствованія въ кото-рое Сибирь не напоминала бы о себѣ новыми открытіями и подарками: съ Иоанна Грознаго—завоеваніями и сободемъ; при Петрѣ I—открытіемъ рудниковъ и торговлей съ Китаемъ; при Екатеринѣ II — бухарскою торговлей, присоединеніемъ сте-лей, Камчатки, Амариканскихъ владѣній; при Павлѣ — меч-тами о походѣ въ Индію; въ послѣдствіи, въ сороковыхъ го-

дахъ — открытіемъ золота; въ пятидесятыхъ — присоединеніемъ Амура и Усури, въ шестидесятыхъ — Средней Азии, въ семидесятыхъ — Сахалина и т. д. А между тѣмъ что мы сдѣлали съ ней, что получили отъ нея? Въ разработкѣ естественныхъ богатствъ мы шли оцѣлю, не внося ни системы, ни знанія. По словамъ автора разбираемой книги, свидѣнія о золотѣ, серебрѣ и цѣнныхъ камняхъ Сибири землепроходцу Ерофею Хобарову сообщала, напримѣръ, Даурская женщина Мазанчанъ. Сибирскіе золотопромышленники обязаны были открытіемъ золота Тунгузамъ къ которымъ они постоянно прибѣгаютъ. Въ горномъ Алтаѣ руды отысканы по древнимъ чудскимъ коламъ. Несмотря на то что мы старались отыскать золото съ начала открытія Сибири, что въ этомъ было заинтересовано правительство, воеводы и множество частныхъ лицъ, золото въ россыпяхъ было открыто только въ сороковыхъ годахъ, то-есть черезъ 250 лѣтъ послѣ поисковъ и порываній. Еще менѣе было заботы о лучшихъ звѣряхъ, составляющихъ такой источникъ сибирскаго богатства. Соболя преслѣдовали съ дрекочьями и дубинами, били коромыслами около жилищъ, истребляли тысячами и миллионами. Мы не умѣли акклиматизовать животныхъ, развести козъ и лучшія породы овецъ. Мараль (благородный олень) легко приручается, рога его стоить до 100 руб. если продать его въ Китай, а мы и не думали сдѣлать его домашнимъ и только теперь начались подобныя попытки въ Алтаѣ. Хлѣбопашество развивалось чрезвычайно туго въ Сибири; табакъ долго не разводили, хотя онъ превосходно родится на югѣ. Изъ послѣднихъ опытовъ видно что въ Сибири могутъ акклиматизоваться вишня и яблонь, но яблонь осталась какъ-то случайно въ одномъ уголкѣ Западной Сибири. Дубъ не сумѣли акклиматизовать въ Сибири. Липу тоже не разводили, хотя и есть положительное доказательство что она здѣсь прививается.

Да, много еще предстоитъ здѣсь работы, но мы не сомнѣваемся что эта работа будетъ сдѣлана, и тогда результаты превзойдутъ ожиданія. Въ самомъ дѣлѣ, уже истекаетъ трехсотлѣтіе и должны же быть справедливы слова Адама Смита выставленныя эпитафией къ разбираемой книгѣ: „Колоніи просвѣщеннаго общества, утверждающіяся въ безардной и малораседевной странѣ, скорѣе всякаго другаго человѣческаго общества двигаются къ богатству и благосостоянію.“

3.

IV.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, для практическихъ врачей и учащихся. Dr. Германа Эйхгорста. Изданіе Рукера. С-Петербургъ. 1882.

Руководство къ зубооубрачебной наукѣ. Сочиненіе Dr. Леви. Изданіе К. Рукера. С-Петербургъ. 1882.

Учебникъ психіатріи, составленный на основаніи клиническихъ наблюденій Dr. Крафта Эдингера. Томъ 2й и 3й. Изданіе К. Рукера. С-Петербургъ. 1882.

Въ послѣднее время чувствуется большое оживленіе въ нашей медицинской литературѣ. Появляются впрочемъ не столько оригинальные сколько переводные труды. Часто книги появляются у насъ въ переводѣ тотчасъ за выходомъ въ свѣтъ оригинала. Не забудемъ что вышедшія медицинскія книги не похожи, на прежніакогда бывало ученыя профессора трактуютъ въ одномъ небольшомъ томикѣ о всѣхъ родахъ болѣзней. Далекораздвинувшіеся предѣлы знанія дѣлаютъ уже невозможнымъ такой методъ. Въ настоящее время, предпринимая изданіе какой-нибудь книги, авторъ приглашаетъ къ себѣ сотрудниковъ по известнымъ отдѣламъ, и затѣмъ каждый отдѣлъ, иной разъ одна какая-нибудь болѣзнь обрабатывается въ свою очередь нѣсколькими профессорами. Такъ появилось, на примѣръ, громадное сочиненіе по хирургіи, подъ редакціей профессоровъ Шиты и Бильрота, до сихъ поръ (въ пятнадцать лѣтъ) еще не конченное въ подлинникѣ. Такъ выходитъ въ настоящее время руководство къ частной патологіи и терапіи подъ редакціей Цимсена, этого руководства на русскомъ языкѣ уже вышло до тридцати книгъ, и оно еще тоже не кончено. Такъ выходитъ много другихъ сочиненій. Читатель, такимъ прямо знакомится съ даннымъ предметомъ во всей широтѣ на которой онъ находится въ настоящую минуту. Но за то эти сочиненія скоро утрачиваютъ интересъ современности: издаются и печатаются они всегда, вслѣдствіе обилія матеріала, въ теченіе довольно долгаго промежутка времени, а между тѣмъ медицина идетъ быстро впередъ какъ наука. То измѣнится взглядъ на природу какой-нибудь болѣзни, то добудутся новые факты, проливающие новый свѣтъ на ту или другую группу явленій, и какой-нибудь терпѣливый герман-

скій изслѣдователь олять беретса за перо. Не успѣеть окончиться изданіе одной книги какъ предпринимается изданіе новой. По нѣкоторымъ медицинскимъ отдѣламъ литература разрослась до такой степени что отдѣльному человѣку не одолѣть ея.

Предъ нами лежатъ три медицинскія книги. Двѣ изъ нихъ представляютъ интересъ только для специалистовъ, причѣмъ первая есть лишь начало огромнаго труда, сочиненія въ 16—18 выпусковъ. За то послѣдняя изъ этихъ книгъ, учебникъ психіатріи доктора Крафтъ-Эбинга, несомнѣнно возбудитъ живой интересъ въ каждомъ образованномъ человѣкѣ. Предметъ о которомъ она трактуетъ—самый животрепещущій. Сумашествія, различныя психическія расстройства учащаются съ каждымъ днемъ. Это касательно однихъ рѣзкихъ формъ, относительно которыхъ не можетъ уже быть никакихъ сомнѣній, а сколько въ нашемъ обществѣ людей съ задатками психической болѣзни, людей которые въ средѣ своихъ знакомыхъ пользуются только названіемъ *страннаго*. Всѣ мы живемъ теперь подъ страшнымъ нервнымъ напряженіемъ. Слишкомъ обостренныя борьба за существованіе, самолюбіе, честолюбіе поддерживаютъ нашу нервную систему на той степени напряженія, которой не соответствуетъ вѣшняя жизнеспособность организма. Равновѣсіе нарушается, особенно если этому способствуютъ нѣкоторые располагающіе моменты, наследственность, болѣзни, и наступаютъ различнѣйшія психическія расстройства отъ легкихъ степеней мании до вторичнаго сумашествія и неизлѣчимаго слабоумія.

Второй и третій томы разбираемой книги содержатъ въ себѣ частную патологію и терапію помѣшательства и клиническую казуистику. Классификація психозовъ до сихъ поръ вообще страдаетъ отсутствіемъ точности по самому существу этихъ болѣзней. Авторъ группируетъ всѣ психическія расстройства на *психо-неврозы*, то-есть такія душевныя болѣзни которыя развиваются у людей съ нормальнымъ мозгомъ, и на *психическія вырожденія*, поражающія индивидуумовъ уже болѣзненныхъ, развивающіяся на почвѣ тяжко предрасположеннаго мозга. Авторъ слѣдующими доводами старается утвердить подобную систему классификаціи:

„Частная патологія помѣшательства прежде всего предлагаетъ основанное на общихъ точкахъ зрѣнія раздѣленіе и соответственную группировку эмпирически извѣстныхъ намъ

картинъ душевныхъ болѣзней, индивидуально столь разнообразныхъ и именно потому трудно поддающихся изученію.

„Необходимость удовлетворительнаго раздѣленія душевныхъ болѣзней сознавалась уже давно и повела къ безчисленнымъ попыткамъ классификаціи, изъ которыхъ однако же ни одна не заслужила всеобщаго и безусловнаго одобренія.

„Какъ ни трудна попытка подобнаго рода, избѣжать ея нѣтъ никакой возможности, въ интересъ прогресса науки и для достиженія болѣе яснаго пониманія автора читателемъ.

„Но, спрашивается, какихъ точекъ зрѣнія при современномъ состояніи психіатріи мы должны держаться, предпринимая подобную классификацію психозовъ?

„Въ патологіи существуютъ три принципа раздѣленія: *анатомическій*, устанавливаемый по анатомическимъ измѣненіямъ, лежащимъ въ основѣ болѣзни, *этіологическій*, принимающій главнымъ образомъ во вниманіе особенныя причины которыми вызываются эти измѣненія, и наконецъ *клинико-функциональный*, имѣющій въ виду особенность вида и слобода примененій отравленій организма, обусловленную болѣзненнымъ процессомъ.

„Объ анатомическомъ раздѣленіи психозовъ еще нельзя думать. Анатомическіе процессы, клиническимъ выраженіемъ которыхъ служатъ явленія помѣшательства, извѣстны намъ вообще слишкомъ мало, не говоря уже о тѣхъ анатомическихъ различіяхъ которыми обусловливается разнообразіе картинъ болѣзни...“

Далѣе авторъ говоритъ о невозможности построить классификацію на основаніи причинъ болѣзни, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ помѣшательство является обыкновенно результатомъ совмѣстнаго дѣйствія множества причинъ, отдѣльная оцѣнка которыхъ крайне затруднительна, а иногда и просто невозможна.

„Но все-таки этіологическій моментъ очень важенъ въ томъ отношеніи что извѣстныя важныя общія причины, какъ на-примѣръ наследственность, конституціональныя свойства организма и т. п. способны придавать дѣлой группѣ самыхъ разнообразныхъ картинъ нѣкоторыя общія черты отражающіяся на припадкахъ и теченіи болѣзненнаго процесса.

„И въ самомъ дѣлѣ фундаментальное различіе лежитъ уже въ томъ, развивается ли психическое расстройство на почвѣ мозга *вроднаго*, правильно образованнаго отъ рожденія и

нормально функционирующего, или же на почвѣ *недужнаго* мозга, который вообще функционируетъ неправильно, отмеченъ тяжкою наследственностью, или при своемъ развитіи находился подъ особенно неблагоприятными вліяніями.“

Вотъ съ этой-то точки зрѣнія и разграничиваетъ авторъ главныя группы душевныхъ разстройствъ.

Весь третій томъ посвященъ классической казуистикѣ. Тутъ собраны 124 случая разнообразныхъ душевныхъ пораженій, съ подробными исторіями болѣзни, которыя какъ бы иллюстрируютъ теоретическія описанія втораго тома. Тутъ предъ нами проходитъ какъ въ панорамахъ душевная, умственная и нравственная жизнь цѣлой сотни личностей, извращенная вслѣдствіе различнѣйшихъ причинъ. Тутъ собраны всѣ болѣзни и всѣ степени болѣзней. Тутъ шагъ за шагомъ можно прослѣдить разрушеніе внутренняго міра человѣка. Мы видимъ какъ въ однихъ случаяхъ дѣло ограничивается легкими, вполнѣ излѣчимыми степенями меланхоліи и маніи; какъ въ другихъ случаяхъ психическая слабость идетъ далѣе, наступаетъ постепенное потуханіе аффектовъ, распаденіе прежняго „я“, прежней цѣлостной личности; какъ далѣе порывается всякая связь между чувстваваніями, представленіями и стремленіями. Какъ въ разстроенномъ въ концѣ психическомъ организмѣ по временамъ еще появляются идеи бреда, безсвязныя, спутанныя представленія и какъ наконецъ наступаетъ общее распаденіе психической функціи, совершенная апатія ко всему окружающему, полный покой, такой же глубокій какъ покой могилы, хотя человѣкъ еще живетъ на землѣ.

Всѣ исторіи болѣзни изложены живо и подробно. Приведу отрывокъ одной изъ нихъ, описывающей классическій общій параличъ и характеризующей такъ-называемый бредъ величія, *folie de grandeur*.

„Больной бредилъ о несмѣтныхъ богатствахъ и лутался, никогда не достигая цѣли, въ нескончаемыхъ вычисленияхъ, какимъ образомъ можно было погасить государственныи долгъ. „Возьмите, говорилъ онъ, 1.000 флоринновъ, помножьте на 12 мѣсяцевъ, потомъ раздѣлите на 12 и прибавьте къ полученному числу столько нулей чтобы получилась необходимая вамъ сумма. Такимъ образомъ можно видѣть сдѣлать милліонеромъ!“ Онъ величалъ себя властителемъ вселенной, загадочнымъ другомъ его величества, вращателемъ сѣвернаго и южнаго полюсовъ. Онъ, первый опер-

мый лѣвецъ, отправляется верхомъ въ кругосвѣтное путешествованіе съ дамами; въ его экипажъ впрягають 500 лошадей, которыя стоятъ въ конюшняхъ выстроенныхъ изъ амазонокъ. Посредствомъ экватора онъ подблизилъ землю съ другимъ большимъ, который находится въ такомъ же періодѣ общаго паралича, а дальше дѣлаю пошло ужъ о дѣлажъ неба и наконецъ собрался со своимъ другомъ въ путешествіе на лаву Везувія, потому что онъ и его другъ, оба неуязвимы огнемъ. Пациентъ называетъ себя владѣльцемъ Тевтобургскаго лѣса, монархомъ по рожденію и заказываетъ изготовить изъ амазонокъ статую Арминія, въ миллиардъ метровъ вышиной. Онъ собереть выстрѣлами звѣзды съ неба, пошлетъ туда своего друга на обѣрныхъ оленяхъ, два эскадрона кавалеріи пойдутъ впереди. Онъ самъ изготовляетъ небесныя орбиты, прессуетъ газъ и превращая его въ земную кору. И вотъ такимъ образомъ одна за другою, новыя планеты готовы и брошенныя, начинаютъ вращаться въ небесномъ пространствѣ. Пациентъ телеграфируетъ во всѣ концы вселенной, напримеръ: „Полярному флоту! Корабельный врачъ Д. (прозывается немедленно въ адмирала) долженъ прибыть сію минуту сюда! Всѣ желающіе явиться сюда моряки, явитесь! Всѣ врачи, какіе есть на свѣтѣ, всѣ фабриканты, художники, лѣвцы,—сюда! Задастся исполнскій концертъ! Телеграфировать на солнце, луно и звѣзды чтобъ и оттуда всѣ пришли сюда! Буду очень радъ прелестнымъ дѣвушкамъ которыя придутъ съ Венеры и Юноны!“

V.

Телефоны и практическое ихъ прилженіе. Г. Писаревокаго. С.-Петербургъ 1882.

Прошло шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ телефонъ впервые представленъ былъ образованному міру его изобрѣтателемъ Грагамомъ Беломъ, на Филадельфійской выставкѣ. Въ теченіе этого времени онъ подвергся значительнымъ улучшениямъ и измѣненіямъ въ своей первоначальной конструкціи, получилъ обширное практическое примѣненіе и общается сдѣлаться современемъ такимъ же могучимъ орудіемъ цивилизаціи какъ и электрическій телеграфъ. Теперь за границей

во многих мѣстахъ устроено телефонное сообщеніе. И у насъ въ Россіи уже начинаютъ приступить къ этому. По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, въ Петербургѣ уже набралось до 80 абонентовъ лицъ желающихъ переговариваться между собою посредствомъ телефона, и на дняхъ будетъ приступлено къ устройству телефонной сѣти и соединительной станціи. Въ Москвѣ въ настоящую минуту есть опытъ частнаго телефоннаго сообщенія, и желающіе могутъ слушать оперу не въ здании Большаго Театра, а въ одномъ изъ домовъ Леонтьевскаго переулка. Нѣтъ сомнѣнія что современемъ и въ другихъ большихъ городахъ будетъ введено телефонное сообщеніе.

Книга г. Писаревакаго имѣетъ цѣлю познакомить читателей и съ самимъ приборомъ, и съ современнымъ состояніемъ телефоннаго дѣла въ разныхъ государствахъ Европы и Америки. Сочиненіе содержитъ много рисунковъ и написано популярнымъ языкомъ. Оно уломинаетъ и объ исторической сторонѣ дѣла, о всѣхъ попыткахъ подобнаго рода, которыя предшествовали телефону, о всѣхъ улучшеніяхъ какимъ подвергся онъ въ послѣдствіи; далѣе онъ описываетъ устройство телефонной сѣти и станцій, воздушныхъ проводовъ и подземныхъ кабелей. Кроме того, книга содержитъ много практическихъ указаній о томъ какъ обращаться съ телефономъ. Это весьма полезно: мы сами видѣли какъ изъ лубки толкани шедшей въ домъ Мичигера слушать оперу по телефону. По крайней мѣрѣ добрая половина войдя въ назначенную залу даже не знала гдѣ найти телефоны висѣвшіе тутъ же на крючкахъ, и не знала какъ должно употреблять ихъ.

Что касается телефоннаго сообщенія, то въ настоящее время оно уже довольно значительно развито. Въ большихъ городахъ Америки, Чикаго, Бостонѣ, Филадельфіи и Нью-Йоркѣ, насчитываютъ теперь по 3.000 абонентовъ въ каждомъ. Оно введено и въ нѣкоторыхъ городахъ Европы, причемъ сначала дѣло не обошлось безъ различныхъ недоразумѣній и препирательствъ. Въ Англіи былъ формальный процессъ между компаніей полагавшею что она имѣетъ право какъ въ Америкѣ свободно эксплуатировать телефонное сообщеніе, и Англійскимъ правительствомъ. Основаніемъ процесса послужили два пункта касавшіеся и технической, и юридической стороны дѣла. Именно былъ поднятъ вопросъ о томъ, составляетъ ли телефонъ самостоятельный приборъ или только видоизмѣненіе телеграфа, и потомъ если телефонъ

приборъ самостоятельный, то можетъ ли быть предоставлено частной компаніи право эксплуатаціи его. Процессъ былъ проигранъ, но само правительство отказалось отъ своего преимущества и допустило частныя телефоны, только на извѣстныхъ условіяхъ, именно съ обязательствомъ производить въ пользу казны ежегодный взносъ въ размѣрѣ 10^о съ валовой выручки. Такимъ же образомъ устроено сообщеніе и въ другихъ государствахъ, кромѣ Германіи, гдѣ правительство приравнивало его къ телеграфамъ и эксплуатируетъ отъ себя, и гдѣ дѣло идетъ очень медленно. Сначала въ разныхъ городахъ Европы было по нѣскольکو компаній дѣйствовавшихъ одновременно, но это оказалось очень неудобно. Невозможно было устроить правильную сѣть, провода пересѣкались между собою по всѣмъ направленіямъ, причемъ было много сообщений (иногда умышленныхъ) вредившихъ услугу дѣла и клонившихся къ ущербу абонентовъ. Теперь почти вездѣ дѣйствуетъ одна компанія Бѣла, скулившая право эксплуатаціи у другихъ или слившаяся съ нами.

Что касается Россіи, то по словамъ автора „у насъ въ Россіи, согласно Высочайше утвержденному постановленію комитета министровъ, устройство и содержаніе городскихъ телефонныхъ сообщеній предоставлено частнымъ предпринимателямъ по выбору ихъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и по контрактамъ заключеннымъ съ ними телеграфнымъ департаментомъ, согласно составленнымъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и измененнымъ по указанію комитета основными условіямъ, Высочайше утвержденнымъ 25 сентября 1881 года“.

Главные изъ этихъ условій слѣдующія:

Право эксплуатаціи телефонной сѣти предоставляется контрагенту на 20 лѣтъ, а по прошествіи этого времени телефонная сѣть передается имъ безвозмездно и въ полной исправности въ вѣдѣніе правительства (пунктъ 12).

За право эксплуатаціи контрагентъ платитъ въ телеграфный доходъ 10^о со всей суммы сбора взимаемаго съ частныхъ абонентовъ и 5^о со сбора улачиваемаго контрагенту правительственными и городскими учрежденіями (пунктъ 11).

Правительство въ правѣ приобрѣсть въ свою собственность телефонную сѣть, но не ранѣе какъ по прошествіи семи лѣтъ ея эксплуатаціи (пунктъ 17).

Плата за абонементъ опредѣляется не свыше 250 руб. за каждый телефонный аппаратъ (пунктъ 9).

Сообщеніе между абонентами должно происходить безусловно чрезъ посредство центральныхъ станцій. Въ переговоры эти могутъ вступать только абоненты и по личнымъ ихъ дѣламъ. Передача абонентами телефонныхъ ихъ аппаратовъ въ распоряженіе постороннихъ лицъ—за плату или безвозмездно—строго воспрещается (пунктъ 7).

Министръ внутреннихъ дѣлъ въ правѣ требовать отъ контрагента лишенія кого-либо изъ абонентовъ права пользованія телефономъ. Такое требованіе исполняется немедленно (пунктъ 10).

Правительство имѣетъ право, если признаетъ нужнымъ, закрыть дѣйствіе телефоновъ въ некоторыхъ пунктахъ или по всей сѣти и притомъ на неопредѣленное время (пунктъ 18).

3.

VI.

Гейссеръ. Исторія Реформаціи. Переводъ подъ редакціей Вуктора Михайловскаго. 1882 года.

Въ нѣмецкомъ изданіи (*Ludwig Häusser's Geschichte des Zeitalters der Reformation 1517—1648. Berlin. 1868*) прежде всего помѣщено предисловіе профессора Гейдельбергскаго университета Вильгельма Онкена (Oncken), гдѣ изложена исторія происхожденія означеннаго сочиненія. Изъ этого предисловія оказывается что издатель не очень стѣснялся своими записями какія онъ сдѣлалъ за профессоромъ Гейссеромъ въ зимній семестръ 1859—60 учебнаго года. Онъ позволялъ себѣ не только измѣнять отдѣльныя фразы Гейссера, но и самый текстъ во многихъ отдѣлахъ дополнял и перерабатывалъ. Вотъ его подаивныя слова: „davon abgesehen war ich für alle übrigen Abschnitte, die an Vollständigkeit zu wünschen übrig liessen, auf selbstständige Ergänzung aus den wichtigsten Quellenwerken und Bearbeitungen angewiesen“ (стр. VI—VII). При такомъ положеніи дѣла, читатель означеннаго сочиненія, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ одинъ изъ нѣмецкихъ критиковъ (Maurenbrecher), никогда не можетъ быть увѣренъ съ кѣмъ собственно онъ имѣетъ дѣло: wer zu uns spricht, Häusser oder Oncken? Русскій переводчикъ совсѣмъ выкинулъ это нѣмецкое предисловіе, должно-быть считая его излишнимъ, и что особен-

во поравнительно, даже прямо заявляетъ что „лекція Гейссера были собраны и издааны его ученикомъ Онкеномъ безъ всякаго переложенія“ (стр. V).

Въ нѣмецкомъ изданіи указана литература предмета (стр. 3). Русскій переводчикъ опустилъ и литературу, замѣнивъ ее своею, причемъ оказывается, что Гейссеръ, читавшій свои лекціи въ 1859—60 учебномъ году, уже пользовался сочиненіями изданными въ 1870, 74, 76 и даже въ 1880 годахъ. Если нѣмецкій читатель лишень возможности различить кто собственно говоритъ, Гейссеръ или Онкенъ, то русскій читатель, если у него нѣтъ предъ глазами нѣмецкаго текста, будетъ испытывать еще въ большее затрудненіе измѣненіями русскаго изданія. Совершенно вѣрно что въ отдѣлѣ *Главы источники и сочиненія* показано несравненно больше чѣмъ въ нѣмецкомъ изданіи; но также несомѣнно и то что кто желаетъ знакомиться съ книгой Гейссера, тому прежде всего нужно указать именно ту литературу какою онъ самъ пользовался. Никто не прелятствовалъ редакціи указать на тѣ или другія сочиненія не упомянутыя въ нѣмецкомъ изданіи; но необходимо было литературу указанную самимъ Гейссеромъ неизмѣнно оставить и въ русскомъ изданіи.

Въ Германіи хорошо была извѣстна дѣятельность Гейссера; тѣмъ не менѣе и тамъ было предъявлено требованіе „опредѣлить его мѣсто въ новѣйшей нѣмецкой исторіографіи“. Тѣмъ необходимѣе было въ предисловіи къ русскому изданію сказать: кто такой Гейссеръ? какого онъ направленія? въ чемъ его сила, и въ какой мѣрѣ авторитетны его мнѣнія?... „Сочиненіе Гейссера, читаемъ въ предисловіи, занимаетъ въ западно-европейской литературѣ совершенно особое мѣсто. Гейссеръ впервые съ общесторической точки зрѣнія отвѣсся къ тѣмъ измѣненіямъ релігіозной жизни которыя отдѣляютъ средневѣковой католическій міръ отъ нашего новаго“ (стр. V). Онъ „обратилъ исключительное вниманіе на политическую сторону реформаціи, почти игнорирова умственное и социальное движеніе этой эпохи“ (ibid). „Внѣшняя политика, *казовая* сторона исторіи играетъ у него выдающуюся роль; измѣненія въ идеяхъ и настроеніи общества, скрытыя, но обуславливающія внѣшнія событія и въ его сочиненіи *остаются скрытыми*“ (стр. VI). Если сопоставить предыдущее съ послѣдующимъ, то оказывается что Гейссеръ „съ общесторической точки зрѣнія отвѣсся къ тѣмъ измѣ-

вѣдямъ въ религиозной жизни которыя отдѣляютъ средневѣковой католическій міръ отъ нашего новаго“ и въ то же время съ другой точки зрѣнія оставилъ эти измѣненія *скрытыми*. Спрашивается однако, зачѣмъ же нужно было переводить на русскій языкъ такое „кабалистическое“ сочиненіе? Этотъ вопросъ, какъ видно изъ того же предисловія, занималъ русскаго переводчика, и онъ придумалъ слѣдующій очень замысловатый отвѣтъ: „Хотя произведеніе Гейссера занимается вѣдѣнными фактами, но слѣдуетъ надѣяться что талантливое изображеніе этихъ фактовъ послужитъ для читателей подготовкой и необходимымъ введеніемъ къ изученію причинъ, къ знакомству со внутреннею исторіей того времени. *Съ этою цѣлію составленъ приложенный въ конць книги списокъ изъ некоторыхъ источниковъ и главныхъ сочиненій относящихся къ исторіи реформации*“. Другими словами: русскій переводчикъ предполагаетъ что изъ Гейссера читатель долженъ узнать только „казовую сторону исторіи“, потомъ по указанному въ концѣ русскаго изданія реестру книгъ долженъ приобрести и прочесть „нѣкоторые источники и главныя сочиненія“ числомъ примѣрно около *двухсотъ пятидесяти томовъ*: въ нихъ онъ и найдетъ указанія на тѣ „измѣненія въ идеяхъ и настроеніи общества“ которыя „въ сочиненіи Гейссера остаются скрытыми“... Конечно ознакомиться съ 250 томами дѣло нелегкое. Но поручится ли редакция русскаго перевода что читатели не запутаются въ этой массѣ книгъ и въ конць-концовъ все-таки найдутъ идеи скрытыя Гейссеромъ? Отчего бы ей не присовокупить что кромѣ указанныхъ книгъ нужно приобрести къ нимъ еще ключъ, именно „ключъ *Сезамъ*“, правда инструментъ очень таинственный и весьма рѣдкій, въ настоящее время едва ли и имѣющійся въ продажѣ, но несомнѣнно хорошо извѣстный въ XV и началѣ XVI столѣтій.

Два слова о самомъ сочиненіи. Русскій переводчикъ „вн-чтоже сумняся“ ставитъ это сочиненіе въ одинъ рядъ съ *Исторіей XVIII столѣтія* Шлоссера, *Исторіей XIX вѣка* Гервинуса, *Исторіей французской революціи* того же Гейссера. Въ видахъ рекламы это можетъ быть и полезно; но не такъ на самомъ дѣлѣ. Нѣмецкая критика рѣзко различаетъ эти два сочиненія. Въ *Исторіи французской революціи* Гейссеръ—специалистъ. Изученію и историческому изслѣдованію этого времени онъ посвящалъ силы своихъ лучшихъ

лѣтъ, ему принадлежитъ и главное произведеніе его жизни. Оно и издадо со всею тщательностью. Напротивъ, съ исторіей реформаціи, въ ея собственномъ смыслѣ, т. е. съ исторіей протестантскаго ученія, разныхъ богословскихъ направленій и сектъ, вообще со внутренней стороны реформаціи и контръ-реформаціи Гейссеръ совсѣмъ не знакомъ. Это—спеціальность Плавка. Поэтому гдѣ Гейссеръ касается этой области—ученія Лютера, сущности лютеранства, цвинглианства, кальвинизма, вообще реформаціи какъ *религіознаго* движенія, тамъ его мнѣнія *не компетентны*. И кромѣ того, при имѣющемся изданіи *Исторіи реформаціи* Гейссера никогда нельзя поручиться что то или другое мнѣніе дѣйствительно принадлежитъ Гейссеру. Почему нѣмецкая критика, высказавъ поощреніе Оркену за *искаженіе* исторіи реформаціи Гейссера, считаетъ за лучшее отказаться отъ самаго разбора этого сочиненія: „*einer sachlichen Kritik der Vorlesungen glauben wir uns schon aus dem Grunde enthalten zu sollen, da wir nicht sicher sind, an wessen Adresse einzelne Bemerkungen sich zu wenden hätten.*“

VII. Книжныя новости.

По распоряженію Почтоваго Департамента издавъ отчетъ о дѣятельности почтоваго вѣдомства за 1880 годъ подъ заглавіемъ *Почтовая Статистика*. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о почтовой дѣятельности. Всѣхъ почтовыхъ учрежденій, почтамтовъ, конторъ, отдѣленій и др. въ 1880 году находилось въ вѣдѣніи почтоваго департамента 4.458, въ которыхъ служащихъ было 15.285. Протяженіе почтовыхъ путей въ этомъ году равнялось 160.516 верстамъ, изъ которыхъ на долю желѣзныхъ дорогъ приходилось 21.678 верстъ и посейныхъ 7.784 версты. По этимъ путямъ въ 1880 году пройдено почтами около 56 милліоновъ верстъ, въ томъ числѣ по желѣзнымъ дорогамъ около 22 милліоновъ верстъ и по посейнымъ до 4 милліоновъ. Общее число отправленій въ 1880 достигало 227 милліоновъ, дѣяностію почти на 3 милліарда рублей. Изъ этого числа на внутреннюю корреспонденцію приходится 224 милліона разнаго рода отправленій, на сумму 2.880 милліоновъ рублей, и на международную около 23 мил-

листовъ отправленій на сумму 101 миллионъ рублей. Общій доходъ доставленный почтовою частію въ 1880 году составлялъ 14.132.929 руб., а расходъ на все 15.299.179 руб.

Въ 1879 В. И. Межовъ обратился въ отдѣленіе русскаго языка и словесности съ просьбой напечатать на счетъ Академіи Наукъ составленный имъ библиографическій указатель изданныхъ въ Россіи трудовъ по русской и всеобщей исторіи за 12 лѣтъ, то-есть съ 1865 по 1876 годъ. Академія разсмотрѣвъ трудъ г. Межова издала нынѣ два первые томы указателя подъ заглавіемъ *Русская историческая библиографія* за 1865—1876 включительно. Всѣхъ томовъ указателя будетъ семь.

Въ Петербургѣ напечатано полное собраніе въ одномъ томѣ *Стихотвореній Н. А. Некрасова*. При томѣ приложенъ портретъ поэта, его факсимиле и биографическій очеркъ.

Императорская Публичная Библіотека издала каталогъ иностранныхъ книгъ пріобрѣтенныхъ ею въ 1878 и 1879 гг.

В. И. Межовъ издалъ въ Петербургѣ библиографическій указатель литературы Петровскаго юбилея 1872, съ прибаловленіемъ книгъ и статей о Петрѣ I вообще, явившихся въ свѣтъ съ 1865 до 1876 включительно. Указатель въ 16 д. л. озаглавленъ *Юбилей Петра Великаго*.

Общество Любителей Древней Письменности издало *Исторію о Милюзинѣ королевицѣ и о чудныхъ ея дѣтяхъ и о городѣ Лозинѣ*. Изданіе роскошное, напечатано въ 4 д. л. на 187 стр.

Въ Петербургѣ напечатанъ *отчетъ генераль-адъютанта барона Корфа* о дѣятельности по уничтоженію филлоксеры въ Крыму со времени ея открытія въ октябрѣ 1880 по 1 сентября 1881.

Въ будущемъ 1883 году исполнится ровно 60 лѣтъ съ того времени какъ въ Россіи стала извѣстна гомеопатія. По этому поводу Др. К. Боянусъ издалъ *Историческій очеркъ Гомеопатіи въ Россіи*. Ученіе Ганеманна проникло въ Рос-

сію въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I, именно въ 1824 году, когда пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Германіи докторъ Адамъ, за годъ предъ тѣмъ познакомившійся съ Ганеманномъ. Сочиненіе Dr. Боянуса напечатано въ Москвѣ. Въ книгѣ 239 стр. въ 8 д. л.

Въ Петербургѣ напечатаны: *Болонская Псалтирь*. (1186—1196) и *Евангеліе Рылскаго монастыря* (въ Болгарскомъ княжествѣ) конца XII в. или начала XIII в. Сообщение В. В. Качановскаго. Читано въ засѣданіи Общества Любителей Древней Письменности. 4 д. л. 19 стр.

М. О. Вольфъ предпринялъ изданіе въ русскомъ переводѣ А. Мицкевича. Переводъ редижирруется П. Н. Полевымъ. Вышедшій первый томъ содержитъ мелкія стихотворенія, баллады и советы, біографію и портретъ автора на стали. Томикъ отпечатанъ въ 16 д. л. 348 стр.

Въ вышедшемъ надняхъ XIII выпускѣ *Всеобщей исторіи литературы*, составляемой по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ подъ редакціей В. Θ. Корна, помѣщены: окончаніе труда А. И. Кирпичникова „Средневѣковыя литературы западной Европы и Византіи“; „Очеркъ исторіи арабской литературы“ И. Н. Холмогорова и „Новѣйшая литература Арабовъ“ Г. А. Муркоса.

Кромѣ того въ Петербургѣ издааны слѣдующія книги:

Энциклопедическій всенаучный словарь, составленный подъ редакціей В. Клюшникова. Ч. II, Л—У. 8 д. л. 940 стр. Часть III, Ф—V и дополненіе 945—1709 стр.

Вибліологическій словарь и черновые къ нему матеріалы П. М. Строева. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціей академика А. Θ. Бычкова. 8 д. л. 530 стр.

Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Книга вторая. 530 стр. 4 д. л.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XVI. 436 стр. 8 д. л.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. XXV. Памятники дипломатическихъ сношеній древ-

ной Россіи съ державами иностранными. 8 д. л. XXII—869 87.

Доклады состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, издаваемы Императорскою Академіей Наукъ подъ редакціей Н. В. Каацова. Т. II. Годъ 1712. Книга I (январь—іюль). 8 д. л. 464 стр.

С. А. Берзидскій. *Документы и Регесты къ исторіи Литовскихъ Евреевъ* изъ актовыхъ книгъ: метрики литовской, кievскаго и виленакаго центральныхъ архивовъ и нѣкоторыхъ печатныхъ изданій. Т. II. 1550—1569 гг. 8 д. л. 259 стр.

Акты относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи собранныя и издаваемыя Археографическою Коммиссіей. Томъ двѣнадцатый, 4 д. л. 874 стр.

Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Ф. Мартенса. Т. I. 8 д. л. 418 стр.

Государственное Право. Лекціи читанныя профессоромъ А. Д. Градовскимъ въ 1881—82 академическомъ году. 507 стр. 8 д. л.

В. А. Михневичъ. *Историческія этюды русской жизни.* Томъ второй. 8 д. л. 430 стр.

А. К. Вестужевъ-Рюминъ. *Біографіи и характеристики.* Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ, Ешевскій, Гальфердингъ. 8 д. л. 358 стр.

300лѣтіе Сибири. Празднованіе въ Петербургѣ и въ Москвѣ для двадцати шестаго октября 1581. Издано съ благотворительною цѣлію. 42 стр. 8 д. л.

Сборникъ военныхъ разказовъ 1877—1878. Часть третья. Изданіе князя В. П. Мещерскаго. 320 стр. 8 д. л.

Альбомъ картинъ. Третье приложеніе къ *Сборнику* военныхъ разказовъ войны 1877—1878. Изданіе князя В. П. Мещерскаго. 4 д. л.

Новыя свѣдѣнія о Котоминѣ по шведскимъ источникамъ. Я. К. Грота. 33 стр. 8 д. л.

Джонъ Стюартъ Милль. *Утилитаризмъ. О свободѣ.* Переводъ съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго. 2е изд. Съ приложеніемъ очерка жизни и дѣятельности Милля. Е. Кофради. 8 д. л. СХХХV—387 стр.

Современный взглядъ на Еврейскій вопросъ. И. Любогостанскаго 8 д. л. 160 стр.

Разборъ современнаго еврейскаго вопроса профессора

Н. Кассела. Противъ профессора Трейке. Переводъ съ нѣмецкаго. 8 д. л. 20 стр.

Избавился ли мы отъ нисеизма? Записка представленная въ 1879 году А. К. 35 стр. въ 8 д. л.

В. Н. Жукъ. *Вопросы школы.* Недостатки современной системы образованія и необходимыя реформы школы 82 стр. въ 8 д. л.

Оправданіе Евреевъ и вѣрное рѣшеніе еврейскаго вопроса Др. Ц. Л. Бекка. Переводъ съ нѣмецкаго С. Каценеллаембогена. 81 стр. 8 д. л.

Полное собраніе сочиненій Ф. М. Достоевскаго. Томъ третій. Повѣсти и разказы. 704 стр. 8 д. л.

Антиподы. Романъ Ольги Шапиръ. 224 стр. 16 д. л.

Классика Лиза. Романъ кн. В. Мещерскаго. Часть первая. Изданіе второе. 338 стр. 16 д. л.

Полпадуры и полпадуриш. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе третье. 266 стр. 8 д. л.

Императрица Елизавета Петровна. Романъ-хроника изъ исторіи Россіи Грегора Самарова (съ нѣмецкаго) съ портретомъ его и біографіей. 8 д. л., ч. I. 616 стр. Ч. II, 397 стр.

Сергей Горбатовъ. Историческій романъ конца XVIII в. Всеволода Соловьева. Въ двухъ частяхъ. 8 д. л. 671 стр.

Городъ упразднится. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Виктора Крылова (Александрова) 12 д. л. 120 стр.

Царю. Ода-позма съ эпитоломъ. П. А. Погадаевъ. 8 д. л. 176 стр.

Чтеніе для народа о Суворовѣ. С. Рождественскаго. Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію постоянной комиссіи народныхъ чтеній. Изд. 2е, 40 стр. 16 д. л.

Какъ похвасишь, такъ и прослывишь. Разказъ. Одобрено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. 20 стр. 16 д. л.

А. и П. Кореневы. *Въ саль.* Сборникъ статей, стихотвореній, басенъ, поговорокъ и загадокъ для чтенія въ школахъ и дома. Выпускъ третій. 60 стр. 8 д. л.

Приключенія капитана Гаттераса. Необыкновенное путешествіе. Жюль Верна, въ двухъ частяхъ. Съ 252 рисунками. Изданіе А. С. Суворина.

Боккачіо. Комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Музыка Фр. фоль-Зулле. 228 стр. 8 д. л.

Для немногих. Въ воспоминаніе о покойномъ Н. С. Оло-
чинѣ. Изданіе Е. Н. Олочинина. 17 стр. 16 д. л.

Маленькая караульница. Разказъ И. Н. Ирмайлова. 20
стр. 8 д. л.

Д. Мордовцевъ. Идеалисты и реалисты. Историческій ро-
манъ 8 д. л. 333 стр.

Сагайдачный. Историческая повѣсть Д. Л. Мордовцева.
16 д. л. 292 стр.

Насажденіе. Романъ Всеволода Соловьева. 16 д. л. 268 стр.

Сергій Атава (С. Н. Терпигоревъ). *Оскуднѣе.* „Благород-
вые“. 8 д. л. Т. I, 561 стр. Т. II, 405 стр.

Думы и тѣни. Стихотворенія Н. А. Павова. 8 д. листа
168 стр.

50 боевые пѣсни сложенные за Русско-Турецкую войну
1877—1878 годовъ. 8 д. л. 75 стр.

Какъ надо жить, чтобы бѣду избѣять. Шестое изданіе.
Внесена въ каталогъ Министерства Народнаго Просвѣщенія
для учебныхъ библиотекъ и для народнаго чтенія. 32 стр.
16 д. л.

Баронъ Н. А. Корфъ. *Первоначальное правописаніе* 48 стр.
16 д. л.

Русская азбука для совмѣстнаго обученія чтенію, письму
и рисованію. Составилъ В. Гербагъ. Одобрена М. Н. Пр.
какъ руководство для народныхъ училищъ. 16 д. л. 64 стр.

Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія
при народномъ обученіи. Составилъ Николай Щербина. Из-
даніе шестое. 8 д. л. 650 стр.

Свѣтъ и что отъ него происходитъ. Изданіе редакціи жур-
нала *Досугъ и Дѣло*, 53 стр. 8 д. л.

Сборникъ пословицъ, поговорокъ, примѣтъ и проч. Русско-
народная философія. Составилъ Отшельникъ Мери-Хови.
252 стр. 8 д. л.

Дѣтсти загадокъ, дѣтсти отгадокъ для умныхъ дѣтей.
97 стр. 16 д. л.

Что такое характеръ и какъ онъ можетъ быть образованъ
воспитаніемъ Др. К. Л. А. Гагемана. Переводъ М. З. 14 стр.
8 д. л.

Идеалъ женщины. М. З. 14 стр. 8 д. л.

*Руководство къ частной патологіи и терапіи для практи-
ческихъ врачей и учащихся.* Др. Германа Эйхгорста, профес-
сора клиникъ внутреннихъ болѣзней въ Геттингенскомъ уни-

верситетѣ. Переводъ съ нѣмецкаго (съ согласія автора) Дг. Крузенштерна. Изд. К. Руккера. Вып. I. 8 д. л. стр. 1—198.

Руководство къ гомеопатической ветеринарной врачебной практикѣ заключающее описаніе и лѣченіе болѣзней лошадей, собакъ, быковъ, коровъ, овецъ и свиней. Составл. Гаррией Гудей. Переводъ съ англійскаго Сэрмонъ. 8 д. л. 200 стр.

Ботды о сохраненіи здоровья и лѣченіи болѣзней. Составилъ по разнымъ источникамъ Н. В. Успенскій. 8 д. л. 219 стр.

Л. К. Поновъ. *Жизнь какъ искусство.* 8 д. л. 249 стр.

Къ вопросу о трупныхъ пятнахъ и дифференціальной диагностикѣ прижизненныхъ и посмертныхъ ссадинъ и странгуляціонной бороздки. Гистологическое изслѣдованіе. Диссертація на степень доктора медицины, Николая Каладичскаго.

Развитіе и происхожденіе органовъ чувствъ профессора Э. Геккеля. Переводъ подъ редакціей Э. К. Брадта 41 стр. 8 д. л.

1847—1892. *Въ память 35лѣтняго юбилея профессора В. Грубера.* Два его портрета, наружный видъ стараго анатомическаго института Военной Медико-Хирургической Академіи и внутренній видъ этого института.

Жизнебудитель Баунштейда. Новый способъ лѣчить всѣ болѣзни безъ помощи врача. Изд. второе. 83 стр. 16 д. л.

Къ патологической анатоміи тичниковъ. Диссертація на степень доктора медицины Степана Коляго. 35 ст. 8 д. л.

Фармацевтический Указатель А. Берггольца. 184 стр. 8 д. л.

Соотношеніе антагонистовъ мышцъ конечностей человѣческаго тѣла. Диссертація на степень доктора медицины Гоцифа Цурана. 72 стр. 8 д. л.

Основы исторіи развитія человѣка и высшихъ животныхъ. Для студентовъ и врачей. Альберта Кёлликера. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Э. Н. Заварыкина. 377 стр. 8 д. л.

Учебникъ патологической анатоміи проф. Н. П. Иванова. Выпускъ I. 160 стр. 8 д. л.

Учебникъ психіатріи составленный на основаніи клиническихъ наблюденій для практическихъ врачей и студентовъ Дг. Крафтъ-Эбингомъ. Переводъ съ нѣмецкаго Александра Черемшанскаго. Т. II 270 стр., т. III 227, 8 д. л.

Записки о дачной жизни въ городѣ Гансаль и о сообщеніяхъ его съ Петербургомъ. Съ подробнымъ планомъ города Гансаля. А. и П. Ше—ми. 18 стр. 8 д. л.

Хроническое отравленіе морфіемъ и лѣченіе посредствомъ постепеннаго отнятія морфія. Дг. С. Буркартъ. Переводъ

съ иѣмецкаго Е. Нечаевой, подъ редакціей доктора А. Д. Марсикаки. 8 д. л., 141 стр.

Къ вопросу объ отношеніи гладкой мышечной ткани къ развитію раковъ. Диссертация на степень доктора медицины, Степана Лепешинскаго. 16 д. л. 15 стр.

Объ измѣненіи жировой ткани при флегмонозномъ и иѣктерныхъ другихъ воспаленіяхъ. Диссертация на степень доктора медицины Павла Склифасовскаго. 8 д. л. 41 стр.

Атласъ анатомо-патологическихъ препаратовъ морскихъ госпиталей, издаваемый подъ наблюденіемъ флота генералъ-штабъ-доктора. Выпускъ IV. 30 стр. 2 д. л.

Медицинскія прибавленія къ Морскому Сборнику, издаваемые управленіемъ флота генералъ-штабъ-доктора. Выпускъ XXI. 8 д. л., 502 стр.

Курсъ хирургическихъ повязокъ, перевязокъ и механическихъ аппаратовъ. Десмургія и мехавургія. Руководство для студентовъ и врачей. Второе изд. Составилъ Др. И. Карпшевскій.

О силѣ удерживающихъ суставныя поверхности въ опорно-соединеніи. Диссертация на степень доктора медицины, А. И. Селицкаго. 8 д. л., 56 стр.

Определеніе количества питательныхъ веществъ въ наиболее употребительныхъ сортахъ рыбы. Диссертация на степень доктора медицины В. В. Полова. 8 д. л., 122 стр.

Справочная книжка по тактикѣ. Составилъ Н. Левицкій. Изд. 6е. 16 д. л. 327 стр.

Полный учебникъ для бригадныхъ учебныхъ командъ и батарейныхъ школъ. Составилъ полковникъ Свѣтлицкій, исправилъ по послѣднимъ приказамъ и циркулярамъ поручикъ К. Евдосимовъ. Изданіе второе. 16 д. л., 156 стр.

Очеркъ современнаго состоянія артиллеріи. Составилъ для пѣхотныхъ и кавалерійскихъ училищъ Н. Потоцкій. Съ 192 полигипажами въ текстѣ 218 стр. 8 д. л.

Руководство по военно-уголовнымъ законамъ для войсковыхъ учебныхъ командъ и унтеръ-офицеровъ трехъ родовъ оружія. Одобрено Главнымъ Комитетомъ по устройству и образованію войскъ. Составлено П. В. Ивановымъ. 30 стр. 16 д. л.

Русскій языкъ. Опытъ пракческаго учебника русской грамматикѣ. Этимологія въ образцахъ. Составилъ К. Ф. Петровъ. 8 д. л. 112 стр.

Упроценный учебникъ русской грамматики, въ связи съ практическими упражненіями. Составилъ А. Семеновъ, привѣнительно къ учебному плану. Выпускъ первый. Изд. 2е, исправленное, 38 стр. 8 д. л.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ практическаго курса нѣмецкаго языка Э. Керковиуса. 68 стр. 16 д. л.

Учебникъ естествознанія для среднихъ и высшихъ техническихъ училищъ. *Ботаника*. Составилъ В. Э. Иверсенъ. 35 стр. и 68 стр. 8 д. л.

Руководство къ изученію латинскаго языка для первыхъ трехъ классовъ гимназій и духовныхъ училищъ. Составилъ И. Я. Сигъ, Выпускъ I. 2е исправл. изд, 8 д. л., ССХХ.

Исслѣдованіе современнаго состоянія овцеводства въ Россіи. Выпускъ I. Овцеводство въ верхне-волжскомъ районѣ, въ северныхъ и среднихъ нечерноземныхъ губерніяхъ. Изданіе Министерства Государственныхъ Имуществъ. 4 д. л. 84 стр., 25 стр.

Книга для любителей грибовъ. Практическое руководство къ опредѣленію съѣдобныхъ и несъѣдобныхъ грибовъ. Съ 34 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго М. Меліоранскаго. 144 стр. 16 д. л.

Записки къ программѣ изслѣдованія народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губерніи. 40 стр. 16 д. л.

Практическіе совѣты по разведенію наиболѣе распространенныхъ кормовыхъ травъ и злаковъ на поляхъ и лугахъ. И. Кабештова. 173 стр. 8 д. л.

Сборникъ правительственныхъ распоряженій по казачьимъ войскамъ. Т. VII, Часть II. Съ 1 іюля по 31 декабря 1881. Изданіе главнаго управленія казачьихъ войскъ. 8 д. л. 452 стр.

Практика С.-Петербургскаго коммерческаго суда за 1878 и 1879 годы. 16 д. л. 416 стр.

Матеріалы для исторіи бывшаго Дворянскаго Полка до переименованія его въ Константиновское военное училище. 1807 — 1859. Очеркъ. Составилъ М. Гольмдорфъ. 196 стр. 8 д. л.

Обзоръ учебныхъ техническихъ заведеній въ Германіи и Австріи. По порученію постоянной коммисіи по техническому образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ, составилъ Н. Г. Дебольскій. 232 стр. 8 д. л.

Устройство архивовъ существующихъ судебныхъ учрежденій по системѣ Н. Тихменева. Часть I. 50 стр. 8 д. л.

Исправительные приюты и колонии въ Россіи. Дмитрія Тальберга. 63 стр. 8 д. л.

Статистическій сборникъ Министерства Путей Сообщенія. Выпускъ шестой. Свѣдѣнія о движеніи товаровъ по желѣзнымъ и внутреннимъ воднымъ путямъ сообщеній въ 1878 и о прибытіи и объ отправленіи товаровъ по р. Невѣ и желѣзнымъ дорогамъ въ С.-Петербургѣ въ 1879 и 1880, разработанныя статистическимъ отдѣломъ Министерства Путей Сообщенія. Изданіе Министерства Путей Сообщенія. 4 д. л.

О напряженіи эласта при прерывчатомъ намагничиваніи. И. Бормана. 74 стр. 8 д. л.

Статистическія свѣдѣнія о движеніи товаровъ по С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дорогѣ. 907 стр. 8 д. л.

О напряженіи въ савонныхъ ослахъ и о степени безомасности этихъ последнихъ для движенія. Инженеръ-технологъ А. Ягодзинскаго. Съ таблицей чертежей. 33 стр. 8 д. л.

Новый пробирный уставъ Высочайше утвержденный 9 февраля 1882 года. 46 стр. 16 д. л.

Извлеченіе изъ отчета Кенигсбергской купеческой управы о торговлѣ и судоходствѣ. Кенигсбергъ въ 1880 году 55 стр. 8 д. л.

Современныя условія городскихъ конно-эластныхъ дорогъ. В. А. Невьягера. 103 стр. 8 д. л.

Календарь для духовенства на 1882 годъ. Бесплатное приложеніе къ газетѣ *Церковно-Общественный Вѣстникъ*. 296 стр. 8 д. л.

Списокъ свиты Его Императорскаго Величества. Генералъ-адъютанты, генералъ-майоры и флигель-адъютанты. По старшинству для назначенія къ 1 январю 1882 г. 47 стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ напечатаны:

Краткій очеркъ 25-лѣтія царствованія Императора Александра II. Изд. 3е, 16 стр. 8 д. л.

Слова и рѣчи архимандрита Григорія. Изд. 2е исправленное и дополненное. 100 стр. 8 д. л.

Краткій курсъ теории словесности. Составилъ А. Павловъ. 52 стр. 8 д. л.

Библиографическіе матеріалы, собранныя Андреемъ Половымъ. Повѣсть о разореніи Московскаго государства всея Россійскія земли. 64 стр. 8 д. л.

Историческія замѣтки о Бѣжецкомъ верхѣ XVII и XVIII вѣковъ. Нула Полова. 74 стр. 8 д. л.

Сказки про kota да про лису. Редакція сказки Д. М. Тихомирова. Картинки художника Н. А. Мартыцова. 9 стр. 4 д. л.
Блѣлочка. Разказъ Андре Терье. Переводъ съ французск. М. Ч. Для старшаго возраста, 76 стр. 16 д. л.

Элементарная теорія наибольшаго и наименьшаго значений (maxima et minima). Съ примѣрами, задачами и рѣшеніями ихъ. Дополненіе къ курсу начальной математики. Сост. А. Баллаевъ. 110 стр. + 38. 8 д. л.

Русская типо-литографированная арестоматія для чтенія въ приготовительныхъ и первыхъ классахъ гимназій. Сост. О. Г. Подоба. 224 стр. 8 д. л.

Дневной прозъ Оберона. Волшебная сказка для дѣтей. Съ картинками. 12 стр. 4 д. л.

Родная Млота. Чтеніе для дѣтей А. В. Щелкиной. Изд. 2е. 178 стр. 8 д. л.

Маленькія дѣталь. Разказы для дѣтей отъ 4 до 6 лѣтъ съ рисунками. Изд. 5е М. Ергомыской. 80 стр. 8 д. л.

Руководство къ ариметикѣ. Ариметика цѣлыхъ чиселъ. Сост. Н. В. Вугаевъ. Изд. 4е. 148 стр. 8 д. л.

Приключенія маленькаго графа. Разказъ для дѣтей Уда. Перев. А. В. Архангельской. 8 д. л. 54 стр.

Золотой Мальчикъ и Царевичъ-Козляночекъ. Двѣ сказки для дѣтей. Съ картинками. 4 д. л. 12 стр.

Разорванное Гнѣздо. Разказъ для дѣтей А. Слизницкаго. Съ пятью рисунками. 8 д. л. 102 стр.

Родной Бѣтъ. I. Сама. Дѣтскій разказъ съ тремя картин. Изданіе О. Бучиной, С. Фидлеръ и К°. 8 д. л. 52 стр.

Азбуки чтенія. Составилъ для сельскихъ школъ учитель И. О. Жирковъ. 8 д. л. 18 стр.

Уроки постепеннаго чтенія по звуковому слобобу. Сост. В. Виноградовъ. 16 д. л. 16 стр.

Кому на Москвѣ жить хорошо. Въ стихахъ. 156 стр. 16 д. л.
Отъ нечего дѣлать. Разказы, очерки, піесы, повелы и шутки. Барона I. Галкиа. 266 стр. 16 д. л.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изд. 8е, исправл. и дополн. подъ редакціей П. А. Ефремова. Томъ 4й. Изданіе О. И. Анскаго. 492 стр. 8 д. л.

Милости хочу, а не жертвы. Разказъ для народа. Соч. В. К. Туренина. Изданіе Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ. 56 стр. 8 д. л.

Любитъ такъ... Комедія въ 3хъ дѣйств. Сочин. А. Ш. и В. К. 33 стр. 8 д. л.

Проект организации учебной помощи в России. Доктора медицины Д. С. Трифоновского. 8 д. л. 28 стр.

Учебник клинической и оперативной хирургии. Дра. Э. Альберта. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей В. И. Кузьмина. Выпуски XIII, XIV и XV, стр. 121—288, 8 д. л.

Основы народной культуры и мѣры къ ея улучшенію въ Россіи. И. А. Снебута. Второе вновь переработанное изданіе. Т. I. Часть первая. 8 д. л.

О возведеніи неогараняемыхъ сельскихъ построекъ. 76 стр. 16 д. л.

Учебное заведеніе для взрослыхъ дѣтей въ Москвѣ. Составилъ И. О. Блокъ. 24 стр. 16 д. л.

Очерки малкаго народнаго кредита. Выпускъ I. Сберегательныя кассы. А. Мудровъ. 63 стр. 8 д. л.

Въ Кіевѣ напечатанъ:

Элементарный учебникъ общаго уголовного права съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовного законодательства. Часть общая. Второе исправленное и значительно дополненное изданіе. Ординарнаго профессора университета Св. Владиміра А. Э. Кастаксовскаго. 8 д. л., 930 стр.

Въ Варшавѣ изданы:

Практическая наука чистописанія по механическому методу. По способу литографіи Копрада и Таубе въ Неуроде. 8 д. л.

Къ вопросу о жирно-желтыхъ тѣльцахъ на стѣнкахъ кровеносныхъ сосудовъ головного мозга при бѣшенствѣ собакъ. Диссертация на степень магистра ветеринарныхъ наукъ. Иг. Э. Гавскаго. 33 стр. 8 д. л.

Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ до измѣненій ихъ государственнаго устройства въ XIV и XV вѣкахъ. Соч. Владиміра Дьячана. 192 стр. 8 д. л.

Патолого-анатомическія изслѣдованія околоушной и подчелюстной железъ послѣ перевязки ихъ выводныхъ протоковъ. Диссертация на степень магистра ветеринарныхъ наукъ. Генриха Котлубая. 45 стр. 8 д. л.

Въ Казани изданы:

И. Чирихинъ. *О вѣксовой правоспособности.* 8 д. л. 39 стр.

О всеословной волости Н. В. Рейнгардта. 8 д. л. 31 стр.

Разсужденіе о разложеніи въ ряды функцій отъ корней уравненій и о вѣкоторыхъ формулахъ приближенія. В. П. Максимовича. 4 д. л. 52 стр.

- *Курсъ рисованія*. Составилъ Г. Филиппусъ. 8 д. л.
Дорожникъ Казанскаго уѣзда, составленъ въ 1881 году.
 Изданіе Казанскаго уѣзднаго земства. 4 д. л. 45 стр.

Въ Саратовѣ напечатана:

Діетическая поваренная книга для здоровыхъ и больныхъ.
 Доктора медицины Иосифа Вила. Переводъ съ четвертаго нѣ-
 мецкаго изданія: Изд. Д. Котюхова. 326 стр. 8 д. л.

Въ Ирбитѣ напечатано: *Волостной Судъ*. Руководство для
 волостныхъ судей. 111 стр. 16 д. л.

Въ Ростовѣ-на-Дону напечатана брошюра: *Краткій обзоръ*
 Кавказскихъ минеральныхъ водъ гор. Пятигорска. Составл.
 А. И. Дулимовымъ. 32 стр. 8 д. л.

Въ Ярославѣ напечатана: *Историческая записка о Яро-*
славской гимназій. Составлена директоромъ гимназій И. М.
 Зювниковымъ. 66 стр. 8 д. л.

Въ Пензѣ напечатано: *Столичный бѣсъ*, повѣсть въ сти-
 хахъ и собраніе стихотвореній А. М. Краевского. 64 стр. 8 д. л.

ЗАСѢДАНІЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ОБЩЕСТВА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

17 апрѣля 1881.

Въ минувшемъ году, 17 апрѣля, въ день рожденія въ Божѣ почившаго Императора Александра Николаевича, подъ живымъ впечатлѣніемъ страшнаго событія, С.-Петербургское отдѣленіе Общества Классической Филологіи и Педагогикѣ имѣло засѣданіе, посвященное памяти незабвеннаго Монарха. На засѣданіе это собралось человекъ до 80 членовъ Общества и стороннихъ лицъ изъ числа наставниковъ петербургскихъ гимназій и прогимназій. Предъ началомъ засѣданія была совершена панихида. По открытіи засѣданія предсѣдатель Общества А. И. Георгіевскій взошелъ на кафедру и произнесъ рѣчь, которая сообщается въ саѣдѣ за симъ *in extenso*. *

* Отчетъ о засѣданіи не былъ опубликованъ своевременно и появляется только черезъ годъ по обстоятельствамъ независшимъ отъ Общества и его предсѣдателя. *Ред.*

Милостивые государи, Общество Классической Филологіи и педагогики постановило первое засѣданіе свое посвятить памяти въ Божѣ почившаго Царя-Мученика и назначило для этого приснопамятный день Его рожденія. 62 года сряду этотъ день 17 апрѣля былъ днемъ радости и торжества для цѣлой Россіи, а нынѣ онъ становится днемъ скорби объ утратѣ того Государа, котораго не переставеть чтить Россія и все Славянство какъ истиннаго своего благодѣтеля и весь образованный міръ какъ истиннаго друга челоѣчества. „Могилою великихъ людей“, говорилъ некогда Периклъ надъ останками павшихъ въ бою воиновъ (Фукидидъ, II, 43),—„могилою великихъ людей служить весь міръ, и память ихъ сохраняется не только въ родной землѣ надгробными памятниками, но и за ея предѣлами, не будучи записанною, живетъ болѣе въ помыслахъ всѣхъ и каждаго чѣмъ въ созданіяхъ рукъ челоѣческихъ“. И дѣйствительно, великія дѣянія Императора Александра II будутъ вѣчно жить въ памяти не только Его народа, но и всего образованнаго челоѣчества. Забудется ли когда-нибудь что Онъ даровалъ свободу милліонамъ своихъ подданныхъ, что Онъ призвалъ всѣхъ ихъ къ новой и лучшей жизни, что Онъ снялъ съ русской мысли и русскаго слова таготѣвшія на нихъ оковы предварительной цензуры, что Онъ размножилъ разсадники образованія всѣхъ видовъ и именованій какъ никто изъ Его предшественниковъ, что Онъ не щада самого себя и забывавъ о собственныхъ трудахъ, лишеніяхъ и опасностяхъ предпринялъ и совершилъ нѣсколько было возможно освобожденіе славянскихъ населеній Балканскаго полуострова и постояннымъ сочувствіемъ облегчалъ участь всѣхъ Славянъ, забудется ли также что Онъ неоднократно личнымъ своимъ участіемъ сохранялъ благодѣнія мира всему челоѣчеству?

Но между всѣми этими дѣяніями есть одинъ царственный подвигъ, величіе котораго по самому существу дѣла неже сознается современниками и можетъ быть вполнѣ оцѣнено только потомствомъ. Тому, чье рожденіе привѣтствовалъ лѣтъ, бывший въ послѣдствіи Его воспитателемъ, пожеланіемъ: „Да на челѣдъ высокой не забудеть святѣйшаго изъ званій челоѣкъ!“ Императору Александру II, челоѣколюбивѣйшему и милостивѣйшему изъ всѣхъ монарховъ, было суждено Божественнымъ Промысломъ впервые создать и взлелѣять

на русской землѣ ту истинно-европейскую школу, которая посвящена гуманизму, классическому образованію, равнообразно и гармонически развивающему все лучшія стороны человеческого духа.

Величіе и слава этого царственнаго Его дѣянія уяснятся, когда мы выйдемъ, при какихъ обстоятельствахъ оно было совершено и какія благодѣтельные послѣдствія оно должно имѣть для всей дальнейшей будущности Россіи если только мы сумѣемъ достойно воспользоваться всеми плодами его.

Начатки классическаго образованія у насъ въ Россіи относятся, какъ извѣстно, ко времени управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія графа Уварова: въ гимназіяхъ его времени латинскій языкъ былъ поставленъ довольно твердо, но греческій языкъ преподавался только для желающихъ и то лишь въ 47 изъ существовавшихъ тогда 74 гимназій. Благодаря однакоже особымъ преимуществамъ установленнымъ за его изученіе, въ желающихъ не было недостатка; не было поэтому недостатка и въ поступающихъ на историко-филологическіе факультеты и въ учителяхъ для гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Но въ 1849 году и началъ пятидесятыхъ годовъ, вмѣсто дальнѣйшаго развитія и упроченія классическаго образованія, нашей ученой школѣ былъ нанесенъ рядъ тяжелыхъ ударовъ: число студентовъ каждаго университета было ограничено комплектомъ въ 300 человекъ и въ связи съ этимъ греческій языкъ былъ вовсе изгнанъ изъ гимназій (за исключеніемъ лишь пяти), преподаваніе латинскаго языка сохранено лишь на одномъ изъ трехъ отдѣленій на которыя распались наши гимназіи въ высшихъ своихъ четырехъ классахъ и начало его отнесено къ IV классу, съ назначеніемъ на него вообще во всехъ классахъ самаго ничтожнаго числа уроковъ. Весь этотъ погромъ нашей ученой школы, слѣдствіе самыхъ прискорбныхъ недоразумѣній и случайностей, въ свою очередь имѣлъ пагубныя послѣдствія, вліяніе которыхъ чувствуется и до сихъ поръ какъ въ области науки и литературы, такъ и въ сферѣ собственно учебной, проявляясь преимущественно въ недостаткѣ преподавателей. Такое крайнее разстройство всей нашей учебной системы грозило намъ совершенною несостоятельностью, полнымъ банкротствомъ во всей сферѣ умственнаго образованія. Отъ этой опасности Россія была

спасена Императоромъ Александромъ II: въ 1864 году было начато, а въ 1871 довершено преобразование нашей школы на испытанныхъ вѣками и оправданныхъ опытомъ всѣхъ образованныхъ народовъ началахъ.

Это было дѣломъ величайшей трудности, точно такъ же какъ и величайшей важности. Не забудемъ въ какомъ видѣ дѣло это предстало еще въ 1871 году на Высочайшее разрѣшеніе. Довольно значительнымъ большинствомъ голосовъ въ высшемъ учрежденіи Имперіи было предположено: 1) ввести преподаваніе латинскаго языка въ реальныя училища, но только для желающихъ; 2) открыть таковымъ воспитанникамъ реальныя училища доступъ на факультеты физико-математическій и медицинскій и 3) преобразовать въ такіа училища половину всѣхъ существующихъ у насъ гимназій. Еслибы всѣ эти предположенія были одобрены покойнымъ Государемъ, что стало бы тогда съ нашимъ учебно-воспитательнымъ дѣломъ и въ какомъ безвыходномъ положеніи очутилось бы тогда наше умственное и научное образованіе! Половина губерній была бы лишена учебныхъ заведеній которыя равномерно готовятъ ко всѣмъ факультетамъ; родители были бы вынуждены съ 10лѣтняго возраста уже обречать своихъ дѣтей, вопреки быть-можетъ природнымъ ихъ наклонностямъ и истинному ихъ призванію, на то чтобъ они становились непременно или медиками, или математиками, или натуралистами, начались бы нескончаемыя домогательства чтобъ изъ тѣхъ же реальныя училищъ съ малою дозою латинскаго языка былъ открытъ доступъ и на юридическій факультетъ, а когда эти домогательства увѣнчались бы успѣхомъ, тогда возникли бы новыя относительно преобразования настоящихъ гимназій въ такіа же реальныя училища, и въ концѣ-концовъ настоящая ученая школа классическая исчезла бы съ лица Русской земли и замѣнилась бы учебными заведениями „sans nom et sans honneur“, которыя были уже извѣданы нами послѣ погрома 1849 и начала пятидесятихъ годовъ и которыя привели Россію къ почти полному умственному банкротству. Отъ этихъ крайнихъ и столь нежданно возникшихъ опасностей Россія была спасена единственно державнымъ словомъ своего великаго монарха Императора Александра II, который 19 іюня 1871 года повелѣлъ: 1) не допускать окончившихъ курсъ въ реальныя

училищахъ ни въ одинъ изъ факультетовъ университета и 2) не превращать существующихъ классическихъ гимназій въ реальныя училища.

Это былъ поистинѣ великій моментъ для русскаго просвѣщенія, для грядущихъ судебъ Россіи, да и всей современной цивилизаціи. Въ этотъ моментъ полагалось начало самостоятельному и плодотворному развитію науки въ Россіи, предлагался вѣрный и надежный путь къ достиженію высокаго уровня современной цивилизаціи, 90милліонный народъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, послѣ многихъ и продолжительныхъ колебаній, окончательно приобщался къ жизни всего образованнаго человечества съ тѣмъ чтобы мало-помалу стать самостоятельнымъ и производителемъ его членомъ и тѣмъ исполнить высокое свое призваніе въ обихъ частяхъ Стараго Свѣта, въ Европѣ и въ Азіи.

Прошло почти цѣлое тысячелѣтіе съ тѣхъ поръ какъ Россія просвѣщена свѣтомъ Христова ученія, почти двѣсти лѣтъ какъ она вошла въ постоянное общеніе съ Западною Европою и отъ нея стала заимствовать свѣтское образованіе, и тѣмъ не менѣе ни одна изъ многочисленныхъ отраслей науки не пустила въ ней своихъ корней и не имѣла самостоятельнаго существованія, и мы до сихъ поръ не вышли изъ ученическихъ отношеній и въ этомъ дѣлѣ къ Западу. Причина заключается отнюдь не въ недостаткѣ природныхъ способностей или умственной энергіи, а единственно въ недостаткѣ настоящей, правильной школы, которою такъ уже давно и такъ справедливо гордится Западная Европа, которая равномерно развиваетъ всѣ способности человѣческаго духа и равномерно подготавливаетъ ко всѣмъ наукамъ какъ міра вѣшняго, такъ и міра нравственнаго. Безъ такой подготовки, безъ такого развитія, не владея всѣми началами и основами научнаго образованія, очевидно нельзя быть самостоятельнымъ дѣятелемъ ни въ одной наукѣ. Всѣ науки имѣютъ свои глубокіе корни только въ ученой классической школѣ, а безъ нея могутъ появляться въ странѣ только въ видѣ побѣговъ съ чужа.

И эта-то школа намъ дарована милостью и мудростью нашего Царя-Освободителя, освободителя не отъ одной физической, но и умственной неволи, въ которой мы доселѣ пребывали и изъ которой несомнѣнно выйдемъ коль скоро

открывать, созрѣвать и приносить всѣ плоды свои насажденная имъ классическая школа.

Безъ этой школы можно держаться лишь на поверхности, но отяудь нельзя проникать во глубину вообще современной цивилизаціи, ибо тотъ только можетъ дѣйствительно глубоко усвоить ее себѣ кто успѣетъ овладѣть всеми основными ея элементами, а эти элементы—христианство и классическій міръ древнихъ Грековъ и Римлянъ, и на этихъ основахъ возрасло образованіе романо-германское и византийское или греко-славянское. Классическій міръ, это общеевропейская или лучше сказать общечеловѣческая историческая почва на которой возникла и развилась вся современная цивилизація. Народъ непринимательный къ классическому образованію, не стоящій на этой общеевропейской исторической почвѣ, не можетъ быть именованъ европейскимъ народомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть полноправнымъ, самостоятельнымъ и производительнымъ членомъ образованнаго человечества. И вотъ почему насажденіе Императоромъ Александромъ II общеевропейской классической школы въ Россіи есть великая и безсмертная Его заслуга не предъ одною только Россіей, но и предъ цѣлымъ образованнымъ человечествомъ, къ которому онъ такимъ образомъ приобщилъ своей могучій 90милліонный народъ, отнявши имѣющій въ своей школѣ всѣ условія для самостоятельнаго и плодотворнаго служенія высшимъ цѣлямъ общечеловѣческой цивилизаціи.

И какъ заботливо лелѣлъ и съ какою непреклонною твердостью охранялъ это свое насажденіе незабвенный Монархъ, усматривая въ немъ вѣрнѣшій залогъ умственнаго и нравственнаго благоосостоянія и преуспѣянна дорогахъ ему Россіи. Въ сознаніи великой важности этого дѣла и дабы сколь можно болѣе упрочить его въ будущемъ, Императору Александру II благоугодно было призвать къ ближайшему въ немъ участию въ качествѣ члена особаго присутствія Государственнаго Совѣта для разсмотрѣнія всѣхъ подробностей устава классической школы Государя Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора Александра Александровича, имя Котораго первое красуется въ ряду именъ тѣхъ членовъ которые жадали усвоить Россіи всѣ блага правильно устроенной классической школы.

Въ виду крайняго недостатка въ свѣдущихъ учителяхъ древнихъ языковъ и большихъ затрудненій на первыхъ же порахъ приготовить ихъ въ самой Россіи, Императоръ Александръ II изъ собственныхъ суммъ своихъ не переставалъ съ 1867 года удѣлять Министерству Народнаго Просвѣщенія ежегодно до 15.000 рублей на вызовъ и подготовку въ русскомъ языкѣ для нашихъ гимназій и прогимназій уже готовыхъ преподавателей-филологовъ изъ числа западныхъ Славянъ, и это личное пожертвованіе покойнаго Государя на пользу насаждаемой имъ въ Россіи классической школы принесло обильные и въ высшей степени благотворные плоды: Россія приобрѣла этимъ путемъ до двухъ сотъ свѣдущихъ преподавателей-филологовъ, вкладѣ преданныхъ своему долгу и благу Россіи наставниковъ, которые много содѣйствовали успѣху учебной реформы 1871 года и безъ которыхъ она или осталась бы на бумагахъ, или замедлилась бы на очень долгое время. Въ то же время и для той же цѣли былъ созданъ, на средства Государственнаго Казначейства, С.-Петербургскій Историко-Филологическій Институтъ, а въ послѣдствіи подобный же институтъ въ Нѣжинѣ и русская филологическая семинарія при Лейпцигскомъ Университетѣ.

Но ни одно великое историческое дѣло не можетъ обойтись безъ противоборства. И наша классическая школа на первыхъ же порахъ должна была считаться со своими тѣмъ болѣе многочисленными противниками, чѣмъ менѣе сосредоточены наши учебныя заведенія даже одного и того же рода въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ. Не малая опасность грозила еще только насаждаемой и не окрѣпшей новой школѣ со стороны военно-медицинскаго вѣдомства, которое въ 1872 и 1873 годахъ успѣло было открыть въ подвѣдомую ему Медико-Хирургическую Академію доступъ молодымъ людямъ еще не доучившимся цѣлаго года въ гимназіяхъ и не получившимъ аттестатовъ зрѣлости. Это былъ великій соблазнъ для учащагося въ гимназіяхъ юношества преждевременно покидать школу, обходить ея требованія на выпускныхъ экзаменахъ и безъ всякаго экзамена вступать въ Академію, а изъ нея переходить на медицинскіе и даже другіе факультеты университетовъ. Восьмой годъ ученія въ гимназіяхъ фактически былъ бы упраздненъ, и высшій ихъ классъ дѣйствительно былъ бы приведенъ къ отсутствію. Но и эта

опасность была отражена отъ вновь созданной имъ школы самимъ Державнымъ ея Устроителемъ. Ему лично благоугодно было удостовѣриться, дѣйствительно ли такое нарушение устава 1871 года вызывается необходимостью, крайне ограниченнымъ будто бы числомъ вновь поступающихъ студентовъ-медиковъ, и когда этой необходимости вовсе не оказалось, и управляющій въ то время Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія статсъ-секретарь Деляновъ представилъ какими неудобствами можетъ сопровождаться для гимназій это нарушение ихъ устава, то покойному Государю благоугодно было, 5 октября 1873 года, въ Ливадіи, собственноручно написать на докладѣ по этому предмету слѣдующія достопамятныя слова: „Вполнѣ раздѣляю мнѣние статсъ-секретаря Делянова. Льготу дарованную въ прошломъ году и продолженную на нынѣшній *прекратите непременно съ будущаго года.* Не кончившимъ же полнаго гимназическаго курса студентамъ Медико-Хирургической Академіи воспретить мнѣ же переходъ въ Университеты“.

На какой высотѣ воззрѣній вообще на дѣло народнаго просвѣщенія стоялъ въ Божѣ почившій Императоръ Александръ II, можно видѣть изъ Высочайшаго Его рескрипта на имя бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія графа Д. А. Толстаго, отъ 25 декабря 1873 года. Вотъ этотъ достопамятный рескриптъ, который займетъ высокое мѣсто въ лѣтописяхъ нашего отечественнаго просвѣщенія:

„Въ постоянныхъ заботахъ Моихъ о благѣ Моего народа, Я обращаю особенное Мое вниманіе на дѣло народнаго просвѣщенія, видя въ немъ движущую силу всякаго успѣха и утвержденіе тѣхъ нравственныхъ основъ на которыхъ зиждутся государства. Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитію народнаго образованія въ Россіи, Я утвердилъ въ 1871 и 72 годахъ составленные, согласно съ такими Моими видами, уставы среднихъ учебныхъ заведеній вѣрнанаго вамъ вѣдомства, подлежащихъ давать вполнѣ основательное общее образованіе юношеству готовящемуся къ занятіямъ высшими науками, а не предвзначающихъ себя къ онымъ — приспособлять къ полезной практической дѣятельности. Заботясь равно о томъ чтобы свѣтъ благаго просвѣщенія распространялся во всѣхъ слояхъ населенія, Я повелѣлъ учредить учительскіе институты и семинаріи для

приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ самыя училища эти должны получить указанное имъ правильное устройство и развитіе, сообразно съ потребностями времени и замышляемымъ въ настоящую пору повсемѣстно въ Имперіи стремленіемъ къ образованію. Я надѣюсь что ожидаемое вслѣдствіе сего значительное размноженіе народныхъ училищъ распространитъ въ населеніяхъ, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумнѣе божественныхъ истинъ ученія Христова, съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга.

„Но достиженіе цѣли, для блага народа столь важной, надлежитъ предусмотрительно обезпечить. То что въ предвѣщаніяхъ Моихъ должно служить къ истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, могло бы, при недостаткѣ полезнаго наблюденія, быть обращено въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже обнаружены въ некоторыхъ попыткахъ, и отклонить его отъ тѣхъ вѣрованій подъ стѣною коихъ въ теченіе вѣковъ собиралась, крѣпла и возвеличивалась Россія.

„Какъ лицо призванное Моимъ довѣріемъ къ осуществленію Моихъ предвѣщаній по части народнаго просвѣщенія вы усугубите всегда отличавшее васъ рвеніе къ тому чтобы положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Согласно съ симъ, Я вмѣляю въ непремѣнную обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать вамъ въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе.“

Далѣе слѣдуетъ призывъ дворянства и особенно его руководителей стать на стражѣ начальной народной школы согласно съ вышеприведенными указаніями.

Итакъ, по мысли въ Божѣ почившаго Государя, народное просвѣщеніе представляетъ собою движущую силу всякаго успѣха. Одною изъ главнѣйшихъ его задачъ должно быть утвержденіе тѣхъ нравственныхъ основъ на которыхъ зиждутся государства. Съ необыкновенною ясностью и силой въ столь краткомъ и торжественномъ актѣ Верховной Власти указаны особыя задачи гимназій, реальныхъ и начальныхъ народныхъ училищъ: гимназій должны давать вполне основательное общее образованіе юношеству, подготовляя его къ занятіямъ высшими науками; реальныхъ училища,

существомъ для лицъ не предназначенныхъ себя къ такимъ занятіямъ, должны приспособлять ихъ къ полезной практической дѣятельности; начальныя народныя училища должны распространять въ народѣ грамотность, а главнѣйше—ясное разумнѣе Божественныхъ истинъ ученія Христова и воспитывать въ немъ живое и дѣятельное чувство нравственности и гражданскаго долга. Начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія должны лежать въ основѣ общественнаго воспитанія, и школа на всѣхъ степеняхъ ея должна быть ограждена, посредствомъ поощрительнаго наблюденія, отъ всякой попытки отклонять вѣренныя ей молодыя поколѣнія отъ тѣхъ вѣрованій подъ сѣнью коихъ въ теченіе вѣковъ собиралась, крѣпла и возвеличивалась Россія. Не есть ли все это священныя завѣты нашего Царя-Освободителя всѣмъ руководителямъ, двигателямъ и дѣятелямъ нашего народнаго просвѣщенія,—завѣты, который мы всѣ обязаны свято чтить и хранить въ мѣру нашихъ силъ и назначеннаго намъ круга дѣятельности? Не есть ли это теперь болѣе чѣмъ когда-либо обязательная для всѣхъ насъ программа всей дальнѣйшей нашей дѣятельности?

Хотя основательность ученія была торжественно признана въ этомъ актѣ какъ одна изъ основъ общественнаго воспитанія, тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ сферахъ и въ извѣстной части нашей печати она не переставала встрѣчать себѣ противоборство. Разумно-твердые учебные и воспитательные порядки, установленные въ нашихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, вызывали противъ себя даже такія нареканія что они будто бы ведутъ къ олуствію высшихъ ихъ классовъ и къ усилению шайки нигилистовъ выбывающими изъ гимназій и прогимназій недоучками. Въ Божѣ почившій Государь не разъ и самъ лично чрезъ посѣщеніе московскихъ и петербургскихъ гимназій, и чрезъ разспросы представлявшихся ему попечителей учебныхъ округовъ, удостоившаяся въ совершенной несправедливости всѣхъ подобныхъ нареканій. Всѣ попытки поколебать установленную Имъ систему основательнаго и плодотворнаго ученія оказывались безсильными предъ Его яснымъ разумнѣемъ дѣла и твердымъ сознаниемъ Своего долга относительно даннаго Ему Богомъ народа. Изъ устъ самого Монарха, въ незабвенный для меня день 23 сентября 1879 года, я имѣлъ счастье слышать подтвержденіе моего мнѣнія что гимназіи наши,

благодаря уставу 1871 года и даннымъ въ развитіе его правиламъ, поставлены на вѣрный и добрый путь. Но Его высоко заботили тѣ нестроения и та безурядица которыя все еще продолжаютъ господствовать въ нашихъ университетахъ. Главныя начала по которымъ должно было совершиться преобразование нашихъ университетовъ были Высочайше одобрены еще въ декабрь 1874 года; эти начала были положены въ основу проекта устава университетовъ, внесеннаго въ Государственный Совѣтъ бывшимъ министромъ Народнаго Просвѣщенія 6 февраля 1880 года, и тѣмъ не менѣ эта столь неотложно необходимая реформа не состоялась въ Его царствованіе (это было лишь слѣдствіемъ самыхъ прискорбныхъ случайностей), хотя она и была бы вполне достойнымъ и необходимымъ завершеніемъ и упроченіемъ учебной реформы 1871 года, ибо дѣло среднихъ учебныхъ заведеній не можетъ считаться обезлеченнымъ пока университеты лишены возможности вести и довершать его надлежащимъ образомъ и въ свою очередь давать имъ вполне свѣдущихъ и достойныхъ преподавателей по всѣмъ отраслямъ знанія. Будемъ твердо надѣяться что наши университеты въ непродолжительномъ времени будутъ наконецъ поставлены въ условія вполне благопріятныя для ихъ процвѣтанія и для самостоятельнаго и плодотворнаго развитія наукъ и научнаго образованія въ нашемъ отечествѣ.

Указывая учебнымъ заведеніямъ что они въ основу общественнаго воспитанія должны полагать начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія, что они должны распространять въ народѣ разумніе Божественныхъ истинъ ученія Христова и воспитывать живое и дѣятельное чувство нравственнаго и гражданскаго долга и тѣмъ содѣйствовать утвержденію тѣхъ нравственныхъ основъ на которыхъ зиждутся государства и тѣхъ вѣрованій подъ сѣнью коихъ собиралась, крѣпла и возвеличивалась Россія, въ Божѣ почившій Великій Монархъ ясно сознавалъ однакоже что въ этомъ великомъ дѣлѣ, для полнаго его успѣха, совершенно необходимо содѣйствіе школъ со стороны самой семьи, самихъ родителей. 20 ноября 1879 года, на другой день послѣ злодѣйской попытки взорвать Царскій поѣздъ на Московско-Курской желѣзной дорогѣ, въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ, покойный Государь, отвѣчая собравшимся во множествѣ вѣрнымъ своимъ подданнымъ на ихъ поздравленія съ чудес-

нымъ спасеніемъ драгоценной Его жизни, произнесъ ниже-сѣдующія достопамятные слова: „Въ заботахъ о Россіи Я отдалъ Себя въ руки Провидѣнія, и Господь хранитъ Меня; но крамола должна быть искоренена. Я обращаюсь къ вамъ и ко всѣмъ благомыслящимъ людямъ для уничтоженія зла лустившаго корни. Я обращаюсь къ родителямъ: ведите своихъ дѣтей по пути истины и добра чтобы приготовить изъ нихъ полезныхъ дѣателей, истинныхъ гражданъ Россіи.“ Да! одной заботы учебныхъ заведеній, особенно для приходящихъ, не достаточно для того чтобы вести дѣтей по пути истины и добра и приготовить изъ нихъ полезныхъ дѣателей, истинныхъ гражданъ Россіи: необходима еще непрестанная о томъ забота самихъ родителей, самой семьи и, следовательно, всего общества. Неужели же и въ виду мученической кончины лучшаго изъ монарховъ, этотъ завѣтъ Его: вести дѣтей по пути истины и добра и готовить изъ нихъ полезныхъ дѣателей, истинныхъ гражданъ Россіи,—не будетъ всѣми и каждымъ принятъ къ сердцу какъ святыня и ни въ чемъ не измѣнитъ столь распространенаго у насъ легкомысленнаго отношенія къ руководству и воспитанію дѣтей въ вѣдрахъ семейства? Но мнѣ кажется, сверхъ того, что и сама школа, особенно же ученая школа, какъ гимназіи и прогимназіи, могла бы своими болѣе строгими и осмотрительными условіями для приѣма, своими болѣе строгими учебными и воспитательными порядками, несравненно сильнѣе чѣмъ нынѣ воздѣйствовать на самихъ родителей чтобы они вели своихъ дѣтей и до и послѣ отдачи ихъ въ школу, какъ завѣщаль имъ Царь-Освободитель и Обновитель Россіи, мученически погибшій отъ руки злодѣевъ.

Возстановляя въ своемъ сознаніи и великія дѣянія въ Божѣ почившаго Монарха, и его столь кроткій, всегда милостивый, человеколюбивый образъ, мы не можемъ не сказать что своею жизнію, своими царственными заботами, трудами и подвигами Онъ осуществилъ вполнѣ тѣ желанія которыя выразилъ поэтъ на день Его рожденія:

Да славнаго участникъ славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудетъ
 Святѣйшаго изъ званій: человекъ!
 Жить для вѣковъ въ величій народомъ,
 Для блага всѣхъ свое позабывать,
 Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
 Съ смиреніемъ для свои читать.

Не исполнилось ли первое изъ пожеланій поэта на день Его рожденія: „Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ“! О! еслибъ оно исполнилось, сердце великодушнаго Монарха не сокрушалось бы непрерывно, почти во все продолженіе Его царствованія, развитіемъ и проявленіемъ гнуснѣйшей изъ крамоль, драгоцѣнной жизни Его не былъ бы положенъ столь безвременный и столь ужасный конецъ, и Русская земля была бы спасена отъ тяготящаго на ней теперь позора, отъ котораго она не умѣла себя достаточно оградить и уберечь! Въ виду этой кончины Царя-Освободителя и Обновителя Россіи дадимъ же себѣ священный и непреложный обѣтъ уплатить весь нашъ долгъ Цареманку Его престола и Его великихъ дѣяній и предачертаній; дадимъ обѣтъ нашими самоотверженными и непрестанными, нашими соединенными и дружными усиліями содѣйствовать восстановленію чести нашего вѣка, чести нашей страны, чести нашей школы, на которую прежде всего направляются происки злодѣевъ, враговъ русскаго имени!

Рѣчь была выслушана съ большимъ сочувствіемъ присутствовавшими, и конецъ ея вызвалъ громкія и продолжительныя рукоплесканія.

Затѣмъ произнесена была членомъ Филологическаго Общества И. О. Фоковымъ рѣчь о значеніи у насъ классической реформы. Указавъ на то что уже давно обособились два направленія общественнаго воспитанія, реальное и классическое, ораторъ указалъ на то что этому обособленію придаютъ значеніе вражды. „Мы, говоритъ И. О. Фоковъ, слышимъ что у насъ среднее образованіе должно быть вполнѣ европейское и однакожь во всѣхъ частностяхъ этого общаго положенія рекомендуется вниманію не обычное и законное въ Европѣ, а преимущественно то что встрѣчается тамъ какъ преходящее явленіе или безрезультатное изъятіе; демонстративно излагается и комментируется не тотъ фактъ что въ Англіи или Германіи единственно учеными школами признаются классическія гимназіи, а требуются радикальныя измѣненія нашихъ гимназій на томъ основаніи что гдѣ-нибудь въ Германіи или Англіи являюся по временамъ статейки враждебныя классической школѣ.“

Нужды вѣтъ что одновременно съ этими статьями пишутся тамъ же сотни другихъ разсужденій прямо противоположныхъ первымъ, что въ богатыхъ литературахъ и логически умѣстны всяческія толкованія дѣйствительно господствующихъ учрежденій. Впрочемъ, не въ обвиненіе кого-нибудь, а только въ собственное оправданіе можно сказать что требованія и задачи проектируемаго у насъ реализма вообще мало понятны. Одни лоборники реализма совѣтуютъ, напри- мѣръ, совсѣмъ упразднить преподаваніе классическихъ языковъ въ гимназіяхъ и замѣнить ихъ множествомъ другихъ предметовъ. Но эти господа, обыкновенно подозрѣвающіе за вышѣшними гимназіями порокъ зубренія, не желаютъ понять того что именно многопредметность бременитъ память и напрасно тревожитъ развивающійся умъ, что погодя за разнообразными свѣдѣніями есть смерть для всякаго методически-трезваго размышленія, которое долж- но подвигаться впередъ осмотрительно и сосредоточенно, а слѣдовательно и медленно, не развлекаясь пестрою, а слѣ- довательно и малою отчетливостью матеріала. Собира- тель знаній не самъ мыслитель: послѣдній цѣнитъ основа- тельнѣе и яснѣе, а первый увлекается бѣглыми замѣчаніями, диковинно рѣдкостными случаями и самыми послѣдними въ данное время открытіями. Страдая ложнымъ аппетитомъ онъ не успѣваетъ претворять въ себя поглощаемую имъ пи- щу—отсюда разстройство воображенія и болѣзненное само- мнѣніе. Другіе защитники реального направленія не такъ суровы въ своихъ приговорахъ къ классицизму; они готовы даже терпѣть его присутствіе въ среднеучебной программѣ, но только въ сокращенномъ видѣ и не во всѣхъ классахъ гимназій, предлагаютъ, не взирая на практику первенствующихъ странъ Европы, выбросить изъ грамматическаго курса, напри- мѣръ, исключенія, уничтожить письменныя упражненія, сократить штатъ читаемыхъ авторовъ и т. д. Но ка- кого же плодотворнаго роста въ правѣ мы ожидать отъ та- кого насажденія безъ сучьевъ, корней и удобной почвы? Не будетъ ли подобный аморфный классицизмъ только случай- ной прибавкой къ кучѣ тѣхъ безжизненныхъ обрывковъ ко- торыми желали бы засыпать общеобразовательныя училища вышеупомянутые цѣнители школь?*

Указывая на то печальное явленіе что домашнее воспита-

ніе не гармонируетъ у насъ со школьнымъ и считая необходимымъ ихъ единеніе въ достиженіи общихъ воспитательныхъ цѣлей ораторъ говорилъ:

„Необходимость этого чувствуется особенно теперь, когда жестокими и почти непрерывными ударами укрѣпляется въ насъ то убѣжденіе что надо учиться правильно и отчетливо, въ послушаніи закону и властямъ, въ трудѣ и преданности отечеству, и что только въ такомъ воспитаніи открывается осмысленное единеніе науки съ жизнью. Прилежно отстраняя своихъ питомцевъ отъ безвременнаго участія въ событіяхъ государства, гимназіи имѣютъ полную возможность укоренять въ юношахъ то убѣжденіе что ихъ благополучіе и слава всецѣло зависятъ отъ благосостоянія государства, что эти убѣжденія издревле обязательны и знамениты, освящены кровію многихъ знаменитыхъ людей и возвеличены ламатниками и нашей славной исторіи. Не продолжая ошибокъ начальнаго воспитанія, гимназіи главными своими предметами всегда и вездѣ умѣли вызывать и возвышать благородныя настроенія, давать здоровую пищу такому нравственному совершенствованію, которое радушно благословляется святымъ и нерушимымъ авторитетомъ христіанской церкви. На почвѣ классической древности открылись источники дѣйствительной цивилизаціи и идеаловъ челоѣческаго духа, отсюда разлились они безчисленными ручьями по тѣмъ странамъ которыя имѣютъ теперь правое и долге обуздывать и учить, такъ-сказать еще не орошенныхъ классицизмомъ обитателей земли. И только нѣкоторое недомысліе можетъ называть языкъ Цицерона, Платона или Гомера языками мертвыми. Школы съ античными языками суть мѣста дѣйствительнаго упражненія всѣхъ силъ юношескаго духа, расадники той свободы, съ которою въ послѣдствіи ихъ питомцы будутъ имѣть удобную возможность и сознательно выбрать себѣ родъ научной дѣятельности и видѣть полезность средствъ къ надлежащему изученію предмета, не будутъ носиться съ послѣдними словами науки, не зная первыхъ или что то же азбучныхъ истинъ всякаго разумія. Навыкъ углубляться и всесторонне воспринимать возвышенныя по содержанію и изящныя по формѣ истины избавить молодой умъ отъ того зазорнаго критицизма который не зная еще что такое значить хорошенько

ловать и выслушать требуетъ уже себя внимательныхъ и безропотныхъ слушателей. Для молодого ума особенно пригодны общія разсужденія древнихъ о правахъ, законахъ и обязанностяхъ человѣка, такъ какъ во времена древнихъ трактаты обыкновенно слагались не въ тиши уединенныхъ кабинетовъ, не въ обязательную очистку *muneris professorii*, не изъ желанія космополитическихъ одобреній, не слышно и не по модѣ послѣдняго журнала. Выдержавшія тысячелѣтнія пробы, не затерявшіяся въ массѣ послѣдующихъ произведеній человеческого ума, разъясненныя и оцененныя самыми отборными умами всѣхъ образованныхъ странъ, эти творенія какъ бы навсегда предложены разумнѣю, примирая уже со школьной скамьи разныя національности въ правильномъ пониманіи самыхъ существенныхъ человѣческихъ свойствъ.“

Характеризуя благотворное вліяніе изученія классическихъ языковъ на умственное развитіе учащихся, г. Фоксъ указалъ на то что „оно только даетъ основательную подготовку къ высшему научному образованію, спасаетъ отъ порока многознанія и поверхностности, даетъ устоячивость и прилежаніе и такую нравственную выправку нравственному характеру которая открываетъ человѣку возможность опредѣлить самому свое будущее призваніе въ дѣлѣ дальнѣйшаго образованія.“

Въ заключеніе ораторъ высказался о патріотизмѣ въ томъ возвышенномъ смыслѣ этого слова, въ которомъ всегда употребляется оно у греческихъ и римскихъ писателей.

„Въ періодъ процвѣтанія самостоятельныхъ древнихъ государствъ, юноши, особенно граждански полноправнаго происхожденія, подлежали самому неослабному и до мелочности суровому надзору. Руководители и наставники обществъ гордащихся своею свободой узаконили и прославляли дисциплину школы. Безусловное подчиненіе законамъ государства составляло завѣтную мечту ихъ педагоговъ; самое легкое порицаніе государственныхъ постановленій въ присутствіи молодыхъ людей считалось возмутительно безчестнымъ преступленіемъ, такъ какъ общественное преуспѣяніе зависитъ, по убѣжденію классическихъ моралистовъ, не столько отъ безупречнаго совершенства законовъ сколько отъ нравственнаго преклоненія всѣхъ гражданъ предъ величіемъ законодательнаго авторитета.“

И вотъ изъ горнила школы выходили у нихъ такіе люди изъ которыхъ почти каждый считался способнымъ стать во главѣ государства, лебороть убедительнымъ словомъ самыя хитрыя нападенія на достоинство родины, или сейчасъ же по требованію обстоятельствъ занять послѣднее мѣсто въ рядахъ защитниковъ отечества, какъ бы ни опасенъ и какъ бы ни скромнѣе былъ указываемый ему постъ. А у современныхъ намъ Англичанъ развѣ школа выолушиваетъ резонерство учениковъ? Вѣдь и тамъ юности безотвѣтныя исполнители всѣхъ требованій училища, и чисто безусловное послушаніе закону и властямъ аттестуется какъ высшее проявленіе укрѣпляющагося ума и характера. Страшное дѣло! Никто однакожь такъ настойчиво не считаетъ себя общимъ законодателемъ, никто съ такою гордыней не говоритъ о своихъ правахъ и своей свободѣ, никто такъ не оригиналенъ въ своихъ поступкахъ и наукѣ какъ Британецъ, подготавливаемый, или, съ нашей точки зрѣнія, совсѣмъ не подготовленный къ жизни своими старинными, противящимися всякой новизнѣ классическими школами.“

Послѣ рѣчи г. Фокова, принятой всѣми сочувственно, должно было слѣдовать чтеніе рѣчи профессора А. Д. Вейсмана; но чтеніе это, въ виду поздняго времени, не могло состояться, тѣмъ болѣе что самъ профессоръ по болѣзни не могъ явиться на засѣданіе. Изъ сообщеннаго намъ текста этой рѣчи видно что профессоръ Вейсманъ главнымъ образомъ останавливается на объясненіи той тайной и явной вражды которая преслѣдовала образованную покойнымъ Государемъ классическую школу. Этой школѣ приписывались едва ли не всѣ бѣдствія Россіи, и развращеніе юношества, и размноженіе недоучекъ и университетскіе беспорядки и въ самомъ снисходительномъ случаѣ ее упрекали въ бесполезности и несовременности, въ обремененіи учащихся знаніями мертвыми и непригодными для жизни. Указавъ на полнѣйшую неосновательность этой вражды противъ классической школы, профессоръ Вейсманъ перечисляетъ всѣ ея преимущества предъ школами реальными и техническими. „Классическая школа, говоритъ онъ, есть школа наиболѣе опредѣленная какъ въ цѣломъ такъ и въ частностяхъ, какъ въ принципахъ такъ и въ средствахъ своихъ и вполнѣ соответствуетъ тому идеалу общеобразовательнаго заведенія который выработанъ долгою педагогическою теоріей и практикой. Она

не имѣеть въ виду дать готовые свѣдѣнія которыя каждый могъ бы тотчасъ примѣнить къ практической жизни, но стремится прежде всего дать то что должно предшествовать спеціальнымъ занятіямъ и практическимъ профессіямъ, а именно общее образованіе, состоящее въ наибольшемъ развитіи духовныхъ способностей и въ укорененіи общихъ и главнѣйшихъ знаній и нравственныхъ представленій. Девизъ классической школы есть девизъ истинной педагогики: сначала общее образованіе, потомъ уже спеціальное. Поэтому классическая школа въ Западной Европѣ считается наилучшею подготовительною школою для университета и разсадникомъ общечеловѣческаго или гуманистическаго образованія. Реальная школа не можетъ замѣнить классической, такъ какъ она служитъ практическимъ интересамъ, а потому должна заботиться болѣе о сообщеніи разныхъ практическихъ свѣдѣній чѣмъ объ общемъ образованіи. Сами реалисты сознають этотъ недостатокъ своей школы и желая ей придать общеобразовательный характеръ, обращаются къ тѣмъ предметамъ которые лежатъ въ основѣ классической школы, то-есть усиливають преподаваніе отечественнаго языка и литературы и вводятъ (какъ, напримѣръ, въ Германіи) преподаваніе латинскаго языка. Но вводя эти общеобразовательные предметы, они не могутъ отвести для нихъ первенствующее мѣсто и потому не могутъ достигнуть тѣхъ результатовъ какихъ достигаетъ классическая школа. И вотъ противъ этой-то общеобразовательной школы возстала наша *оппозиционная* печать какъ противъ чего-то новаго, чужеземнаго и для насъ непригоднаго. Еслибъ эта борьба противъ классической школы держалась только на почвѣ принциповъ, на почвѣ педагогической и научной, она могла бы принести свою долю пользы, какъ вообще приноситъ пользу всякое объективное, спокойное и научное изслѣдованіе предмета. Но, къ сожалѣнію, борьба эта велась такимъ способомъ который повредилъ не столько классической системѣ сколько вообще всему учащемуся юношеству. Что въ самомъ дѣлѣ хорошаго могли внушить этому юношеству постоянныя живыя отавы о бесполезности и обременительности гимназическаго ученія, безпрестанныя глумленія надъ требованіями школы и вѣчная брань направленная противъ ея дѣателей и руководителей? Могли ли учащіеся сохранить охоту къ ученію и вообще уваженіе къ школѣ, безъ котораго немислимо ея доброе дѣйствіе? Вся

эта борьба, которая велась въ духѣ злобы и раздраженія, не столько изъ-за дѣла сколько изъ-за личностей, только подрывала всякое серьезное ученіе и всякую серьезную дисциплину въ нашей школѣ. И нужно было разразиться страшному удару надъ Россіей чтобы лорциатели и хулители въ-сколько приумолкли и образумились и обратились къ тому же юношеству, которое они якобы защищали отъ притѣсненій и несправедливостей школы, съ тѣмъ совѣтомъ съ которыми постоянно слѣдовало бы обращаться къ нему—съ совѣтомъ учиться и учиться.“

Рѣчь профессора Вейсмана заключается пожеланіемъ, чтобы подобная борьба не повторялась и чтобы школа нашла себѣ поддержку и въ семьѣ, и въ обществѣ, и въ печати. „Только при такомъ условіи школа наша въ состояніи будетъ воспитать для отечества хорошихъ и полезныхъ гражданъ и исполнить заветную мысль незабвеннаго Государя, желавшаго для Россіи счастливаго и мирнаго развитія.“

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМАГО.

М А Р Т Ъ.

Стр.

✓ Въѣ колеи. Романъ. Часть вторая. Гл. I—VIII. <i>К. Орловскаго</i>	5
Путевыя записки поклонницы Св. Гроба Господня. Б.	78
✓ Дядя проотчалъ. Семейное преданіе. <i>Графа Головицска-Кутузова</i>	117
✓ Тропарскій воевода. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, (Фабуда взята изъ народнаго даматскаго преданія). <i>Д. В. Аверкіева</i>	140
Архимандритъ Пимень настоятель Никола-Угрѣнскаго монастыря. Биографическій очеркъ (1810—1880). <i>Д. Б.</i>	211
Сербскія мелодіи. Стихотворенія. <i>Александра Орлова</i> ...	275
Ахалъ-Текинцы. <i>И. Ю. Поповича-Липовца</i>	278
✓ Злой духъ. Романъ. Часть вторая. Гл. XXXIX—XLIV. <i>В. Г. Аветикова</i>	300
✓ По поводу <i>Княгини Лиговской</i> , впервые изданнаго произведенія Лермонтова. <i>П. А. Висковатого</i>	333
✓ Романъ изъ эпохи освобожденія крестьянъ. <i>П. К. Щербальскаго</i>	350
Новости литературы: I <i>Семейство Разумовскихъ</i> . А. Васильчикова. Томъ III. P.—II. <i>Нефтяные источники Брадфорда (въ Сѣверной Америкѣ) и его окрестностей</i> . Инженеръ-технологъ Гулишамбаровъ.—III. <i>Путешествіе А. Э. Норденшильда вокругъ Европы и Азии на пароходѣ „Вега“ въ 1878—1880 году</i> , выпуски 5 и 6. Изданіе В. И. Валениуса.—IV. <i>Легочная чахотка и южный берегъ Крыма какъ климатолѣчебная мѣстность</i> Др. Корсакова.—V. <i>Завоеваніе Ахалъ-Теги</i> . Очерки изъ послѣдней экспедиціи Скобелева. А. Маслова.—VI. <i>Путешествіе въ Западную Сибирь</i> Др. О. Фивша и А. Брема. 3.—VII. Книжныя новости	384

	Стр.
Земельный вопросъ въ Уфимской губерніи. <i>П. П. Шрам-ченка</i>	449
Предсмертная исповѣдь. <i>Т. Тольмисовой</i>	534 ✓
Внѣ колеи. Романъ. Часть вторая. Гл. IX — XV. <i>К. Орловскаго</i>	613 ✓
Путевыя записки покловащицы Святаго Гроба Госло- дья <i>Б.</i>	671
Что такое крестьянскій кредитъ. <i>К. Ѳ. Головина</i>	701
Наши беллетристы-народники. <i>П. К. Щербальскаго</i>	727 ✓
Четыре стихотворенія. <i>Кн. Д. Н. Цертелева</i>	753
Какія вредныя послѣдствія имѣють для насъ процент- ныя государственныя займы. <i>Н. Р.</i>	755
<i>Гамлетъ</i> , его постановка и переводы. <i>П. П. Гиндича</i> ...	774 ✓
Божій Отрокъ. Мертвое Море. Серенада. Стихотворе- нія. <i>К. Р.</i>	801
Клубъ анархистовъ въ Лондонѣ. <i>Н.</i>	808
Новости литературы. I. <i>Исторія русской церкви</i> высоко- преосвященнаго Макарія. Томъ XI. <i>Н.—П. Ло- ринъ</i> . Романъ графа П. А. Валуева. LX.—III. <i>Си- бирь какъ колонія</i> . <i>Н. М. Ядринцева</i> .—IV. Пере- водная медицинская литература.—V. <i>Телефоны</i> . <i>Г. Писаревскаго</i> . 3.—VI. <i>Исторія Реформации</i> . <i>Гейссера</i> . ***.—VII. Книжныя новости.....	832
Засѣданіе С.-Петербургскаго отдѣленія Общества Класси- ческой Филологіи и Педагогикѣ 17 апрѣля 1881 года	889

При семъ № прилагается для всѣхъ подлщиковъ особое
объявленіе отъ Комитора Англійскаго Агентства А. Д. ШТУМ-
МЕРЪ въ Москвѣ.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ. Романъ Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго, изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНИИ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Автона Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Брайдонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВЪРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сень-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албана Фовбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текствѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

APR 5 - 1956

